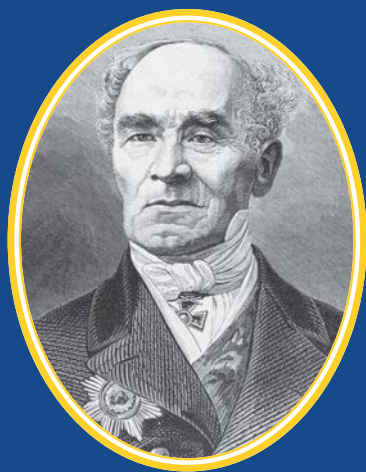
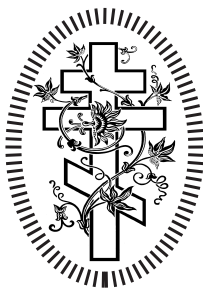

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН

ДРЕВНОСТИ
И СОКРОВИЩА
РОССИЙСКИЕ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Повесть Временных Лет	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Св. Иосиф Волоцкий	Вельтман А. Ф.	Трубецкой Е. Н.
Москва – Третий Рим	Аскоченский В. И.	Ушинский К. Д.
Иван Грозный	Беляев И. Д.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Филиппов Т. И.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Гиляров-Платонов Н. П.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Страхов Н. Н.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Данилевский Н. Я.	Флоровский Г. В.
митр. Платон (Левшин)	Достоевский Ф. М.	Ильин И. А.
Ростопчин Ф. В.	Игнатий (Брянчанинов)	Нилус С. А.
Уваров С. С.	Феофан Затворник	Меньшиков М. О.
Магницкий М. Л.	Одоевский В. Ф.	Говоруха-Отрок Ю. Н.
Пушкин А. С.	Григорьев А. А.	Митр. Антоний Храповицкий
Гоголь Н. В.	Мещерский В. П.	Поселянин Е. Н.
Тютчев Ф. И.	Катков М. Н.	Солоневич И. Л.
Св. Серафим Саровский	Леонтьев К. Н.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Шишков А. С.	Победоносцев К. П.	Башилов Б.
Муравьев А. Н.	Фадеев Р. А.	Концевич И. М.
Киреевский И. В.	Киреев А. А.	Зеньковский В. В.
Хомяков А. С.	Черняев М. Г.	Митр. Иоанн (Снычев)
Аксаков И. С.	Ламанский В. И.	Белов В. И.
Аксаков К. С.	Астафьев П. Е.	Лобанов М. П.
Самарин Ю. Ф.	Св. Иоанн Кронштадтский	Распутин В. Г.
Валуев Д. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Шафаревич И. Р.
Черкасский В. А.	Тихомиров Л. А.	Кожин В. В.
Гильфердинг А. Ф.	Суворин А. С.	Панарин А. С.
Кошелев А. И.		
Кавелин К. Д.		

АЛЕКСАНДР ВЕЛЬТМАН

**ДРЕВНОСТИ
И СОКРОВИЩА
РОССИЙСКИЕ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2015**

УДК 233+24+254.2+7(47)+72+882(091)+94(35+363+367+398+4+47)

ББК 63.3(2)+63.529(4)+83.3(2Рос)+85.113(2)+86.3

В 28

Вельтман А. Ф.

В 28 Древности и сокровища российские / Сост., предисл., примеч. П. В. Тулаев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 1152 с.

В книге впервые после 150-летнего перерыва публикуются произведения выдающегося русского писателя и историка Александра Фомича Вельтмана (1800–1870). В книгу включены труды по истории России и русской словесности, исследуются достопамятности Московского Кремля, Оружейной палаты, Большого Кремлевского дворца, храмов и монастырей Святой Руси. Вельтман в духе славянофилов, с любовью и теплотой изображает великое прошлое России, восхищается патриархальной стариной русской цивилизации, создавшей Российскую империю.

ISBN 978-5-4261-0135-7

© Институт русской цивилизации, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Фомич Вельтман (1800–1870) – выдающийся историк, этнограф и писатель, признанный классик русской литературы, ее Золотого века. Будучи потомственным дворянином, он прошел за свою жизнь головокружительную карьеру: от военного картографа в чине адъютанта Генерального штаба и героя Русско-турецкой войны 1828–1829 годов до подполковника в отставке, члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук, действительного статского советника и директора Оружейной палаты Кремля.

Художественные романы Вельтмана («Приключения, почерпнутые из моря житейского»), мемуары («Странник», «Воспоминания о Бессарабии»), произведения историко-фантастического жанра («Кашей Бессмертный», «Святославич», «Александр Филиппович Македонский»), романтические поэмы и драмы («Ратибор Холмоградский», «Троян и Ангелица»), переводы («Песнь ополчению Игоря Святославича»), а также стихи, рассказы и повести были высоко оценены современниками, неоднократно переиздавалась. На основе исторического романа «Райна, королева Болгарская» в Софии была поставлена популярная пьеса, а по сюжету «Саломей» в Москве был снят одноименный телефильм.

Исключительно талантливый, энциклопедически образованный аристократ, красивый внешне и доброго по нраву, окружали такие же знаменитости, как и он сам: А. С. Пушкин, В. И. Даль, И. И. Срезневский, М. Н. Загошкин. Выдающийся просветитель и горячий патриот России, Вельтман издавал не только свои книги, но также литературный альманах «Картины света» (1836–1837), и некото-

рое время был главным редактором популярного журнала «Москвитянин» (1849).

Литературные критики начиная с В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова признали в Вельтмане глубокого мыслителя, мастера приключенческого жанра, виртуозного стилиста и новатора. Он считается автором первого в России детектива («Иоланда») и первого русского утопического романа («МММСДХLVIII год, рукопись Мартына Задека»), предтечей В. Ф. Одоевского и Ф. М. Достоевского.

Более сложной оказалась судьба научных исследований Александра Фомича. Первые его труды по истории – «О Господине Новгороде Великом» (1834); «Древние славянские собственные имена» (1840); «Достопамятности Московского Кремля» (1844) были доброжелательно восприняты высшим светом и читающей публикой. Выдающемуся русофилу была доверена подготовка нескольких томов престижнейшего издания «Древностей Российского государства» (1845–1853), красочно оформленного художником Ф. Г. Солнцевым. Вместе с тем наиболее зрелые труды А. Ф. Вельтмана, содержащие множество открытий и смелых гипотез – «Индо-германы, или сайване» (1856), «Аттила и Русь IV–V веков» (1858), «Исследования о свевах, гуннах и монголах» (М., 1856–1860) не были поняты его современниками. Гениального ученого, провидца и первопроходца обвинили в увлечении фантастикой, а после смерти – оклеветали.

Наш сборник, где впервые переизданы многие незаслуженно забытые академические труды А. Ф. Вельтмана, восстанавливает справедливость и приоритеты российской науки, открывая новые горизонты для исследователей XXI века.

Происхождение и образование

Православная семья Вельтманов имела шведские корни. Отец писателя Томас Вельдман (Weldman) при-

нял подданство Российской империи, получив имя Фома Федорович. Он был морским офицером и принимал участие во многих военных походах, в том числе под началом А. В. Суворова. В 1799 году Фома Федорович женился на Марии Петровне Колпаничевой, набожной дочери русского чиновника. 8(20) июля 1800 года в этом счастливом союзе родился сын Александр. Вельтманы жили очень скромно, и даже после увеличения семьи до шести человек доходы родителей выросли незначительно¹.

Любознательного и пылкого по характеру Александра отдали учиться в благородный пансион, где он изучал европейские языки, математику, географию, всемирную историю, литературу, а также музыку и танцы. Образование было добротным, но не очень глубоким. К одиннадцати годам у мальчика проявились творческие способности. Он самостоятельно принялся осваивать сочинения Ломоносова, Державина, Тредиаковского, Карамзина, пытаясь подражать классическим авторам в поэзии.

Война 1812 года опалила огнем испытаний всю Империю. Мальчику вместе с семьей пришлось бежать из Москвы под натиском армии Наполеона, стать свидетелем страшного пожара в столице. Под впечатлением от увиденного 12-летний Александр сочинил трагическую поэму «Пребывание французов в Москве». Она содержала потрясающие картины вынужденной эвакуации, политическую сатиру на Наполеона и его окружение, а главное – веру в силу русского народа и его неизбежную победу над оккупантами.

Результаты первой Отечественной войны общеизвестны. Перейдя в контрнаступление, армия Российской империи вместе с союзниками преследовала противника до самого Парижа, и в 1813 году царь Александр Благословенный торжественно въехал верхом на белом коне на Елисейские поля через Триумфальную арку. Освобожденная Европа подчинилась политической воле Священного

союза, заключенного в 1815 году между Россией, Австрией и Пруссией.

Образование в пансионе Александр Вельтман завершил благодаря покровительству графа Ф. В. Ростопчина, которому юный поэт посвятил свою патриотическую поэму. В 1816 году его приняли в Московское учебное заведение для колонновожатых, где готовили будущих военных инженеров, артиллеристов, топографов и чиновников Генерального штаба. В этом же году неожиданно умерла мать Мария Петровна, а отец Федор Фомич временно потерял работу. Чтобы материально помочь многодетной семье, Александр Вельтман написал и издал учебник «Начальные основания арифметики» (1817), поделившись заработком с родными.

Весьма символично, что первой книгой 16-летнего поэта стал именно труд по математике, которая стала одним из столпов его творчества. При этом в глубине души юноша мечтал стать литератором, сочинял стихи на самые различные темы и сформировал из них свой первый рукописный томик.

Военный картограф и поэт

В 1818 году Александр Вельтман был направлен через Тульчин и Кишинев для воинской службы в Бессарабию, где выполнял обязанности старшего адъютанта Генштаба по квартирмейстерской части, а также топографа, составителя карт с подробным описанием местности. Эта срочная командировка была вызвана причинами международного характера.

В начале XIX века народы Балканского полуострова активизировали борьбу за свою национальную независимость. Однако их собственных сил для военного противостояния с мощной Османской империей было недостаточно. Союзником славян в борьбе против мусульманского влады-

чества была православная Россия, которая сама перенесла многовековое монголо-татарское иго и имела огромный опыт войн против «Блистательной Порты».

Напомним основные походы и их даты: взятие Азова (1696), Прутский поход (1711), Русско-турецкие войны 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791 годов. После героического взятия Измаила (1790) под водительством непобедимого генерала Суворова логическим завершением кампаний XVIII века стал Ясский договор. Он закрепил за Россией ее владения в Северном Причерноморье, включая Крым, усилил политические позиции империи на Кавказе и Балканах.

Во время русско-турецкой кампании 1806–1812 годов было одержано несколько блистательных побед за Дунаем под руководством графа Каменского, графа Воронцова и генерала Кутузова. Адмирал Сенявин разгромил османский флот в Афонском сражении. Восставшие сербы при поддержке русского отряда взяли Белград и провозгласили национальную независимость. В конце концов османы вынуждены были подписать Бухарестский мирный договор (16 мая 1812 года). По нему в пределы Российской империи была включена Бессарабия, а Сербии предоставлялась внутренняя автономия².

Таким образом, Бессарабия стала нашей пограничной территорией, которую надо было тщательно изучить и описать с научной точностью. За проведенные топографические съемки, составление подробной военной карты и успешную службу Александр Вельтман был награжден бриллиантовым перстнем и орденом Анны III степени.

Революционные события в конце 1825 года, известные как «восстание декабристов», не прошли мимо внимания любознательного офицера. Он был осведомлен о намерениях Южного общества. В Кишиневе близко общался с такими его деятелями, как В. Ф. Раевский и М. Ф. Орлов, а в Тульчине узнал о программе Общества объединенных славян. Идеи социальной справедливости и мечты о свет-

лом будущем человечества получили отражение в произведениях поэта, но в политическом отношении Вельтман всегда оставался убежденным монархистом.

В 1826 году старший адъютант получает чин штабс-капитана Генерального штаба и назначается на должность начальника Исторического отделения Главной квартиры армии. Именно в это время им было написано небольшое по объему, но весьма важное по содержанию сочинение «Опыт о военной нравственности» (1826), которое открывает наш сборник.

«Всякий юноша первоначально должен воспитываться как человек, который посвящается военному состоянию, ибо это есть лучшее образование сердца, и разума, и тела, — утверждает молодой офицер. — Со временем развернувшиеся способности его склоняются на поприще, к которому предназначают его склонности. Если природа одарит его пылкой душою и деятельным организмом тела, он будет военным по склонности. Если он слишком чувствителен, слаб телом, но велик душою — он будет мирным, полезным гражданином. Если он слаб и телом и душою, тяжел для всего — обижен природою и собственным малодушием, — пусть живет в обществе как нуль, который сам по себе ничего не значит, но, поставленный подле единицы, увеличивает ничтожеством своим достоинство ее вдесятеро»³.

Уделяя особое внимание исторической географии, офицер Генерального штаба с увлечением показывал своим сослуживцам на карте, как Александр Великий с триумфом продвигался в Азию, как Ганнибал на пути из Африки в Италию прошел через леса Галлии и заснеженные Альпы и как князь Олег повесил свой победоносный щит на врата Царьграда.

В годы военной службы на юго-западных границах Империи Александр Вельтман углубился в специальные научные исследования, которые легли в основу его печатного труда «Начертание древней истории Бессарабии».

Бессарабия, расположенная между Прутом и Днестром, античной Фракией и Скифией, неоднократно завоевывалась различными племенами то с востока, то с севера, то с запада. Через эти земли проходила многочисленная армия персидского царя Дария. Здесь царь Филипп Македонский победил скифов, а его сын Александр разбил гетов. Здесь римский император Троян взял реванш над непокорными даками. Здесь в годы владычества Атиллы проходила гуннская конница.

В те времена за Дунаем появились и первые болгары, единоплеменники которых в VII веке пришли из Причерноморья на Балканы с армией хана Аспаруха. Заключив союз с антами и другими славянскими племенами, болгары противостояли мощи византийской империи. «Вслед за булгарами и славяне сбрасывают иго их [римлян]; и вскоре делаются известны во Фракии, в Мизии и даже в Пелопонезе», – пишет Вельтман. За болгарями последовали печенеги, а за ними – русские князья Олег, Игорь и Святослав, который стал жертвой вражды варягов и степных кочевников⁴.

Во времена первого Болгарского царства Бессарабия была одним из его воеводств. Когда Византия снова подчинила Мезию, именно из «Басараба» совершались попытки освободить ее, поскольку господарская династия Владиславлевичей происходила из болгарской царской фамилии. Эти династические связи сохранились до эпохи Османского ига, а юридическим языком в стране оставался реформированный староболгарский, по-нашему – церковнославянский.

«Начертание древней истории Бессарабии» Вельтмана вышло отдельным изданием в Москве в начале 1828 года с подробной картой, составленной профессиональным топографом, а также сводом выдержек из античных и средневековых авторов об этом регионе. Фрагменты из книги печатались в популярном журнале «Московский

телеграф» (1828, № 4). Среди благодарных читателей, оставивших о работе положительные отклики, был великий русский писатель Н. В. Гоголь⁵.

После начала греческой революции в 1827 году, целью которой было национальное освобождение от османского владычества, ситуация на Балканах резко обострилась. Европейские державы поддержали восстание в Греции. Соединенная эскадра России, Англии и Франции разгромила наступавший турецко-египетский флот.

В 1828 году русские войска форсировали Дунай и овладели Варной, а после зимовки перешли через Балканы и заняли Адрианополь. Вот как описывает участник событий Вельтман одно из наиболее драматичных сражений в своих воспоминаниях:

«Представьте себе, милые спутники мои, крепость Варну в том самом виде, в каком верная кисть живописца, циркуль и перо военного топографа могут вам ее представить на бумаге. Потом вообразите себе, что стены крепости унизаны 250 орудиями и 15-ю тысячами вооруженных с головы до ног турок; что каждый из них, в надежде на Аллаха и его пророка, пьет свой кофий, курит трубку и выпускает каждый день по несколько тучных зарядов за крепостную стену.

В то же самое время, добрые мои читатели, представьте себе, как русские полевые полки сжали своею грудью крепость. Как русская гвардия, цвет мужества, силы, здоровья и красоты русского народа, расположена на высотах, в шатрах с золотыми маковками. Как эскадра Черноморского флота, подобно огромному стаду гордых пеликанов, окружает и стесняет у берега турецкую Варнскую флотилию, подобно устрешенной рыбе... Но чтоб увенчать великое событие в летописях русской славы, – русские, вы знаете своего царя! – представьте себе его, изрекающего волю свою с адмиральского корабля “Парижа” и повелевающего разгромить непокорных.

Осадная артиллерия с вновь созданных укреплений под стенами Варны и со всех кораблей флота сыплет 70 тыс. ядер, бомб, гранат и ракет в осажденную крепость; разгромляет ограды и дома и вынуждает капитан-пашу просить о пощаде. Пощада дана. Варна арестована, и победа в летописях мира начертала: “Русский царь Николай покорил Варну”»⁶.

Чтобы не потерять проливы и Стамбул (Константинополь), мусульмане вынуждены были подписать мирный договор и пойти на большие уступки. По Адрианопольскому миру за Россией, помимо Крыма, присоединенного к Империи еще в годы царствования Екатерины Великой, было закреплено устье Дуная и Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти. Придунайские крепости были возвращены туркам, проливы Босфор и Дарданеллы остались под опекой мусульман, но отныне они стали свободными для продвижения русского торгового флота. Греции была предоставлена самостоятельность, Молдавия, Валахия и Сербия получили расширенную автономию, а болгары – право свободно эмигрировать в Россию⁷.

Свой служебный опыт в годы военной кампании 1828–1829 годов наш штабс-капитан обобщал в строго документальных «реляциях»: об осаде Шумлы, Силистрии и Варны. За проявленную отвагу в боях Вельтман был награжден орденом Святого Владимира IV степени.

Продолжительная воинская служба не состояла из одних только вооруженных столкновений с противником. Наоборот, большую часть времени поглощала рутинная работа в провинции по своей профессии и общение с подобными себе офицерами. В свободные часы писатель вел дневники, изучал историю Востока, музицировал, сочинял стихи («Этеон и Лаида», «Александр Великий», «Мегеммед», «Зороастр») и рассказы («Эскандер», «Радой», «Эмин», «Урсул»).

Период пребывания в Кишиневе был описан позже под названием «Воспоминания о Бессарабии». Они впервые были напечатаны в 1837 году, в связи с трагической гибелью А. С. Пушкина, с которым Александр Вельтман познакомился именно в Бессарабии во время ссылки поэта.

«Тогда в Пушкине было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постели и стрелял из пистолета в стену... Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город с карандашом и листом бумаги. По возвращении лист был исписан стихами, но из этого разбро-санного жемчуга он выбирал только крупный, не более десяти жемчужин; из них-то составлялись роскошные нити событий в поэмах “Кавказский пленник”, “Разбойники”, начало “Онегина” и мелкие произведения, напечатанные и ненапечатанные»⁸.

Пребывание Пушкина в Кишиневе стало событием только для русского круга, поскольку молдавский образованный класс не придавал большого значения человеку, сочинявшему «поэзии». Сам же Вельтман признает, что «если чудные звуки В. А. Жуковского породили во мне любовь к поэзии, то приезд Пушкина в Кишинев породил чувство ревности к музе».

В свою очередь, автор «Евгения Онегина» тоже сумел оценить образованность и художественный талант Вельтмана. По воспоминаниям И. П. Липранди, сослуживца Александра Федоровича, «он один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина». Два молодых гения неоднократно вступали в творческие беседы и споры, где Вельтман позволял себе высказывать поэту свои замечания⁹.

К прежним литературным опытам офицера прибавилась сатирическая поэма, посвященная местной знати и ее быту. Она начинается словами: «Простите, коль моей не-

стройной лиры глас прелестных петь красот и Кишинев дерзает...» и с юмором описывает целую галерею провинциальных типов.

Здесь, на веселых балах, званых ужинах и вечеринках, среди множества невест всех возрастов Александр Фомич встретил свою первую большую любовь. По иронии судьбы ею оказалась замужняя дама Екатерина Павловна Исупова. Покоренная романтической атмосферой поэзии и совместного музицирования, молодая красавица потеряла голову и уже была готова бежать вместе с возлюбленным в Крым. Но, когда дело дошло до развода с законным супругом, любовная драма стала постепенно утихать.

После поездки Вельтмана в Санкт-Петербург в 1830 году за новым служебным назначением время и расстояние постепенно успокоили пылкое сердце поэта. 22 января 1831 года он подал рапорт об отставке.

Литератор, историк и просветитель

Из Северной столицы Российской империи А. Ф. Вельтман вскоре перебрался в Москву, где решил полностью посвятить себя научной работе и литературе, «вдали от суеты сует, от тесноты людской и моря». Здесь же Александр Фомич обрел семейный уют. Его женой в 1832 году стала Анна Павловна Вейдель, троюродная сестра, родившая брату дочь Надежду.

Временно зарабатывая на жизнь в должности чиновника коммерческого суда, отставной офицер первым делом систематизировал и обобщил накопленные им за годы воинской службы записи и дневники. Чтобы объединить их в единое целое, он задумал роман необычного жанра под названием «Странник». Это было не привычное художественное произведение и не классические мемуары, а «Путешествие по генеральным картам», сочиненное музой поэта-топографа.

В начале XIX века жанр дневников путешественников и военнослужащих был очень популярным. Воспоминания участников Отечественной войны против Наполеона, таких как Ф. Н. Глинка и И. И. Лажечников, читались широкой публикой и обсуждались в аристократических салонах. Не остались без внимания Бессарабия и Балканы. В 1800 году П. И. Сумароков издал свое знаменитое «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии». Д. Н. Бантыш-Каменский опубликовал в 1810 году «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию». В. Г. Тепляков по итогам археологической экспедиции на Балканы издал «Отчет о разных памятниках древности, открытых и приобретенных в некоторых местах Болгарии и Румелии» (Одесса, 1829). Ю. И. Венелин написал свой труд «Древние и нынешние болгары» (1829), составленный на основе новых открытий и послуживший толчком для археографической экспедиции Императорской российской академии в 1830–1831 годах¹⁰.

Александр Вельтман учел этот опыт, но пошел своим путем, создав оригинальное по композиции, языку и стилю произведение. Автобиографический по сути роман включает описание природы Бессарабии, эпизоды из Балканской войны, философские и поэтические размышления. Он многообразен и многомерен, как уникальная душа его автора. По духу «Странник» напоминает «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и Григория Печорина, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Я жизни сей не раб презренный,
Я проводник того огня,
Который движет всей вселенной
И с неба льется на меня¹¹.

Эти строки оракула из стихотворения Вельтмана, вплетенного в общую ткань виртуального путешествия по

картам памяти, могли бы стать эпитафией к его жизненному пути.

Качественно изданный в советское время в серии «Литературные памятники» роман «Странник» (1832) прекрасно прокомментирован Юрием Михайловичем Акутиным, который называет книгу «энциклопедией бессарабской столичной и провинциальной жизни»¹².

От себя добавим, что художественно-поэтическое мировоззрение Вельмана не ограничивалось историческими и лирическими сюжетами. Оно имеет глубокие мифологические и философские корни. Вся Вселенная для мыслителя – это живой организм в образе Мысленной Девы, и вся Природа – божественный язык и пища для ума.

«Вселенная есть не что иное, как то прелестное, совершенное существо, та дочь вечности, с которой воображение срисовало все виды и образы мечты и которая носится в пространстве, одинокая, то грустная, то радостная, то грозная, то величественная, смотря по расположению духа того, кто о ней думает.

Сбросит ли с себя когда-нибудь эта красавица все блестящие, украшающие ее разноцветные солнцы и вечно-голубую, прозрачную одежду свою?»¹³

Небесная Дева, Дочь Вечности, является поэту в мистических снах – то в виде Утренней Зари, то в облике Афины, то в образе классической Эллады, наконец, в виде Ангела Хранителя и Софии – Премудрости Божией.

Московский период жизни Александра Вельмана озарен светом прекрасной Музы, дарящей ему новые идеи и художественные формы. Лучшие стихи («Беглец», «Древняя змея», «Пегас», «Пушкин», «Что отуманилась, зоренька ясная», «Так куда не обращаюсь» и многие другие) он собирает и публикует.

Увлечение поэзией и «чувство ревности к музе» вдохновляют писателя на перевод «Слова о полку Игореве», которое обсуждается знатоками русской словесности. Его

художественное переложение древней поэмы с подробными лингвистическими комментариями вышло в свет под названием «Слово об ополчении Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, на половцев в 1185 году». Сначала Вельтман хотел опубликовать свой перевод в «Современнике» А. С. Пушкина, но из-за задержки с выходом журнала отпечатал отдельную брошюру в 1833 году и послал ее на рецензию великому поэту. Пушкин высоко оценил литературный труд Вельтмана, однако слава его померкла в тени других гениев¹⁴.

К этому же периоду, по-видимому, относится обстоятельный очерк Александра Фомича «Начала русской словесности» (опубликован без года). В нем излагается история литературы: от священных гимнов богам, устной ведической традиции и эпоса различных народов – до античной классики и русских былин. Особое место Вельтман уделяет скандинавским сагам о Нибелунгах, часть которых («Voluspá») он перевел на русский язык. Здесь же автор приводит достаточно большую таблицу с параллелями из санскрита и русской речи, находя соответствия в глаголах, существительных, местоимениях, наречиях, предлогах и т.д. Его исследование свидетельствует о глубинном родстве славян и ариев.

История словесности осталась незавершенной, но она, помимо ценных замечаний и цитат, содержит общие выводы: «Если для человека необходима память о прошедшем, законы и правила для настоящего и мысль о будущем, то для народа столь же нужна литература, ибо в ней отражается вся жизнь народа: его дела, его понятия, его думы, желанья и надежды, радости и печали. Если человеку необходимо слово или способность передавать закон Бога, условия общества, свои мысли, чувства и дела другому; то и народу нужна та же способность, чтоб от поколения к поколению передавать завет, опыт и познания. Следовательно, литература в отношении к телу народному

есть неоспоримо голос прошедшего к настоящему и настоящего к будущему»¹⁵.

Ту же самую линию на поиск общих родовых корней индоевропейских народов Вельтман проводит в своем исследовании «Древние славянские собственные имена». Желание вникнуть в тайны ономастики рождает уникальный словарь. Коренными, чисто славянскими и одновременно нашими древнейшими именами он считает те, что сходны с прилагательными или наречиями. Например, добрый – Доброй, властный – Владо, живой – Живко, дорогой – Драго, милый – Милан, радостный – Радой. Такие прозвища особенно распространены у сербов и болгар. Древние славянские племена у поляков часто имеют окончание «мир»: Велимир, Болемир, Витомир. У русских популярно имя Владимир Владимирович. Эта очевидная самобытность родовой ономастики свидетельствует о том, что наши предки были коренными жителями Европы и искони населяли те регионы, где сейчас проживают германцы и туранцы¹⁶.

Знание индоевропейских и славянских истоков автору нужно было не из праздного любопытства. В конечном счете, ему хотелось узнать собственные корни и родную древность, которая занимала его более всего. Однако без общей картины античного мира такая задача была бы невыполнимой. Поэтому Александр Фомич отдается интеллектуальной страсти углубления в мировую память.

«Если б вы знали, как хитро влюбила меня глубокая древность в непостижимую красоту свою! – восклицает Вельтман. – Это таинственная дева, носящаяся посреди моря времени, это любовь, которая манит, влечет вас сквозь темные переходы веков. Только пламень мысли освещает их, и вы видите в очарованной пучине, как в мире снов, и древнее солнце Египта, и мерцающую луну Сирии, и хаос вселенной, и хаос первых понятий до восхода светлого разума, и богов-людей и людей-богов, и первое небо, и начальную жизнь народов, и простоту добра и зла.

Она ведет вас по кладбищу прошедшего, по остовам событий, и перед вами, как в день Воскресения, все восстает, все создается снова, все принимает образ своего существования, все начинает повторять свою жизнь и убеждать в своем бессмертии.

Прошедшее – слой земли, по которому течет жизнь всего настоящего; бездна, которую время тщетно засыпает костями человеческими; восток, от которого все стремится к западу!

Кто не тоскует о тебе? Кто не вспоминает прежнего и не любит его? И человечество тоскует о том времени, которое оно отжило, и оно бережет память о юности своей»¹⁷.

Этим многозначительным обращением наш автор открывает исторический очерк «О Господине Новгороде Великом» (1834), написанный одновременно со статьей «Варяги» (1834). В этой теме все ему дорого и близко: корни предков норманнского происхождения, путь «из варяг в греки», начала русской государственности. Вельтман, как обычно, исследует имена героев и богов, анализирует названия днепровских порогов, языческих капищ и частей Великого Новгорода. Вот храм Святой Софии и Детинец (так называли некогда Новгородский кремль), а вот Городище и Торговище. Кремль и торговую часть разделяет река Волхов, а соединяет их старинный каменный мост. Постепенно выстраивается ясная картина, которую автор дополняет планом-картой.

Топографически точное изображение Вельтмана сделано с подлинника на круглой деревянной доске XII века 19 дюймов в диаметре, найденной в иконостасе под чудотворною иконою Знамения Богородицы в новгородском Знаменском соборе. Оно относится ко времени осады крепости в 1170 году суздальскими князьями. Сотворенное иконописцами в греческом стиле изображение представляет приступ князя Андрея Боголюбского к Новгороду и

план битвы. Наш автор был первым, кто опубликовал эту забытую карту, тем самым обратив на нее внимание исторической науки¹⁸.

Пылкому воображению писателя было тесно в рамках строгой археологии, и он с увлечением стал развивать достоверные исторические сюжеты в приключенческие романы. Так появились его популярные книги «Кошей бесмертный (Былина старого времени)», «Рукопись Мартына Задека, или МММСДХLVIII год», «Светославич, вражий питомец (Диво времен Красного Солнца Владимира)», «Аленушка», «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский», «Эротида», «Неистовый Роланд», «Иоланда» и другие. Они были написаны и изданы в 1833–1837 годах, в уютной Москве, откуда распространялись по всей Империи, приумножая славу автора.

Литературные герои Вельтмана попадают в светские и любовные коллизии, встречаются с былинными и сказочными персонажами, путешествуют во времени, совершают экспедиции на Южный полюс, создают утопическое государство будущего (со столицей на Босфоре). Поскольку наше издание научное, мы не будем анализировать историческую фантастику, сколь талантливой она бы ни была.

В середине тридцатых годов Александр Вельтман задумал выпускать иллюстрированный журнал под названием «Картины Света». По сути это было подписное энциклопедическое издание, выходившее в виде ежегодного альманаха.

«Наш век любопытен, гонится за новостями, хочет все видеть, все знать. Эта жажда к познанию есть явный признак благодетельного просвещения, – пишет издатель в предисловии. – Дать истинное понятие о предметах, составляющих образование человека, – вот цель просвещения. Оно есть добрый посредник между людьми, мирит их друг с другом и с уставами общества, соединяет вза-

имными нуждами, отношениями, услугами, утешает порыв себялюбивых страстей, учит труду, учит терпению и спрашивает всех: что вам нужно?

В мире во всем избыток, говорит просвещение, всего достаточно для счастья каждого человека без исключения, но это богатство природы рассеяно, лежит без употребления. Чем я богат, того нет у другого, чем другой богат, того нет у меня.

Просвещение заботится о том, чтобы уравновесить довольствие каждого, искоренить бедность и жалобу на судьбу людей, пополнить повсюду недостатки, и вся его тайна основана на взаимном промене избытков; ибо в природе все на пользу»¹⁹.

Всего было опубликовано два тома «Картин Света» – в 1836 и 1837 годах, но их объем и тематическое многообразие поражает даже современное сознание. Более сотни статей, оригинальных и переводных, в каждом выпуске были разбиты на тематические разделы: «Рассказы и повествования», «Описания городов и стран», «Здания и строения», «Жизнеописания», «Обычаи и обряды», «Животные и растения», «Описание различных предметов». К тому же прилагались предсказания астрологов по месяцам и немалый список гравированных изображений. Читатели «Картин Света» путешествовали по Александрии, Венеции, Тибету или Московии времен царя Василия Иоанновича; читали описания Колизея, Вавилонской башни или Версальского дворца; становились свидетелями древних обрядов бога Вишну, иранских дервишей или рыцарских турниров; знакомились с биографиями Конфуция, Жанны Д'Арк или Кромвеля, рассматривали рисунки невиданных костюмов или музыкальных инструментов; читали захватывающие легенды из прошлого или переводы старинных произведений.

Дух просвещения здесь граничил с атмосферой приключений и забав, что значительно расширяло круг под-

писчиков. Цена – 15 рублей в год или 20 рублей с почтовой пересылкой – была доступна только для состоятельных людей, но, попадая в частные библиотеки, увлекательный альманах ходил из рук в руки.

Зная особое отношение Вельтмана к Балканскому полуострову, заметим, что он опубликовал в своем издании очерки «Замечательные места в Болгарии» и «Болгария и богатство ее природы» своего давнего приятеля и соратника генерала Ивана Петровича Липранди, написанные еще в период военных действий 1829 года. Суховатые по стилю, они представляют собой общее описание страны, ее географии и экономики, какое сегодня мы находим в энциклопедиях или справочниках. Среди исторических достопримечательностей Болгарии Липранди упоминает: Ескистамбул (Великий Преслав), Девно (Марцианополь), Праводы (Пробатум), Тырнов (Тернобум), Казан (Котел), Рильский монастырь, пещеры в Норице, а также Гебеджинские развалины, известные ныне как «побитые камани»²⁰.

Собственное издание позволяло энциклопедисту публиковать и свои литературные пробы или переводы. Так читатели познакомились с песней о Грумхильде из скандинавской поэмы «Нибелунги», с художественным описанием праздничных поединков славянских воинов из «Краледворской рукописи», романтикой богемской поэмы «Любор и Людица», арабскими изречениями и даже китайскими анекдотами.

Издатель «Картин Света» мог бы показаться космополитом читателям, не знакомым с ним лично. Однако не таков был Александр Фомич. Первую статью он посвящает Москве, о которой пишет с большой любовью и преданностью:

«Москва, святыня Русского народа, наша божница! Тебе первый поклон. Была Русь в Новгороде, была Русь в Киеве, но возросла Русь и возмужала в Москве. Про мо-

скалей, про Московию заговорили с боязнью на Востоке, Юге и Западе.

Москва! Белокаменная скала, об которую разбились три вала, грозившие потопить Европу. Три вала: власть Азии, власть Инквизиции и власть Меча...

Явился меч-победоносец, двадцати народам снес он головы. Но в пожаре Москвы перегорело железо, согнулось от удара в щит русский, и Европа опять спасена – спасена москалями»²¹.

Для нашего сборника мы выбрали всего несколько работ самого составителя альманаха, а именно – краткие очерки об Аттиле, Сковороде, Тредьяковском и Суворове. Из этнографических заметок перепечатаваем, как пример, описание русского свадебного обряда XVII века.

Рядом мы помещаем комментарий Вельтмана к редким документам и письмам из портфеля служебной деятельности Ломоносова. Они попали к нему в руки от правнучки нашего великого энциклопедиста Елены Николаевны Орловой, с мужем которой он служил в Бесарабии. Из-за большого объема служебные документы Ломоносова не подходили для формата альманаха «Картины Света», и Вельтман передал их в печать этнографу и издателю В. Пассеку для его сборника «Очерки России» (1840–1842).

Трудно сказать, почему Александр Фомич ограничился только двумя выпусками альманаха. В 1837 году он, как бы в дополнение к «Картинам Света», анонимно издал сборник под названием «Начальное чтение для образующегося юношества», а после этого опыта снова вернулся к художественному сочинительству.

Один за другим выходят новые романы и повести Вельтмана: «Сердце и Думка», «Костештские скалы», «Радой», «Урсул», «Генерал Каломерос», «Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани», «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице». Писатель пробует

себя в драматическом жанре (пьеса «Ратибор Холмоградский»), сочиняет сказки («Лихоманка»), сохраняя вместе с тем верность и поэтической музе («Песня атамана», «Джок», «Послание к друзьям», «На холме, миртами венчанном»). Одним словом, одаренная душа его дышит как хочет, а просветленный ум ищет прекрасные формы для самовыражения.

Наиболее удачные сочинения Вельтмана перепечатывались в отечественных журналах, переводились на немецкий язык, порождали подражателей и даже поддельщиков. Один из таковых в коммерческих целях выпустил скандальный трехтомник «Ротмистр Чернокнижник, или Москва в 1812 году. Роман из походных записок артиллерийского полковника, собранных Н. Вельтманом», авторство которого Александру Фомичу пришлось публично опровергать.

Огромная популярность романов, исторических трудов и альманахов нашего героя сделала его московскую квартиру в доме Дворцовой конторы местом встречи многих русских талантов. Здесь по четвергам собирались литературные вечера, где читали, слушали и обсуждали произведения различных жанров В. И. Даль, И. И. Срезневский, М. Н. Загоскин, В. П. Горчаков, А. Н. Островский, М. П. Погодин, Н. Ф. Щербина, В. В. Пассек и другие. При других обстоятельствах Александр Фомич встречался или переписывался с В. Г. Белинским, М. Ю. Лермонтовым, Н. В. Гоголем, А. И. Герценом, К. С. Аксаковым, Ф. А. Кони. Всех не перечислить, поскольку эти регулярные творческие собрания проходили до самой кончины Вельтмана. Ему удавалось чудом объединять под одной крышей представителей разных сословий и идеологий: аристократов, либералов и народников, западников и славянофилов²².

Мудрый славянофил Измаил Иванович Срезневский оставил замечательный словесный портрет нашего героя,

вполне соответствующий акварели работы К.-Ф. П. Бодри (1839): «Вельтман – истинный поэт, мужчина прекрасный собою, со светлым, открытым лбом и блестящими глазами, пишет несравненно лучше, нежели говорит, но говорит умно, весело и задумчиво вместе, добр, прост, окружен книгами, непрерывно работает, чем и живет». И еще об Александре Фомиче: «Я сознавал в нем великое дарование, я нашел в нем истинно доброго человека, душу, которая рада найти сочувствие с другою душою, душу художника и Русского Человека. Я видел его в кабинете, видел в семье, видел со знакомыми: он всюду один и тот же; не любить его нельзя, не желать ему славы грех»²³.

Вместе со славой пришло общественное признание. В 1833 году Вельтмана избрали действительным членом Общества любителей российской словесности, в 1836 – членом Общества истории и древностей российских, а в 1839 – членом одноименного общества в Одессе.

Хранитель сокровищ Российской империи

В 1842 году Михаил Николаевич Загоскин, известный романист и драматург, бывший тогда директором Оружейной палаты Кремля, добился для Вельтмана должности своего заместителя. Это дало ему возможность снова получать государственное содержание, а главное – открывало неограниченные возможности в области научной работы и издания трудов.

Первым крупным достижением на новой должности стала публикация справочного путеводителя «Достопамятности Московского Кремля» (1843). До Вельтмана Кремль описывали либо государевы архивисты, либо путешественники. У летописцев и историков можно было найти только общие рассуждения или отдельные эпизоды. Не было даже подробной и точной карты главной святыни Москвы. Эти недостатки учел в своем путеводителе пе-

дантический Александр Фомич, приступивший к исполнению своих обязанностей с сердечным трепетом.

«В Кремле – все близкое чувству русскому, все заветное, все старое время тяжелой и радостной памяти, горьких и умильных слез великого народного семейства. В Кремле возникало спасение. Дмитрий Донской развернул черное великокняжеское знамя войны на жизнь или смерть против монголов; Иоанн совокупил распавшееся царство; Василий Иванович Шуйский въехал на коне в Спасские ворота с крестом в руках для свержения царя-самозванца; Пожарский выжил из священных оград знамени Сигизмундовы и – после всех бед, Богом избранный, целовал со всем народом крест спасения, восстановивший в русском царстве мир и единодушие, положивший все надежды народа в юном, нововенчанном Михаиле и его потомстве»²⁴.

Слово «Кремль», по утверждению Вельтмана, значит «храмовый город», «храмовое место» – то же самое, что галлийское слово *stromla* или *strom-leach* – храм. Это не только крепость, но прежде всего священное или культовое сооружение. Поэтому после исторического вступления автор приступил к описанию соборных храмов: собора Успения Божией Матери и собора Архангела Михаила, а также Патриаршей ризницы. Далее он проводит читателя по Царскому двору, Новому Кремлевскому дворцу, Малому Николаевскому дворцу, наконец, через Сенат и Арсенал.

Известно, что в давние времена на территории Кремля было несколько монастырей. Что же сохранилось до времен императора Николая Александровича? Чудов монастырь, основанный в 1365 году святым митрополитом Алексием, да Вознесенский девичий монастырь, заложенный супругой великого князя Димитрия Донского в 1398 году. Кроме самих иноческих обителей и монастырских храмов осталась целой колокольня Ивана Великого, построенная еще при Иване Калите в 1329 году. Знаменитый Царь-колокол был заменен в 1736 году. Самое новое здание той эпохи было по-

строено в 1806 году при императоре Александре, – в нем разместилась Оружейная палата – сокровищница Кремля.

Свое подробное описание старой Москвы Вельтман сопровождает документальными приложениями и иллюстрациями. Это прежде всего топографически точный «Чертеж древнего Кремля с XIV по XVIII столетие», выполненный по военным стандартам с соблюдением масштабов и пропорций. Качественные цветные литографии представляют панораму Москвы при Петре Великом, вид Кремля со старым и новым Императорским дворцом, виды Успенского собора, Грановитой палаты, Чудова монастыря, а также несколько роскошных интерьеров.

Особую ценность представляет перечень уже не существовавших в то время строений Кремля. В нем упоминаются: собор Сретения Господня; Черниговский собор; Гербовые, или Большие, Золотые государевы ворота; дворцы – Сытный, Кормовой и Хлебный, а также Потешный; несколько дворов и подворий; дом Бориса Годунова и других бояр. Всего список состоит из 21 пункта; мы без купюр приводим его в разделе «Примечания».

Свои открытия заместитель директора Оружейной палаты обобщил и издал в 1842 году в виде «Плана Московского Кремля с показанием прежде бывших и ныне существующих построений» (литография Тромонина, 14 x 16 см, в масштабе 1:5880). По утверждению современных специалистов, этот план в десять раз более информативен, чем старый чертеж, и до сих пор остается непревзойденным. Более ста объектов подписаны, приведен перечень источников, приложены рисунки XVII века. К сожалению, сегодня перечень утрат можно значительно расширить²⁵.

Вслед за путеводителем по Кремлю в описании Вельтмана выходит альбом «Московская оружейная палата» (1844). Это уже настоящая энциклопедия, равных которой попросту не было.

«Оружейная палата есть хранилище драгоценных остатков так называемой в древности Большой казны. Она искони заключала в себе заветную святыню, наследственные сокровища и движимое богатство государей русских, состоявшие в серебре, драгоценных камнях, мехах, жемчуге и в различных изделиях, русских и иноземных»²⁶.

Прежде сокровища Кремля описывали не как музей, а именно как казну, как своего рода склад драгоценностей. Александр Фомич относится к кремлевской коллекции как к национальной святыне, духовное «золото» в которой гораздо дороже золота и серебра материального. По его инициативе была проведена первая научная опись сокровищ Оружейной палаты и планомерное исследование собранных экспонатов.

Следуя священной иерархии, Вельтман начинает описание с царской образной, где хранятся Крест Животворящее Древо в раке цареградской 1354 года, а также образ св. Митрополита Петра резной работы по кости 1479 года. Затем следует древний царский чин, где представлены коронационные венцы из золота, меховые царские шапки с драгоценными камнями, царские троны и престолы, скипетры, жезлы, посохи, портреты царей, императорские одежды и прочие атрибуты царской власти. Здесь мы видим знаменитую шапку Мономаха, шапку царя Михаила Федоровича, алмазную корону царя Петра Алексеевича и прочие реликвии. Ценные экспонаты содержит коллекция древнего оружия, брони и конской амуниции, в том числе доспехи со времен Александра Невского.

Большой раздел посвящен столовой посуде и домашней утвари царского двора начиная с XII века. Тут перед нами великолепная коллекция всякого рода блюд, братин, кубков, ковшей, чашек, ложек, вилок, ножей и т.п. Разумеется, эта посуда серебряная с инкрустациями, а то и золотая. Не меньше и опись драгоценных подарков от государя.

рей иных стран, их послов и почетных гостей. Эти дары и по сей день занимают большой зал в музее.

Кроме того, автор-составитель первого издания альбома приложил к своему труду «Пояснительный словарь предметов царской казны и Оружейной палаты» из 74 страниц. Здесь Александр Фомич проявил себя как выдающийся лингвист-этнограф, прекрасный знаток не только европейской, но и азиатской терминологии.

Поскольку расположение коллекции неоднократно менялось, а каталог с полной описью всегда был государственным секретом, трудно сразу определить, что в коллекции сохранилось до нашего времени. Например, в современных путеводителях нет описания короны Мальтийского ордена, короны царства Грузинского, нет многих трофейных знамен. С целью полной документации государственных сокровищ Александр Фомич провел в середине XIX века специальное исследование архива Оружейной палаты, состоящего из многих описей и списков. Когда в последний раз там уже в наши дни проходила такая доскональная проверка национального достояния и как узнать о ее результатах?

При составлении данного сборника мы использовали тексты нескольких взаимодополняющих изданий о Московской Оружейной палате, составленных под руководством Вельтмана. В частности, перепечатаны целые разделы из коллективного труда «Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению» (М.: В типографии Александра Семена, 1845–1853). Это фундаментальное исследование и описание Оружейной палаты в шести томах, где большая часть текста написана и завизирована нашим автором, хотя на обложке его фамилия не значится. Из сотен страниц с красочными иллюстрациями замечательного художника Ф. Г. Солнцева нами выбраны вводные части и наиболее ценные фрагменты²⁷.

Очередным проявлением Высочайшего доверия по отношению к Александру Фомичу стало поручение составить подробное «Описание нового Императорского дворца». Этот роскошный дворец строился 12 лет по проекту архитектора Константина Андреевича Тона, под личным контролем царя Николая I и, что для нас особенно важно, при деятельном участии автора «Описания», когда он работал в Оружейной палате. Новый альбом 1851 года с великолепными хромофотографиями Ф. Дрегера содержит 50 разделов, которые полностью представлены в нашем сборнике. В предисловии автор с гордостью рассказывает о том, как проходили деловые встречи с Государем Императором и каким образом Вельтман влиял на развитие проекта. После описания местности, общего вида дворца, его планировки, архитектурных новшеств, технического оснащения, внутреннего убранства многочисленных залов, кабинетов, спален и гостиных комнат (всего 700 помещений!), автор не забывает подробно рассказать о дворцовых храмах. С особым торжеством Александр Фомич объясняет смысл и детали интерьера Георгиевского зала, концепция которого рождалась по его советам.

«Эта зала исполинов в 85 аршин длины, 29 ширины и 25 вышины, есть святилище ордена Св. Георгия Победоносца, покровителя Москвы, которого лик носит она в гербе своем со времен основания. Колоссальное горельефное изображение Св. Победоносца на коне, поражающего змия, исполненное бароном Клодтом, помещено на поперечных стенах в вершине, под полукружием свода.

Знаки военного ордена, учрежденного 26 ноября 1769 года императрицею Екатериной II с девизом “За службу и храбрость”, украшают своды оконных амбразур и промежутики верхних и нижних окон, а равно соответственных им углублений между колоннами противоположной стены; поля и откосы этой стены покрыты мраморными плитами,

на которых иссечены названия победоносных русских полков с означением времени их учреждения и дней их славы. Имена кавалеров ордена Св. Георгия помещены в откосах. Вся зала белая матовая, освещается двумя ярусами окон со стороны Царской площади и набережного фаса. Смелые лепные украшения обширного свода, подобного Илиопольскому, как будто высечены в узор из нависших сталактитов. Против выступных простенков с обеих сторон залы 18 витых колонн; на карнизах, над капителями колонн – подножия статуй, изображающих победы – эпохи покорения царств и областей. На щитах означены гербы их и годы.

Все 18 статуй – изящное произведение известного художника – ваятеля Витали, – разнообразные по наружности, постановке и вооружению, соответственному эпохе побед, расположены в следующем порядке (от эпохи завоевания Перми в 1472 году до приобретения Армении в 1828 году. – *Сост.*).

Имена и подвиги виновников этих побед, полков русских, изображены, как уже мы упомянули, на плитах в углублениях между колонн правой стены залы»²⁸.

Здесь, в Георгиевском зале Кремля, и по сей день происходят наиболее торжественные государственные собрания и награждения, только вряд ли кто из присутствовавших там знает об авторе архитектурного замысла святилища ордена Св. Георгия Победоносца в Москве.

В камерном стиле написана небольшая заметка Вельтмана с длинным названием «Обновление храма Знамения Пресвятыя Богородицы в селе Дубровицах, основанного в 1690 году и освященного в 1704 году, в присутствии храмоздателя Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича» (1850). По объему очерк, включающий гравюру с изображением описанной церкви, мог бы стать статьей одного из энциклопедических изданий автора. Однако храм Знамения Пресвятой Богородицы имеет специфиче-

скую историю, овеянную тайнами масонства, благодаря чему привлекает внимание не только археологов и музейных работников, но и конспирологов²⁹.

Обязанности заместителя директора Оружейной палаты не помешали нашему автору развиваться как писателю. В 1840-х годах вышло несколько его новых художественных сочинений в различных жанрах: «Карьера», «Колумб», «Райна, королева Болгарская», «Новый Емеля, или Превращения», «Два майора», «Илья Ларин», «Наем дачи», «Не дом, а игрушечка!» и другие. В них заметно влияние реалистической прозы, где исторические или современные сюжеты играют вспомогательную роль.

В этом отношении весьма характерен большой роман «Саломея, или Приключения, почерпнутые из моря житейского», где в единое целое объединены многие пласты из личной биографии и материалы творческой лаборатории автора. «Саломея» – это широкое панно с картиной российской действительности середины XIX века, над которым Вельтман работал много лет. Через художественные образы автор критически показывает быт и настроения современного ему дворянства, осуждает пережитки крепостного строя, высмеивает глупость чиновников-бюрократов.

Исследования древностей пробудили интерес Вельтмана к славянской мифологии и фольклору. Наряду со сказками о Змее Горыныче и Каменной бабе он сочиняет высокохудожественные произведения в сербском народном стиле: «Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная Светлою Денницей Ясному месяцу» и поэму «Златой и Бела» по мотивам чешских легенд. Повесть «Дочь Иппократа» содержит эллинское предание острова Коса.

В 1849 году зрелый поэт издал очередной сборник своих стихов, старых и новых. Наиболее мелодичные из них привлекли внимание композиторов. Так, например, песня разбойников из повести «Муромские леса» была положена

на музыку А. Е. Варламовым и А. А. Алябьевым, а затем попала в популярные песенники и лубочные издания:

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Вельтман и музыка – это особая тема, ждущая своих исследователей. Ведь он сочинял не только песни, но даже либретто к операм: «Волшебная ночь», «Юрий, отрок великого князя Святослава», «Аммалат-бек» и другие³⁰.

Благородный, добрый и честный характер Александра Фомича, не любившего сплетен и избегавшего интриг, привлекал многих людей, которые искали у него поддержки. Так, историк-славянофил М. П. Погодин попытался использовать высокий авторитет Вельтмана для развития своего журнала «Москвитянин», доверив ему в 1849 году руководство. Выдающийся просветитель сумел быстро сплотить вокруг редакции талантливую молодежь, однако ему не удалось решить экономические проблемы периодического издания.

На рубеже 40–50-х годов в семье Вельтманов произошли драматические изменения. В 1847 году умерла жена писателя Анна Павловна, оставив мужа с дочерью Надеждой и внучкой. Новой хозяйкой в доме в 1850 году стала Елена Ивановна Кубе-Крупенникова, давняя приятельница и коллега Александра Фомича, расторгнувшая ради него свой предыдущий брак. Елена Ивановна была известной писательницей, печаталась в популярных журналах. Весьма знаменит был ее роман «Приключения королевича Густава Эриковича». В соавторстве с Вельтманом и Погодиным она выпустила книгу «Дочь матроса» (1850). В союзе с Александром Фомичом писательница стала заботливой супругой, родила ему сына и дочь. В одном из писем

Елена Ивановна размышляет, что их счастливая семья живет в мирном уединении, будто на необитаемом острове, где так хорошо. «Мы смотрим на свет Божий, на ломку, которая происходит во всех концах, слышим треск, видим пыль и прах и ждем, надеясь на милость Господню, зная, что все в Его руке»³¹.

Директор, академик и востоковед

После смерти М. Н. Загоскина в 1852 году Вельтман становится директором сокровищницы Кремля. В связи с этим его роль и ответственность как важного государственного чиновника еще более возросла. Он разрабатывает методически важные «Правила по управлению Московской Оружейной палатой», которые были Высочайше утверждены в 1858 году и действовали без изменений до революции 1917 года.

Должность директора не только открывала Вельтману уникальные архивы документов, закрытые фонды и двери в высшие государственные инстанции, но давала возможность более свободно распоряжаться своим временем. Он использовал его, прежде всего, для научной и творческой работы.

В 1856 году ученый завершил большой труд под названием «Индо-германы, или сайване. Опыт свода и проверки сказаний о первобытных населенцах Германии». Толчком к этому исследованию стали обнаруженные энциклопедистом несоответствия исторической правды и многими современными ему толкованиями. Корень противоречий уводил в ссылки на классический трактат римского автора I века н.э. Публия Корнелия Тацита «Германия». Исследовав самостоятельно происхождение коренного населения Европы до Рождества Христова, а также индоевропейские параллели в русском языке и санскрите, Вельтман пришел к выводу, что Тацит подразумевал под германцами (ger-

manі) предков славян, племена которых имели тогда иные имена. Обобщенно их называли вендами (венедами), свевами, сербами и т.д.

Нашего ученого – шведского, напомним, происхождения – особенно заинтересовали племена свевов (svevi, σουήβων), которые не были ни готами, ни скандинавами, ни галлами, ни норманнами, ни немцами. Свевами, или славами, называли тех, кто исповедовал религию сайваизма, или сивизм, а по сути – тримуртическое верование, общее для наших предков и индов.

Геты, или готы, тоже не были германцами в современном смысле слова, о чем писал еще греческий географ Страбон и что в начале XIX века доказывал Ю. И. Венелин.

То же касается происхождения русов, или ругов, которых упоминал готский историк Йордан и византийские авторы. Русские корни больше связаны с древней Индией и ариями, нежели с Германией и немцами, хотя остров Рюген действительно был одним из наших центров на юге Балтики (Скифского, или Венедского, моря).

Этногенез кимвров оказался связанным с родовыми корнями киммерийцев и сербов, а не кельтов или германцев.

Ошибки и разночтения, совершенные некогда римскими, а затем немецкими авторами, внесли большую путаницу в историю античности и средних веков. Вот наш просветитель и решил распутать клубок заблуждений³².

Для большей очевидности опытный топограф, как мы уже привыкли, сделал доскональную цветную карту. Кстати, она до сих пор ни разу не переиздавалась и фактически не введена в научный оборот. Как и само исследование Вельтмана, требующее серьезного внимания с целью проверки его выводов и гипотез.

Федор Иванович Буслаев, выдающийся филолог и искусствовед, академик Петербургской академии наук, еще в 1857 году опубликовал подробную рецензию на книгу Вельтмана «Индо-германы, или сайване». Похвально от-

зываясь о методе ученого черпать знания из первоисточников, сравнивать терминологию родственных индоевропейских языков, отслеживать новейшую научную литературу, Буслаев делает заключение: «В исследованиях г. Вельтмана столько добросовестности, столько труда многостороннего изучения, что сомневаться в искренности его выводов критика не имеет никакого права. Итак, замену тацитовских германцев, древних сабинян, гуннов, лонгобардов славянами никоим образом не должно почитать за мистификацию»³³.

Вслед за «Индо-германами» вышел еще один фундаментальный труд Вельтмана – «Аттила и Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий» (1858). Хорошо известный специалистам, он тоже до недавнего времени не был переиздан. Преодолеть замалчивание в советское время не помогла даже положительная рецензия литературного критика революционно-демократического направления Н. А. Добролюбова в журнале «Современник»³⁴.

Личность вождя гуннов Аттилы слишком знаменита, чтобы умолчать о ней, однако переделать, истолковать историю по-своему попытались многие: от сказителей скандинавского эпоса, где вождь гуннов фигурирует под именем Атли, и средневековой хроники Аммиана Марцелина, где Аттила называется «разрушителем Европы», до романа Евгения Замятина «Бич Божий» и исторической фантазии «Меч Арея» Ивана Билака³⁵.

Саму книгу Вельтмана об Аттиле первыми из славян перепечатала в Белграде на сербском языке библиотека «Аргументы» (книга 95). А пока наш сборник готовился к печати, вышла популярная русская версия в издательстве «Алгоритм», с фрагментами авторских комментариев³⁶.

Публикация Института русской цивилизации открывается небольшим очерком «Аттила», написанным автором для альманаха «Картины Света». «Аттила, царь гуннов, это роковая комета V столетия, которую наслал

Бог, чтобы потрясти до основания могущество грешного Рима и раздробить его на части. Как напугал он римлян! Долго слышались им его слова: “Stella cadit, tellus tremit, en ego malleus orbis” – “Звезда падает, земля трепещет, а я молот земного шара”»³⁷.

Вельтмана всегда интересовала выдающаяся личность вождя гуннов, которому с 434 по 453 год удалось объединить под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья. Он покорил Фракию, Мизию, Македонию, Фессалию, дошел до берегов Тибра, Рейна и Сены.

Само фундаментальное исследование начинается с обзора легендарных и исторических сведений об Аттиле. Далее автор анализирует причины и ход войны прибалтийских славян-вендов с готами-дакианами. Военные потрясения, неурожай и голод на севере Германии привели в IV столетии к исходу сербов-лугарей из Северно-Западной Руси. В поиске новых поселений они стали колонизовать Дунай, Днепр, Волхов. Победы вождя готов Германариха вызвали восстание великого князя Болемира, одного из основателей Киева. В этом военно-историческом контексте на востоке Европы появляется вождь гуннов со своим непобедимым войском.

Где именно находилась главная ставка Аттилы, столица его великой Империи? В Киеве, на Дунае, в Карпатах? Эта тема занимает особое внимание автора, привлекающего топографические методы исследования.

История знаменитого посольства императора Феодосия II к Аттиле в 447 году до Каталаунской битвы достаточно хорошо известна и изучена. Однако и в этих сюжетах наш автор делает свои ценные пояснения³⁸.

Наконец, в книге досконально излагается предание о женитьбе Аттилы и его смерти, а также описывается языческий обряд погребения, совершенный по древней славяно-арийской традиции.

Что же осталось от империи Аттилы после его кончины? Можно ли считать ее прообразом Руси изначальной или Руси великой?

По версии Вельтмана, после смерти великого вождя сыновья его отправили посольство в Царьград с требованием возобновления торговых договоров, но император Леон, пользуясь войной русов с персами, отказал на все требования киевского посольства. Это вызвало войну. Младший сын Аттилы, Ярень, считал, что нельзя начинать войну с греками, но менее дальновидный Дано, княживший еще при отце, отправился с дружиной своей за Дунай во Фракию, понадеявшись на союз с готами. Готы изменили, а русы оказалась в окружении.

«По Иорнанду, карпатские и задунайские области, которые были в объеме Древней Руси при Аттиле, именно: часть Реции (Rhaetia) Придунайской, вся Паннония и Мизия, по смерти его отпали. Император Марциан озабочился немедленно же оградить империю от русов. Гепиды, т.е. карпатские жупичи, союзники и прозелиты готов, а потом ариане, первые восстали на русские власти и отложились, заключив союз с Марцианом на условии ежегодного жалованья. В то же время готы сосредоточились на данных им землях между Дунаем, Нориком и Верхней Мизией. Русские князья, обладавшие этими землями, должны были с дружинами своими и со всеми не покорявшимися чуждой власти оставлять свои области и переселяться» – так объясняет события после смерти царя гуннов наш автор³⁹.

Далее начинается история Руси Дунайской и Скифской, что в конце концов привела к крещению русов в Причерноморье и в Киеве. Она все еще таит много загадок, которые предстоит заново изучить с помощью современных сведений и новых научных методов⁴⁰.

Своего рода продолжением истории Руси IV–V веков, связанной с именем Аттилы, стало исследование Вельтма-

на «Маги и мидийские каганы XIII столетия» (1860). Оно посвящено давним связям славянского мира с туранским, а также древней религии в Мидии и Парфии, где была прародина татар-огнепоклонников. Анализируя дневники средневековых путешественников Иоанна де Плано-Карпини, Марко Поло и, особенно внимательно, фламандца Вильгельма де Рубрука (*Wilhelm van Ruysbroek*), который совершил посольство ко дворцу великого хана Мунке через пять лет после Александра Невского, наш историк делает много открытий для своего века. Оказывается, что жители Северного Китая (Катая) прежде назывались серами (*seres*) и находились в тесной связи с Русью. Путь к ним лежал через Тавриду и Кавказ. Бывший военный географ внимательно прослеживает путь посла французского короля в Золотую орду, делая ценные замечания и неожиданные открытия. И снова перед нами великолепная карта, с точным указанием племен, древних городов, торговых путей. Очевидно, что виртуальное «путешествие странника по генеральным картам» никогда не прекращалось.

В отделе редких книг Чертковской библиотеки, ныне известной как Историчка, хранится сборник А. Ф. Вельтмана под общим названием «Исследования о свевах, гуннах и монголах» (1860) с дарственной надписью ее основателю Александру Дмитриевичу Черткову⁴¹. В объемный том вошли три упомянутых выше исследования нашего автора. Сколько людей изучили это старинное издание? Где научные рецензии на него? Будем надеяться, что наш сборник, выходящий в эру интернета и электронных книг, не постигнет судьба книг спецхранов.

Это тем более важно потому, что новое издание Института русской цивилизации включает еще несколько уникальных в своем роде и никогда не переиздававшихся исследований Вельтмана.

Прежде всего речь идет о религиозноведческом труде «Первобытное верование и буддизм» (1864). По-видимому,

он стал одним из первых в России исследований по истории индуизма и истоков буддизма. Православный автор, изучавший санскрит, проник в глубокие тайны восточных религий, неизвестные европейцам того времени.

Вельтман исходит из того, что с незапамятных времен во всех частях Евразии, и особенно Арьяварты (в землях ариев), был распространена вера в Триединое Божество (Тримурти, Триглав, Троица). Оно было сущностью сиваизма – первобытного верования индоевропейских народов. Древнее предание гласит, что по ряду причин произошло отступление от исконной веры, и священный закон Ману был нарушен.

Одним из проявлений религиозного отступничества от Триединого Бога стал буддизм, родившийся в Индии как секта и изгнанный из страны. Автор различает «буддизм мистический» и «буддизм материальный», ставшие формами деградации исконной ведической традиции. Запад воспринял не многомерную шиваитскую традицию, а упрощенную буддийскую. Она утвердилась также в Египте и среди халдеев.

Особым путем развивалось учение Зороастра, который был олицетворением как минимум трех арийских поколений. Задолго до Ницше наш историк, опираясь на переводы иранской «Авесты» и академические комментарии белорусского ученого Казтана Андреевича Коссовича, постарался понять, что именно «говорил Заратуштра»⁴².

Среди небольших по объему, но по-своему ценных работ нашего просветителя 1850–1860-х годов мы находим несколько статей по отдельным сюжетам, опубликованных в журналах. Это очерк о царском золотом венце и царской утвари, что были присланы греческими императорами Василием и Константином по случаю венчания Владимиру Киевскому; исследование о названиях Днепровских порогов по Константину Багрянородному, заметка о «Софийском временнике» и другие.

По мере накопления энциклопедических знаний у Вельтмана появляется страсть к доказательству сложных гипотез, на первый взгляд невероятных, но при внимательном рассмотрении вполне разумных. Так, в одном из последних исследований, переполненном историческими именами и сложными терминами, он убеждает читателя, что место ссылки античного поэта Овидия Назона было не в римском городе Томи, на границе со Скифией, а на берегу Танаиса, как тогда назывался Дон. Там же, на Дону, с IV по IX века находилась древнейшая митрополия Великой и Малой Руси⁴³. В качестве аргументов автор приводит множество лингвистических, географических и теологических фактов, виртуозно блистая своими знаниями. Многое в известной, казалось бы, церковной истории предстает в новом свете, хотя далеко не все бесспорно.

За свои научные труды в различных областях и жанрах директор Московской Оружейной палаты, ставший действительным статским советником, получил почетные звания члена-корреспондента Санкт-Петербургской АН (1854) и действительного члена Русского археологического общества (1861), действительного члена Московского археологического общества (1869). Это было официальное признание Вельтмана.

В последний период жизни писатель все реже обращался к излюбленному литературному жанру романа («Баловень судьбы, или Чудодей», «Воспитанница Сара», «Счастье-несчастье»). Он вел интенсивную частную переписку, принимал гостей, уделял внимание любимой супруге и детям.

Наследие гения и его оценки

Александр Фомич умер 11 января 1870 года, через два года после кончины Елены Ивановны. Его тело было похоронено на кладбище Ново-Алексеевского монастыря в Со-

кольниках, рядом с женой. На могиле благодарные друзья и родственники установили памятник из белого мрамора в виде копии надгробия Ярослава Мудрого⁴⁴.

После смерти писателя осталось богатое духовное наследие, которое было передано в Румянцевскую библиотеку. Многие из текстов остались лишь в рукописях, незавершенным или неизданным. Вельтманом была начата автобиографическая «Повесть о себе». Остались неопубликованными художественные сочинения («Боярин Матвеев. Действие в 1677 году», «Димитрий», «Елена, дочь Иоанна III», «Приемыш, или Последний в роде и безродный», «Русалки» (окончание поэмы Пушкина), «Янко-чабан», «Ярослав» (повесть о боях христиан с татарами), «Собрание первоначальных сочинений» и многое другое.

Мимоходом мы упоминали переводы фрагментов из «Старшей Эдды», сделанные нашим полиглотом с древнегерманского языка на русский. Не меньшую ценность представляет собой его опыт переложения древнеиндийской литературы. Публикация знаменитой поэмы «Наль и Дамаяни» из «Махабхараты» (версия Вельтмана называлась «Нало, повесть Вриха Дазвы в стихах») привлекла внимание читателей, но остальные опыты в этом жанре так и не увидели свет. В личном архиве писателя хранятся рукописные переводы «Катакапанишат» из «Яджурведы» и пьесы «Шудраки Васанта-сена».

Говорят, нельзя объять необъятное. Да и не все из наследия Александра Фомича оказалось доступно для исследования и переиздания. Поэтому мы вынуждены были остановиться в своем выборе при составлении первого собрания нехудожественных произведений Вельтмана. Многие еще осталось за пределами нашего внимания. Литературные сочинения Вельтмана, как мы говорили в самом начале, были высоко оценены современниками. Уже его роман «Странник», новаторский по форме, философско-поэтический по стилю и автобиографический по содержа-

нию, вызвал самые лестные отклики. А. С. Пушкин сразу увидел в Вельтмане настоящий талант. Его друг П. В. Нащокин оценил «высокое воображение поэта а la Байрон». И. Н. Липранди, тонко понимавший многие ассоциации своего сослуживца по Бессарабии, с восхищением перечитывал наиболее яркие воспоминания. Рецензент из «Московского телеграфа» назвал «Странника» «самым свежим и прекрасным цветком на тощей почве русской литературы, а Н. А. Полевой поставил его на второе место, рядом с пушкинским «Борисом Годуновым»⁴⁵.

Конечно, среди литературных критиков нашлись такие, кто выискивал недостатки и якобы слабые стороны автора. Они рассуждали о необузданной фантазии Вельтмана, его военных замашках; структуру романа считали слишком мозаичной, порой даже фрагментарной, а некоторые авторские приемы – заимствованными. И тем не менее многим было очевидно, что перед ними «молодой орел, который расправляет свои крылья»⁴⁶.

Выдающийся публицист В. Г. Белинский, внимательно следивший за творчеством писателя, опубликовал рецензии на несколько его сочинений. По мнению русского мыслителя и революционера, исторические романы Вельтмана, хотя и прихотливы по своей фантазии, черпают силу из «сокровищницы величайших богатств народной поэзии», они «народны в том смысле, что дружны с духом народных сказок, покрыты колоритом славянской древности»⁴⁷.

Под невыразимое обаяние нашего просветителя попали многие писатели. Среди них были новые члены редакции журнала «Москвитянин» А. А. Григорьев, А. Н. Островский, П. Б. Алмазов. Лучший знаток русских сказок и славянской мифологии А. Н. Афанасьев признался, что влюблен в талант Вельтмана: «Ваш прием очаровал меня. Ваша беседа всегда услаждала душу мою». Болгары неоднократно высказывали автору свои восторги по

поводу исторического романа «Райна, королева Болгарская», которую поставил на сцене драматург Д. Войников. Л. Н. Толстому, написавшему не без влияния Александра Фомича повесть «Казачи» и знаменитые «Севастопольские рассказы», тоже нравился стиль литературного предшественника. В личной беседе с Максимом Горьким он охарактеризовал Вельтмана так: «Не правда ли – хороший писатель, бойкий, точный, без преувеличений. Он иногда лучше Гоголя»⁴⁸.

Вскоре после смерти писателя М. П. Погодин опубликовал в журнале «Русская старина» некролог, где попытался обобщить творческий путь своего современника. Он характеризует Александра Фомича как великого труженика, преданного науке и искусству; как верного семьянина и приветливого товарища, жизнь которого «текла мирно и спокойно, среди трудов литературных, чистых, благородных, в обществе добрых друзей».

Вместе с тем Погодин дает весьма нелестную оценку своему коллеге-историку: «С живым, пылким, часто необузданным воображением, которое не знало никаких преград, и с равною легкостью уносилось в облака, даже и за облака, или опускалось вглубь земли, переплывало моря и прыгало через горы, Вельтман страстно был предан историческим разысканиям в самом темном периоде истории. Там романтическое воображение его гуляло на просторе с полным удовольствием; он был, как говорится, в своей тарелке, и как колонновожатый в молодости, указывающий полкам их позиции перед сражением и квартиры после сражений, он остался тем же колонновожатым и в старости. Гуннами, визиготами и отроготами, вандалами, лонгобардами, герулами, аварами помыкал он еще гораздо смелее и решительнее, чем бородинским или тарутинским полками. Направо, налево, марш!» Развивая далее этот карикатурный образ, Погодин с иронией заявляет, что «в Европе наконец Вельтману стало тесно, и

он захватил Азию, переменял совершенно пути монголов, поместив их где-то на границах Грузии, заставил оттуда уже распространяться по Европе и Азии, через Кавказ, а не через Урал»⁴⁹.

Читатель нашего сборника, к счастью, имеет возможность самостоятельно убедиться, что именно на самом деле писал Александр Фомич. Высокую прижизненную оценку историку Вельтману дал академик Ф. И. Буслаев, чью научную рецензию мы цитировали выше. К аналогичным выводам пришел несколько позже польский ученый В. Богуславский. Однако, по мнению остроязычного Погодина, исследования Вельтмана «переворачивают вверх дном все настоящие понятия об истории», у него якобы нет строгой последовательности, а «везде скачки, отчего и зарождается сомнение». Бывший издатель «Москвитянина» уповал на проверку сомнительных для него фактов новыми тружениками науки⁵⁰.

Молодые современники, однако, не стали утруждать себя изучением академического наследия Вельтмана. Писатель вышел из моды, а память о нем в искаженном виде сохранилась в кратких справочных изданиях. Так, например, «Новый энциклопедический словарь» под редакцией К. К. Арсеньева, опубликованный в Санкт-Петербурге без указания года, демонстрирует уже явное непонимание творчества Вельтмана. По мнению анонимного автора статьи, скрывающегося за инициалами М. М., «Вельтман обнаружил оригинальный и блестящий, но неглубокий талант: при замечательной яркости фантазии, пестроте изложения, не лишенной подчас истинной поэзии, у него совершенно отсутствовало серьезное содержание, чем и объясняется, что он был забыт тотчас после смерти». В своих исследованиях по истории Вельтман, оклеветанный автором «Нового энциклопедического словаря», якобы «руководился той же фантазией, как и в беллетристике, почему они лишены всякого значения»⁵¹.

В конце XIX века, когда читающая публика под влиянием духа времени увлеклась прогрессивными авторами, а затем и революционными идеями, писатель и этнограф Аполлон Коринфский, автор фундаментального исследования «Народная Русь», попытался напомнить интеллигенции о таланте Вельтмана, «всеми забытого, но стоящего целою головою выше многих». Однако его слова остались гласом вопиющего в пустыне⁵².

Накануне и во время трех социальных революций в Российской империи начала XX века разрушители старого мира не испытывали симпатий к утонченному аристократу и верному слуге «царизма». Тогда «с корабля современности» сбросили не только Вельтмана, но даже Пушкина и Толстого.

Советская наука 1920-х годов сосредоточила свое внимание на формальной стороне авторского языка, его стилистических приемах и новшествах. Одних привлекал метод виртуального путешествия по карте, других «сюжетная техника», третьих – «игра слов». Критики выискивали следы иностранного влияния – со стороны то эстетики Стерна, то поэтики Рабле. Только в 1937 году В. Ф. Переверзев увидел в Вельтмане черты романтического и даже реалистического писателя, назвав его «предтечей Достоевского»⁵³. Этот же литературовед опубликовал и прокомментировал в 1957 году итоговый роман Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского», которые открыли советскому читателю доселе неизвестный мир русского гения. По следам Переверзева пошел Ю. М. Акутин. Его биографические и литературоведческие комментарии к философскому роману «Странник» можно считать образцовым исследованием художественного творчества нашего автора.

Историческим романам Вельтмана посвящена вдумчивая статья А. П. Богданова, который защищает достоинство ученого и подтверждает высокую достоверность

его научных источников. Обращая внимание на былинный стиль писателя, украшенный песнями, сказками и мифологическими образами, Богданов подчеркивает, что Александр Фомич всегда исходил из проверенных археологических или фольклорных данных. В качестве примера приводится сюжет о походе князя Святослава в Болгарию, тщательно изученный не только по летописям, но и по военным картам. «Вельтман не создает историко-художественную реальность, как поступали исторические романисты и до и после него, а решает сложнейшую задачу трансформации исторических реалий в духе романтизма», – делает вывод Богданов⁵⁴.

Современные ученые тоже в целом хвалят нашего автора как глубокого мыслителя, блестящего стилиста и новатора. Вместе с тем научные труды Вельтмана по истории, сравнительной филологии и религиоведению, которые мы имеем честь представить, до сих пор остаются за пределами должного внимания. По иронии своей судьба распорядилась так, что слава писателя-фантаста затмила достижения выдающегося ученого. Следовательно, задача нового поколения – восстановить справедливость, а главное – освоить наследие гениального соотечественника.

Подводя итоги, дополним обзор частных характеристик писателя нашим собственным пониманием, в основе которого лежит диалектический принцип развития личности.

Если ранний Вельтман – романтический поэт и военный писатель, обобщенный в художественном образе «Странника», то зрелый автор – выдающийся ученый-энциклопедист, признанный историк и этнограф, мифолог и лингвист, востоковед и религиовед, заслуживший статус хранителя сокровищ Московского Кремля.

Как научный исследователь Александр Фомич исходит из того, что «история есть летопись обороны истины против восстающего на нее, явно или точно, отрицания»⁵⁵. Вельтман опирается прежде всего на подлинные артефак-

ты, архивные данные, первоисточники, летописи, а затем уже на классическую и современную литературу. Именно поэтому его труды переполнены именами собственными, редкими историческими терминами и топонимами.

В поисках корней и истоков Русской империи Вельтман использует аргументы славянофилов и востоковедов: Мавро Орбини, Иоанна Раича, Павла Шафарика, Юрия Венелина, Александра Черткова, Александра Гильфердинга, Каэтана Коссовича, Макса Мюллера и других авторитетных специалистов. В целом наш автор исходит из принципа индоевропейской общности славянских и балтийских народов, делая акцент на санскритских корнях русского языка. При этом он иногда славянизирует европейские имена, спрямляет генетическую линию, подменяя принцип *родства* принципом *тождества*. Для него Атила – русский царь, сати – славянский обряд погребения и т.д. Само понятие «Русь» наш историк трактует весьма широко, подразумевая под ним не столько этнос, сколько правящее воинское сословие, принцип державы (*regnum*).

Вельтман, обладавший эвристическим мышлением, был одним из первых в России, кто обратил пристальное внимание на Древнюю Индию, Монголию и Китай. Он успешно решал сложные филологические и лингвистические проблемы индоевропеистики, критиковал колониальную теорию арийского вторжения, предвосхитил многие выводы идеологов евразийства, таких как Н. С. Трубецкой и Л. Н. Гумилев.

Во всех крупных трудах Александра Фомича виден вклад опытного военного картографа, что увеличивает ценность и научную достоверность его академических исследований, делает их более актуальными. Нашего автора можно сравнить с античным классиком Страбоном, у которого история и география неразрывно связаны.

Перед вдумчивыми читателями Вельтман предстает как идеальный русский офицер и дворянин-просветитель

XIX века, привлекательный пример для будущих аристократов нашей Империи. Сомневающимся в победе его бодрый, уверенный голос доносит из прошлого завещание великого Александра Македонского: «Идите, неблагодарные! Бегите, малодушные! Я покорю вселенную и без вас!»

О технической стороне издания

Наконец, несколько слов о технической стороне нашего издания, большого по объему и колоссального по сложности. Это первое собрание научных трудов А. Ф. Вельтмана, во многом пионерское и уникальное. Оно состоит не только из основных текстов, но также включает многочисленные комментарии – самого автора, его исследователей и нашей редколлегии.

Если биографический очерк построен по хронологическому принципу, то сборник трудов составлен из больших тематических блоков: «История России и русской словесности», «Сокровища Российской империи», «Античность и Древний Восток», – куда включены работы разных лет.

Неоднократно упоминаемые карты Вельтмана, к сожалению, представлены в книге минимально, что связано с ограниченными возможностями формата серии «Русская цивилизация». Воспроизводить подробные цветные карты с большим уменьшением в черно-белом виде нецелесообразно.

Восприятие неподготовленного читателя усложняют многочисленные цитаты на иностранных языках: немецком, французском, английском, латинском, греческом, санскрите. В связи с этим выражаю свою глубокую благодарность тем, кто помогал мне набирать тексты автора, а также переводить иностранные цитаты на русский язык: моей супруге Надежде Тулаевой, брату Алексею Тулаеву, Антону Рачеву, Виктору Белоусову, Дмитрию Кикотю, Крису Роману и другим.

Поскольку орфографические правила русского языка середины XIX века значительно отличаются от нынешних, утвержденных реформой 1918 года, мы приблизили текст к современному восприятию. Однако нет необходимости полностью менять стиль автора, поскольку наша задача в данном случае не перевод, а новое издание текстов.

Остается надеяться, что когда-нибудь дойдет очередь и до полного академического собрания сочинений А. Ф. Вельтмана в нескольких томах, которое будет готовить специальная комиссия из многих специалистов. А пока будем радоваться тому, что удалось сделать нам, и рассчитывать на доброжелательность читателей.

П. Тулаев

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ РОССИИ И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

О ВОСПИТАНИИ

Оружие тупо, когда нет добродетели в сердце.

*Посл. митрополита Макария¹
к свияжскому войску*

I

От воспитания зависят свойства наши и наклонности. Оно должно внушать добродетели, склоняющие мысли и действия наши к пользе общей, к благу отечества.

Первые уроки, советы и примеры остаются руководителями нашими на всю жизнь.

II

Издавна познали необходимость и пользу общественных заведений для образования юношества. Ликург, Софократ, Ксенофонт и Плутарх² считали за большой вред во всяком государстве, когда поведение и образование детей предоставлялось родителям, часто слепым от нежности, скупым, порочным или, по крайней мере, не способным руководствовать ими. — Дети, говорили сии великие люди, принадлежат государству, они его надежда; следовательно, их должно воспитывать под присмотром и в правилах государства, дабы, образованные вместе одинаковыми

уроками добродетели, они стремились производить одно целое, во всех частях совершенное³.

III

Часто уносимый недостатками, или даже следствиями разврата, из своей земли в землю чуждую, не признающий отечества, не имеющий ни веры, ни нравственности, берется быть образователем юношества, – и ему доверяют без испытания сию священную обязанность потому, что он пришелец из земли просвещенной!

Какой пример и совет подает он юноше? – Презирая веру, обычаи земли, называя святое предрассудком, нравы наши варварскими, он научает и его презирать все родное и священное, искореняя в юноше добродетели отечественные, не умея вселить новых, он оставляет его между пороками той и другой земли. Душа молодого человека образуется для эгоизма, сердце – для пороков, способности – для наружного блеску, тело – для неги и красоты. Это ли воспитание юноши, от которого со временем отечество должно ожидать и любви и пользы себе?

IV

Всякий юноша первоначально должен воспитываться как человек, который посвящается военному состоянию, ибо это есть лучшее образование сердца, и разума, и тела.

Со временем развернувшиеся способности его склоняются на поприще, к которому предназначат его склонности. Если природа одарит его пылкой душою и деятельным организмом тела, он будет военным по склонности. Если он слишком чувствителен, слаб телом, но велик душою – он будет мирным, полезным гражданином. Если он слаб и телом и душою, тяжел для всего – обижен природою и собственным малодушием, – пусть живет в обществе как нуль, который сам по себе ничего не значит, но,

поставленный подле единицы, увеличивает ничтожеством своим достоинство ее вдесятеро.

V

В истории видим мы, что особенное внимание на образование юношества делало в продолжение 500 лет Лакедемон, город бедный и имевший мало граждан, самым могущественным во всей Греции.

Равным вниманием на образование воинов, вниманием, продолжавшимся несколько веков, горсть людей, основавших Рим, произвела со временем победителей вселенной. Бесчисленность народов, силы, богатство целого мира не могли противостоять малочисленной их армии. И что ж может сделать число людей, страсти и слепая храбрость против мужества, управляемого дисциплиной, покорного рассудку и искусству.

VI

Единственно наставник, считавший для себя честью и славой образовать отечеству истинного, полезного, великого воина, может помогать природе производить величайшие дарования; внушая в душу юноши благородные желания, возвышенные чувства и любовь к отечеству, породив в нем склонность ко всему изящному, великому, он не даст заглушить оную рассеянием, но даст полезную пищу огню возжженному в воображении юноши. Читением исторических книг поддержит склонность к великим людям и великим деяниям, предохранит его от суетности и научит преждевременно опытности для поприща, на которое он вступит.

VII

Слава военная более действует на душу молодого человека. В первые годы жизни воображение его очаровано вниманием к подвигам неустрашимости и чести. — «Илиа-

да» Гомера вселила в Александра Великого пристрастие к войне; жизнь и подвиги сего победителя сделали Карла XII героем; чтением Ксенофонта Сципион Африканский и Лукулл⁴ образовали себя и были великими полководцами. Кир был их образцом. – Так и всякий молодой человек с восторгом встречает великих людей и доблестные дела их в истории мира. В отечественной видит славные дела героев и защитников России, их добродетели, мужество и славу. Читая жизнь непобедимого Суворова, исполняется сердце удивлением к подвигам и уважением к его имени. Великие примеры воспаляют воображение юноши, и слава делается его страстью.

VIII

Сердце, разум и тело молодого человека, посвящаемого военной службе, должны быть образованы с одинаковым старанием. И тогда, как сердце внимает урокам мудрости, разум приобретает познания искусства военного, наук и языков, тело должно укрепляться различными движениями, навыком управлять оружием, навыком к перенесению трудов, связанных с военным состоянием.

IX

Уроки нравственности должны внушать любовь к вере, которую должны почитать лучшим способом, каким только можно возвысить дух и силу умственных способностей, к чести, которая составляет душу военного знания, к умеренности, как необходимому началу многих добродетелей. – Вот источники, из которых истекают: честность, мужество, величие души, точность и добрая воля в исполнении обязанностей, любовь к отечеству и рвение к его славе.

X

Образую разум юноши основательными науками, наставник пройдет с ним связь военных происшествий,

сравнит искусство войны древних и новых народов, заметит общее между ними и различное, – покажет славные дела древних и новейших полководцев, черты гения и решительности, подавшие им победу и ошибки, в которые впадали они иногда, – докажет событиями, примерами всех времен и стран, что усовершенствованное искусство и сила без военных добродетелей были ненадежными средствами для успехов войны, слабою оградой благоденствия народов.

XI

История и география более прочих наук соединены с нравственным военным воспитанием. Сии науки неразлучны, их образование взаимно. С каким рвением молодой человек будет следовать карте по пути побед Александра Великого в Азии! – Здесь, скажут ему, сей победитель прошел вплавь р. Граник сквозь град стрел; тут соорудил он мост чрез море и покорил Тир. В этом месте был город Арабеллы, свидетель блестящей победы его. В сей долине происходила кровавая, решительная битва, где победа вручила юному герою скипетр Дария⁵, его жену и дочерей, которых девственная стыдливость не имела причин краснеть во время плена.

Следуя за Аннибалом⁶ в его бессмертной экспедиции в Италии, сквозь леса Галлии и снега Альпов, он увидит бессмертного героя отечества своего, идущего по непролетаемым Альпам, по следам Аннибала, заваленным в продолжение прошедших веков новыми громадами снежных гор, – увидит, что возвышенному гению Суворова и единому сердцу его воинов не было преград в мире.

В истории отечественной наставник укажет ему победы древних россиян: на щит Олега на вратах Константинопольских⁷, на Переяславец Болгарский, столицу Святослава⁸, на реку Непрядву⁹, близ волн которой Россия сбросила иго татар, укрепившись единому сердцем.

Тут был славный подвиг Великого¹⁰, Полтавская победа. – Вот, скажет он, путь от Москвы до Парижа, – и юноша увидит на нем памятники славы великодушного монарха¹¹, полководцев, воинов и его целого российского народа!

ХII

Таким образом, география, соединяясь с историей, с событиями и уроками военными, не будет наукой бесплодной, заключая в одном предмете источники многих понятий. – Довольствуясь кратким обзором древней географии, наставник войдет в подробности новой, в особенности отечественной и окрестных государств, где, может быть, воспитанник его со временем будет играть роль на театре войны.

ХIII

При образовании часть времени должна быть посвящена практическим военным наукам, образующим необходимую способность в человеке, посвящающем себя военному знанию: это топографические упражнения в поле. Там молодой человек под руководством наставника-воина, постигая выгоды различных местоположений для военных действий и сравнивая с теми, которыми величайшие полководцы всех времен воспользовались для побед, приобретает военный глазомер, способность редкую, неоценимую, которую можно назвать быстрым действием умственной способности в определении средств, необходимых для побед, во всяком обстоятельстве войны.

ХIV

Здоровое, крепкое сложение, образование способностей тела суть необходимости физические для военного человека. В первых годах жизни должно пригодиться сложение его к тому, чтобы силы не знали изнеможения от трудов, здоровье не зависело от перемен жизни и погоды.

Несколько столетий назад в России молодые люди обыкновенно готовили себя к военной службе богатырскими играми: выходили в поле, стреляли в цель, скакали на конях, боролись, и победителям была слава. Это укрепляло их силы, научало искусству действовать оружием, приучало переносить труды, приучало к развязности, легкости и быстроте.

XV

Все познания, необходимые для военного состояния, должны быть увенчаны познанием человека, ибо каким образом управлять действием чего-нибудь, не зная пружины, на которой основано действие?

Сердце человека занимает главное место в науке военной: оно есть сильнейшая причина побед. Человек не камень, его не одно принуждение двигает: есть некоторые слова, есть некоторый род обхождения, которые сильнее действуют на него, более управляют им, нежели голос повелевающий.

«Бегите, оставьте меня! Здесь погребу я себя!» – сказал Суворов изнеможенному до отчаяния войску своему, и, как ветер, раздувающий гаснущее пламя, слова сии возродили силу и бодрость в воинах.

«Идите, неблагодарные! Бегите, малодушные! Я покорю вселенную и без вас! Александр найдет подданных и воинов повсюду, где только живут люди!» И ослабевшие македонцы одушевились снова любовью к царю и победам.

МИТРОПОЛИЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ С IV ДО IX ВЕКА

Страна между Доном, Волгой и Кавказскими горами с исконных времен носила названия Малой Скифии, Малой Сарматии, Малой Руси, или, в древности, Малых Аорсов¹,

точно так же как Великая Скифия носила названия Великой Сарматии и страны Великих Аорсов².

Иорнанд, предпринявший писать «Историю гофов», и, не имея для этого достаточно материалов, извлек из древних источников все, что касалось до скифов, и переименовал их в гофов, хотя, без сомнения, очень хорошо знал разницу между Skuafathiod (Suavathiod, Scлавathiod) и Gothathiod. На этом основании явился у него и *populus immensus*, называемый *малыми гофами*.

«Были и еще гофы, – говорит он, – называемые малыми, народ многочисленный, у которого Ульфиил был понтифом и владыкой (Pontificus et Primatus). Он научил их письменам. Это те самые гофы, которые живут ныне в Мисии, в области Евкополитанской (in Moesia regione Eucopolitana)».

Цель переименования Малой Скифии в Малую Гофию ясна. Дело касается до Ульфила, епископа Малой Скифии, который и по объяснениям Ире, Фульда, Цана, Габелеица, Лёбе и множества других, был якобы епископом гофов Мисии, разумеется, по тем же вышеупомянутым словам Иорнанда. Но этого мало. Епископ мнимых гофов Ульфиил относится ими к событию 376 года³, когда все истые гофы вследствие движения христианской религии между скифами были изгнаны за Дунай в Грецию и допущены императором Валентом с условием принятия христианства (по толку арианскому) на поселение во Фракии.

Приведем вкратце все источники сведений об этом событии, которое некоторым образом касается до нашего предмета исследований, но внесено в историю в превратном виде до невероятности.

В первых веках славянские племена, населявшие Великую Скифию, известны были истории под общими названиями: скифов или савиан по вере, генетов по происхождению и русь по войсковому гражданству. Эти названия то заменяли одно другое, то изменялись по

местностям, особенно в произношении гофов на севере, в *windi, venetai, kwana, gwana, wane, hunni*. «Все эти народы одного племени, – пишет Иорнанд, – и исчисленные нами в начале истории гофов известны ныне под общими именами венетов, антов (вендов) и славян⁴». Теперь свирепствуют они за наши грехи, а в то время были под властью Эрманарика⁵.

В Малой Скифии Босфоранской областью, т.е. Таманью, владели со времен Митридата и при римских императорах каганы гофов; собственно же туземные жители Босфоранского царства по обеим сторонам Босфора носили прозвание козар. Внутренность страны принадлежала малым аорсам, т.е. руси, которая и владела торговыми путями по Дону и Волге, соединяющимися с Азовским и Каспийским морями⁶. По Приволжью, над волоком, между Доном и Волгой, жили великие болгары; ниже же их, в восточной части Малой Скифии, – малые, или черные, болгары.

«За козарами, – говорит Иорнанд, – простираются болгары, которые за грехи наши прославились нашими бедами. Отсюда-то многочисленные племена гуннов, плодясь как зелье, кидались в ту и другую сторону с алчбой на народов⁷».

Восстание против Эрманарика и гофов началось в Малой Скифии, или Задонье, где все туземцы были уже христиане. Великорусы (*rhoxolani*) также приняли участие под предводительством Болемира.

«Между тем, – пишет Аммиан, – слухи дошли и до прочих гофов о внезапном появлении неизвестного дотоле народа, который то проносится, как ураган с гор, то как будто выходит из земли и истребляет, искореняет все, что встретится ему на пути, и т.д.

Преследуемые гофы бегут к Дунаю, переправляются через реку. Римские войска в тревоге, готовы уже встречать их, как новое нашествие скифов; но в стан Валента является в числе униженных послов от Фритигерна какой-

то пресвитер, выдаваемый ими за христианина, для переговоров. Снисходительно допущенный, он подал письмо от Фритигерна, который просил для себя и для своего народа, изгнанного из жилищ своих нахлынувшими зверскими племенами, прибежища во Фракии, обещая за то вечный союз с империей. Кроме того, поверенный в тайнах Фритигерна христианин вручил особенное письмо, исполненное хитростью и ласкательством, свойственным этому предводителю гофов⁸) и т.д.

То же обстоятельство описано Иорнандом следующим образом: «Визигофы, то есть те из гофов, которые жили на Западе, были в той же тревоге от гуннов, как и их собратья (восточные гофы), и не знали, на что решиться. Наконец, после долгих совещаний, положили отправить в Романию послов к императору Валенту, брату императора Валентиниана, и просить, чтоб он уступил им часть Фракии, или Мисии, для поселения. Они обязывались быть покорными его законам и власти; а чтоб внушить более доверия к себе, давали обет принять христианство, с тем чтоб он прислал к ним священников, которые бы знали их язык. Валент от радости согласился на их просьбу. Он разместил гофов в Миссии, оградой против нашествия других народов, и дал им проповедников арианского толку, к которому сам принадлежал».

Вот единственные сведения о гофах, принимающих христианскую религию по толку армянскому в 376 году. Здесь нет Ульфила, который никогда и не был миссийским епископом, а главное, в это время уже не существовал. Иорнанд упоминает о нем как о епископе малых гофов только там, где Малую, то есть Задонскую, Скифию называет Малой Гофией, и переносит ее в какую-то Евкополитанскую область Мисии Фракийской. Но Евкополихна, то есть Левкополихна Черной или Малой Сарматии, изобличает, что вместо «*in Moesia regione Eucopolitana*» надо читать «*in Maeotidis regione Leucopolitana*».

Несмотря на это, аммиановский пресвитер, посол Фритигерна, признается беспрекословно за Ульфила, изобретателя гофских букв и переводчика Священного Писания на гофский язык!

Рассмотрим век сказаний о Ульфиле. Критического свода их до сих пор не было исполнено даже германскими учеными, вероятно, по общечеловеческой слабости: мы строгие критики (как, например, Г. Шлецер) в отношении других, а слишком снисходительные в отношении самих себя.

С первых веков христианства истории известны уже походы скифов, или русов, на Грецию, что обыкновенно было не просто набег, но война за нарушение договоров и неуплату условленной дани. Состав рати великих скифов состоял, как и при Олеге, Игоре и Святославе, из совокупности подвластных племен, и у греческих писателей носил названия то нашествия скифов, то нашествия сарматов, то роксолан⁹, то народа *рос*, известного даже Магомету.

Во время похода в 253 году¹⁰ на азиатские владения греков «в числе пленных, – говорит Филосторг¹¹, – взятых ими (скифами) на бережных Малой Азии, было много христиан, и между ними предки Урфила¹². Будучи в плену, они распространяли веру Христову в Скифии. Из числа этих-то христиан во время Константина Великого был поставлен в епископы Урфила, и это происходило следующим образом. Присылаемый от царя скифов застрийских при взаимных посольствах Урфила был рукоположен Евсевием и бывшими притом епископами в епископы к христианствующим соотчичам».

Заметим, что это посвящение в епископы при Константине Великом не могло быть позже 337 года.

Сократ Схоластик в «Церковной истории» пишет о епископе Ульфиле следующее: «Акакианское исповедание принял и Ульфил, епископ гофов (?); а до того времени он исповедовал Символ Никейский, последовательно за Фе-

офилом, который, бывший епископом гофов (?), присутствовал на Никейском соборе и подписался».

Об этом отступничестве упоминает и Созомен Саламинский: «Акакий, с сообщниками, вызвал (в 359 г.) епископов из Вифинии, в числе которых были Марий Халкедонский и Ульфила Гофский (?). Они подтвердили читанное в Аримине изложение веры и отвергли все другие».

Из этих сведений заметим только одно, что Ульфил около сороковых годов IV столетия был епископом Босфорании и христианиновавших там до 325 года туземцев, а не гофов истрийских, иудействовавших до 376 года. Несмотря на это, несообразность хронологическая и новое смешение Дона с Дунаем, а скифов с гофами внесены в историю и Сократом и Созоменом при описании арианства императора Валента. «В то же время, – пишет Сократ, – гофский епископ Ульфил изобрел и гофские письма (?), перевел Божественное Писание и расположил варваров к изучению Божественного Слова».

В Созомене также смешано посольство к Константину с посольством к Валенту. После упоминания, что главным лицом посольства Фритигерна в 376 году был Ульфила, гофский епископ, тут же сообщается, что Ульфила и сам вступил в общение с Акакием (что было в 359 году) и отторг все племя гофов от Католической Церкви.

Откуда же истекает это смешение времени и обстоятельств? Несообразности так резки, что нетрудно понять, что в одном случае идет речь о мнимых гофах, скифах босфоранских, которые были в преобладании каганов и которые приняли христианство, когда Констанций, брат Константина Великого, покорением Малой Скифии или Сарматии рушил это преобладание. В другом случае речь идет о визигофах, или западных гофах, которым дал убежище во Фракии Валент. Если б Рим не сочувствовал более иудейству, нежели сиваизму и даже христианству на Боспоре Индийском¹³, не царствовали бы каганы, не из-

гибли бы мученической смертью первые проповедники христианства между черноморскими индами-савианами¹⁴, исконными поклонниками Триединого.

К этим-то индам Малой Скифии, бывшим под влиянием иудеев, был послан посвященный в дьяконы Евсевием Феофил.

Когда Феофил прибыл к савианам, правитель народа, склоненный убеждением, пожелал принять христианство и отклонился от эллинских заблуждений¹⁵. Заставив смолкнуть пред чудесами непобедимой веры во Христа всех жесточенных иудеев, окружавших его, Феофил привел к концу свое призвание, обратил правителя народа к благочестию, и он воздвиг в стране своей три храма. Первый в столице всего народа, называемой Тамарон; другой на торговом греческом, находящемся у моря в области. Третий же на другом краю области, где торг персидский, при устье (?) Персидского моря¹⁶.

Здесь собственно внутренним индам, соседним с внутренними эфиопами¹⁷, проповедовал св. апостол Варфоломей, принявший мученический венец в Армении¹⁸.

Но вопреки смыслу сказаний утвердилось мнение, что как св. ап. Варфоломей, так впоследствии и Феофил проповедовали не в черноморской Индии, а в счастливой Аравии. На этом основании в «Географии» Птолемея и в «Натуральной истории» Плиния можно найти в Аравии и *Homeritae* и *Saphar Metropolis*, и *Sabatha Metropolis*, и *Saba regio*. Это были настольные книги средневековья и позднейших орденских географов, когда на беззащитную историю Востока велись своего рода крестовые походы и когда тщательно вносились в издания все описки и приписки, извращавшие смысл преданий и переносившие события из местности одного края в другой, из Азии в Европу и обратно.

В дополнение изложенных уже свидетельств о так называемой Внутренней Индии на набережных Черного

моря приводим в выноске слова Воссия о том же предмете¹⁹. Вместе с этим открывается затаившееся для истории Восточной Церкви сведение, что рукоположенный Евсевием для проповедования Евангелия индам, или синдам, и поставивший престол Спасителя в Тамароне есть тот самый Феofil Босфоранский, *Episcopus Tomogum in Scythia*, который в 325 году был в числе подписавших Символ веры Никейского собора. Вот подпись его:

По списку библиограф Колберта: «*De Gothis Theophilus Bosphoritanus. Domaus Bosphorensis*».²⁰

Editio Labbeana: «*Provinciae Gothiae. Theophilus Gothiae Metropolis. Provinciae Bosphori. Domnus Bosphorensis*»²¹.

Ложное название *Gothiae Metropolis*, или, лучше сказать, латинское название по преобладанию гофских каганов, друзей императоров и римского народа, без сомнения, внесено в латинский перевод акта вместо *Scythiae Metropolis*, как следовало быть в греческом тексте, который не сохранился. Это доказывается, во-первых, актами Никейского собора. В каталоге стран и народов, где учреждены были уже епископии Вселенской Церкви, Александр Фессалонийский подписывается во имя епископов в землях славян Македонии, Эллады, всей Европы, Иллирии, Фессалии, Ахайи и также в обеих Скифиях. Во-вторых, тем, что Босфоранская епархия во всех последующих актах, сохранившихся и на греческом языке, называется, как увидим, митрополией Скифской Томитанской. В-третьих, Евсевий (*de vita Const. L. II, c. 7*) при исчислении стран, откуда прибыли епископы на Никейский собор, упоминает не о гофском, а о скифском епископе, помещая его в числе азийских.

В подписях собора Константинопольского, в 381 году, где участвовали только азийские епископы²²: «*Provinciae Scythiae: Gerontius Tomensis. Aetherius Chersonitanus*».

На соборе Ефесском, 431 года (*Pars I, cap. XXIV*) подпись латинская: «*Timotheus Episcopus a Scythia*». Отм. на поле: «*sive Tomogum in Scythiae*».

В лат. переводе: «*Timotheus Episcopus Tomitanus*» («Тимофей, епископ томитанский»). На поле: «*civitatis Tomogum, provinciae Scythiae decernens suscripsi*», «то есть государства томийского, которое я различаю от (одноименной) провинции Скифии».

В декрете Ефесского синода против Нестория и прочих еретиков все подписи принадлежат епископам азийским и африканских епархий, собранных для ручательства против влияния учения Нестория, распространявшегося в этих странах. Между подписавшими акт находится: «*Timotheus Episcopus provinciae Scythiae civitatis Tomogum*».

О распространении арианства в Азии и о скифах томитанских, не последовавших еретичеству, Созомен в своей «Церковной истории» говорит: «Напротив, Сирия и пограничные области, особенно же Антиохия, бедствовали от неустройства и возмущений. В этих областях было более ариан, владевших церквами, хотя немало и христиан Церкви Кафолической, которых называли евстифианами и павлинианами; ибо ими, как выше сказано, управляли Павлин и Милетий. Последние, тогда как вся Антиохийская Церковь едва не сделалась арианствующей, с трудом держались против ревности императора и лиц, имевших при нем силу. Где церквами управляли люди мужественные, там только народ не изменял исповеданию своему. И действительно, по той же причине, говорят, и скифы сохранили свою веру. Этот народ имеет множество городов, селений и крепостей. Его столица – Томис, город обширный и богатый, лежащий у моря на левой²³ стороне от входа в Понт Евксинский. Там по сие время (V столетие) продолжается древний обычай, чтоб единый епископ главенствовал над церквами всего скифского народа».

В этих словах Созомена три положения против несообразного ни с чем, а между тем утвердившегося мнения,

что епархия Томитанской области, или епархия Скифии, обратилась во фракийской Нижней Мисии:

1. Созомен говорит об областях азийских, подвергавшихся влиянию учения Нестория и арианства; точно так же как и Ефесский декрет против Нестория подписан только епархами азийскими и африканскими, в числе которых, как мы видели, подпись Томитанского епископа Тимофея.

2. Созомен говорит о скифах как о народе самостоятельном, неподвластном империи, у которого множество не только городов, но и крепостей. Всего этого нельзя было говорить о какой-нибудь епархии в границах Фракии.

3. Митрополия Томитанская была митрополией не одной епархии, а многих епархий в обеих Скифиях, как мы видели в греческом тексте никейских актов.

4. Исконный обычай в Скифии, или Руси (Ros), о котором упоминает Созомен, состоял в единоначалии, как в гражданском, так и духовном отношении. Как титул Атиллы, переданный Иорнандом: «Attila totitis Scythiae solus in mundo regnator» был во все времена принадлежностью великих князей – «Великий князь всея Руси, или всея Руси Самодержец», – так по росписи древних епископств Руси подпись митрополита была: «Митрополит Киевский и всея Руси», т.е. Великой и Малой²⁴. Это разделение было с незапамятных времен, какое бы название ни носила Русь у иноземцев: Скифии ли, Сарматии или Великих и Малых Аорсов. Малая Русь всегда означала пограничную, воеводскую часть Руси, находившуюся постоянно на военном положении. Границы, особенно с персами, то надвигались до Аракса, то отодвигались до Дона.

Томитанская епархия и была собственно архиепископия, митрополия всех прочих епархий Скифии, или, вернее, всея Скифии. Созомен в кн. 7, гл. 26, и называет Феотима, родом скифа, архиепископом Томитанским и всех прочих епархий Скифии. Несмотря на это, отец Кви-

ен (Quien) в своем «Oriens Christianus», в рядах всех помещающий Скифию во Фракии²⁵, утверждает, что в епархии Скифской только и было, что «Ecclesia Tomogum». Он приходит в недоумение по случаю возносимого обвинения в несторианской ереси на скифских епископов, над которыми Патерн, Томитанский, главенствовал.

Сомневаясь, чтоб в это время было несколько епископств в Скифии, Квиен приводит подпись Патерна на сообщении Синода Константинопольского Папе Ормизду об избрании на патриаршество Епифания и говорит, что по этой подписи Патерн один и единственный епископ всей Скифии.

Но этой-то разницы между епархиями империи и независимой, автокефальной и, так сказать, самодержавной епархии Скифии, о чем упоминает Созомен, и не понял отец Квиен: «*vetus consuetudo, quae ibi etiamnum servatar, ut unus Episcopus totius illius Gentis Ecclesiis praesit*». В Древней Скифии, или Руси, подразделения епархии или священноначалия выражались не различными церквами, а единою Церковью, единой духовной властью всея Руси (totius Gentis) и единым ее голосом. Форма выражения всех единств была: «Мы, Великий Государь». Различие с условиями Римской империи ясно видно из собрания окружающих посланий к императору Льву I (457–474). В первом, главном послании (epistola), подписанном главами митрополии, заключается и подпись митрополита Томитанского Феотима. Кроме общего послания следуют сорок посланий, от каждого митрополита отдельно с подписями – как его, так и всех подвластных его митрополии епископов.

Во всяком случае, митрополия предполагает в себе подвластные епископии; но отец Квиен, в подтверждение, что только и была одна епархия в Томи, замечает, что в древнейших актах церковной истории Томи считается архиепископством, а не митрополией и, выписывая в свиде-

тельство этого подпись епископа Патерна²⁶, пропускает его титул «Metropolitanus».

В подлиннике подпись его следующая: «**Paternus, misericordia Dei, Episcopus provinciae Scythiae Metropolitanus**».

Для чего этот явно недобросовестный пропуск? Для того ли, чтоб унизить значение и изменить смысл Томи-танской митрополии, а вместе с тем укрепить мнение, что эта епархия была во Фракии? Если б Scythia Parva была во Фракии, то действительно она не могла бы иметь более одной епархии.

Удивительно ли после этого, что не обращено внимания на акт Никейского собора, в котором в числе стран, где водворилось уже христианство, упоминается об обеих Скифиях.

Быстрое и свободное распространение христианства на Руси в IV столетии оставило по себе неизгладимые следы, как увидим ниже. По ведическим предвестиям, для савиан европейских совершилась заключительная аватара – воплощение царя света. Но противники, иудеи и маги²⁷, действовали союзно. Чтоб подорвать основы Церкви внутренними раздорами, они внесли в нее под ликом христианства арианский толк. Валент, сопрестольный Валентиниану и управлявший Востоком, был ревностным последователем этого толка. По влиянию лиц, имевших при нем силу, ересь быстро распространялась в областях Азии. Обезжая сам азийские Церкви, лично изгоняя отовсюду последователей православия и отдавая их храмы арианам, Валент после неистовства в Антиохии, в Едессе и епархиях Каппадокии прибыл в Томитанскую митрополию. Войдя в церковь, он стал убеждать бывшего в то время архиепископа Скифии Ветрания, чтоб он вступил в общение с епископами ереси. Ветраний, мужественно и смело высказав свои мысли в защиту Никейского собора, оставил его и перешел в другой храм. Все стечение

народа, любопытствовавшего видеть императора, пошло вслед за своим епископом. Приняв этот поступок за намеренное оскорбление, Валент приказал схватить Ветрания и сослал его в заточение²⁸.

После этого событие отношения русов²⁹ к империи изменились. Ветраний был освобожден, но вследствие опасения народного восстания и войны. Современные цари гуннов, т.е. русов, носят греческие христианские имена Донат и Харитон. Донат убит римлянами, как говорит сказание, коварным образом, Харитон, наследовавший ему и поднявший войну, умиротворен дарами; но Рао или Радо, которого Иорнанд называет Roas, а западные историки воеводой скифов Rhodas, переходит Дунай, проникает во Фракию и грозит уже Константинополю. Верховный совет Византии, по утверждению императора Феодосия, отправляет к нему послов; но Рао внезапно умер, пораженный громом, как говорит предание. Когда царь Рао умер, пишет Приск, и царство наследовал Аттило, верховный совет отправил к нему послами Плинфа, родом скифа, и Дионисия, родом грека, для обычных поздравлений со вступлением на царство и заключения новых договоров. Но Аттило немедленно же по вступлении на престол отправился в Маргу³⁰ на Дунае, где сосредоточены были войска, с тем чтоб продолжать войну. Здесь и встретили его послы.

Из преданий известно, какими условиями, дарами и данью откупился Феодосий II; но политика императоров была уже под влиянием гофов, ариан и халдеев. Аквитанские гофы восстали против Аттило Рим, а халдеи кавказские – единоверных с ними персов.

Отправив малую, или козарскую, русь за Кавказ, отбирать у персов покоренные ими земли, сам Аттило поднялся с силами Великой Руси отбирать у римлян Галлию, и на полях Канталейских разбил в прах сосредоточенные легионы под предводительством Эция и войска Феодо-

рика Визиготского. Вслед за этим, когда Аттило, взяв приступом Милан, расположился станом на р. Минчио в преддверии Италии, к нему явилось с мольбой о пощаде Рима посольство Валентиниана и сам Папа Леон. Это обстоятельство усмирения через посредство славы римского священства подтверждает до некоторой степени предание, что Аттило был христианин³¹.

Между тем козары, отправленные им за Кавказ, громили Иверию и Армению, которые в это время были под властью уже персов. По Приску, находившемуся при Аттиле в числе посольства от императора Феодосия, «Козарией и прочими народами, населявшими русские земли при Черном море, в Азии, управлял старший сын его, Данчич (Danzic, Densiees)». По смерти отца он вступил на престол и в 467 году потребовал от Царьграда возобновления договоров. Но император Лев, пользуясь продолжающейся войной русов с персами, смело отказал ему в этом. Отказ вызвал войну. Младший и любимый сын Аттилы, Ярень (Irnas, Irnah), советовал брату не начинать войны с греками, когда не только что пограничная русь, козары и сураги³², но и большая часть сил русских отвлечена войной с персами в Армению. Но Данчич не принял советов брата. Усилил войска свои подвластными Руси гофами, он перешел Дунай. Но гофы изменили – и он погиб в бою.

В Иверии и Армении дела русов-козар шли также неудачно. Персы преследовали их за горы, проникли в Козарию даже овладели Беловежьем, или Белградом. Это было в то время, когда Вартан, воевода Армении, призывал на помощь кософов, или казаков, козар, которых армяне называли кушанки, или кушачи³³, а греки, в соответствии персидскому названию Hendsafel, – поморцы.

В то же время, когда Вартан вызывал на помощь гуннов гентакских, как выражаются в переводах, он вызвал и иверского кагана Вахтанга, который изменил ему³⁴.

С этого времени в Малой Скифии снова водворяется власть каганов, с которой постоянно боролась Русь. Юстиниан I, вступив на престол, с трудом сохраняет прибрежные греческие города Тавриды и Азиатского берега и начинает укреплять их.

В актах 536 года титул кесаря Флавия Юстиниана составляет уже набор неопределенных названий местностей и народов: «*Alemannicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Alanicus, Wandalicus, Africus.*» Скифам, сарматам и гуннам предоставлены названия алан и антов, Прокопий очень простодушно находит, что анты были совершенно сходны со славянами и по вере и по обычаям, по языку и наружности, по доблести и силе; находит большое сходство их и с гуннами. Живут они на Меотиде, на тех же самых местах, где гунны, и вся разница между ними та, что антов и славян Прокопий называет спорами, а гуннов – сабирами. Птоломей не называет их ни спорами, ни сабирами, а сапурами, а иногда тут же, для разнообразия, танурами. С ними соседят и скифы-аланы, и скифы-сусовени, и скифы-свевы, и скифы-аорсы, и иные скифы.

Эти-то все народы, лишившиеся уже имени скифов, сарматов и киммерян, но жившие еще между Меотидой и Кавказом, а по Птоломею в *Scythia intra montem Imaum*^{*}, («в Скифии за горой Имаус»), подпав снова под власть каганов, известных друзей императоров и Римской империи, снова приобретают с восстановлением на Босфоре преобладания гофов звание гофов³⁵. Прокопий Кесарийский в своей «Истории гофов», как и Иорнанд в своей, утверждает вопреки смысла это звание за всеми народами, «*quos vetustiora saecula; Schythas vocabant*»^{**}.

Этот современник Юстиниана I, написавший шесть книг об укреплениях, воздвигнутых императором для за-

* В Скифии за горой Имаус (лат.). – Здесь и далее перевод слов и иноязычных выражений выполнен составителем.

** Которых в прежние века называли скифами (лат.).

щиты границ как по Дунаю, так и Донскому Босфору против нашествия гуннов, в свою очередь смешивает местности, находящиеся на этих реках, как, например, область Дорас, или Дарас, «где издавна обитают гофы, не последовавшие за Феодориком в Италию». Гофы Феодорика, т.е. визиготы, пришедшие во Фракию в 376 году из-за Дуная, были поселены в Паннонии, и отсюда уже отправились в Италию (в 488 г.); следовательно, дело идет об области на Драве, а не на Босфоре и не в Тавриде.

Сведение Прокопия об укреплениях греческих владений в Тавриде и за Босфором на Азиатской стороне теряет смысл, если понимать в нем только укрепление города Босфора и города Херсона, а не укрепление городов Херсонес и городов Босфора на Азиатской стороне.

Влияние Томитанской митрополии простиралось на обе Скифии, но, когда Великая Скифия вела уже войну и с каганами, и с союзником их, Юстинианом, в области митрополии оставалась только Босфорания, заключающая в себе полуостров Керченский и полуостров Таманский, отрезанный от твердой земли укреплениями по пересыпям озер и Кубани. Со времени Юстиниана в актах соборов подпись Томитанского митрополита Скифии прекращается³⁶.

В VII веке подавленный на Кавказе гебраизм нашел себе поборника в лице Бьюрата Багратуни, который, завладев правлением Армении, объявив себя данником халифов. Здесь начало появления арабов, или, вернее, моссааравов (*mossaarabes*), известных под именем *авар*. В перемежающейся борьбе с христианами и, следовательно, с империей, в 740 году козарский каган овладел Босфоранией, и в это время епископ Босфорании (бывшей Томитанской митрополии) взят в плен. Его память, чтимая и Греко-Российской Церковью, объяснит нам лучше всего название Гофия, приданное Босфорании во время владычества каганов в Казарии: «Был епископ Иоанн при Константине царе и при Льве Исаврянине, от Тавро-Скифской

страны, под властью Готфского, сын Льва и Фотинии»³⁷. По случаю иконоборства он «от своих людей был послан к Ивирийскому архиепископу, и от того постановления приять». Он ездил в Константинополь и по защищении правой веры пред царицею Ириной (после 780 г.) возвратился в свою епархию. Злодеи хотели его предать во власть козаров (козарского кагана), но он успел бежать в Амастриду. Узнав же о смерти Кагана, возвратился в Готфию³⁸.

Таким образом, в подписях актов скифская Томи-танская епархия носила название Гофской в два периода преобладания гофских или иудейских каганов в Босфорании. Название «Гофская епархия» значило не более, как епархия в стране гофов (*in regione Gothorum*) для христианствовавших туземцев, а не для нашельцев-гофов, что не имело бы смысла.

Что гебраизм имел здесь сильное влияние и на сиваитов и на христианствующих, это неоспоримо, особенно в то время, когда полчища ислама, враждебного и христианству, и сиваитам, и гебрам, проникли сюда из-за Кавказа. «Великий каган хазарский и вельможи из его народа были постоянными покровителями христиан против последователей Магомета; но вот уже в 740 году под влиянием ученого еврея Исаака Синдшари приняли иудейскую веру³⁹».

В этом сведении ничего не относится собственно до народа. По Gihan-Numa, «владелец (*princeps*) козарской области иудей, а равно и все приближенные к нему вельможи; что же касается до подданных, то они различных вер⁴⁰, которые не воспрещается там исповедовать. Все управление в руках иудеев. Девять судей⁴¹ заведуют судопроизводством. Торговлю ведут с русами».

Если название Томитанской или Донской епархии прекратилось в актах, то оно сохранялось до половины IX века в истории. Валафрид Страбон около 844 года пишет: «Я слы-

шал от верных братий, что у некоторых скифских племен, преимущественно у томитан, и до сего времени отправляется богослужение на их собственном языке».

Здесь сохранялось постоянно и православие Никейского собора, что видно из окружного послания Патриарха Фотия во все епархии в 858 году о том, что в Символе веры не следует вставлять *filioque*⁴². В этом послании он восхваляет и ставит в пример неизменное православие русов⁴³.

Не знаем, найдутся ли после всего этого средства доказывать:

1. Что Томитанская епархия была на набережных Фракийской Мисии, которая, сверх того, с похода VII века была уже во власти болгар, обратившихся в христианство не ранее 860 года⁴⁴.

2. Что Ульфил, бывший епископом Томитанским около сороковых годов IV столетия, изобрел письменна собственно для гофов и перевел Евангелие на гофский язык, потому только, что для Иорнанда и Прокопия Кесарийского, писавших историю гофов, названия «скиф» и «гоф» безразличны; а Исидор, также писавший «*Chronicon Gothorum*», говорит прямо и утвердительно, что гофы происходят от Магога, что скифы есть те же гофы, и что вытесненные из своих жилищ внезапным нашествием племен гуннских (славянских), они перешли за Дунай и предались римлянам. Впрочем, и Иорнанд, и Прокопий, и Исидор совершенно правы, если они говорят, что «*Gothicae originis populi vetustiora saecula Scythas vocabant*», в смысле тех общих преданий Востока, по которым и египтяне, и халдеи, и евреи, и арабы, и персы до принятия магизма, иудаизма и исламизма были скифами, ибо следовали первобытному верованию, которое арабы называют *Mallet-el-Schith* или *Mallet-el-Sabiin*⁴⁵.

Но обратимся еще раз к Томитанской митрополии на берегах Донского пролива. С указанием настоящей мест-

ности, где она была, становятся понятными те предания, которые казались сомнительными. Например, в росписи епископов, находившихся в ведении Цареградского Патриарха при императоре Льве Премудром (886–911), митрополия России занимала 60-е место⁴⁶.

Где же была митрополия России, управлявшая, по актам Никейского собора, церквями в обеих Скифиях? Этот вопрос решает договор Игоря с греками⁴⁷. В этом договоре клятва христианствующей Руси: «Мы же, елико нас крестилися есмо, кляхомся церковью Св. Ильи в соборной церкви предлежащим честным крестом и харатьею сею, юже есть написано на ней». И «иже преступить се от страны нашае, или князь, или ине кто, или крещен; или не крещен, да не имать помощи от Бога, да будут раби в сий век и в будущей, и да заколен будет своим оружием». А «хрестьянскую русь водиша роте (к клятвенному обету) в церкви Святого Ильи, яже есть над ручаем, конец постничи беседы в козарех».

Следовательно, в Киеве была церковь Св. Ильи, т.е. епархия, называвшаяся по соборному храму на Козарском конце города, то есть части города, занимаемой русью задонской, или, в то время, козарской, где и была митрополия Томитанская.

Должно заметить, по словам договора, что в числе дающих клятву были и христианствующие русские князья⁴⁸.

Кроме киевского кафедрального собора Св. Ильи, без сомнения, существовали и другие церкви, как по значению митрополии, так и упомянутым актам. Кроме того, существовали и автокефальные монастыри. В прошении, поданном императору Юстиниану в 586 году, между подписями пресвитеров и игумнов автокефальных монастырей находятся подпись Павла, пресвитера и игумна монастыря Св. Самуила в Скифии.

Сказание в житии Константина Философа (св. Кирилла), что он обрел в Козарии русские письмены и переводы

Св. Евангелия и Псалтыря, приводило всех в недоумение и для многих казалось не стоящим внимания, несмотря на то что у славян, кроме начертаний букв, называемых кириллицей и составленных по образцу греческих, существуют древние, неопределенного времени письма, для которых образцом, по моему мнению, служил способ начертания букв индо-томильских. Это начертание, называемое глаголицей, по находимым рукописям, заключающим Евангелие и другие священные книги, доходит уже до XI столетия. Ранее этого времени не обретоено еще и писмен кириллицы. Писатели Средних времен, упоминая об этой славянской азбуке, называют ее то болгарской⁴⁹, то гофской⁵⁰.

Если Варнефрид Страбон около 844 года говорит: «Я слышал от верных братий, что у некоторых скифских племен, преимущественно у томитан, и до сего времени отправляется богослужение на их собственном языке», то, полагаю, не существует опровержения в том, что богослужение на собственном языке не может отправляться без Евангелия, Псалтыря и богослужебных церковных книг на том же самом собственном языке.

Итак, выводы из всего данного нам историей следующие.

1. Город Томи, собственно Tomis, Tomoios, Toneos и Томитанская митрополия были на Азиатском берегу Донского пролива, называемого и поныне Томитанским.

2. Таманская, или Томитанская, митрополия была митрополией Великой и Малой Скифии – что заменяло выражение «всяя Руси».

3. Ульфил, по всем сказаниям, был епископ скифской Томитанской епархии, наследовав оную после Феофила при Константине Великом. Прозывался же он Гофским только потому, что в его время Босфорания, по бывшему преобладанию в ней гофских каганов, поддерживаемых Римом, носила название Гофии. Это название при Константине

Великом исчезло вместе с каганами и, возобновясь в VII веке покорением области персами, окончательно рушено победой Святослава над иудействующими козарскими каганами в 965 году.

4. Упоминание Патриарха Фотия в окружном послании (в 858 году) о русах, неизменно сохраняющих православие Никейского собора, относится к русской Томитанской, или Донской, епархии, учрежденной Константином Великим для христианствующих русов в Великой и Малой Руси, носившей у греков название Скифии или Савии.

5. Сказание, что у некоторых племен скифских, и особенно у томитан, богослужение совершается на собственном их языке до сего времени (844 г.), доказывает давнее существование письмен русских и переводов Евангелия и других священных книг, без которых не могло совершаться богослужение на русском языке.

6. Сказание в паннонском житии Кирилла, в Псковском хронографе и других памятниках, что Константин в Козарии *«обрете Евангелие и Псалтырь Руськими письмены писано»*, есть истинное предание. Так как эти письмена не могли не оставить по себе следа, то находимые наряду с кирилловскими письменами древние рукописи Евангелия и других священных книг, писанные глаголицей, суть древнейшие письмена русские, которые на том же основании, как и епархия Гофская, ложно назывались и гофскими.

Дальнейшие выводы, не касающиеся до излагаемого предмета, предоставляю добросовестной любознательности желающих вникнуть в истинный смысл истории.

В заключение я должен, однако же, упомянуть о «Дорожнике, или Спутнике» Иероклея Грамматика, на который могут мне указать как на памятник древности, сообщающий, что епархия Скифии находилась именно в Мисии Фракийской. При поверхностном взгляде на этот памятник в самом деле можно прийти в недоумение; но при строгом взгляде можно только удивляться тем, кото-

рые вносят чучелу с подписью «Иероклей» в число авторитетов древности.

Упомянутый мнимый «Спутник» Иероклея, помещенный Бандурием в «*Imperium Orientale*,» найден в бумагах Гольстения, уроженца Гамбургского, который был каноником при кардинале Барберини, и потом библиотекарем Ватикана, около 1650 года. Этот «Спутник» признается произведением VI века, но есть не что иное, как простой каталог на греческом и латинском языках 64 провинций и 935 городов, подвластных Римской империи в эпоху, которая объяснится ниже. В этом «Спутнике» между V провинцией – Мизией и VII – Иллирией помещена

**VI. Provincia Scythiae.
Sub praeside urbes 15:**

Tomis.
Dionisopolis.
Acrae.
Calatis.
Istrus.
Constantiana.
Zedelpo.
Tropaeus.
Axiopolis,
Capidaura.
Cardus,
Trosmis.
Novio Odunus.
Agissus.
Almiris.

Вот образец «Спутника» по области, касающейся до нас. В «Дорожнике» Антонина есть, по крайней мере, последовательность пути и расстояния; в предлагаемом же

Бандурием «Спутнике» города скифской провинции перетасованы. Но Константин Багрянородный действительно имел в руках своих труд Иероклея Грамматика, а не простой каталог городов. Константин выписывает из него древние фемы, т.е. управы, округа управления, учрежденные, как известно, Диоклетианом и потом Константином Великим, и существовавшего до Константина Копронима, когда из Мисии образовалось Болгарское царство и никаких фем Империи в этой области уже не было.

Упомянув о первобытных народах Фракии, называемых *долонгами*, по имени царя, рожденного нимфой Титанидой от Крона или Сатурна Долонга, Константин говорит: «Свидетельствую это тем, что Иероклей Грамматик, написавший “Спутника”, помещает долонгов в числе народов Фракии».

Достаточно было бы и этих слов Константина, чтоб отличить бандуриева самозванца, который подлинно похож на Иероклея только по заглавию, но не заключает, в себе ни слова из внутреннего его содержания, состоявшего из кратких исторических сведений о фемах Империи.

Константин продолжает: «Вместе с этим он (Иероклей) говорит: “Всех епархий и городов под властью римских константинопольских императоров состоит: епархий 64, городов 935”. – “Упомянем же, в каком порядке были епархии в древности, и также о названии их”».

Вслед за этим в первой феме Фракии Константин, по Иероклию, исчисляет 14 городов епархии Фракии Европейской, управлявшихся советами.

Потом 7 городов епархии Фракии Родопийской, 5 городов области Эмимонтской, под управлением воеводским (без сомнения, потому, что в числе горцев были еще непокорные), 5 городов собственно Фракии, управляемых советами.

За сим следуют XIV городов епархии Мисии, под управлением воеводским (как области пограничной). Го-

рода Мисии: Tomis (?), Dionisiopolis, Acrae, Callatis, Ister, Constantiana, Zelpa, Trophaeos, Axiopolis, Capidava, Carpus, Trosmis, Noviodunum, Aegissos, Halmiris. Но вместо 14 городов исчислено 15.

Отбросьте Tomis, и вы увидите, что исчисление идет последовательно от граничного с Емимонтской областью Дионисополя вдоль морского берега к Дунаю и вдоль Дуная. Явно, что Tomis есть позднейшая вставка, и это даже видно по ясно означенному числу городов: «Praefectura Mysiae, sub dace; urbes XIV».

«Вот фема Фракии по “Спутнику” Иероклея», – говорит Константин в заключение 1-й фемы; но что же вместо этого предлагает «Спутник» Бандурия? У Константина в числе фракийских областей нет никакой епархии Скифийской. Иероклей Бундурия восполняет этот по его соображению и цели недостаток. Он вставляет в свой каталог свою собственную епархию Мисии с семью следующими городами, не существовавшими в подлинном «Спутнике», которым пользовался Константин: Marcianopolis, Odysos, Dorostolos, Nicopolis, Novae, Appiaria и Evrettos; из всех же городов, которые, по Константину, составляют епархию Мисии, «Спутник» Бандурия образует необходимую для потомков его времени епархию Скифии и пополняет ее столь же необходимым г. Томи.

Исчисляя епархиальные и соборные города по «Спутнику» Иероклея, сообразно древнему разделению Фракии, Константин не имел никакой цели пропускать 7 городов Мисии, если б они существовали в то время, т.е. при Диоклитиане, или не изменили своего названия при Константине Великом. Кроме того, нельзя определительно решить, не образовались ли сомнительные Istros и Tomea из Oristros⁵¹ и Cornea. В подписях Никейского собора: Provinciae Mysiae: Pistas Martianopolitanus и вместе с ним: Marcus Comeensis.

Если соборный город Мисии действительно существовал в начале IV века и позднее не мог быть не внесен

в роспись Мизийской митрополии, то, кажется, следует и в росписи и в географах читать не *Tomea*, а *Comea*⁵².

Но обратимся к двойнику Иероклея.

Описав Фему Фракии, Константин пишет: «За сим следует фема Македонии, которую он (Иероклей) помещает под Иллирией и описанием ее местностей и начинается так: «Македония получила название от Македона, сына Зевса, от Фии, дочери Девкалиона, как говорит Гезиод и т.д.»». Ничего этого нет в мнимом Иероклее Бандурия; но ясно то, что, составляя свой каталог областей и городов выпиской оных из фем Восточной империи Константина Багрянородного, он не понял слов императора, который исключает находившееся в «Спутнике» вслед за описанием Фракии описание Иллирии как области, принадлежащей Западной империи, и приступает к описанию Македонии.

Что же находим мы вместо этого у Бундурия и Иероклея?

VII. Provincia Illirica. 1. Macedonia. Sub consulari urbes 32.

И под этим заглавием иллирийской провинции он исчисляет вместо 31 города Македонии 32 и присоединяет к ним в соображении припуска острова Фаз и Самофракию, несмотря на то, что Константин даже Стримонскую область не вносит в фему Македонии, которой ущелья и горы населены были скифами. Эти скифы, по Страбону, – синды, жившие около Абдеры, на Лемносе и других соседних островах⁵³.

Константин Багрянородный заключает фемы Восточной империи XII фемой области Херсона⁵⁴. «Херсон, – говорит он, – в древности не причислялся к фемам империи и не имел значения митрополии, но управлялся, как и прочие области страны, царями Босфора». «Флегон в XV Олимпиаде свидетельствует, что Котису, царствовавшему в Босфо-

рании, кесарь (Август) даровал диадему и подчинил ему все тамошние города, в том числе и Херсон».

Этим важным для нас сведением и ограничивается описание фемы Херсонской. Может быть, из продолжения описания узнали бы мы и время основания скифской Босфоранской митрополии в Томи; но в издании Бандурия окончание заключается словами «*desunt quaedam*», а в подложном «Спутнике» Иероклея Скифская епархия перенесена, как мы видели, в Мисию.

Господин Новгород Великий

Если б вы знали, как хитро влюбила меня глубокая древность в непостижимую красоту свою! Это таинственная дева, носящаяся посреди моря времени, это любовь, которая манит, влечет вас сквозь темные переходы веков. Только пламень мысли освещает их, и вы видите в очарованной пучине, как в мире снов, и древнее солнце Египта, и мерцающую луну Сирии, и хаос вселенной, и хаос первых понятий до восхода светлого разума, и богов-людей и людей-богов, и первое небо, и начальную жизнь народов, и простоту добра и зла.

Она ведет вас по кладбищу прошедшего, по остовам событий, и перед вами, как в день Воскресения, все восстает, все создается снова, все принимает образ своего существования, все начинает повторять свою жизнь и убеждать в своем бессмертии.

Прошедшее – слой земли, по которому течет жизнь всего настоящего; бездна, которую время тщетно засыпает костями человеческими; восток, от которого все стремится к западу!

Кто не тоскует о тебе? Кто не вспоминает прежнего и не любит его? И человечество тоскует о том времени, которое оно отжило, и оно бережет память о юности своей.

Чудна любовь к преданиям; мирно беседует изыскатель со всем, что было, не заботясь о том, что будет. Люди, вспоминая о прошлых днях, угождают собственному своему сердцу, а он, вспоминая о прошлых веках, угождает всему человечеству; ибо человечество любит верные рассказы про себя, про свои подвиги и славу.

Вы знаете, что более всего занимает меня древность русская. Но для древности русской я должен постигать древность всемирную, и мне кажется, что если бы я позволил себе вполне предаться порыву страсти к изысканиям, я зарылся бы в летописи, исходил бы все развалины, срыл бы горы, вычерпал бы моря, сбросил бы несколько слоев с земного шара, чтоб только отыскать место бывшего града солнца, Сиспариса, в котором скрыты древние Адамовы письма о том, что было и что будет.

Вы также знаете, как давно я желал видеть Великий Новгород, но со всем моим желанием, окованным ленью, я прособирился несколько лет. Наконец желание видеть великий гранит, посвященный Государем памяти благословенного брата своего, превозмогло все. Я опоздал приехать ко дню открытия в град Петров; но я слышал шумные рассказы про этот день, в который сошлись на Исаакиевскую площадь слава и память 1812, 1813 и 1814 годов и составили из себя венец около воздымающегося к небу гранита, на котором стоящий со знаменем спасения ангел указывал на небо и говорил: он там!

Наш век не любит од; но если б прах Державина восстал от стен новгородских, море восторга заклокотало бы в нем, душа его загорелась бы, как небо на полюсах, и перекатились бы под голубыми сводами громовые звуки хвалебной песни.

Посланник Божий со знаменем спасенья,
Остановись и укажи, где тот,

Пред чьею памятью коленопреклоненья,
И Великан-Россия слезы льет?

«Он там!» – повторил бы ангел.

Я видел картину Брюллова «Последний день Помпеи», я видел сии огромные сфинксы и т.д.

Про картину Брюллова я не смею ни слова сказать, я не знаток в живописи, я еще продолжаю смотреть на нее мысленно; в восторге я бываю похож на голубя арабской басни, разбившего себе голову об стену, на которой было нарисовано пшено. Но сфинксы! – Взойдите в Академию художеств и смотрите на них в окно из залы, в которой стоят жертвенные сосуды и погребальные урны, называемые этрусскими: если дивная красота этих львиц с женскими образами не тронет вас, если эта жизнь и эти сладостные уста гранита не взволнуют вас, то откажитесь от холодной души своей.

О Петербург – это новый Египет! – Египет, где столько жизни в граните, где скалы, оторванные от хребта Ливийского, снесены для удивления потомства; где по гранитным аллеям истуканов, оводов, сфинксов, чудовищ прошли все поколения людей; где между развалинами стоят торжественные ворота и портики, как разбросанные громами неба обломки столпотворения! Там Мемнон, страж Фив, отвечающий народу языком гармонии; там громадные пирамиды, великие как могилы целых поколений, но построенные для одного только гроба; там храмы Мемфиса, Карнака, Арсиноя, могущие скрыть от палящего солнца все, что только молилось Озирису во всех его видах, свойствах и преобразованиях; там памятники, подобия бессмертия, мимо которых тянутся ряды веков, окованных временем и согбенных под тяжкими ношами событий.

Все это повторится в *граде Севера*.

Но я тороплюсь в Великий Новгород, в древнее гнездо, в котором высижено орлиное яйцо и вскормлен двуглавый птенец.

Чудное имя! Много в нем бессмертия и славы, много таинственности! Но если есть способность провидеть в будущее, есть способность читать и в прошедшем.

Смотрите на прилагаемой при сем карте путь из Петербурга в Москву. Он идет чрез Новгород. – Это недаром: Москва и Петербург – потомки Новгорода, они не проезжают мимо своего прадеда, кланяются его сединам.

По пути из варяг и я, сняв шапку, вступил на землю Новгородскую, окинул слезящими взорами всю святыню, рассеянную по холмистым берегам Волхова, и поклонился низко-низко, и произнес: «Кто против Бога и Великого Новгорода!» – девиз, переданный прадедом правнуку своему, С.-Петербургу.

Первый мой шаг был в храм Св. Софии. Восемь столетий! – мрачные, глубокие, таинственные своды; прах Мстислава и Владимира, останки мозаического украшения стен в алтаре, и дивные *полати*¹ в вышине храма.

Но первого храма Св. Софии о тринадцати верхах уже нет: он и вся христианская древность были на торговищах, т.е. на Торговой стороне. В Детинце², в сердце Новгорода, вероятно, долго еще таилось язычество; новый храм Софии освящен в 1051 году вторым Новгородским епископом Лукою. Внутренность его имеет сходство с Успенским собором, но пространство в переходах сжатое, столбы и своды огромные, сложные, мрачные; я не знаю, где помещается в нем широкая каменная лестница, ведущая в полати, где в излучинах переходов за железными воротами обширные покои под сводами, заключающие в себе ризницу, книгохранилище и другие древности.

Ризницу я видел, но не описываю ее, не умею составлять каталога вещам; книгохранилища не хотел и

любопытствовать, потому что я люблю читать, а не смотреть на книги.

Но что сказать вам о западных резных воротах Софийского собора, называемых *Корсунскими*? Много о них писали³. Всякий за свое мнение твердо стоит, как за золото; ни с кем не спорю, но, по пословице: *и моя денга не щербата*, пишу то, что думаю сам. Называются они Корсунскими недаром, ибо это название не догадка какого-нибудь изыскателя древности, но предание Новгорода, о котором говорил и Герберштейн; если они не сполна, не в том виде, каковы они теперь, принадлежали Херсону, то, по крайней мере, в них есть что-нибудь херсонское, к чему привязалась память.

По Нестору, Владимиром вывезены из Херсона между прочим «две капищи медяны и четыре кони медяны, иже и ныне стоят за Святою Богородицей». – Все это было привезено Владимиром в Киев, и всем этим украсили храм Пресвятой Богородицы: «и вда ту все, еже б взяле в Корсуну, иконы и сосуды и кресты». Но вероятно, Владимир уделил первому своему стольному граду что-нибудь из добыч херсонских.

Слово *капище* не может здесь означать кумирницы, или храма языческого, говорит Карамзин, и это ясно; следовательно, должно искать этому слову другой смысл. По-турецки *капу* значит врата, и это слово в турецком языке не собственное, ибо в родоначальном арабском языке врата называются *баб*⁴, по-венгерски врата также называются *капу* (кари); следовательно, это слово принадлежит более сему языку.

В сербском врата называются также *капија*, следовательно, это слово могло быть и в языке русском. *Капище*⁵ по свойству языка могло быть увеличительною степенью.

Смысл слова *капище*⁵ в значении «храм» подтверждает мой вывод. Слово «врата» на Востоке было слово свя-

щенное и значило «храм». Например, *бабель* значит «врата Бела», или храм Бела. Тор, божество Востока и Севера, носит смысл и «врат солнца». По персидски *дер* – дверь, врата, *дайр* – монастырь, храм Магов.

Основываясь на сем, я заключаю, что предание народное подтверждается летописью и врата Корсунские существовали, но они вывезены не в том виде, каковы они теперь; число медных четырехугольников, или образов, составляющих оные, дополнено; это явно; на одних видно все неискусство древности, на некоторых же вся немецкая премудрость мастеров *Авраама, Исмута, Риквина и Мепеги*. Все латинские надписи есть также их произведение и впоследствии дополнены русскими переводами оных.

По мнению Т. Де-Санглена, надписи «*Riquin me feci*» и проч. могли относиться не к дверям, а к бляхе, и я с этим вполне согласен.

Но оставим Корсунь и врата ее, и немецких мастеров, которые трудились над ними. Вот влево церковь, взойдем на каменное крыльцо, вступим под свод. – Это была некогда Грановитая палата новгородская; я полагаю, что близ оной возвышалась и вечевая башня, и может быть даже самая отдельная башня, которая видна по сие время в нескольких шагах⁶; она нисколько не похожа на колокольню храма и потому долженствовала быть башней вечевой и вместе сторожевой, ибо с нее виден не только весь Новгород, но и все окрестности на далекое пространство. По сию пору она в том же виде, как изображена на приложенном при сем плане древнего Новгорода. Это вече, или Грановитая палата, было впоследствии, вероятно, обителью монашествующих, ибо в ней жил св. Иоанн Новгородский. По сие время еще показывают его затвор, где молился он Богу перед образом; затвор сей в стене за дверцами; в нем едва только есть место, чтоб стоять одному человеку на коленях. В другом покое, также в стене, впадина со стоком

наружу, в которой висел медный, освященный чудным преданием рукомойник, точно такой формы, как бывают в деревнях глиняные висячие. Описание чуда изображено на стене; а также и то, как Иоанн, изгнанный новгородцами, плыл на плоту против воды в Юрьев монастырь.

Старое время – сновидение людей! Как в тебе было все молодо, зелено, велико, пространно, полно чудес; но люди не ведали еще, где их благо, Волхов не знал еще, в которую сторону течь ему!

Влево от ворот, ведущих на мост, над береговой стеною стоит древняя колокольня. Это небольшое продолговатое четырехугольное здание, вершина площадки с перилами, посредине оной стена с арками, в которых висят колокола, и между ними висел когда-то не вечеровой колокол, но какой-то Шатун; это был самозвон; стоило только дотронуться до языка, и он сам раскачивался, сам звонил не переставая до тех пор, покауда звонарь не остановит, не уговорит его. Верно, в наказание за болтливость его изрубили на части и отправили на колокольный завод.

Смотрите с этой колокольни вокруг себя. Ни Новгорода, ни окрестностям его негде скрыться от ваших любопытных взоров. Под стопами вашими Волхов, покрытый барками, пароходами и ладьями; вправо, вдали, сливается он с Волховцем и Мстою, пьет воды Ильменя, обмывает темный берег Городища и по отлогому песчаному берегу ласкается к белым стенам Юрьева монастыря, которого ограда, кровли и главы стоят, как наряженные в парадную ризу. За Юрьевым монастырем чуть-чуть виден скит, в котором живут уединенные калугеры и в продолжение дня и ночи читают Слово Божие в небольшой древней церкви, стоящей на том самом возвышении, где, как говорят, стоял идол *Перун*.

Перед вами мост через Волхов, ведущий на Торговище, или Торговую сторону Новгорода. Не думайте, чтоб *Дети-*

нец и *Торговище* были одно и то же тело, – нет, у них была разная душа и нрав. На *Торговище* издавна жили христиане и иностранцы, а в гнездо свое не пускали ничего чуждого их воле и крутому нраву.

Эти две стороны часто сходились на мосту биться на кровь: «В лето 6665, бысть котора ала в людех, и всташа на Князя Мстислава на Гюргевича и начаша изгонити из Новгорода. Торговым же поле сташа в оружии по нем и сварившася братия и мост переимаша на Влхов, и сташа сторожи у городских ворот, а друзии на оном полу, малыже и крови не пролияша межи собою».

Но Господин Новгород настоял на своем.

Буйная голова! Посадники у него были не что иное, как безвластные правители дел, призываемые князья-судьи, которые рядили новгородские дела по закону.

И кажется мне, что князья и посадники по закону же веча должны были жить вне гнезда новгородского, на *Городище*, или на *Торговище*.

Город кромный, или кремль Новгородский, назывался *Детинцем* издавна; в «Исторических разговорах о древностях новгородских» замечено, что он назван сим именем с 1302 года; но в новгородской летописи упоминается о нем еще под 1197 годом.

«Том же лете на велик день сгоре он пол, а 3-й день Детинец сгоре город, и книну чад избиша».

Под 6621 годом в нов. лет. замечено, что погорел снова он поле, на сей же стороне город кромный.

Слово *кромный* значит укрепленный, то же, что кремль; от сего слова произошло укромный – т.е. приютный. Но так как цитадель Новгорода называлась *Детинец* (слово, происходящее, вероятно, от слова «дедина», означающего на некоторых славянских наречиях «деревня», «град», «bourg», – точно так же, как слово цитадель происходит от *cite*).

Следовательно, кромным городом называлась пристань между *Детинцем* и второю оградой.

У древних все, что только носило название города, было часто возвышенное, обнесенное стенами и твердынями.

Взгляните же теперь на Новгород в его топографическом положении, и вы легко определите прежнюю воображаемую величину его.

Место, называемое *Софийскою стороною*, есть возвышеннейшее из всего пространства окрестностей новгородских. Первый народ-пришелец, избравший берега реки *Волхова*, или *Мутной*, для своего жительствова, должен был необходимо обратить на эту возвышенность свое внимание, ибо ему нужно было, чтобы первоначально, по прежней мере, сторожевой его взор обладал всеми окрестностями населения. Болотистые берега реки не могли представлять места более удобного для города: все пространство окрестностей, особенно ближе к Лиману, состояло из низменностей и нечувствительных холмов, обдаваемых разливами озера, Волхова, Волховца и Мсты. Это заметно еще и теперь, между тем как упадок воды на севере доказан ученым историком Швеции. По сие время видны болота и следы болотистых мест, неудобных для жительствова, между всеми возвышениями, на которых стоят монастыри, как на оазисах Сахары. Следовательно, если невозможно, то, по крайней мере, трудно предполагать, чтобы пространство древнего Великого Новгорода заключало в себе весь этот архипелаг.

Хотя слово *Городище* и означает место бывшего *города*, и положение его также довольно возвышенно, но оно могло быть занято только тем народом, который не владел левым берегом Волхова, и возвышенностью Детинца, главою всех окрестностей; к тому же холм Городища представляет самое ничтожное место для населения; оно могло быть селом княжеским, там мог быть двор княжеский, храм, и сады, которых остатки по сие время видны в вековых яблонях; но значительного города там не могло быть. Кто жил на Волхове и в окрестностях его до пришествия славян, определить нетрудно.

До пришествия Одена от Танаиса на севере жили *свеи* – скандинавы, т.е. скифы и русы-финны. Настоящее название Скандии есть Скада-ей, или Сказа-ей (остров сказа). Отсюда произошло название Скифия, Svithiod hin mikla, Великая Скуфь.

Следовательно, все названия мест, населенных скифами или скадами, носили и названия скандинавские.

Таким образом, Ильмень есть испорченное *Лиман* (низменное, болотистое, проточное озеро).

Прежнее же название Ильменя *Мойско* значит то же и преобразовано из Maose (болотистое место).

В Ливонии по сие время сохранилось много названий мест, кончающихся на *хоф*, например Гильзенхоф, Зельтенхоф и т.д. «Хоф» происходит от «Hoffut» – глава, столица, двор. Может быть, подобные названия распространились и далее Плескова (Ploehoff) в *Плогсландии* (пахотная земля); может быть, название Волхова произошло от места называвшегося Волю-хоф, т.е. двор, храм Ваала, божества, которое было известно Скифии, Скульдаме и сивиллам скандинавским.

Название города Валдая принадлежит также предместникам славян на севере. Оно составлено из Wald – лес, и Еу – остров.

Кто был в Валдае, тот поверит этому производству: на озере подле города Валдая – острова; на одном – древнейший монастырь Св. Иакова; другой остров покрыт лесом, который называется Темный лес. В трущобе этого леса, как сказывал мне один житель Валдая, есть следы древних развалин. Но этому верю я на слово; проезжая в дилижансе, я едва успел сделать несколько вопросов у первого встречного. Может быть, этот лес скрывал капище Ваала, ибо слово Wald (дубрава) есть принадлежность храмов халдейского божества.

Для вас скучны подобные выводы, основанные на догадках; но в кратком письме я не могу изложить моих

предположений и доказательств на счет вероятности всего сказанного. Покуда верьте мне на слово; а я прибавлю еще несколько слов насчет скифов и скандинавов, которые давали всему свои прозвания; например, Уральские горы происходят от слова *Urfiall*, т.е. **граничные горы**; греки переименовали сие слово в *Riphseos*; Биармия от *Ваг-ма*, или *Вјог-ма* – Медвежья земля⁸.

В дополнение исследуем названия порогов днепро-вских.

2-й. По Констант. Багрян, по-русски *Улворси*, по-слав. *Островуни-праг*.

Fors по-древлеготски значит *порог*. Смотр.: Словарь Ihre, стр. 523. *Fors*. II. *Cataracta*, *Catadupa*, *flumen rapidum et vehemens*. В производстве слога *ull*, произошедшего от звука *holm*, которое значит то же, что остров, я согласен с г. Лербергом.

3) Гёланзри, по-русски; по-славянски звук *порога*. Этот перевод верен, ибо *goel* значит поющий, звучащий, например, в *Волюспэ* **gol um Asom gullinkambi** поет о златошлемных азах.

4) По-русски (т.е. по-готски или скифски) *Ейфар*; по-славянски *Неясыть*; *Eu-fors* значит остров *порог*; следовательно, Константин Багрянородный смешал названия; ибо название 2-го порога по-слав. сходно с 4-м по-русски.

Бару-форос. По-слав. *Вульни-праг*. *Вага*, по изысканиям Лерберга, значит волна, *fors* – порог.

5) *Леанди*. По-слав. *Веруг*, т.е. кипение воды. Действительно врение по-славянски значит кипение воды. По-готски *linda* значит то же. См. словарь Ihre, стр. 76. «*Alius Linda dicitur de quavis re, quae forma spirali circumvolvitur*».

Всего этого достаточно, чтобы увериться в том, что на всем пространстве Руси предместниками славян были племена готические.

Во II столетии *Ниорд* сын Одена, владетель ванов, коих я почитаю финнами, поселился в *Ноатуне*, т.е. в Новом

городе. *Tuna* на готическом языке значит Город, Ноа – новый; может быть, судьба Ноатуна была подобна, например, судьбе Аккермана, который имел одно название на языках разных народов, обитавших в оном: по-турецки Аккерман, по-молдавски *Четате Альба*, по-гречески *Аспрокастрон*, по-русски – *Белый город*.

Итак, Новгород гораздо старше наших о нем понятий, и я уверен, что первый, основной камень Детинца положен до пришествия воинственных ферейнгов, жителей островов Ферских.

Не спрашивайте меня: что за люди варяги? – Это тайна историческая. В нее посвящены были только Новгород, Киев и Византия. И кроме них никто не видел ни русских варягов, ни греческих. Известно только, что они приходили из-за моря и были надежными союзниками русских, а по писателям византийским, были кельтического племени и говорили наречием инглезов. Но если нужны для истории догадки, то я уверен, что вы не поверите, будто бы эти древние швейцарцы народились от Юпитера и слова *Waarenjager*⁹, и от Юпитера и *Waeria*¹⁰; ибо только один Бахус имел две матери.

Вы так любите изыскания и догадки, но так мало верите им; вам трудно угодить, вы сомневаетесь даже в верных моих догадках: на уверения мои, что в Несторе слово *скот* есть слово варяжское¹¹, а не русское, и значит налог, контрибуция, вы говорите: а бог весть!

Но во всяком случае, я скажу вам и свое мнение, по арабской пословице: «И не оставляй на пути камня, годного для строения».

По моему мнению, варяги составляли из себя целое семейство и имели свое гнездо. Воинственным, подобно швейцарцам, им не сиделось дома, и они ходили на добычу славы и золота, внаймы к народам сильным и чуждым; ибо слуге-чужеземцу всегда больше чести и платы, и очень

справедливо: он продает часть своей бедной жизни в надежде озолотить свою будущность.

Это гнездо варягов состояло из 20 островов выше Шотландии, кои носили название Ферских островов. По *Færeyinga Saga*, в IX столетии основался там Грим Камбан (*Grmr Kamban*). *Kamban* значит победоносный: от *Kembo*; и, может быть, сей Грим есть тот самый Гриммер – морской конунг, известный в летописях викингов, т.е. жителей островов, ибо в древнем языке слово *wu* есть то же, что *eu* и значит *остров*: *Wiging* произошло точно так же, как *Ingling*, как *Færeying*.

Зигмунд Брестерзон, сильнейший из владетелей феррийских, служил у Олофа Тригвазона, короля норвежского, воспитывавшегося в Гардарике у конунга Вальдимира, и ездил для добычи на Восток в Халмгард.

Переселенцы на Ферские острова состояли из разных выходцев окрестных государств: и потому слова Нестора «и идоша за море къ Варягомъ Руси, сиче бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзи-жь Урмени (Германы), Ингляне, друзии Гоше», поясняются.

Фэреинги могли называть себя *Færeyske lid*, как *Islandska menn*. От сего произошли варяжские люди.

Варяги могли называть землю свою *Foerigke* или сокращенно *Foerige* (владение форбское), точно так же, как *Swea-rike*. – *Swerige*, *Nord-rike* – *Norige*, и, следовательно, слово *Foerige* имеет полный звук Варяги. «А по Двине, – говорит Нестор, – в Варяги», т.е. в Фёр-рике, в землю Фёрскую.

Но не распространяюсь в доказательствах, на первый раз довольно. Обратимся к славянам.

Если спросите меня: откуда пришли славяне на север? – я буду отвечать, что славяне греческого племени, что они *пеласги*, что они кельты и, наконец, *поморяне*, населившие Север еще до прихода тевтонов. Потопленные ими, они мирно жили под властью их, исповедуя одну и ту

же религию *Ваалову*; но когда в IV столетии готты стали принимать христианскую религию и принуждать к тому же и своих данников, тогда славянам стало между ними душно, и они с богами своими пошли искать вольного воздуха на болотистой земле колдунов-финнов, близких им по единоверию.

Вот мои исторические мечты, которые, однако же, я хочу осуществить подробными исследованиями. Теперь время на *Волотово поле*.

Это, говорят, Валгалл славянский, куда отправились новгородские богатыри пить мед в вечной обители. Там, по сказаниям, и могила Гостомысла, сына Буривоева, праправнука Владимира и премудрой Адвинды, потомка великого Вандаля, который, происходя от князя Славена, ходил воевать на все четыре стороны.

Верстах в трех от Новгорода, по дороге в Москву, влево, на возвышении, видно село *Волотово*; в нем, подле церкви, которая довольно древняя, есть курган. Это, говорят и пишут, могила Гостомысла; в вершине этого кургана видно углубление, как в потухшей сопке; любопытство успело уже скрыть его, отыскивая костей исторических.

Если верить сну гостомыслову, то Умила, дочь его, долженствовала быть замужем за кем-нибудь из ферейских (варяжских) владетелей, и это-то могло быть причиной признания сына ее Рерика.

Ничего не могу сказать вам нового о призвании Рюрика, Синава и Трувора на стол новгородский; но подозреваю, что они были сыновья Гаральда Красновласого, конунга норвежского, и именно: Рерик, Сиграуф и Гудрауфур. Не бойтесь анахронизма.

Но, покуда разрешится эта задача, посмотрим на *Волотово поле*.

Вы, полагаю я, верите тому, что имя Властос, Власий, и славянское *Влад* не есть то же, что Велес, Волос, т.е.

Ваал, хотя, может быть, и происходят от него, ибо *Vlastes* значит Произродитель. Велесу, или Волосу, поклонялись наши предки, и я со временем изложу мои доказательства, что поклонение Ваалу было не только в Азии, но распространилось почти по всей древней Европе, и что *volu*, Волос, Бел-Бог, *Velenus* не случайные звуки, сходные с именем Бела, но есть то древнее слово Халдеи, преобразованное наречиями, которое означало на первом языке Всевышнего Бога и которое произносилось с благоговением всеми языками мира. Волос, скотий бог, не значит, что он есть бог волов, овнов, и проч., но значит – бог земных тварей. В дополнение слово «скот» принадлежит, кажется, обрядам Вааловым. Ваал есть таммуш (таинственный). При совершении таинств Ваалаховых приносили волов и овнов, которых название было в языке жертвоприношений единозначительно. *Тур* (*tauras*) значит *овен*, *тур* значит и *бык*. Слово *товар*, значившее и означавшее и поныне на Юге *скот*, произошло также от *taurus*; слово *вол* одолжено своим происхождением также Ваалу, принимавшему образ вола в ознаменовании могущества своего. Старшинство божеств, изображенных созвездиями в зодиаке дендерахском, начинается с Овна (*Belier*) – (слово, происходящее от Бела, или Ваала), потом следует Вол (*taurus*), *тур*, шелец, Тор сын Адона (Одена) или Бела, и т.д.

Истолкованию мифологии славянской я посвящаю статью особенную; здесь же слегка касаюсь до моих исследований, чтоб хоть несколько убедить вас в том, что *Волос*, бог новгородцев, не есть какой-нибудь посадник Власий и что Волотово поле значит поле Ваалово, или град Ваала, тот же *Valhall*. Неудивительно, что оно называется в предании исполинским; *Ваал*, или Бел, значит между прочим *великий*, *могучий*; и самые слова разных наречий *великий* и *большой* приняли свой смысл от Ваала и Бела.

Обратимся теперь к *Перуну*.

Перун есть Бахус, или Бах Пиригенов, т.е. сын пламени*. Поклонение Баху и поклонение Ваалу сошлись на Севере. Первое преимущественно нашло себе верных поклонников в славянах; второе владычествовало на севере у русов. Но подробности узнаете из моих исследований древней религии славяно-русов.

По сказанию «Исторических разговоров о древностях Новгорода», в старину Торговая и Софийская стороны сходились биться палками на мосту. По сказкам, этот обычай приписывают тому, что Перун выбросил палицу свою на мост, но сей обычай принадлежит, кажется, к обрядам воинственных праздников Ваала: игры восточные джигидами есть остаток сих праздников, а у славян сохранилось от них слова *свалка*, *валять*.

По преданиям народным, идол Перуна стоял близ оконечности моста на Софийской стороне, на том самом месте, где ныне часовня; следовательно, бой происходил по всем правилам, перед судом божеским.

Сказание Иоакима о низвержении идолов в Новгороде носит на себе печать истины, хотя вообще отрывок летописи, известной под именем Иоакимовой, есть не что иное, как сборник лжи и правды, преданий исторических и народных сказок.

В следующих словах видно все простодушие истины: «В Новгороде люди увидавше, еже Добрыня едет креститься, учиниша вече, и заклшася все не пустити во град и не дати идолы опровергнути, и егда приидохом, они разметавше мост великий, изыдоша со оружием, и аще Добрыня прельщением и лагодными словы увещевая их, обаче они ни слышаша хотяху, и вынесше два порока великие со множеством камня поставиша на мосту, яко на сущие враги своя; высший же над жрецы славян *Богомил*, сладкоречия

* Здесь А. Ф. Вельтман ошибается. Перун Громовержец – это славянский синоним Зевса (Дива). Поэтому он был главой княжеского пантеона. – *Сост.*

ради наречен *Соловей*, вельми прещя люду покоритися. Мы же стояхом на торговой стране, ходихом по торжищам и улицам, учахом люди елико можахом; но гиблющим в нечестии слово крестное, яко Апостол рекл, явися безумием и обманом. И тако пребыхом два дни неколико сот крестя.

Тогда тысяцкий новгородский Угоняй ездя всюду вопил: лучше нам помрети, неже боги наша даши на поругание. Народ же оныя страны разсвирипев, дом Добрынин раззориша, имение разграбиша, жену и неких от сродник его избиша. Тысяцкий же Владимиров Путята, яко муж смысленный и храбрый, уготовав лодия, избрав от Ростовцев пять сот мужей, ношею перевезеся выше града на ону страну, и вшед во град никому же пострегшу; вси бо видевши чаяху своих воев быти. Он же дошед до двора Угоняева, онаго и других предних мужей ят, и абие посла к Добрыне за реку. Людие же страны оныя услышавше сие собращася до пяти тысяч, отступиша Путяту и бысть между ими сеча зла. Некие шедшие церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху. На разсветии Добрыня со всеми сущими при нем приспе, и повел у берега некие дома зажещи, чим люди паче устрашены бывше, бежаху огонь тушити, и абие преста сечь. Тогда предние мужи пришедше к Добрыне, просиша мира».

«Добрыня же собра вои, запрети грабление и абие идолы сокруши, древяннии сожгоша, а каменнии изломав в реку ввергоша, и бысть нечестивым печаль велика. Мужие и жены видевшие тое с воплем великим и слезами просяще за ны, яко за сущия их боги. Добрыня же насмехаяся им веща: что безумные сожалеете о тех, которые себя обронить не могут! кую пользу вы от них чайть можете! и посла всюду объявляя, чтобы шли ко крещению. Воробей же посадник сын Стоянов, иже при Владимире воспитан, и бе вельми сладкоречив, сей иде на торжище и паче всех увеща. Идоша мнози, а нехотящих креститися воини влачаху, и крещаху мужи выше моста, а жены ниже моста. Тогда

многие некрещенные поведаху о себе крещенными быти, того ради повелехом всем крещенным кресты на шее, ово деревянные, ово медяны, и каперовы на выю возлагати, а иже того не имуть не верити и крестити, и абие разметанную церковь паки сооружихом, и тако крестя Путята, иде ко Киеву. Сего для людие поносят новгородцев: Путята крести мечем, а Добрыня огнем».

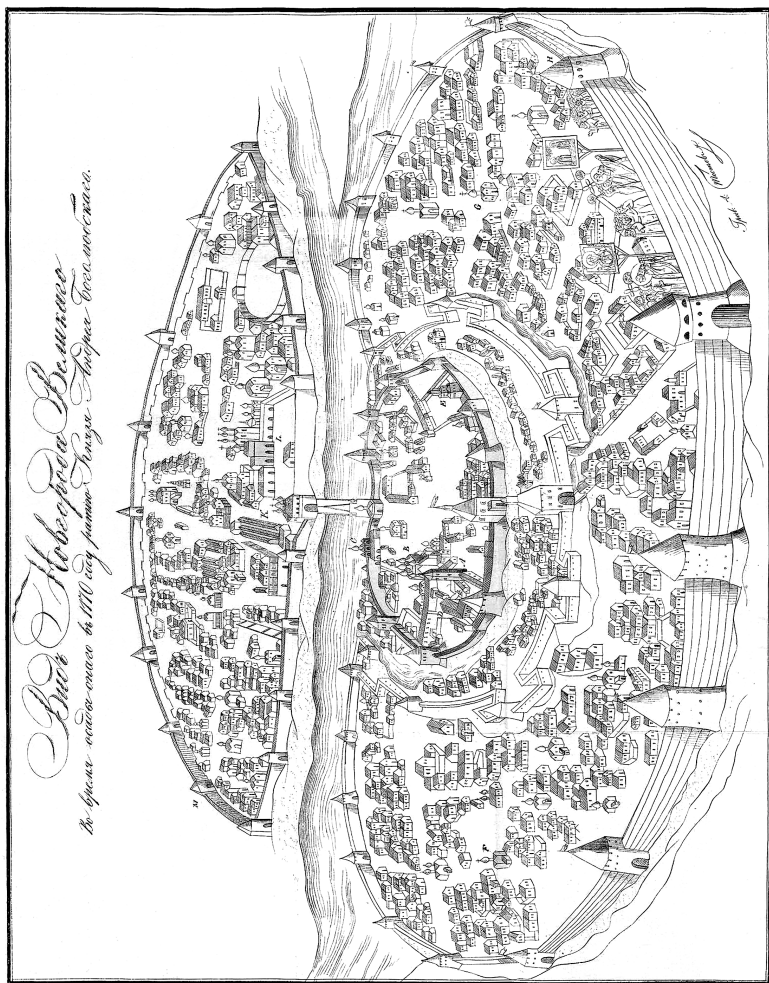
Вот как крестили буйную голову.

Когда вздумается вам ехать в Новгород, не забудьте взять с собою прилагаемый при сем вид его и план окрестностей; захватите и письмо мое, может быть, оно возбудит любопытство ваше осмотреть святыню русской истории. Взойдите на площадку колокольни (С), подивитесь на предполагаемую мною вечерую башню (А), на Софийский собор (В), на Грановитую палату (D)¹², на уцелевшую до сего времени башню (Е), на древнюю церковь Св. Иакова (F), на церковь Св. Власия (G), в которой увидите изображение сего святого, благословляющего с вершины горы паству стад; на Белую башню (H), остаток третьей ограды новгородской; на мост (I), против которого на Софийской стороне был боже Перунице; на Торжище (K), на остаток Ярославова двора (L), на уцелевшее основание башни (M); на дом Марфы Посадницы, в котором живет немец-портной, на медовые погреба ее, в которых поселился какой-то Вулкан со своею кузней.

Все это так любопытно, так дивно, так располагает к задумчивости и заставляет смотреть на поверхность земного шара как на Божью ниву, которую пашет время.

Но пора кончить письмо мое. Бóльшую часть замечательного о Новгороде вы найдете в «Исторических разговорах о древностях» его¹³. Это необходимая книга для всякого, кто не мимо Новгорода едет. Итак, мне остается прибавить, что «стыдно проехать Новгород, не взглянуть на него и не помыслить о прародителе городов русских, откуда есть пошла земля Русская».

Прилагаем при сем изображение Великого Новгорода в XII столетии¹⁴.

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНСКИЕ СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА

В статье, помещенной в майской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» на сей год, я изложил несколько наведений об окончаниях славянских собственных имен на *-слав* и *-мир*. Обратив более внимания на этот предмет и распространив свод имен, я предлагаю его уже не так как предмет частных филологических изысканий, но как новое средство для соображений исторических в отношении давности славянского племени в Европе и значительности его в древности.

Из представляемой таблицы свода собственных славянских имен должно заметить, что все без исключения коренные, или простые, и большая часть двойственных, или сложных, по **сие время в употреблении у южных славян** и преимущественно у сербов, как народа более прочих сохранившего собственность славянскую. Все фамилии сербские, и можно сказать без исключения, происходят от коренных собственных имен, и, следовательно, составляют ветви первых отчин, или семей: от Мило (Милой), Милош, Милован – Милошевич, Милованович; от Радо (Радой), Радош, Радован – Радович, Радошевич, Радованович; Драго (Драгой), Драгош, Драгошевич¹, и т.д.

Если же коренные имена в употреблении только у одних славян и имеют славянский смысл, то мы, бесспорно, имеем право назвать их чисто родовыми славянскими именами.

И если сложные имена состоят из славянских коренных имен, то столь же бесспорно должны мы признать их также славянскими, где бы мы их ни встретили.

С этими положениями приступим к рассмотрению свода простых и сложных славянских имен.

1. Коренные и сложные славянские имена. Чисто славянскими, древнейшими именами должно признать те, которые составляют вместе и наречия свойств и качеств:

Добро, Доброй	добрый
Богой	божий
Вело, Велько	велий
Белья, (Белой)	белый
Владо, Владой	властный
Вуйно, Вуйко, Вук	военный, буйный
Воин	военный, буйный
Здравко (Здрав)	здравый
Живко (Жив)	живый
Заро, Зарка, Зора,	зарный (от заря)
Зорна (ж.), Зоранка (Зоренька)	зарный (от заря)
Крайо, Крайчин	крайний, или может быть карающий
Драго, Драгой	дорогой
Борой, (Борислав, Берислав)	борющий, берущий, славный
Любой	любой
Красой	красивый
Лютой	лютый
Огньо, Огнян	огненный
Ново, Новко	новый
Радо, Радой	радостный
Стойо, Стоян, Стано	статный
Мило, Милой	милый
Миро, Мирой	мирный
Славой	славный
Златой	золотой
Спасой	спасающий

Познан	познанный
Рато, Ратой	ратный
Цветой, Светой	светлый, цветный
Рано, Раин	ранний
Райо	ранний
Ярко, Юр, Гур	ярый
Брато, Братой	братный
Мойо, Мойсил (Мысль)	мысленный
Средой	средний
Видой	видный
Дука, Душан, Душица	душевный

Все эти имена неоспоримо коренные славянские; и это подтвердится еще тем, что все окончательные заключаются в них же, как увидим ниже. Но сверх этих в числе простых имен есть такие, которые можно почтить вошедшими в употребление по принятии христианской религии и сократившимися по форме славянской, например:

Петр	Перо, Пуро, Пуреш
Игнат	Игньо
Иван	Иво
Моисей	Мойо
Фома	Томо
Федор	Тодо
Викентий	Вико
Павел	Павао
Симеон	Симо
Марк	Марко
Андрей	Андро
Арсений	Арсо

Дмитрий	Митар, Мичо
Георгий	Юр, Гур, Юрий
Даниил	Данко, Данчул

Но и эти имена в сложных соединяются со славянскими окончаниями; например: Томислав, Моимир, Павломир, Маркомир, Мечеслав (Мичо), Петрослав и т.д. Можно, однако же, полагать, что некоторые из коренных славянских имен сблизились по созвучию с еврейскими, греческими и римскими; например:

Мойо, Мойсил	Мысль (сохранилось только в окончательных)
Викентий, Вико, Вичо, Вичам	Вече (Вечеслав) вечный
Игнат, Игньо	Огнян, Огньо
Петр, Перо	(Перун)
Марко	Мирко, от Миро
Даниил, Данко	(Дано, Дан) день, денный
Василий	Весо, Веселин – веселый, весела ²
Лазарь, Лако, Лозо	Лик (например: Светолик)

Некоторые имена по сближению кажутся переводными с римского; например: *Floras* – Цветой; *Lupus* – Вук (Волк), или взятыми от римлян: например: Гайо – римское Гайи, галльское *Guu*, изменяющееся в Германии на *Veit*, *Voit*, сходное со славянским Вид, Видой, которое сблизается также с римским *Vitus*.

Некоторые из греческих христианских имен встречаются между славянскими уже в VI столетии. Во время войн с греками три предводителя славянских назывались: Андрогаст, Арсагаст и Пирогаст, – откинув славянское окончание *-гост*, остаются коренный Андро, Арсо

и Перо, сокращенные Андрей, Арсений и Петр. Что славяне в это время разделялись уже на язычников и христиан, то подтверждается словами Константина Багрянородного. Описывая войны греков против славян в начале VII столетия (610 год), славяне-язычники, говорит он, назывались *паганьими* (поганый), что значит некрещеный. Прозвание *белые хорваты*, *белые сербы* означало также язычников³.

Окончания сложных имен. В сложных именах все коренные соединяются с окончаниями на *-слав*, *-мир*, *-влад*, *-вид* или *-вит*, *-буд*, *-вой*, *-брат*, *-град*, *-рад*, *-бор*, *-мил*, *-мысл*, *-полк*, *-манн*, *-люб*, *-дух*, *-жив*, *-дич* или *-тин*; но все эти окончания составляют также коренные славянские имена: *слав* – Славой; *мир* – Мирю; *влад* – Владо; *вид* – Вид, Видой; *вой* – Вуйю; *брат* – Брато; *град* – Грдан; *драг* – Драго; *рад* – Радо; *бор* – Борой; *мил* – Мило; *мысл* – Мойсил; *ман* – Мийан; *люб* – Любой; *дух* – Дуко; *жив* – Живо.

Должно заметить, что все эти окончательные имена принадлежат к чистым славянским и может быть, в древности составляли имена *отчинные*, так что по числу их можно судить о числе первобытных славянских *отчин*. Если допустить это предположение, то главными из отчин славянских должно почесть две: Славоя и Мира, ибо с окончаниями на *-слав* и *-мир* соединяются почти все коренные имена без исключения; между тем как со всеми прочими только некоторые: Радо – Радослав, Радомир, Радовлад, Радогост, Радовид, Радивой, Радиград, Ратибор, Радмил, Радман; Юрий, Ярко – Ярослав, Яромир, Harovlad – Яровлад, Яровит, Яровой, Ярополк.... Хотя сборник мой нельзя почесть совершенно полным, и большая часть сложных имен вышли из употребления, чему доказательством служит то, что некоторые сохранились только в летописях, например, Миовой (король болгарский), а другие почитаются германскими, например Nadubrath – Годобрат; Nadugast – Годогост;

Argiovald – Яровлад; Radvald – Радовлад; Ingiomer – Игномир или Огнемир.

Когда отчины соединились в области, тогда, вероятно, и отчинные имена потеряли смысл; но придавались к именам в означение древности рода, уважаемые столько же, как у арабов прозвание *азди*, означающее происхождение от древнего и славного племени азад, и преимущественно все славянские владетели носили имена сложные со *-слав* и *-мир*. Русские: Светослав, Владимир, Ярослав, Изяслав, Мстислав, Ростислав; южнославянские короли: Селимир, Радимир, Светимир, Будимир, Владислав, Томислав, Себислав, Карамир, Толимир, Крепимир.

Между германскими славянами, или гото-славянами, предводители: Britomar (Братомир, или Вратимир); Witimir (Видимир); Filimer, или Wolimir (Велемир); Godemir (Годомир); Wisivald (Всеволод); Oswald (Изовлад). И вообще преимущественно с окончанием на *-мир*, и ни одного окончания нет на *-слав*, равно как в кельтических именах также, как мы увидим ниже, все имена, сходные со славянскими, кончатся на *-мир*. Следовательно, должно предположить, что значительное племя мира составляло первоначальных выходцев из Индии, а племя славоя пришло на Дунай впоследствии.

В Индии Сальва (Сальван) и Мура – прозвания духов противников Вишну, которых он поразил. В этом подразумевается борьба патриархализма с учением, или поклонников естественной религии Сивы-природы с умственной религией Будхи, – и преследование сайванов⁴, которых название сходно с сальва – названием индийского древнего племени.

2. Окончание на *-слав*. Замечательно, что с окончанием на *-слав* нет ни одного имени, которое было бы в употреблении у готов, тогда как на *-мир* очень много: Witimir, (Видомир), Gelimir (Гайо – Галомир), Britmar – Вритомир, и пр.

Мы уже заметили, что все вообще окончания составляют также коренные имена, и окончание *-слав* есть не что иное как имя Славой.

Древнейшее славянское имя на *-слав* в комментариях Ю. Цезаря (*De bello gallico lib. VIII. LXXVI*) – один из предводителей галийских назван *Vergasillaunus* (Юргислав, Иеркослав, Ярослав); сближение подтверждается тем, что рядом с *Vergasillaunus* другой предводитель *Viridomar*, которого можно принять за Вратимира; начальное имя *virido* повторяется в имени также галльского предводителя – *Viridovix* (Вратович).

В начале V века, когда послы Аттилы, скиф Эдекон и Орест, родом из Пеонии, прибыли в Константинополь с письмом к императору⁵ Феодосию, переводчиком письма и переговоров был назначен *Vigilas* (Богуслав?). Потом вторично от Аттилы был послан Орест с *Eslas* (Изяславом?), который обязан был вести переговоры.

Форма писания имен *Vigilas*, *Eslas*, *Vigilas*, *Esslas* сходна с именами *Godilas* (Годослав), предводитель иллирийский в 558 году⁶, и *Blivilas* (Прибислав?) король сармато-хуннов⁷.

3. Славянские имена с окончанием на *-мир* встречаются преимущественно между военачальниками готов, часто с изменением *mir* на *mar*, *mor*, *mer*:

Wissumar	Вышемир
Vithomiris	Витомир
Rotemer	Ратимир, Радомир
Yalamir	Велемир, Болемир, или по сербскому произношению – хвала – Хвалимир
Filimer, Vnalamir	Велимир
Theodemir, Teutomer	Тодомир, Татомир
Waidemir, Videmir, Vadomaire	Видомир

Chrodomaire (один из царей Германии в половине IV столетия)	Градомир
Richomer, Ricimer	Рашо, Рацко – Ратимир
Gomoaire	Гоимир
Barzimir	Боримир (Борис)
Waladamaria дочь Vinithaire	Владомир

В германских именах окончание на *-frid* (мир) является довольно поздно; и потому можно полагать, что оно есть переводное окончательного имени *mir*, тем более что *Frid* само по себе не употребляется как имя; например *Godofrid* – Годомир; если же *God* (Добро) также переводное имени Добро, Доброй, то *Godfrid* соответствует имени Добромир; *Frideric* – соответствует имени Мировлад; *Valfrid* – Валемир.

Древнейшее имя на *-mir* в комментариях Цезаря: *Viridomar* – Вратимир.

Особенно замечательно, что все имена, оканчивающиеся на *-mir*, галльских предводителей и бардов в Шотландии совершенно сходны со славянскими:

Cromar	Краимир, или Карамир
Ducomar	Дукомир
Rolhmar	Радомир, Ратимир
Strumor	Строимир
Trenmor	Дренимир, (Дренка – серб. жен. имя)
Normor	Наромир (Нера – серб. ж. имя)
Cathmor	Годомир, или Казимир
Malmor	Маломир, Миломир
Sonmor	Синимир (Синча – серб. жен. имя)
Garmor	Карамир
Clessamor	Глишомир

Slimora	Селимир – Зломир
Galmar	Salmor – Селимир

Кроме того, с шотландскими сходны: Branno, или Bran – Брано; Alona, или Aluine (женск.) – Елена; Malvina – Мильяна, Милена, Малина; Moina (от Moja – Mojana); Sulvina дочь Morauld – Славна дочь Мировлада.

Cairbar	Карабор
Morlav	Миролюб (серб.)
Ranal	Рален (серб.)
Duchan	Душан (серб.)
Scarlaw	Скоролуб (?)
Dowran	Добрыня
Gruimor	Краимир
Morduth	Миро дух (?)
Moralt	Мировлад – Morauld
Tommore	(название места) – Томимир ⁸
Salmor	(название места) – Селимир

Из древних галльских имен царей и предводителей: Outromer (Ютромир или Остромир); Ghodomir – Хлодомир; Marcomir – Маркомир; Godemar – Годомир.

Inguiomer, дядя Арминия, предвод. херусков (в 15 г. до Р.Х.).

4. Сложные славянские имена, оканчивающиеся на -влад (Владой), в готских изменяются на *-wald, -wold, -bald, -bold, -ald, -old*, или переводно на *-rik*, что значит также власть, влад, например **Irmenwald**, с исчезнувшим *w* – Ermenoald; Grimwald – Grimoald (Громовлад); Ragnwald – Ragnold (Рогволод, Рогвольд); Berthold – Братовлад; Leutbald – Лютовлад; Radwald, Radoald, Radulf – и переводно Roderik – Радовлад; Magnoald,

слав. – Многовлад; Zuentibold – Король Лорренский (в 895 г.) – Световлад.

5. Окончание на -гост происходит также от собственного имени *Госто*, сохранившегося только в мифологии.

Принадлежность слова *гость* славянам доказывается санскритским (гошт'а), что значит гощение, собрание, беседа. В сербском госа – господин, хозяин, госпо – гостюжа. В латинском hospes значит хозяин и вместе гость (hostis – пришелец и враг).

Во французском *hote*, по древнему писанию *hoste*, значило постоялец, жилец, гость и вместе хозяин. Двойственность значения произошла, без сомнения, от пришельцев колонистов, которые, занимая земли, становились в отношении туземцев и гостями их и хозяевами, отсюда *hostilite* – нападение, насилие.

В именах, принятых за готские и галльские, гость изменяется в *gast, host, ges, gis, gais*: Wisogast – Видогост; Nadugast – Годогост; Radagais – Радогост; Witiges – Витогост.

Древнейшее имя на *-гост* – Arbogast, Франк, любимец императора Валентиниана, в 399 году по Р.Х. По ненависти к королю франков Маркомиру он восстановил Валентина против него. Сын его назывался также Arbogast, по другим – Arigius (Юрги). Следовательно, первое имя должно читать Argo, соответственно славянскому Ярко.

Древнейшие исторические славянские имена на *-гост* славянских вождей во Фракии, во время войны с греками в VI столетии: Андрогаст, Арсогаст, Пирогаст.

6. Окончание -вид. Вид (wit) составляет собственное коренное имя Видо, Видой; оно же превратилось и в *-буд*, предполагая, что сложные Будислав, Будимир, Будигост, Будевид – те же имена, что и Видислав, Видимир, Видогост, Видовид. В галльских именах, или у древних западных славян, оно преимущественно изменялось в *boude* – буд; например, Meroboude – Миробуд,

Мировид. У сербов вид изменяется в окончательном имени на *-буд*, например Радобуд. Древнейшие славянские имена на *-буд*, сохранились в именах галльских королей: Genobaude – Яновид; Mellobaude – Милобуд, Миловид; Hariobaude – Яробуд, Яровид; Mellobaude – Малобуд; Mallobaude – Миробуд, Мировид; Vainobaude – Войновид; Gondebaude – Годовид⁹.

Короли франков Genobaude и Athes (в III столетии, 288 год) назывались царями длинноволосыми – **reges crinitos**. Mallobaude (в 378 году) назывался **Gomte des domestiques de l'Empire**.

7. **Окончание на *-вой*** (бой, война), происходящее от имени Вујо, Воин, Воян – Баян, в готических именах изменяется на *wig*, и *vic* (*wig* значит также бой, война). Король франков (467 г.) Clodovei пишется также Clodovig, Clodovic, Clodovix, Clovis – Ludovic или Louis¹⁰.

8. **Окончание на *-град*** изменялось в именах готических на *gard*, *hart*, *gerdr*, *gar*, *ger*: Велеград – Wiligart; Любиград – Liebgard, Радиград – Radhart, Rodgarus, Rogerus, Roger.

9. **Окончание *-драг*** составляет собственное имя Драго, Драгой.

10. **Окончание *-рад***, происходящее от имени Радо, Радой, изменяется в именах готов в *rat*, *rad*, *red*: Велерад – Wielrad; Dan sbarat или Dankrat – Данкорад.

11. **Окончание *-брат*** от Брато, в слав. изменяется в *vrat*, в готском в **braht**, **bart**, **bert**, **brand**. В поэме VIII столетия о Гадубранде и Гильдебранде эти имена в древних списках пишутся Nadubraht (Годобрат), Hildebraht (Хладобрат, Лютобрат). Heeribraht (Яробрат), отец Hildebrath'a.

12. **Окончание на *-люб***, собственное имя Люб, Любой, в готских именах изменяется на *lieb*, *lob*: Godlieb – Годолуб.

13. **Окончание *-мысл*** в собственном сербском имени Мойо, Мойсил, которое принимается в значении Моисей.

14. Окончание -полк имеют только два имени: Святополк и Ярополк.

Сербское мужское имя Пайо, женское Пала или Пола, то же что Полексия (гречес.), *Палактия* – означающее «многими предводительствующее». Древняя Паллада.

Русское имя *Полкан* сохранилось только в сказках.

Слово полк соответствует германскому Volk – народ.

О значении окончания *-полк* в южных летописях есть следующее: «Король далматский Светимир, или Звонимир Sventimir (в начале VIII столетия), принял христианскую религию от Константина или Кирилла. Сын его Будимир в крещении наречен Светопелек, то есть святое дитя¹¹.

«Умершу же королю Светомиру, наследовав по нем Бидимир (наречен по обращении своем в веру христианскую Святополк, уже значит на славянском языке *отрок свят*)¹².

«Светмир, краль Х (...) собственным своим примером подал повод гофославленом, яже восприяти благовестие Евангельское. Соизволил к тому сына своего зовома Будимира крещением святым просветите, его же и нарекли Святополком, сиреч отроком святым (у Марула читается Светолик)¹³.

15. Окончание на -мил соответственно собственному имени Мило, Милой.

16. Окончание -дин, -тин, -дан (Дано, Данко), *-ман* (Мајо, Мијан), *-дар, -бор* (Борой), *-лик* (Лако, соб. им)¹⁴, *-сан* (соб. имя Сан, Санак), *-дух* (соб. имя Доко, Душан), *-вук* (соб. имя Вуйо, Вук), *-жив* (соб. имя Живко), *-жир* (соб. имя Заро, Жарко), и *-глав* довольно редки.

Исчислив древлеславянские имена и рассматривая славянское племя как отчинное, можно заметить сходство большей части названий отчин с коренными собственными именами; например дрегвичи от Драго, Драгой; бужане от Божо, Богой; от них прозвание рек Буг; древяне от Драило; радимичи от Радо, Радун (Радим); волынцы от Вуйо, Вуло; смоляне от Смолян; ростовцы от Расто; вятичи от Вятко,

Вять, Вато; лютичи от Лют; галичи от Гајо (j=л), Гало; влахи от Влах – Влашко; серб (срп) от Серпо, Серпош; моравы от Миро; поляне от Пајо (Пало, Павао, Павло); дулебы от Дујак (Дуло); будины – Будо; русы – Рус (Русмир – сербское имя); борусы – Борой, Борис; бои – от Бой, Вой.

Вследствие этого вывода можно предположить, что название «славяне» было отчинное от Славоя. Эта отчина могла столь же прославиться, как германская, которой имя обратилось в общее нарицательное. Но у народов патриархальных одно из племен было всегда старейшим и составляло коренную священную породу; например, у индейцев порода браминов. Так и славяне в патриархальности должны были иметь племя священное. Отречение чайвов, или сайвов (сиваитов, шивитов), последователей религии природной, от религии Будхи должно обозначать и время выхода славян из Индии и переселение их первоначально во Фригию, потом во Фракию и наконец к Дунаю¹⁵. Священная порода их должна была носить имя божества Сивы, которое в наречиях изменялось в **Sauf, Salus, Salvus**; по санскр. Сайвас (поклонник Сивы). Сива в лике божества суда и смерти *мрида, ямо, мрити, маранна*, откуда и Марс, божество латин. Таким образом, можно полагать, что жрецы Марса – **Salif, Salvians** и галлийское племя – **Saliens**, или **Salluviens**¹⁶ были славяне. В Германии также **Salii** или **Saliens** обитали в провинции, называвшейся **Salland**¹⁷.

Цари латинов (1297 лет до Р.Х.) вели свой род также от Сатурна¹⁸, т.е. Сивы, и, следовательно, по религии были сайвы. В 1128 году был царь из рода **Silva**, его потомки царствовали почти до основания Рима (753 г. до Р.Х.): **Eneas, Sylvius** (Янослав?), **Alba Sylvius** (Белослав, Велеслав?), **Ag-sips a Sylvius, Allade Sylvius** (Владислав) или **Aremulus** (Яромил), **Aventinus Sulvius**.

По прозванию *сильвий* латинских царей можно полагать, что племя мира распространилось более к северу; а племя славян занимало земли южные.

И вообще, необыкновенное сходство древних собственных имен, сохраняющихся только у славян, следовательно, родовых славянских, с древними именами латинян, кельтов, галлов и готов служит сильным убеждением в том, что и само племя населяло уже издавна большую часть Европы; и как племя нравов отчинных, оседлых, подпадало частями сперва под зависимость общин колониальных, а потом под державы завоевателей.

Представляем это как первый и основной исторический вывод из сличения собственных имен древних народов; дальнейшее же исследование требует особенного и усиленного труда.

РУССКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В XV СТОЛЕТИИ

Обратимся за три с половиной столетия назад и посмотрим, как женились наши предки.

По сохранившимся описаниям свадеб великих князей мы можем судить об общих обычаях того времени.

Вот пример выбора невесты.

«Лето 7056 (1548 года), Сентября в 18-й день, приговорил Государь и Великий Князь Иван Васильевич, всея России, брата своего Князя Юрия Васильевича женити; и ходил Государь и Великий Князь, а с ним брат его Князь Юрий, к Макарию Митрополиту, чтобы Князя Юрия женитися благословил, и Макарий Матрополит Князя Юрья благословил женитися. И Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич, всея России, велел боярам и Князьям дочери девки привезти на свой Царский двор; и как девки свезли, и Царь Великий Князь Иоанн Васильевич, всея России, и Князь Юрий Васильевич девок смотрели; и полюбил Князь Юрий Васильевич Княжну Дмитриеву дочь Федоровича Палиц-

кова, Княжну Ульяну. И приговорил Царь и Великий Князь свадьбе быть Ноября в 3-й день в четверг».

Но не подумайте, чтоб этот пример приговора жениться, хотя и по собственному выбору, был непременно обычаем, – нет, в старину у сердца не отнималось воли и счастья, вот пример.

«Лето 7041 (1533 года), Января, бил челом Великому Князю Василию Ивановичу всея России брат его Князь Андрей Иванович, чтобы Князь Великий освободил жениться, а полюбил девку Князь Андрееву Хованскова. И как пришло время быть свадьбе и за неделю до того дня Князь Великий пришел ко Пречистой, соборной обедни слушать, и отслушав обедню, пришел благословиться у Даниила Митрополита, и то ему сказал, что брат его Князь Андрей хочет жениться, и он бы его благословил Велико-го Князя и Князя Андрея, и Князь Великий, велел князю Андрею наряжаться».

Подивимся теперь на обряды самой свадьбы; представьте себе, что женится какой-нибудь думный боярин.

Получив благословение от благородных своих родителей, он снаряжается в кожух золотой аксамитный на соболях, со стоячим или отложным ожерельем (воротником) да в шубу русскую соболью, крытую бархатом золотным; заметав полы назад за плеча, он идет, сопровождаемый тысяцкими и боярами, в брусяную избу столовую; между тем в палате изготовлены места для жениха и невесты, наряжены по обычаю и облочены бархатом и камками; а сголовья (подушки) шитые, а на сголовьях по 40 соболей.

А у места стоит стол, покрытый скатертью, на столе калачи и соль.

Между тем наряжается и невеста в отческих хоромах. Жена тысяцкого, сваха, боярыни и подруги хлопочут около нее, – она готова, и отец и мать, благословив ее хлебом и солью, отправляют к жениху в дом в санях. Дóлжно заметить, что для поезда всех свадеб употреблялись сани; са-

нями, вероятно, назывались вообще возки. Перед невестой везут образ, свечи и каравай – благословение, на котором клались двадцать *пенязей*, больших серебряных, гроша по два, один *пенязь* в одну сторону золоченый, а в другую сторону бела и гладка. Приехав ко двору жениха, провожают ее в палату и сажают на место. Посаженый отец выходит в палату и бояр и детей боярских иссажает, да и пошлет сказать жениху: «Государь, твой батюшка велел тебе говорить, всем Бога на помощь, время тебе, государю, идти к своему делу». И жених идет из брусняной избы в палату, а с ним тысяцкий и весь поезд и бояре все; войдя в палату, поклонится святым, и идет он к своему месту; посидев немного, священник начинает творить молитву, во время которой жена тысяцкого чешет жениху и невесте голову, обмакивая гребень в *сыту*, и свечи их зажигает водоосвященными свечами. Их обручают и обгибают соболями, на главу невесты *кику* наложат и покров навесят. Тысяцкого жена осыпает жениха и невесту осыпалом из мисы серебряной или золотой, в которой лежат на три угла тридцать соболей и тридцать платков бархатных и камчатных и атласных, одноцветных, и три кучки хмелю. Потом дружка разрезывает перепечу и сыры, которые и разносят.

Посидев немного, все встают и идут к венчанию в санях; впереди несут свечи и караваи, потом едет жених, родня его, тысяцкий и весь поезд и бояре, за ним невеста со свахами. Приезжают в церковь, идут к венчанию, а дружка подстилает под ноги камку да сорок соболей. Во время венчания в склянице держат вино фряское, и, венчая, священник дает пить вино жениху и невесте; жених, выпив вино, склянницу ударяет о землю и разбитую топчет ногами.

Когда кончится венчание и дьяки певчие запоют на обоих клиросах многолетие, тогда все здоровают молодых на многие лета. Потом идут в свои хоромы, жених верхом на коне браном, невеста в санях; а свечи и караваи несут к постели и ставят их в кадь пшеницы у постели в головах, а

обручей с них не снимают все три дня; а как отойдут три дни, и свечи обе вместе соскати, да и повить в церкви, а сеник постельной оболоча внутри запонами, да по четырем углам воткнутся стрелы, а на них по сороку соболей или по одному, да по калачу; а на лавках по углам по оловенику меду; а постелю стлати на тридевяти снопах арженных, по обычаю вшед в сеник по правой стороне.

Когда жених подъезжает к крыльцу, сойдет с коня и дает коня конюшему, который весь стол и всю ночь вокруг подклета ездит с саблей или с мечом наголо.

Когда иссажают всех за пирожный стол, начинается угощение. В оловяниках мед, в серебряной дощатой братине квас; тут папорок лебедин под шафранным взваром, ряб окрашиван под лимоны, куря в калье, в лапше, куря во шах богатых, перепеча крупчатая в три лопатки, недомерок пирог с бараниной, блюдо пирогов кислых с сыром, блюдо жаворонков, блюдо блинов тонких, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниной и т.д., а перед женихом и невестою ставят куря печеное, и большой дружка, встав, обертит куря и с блюдом и со скатертью верхнею, да отнесут к постели; тогда невесту ведут к сенику, за ней следует тысяцкий и дружка и сваха, и выдают ее посаженной матери; за невестою следует и молодой; в сенях перед сеником посаженный отец, отдавая ему молодую в руки, говорит, назвав по имени: «Божьим велением, велел Бог тебе жениться, поняти (такую-то) и ты свою жену (называя по имени) держи по тому, как Бог устроил». В это время жена тысяцкого надевает на себя две шубы, одну по обыкновению, а другую навыворот, шерстью вверх, и осыпает пред дверьми сеника молодых осыпалом; а свахи бóльшие и дружки кормят их курятем, – между тем в сенях у сеника ставят на всех четырех стенах по иконе, а на дверях и окнах изнутри и с надворья кресты ставят. А у постели в головах ставят икону Пречистую Богородицу со Младенцем, обложена серебром, венцы деяны сканью,

скаты деяны яхонты, убрусец к ней осеянной, застенок бархат бурской с разными шолки; в головах кладут две подушки и шапки, а в ногах на ковре одеяло кунье да шуба, накрытая простынею...

Пройдет ночь, и молодых после мыльни кормят кашею.

На другой день в старину тесть угощал зятя, и это называлось *хлебнами*.

Вот стародавний обычай, время мало изменило в нем сущности; но теперь, по большей части, женихи не любят этого старообрядного радостного праздника, в котором все родное, знакомое и незнакомое принимало участие и здравствовало молодых; нетерпение броситься скорее в объятия друг к другу не возлюбило торжественности, – свадьба часто совершается тайком, чтоб избежать толпы любопытных и толпы поздравителей. Из церкви в карету, и в путь, куда-нибудь подальше от старых обычаев.

Куда делись явные свахи? Никто не нуждается в их заботах; замолкли подблюдные и свадебные песни, никто не придет покормить молодых кашей, и не носится мать радостно со знамением непорочности, не вывешивает его на воротах; никто не осмелится вымарать тесовые ворота дегтем.

НАЧАЛА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

*Une vue de la littérature isolée
de l'histoire des nations créerait un
prodigieux mensonge*.*

Chateaubriand

В обширном смысле литература, или словесность¹, в народном теле есть орган слова, выражающий его деятельность материальную и нравственную устно или письменно.

* Рассмотрение литературы изолированно от истории народов приводит к колоссальной лжи. *Шатобриан (фр.)*.

Если для человека необходима память о прошедшем, законе и правила для настоящего и мысль о будущем, то для народа – столь же литература, ибо в ней отражается вся жизнь народа: его дела, его понятия, его думы, желания и надежды, радости и печали. Если человеку необходимо слово или способность передавать закон Бога, условия общества, свои мысли, чувства и дела другому, то и народу необходима та же способность, чтоб от поколения к поколению передавать завет, опыт и познания. Следовательно, литература в отношении к телу народному есть неоспоримо голос прошедшего к настоящему и настоящего к будущему.

Начало литературы относится, можно сказать, к временам первой семьи людей. В патриархальном, или семейном, обществе людей чувствовали природными писцами и живописцами, а память была природной хартией. Не человек учил чувства свои начертывать в памяти, звуки слов – изображениями предметов и рисовать самые предметы, а Божество, создавшее человека и заключившее в нем узел тайны создания. Но обилие труда утомило орган памяти; этой дивной хартии недоставало уже на все начертания, которые должны были сохраняться для потомства, и человек в необходимости должен был заменить природу искусством: те же начертания, которые изображались в памяти, чувства его перенесли на бумагу. Эти начертания, однако же, были бы понятны для каждого, потому что первый язык и первые буквы были предметные; но человек, желая таить свои мысли, должен был изобрести буквы условные, или гражданские, которые вместе с тем имели преимущество для скорописания.

Таким образом, покуда не было изобретено письмо, литература, как потребность нравственного сообщения, существовала в памяти. В памяти отпечатывались законы, опыт и мысли и передавались живыми вестниками в словах, думах, сказках, песнях и пословицах.

Рассматривая литературу в обширном смысле, мы должны разделить ее на все те периоды, которые она как орган народного слова выражает, развиваясь и совершенствуясь с возрастом его.

Развитие литературы народа, предупредившего прочих в просвещении, могло иметь только два периода:

В первом периоде она была *литературою памяти*, или устною, естественно развиваясь во всех родах, свойственных жизни народа: или свободной песнею любви, или обрядной славой самой жизни и силе природы.

В этом первоначальном своем быте литература чуждалась прозы и была неразлучна с голосом: этого требовала память, ибо мерный стих легко отпечатывается в памяти, имеет от природы какую-то наружность, как плод одушевленного чувства, которое не просто говорит, но рисует.

По изобретении письма литература письменная должна была начать деятельность свою с собрания священных или прославляющих божество песен, и в этом смысле, без сомнения, и приняла название *изящной* (*Isiaca*), или восхваляющей мать-природу².

Совершенствуясь, она образовала священный язык, или *язык богов* – поэзию (песнопение), – возвысившийся над разговорным живым языком, или прозой, которая составила со временем другую ветвь литературы – как необходимое орудие деятельности гражданской, обнимая собою всю прозу жизни; словом, язык чувств принял название поэзии; а язык ума – прозы.

Предание об изобретении письмен у всех народов одинаково; повсюду письмо изобретено мифом гражданской жизни и торговых сношений. В Индии – *Ганезой*, божеством торговли, искусств и наук; в Египте – *Таутом*, или *Гермесом*, который учил людей всем полезным знаниям и избрал священные письмена (иероглифы) и гражданские. Это тот же Эрмий, Гермес греков и Меркурий латин. Невозмож-

но определить, где пало семя изобретения письмен; но так как в природе все развивается от единого семени, то и изобретение письма имело один исток и было распространено тем народом, который предупредил прочих деятельностью торговой и гражданской жизни. Мифические имена его: у китайцев – Фо, сходное с египетским *фоф* (а-фоф – египетское название эфиопов)³; у индийцев – *Ганеза*, сходное с Вавилонским *Оанес*⁴ (*Азакон*) или *Уан*, у греков мифическое имя уже исчезает и их законодатели – атланты и финникияне (настоящее назв. *Фана-х*); по северным преданиям, основатели гражданской жизни *Азы* (*Aesir*); в библейских преданиях *Иувал* изобрел цевницу и гусли; а *Фовел* – кование меди и железа, и, следовательно, искусства гражданские.

Судя по ближайшим к нам образцам, поэзия всегда принадлежала патриархальному быту народов, а проза – развитию гражданской жизни: так, учение друидов галлийских или кельтских заключалось в песнях. Древние народы, населявшие Германию, по словам Тацита, «воспевают бога Туискона древними стихами, которые у них составляют единые мемориалы и летописи».

Основываясь на этом, на древнюю литературу индейцев можно смотреть как на единственный образец самобытного развития и перехода из устной в письменную. *Пураны* (древнейшие писания), заключающие в себе полный курс учения и познаний, писаны мерными стихами, равно как и *Веды* – книги богословия, *Магабгарата* и *Рамайяна* – исторические предания.

Вообще устные предания были основой, хранением и распространением древней индийской литературы. В сборниках священных гимнов и обрядных постановлений, известных под именем Вед, название *шрути*, т.е. слышанное, ясно подтверждает это. В том же смысле и название древних законных уставов – *смрити*, т.е. памятование.

Все древние творения индейцев *передавались устно*⁵: сочинитель заставлял учеников своих учить наизусть

свои творения; ученики становились в свою очередь учителями и передавали новому поколению; таким образом, творение переходило *из уст в уста* в духовном потомстве брахманов или ученых.

К первобытной гражданской, прозаической литературе, кажется, должно отнести книги Таута, ила Гермеса Трисмегиста, в которых, по преданию, заключались первые законы египтян, обряды жертвенные, гармония, астрология, медицина, искусство военное и музыка. Оригиналы не сохранились; но, по крайней мере, они были кладезем, исчерпанным греками во время их владычества над Египтом.

Греков и должно принять первым народом, принявшим свое учение от другого.

Ход литературы у народа, принявшего учение от другого, может быть вдвое скорее; но зато удваиваются и периоды ее развития.

После периода устной литературы, свойственной даже дикарю, с восприятием просвещения от другого народа наступает **второй период**, который можно назвать *учебным*, или хрестоматическим. В это время народу волею и неволею твердят первые правила гражданской жизни, он живет чужим умом, чужими чувствами и чуждыми условиями. Перед ним три пути: забыть свое хорошее и худое и принять чужое добро и худо; оставить свое худое и к своему доброму присоединить чужое хорошее; или забыть свое доброе и к своему недоброму перенять все чужое зло. В этом периоде народ заучивает наизусть чужую историю и литературу как данные ему образцы.

Третий период составляет литературу *изящную классическую* – или подражательную образцам литературы народа-учителя, или народа, совершившего со славой круг жизни своей и литературы.

Вслед за этим наступает [**четвертый**. – *Сост.*] **период классической, ученой литературы**. Водворяется философия и науки, но без применения к потребностям народа,

ибо это уже составляет преимущественно собственную заботу каждого стремиться к самобытности, когда кончится наука и народный разум выйдет из опеки и периодов слепого подражания.

Периоды самобытности пятый и шестой. В первом из них народ начинает жить собственным сердцем и чувствами и отражать себя в собственной *изящной литературе*; во втором начинает жить своим умом и высказывать свой ум и опыт в собственной *ученой литературе*. Но самобытность его преимущественно основывается на наследии от отцов: чем больше добра оставили они ему, тем скорее он будет господином в доме своем. Прошедшее есть гранит, на котором зиждется здание новое.

Все указанные степени литературы, развившись вместе с возрастами народа, остаются в нем и совершают свой круг, так сказать, от посева до жатвы, от поколения до поколения.

Вместе с развитием литературы развивается и язык народа во все тоны гармонии звуков. Возьмем в пример полный круг развития латинского языка. «Из греческого дорического наречия, этрусских и осских салических гимнов и законов, известных под именем 12 скрижалей, которых стихиры распевали дети еще во времена Цицерона, образовался жесткий язык Дуплия, Цецилия и Энния, живой язык Плавта, сатирический Луцилия, исполненный грецизма язык Теренция, философический, задумчивый, медленный и спондеический Лукреция, красноречивый Цицерона и Тита Ливия, ясный и правильный Цезаря, нарядный Горация, блестящий Овидия, поэтический и точный Катутла, гармонический Тибулла, очаровательный Вергилия, чистый и мудрый Федра»⁶.

«Язык образованный, развернувшийся из языка народного, отличается в основаниях своих от языка народного, пристоекшего из языка образованного», – замечает очень справедливо Шатобриан. Первый сохраняет в себе

всю самобытность, ибо он развивается сам собою – и только развертывает свой зародыш; второй же, как прививок к языку образованному, теряет собственный свой сок и приносит плоды чуждые.

Образец первого – латинский язык, развернувшийся из наречия народного; образцы второго – все языки Европы, происшедшие от латинского образованного языка.

Живой язык, порожденный живым языком, сохраняет в себе жизнь: живой же язык, возникший из мертвого языка, заключает в себе что-то мертвенное и множество слов отживших; эти слова столько же неспособны выражать жизнь, сколько тишина неспособна выражать звука».

Невозможно выразиться беспристрастнее насчет французского, английского и прочих языков латинского поколения: это кустарники, возникшие на пне огромного дерева. В Европе только две семьи языков, которые могут гордиться своей породой: семья готическая и славянская. Они сохранили сердцевину и сок своих корней, а следовательно, и всю силу жизни и плодотворности. В первой заметно более происхождение еврейское, во второй – индийское; в первой заметна давность гражданственности, а во второй – первобытный патриархализм и слова первоначальных понятий, звуки, которым учила человека сама мать природа; ибо человек не сочинял первобытного языка, но, одаренный способностью произносить все звуки природы, он перенимал их у нее, как младенец у матери, и из них развил, по сравнению, язык, высказывающий жизнь.

Какой же язык ближе к чистоте первобытной и к способности выражать жизнь и природу кратко, ясно и живо? – Разумеется, тот, которого слова возрастали на живых звуках самой природы, составляющих понятные чувствам корни устного разветвления. У кого заняты подобные слова, кроме подражания звукам самой природы – гром, треск, трепет, свист, шум, стук, грохот, гул, шипение, сипение, брань, буря?

Из названий видимого мира образуются по сравнению названия внутреннего: от *гар*, *горение* – *горе* (*печаль*), от *гора* – *гордость* и пр. От звука, выражающего в самой природе остановку: *ест*, *ста* – племя слов: *стан*, *стена*, *стол*, *стопа*, *став* и пр. От слова *жар*, выражающего шипение и треск огня, – *шар*, идея о круге (солнца); *гар*, *гора*, *город*, *ограда*, *горе* (*высота*), *груда*, *грудь*.

Тьма (по-санскр. *тама*) – туман, дым, дом, и по сравнению внутреннего мира с наружным – *дума*.

Таким образом, природные звуки, составляя основу языка, облекаются в идеи, образуются в глаголы и все прочие части речи, соединяются свободно с другими словами для выражения новых понятий, например *громогласный*, *громоносный*, и располагаются свободно, беспредельно, не нуждаясь в займе слов от чуждого языка.

Все основы славянского языка есть природные звуки.

Рассмотрите же языки, происшедшие от мертвого латинского. Как развиваются и растут они? – принятием чужих слов в условную общину своего языка. Француз, изобретая средство писать на камне, поневоле должен назвать свое открытие греческим словом *литография*, т.е. *каменное писание*, потому что слова *pierre* и *ecrire* – происшедшие от латинских *petra* и *scribere*, – мертвы, не совокупаются друг с другом, не двигаются с места без помощи рычагов-членов. Они, как кажется, есть вернейший признак языков, составившихся из развалин другого, ибо народ, приняв чуждые слова и не зная форм их изменений, должен был поневоле заменить падежи членами.

В IX столетии славянский язык был уже столько могуч и полон разума, что в состоянии был воспринять все величие и дух Священного Писания, не заимствуясь ничем, кроме имен религиозных, непереводаемых; и, следовательно, для этого необходимо было, чтоб устный язык славянский отразил уже в себе все фазы бытия и разума.

Устная литература

Прежде, нежели законы, события, хвала божеству и героям были написаны, они пелись; по этой причине, говорит Аристотель, в греческом языке «песнь и закон составляют одно слово»: *potos* значит закон, обычай и песнь.

Во все времена было три первоначальных обряда жизни, постановленных самой природой: рождение, брак и смерть; посев, жатва и пир. В них и прославлялись разумом благой дух бытия и свойства его; а чувствами – сама жизнь и свойства ее. Так как каждый человек рожден быть по душе представителем преимущественно одного из свойств божественных, или добродетелей: смирения, милосердия, величия, мужества и пр.; а равно одного из свойств жизни, или способностей организма, – почему у древних каждый, посвящаясь на служение одному из свойств, носил и его имя. Отсюда главнейшим обрядом древних было *воспевание имени*⁷.

Прославление *имени* свойства божественного или гения составляло в то же время и славу гениального человека, заключившего в себе полноту гения. Эта хвала составляла его апофеоз и высочайшую награду, которую только могло воздать человечество человеку. Вообще в глубокой древности этот апофеоз совершался уже при гробе. Это был пир во славу, и все присутствующие на трапезе воспевали божество и гения хором, каждый с миртой в руках. Впоследствии стали петь по очереди; и наконец, пели только избранные певцы.

Эти круговые песни у греков назывались схолион, без сомнения от санскр. *сакала*, *skalle*, *чаша* (здравная), звук (от ударения в чашу), *scalo* (по гот.)⁸; откуда и слово *школа* (дом учения, воспевания, молитвы).

Все эти обряды прославления, составляющие изящную литературу древних, переселились с народами и в Европу; но в глуши новоселья цветущая жизнь одича-

ла, пересаженное плодоносное дерево стало бесплодным и ждало, покуда новое просвещение заменит природную теплоту искусственной.

Однако же в Европе нравы и обычаи древнего патриархального Востока более, нежели где-либо, сохранялись в горах. В Шотландии и Ирландии уцелели они от разрушительного влияния римлян. Уцелели в горах придунайских и в лесных тущобах Руси, куда поздно достигли перевороты европейских судеб. Славянские племена более прочих сберегли в себе семя патриархализма.

Древнейшею устною литературой Европы должно почтить *диваны* (duan), или *думы*⁹ кельтов (cael) или галийцев¹⁰, сохранившиеся доныне в памяти народа, населяющего Шотландию и Ирландию. Это думы патриархально-религиозного племени, составившегося из первоначеленцев Британии: камбров, ллэгров (лигуров?), бритонов и пришельцев каледонян, которые вынесли с собою и вавилонское поколение. Владетельное же поколение, или воинственное, между ними впоследствии составляли ирландцы – ярлы (eriles – heriles)¹¹.

Римляне тщетно хотели их покорить и принуждены были оградить себя от набегов их валом Адриана (Hadriani murus), отделявшим Каледонию от остальной части острова¹².

Думы кельтов относятся преимущественно ко времени завоеваний римлянами Британии. Очистите эти думы от пышности и красок перевода на английский язык, не способный выражать древней простоты, подобно французскому, и вы невольно сознаетесь, что в созданиях бардов нет той премудрости, которая заставляла бы подозревать плохого сочинителя Макферсона в том, что это его вымыслы.

Выскажем простыми словами, например, начало поэмы под названием Картон: «Запою про старые времена, вспомяну великие подвиги падших витязей. Журчат по-

токи Лоры память былому. Шумят леса Гермаллатские приятное слуху. Смотри, Мальвина¹³, берег порос мхом, с темной вершины приклонились три старые сосны на зеленую долину. На горе цветет, клонит голову по ветру, степной ковыль стелет седые космы над двумя камнями, что выросли в землю, поросли мхом; дикая коза прочь бежит от духа, что стережет место святое.

«Кто таков возвращается из чужих стран со своей тысячью? Стяг морвенский перед ним развивается, густые кудри с ветром борются. На челе утихла гроза военная. Мирен взгляд его, как заря вечерняя на тихой долине Коны. Кому быть, кроме славного царя Фингала, сына Комгалова? Радостно смотрит он на родные берега, велит своей дружине песни петь, и грянула тысяча голосов:

Бежали враги, бежали в свои далеки степи!
Сидит царь земной (Рима) во своих во палатах,
Прослышал он, что тыл дала храбрая его дружина,
Мечет грозные взоры, выхватил меч отцовский.
Бежали враги, бежали в далекие степи.

Так пела дружина; и пришли они в палаты Сельмы, и зажгли тысячу светочей во славу победы Фингала над иноземцами, и был пир великий, и веселье во всю ночь».

В подобном переводе, очищенном от высокопарности выражений перевода Макферсона, слепец Оссиан будет не более как слепец-гуслист; а его поэмы явятся в своей бесхитростной народной простоте ничем не выше дум мало-российских, только пусть переложат их на новейшие языки тоном Макферсона, и вы усомнитесь в достоверности их. Разыграйте простую, полную души народную песнь вместо рожка на фортепьянах и варьируйте ее всеми украшениями музыки, переведите переливы голоса в переходы аккордов, и вся вера в простоту темы исчезнет.

Все поэмы Оссиана и прочих бардов галлийских составляют *рассказы в мирной прозе*. Рифму они употребляли только в лиризме или в тех местах, где, прерывая рассказ, они брались за гусли или арфу и сопровождали голос звуками.

Певцы и музыканты кельтов, называемые *бардами*, как народные ученые и поэты составляли низшее сословие друидов или духовных; и воспевали богов, царей и героев. Это были *живые книги преданий*, передавая друг другу устно события народные в песнях; словом, они были то же, что поэты Индии, принадлежащие к сословию брахманов.

По-санскритски *бъарата* значит *божество слова, преданий*, и также: *актер, мимик*; *бъарата* сверх того есть общее название актеров, плясунов, мимиков; значит также *горца*, и есть прозвание младшего брата Рама и одного славного сочинителя драматических произведений¹⁴.

В древнем норманнском языке *Вара* значит прославление, *beractt* – рассказ.

По древним преданиям Британии, первоначеленцы острова «пришли из страны жаркой, называемой *Дефробани*, пришли через море Гази на остров Бретании в Арморик, где и основались».

Дефробана есть *Тапробан*, древнее название острова Цейлона, куда проник Рама – десница религии.

Основываясь на этом, можно полагать, что древней религией переселенцев был закон Рама, и кельтическое название *бард* есть то же, что и индийское *бъарата*, тем более что из числа их были комедианты (*bouffons satirique*) и фигляры – *jouglar*.

Барды галлийские учились искусству своему 16 и 20 лет. Камиан, историк Ирландии, видел бардов в их школах, человек по десяти в одном покое, лежавших на соломе над книгами.

Бромптон говорит¹⁵, что наука бардов в Ирландии преподавалась тайно и поверялась только памяти; и было три

разряда певцов: панегиристы знатных, певцы на праздниках народных и упомянутые наши музыканты и фигляры.

Барды, сопровождавшие начальников кланов (*кольнь*)¹⁶ на войну, составляли вместе и охранную их стражу и столько уважались, что присутствовали на пирах царских, имели землю и слугу, который носил за ними инструмент.

В значении телохранителей их название у норманнов образовалось в *Ward*, сходное и с санскритским *вартти* – *garde* – *стража*.

Странно, что славяне были при дворе греческих императоров, были также в одно и то же время телохранителями и музыкантами:

«В день народных игр, во времена Константина Багрянородного, чиностроитель должен был каждого наряжать к своему делу и приказать славянам, которые употреблены были при инструментальной музыке, чтоб оставили входы (т.е. сторожу при входах) и шли на театр¹⁷».

Патриархальное племя *камбров*, [кимвров, киммеров. – *Сост*] первых населителей острова, сперва прозванного *Медовым*, а потом получившего название Британии по имени родоначальника их *Придана* (*Prydain*), сына *Эдда* (*Aedd*), – было прозвано *мирным*, ибо оно не хотело занимать земли битвой и победой, но справедливостью и миром.

Этот характер племени, из которого образовались барды кельтические, так соответствует славянам, пришедшим от края западного океана в Грецию в царствование Маврикия (в 691 г.), что невольно чувствуешь родство между бардами и бандуристами-славянами. Гусли заменяют нам оружие, говорили они, ибо мы не знаем войны и музыку почитаем лучшим упражнением.

Выход камбров из Тапробана¹⁸ сближает их имя с гумрами, или гомеритами [киммерийцами. – *Сост*], жившими на берегах Ерифрейского моря; название *Gael* с колхами¹⁹, по имени которых и залив между Цейлоном и мысом полуострова Индийского назывался Кольхийским, и, может

быть, выход этих народов соответствует времени страшного гонения на буддистов в Индии.

Датчане, вступив в Британию, привели с собой скальдов, которые составляли также сословие певцов, подобное бардам, получившее свое название от *Skal* – звук. Скальды (*Skaldrar*) назывались также гальдами (*galdrar*), от *gala* – петь (*гулять, гулить*) и *gol* – гул, голос²⁰; *galldr*, *galdor-incantatio* – чарование посредством песен (заговор, наговор), как например, чары Одина:

«Знаю я песнь от стрелы от меча...» и т.д.

«Скальды, поэты Севера, – пишет Далин в «Истории Швеции», – были столько уважаемы, что ни один король или вельможа не мог обойтись без скальда, который был обыкновенно в числе знатнейших чиновников двора и всегда находился при особе государя. Его песнопения служили к ободрению, а советы и отважность – помощью. При каждом важном происшествии он сочинял скальде-квид – оду, песнопение, или сага-лиод – поэму, которая удобнее прозы впечатывалась в память. Римляне упоминают, что древние песни германцев заменяли им летописи. Короли так заботились о предании подвигов своих вечной памяти, что во время сражения скальды должны были стоять в ограде из щитов храбрейших воинов, посреди пыла битвы, чтоб быть близкими свидетелями подвигов.

«По божеству красноречия *Браге* у древних готов скальды назывались также *брагерами* – название, сходствующее с бардами древних галлов и британцев»²¹.

«Германцы воспевают, – пишет Тацит, – древними песнями (которые составляют у них единственный род памятников и летописей) бога Туискона, творца мира, и сына его Манна, как родоначальников и основателей своего племени».

После кельтических памятников устной литературы занимает место скандинавская. Время процветания ее в Европе нельзя определить, но сборник XII столетия под названием *Эдда* представляет глубокую древность.

Овидий в заключении своем на границах Скифии знал поэтов готических и сарматских, учился этим языкам и даже сочинял на них.

Nam dedici Geltice Sarmatice que loqui,
Nec te mirari, si sint vitiosa, decebit
Carmina que faciam pene poeta Getes.

de Punto. lib. III. 2

Threicio Scythico que fere circumsonor ore,
Et videor Geticis scribere posse modis.

Trist. III ult.

Сравнивая начало «Метаморфоз» Овидия с первыми строфами Волюспэ, ясно видно близкое сходство; даже вся идея «Метаморфоз» основана на Gilfaginning – превращение Гильфа, т.е. Одена.

Помещаю здесь первые строфы Волуспа, или премудростей Воли (Вила, Бела, Ваала).

Песни молю я
О всех событиях
В великой природе:
Подай, творец мира
Высказать повесть
От древних времен
До времен настоящих!

Доколе стихии
Исток возымели,

Все во Вселенной
Было без лика;
Не было тверди,
Не было моря
Единое целое
Во всем пространстве:
Везде пучина,
В пучине мрак.

Ни жара солнца,
Ни хлада ночи;
И не висела
Земля под небом:
Везде смешенье,
Нигде зерна.

Но дети Бора
Воздвигли сферу
И отделили
От неба землю.
Свет озарился
В солнцестоянье;
И в недрах тверди
Возникло семя.
На юге солнце,
И в лике полном
Луна стояла
У врат небесных.
Не знало солнце
Где его запад.
Не знали звезды
Мест постоянных,
Луна не знала
Своих ущербов.

Собрались Силы
Перед престолом
Благого Бога
На совещаенье,
Чтоб ночь и вечер,
Заря и полдень,
Восток и запад,
Делили время.

Собрались Азы,
В долинах Иды
Создали храмы,
Дворцы воздвигли;
Уставив жертвы,
Устроив власти,
Жрецов избрали;
Всему учили,
Суд основали –
Всему ограду...
и т.д.

Но священные песни (*Daemosaga*), или священные сказания скандинавские, кажется, составляют следы древних халдейских *Залал* (*Zalal*), священных песен Бабеля; это, должно быть, отрывки, уцелевшие в рунах и в памяти переселенцев-готов.

Древнейшие исторические предания тевтонов со времен перехода этого племени из Задонья к северу, где было уже население кимвров или камбров, племени индийского, основаны на собранных устных сагах скальдов Тюдольфа, Гвинверске, Эйвинда и пр.

Этим и ограничивается древнейшая устная литература Европы, может быть, иссякший след древней письменной литературы восточной, сохранившейся в памяти пере-

селенцев, полной одушевления и силы. Восточная роза переродилась на новоселье в шиповник, лавр заменился дубом, кипарис – елью.

К устной германской литературе можно отнести также приключения (*abenteuer*, *aventures*) Нибелунгов, поэму в стихах с рифмами, составленную в XIII столетии из разновременных народных дум; но это сочинение письменного уже европейского мира, которому образцом служило направление романских поэтов.

Новая эпоха устной литературы проявляется не прежде времени Крестовых походов, которые и были могущественной причиной возрождения народной поэзии. Здесь уже походные певцы являются под именами трубадуров, труверов, миннезенгеров, минстрелей; и эта устная, походная и распеваемая литература может называться преимущественно *романской*, как внушенной Римом; но обычай путешествующих музыкантов и певцов, известных в Греции, на эолийском языке, под названием *омиров* (слепцов), а в России – *гудочников, бандуристов и слепцов*²² (несмотря на то, что большая часть из них зрячие), – очень древен. У галлийцев арморийских, по словам Юлия Цезаря, поэзия составляла народную науку и с малолетства преподавалась в школах общественных; но со времени Юлия Цезаря латинский язык обратился в привилегированный и стал подавлять народные языки во всей Западной Европе. Повсюду основались школы, и юношество училось подражать творениям Вергилия, Тита Ливия и пр. Народная поэзия и барды преданы были презрению. Поэзия галлов, перерожденных в римлян, в VIII, IX и X столетиях **представляет искаженный латинский язык и невежество версификации.** Могучее влияние готического языка на кельтический, а потом латинского на это смешение образовало язык романский, или так называемый *провансальский*. Между тем могущество Рима сперва ослабело от разделения на Восточную и Западную

империи, а потом пало от меча Аттилы, предводителя восточных готов из рода Бальдера и основателя Восточной монархии (Austerreich). Но вместе со смертью Аттилы его преобладание перешло в руки западных готов из рода Амальского. В лице Карла Великого образовалась империя Германская и заменила собой колосс Западной Римской империи.

Но Рим еще был центром духовного владычества Пап: втайне они вели подкоп под все гражданские власти. Однако же народность, или гражданственность, уже возросла и была в силах противостоять монистическому направлению владык Рима. Последнее усилие совокупить распавшиеся части под знамя креста и отклонить общую вражду к Риму враждой к обладателям Святых мест было не только тщетно, но еще более раздробило целость и усилило части. В это-то время поэзия, как двигатель духа, возбуждала Европу на восстание против османов; но тут нужна была уже не поэзия привилегированного языка, а народные песни и припев: *dicu el volt!* – то Божья воля. Вот обстоятельство, которое мы полагаем причиной обращения к наречиям народным; но и здесь наречию романскому, как посреднику между латинским языком и наречиями-вассалами, которые жили на его хлебах, дана была привилегия. Рыцарство и поэзия вошли в моду. Потребность времени была на героев и прославителей геройства: они и народились повсюду, скоплялись в крестовую тучу и разбивались. Рыцари-паладины путешествовали и искали славы верхом, а певцы – труверы, трубадуры, юглары, музары, минстрели, и миннезенгеры – пешком. Одни ревновали друг друга к славе на турнирах, а другие на подмостках. Страсть к стихам обратилась в манию; даже короли считали за честь украшать чело свое венком трубадууров, и это столь же было необходимо, как в старину быть победителем на Олимпийских играх и взять скаковой приз.

Пространство между Альпами и Средиземным морем населено было первоначально лигурами – кельтами, впоследствии названо было Римской провинцией. Здесь и хранилась издавна народная способность к поэзии, родная кельтам шотландским. Здесь они и возникли снова, но уже на языке, переобразованном влиянием ученого латинского.

Во Франции первое проявление провансальских поэтов было в XI веке, когда Констанция (Blanche), дочь Вильгельма графа Провансальского, вышла замуж за Роберта, короля французского, в 1001 году. Вместе с нею прибыли трубадуры, научившие впоследствии и франков сочинять стихи. Но еще в XII веке язык французов был однообразен с провансальским.

Bele Idoine se siet desous la verde olive
En son pere vegier a sol tence et esirive...

До Филиппа-Августа (Gonquerant, или Dien-donne) поэты франков употребляли латинский язык; вступив на престол, он изгнал из своего королевства жидов и богохульников, комедиантов и фарсеров, рассадником которых также были жидаы (вероятно, итальянские). С этого времени возникли на народном языке *lais*, вроде элегий, и водевили – *vaudevilles* – сатирические куплеты, которых начало истекает из итальянских (провансальских) маскарадов, арлекинад (*Har-leikin* – чарований Одина или волшебных игр Хара)²³.

В Англии переворот литературный также был последствием Крестовых походов. Когда Великобританией овладели норманны под предводительством Вильгельма Завоевателя – все приняло новый вид. Там первоначальный галлийский язык был заглушен наречием тевтоническим; книжным и ученым языком был латинский. Норманны принесли с собою привилегированный язык того

времени – романский. При Вильгельме и его первых преемниках в Англии писали и пели на латинском и на народных наречиях: галлийском и англо-саксонском; трубадуры, минстрели²⁴, сказочники (conteors), побасенщики (fableors), паяцы (gesteors), гудочники (hagreors) возникли и в Англии, и поэзия развилась также под названиями: *лей* (lay, Lais, leudi, liod от lay, laique – в значении мирской, несвященной); *баллад* (ballade – bal-liod – песнь героическая); *застольных песен* (rotruenges); *хвалебных песен* (sirventes); и *хоровых* (chanson a carole). Здесь также начало *романов* (roman), т.е. романских сочинений любовных и рыцарских; *мадригалов* (madra-gol – хвалебная песнь божеству любви); *мартигалов* (хвалебная песнь божеству войны), *драм* (ten-son), и *комедий*.

Подобно как теперь в Бельгии простой народ говорит по-фламандски, а дворянство и литература употребляют французский язык, так и в Англии с XI столетия до Эдуарда III народным языком был тевтонический, а языком дворянства, правления и литературы – язык франков (Frenck). Народная пословица говорила: «Недостает Якову французского языка, чтоб сыграть роль барина». Народность, однако же, превозмогла, Эдуард III постановил актом парламента, чтоб судопроизводство совершалось на английском языке; а между тем сей же акт был писан по-французски. Но в XV столетии литература обратилась к языку народному, и первый билл парламента был написан на английском языке при Ричарде III, в 1483 году, вместо употреблявшихся прежде латинского и французского.

«Английский язык в Англии был на волоске, – говорит Шатобриан. – Легко могло случиться, что три королевства Великобритании говорили бы по-французски и Шекспир писал бы на языке Рабле».

Подобное заключение более блистательно, нежели справедливо: собственно народный язык искореняется только с народом.

Чосер (Chaucer) первый воскресил народную поэзию и был прозван Гомером Англии. В первое время трубадуров²⁵ вся упомянутая нами народная литература была еще устной. Письменным языком был латинский. Народная же письменность образовалась в Европе с XII столетия и преимущественно развилась в XIII и XIV веках, язык провансальский становился общим. Он не только употреблялся в Провансе, Дофине и на всем пространстве древней земли басков, между Альпами и Пиренеями, но процветал в Италии, Испании, Англии и даже Германии. На провансальском языке сочиняли стихи: Роберт, король неаполитанский, Альфонс Арагонский, Ричард Львиное сердце, император Фридрих I, Мария Стюарт и пр. Ученый Бембо в Италии и славный Дриден (Dryden) в Англии сознавались, что провансальский язык есть самый образованнейший, превосходящий все языки Запада.

Словом, язык провансальский, или романский, простонародный язык римских провинций, достиг до высокой чести быть общим придворным и поэтическим языком, как некогда зендский язык был придворным в Древней Персии, греческий у римлян, арабский у турок и латинский у западных народов до передачи прав своих языку романскому. Само название его: langue d'oc – язык азов – значит «язык господ», ибо готы, по Иорнанду, называли владетелей своих азами. – В этом распространении романского языка должно искать и причину универсальности языка французского.

Между тем в великой Греции, на почве переселенцев из Лидии, сложилось искусственно бытие Рима из разных племен и народов, между тем как идея искусственного отечества пала и вдруг замолк язык его, ни одному существу не родной, не природный. Язык славянский рос вместе с обширным племенем, которое говорило на нем от колыбели.

Славянское племя принадлежит неоспоримо к коренному индийскому племени, которого жизнь представляет

высокое развитие поэзии, и отделилось от него во время религиозных войн, возникших, кажется, от распространения сивизма²⁶, задолго до Р.Х. Филология раскрывает близкое родство славян с индийцами, как в отношении древней религии, так и в отношении языка; но история ограничилась сведениями византийских писателей, Иорнанда и Прокопия, и вообще сведениями о племени под именем славян.

В ее глазах вообще славяне до IX столетия, а славяне-русы до прибытия князей варяжских, – не более как грубые прозябавшие дикари, которые в невежестве своем поклонялись истуканам и, что удивительнее, рекам и озерам. Не только рассудок, но и чувства начинают уже не верить подобным несообразностям, потому что и над мраком древней истории поднимается заря.

Не преступая за первое известие византийских писателей о славянах VI столетия, мы, однако же, узнали из Прокопия, что они в это время управлялись древними законами, имели веру в Бога и приносили жертвы; по Нестору, поляне, древляне, сивера, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, лютичи и тиверцы «имели свои города, обычаи, закон отцов своих и предания».

Прокопий упоминает также, что славяне и анты не подлежали в его время единодержавной власти, но издревле имели общенародное правление, о пользе и вреде совещались на общих собраниях.

Этот патриархальный быт славян ничто лучше не объяснит, как легенда о Любуше. Славяне жили в то время еще племенами и имели правление *отчинное*:

Всяк от sweи челеди воевод;
Мужье пашу, жены рубы строя.
И умре ли глава челедина.
Дети все ту збожьем въедно владу,
Владыку се з рода выбернуце,

К плезне дле снемы славны ходи,
Ходи с кметьми, лехи владыками,
Встаху кмети, леси и владыкы.
Похвалиху правду по закону.

.....
Кда се сиеху леси и владыкы у Вышеград,
Прокны ступи роженя для свего;
Ступи княжна в белествуци ризе,
Ступи на стол отень в славн сиём.
Две выгласне деве выучеше
Вьстьбам.
У едней су дески правдодатне,
У второй меч кривды карайче,
Против има пламень привдознестен.
И од нима сватосудна вода.

[Перевод]

Каждый своим сынам²⁷ воевода,
Мужи пашут, жены шьют одежду.
И умрет ли глава сынов,
Все дети заодно владеют именем,
Избрав себе владыку из рода,
Который для их пользы на славные сеймы ходит,
Ходит с кметами (воинами)²⁸
Людьми²⁹, и владыками (духовенством)
Встали кмети, люди и владыки,
Восхвалили правду по закону (по обряду).

.....
Когда сошлись люди и владыки в Вышеград
(в столице),
И по рождению каждый занял место,
Вступила княжна в белейшей ризе,
Вступила на отчий престол в славном сейме,
Две благогласные девы, обученные провещанью,

У одной – *правдодатные доски*³⁰
У другой – меч, карающий неправду.
Против них пламень правдивый,
Перед ними вода святогодная...
и т.д.

Начало легенды составляет, без всякого сомнения, статью древнейшего устного закона о наследии семейного владычества, ибо, как видно, на нем основывались и народные законы славян, которые жили племенами и главу племени считали не иначе как отцом своим.

Само слово *сейм, снем, сонм* происходит от слова *семья*, а *семья* от *семя* – слова, употребляемого в Священном Писании почти везде в значении семьи, потомков. Какими буквами были писаны законы на досках правдодатных, решить трудно; а тем более подтверждать мнение пражского профессора Юнгмана, что славяне из отчизны своей Индии вынесли и свое письмо, но что оно истреблено католическими священниками. Это требует усиленных доказательств, хотя очерк санскритских букв часто и сходен со славянским, особенно в начертаниях скорописных, что представится ниже; предоставляя времени прояснить отдаленную древность, мы, однако же, можем основываться на факте, что славянские трубадуры, или путешествующие музыканты, предупредили появление трубадуров провансальских и имеют какое-то родство с бардами кельтов, живших на оконечностях Западного океана.

«В 591 году, – говорит Феофилакт, современный историк, воин императора Маврикия против персов, авар и славян, – пришли трое походных музыкантов во Фракию, с берегов Западного океана. В 9-е лето царствования Маврикия авары готовились сделать новый побег; почему император, выступив из Константинополя, собирал во Фракии войско. В это время царские телохранители привели трех человек, не имевших при себе оружия, но только инструменты вроде

гуслей. Царь спросил их, что они за люди и откуда пришли в греческую землю. “Мы славяне, – отвечали они, – и живем на самом краю Западного океана; аварский хан прислал князьям нашим великие дары с тем, чтоб дали помощь против греков. Хотя князья и приняли дары, но помощи прислать не решились по причине далекого и трудного пути; почему и отправили нас с извинениями к хану. В дороге пробыли мы 15 месяцев.

Хакан противозаконно задержал нас у себя и не отпускал, представляя разные причины. Узнав о великом богатстве и человеколюбии греков, мы нашли случай уйти во Фракию. Гусли заменяют нам оружие, которого мы не носим, да и железа в нашей земле нет; живем в тишине и мире, играем на гуслях и не умеем играть на трубах; не ведая войны, мы почитаем музыку лучшим упражнением.” – Император выслушал их и, подивившись дородству и крепости тела, приказал угостить и потом отправил их в Ираклию».

Переселенцы из стран Инда на берега Западного океана и потом в Бретанию были, как уже мы упомянули, камбры или гумры. По народному преданию, известному под названием «Триад Британии», племена камбров не хотели занимать земли битвой и победой, но справедливостью и миром, и потому носили название *мирных*.

Как это патриархальное направление камбров, так и объявленное тремя славянскими гуслистами Маврикию можно применить и к настоящему народному свойству славянского племени: оно могуче, мужественно, но его нельзя назвать, в сущности, и в его сельском быту воинственным, исключая южных славян, которые поневоле привыкли к вооружению. Русские селяне по сие время не знают употребления оружия и почитают песни и пляску любимым занятием в праздное время. В их смысле война есть защита веры и царств. По летописям, славяне повсюду являются преимущественно войском наемным: греки, римляне и готы пользовались всегда их телесною силою и муже-

ством. Составляя издавна расселившееся по Европе племя семьями, они попадали частями под зависимость иноплеменцев, добывающих землю мечом, и должны были волею и неволею служить в их рядах. Вот, кажется, причина, по которой из названия *серб* (*serbi, servi*) образовалось латинское слово *servus*; из слова *люд, люди* – *lid, leute*; и из *славов, славян* – *slaf – manciprium esclave, sclavi – les esclavons*. Но так как прозвание славян это племя получило до принятия христианской религии, как доказано мною в статье о значении окончаний *-слав* и *-мир* в именах, и о значении самого прозвания *славяне*, то в древних латинских писателях (до Р.Х.) и известно было только слово *servus*; но *sclavus* было еще не употребительно; и, без сомнения, паннонийские славяне издавна уже носили название сербов, которое в летописях изменялось в сорабы, сабиры, споры, северы, савроматы, унны-сабиры или саберы и пр.

Не имея никаких следов письменности славян до составления грамоты славянской Константином и Мефодием, мы, однако же, можем утвердительно сказать, что этот живой устный язык не был уже в это время в младенчестве³¹.

«В болгарех дунайских, – пишет Нестор, – словенном живущим крещеным и князем их Ростиславу, и Святополку и Коцелу, послаша к царю Михаилу, глаголюще: “земля наша крещена, и несть учителя, иже бы наказал нас, и поучил нас, и протолковал святыя книги: не разумеем ни греческу языку, ни латинску; они бо ны инако учат, а они инако: тем же не разумеем книжнаго образа, ни силы их: да послете ны учителя, иже нам может сказати книжная словеса, и разум их”».

Михаил послал в славянскую землю двух ученых мужей из г. Селуня (Солуни. – *Сост.*), братьев Константина и Мефодия, разумевших славянский язык. Они составили письменна азбуковная словенски, перевели на славянский язык Апостол и Евангелие, потом Псалтырь, и от коих и прочие книги. Константин отправился учить в Болгарию,

а Мефодий, утвержденный епископом в Моравии, «посади два попа борзописца зело» и в шесть месяцев перевел весь Новый и Ветхий завет сполна. По сказанию Иоанна, Экзарха Болгарского, современника Мефодия, всех книг уставных, переложенных Мефодием на славянский язык, было шестьдесят. Если Слово есть выражение жизни, то надо славянскому языку IX столетия быть очень старым и бывалым, чтоб с таким влиянием, полнотою и верностью передать сокровища святыни, в которых обнята вся жизнь человеческая. Если б этот язык был сочинен вместе с азбукою, народ не понимал бы его и труд был бы лишний и бессмысленный. Сравните перевод с подлинником, и вы увидите сходство только в словах непереводимых, например, апостол, херувим, серафим, Евангелие и прочих подобных. Но славяне имели слово *пророк*, и переводчик не нуждался в слове *профитис*; слово *закон* не заменилось словом *номос*; *вера* – словом *пистис*, и *неведение* – словом *агония* и т.д.

Законы и правила каждого языка заключаются в самом языке, а не вне его; следовательно, Мефодий, зная язык, пользовался его собственными условиями, а не условиями греческого языка; иначе его никто бы не понял; сам Иоанн, Экзарх Болгарский, современник Мефодия, переводя с греческого языка на славянский «Богословие» Дамаскина, говорит, что при переводе должно наблюдать правила того языка, на который переводишь.

И вот что странно: славян учили письму, а между тем они, не умея писать, имели уже слово, выражающее это искусство; ибо слово *письмо*, *писание* не греческое, и вместо его учитель письмен не нуждался в греческом *граффи*, и Божественное Священное Писание не названо *Дея графи*; следовательно, соответственное выражение было уже в языке³².

Мы слишком мало ценили язык свой, полагая, что все сходные слова с греческим, латинским, немецким, татар-

ским взяты из этих языков. По этому правилу можно все языки разобрать по частям, и в каждом не останется ни одного собственного слова.

Но на права славяно-русского языка и на родовую ответственность всех основных слов вряд ли посягнет какой бы то ни было из древних европейских языков. Все основные слова, выражающие существенные потребности жизни, и именно: существования, Богопознания, родства и семейности, возрастов, чувств, свойств, времени, стихий, пищи, движения, величины, количества и местоимений, так сходны с языком санскритским (деванагари – языком богов, священным), что ни латинский, ни греческий, ни готский не заключают в себе подобного коренного родства с одним из древнейших языков, развившихся от начал стихийных.

Предлагаем случайно встретившиеся нам слова при поверхностном только занятии санскритским языком. Судя по ним, можно подумать, что славянское просторечие в недавнем времени отделилось от древнего индийского просторечия, и поверить, что чех Брезовский (Юнгман) в самом деле мог разговаривать на первобытном славянском языке с индийцами.

Слова-понятия о божестве

и существовании

Бьгу – быть; отсюда
идея понятия о боге

Бьгути – бытие

Джива – живой

Джив – жизнь

Дью – дух (dieu)

Дева – див, диво

Дивья – дивный (небесный)

Чувствования

Чай – чаяние (чаю)

Прийя, прийс – приязнь,
любовь

Байям – боязнь

Санведа – совесть

Свойства

Махать – могучий, мощный

Тану – тонкий

Набас – небеса

Тридаса – троица

Ади – один, аз, первый

Стихии

Уда – вода

Агни – огонь

Сама или Сома –
название стихии земли

Дью – дух,

Ваю – ваяние, воздух

Родство и семейность

Тата – тятя

Пати – батя, бабушка

Мата-р – мать, мать

Брата-р – брат

Снуша – сноха

Свасру – свекровь (сестра)

Ятри – ятровь

Сута, суну – сын (зять)

Кравия – мясо, плоть
(кровь)

Видава – вдова

Свака – свойский, свояк

Возрасты

Юван – юный

Пурна – полный

Чару – очаровательный,
прекрасный

Нава – новый

Навина – новина, новый

Сваду – сладкий.

Время

Брама (идея
времени) – время

Дина – день

Нача – ночь

Цвета

Света – светлый, белый

Чарви – чермный,
червонный,
прекрасный

Тама – тьма

Существительные первых потребностей и понятий

Дварь – дверь, (двор)

Гата – готь, ход

Тари – гора

Стана – стан

Парага – порог

Звана – звон, звук

Луча – луч, капля, отрез

Луджа – блеск, луч

Пена – пена

Джара-с, ставар – старый

Дру – древо

Сакъя – сук

Части тела

Мурд – морда, лицо

Смайа – смелость, гордость

Наса – нос

Сми – смех, улыбка (smile)

Ошъя – уста

Клесь – глас

Астья – кость

Мна – мнить

Капала – голова

Мрити – смерть, умереть

Акша – очи, око

Мантри – мудрый

Хрид – грудь, сердце

Матри – советник

Грива – грива, шея

Мануджа – муж, мужик

Пада – пята, нога

Ганза – гусь

Дакшина – десная, десница

Саранга – сорока

Сьюна – солнце

Наречия

Када – когда

Маас – месяц

Тада – тогда

Сиана – сияние, отражение

Ияда – егда

Дварака – дворец

Сада – всегда

Дара – дыра, впадина, пещера

Прати – против

Парага – прах

Тавсич – сколько

Иога-с – иго, союз, связь

Таджаджа – тотчас

Див – дав, давление

Пайпа-с – птаха, птица

Предлоги и частицы

Пра – пре

Стъяг – стяг

Упа – по

Пад – путь

Не – не, нет

Стана – стон

Пачи – печь, печка

Местоимения

Ахам – (я сам), я, аз;

Кабила – кобыла

по-зендски: аземь

Ази – еси

Бахуто – богато, множество

Твам, по-зендски тум – ты	Тъяга – дань, дар (тягло), уход, бегство (утек, например, дал тягу)
Ма – мя, меня	Даса – servus (душа – в значении данник десятины)
Тва – ты, тебя	Нара – человек, отсюда народ
Майя – мною	Вачана – вещание
Твая – тобою	Пратыовача – противо- вещание, противоречие
Ме – ми, мне	Правекшана – провещание (foreseeing)
Ию – их	Правека – правитель
Сантй – суть	Правачани – название Веды, правовещание, красноречие
Майи – мои	Ведена – ведание
Твайи – твои	

**Глаголы поня-
тий основных**

Ка – кой, кто	Да – дать
Као – кой, который	Дадати – давати, давать, дать
Та – той, сей, этот	Званта – звенеть
Ви – вай, ваю (древн.), вы	Причшати – вопрошать
Уба – оба	Бад – бить
Нас – нас	Трасти – трясти
Вас – вас	Граб – брать, грабить
Асм – есмь, мы	Ветси – веси, ведаеши
	Пиваси – пиеши

Глагол *есмь*

единственное число

Асми – есмь	Смаяси – смеется
Аси – еси	Васи – веешь
	Джанаси – знаешь

Асти – есть

Бибеши – боишься

Дадаси – даешь

Двойственное число

Свас – есва

Дживаси – живешь

Стас – еста

Патаси – падаеши,
падаеси, падаешь

Стас – есте

Ста – статья

Смас – есмы

Вахаси – вещати

Ста – есте

Свапиши – спишь, сапишь

Сантис – суть

Вагаси – вечаешь

Трасаси – трясешь

Числительные имена

Пурва – первый

Видяси – бедуешь

Ека, ади – один, аз (разг.)

Наяси – несешь

Два – два

Хваяси – зовешь

Две – две

Дранаси – дереши

Уба – оба

Причшаси – просишь

Три – три

Гадаси – гадаешь

Чатвар – четыре, четвертый

Званаси – звенишь

Панча – пять

Вартаси – вертишь

Шаш – шесть

Бодаяси – будеши

Сапта, саптами – семь

Мишаси – мешаешь

Аштан, аштанам – восемь

Параврит – поворотить

Наван – девять

Пидж – раскрашивать, писать

Дасан – десять

Плава – плавающий

Екадаса – одиннадцать

Шив – шито, шью

Двадаса – двенадцать

Спада – спеть, поспевать

Трайодаса – тринадцать

Ситья – стыть

Чатурдаса – четырнадцать

Суш – сушить

Винсати – двадцать

Шив – сев, сеяние

Тринсать – тридцать

Сата – сто

Пища

Адми – ем, едим

Гьяс – яства

Адана – яденье

Маду – мед

Пи – пить

Сара – сыр

В приведенных здесь словах, составляющих, может быть, малейшую часть совершенно сходствующих с санскритом, заключается почти все требование начального языка и все коренные понятия. – Сверх того, одно из ближайших сходств славянского языка с санскритским есть отсутствие членов, звуки *ч, щ*, и существование безгласных *ъ* и *ь*, ибо индийские согласные в произношении суть не что иное, как *к, г, т, д, н, б*, т.е. произносимые без падения на главную, выражаемые иностранцами посредством *kha, gha, tha, pha, hha*; хвостик, который ставится в конце слова под согласными, также заменяет безгласную *ъ*.

Итак, древняя самобытность славянского языка неопровергаема, корни родословного древа его в глубокой древности; сходство со священным языком (*деванагари*) доказывает благородство происхождения. Судьба племени, говорящего на этом языке, была патриархализм, или естественное развитие семейности в общество, между тем как общины Греции и Рима как скороспелые плоды, дали понятие о вкусе, но были жертвами червоточи. Мир славянский прозябал для прочного созрания. Древо дает уже цвет, и в почках зарождается плод, и – да не повредят ему ни хлады, ни засуха!

Когда Греция кончила свое бытие и смолк язык эллинский пред грозным голосом Рима; когда одряхлел и Рим и затих пред криками своих плебеев, тогда *славянский язык*

просил греков передать ему слово Божие, принял его и вместе с этим начал эпоху своей письменности.

Приняв письменность от самой религии христианской и руководимые единственно духовными учителями, славяне приняли и в литературе своей духовное направление. Ее образцами были священные письма: книги Моисеевы, а не поэмы Гомера; псалмы Давыда, а не оды Анакреона; каноны Иисусу, Божией Матери и святым, а не панегирики именным; молитвы, а не песни разгульные. Поприщем литературы стал храм, а не площадь, и она уклонилась от жизни народной к обители отшельников. Этому направлению способствовало у нас преимущественно и иго монголов. Всё стало искать спасения в Боге: представители народной деятельности монашествовали, а народная литература, почитаемая священством за принадлежность язычества, должна была замолкнуть, и так называемые слепцы, славянские трубадуры, гуслисты и бандуристы, вместо прославления подвигов и геройства стали петь Лазаря и иные притчи (Legende), минеи-четыи. Только в их памяти отпечатывалась литература народная, и, следовательно, с тех пор, как они стали певцами крылоса и паперти, поэзия жизни гражданской заглохла, народные воинственные поэмы и песни вышли из употребления у путешествующих поэтов, и вся новая литература соответственно эпохе времени облеклась в одежду священную; а прежняя древняя большей частью позабылась или обратилась в циркуляры, в которых бездарные певцы выставляли произвольное имя, как в песнях свадебных.

Дóлжно заметить, что в правильном развитии литературы образцы лирических или хвалебных песней образовались из гимнов теургии [богослужения – *Ред.*]; так, например, у греков гимны Орфея предшествовали всей греческой поэзии и, без сомнения, принадлежат тому времени, когда древний вавилонский сибезизм, или сивизм,

основанный в Греции Кадмом, соединился в лице нового законодателя Мелампия с буддизмом египетским или поклонением Бахусу-Озирису; выразим иначе: Кадм основал из патриархального населения Греции гражданственность, а Мелампий патриархальное верование заменил торжественными обрядами Вакха. Здесь начало храмовой литературы Орфея, Каллимаха и клироса, составленного из девяти муз. Этот переход от патриархализма к гражданству и потом к религии, можно сказать, естествен: так гражданскую власть посреди латин основал Ромул, преобразуя в лице своем Раму – т.е. победу; а религиозную Нума, преобразуя номос – закон; так основатель гражданской жизни русов – Рюрик, а воспринявший религию и номоканон – Владимир. Но как в греческом мире до принятия христианской религии существовала литература гражданская (письменная), теургический плод времен языческих, так и между славянами до принятия христианской религии существовала уже литература, но патриархальная – изустный исток язычества славян. Письменность греков была причиной, что бóльшая часть литературы их дошла до потомства, несмотря на истребление вместе со следами язычества. Древняя же устная литература славян по той же причине не могла уцелеть в памяти; а если частью и сохранилась, то невежество так перепутало имена и события, так изменило язык, что к древнейшим памятникам ее теряется доверенность. Они кажутся поддельными или сочиненными недавно, как, например, «Суд Любуши», «Слово о полку Игореве», песни о Владимире и пр., хотя по заключающимся в них признакам неподдельной древности подделка совершенно невозможна.

Героические песни народной литературы относятся почти всегда и преимущественно к какой-нибудь великой эпохе народного быта. Так народная гомерическая поэзия Греции относится к эпохе «покорения Трои», в которой участвовал весь народ Эллады. Дуаны кельтов воспевают Фин-

гала и относятся к временам восстания галлийцев против победоносного Рима. Так тевтоническая поэма «Нибелунги» воспевает Зигфрида и, может быть, принадлежит миннезенгерам времен победоносного Аттилы, представителя восточных готов. Поэмы труверов франконских сливаются в имени Карла Великого. Так и думы русов избрали апофеозом имя Владимира, и темой – богатырское его время, время величия Новгорода и Киева.

Перед подобными историческими именами, основателями славы народной и любимцами народа, исчезали в песнях имена и слава предшественников, и почти всегда деяния многих относились к одному имени как к итогу, к сумме деяний по части какого-нибудь свойства божественного; и это тем легче делалось, что личные имена героев исчезали пред именами апофеоза. Подобный апофеоз Греции составляют подвиги Александра, в Индии – Рамы, в Ассирии – Нина и Семирамиды, в Египте – Рамсеса или Сезосра (Сезостриса).

Подобные апофеозы могли совершаться только во времена устных преданий, когда тему, заданную очевидцами подвигов, молва украшала вариациями и воображением. С водворением письменности очарование стало исчезать, а с водворением печатания кончилось совершенно. Чудеса молвы, как призраки ночи, пропали с восходом истины. Каждый человек стал человеком, и апофеоз исчез.

Переходя из уст в уста, из наречия в наречие, от поколения в поколение, язык легенд и песен изменялся и обновлялся; но это, однако же, не значит, что легенды и песни новы: в них не исчезает древность, несмотря на то, что каждое время кладет на них свою печать и каждый век приспособливает их к своему выражению до тех пор, пока письмо не остановит бродящего предания и не сделает его, так сказать, оседлым. Но и начертание каждый век произносит по-своему, и даже понимает по-своему; полное же постижение предания принадлежит только тому веку,

который в спирали времен лежит на соответственной событию только окружности.

Вот причины, по которым мы полагаем должным восстановить право на древность некоторых памятников устной литературы славян и русов. Обратим прежде всего внимание на думы чехов времен языческих, сохранившиеся в отрывках сборника, найденного в Кенигинхоффе и названного по сей причине *рукописью Краледворской* (по мнению современных исследователей, она является литературной подделкой, изготовленной Вацлавом Ганкой и Йозефом Линдой и якобы обнаруженной в 1817 году. – *Сост.*). Влияние Рима на чехов заставило их принять вместе с христианской религией и латинские письмена, а потому сборник дум и песен чешского народа также написан латинскими буквами.

Между малым числом сохранившихся дум, которые составляли историю народа, древнейшей должно почесть думу под заглавием «Честмир и Власлав»; она составляет 27-ю главу третьей книги сборника «О победе над Влаславом», и в языке ее нет еще того различия, которое впоследствии проявилось в наречиях славянского языка.

Неклан каже встати к войне,
Каже княжескими словы,
Против Влаславу.
Встаху вои, встаху к войне
Против Влаславу.
Хвалидѣбашесе Власлав князь
Витязьством³³ над Некланом,
Над славным князем;
Пущаше меч и огонь
В краины Неклаинины,
И гласяше над грабивыми
Мечи своих воинов
Погапенье Неклану:

«В бой Честимиреже веди ми сборы.
Гадливый ны позыва
Надуты Власлав!»
И всиа Честимир и возрадовася,
Радостне сня свой щит черны,
Двузубу, и сня со щитом и млат
И не проникавый шелом.
Под все древа
Взложе обеты богом.
Буйно зволаше Честмир на вои.
Вскоре все вои в ряды иду,
И тяжеху под солнцем жахе (жгучим),
И тяжеху про весь день и по солнце.
Тамо к погребу³⁴.
Ай та се вали дым по дединах,
И по дединах стенанье жалостных гласов:
«Кто сожже дедины?
И кто расплака наши глаза, кто? Власлав!
Последнее буде его вражество!
Помсту и пагубу
Вои мои, нань несу!»
Отвечазя воеводе Честимиру:
«Крувой, Крувой, скаред!
Отогнаша стада и сдеяше горе,
В дединах огние и мечие,
Все чие полезно бяше
Потреше его злоба крута,
И зае (заел) воевода нам!»
И озлися Честимир на Крувоя.
Широки перси
Злоба уже ему разовреша
По всех путех... и.т.д.

Вот образец восстановленного текста славянского языка VIII столетия; латинское произношение, в котором

нет *ш, ж, щ*, совершенно изменило древнее произношение славян-чехов, которое совершенно сходно было с тем наречием, на которое переведены священные письмена.

Второй памятник исторических песен чехов относится к 894 году, когда король их Буригой³⁵, приняв христианскую религию католического исповедания, истреблял языческих богов, что, вероятно, и было причиною общего восстания на него и его низвержения.

Эта дума называется «Забой, Славой и Людек» (вероятно, Людовик, Людвиг), и мы восстановим ее сполна.

Почина се о велике победе

С черна леса выступае скала,
На скалу вступи сильны Забой,
Обзира краины на все стороны,
Замутися от краин ото всех,
И застена плачем голубиным
Седя долго и долго ся мути,
И всхописи в гору яко елень,
Долом, лесом, лесом долгопустым,
Быстро спешащее от мужа к мужу,
От сильну к сильну по всякой власти,
Кратко слово ко всем скрыто рече;
Поклоняся богом отсюд к другу спеша.
И мину день первы и мину день вторы,
И кдаж за третьим луна в ночи быша,
Свахуся мужие семо в лес черн.
К ним зде Забой; отведи их в увал,
В пониженный увал глубокого леса,
Ступи Забой наинизше долов,
Взя Варито звучно:
«Мужие братских сердец
И искренних зраков!
Вам пою найниже с дола песнь,

Иде с сердца моего,
С сердца наинижее,
Погружения в горе.
Отче сойди к отцем,
Остави в дедине детки своя
И свою любницу,
И не рече ни кому.
Батя! ты молви к ним
Отецкими словы!
И приде чужи
Усильно в дедину,
И чужими слова заповеда.
И как се сдее, в чужей власти
От утра по вечер,
Тако бы ся сдеяти
Деткам и женам;
И едину дружу нам имети,
По пути всей с весны по морану³⁶,
И выгони с хаев (лес) вси крагун (грачи),
И каки бози в чужей Власти,
Таким же кланяти и zde...»
и т.д.

Третья дума относится уже к временам христианства: она составляет главу целого сборника, которая «починася о великих боях Храстиан с Татары». Герой этой главы Ярослав, князь власти (области) Оломецкой; он победил татар и сам поразил Кублаева сына. Это событие совершилось после уже того времени, когда татары «два Королевства себе подманиху: старый Киев и Новиград простран, роспряну вси вон угров и поплениху все че (что) вземь их бяше; в Польще разложиху, поплениху вси волости и додрахуса люто к Оломцу».

«Беда встане тужша по краинах».

И христиане взмолились к Богу жалостливо, дабы спасал их от татар злочестивых:

«Встань, о господине, в гневe своем!
Спаси ны врагом, спаси ны стягающих
Потлочити хотя ю душу нашу,
Оключивше ны внутр волци овце...»
и т.д.

Кублай, или Хубилай-Хан, вступил на престол в 1260 году; по смерти его в 1294 году наследовал преобладание Монголии внук его Тимур. Событие, относясь к царствованию Хубилая, без сомнения, также относится и к поражению татар в Польше в 1267 году.

Легенда о Неклане современна прибытию Константина и Мефодия в Моравию и может служить образцом тогдашнего народного языка славян и доказательством, что перевод священных книг не дал иного направления языку и что все славянские наречия в то время были близки друг к другу. Впоследствии уже, когда чехи и поляки приняли религию и письма от Рима, недостаток букв латинских для выражения звуков славянских изменил произношение слов, и письменное *j* стало выговариваться как *ж*; напр. *drjewo* – вместо древо – држево; и стало писаться: *drsewo*; *bratrje* – братрже – *bratrsie*; *wietrji* – ветры – ветржи – *wietrsi*; *rjechu* – реху – *rsiechu* – ржеху; *horje* – горе – *horsie* – горже; вера – *wjera* – вжера и т.д.

Наряду с упомянутыми нами древними памятниками устной литературы придунайских славян мы можем поставить русские, и именно сборник богатырских песен Кирши Данилова. Некоторые из них принадлежат неоспоримо героическим временам Руси, хотя язык их частью приспособлен уже к позднейшим временам. Устное предание могло перепутать событие и имена, могло старца наря-

дить юношей, но не могло обратиться в юношу; он невольно проговорится и обличит себя.

Богатырская, или геройская, эпоха русских относится к временам величия Киева и процветания Новгорода. Языческая, торжественная жизнь Владимира, его полеванья, пиры, музыка и песни составляют последний период боевой и певучей жизни народа, и это время не могло не остаться в памяти:

В стольном городе во Киеве,
У славного князя у Владимира,
Было пирование, почестный пир,
Было столованье, почестный стол,
На многи князи, бояры,
И на русские могучие богатыри,
И гости богатые...

Эта не вымысел, а устное народное предание, которое невозможно придумать точно так же, как рассказ о корабле гостя Соловья Будимировича:

Из за моря, моря синяго,
Из глухоморья³⁷ зеленого,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморского,
Выбегали, выгребали тридцать кораблей...
и т.д.

В этой песни слова новые, но смысл старый. Описание корабля не стоило бы внимания, если б оно не было верным очерком древних кораблей. Подобно как теперь усовершенствованные корабли почти повсюду строятся на один образец, так и в древности весельные корабли римлян, греков, норманнов и русов были, без всякого сомне-

ния, однообразны – «нос и корма по-туриному», т.е. наподобие овна. На носках и кормах кораблей римских также было преимущественно изображение овна. Нижняя часть носа (rostra, ерегон) также выводилась клыками или железными ножами, которые при быстрой встрече пронзали бока неприятельской ладьи.

На том на соколе корабль,
Сделан муравлен чердак.

У древних на кораблях военных также строили башни (turres).

Вместо очей было вставлено
По дорогу камню по яхонту.

На изображениях древних кораблей также видны с боков глаза, как у огромных животных, вместо усов пики и пр.

Откуда мог взять Кирша Данилов подобное описание, как не из устного предания? Древние певцы не знали вымысла; что глаз видел, а сердце чувствовало, то они передавали без украшений и даже без прибавлений; и мы верим, что богатые корабли русов были похожи на описываемый корабль Славоя Будимировича, и это описание было типическим того времени: где нужно было воспеть корабль героя песни – оно вставлялось в песне, как формула великолепного корабля.

Не времени и не понятиям Кирши Данилова принадлежат и подобные стихи:

И зачалъ тута Ставрѣ поигрыватьи,
Сыгръшь³⁸ сыграль Царяграда,
Танцы³⁹ навель Ерусалима.
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того играль Еврейский стихъ⁴⁰.

Не упоминая многих других мест в песнях Кирши Данилова, избобличающих древность их, мы обратимся к великому творению неизвестного певца русского, к «Слову о полку Игоря князя Новгород-Северского»⁴¹, которое есть образец высочайшего совершенства народной устной поэмы. Если подобные песни были рапсодиями, из которых составилась «Илиада», как сборник хвалебных песен событиям под Троей, то ни одна песнь греческого Гомера не сравнится по достоинству поэзии с Гомером, окропившим слезами поэзии Русь, раздираемую усобицами Ольговичей и Мономаховичей и уже готовившуюся пасть под иго монголов.

Усобица княземъ на поганя погыбе,
Рекоста ба братъ къ брату:
Се мое, а то мое же;
И начяше князи про малое се великое молвити;
А сами на себе крамолу ковати.
А погани съ всехъ стран прихождаху
Съ победами на землю Русскую.

Здесь начало внутренней причины нашествия монголов на Русь. В мае месяце 1186 года рать русских была разбита на берегах Каялы, и с этих пор «поганіи нарищуше на Русскую землю емляху дань по бълъ отъ двора»; в 1207 году половцы взяли и опустошили Киев: «Иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя и ссуды (сосуды) священныя, книги и порты (одежды) блаженныхъ первыхъ князей, еже бяху повешали въ церквахъ святыхъ на память собъ». В 1224 году совершилась несчастная битва при Калке, а в 1236 году Русь стала данницей ханов монгольских. «Песнь о полку Игореве» есть последняя песнь героических времен Руси. С этой эпохи замолкла *слава*; устрешенный народ, не находя уже защиты в градах, стал прибегать под защиту стен монастырских, ибо обители монашествующих чтя-

лись и самими монголами. Русь, как изрубленный на части витязь, лежал бездыханен; стаи черных воронов носились над ним, рвали белое тело. Но Иоанн I собрал в калиту все части его; Димитрий Иоаннович полил мертвой водой, и они срослись – витязь воспрянул и вступил в новую борьбу с врагом; воскресла с ним и слава. Первая песнь ее была «Сказанье о Мамаевом побоище», но уже на лад стихир священных; это поет монашествующий певец, без созвучия бандуры; иногда только невольно отзовется в рассказе его звук стародавней славы. Вскоре, однако же, забряцала и бандура «о взятии Казанского царства»; потом великие эпохи возникающей Руси начали отзываться снова в песнях слепцов-гудочников и бандуристов; народ стекался и слушал песни их, устную историю про *Скопина Шуйского*:

Как бы во ста двадцать седьмом году,
В седьмом году, в осьмой тысячи,
А и деялось, учинилося,
Кругом сильна царства Московского,
Литва облегла со все четыре стороны;
А и с нею сила, сорочина долгополая,
И те черкесы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукча со люторами...
и т.д.

Или как Ермак взял Сибирь:

Во славном понизовом городе Астрахани,
Против пристани матки Волги реки,
Сходилися тут удалы добры молодцы,
Донские славны атаманы казачие
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.

И стали они во единый круг,
Как думати думушку за единое,
Со крепка ума, с полна разума...
и т.д.

Покуда еще отпечатывалась народная жизнь в памяти, а не на бумаге, вряд ли хоть одно значительное событие, стоящее славы, не воспевалось народом.

Так в Сербии в дни борьбы за первенство с Булгарией и в победные дни со времен Симеона, который именовался уже *«Краль Сербіе, Рассіе, Триваліе, Зохолміе, Діокліе, и све Далмаціе»*, при Стефане Уроше, который женат был на Елене, дочери французского короля; при сыне его Милутине Уроше, владычествовавшем над Руссиею, Диоклеей, Албанией, Булгарией и всеми приморскими странами от Адриатического моря до р. Дуная, – народные события, привязанные к именам королей и иноков, передавались в думах и песнях.

После падения под иго турецкое голос народный замолк; но едва возникла надежда избавиться от ига, едва меч заблестал – и песнь загремела.

Таким же образом и у русов-украинцев возникла дума – воинственная песнь, когда Южная Русь стала освобождаться из-под ига поляков:

О, бывали в нашей славной Украине, бывали
Страшные, черные годы, бедовые времена,
Бывали моры и военные грозы!
Никто не был щитом украинцам,
Никто за них не воссылал молитв к Богу!
Только святой Бог не забывал их,
Хранил в великих усилых, и в защите.
Только Бог святой знал, что думал, гадал
и замышлял,
Когда посылал невзгоду на Украинские земли.

По Его воле и прошли, минули невзгоды:
Нет теперь никого, кто бы нас одолел;
Не раз и не два ляхи разоряли Украину,
Не давали ни на час ей отдыху,
День и ночь наготове держали коней.
Из-за горы туча встает – встает, выступает.
До Чигрина громом гремит,
На Украинскую землю молниями блещет...
и т.д.

Устная литература час от часу исчезает и в славянских племенах, исчезает вместе с патриархальным бытом их: память передает труд свой письменности. В Великой-россии в народе почти нет уже преданий⁴², но Великороссия неистощимо богата еще обрядными песнями и глосами: это достояние древности, наследство, какого не имеет ни один народ в мире. Думы или народные поэты сохранились в Украине и в Сербии. В первой вы еще найдете слепцов-гомеров, которые расскажут и пропоют вам, сопровождая голос звуками лиры, как «сила, сила, сила силу одолела», пропоют про казачество, гайдамачество и чумачество, про гетманов, про набеги татар, турок, поляков, про притеснения, которые претерпела Украина от ксензов и жидов:

Память не умрет, не поляжет,
Рыцарство казацкое всем перескажет.

Вы услышите думы про Наливайку, Самку-мушкета, Степана Кукурузу, Повтора-Кожуха, Барабаша, Нечая, Хмельницкого, Железняка, про Сагайдачного,

Що променяв жинку
На тютюнь да люльку.

Про Ивана Коловченку, про Ивана Свирговского, что

Сизым орлом летал,
Тополем гнулся.

Про Богдана Ружного, который врвался с удалыми казаками в Малую Азию и громил Константинополь.

Про Гайдамака Перебейноса; и вообще про гайдамацкую жизнь тех времен, когда народ, притесненный поляками, бежал в леса тысячами и предавался гайдамачеству:

В лесу только волки да лисицы,
Вот мои братцы и сестрицы!
Один только черный ворон кричит:
Здравствуй, здравствуй брат Гайдамаче!

При умиренной жизни песнь народная не забывала и славных чумаков; например, чумака Макара, который сорок лет чумаковал и сложил голову посреди степи на пути из Крыма в Харьков. Говорят, что по сие время могила его растет и высится: кто ни идет из чумаков мимо – остановится, поклонится и бросит горсть земли.

В Сербии вы можете еще видеть сохранившуюся тень древних бардов – бандуристов, которые, с гудком или с гусями, поют про былые времена, про *юнаков*, например, про Марко Краевича, про гайдуков или свободных воевод, которые, скрываясь со своими шайками в лесах, постоянно ведут войну с внешними властями, преобладающими Сербией; но не трогают своих, как, например, гайдук – Велька Петрович и пр.

Война с турками есть эпоха почти всех дум сербских, распеваемых *гадлярми*⁴³; описания битв юнаков (молодцов) и гайдуков с пашами и любовь составляют темы.

Но и эпоха, предшествовавшая падению славян придунайских под иго турок, еще не забыта. Песни о кралях славянских Радославе, Павлимире, Тешимири, Владимире, Доброславе и многих других сохранились еще, и из них можно видеть тогдашние отношения славян к Греции и Риму, а равно и взаимные отношения славянских королевств – Болгарии, Сербии, Далмации, Боснии и других.

Мы уже заметили, что исток устной народной литературы имеет начало свое в патриархализме народов, там, где чистая кровь родства не охладела от смешения и где чувства любви к Божеству, к родной земле и к своему ближнему не иссякли от притворных излиний. Заклучим желанием, чтобы гражданская наша литература кончила период подражания и вступила в период самобытности. Первым трудом ее будет сборник литературы народной, покуда еще не иссякла она в памяти и народ не запел октав какой-нибудь поэмы.

ТРЕДЬЯКОВСКИЙ

«Родился 22 февраля, 1703 года. – По склонности с ранних лет к наукам путешествовал для просвещения себя во Францию, Англию и Голландию, на свое иждивение; обучался в Парижском университете; его наставником в истории был Роллен. По возвращении из путешествия в С.-Петербург в 1730 году был принят в Императорскую академию наук студентом; в 1745 году утвержден профессором красноречия; первый из русских получил он это звание. Труды его по всем предметам словесных наук неисчислимы. Это второй Колумб, имя которого заглушил более счастливый Америк Веспучий. В 1763 году этот труженик оставил кафедру, в 1769 умер».

Тредьяковский, как судьба юного русского языка, нового Тилемаха, влек его на остров Калипсо. Юноша,

наученный уже комплинтам из прикладов, вышел на берег и произнес:

О колико ты красна, лица красотою,
Снега белость ничего в сравневаньи с тою,
А на щечках ямки две и они отверзты,
Плут Купидо в них сидит, сложа нежно персты;
Улыбається, молчит и красно глаголет:
О колико ты, красна, лица красотою!

Гречанка гордо встретила его словами: «Ты с чего восприял толикую дерзость, что к моему привалил так остро-ву, вышел на сей же?»

Но, узнав, что он новый Тилемах, сын нового Улисса, с которым она издавна была уже в кровном союзе и которому в вечную память дала ожерелье из нанизанных 44 букв, Калипса полюбила Тилемаха, и Тилемах пленился Калипсой; но вдруг явился, как *божич любви*, Александр Петрович Сумароков, тайно внушил в него страсть к молоденькой нимфе Эвхарите – началась ревность, началась трагедия! Профессор химии, Михаил Васильевич Ломоносов, предназначенный Провидением быть ментором, видя несчастье, грозящее юному языку, стал увещать его:

О, беги Тилемах от нимф, беги мой любезный,
Больше ж беги вгрунь от *паренька* сего не позванна
(т.е. от Эрота, божича любви. – *Сост.*).
Речи сей отвечал Тилемах воздыханием токмо.

Видя, что *речи* мало помогают, ментор схватил его поперек и с высокой скалы Пиимы сбросил его в Оду.

Ода, как вода, первоначальная стихия (по мнению некоторых философов), приличествует более всего младенчеству словесности.

Таким образом Тредьяковский, воображая, что русский язык и русские понятия уже не дети, предложил им целый европейский обед, тогда как нужно было дать просто молочной кашки, что и сделал Ломоносов, вполне современный.

Язык, внезапно сбросивший формы XVIII столетия, и техническое правописание, более всего повредили Тредьяковскому. Сам виноват: для чего щекотать русский слух беззвучным эллинизмом, когда он привык, чтобы слово стучало в барабан? Зачем писать правильно *Тилемах* вместо неправильного, но звучного *Телемака*, вместо поэмы, эпопеи – *пима*, эпопеи, вместо *герой – ирой*, *Махиавель – Махиавиль*, вместо *Гоббез – Оввисий*? Язык сам знает, какие звуки ему приличны. Кто ни учи нас правильности *Омира*, мы вечно будем говорить *Гомер*, кто ни пиши *Ньютон*, нам все-таки он будет известен более под названием *Невтона*; *феатр* всегда будет у нас *театром*, *Бенфам – Бентамом*, *Аранхуес – Арангуецом* и т.д. И кто поручится за правильность правописания по произношению?

Оценим же полезные труды Тредьяковского, и тень великого, ударив его по плечу, сказала бы: «Спасибо тебе за Ролленя, за Телемака и за Абуль-Гази, спасибо и за введение гекзаметра; но участь твоих трудов будет горька, тебе надо было жить или при мне, или целым столетием после меня».

ПОРТФЕЛЬ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА

Почти до настоящего времени мы гордились только литературной славой Ломоносова и смотрели на него как на гениального поэта, который дал новое изящное направление русскому языку. Этот плод гения его, хотя второстепенный, в сущности, был ближе к сердцу нашему, и

мы мало или совсем не обращали внимания на его ученые творения, по которым он имеет право стать наряду с великими гениями европейскими.

Удивительно ли, что в то время, когда жил Ломоносов, отечество обращало внимание только на поэта Ломоносова. Россия тогда еще не нуждалась в его открытиях по части химии и физики: прежде всего ей нужна была наука и образцы изящного выражения мыслей; за гением не могли успевать следовать общие способности, – кто же мог оценить его в то время, кроме европейских ученых (Эйлера, Фарнея, Генздуса, Вергентина, Занотти, Ноллета, Кондамина, Бернуллия), с которыми, как видно из его памятных отметок, он вел переписку и которым, вероятно, сообщал свои открытия. Но его переписка с учеными иностранцами не сохранилась; в его бумагах найдено только письмо к Эйлеру и отзыв Эйлера по случаю посланных к нему Академией диссертаций Ломоносова на рассмотрение. Этого отрывка, однако же, достаточно, чтобы убедиться, как высоко ценил европейский ученый – ученого русского. Вот что пишет Эйлер о Ломоносове: «Все записки г-на Ломоносова по части физики и химии не только хороши, но превосходны; ибо он с такой основательностью излагает любопытнейшие, совершенно неизвестные и необъяснимые для величайших гениев предметы, что я вполне убежден в истине его объяснений; по сему случаю я должен отдать справедливость г-ну Ломоносову, что он обладает счастливейшим гением для открытий феноменов физики и химии; и желательно бы было, чтоб все прочие Академии были в состоянии производить открытия, подобные тем, которые совершил г-н Ломоносов»

Из русских ученых, преимущественно постигнувших достоинство открытий Ломоносова по части химии и физики, был профессор *Дмитрий Матвеевич Перевощиков*. В торжественной речи своей он первый объяснил, что Ломоносов предсказал все те истины и открытия, которые со-

вершены европейскими учеными нашего века, и, следовательно, про Ломоносова можно сказать то же, что Мишеле сказал про Вино: «Его открытия не были оценены прошедшим веком потому, что они относились к нашему веку».

Но, постигая уже Ломоносова как поэта и ученого, мы не знаем служебной деятельности Ломоносова и влияний его ума и сведений на возникавшие учреждения по части просвещения России; между тем как служебная деятельность на пользу отечества своими способностями составляет обязанность каждого сына отечества. Нам неизвестны также отношения, в которых находился Ломоносов. Доверенный мне Екатериною Николаевной Орловой¹, урожденной Раевской, портфель служебных его бумаг, сохранившихся в семействе Раевских, дает удовлетворительное понятие как об отношениях, так и о пользе, которую принес этот человек своим присутствием посреди рассадника просвещения отечественного. Его мысль проникла в учреждения, боролась с мнениями, противными духу России и завещаниям Петра Великого, отстаивала русский ум и честь от унижения, и казалось, что самолюбие его страдало до слез повсюду, где не было веры в способность русскую. «Не употребляйте Божьего дела для своих пристрастий, – пишет он к Теплому, – дайте возрастать свободно насаждению Петра Великого». – «Что для меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтоб до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолоду, на старости не покину». Явление подобного человека в эпоху начинаний доказывает, что инстинктуальный ум русских давно уже образовался: ему стоило только перенять новые европейские формы, и он готов был состязаться с учителями своими и отразить влияние всего, что было несвойственно или вредно народу.

Едва Ломоносов вступил в Академию наук, и его дух преследований беспорядков и злоупотреблений является

уже в донесении Сенату советника Академии Нартова от 22 января 1742 года.

Это донесение, написанное в январе 1742 года, имело свое влияние, и по указу от 30 сентября того же года поручена канцелярия Академии наук советнику Нартову в рассмотрение, со Всевысочайшим Ее Императорского Величества повелением, что ему на место Шумахера в оной Академии быть до указа и во всем по регламентам и указам Его Императорского Величества блаженные и вечнодостоинные памяти Государя Императора Петра Великого поступать, и проч.

В донесении Нартова в Сенат в ноябре 1743 года приложена ведомость отрешающихся и увольняющихся членов за излишеством и негодностью; причины отрешения и увольнения некоторых замечательны, например:

«При гимназии учителя

Миллер, Герман – Оные Герман и Миллер обучали в оной латинскому и немецкому языкам; а российского языка ничего не знают, а должность для лучшего понятия российскому народу в немецком и латинском языках могут исправить переводчики или студенты, которые немецкий, французский и латинский язык знают, что и прожект Государя Императора Петра Великого об Академии наук повелевает.

Фишер – Оный Фишер определен в 741 году; российского языка, так же как и помянутые учителя, весьма мало знает и для того к обучению российских учеников неспособен, да и к тому же глух и мало видит.

Танцмейстер Басенкур – Определен в 740 году, обучает танцеванию дважды в неделю по четыре часа; а по прожекту Государя Императора Петра Великого танцмейстера при Академии не положено». И проч.

Сохранившийся между бумагами лист черновой бумаги, написанный рукою Ломоносова, объясняет более тогдешнее состояние Академии наук. Это, вероятно, отрывок из проекта об исправлении Академии и составляет начало

первой части. Нельзя оспаривать, что при начале учреждения Академии наук в России необходимо было дать ученым людям, выписанным из-за границы, преимущества, выгоды и даже право распорядительности. Петр Великий основал деятельность Академии на людях, которых память чтит Россия, но после Петра Великого новый комплект, кажется, занял Академию, точно так же как Дидона землю туземцев африканских, и стал истреблять насаждения великого образователя; следовательно, постоянные негодования и жалобы Ломоносова на злоупотребления справедливы, и мы можем считать его русским отводом против тогдашних иноземных туч. За него, как за человека с сильной душой, готовой к самопожертвованию, загордились многие; одаренный могучею умственной деятельностью и проникнутый любовью к отечеству, он уважал всех истинно просвещенных, но ненавидел ученых педантов и арендаторов науки и ученого звания, стал невольным представителем борьбы за завет Петра и за самостоятельность русскую, и, следовательно, имел врагов, невольно становился жалобщиком, потому что в этой тяжбе терпела и личность его. Явный враг его был Тауберт; Ломоносов преследует его неумышленно за злоупотребления и несправедливости, но повсюду видна главная цель: восстановление Академии для пользы отечества и русского юношества, которую предназначал Петр Великий. Все предложения о новых учреждениях написаны его рукою, и во всех черновых бумагах видны родные заботы об успехах русского просвещения.

Между бумагами находятся собственноручные черновые:

1. Краткий способ приведения академии наук в доброе состояние.
2. Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-петербургской Императорской Академии наук.
3. Новое примерное распоряжение и учреждение Санкт-петербургской Академии наук, на Высочайшее

рассмотрение и апробацию Ее Императорского Величества сочиненное.

4. Рассуждение о академическом регламенте и штате.

5. *Idea status et legum academiae Petropolitanae* (черновая, также собственноручная).

6. Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поискам пути на восток северным Сибирским Океаном».

И много других, касающихся до университета и гимназии.

В 1758 году разделены академические департаменты, и Ломоносову поручены ученые, а именно: академическое профессорское собрание, университет, гимназия и географический департамент. Знание дела по части последнего известны нам из изданных сочинений Ломоносова; деятельность же его и распорядительность в управлении и все помешательства, которые делал ему к исполнению его полезных и обширных предположений, можно видеть из прилагаемых выписок.

Первой заботой его было исправить старый атлас России, который, как видно из донесения его президенту Академии, графу Разумовскому, исполнен был погрешностями и недостатками до того, что «многие имена и положения мест ложно были означены, значительные урочища пропущены и целые уезды, многолюдными волостями населенные, были на карте пусты, и сверх того Санкт-Петербургская губерния с завоеванными провинциями вмещены в одну карту».

«По поручении от вашего сиятельства мне особливою смотра над географическим департаментом, – доносил Ломоносов, – во-первых, я старался как бы сей недостаток отворать и тем показать в других государствах, что наше отечество не так пусто и безнародно, как на атласе нашем поставлено; к сему концу 1. сочиняются в географическом департаменте новые карты в большой формат. Первая, особливо, карта С.-Петербургской губернии,

потом Лифляндии, Эстляндии, также и Новгородской губернии, что производится из имеющихся в географическом архиве документов. 2. Для лучшего и нынешнего исправления погрешностей и для исполнения недостатков по моему представлению подано от академической канцелярии в Правительствующий Сенат доношение, дабы повелено было собрать географические известия со всего Российского государства для исправления Российского атласа, на что получен от Правительствующего Сената повелительный указ, чтоб географические запросы, в Академии сочинив и напечатав, представить высокоупмянутому Сенату для рассылки по государству при указах, и оные запросы сочинены и к поданию отпечатываются. 3. Подобное доношение подано и в Святейший Синод для географического знания синодальных строений, откуда также не безнадежно о получении удовольствия.... Для большей исправности Российского атласа неотменно должно знать долготы и широты знатнейших мест Российского государства, о чем неоднократно от профессоров представляемо было и должно быть исполнено, а особливо ныне при сочинении нового атласа».

Представление Ломоносова президент Академии предписал исполнить, и, вероятно, вслед за сим представлены были Ломоносовым мнения:

«1. Мнение о посылке астрономов и геодезистов в нужнейшие места в России для определения долготы и широты.

2. Мнение об употреблении нынешней ревизии в пользу географии российской и сочиняющегося атласа.

3. Содержание первого, исключая вступление, в котором повторяется вышесказанное, следующее:

4. Раздвоить великую Россию (Сибирь после следовать имеет) на три экспедиции, которые бы все в полтора, а по большей мере в два года могли быть окончены: ибо всего путешествия по моему исчислению будет около 18 тысяч верст, что разделив натрое, достанется на каждую

экспедицию по 6000 верст. Положив, что везде надобно по 3 недели на 1000 верст, пойдет на оную 13 недель; для обсервации всех пунктов 50, считая на каждый по три недели, будет 150, и на одну экспедицию 50 недель; всего год и 16 недель.

5. Первая экспедиция должна определить астрономическое положение городов: Нарвы, Пскова, Великих Лук, Смоленска, Тулы, Глухова, Киева, Запорожской Сечи, Бахмута, Бела города, Воронежа, Верхнего Ламова, Касимова, Владимира, Москвы, Твери, Новгорода.

6. В сию экспедицию употреблен быть может адъютант Красильников с одним геодезистом и с приданным ему морским или сухопутным кадетом, которых истребовать должно.

7. Вторая экспедиция назначить имеет по астрономии положение мест: Казани, Хлынова, Кай городка, Соли Камской, Екатеринбургa, Уфы, Оренбургa, Яика, Гурьева, Астрахани, Царицына, Черкаска или Азова, устья реки Медведицы, Борисоглебска, Пензы.

8. В сию экспедицию употреблен быть может адъютант Шмидт с вспоможением геодезиста или кадетов, о чем должно послать в оные корпуса промемории. Но ежели г-н профессор Гришов пожелает в сию экспедицию, то бы мог он измерить сверх того 47 градус и учинить нивелляцию между Каспийским и Черным морем. Что Академии в славу, и ему бы в похвалу послужило.

9. Третья экспедиция определить имеет астрономическое положение мест: Ладоги, Тихвина, Ярославля, Нижнего Новгорода, Козмодемьянска, верховья реки Ветлуги, Галича, Вологды, Устюга, устья реки Выми, Усть-Елмской слободы, Пустозерского острога, Мезени, города Архангельского, Кеми, Кандалакши, Кол, Каргополя.

10. К сему определить г. Попова с надлежащим вспоможением геодезистов и кадетов, которых ради великого расстояния мест и разности мест должно усугубить.

11. Всем в инструкциях изобразить и от Сената для всех указы испросить, чтобы где в городах есть геодезисты или инженеры, даваны бы были без отговорки в их команду для вспоможения в тех самых провинциях.

12. Средства к исполнению сего предприятия при искусных людях суть инструменты, из которых некоторые должно взять из принадлежащих к обсерватории. Впрочем, употребить другие краткие способы, которые служат для обретения долготы на море, ибо они на сухом пути многоудобнее и с довольною точностью для географии употребляемы быть могут, в чем, по согласию господами астрономами, могу рекомендовать мои изобретения.

13. Впрочем, солнечное сего года затмение и два лунных небесполезны в сем предприятии будут.

14. Наконец в инструкциях, которые сим экспедициям дадутся, все нужное и полезное обстоятельно изображено быть имеет.

15. Итак, ежели сие дело с надлежащим рачением и беззавистно предприятию и продолжаемо будет (в чем я крайние мои силы употреблять намерен), то весьма не сомневаюсь, что через три года будем за Божию помощью иметь несравненно исправнейший перед прежним Российский атлас в шестидесяти или восьмидесяти специальных картах, с отменными украшениями и с политическим и экономическим обстоятельным описанием всея империи, включая Сибирь, на которую еще сверх того два или три года употребить должно будет».

Предполагаемое мнение Ломоносова о командировании трех астрономических экспедиций, однако же, изменено им на две. Мы выпишем любопытные «подписки академических членов и адъюнктов, для апробации пути посылающихся в экспедиции обсерваторов»:

«Под сими подписать свое мнение господам профессорам Миллеру, Брауну, Попову, Котельникову, Епинусу, господам адъюнктам Красильникову, Трускому, Румовскому,

Шмидту о расположении пути двух астрономических экспедиций. Первый путь и обсервации: Нарва, Псков, Великие Луки, Смоленск, Тула, Глухов, Киев, Сечь Запорожская, Бахмут, Белгород, Воронеж, Верхний Ломов, Переяславль Рязанский, Володимир, Москва, Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Кузьмодемьянск, верховье реки Ветлуги, Вологда, Устюг, город Архангельской, Кем, Кандалакша, Кола, три острова, Каргополь, Ладога. Второй путь и обсервации: Новгород, Тихвинский монастырь, Бело озеро, Кострома, Казань, Хлынов, Яренск, верховье реки Выши, Пустозерской острог, верховье большой Печоры реки, Солькамская, Екатеринбург, Уфа, Оренбург, главный изгиб реки Явка, Гурьев, Астрахань, Царицын, Черкасск, устье реки Медведицы, Саратов, Пенза, Самара.

На подлиннике: секретарь Михайло Гурьев.

Сентября 24 дня 1760 года».

Подписки:

«Прежде как учредить такие важные экспедиции, которые немалой суммы требовать будут, надлежит знать, кто такие в каждый путь отправлены быть имеют, что им на оных путях делать, может ли каждый из них потому исполнения чинить, и есть ли на то довольное число надлежащих инструментов в готовности. О чем яко о главном деле надлежит довольное рассмотрение иметь в академическом собрании, дабы требуемое на то иждивение не употреблено было втуне. А что касается до определения дорог, сие дело маловажное, можно так, можно и иным образом; однако сие притом наблюдать надобно, чтоб дороги были способны, по коим либо на телегах, или на санях, или водяным путем на судах проехать можно было жилими местами, и никакое бы знатное место, поелику положение их допустит, пропущено не было. О сем я впредь свое мнение дать буду.

Сентября 24 дня 1760.

Подписано: Г. Ф. Миллер».

«Дух празднословия не даждь ми.

Н. Попов».

«В том нужды нет, хотя сии две экспедиции от севера и юга начать, когда только ими намерение исполнится, я думаю и заподлинно утверждаю, что многие из вышеупомянутых мест выключить можно, ежели употребятся те средства, которые в департаменте находятся.

Шмидт».

«О показанной экспедиции я нижеподписавшийся согласен.

Андрей Красильников».

«О вышеобъявленном распоряжении двух астрономических экспедиций я согласен.

Иван Трускот».

«Согласен.

Степан Румовский».

«О сем расположении пути я согласен.

Семен Котельников».

Для совершения этих экспедиций назначены были: в первую – профессор Попов и адъюнкт Шмидт, в другую – в звании адъюнкта капитан геодезии Красильников и присланный по требованию академической канцелярии из Государственной коллегии математических и навигацких наук подмастерье ранга порутчинского Николай Курганов, и сверх того, при каждой экспедиции по одному геодезисту.

Экспедиции готовы были уже отправиться, но, к несчастью, погнались за Венерой, которая проходила через Солнце, и оставили полезное предприятие. В ноябре месяца надворный советник профессор Попов и адъютант Степан Румовский отправлены были для наблюдения прохождения Венеры, и почти все астрономические инструменты взяты этими двумя обсерваторами. Это первая остановка экспедициям. Решились за нужное выпи-

сать инструменты из-за моря. За комиссию взялся сначала статский советник Тауберт, но через несколько дней отказался; потом взялся выписать инструменты статский советник Штелин, и получены эти инструменты 1763 года апреля 1-го же числа, ровно через два года. 17 апреля 1763 года господин президент за благо почел оные экспедиции приостановить; а между тем «господам статским советникам Тауберту и Ломоносову прислать каждому особое свое мнение, и ежели оба на одном согласятся, тогда учредить экспедиции, чтоб напрасно кошт не был потерян, так и честь Академии была сохранена».

Уничтожение этого предприятия было уже признаком, что Тауберт, Миллер, Шлецер и, словом, все иноземные ученые Академии подавили Ломоносова.

Мы никак не можем сказать, чтоб польза, принесенная академиками времени Ломоносова, собственно для истории была особенно значительна; но это доказывает, что и они посреди борьбы не в состоянии были сделать того, что могли. Вражды, несогласия, взаимные противоречия были ужасны. Призванные ученые германцы хотели все здание построить по своей мысли; а ученые русские ломали их начала и говорили: «Не вам здесь жить, а нам; учите нас, как чертить план, как выбирать и как употреблять материалы, а строить мы будем сами, по своей мысли». Это требование было истинно; а между тем иностранцы не могли ни постигать быстрых русских понятий, ни верить способности русской учиться всему со взгляду; они считали это невежественной самонадеянностью; а потому удивительно ли пристрастие и со стороны Ломоносова, который, как часовой, требовал от каждого иностранца, вступающего во врата Академии, русского пароля. Тогда еще самопознание русское только что возникало, и его легко было извести одно-сторонними доказательствами, что русы – отрасль немцев, а русский язык – одно из наречий германских.

Положить в основание неосновательное было противно истине. Русские в то время могли только чувствовать всю ложь этого мнения и опровергать его одним ропотом на предосудительность его для России.

Кроме этих избранных из портфеля Ломоносова бумаг я надеюсь издать и другие, не менее любопытные².

Все эти бумаги, как черновые и писанные торопливо, заключают в себе неизбежно ошибки и описки; но я считал долгом не исправлять ничего, чтоб не сделать собственных ошибок в отношении правописания времени Ломоносова.

Григорий Савич Сковорода

Ревнитель истины, духовный богочтец,
И словом, и умом, и жизнью мудрец,
Любитель простоты, и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем, всегда:
Достиг навверх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример Сковорода.

1795, фев., село Хатетово

В начале прошедшего столетия в Киевском наместничестве, Лубенского округа, в с. Чернухах жил казак Сковорода с женой; честные, правдивые, странноприимные люди. И порадовал их Бог сыном Григорием.

Добрый и умный был мальчик Григорий, богомольный с самых пеленок; бывало, только что пономарь отворит церковь, он уже на крылосе, подтягивает дьячку; придет домой и распевает чистым голоском Иоанна Дамаскина: «Образу златому на поле Дейре служиму трие твои отроцы небрегоша безбожного веления...»

– Сава, – сказала однажды Сковородиха мужу своему, – отдадим сына в науку.

– Ой? Отдадим, – отвечал Сковорода.

И отдали они сына в Киевское училище.

Вскоре отличные успехи Григория в науках обратили на себя внимание Киевского митрополита Самуила Миславского, а охота и способность к музыке были причиной выбора его в придворную певческую при восшествии на престол императрицы Елисаветы. Но страсть к познаниям превозмогала в нем любовь к искусству. Когда императрица посетила Киев, Григорий Сковорода прибыл также в числе придворных певчих; но возвратиться в Петербург не захотел. Получа увольнение с чином придворного уставщика, он начал снова учиться.

Любознательный ум его не довольствовался определенной киевской пищею; он постигал, что познаниям нет границ и что истина не одностороння. Он хотел много видеть, чтобы много знать. Судьба предназначила ему из горького извлекать сладкое, и он не роптал на эту судьбу.

Генерал-майор Вишневский, отправленный от двора в Венгрию к Токайским садам, желал иметь для находившейся там греко-российской церкви человека, знающего церковное пение. Сковорода, известный уже по искусству своему в музыке и в познании немецкого, латинского и греческого языков, был представлен Вишневскому, и пламенное желание Григория исполнилось – он поехал в Венгрию. Вишневский, оценив его достоинства и ум, дал ему средства совершить путешествие в Вену, в Пресбург и другие места Австрии. Но ему не места любопытны были, а ученые люди Германии; их только хотел он видеть и слышать. Знанием латинского и немецкого языка ему легко было исполнить свое желание, а умом приобрести приязнь известнейших в то время людей.

Обогащенный познаниями и сочетав религиозность свою с идеями германской философии, он возвратился в отечество и не мог уже ужиться с мраком понятий: мог ли один светоч озарить ночь, лежавшую над целой страной?

Глаза, не привыкшие еще к блеску света, боялись его. Ум, познания и кроткий нрав Григорья находили повсюду ему друзей, а понятия – обращали их во врагов.

По возвращении из чужих краев Переяславский епископ пригласил его в учителя поэзии в городское училище. Желая совершенствовать науку, Сковорода написал «Рассуждение о поэзии и руководство к искусству оному». Это рассуждение показалось необычайно; новая метода и правила отвержены, а Григорий изгнан из училища за пословицу: *alia res sceptrum, alia, plectrum**.

Не имея состояния, посреди всех недостатков, он не терял бодрости духа; не имея ничего, кроме умной головы, доброго сердца и носильного платья¹, он был счастлив, гостил там и сям. Определившись воспитывать сына г-жи Тамары, он не умел угодить г-же Тамаре и слугам.

Определившись, по приглашению наместника Сергиевской Лавры, впоследствии известного ученостью епископа Черниговского Кирилла, учителем в Лавре, сгрустнулся Григорий по родине, оставил училище; он был рожден не детским учителем. Добродушный, ясный душою, снова стал он гостить там и сям. В 1759 году определился Сковорода в учителя в Харьковский коллегиум; прошел год, епископ Иоасаф Мишкевич, полюбивший его за познания, тишину души и самоотвержение от сует жизни, свойственное только посвятившим себя на служение Богу, предложил ему вступить в монашество. Сковорода выслушал сделанное предложение чрез игумна Гервасия, подошел к нему и вместо ответа испросил благословение на путь и с миром отправился в пустынную деревню Старицу в окрестностях Белгорода, к одному из друзей своих.

Между тем слух о необыкновенной жизни его и настоятельных беседах разнесся повсюду; все любопытствовали видеть его, все знакомились с ним, предлагали свой дом, свою дружбу. Сковорода уступал тщеславию людей;

* Одно дело (архиерейский) жезл, а другое – (пастушья) свирель (*лат.*).

доверчивый, поверял им и себя и ум свой; но они как дети скучали уроками: образец благовестивого разума, как живой упрек суетной жизни, становился для них нестерпим. Сковорода, как не тронь меня, сжимался от прикосновения равнодушия и бежал отовсюду.

В Харькове познакомился он с М. И. Ковалевским, молодым человеком со светлой душой, способной понимать его. В нем нашел он и друга себе и последователя понятий своих о мире и благе. Как ни любил его Ковалевский, но долго с недоверчивостью внимал его учению; оно слишком противоречило первым внушениям. Его учили, что счастье состоит в удовлетворении желаний, в беззаботности и роскоши жизни; а Сковорода говорил, что истинно счастливое состояние человека состоит в ограничении желаний, в отвержении всякого излишества, в обуздании прихотливой воли, в трудолюбии и в исполнении обязанностей не по страху, но по совести. Его учили, что одно состояние людей лучше другого, а Сковорода говорил, что каждое состояние, исполняя цель Промысла о благе общем, есть добро. Бог, разделяя общество людей на члены, соединил их взаимными потребностями и ни одного не обидел. Только сыны противные, говорил он, не внимающие ни закону Промысла, ни закону природы, вступая в состояние по страстям, обманчивым видам и прихотям, прокляты от Бога, верховного раздаятеля дарований. Ковалевский сначала любил внимать Сковороде и боялся слушать его; любил сердце его и дичился разума, почитал его правила жития и не мог согласить их со своими понятиями, уважал добродетели его и устранялся мнений; видел чистоту нравов его и не узнавал правоты их; желал быть другом, но не учеником. «Трудно изгладить первые впечатления», – говорил сам Ковалевский, но они изгладились в нем, и, что всего страннее, томимый борением понятий, он увидел сон: «На ясном небе золотые начертания имен трех отроков, вверженных в печь огненную, Анания, Азария и Ми-

саила; от этих трех слов сыпались на смотрящего на небо с воздетыми руками Сковороду искры некоторые, упавая и на ученика его, производили в нем легкость, спокойствие, бодрость, довольствие духа». Ковалевский рассказал этот сон добродетельному старцу троицкому священнику Б., у которого жил. «Молодой человек, – сказал ему старец, – слушайтесь этого мужа, он поставлен вам от Бога быть руководителем и наставником».

С этой поры Ковалевский предался вполне дружбе и наставлениям Сковороды.

Три отрока, говорил он ему, вверженные в печь огненную, есть три великие способности человека: *ум, воля и деяние*, не покоряющиеся злему духу мира, не сгорающие от огня любострастия, но хранимые Духом Святым в непопорочности сердца и души.

В 1764 году Сковорода приехал с другом своим в Киев; многие из родственников и знакомых, бывшие монахами в Печерской лавре, видя добродетельную его жизнь, склоняли его вступить в монашество: полно бродить по миру, Св. Лавра примет тебя, как мать чадо; ты будешь столп и украшение обители. Нет, возразил Сковорода, не мне грешному скрывать сердце в ризе; желаю только скрыть его в воле Господней.

В Харькове губернатор Е. А. Щербинин, наслышавшись о Сковороде, призвал его к себе и в разговорах с ним спросил:

– Добрый человек, для чего не изберешь ты себе никакого известного состояния?

– Мир подобен театру, – отвечал Сковорода, – чтобы представлять на нем с успехом и похвалою, должно брать роли по способностям; ибо действующее лицо приобретает похвалу не по знатности рода, но за удачную игру; не способный представлять удачно никакого лица, кроме простоты и смирения, я сам избрал эту роль и доволен собою; труд при врожденной склонности есть удовольствие.

Увлекаемый любовью к уединению, Сковорода поселился на пасеке Гужвинской близ Харькова, принадлежавшей помещикам Земборским, которых он любил за добродушие. Посреди леса в уединенной хижине он оградил дух свой безмолвием и предался на свободе размышлению. Здесь написал он первое полное свое сочинение «Наркиз, познай себя» и «Асхань: о познании самого себя».

Потом, приглашенный Сошальскими в деревню их Гусинку, он полюбил и место и хозяев и поселился у них также на уединенной пасеке.

В 1770 году поехал он с ними в Киев и поселился у родственника их Иустина, начальника Киевской пустыни; прошли три месяца, проведенные им с удовольствием. Вдруг однажды, спускаясь по горе на Подол, почувствовал он запах мертвых трупов. Он не мог далее идти, воротился домой и, изгоняемый каким-то беспокойством из Киева, несмотря на убедительные просьбы отца Иустина, отправился на другой же день в Ахтырку, где и остановился по приязни у архимандрита Венедикта. Не прошло нескольких дней, как получили известие об открывшейся в **Киеве чуме. Чудна рука Провидения, выведшая Сковороду** заблаговременно из Киева; но что он чувствовал запах трупов, как будто предвещавший несчастье Киеву, в этом нет чуда; вероятно, чума давно уже таилась в Киеве, но простолюдины скрывали ее и погребали чумных тайно, чему было много примеров.

Сковороду можно было назвать *украинским дервишем*, странствующим философом; повсюду он был гостем и нигде хозяином; ничего в мире не называл он своим, кроме приобретенного познания, и, как Стильпон Мегарский, земным богатством считал только мудрость.

Он гостил у Тевяшева, у Захаржевского, у Щербинина, у Ковалевских, гостил в монастырях: Старохарьковском, Харьковском Училищном, Ахтырском, Сумском, Святогорском, Сеннянском, и пр. и пр., но преимущественно любил

Харьков и часто посещал этот город. Повсюду выбирал уединенный угол, жил просто, сам себе слугой. Повсюду любил людей и ненавидел их пороки.

Под конец дней отправился он в с. Хотетово в 25 верстах от Орла, к другу своему, который предлагал ему дом свой, как мирную пристань после долгого странствования; но не прошло трех недель, и Сковорода возжелал любимицы своей Украины. В ее сырой земле, как в объятиях, хотел он кончить жизнь и, несмотря на убеждения, на погоду, на болезнь, на труд пути, поехал.

– Останься! – умолял его К.

– Дух мой велит мне ехать, – отвечал Сковорода.

А духу своему он никогда не противился.

Приехав в Курск, остановился он отдохнуть от пути у благочестивого архимандрита Амвросия; отсюда оправился далее, в Гусинку, любимое свое пустынножителство; но в конце пути почувствовал побуждение ехать в Ивановку, слободу Г. Ковалевского. Здесь и кончил он свой путь в 1794 году. Пред кончиною завещал предать себя земле на возвышенном месте, близ рощи и гумна, и начертал на могильном камне: *Мир ловил меня, но не поймал.*

Он оставил после себя много сочинений нравственно-философических и писем на русском, латинском и эллинском языках; некоторые изданы, другие хранятся у Г. К.

СУВОРОВ

Все изменчиво: понятие и образы одного века противны понятиям и формам другого; только великие дела и события принадлежат всему беспредельному кругу времени. Все прочее – орудие его, призрак, явившийся в том или в другом виде. Но хорошо быть великим орудием времени; хорошо быть записанным в книге судеб человечества светлыми чертами. Только два человека в под-

лунной зло осмеяли жажду к славе; просто чудак Диоген и чудо-богатырь Суворов. Суворов – бесконечная повесть русского солдата.

Предки Суворова были шведы; но из какой шведской фамилии образовалась русская фамилия Суворов, это нам неизвестно из всех поверхностных описаний его жизни и деяний¹. Суворов родился в 1730 году от крестника Петра Великого, Василия Ивановича Суворова, бывшего впоследствии сенатором. Отец готовил его к гражданской службе, а судьба – к военной; вместо Устава Судебного подложила она ему под подушку «Жизнеописание великих греческих и римских полководцев» Корнелия Непота; точно так же как Александру Великому – Гомера, Наполеону – Юлия Цезаря.

В первую кампанию, во время Семилетней войны, из тысячи офицеров только про одного можно было сказать оракулу: это будущий непобедимый полководец. В 1762 году императрица Екатерина II произвела его в полковники и назначила командиром Астраханского полка. Едва началась война с польскими конфедератами, Суворову поручено было быстро двинуться к Варшаве; и это был первый опыт его быстроты: около 600 верст прошел он с корпусом своим в 12 дней, неожиданно явился под Варшавою, разбил великого маршалка графа Огинского. В 1772 году дела в Польше были решены; но судьба как будто нарочно для славы Суворова раздувала повсюду пламень войны.

В 1775 году открыто ему новое поприще в Молдавии. Генерал-фельдмаршал граф Румянцев поручает ему отдельный корпус, Суворов переправляется за Дунай, разбивает турок при крепости Туртукай, берет ее штурмом; взрыву огромного порохового магазина отзываются окрестности Дуная в рифму, и Суворов-поэт пишет к Румянцеву:

Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят и я там.

Но кроме турок он встретил на Дунае другого врага – лихорадку; обессиленный ею, он не перестает побеждать оттоманов при Туртукае, при Гирсове, при Козлудже. Война с турками кончена, но Суворов нужен для истребления Пугачева; он нужен на Кубани, в Крыму, при Кинбурне, при Очакове – он везде нужен; но еще нужнее он принцу Кобургскому при Фокшанах; он не медлит на помощь к нему, в 36 часов проходит 84 версты, и – наш *Топал-паша*² – разбивает двухбунчужного пашу Осман-Бея. Между тем Рымник вздувал уже свои воды, готовился топить разбитую и преследуемую толпу визиря, сераскира войск блистательной Порты и надежду Селима... Но победы Суворова слишком памятливы для каждого, чтобы пересказывать, где Суворов был победителем. Измаил, Прага... кровавые дни; но это штурмы, это неизбежное остервенение солдата, которого нет сил удержать, покуда каждое острие не напьется вдоволь крови и на развалинах не утихнет злоба с последним дыханием жертв.

Полководцу остается плакать, что так дорого продают ему победу.

Однако ж смотрите на последствия этих двух громовых событий – одно прекратило войну с Турцией, другое прекратило войну в Польше. На чьей же стороне человеколюбие? На стороне ли Суворова или на стороне Фабиев-Медлителей?

70 лет было уже Суворову. Новгородской губернии, Боровицкого уезда в сельце Канчанском он точно так же деятельно и не заботясь о славе исполнял должность пономаря на колокольне и перед наложником, как исполнял долг полководца в поле; но судьба готовила ему новый ряд почестей: ему предстояло еще начальствовать соединенными войсками Австрии и России, впомоществующей Европе против французов. Вена встречает его как защитника своего; Италия становится новым поприщем побед Суворова; он уже начинает смирять гордыню Директории

парижской; в Европе нет генерала для защиты Франции; Директория вызывает его из Египта.

Быстро мчится корабль от берегов Африки по океану, везет нового гения побед. Вот вышел он на берег... Но по закону природы утро не сходится с вечером: едва показалась заря новой эпохи европейской, Суворов был уже в Петербурге, готовился к смерти. Граф Растопчин привозит ему рескрипт Людовика XVIII и орден Лазаря; беседует с ним в последний раз, а он говорит ему на ухо: «Юлий Кесарь, Аннибал... Бонапарте... домашний лекарь... пригожая повариха... и... химия...» Химия – наука о разложении тел на части.

Суворов предсказывал судьбу Наполеона, говорил о пригожей поварихе – смерти, которая готовилась разложить его на части; а слов его никто не понимал.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНЕ В БЕССАРАБИИ

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов...

*Пушкин. Баратынскому.
Из Бессарабии*

Когда приостановишься на пути и оглянешься назад, сколько там было света и жизни в погасающем, сумрачном отдалении, сколько потеряно там надежд, сколько погребено чувств! *Теперь и тогда, здесь и там...* Сколько времени и пространства между этими словами! И все это населено уже бесплотными образами, безмолвными призраками!

Когда пронеслась печальная весть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла в памяти знавших его, и первая грусть была о Пушкине-человеке. Все перенеслось мыслью в прошедшее, в котором видело и знало его, чтобы потом спросить себя: где же он? Я узнал его в Бессарабии...

Когда я приехал в Кишинев, это был уже не тот город, который я оставил за два или за три месяца. Народ кишел уже в нем. Вместо двенадцати тысяч жителей тут было уже до пятидесяти тысяч на пространстве четырех квадратных верст. Он походил уже более на стечение народа на местный праздник, где приезжие поселяются кое-как, целые семьи живут в одной комнате. Но не один Кишинев наполнился выходцами из Молдавии и Валахии; население всей Бессарабии по крайней мере удвоилось. Кишинев был в это время бассейном князей и вельможных бояр из Константинополя и двух княжеств; в каждом доме, имеющем две-три комнаты, жили переселенцы из великолепных палат Ясс и Бухареста. Тут был проездом в Италию и господарь Молдавии Михаил Суццо; тут поселилось семейство его, в котором блистала красотой Ралу Суццо; тут была фамилия Маврокордато, посреди которой расцветала Мария, последняя представительница на земле классической красоты женщины. Когда я смотрел на нее, мне казалось, что Эллада в виде божественной девы появилась на земле, чтобы вскоре исчезнуть навеки. Прежде было приятно жить в Кишиневе, но прежде были будни перед настоящим временем. Вдруг стало весело даже до утомления. Новые знакомства на каждом шагу. Окна даже дрянных магазинов обратились в рамы женских головок; черные глаза этих живых портретов всегда были обращены на вас, с которой бы стороны вы ни подошли, так как на портретах была постоянная улыбка. На каждом шагу загорался разговор о делах греческих: участие было необыкновенное. Новости разносились, как электрическая искра, по всему греческому миру Кишинев-

ва. Чалмы князей и кочулы бояр разъезжали в венских колясках из дома в дом с письмами, полученными из-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелепость о победах греков и пустить в ход; всему верили, все служило пищей для толков и преувеличений. Однако же, во всяком случае, мнение должно былоделиться надвое: одни радовались успехам греков, другие проклинали греков, нарушивших тучную жизнь бояр в княжествах. Молдаване вообще желали успеха туркам и порадовались от души, когда фанариотам резали головы, ибо в каждом видели будущих господарей своих. Между тем в саду выстроилась зала клубная, в которой победа была всегда на стороне военных, а в зале Крупенского открыли театр немецкой труппы актеров, переселившейся из Ясс, которая продекламировала нам всего Коцебу, причем не были упущены, к удовольствию публики, и балеты.

Между тем в Молдавии дела шли очень плохо; у главнокомандующего греческих войск не было войска, у начальника его штаба не было текущих дел. В составляемую Ипсиланти гвардию, под именем «бессмертного полка», шли только алчущие хлеба, но не жаждущие славы; весь же боевой народ – арнауты, пандуры, гайдуки, гайдамаки и талгари – нисколько не хотел быть в числе бессмертных и носить высокую мерлушковую *кушму* (шапку), украшенную Адамовою головой. Им не нравилось управление штаба и гораздо было привольнее в шайках Йоргаки Олимпиота и Тодора Владимиреско, которого цели были совсем иные. Вместо того чтобы соединиться с Ипсиланти, он отвечал ему: «Ваша цель совершенно противоположна моей. Вы подняли оружие на освобождение Греции, а я – на избавление своих соотечественников от греческих князей. Ваше поле не здесь, а за Дунаем; вы боретесь с турками, а я буду бороться со злоупотреблениями». Таким образом, Ипсиланти был не в своей тарелке; его маневры против турок не удались, и он принужден был оставить

поле чести, предав вечному проклятию бояр Савву Дуку, Василия Парлу, Георгия Мано, Григораша Суццо, Николая Скуфо и Василия Каравию. Остаток армии етеристов был преследован турками до переправы Скулянской через Прут. Здесь был последний бой пред вратами спасения. В это время от ожесточенных турок сбежали толпы жителей Молдавии к переправе. Истошив последние силы, сжатые турками в кучу, етеристы бросили оружие, побежали к переправе, смешались с переправляющимся народом; но турки ринулись к переправе и воздержались только готовностью нашей батареи, а между тем испуганные беглецы кинулись вплавь через реку, переплыли и тонули, подстреливаемые турками. Почти этим, исключая нескольких битв в оградах монастырей Молдавии и Валахии, кончилась етерия этих княжеств.

Не помню, но, кажется, в исходе этого года пронесли слухи, что едет в Кишинев прославленный уже юный поэт Пушкин. Пушкин приехал в Кишинев в то время, как загорелась греческая война; не помню, но кажется, что он был во время Скулянского дела, и стихотворение «Война» внушено ему в это время общего голоса, что война с турками неизбежна:

Война!.. Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести,
Засвищет вокруг меня губительный свинец!

И наконец в конце он с нетерпением восклицает:

Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?!...

В это время исправлял должность наместника Бессарабии главный попечитель южных колоний России генерал

Инзов. Вскоре узнали мы, что под его кровом живет Пушкин. Наконец Пушкин явился в обществе кишиневском.

Здесь не пропущу я следующее, касающееся до тогдашнего моего самолюбия. В Кишинев русская поэзия еще не доходила. Правда, там за несколько лет до меня жил Батюшков², но круг военных русских его времени переменялся; с переменой лиц и память об нем опять исчезла; притом же он пел в тишине, и звуки его не раздавались на берегах Быка. После него первый юноша со склонностью плести рифмы был я; хотя эта склонность зародилась еще на двенадцатом году в молельной комнате Московского университетского благородного пансиона, и потом, восплавленная песнью В. А. Жуковского «Во стане русских воинов», породившею трагикомедию «Изгнание французов из Москвы», была самая жалкая, но я между товарищами носил имя «кишиневского поэта». Причиной этому названию были стихи на Кишиневский сад, в которых я воспел всех посещающих оный, профанически подражая воспеванию героев русских. Не стыдясь, однако, пеленок своих, я сознаюсь, что если чудные звуки В. А. Жуковского породили во мне любовь к поэзии, то приезд Пушкина в Кишинев породил чувство ревности к музе. Но все мое поприще ограничивалось письмами; по какой-то непреодолимой страсти я не мог написать всего письма в прозе: непременно, нечувствительно прокрадывались в него рифмы. Да еще я начинал писать какую-то огромную книгу в стихах и прозе (заглавия не помню, кажется, «Этеон и Лаида»), что-то вроде поэмы из крестовых походов, — только действие на Ниле. Встречая Пушкина в обществе и у товарищей, я никак не умел с ним сблизиться: для других в обществе он мог казаться ровен, но для меня он казался недоступен. Я даже удалялся от него, и сколько я могу понять теперь тайное, безотчетное для меня тогда чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь из товарищей не сказал ему при мне: «Пушкин, вот и он пописывает у нас стишки».

Слава Пушкина в Кишиневе гремела только в кругу русских; молдавский образованный класс знал только, что поэт есть такой человек, который пишет «поэзии». Пушкин принадлежал, по их мнению, к свите наместника; в обществе же женщин шитый мундир, статность, красота играли значительнее роль, нежели слава, приобретенная гусиным пером. Однако ж живым нравом и остротой ума Пушкин вскоре покори́л и внимание молдавского общества; все оригинально-странное не ушло от его колючих эпиграмм, несмотря на то что он их бросал в разговоры как будто только по одной привычке: память молодежи их ловила на лету и носилась с ними по городу.

Отец Пульхерии, некогда стоявший с чубуком в руках на запятках *бутки* (коляски) ясского господаря Мурузи, но потом владетель больших имений в Бессарабии, председатель палаты и откупщик всего края, во время Пушкина жил открыто; ему нужен был зять русский, сильная рука которого поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупам. Предчувствуя собирающуюся над ним грозу, он пристроил к небольшому дому огромную залу, разрисовал ее как трактир и стал давать балы за балами, вечера за вечерами. Свернув под себя ноги на диване, как паша, сидел он с чубуком в руках и встречал своих гостей приветливым «пуфтим» (просим). Его жена, Марья Дмитриевна, была во всей форме русская говорливая, гостеприимная помещица; Пульхерица была полная, круглая, свежая девушка; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, нет, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца. Никто не помнит из знавших ее в продолжение нескольких лет, чтоб она на кого-нибудь взглянула особенно; казалось, что каждый, кто бы он ни был и каков бы ни был, для нее был не более как человек с головой, с руками и с ногами. На балах со всеми кавалерами она с одинаким удовольствием танцевала, всех одинаково любила слушать, и

Пушкину так же, как и всякому, кто умел ее рассмешить или польстить ее самолюбию, она отвечала: «Ah, quel vous etes, monsieur Pouchkine!»* Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти.

Но Пульхерица была необъяснимый феномен в природе; сто́ит, чтоб сказать мои сомнения насчет ее. Многие искали ее руки, отец и мать изъявляли согласие, но, едва желающий быть нареченным приступал к исканию сердца, все вступления к объяснению чувств и желаний Пульхерица прерывала: «Ah, quel vous etes! Qu'est-ce que vous badinez!»**. И все отступались от исканий; сердца ее никто не находил; может быть, его и не было или, по крайней мере, оно было на правой стороне, как у анатомированного в Москве солдата. Когда по делам своим отец ее предвидел худую будущность, он принужден был влюбиться вместо дочери в одного из моих товарищей, но товарищ мой не прельщался несколькимистами тысяч приданого и поместьями бояр. «Мусье Горчаков, – говорил ему Варфоломей, – вы можете положиться на мою любовь и уважение к вам». – «Помилуйте, я очень ценю вашу привязанность, но мне не с вами жить». – «Поверьте мне, что она вас любит», – говорил Варфоломей. Но товарищ мой не верил клятвам отцовским.

Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около восемнадцати лет, я несколько раз покушался думать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства. «Отчего, – думал я, – у Варфоломея только одна дочь, тогда как и он и жена еще довольно молоды?» Все движения, которые она делала, могли быть механическими движениями автомата. «Не автомат ли она?» И я присматривался к ее походке: в походке было

* Ах, какой вы, г-н Пушкин! (фр.).

** Ах, какой вы, г-н Пушкин! Что это вы шутите (фр.)

что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою. Ее лицо и руки так были изящны, что мне казались они натянутою лайкой. Но Пульхерия говорит... Говорил и Альбертов андроид с медным лбом. Я обращал внимание на ее разговоры; она все слушала кавалера своего, улыбалась на его слова и произносила только: «*Qu'est-ce que vous dites? Ah, quel vous etes!*»* и иногда: «*Qu'est-ce que vous badinez?*»** Голос ее был протяжен, в произношении что-то особенное, необъяснимое. «Неужели это – новая Галатея?» – думал я... Но последний опыт так убедил меня, что Пульхерия – не существо, а вещество, что я до сих пор верю в возможность моего предположения. Я замечал, ест ли она. Поверит ли мне кто-нибудь? Она не ела; она не садилась за большой ужин, ходила вокруг столиков, расставленных вокруг залы, за которыми располагались гости по произволу кадрили, обращаясь то к тому, то к другому, она повторяла: «*Pourquoi ne mangez-vous pas?*»*** И если кто-нибудь отвечал, что он устал и не может есть, она говорила: «*Ah, quel vous etes!*»**** – и отходила. «Пульхерия не существо, – думал я, – но каким же образом ее отец, сам ли гений механического искусства или приобретший за деньги механическую дочь, хлопочет, чтоб выдать ее замуж?» И тут находил я оправдание своего предположения: ему нужно утвердить за дочерью большую часть богатства, чтоб избежать от бедствий несостоятельности, которую он предвидел уже по худому ходу откупов; зятю же своему он запер бы уста золотом; притом же кто бы решился рассказывать, что он женился на произведении механизма? Странно, однако, что никто

* Что вы говорите? Ах, какой вы! (фр.)

** Что это вы шутите? (фр.)

*** Почему вы не кушаете?» (фр.)

**** Ах, какой вы! (фр.)

не женился на Пульхерии. Спустя восемь лет я приезжал в Кишинев и видел вечную невесту в саду кишиневском: она была почти та же, механизм не испортился, только лицо немного поистерлось.

Пушкин часто бывал у Варфоломея. Добрая, таинственная девушка ему нравилась, нравилось и гостеприимство хозяев. Пушкин посвятил несколько стихов Пульхерие, которые я, однако же, не припомню.

Происходя из арапской фамилии, в нраве Пушкина отзывалось восточное происхождение. В нем проявлялся навык отцов его к независимости, в его приемах – воинственность и бесстрашие, в отношениях – справедливость, в чувствах – страсть благоразумная, без восторгов, и чувство мести всему, что отступало от природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжалом. Он не щадил ни врагов правоты, ни врагов собственных, поражал их прямо в сердце, не щадил и всегда готов был отвечать за удары свои³.

Я уже сказал, что Пушкин по приезде жил в доме наместника. Кажется, в 1822 году было сильное землетрясение в Кишиневе; стены дома треснули, раздались в нескольких местах; генерал Инзов принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже. Тогда в Пушкине было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постеле и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексею. Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был исписан стихами, но из этого разбросанного жемчуга он выбирал только крупный, не более десяти жемчужин; из них-то составлялись роскошные нити событий в поэмах «Кавказский пленник», «Раз-

бойники», начало «Онегина» и мелкие произведения, напечатанные и ненапечатанные. Во время этих-то прогулок он писал «К Овидию» и сказал:

Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенной, —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье...
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал, —
Но не унижил в век изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Вероятно, никто не имеет такого полного сборника всех сочинений Пушкина, как Алексеев. Разумеется, многие не могут быть изданы по отношениям.

Чаще всего я видал Пушкина у Липранди, человека вполне оригинального по острому уму и жизни. К нему собиралась вся военная молодежь, в кругу которой жил более Пушкин. Живая, веселая беседа, *escarte** и, иногда, *rouge vaquier***, «направо и налево», чтоб сквитать выигрыш.

Иногда забавы были ученого рода. В Кишинев приехал известный физик Стойкович. Узнав, что он будет обедать в одном доме, куда были приглашены Липранди и Раевский, они сговорились поставить в тупик физика. Перед обедом из первой попавшейся «Физики» заучили они все значительные термины, набрались глубоких сведений и явились невинными за стол. Исподволь склонили они раз-

* Карточный термин (фр.).

** Для разнообразия (фр.).

говор о предметах, касающихся физики, заспорили между собою, вовлекли в спор Стойковича и вдруг нахлынули на него с вопросами и смутили физика, не ожидавшего таких познаний в военных.

Читателям «Евгения Онегина» известна фамилия Ларин. Ларин – родня Илье Ларину, походному пьяному шуту, который потешал нас в Кишиневе. Отставной унтер-цейгвахтер Илья Ларин, подобно Кохрену, был enjambeur* и исходил всю Россию кругом не по страсти путешествовать, но по страсти к разнообразию для снискания пищи и особенно питья между военной молодежью. Не имея ровно ничего, он не хотел быть нищим, но хотел быть везде гостем. Прибыв пешком в какой-нибудь город, он узнавал имена офицеров и, внезапно входя в двери с дубиной в руках, протягивал первому руку и говорил громогласно: «Здравствуй, малявка! Ну, братец, как ты поживаешь? А, суконка, узнал ли ты Ларина, всесветного барина?» Подобное явление, разумеется, производило хохот, а Ларин между тем без церемоний садился, пил и ел все, что только стояло на столе, и, вмешиваясь в разговор, всех смешил самым серьезным образом. Покуда странность его была новостью, он жил в обществе офицеров, переходя гостить от одного к другому; но когда начинали уже ездить на нем верхом и не обращали внимания на его хозяйские требования, он вдруг исчезал из города и шел далее незванным гостем. Ларин явился в Кишинев во время Пушкина как будто для того, чтоб избавить его от затруднения выдумывать фамилию для одного из лиц «Евгения Онегина».

Чья голова невидимо теплится перед истиной, тот редко проходит чрез толпу мирно; раздраженный неуважением людей к своему божеству, как человек он так же забывается, грозно осуждает чужие поступки и, как древ-

* Шатающийся, здесь: ходок, бродяга (фр.).

ний диар, заступает за правоту своего приговора: на поле дело решается *Божьим судом*... Верстах в двух от Кишинева на запад есть урочище посреди холмов, называемое Малиной, – только не от русского слова *малина*: здесь городские виноградные и фруктовые сады. Это место как будто посвящено обычаем «полю».

Подъехав к саду, лежащему в вершине лощины, противники восходят на гору по извивающейся между виноградными кустами тропинке. На лугу, под сенью яблонь и шелковиц, близ дубовой рощицы, стряпчие вымеряют поле, а между тем подсудимые сбрасывают с себя платье и становятся на место. Здесь два раза «полевал» и Пушкин, но, к счастью, дело не доходило даже до первой крови, и после первых выстрелов его противники предлагали мир, а он принимал его. Я не был стряпчим, но был свидетелем издали одного «поля», и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах.

Пушкин так был пылок и раздражителен от каждого неприятного слова, так дорожил чистотой мнения о себе, что однажды в обществе одна дама, не поняв его шуточки, сказала ему дерзость. «Вы должны отвечать за дерзость жены своей», – сказал он ее мужу. Но бояр равнодушно объяснил, что он не отвечает за поступки жены своей. «Так я вас заставлю знать честь и отвечать за нее», – вскричал Пушкин, и неприятность, сделанная Пушкину женою, отозвалась на муже. Этим все и заключилось; только с тех пор долго бояре дичились Пушкина; но время скоро излечило рожу на лице Тодора Бальша, и он теперь заседает в диване князя Молдавии.

Я полагаю, что поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядом на талгаря *Урсула*⁴. Это был начальник

шайки, составившейся из разного сброда войнолюбивых людей, служивших етерии молдавской и перебравшихся в Бессарабию от преследования турок после Скулянского дела. В Молдавии и вообще в Турции разбойники разъезжают отрядами по деревням, берут дань, пируют в корчмах, и их никто не трогает. Урсул с несколькими из отважных ограбил на дороге от Бендер к Кишиневу купца. Вздумали пировать в корчме при въезде в город. В то время еще никто не удивлялся, видя несколько вооруженных с ног до головы арнаутов; но ограбленный Урсулом прибежал в Кишинев и, заметив разбойников в корчме, закричал: «Талгарь, талгарь!» Народ сбежался; письменная почта была подле; почтмейстер Алексеев⁵, отставной храбрый полковник гусарский, собрал команду почтальонов и бросился с ними к корчме, дав знать между тем жандармскому командиру. Урсул с товарищами, видя себя окруженными, вскочив на коней, понесли во весь опор чрез город. Только крики: «Талгарь, талгарь!» – успевали их преследовать по улицам. Народ заграждал им путь, но выстрелами прокладывали они себе дорогу вперед, однако же выбрали плохой путь – через Булгарию (улицу Булгарскую). Булгары осыпали их и принудили своротить в сторону к огородам. Огороды лежали на равнине по берегу Быка. Принадлежа разным владельцам, все пространство было в загородах. Лихие кони разбойников перелетали через плетни, но загородок было много, а толпы булгар преследовали их бегом и догоняли; постепенно утомленные кони падали с отважными седоками, и булгары как пчелы осыпали их и перевязывали. На окованного Урсула съезжался смотреть весь город. Это был образец зверства и ожесточения; когда его наказали, он не давался лечить себя, лежал, осыпанный червями, но не охал. Я уверен, что Урсул подал Пушкину мысль написать картину «Разбойников», в которой

он подражал рассказу Байрона в «Шильонском узнике», только привычным своим размером.

Точно так же и кочующие цыгане по Бессарабии подали Пушкину мысль написать картину «Цыган», хотя это несчастное племя Ром, истинные потомки плебеев римских, изгнанные илоты, там не столь милы, как в поэме Пушкина.

Говоря о цыганах бессарабских и молдавских, должно упомянуть, что они издавна составляют собственность рабов боярских, между тем как молдаване – народ вольный, зависящий только от земли. В Бессарабии есть несколько деревень, землянок цыганских; по большей части они живут на краях селений в землянках, платят владельцу червонец с семьи и отправляются табором кочевать по Бессарабии на заработки. Они – или ковачи, или певцы-музыканты; скрипка и кобза – два инструмента их. Лошадиной меной там они не занимаются. Почти каждая деревня Бессарабии занимает постоянно двух или нескольких цыган-музыкантов для *джоков* (хороводной пляски) по воскресеньям и во время свадеб. Почти каждый бояр также содержит у себя несколько человек музыкантов. В дополнение вся почти дворня каждого бояра состоит из одних цыган, повара и служанки из цыган. Служанки в лучших домах ходят босиком, повара – чернее вымазанных смолою чумаков, и если вы сильно будете брезгливы, то не смотрите, как готовится обед в кухне, которая похожа на отделение ада: это – страшно! Их кормят одною *мамалыгой*, или мукой кукурузною, сваренною в котле густо, как саламата. Ком мамалыги вываливают на грязный стол, разрезают на части и раздают; кто опоздал взять свою часть, тот имеет право голодать до вечера. По праздникам прибавляют к обеду их гнилой *бринзы* (творог овечий). Зато не нужно мыть тарелок во время обедов боярских: эти несчастные оближут их чисто-начисто. Я не говорю, чтоб

это было так везде, но так по большей части; по одному, по нескольким примерам я бы даже не упомянул об этом, но это – просто обычай в Бессарабии, в Молдавии и Валахии, во всяком доме, где огромная дворня цыган составляет прислугу. Страсть к наружному великолепию и вместе отвратительную неопрятность *de la maison culinaire** невозможно достаточно сблизить в воображении.

Войдите в великолепный дом, который не стыдно было бы перенести на площадь какой угодно из европейских столиц. Вы пройдете переднюю, полную арнаутов, перед вами приподнимут полость сукна, составляющую занавеску дверей; пройдете часто огромную залу, в которой можно сделать развод, перед вами вправо или влево поднимут опять какую-нибудь красную суконную занавесь, и вы вступите в диванную; тут застанете вы или хозяйку, разряженную по моде европейской, но сверх платья в какой-нибудь кацавейке, *фермеле* без рукавов, шитой золотом, или застанете хозяина, про которого невольно скажете:

Он важен, важен, очень важен:
Усы в три дюйма, и седа
Его в два локтя борода,
Янтарь в аршин, чубук в пять сажен.
Он важен, важен, очень важен⁶.

Вас сажают на диван; арнаут в какой-нибудь лиловой бархатной одежде, в кованной из серебра позолоченной броне, в чалме из богатой турецкой шали, перепоясанный также турецкою шалью, за поясом ятаган, на руку наброшен кисейный, шитый золотом платок, которым он, раскуривая трубку, обтирает драгоценный мундштук, – подаст вам чубук и ставит на пол под трубку медное блюдечко. В то же время босая неопрятная цыганочка с всклокочен-

* Кухни (фр.).

ными волосами подает на подносе дульчец и воду в стакане. А потом опять пышный арнаут или нищая цыганка подносят *каву* в крошечной фарфоровой чашечке без ручки, подле которой на подносе стоит чашечка серебряная, в которую вставляется чашечка с кофе и подается вам. Турецкий кофе, смолотый и стертый в пыль, сваренный крепко, подается без отстоя.

Между девами-цыганками, живущими в доме, можно найти Земферску, или Земфиру, которую воспел Пушкин и которая, в свою очередь, поет молдавскую песню:

Арды ма, фрыджи ма,
На карбуне пуне ма!
(Жги меня, жарь меня,
на уголья клади меня)⁷.

Но посреди таборов нет Земфиры.

Я сказал уже, что я боялся не только говорить, но даже быть вместе с Пушкиным; но странный случай свел нас. Заспорив однажды с кем-то, что фамилия Таушев, произносимая у с краткою, должна и писаться правильно с краткою, ибо письмо не должно изменять произношению, я доказывал, что должно ввести в употребление у с краткою, и привел наобум следующие четыре стиха:

Жуковский, Батюшков и Пушкин –
Парнаса русского певцы,
Пафнутьев, Таушев и Слепушкин –
Шестого корпуса писцы.

– Над у не должно быть краткой, *и* – лишнее в стихе; должно сказать:

Пафнутьев, Таушев, Слепушкин,

– кричали все. Я из себя выходил, доказывая, что если в произношении *у* – краткое, то *и* должно быть. В это время вошел Пушкин; ему объяснили спор; он был против меня, и тщетно я уверял, что *у* в фамилии Таушев – то же, что краткое *и*, и что, следовательно, в стихе:

Пафнутьев, Таушев, Слепушкин

– *и* необходимо. Ничто не помогло: Пушкин не хотел знать *у* с краткою.

Вскоре Пушкин, узнав, что я тоже пописываю стишки и сочиняю молдавскую сказку в стихах под заглавием «Янко-чабан» («Пастух Янко»), навестил меня и просил, чтоб я прочитал ему что-нибудь из «Янка»⁸. Три песни этой нелепой поэмы-буффы были уже написаны; зардевшись от головы до пяток, я не мог отказать поэту и стал читать. Пушкин хохотал от души над некоторыми местами описаний моего «Янка», великана и дурня, который, обрадовавшись, так рос, что вскоре не стало места в хате отцу и матери и младенец, проломив ручонкой стену, вылутился из хаты, как из яйца.

Через несколько дней я отправился из Кишинева и не видел уже Пушкина до 1831 года. Он посетил *странника* уже в Москве. «Я непременно буду писать о “Страннике”», – сказал он мне. В последующие свидания он всегда напоминал мне об этом намерении. Обстоятельства заставили его забыть об этом, но я дорого ценю это намерение⁹.

«Пора нам перестать говорить друг другу *вы*», – сказал он мне, когда я просил его в собрании показать жену свою. И я в первый раз сказал ему: «Пушкин, ты – поэт, а жена твоя – воплощенная поэзия». Это не была фраза обдуманная: этими словами невольно только высказалось сознание умственной и земной красоты.

Теперь где тот, который так таинственно, так скрытно даже для меня пособил развертываться силам остепенившегося *странника?*..

РЕЛЯЦИИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ

Особенно замечательные события в Европе во время войны с Турцией в 1828 и 1829 годах

1828 год

Переход через Дунай, [под] по личному распоряжению государя императора Николая, на том самом месте, где за 508 лет до Р.Х. был мост Дария, шаха Персии [переходил из Мидии в Скифию], во время войны его с скифами¹.

Взятие Варны в присутствии императора; 70 000 ядер и бомб всыпаны в эту [девственницу] крепость; и [история] в первый раз [эта] история видит падение ее.

1829 год

– [Замечательное] Внезапное и быстрое движение главнокомандующего графа Дибича, от Силистрии к Шумле, две [встречи визиря, отрезания визиря, высту] встречи Визиря [выступившего из кр. Шумлы с 40 000 для осады Правод] вне стен крепости. Успех венчал дело при с. Кулевче, войско визирское рассеяно и взято 40 орудий. – Последствием этого было одушевление русского войска и падение духа в турках.

– Повсеместное распространение чумы в Молдавии, в Валахии, в Булгарии, в госпиталях и в войсках.

Гр. Дибич ведет 18 000, можно сказать, больных чрез Балканы, [по] но Адрианополь² покорен, [мир] Константинополь трепещет – и мир, новая слава России, заключен³.

Реляции о Русско-турецкой войне 1828 года

Переправа российского войска чрез Дунай при Сагунове 27 мая 1828 года

27 мая российское оружие перенесено на правый берег Дуная. Сие событие увенчано победою над турецкими войсками, оспаривавшими переpravу.

Место для перехода войск на неприятельскую землю избрано было в трех верстах ниже крепости Исакчи, представляя все невыгоды и трудность почти непреодолимую, оно есть удобнеее на всей части Дуная, касающейся пределов России. В этом месте ознаменованный уже и прежде подобными событиями Дунай, сужаясь, допускает чрез болотистое пространство приближение к себе и высадку войск на правый свой берег – но там же неприятель со своей стороны имеет все выгоды местоположения, чтоб твердо оспаривать переpravу.

Берег Дуная, возвышаясь ярусами, составлял фронт защитной позиции; правый фланг, примыкая к болоту, был сверх того обеспечен неприятелем батареею на 9 орудий, левый редутом на 5 орудий большого калибра с ружейными амбразурами, в середине устроена была батарея на 7 орудий, которая и соединялась с фланговыми укреплениями окопом с бойницами. 6 тысяч азиатских войск расположены были на позиции для обороны берега.

Все видимые затруднения, увеличенные необыкновенным разливом вод, не остановили решительной воли его императорского величества и мужества войск, стремившихся достигнуть к показанной им цели.

К назначенному времени через наводненные камыши проложен доступ к Дунаю. Плотины совершены войсками и обывателями под ведением командира 2-й сводной пионерской бригады генерал-майора Руперта; пролегая

около 2 верст по болотистой долине прямо к Дунаю, она сворачивает под выстрелами неприятельскими вправо по топкому берегу и приближается к месту переправы, имея всего протяжения более 4 верст.

К 27 числу войска 3-го пехотного корпуса сблизилась от Болграда к Сатунову; 3-я бригада Дунайской флотилии с транспортными судами и понтонами подошла от Измаила на ту же высоту и остановилась на левом фланге батареи в 24 орудия, устроенной для прикрытия переправы.

В 4 часа утра 27 числа государь император изволил прибыть к войскам, собранным перед переправой; открытый огонь по неприятельским укреплениям с береговой нашей батареи и флотилии был знаком движения войск на правый берег.

Генерал от инфантерии Рудзевич, командир 3-го пехотного корпуса, генерал-квартирмейстер Главного штаба его императорского величества генерал-адъютант граф Сухтелен и начальник Главного штаба 2-й армии генерал-адъютант Киселев распоряжали переправой войск.

Часть Егерской бригады 9-й дивизии должна была первая переплыть реку; но безветрие и быстрое течение медлили ход транспортных судов; между тем командир 2-й бригады генерал-майор Гельвих с 120 человеками сел на лодки запорожцев, возвратившихся в подданство России¹, и с их пособием первый выступил на неприятельскую землю; ему последовал на транспортном судне с небольшим отрядом генерал-майор князь Горчаков, начальник штаба 3-го корпуса.

Другое отделение запорожских лодок подало способ генерал-майору Курносову и полковнику Крузе, командиру 3-го саперного батальона, последовать за движением Гельвиха и князя Горчакова.

Передовые отряды сии, высаженные на берег, покрытый водою и камышом, должны были проходить чрез засеки и потом 1½ версты глубоким болотом; неприятель быстро

атаковал голову колонны, надеясь опрокинуть оную в воду, но мужество начальников и нижних чинов удержало натиск его, и 3 баталиона выстроились в боевой порядок.

В это же время быстрое течение относило от настоящего направления 3-е отделение запорожских лодок, перевозивших 2-й баталион Алексопольского полка. Генерал-адъютант Киселев сел на одну из них, привел отделение к сухому берегу, назначил место высадки и в то же время приказал капитану 2-го ранга Патаниоти подвинуть суда левого фланга флотилии более вперед и действовать картечью по неприятелю, который атаковал передовые отряды и упорно держался на мысе, выдавшемся от высот к болотистому берегу Дуная.

Выстрелы сии имели заметное влияние на успех. Неприятельская кавалерия отступила, а переправленные отделения соединились, построились в боевой порядок под начальством генерал-лейтенанта Бартоломея и двинулись на приступ к неприятельским батареям.

Войска сии, от которых зависела быстрота успеха, совершили свой подвиг с неотразимою храбростию и прошли победителями по всему ряду укреплений неприятельских. Турки оставили свои батареи, артиллерию, бросились к лагерю на высоте своей позиции; в это время в укреплении правого фланга их взлетел на воздух фугас, и 17 человек 17-го Егерского полка сделались жертвою взрыва.

Между тем генерал от инфантерии Рудзевич довершал переправу и занятие правого берега Дуная. 4 баталиона в колоннах устремились чрез наводненные болота на высоту позиции неприятельской; появление их заставило турок совершенно оставить свой лагерь и искать спасения в бегстве по дорогам к Тульче, Бабадигу и Исакче.

Прочие переправившиеся части 3-го пехотного корпуса заняли береговые укрепления, в которых оставлено неприятелем 21 орудие большого и малого калибра.

Переправа и занятие высот, ознаменованные силою, покровительствующей российскому оружию, и мужеством войск стоили нам 112 человек убитыми и ранеными, в числе последних и капитан 2-го ранга Патаниоти, содействовавший победе.

Сост. с подл. донесений
Старший адъютант *Вельтман*.

Взятие крепости Исакчи

Между тем как устраивался через Дунай понтонный мост и остальные части 3-го корпуса переходили на неприятельскую землю, 28 числа сделано усиленное обозрение Исакчи, стрелки и отряды казаков под выстрелами дошли до середины предместья, на другой день три батальона 3-й бригады 9-й дивизии Симбирского полка и 20-й Егерской и 16 орудий артиллерии обложили крепость; гарнизон не решился ожидать действия и выслал уполномоченных для переговоров; 30 числа командир 3-го корпуса генерал от инфантерии Рудзевич подписал условия о сдаче. В тот же день Муромский полк вступил в крепость и принял от удаляющегося гарнизона 18 знамен, 70 пушек, 5 мортир, все оружие и все военные и жизненные припасы.

Сост. с подл. донесений
Старший адъютант *Вельтман*.

Взятие крепости Тульчи

1 июня отряд [Отряд сей состоял из 2-й бригады 7-й дивизии, одной роты артиллерии, сотни казаков и дивизиона улан 2-го Бугского уланского полка. – *Прим. авт.*] генерала-лейтенанта Ушакова обложил к. Тульчу.

2 числа с рассветом гарнизон сделал вылазку, но был опрокинут уланами и преследован под выстрелы крепости;

безуспешно возобновленное нападение в тот же день и усиленная вылазка 3 числа, отраженная с большою потерею для неприятеля, принудила его не удаляться от стен своих. В продолжение 9 дней не было видно новых покушений со стороны его, между тем облегающие войска довершили редут на 4 батарейных и 4 легких орудия.

12 числа паша извещен о взятии кк. Браилова и Мачина с предложением сдать Тульчу, но он не согласился и на другой же день сделал вылазку в значительном числе кавалерии. Уланы опрокинули толпу и обратили в крепость с большим уроном для неприятеля; с нашей стороны убито 5 улан, ранены полковник Остроградский, корнет Гетманцевич и 6 рядовых.

Неудачные предприятия отразить русских и, наконец, удостоверение о взятии Браилова, Мачина и Кистенджи чрез нарочно посланного решили трехбунчужного пашу Ибрагима сдать кр. Тульчу, 4 знамени, 36 пушек, все оружие и военные снаряды.

Действия российских войск при осаде Браилова

После переправы 2-й армии чрез р. Прут начальную целию действий 7-го корпуса была предположена осада Браилова.

Авангард оного, при коем находился лично начальник Главного штаба его императорского величества граф Дибич, быстро двинулся вперед под начальством генерал-майора Рейтерна и 28 числа достигнул до д. Болгаденешти в 8 верстах от крепости. Здесь была первая встреча с неприятелем. Партия Атаманского его императорского высочества наследника полка и несколько улан 4-й Бугской дивизии, посланных в подкрепление, настигли отряд, выехавший из города на фуражировку; в сей сшибке до 30 турок пало убитыми, 18 взяты в плен.

С нашей стороны убит 1 улан и ранено 7 казаков.

На другой день авангард расположился при д. Хаджи-Капитан в 6 верстах от крепости.

Того же числа прибыл господин главнокомандующий с начальником Главного штаба армии, а к вечеру войска 7-го корпуса обложили крепость. 18-я дивизия под командою генерал-майора Людинггаузена-Вольфа расположена была при крепости на правом нашем фланге; бригада 19-й дивизионом улан под командою генерал-майора Сиверса занимала левый фланг.

19-я дивизия под начальством генерал-лейтенанта Иванова составляла резерв осаждающих. Бугская дивизия расположена была в центре. Для большого стеснения обложенного неприятеля предложено занять хутор на правом фланге осадного корпуса и сады на левом его фланге. В ночь на 1 мая Казанский пехотный полк, подкрепляемый дивизионом улан под начальством генерал-майора Людинггаузена-Вольфа, двинулся по назначению к сему хутору, лежащему на ближайший пушечный выстрел от крепости, и занял оный без большого сопротивления; в то же время 37-й Егерский полк, усиленный также дивизионом улан, утвердился в садах левого фланга.

Сия поверхность одержана была без всякой потери с нашей стороны, неприятель слабо сопротивлялся и, не отваживаясь сделать вылазку, действовал орудиями с крепостных батарей.

По обложении крепости неприятель выжег предместье и надеялся держаться в оном под прикрытием крепостного огня.

2 мая отряжена была для занятия предместий 1-я бригада 18-й дивизии со стрелками Казанского полка под начальством генерал-майора Полешки. Заметив приближение войск, осажденные открыли сильный огонь с батарей, но стрелки Казанского полка под картечью и ядрами прошли до самого гласиса, где и удержались. Быстрота и

решительность войск, занявших предместье, были примерны, успех при маловажной потере превзошел самое ожидание; с нашей стороны убито 7 человек нижних чинов, ранены командир 1-й бригады 18-й дивизии генерал-майор Полешко, получивший контузию, 2 обер-офицера и 25 человек нижних чинов.

7 мая его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович принял командование осадным корпусом. В следующий день стены Браилова ознаменовались воззрением на них самого императора России в сопровождении великого князя, генерал-фельдмаршала и начальников Главных штабов его императорского величества и 2-й армии. Государь лично обозревал крепость и назначил места атаки.

После открытия действия батарей на левом и правом фланге 13 числа начались работы правильной осады; они основаны открытием траншей и учреждением линии сообщения, на протяжении которой устроенные 5 батарей и редут действовали по бастионам левой стороны крепости; от сей первой облегающей линии приближение к крепости производилось летучими сапами², которые и соединены второю облегающею линиею в расстоянии 30 сажень от контрэскарпа³ – доступ к контрэскарпу веден был двойным прямым тихим сапом, далее начинались два спуска в ров, правая галерея имела 22 сажени протяжения и кончилась усиленным горном, левая, проходя 23¹/₂ саж. и кончаясь за эскарпом, разделилась на параллельные к оному боковые галереи в 20 футов длиною.

Таким образом, осада крепости продолжалась с быстрым успехом, орудия наши утушали огонь неприятельских батарей и вместе сожигали город; между тем неприятель решался несколько раз сделать вылазку, но при движении наблюдательных отрядов толпы удалялись в крепость. 20 числа покушение осажденных было дерзновеннее, до 500 человек турецкой пехоты и конницы устре-

мились овладеть береговой единорожною батареею⁴ на левом фланге осадного корпуса, сильный натиск их принудил отступить почти до самой батареи стрелков, прикрывавших оную, но к ним на подкрепление подоспел резерв, который вскоре усилен был еще двумя ротами 38-го Егерского полка. Решительный удар в штыки принудил неприятеля отступить к стенам своим и после перестрелки скрыться в крепость.

В сем деле убито с нашей стороны 4 рядовых, ранено унтер-офицеров 3 и рядовых 24. – Со стороны неприятеля потеря должна быть втрое значительнее, ибо, невзирая на все его усилия уносить убитых, осталось на месте много неприятельских трупов. По уверению участвовавших в сем деле, начальник вылазки находится в числе убитых.

Дунайская флотилия под начальством капитана 1-го ранга Завадовского 18 числа подошла к крепости на 3 версты расстояния, целью оной было уничтожить флотилию неприятельскую и прервать сообщение Браилова с правым берегом Дуная.

28 числа мая в час пополудни после тщательного двухнедельного ожидания подул свежий попутный ветер, флотилия снялась с якоря и пошла вверх по Дунаю к гирлу Мачинскому.

Эскадра капитана 2-го ранга Резанова, отделенная для действия против крепости, и батарея подполковника Макалинского, устроенная на сухом пути, скрывали движение 16 судов под командою начальника флотилии Завадовского, которые и вошли в Мачинский рукав.

Неприятельская флотилия расположена была поперек рукава. Завадовский быстро двинулся на нее и открыл сильный огонь. Турки немедленно ответствовали, не выдержав решительный натиск приближения, они поспешно стали отступать; преследование было беспощадно, едва четвертая часть судов турецких спаслась под прикрытие батарей крепости Мачина.

В сем смелом и блистательном деле неприятель потерял из бывших у него 25 судов: 4 шлюпа, 7 канонерских лодок и адмиральский бот с артиллериею, 8 разных судов сожжено, разбито и насажено на мель. С нашей стороны потеря была маловажна.

Июня 2 числа все минные работы были кончены, галереи правого и левого спусков и усиленный горн⁵ были заряжены и забиты.

Два подкопа должны были сделать пролом в эскарпе, 3-й засыпать ров глыбами обрушенной земли и облегчить приступ.

На другой день в 9 часов утра положено было зажечь все подкопы и двинуться быстро в проломы.

Войска разделены были на две колонны, каждая составляла два эшелона для временного подкрепления, одному из сих эшелонов назначено было занять вал, другие два должны были проникнуть в средину крепости, а 4-й составлял резерв.

В условный час мины вспыхнули, а грохот взрывов был знаком приступа. Войска, ожидавшие сей минуты, одушевленные присутствием его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера и примером своих начальников, находившихся в голове колонн, с грозным *ура!* быстро кинулись к местам взрывов, но неожиданное препятствие остановило колонны. Поздно уже заметили, что подкоп левого крыла приступа подорван 2-мя минутами ранее положенного времени и воспрепятствовал воспалению средней сильной мины; края эскарпа были взрыты, но пролома не образовалось. Все соображение приступа расстроилось. Передовые колонны чрез густое облако дыму и пыли стремительно уже спустились в ров и оттеснялись в нем пред неприступной стеной. Место взрывов и весь эскарп были усеяны отчаянным гарнизоном крепости и жителями, все вооружено было истреблением мужественных воинов, стесненных во рву и тщетно искавших возможности про-

никнуть в крепость; но на правом крыле 120 охотников успели подняться на вал сквозь амбразуры и встретили на нем славную смерть, из них один только унтер-офицер бросился в Дунай и спасся, выплыв на свой берег.

Действия на левом крыле приступа не имели успеха по той же причине.

Явная невозможность преодолеть препятствия к достижению цели принудила оставить предприятие. Войскам приказано отступить.

В полном порядке шли они из-под выстрелов неприятельских под прикрытием Казанского полка, занимавшего переднюю цепь осадных работ; усилив огонь, осажденные сделали против него 6 вылазок, но были отражены со значительным уроном; с нашей стороны потеря особенно чувствительна смертью генерал-майоров Людинггаузена-Вольфа и Тимрота; ранен генерал-майор Степанов; штаб- и обер-офицеров убито 18, ранено 74, нижних чинов убито 887, ранено 1778.

Гарнизон Браилова видел мужество и твердость русских воинов в самой жесточайшей неудаче; исторгнув последние силы свои на отражение приступа, он устранился ожидать последствий и 5 числа просил переговоров.

В два часа пополудни на 7 число капитуляция подписана была его императорским высочеством генерал-фельдцейхмейстером и комендантом крепости Сулиманпашою, причем последний представил в российский лагерь трех аманатов⁶ из числа знаменитых чиновников.

На другой день в 12 часов знамена русские развевались на стенах Браилова. Саперы и первые батальоны полков Казанского пехотного и 35-го Егерского вошли торжественно в крепость чрез пролом и заняли части фронта, на которых произведен был приступ.

Вслед за ними введены 4 легкие орудия, а два другие батальона тех же полков, 6 батарейных и 2 легких орудия

расположены в разных местах по контрэскарпу для составления резерва войск, вошедших в крепость.

10 числа цитадель и стены Браилова, установленные 240 орудиями, были совершенно заняты нашими войсками. Гарнизон турецкий оставил крепость.

Взятие крепости Кистенджи

Авангард войск, перешедших чрез Дунай, назначен был действовать против кр. Кистенджи.

Командовавший авангардом генерал-лейтенант Редигер 4 июня приблизился к оной. Российский флот стоял уже на одной высоте с крепостью.

Появление отряда казаков, посланных для обозрения укреплений, было встречено двумястами человек неприятельской кавалерии, но генерал-майор Кирсанов бросился с подкреплением, опрокинул неприятеля и преследовал до самых могил, находящихся перед крепостью, где скрывались в засаде турецкие стрелки.

Обозрев положение крепости, генерал-лейтенант Редигер стеснил посты неприятельские, обложил оную и основал против левого фланга сильную батарею. Сии действия сопровождались сильнейшим огнем из всех орудий крепости со стороны земли и со стороны моря по подошедшему русскому бригау.

7 июня государь император изволил прибыть из лагеря при Карасу на Траяновом вале к блокадным войскам. Обозрев лично крепость, его величество повелел открыть решительное действие против оной в случае несогласия на предложение о сдаче.

Ответ кистенджийского коменданта изъявлял твердую решительность не сдавать крепости, но после действия артиллерии нашей – 42 орудий с 3-х батарей и 20 орудий с военного брига «Орфей» и после полученного

извещения о падении Браилова и Мачина Абдуллах-бей объявил согласие сдать Кистенджи.

11 июня подписаны договоры, 12-го часть войск заняла крепость. Приобретения, сделанные в оной, состоят в 4 знаменах, 36 крепостных орудиях и многих различных военных снарядах.

Занятие высоты на правом фланге позиции при Шумле 16 и 17 июля

Для полноты позиции, занятой 8 июля при Шумле, и для основательного утверждения правого фланга расположения войск должно было овладеть горою, составлявшею продолжение позиционной линии.

Согласно воле императора, исполнение сего назначено было делом 8-й дивизии.

16 июля в 4 часа пополудни 3-я бригада 8-й дивизии двинулась к высоте, в то же время 1-я батарейная рота и конно-батарейная № 19 под прикрытием 2-й бригады 8-й дивизии, расположившись на левом берегу р. Отражи, открыли огонь по начатому неприятельскому укреплению, дабы отклонить его внимание от цели действий и воспрепятствовать окончанию построения.

Турки вышли в значительном числе кавалерии и пехоты с артиллериею из крепости и расположились перед оною, примыкая правым флангом к новопостроенному полевому укреплению, направив огни орудий (находившихся под начальством Карадженема) против высоты, на которую всходила 3-я бригада 8-й дивизии под начальством генерал-майора Вреде.

Сильный отряд неприятельский приближался к подошве высоты и стал обходить оную, но высланная от 1-й Конноегерской дивизии, прикрывавшей движение 3-й бригады справа, конная рота № 22 и орудия легкой

роты 29-й артиллерийской бригады под прикрытием 2 батальонов 2-й бригады остановили наступательное движение неприятеля.

Между тем 3-я бригада заняла уже высоту и подавалась вперед с величайшим затруднением чрез густой и колючий кустарник; пройдя до противного ската, она была атакована со всех сторон толпами неприятельской кавалерии. 1-й батальон 15-го Егерского полка, шедший правее прочих, был окружен; не имея ни одного орудия для решительного отпора неприятеля, он выдерживал возобновляющиеся атаки огнем каре⁷.

1-й батальон 16-го Егерского полка был таким же образом атакован и столь же успешно отражал неприятеля оружейным огнем.

С приближением 2-го батальона 15-го Егерского полка с 2 орудиями, составлявшего резерв, войска двинулись вперед и, выдержав еще несколько кавалерийских атак, сбили неприятеля с горы; преследуемый выстрелами артиллерии, он отступил в крепость.

Император с генерал-фельдмаршалом и начальником Главного штаба его императорского величества наблюдал успехи своего оружия с кургана правее № 1. Начальник главного штаба 2-й армии находился при действии войск, занимавших высоту.

В продолжение ночи на высоте основаны редуты № V и VI. Утром 17 числа неприятель открыл по 3-й бригаде, занявшей высоту, сильный огонь с батареей, устроенных на оконечности главной Шумлинской горы, а по второй бригаде – с устроенного укрепления Селиктан-паши и в то же время вывел из крепости значительное число кавалерии с 10 орудиями и завел перестрелку с передовыми постами, стараясь избрать удобный случай взять обратно высоту, но действия нашей артиллерии остановили все его покушения.

Около полудня 2000 кавалерии устремились от лагеря при укреплении паши мачинского к редуту № XIX, но 5 эскадронов гусар и 6 орудий обратили неприятеля в бегство.

Перед вечером новое усилие неприятеля на правый фланг, сопровождаемое выстрелами с разных пунктов, отражено действием наших батарей.

ЧАСТЬ 2 СОКРОВИЩА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Достопамятности Московского Кремля¹

Вступление

Около семи сот лет Москва известна истории как удельное княжение рода Георгия, сына Владимира Мономаха; с лишком пятьсот лет она уже столица русского великокняжения и царства; и много сохранилось в ней непростых памятников славы и прошедшей жизни народа, но заветной его святыни. Запад Европы сохранил памятники своих победителей. Восток Европы – Россия – памятники своих отцов – царей и святителей. Там следы борьбы за права на землю – обелиски, монументы, замки, стражницы, как указатели пути, где проходили и расселялись полчища римлян, готов, саксонцев, франков и норманнов; здесь Божий храм и двор царский, исток и слияние духа и сил народных, два постоянных средоточия эллипсиса Русского царства с самого его основания. В них заключаются все достопамятности первопрестольной столицы, и первый шаг любознательного путешественника должен быть направлен к Кремлю, первое посещение – соборному храму Успения Богоматери, усыпальнице святителей русских, где покоятся митрополиты и патриархи со времен основания

этого храма, и где совершается чин венчания на царство. Отсюда, до вступления на Красное крыльцо, путешественник, исполняя древний обычай, посетит собор Благовещенский, который некогда был преддверием обители царей, и не иначе, как через паперть его, вступали в царские золотые палаты, где совершались суд и правда, как некогда в Риме в храме Фемиды вступали через храм Добродетели.

Осмотрев древнюю обитель царей с древними храмами и сокровищницами, путешественник посетит и древнюю царскую их усыпальницу под сенью своего родового покровителя и заступника, воеводы небесных сил Архангела Михаила; потом монастыри Чудов и Вознесенский, и от обзора всего древнего обратится к достопамятностям новейших времен России, к Арсеналу, основанному Петром Великим, Сенату – Екатериной II, к победным памятникам царствования императора Александра Благословенного, и наконец к великолепному дворцу, воздвигаемому на древнем незыблемом основании дворца Иоанна III, и к повсеместным следам забот царствующего ныне зиждителя России.

В храмах кремлевских много святынь, принесенных в дар от всех мест, куда проник свет христианства, от гроба Господня, от святыниц Византии, горы Афонской и подножий Арарата, много богатств, завещанных Богу; много драгоценного и достопамятного в обители царской и в ее сокровищницах. Но чтоб оценить достопамятности Кремля, охраненные от времени и нашествий неприятельских благоговением народным к своей святыне и старине, необходимо хоть мельком взглянуть на те времена, от которых сбереглось до наших времен заветное достояние.

Исходу VIII и XIX веку принадлежит эпоха основания трех царств, из которых развились все силы и процветание христианской части света. Эти новые царства были: империя Германская, Англия и Россия. В них заключалась почти вся Европа и возникла гражданская жизнь для патриархаль-

ных племен, населявших всю твердь от Западного океана до устьев Волги и от северных набережных до южных.

Под сильным влиянием победителей исчезли народность и язык древней Британии и Галлии; но славяне ильменские, призвавшие по разуму и доброй воле на царство князей из владетельного рода русского, сохранили самобытность свою и народный свой язык.

Когда империя Карла Великого распалась и Англией овладели уже новые победители – норманны, Русь сокупила в себе все племена славян на пространстве от Балтийского моря до Черного и от Карпатских гор до Волги, приняла христианскую веру и в течение одного века процвела обширной торговлей с Востоком и Грецией. Величие Новгорода и Киева быстро возникло до такой степени, что в X и XI столетиях современники не находили уже для них другого сравнения, кроме Рима и Константинополя. Дитмар, епископ Мерзебурга (976–1028)², пишет в своей хронике, что в великом Новгороде считается более 400 храмов и восемь торговых площадей. Адам Бременский³ в XI веке говорит, что «Киев, столица Восточной России, соперничает с державным Константинополем, великолепным украшением Греции». «Вторая контора Ганзейского союза, – пишет Верденхаген⁴, – в Новгороде, могущественнейшем и обширнейшем. Более 100 негоциантов Ганзы имели там свои конторы, и товары русские шли во все места». Бурхард, посол германского императора Генриха IV к Святославу, в 1075 году, возвратясь из Киева, с удивлением рассказывал о неисчислимых сокровищах великого князя⁵. Ярослав, дети его и внук Владимир Мономах были в дружественных сношениях и в родстве с Грецией, с Римом, с Германией, с Францией, Англией, Венгрией, Швецией и Норвегией. Взамен драгоценных мехов и произведений земли русские купцы получали из Греции золото, пурпур, богатые ткани, сукна, сафьян, вино, плоды и пряности; а с Востока – драгоценные камни и ароматы.

До XIII века Россия шла наравне с гражданским просвещением новой Европы, с той только разницей, что Западу служил образцом Рим, а России – великолепный Константинополь, с которым она была в ближайшем сношении, как по вере и соседству, так и по родству великих князей с императорами греческими.

Припомним непрерывный ряд великих имен: Рюрика, Олега, Игоря, совокупивших все племена славян до гор Карпатских и основавших прочную торговлю с Грецией; Ольги, давшей уставы и предтекущей христианской земли; Святослава, рушившего преобладание хазар и открывшего путь торговли с Востоком; Владимира I, крестившего Россию и давшего устав церковного суда по номоканону греческому; Ярослава, который начертал «Русскую правду», приукрасил Киев великолепием, основал в Новгороде училище на 300 человек детей боярских и пресвитерских, а в Киеве – первую библиотеку из переписанных и переведенных с греческого языка книг; наконец, припомним Владимира Мономаха, который, по летописи, украшен был добрыми правами, прославлен в победах, имени его трепетали все страны, во все земли пронесся слух о нем – и нам понятно будет то величие, до которого так быстро возросла древняя Россия.

Но два столетия непрерывной войны с половцами, возникшие междоусобия, и наконец нашествие монголов рушило все начала Киевского царства, то совокупаемого в лице великого князя, то раздробляемого обычными в то время уделами.

Когда Константин Мономах вызвал Западную Церковь на соединение против общего врага христианства – магометан, грозивших уже Константинополю, тогда вместо союза последовал совершенный разрыв (в 1054 году). В это время все русские князья вели уже непрерывную войну – с 1061 года по нашествие монголов – с их единоплеменниками половцами. Россия не участвовала и не могла участвовать в

предприятия Западной Церкви, которая в одно и то же время несла меч и на магометан и на Восточную Церковь⁶.

Нашествие монголов, покоривших Русь в 1236 году и овладевших Иерусалимом в 1258-м, навело только ужас на Западную Европу, а процветание древней России стерло с лица земли. В течение трех веков Западная Европа даже забыла о существовании России, которая стала для нее продолжением степей Татарии; все посольства Западной Европы, которых постоянной целью были сокровища Азии, обратились к золотой ставке монгольской, в степную глубину, в Каракорум.

Но посреди распада царства Русского, не на племена уже, а на удельные княжества, хранился всегда дух единства и сберегалась идея царства в верховном имени великого князя как главы всей Русской земли. Престол великокняжения не мог уже воздвигнуться на развалинах Киева, рубеже кочевья татар, распространившихся между Доном и Дунаем почти до стен великокняжеской столицы. Престол перенесен за естественную ограду от нашествия их, за Оку, во Владимир на Клязьме. Но и здесь он не мог долго оставаться. Провидение полагало новый основной камень богохранимого, преименитого, царствующего, великого града посреди лесов, под сенью бора, на том самом месте, где ныне новый дворец императорский и древние пресвятые царские палаты и терем ограждают собою святое место нового насаждения – смиренный храм Спаса на Бору.

Начало города Москвы неизвестно определительно. По положению своему Москва лежала на перекрестке древнего торгового сухопутного сообщения Севера с Югом и Запада с торговым Болгаром на Волге. Этот путь, проложенный с незапамятных времен, был и военным путем; великие и удельные князья, следуя от Чернигова и Рязани на Владимир и Ростов, на Тверь и Новгород, не миновали Москвы. По этому пути к северу были волоки от одной сухоходной

реки до другой. Первое упоминание о Москве в летописях под 1147 годом; но собственно град Москва, Кремник, или нынешний Кремль, как столица удела, построен Георгием Владимировичем в 1156 году. Со времени Георгия Москва была уделом князей его рода, а наконец и великокняжеской столицей великого Георгиева потомства, сохранив в гербе своем родовую печать соименника Победоносцу.

Георгий III Данилович, вступив в 1303 году на великокняжение, основал пребывание в родовом городе Москве, и с сего времени великие князья стали называться Владимирскими и Московскими.

Со вступлением брата его Иоанна I Даниловича перенесена в Москву и митрополия.

В 1236 году Москва в первый раз является оплотом против нашествия врагов; в стенах Кремника было оборонительное сосредоточение сил против наступающих монголов от Рязани на Владимир, Ростов и Тверь. Укрепляли и защищали Москву Владимир, сын великого князя Георгия, и великокняжеский воевода – Нянька.

Покуда Москва стала белокаменной, все пространство, которое она занимает, закалилось от пожаров, истреблявших ее от конца до конца. Но быстро всегда возникала новая Москва на пепелище погоревшей. Через двадцать лет после основания Глеб, князь Рязанский, в 1177 году пожег Москву всю – и город и села. В 1331 году град Москва, называвшийся уже Кремником, сгорел от пожара. Спустя восемь лет великий князь Иоанн Данилович снова заложил город дубовый, и только в 1362 году великий князь Дмитрий Иоаннович заложил в Москве Кремль – город каменный с железными вратами.

С самого начала Москва посреди лесов проявляла в себе сосредоточие русского духа и сил на восстание против врагов России. Князь Даниил Московский в 1301 году избил татар при Рязани, не боясь мщения ханского; в 1378 году великий князь Дмитрий Иоаннович восстал на татар за на-

силе, пошел навстречу им и на реке Вож, в области Рязанской, разбил и прогнал в степи; а в 1380 нанес совершенное поражение Мамаю.

Токтамыш-хан пришел мстить за восстание. Приказав перебить и ограбить всех русских торговцев в Болгаре на Волге, он двинулся на Москву.

Со времени князя Даниила Александровича, утвердившего Рязань в зависимости от княжения московского, таилась в князьях рязанских ненависть; во время нашествия Мамай и Токтамыша они были поборниками врагов. Олег Рязанский открыл татарам путь к Москве; почти все удельные князья, искавшие независимости от великого князя, убоялись мщения ханского и уклонились от новой борьбы с татарами. Москва была взята и разграблена. Беспощадно избивали татары жителей московских от мала до велика, и было, говорит современная летопись, «и в граде и вне града злое истребление, покуда у татар руки и плечи измолкли, силы изнемогли и острие саблей притупились». Все, что не было вывезено из заветных сокровищниц кремлевских, и все, что было свезено из других городов бежавшими жителями в надежде найти защиту посреди крепких стен столицы, – все было расхищено. «И был дотоле град Москва велик, чуден, многонароден и великого узорочья исполнен, и в единый час изменился в прах, дым и пепел, и не было человека, ходящего по пожарищу».

Новая эпоха бытия Москвы и обновление принадлежит Иоанну III Васильевичу. С его времени – столица независимого, самобытного царства. При нем окончательно рушено ордынское иго; при нем восстановлены сношения с Востоком и Западом. К нему являются послы от римских императоров Фридерика III и сына его Максимилиана, от короля датского Иоанна, от царя грузинского Александра, от владетеля хорасанского, от султана шамахийского и проч. Иоанн вступает в брак с греческой царевной Софией; причем как единый представитель и гла-

ва исповедающих вселенскую греческую веру, принимает звание царя и герб империи в 1471 году, без сомнения, по подобной же соборной грамоте, какую поднес царю Иоанну Васильевичу IV Иосиф, архиепископ Константинополя, нового Рима, и вселенский Патриарх, за подписью руки патриаршей, 34 митрополитов, двух архиепископов и двух епископов, признавая его своим государем.

Иоанн покорил Новгород, процветавший ганзейской торговлей и замышлявший о независимости; покорил Казань, заменившую в торговом отношении на Волге Болград, и таким образом сосредоточил все торговое влияние в Москве.

В 1475 году выписал Иоанн III из Венеции архитектора Аристотеля для построения соборного храма Успения Богородицы; и с этого времени началось первое употребление кирпичей, заменивших обычный у русов белый камень.

С 1484 года началась постройка кирпичных стен и стрельниц (башен), существующих поныне; и в то же время заложил Иоанн двор и палаты каменные и кирпичные на старом месте у Благовещения. Строителем палат был Алевиз из Милана; а стен кремлевских и башен – итальянцы, которых в то время называли фряжинами (франками), Марко, Антон и Петр.

Со времени Константина Великого Византия стала центром мира промышленного. Когда магометане распространили победы свои на юге Азии, остался один путь сообщения с Востоком, через Трбизонд и Феодосиполь (ныне Арзерум в Армении). Крестовые походы открыли сообщение через Сирию, и – Константинополь остался в стороне. Для Европы торговля сосредоточилась в Венеции и Генуе. Нашествие монголов и взятие ими Иерусалима парализовало все южные пути; а вскоре победы мусульман перенесли на берега Европы; осталась одна стезя для промысла – через Россию, которая возникла уже в Москве и слилась снова под единодержавие велико-

го князя Иоанна III. Но когда Москва готовилась преобладать торговлю Востока и вся Европа искала союза с Иоанном, стесненный промышленный дух Запада проник на Восток по путям дотоле непроходимым. В 1492 году открыта Америка, а в 1497-м – морской путь в Индию, мимо мыса Доброй Надежды. Вслед за испанцами и португальцами пустились к новому источнику сокровищ и произведений Индии голландцы, англичане и французы. Эти неожиданные, счастливые события для Запада были причиной совершенного переворота в судьбе не только Европы римско-католической, но и в судьбе России. Торговый союз Ганзейский потерял свое значение, торговый путь через Россию заглох, промышленный народ на Волге, как главной стезе древней торговли, лишившись промысла, принялся за разбой. Только собственные произведения России, и преимущественно драгоценные меха, остались источником трудного промысла. Но, как будто в вознаграждение этих великих потерь, Россия приобрела золотое дно – Сибирь.

После времен Иоаннов, закаливших железную крепость России, совершился на стогнах кремлевских переворот, – явилось таинственное лицо под именем Дмитрия, сына Иоаннова. Это возмутительное событие, казалось, готовое снова поработить Россию чуждой ей власти, было в расчете Провидения. Это время смут уподоблялось в общей гармонии судеб народных дикому аккорду, неизбежному для перехода из вступления в тему истинного и прочного царства под державой царей, родных народу.

В Кремле – все близкое чувству русскому, все заветное, все старое время тяжкой и радостной памяти, горьких и умильных слез великого народного семейства. В Кремле возникало спасение. Дмитрий Донской развернул черное великокняжеское знамя войны на жизнь или смерть против монголов; Иоанн совокупил распавшееся царство; Василий Иванович Шуйский въехал на коне в Спасские ворота с кре-

стом в руках для свержения царя-самозванца; Пожарский выжил из священных оград знамена Сигизмундовы; и – после всех бед, Богом избранный, целовал со всем народом крест спасения, восстановивший в русском царстве мир и единодушие, положивший все надежды народа в юном, нововенчанном Михаиле и его потомстве.

І. Соборные храмы Кремля

Собор Успения Божией Матери

При перенесении престола великокняжеского и митрополии в Москву первое место обители св. Митрополита Петра было при деревянном храме Иоанна Предтечи близ Боровицких ворот. В 1325 году заложен собор Успенский, и св. Митрополит Петр основал в нем усыпальницу (*sepulchre*) глав Русской Церкви под кровом Пречистой Богоматери, Которой лик был искони знамением на печатях или гербах всех русских архиепископов, митрополитов и патриархов. За ветхостью древней церкви митрополит Филипп в 1473 году воздвиг новую, по подобию и величине владимирского Успенского собора; но в следующем году, во время землетрясения, она распалась и в 1475–1479 годах построен Успенский собор вновь выписанным из Венеции архитектором Аристотелем (Алберти Фиоравенти Болонским). В этом первопрестольном соборе совершается искони венчание на царство; а в древности совершалось и бракосочетание великих князей. В 1473 году, когда собор перестраивался, для бракосочетания великого князя Иоанна Васильевича III с царевной Софией, дочерью Палеолога, внутри воздвигающихся каменных стен построен был храм деревянный. Многоценный иконостас собора заключает в себе полную идею Вселенской Церкви, союз Старого завета с Новым. Вы видите на нем Предвечное

Слово первоначальной Церкви праотцев и патриархов; Предвечного Младенца ветхозаветной Церкви пророков; и наконец, Спасителя и Христианскую Церковь апостолов. В большом куполе Господь Вседержитель; его окружают Небесные Силы; на столпах храма лики мучеников и исповедников, на которых воздвиглась Церковь. Стены исписаны деяниями святых и притчами евангельских. «В первые века христианства немногие знали грамоту, а всех надо было учить закону Божию: и потому издавна принята была в церквах стенная живопись вместо мертвых букв, чтоб каждый молящийся христианин мог сам прочесть божественную повесть событий Церкви».

Нижний ряд иконостаса включает в себе местные иконы удельных княжений: Владимира, Новгорода, Пскова, Смоленска и проч. По мере присоединения их к единой державной заветной сокровище городов, местные иконы, переносились в общее святилище, в первопрестольный храм Успения, как священный залог верности, – ибо где святыня русского народа, там и сердце его.

Чудотворная икона Владимирской Божией Матери, писанная, по преданию, св. евангелистом Лукою, принесена из Царьграда князю Андрею Боголюбскому. Новгородская икона Всемилоственного Спаса прислана в Новгород греческим императором Мануилом. Икона великомученика Дмитрия Селунского принесена была в Киев из Селуни, родины Константина и Мефодия, первых пролагателей Священного Писания на славянский язык.

В Успенском соборе обретаются св. мощи митрополитов – угодников Божиих и покоятся Патриархи; в нем хранятся в золотых ковчегах части ризы Господней, Божией Матери, и гвоздь Господень. Сень медного шатра, находящегося в соборе, изваяна по повелению Патриарха Филарета в 1625 году для плащаницы Господней, присланной в дар царю Михаилу Федоровичу и которую шах Аббас при покорении Грузии взял из Мцхетского собора.

В богатой ризнице Успенского собора между драгоценными пеленами – труды императрицы Екатерины II; между сосудами церковными – приношения царей и великих князей; тут яшмовый сосуд миропомазания, присланный Константином Мономахом внуку своему Владимиру Мономаху вместе с регалиями царскими, хранящимися в Оружейной палате; древнее Евангелие на греческом языке; славянское Евангелие болгарского письма, окованное золотом и осыпанное цельными драгоценными камнями древнейшей работы; и наконец, великолепное Евангелие царицы Наталии Кириловны с резными образами на огромных изумрудах.

У южных врат храма стоит *престол Мономаха*⁷, так называемый по надписям и барельефной резьбе, на которой изображены события присылки упомянутых нами регалий царских Константином Мономахом.

Собор Архангела Михаила

Как печатью Церкви был лик Богоматери и святители русские упокоивались под кровом ее, так печать великих князей русских был лик Воеводы Небесных Сил, и они упокоивались под кровом Архангела. Собор Архангела Михаила каменный, основан в 1333 году Иоаном Даниловичем Калитой, и с него начинаются ряды 52 потомственных гробниц. Здесь св. мощи убиенного царевича Дмитрия, князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора. На стенах, против гробниц, изображения великих князей и царей, покоящихся в них; а цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович изображены на досках иконным письмом. Здесь погребен император Петр II.

В этом храме великие князья совершали панихиды по родителям и предкам и, отправляясь в поход, призывали на помощь воеводу Небесных Сил Архангела Михаила.

В ризнице храма сохраняются драгоценные, унизанные жемчугом и камнями покровы царских гробниц.

Последняя перестройка Архангельского собора по причине обветшалости совершена в 1508 году, при великом князе Василии Иоанновиче.

Собор Благовещения

Первоначально основан при великом князе Василии Дмитриевиче в 1397 году и в 1405-м расписан монахом Андреем Рублевым. В 1484–1489 годах, при великом князе Иоанне Васильевиче, собор Благовещения перестроен вновь о девяти верхах с позолоченными главами и кровлей. В 1508 году украшен стенописанием иконописцем Федором Едикеевым с братиею. Поновления совершались в царствование Петра I и Екатерины II. Этот храм составлял издревле приходскую церковь Двора царского и назывался *Благовещение у Государя на Сенях*. Благовещенский протопоп искони был духовным отцом великих князей, и поныне духовный отец императора, и носит звание протопресвитера Благовещенского собора. Он крестил новорожденных в Чудовом монастыре, благословлял, обручал и бракосочетал великих князей в соборе Успенском. Великие князья украшали собор Благовещенский всем, что составляло великолепие их времени. Богато позлащенные медные главы и кровля храма по сие время как кованные из чистого золота. Помост храма составлен из плит разноцветной яшмы; живопись паперти, свято сохраняемая при подновлениях, представляет в лицах проповедования учения христианского. Здесь изображены также сивиллы и философы греческие, проникнутые предчувствием рождения Бога Слова и духом истины.

В четырех угловых трибунах храма четыре придела: Входа во Иерусалим, Архангела Гавриила, Собора Пресвя-

той Богородицы и Василия Кесарийского. У правого столпа царское место; на левом столпе 60 крестов, которые некогда носились великими князьями и царями сверх барм или священных оплечий. На налоях выставлены части св. мощей.

В ризнице крест корсунский с Животворящим Древом, крест, принесенный Владимиру Мономаху Неофитом, митрополитом Ефесским, кивот со Страстями Спаса, принесенными епископом Дионисием из Царьграда в Суздаль, а в 1401 году перенесенными в Москву. Кроме того, в золотых ковчегах останки многих из св. угодников, присылавшиеся в дар и на хранение великим князьям русским из святых мест христианства.

Здесь замечательны также двери храма со св. изображениями, писанными золотом по сквозному лаку, покрывающему медные листы. Судя по письму надписей, они новгородские.

Патриаршая ризница

Против северных врат Успенского собора находится древняя патриархия с церковью Двенадцати Апостолов и Нерукотворного Образа. Здесь, в бывшей трапезе Патриарха Никона и его домовою церкви во имя апостола Филиппа, где еще видно против упраздненного алтаря каменное патриаршее место, хранятся ныне собранные Никоном драгоценные остатки писем первых веков христианства, священная одежда и вся домашняя утварь московских митрополитов и патриархов, начиная с Петра Митрополита (1326) и кончая Патриархом Адрианом. Между прочими саккосами и омофорами, если кроме духовной ценности смотреть и на вещественную ценность их, некоторые, усыпанные жемчугом и драгоценными камнями, весят более пуда. Саккос, принесенный митрополитом Фотием из Царьграда, заключает в себе 70 000 жемчужных зерен; на нем вышиты золотом лики императора Иоанна Палеолога,

супруги его Анны, сестры великого князя Василия Дмитриевича, самого Василия, Фотия, Патриарха Нила, и вокруг саккоса весь Символ веры на греческом языке.

Здесь драгоценные древние кресты с частицами св. мощей, принесенные из Греции; клобуки, митры, скуфьи, панагия чудотворца Петра, перстень святителя Алексия, подаренный ему ханом Ганибеком в память чудесного исцеления супруги его Тайдулы; посохи, часы и много вещей, высоко ценимых глубоким чувством воспоминания, которым невольно исполняется душа.

II. Двор царский

В древности великокняжеские дворы заключали в оградах своих храмы Божии, хоромы княжеские и все, что составляло чин правления и хозяйства государева. Тут, на дворцах или малых дворах, жили духовенство, бояре, дружина, художники и ремесленники; здесь хранились сокровища и припасы.

Двор великокняжеский и царский на Москве занимал с самого основания Москвы то же самое место, которое занимает и теперь, и его эпохи как будто соответствовали эпохам России. Сначала, когда еще существовали уделы и двор великого князя состоял из многих отдельных хором и изб за общею оградой⁸. Царь Иоанн Васильевич III, совокупив уделы, подвел и под все удельные здания своего двора общее каменное основание и соединил сенями или переходами.

При императрице Елисавете набережные здания двора царского были разобраны и построен дворец в итальянском вкусе, примыкавший со стороны красного крыльца к Грановитой палате. Императрица Екатерина имела мысль по проекту Баженова обратить весь Кремль в один громадный дворец; но посреди его исчезала вся маститая древность

Кремля⁹. Теперь все заветное цело, двор царский на старом месте, и новый Императорский дворец составляет одну нераздельную связь и воссозданное под общим кровом существовавших некогда палат: Средней золотой, Столовой и Набережной, или Посольской.

Новый Кремлевский дворец

Новый дворец – величественное здание, по крепости – кованое, по размерам зал – исполинское, по мысли – мощно-смелое. В нем осуществились не заученные зодчеством иноземные формы и красоты, не привычные стили Греции и Италии, под влиянием и условиями которых создаются все новейшие здания; здесь осуществилось изящное русское, желанное и предначертанное самим государем императором. Его величество в присутствии своем в Москве в 1858 году лично изволил изложить мысли свои о создании дворца; и из собственных начертаний государя императора составлен проект, в то же время высочайше утвержденный до всякого еще рассмотрения действительным архитектурическим художником. Исполнение поручено под непосредственным начальством его светлости министра двора генерала от инфантерии князя Петра Михайловича Волконского Московской дворцовой конторе, в особенное ведение вице-президента ее гофмаршала барона Льва Карловича Боде. Главным архитектором назначен известный профессор архитектуры К. А. Тон; а труд выполненных работ на месте возложен на искусного и сведущего по своей части профессора архитектуры Рихтера и архитекторов Чичагова и Бокарева. Таким образом, зодчество получило готовый проект величию и красотам здания и создавало новое по мысли новой, царское по мысли царской. Родственно соединился императорский дворец с древним Теремным, и можно сказать, что двор Иоанна III через три с половиной столетия достиг до совершенного

возраста при императоре Николае I и облекся во все доспехи великолепия.

Вступив на парадное крыльцо со стороны набережной, по прямой лестнице, почти единственной в своем роде в этом отношении, вы пройдете посреди торжественного великолепия сокровищ от настоящего века к векам прошедшим, увидите новую и древнюю обитель русских царей.

Внутренние покои их императорских величеств в нижнем этаже дворца заключают в себе: переднюю, столовую, гостиную, проходную комнату, приемную ее величества, дежурную камеръюнгферскую, уборную ее величества, опочивальню, уборную его величества, кабинет его величества, приемную его величества, II переднюю.

На этом самом месте императорских жилых покоев некогда был собор Сретения Господня, что во Дворце, с приделом Св. Николая. Время начального построения этого храма неизвестно, но, без сомнения, он основан был в память сретения Страстей Господних, перенесенных в 1401 году из Суздаля в Москву и встреченных священным чином и народом, подобно как память сретения Владимирской Божией Матери освящена построением храма Богородицы честного Сретения на Кучковом поле (ныне Сретенский монастырь). Сретенский собор разобран в 1801 году.

Из передней выход на подъезде к собственной лестнице государевой.

Ворота, ведущие к подъезду, на том же самом месте, где были некогда Золотые государевы ворота¹⁰.

От выхода на подъезд пант-дус (отлогая лестница) ведет из нижнего этажа в коридор и к парадной лестнице бельэтажа, в торжественные залы.

Бельэтаж под вязью железных стропил и кровли, под цельными кирпичными сводами, заключает в себе смелость размеров и великолепие украшений, поражающих чувства.

1. *Георгиевская зала.* Это святилище ордена Св. Георгия Победоносца, покровителя Москвы, которого лик

носит она в гербе своем со времен основания. Эта зала исполинов – 28 саж. 1 ар. 7 верш. длины, 9 саж. 2 ар. ширины и 8 саж. 11 верш. высоты; окна в два яруса. 18 столпов в простенках воздымаются до верхнего яруса окон и составляют подножия статуй.

Стены залы белые матовые. В простенках верхнего яруса и на золотых дверях с золотыми орнаментами изображены знаки военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденного 26 ноября 1769 года императрицею Екатериной II с девизом «За службу и храбрость».

Георгиевская зала находится на самом том месте, где в древности стояла Средняя золотая палата, которая в правительственном значении была верховным советом и судом. Соответственно этому значению на стенах ее, расписанных по золоту, было изображение Страшного суда. Среди потолка, в кругу, Эммануил на радуге; в одной руке держал Он потир (чашу), в другой палицу (скипетр); под стопами Эммануила раздвоенные облаками врата; при них ангел со скипетром и свитком, человек-странник с посохом, а внизу ад в виде извивающегося змия.

Надписи:

«Узким бо путем вводятся души праведных в Царство Небесное».

«Широким бо путем вводятся души грешных во врата лютого ада».

Все прочие изображения также напоминали и суду и подсудимому последний день Страшного суда.

2. *Александровская зала.* Основана в честь ордена Св. Александра Невского, учрежденного императрицею Екатериной I по предначертанию Петра Великого в награду трудов для отечества. Длина залы – 14 саж. 2 арш. 3 вер., ширина – 9 саж. 2 ар., высота – 9 саж. 2 арш. 3 вер.; стены под цвет орденской ленты с богато вызолоченными укра-

шениями скульптурной работы. На серебряных дверях с накладными золотыми орнаментами – орденские ленты и звезды. На месте этой залы и в том же направлении стояла Набережная, или Посольская, Ответная палата, существовавшая со времени Иоанна III до Елисаветы. По представлении послов цари и великие князья отпускали их от себя в эту палату, где и выслушивались посольские дела и давались царские ответы на словах или письме боярами, назначаемыми царем в ответные.

3. *Андреевская зала* – тронная его императорского величества. Основана в честь ордена Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 году Петром I с эпитафией, означенным четырьмя золотыми латинскими буквами на оконечностях креста: S. A. P. R. (Sanctus Andreas patronus Russia) – Святой Андрей, покровитель России. Длина залы – 22 саж. 2 арш., ширина – 9 саж. 2 арш., высота – 8 саж. 15 верш. В соответствии цвету орденской ленты стены голубые с золотой отделкой столпов, простенков, карнизов и потолка; в вышине, между окнами второго яруса, Андреевская цепь и знаки большого креста. Двери золотые с накладными орнаментами и изображениями орденских знаков. У южной стены великолепный императорский трон в древнем вкусе.

4. *Кавалергардская зала*.

5. *Екатерининская зала* – тронная ее величества – основана в честь ордена Св. великомученицы Екатерины и великолепно украшена орденскими знаками, на которых слова «Боже спаси царя»¹¹ напоминают молитву Екатерины I и всего народа во время опасности, которой подвергался Петр I на берегах Прута в 1711 году. Длина залы – 9 саж. 2 арш. 10 верш., ширина – 6 саж. 1 арш. 10 верш., высота – 4 саж. 15 верш. Блистательный трон императрицы помещается между двумя столпами, поддерживающими свод залы.

6. *Диванная.*

7. *Парадная опочивальня.* В ней замечательны по своей редкости две колонны из цельных стержней мрамора *verd antique** с богатой позолотой капители и украшений.

Отсюда, через боковые комнаты, выход в коридор и зимний сад¹², устроенный над переходным корпусом в предполагаемые апартаменты их высочеств¹³ и в *Теремный дворец через церковь Рождества Богородицы.*

Этот храм построен великой княгиней Евдокией, супругой Дмитрия Донского, в 1392 году, на месте бывшей деревянной церкви Воскресения Лазаря, обращенной в приделе. После пожара в 1473 году, истребившего весь двор царский, при постройке нового каменного и церковь Рождества Богородицы, бывшая на сених деревянных царицыных хором, поднята в уровень с сенями кирпичного здания и сооружена над древними белокаменными сводами церкви Св. Лазаря.

Храм Рождества Богородицы был приходской церковью великих княгинь и цариц; здесь по истечении шестинедельного срока после родов они брали молитву и в это время садились в обширной трапезе (где изразцовая печь с лежанкой) и сквозь отверстие окно в церковь слушали божественную службу. Все местные образа иконостаса были украшены трудами их – ризы шиты золотом и унизаны жемчугом и драгоценными камнями. Позади правого крылоса стоял царский их престол. Северные двери храма Рождества Богородицы ведут в коридор теремный, который некогда составлял так называемые постельные сени постельных палат или жилых покоев великих княгинь. Этот ряд комнат по коридору в новейшие времена стал называться фрейлинским, по случайному помещению в них фрейлин в 1817 году.

На северной оконечности коридора, ведущего к сходу в храм Успения, поворот влево в *дворцовую церковь Св. Великомученицы Екатерины, что на Царицыных Сених*¹⁴.

* Зеленый серпантинизированный мрамор (фр.).

В иконостасе храма, который, без сомнения, основан также св. великой княгиней Евдокией, супругой Дмитрия Донского, находятся две местные иконы: св. Евдокии и св. Екатерины; отчего в старину этот храм носил название церкви Св. Евдокии. В числе древних образов замечателен лик св. Иосифа, индийского царевича.

Драгоценный, осыпанный бриллиантами венец образа св. Екатерины, который считался пропавшим во время нашествия французов, обретен ныне между старыми церковными вещами в храме Спаса на Бору.

Почти все, упоминавшие в описаниях Кремля о церкви Св. Екатерины, определительно говорят, что она переименована из церкви Св. Евдокии царем Алексеем Михайловичем в 1660 году во имя новорожденной царевны Екатерины; но это ошибка. В указе 1626 года царя Михаила Федоровича упоминается о церкви Св. Екатерины, что на Царицыных Снях; в разряде свадьбы царя Алексея Михайловича в 1648 году также о ней уже упоминается.

Против западных дверей храма, за переходом, *Золотая меньшая, или Царицына, палата*. Здесь принимали царицы в торжественные праздники святителей и всех представляющихся им. В значении судейского стола эта палата была расправная палата спорных или тяжёбных дел. Сопутствовавший Константинопольского патриарха Иеремию, поставившего первого русского Патриарха Иова, архиепископ Элласонский Арсений описывает древнее великолепие этой палаты, которой своды и стены были покрыты золотом и мусией (живописью), окна украшены богатыми завесами, пол устлан коврами с изображениями ловли; золотые и серебряные изваяния утвари представляли зверей и птиц; на своде висел металлический лев и держал драгоценное паникадило в виде свившегося в кольцо змея.

Древняя живопись, подновленная при Алексее Михайловиче и в коронацию императора Павла, по сие время представляет лики и подвиги святых и великих жен:

обретение животворящего Креста царицею Еленою, крещение великой княгини Ольги, легенду о царице Динаре, дочери иверского царя Александра, воевавшей с персами, и проч.

В 1450 году митрополит Иона выстроил палату каменную, в ней же, как говорит летопись, *церковь Положение ризы Пресвятой Богородицы*. По положению этой церкви, примыкающей к Меньшей золотой палате, должно полагать, что эта палата есть именно та, которую построил Иона, и это тем более достоверно, что своды ее, укрепленные железными связями стен, принадлежат к роду древней русской каменной постройки, а не к постройке Алевиза, которого своды Грановитой палаты гораздо обширнейшие, без наружных связей и перекладин.

Из золотой Царицыной палаты был выход в сени ее, и из сеней на площадку постельного крыльца, которая называлась впоследствии Боярской площадкой. Отсюда вход в сени перед Грановитой палатой. Они называются Святыми сенями, по бывшим на стенах святым изображениям. Между прочим у входа было представлено видение Иисусом Навином Архангела Михаила, который говорит ему: «Изуи сапог свой, ибо место сие свято».

Грановитая палата. В древности царские престольные или столовые палаты назывались гридницами или гриднями, в значении малый град (citadelle). Здесь совершались торжества восшествия на престол и свадебные, здесь принимались и угощались послы иноземные, духовенство, бояре и гости (convives). Древнюю гридню в Москве заменила Грановитая палата. Она называлась первоначально просто *Большой палатой*. В 1547 году, при царе Иоанне IV, после пожара в Кремле, она возобновлена вместе со всем дворцом, и с этого времени приняла название Большой золотой и Грановитой палаты; потом при царе Федоре Иоанновиче – большой золотой подписной палаты, т.е. украшенной живописью по золоту.

Из описания золотых палат, составленного в 1672 году по повелению царя Алексея Михайловича, видно, что на сводах и стенах Грановитой палаты были изображены: Господь Саваоф, творение ангелов и человека, события из истории Ветхого Завета, разделение вселенной между тремя братьями и разделение Руси между тремя сынами Владимира Святого, изображенными в митрах, в одеждах камчатных с оплечьями (бармами) и золотыми поясами; лики Ярослава Великого, Всеволода I, Владимира Мономаха в царской утвари, сына его Георгия – основателя Москвы и родоначальника московских князей – Александра Невского, Даниила, Иоанна I, Дмитрия Донского и всех преемников его, до Феодора Иоанновича, сидящего на троне в венце, в порфире с нараменником, в жемчужном ожерелье со златою цепью на груди, со скипетром и державой в руках; у трона его изображен был Борис Годунов в шапке-мурманке и в верхней золотой одежде на опашку.

Маскевич, живший в Москве во время нашествия поляков в 1611 году, упоминает об этой же самой живописи Грановитой палаты и между прочим говорит: «Печь устроенная под землей, с душниками для нагревания комнат».

Древняя живопись стен Грановитой палаты издавна уже не существует; теперь стены ее обтянуты малиновым бархатом с золотыми орлами и гербами царств и княжеств, из которых образовалась единая и нераздельная Россия. На том месте, где был престол великокняжеский и царский, ныне трон императорский.

В этой палате в течение пяти столетий много совершилось торжеств венчания на царство, бракосочетания, приема послов от христианских держав, празднеств побед и воспоминаний священных, царских и народных; три раза видела в себе Грановитая палата и незваных гостей; но им худо в ней погостилось.

Грановитая палата соединялась так называемым *Красным крыльцом* с папертью Благовещенского собора,

через которую был общий ход; красная же лестница, с южной стороны палаты, была царской, подобно священной лестнице в чертогах греческих царей. Кроме этих двух восходов со стороны площади на Красное крыльцо, между ними, посредине, была третья лестница, для иноверных послов и гостей.

Перед венчанием на царство великие государи цари вступали в Грановитую палату и отсюда посылали на Казенный двор за животворящим крестом, св. бармами, царским венцом и цепью, присланными греческим императором Константином Мономахом внуку своему Владимиру Всеволодовичу и которыми со времени его венчались все великие князья и цари русские. По принесении *царского чина* (регалий) с казенного двора крест, св. бармы, венец и скипетр торжественно несли митрополиты и архиепископы на золотых блюдах, покрытых пелену, унизанною драгоценными камнями, в Успенский собор, при звоне благовестных колоколов, куда следовал и сам царь к венчанию.

Торжественные приемы послов от христианских держав совершались в Грановитой палате; но вторые, отпускные приемы, в Средней золотой, где представлялись царю и послы иноверные – персидские, ногайские и проч.

Из Грановитой палаты через Святые сени вступаете во *Владимирскую залу*, вновь построенную в честь ордена Св. Владимира (учрежденного императрицей Екатериной II в 1782 году) на части Боярской площадки, прилегавшей к Святым сеням. Эта зала соединяет старый дворец с новым, и в соответствии этому соединению живопись ее знаменует переход от древнего стиля к новому.

Из Владимирской залы выход на лестницу к *Спасу за Золотой Решеткой* и галерею, ведущую в Тайник, покой над Святыми сенями, где в старые времена, у окна в Грановитую палату, царское семейство присутствовало за занавесью во время торжественных приемов и угощений послов.

Выход из тайника ведет на площадку, которая прежде ограждена была со стороны бывшего восхода с Боярской площадки золотой решеткой; почему и древняя придворная церковь называется *Спас за Золотой Решеткой*, или *Спасский собор, что Вверху, за Золотой Решеткой нерукотворного образа Спасова*.

Этот собор составляет верхний ярус над меньшею золотою палатою и построен Иоанном III в одно время со всем дворцом во славу Нерукотворного Образа Спаса, перенесенного некогда из Одессы в Константинополь и потом царевною Софией, супругой Иоанна, в Москву.

Придел же храма сооружен во имя Иоанна Предтечи, тезоименитого ангела Иоанну III.

Одиннадцать золотых глав с украшениями древней мусии венчают собор, образуя общую кровлю над церковью *Словущего Воскресения*, составляющей верхний ярус храма Св. Екатерины, и над приделом *Распятья Господня*.

Это были храмы молитв семейства царского – царевичей и царевен.

Церковь Словущего Воскресения возобновлена в древнейшем вкусе резьбы и разноцветной позолоты. Огромное паникадило, в шаре которого были часы, висит на своде. В иконостасе древняя икона Полоцкой Божией Матери, привезенная царем Алексеем Михайловичем из завоеванного Полоцка.

Выходя из церкви Словущего Воскресения на паперть, образующую коридор, нельзя не обратить внимания на дверь вправо, на лестницу вниз, и на окно, находящееся против дверей. Отсюда, как с незаконного величия, упал в прах Дмитрий Самозванец.

По известиям современников его Маржерета, Бера, Паерле и прочих, когда народ вломился с площади во дворец, самозванец бросился в каменный дворец, в терем, где жила Марина, его молодая жена, занимавшая покои цариц; отсюда пробежал он в верхний этаж к стороне умывальни,

надеясь, без сомнения, малым сходом вниз (лестницей при церкви Словущего Воскресения)¹⁵ сбежать на *сытный двор*, но и этот выход был уже занят, и Лжедмитрий как вошел не путем в хоромы царские, так и вышел из них не путем – он выскочил на *сытный двор* в окно.

От церкви Словущего Воскресения, вступая в коридор, называемый ныне *чугунным*, но который некогда составлял сени верхнего яруса здания Иоаннова, или жилых покоев царевен, вы поднимаетесь налево по лестнице в терем, надстроенный царем Михаилом Федоровичем для сыновей своих, царевичей Алексея Михайловича и Иоанна Михайловича, в 1636 году. Это царские хоромы, или жилые покои русских царей в XVII веке, единственный памятник и образец древней религиозной жизни. Это подобие храма, где свято совершались по закону обряды жизни. Со времен нового дворца Елисаветы терем был в полном забвении; еще полстолетия без поддержки, и он был бы в развалинах, но государь император Николай I почтил обитель предков своих правом святыни нерушимой. Она, можно сказать, восстановлена навеки. Возобновление исполнено гофмаршалом бароном Л. К. Боде со строгою отчетливостью против уцелевших образцов украшений и древней утвари царской, соответственно господствовавшему вкусу времени царя Михаила Федоровича¹⁶.

Вступая в ряды покоев, предназначенных им для своего наследника, вы припоминаете расположение храма, трапезную или столовую, соборную или гостиную и престольную; за ними, как бы в приделе, опочивальню и образную. Живопись стен храмовая, как золотая парчовая риза со святыми изображениями, разводами, узорами и источниками. Здесь, в престольной палате, у красного окна, подле которого царское место, был устроен опускавшийся вниз ларец для просьб прямо в руки царю от беспомощных, и Алексей Михайлович посвящал утренние часы милосердию¹⁷. В образной, или молельне царской,

замечательны древние образа, складни и кресты. Эта святыня издавна составляла родовое наследие и благословение великих князей русских. Ветхость некоторых из этих икон свидетельствует глубокую их древность. Разные драгоценные вещи, принадлежавшие царю Алексею Михайловичу, и золотая и серебряная посуда наполняют створцы, находящиеся в тронной, в трапезной и в боковом покое; словом, здесь все старое по-старому, как было при прежних хозяевах – родоначальнике Михаиле и сыне его Алексее, переселившихся на вечный покой под кров Архангела Михаила.

Из бокового покоя, в стороне от тронной, всход по круглой лестнице *на вышку*, или верхний этаж терема, составляющий один покой, теремную *горницу* с башенкой, или *фонарем*, с южной стороны. С открытой площадки вышки некогда за твердынями Кремля взор обнимал просторную Москву, обнесенную каменными стенами и стрельницами Китай-города, Белого города или Царьгорода и дубовой стеной Скородома.

Между бесчисленными возвышающимися главами и колокольнями сорока сороков церквей тянулись по всем направлениям улицы, переулки и тупики с рядами деревянных домов, перемежающихся садами и заборами. Нет счету, сколько раз от основания своего Москва выгорала дотла, и снова быстро возникала из праха, и разживалась с новым бесстрашием к пожарам. Привычка жить в деревянных строениях была так велика, что еще великий князь Михаил Федорович, считая каменные здания вредными для здоровья, жил в деревянном дворце. Из белого камня строились только церкви и ограды; обжигание кирпича не было в употреблении. Богатство в строевом лесе, скорость постройки, заветное хранение обычаев предков долго были причиною, что народ русский считал кирпичные европейские здания тюрьмами. Царь Иоанн Васильевич III, вызвав иностранных архитекторов для строения

храмов и стен кремлевских, после пожара в 1473 году построил новый двор для себя *деревянный* на новом месте, за Архангельским собором, на площади, на Ярославичевском дворе. Этот дворец строили архитекторы Марко и Петр; в 1491 году он был кончен. В 1493 году, после нового пожара, новый деревянный дворец уцелел; но в июле из Заречья перебросило огонь в Кремль, на Подол, где были житницы царские, и старый и новый двор великокняжеский и митрополичий двор сгорели, а также сгорела и опала церковь Иоанна Предтечи с находящеюся под нею казною великой княгини Софии. После этого несчастного истребления почти всей Москвы началась уже постройка кирпичных палат на старом дворе у Благовещения и кончилась в 1508 году, при великом князе Василие Иоанновиче, который и перешел в них жить.

С этого времени постепенно стала истребляться и древняя архитектура русских царских и боярских домов. Последним образцом ее, кажется, был деревянный дворец Коломенский, который еще памятен некоторым. Это была хитро срубленная изба с избушками и горницами, под навесами кровли в виде теремков, крытых чешуйчатым гонтом. Здание украшалось резными бахромчатыми подвесками, было не великолепно, но нарядно по-русски и смотрело весело.

Сходство древней Москвы с современной сохранилось только в общих чертах, подобно наследственному сходству потомка с предками. Некогда по числу башен на оградах московских можно было назвать ее стовратной.

На окружении, где была стена Белого города, тянутся ныне бульвары. Места, где были ворота, сохранили свои названия, кроме Чертольских ворот (близ Зачатейского монастыря); по сие время вам известны ворота: Пречистенские, Арбатские, Никитские, Тверские, Дмитровские (где Сенная площадь), Петровские, Сретенские, Фроловские (Мясницкие), Покровские и Яузские.

По окружению *скородомной* деревянной стены с деревянными башнями и воротами тех же названий тянется теперь *Садовая улица*.

Стена замоскворецкая шла от Крымского брода (названного по Крымскому двору, бывшему за рекой) через Калужские ворота к Краснохолмскому мосту. Река Неглинная обтекала Кремль по северо-западу и, наполняя широкий ров от Неглинной (ныне *Арсенальной*) башни до впадения в Москву-реку между Свибловской стрельней Кремля и Москворецкими воротами Китай-города, образовала остров из высот Кремлевских¹⁸.

За Москвой-рекой, по набережной, от Москворецкого плавучего моста до Каменного, был *Царицын луг и сад*, основанный царем Иоанном Васильевичем после Великого московского пожара на месте бывших обывательских домов.

Старый каменный, или *Всесвятский*, мост со стороны Белого города был защищен предмостной стрельницей, называвшейся *Троицкими воротами* (Белого города); а со стороны Замоскворечья были *Всесвятские ворота* с двумя башнями, совершенно сходные с Воскресенскими.

На мосту были крытые лавки, под мостом мельницы. При Боровицком мосте и при впадении речки Неглинной в Москву-реку также мельницы, а пруд назывался *Лебединым*.

От Боровицкого моста до Троицкого, по правому берегу Неглинной, был сад царский, называвшийся впоследствии *Аптекарьским*, за ним *Стрелецкая слобода*, которая тянулась по Сдвиженке. По преданию, на месте пустыря, принадлежащего ныне К. Долгорукову, был дворец царя Иоанна Васильевича.

На всем пространстве, занимаемом теперь *Воспитательным* домом, был *Царев сад* на *Васильевском лугу*.

Осматривая Москву, можно по воспоминаниям, связанным с ее урочищами и зодчеством, пройти по эпохам

истории Русского царства. Любознательность с трудом расстанется с площадкой теремной вышки.

Возвращаясь через столовую, где, по старому выражению, *пел у Царя* иногда только Патриарх, где подавались на золотой посуде более ста различных блюд и разносились в кованых кубках русские меды и фряжские вина; откуда царь посылал подачку со стола заслуженным боярам и любимцам своим, вы пройдете в боковую комнату и спуститесь в *портретный коридор* (названный так по находящимся на своде изображениям царского рода Романовых, начиная с родоначальника Филарета Никитича). Здесь ходили некогда из своих покоев русские великие княжны и царевны молиться Богу в их домовую *церковь Крестовоздвижения и Распятия Господня*. В этой маленькой церкви весь иконостас трудов царевен, ризы шиты по разноцветному атласу золотом и жемчугом. Придел *Распятия Господня* составляет укромное место молитвы с левой стороны церкви, огражденное иконостасами в створцах под слюдой. Отсюда за резной узорочной дверью (древней работы) выход на хоры церкви Словущего Воскресения.

Возвращаясь к *чугунному коридору*, который составлял в старину, как мы уже сказали, сени обители семейства царского, вы повернете на южной оконечности коридора на каменную лестницу, вновь устроенную в 1837 году для стороннего входа в терема. Спустившись вниз, темный коридор направо ведет в *церковь Воскресения Лазаря*. Это древний памятник русского белокаменного зодчества. В летописях под 1339 годом упоминается уже об этом храме; но до 1392 года он был деревянный. В этом году великая княжна Евдокия, супруга великого князя Дмитрия Донского, построила церковь Св. Лазаря каменную, но уже приделом к храму Рождества Богородицы, находящемуся над нею.

С неизвестного времени храм Воскресения св. Лазаря был оставлен, запустел под спудом здания, завален и застроен. Только в летописях хранилась о нем память.

При исправлении теремного здания в 1837 году и пролома стены по случаю построения новой лестницы он обретен, с уцелевшей внутри надписью на стене: «Ангел Господен трубит на землю», и возван волею ныне царствующего императора Николая I к бытию, как праведный Лазарь из гроба.

Выходя из церкви Св. Лазаря под открытое небо, вы видите низменный храм, обнесенный со всех четырех сторон зданием древнего и нового дворца. Это собор *Спаса Преображения*, издревле на *Царском дворе*. Это рассадник того необъятного царства, которого границы обнимают целую треть всего земного материка. За 700 лет на этом месте был дремучий бор, и потому существовавший здесь искони *монастырь Спаса*, о котором упоминают летописи под 1318 годом, принял название *Спаса на Бору*, точно так же как и древняя церковь *Иоанна Предтечи* близ Боровицких ворот носит название *Иоанн Предтеча, что на Бору*. В 1330 году Иоанн Данилович Калита по перенесении столицы из Владимира в Москву построил храм Спаса каменный и перевел в него архимандритию из Даниловского монастыря, основанного на берегу Москвы-реки его отцом. Иоанн III при постройке каменного двора перенес обитель Спасскую на новое место на Москве-реке, где она и ныне под именем Новоспасского монастыря; соборный же храм Спаса вместо оград и келий монастырских оградился царскими палатами.

В этом соборе покоятся мощи епископа Стефана, самоотверженно проповедовавшего христианскую религию дикому народу Перми, и здесь была усыпальница великих княгинь до Евдокии, супруги Дмитрия Донского, построившей монастырь Вознесенский.

Замечательны иконы собора: *образ Преображения*, ограждавший некогда крестным ходом смиренную обитель посреди леса, на крутом берегу Москвы-реки, при устье Неглинной; потом княжеский двор Георгия Влади-

мировича в 1156 году, Владимира Всеволодовича в 1212-м, Владимира Георгиевича, Михаила Ярославича, Даниила Александровича, великого князя Георгия Даниловича, основавшего пребывание в родовом городе Москве; и наконец столицу великокняжескую со времен Иоанна Даниловича Калиты. Здесь хранится древний драгоценный оклад с образа *Спаса Нерукотворного*, которым Фома Палеолог благословил дочь свою Софию Фоминичну, супругу Иоанна III, а также венец с образа св. Екатерины. Кроме того, образ *Сретения Господня* из Сретенского собора, бывшего на государевых сенях, образ Похвалы Богородицы из храма *Похвалы Богородицы*, находившегося па Потешном дворе, наверху.

Обозрение древнего и нового царского двора заключается упоминанием о *древнем запасном дворе* или дворце, которого трехэтажное здание спускалось с горы, от угла набережной палаты и церкви Иоанна Предтечи (смотри план и изображение древнего Кремля), Кровля его составляла продолжение площади сеней дворцовых, открытую галерею и террасу, на которой был верхний сад, подобие висячих садов Семирамиды, или римских *Horti pensiles*. Нижний же сад лежал по скату горы, против самой набережной палаты.

На так называемом *Подоле*, или подгорной части Кремля, был *житный двор* царский близ церкви *Благовещения*, что на *Житном дворе*, существующей и донныне подле стены, между Тайницкими воротами и Водовзводной башней.

На том месте, где ныне *конюшенный двор*, был и древний конюшенный дворец, потом приказ, а при царе Федоре Алексеевиче – *аргамачный двор*¹⁹.

На месте строения, которое составляет теперь Кавалерский корпус, было отделение старого дворца, в котором также жило царское семейство. Оно разобрано за ветхостью в 1809 году; но многие еще помнят находившуюся в

этом отделении *Золотую Ольгину палату*, расписанную по золотому полю изображениями происшествий из жизни предтекущей христианской земли: отправления ее в Царьград, крещения, сооружения храмов, принятия послов и проч. Крытые сени этого здания соединялись с постельными сенями при церкви Рождества Богородицы; линия здания сворачивала к церкви, находившейся на сенях, и потом соединялась со зданиями древней митрополии, образуя таким образом двор, заключавший в себе дворцы *сытный*²⁰, *кормовой* и *хлебный*.

На *сытном дворе* хранились вина, сладкие водки, мед, пиво и различные варенья на патоке.

На *кормовом* была *поварня* стола царского, все, что относилось до *варива* кушанья.

На *хлебном* – все, что относилось до печенья: калачи, караваи, пироги, оладьи и вообще хлебное и пирожное. С этих дворов отпускалось на подворья царское кормовое жалованье призвавшим в Москву послам и гостям.

Против Ольгиной палаты здание Ордонанс-гауза, принадлежало некогда боярину Милославскому, тестю царя Алексея Михайловича, и здесь был *Потешный дворец*. Это первый театр в России²¹. Царь Алексей Михайлович в числе художников и ремесленников выписал и труппу комедиантов. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев был правителем театра, и его дворовые люди были первыми учениками театрального искусства, музыки и танцев. В рязрядных книгах 1676 года упоминается: «Была комедия в Преображенском: тешили Великого Государя иноземцы, как Иудифь Алаферну голову отсекала; и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича Матвеева». Или: «Тешили Великого Государя на заговенье немцы и люди Артамона Сергеевича на органах и виолах, и на инструментах, и танцевали, и всякими потехами разными». Таким образом, с этого времени проявились у нас на Масленице, по

прозванию народному, *голландские шуты и машкары*. Чисто русские удовольствия Масленицы были: катания с гор, хороводы, игры с подблюдными песнями и гаданья, и все эти удовольствия клонились к сватовству, чтоб после Великого поста сыграть на *Красной горке*²² свадьбу.

В исходе XVIII столетия в Потешном дворце помещалась Кремлевская экспедиция, переименованная в 1831 году в Дворцовую контору, которая, составляя ведомство Московского Дворцового управления, помещается ныне в здании Сената и имеет при себе Московское Дворцовое архитектурное училище.

III. Малый Николаевский дворец

Пространство, занимаемое дворцом, принадлежало некогда Чудову монастырю; при императрице Екатерине построен был на этом месте для преосвященного Московского дом, освятившийся жизнью митрополита Платона. К приезду блаженной памяти государя императора Александра Павловича в 1817 году со всею Царскою фамилиею на пепелище Москвы, чтоб воссоздать Москву, дом преосвященного отделан был для помещения его высочества великого князя Николая Павловича с молодой супругой, и в том же году ознаменовался рождением первенца – великого князя Александра Николаевича. С тех пор этот дом принял название Николаевского дворца и составляет во время приездов государя императора его величества хоромы, без особенной роскоши и великолепия, куда соорудится и освятится новый дворец Кремля Московского. Против угла дворца, на площади, было некогда Татарское подворье, на месте которого впоследствии церковь Николы Голстунского; рядом с Татарским подворьем подворье и монастырь Крутицкий; а подле Спасских ворот – Кириловское.

Сенат

Московские департаменты Правительствующего Сената до 1790 года помещались в императорских палатах, построенных при императрице Елисавете Петровне; между тем как для них созидалось уже с 1771 года то величественное здание, в котором они теперь. Строение производилось по фасаду и планам известного архитектора Казакова и заняло место бывших между Никольскими воротами и Чудовым монастырем следующих древних зданий: *Симоновского двора* с церковью Введения Пресвятой Богородицы и каменной палатой, построенного в 1491 году; *Новгородского подворья*, двора князя Трубецкого (1626 года); конюшенного двора Чудова монастыря; церкви Филиппа Митрополита и церкви Козьмы и Демьяна.

Арсенал

Арсенал, или Цейггауз, заложен Петром Великим в 1702 году на пространстве, занимаемом в старину стрельцким *Лыкова двором*, подворьем *Рождественского Владимирского монастыря*, церковью *Входа во Иерусалим*, двором боярина Фед. Ив. Шереметева (в 1626 году) и двором князя Ивана Голицына (1626). Строение кончено было в 1736 году, в 1812 году бóльшая половина со стороны Никольских ворот подорвана французами²³. Окончательное исправление, внутренняя отделка и необъятный запас оружия и военной аммуниции принадлежит заботливому царствованию императора Николая I. Двухсоттысячная армия пехоты и кавалерии может облечься здесь с головы до ног во всеоружие и выйти под новыми знаменами в поле. Устройство и порядок расположения необъятного количества аммуниции и оружия не имеют себе подобных. Тут, как основное знамя русской славы, хранится знамя Петра Великого с его портретом в гербе империи; кроме того,

много ветхих древних знамен полков российской армии, знамен турецких, и между прочим знамя и пищали Пугачева. Вокруг Арсенала на гранитном возвышении лежат рядами потухшие громы Наполеона – более 800 орудий всех народов, составлявших армию французскую.

Монастыри

Чудов монастырь основан в 1365 году св. Митрополитом Алексием при заложении храма *Чуда Архангела Михаила в Хонех*; причем построена и трапезница каменная. Церковь Чуда перестроена в 1501 году; а храм Св. Алексия Митрополита создан для обретенных в 1439 году мощей его архимандритом Геннадием в 1483–1485 годах. В 1535 году св. мощи положены в серебряную раку, устроенную великим князем Василием Иоанновичем; а в 1686 году перенесены из старой трапезной церкви и поставлены между новосозданными рядом церквями Благовещения Пресвятой Богородицы и Св. Алексия. Первая составляет отделение женское, вторая – мужское. В Чудове монастыре издревле совершалось крещение великих князей и царевичей. В 1629 году крещен здесь царь Алексей Михайлович, в 1672-м – Петр Великий, а в 1818 году – государь наследник цесаревич Александр Николаевич. По освященному обычаю святитель Алексей был истинным восприемником царственных младенцев от купели, и на его лоно полагались они. Государя наследника и цесаревича Александра Николаевича передавала святителю сама бабка его, императрица Мария Федоровна.

Трофеи персидской войны, знамена и ключи от покоренных крепостей государь император посвятил святому восприемнику сына своего.

Не более двух лет, как храм Св. Алексия обновлен; вместо тяжелого иконостаса в виде горы или облака, над которым возвышалось распятие, сделан блестящий серебря-

ный иконостас; вместо померкшей живописи – прекрасная живопись альфреско.

Вознесенский девичий монастырь основан супругой великого князя Дмитрия Иоанновича Донского, Евдокией, в инокинях Евфросиньей, в 1398 году; в 1518 году, при великом князе Василии Иоанновиче, церковь Вознесения по ветхости была разобрана и перестроена, а в 1721 году, по повелению блаженной памяти императора Петра, возобновлены здания монастыря. Вознесенский храм со времени Евдокии был усыпальницей великих княгинь и царевен. В нем под спудом покоятся мощи св. Евфросиньи, двенадцать гробниц цариц, пять гробниц великих княгинь, шестнадцать гробниц царевен, гробница великой старицы Иулиании, матери царицы Анастасии Романовны, супруги Иоанна IV, из рода Захарьиных, и несколько гробниц рода Салтыковых.

Церкви при монастыре: *Преподобного Михаила Малюна и Великомученицы Екатерины*, последняя перестроена в готическом вкусе в царствование императора Александра.

Кроме того, в древности были на монастыре церкви, обращенные в приделы: Великомученика Георгия, Великомученика Дмитрия Селунского, Св. Феодора и Казанской Богородицы.

Колокольня Иван Великий была издревле общей колокольной храмов кремлевских. Первоначально создана в 1329 году великим князем Иоанном I Даниловичем Калитой с церковью во имя *Св. Иоанна Лествичего*, или *спасателя, лествицы*, на память рождения сына Иоанна в день, празднуемый сему святому. В 1508 году эта церковь, называвшаяся *Иоанн Святый иже под Колоколы*, перестроена Алевизом при великом князе Василии Иоанновиче. Колокольня же в том виде, как она есть, довершена постройкой во второе лето правления Бориса Годунова и, без сомнения, начата в царствование боголюбивого и богомольного Феодора Иоанновича. Таким образом, рас-

пространившееся предание о постройке этой колокольни Борисом Годуновым во время голода, для прокормления народа, есть мнимое. Колокольня кончена в 1600 году²⁴, за год до неурожайного года (1601) и за два и более до совершенного голода или *меженины*, когда Борис, по преданию, основанному только на нижевыписанных²⁵ строках летописи Никоновской, предпринял каменное дело для пропитания рабочего народа в Москве.

На этой колокольне некогда висел 7000-пудовый *Царь-колокол*, называвшийся также *Старым Успенским* и *Воскресным*. В 1736 году он перелит в 12 000-пудовый, но в 1737 году во время пожара отбило брусом от края его глыбу. В 1836 году, по повелению государя императора Николая I, он изъят из литейной ямы, в которой оставался в продолжение ста лет, поставлен при колокольне на гранитном подножии и осенен крестом.

Замечательны также были на этой колокольне три древних колокола *корсунских*; но они также перелиты после пожара. На большом надпись: «Божиею милостию, повелением Царя и Государя В. К. Ивана Васильевича всея России Самодержца, перелить сей бысть колокол корсунской, лета 7067 (1559); переливал мастер Нестер Иванов сын Исковитинов; весу 40 пуд». Может быть, это были памятники взятия Корсуна (Херсона) Владимиром в 988 году, когда он вывез оттуда два медных капища (бюста) и четыре медных коня. Но вероятнее, по незнанию литейного искусства колокола для храмов киевских в древности выписывались из Херсона.

Оружейная палата. Это здание построено при Императоре Александре в 1806 году на месте бывшего Троицкого подворья. Здесь хранится драгоценная утварь древней *царской казны*, доспехи и оружие старых времен.

Отчетливое описание сокровищ этого русского музея составляет вторую часть «Достопамятностей Московского Кремля».

На устроенной гранитной платформе при Оружейной палате стоят с 1833 года на чугунных лафетах древние громадные орудия. На правом углу *Царь-пушка*, вылитая в 1586 году, при Феодоре Иоанновиче, русским мастером Андреем Чоховым; весу 2400 пуд. На левом углу пищаль в 779 пуд. Для пищалей Аспида, Троила, Гамаюна и проч. изготавливаются также чугунные лафеты.

Эти древние орудия стояли некогда на устроенной батарее против Константино-Еленинских ворот, через которые в старину русские войска выходили на защиту отечества.

МОСКОВСКАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

Вступление

Московская Оружейная палата есть хранилище драгоценных остатков так называемой в древности *Большой казны*, которая искони заключала в себе заветную святыню, наследственные сокровища и движимое богатство государей русских, состоявшие в серебре, драгоценных камнях, мехах, жемчуге и в различных изделиях, русских и иноземных.

Торговые сношения Древней Руси, как посредницы между Европой и Азией, с Индией, с Персией, с Арменией и Грецией скопляли у князей и бояр невероятные богатства¹, у народа во всем избыток. Родственные связи и отношения обобщали взаимно тогдашние ремесла, искусства и художества. Иноземцы сравнивали Новгород с Римом², Киев с Константинополем³; до XIII века Русь шла наравне с гражданским просвещением Европы, с тою только разницею, что Западу служил образцом Рим, а Руси – великолепный Константинополь, с которым она была в ближайшем сношении, как по вере и соседству, так и по родству

великих князей с императорами. Борьба исламизма с буддизмом на Востоке и участие в этой борьбе кавказских владетелей, союзных с русскими князьями, имели последствием известное нашествие орд прикаспийских на Россию. В течение трех веков Западная Европа даже забыла о существовании Руси, которая стала для нее продолжением степей так называемой в ученном мире Татарию. Посольства Западной Европы, которых постоянной целью были сокровища Азии, обратились за правами на торговые сношения не к Киеву уже, а в военные станы ханов, продолжавших распри. Между тем коренная Русь сосредоточилась в Москве и победой великого князя Дмитрия Донского положила предел ордынскому игу, во время которого иссякли богатства, огрубела жизнь и посреди внешней и внутренней борьбы обратилась в военно-кочевую. Мало осталось памятников древнего русского быта после этого разгрома; независимость государства возникла только ко времени Иоанна III; низвержением орды им возвращен титул царя; к нему стали стекаться отовсюду посольства и сокровища.

Со времен Иоанна III, восстановившего рушенные ограды и царства, и царского двора, *Большая казна* помещалась между соборами Архангельским и Благовещенским, в каменном здании под пирамидальной кровлей, с двумя окнами на дворцовую площадь. Называясь со своими принадлежностями *Казенным двором*, оно примыкало к соборам каменными оградами и стояло до пожара в 1737 году.

В состав государевой Большой казны на Казенном дворе входили:

1. Царская образная.
2. Царский чин, или регалии большого наряда и разных нарядов с принадлежностями и украшениями.
3. Царская столовая и вообще домовая утварь – золотые и серебряные сосуды и разные вещи.

Чтоб дать понятие о сокровищах древней царской кремлевской казны, выпишем слова очевидцев за 250 лет: «Имев

честь неоднократно сопровождать Дмитрия Иоанновича в кладовые, где хранятся сокровища, – пишет Маржелет, – я видел в этой казне до пятидесяти царских облачений, вышитых вместо позумента драгоценными камнями. Видим одежды, унизанные жемчугом сверху донизу, с полдюжины покрывал, усыпанных также жемчугом, и другие подобные вещи. Там же хранятся: драгоценные камни, ежегодно покупаемые, исключая привозных в дар послами, четыре короны, из коих три царские и одна старинная великокняжеская, два скипетра и две золотые державы, две цельные кости единорога, царский посох, также из цельной кости во всю длину с приделанной рукоятью, и половина единороговой кости, употребляемой в лекарство. Другой посох золотой, внутри выдолбленный для уменьшения тяжести; великое множество золотых блюд, кубков различной величины, и несметное количество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной. По свидетельству очевидцев, когда Борис Федорович Годунов по восшествии на престол собрал войско в Серпухове, тогда дан был пир, который продолжался целых шесть недель, и каждый день угощали на серебряной посуде под шатрами 10 000 человек. Тут видел я также с полдюжины *серебряных бочек*, слитых, по приказанию Иоанна Васильевича, из серебряной посуды, взятой им в покоренной Ливонии; одна из них величиною в полмюида (около 10 ведер), прочие меньшего размера; множество серебряных громадных чаш с ручками по сторонам: наполнив медом, их приносят обыкновенно четыре человека и ставят на обеденные столы, по три и по четыре чаши на каждый, с большими серебряными же ковшами, которыми гости сами черпают напитки, иначе было бы недостаточно двухсот или трех сот служителей для угощения пирующих за царскими столами. Вся эта посуда русской работы, но кроме того есть множество серебряной утвари немецкой, английской, польской, поднесенной царю иноземными послами или купленной за редкость изделия. Казна изобилу-

ет всякими шелковыми материями, золотою и серебряною порчею, персидскою и турецкою, всякого рода бархатом, атласом, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. В самом деле, требуется оных великое количество, ибо кто ни служит государю, получает обыкновенно, кроме денежных окладов, парчовые одежды или кусок бархата, камки, атласа на кафтан. Сими же изделиями царь награждает как военные, так и гражданские заслуги. Послов татарских, крымских, ногайских и других азиатских народов вместе с чиновниками их свиты равным образом дарят шелковыми материями, каждого по достоинству».

«В царской казне хранятся разные вещи, употребляемые при коронации, – пишет Маскевич⁴ – царские одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоценные камни, сверх того престолы, осыпанные камнями, кресла, золотые обои, шитые ковры, жемчуг и тому подобное. Не упоминаю о дорогих мехах, которые берутся собственно для царя и не выпускаются за границу для продажи. Не упоминаю о драгоценных ковчегах со св. мощами: они хранятся в склепе длиною около 5 сажен, с окнами в двух противоположных стенах, в шкафах столярной работы, занимающих три стены от пола до потолка. Эти ковчеги золотые, длиною в пол-локтя, с подписями, означающими, чьи мощи в себе заключают»⁵.

Хранителями всех этих сокровищ были бояре-казначей и при них дьяки.

Хранению казны, приходу и расходу вещей, получаемых в дар с посольствами от иностранных держав и даренных в память в жалованье, а также производству вещей в мастерских велись подробные, сохранившиеся частью и ныне описи с оценкой⁶.

Собственно *Оружейная палата*, находившаяся на Казенном дворе, позади здания Большой казны, составляла управление под ведомством боярина оружничего.

Конюшенным приказом, где хранились царские экипажи и конская драгоценная сбруя, заведовал боярин конюший.

К Казенному двору относился и *Запасный двор*, некогда бывшее огромное здание в три этажа по скату горы, против нового Императорского дворца.

Кроме сохраняемых сокровищ на Казенном дворе множество оружия, одежд, украшений, сосудов и прочих вещей постоянно и ежедневно производились в царских мастерских. Здесь были мастера: алмазных дел, золотых дел, резных дел из кости, сканщики, портные, кружевники, पोшошники, чеботники, завязочники, картузники, шапочники, шляпочники, белильщики, пестредильщики и проч.

Всем этим производством работ заведовала *Государева мастерская палата*, а по производству работ для царицы – *Царицына мастерская палата*. Эти палаты имели и свою казну, заключающуюся в разных материалах. Всему велись отчетные книги, в которых записывались получение, выдача и что сделано по указу государеву⁷.

По сохранившимся духовным и другим памятникам великих князей видно, что ремесла и художества велись искони при дворах их; мастера, как обычно во все времена, были и русские и иноземцы.

Участие в различных производствах мастеров Италии и Германии явно уже в XII столетии; но летопись (Лавр.) под 1194 годом выражается о них с ревнивым чувством: «того же лета, месяца сентября, обновлена бысть церкви Св. Богородица в Суждали, яже бе опадала старостью и безнарядьем, тем же блаженным епископом Иваном и открыта бысть оловом от верху до комар и до притворов, и то чуду подобно, молитвою Святое Богородици и его верою; а иже не ища мастеров от немец, но налезе мастера от клевет Святое Богородици и от своих иных олову льяти, иных крыти, иных известью белити; отвержен бо ему быста от Бога очи сердечнее на церковную вещь, оже

пещися церковными вещьми и клирики, ако правому па-
стуху, а не наймнику».

«Русские ремесленники превосходны, – пишет Маске-
вич в своих записках 1610 года, – они так искусны и смыш-
лены, что все, чего сроду не только не дельвали, но и не
видывали, с первого взгляда поймут и сработают столь хо-
рошо, как будто с малолетства занимались этим делом».

Выделка булата, ковка и чекан золота и серебра, ска-
ная работа и чернь на сохранившихся вещах и оружиях –
достоинства образцового.

Плано-Карпини, бывший в 1246 году в Сарай-Орде
у Гуюк-хана, упоминает о русском золотых и резных дел
мастере. «Целый месяц терпели мы голод и жажду, ибо за-
паса, выдаваемого нам на 4 дня, едва доставало на один.
Покупать мы ничего не могли по отдалению от рынка.
Но Бог послал нам на помощь одного русского по имени
Козьму, золотых дел мастера, которого хан очень любил и
который нас поддерживал. Он показывал нам сделанный
им для хана престол до постановки его на место, а также
сделанную им для хана печать».

При царе и великом князе Алексее Михайловиче упо-
минаемые в описях мастера: *золотых дел* – Михайло Васи-
льев, Иван Михайлов; *ствольного дела* мастера – Афанасий
Вяткин с товарищами; мастер *шапок иерихонских* – Никита
Давыдов; *луки* – Савина дела Иванова, Шпагина дела; *пи-
щали винтовальные* – Григорьева дела Вяткина, Васильева
дела Титова, Романова дела Комарова и проч.

Выделкой брони и оружия – разумеется, на азиатский
образец – русские славились по преимуществу.

Бронным московским приказом, в котором заготовля-
лись брони, шлемы, седлы, луки, стрелы, панцири, коль-
чуги, самострелы и проч., заведовал царский оружничий.
«Оружие русских, – говорит Ченслер (1553), – составляют:
панцирь, шлем, лук, стрелы и копьё. Панцири даже у рядо-

вых покрыты золотом или шелком» (т.е. кольчуги нашивные и подшивные на шелковой материи).

Сохранившимися образцами московского панцирного и оружейного производства могут служить булатные: *зерцало*⁸ (латная броня) царя Михаила Феодоровича, сделанное, как означено в надписи золотой насечкой, «повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича, по приказу крайчего Михаила Михайловича Салтыкова, мастером Коноваловым, в 1616 году»; *булатный тесак* (широкая сабля) с прорезами и золотой насечкой с надписью: «По повелению государя царя и великого князя Михаила Федоровича и по приказу крайчево и оружничево Михаила Михайловича Салтыкова, в 1617 году, мастером Нилом Просвитом».

До введения ратного строя царем Алексеем Михайловичем русские ратные доспехи были восточной формы – индийской, персидской, кавказской. Но на Кавказе по сие время, может быть, еще служат панцири, шлемы, кольчуги, золотые седла и сабли московского дела, которыми царь Иоанн Васильевич снабжал слуг своих князей и мирз ногайских. В каждой грамоте благочестивые мирзы просят *земледержца величайшего и счастливейшего вольного человека белого царя* прислать им в числе жалованья деньгами, шубами и тегилями бархатными с золотом ратных доспехов, панцирей добрых, шоломов добрых, шатров, седел с золотом, сабель, которые бы секли железо, и проч.⁹

Оружие русского производства шло в дар даже и в Персии. При отправлении в 1604 году посольства в Персию Борис Федорович Годунов в числе подарков послал Шах-Аббасу московской работы панцирь и два самопала.

Кроме оружия, достоинством которого и красотой русские искони любили похвалиться, свое мастерство распространялось на богатство и роскошь одежд и домашней

утвари; шитье золоченым золотом по шелку и сафьяну, чекан, ковка, скань, чернь и финифть доходили до высшей степени соответственного времени совершенства.

По падении великолепного Царьграда, который во всем был образцом для Киева, искусства и художества переселились из нового Рима под кров старого и возродились на набережных Италии; чекан и резьба пополнились на свободе формами, обычными греческому воображению: на произведениях искусства проявились изображения богов Олимпа, полубогов и героев Эллады. Ремесленные же искусства в России с самого нашествия татар не только остановились на той степени, до которой дошли по образцам восточным и греческим, но и совершенно огрубели. Однако же разная и «канная работа, чекан, чернь, насечка золотом» – могут похвалиться хитростью узоров. Но во всем вкусе азиатский взял верх. Главные и любимые украшения на русских произведениях по преимуществу состояли не из искусственных, но из ценных украшений жемчугом, алмазами, яхонтами разных цветов и бирюзью. Собственно чарующей роскоши в России не было уже в обычае; роскошь составляли вещи, не терявшие своего существенного достоинства, годного для всех вкусов и всех времен, – цены. Форма произведений имела то же отличие от форм европейских; главная забота была не об изяществе наружности по изменчивым привычкам глаза, но об удобстве формы; и потому все сосуды московского дела, хранящиеся в Оружейной палате, были деланы для употребления, а не для образца искусственности художника; для кладовой, а не для украшения поставца или стола. Русские сосуды: братины, сулеи, кружки, кувшины, кулганы, стопы, достоканы, россольники, лахани, блюда, тарелки, чаши, воронки, ставцы и проч. составляют домашнюю посуду; между тем как в числе нескольких сот кубков, изящных по форме, но годных только на показ, нет ни одной русской работы, и посуда, привозимая иностран-

цами, ценилась в России только по количеству золота или серебра и употреблялась для даров и жалованья по ценности существенной.

То, что теперь заключается в Оружейной палате, хранилось прежде собственно на Казенном дворе, в Оружейной палате, на Конюшенном дворе, в Мастерской палате¹⁰ и, как видно из некоторых статей описи 1687 года, на Бархатном дворе.

В отношении золотой и серебряной царской посуды казна понесла незаменимые утраты в 1611 и 1612 годах, когда московская дума бояр обязалась содержать на свой счет польские и литовские войска в ожидании прибытия королевича Владислава. По недостатку денег бóльшая часть золотой и серебряной посуды перелита в монету.

В 1737 году была вторая незаменимая утрата в отношении древней брони. Во время пожара в Кремле сгорела Оружейная палата, причем погибла часть трофеев, в том числе шведские знамена (взятые под Полтавой) и часть оружия, недостающего налицо против описи 1687 года. Казна же царская, под сводами здания Казенного двора, осталась невредима.

При постройке на месте палат *Средней золотой* и *Посольской* новых палат императорских, и вообще при уничтожении (вероятно, обгоревших в 1737 году) зданий приказов, тянувшихся по хребту горы от Благовещенского собора к Спасским воротам, разобран и Казенный двор, из которого вещи перенесены в древние хоромы (терем).

До перенесения столицы в С.-Петербург бóльшая часть вещей московской царской казны была в постоянном обороте прилива и отлива: из нее выдавалось *жалованье* и награды царедворцам мехами, золотными материями и одеждами, оружием, золотыми и серебряными сосудами; из нее посылались дары иностранным державам и выдавались подарки послам; и весь этот расход пополнялся прибывающим богатством от всех «ударяющих челом» государю при

праздничных поздравлениях, от присылок даров и от постоянного производства новых вещей при дворе.

Со времени перенесения столицы в С.-Петербург оборот государевой казны в изделиях и самое производство прекратились. Государь император Петр Великий, преобразовав тесные старинные ведомства в учреждения государственные по всем отраслям правления, соединил различные приказы дворцового правления в одно ведомство под названием «Мастерской Оружейной палаты», где и образовалось под главным ведением Сената присутственное место, на которое было возложено хранение сокровищ и управление московскими дворцами и волостями.

К этому учреждению, которого первым главным судьей был полковник князь Одоевский, причислены были и бывшие мастерские царские, царицы и царевен, соединенные в одну.

После быстрого преобразования, совершенного Петром Великим, прежний быт вскоре стал предметом любознательного воспоминания.

По сенатскому указу 1732 года все старинные замечательные вещи из разных коллекций повелено для курьезитету передать в Мастерскую палату.

По именному указу 1738 года, при повелении передавать редкие из конфискационных вещей в Оружейную палату, а прочие продавать, сказано: «ибо ее мастерской только пристойно быть таким вещам, которые в *диковинку*, и для того, кроме самых курьезных вещей, прочее все порядочно продавать».

В 1764 году главный судья, тайный советник и сенатор Собакин, в донесении своем насчет устройства вещей в строившейся для сего галерее¹¹, упоминает о церемониальных смотрениях вещей. Он, как видно из дел архива Оружейной палаты, существенно заботился о приведении в порядок и всеобщую известность древностей и редкостей царской казны. В донесении своем он писал: «Гале-

рею убрать так, чтоб она сходственна была с хранящимися в ней вещами.

Государственные клейноты, древнее царское и новое платье церемониальное и лучшие, удивления достойные вещи можно, выградевав в малом виде на медных досках, с порядочным историческим известием напечатать. В других государствах и несравненно меньшая сих вещи целыми напечатаны книгами».

Как видно из журналов заседаний того времени, в продолжение 1766, 1767 и 1768 годов все царские регалии и замечательные из вещей срисовывались состоявшим при Оружейной палате живописцем Осиповым.

Для брони и кольчужного полного вооружения сделано было 36 деревянных фигур¹².

Предполагаемое устройство галереи древностей для любознательности не имело, однако же, надлежащего успеха. Осуществление этой мысли принадлежит блаженной памяти императору Александру I.

В 1806 году он повелел построить обширное здание на Сенатской площади, на месте бывшего в старину Троицкого подворья, и перенести в оное сокровища казны и Оружейной палаты из покоев теремного здания, где в это время помещались они.

Это здание, в виде уже музея отечественных древностей, сохранило название своего управления «*Мастерской Оружейной палаты*», которое продолжало состоять на основании присутственного места под ведомством главноприсутствующего и неперменных членов, хотя предметом заседаний были только дела палатные, ибо управлением дворцовых строений и волостей заведовала уже «*Кремлевская экспедиция строений*».

В 1812 году сокровища Оружейной палаты временно вывезены были в Нижний Новгород, и только по возвращении их оттуда в 1814 году началось устройство и размещение в новом здании.

Форма управления Оружейной палаты, начавшаяся при императоре Петре Великом, длилась до нового учреждения, постановленного государем императором Николаем I.

В 1831 году его величество повелел упразднить присутствие Оружейной палаты, а управление ее под начальством директора и двух его помощников присоединить к главному ведению президента Московской дворцовой конторы.

Несмотря на просторное помещение Оружейной палаты, здание, построенное в 1806–1810 годах без каменных сводов и потому без печей – из опасения пожара, – не заключало удобств для хранения и осмотра вещей, особенно во время осени, зимы и весны. Постоянная сырость, стесненная внутри необитаемой и затворенной палаты, была гибельна для самого здания, которое оказало признак разрушения, а главное, для вещей, подверженных тлению.

Обратив высочайшее внимание, блаженной памяти государь император при сооружении в Кремле нового Императорского дворца повелел в 1849 году строить и новое здание для Оружейной палаты в связи с Дворцом (на месте бывшего в старину Конюшенного приказа), с прочными каменными сводами во всех этажах, с железными стропилами и с духовыми печами для отопления.

В 1851 году новое здание Оружейной палаты было приведено к окончанию.

Царская образная

В царской казне искони хранилось и наследие святыни, в образах, крестах и панагиях составлявших благословения, переходившее из рода в род, и благословения, присылаемые вселенскими патриархами и святителями церкви из разных обителей христианства.

Все древние описи царской казны исчисляют родовые образа, кресты и священные утвари, хранившиеся в одной под названием «Милосердия Божия». – «Не упоминаю о драгоценных ковчегах со св. мощами, – говорит Маскевич, описывая драгоценности царской казны в 1611 году, – они хранятся под сводами в покое длиною около пяти сажень в шкафах, занимающих три стены от полу до потолка».

В настоящее время все драгоценные и древнейшие образа и кресты помещаются в образной тереме и частью в палатах бояр Романовых; все же прочие ветхие иконы, без окладов и без исторического предания, хранившиеся издревле в Оружейной палате, а также поступившие из музеев гг. Карабанова и Погодина иконы без окладов и медные старинные кресты переданы по высочайшему повелению на хранение в Патриаршую ризницу.

Царская образная, помещенная ныне в Тереме, составляет выбор святыни, особенно замечательной по древности иконописи, резьбы, окладов и надписей.

В числе памятников греческой иконной резьбы нельзя не отличить достоинства русских резцов. Афонские монахи славились этим искусством, но Иоанн Комнин, посещавший Святую гору, пишет, что болгары и русские издревле любили упражняться в иконописи и резьбе и что искусство их отличалось своеобразием их родины.

Это своеобразие, без сомнения, было подобное же, как и различие между иконописью корсунской и византийской, и оно зависело от выражения наружностей, подходящих неизбежно к очертаниям родных народных обликов, привычных не только глазу художника, но и самой его своеобразной природе.

«В фигурах византийского стиля, – замечает И. М. Снегирев¹, – лица продолговатые, глаза челноками, нос тонкий и горбатый, уста малые и тонкие, черты редкие, похожие на штрихи гравера; между тем как в корсунском стиле лица и глаза круглые, нос прямее, ноздри шире, уста

больше и толще, черты чаще, а в раскраске больше плавности и беловатости».

Очень ясно, что корсунское своеобразие иконописи образовалось из типа русского, который составлял и на Афоне отличие художников русских от греческих.

Образцом высокого превосходства древней русской резьбы, произведенной в Корсуне ли, в Киеве или на Святой горе – неизвестно, – может служить древнейший по окладу сканной и финифтяной работы напрестольный кипарисный крест, хранящийся в образной Тереме под № 8.

Вообще из числа 22 крестов, напрестольных и наперсных, глубокую историческую древность составляет крест «животворящее древо» в раке царградской.

Животворящее древо заключается в изображении шестиконечного креста, вставленного в ковчежец или раку (в 4½ верш. вышины и 3½ ширины), обложенную серебряною золоченою басмою; на полях греческая уставная надпись: «Се есть животворящее древо креста, на коем сам Иисус Христос волею распят, подавая всем спасение...»

Части надписи, находившейся на задвижной крыше, недостает.

По сторонам креста изображения святых Кира и Пантелеймона, Космы и Дамиана.

По духовной грамоте 1504 года великий князь Иоанн Васильевич III благословляет сына своего Василия Иоанновича «крестом животворящее древо в раке царградской». По духовной же грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1425 года: «а благословляю сына своего князя Василия страстьми большими, да крестъ честный животворящий патреярш Филофеевский.... да чепь хрещатую (крестовую, на которой носился крест); да шапку золотую, да бармы...»

Константинопольский патриарх Филофей занимал патриарший престол с 1354 по 1355 и потом с 1362 по 1376 год.

В 1354 году св. Алексей «послан бысть от великого князя Иоанна Иоанновича в Царьград поставитися в митрополиты, и поставлен бысть от Филофея патриарха, и приеде в Россию, и пас церковь Божию лет 24, преставися в лето от Р.Х. 1378 и положен бысть в Чудове монастыре»².

Таким образом, животворящий крест привезен был из Цареграда св. митрополитом Алексием в благословение великому князю Иоанну Иоанновичу от патриарха Филофея.

В то же время патриарх прислал белый клобук новгородскому архиепископу Василию: «Филофей патриарх, иже хиротониса Алексея Митрополита, посла белый клобук к Василию, архиепископу новгородскому»³.

Из крестов на престольных особенно замечателен по древности работы крест четырехконечный кипарисный, резной (3½ и 2 верш.) в сканой золоченой обделке, украшенной финифтью, с подобной же рукоятью (6 верш.) и с отдельными репьями по оконечностям креста и в четырех перекрестных углах. Узкая сканая с финифтью рамка по кайме креста делит резные изображения на пять частей: с лицевой стороны, вверху, Воскресение Христово, посредине Распятие с предстоящими; по бокам два евангелиста, Иоанн и Марк, и Положение во гроб. На обороте, вверху, Благовещение; посредине Крещение; по бокам два евангелиста, Матвей и Лука; внизу Сретение. Превосходного искусства резьба сквозная. На оправе сканый развод – цветы и травы; финифть синяя и зеленая. На репьях, сохранившихся вверху креста и по углам перекрестья, с обеих сторон восемь мелких изумрудов и два места порожних, а по кресту с обеих сторон пять красных яхонтиков и три порожних места. Рукоять креста состоит из восьми позолоченных витых столбиков, соединенных посредине яблоком, вверху и внизу многогранными репьями, скаными, украшенными в два цвета финифтью.

Из числа 32 разной величины икон в золотых, басменных и украшенных драгоценными камнями окладах, заме-

чательные: резной на кости образ св. Петра Митрополита с житием и изображением великого князя Иоанна III.

На костяной дощечке в $3\frac{1}{2}$ верш. вышины и $2\frac{1}{2}$ ширины, обделанной сканюю серебряною золоченой рамкой, посредине изображен выпуклою, тонкою и превосходной резьбою стоящий св. Петр митрополит, благословляющий правую рукою и держащий в левой Св. Евангелие; по обе стороны изображения вырезана надпись: «о АГ (о агіос) Петр новы чудотворец». По содержанию изображений этот образ относится ко времени перенесения мощей св. митрополита Петра чудотворца в 1479 году, августа в 23 и 24 день.

Временник описывает это событие следующим образом: «Того же месяца августа в 23 день в понедельник митрополит Геронтие с ростовским архиепископом Васьяном и с епископы и со всем освященным собором по совету великого князя облекшеся во священныя ризы, идоша в церковь Иоанна Святого под колокола, иде же лежат честныя мощи, иже во святых отца нашего Петра митрополита чудотворца, а преложиша из каменного гроба в деревянную раку и повелел митрополит звонити. Приедеж князь великий (Иван Васильевич) и сын его и бояре и множество народа, и совершивше молебная, и знаменавшесь у целебоносного гроба. Митрополит же благослови великого князя и повелел самому нести мощи чудотворца Петра; князь же великий с сыном своим и с помогающими им взявше честныя чудотворцовы мощи, и с радостью великою понесше, а митрополит и прочие епископы по нем идуще с кандилы, и принесше в новую церковь Пречистыя Богородицы, и постави посреди церкви, идеж святитель на службу облачится, и потом начаша вечерню пети на пренесение его, и по вечерни молебная совершивше, також и утреню, якож и на преставление его декабря в 21, со ублажением по 6 песни, и прочее по обычаю, и отпуст. И в 24 день во вторник облекшесь во священныя ризы митрополит с прежереченными в 3 час дни, и начаша молебен Богородицы, и чудотворцу Петру, и после достой-

на взял митрополит с прочими епископы раку чудотворца Петра со мощми, и несоша на уготованное ему место близ святого жертвенника, спомогающе митрополиту великому князю и сыну его».

В числе древних икон в окладах, украшенных финифтью, жемчугом и драгоценными камнями: икона Св. Убруса, Нерукотворного Спаса, Благовещение Пресвятой Богородицы, икона Знамение Богородицы, Смоленской Божией Матери, или Одигитрии, с подписью о построении оклада: «лета 7188 окт. в 17 день построил сие моление, образ Одигитрия Богородица Александр Петрович Солтыков по обещанию своему».

Икона Донской Богоматери в золотом богатом окладе, украшенном яхонтами и изумрудами, с изображениями на гробницах св. Алексия митрополита и святых семейства Годунова: св. князя Бориса, св. Ирины и великомученика Феодора. К гривне привешены два образка: один с финифтяным изображением Нерукотворенного Спаса, другой резной косяной Знамени Богоматери в золоченой сканой рамке.

Икона Богоматери Донской, 5 икон Казанской Божьей Матери и небольшая, в 2 $\frac{1}{2}$ и 2 вершка, икона Владимирской Божьей Матери в золотом окладе и в серебряном кивоте, украшенном чеканью, синими и красными яхонтами, изумрудами и жемчугом.

Иконы святых: Василия Блаженного, Николая Можайского чудотворца с разной подписью; Николая чудотворца, Алексия митрополита с подписью; св. мученика Мины с подписью; св. Василия Амасийского; св. Нила чудотворца; преподобного Сергия; тверских чудотворцев: епископа Арсения и Михаила князя; св. мученика Иоанна Воина.

Панагии

Из числа 5 панагий, хранящихся в Оружейной палате, в золотых оправах, украшенных финифтью и драгоценными

ми камнями, одна с надписью: «лето (1671 г.) повелением Великого Господина Святейшего Иоасафа Патриарха Московского и всея России сделана сия панагия».

Древний чин царский, царская утварь и одежды

Чин, или *сан*, значит собственно достоинство, а вместе и обряд, облачение во все признаки достоинства.

С чином, или обрядом, поставления на царство неразделен и чин царский, или царские утвари и одежды.

Обряд поставления на царство помазанием относится еще к ветхозаветной Церкви; но имеет ли он начало с прочими уставами священных тайнодействий в новозаветной Церкви, определить невозможно. По сказанию летописи, взятому, вероятно, из византийских писателей, упомянуто, что «тому же св. Селивестру (папе) великий царь Константин повеление царское даде, да неподвижимы будут чины церковные и стяжатися последними цари и протчими владетели, аще и саны царские даде, еже есть посох злат и венец¹ и фригон, рекше св. бармы и прочая».

Определительное сказание о поставлении на царство миропомазанием относится к VI веку, как видно из письма Патриарха Иоанна к Папе Ормизду в 518 году: «Я приклонил рог благодати над главой Юстина, дабы излить на священную главу обильное милосердие Божие: и все в то время громогласно прославили имя Божие: Свят, Свят, Свят»².

Хотя в Книгах Царств при описании миропомазания царей израильских собственно о венчании не упоминается; но как Саул, так и прочие цари носили венцы и на плечах нарамники, или бармы: «и взяв венец царский, иже бе на главе его (Саула) и нарамницу его».

Из римских императоров первый, принявший восточную царскую одежду, был Антонин. Геродиан пишет,

что, «вступив на престол в 217 году по Р.Х., он облачился в великолепную одежду из золота и пурпура, с запястьями, ожерельями и короной в виде тиары, украшенной перлами и драгоценными камнями. Это облачение походило на одежду священства Финикии и занимало нечто из великолепия македонской одежды. Он презирал облачение римлян и греков, которое было льняное, а не из шелковых тканей».

Великолепная македонская одежда, как известно, принята Александром Великим в подражание облачению персидских царей, которое состояло из диадемы и пурпуровой длинной одежды и употреблялось и преемниками его царства³. Она же, судя по верхней одежде, называемой *далматикой*, и по сходству названий головных покровов с персидскими, принята и греческими императорами⁴.

По Алкуину, духовному писателю VIII века, *далматик*⁵ в Риме ввел в храмовое облачение Папа св. Сильвестр, современный Константину Великому; и, следовательно, упомянутое нами предание об установлении санов царских и храмовых императором Константином Великим согласно с преданиями Запада.

Мы не имеем никаких преданий об обрядах вступления на престол первых русских великих князей до принятия христианской религии. С призванием Рюрика на великокняжение, казалось бы, должен был войти вместе с ним и норманнский обычай народного избрания на *Боргар-Тинге*, или *городском сейме*; но летопись не упоминает об избраниях. Княжение переходит наследственно: Рюрик, умирая, передает княженье свое Олегу, «от рода ему сущу, вдав ему на руце сын свой Игоря бе бо мал вельми». Вечевые избрания проявлялись и в Новгороде, и в Киеве в то время, когда нарушалось право наследия; но, во всяком случае, крестоцелование восстанавливало его: «Володимерцы целовавшие крест к князю Всеволоду Георгиевичу и на дятех его».

По водворении христианства в России обряд посада, или посажения на княжение, означал то же, что поставление

на княжение. В летописях поминается о крестоцеловании, или присяге, и о восшествии на престол краткими словами: «седе на княжении, на столе дедие и отче» – «посади на княжение»; но при этом часто упоминается месяц и число, что определяет торжественность события, тем более что посад совершался в храме и, без сомнения, сообразно уже обряду Восточной Церкви: «Ярополка князя в Володимере на столе посадиша в Святой Богородице, весь поряд положивше».

Чтоб дать понятие о венчании греческих императоров, изложим «Действо, как венчан бысть царь Мануил Греческий на царство», описанное в XIV столетии русским богомольцем очевидцем, который во время бытности своей в Константинополе присутствовал при этом торжестве 1391 года, февраля 11 дня:

«Поставление его на царство происходило следующим образом: в ночь было бдение всенощное в великой патриаршей церкви Св. Софии Премудрости Божией; когда же настал день, мы пришли туда; нам позволили присутствовать при сани и чине поставления. Сошлось многое множество народа; мужской пол – внутри Св. церкви Софии; а женский пол – на полатах за шелковыми занавесями, невидим никем. Певцы были украшены чудно; на них были камчатные и шелковые ризы наподобие священных стихарей, широких и длинных, с широкими и долгими рукавами; наплечники, украшенные золотом, бисером и кружевом; на головах их окрыльцы (шапки) острые с золотом, бисером и кружевом. Старейшина их был муж дивный и красивый, убеленный сединами. Тут были римляне от Рима и от Испании немцы, и фрязии от Галаты, а иные цареградские, иные зеновицы (генуэзцы), иные веницы (венециане), а иные угры и их чин (одеяние народное) было чудно; и стояли они в два лика (ряда), и каждый имел при себе знамя своей земли; иные одеты были в багряный бархат, другие в вишневый, в темно-синий, в черный; все же старческим чином (орденом?) приукрашены, и каждый лик имел свое знамение: у

иных на персях жемчужный, у других золотой обруч; у третьих цепь золотая на шее и персях и т.д.

Под полатами, на правой стороне чертогов (амвона), 12 ступеней шириною в две сажени, покрытых червленим червцом (пурпуровым сукном), стояли два золотых стола (трона).

В ту ночь царь Мануил был на полатах, и когда настал первый час дня, сошел с полат и вошел во святую церковь передними великими дверьми, называемыми царскими.

В это время певчие возгласили чудную песнь, и было шествие царя тихо и кротко, от передних врат до чертога. По обе стороны цари шли 12 оруженосцев, а пред ним два стяжка из черных влас, древцо красное; ризы и шапки их были также красные; а пред ними шли подвойские с посохами, окованными серебром и золотом и усаженными по концам жемчугом.

Приблизившись к чертогу и войдя в оный (под балдахин), царь облекся в кесарскую багряницу и диадиму и возложил на главу венец со столпчиками; потом вышел из чертога, взошел наверх; и привели царицу, и воссели оба на золотых столах.

Началась Божественная литургия, и, когда следовало быть выходу, два великих архидиакона приблизились к царю и сотворили малый поклон. Царь восстал и шествовал к алтарю; стяжки шли пред ним, а оруженосцы по обе стороны. При входе в алтарь стяжки и оруженосцы встали по обе стороны дверей царских; а царя облекли в священный филонец, малый, багряный, до пояса. После чего царь следовал на выход, держа в руках свечу, Патриарх же Антоний стоял на своем месте среди церкви и при выходе взошел на священный амвон, и царь с ним. И принесли к Патриарху царский венец под покровом на блюде, а таким же образом и царицын. И благословляясь у Патриарха, два великих архидиакона пошли по царицу; приблизившись к ней, сотворили малый поклон. Царица шествовала к ам-

вону. И положил пресвященный Патриарх крест на царя, и дал ему крест в руку, и, взяв кесарский венец, благословил им царя и возложил на главу его, а другой венец дал ему в руки и повел для возложения на царицу. Царь нисшел долу с амвона, помавая рукою и венцом к Патриарху (испрашивая благословения). И Патриарх, стоя на амвоне, благословил рукою своею царя и царицу. Сотворив поклон к Патриарху, они шествовали на свои места и воссели на золотых престолах. Патриарх же вошел в святой алтарь царскими дверьми; и когда запели Херувимскую песнь, два великих архидиакона подошли к царю и сотворили поклон. Тогда царь встал и благословенно шел в алтарь, где облачили его в священный оплонец, и в переносе пред святыми царскими дверями он предшествовал, держа в руках возжженную свечу; по нем следовал священный великий собор с великою красотою, честью и славою священной и божественною. Шествие со Святыми Дарами продолжалось во время всей Херувимской песни, предивно и умиленно воспевали. По принесении во святой алтарь священных и божественных даров царь кадил около священного престола и остался в алтаре до Святого Причастия, и когда настало Св. Причастие, два великих архидиакона подошли к царице и сотворили малый поклон, и когда царица сошла с престола долу, стоящий вокруг народ бросился и разодрал опону (покров) чертожную на части, сколько каждый мог себе захватить. Царица благоговенно и умиленно вошла южными воротами в крыло алтаря и приобщилась Св. Таин. Царь же от Патриарха со священством причастился у Престола Христова. Когда царь изшел из алтаря, Патриарх следовал к своему святительскому месту и воссел на него. К нему подошел царь в кесарской багрянице и диадиме, и Патриарх благословил его и царицу и дал ему завет православия, соблюдать непоколебимо свои царские и не претворять древние уставы, не посягать на чуждое, но стяжать страх Божий и смертную память, и прочее, как в уставе

им заключается. По окончании слов патриарших никто не приступал к царю приносить поздравление – ни князи, ни бояре, ни воины; но приступили мраморницы и гробоздатели, принесли образцы различного мрамора и камней, и, вопрошая, которых изберет держава его на гробницу себе, говорили: сей человек смертен и тленен в этом исчезающем и скорогибнущем бедном житии, и потому должен иметь душевное попечение о благочестивом строе царства; насколько велик и силен он, настолько должен смирять себя, ибо сильному сильнейшее и наказание.

По произнесении сего, как писано в тамошнем уставе, шли пред императора князи, стратилаты, священные чины, воины и все вельможи, и по обычаю их принесли ему поздравление. После чего царь благословился у Патриарха и шествовал благоговенно из храма, подобно великому священноначальнику, и осыпали его ставратами⁶, кто только мог и успевал захватить горсть их».

Священный обряд миропомазания и венчания на царство перешел вместе с другими таинствами и обрядами Греко-Восточной Церкви в Церковь Русскую, но с исключением из существенного обряда некоторых обычаев – например, обычая строителей памятников подходить к венчаемому на царство с предложением избрания мрамора себе на памятник.

Существующий «чин поставления на великокняжение», по которому венчались русские великие князи и цари, составлен, без сомнения, с устава греческого; он писан до патриархов, но в какое время именно – неизвестно. Соображая, однако же, что это есть чин венчания не собственно вступающего на престол великого князя, а сына, благословляемого великим князем-отцом на наследие престола при жизни, можно отнести его ко времени Иоанна III, тем более что находящееся в летописи описания венчания Дмитрия Иоанновича составляет сокращение этого чина, и в некоторых местах слово в слово⁷.

При распространении христианской религии в Европе цари, принимавшие евангельское учение, при крещении поставлялись на царство по установленному обряду Церкви и облакались в венец и освященные царские одежды, которые при этом случае всегда присылались в дар – в Восточной Церкви от императора греческого, а в Западной – от Папы. Эти регалии собственно *первовенчаннных* повсюду свято хранились и хранятся⁸; государи, вступающие на престол, облакаются в них при коронациях в знамение наследия освященного сана.

Россия также имеет наследственный царский сан, но он приписывается в чинах поставления на царство Владимиру Мономаху. Не имея положительных доказательств, которые бы нарушили сказание, хотя и заключающее в себе несообразность во времени присылки регалий Владимиру Мономаху и дар от Константина Мономаха, мы должны, однако же, упомянуть, что право *первовенчанного* принадлежит равноапостольному великому князю Владимиру I.

Владимир Великий, приняв св. крещение от греков и сверх того бракосочетаясь с греческой царевной Анной, не мог быть исключением из существовавшего уже повсеместного в недрах христианской Церкви обряда – венчать при крещении царей, принимавших евангельское учение. Вместе с тем он должен был получить в дар от греческого императора царский сан, как посвящение в поборники и заступники Восточной Церкви, в которой приобщался. В знаменование этого посвящения в предводительство крестных сил даровался и меч, который в Римской Церкви назывался мечем святого Петра⁹. В пример обычного и неизбежного условия венчания при крещении и присылке облачения царского, то есть воинственного, можно привести Степана, короля сербского, который был миропомазан и венчан короною, присланною от греческого императора в 1221 году¹⁰; а в Западной Церкви – далматского короля Будимира, принявшего в 756 году христианскую религию

от римлян и вместе с тем посвященного и коронованного по обычаю римскому¹¹.

В грамоте Константинопольского Патриарха Иосафа и Вселенского Собора о признании Иоанна IV за царя и верховного поборника и защитника Восточной Церкви род Иоанна производится от приснопамятной царицы и владычицы госпожи Анны, сестры самодержца и царя Багрянородного Мономаха, а царское достоинство – от венчанного на царство великого князя Владимира, которому царь Константин даровал царский венец, диадему и иные царские знамена¹².

Эти слова грамоты, как в ней упомянуто, основаны на предании не только многих достойно верных мужей, но и на показаниях летописцев. Таким образом название Мономаха, приписываемое Константину X, брату царицы Анны, супруги Владимира Великого, ввело в недоумение насчет времени присылки регалий.

В летописи упоминается, что Владимир Великий, принявший св. крещение в Корсуни, вывез оттуда иконы, сосуды церковные, книги и ризы; но существовало предание, что и царский сан, венец, св. бармы и золотая цепь также привезены Владимиром из Херсонеса; но в этом сказании иностранных писателей вывоз регалий приписан Владимиру Мономаху¹³.

Соответственно повсеместному обычаю хранить в наследии регалии первовенчаных государей, животворящий крест с золотою цепью, св. бармы, царский золотой венец и при них сердоликовая крабийца (сосуд, вероятно для причастия), присланные в дар от императора Константина Мономаха, свято хранились в наследии великих князей русских и приняли название Мономаховых. Во всех духовных великих князей, начиная с грамоты Иоанна Калиты (1328 года), золотая шапка, животворящий крест, хрещатая цепь, бармы и вместе с ними сердоничная крабийца передаются наследственно старшим сынам.

Сохранность сердоничной крабийцы, постоянно упоминаемой в духовных при благословении царскими чином, составляет несомненное доказательство, что при разорении столицы Владимира регалии были спасены от татар, вывезены заблаговременно или скрыты во Владимирском печернем граде¹⁴, подобно как в Суздале Страсти Господа «ззданы в стене и сокровенны быша неколико лет» от нашествия Тохтамыша.

В бытность польских и литовских войск в Москве, в 1610–1612 годах, утвари царского чина, как видно из описей¹⁵ всего выданного из казны на содержание войск, – также были неприкосновенны и сохранны¹⁶.

Чин поставления на царство, установленный в Греции, в главных своих основах был неизменен при всех венчаниях императоров; сообразно ему, как священному тайнодействию, принятому Русской Церковью наравне с прочими таинствами и обрядами, находившиеся вначале в России греческие митрополиты, без сомнения, и венчали великих князей.

Обычай благословения на царство старших сыновей духовными завещаниями при себе и после себя заключается в чине поставления, в образце речи поставляемого великого князя к митрополиту: «Отче преосвященный митрополите! Божиим изволением, от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест, отцы наши великие первым сынам своим давали великое княжество, и отец мой Князь Великий (имярек) всяя Руси при себе еще и после себя благословил великим княжением Володимерским и Новгородским и Московским и всяя Руси, и велел стати на великое княжение, и помазатися, и венчатися тем царским венцом, и нарещися Великим Князем Боговенчанным Царем, по древнему нашему царскому чину; да о том отец мой, Князь Великий, и в духовной написал».

Царские венчания великих русских князей, относясь к обрядам Церкви, не описывались летописцами, и сверх

того во время владычества монголов они не имели особенной торжественности¹⁷; но во время Иоанна, при дворе которого сосредоточились остатки падшей Греции и воспоминание византийского императорского великолетия, без сомнения, обряд венчания Дмитрия Иоанновича был торжественнее прежних обрядов и мог казаться чем-то новым, невиданным на Руси. С этого же времени образовались придворные чины по примеру двора Греческой империи, а вместе с ними установилась и дворцовая летопись – книги царских выходов, книги столовые, книги дворцовых приказов, книги разрядов, или распределения чинов при торжественных событиях двора и в войске. Это и могло быть причиною, что летопись¹⁸ сохранила чин венчания на царство внука Иоанна Дмитрия.

Этот чин совершенно сообразен существующему образцу чина и поставления на великокняжение и чинам поставления на царство последующих царей. В этом случае он есть письменный первообраз торжества миропомазания и венчания на царство, и мы излагаем его в очерке.

«В ту же зиму, 1498 года, февраля 4 дня, в неделю (в воскресенье) князь великий Иван Васильевич благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское и всея России внука своего князя Дмитрия Ивановича; а посажение его было в церкви Пречистыя в Москве, по благословию Симона Митрополита всея России и архиепископа Тихона Ростовского и епископов Нифонта Суздальского, Василия Тверского, Протасия Казанского, Авраамия Коломенского, Емфимия Сарского и всего освященного собора».

«Среди церкви изготовлено было место большое, на котором ставят святителей, и на том месте три стула великому князю Ивану, да внуку его Дмитрию, да Митрополиту. Когда приспело время и облеклись митрополиты и архиепископы и игумены и весь собор в священные ризы, посреди церкви поставили налой и положили на него

шапку Мономахову и бармы. Когда же вошел в церковь князь Великий с внуком, Митрополит со всем собором начал молебен Пречистой Богородице и св. Чудотворцу Петру. После “Достойно есть” и Трисвятого и после тропарей Митрополит и великий князь воссели на своих местах, а внук стал пред ними у места, на высокой ступени, но не входя на место, – князь великий Иоанн изрек: “Отче Митрополит! Божиим изволением от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест, отцы наши великие князи сынам своим первым давали великие княжество, и я сына своего первого Ивана при себе ж благословил великим княжеством. Божия так воля сталась, сына моего Ивана не стало в живых, а у него остался сын первый Дмитрий, а я его ныне благословляю при себе и после себя великим княжеством Володимирским и Московским и Новгородским, и ты бы его, отче, на великое княжество благословил”».

После речи великого князя Митрополит велел внуку его вступить на место и встать, благословил его крестом и на преклоненную главу его положил руку свою и изрек молитву во всеуслышание: «Господи Боже наш, Царь Царствующим и Господь Господствующим, иже Самуилом Пророком избрав раба Своего Давида и помазав того в Царя над людьми Своими Израиля, Святыи! Ныне услыши молитву нашу недостойных и виждь от святого жилища Твоего, и верного Ти раба Димитрия еже благословил Еси воздвигнути Царя в языке Твоем святом, его же стяжал Еси честною кровию едиnorodного Ти Сына, помазати сподоби елеом возрадования, одеи того силою свыше, положи на главе его венец от камени честна, даруй тому долготу дни, дай же в десницу его скипетр царствия, посади его на престол правды, огради того всеоружеством Святого Ти Духа, утверди того мышцу, покори ему все варварские языки, всей в сердце его страх Твой и еже к послушным милостивое; соблюди того в непороч-

ной вере, покажи того опасна хранителя Святыя твоея Соборныя Церкви веления их, да, судя люди Твоя правдою и нищих Твоих, судом спасает сынов убогих, и наследник будет Небесного ти Царствия».

После молитвы Митрополит велел принести к себе с наля бармы двум архимандритам и, взяв их, подал великому князю и знаменал внука крестом; а великий князь возложил на него бармы. В это время Митрополит произносил тихо молитву: «Господи Вседержителю и Царю веков, иже земной человек, Тобою Царем сотворенный, поклонил главу Тебе поклониться, Владыке всех!» и пр.

После сего Митрополит велел принести к себе шапку с наля двум архимандритам, подал ее великому князю, знаменал внука крестом произнося: *во имя Отца и Сына и Св. Духа*.

Князь великий возложил шапку на Дмитрия, а Митрополит благословил его. По эктении, прочтения псалма «Помилуй мя, Боже» и, по обычаю, молитвы Пресвятой Богородицы Митрополит и князь воссели на свои места. Возшед на амвон, архидиакон возгласил многолетие великому князю Иоанну и потом великому князю Дмитрию.

По многолетию Митрополит, архиепископ и епископы и весь собор, встав, поклонились и поздравили обоих великих князей.

Митрополит произнес: «Божиею милостью радуйся и здравствуй, православный царь Иоанне великий князь, всея Руси самодержец, и со своим внуком с великим князем Дмитрием Ивановичем всея Руси на многи лета». Потом обратился к великому князю Дмитрию: «Божиею милостью здравствуй, господине и сыну князь великий Дмитрий Иванович всея Руси, и с своим государем и дедом, с великим князем Иваном Васильевичем всея Руси самодержцем на многи лета».

Потом дети великого князя поклонились и поздравили обоих великих князей; а потом бояре и все люди.

За сим следовало поучение Митрополита новопоставляемому великому князю и речь великого князя внуку. После чего Митрополит и великий князь сошли с мест своих. Митрополит совершил отпуст молебну и начал совершении литургии, по окончании которой великий князь шествовал к себе, а великий князь Димитрий в шапке и бармах, сопровождаемый детьми великого князя и всеми боярами, при выходе из храма Пречистой был осыпаям золотыми и серебряными деньгами. «Осыпал его трижды сын великого князя Юрий перед Пречистой, перед Архангелом и перед Благовещением».

Этот обряд поставления на царство наследника при жизни составлял, должно полагать, только собственно благословление Митрополита и венчание, но не помазание на царство, которое совершалось при полном наследии власти самодержавия и в совершеннолетие, как видно из венчания на царство Иоанна IV в 1533 году, когда Митрополит благословил трехлетнего державного младенца на великое княжение отца его; и в 1547 году, когда перед женитьбой вступившего в совершеннолетие Иоанна совершен был обряд венчания, сопровождаемый помазанием, как утверждением печатю Св. Духа¹⁹.

Царские шапки и короны

Наследственный государей российских царский золотой венец

Со времен первовенчанного благоверного великого князя Владимира Киевского великие князья и цари русские духовными грамотами при вступлении на престол и при окончании живота благословляли старших своих сыновей животворящим крестом, златой шапкой, св. бармами, крестчатой цепью¹ и сердоничной крабицей².

Хотя титул *равноапостольного* нераздельно с первоначальным, и наследственный царский венец должен бы был называться *венцом Владимира Святого*, но, по изложенным выше причинам, с XVI столетия его называли *Мономаховым*.

В древней Далматии золотой венец первовенчания назывался *круна свитовна*: «Оставивши (краль Светолик) круну свитовну своему сыну Владиславу».

В росписи государева большого наряда, писанной с прежних росписей в 1642 году, по указу царя Михаила Федоровича принять заведование государевыми большими нарядами боярину Феодору Ивановичу Шереметеву, о царской золотой шапке сказано: «Шапка Мономахова золота сканная с камнем и зерны, пуп соболем, подложена атласом червчатым».

В составленной по указу государя царя и великого князя Петра Алексеевича в 1696 году, февраля 6 числа, описи казны блаженной памяти царя Иоанна Алексеевича постельником Алексеем Михайловичем Татищевым и стряпчим с ключом Леонтием Богдановичем Плоховым описание шапки Мономаховой следует: «Шапка царская золота сканная Мономахова, на ней крест золот гладкий, на нем по концам и в исподи четыре зерна гурмицких, да в ней каменья в золотых гнездах, над яблоком яхонт желт, яхонт лазорев, лал, промеж ними три золотых гурмицких, да на ней четыре изумруда, два лада, две коры яхонтовыя в золотых гнездах, двадцать пять зерен гурмицких золотых, окол соболий, подложена атласом червчатым влагалище деревянное оклеено бархателью травчатою, закладка крючки серебряны».

Это описание вполне соответствует современному состоянию венца и его украшений.

В древности только эта одна шапка была с крестом, и в выходах в большом наряде упоминалось: «шапка царская крестом Мономахова».

Царская золотая шапка второго наряда

Для общего коронования царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича в 1682 году, июня 23, устроена была по образцу отцовской наследственной золотой шапки другая, принявшая в описях Оружейной палаты название «шапки Мономаховой второго наряда».

В описи царской казны 1682 года упомянуто, что в том же году, июня 20-го, бурмицкие зерны из-под креста царского золотого венца сняты на крест на Мономахову шапку царя и великого князя Петра Алексеевича.

Описание этой шапки в 1689 году соответственное настоящему ее состоянию следующее: «Шапка второго наряда, сделана с образца Мономаховы шапки; на ней по основе серебряной золоченой камня в гнездах; один яхонт лазоревой, три изумруда да три лала; да в гнезде камня нить. Двадцать пять зерен гурмыцких на спнях. Наверху яблоко, на яблоке в гнездах золотых лал да яхонт лазоревой, да изумруд; три зерна гурмыцких в гнездах; на яблоке крест золотой; на нем четыре зерна гурмыцких. Та шапка с околom собольим».

Шапка Казанского царства

Казанское царство составляло до нашествия татар древнюю Волжскую Булгарию. Город *Болгар*³, по русским летописям *Великий град*, был столицей Болгарии и процветал торговлей.

По восточным писателям, болгарские славянские племена, бывшие с VII столетия уже под влиянием магометан, во время калифатства Аббасидов впали совершенно в исламизм⁴.

Великий князь Святослав имел намерение возвратить восточные страны Древней Руси. С этой целью были им покорены волжские болгары и казары, простиравшиеся

до Кавказа. Область этих последних, между Азовским морем, Каспийским морем и Кавказом, называвшаяся в древности *Самаркандской*, осталась за Русью под именем Тьмутараканской; но заволжская Болгария, преданная уже исламу, отпала от оной. Победы Святослава за Волгой повторяются сыном его Владимиром в 985 году, Андреем Георгиевичем в 1164 и Всеволодом Георгиевичем в 1183 году, но не приносят особенной пользы. Наконец сын великого князя Дмитрия Донского, Василий, в 1376 году побеждает болгарских владетелей и берет с них дань. В 1399 году Василий Дмитриевич посылает в Болгарию брата своего Юрья с сильным войском, покоряет *Великий град*, Жукотин, Казань и Кременчуг, и с этого времени принимает название *завоевателя Болгарии*.

Усилия казанских ханов сохранить независимость от России окончательно разрушены Иоанном III. Покорив Казань, он посылает туда ханом Магмет-Амина, который и был присяжником Руси; а сам Иоанн стал именоваться государем Болгарии.

Когда Иоанн IV покорил окончательно Казань и водрузил посреди ее собственною рукою крест спасения, Эдигер, хан казанский, пожелал принять святое крещение. В 1553 году совершилось это торжество на берегу Москвы-реки в присутствии государя. Митрополит был восприемником. Эдигер, названный Симеоном, в то же время одарен был Иоанном саном царя казанского.

В описи 1642 года⁵, составленной по указу царя и великого князя Михаила Феодоровича, описание казанской шапки следующее: «Шапка казанская золотая с чернью, города прорезные золоты, в ней камень лалы и бирюзы и зерна гурмицкие в гнездах; на верху на спине камень лал, под камнем и поверх камня два зерна гурмицких большие; пушена соболем, подложена атласом червчатым.

Влагалище бархат черн, внутри бархат червлен, петли и ручки серебряны белы.

Из той шапки лал снят и положен на новую шапку, которая делана при Эфиме Телепневе в 1627 году, а в то место положен тунпаз желт».

В описи царской казны 1682 года⁶:

«Шапка золотая сланная счернью казанского царя Симеона, на ней наверху яхонт желт; наверху и на ясподи яхонта два зерна гурмицких, в ней тридцать три лала, осмнатцать бирюз, да двенадцать бирюзок маленьких, двенадцать зерен половинчатых, влагалище деревянное оклеено сверху бархатом зеленым изнутри тафтоу червчатою».

В описи 1702 года означена оценка: «Шапка золотая сканнаю дела царя казанского. На верху той шапки яхонт желтой на спне золотом, цена сто рублев.

Два зерна жемчужных, десять рублев.

На верхнем яблоке двенадцать яхонтовых искор красных, по десяти алтын камень, и того три рубля двадцать алтын.

Двадцать бирюз, цена рубль.

На всей шапке четырнадцать лалов, по четыре рубли камень, и того пятьдесят шесть рублев.

Осмнатцать бирюз, цена всем три рубли.

Двенадцать зерен жемчужных половинчетого бурмицкого, двенадцать рублев.

Весом та шапка золото с камнем и жемчугом и с серебром четыре фунта семдесят шесть золотников.

Золота положено например четыре фунта, а золотников иметца триста восемьдесят четыре золотника по рублю по два алтын золотник, и того четыре ста девяносто девять рублей шесть алтын четыре денги.

Всего той шапки цена: шесть сот восемьдесят четыре рубля двадцать алтын.

Верх сделан серебряный на шапку царскую, весу в ней серебра фунт тритцать один золотник, цена по два алтына по четыре денги золотник, и того десять рублев, пять алтын, две денги».

**Шапка первого наряда,
царя и великого князя Михаила Феодорович**

В старинных описях большой казны в царских складах эта шапка упоминается преимущественно под названием «шапка, что делана в приказе у думного дьяка Ефима Телепнева»; иногда: «шапка фряская, что делана в приказе Ефима Телепнева».

Название «фряская» не означает следовательно иностранной работы, но дано только потому, что верхняя часть имеет подобие фряжской короны.

Первоначально на ней «на верху, на коруне, был лал велик снят с казанской шапки, над лалом крест золот в 23 алмаза да 3 зерна бурмицких».

В описи 1642 года сказано, что «шапка делана в приказе золотого дела в 1627 году, при думном дьяке при Ефиме Телепневе».

В описи 1682 года: «Шапка царская золотая первого наряда, дело дьяка Ефима Телепнева; на ней крест золот, в нем двадцать три алмаза (24-го недостает) да три зерна гурмыцких; под ним лал велик; по ней травы прорезные, с финифтью; в ней 45 алмазов, 11 лалов в золотых гнездах, да 25 яхонтов червчатых в гнездах, 21 яхонт лазоревый, 22 изумруда; 15 искорок изумрудных; 51 зерно гурмыцкое; окол соболей. 1681 года с сей шапки крест золот с алмазы, под ним лал, снять на шапку алмазную нового дела государя царя и в.к. Иоанна Алексеевича».

**Шапка алтабасная,
царя и великого князя Иоанна Алексеевича**

Шапка *алтабасная*, т.е. золотой ткани, построена в 1684 году. Все украшения ее запоны сняты с алмазной шапки царя Феодора Алексеевича⁷. По описной книге 1689 года она описана следующим образом: «Шапка третьего

наряду, запаны и дуги нашиты по алтабасу. Нижней венец запаны яхонты червчатые; в том же венце напереди две запаны, а в них по алмазу. В дугах двадцать запан, а в них по алмазу; да промеж дуг четыре запаны; в первой запали два яхонта червчатые, два алмаза, два изумруда, да пять зерен гурмицких, на спнях. В другой в середине изумруд, по сторонам два алмаза, три яхонта червчатых, три зерна гурмыцких па спнях. В третьей в середине яхонт лазоревой, по сторонам два алмаза, три яхонта червчатых, три зерна гурмыцких на спнях. На четвертой в середине изумруд, по сторонам два алмаза, три яхонта червчатых, три зерна гурмыцких на спнях. Наверху яблоко золотое, на нем десять яхонтов червчатых, десять изумрудов. На яблоке крест золотой с яхонты, да три зерна гурмыцких. Под крестом изумруд сквозной».

В настоящем состоянии алтабасной шапки недостает против этого описания двух бурмицких зерен на первой запани и бывшего под крестом сквозного изумруда, который, без сомнения, «снят на шапку первого наряда».

В описи 1702 года оценка алтабасной шапки 909 рублей.

Алмазная шапка царя и великого князя Иоанна Алексеевича

По отметке в описи 1682 года эта алмазная шапка, заключающая в себе более 900 камней, делана в 1687 году для царя Иоанна Алексеевича. По описи 1696 года: «Шапка царская, на ней крест золот с алмазы. По концам у того креста в подвесках три алмазы гранены, под крестом лал велик; кругом лала три огиби, золотых же с алмазы.

Под лалом и под огибами яблоко золото прорезное с алмазы гранены. Напереди запона золота с алмазы продолговата, в ней в середине алмаз велик гранен. По сторо-

нам той запоны по орлу золотому с алмазами и коронами; в них под коронами по подвеске алмазной в гнездах, в одном орле в ноге алмаза нет. Промеж орлов по сторонам той же запоны две запонки круглы золоты с алмазы. В низу той запоны по алмазу в золотых гнездах с финифтью зеленою греческого дела. Кругом короны, что над переднею запоною, четыре алмазца гранены, в золотых гнездах с финифтью, да промеж запон двадцать алмазцов в золоте греческого дела. Основа серебрена золочена. Окол соболей, тулья лисья, черевья чернобурых лисиц».

На эту шапку «крест золот с алмазы под ним лал» снят с шапки первого наряда дела дьяка Ефима Телепнева, а все алмазные запоны греческого дела, без сомнения, сняты с венца. В описи 1702 года⁸ в подробной оценке камней, украшающих эту шапку, лал, находящийся под крестом, оценен в 300 рублей; а «всего на вышеописанной шапке запоном золотом и камнем цена пятнадцать тысяч двести одиннадцать рублей».

Алмазная шапка царя и великого князя Петра Алексеевича

По выходным книгам царя Феодора Алексеевича, 1679 года марта 30-го в первый раз упоминается «шапка царская алмазная, с лалом, новая».

Эта шапка и поступила в наследие царю Петру Алексеевичу.

В описи 1702 года исчислены ее украшения и ценность других ценных камней: «А на ней крест золотой, в середине алмаз большой, шестнадцать алмазов средних. Да по концам три алмаза круглых граненых висячих, цена всему семь сот рублей.

Под крестом камень лал, большой водокшанской в окладе золотом со алмазцы, – цена пять тысяч рублей.

Под тем камнем яблоко золотое с алмазы счетом восемьдесят алмазов и в том числе один средний большой, – цена всему семь сот рублей.

На переди два орла с коронами золотые с алмазы счет сто пятьдесят три алмаза, да в тех же орлах трех алмазная нить, – цена тем всем орлам семь сот рублей.

Межь теми орлами напереди петлица золотая, в ней пятьдесят семь алмазов, – цена чetyреста двадцать рублей.

Подле вышеписанных орлов по обеим сторонам по полю петличке золотые, а в них счетом двадцать пять алмазов, цена восемьдесят рублей.

Всего на вышеписанной шапке по цене камня и запонов шестнадцать тысяч девять сот тридцать рублей».

Императорская корона

Заключает в себе до 2500 алмазов и, кроме того, несколько яхонтов, лалов и винис. Над алмазным крестом огромный лал, купленный по указу царя Алексея Михайловича в 1676 году в Пекине бывшим у китайского богдыхана Кам-хи послом Николаем Спафарием.

Этот лал с его ободом, заключающим в себе 26 бриллиантов и с алмазным крестом, был прежде на короне императора Петра II, поступившей после коронации в 1728 году по указу императора в Оружейную палату и впоследствии переделанной. В описи 1725 года⁹ лал оценен в 60 000 рублей.

Корона мальтийская, ордена св. Иоанна Иерусалимского

Первое сношение Российского Императорского Двора с орденом св. Иоанна Иерусалимского было при царе и великом князе Петре Алексеевиче. В 1697 году боярин Борис Петрович Шереметьев по повелению государя отправился

на остров Мальту с грамотою к великому магистру. Прибыв туда в следующем году, мая 2-го, боярин Шереметев был принят с величайшими почестями.

При отъезде с острова Мальты боярин Шереметев пожалован был великим магистром кавалером ордена св. Иоанна Иерусалимского, получив притом бриллиантовые знаки онаго и патент.

По вступлении на престол императора Павла I Орден обратился к его величеству с просьбою быть протектором его в смутных обстоятельствах того времени. Государь император, соблагволив на это, заключил в 1797 году конвенцию, по которой учреждено было в С.-Петербурге приорство Ордена. При этом случае поднесенный его величеству знак Ордена, крест, принадлежавший одному из знаменитейших великих магистров, когда Орден имел еще свое пребывание на острове Родос¹⁰, препровожден, по высочайшей воле, для хранения в Оружейную палату при следующем отношении к начальнику оной действительному тайному советнику Кожину от 14 дек. 1797 года: «Его Императорское Величество, получив от Его Преимущества Великого Магистра Мальтийского и всего тамошнего общества при поднесении Его Величеству именованного Покровителя того Ордена крест, принадлежавший одному из знаменитейших его предместников, когда Орден сей имел еще пребывание свое в Родосе, Высочайше повелеть мне соизволил оный при сем В. П. доставить для хранения в мастерской Оружейной палате с прочими государственными сокровищами».

В следующем году генерал Бонапарте по конвенции с великим магистром Гомпешем занял остров Мальту; капитул приорства с.-петербургского и все кавалеры языков мальтийских, удалившиеся в Россию, объявив конвенцию Гомпеша изменническою, просили государя императора Павла I принять на себя звание Великого Магистра державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского; причем представлены были его величеству мальтийская корона, икона

Святой Божией Матери Иерусалимской и рука св. Иоанна Крестителя, отобранные в Триесте от Гомпеша, который вместе с тем доставил императору просьбу об увольнении его от должности.

В капитуле Ордена были две короны, из которых одна, украшенная жемчугами, взята была французами; а другая, золотая, поднесенная императору Павлу I, хранилась в С.-Петербурге.

В 1827 году она поступила для хранения в московскую Оружейную палату.

Корона царства Грузинского

Золотая, с драгоценными камнями. Состоит из гладкого венца с репьями и с травами по верху онаго, и из осьми дуг, соединяющихся в яблоке под крестом. В кресте небольших бриллиантов 50, красных яхонтов 11; в двух ободках по яблоку небольших бриллиантов 31 и столько же красных яхонтов. По венцу и осьми дугам 24 изумруда, 64 алмаза, 16 лалов и 16 аметистов.

Бармы греческого дела

В сохранившихся духовных грамотах великих князей св. бармы передаются наследственно вместе со златою шапкою. В предании о присылке царского чина греческим императором Константином сказано: «ожерелье, сиречь святыя бармы, яже на плещу свою возлагаше».

В древних описях царской большой казны св. бармы названы *диадимами*.

«Диадима греческаго дела» состоит из семи золотых, украшенных финифтью, алмазами, яхонтами, сапфирами и изумрудами запон, нашитых на глазет.

Передняя круглая запона изображает венчаемую Пресвятую Богородицу с Младенцем Иисусом на руках, у Ко-

торого на лоне отверстие Евангелие. По ободу запоны 16 алмазов, вокруг 8 отдельных запов с изображением солнца и луны, херувимов и серафимов.

Правая боковая большая заповна изображает обретение креста царем Константином и матерью его Еленой с греческой надписью и украшена синим яхонтом и 7 изумрудами большими, 48 алмазами и 88 яхонтами.

Левая большая заповна, украшенная таким же числом драгоценных камней, изображает чудо, совершенное св. Меркурием над Иулианом. Надпись на греческом языке.

Четыре промежуточные, меньшого размера, запоны украшены каждая 34 алмазами и 16 яхонтами: 1-я изображает сотворение мира; в числе животных гриф и единорог; 2-я – псалмопение царя Давида; вокруг него лик с трубами, бубнами, гуслиями, литаврами и струнными, со смычком и без смычка, инструментами; 3-я изображает царей, апостолов и проповедников; 4-я изображает церковь и нисходящего Св. Духа на священнодействующего.

Эта диадима делана по заказу в Царьграде. По приходе-расходной книге 1665 года: «Заплачено гречанину цареградцу Ивану Юрьеву 18 325 рублей по оценке за привезенную им диадиму золоту с каменья с алмазы, с яхонты и изумруды, деланную против образца диадимы благочестивого греческого царя Константина».

Древние золотые бармы

Этот драгоценный памятник глубокой древности найден в 1822 году в земле близ села Старой Рязани, в окопе или насыпи.

Вообще найденные вещи составляют часть полного княжеского наряда, в котором был вероятно, погребен, по древнему обычаю, какой-нибудь из русских князей; а именно: бармы, состоящие из 11 круглых запов, образков, крест, пуговицы от кафтана, петлица, перстень, поручни,

цепочка и множество серебряных золоченых чеканных блесков различной формы, составлявших нашивку на верхней одежде.

Все запоны из чистейшего мягкого золота без всякой примеси; украшены узорами накладной скани на гладкие пластины, драгоценными камнями в природном их виде и уборкой мелкого жемчуга, нанизанного на золотой проволоке. Работу и скань, сходную с золотыми вещами, находимыми в курганах крымских, должно отнести к произведениям греко-скифского искусства и к первым временам водворения христианской религии на Руси.

Исчислим подробно запоны барм:

На 1-й, лицевой, изображено мусиею с золотой прорезкой распятие Спасителя с предстоящими у креста Богоматерию и Иоанном Богословом. По обе стороны, вдоль распятия от верху к низу, греческая надпись финифтью: *се сын Твой; – се Мати твоя.*

Над крестом херувимы. По окраине запоны был жемчуг и между сканью 12 гнезд для мелких камней, из которых сохранилось только четыре.

На этой запоне мусия, или мозаика и финифть, между золотыми очерками изображений неподражаемого достоинства, какое только сохранилось от древности. Лики и вообще тело сделаны из бледноватого сквозящего рубина, все составные части финифти покрыты тонким блестящим хрустальным слоем.

На 2-й лицевой запоне изображена финифтяной мусией Божия Матерь с греческой подписью: *Матерь Богу.* Образ обнизан жемчугом, вокруг по скани 9 рубинов в гнездах; по окраине между нитью бывшего жемчугу также 9 рубинов меньшей величины, из которых четырех недостает. Лик Божией Матери и руки, как и в первой запоне, рубиновые.

На двух лицевых же запонах изображены финифтью лики великомученицы Варвары и мученицы Ирины с греческими надписями по сторонам ликов сверху вниз.

На двух боковых больших двойных запонах, устроенных с пустотой внутри, вероятно для помещения мощей, и украшенных с обеих сторон драгоценными большими камнями и обнизью жемчужной, наведены финифтяной мусией поясные, одинаковые на обеих запонах, лики святого царя или князя в царской шапке, с венцом вокруг головы и с крестом в правой руке; по обе стороны лика изображены крины. Лики обнизаны жемчугом и обложены шестью большими камнями в гнездах; с другой стороны в середине запон большие овальные белые яхонты, обнизанные жемчугом; вокруг по скани 9 больших камней в гнездах, из коих 3 яхонта красных, 2 синих, 2 белых и изумруд. По окраине также нити жемчуга.

При этих двух запонах две четырехугольные подвески, соответственные по отделке пуговицам; в них со всех сторон финифтяные образки, из которых сохранилось только два изображения.

В трех задних, средней величины, запонах, посредине большие яхонты; вокруг в три ряда по 8 камней средних и малых красных и синих яхонтов. Как средние камни, так и окраины запон были низаны жемчугом, остатки которого истлели от времени.

Две меньшие запоны имеют точно такую же форму и украшения. Образок – Пресвятая Богородица, также наведенный финифтью, с золотой прорезкой и надписью: МАРНА, несколько отличается работой.

Все вообще запоны с ушками, и потому они были не нашивные, а навесные, нанизанные на цепь вроде золотой гривны.

Царские места и престолы

«Держава Российского царствия»

В описях царской большой казны в поставлениях на царство держава называется *яблоком владомым, царским*

златым державным яблоком, яблоком великодержавным и державой Российского царствия.

Первобытные державы греческих императоров, как видно на монетах, имели большой крест, и эта форма креста продолжалась до XI века. Держава с большим крестом, хранящаяся с давнего неопределенного времени в Оружейной палате, относится к древней форме, но, по превосходной работе финифтяных украшений и изображений на чеканенном золоте, напоминает уже искусство Греции и Италии в стеклянной ценной поливе¹¹.

Эта золотая чеканная держава в окружности шара или яблока имеет 13 вершков, высота с крестом 9¹/₂ вершка. Она украшена финифтью, пятидесятью осьмью алмазами греческой грани, осьмидесятью девятью яхонтами червчатыми, двадцатью тремя яхонтами лазоревыми или сапфирами, пятидесятью изумрудами и тридцатью семью жемчужинами в золотых финифтяных гнездах. В четырех треугольных полях яблока финифтяные изображения: помазание Давида на царство, победа над Голиафом, возвращение с победы и гонение от царя Саула. Около блях со всех четырех сторон символические изображения: орла, льва, грифа и единорога.

В описи большой казны при царе Михаиле Феодоровиче держава записана следующим образом: «яблоко золото чеканное с финифтью, на нем крест – держава Российского царствия; около яблока и креста камня алмазы и яхонты червчатые и лазоревые и изумруды и зерны гурмитские, фряское дело».

В выходных книгах при царе Михаиле Феодоровиче упоминается «шапка фряская, что делана в приказе у Ефима Телепнева», и значит работу итальянских мастеров, находившихся в это время в царских мастерских. В этом же смысле можно понимать отметку «фряское дело» в описи державы; но должно заметить, что при царе Михаиле Фео-

доровиче она уже была настолько древна, что требовала починки: «Года 1643, мая 25, по государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси указу, по приказу боярина Федора Ивановича Шереметьева, отнесено в приказ золотого дела государева большого наряду яблоко золотое чеканное перекрепить камень, которые шатаютца, да переправить на яблоках крест для того, что шатаетца; а в приказе золотого дела в яблоке камня, которые шатались, перекреплены, и на яблоке крест переправлен; переменены под крестом над яблоком две дужки золотые, а в то место положены новые две дужки золотые, весу в новых дужках четыре золотника, а в старых полтора золотника.

Июня в 4-й день из приказа золотого дела яблоко в казну взято, а старые две дужки золотые отданы в приказ золотого дела подъячему Богдану Силину; отнес дьяк».

Таким образом, отметка в описи того же года могла относиться к поправке, произведенной мастерами-фрягами.

Яблоко великодержавное греческого дела

По приходу-расходной книге 1665 года¹² и по алфавитной эта держава золотая, украшенная зеленой финифтью и драгоценными камнями, привезена из Цареграда в 1662 году гречанином цареградцем Иваном Юрьевым вместе с диадимой, деланной по заказу в Цареграде «против образца диадимы благочестивого греческого царя Константина»:

«Яблоко золото с коруною, с камнем лалы и яхонты, которое привез в 170 году великому государю гречанин царегородец Иван Юрьев. Дано ему гречанину государева жалованья из сибирского приказа и иными товары по меньшей оценке на 7917 рублей».

Вообще в украшениях державы драгоценными камнями заключается 159 алмазов больших и малых, 8 больших яхонтов лазоревых, 196 малых и 136 яхонтовых искр.

Драгоценные камни плоские, без спней, но вставлены вгладь в золоте, покрытом зеленою финифтью, по азиатскому способу отделки.

Держава золотая, малая

Эта держава поступила на хранение в Оружейную палату в 1728 году, при указе императора Петра II от 30 марта на имя действительного статского советника князя Василия Одоевского по описи короновальных вещей его величества, заключающей в себе корону, по оценке в 122 608 рублей, державу, шпагу, трость, кавалерскую звезду, епанчи, петлицы и пряжки¹³.

«Держава золотая, весом золота сто десять золотников; цена с серебром двести восемьдесят рублей».

Над золотым яблоком серебряный гладкий крест; по яблоку серебряные прорезные обод и пояс. При ней имеется серебряная позолоченная рукоять.

Стоянцы

Во время приема послов в Золотой подписной (Гра новитой) палате держава стояла всегда по правую сторону трона, на стоянце, т.е. пьедестале. По этой причине при царе Михаиле Федоровиче в выходных книгах употребляется название «держава-стоянец».

В Оружейной палате хранятся два стоянца. При описи державы греческого дела упоминается и о принадлежащем к ней стоянце:

«Под яблоко великодержавное стоянец прорезной треугольной высокой серебряной золоченой, весу в нем двадцать фунтов семнадцать золотников, по семи рублей по шти алтын по четыре деньги фунт, итого сто сорок один рубль девять алтын одна деньга».

Скипетр большого наряда

Древний скипетр Большого наряда, хранящийся в Оружейной палате, в описи государева большого наряда, составленной в 1642 году по указу царя и великого князя Михаила Феодоровича¹⁴, описан следующим образом:

«Скипетр золот чеканной с разными финифти и скаменьи, с алмазы и яхонты червчатыми и с изумруды; наверху три орла пластаных крылами вместе, с финифти; по верху орлов корона, на короне на спине камень яхонт лазорев, на нем зерно гурмышское. С скипетра снят яхонт лазорев, а в то место положен изумруд».

После замены лазоревго яхонта изумрудом этот скипетр Большого наряда, как видно из последующих описей, сохранился в том же виде по настоящее время. О нем упоминается в описи казны и царского наряда царя Иоанна Алексеевича: «Скипетр золот с разными финифтыми, на нем орел с короною, на короне изумруд; сверху и на исподи того изумруда по зерну гурмыцкому; в нем двадцать алмазов, девять яхонтов червчетых, три изумруда; одного алмаза нет; влагалище оклеено бархатом алым, посредине атласом червчатым».

Скипетр второго наряда греческого дела царя Алексея Михайловича

Этот скипетр одного и того же наряда и греческого дела с диадимой и державой, привезенными в 1662 году к царю Алексею Михайловичу цареградцем Иваном Юрьевым и деланными, как сказано в приходе-расходной книге 1665 года¹⁵, «против образца диадимы благочестивого греческого царя Константина, и он сходен также по единству работы и украшений с властелинским жезлом и царским саадаком (налучие и колчан).

А по нынешней переписи (7195) 1687 года и по осмотру тот скипетр против прежних переписных книг шселся. Цена тому скипетру по скаске серебряного ряду ценовщиков Анисимка Алмазникова с товарищи – две тысячи шесть сот рублей».

Скипетр царя Петра Алексеевича

Золотой, украшенный драгоценными камнями и цветною финифтью. Этот скипетр был сделан для царя Петра Алексеевича при общем царствовании с Иоанном Алексеевичем по образцу скипетра большого наряда. На нем также три двуглавых орла под общею короною, на которой большой изумруд между двумя бурмитскими зернами; в украшениях прочих частей также двадцать алмазов, девять яхонтов и три небольших изумруда.

Скипетр, называемый Грузинским

Золотой, украшенный драгоценными камнями и финифтью, с двуглавым орлом, среди которого вензель императора Павла I. По гладкому золотому черену в три ряда травы из зеленой финифти; три пояска осыпаны бриллиантами и яхонтами.

Посох властелинский, Патриарха Филарета Никитича

Этот посох янтарный, с резьбою, прислан в дар Патриарху в 1632 году курляндским герцогом Иаковом.

Древний царский жезл, или посох чеканный

При избрании Михаила Феодоровича на царство отправлен был к нему в Кострому при посольстве и царский посох. В подлинном донесении посольства сказано: «Го-

сударь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея России пожаловал прошение принял и Государем Царем и Великим Князем всея России на Московском и на всех великих Государствах Российскаго царствия, за многим молением и челобитьем, учинился в царском наречении и посох и благословение от Преосвященного Феодорита архиепископа Рязанского и Муромского и от всего священного собора приняты изволил».

Авраам Палицын при описании избрания Михаила Феодоровича на царство также упоминает: «и в тот час возложиша на государя пречестный и животворящий крест, и жезл царский прим в руку свою, и седе на стуле царском и наречен бысть Богом избранный благородный и благоверный Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея России Самодержец».

Древний царский чеканный посох в описи платью царя Михаила Феодоровича¹⁶ означен:

«Посох серебрян золочен чеканной, на рогах по главе орловой в коронах; на рогах же по сторонам четыре яхонта лазоревых, да на верху два лапа в гнездах. Подков серебрян золочен».

Этот посох относился к царскому наряду большой казны и употреблен был при венчании царя Алексея Михайловича на царство: «А как государь царским венцом венчался и пошел из собору к Михаилу Архангелу и к Благовещению, а на государе было: диадима первая, шапка Мономахова, посохи чеканной с казенного двора, стул костяной с казенного же двора».

При общем царствовании царей Иоанна и Петра, при двойной потребности одинаких утварей царского чина сделан был и второй царский посох, совершенно сходный с поднесенным царю Михаилу Феодоровичу. Разница между ними в весе серебра и золота: в первом золоченого серебра два фунта, во втором израсходовано один фунт 84 золотника.

«Жезл кость рыбий зуб» царя Михаила Феодоровича

В описи большого наряда царя Михаила Феодоровича: «Жезл кость рыбеи зуб, в нем врезывано золото травами; на верху жезла три орла крылами вместе; по верху орлов корона с финифты и с алмазы и с яхонтики червчатыми; поверх корон камень яхонт лазорев, на нем зерно гурмышское; под орлами круг золот съ финифтом большим, под кругом въ гнездех два яхонта червчаты да два изумруда, у жезла подков золот с финифтью и с чернью; повыше подкова в гнездех четыре алмаза».

В описи 1702 года описание с оценкой этого жезла следующее:

«Всего тому всему посоху цена сто шеснадцать рублей двадцать шесть алтын четыре деньги».

Царский жезл царя Алексея Михайловича

Этот жезл цареградской работы, однообразной с диадимой и державой, привезенными царю Алексею Михайловичу гречанином царегородцем Иваном Юрьевым в 1662 году.

В алфавитном списке о времени поступления в палату различной царской утвари с 1614 по 1704 год под буквою Ж означено: «7166 (1658) года, июня в 11 день, был у государя царя и князя великого Алексея Михайловича на дворе в золотой на приезде гречанин царегородец Иван Анастакон, челом ударил – жезл оправлен золотом с камени с алмазы, изумруды и с яхонты червчатыми. Цена 919 рублей».

По описи казны 1696 года¹⁷:

«Жезл золот с разными финифты, греческой, с алмазы и с изумруды, и с искры яхонтовыми червчатыми. На верху крест золот с алмазы. У него три зерна гурмицких, да три изумруда, на спнях; одного изумруда нет. Ниже креста два изумруда на спнях. В нем пяти камней нет».

Три посоха индийских волнистых, украшенных драгоценными камнями

По описной книге 150 (1642) года один из этих посохов пожалован царем Михаилом Феодоровичем царевичу Алексею Михайловичу.

«Посох, дерево индийское резное, рога по концам оплавлены золотом» с финифты, по концам два камня лазоревы гранены, около их в гнездах мелкие камни яхонты червчаты изумрудцы; оклад серебрян позолочен. Принят по книге подъячево Дмитрея Михайлова во 1642 году. Сим посохом государь пожаловал сына своего государя царевича князя Алексея Михайловича. Приказал записать боярин Борис Иванович Морозов».

Трость единороговая

В описи 1686 года эта трость записана в числе жезлов: «Костяной единороговой; сверху и снизу оправлен серебром; у него на цепочке орел золот двоеглавой, в нем в середине яхонт гранен лазорев, да два изумруда; в крыльях и в хвосте тридцать семь яхонтов червчатых, да четыре искры алмазных».

Тросточка царя Алексея Михайловича

С клюкою из красного сердолика, с финифтью и драгоценными камнями.

Престол царя великого князя Иоанна III, резной из слоновой кости

Древнейший из престолов, хранящихся в Оружейной палате, есть царское место, кресло, или, по древним описям, царский стул, резной из слоновой кости, привезенный гре-

ческой царевной Софией Палеолог, через союз с которой Иоанн наследовал герб Византийской империи¹.

Глубокую древность этого престола свидетельствует фракийская легенда о подвигах Орфея, изображенных резьбой, а также и ветхость дерева, на котором наложена разная кость.

В описи казны государева большого наряда в числе царских мест, которые хранились на казенном дворе:

«Стул большой костяной резной, яблока серебряны прорезные через грань золочены; под стулом шесть леви-ков медяных золочены; верх атлас турецкой по серебряной земли, золото в цветах, шелк зелен, подложен бархатом червчатым гладким; тесьмы в четырех местах шелковы; шесть кистей шелк червчат с золотом, ворворки низаны по камке таусинной жемчугом; кость попорчена во многих местах, посему взят тот стул в мастерскую, а из мастерские отнесен в оружейный приказ».

После упоминаемой отдачи в мастерскую палату, вероятно для исправления, и потом в Оружейный приказ костяные кресла с 1642 года и находились там, как видно из описей Оружейной большой палаты оружейной казны 1687 года², 1701 и 1711³:

«Кресла костяные разные, на них вырезаны орлы двуглавые с корунами и люди и звери и птицы и травы; подушка бархатная и назади обита бархатом червчатым; около подушки и назади обито бахрамою золотою; на подножках две скобы железные золочены; под местом шесть яблочков железные и посеребрены.

А по нынешней переписи и по осмотру те кресла против прежних переписных книг сошлись; на правой стороне яблоко попорчено: половина его сшибено. Цена по скаске Оружейной палаты костеново и резново дела мастеров Петрушки да Семки Шешининых две тысячи пять сот рублей, а в прежних переписных книгах те кресла написаны по другой переписи».

Из сравнения описаний видно, что находившиеся под креслами левики заменены посеребрёнными железными яблоками и, вероятно были употреблены на ножки одного из стоянцев при серебряном троне. К этому же времени должно приписать и замену попорченных резных изображений другими несоответственными по содержанию древним; ибо древние резные изображения представляли полное мифологическое сказание о подвигах Орфея, из которых сохранились только некоторые. На одном изображении Орфей, божественный певец, как выражается Овидий, удаляясь после смерти Эвридики на гору Родоп, чарует голосом своим и звуками лиры животных, камни и дерева.

Другое изображение представляет Орфея в виде царя фракийского, когда он умоляет Гименя, привлеченного его пленительным голосом и летевшего над фракийскою страпою, присутствовать при его бракосочетании. По Овидию, Гименей был обличен в ризу пламенного цвета, с невозжженным светильником.

На третьем изображении Орфей поражает диких зверей в ознаменование, что он смягчил водворенной им в Греции религией зверские нравы.

На четвертом Орфей с лирой в руках, вероятно в Македонии, проповедует целомудрие. Царь и народ в изумлении; жены в окне внимают с ужасом.

На пятом Орфея изгоняют, поражая копьем.

На шестом Орфей держит в руке змею, вероятно в значении, что, проповедуя верование в Озириса и Изиду, он заговаривал страсти и исцелял от них.

Прочие изображения заменили, как кажется, недостающие сказания об Орфее и принадлежали позднешему времени; например, на одном изображении представлено сражение, лица в германских костюмах, на оградах осажденного города пушки.

На спинке кресел двуглавый орел, посреди шестиугольника в резных цветах каймах вместо узорной резьбы

представлена охота. На нижних дощечках мифологическое изображение Леды, Сатурна, пожирающего детей, купидонов, едущих на дельфинах, и проч.

При венчании на царство царя Алексея Михайловича этот трон употреблен был как переносный при шествии его из Успенского собора в Архангельский и Благовещенский⁴.

В 1856 году по высочайшему повелению этот трон исправлен к священному коронованию государя императора Александра Николаевича, причем восстановлены в подножии левики (взятые обратно из-под стоянца державы), и над спинкой приделан, по образцу прочих тронов, серебряный вызолоченный двуглавый орел.

Царское золотое место, украшенное драгоценными камнями

В поставлениях на царство этот трон называется персидским. Время присылки оногo неизвестно; но Петрей, шведский писатель, бывший в России и издавший «Московскую хронику» в 1620 году, упоминает, что «этот трон, украшенный 600 алмазами, 600 рубинами, 600 сафирами, 600 смарагдами и 600 бирюзами, из которых некоторые в половину голубиногo яйца, подарен персидским шахом (Аббасом I) царю Иоанну Васильевичу Грозному».

В описи казны царя Михаила Феодоровича упоминается о троне вкратце:

«Место царское обложено зототом с камнем с большими и с малыми, и с искрами, и с жемчуги с большими; на нем влагалище суконное, сверху багрец, а снизу на страфиль черлен; у влагалища по краем снурок шелков черлен; из места из пяти гнезд камень большие выпяты и заверчены в бумажку и привязаны к тому месту; а сказал дьяк Гаврила Облезов, что те каменья вынуты по государеву именному приказу для осмотру государю».

По описям 1663–1664 годов этот персидский трон был в походах, и в описи 184 (1676) исчислены недостающие в нем камни.

В настоящем же виде украшения его следующие: на золотой основе 1325 яхонтов, гиацинтов и лалов, 559 бирюз, 16 больших жемчужин и раковин жемчужных, 28 сапфиров, 15 аметистов, 21 хризолит и несколько поддельных изумрудов.

На спинке золоченый серебряный орел. Подушка трона, устроенная вновь к коронации государя императора в 1826 году для ее величества вдовствующей императрицы Александры Феодоровны, из золотого глазета с изображением российского герба, обшита галуном, трехцветным шнуrom и украшена 6 кистями. На спинке из той же материи, изображен вензель ее величества, окруженный Андреевской цепью.

Царское место царя Бориса Феодоровича Годунова

Царское место, по описям персидское, прислано в дар царю Борису Феодоровичу Шах-Аббасом в 1604 году; окованное червонным золотом и украшенное драгоценными камнями, оно заключает в себе, кроме мелких камней в каймах, 552 яхонта, лала и виниса, 825 бирюз, 177 жемчужин и 700 половинчатых зерен жемчугу.

В делах⁵ царского двора сказано: «Прислал шах с послом Лачинбеком к великому государю нашему место царское золото с лалы и с яхонты и с иным дорогим камнем прежних великих государей персидских».

Кресло алмазное царя Алексея Михайловича

В книге персидских приездов (под № 14)⁶ упоминается, что «7168 (1660) года великому государю царю Алексею Михайловичу челом ударил кизилбашского шахова

ближнего человека Ихто Модевлетев купчина армянин Захарей Сарадаров, в дарех: кресла оправлены золотом с каменья с алмазы и с яхонты и с жемчуги, по оценке 22 591 руб. 20 алтын».

В вознаграждение за эти кресла в числе других поднесенных царю Алексею Михайловичу торговой компанией Армении даров пожаловано государем 4000 руб. сереб. и 19 000 руб. медью.

В описи 184 (1676) года⁷ заключается подробное описание алмазных кресел:

«Кресла большие алмазные оправлены золотом с каменья с алмазы и с яхонты и с искры яхонтовыми», и проч.

В настоящем виде в алмазных креслах заключается 876 алмазов разной величины, лал, 1223 яхонта, бирюзовые коймы и три нитки жемчугу, низанного по бархату вокруг следующей надписи на спинке: “Potentissimo et invictissimo Moscovitarum Imperatori Alexio, in terris feliciter regnanti, hic thronus, summa arte et industria fabrefactus, sitfuturi in coelis et perennis faustum felixque omen. Anno Domini 1659”, т.е. могущественнейшему и непобедимейшему Московии императору Алексею, на земле благополучно царствующему, сей престол великим искусством сделанный, да будет предзнаменованием грядущего в небесах вечного блаженства. Лета Христова, 1659».

На вершине спинки приделанные впоследствии литые из золота: посредине двуглавый орел, на столбиках лики апостола Петра и Николая Чудотворца.

Сзади, с боков и в подножии, перететивья кресел отчетливо разрисованы красками с различными изображениями персидского вымысла и искусства.

Серебряный золоченый двойной трон царей Иоанна и Петра Алексеевичей

К общему царствованию царей Иоанна и Петра Алексеевичей изготовлен был в несколько дней второй *большой*

наряд царского чина и все относящиеся к оному царские утвари. Но в короткое время от избрания до венчания царевича Петра Алексеевича на общее царствование с братом⁸ невозможно было устроить вновь двойной престол, и потому, без сомнения, хранящийся ныне в Оружейной палате общий трон царей Иоанна и Петра переделан из бывшего при царе Михаиле Федоровиче серебряного золоченого трона, о котором упоминает Олеарий в бытность свою в России в 1634 году:

«Место великого князя (в Золотой палате) было у противоположной входу стены; оно возвышалось на три ступени от пола и имело с четырех сторон серебряные золоченые столбцы в три дюйма ширины и полтора аршина вышины, на вершине которых были серебряные орлы. На подобных же столбцах возвышался над троном и навес с четырьмя башенками, на которых также были серебряные орлы. Нам сказали, что изготовляется другой трон, на который употреблено тысяча шестьсот марок серебра и сто двадцать унций червонного золота, и который будет стоить двадцать пять тысяч червонцев. Рисунок для оного делал немец, уроженец Нюрнберга, по имени Исай Цинкграф».

Этот трон поступил в Оружейную палату в 1706 году, до которого времени находился в Грановитой палате. Он весь чеканный из серебра, с прорезными украшениями. Главные символические изображения на нем: орел, лев, гриф и единорог, которые, вероятно, были приняты Иоанном III вместе с наследием герба византийской империи. Подобные изображения видны на державе, присланной из Греции, на налучии и колчане царского саадака большого наряда, совершенно сходного по работе с державой; на троне из слоновой кости, привезенном в числе даров из Греции при сочетании браком Иоанна III с Софиею, дочерью Фомы Палеолога, порфирогенета и деспота аморейского и ахайского. Те же изображения заметны на некоторых частях древнего здания Кремлевского дворца,

построенного Иоанном III, между барельефными иссечениями из камня.

На задней станке, или прислоние, трона есть завеса, шитая пряденым серебром и унизанная жемчугом. На ней посредине двуглавый орел, а по каймам, между золотыми травами, двенадцать гербов царств и областей российских. За завесой, с левой стороны прислона, находится отверстие, вроде слухового окна, за которым, вероятно, сидел наставник десятилетнего царя Петра.

По обе стороны трона прорезные, серебряные столы для постановления держав.

Против трона три прорезные серебряные золоченые столбца с серебряными двуглавыми орлами на вершине, сходные с описываемыми Олеарием.

Трон польский 1-й

Поступил в Оружейную палату для хранения в 1832 году, после коронации блаженной памяти государя императора Николая Павловича и государыни императрицы Александры Феодоровны в Варшаве.

Он состоит из двух тронных вызолоченных кресел с балдахином и dossией малинового бархата, с шитыми золотом гербами Российской империи. Подушки и спинки обиты также малиновым бархатом и обложены широким и узким золотым галуном и золотою тесьмою. По сторонам dossии щиты с изображениями польского герба и вензельного имени государя императора Николая Павловича на польском языке: М. (Mikolaj). Кресла эти находились в тронной зале в варшавском королевском замке.

Трон польский 2-й

Также состоит из двух вызолоченных тронных кресел с коронами под балдахином. Подушки и спинки обиты

алым бархатом, обложены в два ряда широким и узким золотым галуном, золотою тесьмою.

В палату поступил из Варшавы в 1832 году, после коронации Николая Павловича.

Броня, оружие, знамена

С самого сочетания русских племен в единство великокняжения битвы с хазарами, греками, печенегами, половцами, с ляхами, уграми, литвой и немцами и, наконец, с монголами представляют в русской истории непрерывный ряд военных подвигов. Во все эти времена Русь межевалась и пахалась внутренней борьбою за наследие уделов, и это поле не отдыхало ни одного года в продолжение нескольких столетий; повсюду, по выражению древнего великого русского песнопевца, *снопы стлали головами, молотили цепами харалужными, на ток живот клали и веяли душу от тела*.

Кроме постоянной необходимости быть наготове к бою, строить города (укрепления), остроги, тверди и станы по цепи границ владений, сама природа славенорусских племен была всегда исполнена бодрости и мужества; во время празднеств народными играми был бой, города, гарцеванье на конях и борьба, напоминающая атлетов, столь обычная по сие время в Болгарии. «Седлай, брате, свои борзые комоны, – говорит Всеволод¹, – а мои ти куряне сведоми кьмети², под трубами повиты, под шеломы взлелеяны, конец копья вскормлены³, пути их ведоми, яругы (яры, ущелья) им занеми, луци у них напряжены, тулии отворении, сабли изостреени, сами скачют, аки серые волки в поле, ищучи себе чести, а князю славы». В этих словах, составляющих народное поверье, высказывается воинственное воспитание русов.

В Древней Руси и во время христианства совершался над младенцем мужского пола на третьем году воин-

ственный обряд *пострига*; причем младенца препоясывали мечом, возлагали на него колчан стрел и сажали на коня. Летописи наши упоминают о подобных постригах великокняжеских детей: «Того же лета 6699 (1191) быша постриги у Всеволода сыну его Георгию (родившемуся в 1189 году) в граде Суздале; того же дня и на коне всадиша и (его)». Этот обряд, кажется, сохранен славяно-русскими племенами в числе многих других обрядов первобытной их родины⁴.

Учение боевому строю употреблялось в Древней Руси уже при Святославе: «Неожиданно приступившие к Преславу греки застали русские войска на равнине под городом учащимися военным приемам».

В решительные минуты великие князья составляли военный совет. Лев Дьякон, описывая осаду Доростола, говорить: «С наступлением дня Святослав составил совет из знатнейших мужей, который на их языке *коментом* (кметованье) называется»⁵.

В сражениях наблюдался строй и боевой порядок: «Володимир же изряди вон своя и повел приступити к граду (Корсуню)». – «Ярослав же (в 1036 году) выступи из града и *исполчи* дружину, и постави варязи (наемную пехоту) посреди, на правой стороне кияне, а на левом крыле новгородцы, и сташа пред градом».

Между построениями полков высылались стрельцы: «Мстислав же стояше у Липец (1177) и стрельцом стреляющим межю (между) полкома, пойдоша к собе (друг на друга) на грунах⁶ обои».

Во время войны строились полевые укрепления: «Они (суздальцы в 1149 году) противу сташи новгородцев, начаша *город* (укрепление) чинити».

«И устроиша *острог* около города» (Нов. лет. под 1169 г.).

Ту бо бяху вышли суздальцы полком и угошили около себя твердь и не смеша дати полку (сражения)» (Нов. л. 1180).

Знаками отличия были *гривны*, или золотые ожерелья.

«Бе отрок сей родом угрин, именем Георгий, его же любляше Борис, бе бо возложил на него гривну велику злату, в ней же предстояше ему. Избиша же отроки многи Борисовы, Георгиевы же не могуци борзо сняти гривны с шеи, отсекоша главу его».

Ношение поручей и серег, как знаков достоинства, также есть след древнейшего обычая. Великий князь Святослав носил золотую серьгу, украшенную двумя жемчужинами и яхонтом.

В духовной своей грамоте великий князь Иван Иванович в 1359 году завещает старшему сыну Димитрию в числе великокняжеского чина: барм, золотой шапки, золотой цепи, золотой сабли – *«сергу золоту с жемчугом; сыну Ивану также сергу с жемчугом, что ми дал брат мой князь великий Семен»*.

Сохраняя первобытное верование и обычаи почти до принятия христианской религии, Русь и в Европе, без сомнения, сражалась тем же оружием, каким вооружил ее Сканда – божество войны и победы. Эта броня и оружие состояли из кольчуги, шлема, копья, рогатины, секиры, меча, лука и стрел⁷.

Над этим оружием русы произносили клятвы и обеты. Например, посланные⁸ от великого князя Игоря, князей, бояр и русских людей в Грецию клялись: крещенные – Богом Вседержителем, «да примут мечь в сей век и в будущий»; а некрещенные – «да не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и от стрел и от иного оружия своего, да будут раби в сии века и в будущей».

При клятве русы «полагали щиты своя и мечи наги и обручи своя и прочая оружия».

Золотые *обручи* составляли *обручие, обручение, или обречение* на службу; вместо обручей в другом месте договора поставлено золото: «и покладоша оружие своя и щиты и золото, и ходи Игорь роте (обету)».

Золото обручей имело смысл при клятве: «да будем золоты (желты) яко золото, и своим оружием да иссечени будем».

При мирных сношениях обычаем посылать в дар оружие существовал также искони. Печенежский князь Претичу, воеводе Святослава, послал в дар коня, саблю и стрелы; Претич взамен подарил ему броню, щит и меч.

Обычай решать сражение борьбой атлетов встречается в летописях в 993 году, боец Владимира Великого, вооруженный, боролся с печенежским великаном и сдавил его в руках до смерти⁹.

«И рече Редедя, князь косоожский: “Что ради губиве дружину межи себя? Снидевась сами бороти, да аще одолеши ты, то возмешь имение мое и жену и дети, и землю мою; аще ль аз одолею, то возьму твое все”. И рече Мстислав: “Тако буде”. И рече Редедя ко Мстиславу: “Не оружием будем биться, но борьбою”. Призвав на помощь Святую Богородицу, Мстислав ударил Редедю о землю и вонзе нож и зареза Редедю».

При употреблении оружия неизбежно было и производство оного. Оружейное мастерство и велось издавна в России. Выработка стали и булата, нарезка, насечка и навод золотом и чернью по железу также были известны даже в уделах, чему служит доказательством «рогатина, булат красной, туляя обложена серебром золоченым, резаны травы и люди и птицы, на тулее на краю две строки подпись¹⁰ в.к. Бориса Александровича (Тверского)».

Шлем норманнского дела, с чеканным на серебре изображением Архангела Михаила и славянскою надписью: «Великыи Архистратиже Господень Михаиле помози рабу Своему Феодору» (в.к. Ярославу Всеволодовичу) служит образцом русской, вероятно, новгородской работы XII столетия.

Из слова о полку Игореви видно, что половцы носили шлемы аварские; это так называемые *шапки эрихонские*.

В отличие от шлемов русских певец упоминает, что Роман Галицкий и Мстислав Луцкий носили *шлемы латинские* и под ними железные *панорзи* (латы, нагрудники).

В отличие от русских шлемов и мечей, певец упоминает о литовских: «Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими острыми мечи шеломы литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскими мечи».

В песне о полку Игорева не упоминается, однако же, персидское слово *пулат* – *булат*; но вместо его половецкое того времени *харалуг* – *каралук* – сталь: «гремляше о шеломы мечи харалужными» – «трещат копия *харалужная*». «Святослав грозный, великий, Киевский, грозою бяше, притрепал своими сильными пелкы и *харалужными мечи*, наступи на землю Половечьскую».

Стрелы же и сабли названы *калеными*: «головы половецкие поскепани саблями *калеными*» – «с вечера до света летят стрелы *каленые*» – «аки тури ранены саблями *калеными*».

Облаченные в железную броню полки Ярослава Галицкого называются *железными полками*; железными полками названы также и великие полки половецкие.

Восточная любовь к великолепию оружия была в обычае и у русов: шлемы были золотые или золоченые; описывая Всеволода, певец Игоря говорит: «златым шлемом посвечивая» – «ты буй Рюриче и Давиде не ваю ли злаченая шелома по крови пловаша?» – «Кое (где) ваши (Ольговичей) златые шеломы и *сулицы ляцские* и щиты?»

И вообще булатное русское оружие, подобно азиатскому, украшалось золотой насечкой и вставными драгоценными камнями.

Подразумеваемая броня как боевое облачение воина, она была различного рода, и по этому различию изменялись и названия ее. Московская царская Оружейная казна, ныне Оружейная палата, и царскосельская оружейная¹¹ госуда-

ря императора суть единственные хранилища, где можно видеть без исключения *все* образцы древнейших доспехов Азии и Европы: индийских, китайских, персидских, монгольских, арабских, греческих, римских, норманнских, германских, средних времен и русских с основания царства.

Все формы кольчужной брони с коническими шлемами, бармицами, наручами и поножиями имели начало свое в Индии. Оружейники Дели по сие время славятся производством превосходного булата и доспехов вообще. Все эти формы перешли в Персию и к арабам.

В Европе кольчужная броня принадлежит преимущественно славяно-русам. Конница сарматов, т.е. славян, на изображениях Траяновой колонны была в кольчугах и шлемах; пешие же воины (земщина) в свитах с палицами и косарями в руках, напоминая выражение «Слова о полку Игореве»: «тии бо без щитов с засапожники кликом полки побеждают, звонячи в прадедную славу»; или новгородцев в бою Мстислава с Ярославом: «Княже не хотим измерети на копих; но яко отчи наши билися на кулачески пеши», и, соскочив с коней, сбросив обувь и одежду, ринулись в бой.

В битве под Доростолом, в 971 году, великий князь Святослав был в кольчуге, которая и спасла его от удара Анемаса, телохранителя Цимисхия. По сказанию Льва Калойского Дьякона, «его защитили от удара кольчужный хитон и щит».

К кольчужной восточной броне принадлежат: *бахтерцы, байданы, полубайданы, колотари и юшманы* – составленные из колец с вплетенными рядами булатных насеченных золотом пластинок и надевавшиеся сверх полукафтаны или зипуна.

Римское всеоружие (*panoplia*) или броню – *cataphracta, logica hamata*¹² *thorax*¹³ (*cuirasse*), составляли *латы*¹⁴, то есть кожаные или ременные нагрудники, на которых нашивались латунные бляхи, чешуей или рядами.

Греческая, византийская броня, πανοιδήριον – всеоружие, панцирь, не отличалась от римской; но по сближению с Азией принимала и восточные формы. Русские *зерцала*, происходя по названию, может быть, от восточного слова *зерх, зирэх*¹⁵ (броня, кольчуга), более сходны с латами, имевшими всегда подбой. То же самое должно сказать и о панцире, который состоял из двух кожаных или бархатных половин – нагрудника и наспинника, с нашивными кольцами, набивными гвоздями или бляхами.

В царской Оружейной казне были следующие панцири:

- панцирь узловатый, старый;
- панцирь, по ярлыку, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича; на груди с обе стороны по десяти колец с подписью;
- панцирь, по ярлыку, написан Бориса Феодоровича;
- панцирь хрещатый, три мишени¹⁶ медные, посеребрены;
- панцирь черкасский; на нем шесть мишеней медных, посеребрены;
- панцирь острогвоздь;
- пять панцирей коропчетых;
- 16 панцирей немецких.

Панцирями черкасскими назывались, без сомнения, кольчуги, нашитые на бархат или ткань с прорезами по сторонам, чему служит доказательством панцирь, присланный в дар царю Алексею Михайловичу от Александра, царя имеретинского.

При царе Иоанне Васильевиче IV производство брони и оружия в Москве было обширно. Все покорившиеся князья и мурзы юрт и улусов ногайских снабжались московскою бронею. В бесчисленных грамотах их к Белому Царю они беспрестанно просили о присылке *сабель*, что рубят железо, панцирей золоченых, шлемов, седел с золотом, тегиляев (подлатников) золотного бархата и пр.¹⁷

В Оружейной казне существовала китайская и монгольская калмыцкая броня под названием *куяк*; она была вроде кафтанов или состояла из полостей, прикрывающих грудь, спину и плечи и соединяющихся застежками и пуговицами; кроме того, из двух передников, прикрывающих ноги. Ватные полости заключали внутри железные пластинки, укрепленные гвоздями. У китайцев это собственно броня конницы. Между верхней тканью, испещренной драконами, облаками, горами и травами, и подбоем на вате заключаются у них, по положению, сто сорок железных пластинок, или листов, разной величины и 1500 медных гвоздей, которыми укрепляются пластинки в вате.

По описи времен царя Михаила Феодоровича все кюяки с кюяшными шлемами¹⁸ присылались в дар от Алтына царя и тунгусских владетелей.

По описи 1687 года их было очень много, и упоминается, что все они деланы по-кафтанному. Некоторые были с бляхами медными и серебряными, на которых была изображена личина львов¹⁹.

Монгольское название *куяк* известно было и народу; но понятие о доспехах, как видно из песен, было неясное. В песне о Михайле Козаряnine на одних и тех же плечах и кюяк, и панцирь, и кольчуга:

Крепки доспехи на могучих плечах
Кюяк и панцирь, – чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота.
А кюяку и панцирю цена на сто тысяч,
А кольчуге цена сорок тысячей.

К числу панцирей должно отнести и *байдану*, которая делалась из так называемых по старинным описям *сеченых колец*, т.е. выбитых из листового железа и нашитых на подбой. Должно полагать, что именно этот род брони, подобие кольчуг восточных, и составлял по преимуществу *les cottes*

de mailles на Западе, до крестовых походов²⁰. По старинным описям Оружейной казны только кольчуги с сечеными кольцами называются немецкими²¹.

Этот род германской брони изображен и на известном ковре, приписываемом трудам Матильды, супруги Вильгельма Завоевателя. Кольчуги воинов в виде курток и штанов, обшитых металлическими кружками, на головах шлемы с носами.

Что байдана составляла род кафтана с нашивными плоскими кольцами и бляхами, то подтверждает *байдана мисюрская* (египетская, каирская), упоминаемая в описи казны Бориса Годунова: «Бадана мисюрская с сеченым кольцом и мишенью, без ожерелья; ворот и рукава и по подолу опушена в три ряда медью золочено».

Полубайданы, упоминаемые в описях, вероятно, были без пол. Собственно к броне принадлежат также шлемы и щиты.

Сарматы на колонне Траяновой в кольчугах и в остроконечных шлемах, совершенно сходных со шлемами, изображенными на древних рисунках, представляющих русских воинов, например, в так называемом Святославовом сборнике; а также сходных с гладкими и ложчатыми шлемами московской работы.

Броня и шлемы упоминаются в Краледворской рукописи у южных славян:

Тварды очел (сталь, булат) на могучих персах.
Радостно сия свой щит черн,
Двузубу, и сия со щитом и млат
И не проникавый шлем.

В «Слове о полку Игореве» о шлемах не иначе пишется, как *золотые* или *золоченые шлемы*. Действительно, как видно из древних описей Оружейной казны, почти все русского производства булатные и стальные шлемы наводи-

лись золотом или были с золотой насечкой; например: «три шолома наводных (т.е. золотом); а у одного венец серебряной золочен с чернью».

В трубку на вершине шлемов вставлялись *еловцы*²² – знаки, составляющие, вероятно, различие полков, и *перья*, признак воевод, предводителей. Эти перья обделывались в золото и украшались жемчугом и драгоценными камнями.

Шлем, как древнейшее и обычное общеславянское название головного доспеха, имеет, по описям царской Оружейной казны, свои подразделения. Собственно *шлем* относится к кольчужной броне, имеет форму конуса с выпуклостью и вооружен бармицей, или кольчужной подвеской.

Шишак есть преимущественно польское название шлемов латных, латинских, с наушниками и затылками.

Шапками ерихонскими назывались азиатские шлемы, вооруженные вместо кольчужной бармицы также наушниками и затылком.

Мисюрки и шапки мисюрские – от араб. *михфер*, перс. *мизер* – шлем в виде черепов, к которым прицеплялась кольчужная бармица. Мисюрки иногда надевались на голову под ерихонские шапки. Этим может объясниться сказание Гваньини, что «русские подчас надевали двойные шишаки».

Шапками немецкими и железными колпаками назывались разные формы кирасных шлемов. Калмыцкими шапками – шлемы монгольской или китайской формы.

Щиты у славян и русов были булатные, деревянные и кожаные, преимущественно круглые, выпуклые, восточной формы.

По Краледворской рукописи, на поединке у залабского князя щиты поединщиков были черные железные или кожаные с железным навершием и плащами.

Оба добыста ту мечи,
Раз по разу в чарны щиты;
И искры вспарху з чарну щиты.

По Ибн-Фосслану, русы, приезжавшие на Волгу для мены мехов и челяди (преимущественно полоненных женщин), при обряде сжигания одного из умерших своих начальников *ударяли в щиты*, чтоб не было слышно воплей женщин, вызвавшихся на сожжение вместе с покойником. Следовательно, щиты русов были железные.

Приписать определительный цвет русским щитам, *червленный* или красный, невозможно, несмотря на выраженные песни о полку Игореве, где щит не иначе упоминается, как со своим прилагательным *черлений*. Это обычное прилагательное принадлежит собственно щиту, а не русским, точно так же как стрелам неизбежно прилагательное *каленные*²³, мечам – *булатные* или *харалужные*. Подбой у щитов азиатских вообще и у щитов русских, булатных, камышевых, кожаных и деревянных, почти всегда был красный бархатный, камковый, или кумачный. Бахрома у богатых щитов также преимущественно бывала «шелк червчатый с золотом». Деревянные и кожаные щиты обтягивались червчатым бархатом или камкой, поверх коих накладывались булатные изукрашенные или простые наверхия, плащи, репы, мишени и гнезда с драгоценными камнями.

Кроме щитов обыкновенных у славяно-русов были *наезы*²⁴. Эти огромные щиты, прикрывающие всего воина, употреблялись во время приступа к городским стенам и при защите укреплений.

Когда войска Цимисхия прошли тайно через ущелья Гема или Балкана в Булгарию и внезапно окружили Преслав, тогда отряд русов в 8500 человек, оставленный Святославом для защиты города, учился на равнинах военному строю. По Льву Дьякону, этот отряд состоял из пехоты²⁵ и был вооружен крепкими и длинными, до самых ног, щитами.

Тарч, составляющий небольшой щит, приделанный к наручу (*brassard*) со шпагой, принадлежит к латному германскому вооружению.

Название *тарч*, происходящее, вероятно, от арабского *тарс* – *щит*, существует во всех европейских языках: *tarche*, *targa*, *targe*, *target*, в значении: род щита, и, кажется, родственно с *thorax*.

Как в отношении брони, легкой и красивой, так и в отношении оружия русы предпочитали восточное, собственное явному мужеству. По поверью, они выезжали в поле *силы изведать, оружие измерить* и, кажется, хранили в предании закон: «и в битве с неприятелем воин не должен употреблять вероломного оружия: ни стрел зубренных, ни стрел ядовитых, ни стрел огнеметных»²⁶. В древности обычным, нехитрым оружием русов были простые стрелы, мечи и копья.

По народным сказаниям, лук и стрелы у витязей были следующие:

«Вынимал он из налушна свой тугой лук²⁷,
Из колчана калену стрелу,
А цена тому луку три тысячи,
Полосы лука булатные,
А жилы слоны сохатные,
А рога красна золота²⁸
А тетивочка шелковая...
Стрелы колоты из трости дерева²⁹
Строганы в Нове-городе,
Клеены клем осетра рыбы,
Перены перьяцем сиза орла,
В ушах поставлено по тирону,
По камению, по дорогу самоцветному».

В описях кроме обыкновенных стрел упоминаются: *северги, срезни, тамары и свищи*. Это стрелы охотничьи. В описании они сходны между собой; вместо копьеца у них *накосточки*, иногда серебряные золоченые и резные³⁰.

Кроме мечей булатных в рассказах упоминаются русские *мечи кладенцы*. Название *кладенец* есть славянское *kladnice* – то, чем колют и рубят, соответствующее латинскому *gladium, gladius*.

Сабли московского производства различались по образцам, с которых делались или выковывались, и потому в описях упоминаются: сабли на черкасское дело, на угорское дело, на турецкое дело, на литовское дело; на угорский выков, на кизылбашской выков, на немецкий выков. «Булат красный, выков на литовское дело, долики на угорский выков».

«Две полосы стальные московское дело на литовский выков, зубатые, в три доли на обеих сторонах».

В числе прочих выковов был и собственно московский: «Полосы булат синей, московский выков».

В числе сабель была «сабля, булат красный, египетское дело». По описи 1687 года «взял ее в свои хоромы царь Петр Алексеевич».

Замечательнейшие из хранящихся в Оружейной палате булатные с золотой насечкой сабли: одна под названием *тесак*, деланная в оружейном приказе для царя Михаила Феодоровича, и другая с надписью «сабля князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского».

За саблями и мечами в описях следуют *палашы* – германские *spatha*³¹ – и *кончары* – персидские *коддарэх*, или турецкие *ханджары*, особенные большие мечи, вроде палашей.

Копья имели также свои подразделения. Широкие, плоские, с коротким ратовищем, назывались *рогатинами*; метательные копья – *сулицами*. По описи 1687 года: «сулица, булат красный, скепище древо немецкое черное; на конце трубка с яблоком серебряная, травы резные, в перевив золочены; кисть золотая».

Кроме этих оружий употреблялись вроде широких топов или скир так называемые *бердыши*.

У чехов и венгров называется *косарь* большой нож, сделанный из косы. Из этого сельскохозяйственного орудия, насаженно-го на ратовище, образовалось *бардище* и *бердыш*. У готов *bard* и *bardisan* – секира. У римлян бердыш принял название *lunata secures* и *hasta falcate*, от *falx*, в ит. *falce*, во *фр.* *faux* – коса.

У франков *бердыш* *bardis (an)* принял название *partisane* и *partuisane*. Это было преимущественно оружие наемных телохранителей.

Южные и западные витязи вооружались *млатом*; в России у богатырей упоминается тяжкая палица, медная, литая. Но это не собственно оружие, а знаки военачалия: млат то же, что *клевец*³² или чекан, по персид. *чакуш*, *палица*, на чешском то же, что *буздован* (тур. *бузды-ган*), булава³³.

Железная палица или булава и у греков заменяла часто оружие³⁴.

Из осадных орудий каменобросцы употреблялись в древности и русами³⁵ и назывались *пороками* или *пращами*³⁶.

Русь или русы, составляя первоначально ратное сословие и дружину великокняжескую, были собственно конница; пехота же всегда образовывалась из земщины, набором и наймом. Наемные варяги, как моряки, по преимуществу составляли корабельную и строевую пехоту. Как строевое войско, в битвах они всегда занимали центр: «Ярослав же исполни дружину и постави варяги посреди, на правой стороне кяне, а на левом крыле новгородцы». Из наборных и наемных воинов учреждалось в необходимых случаях и постоянное войско; так, например, великая княгиня Ольга, возвратясь из Древлянской земли к Киеву, *пристроя вои на прок*.

Великие князья имели у себя запасы оружия, которое и выдавалось на случай войны: в 1067 году во время набега половцев киевляне обратились к князьям: «Вдай, княже, оружия и кони, еще бьемся с ними».

При войсках искони были знамена; но слово *знамя* является уже в позднейшее время. В старину обычное слово

было *стяг*. На стягах изображалось знамение покровительствующего божества области, города или полка. По стягу совершалось движение войска. Около великокняжеского, или великого, стяга сосредотачивались удельные силы. Знак к движенью подавался рогами, трубами и бубнами³⁷; победа звенела в щиты.

Кроме стягов в древности у славян были знамена под названием *хоругвей* и *прапоров*. Первые искони были местными, сборными или приходскими знаменами³⁸.

В Краледворской рукописи в песни Ольдрих и Болеслав «*хоругви* ту сборки (приходские общины) на мост вразя (водрузили)».

В песне о Ярославе: «к Оломцу *хоругви* их веют».

В «Слове о полку Игореве»: «Черлен стяг, бела *хоругвь*, черлена челка».

Прапором у славянорусов называлось родовое или гербовое знамя и флаг, выставлявшийся на зданиях.

В древней песни о битве чехов с поляками в начале XI столетия князь чешский схватывает сам прапор и несет-ся на неприятелей³⁹.

В описях царской Оружейной казны упоминаются следующие прапоры.

Гербовой боярина Никиты Ивановича Романова: «прапор, середина тафта белая, вшит гриф тафта желтая с мечом, в левой лапе держит клеймо (щит); повыше клейма писан орлик черный; опушка вшита в червчатую тафту, тафта желтая; откоски объяр черная, писаны главы львовы золотом и серебром, опушки тафта разных цветов, гротик железной, прорезан; древко по белой земле писано розными красками. По ярлыку написано: прапор боярина Никиты Ивановича Романова».

Прапоры царств и областей русских:

– Прапор с изображением «земля с короною и крылами» с подписью: «Царь Остороханский».

– Прапор с изображением барса и подписью: «Государь Псковский».

– Прапор, изображение «престол с короною, на короне крест», с подписью: «Тверской».

– Прапор, изображение «медведь на серебряном столе», подпись: «Пермский».

– Прапоры теремные и башенные: «Четыре прапора писаны золотом по белому железу, что бывают на теремах и на крыльцы, на шетрах»⁴⁰.

Русские знамена с откосами и особенно *косынею*⁴¹ (треугольником) есть древнейшая форма знамен, на которых изображалось божество победы с его знаменованиями, множеством голов и рук, вооруженных всеми родами оружия; подобное знамя найдено в Ретре, городе прибалтийских русов.

Кроме различных родов древней брони и оружия Оружейная палата, без сомнения, занимает одно из первых мест между известными хранилищами редкостей и по части огнестрельного оружия старого времени.

Особенно замечательны уцелевшие в значительном числе пищали, образцы самостоятельного развития русского оружейного искусства, нераздельного с изящной отделкой и богатством наружных украшений.

В числе древних пищалей бóльшая часть винтовальных доказывает, что нарезное оружие пользовалось в России давнею уже известностью и предпочиталось гладкоствольному.

В числе так называемого скорострельного оружия здесь хранятся первообразы револьверов, ружья и пистолеты – духовые, многоствольные, многозарядные с поворотами и заряжающиеся с казенной части.

И вообще броня, оружие и конские уборы, хранящиеся в Оружейной палате, по замечательности своей в отношении древности и разнородности представляют богатый материал для изучения развития оружейного дела.

Государственное знамя, меч и щит

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАМЯ из золотого глазета, с обеих сторон государственный герб, писанный красками; бахрома витая из золота, серебра и черного шелка. Голубая лента ордена Св. Андрея Первозванного укреплена вверху бантом; концы ленты украшены с обеих сторон двуглавыми серебряными позолоченными орлами; от них вверх идут подписи, шитые золотом; на одном: «С нами Бог» и годы начала государства Русского (862) и принятия христианской религии (988); на другом: «С нами Бог» и годы принятия герба Восточной империи (1497) и титула Всероссийской империи (1721). На банте медальон с серебряным золоченым орлом; от банта висят две трехцветные кисти. На древке серебряное позолоченное яблоко; на нем двуглавый орел серебряный же, покрытый эмалью; при древке ручки в серебряной позолоченной оправе, расписаны тремя цветами. Знамя прикреплено к древку серебряными пуговицами на золотом галуне; кругом его золотая трехцветная обшивка. При знамени перевязи, покрытые глазетом с трехцветною каймою и подложенные малиновым бархатом.

По высочайшему повелению это новое государственное знамя заменило прежнее обветшалое и освящено в присутствии государя императора Александра Николаевича 1856 года августа 18 в Оружейной палате.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕЧ, полоса стальная, во всю длину (1 арш. 6 верш.) выбита тремя долами; шириной $1\frac{1}{2}$ вершка. С одной стороны обронною работою вычеканен золотом *двуглавый орел*, держащий в когтях *извивающегося дракона*; с другой, гриф с обнаженным мечем. Рукоять длиной $8\frac{1}{2}$ верш., наверху орлиные головы под короною; крыж с орлиными же головами. Ножны обтянуты золотым глазетом. В описи 1687 года записан первым.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЩИТ, в диаметре 13¹/₂ верш.; в нем 42 яшмовых бляхи, по которым в золотой насечке и в гнездах яхонты, изумруды и бирюза.

XIV век великого князя Димитрия Иоанновича Донского

ЗНАМЯ, бывшее в битве с татарами на Куликовом поле в 1380 году. Ветхо; на желтой тафте по обе стороны золотом и красками изображены: образ Нерукотворенного Спаса, а пред ним св. Георгий, св. Михаил и св. Сергей.

ХОРУГВЬ, небольшая лазоревой камки с изображением образа Николая Чудотворца и молящихся пред ним князя Димитрия Донского с воинством своим; вокруг, по кайме, покрытой серебром, тропарь святителям, правило веры и проч., с другой стороны кондак: «в мирех свете» и пр. до конца.

Царя и великого князя Иоанна Васильевича IV

ЗНАМЯ – ветхое, середина из тафты лазоревой, откос из тафты сахарного цвета, с каймами макового цвета, вшитый круг из белой тафты, на лазоревой середине в кругу писаны золотом и серебром: Господь Вседержитель на коне серебряном; на правой стороне на бедре подпись: «*Царь царем и Господь господем*». За Спасом воинство небесное на конях белых, в облачении белом и чистом; вне круга херувимы и серафимы; на середине откоса в кругах архангелы с мечами в руках.

ЗНАМЯ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО, государей царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеичей и царевны Софии Алексеичей, – треугольное, с изображением на обеих сторонах российского герба, под коим крест из звезд и образ Спасителя с подписью: «*Царь царем и Господь госпо-*

дем». По бокам креста также молитвенные подписи, – время писания знамени в 1688 году янв. 6, и «дано их царского величества верному подданному войска запорожского обеих сторон Днепра гетману Ивану Степановичу Мазепе».

ЗНАМЯ ЦАРСТВА СИБИРСКОГО, рудожелтой камки, с изображением архангела Михаила и надписью: «лета 7203(1695) апреля 27, по указу великих государей и князей сибирских и по приказу ближнего стольника и воеводы Андрея Федоровича Нарышкина с товарищи».

БУЛАВА ближнего боярина князя Василия Васильевича Голицына.

Царя и великого князя Петра Алексеевича

ЗНАМЯ ГЕРБОВОЕ, по красной камке изображение двуглавого орла. В середине надпись: «Слово Божие»; а вокруг: «знамя гербовое, устроено бысть в лето 7204 (1696) марта в 25 день, пресветлейшего, великодержавнейшего и богохранимого монарха... и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя России самодержца».

ПИЩАЛЬ ШЕСТИВИНТОВОЧНАЯ, с насечкой серебряной, с изображением двуглавого орла и надписью: «пищаль великого государя царя и в.к. Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, в лето 7200 (1692)».

ПИЩАЛЬ ШЕСТИВИНТОВОЧНАЯ с резьбой и насечкой золотой, с изображением двуглавого орла и надписью: «пищаль в.г. царя и в.к. Петра Алексеевича Великия, Малыя и Белья России самодержца, в лето 7187(?) (1679)».

САБЛЯ, полоса булатная с изображением золотом Божией Матери с Предвечным Младенцем; над Оным два ангела, держащие корону; выше образа Богоматери вставлены яхонт и изумруд со значением 1692 года. На другой стороне изображение св. Георгия на коне. Черен черепаховый.

Императора Петра Великого

ЗНАМЯ ЧЕТЫРЕУГОЛЬНОЕ, красной камки, с изображением креста и Иоанна Воинственника.

4 ЗНАМЕНИ ТАФТЯНЫХ, с изображением в облаке руки, вооруженной мечом, и знака ордена св. Андрея Первозванного. Эти знамена, построенные в честь ордена св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 году, предводили первые регулярные полки, сформированные в 1700 году.

2 ЗНАМЕНИ, первопожалованных императором Петром I лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам в 1711 году, перед выступлением их в поход против турок. – Красной тафты с надписями из белой тафты: «за имя Иисуса Христа и христианства». В верхних углах по желтой тафте изображены золотом кресты в сиянии с надписью вокруг: «сим знаменем победиши».

ШПАГА, которую его величество изволил носить. Клинок английский, в серебряной золоченой чеканенной оправе с надписью: «Non y soit qui mal у rehse»*.

МИНИАТЮРНЫЙ ПОРТРЕТ императора Петра I, жалованный Меншикову.

Повозки, трофеи и разные вещи

Мы должны также сказать несколько слов о конюшенной царской казне и в особенности о *старинных поездах*: в древности обычная езда была верховая. Убранство коня соответствовало убранству и достоинству ездока. Лучшими конями в X столетии считались чешские и угорские¹. Воза, возки и повозки употреблялись для переезда и для перевоза тяжестей.

В Пскове и Новгороде крытые повозки назывались *болками*. Это название сохранилось и поныне в Астраханской и Иркутской губерниях.

* Стыд подумавшему плохо об этом (фр.).

В описании приезда царевны Софии в 1473 году, прибыв в Псков на насадех (большие лодки, крытые суда), она пересела в воз: «И царевна вшедши в воз и приехавши в дом Живоначальной Троицы...» – и тако вшедши в воз и поеже с великою честью из Пскова; а посадники псковские и бояре проводиша ее до Старого Вознесения и седе в болках и поезде к рубежу (Новгор. волости).

Кроме воза в летописях и древних сказаниях упоминается о *колах*², колесницах, телегах, санях: «И повеле (великий князь Владимир) пристроити *кола*, и вклад хлеба и мясо и рыбы и овощи разноличии и медь в бочках и в других квас, возити по городу, вопрошающе: где больные и нищие и не могуши ходить?»

«И вложиша (кн. Бориса) на *кола*, и повезоша».

Телега есть общеславянское название одноконного воза с оглоблями, а не с дышлом.

В «Слове о полку Игореве»: «кричат (половецкие) телеги полунощи, рци лебеди распущени». т.е.: скрипят телеги в полночь, уподобляясь крику разлетевшихся лебедей.

Сани, зимний воз, упоминаются в X столетии: «и сани ея (великой княгини Ольги) стоят в Пскове и до сего дни».

По описям царской конюшенной казны, были в старину следующие экипажи: кареты большие и маленькие, полукаретья (между ними «потешные и на двух колесах»), коляски, сани – выходные и полевые, возки, рыдваны, колымаги, каптаны и телеги (решетчатые, крытые кожей телятиной и циновками, употреблявшиеся для перевоза вещей).

В каретах и возках царских и боярских были всегда два образа или два креста, иногда с мощами: «Карета резная золоченая, а в ней два образа: образ Всемиловитого Спаса, другой Знамение Пресвятой Богородицы».

«Карета и в ней два образа: образ Пресвятыя Богородицы, другой Иоанна Предтечи, писаны по золоту красками... Взята та карета после боярина Князя Ивана Алексеевича Воротынского, в 1681 году».

В указе царя Феодора Алексеевича в 1682 году было повелено следующее распределение экипажей по званиям: «С сего времени впредь боярам и окольниковым и думным людям ездить в городе, или кто куда похочет, в летнее время в каретах, а в зимнее в санях на двух лошадях; боярам же в праздничные дни ездить в каретах и в санях на четырех лошадях, а где им доведется быть на сговорах и на свадьбах, и им ездить и на шести лошадях. Спальникам же и стольникам, стряпчим и дворянам ездить в зимнее время и в санях и на одной лошади, а в летнее верхами».

Древние возки, кареты и прочие экипажи

В описи 1706 года, составленной с прежних описей и дополненной в этом году, в конюшенной казне хранилось множество экипажей под названиями *карет, колясок, возков, рыдванов, колымаг, каптанов* и *саней* иноземной присылки и московской работы.

Из числа упоминаемых в описи больших карет английских, голландских, немецких, польских и московского дела некоторые находились у цариц и царевен, и между прочим три кареты у «великой государыни благоверные царицы и великой княгини Марфы Матвеевны». В одной ездил царь Арчил Вахтангеевич (Имеретинский). – «Карета резная золоченая, а в ней два образа: образ Всемиловитового Спаса, другой Знамения Пресвятыя Богородицы; эта карета отдана великой государыне, благоверной царице и в.к. Прасковье Федоровне».

Кроме больших карет были маленькая, полукареты и расхожие. Древнейшая, хранящаяся в Оружейной палате, – «карета большая аглинская бархатная червчатая».

Название кареты получил впервые *возок (carriage)*, присланный английской королевой Елисаветой³ с ответным посольством на предложение Бориса Годунова о единомышленном восстании всех христианских держав на магометан.

В книгах посольских этот *carriage* назван «возком позолоченным бархатном червчатым». В описях же конюшенной казны: «каре́та большая аглинская бархатная червчатая». Между прочими украшениями кареты голунами, бахромой и пр., «в карете верх и передние и задние стены и подвойные полы, и столпцы и ящики обито, и одверье и отметные полы подложены бархатом червчатым». «Верх на осми столпцах деревянных... У кареты по ящичку резаны на конях люди и звери и травы и золочены и расписаны разными красками». – «Под обломами подставки железные витые, золоченые. Передние столицы разные золочены, на них резаны люди и золочены и прорисованы живописным письмом...» и т.д.

Резные изображения на карете вполне сообразны ответу Англии на предложение царя Бориса к общему восстанию держав для изгнания турок из Европы. Англия предоставляет ему одному совершить этот подвиг: на задней стенке возка вырезано сражение с турками и единоборство витязя в коронованном шлеме и золотой броне с турецким султаном. В отдалении виден Иван Великий и Москва. На передней же стенке царственный витязь на колеснице торжественно шествует с победы; перед ним несут знамя с изображением двуглавого орла, которого одна половина красная, другая белая.

В каждой карете, по обычаю, находилось по два образа или по два креста, с мощами и без мощей. Один образ или крест находился над государевым местом, другой над боярским местом спереди. В описываемой английской карете были два креста серебряных золоченых с мощами⁴.

Разные вещи. Модель московского дворца императрицы Екатерины II

Древние стены и башни Кремля, построенные вновь при Иоанне III, через три столетия требовали восстановле-

ния. Нет сомнения, что знаменитый зодчий В. И. Баженов подал горделивую мысль обнести весь Кремль вместо стен огромнейшим зданием дворца. В 1773 году, июня 1 числа, необычайный по величине дворец был заложен на месте Тайнинской башни. Он образовал собою треугольник. Главный фас его обращался к Москве-реке, на протяжении от Водовзводной башни до Свибловской стрельни. Флигеля соединялись с одной стороны со зданием Сената, с другой, вдоль стен по скату к р. Неглинной, с Арсеналом. Со стороны Фроловских ворот или Спасской башни предполагался театр в связи с дворцом и с выходом на обширную круглую арену (на месте нынешней площади), обнесенную совершенным подобием древнего римского амфитеатра с обычными уступами для зрителей. Великолепное предприятие, однако же, не состоялось. Изготовленные материалы обращены были на поправку стен. Но в память этого чудовища, которое поглотило бы всю святыню древнего Кремля, сохраняется модель, исполненная по мысли Баженова архитектором Казаковым и стоившая в то время 60 тысяч рублей.

Набатный, или Вспокошный, колокол

Этот колокол, в который звонили при случавшихся в городе пожарах, висел на Набатной башне, что у ската горы, ниже маленькой башенки близ Спасских ворот, называвшейся Царскою башней. Надпись на колоколе: «1714 года, июля в 30 день, вылит сей набатный колокол из старого набатного же колокола, который разбился, Кремля города к Спасским воротам. Весу в нем 130 пуд».

Вещи Петра Великого

Кровать с тюфяком (по совершенной ветхости и порче не выставлены).

Точильное колесо и камень.

Трость, собственной его величества работы.

Карманные часы, сделанные из пальмы, с портретом его величества⁵.

Императора Александра I

Колыбель, разборная, стальная, украшенная золочеными и воронеными травчатыми узорами и бахромою из стальных бус. В кругах: вензель императора Александра I, 1779 год, двуглавый орел и герб тульский.

Вещи с письменного стола, из кабинета императора Александра Павловича в старом московском дворце.

Мебель его величества из того же кабинета.

Древняя столовая и домашняя утварь

Древняя царская столовая и домашняя утварь разделяется собственно на столовую посуду, на посуду хозяйственную, на вещи комнатные и вещи, составляющие поминки, или дары, присылавшиеся великим князьям и царям от разных европейских и азиатских держав.

Не говоря о сосудах медных, оловянных, глиняных и деревянных, употреблявшихся в хозяйстве, золотые и серебряные сосуды имели множество различных названий, по роду употребления и соответственному устройству. Для меры и отпуска напитков с погребов Сытного дворца¹ употреблялись ведра, кружки и чарки; например: «и того к великому государю в столовое и вечернее кушанье всяких питей: 20 ведер, 3 кружки, 15 чарок».

При отпуске разных масел употреблялись мерою, вместо чарок, ложки: «да запасов: 2 ведра, 6 кружек, 12 ложек масла орехового».

Для содержания и разноса питей предназначались: *четвертины, кувшины, кунганы, воронки, оловеники, сулеи, мушормы, жбаны, ендовы.*

Для питья заздравного: *братины, чаши и чарки.*

Для питья меду, пива и квасу: *стопы, кружки, достаканы* (стаканы).

Для подноса угощения напитками: *кубки.*

Для черпания: *чумы, чумки, черпальцы и ковши.* Последние разделялись на *выносные и питьые.*

Для подачи кушанья: *блюда, блюдца, стоянцы, горшечки, сковороды с кровлями.*

Для подачи вареных плодов и овощей: *овощники.*

Для рассолов – *рассольники, лимонники.*

Для свежих плодов – *веки* (серебряные корзины).

Для леденцу, сухих плодов, смоквы и пр. – *крошни, стоянцы и ставцы.*

Для приправ кушанья: *солонки, судки* с сосудцами – для уксуса, мускатного ореха, перца, имбиря, сахара и пр.

Для омовения рук – *серебренники, или рукомойники и лохани.*

Для украшений поставцов и стола – *горы, всадники* и разные чеканные звери и птицы.

Кроме этого была так называемая *потешная посуда*: кубки с мельницами, кубки в виде кораблей на колесах и по описям:

«Кубочик скляничный, а в нем на спине повертывается барашек».

«Скляница потешная, а в ней люди играют в музыки, да виноград и птицы».

В числе столовых приборов – ложек, ножей и вилок были походные готовальни, называющимися *монастырьками*².

Производство золотого и серебряного изделия очень давно в России. Со времени первых сношений с Византией науки и ремесленные искусства сообщились быстро

Киеву, Новгороду и другим княжеским и епархиальным городам; но столь же скоро исчезли в период монгольский, как и из русских древних книгохранилищ исключенные и запрещенные в числе ложных книг: «Астрономия», «Землемерие», «Коледник» (календарь) и пр., заключавшиеся в толстых «Сборниках сельских». Не говоря о превосходных изданиях брони и оружия, по летописям, в XII и XIV столетиях существовали еще свои кузнецы золота и серебра: в грамоте великого князя Дмитрия Донского упоминаются два золотых дела кузнеца Макаров и Шишкин. В грамоте великой княгини Софьи Витовтовны «кубок серебрян на чешую бит», – «кубок серебрян на косые грани бит» – «а другую половину издельного серебра велела есмь крестьянам серебрянником отдавати».

Кроме производства золотой, серебряной и драгоценной посуды в государевой Мастерской палате и у московских рядских серебряников было производство и у Троицы. Например, в описи пожитков боярина Бориса Годунова упоминается «братина троицкая, серебряная, украшена финифтью и жемчугом».

Славилась также посуда каповая (кореньковая) и деревянная с наводом золотым – *троицкая, корельская и кирилловская*.

В древности при великих князьях пиры происходили в *гридницах*, или столовых палатах, которые при приеме послов украшались драгоценными сосудами казны³.

Это количество золотой, серебряной и вообще драгоценной утвари составляло *прок* родового богатства, и при обычном обороте взаимных даров (*поминок, памятей*), переходя в наследие, поставцы служили летописью семейных событий и дружественных отношений. В великолепной одежде был тот же самый прок: истлевала материя, а драгоценные ее украшения перешивались на новые одежды. Этот капитал прочного великолепия и богатства непонятен был и в отдельные времена для германца.

Бурхард, посол германского императора Генриха IV к Святославу, в 1075 году, возвратясь из Киева⁴, с удивлением рассказывал о сокровищах и драгоценности одежд великого князя и двора его; но, как упоминает Нестор, смотря на золото, серебро и паволоки (одежды), назвал этот капитал мертвым⁵.

То же самое спустя 500 лет мог сказать и Ченселер, посол английского короля Эдуарда VI, пораженный великолепием, окружавшим Иоанна IV: «В одной из зал (в Св. сенях) сидели сановники в золотых одеждах до самых пят. Вошедши в аудиенц-залу, англичане были ослеплены великолепием, окружавшим императора. Он сидел на возвышенном троне в золотой диадеме и богатейшей порфире, горевшей золотом; в правой руке у него был золотой скипетр, осыпанный драгоценными камнями; на лице сияло величие, достойное императора. По бокам стояли главный дьяк и ближний боярин; за ними сто пятьдесят вельмож в богатейших одеждах сидели на лавках (на рундуке). Подобный блеск великолепия, подобное почтенное собрание могли ослепить хоть кого...»

«Через два часа после аудиенции посол был приглашен к царскому столу. В так называемой Золотой палате сидел русский император в серебряной одежде; на голове его сияла новая диадема. Посредине палаты стоял невысокий квадратный стол⁶. На нем лежали шары, поддерживающие другие, меньшие, так что из них образовалась пирамида, суживавшаяся кверху. Тут же было множество драгоценных вещей, ваз и кубков, большей частью из самого лучшего золота. Особенно отличились четыре большие сосуды, до 5 футов в высоту. Несколько серебряных кубков, похожих на наши небольшие стаканы, употреблялись для питья князю, когда он обедает без торжественного собрания».

«Четыре стола, накрытые самыми чистыми скатертями, были поставлены отдельно у стен (к ним вели три

ступени); за них сели почетнейшие сановники в одеждах из дорогих мехов».

«Принимаясь за нож или за хлеб, князь полагал на себя крестное знамение. Кто пользовался особенною милостью и участвовал в советах, тот сидел за столом вместе с ним, но поодаль. У прислуживавших князю ниспускались с плеч самые тонкие полотенца, а в руках были бокалы, осыпанные жемчугом. Когда князь бывает в добром расположении духа и намерен попить, он обыкновенно выпивает бокал до дна и предлагает другим».

«В Московии исстари ведется, что перед обедом сам император посылает каждому хлеб. Подносящий говорит громко: “Великий князь Московский, Государь Русский Иван Васильевич жалует тебе (имя того, к кому относится) сей хлеб”. При этом все встают и кланяются князю. Когда посылки кончатся, входит придворный в сопровождении прислужников и, поклонившись князю, ставит на стол на золотом блюде молодого лебедя; через полминуты снимает со стола и отдает кравчому с семью товарищами, чтоб нарезать кусками. Потом блюдо ставится на стол и предлагается гостям с прежнею торжественностью... Все блюда и кубки для ста обедавших человек были из лучшего золота, а столы так обременены драгоценными сосудами, что даже недоставало места... Нельзя пройти молчанием и того, что сто сорок прислужников были все в золотой одежде и во время стола переменяли ее три раза. И они получали от царя хлеб и напитки. Обед кончился, когда были уже зажжены свечи (потому что наступила ночь), и царь простился с обедавшими, назвав всех по именам».

Приводя слова Ченселера об избытке и богатстве посуды за столом Царя Иоанна IV, должно сказать, что не все сведения иностранцев о России выдержат поверку с непонятной или непомерно искажаемой истиной. Можно уже не верить, например, подобным известиям, что «ложки, ножи, вилки и тарелки подаваемы были одним только знатнейшим»⁷ и

что г. Бухан, бывший при столе царя Иоанна Васильевича, «не имел ни тарелки, ни ножа, которыми он пользовался, заимствуя от сидевшего подле него боярина»⁸.

Не только казна царей и патриархов была полна всеми принадлежностями стола, но, как видно из сохранившихся духовных XIV, XV и XVI веков и описей, казна каждого боярина и именитого русского человека была так же богата золотой и серебряной посудой. Деревянная каповая с позолотой и фаянсовая употреблялась в домашнем быту, но не на пирах. Обычная германская оловянная посуда вошла в употребление около исхода XVII века и при Дворе была преимущественно людской посудой.

Часто цари жаловали князей и бояр своих серебряными золочеными сосудами в награду за службу или в знак благорасположения, посылая отсутствующим со стола своего на дом кубок какого-нибудь напитка или блюдо кушанья. Так, например, в описи пожитков боярина Бориса Годунова 1589 года два кубка государева жалованья; в духовной князя Дм. Ив. Углицкого 1508 года «да став пять ковшов (серебряных) што мне дал князь великий Василий, а венцы у них писаны имя великого князя Василия Ивановича всея Руси... – да десять блюд, а на них имя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, – да две братины, што мне дал князь велики Василий...» и проч.

Бояре также дарили друг другу поминки золотыми и серебряными кубками, ковшами, чарками и прочим. В духовной грамоте князя Углицкого множество сосудов с именами новгородских владык и посадников, князей и бояр московских, и между прочим «мушорма с носком и с рукоядью, венцы и звери золочены гладки, а на покрывше в кругу на финифте писано имя князя Дмитрия Ивановича».

Об обычае жаловать послов подносимыми от имени государя кубками и чарами с напитком упоминает Амвросий Кантарина, бывший в Москве в 1473 году: «потом подали мне серебряную чашу, наполненную русским на-

питком, приготовляемым из меда, и сказали, что великий князь дарит мне ее и желает, чтоб я осушил ее до дна. Подобный дар почитается при Московском Дворе знаком особенной милости, оказываемой одним только послам и значительным особам».

Скатерти для столов были *шитые* и *браные*, в 6 и до 12 аршин длины. Из присылавшихся в дар: *кизильбашские* – шелковой с золотом ткани, и немецкие полотняные и шелковые. В Оружейной палате по сие время сохранилась шелковая скатерть, присланная датским королем Христианом IV «с государевыми послы с боярином с князем Олексеем Михайловичем Львовым во 1622 году» – «по дымчатой земле на середке круги, а по краям корабли и люди и лошади, шелк бел; длина 6 аршин без дву вершков, ширина три аршина с вершком».

Салфетки назывались *фатами*, и также *ручниками*.

«Скатерти и фаты всегда бы было чисто и готово на стол»⁹.

«5 скатертей шитых, да шестая новгородская с ручники, шита»¹⁰.

О пирах в честь великих князей и царей и об обычных при этом дарах при встрече и провожании упоминает¹¹ Новгородская летопись в 1476 году, когда Великий Новгород, величавшийся еще Господином, был второй торговой площадью Ганзеатического союза и когда про него шла пословица: «Кто против Бога и Великого Новгорода»¹².

В два месяца пребывания великого князя Иоанна III владыко Феофил, посадники и старейшины Новгорода поочередно чествовали его семнадцатью пирами, встречая и провожая поминками – драгоценной посудой, поставами индского сукна, золотыми корабельными, дорогими рыбьими зубами и красным и белым вином.

Во время приезда греческой царевны Софии Палеолог в Россию, когда ее ожидали в Пскове, «псковичи начаша меды сытити и корм собирати и послаша посадников

и бояр из концев в Изборск ее с честью сретити. И бояре, вышедши из насадов и наливши кубки и роги злащены¹³ с медом и вином, и пришедши к ней, челом удариша. Она же приемши от них в честь и любовь велику, всхоте сама до обеда в даль ехать».

Прежде, нежели исчислим по «*Домострою*» и сохранившимся описям древние снеди, упомянем о пище русских слова Павла Иовия, бывшего в России при царе Василии Иоанновиче: «Домашняя жизнь москвитян представляет более изобилия, нежели утонченности. Столы свои они уставляють всякого рода яствами, какие только роскошь может пожелать. Жизненные припасы у них весьма дешевы. Крупного и мелкого скота везде неимоверно множество.

Лучшим кушаньем почитается у них, как и у нас, *дичь*, которую они ловят в большом количестве охотничьими собаками и сетями. Их ястреба и соколы, из коих лучшие печерские, берут не только фазанов и уток, но даже лебедей и журавлей. В реке Волге ловят множество рыбы огромной величины и отличного вкуса, и особенно стерлядей. Другого же рода рыб невероятное количество ловится в Белом озере».

«Не имея своего собственного виноделия, москвитяне пользуются привозным вином, употребляемом при богослужении и на больших пиршествах. Предпочтительнее пред другими и в большей части у них сладкое *критское* вино...»

Роскошь и достоинство русского стола, соответственное времени, были всегда по вкусу приезжавших в Россию иностранцев. Посол Венецианской республики Амвросий Кантарини отзывался следующим образом о великолепии и роскоши обедов великокняжеских в XV столетии: «Я отправился во дворец по приглашению государя, и немедленно после стола, состоявшего из множества отличных блюд, возвратился, по русскому обычаю, в свое жилище».

«По окончании аудиенции мы пошли к столу, который на этот раз продолжался дольше и был роскошнее обыкновенного, и нашли тут многих великокняжеских вельмож».

Но чтоб иметь подробнее понятие о старинном домоводстве в России, пище и напитках, мы, не нуждаясь в поверхностных и по большей части ложных сведениях иностранцев, посещавших Россию, обратимся к собственным источникам. Прошедший быт народа более и более объясняется из приподнятых в последнее время истлевавших слоев отечественной древней письменности. В отношении домоводства Русь издавна имела свою хозяйственную книгу под названием «*Домострой*»¹⁴, в которой с правилами благочестия и семейных обрядов соединены подробнейшие наставления домоводства в научение молодому князю со княгинею, то есть новобрачным, как молодым новым хозяевам. Кроме порядков общего устройства хозяйственного в «*Домострое*» заключаются и «книги во весь год в столе паствы подавати» с распределением пищи соответственно временам года, праздникам и постам, с исчислением множества яств и блюд и руководством о запасах, солении и заготовлении всего впрок, и о том, как сытить различные меды, варить вары или взвары и пиво, затирать квас, ставить морсы ягодные и пр.

Не говоря о количестве блюд, которое соображалось с обстоятельствами и значением празднества, пира и угощения, русский стол и изобилие его с XVI столетия и, можно сказать, с незапамятных времен почти нисколько не изменился, даже в высшем круге, до XVIII столетия. С этого времени влияние голландского вкуса изменило несколько приправы, сократило изобилие блюд и подвело угощение на пирах под единство подачи одного и того же блюда всем и каждому, тогда как прежде гость мог удовлетворять свой личный вкус выбором кушанья из огромного *наряда* (меню. – *Сост.*) разносимых блюд. Так, например, из наряда

горячих он мог предпочесть щи богатые – щам белым со сметаной, уху курячью шафранную с пшеном – ухе стерляжьей, ухе в мешочке, с толчаники и двадцати различным ухам; кавардак, калье¹⁵ – утечьей с солеными сливами или тетеривиной с огурцы. Из караваев, пирогов и пирожков, которые подавались между различными ухами, он мог взять круглого курника с сошнями и с пирожки и потом отведать каравая тельного, пирога сокового с хворосты или с семгой, с сельдями, с вязигую, с брынцем; кислые пироги предпочесть пресным, подовые – пряженым. Из наряда росольного, или *просольных* блюд, можно было выбирать нельму, стерлядь живопросольную, белую рыбицу, лососину, осетрину шехонскую, раков, баранину росольную с горчицею и проч. Из зваров или взваров – тетерев или окорок ветчинный со студенью. Из жарких и жареных на вертеле: рябы (рябчики) *верченые*, лебеди¹⁶, журавли, цапли, тетерева, куры, утки, веприна, баранина, говядина, полотки и проч.

За всем этим следовали *хлебные*, потом *сласти* – варенья из различных ягод, из арбузов, дынь, и даже царградское варенье из редьки; пастила, лаваша из всяких ягод¹⁷, *бель можайская* из яблоков и груш, перепущенных в патоке и засмоленных в бочонки.

Количество блюд в старину увеличивалось подачею частей одного и того же кушанья на нескольких блюдах; например, «лебедь под зваром с шафраном; а дается лебедь на шесть блюд: потрох лебязжий, голова на два блюда, папоротки на два блюда, ножки на два блюда; и обоего лебедь с потрохом дается на двадцати (различных) блюд. Журавли под зваром под медвяным дается на шесть блюд. – Гусь верченный дается с уксусом на три блюда».

Общее количество блюд, подаваемых на стол при торжественных обедах, доходило до полутораста, двухсот и даже, если верить Мьежу, до пятисот. Мейерберг, посол императора Леопольда, угощен был на посольском дворе

царским обедом, состоящим из 150 блюд: «По прибытии их туда явился к ним царский стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский (которого встречали они на крыльце) с объявлением, что ему приказано угостить их царским обедом, вслед за ним несомым. Мейербергу подан был прибор золотой, а прочим чиновникам серебряные. Кроме того, на боковом приборном столе выставлено было великое множество больших серебряных богато позолоченных сосудов, мис, чаш и пр. Посланникам представлено было вдруг 150 различных кушаний на серебряных блюдах для выбора из сего числа им угодных, а прочие отданы были их служителям. Все кушанья были превосходно изготовлены, но по причине дальнего от царского дворца расстояния совершенно остыли. Вместе с кушаньем поставили на стол сорок больших кружек с разными наливками – мальвазией, испанскими и французскими винами, медом, пивом и проч.»

Богатству и изобилию обеда соответствовало и изобилие *сластей*, подаваемых в заключение и состоявших из плодов, овощей в сахаре и различных варений.

В исходе XVII столетия на столах царских появились в числе сластей огромные ваяния из сахара.

Следы обычая древнего русского хлебосольства и старинные кушанья сохранялись долго на Дону, где нововведения слабо действовали.

Описание донских угощений XVII века сходно с условиями «Домостроя», составленного из общих народных обычаев: «Бедный и богатый ставили на стол непременно полное число блюд».

Обычай испивания братин, или заздравных чаш, был общий в России. По большей части на братинах и чарах была надпись: «*Чарка добра человека, пити из нее на здравие, хваля Бога и моля про господарове многолетнее его здравие*».

Хозяйственный порядок в России имел своего рода отчетливость. Не только при дворе царском, но и у бояр велись книги, как домово́й казне, так и столовые – кушанью.

При дворе великих князей и царей съестными припасами и изготовлением блюд и напитков заведовали дворцы: *хлебный, кормовой и сытный*.

К хлебному дворцу относились все запасы мучные, овощные и вообще все хозяйственные запасы для снедей – мука, крупа, яйца, масло. Здесь пеклись просвиры, папушники, сайки, хлебы крупчатые, хлебцы черные, белые, зеленые, красносельские, монастырские, калачи, баранки, пироги, куличи, перепечи, караваи, левашники, оладьи, пышки, ягодники и мн. др.

К хлебному дворцу относилась и овощная палата.

Выдача с хлебного двора производилась изготовленными блюдами и сыром.

Кормовой дворец заведовал припасами мясными, рыбными, дичиной, изготовлением запасов и всех блюд по этому отделу.

К *Сытному двору* относилась питейная часть: водки, вина, меды, пиво, брага, квасы.

Чины при этих дворах: *степенные ключники, путные ключники, стряпчие, подключники, чарочники и векошники*¹⁸. До 1700 года было на трех дворах 113 стряпчих и 236 подключников.

Служба этих чинов распределялась на различные должности по местам, соответственно заведованию каждого дворца.

Вся эта сложность управления продовольствием дворца московского с огромным количеством различных чинов была уже несоответственна и излишня, когда возникла новая столица в С.-Петербурге. Петр Великий, рассматривая лично отчетные тетради продовольственных дворцов и палат, сократил, во-первых, число чинов, а потом определил указом

1700 года, августа 22, царицам и царевнам, жившим в Москве, вместо столовых и хозяйственных припасов, яств и питий отпускать по составленной оценке расходов деньгами.

Таким образом, с началом XVIII столетия вместе с неизбежным, без сомнения, изменением русского бронного вооружения, старинной одежды и обычаев житейских стало неуместно и русское хозяйство с его обилием запасов, яств и питий и со всею его полновесною ценною утварью. Время, настраивая все к общепромышленному состоянию и оборотливости, требовало во всем легкости и подвижности, а не прока. Не прошло столетия, как весь прежний быт, вся старинная обстановка дома стали предметом археологии. Очень естественно, что вместе с этим прекратилось и все производство различной утвари, соответственное потребностям старого времени. Все необъятное богатство золота и серебра в изделиях с обычной надписью: «Истинная любовь, как золотой сосуд, гнется, но не разбивается», быстро преобразовалось из мертвого капитала в живой и заменилось стеклом и фаянсом. Только в одной московской царской сокровищнице сохранились драгоценные образчики древней русской утвари, как в едином Несторе – начало русской истории.

Архив Оружейной палаты

Архив Оружейной палаты заключает в себе документальные свидетельства всех вещей, хранившихся издревле в царской казне и хранящихся ныне в Оружейной палате.

Состав его подразделяется на: описи разных времен большой казны, собственно царской казны, а также казны цариц, царевичей и царевен.

Описи брони, оружия, конских приборов, карет, возков, саней и пр.

Книги выходные, в которые вносилось, в какой день и в каком наряде цари выходили из внутренних покоев в храмы, в золотые и столовые палаты и в отъезд на богомолье.

Книги кроильные, в которых записывалось ежедневно построение новых одежд – платья и обуви, как для царей, так и для всего царского дома.

Книги прихода-расходные, по разным отделам казны, как, например: прих.-расх. книги белой казны, т.е. полотен, столового и разного белья производства ярославских сел Брейтова и Черкасова и московской Кадашевской слободы.

Росписи, что выдавалось из царской казны; например, на содержание польских и литовских войск в 1611 и 1612 годах.

Росписи выбылых вещей; например, в начальствовании князя Потемкина¹.

Походные книги, записки, что отпускалось царицам и царевнам в отъезд на богомолье и в подмосковные.

Переписные книги дворов, например, в Белом городе на Кисловке, в которых помещались царицены постельницы, золотошвей, кружевницы и пр.

Дела по управлению мастерской Оружейной палаты с учреждения ее.

Столбцы, или свертки, заключающие в себе также старинные дела по управлению царской казны и разных приказов.

Сохраняющиеся описи XVI и начала XVII века², в четвертку, представляют существовавший в ведении книг порядок, точность и чистоту письма. С половины XVII века описи в лист, и начинается борзописный, крючковатый почерк с выноской букв под титло; в записках вещей наскоро пропуски, в составляемых вновь описях сокращения прежних, без отметок, когда вещи поступили и когда выбыли. Описи XVIII столетия представляют полное небрежение в виде скорописных, черновых, с помарками.

ОПИСАНИЕ НОВОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА В КРЕМЛЕ МОСКОВСКОМ

Введение

Приступая к подробнейшему описанию нового Императорского дворца, которого краткий очерк помещен был мною еще во время сооружения в «Достопамятностях Московского Кремля», изданных в 1843 году по высочайшему соизволению, я считал необходимым передать истории все, чем она будет дорожить со временем, зная, что сооружением этого великолепного и первого памятника восстановления старинного русского зодчества на незыблемых сводах от основания до вершины руководила собственная мысль государя императора.

Чтобы сохранить во всех подробностях достоверность описания, я решился обратиться к снисходительности г. обер-гофмейстера барона Боде, личному ведению которого было доверено исполнение высочайшей воли, и просил сообщить мне все замечательное, касающееся до сооружения дворца, от первого начертания высочайшей воли до окончательного ее исполнения. Его высокопревосходительство не отказал мне в этом и лично изложил подробности в следующем письме, которое я с дозволения его прилагаю, как лучший приступ к описанию:

«Объяснив мне в письме своем, от 15 числа сего сентября месяца, намерение ваше составить новое, исправленное и более подробное описание нового Кремлевского дворца, вы просите меня, милостивый государь, дать вам по части исторической обстоятельные сведения касательно повода, причин и хода дела, по которому решено было строить дворец; а равно и все замечательное, относящееся до сооружения этого образцового по искусству и вкусу

здания. С большим удовольствием я сообщу вам все то, что не столь твердая уже моя память мне представит; а чтобы облегчить и себя и по возможности удовлетворить желанию вашему, я вам изложу по порядку, просто и постепенно, как все действительно происходило.

Осенью 1837 года государь император изволил прибыть в Москву. Его величество, находя существовавший Большой дворец тесным и некрасивым, изволил осмотреть оный, начиная с Боярской площадки, на которой предложено было первоначально пристроить новую большую залу. Сообразив неудобство, его величество, дойдя до конца парадных покоев и именно до бывшего кабинета почивающей в Бозе государыни императрицы Марии Федоровны, остановился, рассмотрел план и тут же назначил продолжить дворец пристройкой новой большой залы (нынешняя Андреевская тронная). Это было началом и первой начертанной линией проекта ныне сооруженного дворца. Между тем дошли до государя императора сведения о непрочности и даже большой опасности старого дворца. Этот дворец после пожара 1812 года, когда сгорели все московские дворцы, был возобновлен и надстроен, можно сказать, второпях для приезда блаженной памяти императора Александра Павловича в 1817 году. Тонкие стены верхних этажей были внутри обшиты толстыми досками; балки и потолки во всех местах были деревянные; на них лежало бесчисленное множество боровов, идущих от огромного количества печей дворца и кухонь. Словом, при подробном осмотре потолков и крыши оказалась явная невозможность отвечать за безопасность дворца от пожара. Это последнее обстоятельство, вероятно, более другого побудило его величество к постройке нового дворца, и вместе с тем уже надежного и соответственного первопрестольной столице.

На другой же день на представленных планах дворца государь император указал, какие перемены его величество

предполагает сделать в оном и какие предметы соорудить вновь; причем повелел составить план со слов и начертаний его величества. Мысли государя императора я приказал при себе изложить в чертеже молодому архитекторскому помощнику Герасимову, которого особенные способности замечены были мною при возобновлении теремного здания. Этот чертеж я представил г. министру императорского двора, его светлости князю Петру Михайловичу Волконскому на высочайшее благоусмотрение. Последовавшие поправки и новые соображения его величества передавались мне для составления новых рисунков. Несколько раз его величество посвящал время на рассмотрение плана предполагаемого нового дворца, и у меня хранятся еще несколько рисунков, переправленных собственною рукою государя императора, как драгоценные памятники предначертаний державного зодчего. Его величество, остановясь на последнем своем предположении, изволил повелеть составить по оному уже полный проект. Таким образом, все основные предначертания дворца, составляя собственную мысль государя императора, исполнились без участия художников архитектуры, которые без всякого сомнения и не решились бы предположить возможность создать целый ряд подобных колоссальных размеров зал, возведенных во имя равноапостольного Великого князя Владимира, св. Победоносца Георгия, св. Александра Невского, св. Андрея Первозванного и св. Великомученицы Екатерины. Чертежи, составленные по державному руководству, представлялись г. министру императорского двора. Его светлость сообщал мне собственные свои дополнительные замечания, и согласно оным делались поправки.

Основной проект поспел уже после отъезда высочайшего Двора из Москвы. Составление смет для сооружения дворца я поручил архитекторам Московской Дворцовой конторы. В декабре месяце 1838 года я отправился в С.-Петербург для представления проекта на высочайшее

благоусмотрение и утверждение. Государь император, рассмотрев его, остался общим составом планов доволен, как выполняющим мысли и намерения его, за исключением некоторых менее важных предметов, как то: рисунка куполов и проч. Но случившийся пожар Зимнего дворца особенно обратил внимание его величества на предосторожности при новой постройке. И потому для отвращения подобного несчастья от здания нового дворца повелел везде устроить прочные своды, железные стропила, коридоры и сени выстлать каменными плитами и вместе с тем устроить пневматическое отопление по системе генерала Амосова, – словом, принять все меры к безопасному и прочному существованию нового здания. Это было причиною совершенного изменения первоначальной сметы и самого производства работ, тем более что впоследствии оказался и фундамент старого дворца несоответственным размерам и громаде нового предполагаемого здания. Но все планы основного проекта, не быв еще в руках настоящего архитектора, получили собственноручное утверждение государя императора, и исполнение под непосредственным начальством г. министра двора, было высочайше возложено на мое распоряжение.

Видя пред собою предмет столь важный, требующий архитектора знающего и опытного, и слышав об архитекторе Константине Андреевиче Тоне, который начинал уже в то время приобретать славу сведущего и прочно строящего художника, – я просил г. министра двора исходатайствовать у государя императора о назначении его главным архитектором по строению Московского дворца. Его величество сначала согласился назначить г. Тона только консультантом, но, убедясь представлением князя П. М. Волконского, архитектор Тон был по высочайшему повелению назначен главным архитектором при постройке нового в Москве дворца, с возложением особенной ответственности за прочность фундамента, сводов и устройства безопасно-

го отопления. Штат и устав по дворцу были высочайше утверждены; назначение же и помещение к должностям других архитекторов, их помощников и прочих чиновников было предоставлено выбору моему.

Впоследствии, по мере производства работ, все предположения для наружных и внутренних устройств и украшений дворца также представлялись мною г. министру двора. Государь император лично входил почти во все подробности, и от начала построения до совершенного окончания здания почти все приводилось в действие по высочайшим его величества разрешениям.

Вот, милостивый государь, весь ход дела и повод к основанию нового дворца.

При сем препровождаю к вам для соображения при описании некоторые из упомянутых мною подлинных чертежей основного проекта, как отмененных по случаю новых условий постройки, так и утвержденных собственною рукою государя императора.

Должно упомянуть, что многие предметы требовали соображений и исправлений, относящихся до подробности правил художественного исполнения, которые и производились г. Тоном, не отступая, однако же, от высочайшего соображения первоначального общего проекта. Внутренние архитектурные украшения также по большей части составлены архитектором Тоном; но как занятия удерживали его большую часть года в С.-Петербурге, то исполнение работ поручено было искусным и сведущим художникам: профессору архитектуры Рихтеру, архитекторам: Чичагову, Герасимову и при них многим другим отличным молодым художникам. Лепные украшения, внутреннее убранство покоев, рисунки обмелировки, дверей и проч. исполнены преимущественно известным по отличному вкусу в этом отношении архитектором Чичаговым.

По мере составления описания я с удовольствием буду объяснять вам предметы, касающиеся до подробностей соо-

ружения и убранства дворца, а равно все достойное замечания в отношении археологическом; например, что при рытье фундаментов оказалось до трех слоев древней обгорелой деревянной мостовой, которые доказывают постепенный, так сказать, нарост кремлевской высоты от бывших частых пожаров. При возведении фундаментов под апартаменты их высочеств открыто основание прежней деревянной кремлевской стены, показывающее, что Кремль до постройки каменной стены Дмитрием Донским был гораздо менее в объеме. Ныне еще хранятся несколько дубовых деревьев, лежавших одно на другом стеною до 22 аршин в земле. Кроме того, открыты ниже горизонта земли фундаменты с цоколями нескольких древних зданий, свинцовые трубы, служившие проводниками воды, которая от Водовзводной башни поднималась некогда для снабжения дворцов и, вероятно, также для орошения верхнего сада. Из замечательных вещей найдены: медная кружка, заключавшая в себе разные грамоты, относящиеся к XIV и XV столетиям, и наконец относящиеся к языческим временам серебряные обручи, поручни, серьги и проч. и проч.

Местность дворца

Московский великокняжеский и царский дворец занимал с самого основания Москвы то же самое место, которое занимает и теперь, по прошествии уже более 700 лет от первого постановления княжеского двора.

В 1326 году св. митрополит Петр освятил здесь престольное новоселье великого князя Иоанна Даниловича; а в XV столетии Иоанн III положил основание дворцу каменному. Все здание, ограждавшее собою храм Св. Спаса на Бору, было готово не прежде, как чрез 20 лет от начала постройки. В 1508 году великий князь Василий Иоаннович перешел из деревянного дворца в новый, заключавший в

себе Грановитую, или Большую золотую, палату, Среднюю золотую, Малую золотую, или Царицыну, и кроме того, Столовую избу и жилые царские хоромы.

Здание царского двора как будто соображалось с эпохами России. Когда еще существовали уделы – и двор великого князя состоял из многих отдельных хором и изб за общею оградю. Иоанн III, совокупив уделы, подвел и под все удельные здания своего двора общее гранитное основание и соединил сенями или переходами. Когда Россия слилась в одно целое нераздельное, золотой верх дворца стал общим кровом древних золотых палат, преобразившихся в великолепные залы во имя св. Владимира, св. Георгия Победоносца, св. Александра Невского, св. Андрея Первозванного и св. Екатерины.

При Иоанне строителем дворца был *Алевиз* из Милана; но без сомнения, как Аристотель, строивший соборный храм Успения Богородицы, так и Алевиз были еще представителями греческого зодчества, переселившегося после взятия Константинополя турками в 1453 году вместе с художествами и искусствами Греции на берега Италии.

Набережная часть дворца Иоанна после пожаров в 1547, 1571, 1621 и 1701 годах в XVIII столетии пришла в совершенную ветхость. Императрица Елизавета после нового пожара в 1737 году определила разобрать палаты – Набережную и Среднюю золотую, и на месте их построить дворец новый. В то время владычествовал в зодчестве итальянский вкус, и потому посреди заветного Кремля соорудилось здание, чуждое ему; но оно не было приведено к концу, соответственно предположенному плану.

Императрица Екатерина II намерена была пересоздать его. Смелый Баженов сделал уже модель¹ новому дворцу, который, при всем совершенстве архитектуры и обширности замысла, казался бы для каждого русского чудовищем, поглотившим всю заветную святыню Кремля.

Этот проект, однако же, не состоялся, как и первый.

В 1812 году огонь выжег дворец, в котором помещался Наполеон в бытность свою в Москве.

Для приезда блаженной памяти императора Александра Павловича на пепелище Москвы погоревший дворец был возобновлен наскоро, с полудеревянной, полукаменной надстройкой верхнего этажа; но это непрочное после пожара здание не могло уже ни поддерживаться долго, ни соответствовать присутствию государя императора в Москве. Государь император Николай Павлович повелел строить новый дворец, лично начертал свои мысли о созидании его на условии, чтоб новый дворец сроднился с заветными остатками дворца Иоанна III и чтоб здание сочетало в себе успехи современной архитектуры, не вдалось в современную вычурность, не отняло древнего величия Кремля.

И вот, не более как в 12 лет, Кремль украсился вновь златоверхим дворцом, который как будто вычеканен из слитка гранита, разноцветных мраморов и золота.

Внешний вид дворца

Лицевая сторона дворца, расположенная по вершине кремлевской высоты, обращена к Москве-реке и, примыкая к Благовещенскому собору, имеет 56 саженей протяжения в основании яруса жилых покоев и до 50 саженей в основании верхнего двухсветного этажа, возвышающегося над площадкой, или, по-старинному, Красным крыльцом.

Это протяжение образуется шириною Георгиевской залы и длиною Александровской и Андреевской, а в старину Набережной палатой, примыкавшей также Благовещенскому собору, Сретенским собором, находившимся на месте нынешней Андреевской залы, и сенями Запасного дворца, или Дворца царевичей, которого здание спускалось под гору, и на вершине которого был так называемый верхний сад.

Левой стороной дворец соединяется переходом чрез Красное крыльцо с Благовещенским собором, издревле приходской церковью двора царского, называвшейся *Благовещение у Государя на Сенях*, и примыкает оконечностью к древнему зданию – к Красной лестнице и к Св. сеням Грановитой палаты.

С правой стороны здание дворца понижается для соединения с древним зданием терема при храме Рождества Богородицы. В этом фасаде двое ворот ведут на внутренний двор к храму Спаса на Бору, что на царском дворе; одни со стороны нового дворца на месте древних Золотых Гербовых ворот составляют подъезд к покоям государя императора; другие, со стороны древнего здания, ведут слева к подъезду при церкви Св. Лазаря, в нижнем ярусе под храмом Рождества Богородицы, и прямо – к древнему Постельному крыльцу, выходящему на оставшуюся часть бывшей так называемой Боярской площадки пред Св. сенями Грановитой палаты.

Верх этой части здания дворца составляют: Екатерининская зала – тронная государыни императрицы, соединяющаяся с Андреевской переходной Кавалергардской комнатой, диванная и парадная опочивальня ее величества. При древнем храме Рождества Богородицы царские палаты соединяются переходом, образующим крытый сад над сводами проезда к Троицким воротам, с палатами их императорских высочеств, которых продолжение, примыкающее к Боровицким воротам, составляет новая Оружейная палата – сокровищница древней царской утвари, брони и оружия.

Набережная, лицевая сторона дворца, заключает 23 двухъярусных окна верхнего этажа, разделенных резными пилястрами, и столько же в нижнем, под уступом Красного крыльца, которого белокаменные перила и под ними аркада окон украшены резьбой. Окна по образцу теремных, с подвеской, образующей двойную арку.

Главное здание императорского дворца увенчано золотым четырехсторонним выгнутым куполом со слуховыми окнами, в которых помещаются часы с боем; над верхней коронкой купола золотая стрела для выкидывания гербового стяга во время пребывания государя императора в своей первопрестольной столице.

Купол, обнесенный золотыми перилами, воздымается над пятью средними окнами дворца на афинском, или аттическом, глухом ярусе, образуя продолжением междуоконных узорчатых пилястр короноид, в зубцах которого двуглавые орлы, а над зубцами – гербы царств и областей России в щитах.

От купола по всему хребту кровли тянется золоченый гребень, на оконечностях которого утверждены золоченые стрелы громовых отводов.

Внутреннее расположение дворца

Красная, или Царская, лестница и крыльцо

Входя во внутренность дворца, нельзя не обратить внимания прежде всего на необыкновенное художественное зодчество его. Весь дворец скован из металлов и минералов; три яруса громадных сводов воздымаются один над другим и, слившись, образуют и величественное целое, и великолепные разделы на залы, внутренние покои, коридоры, входы, галереи, антресоли, посреди которых не чувствуешь ни висящей над головою тяжести гранита и камней, не замечаешь толстоты стен, столбов и колонн, – все кажется легко, повсюду проникает свет свободно, ровно освещает все углубления, – словом, во всей постройке видна смелая рука, руководимая гениальной мыслью стройного сочетания древнего с новым, частей с целым, величия с изяществом.

Торжественный восход во дворец составляет древняя Красная, или Царская, лестница, находящаяся при Грановитой палате и ведущая первоначально в Св. сени, где у входа направо некогда было изображено на стене видение Иисусом Навином архангела Гавриила, который говорит ему: «Изуй сапог твой, ибо место сие свято».

Красная лестница, подобно священной лестнице августеона греческих императоров, предназначена для шествий царя во время торжественных его выходов.

В старину, кроме собственно Царской лестницы, были два восхода на Красное крыльцо: чрез паперть Благовещенского собора, где встречали христианских послов, и общая лестница между собором и Красной лестницей.

Эту среднюю, общую лестницу заменяет теперь подъезд подле Благовещенского собора; но мы начнем обозрение с Большого подъезда.

Большой подъезд и сени

Большой общий подъезд со стороны Москвы-реки.

Поднявшись на несколько ступеней, вы входите в сени. Здесь над площадью 36 квадратных сажень огромные монолиты или цельные колонны сердобольского серого гранита с беломраморными капителями и основаниями, соответственными стенам, поддерживают отлогие своды.

Пред вами сливаются в легкую покатость 56 ступеней Большой лестницы, разделяемых площадками на пять восходов. Лестница вздымается между боковыми галереями верхних сеней, образуемых десятью колоннами коломенского мрамора, поддерживающими над нею своды. Основания колонн соединены бронзовыми золочеными перилами.

Но мы уклоняемся от больших сеней влево², чтобы осмотреть жилые покои царя и царицы.

Покои их императорских величеств

Проходя из парадных сеней через переднюю, или официантскую комнату, – которой своды поддерживаются двумя мраморными дорического ордена колоннами, два окна выходят на Спасский двор, а противоположные входу двери ведут коридором в приемную, или секретарскую пред дежурной при кабинете государя императора, – влево вы вступаете в столовую на половине государыни императрицы.

Столовая

Столовая комната в 24 аршина длины и 18 ширины. Свод ее, украшенные лепными узорами, опираются на обширный столп посредине с нишами. Стены отделаны под мрамор. В нишах столпа и стен четыре мраморные статуи греческого ваяния: *Леда*, *Гименей* и две *вакханки*. Свет в четыре окна; в простенках у окон мраморные огромные вазы с барельефными изображениями – превосходное подражание вазе древнего греческого художества, известной под иазванием *vase Baryguese*, по имени ее первого владельца в Риме.

Для вечернего освещения столовой – четыре бронзовые люстры с хрустальными подвесками.

Приемная государыни императрицы

Следующая комната – приемная государыни императрицы – по протяжению наружной стены в два окна. Выпуклый потолок, карнизы и капители пилястр отделаны узорной изящной работы позолотой. Квадратный зеркальный столп, опора сводов, украшенных лепными золочеными арабесками и медальонами, изображающими четыре времени дня, отделяет проходную часть комнаты от уютной, где в углах расположены полукруглые зо-

лоченые диваны с возвышающимися над ними угловыми этажерками. Посредине круглый диван Pate; позолоченная колонка спинки его украшена большой вазой старинного северского фарфора в бронзовой оправе. Стены, золоченая мебель в изящном вкусе времен Людовика XIV и занавесы окон убраны белым узорным атласом. На четырех фасах среднего столпа и между пилястр большие зеркала; перед ними на подставках также северского фарфора эмалированные с бронзой вазы разной величины. Под сводом потолка в виде громадного букета цветов фарфоровая люстра Санкт-Петербургской казенной фабрики. От дверей гостиная отгорожена золочеными решетками (grillages) для вьющихся растений. Между окон зеркальный консоль с вазой, по обеим сторонам его огромные хрустальные в бронзовой отделке канделябры. Двери палисандровые, превосходной узорной работы.

Переходная в кабинет ее величества

За гостиной переходная комната, ведущая в кабинет, имеет выход в коридор. Стены – штоф, по желтому полю цветы зеленые. В окне на пьедестале мраморные фигуры граций, поддерживающих корзину для цветника. Подле стен два огромных, алмазной грани хрустальных кувшина в полтора аршина вышины, обделанных в золоченую бронзу.

Кабинет

Великолепный кабинет государыни императрицы отличается изяществом отделки, отражающейся в двух зеркальных опорах сводов. Здесь парчовая алая ткань стен, уборка окон и мебели обрамлена узорчатой золотой отделкой карнизов, пилястр и мраморных панелей. Вся комната обставлена драгоценной старинной мебелью Буля (Andre Charles Boule), украсившего своей художественной брон-

зой, резьбой и насечкой по черепахе и перламутру дворцы Людовика XIV. В простенках окон старинные часы с его же отделкой. Но новейшая русская соответственная Булю работа фортепьяно и превосходная насечка дверей кабинета не уступают произведениям французского художника. В кабинете государыни замечательны также две фарфоровые вазы с прекрасной живописью, изображающей слепца Гомера и воспетого им героя Одиссеи. Эти вазы, приобретенные от князя М. П. Голицына, были подарены ему Людовиком XVIII.

Кабинет освещается четырьмя серебряными с хрустальной густой бахромой люстрами.

Дежурная камеръюнгферская

За кабинетом – дежурная камеръюнгферская в одно окно, поражает другого рода изяществом. Резьба по ореховому дереву охватывает византийскими узлами стены и потолок по алым радужным фрескам. В сплошных же ореховых резных панелях устроены шкафы. Эта комната соединяется с коридором и ведет в уборную государыни императрицы.

Уборная государыни императрицы

Здесь бросаются в глаза стоящие в простенке окон малахитовый камин с бронзовыми золочеными украшениями, с прекрасными у очага бронзовыми золочеными фигурами *Вулкана* и *Венеры*. Своды украшены живописью по бледно-розовому полю и накладными золочеными узорами. На карнизе, или венце покоя, золото по зеленоватому мрамору. Четырехсторонний столб, на который опираются своды, и противоположные простенки высечены нишами; в них фарфоровые и бронзовые вазы. Туалет, трюмо, диваны и про-

чая мебель темно-ореховая. Обивка мебели, уборка окон и обои – парча, по белому полю цветы алые, узоры меж разводов пепельного цвета с серебром. Двери темно-ореховые с резьбой и зеркалами до панели.

В глубине уборной купальня с мраморным водоемом, обитая белой объяринной шелковой тканью, между алебастровыми резными колоннами и сводом, из середины которого опускается алебастровая же лампа.

Опочивальня

За уборной – опочивальня государыни императрицы. Тяжелая голубая шелковая ткань с затканными серебряными каймами и серебряными рассеянными по полю звездами составляет убранство окон, стен, занавесей и обивку мебели. В простенке окон трюмо в золотой раме на золоченых витых столбах. Против него, у столба, золоченый соответственный стол с зеркальной доской. Кровать покрыта голубым с серебряными звездами пологом и отделена от проходной части покоя такой же драпировкой. По правую сторону кровати образная с налоем. Золоченая мебель опочивальни, столы, кресла, стулья, туалет, корзины, сокровищницы для драгоценных вещей соответственного вкуса.

Уборная государя императора

Переходя из великолепной опочивальни государыни императрицы на половину его величества, невольно поражаемся изящной простотой убранства. Здесь нет и тени великолепия. Небольшая уборная комната обтянута зеленой шелковой тканью, у окна столик, подле него трюмо в простой ясеновой раме, у стен маленький диван и два стула, покрытые зеленым сафьяном. Другая половина уборной составляет умывальню, имеющую сообщение с коридором.

Кабинет его величества

Кабинет подготовлен для царского труда, но не для неги. Стены, покрытые зеленой материей, обнесены высокой панелью из ясеня. Вся мебель из того же дерева. Два больших письменных стола, обтянутых зеленым сукном, у окон, обращенных на Императорскую площадь. Между окнами камин из белого мрамора; на камине часы старинной работы Mathieu с означением месяцев, дней, рождения и ущерба луны, часов, минут и секунд. Диван и стулья обиты зеленым сафьяном; над диваном миниатюрный портрет во весь рост старшего царского брата, блаженной и присной памяти императора Александра I; над дверями и по стенам несколько картин из эпохи нашествия под знаменами Наполеона народов всего западного материка Европы на Россию. На одной – противник Александра I, **окруженный своими легионами, посреди пылающей за Русь Москвы**; на других он же – под Смоленском и при Березинской переправе хоронит свою великую армию.

Шкафы кабинета заключают в себе библиотеку, состоящую преимущественно из книг, относящихся до законодательства и военного строя, а равно из общих, частных и дислокационных карт и чертежей России.

Замечательно, что во время маскарада на новоселье дворца, 7 апреля 1849 года, получено было письмо от императора Австрии, в котором он просил помощи для усмирения венгерцев. Государь император, сойдя в кабинет, изволил послать повеление генералу-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому двинуть армию к венгерским границам.

Рядом с кабинетом дежурная камердинерская. Из нее сход вниз в комнату камердинера.

Приемная, или секретарская

Следующая комната приемная, или секретарская, против коридора, ведущего на парадную лестницу.

Фельдъегерская и гардеробная

За приемной фельдъегерская, из коей сход в швейцарскую.

Выходя из приемной в коридор, налево – гардеробная государя императора; за ней крыльцо к собственному подъезду в воротах (в старину золотых и гербовых) на половину его величества.

Подъемная комната

За подъездом устроена для государыни императрицы подъемная комната, в 2,5 аршина в квадрате, украшенная зеркалами и обитая шелковой розовой материей с белыми цветами.

На поршнях в двух чугунных столбах она поднимается невидимым механизмом в верхний этаж и приподнимает на себе один из квадратов паркета при коридоре торжественных зал.

Комнаты камер-фрау и камеръюнгфер

Далее по коридору, против покоев государыни, следуют комнаты с антресолями для камер-фрау и камеръюнгферская.

За этими комнатами буфет, против столовой. Отсюда, следуя или по коридору в парадные сени поднимаетесь на парадную лестницу, или, возвращаясь коридором, поднимаетесь по сквозной чугунной лестнице, находящейся при подъемной комнате, в верхний этаж, и пройдя через галерею при Андреевской и Александровской залах и галерею парадной лестницы, вступите в переднюю комнату, или караул легкой кавалерии. Отсюда боковой вход в залу Георгиевскую.

Мы однако же изложим описание верха по порядку обозрения и, начиная от Св. сеней и Грановитой палаты,

вступим в ряд новых орденских зал, расположенных соответственно степеням восходящего достоинства орденов.

Святые сени и Грановитая палата

Сени перед Грановитой палатой называются Святыми, как полагают – по священным изображениям на стенах; но, вероятнее, это название дано по сооружении палат царских при Иоанне III и супруге его Софии Палеологе, в подражание дворцам византии, где собственно царское крыльцо – торжественный восход императоров – называлось священным. При входе в Св. сени Красного крыльца, внутри, над дверями, плита с надписью золотыми буквами: «Заложена при Благоверном Великом Князе Иоанне Васильевиче III».

Рядом над окном, выходящим на Красное крыльцо, другая плита с надписью: «Возобновлена в царствование Благовернаго Государя Императора Николая I в 1847 году».

Эти надписи относятся к Грановитой палате, которая с прилегающими к ней Св. сенями сохранилась с 1487 года в первобытном ее виде, исключая восстановления и возобновления внутренних украшений.

На стенах Св. сеней следующие священные изображения, писанные вновь академиком Завьяловым:

1. Св. Троица, посетившая Авраама.
2. Видение Иисуса Навина.
3. Избрание св. Великим князем Владимиром христианской веры.
4. Благословение св. Сергием Великого князя Дмитрия Иоанновича Донского на брань с Мамаем.
5. Сон св. царя Константина.

Бывший довольно тесный вход в Грановитую палату распространен по воле государя императора устройством вторых дверей рядом с древними.

Грановитая палата первоначально называлась просто «Большою палатою». При царе Иоанне IV, после пожара в

Кремле в 1547 году июня 21, она возобновлена вместе со всем дворцом, и с этого времени приняла название «Большой Золотой и Грановитой палаты»; потом при царе Федоре Иоанновиче «Большой Золотой Подписной палаты», т.е. украшенной живописью по золоту.

Из описания золотых палат, составленного в 1672 году по повелению царя Алексея Михайловича, видно, что на сводах и стенах Грановитой палаты были изображены: Господь Саваоф, творение ангелов и человека, события из истории Ветхого Завета и разделение Руси между тремя сынами Владимира Святого, изображенными в митрах, в одеждах камчатных с оплечиями (бармами) и золотыми поясами; лики Ярослава Великого, Всеволода I, Владимира Мономаха в царской утвари, сына его Георгия – основателя Москвы и родоначальника московских князей, Александра Невского, Даниила, Иоанна I, Дмитрия Донского и всех преемников его до Феодора Иоанновича, сидящего на троне в венце, в порфире с нараменником, в жемчужном ожерелье, со златою цепью на груди, со скипетром и владомым яблоком (державой) в руках; у трона его изображен был Борис Годунов в шапке-мурманке и в верхней золотой одежде на опашку.

Адам Олеарий, бывший в 1634 году послом от Голстинского герцога и представлявший царю Михаилу Феодоровичу, описывает Грановитую палату следующим образом: «Аудиенц-зала квадратная, со сводами; стены и полы покрыты коврами. Свод золоченый и расписанный изображениями священных событий из св. Библии. Кресло Великого князя, возвышенное на три ступени, у стены, против входа; по четырем углам оно колонки из золоченого серебра, на вершине их, на полтора аршина от подножия, серебряные орлы. Навес над троном также украшен по углам башенками с орлами. Нам сказали, что для Великого князя изготовляется новый трон, на который употреблено 1600 марк серебра и 120 унций червонного золота, и который будет

стоить 25 000 червонцев. Рисунок этого трона составлен ниренбергцем Исаем Цинграфом».

Мейерберг в 1661 году описывает Грановитую палату следующим образом: «Посреди этой пространной палаты находился огромный столп, служащий опорой сводов оной; пол устлан был богатыми разноцветными коврами; стены украшены старинными живописными картинами, а между окон стояли большие серебряные подсвечники. Вокруг всей палаты, около стен, устроено было возвышенное на четыре ступени место с неподвижными скамьями, великолепными коврами покрытыми, на которых по правую, а отчасти и по левую руку трона сидели многие бояре, окольные и думные дворяне с обнаженными головами. С восточной стороны, не посреди залы, а в почетном углу, между двух окон, находился рундук, на три ступени над скамьями придворных чинов возвышенный, где стоял серебряный богато вызолоченный царский престол, которого великолепие, однако, не довольно было видно по тесноте места и по недостаточному освещению. В углу над престолом находилась икона Божией Матери. В правом окне стояли большие часы в виде башни, а в левом серебряная пирамида с возложенным на оную золотым шаром (державой). В некотором расстоянии на стене висели еще две святые иконы. С правой стороны поставлена была лохань с принадлежащим к ней рукомошником и полотенцем для омовения царских рук после прикосновения к оным чужестранцев. Царь сидел на троне, держа в правой руке скипетр и имея на голове острую шапку с собольей опушкой, а сверх оной – златую, драгоценными камнями осыпанную корону, украшенную наверху крестом. С правой стороны престола стоял первый боярин князь Яков Куденетович Черкасский, а по левую – тесть царя Илья Данилович Милославский; на ступенях поставлены были четыре рында в белой одежде, с покрытой головой и держащие в руках бердыши».

Маскевич, служивший в литовских войсках и стоявший в Кремле в 1611 году, также описывает Грановитую палату: «Есть (в Кремле) и каменный дворец, называемый Золотою палатою; на стенах его находятся изображения всех великих князей и царей московских, писанные по золоту, а потолок искусно украшен картинами из Ветхого завета. Окна в нем огромные, в два ряда, одни других выше, числом 19; печь устроена под землю с душниками для нагревания комнат. Здание имеет вид квадрата, заключая в каждой стороне до 20 сажень; посреди его стоит столб, на который опирается весь свод».

Древняя бытеевская живопись на сводах и великокняжеские и царские изображения на стенах Грановитой палаты после пожара, бывшего в 1701 году, не были возобновлены. В настоящем виде стены обтянуты малиновым бархатом с золотыми двуглавыми орлами; над драпировкой нижних окон гербы царств, областей и княжеств, из которых образовалась единая и нераздельная Россия. В ряду верхних окон, против императорского престола, заменившего великокняжеский и царский, выходит окно из Тайника, или комнаты, где в старину царское семейство присутствовало при торжественных приемах послов.

Грановитая палата 10 сажень в квадрате и имеет 19 окон: 12 нижних больших в трех наружных стенах, 4 верхних малых, 2 круглых и окно тайника.

Владимирская зала

Этой великолепной ротондой сочетаются при Св. сенях золотые палаты нового Дворца с четырехвековыми древними золотыми палатами.

Владимирская зала, во имя Св. равноапостольного князя Владимира, воздвигнута на восьмиугольном основании, имеющем 25 аршин в поперечнике. Высота залы до освещающего ее фонаря в кольце свода – 27 аршин. Стены

и свод под красноватый мрамор, соответствующий цвету орденской ленты, с лепными золочеными разводами.

Нижний ярус залы состоит из арок, разделяемых половинчатыми колоннами розового мрамора с бронзовыми капителями.

Угольные арки образуют ниши, против которых ветвистые канделябры с лампами. Над нижним ярусом колонн – колонны верхнего яруса, между которыми, за тройными арками, хоры.

Свод залы над верхним венцом, или карнизом, разделяется на 16 граней узорчатыми лепными с позолотой полосами от кольца свода до золотых орлов над колоннами. В промежутках полос и блестящих арабесков свода помещены исполненные под эмаль, серебро и золото – кресты и звезды ордена Св. Владимира.

Из середины фонаря над сводом опускается огромная, в 240 пудов, бронзовая золоченая люстра.

Вступая во Владимирскую залу из Св. сеней, с противоположной стороны – окна на Боярскую площадку и восход к Спасу за Золотой Решеткой и на хоры, ведущие в Тайник, или комнату с окнами во внутренность Грановитой палаты.

Под тремя арками направо – переход в коридор перед древней Золотой царицыной палатой, а налево – выход в Георгиевскую залу тремя стеклянными дверями; на матовых зеркальных стеклах резьба – знаки ордена Св. Георгия.

Георгиевская зала

Эта зала исполинов в 85 аршин длины, 29 ширины и 25 вышины, есть святилище ордена Св. Георгия Победоносца, покровителя Москвы, которого лик носит она в гербе своем со времен основания. Колоссальное горельефное изображение св. Победоносца на коне, поражающего змия, исполненное бароном Клодтом, помещено на поперечных

стенах в вершине, под полукружием свода. Знаки военного ордена, учрежденного 26 ноября 1769 года императрицею Екатериной II с девизом «За службу и храбрость», украшают своды оконных амбразур и промежутки верхних и нижних окон, а равно соответственных им углублений между колоннами противоположной стены; поля и откосы этой стены покрыты мраморными плитами, на которых иссечены названия победоносных русских полков с означением времени их учреждения и дней их славы. Имена кавалеров ордена Св. Георгия помещены в откосах. Вся зала белая матовая, освещается двумя ярусами окон со стороны Царской площади и набережного фаса. Смелые лепные украшения обширного свода, подобного Илиопольскому³, как будто высечены в узор из нависших сталактитов. Против выступных простенков с обеих сторон залы 18 витых колонн; на карнизах, над капителями колонн – подножия статуй, изображающих победы – эпохи покорения царств и областей⁴. На щитах означены гербы их и годы.

Все 18 статуй – изящное произведение известного художника, ваятеля Витали, – разнообразные по наружности, постановке и вооружению, соответственному эпохе побед, расположены в следующем порядке.

При входе справа:

На первой колонне – эпоха завоевания Перми – 1472 год.

На второй колонне – завоевание Вятки, Югории, Обдории и Кондии – 1489 и 1499.

На третьей колонне – завоевание царства Казанского – 1553.

На четвертой колонне – покорение царства Золотой Орды – 1557.

На пятой колонне – завоевание Сибири – 1582.

На шестой колонне – покорение Камчатки и распространение владений Сибири до берегов Ангары, Амура и Яны – 1639–1643.

На седьмой колонне – присоединение Малороссии и Киевской области – 1654.

На восьмой колонне – покорение берегов невских, взятие Нотебурга и Ниеншанца – 1702.

На девятой колонне – Нейштатский мир со Швецией – 1721. Приобретение Ингерманландии, Карелии, части Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, островов Эзеля и Даго.

На колоннах с противоположной стороны:

На первой от фаса залы к Москве-реке – покорение Дербента и Тарку; покорение Баку и основание в Дербенте крепости Св. Креста – 1722–1723.

На второй колонне – Ясский мир с турками; приобретение Малой Татари – 1791.

На третьей колонне – приобретение Тавриды и утверждение владычества на Черном море – 1783.

На четвертой колонне – покорение царства Польского – 1794.

На пятой колонне – присоединение Грузии – 1801.

На шестой колонне – Фридригсгамский мир со Швецией – 5 сентября 1809 года. Приобретение Аландских островов и Финляндии.

На седьмой колонне – Гюлистанский мир с Персией и приобретение областей по Араксу, на западной стороне Каспийского моря, – 1812.

На восьмой колонне – приобретение Бессарабской области по Бухарестскому миру – 1812.

На девятой колонне – приобретение Армении – 1828.

Имена и подвиги виновников этих побед, полков русских, изображены, как уже мы упомянули, на плитах в углублениях между колонн правой стены залы.

По протяжению свода залы шесть массивных бронзовых люстр, а по стенам – 32 свечника в 25 рожков каждый. Паркет залы роскошно изузорен по превосходному рисунку из разноцветного дерева. В углублениях между колонн скамьи на витых золоченых ножках, обитые полосатую

шелковой тканью цветов Георгиевской ленты. В углублениях, примыкающих к наружной стене, устроены камины из белого мрамора с бронзовыми арматурами. На камине с левой стороны залы колоссальные бронзовые золотые часы с изваянием памятника Пожарскому и Минину. На камине с правой стороны такие же часы с изваянием св. Георгия Победоносца на коне.

Тут же в вышине стены, на откосе от камина к окнам, должно заметить первую утвержденную мраморную плиту с надписью под изображенной короной и гербом императора Петра I:

«Лейб-гвардии Преображенский полк основанием имеет потешных, учрежденных в 1683 году. Наименован лейб-гвардии Преображенским полком в 1700. Надпись на обер-офицерских знаках 1700 ноября 19 и георгиевские знамена за оказанные подвиги в сражении 17 августа 1812 года при Кульме».

Освящение и постановление этого первого камня в воспоминание славы русских войск и отданной государем императором почести первенцу 546 русских полков, которых учреждение и история побед также помещены на стенах Георгиевской залы, совершились 9 апреля 1849 года в присутствии государыни императрицы, всего царского семейства, кавалеров ордена Св. Георгия, отряда дворцовых гренадер и усиленной роты Ее Императорского Величества лейб-гвардии Преображенского полка.

В древности на месте Георгиевской залы стояли две отдельные палаты, по Красному крыльцу примыкая к Св. сениам: Средняя Золотая палата – верховный царский совет и суд; а по направлению набережного фаса и Александровской залы – Набережная палата, состоявшая из Сборной и Ответной, или Посольской.

Двери с набережного фаса ведут на Красное крыльцо со стороны Москвы-реки. Отсюда открывается Замоскворечье. Против самого дворца между бывшим плавучим

мостом, ныне Москворецким, до Каменного моста, называвшегося Всесвятским, вся набережная Замоскворечья составляла некогда Царицын луг и сад, основанный великим князем Иваном Васильевичем в 1495 году⁵. В бытность Олеария в Москве при великом князе Михаиле Феодоровиче тут был уже обнесенный стеною большой царский сад с башнями при въезде со стороны Москворецкого моста и садовым зданием посредине. При царе Алексее Михайловиче этот сад принял название Царицына⁶.

При Всесвятском мосте со стороны Замоскворечья были Всесвятские ворота, имевшие совершенное сходство с нынешними Воскресенскими.

Против Георгиевской залы, по скату Кремлевской горы до Подола, в старину был Нижний сад, и правее – Верхний, в уровень с горою, по вершине Запасного дворца, или Дворца царевичей, примыкавшего к горе.

Но возвратимся в залу.

Между третьей и четвертой колонной от фаса набережного – двери и переход из Георгиевской залы через террасу в Благовещенский собор, называвшийся в старину «Благовещение у Государя на Сенях» и составляющий дворцовый приходский храм.

С противоположной стороны великолепные резные золоченые двери с изображением знаков ордена Св. Георгия Победоносца ведут в Александровскую залу.

Александровская зала

Александровская зала основана в честь ордена Св. Александра Невского, учрежденного императрицей Екатериной I по предначертанию Петра Великого, в награду трудов для отечества. При входе в эту залу изображение невольно очаровано слиянием разнообразия высокохудожественного архитектурного убранства залы в величие целого. Это что-то радостное, румяное, озаренное узорча-

той игрой света по золоту, розовой эмали и пурпуру. Длина залы – 45 аршин, ширина – 29, высота также 29 аршин. Передняя стена, со стороны Москвы-реки, бросает свет через 7 двухъярусных окон. Противоположная сторона принимает свет в зеркала, украшающие соответственные окнам рамы, и отражение Замоскворечья с его бесчисленными храмами разнообразной архитектуры нескольких веков нельзя отличить от настоящего Замоскворечья. Золоченый барельефный в узор свод лежит на четырех выступах от вторых простенков окон, образующих зеркальные приюты по углам залы с беломраморными каминами в поперечных стенах. В обрезах среднего свода, над пилонами, двуглавые черные орлы с золотом; в золотых барельефах окружения среднего свода, в переводах и арках между столбами, помещены исполненные под финифть знаки ордена и шифр S. A – Sanctus Alexander*. Между витыми золочеными колоннами нижнего яруса столбов, в вершине – гербы губерний. Между пилонами шесть громадных бронзовых люстр.

Панели струистого голубоватого мрамора; мебель залы – золоченые стулья в старинном русском вкусе, обитые пунцовым бархатом с вытканым изображением Александровской звезды на высоких спинках.

В 1849 году, в третий день светлого праздника, а вместе и освящения дворца, Александровская зала ознаменовалась в первый раз торжественным обеденным столом. Державный хозяин звал всех верховных государственных сановников, придворных и военных, на хлеб-соль в семью свою на новоселье.

В большом столе сидели государь и государыня с семейством, первостатейными гостями и высшими чинами обоего пола, до 600 особ. Между колонн, против высочайшего стола и галереи, был оркестр вокальной и инструментальной музыки.

* Святой Александр (лат.).

Высочайший стол и все прочие столы были украшены великолепным новым сервизом, в числе которого особенно красовалось превосходное изваяние св. Георгия Победоносца на коне русского дела; а древняя золотая и серебряная посуда Большой казны, выставленная на восьми огромных поставцах в простенках залы, напоминала собой и старинное великолепие столов царских, на вкус и чекан нескольких столетий назад, искусство русское и давние поминки иностранных держав – Англии, Швеции, Дании, Голландии и империи Германской, присылавших в числе даров на поклон царям и великим князьям русским великолепные огромные кубки, чаши, блюда, сулеи, рассольники и различные чеканные изображения для украшения столов.

Андреевская зала

Впечатление, производимое при вступлении в Андреевскую залу, тронную его императорского величества, необычайно. Днем вы входите как будто под навес стройных золотых пальм; вечером, при освещении, – как будто в ряды фонтанов, которые мечут золото снопом и, рассыпаясь в вершине, образуют своды над золотым одним столом царским. Это как будто воссозданный храм солнца в Пальмире, построенный Соломоном и впоследствии носивший название Андрианополя. Андреевская зала основана в честь ордена Св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 году Петром I с эпитафией, означенной четырьмя золотыми латинскими буквами на оконечностях креста: S. A. P. R: «Святой Андрей Покровитель России».

Длина залы – 68 аршин, ширина – 29, высота – 25 аршин. Прямо против входа великолепный золотой императорский престол, которого шатер имеет подобие древнего царского места, устроенного царем Иоанном Васильевичем IV в 1551 году (сентября 1) с резным изображением и повествованием присылки царского сана великому князю

Владимиру Мономаху⁷. На задней части завеса престольного шатра двуглавый шитый золотом орел; бархатные полы завеса, подбитого горностаем, раскинуты по обе стороны престола, на спинке которого вензловое имя Николая I; над шатром, на стене – Всевидящее Око в лучах и гербы царств: Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского и Грузинского.

Золотые четырехгранные колонны, на которых покоятся стрельчатые своды Андреевской залы, высокой художественной красоты и необыкновенной легкости при всей величине. Лепные рельефные украшения колонн и сводов, как золотые кружева на белом мраморе – окаймлены по всем изгибам и связям золотой узорчатой перевивкой. Между десятью колонн они связываются золотыми запанами в середине каждого из пяти навесов свода, украшенного ветвистыми узорами. Бронзовые подножия колонн утверждены на мраморных основаниях. По углам капителей изображения креста Св. Андрея Первозванного. Стены залы обтянуты цветом орденской ленты – голубой обьярью со струями серебряными. Зала освещается десятью двухъярусными окнами и отражением зеркальных окон с противоположной стороны, на которых в простенках – изображения Андреевской цепи, а в промежутках верхних и нижних окон гербы губерний; над дверями из Александровской залы – гербы новгородский и киевский. Вечернее освещение залы составляют висящие в арках между колонн 12 громадных бронзовых люстр, на обручах которых двуглавые орлы с орденскими знаками.

Пол залы составлен из разноцветного дерева в узоре роскошного ковра. Каминь, устроенные с обеих сторон входных дверей в стене, отделяющей Андреевскую залу от Александровской, составляют верх искусства резца по величайшей трудности ваiania из яшмы. Они иссечены на устюжских заводах из яшмы высокого достоинства темно-фиолетового цвета.

На месте Андреевской залы возвышался некогда на Сенях царских Сретенский собор, а за ним дворец, построенный по повелению царя и великого князя Иоанна IV⁸.

Собор Сретения Господня, что во Дворце, с приделом Св. Николая по ветхости был разобран в 1801 году.

По правую сторону трона выход на террасу; а по левую дверь, ведущая через покой, предназначенный для кавалергардского караула, в Екатерининскую залу.

Екатерининская зала

Екатерининская зала есть тронная ее императорского величества Государыни императрицы, основанная в честь ордена Св. Великомученицы Екатерины и великолепно украшенная орденскими знаками, на которых слова «Боже спаси Царя»⁹ напоминают молитву Екатерины I и всего русского народа во время опасности, которой подвергался Петр I на берегах Прута в 1711 году.

Длина залы – 30 аршин, в 6 окон по наружной стене; ширина – 20 аршин, высота – 12¹/₂ ар. Блистательный трон императрицы помещается между двумя столбами, поддерживающими свод залы. Под балдахином и на спинке золотого трона, покрытого пурпуровым бархатом, шифр ее императорского величества. В столпах и простенках драгоценные и отличной работы малахитовые пилястры с бронзовыми капителями. Между пилястрами, вверху стен, покрытых серебряной тканью по белому полю, повешены массивные орденские медальоны с изображением св. Екатерины на выложенном алмазами поле, с бантами орденской ленты и девизом.

Чеканные серебряные с золотыми орнаментами двери также украшены орденскими знаками.

Близ окон два огромных хрустальных, отделанных в бронзу, канделябра.

Парадная диванная

За Екатерининской залой следует парадная диванная. Эта комната в три окна, под продольным сводом, изящна по красоте и убранству. Под превосходной живописью потолка от золоченого карниза она обтянута бродателем — по золотому полю цветы зеленые. Золотая мебель и занавесы окон из той же ткани. Здесь особенно замечательны художественного изделия Императорской фарфоровой фабрики огромный фарфоровый поставец для цветов с ветвями для свеч и две голубые вазы, осыпанные фарфоровыми цветами.

В среднем окне беломраморный камин; над ним — бронзовые часы старинной работы с изображением Рафаэля. Столы перед диванами с бронзовой насечкой по черепашке, а равно палисандровые, превосходной московской работы двери также с узорчатой бронзовой насечкой и украшениями из разноцветного радужного перламутра. Выход, противоположный окнам, ведет в коридор по внутреннему фасу здания. Длина комнаты в глубину 18 аршин, ширина — $12\frac{3}{4}$.

Парадная опочивальня

Этот блистательный покой, 14 аршин в квадрате, разделяется двумя дорогами, единственными в России колоннами из цельных (monolites) кусков зеленого мрамора (marmer Augustum) на две части. Под великолепной игривой позолотой карнизов убранство стен, мебели, занавес — узорчатая ткань, золото по серебру. За колоннами — парадная золотая кровать под аксамитным пологом. По обе стороны ее, против нишей, высокие хрустальные канделябры. Вправо выход в купальню.

В третьем окне наружной стены опочивальни великолепный камин из яшмы оливкового цвета, которая в

Древнем Египте употреблялась на изделие жуковин (scarabees), перстней, предохранявших от глаза, очарований и наваждений. Под сводом бронзовая люстра с хрустальной бахромой.

Следует дежурная камерь-юнгферская. Небольшая комната, обложенная по стенам и своду наглухо ореховым деревом, превосходной, хотя и не узорчатой работы. Против дверей опочивальни зеркало в 4 аршина вышины и в 2 ширины; сбоку в стене другое. Отсюда одни двери ведут на антресоли для камерь-юнгфер и в гардероб императрицы, другие в коридор, соединяющийся с коридором теремным при церкви Рождества Богородицы, составлявшим в старину Постельное крыльцо царских Постельных палат под теремом.

По направлению этого коридора влево – отлогий вход в переходный, так называемый зимний сад над проездом с Императорской площади к Троицким воротам.

Нижний этаж западной части дворца

Нижний этаж западной части дворца, находящейся между воротами, заключает в себе отделения для г. министра двора и дежурных генерал и флигель-адъютантов.

Зимний сад

При входе в зимний сад, клумбы которого образованы из редких ветвистых деревьев, близ дверей, направо, мраморная статуя Геркулеса, держащего в одной руке палицу, в другой – гесперидские плоды.

На площадке посредине – огромная из авантюрина чаша на подножке. По сторонам ее диваны для отдохновения. С противоположной стороны статуя Весты.

Зимний сад соединяет дворец с отделением их императорских высочеств. Двери по правую сторону Ве-

сты – в переднюю проходную, при комнатах и картинной галерее, ведущую в Кавалерский корпус; двери по левую сторону – в переднюю перед комнатами их императорских высочеств, под которыми покои среднего этажа предназначены для особ свиты.

Половина ее высочества. Гостиная

Свод комнаты превосходно изузорен рельефными украшениями по полю водянистого цвета. Над дверьми медальоны, изображающие двух играющих малюток, и кроме того, в простенках над зеркалами – выдающиеся горельефные головки. Против окон мраморный камин с серебряной отделкой; на нем бронзовые золоченые часы Буля. На стенах обрамлены картинные ткани Гобелина. Диваны, патэ с прекрасной фарфоровой вазой посередине и кресла сплошь золоченые. Столы с мраморными досками, зеркальные рамы и две огромные люстры из цельного серебра.

Спальня

Уборка стен, ореховой мебели и окон – шелковая ткань голубого цвета. В своде медальоны Торвальдсена, изображающие четыре времени дня. Изящной работы драпированная перегородка отделяет спальную часть от прочего убранства комнаты. Столы и шкафы – старинное превосходное произведение Буля.

Уборная

Уборная комната с огромным трюмо между окон разделяется также на две половины перегородкой, устроенной из шкафов орехового дерева. За перегородкой ванная. Обои, мебель и драпировка – шелковая ткань розового цвета с белым.

Дежурная камерь-юнгферская

За уборной следует дежурная камерь-юнгферская, обтянутая шелковыми обоями зеленого цвета; из этой комнаты, против окон, выход в галерею, а прямо – на половину его императорского высочества.

Половина его высочества. Уборная

Уборная комната его высочества устроена также с отделением для ванны. Мебель и убранство окон шелковой горохового цвета ткани.

Кабинет и спальня

В глубине комнаты за ширмами кровать, вправо у стены письменный стол, между окнами трюмо. Стены, старинная мебель с насечкой Буля и уборка окон – шелковая ткань цвета зеленого с желтым. За кабинетом следует приемная комната.

Приемная комната

Главное украшение этой комнаты составляют огромные картины под стеклом – известные высокохудожественные копии Зейдельмана с Рафаэля и Корреджио, рисованные сепией: Рождество Христово – в 4 ар., 2 в. вышины, 3 ар. 2 в. ширины; Иоанн Креститель – в 2 ар. и 3 в. вышины, 3 ар. 2 в. ширины; Мария Магдалина – 2 ар. 2¹/₂ в. вышины, 3 ар. 1 в. ширины; Св. Цецилия – 1 ар. 13 в. вышины, 1 ар. 8 в. ширины; Лукреция – 1 ар. 12¹/₂ в. вышины, 1 ар. 8¹/₂ в. ширины; Слава – 3 ар. вышины и 1 ар. 15 в. ширины.

Стены и убранство из пунцовой шелковой ткани; мебель белая с золотом, на патэ превосходная мраморная фигура Венеры.

Передняя

Передней заключается отделение их императорских высочеств – ряд комнат, которых отделка и убранство также замечательны по изяществу вкуса и богатству обстановки.

Из передней выход к подъезду и переход в переднюю залу новой Оружейной палаты.

Оружейная палата

В переднюю залу Оружейной палаты ведет от подъезда великолепная лестница из итальянского мрамора. Подле стен залы и отдельно пирамиды древних доспехов. При входе и против простенков колоссальные фигуры витязей, всадников и воинов в древнем русском облачении.

За этой залой следует палата старинного русского оружия. Потом зала трофеев; отсюда вправо круглая палата великокняжеского и царского чина, или торжественного облачения и императорских короновальных одежд. Прямо – вход в палату древних утварей¹⁰.

Следуя из Оружейной палаты обратно в коридор перед комнатами их высочеств, вы вступаете в Картинную галерею – в 90 аршин длины и 5 аршин ширины, с 16 окнами, освещающими 10 простенков, занятых сплошными золотыми рамами, заключающими в себе картины различных школ живописи, произведения знаменитых мастеров: Рубенса, Рембрандта, Корреджио, Тициана, Гвидорени, Маратта, Греза и проч. и проч.

Из Картинной галереи перейдем обратно через Зимний сад или через коридор, находящийся при оном, в так называемый Фрейлинский коридор, составлявший некогда Постельное крыльцо, для обозрения древней части дворца.

Древняя, или теремная, часть дворца

Храм Рождества Богородицы

Западные двери храма устроены против Зимнего сада на сообщении между древними сенями царицыных хором и так называемым в старину крыльцом Постельных палат – ныне коридором с южной стороны теремного здания.

Храм Рождества Богородицы построен св. великой княгиней Евдокией, супругой Дмитрия Донского, в 1392 году, на месте бывшей деревянной церкви Воскресения Лазаря, обращенной в придел. После пожара в 1473 году, истребившего весь двор царский, при постройке нового каменного и церковь Рождества Богородицы, бывшая на стенах деревянных царицыных хором, поднята в уровень с сенями кирпичного здания и сооружена над древними белокаменными сводами церкви Св. Лазаря.

Храм Рождества Богородицы был приходскою церковью великих княгинь и цариц; здесь по истечении шестинедельного срока после разрешения от бремени они брали молитву. Все местные образа иконостаса были украшены трудами их – ризы шиты золотом и унизаны жемчугом и драгоценными камнями. Позади правого крылоса стоял царский их престол.

Северные двери храма Рождества Богородицы ведут в коридор теремный, который, как мы упомянули, составлял некогда сени царицыных хором – ряд комнат по коридору, которые в новейшие времена приняли название фрейлинских, по случайному помещению в них фрейлин в 1817 году.

Под храмом Рождества Богородицы, в нижнем этаже:

Церковь Воскресения св. Лазаря

С неизвестного времени этот храм был упразднен, оставлен в запустении под спудом здания и наконец зава-

лен и застроен; только в летописях хранилась о нем память. При исправлении теремного здания в 1837 году и пролома стены по случаю построения новой лестницы он обретен с уцелевшей внутри надписью на стене: «Ангел Господень трубит на землю» и восстановлен волею благополучно царствующего государя императора Николая I.

Церковь Св. Лазаря есть почти единственный уцелевший памятник древнего зодчества храмов из белого камня до употребления кирпича. В летописях под 1339 годом упоминается уже об этом храме, но до 1392 года он был деревянный. В этом году великая княгиня Евдокия, супруга великого князя Дмитрия Донского, построила церковь Св. Лазаря каменную, но уже приделом к храму Рождества Богородицы, находящемуся над нею.

Выходя из церкви Св. Лазаря под открытое небо, вы видите низменный храм, обнесенный со всех четырех сторон зданием дворца. Это собор Спаса Преображения – как в древности, так и ныне на Царском Дворе.

Собор Спаса Преображения на Царском Дворе

За 700 лет на этом месте был дремучий бор, и потому существовавший здесь искони монастырь Спаса, о котором упоминают летописи под 1318 годом, принял название Спас на Бору. В 1330 году Иоанн Данилович Калита по перенесении столицы из Владимира в Москву построил храм Спаса каменный и перевел в него архимандритию из Даниловского монастыря, основанного на берегу Москвы-реки его отцом. Иоанн III при постройке каменного двора перенес обитель Спасскую на новое место на Москве-реке, где она и ныне под именем Новоспасского монастыря; соборный же храм Спаса вместо оград и келий монастырских оградился царскими палатами.

В этом соборе покоятся мощи епископа Стефана, самоотверженно проповедовавшего христианскую религию

дикому народу Перми, и здесь была усыпальница великих княгинь до св. Евдокии, супруги Дмитрия Донского, построившей монастырь Вознесения.

Местная икона собора – образ Преображения, ограждавший некогда крестным ходом смиренную обитель посреди леса, на крутом берегу Москвы-реки при устье Неглинной; потом княжеский двор Георгия Владимировича в 1156 году, Владимира Всеволодовича в 1212 году, Владимира Георгиевича, Михаила Ярославича, Даниила Александровича, великого князя Георгия Даниловича, основавшего пребывание в родовом городе Москве; и наконец столицу великокняжескую со времен Иоанна Даниловича Калиты.

В соборе хранятся: 1) древний драгоценный оклад с образа Спаса Нерукотворного, которым Фома Палеолог благословил дочь свою Софью Фоминичну, супругу Иоанна III; 2) венец с образа св. Екатерины; 3) образ Сретения Господня из Сретенского собора, бывшего на Государевых Сениях; 4) образ Похвалы Богородицы из храма Похвалы Богородицы, находившегося на Потешном дворе, наверху.

Церковь Св. великомученицы Екатерины, что на Царицыных Сениях

На северной оконечности фрейлинского коридора поворот влево в дворцовую церковь Св. Екатерины.

В иконостасе храма, который, без сомнения, основан также св. великой княгиней Евдокией, супругой Дмитрия Донского, находятся две местные иконы: Св. Евдокии и св. Екатерины. В старину этот храм и носил название церкви св. Евдокии. В числе древних образов замечателен лик св. Иосифа, индийского царевича.

Драгоценный, осыпанный бриллиантами венец образа св. Екатерины, который считался пропавшим во время нашествия французов, обретен между уцелевшими старыми церковными вещами в храме Спаса на Бору.

Почти все, упоминавшие в описаниях Кремля о церкви Св. Екатерины, утверждали, что этот храм переименован из церкви Св. Евдокии царем Алексеем Михайловичем в 1660 году во имя новорожденной царевны Екатерины; но в указе 1626 года¹¹ царя Михаила Федоровича, а равно и в разряде свадьбы царя Алексея Михайловича в 1648 году, упоминается уже о церкви св. Екатерины, что на Царицыных Снях.

Против южных дверей храма, за темным коридором, древняя Царицына, или Золотая меньшая, палата, которую мы опишем в заключение.

Верхний этаж храма Св. Екатерины составляет:

Церковь Слоущего Воскресения

Эта церковь возобновлена в древнейшем вкусе резьбы и разноцветной позолоты. Огромное паникадило, в шаре которого были часы, висит на своде. В иконостасе древняя икона Полоцкая Божьей Матери, привезенная царем Алексеем Михайловичем из завоеванного Полоцка.

Выходя из церкви Слоущего Воскресения на паперть, образующую коридор, нельзя не обратить внимания на дверь вправо, на лестницу вниз и на окно, находящееся против дверей. Отсюда, как с незаконного величия, низвергся в прах Дмитрий Самозванец.

По известиям современников его, Маржерета, Бера, Паерле и прочих, когда народ вломился с площади во дворец, Самозванец бросился в каменный дворец, в терем, где жила Марина, его молодая жена, занимавшая покои цариц; отсюда пробежал он в верхний этаж к стороне умывальни¹², надеясь, без сомнения, малым сходом вниз (лестницей при церкви Слоущего Воскресения) сбежать на Сытный двор; но и этот выход был уже занят, и Лжедмитрий, как вошел в хоромы царские не путем, так и вышел из них не путем.

От церкви Словоущего Воскресения, вступая в теремный коридор, называемый ныне чугунным, который некогда составлял сени верхнего яруса здания Иоаннова, или жилых покоев царевен, вы поднимаетесь налево по лестнице в терем, надстроенный царем Михаилом Федоровичем для сыновей своих, царевичей Алексея Михайловича и Иоанна Михайловича, в 1636 году. Со времени постройки нового дворца Елизаветы терем был в полном забвении; еще полстолетия без поддержки, и он был бы в развалинах, но государь император Николай I почтил обитель предков своих правом святыни нерушимой. Она, можно сказать, восстановлена навеки. Возобновление исполнено обер-гофмейстером бароном Л. К. Бодe со строгою отчетливостью, сообразно с уцелевшими образцами украшений и древней утвари царской и соответственно господствовавшему вкусу времен царя Михаила Федоровича¹³.

Вступая в ряд покоев, предназначенных им для своего наследника, вы припоминаете расположение храма, трапезную или столовую, соборную или гостиную и престольную; за ними, как бы в приделе, опочивальню и образную. Живопись стен храмовая, как золотая парчовая риза со святыми изображениями, разводами, узорами и источниками. Здесь, в престольной палате у красного окна, подле которого царское место, был устроен ларец, опускавшийся вниз, для подания просьб прямо в руки царю от беспомощных, и Алексей Михайлович посвящал утренние часы милосердию¹⁴. В образной, или молельне царской, замечательны древние образа, складни и кресты. Эта святыня издавна составляла родовое наследие и благословение великих князей русских. Ветхость некоторых из этих икон свидетельствует глубокую их древность. Разные драгоценные вещи, принадлежавшие царю Алексею Михайловичу, золотая и серебряная посуда наполняют створцы, находящиеся в тронной, в трапезной и в боковом покое; словом, здесь все старое по-старому, как было

при прежних хозяевах – родоначальнике Михаиле и сыне его Алексее, переселившихся на вечный покой под кров архангела Михаила.

Из бокового покоя, в стороне от тронной, вход по круглой лестнице на вышку, или верхний этаж терема, составляющий один покой, теремную горницу с башенкой, или фонарем, с южной стороны. С открытой площадки вышки некогда за твердынями Кремля взор обнимал пространную Москву, обнесенную каменными стенами и стрельницами Китай-города, Белого города, или Царь-города, и дубовой стеною Скородома.

Возвращаясь чрез столовую, где, по старому выражению, ел у царя иногда только Патриарх, где подавалось на золотой посуде более ста различных блюд и разносили в кованых кубках русские меды и фряжские вина, откуда царь посылал подачку со стола заслуженным боярам и любимцам своим, вы пройдете в боковую комнату и спуститесь в портретный коридор (названный так по находящимся на своде изображениям царского рода Романовых, начиная с родоначальника Филарета Никитича). Здесь ходили некогда из покоев своих русские великие княжны и царевны молиться Богу в их домовую церковь Крестовоздвижения и Распятия Господня. В этой маленькой церкви весь иконостас трудов царевен, ризы шиты по разноцветному атласу золотом и жемчугом. Придел Распятия Господня составляет укромное место молитвы с левой стороны церкви, огражденное иконостасами в створцах под слюдой. Отсюда за разной узорочной дверью (древней работы) выход на хоры церкви Словущего Воскресения.

Спасский собор, что Вверху за Золотой Решеткой

Главный выход из терема ведет также на площадку, которою сочетается теперь древняя часть дворца со вновь построенною и которая прежде ограждена была со стороны

бывшего восхода с Боярской площадки золотой решеткой; почему и древняя придворная церковь называется: *Спас за Золотой Решеткой* или *Спасский собор, что Вверху за Золотою Решеткою, Нерукотворенного Образа Спасова*.

Этот собор составляет верхний ярус над Меньшею золотою палатою и построен Иоанном III в одно время со всем дворцом, во славу Нерукотворенного Образа Спаса, перенесенного некогда из Эдессы в Константинополь и потом царевною Софией, супругою Иоанна, в Москву.

Придел же храма сооружен во имя Иоанна Предтечи, тезоименитого ангела Иоанну III.

Одиннадцать золотых глав с украшениями древней мусии венчают собор, образуя общую кровлю над церковью Словущего Воскресения, составляющей верхний ярус храма Св. Екатерины и над приделом Распятия Господня.

С площадки теремной, по южную сторону Спасского собора, галерея ведет в так называемый в древности Тайник, или покои над Св. сенями, где в старину у окна, выходящего в Грановитую палату против царского места, присутствовало за занавесью царское семейство во время торжественных приемов и угощений послов.

Галерея Тайника образует хоры Владимирской залы.

Спустившись по лестнице против входа в Св. сени, обратимся влево под арки, за которыми в полумраке видны окна древней Царицыной палаты.

Золотая меньшая, или Царицына, палата¹⁵

Здесь принимали царицы в торжественные праздники святителей и всех представляющихся им. Сопутствовавший Константинопольского Патриарха Иеремию, поставившего первого русского Патриарха Иова, архиепископ Элласонский Арсений описывает древнее великолепие этой палаты, которой своды и стены были покрыты золотом и мусией, окна украшены богатыми завесами, пол устлан ков-

рами с изображениями ловли; золотые и серебряные изваяния утвари представляли зверей и птиц; на своде висел металлический лев и держал драгоценное паникадило в виде свившегося в кольцо змея.

Древняя живопись, подновленная при Алексее Михайловиче и в коронацию императора Павла, по сие время представляет лики и подвиги святых и великих жен: обретение животворящего Креста царицей Еленой, крещение великой княгини Ольги, легенду о царице Динаре, дочери иверского царя Александра, воевавшей с персами, и проч.

В 1450 году митрополит Иона выстроил палату каменную, в ней же, как говорит летопись, церковь Положение ризы Пресвятой Богородицы. По положению этой церкви, примыкающей к меньшей Золотой палате, должно полагать, что эта палата есть именно та, которую построил Иона, и это тем более достоверно, что своды ее, укрепленные железными связями стен, принадлежат к роду древней русской каменной постройки, а не к постройке Алевиза, которого своды Грановитой палаты, гораздо обширнейшие, без наружных связей и перекладин.

Из золотой Царицыной палаты был выход в сени ее, и из сеней на площадку Постельного крыльца, которая называлась впоследствии боярской.

Ныне на пространстве ее, прилежащем Царицыной палате, образовалась величественная ротонда во имя Св. равноапостольного Великого князя Владимира.

Древней золотой Царицыной палатой заключается полный круговой обход всего здания императорского Кремлевского дворца, красоту и великолепие которого не высказали достойно ни предлагаемое описание, ни приложенные к нему рисунки.

Выходя из-под низменных, навислых и перевязанных железными полосами сводов пятнадцатого столетия под высокий, легкий, круглый свод Владимирской залы, вы переступаете одним шагом четыре века, выходите из-под

спуда маститой старины на величественный простор современности.

Поднявшись по нескольким ступеням из Владимирской залы в Георгиевскую, боковые двери вправо ведут в переднюю и к выходу на большой подъезд, откуда началось обозрение нового Императорского дворца.

**ОБНОВЛЕНИЕ ХРАМА ЗНАМЕНИЯ
ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ ДУБРОВИЦАХ,
ОСНОВАННОГО В 1690 И ОСВЯЩЕННОГО
В 1704 ГОДУ, В ПРИСУТСТВИИ ХРАМОЗДАТЕЛЯ
ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА**

В 35 верстах от Москвы, близ города Подольска, на горе при слиянии Пахры и Десны находится необыкновенной архитектуры белокаменный древний храм, увенчанный короной. Этот храм создал юный царь Петр для дядьки своего и кормильца князя Бориса Алексеевича Голицына в его родовом имени, селе Дубровицах. Князь Борис Алексеевич, сын боярина князя Алексея Андреевича, бывшего в 1675 году воеводой киевским и именовавшегося *наместником Болгарским*, родился в 1641 году и был комнатным стольником при царевиче Феодоре Алексеевиче; а впоследствии при царевиче Петре Алексеевиче. Он умел заставить юного царевича преодолеть поселившиеся в нем с малолетства боязнь и отвращение к воде, и в 1694 году, сопутствуя Петру в походе его к городу Архангельску и к Соловецкому монастырю, был с избытком вознагражден за это примирение с водой тем бесстрашием, которое оказал юный царь Петр во время поднявшейся бури на Ладожском озере.

До этого еще времени князь Борис Алексеевич, любимый державным воспитанником своим, спас Василия

Васильевича Голицына и всю семью от смертной казни за участие в заговоре Софии Алексеевны; но в 1689 году по наветам и сам был удален от Двора в свое поместье. Внушения не сгладили, однако же, в Петре благодарности за любовь к нему его дядьки князя Бориса Алексеевича, и за испытанную верность в смутные времена бунтов, убедясь в невинности князя, он призвал его к себе обратно и встретил объятиями. В это-то самое время, в 1690 году, заложен и храм в поместье его. Государь, вероятно, лично посетил князя Бориса Алексеевича в Дубровицах и, узнав о намерении его построить на дворе своем храм во имя Знамения Пресвятой Богородицы, вызвался быть соучастником храмоздания. Существовавшая прежде на этой самой высоте, при слиянии Десны и Пахры, церковь во имя Св. Пророка Ильи уступила место новому храму и перенеслась в село Лемешово – в расстоянии одной версты. Место бывшего престола ограждено по сие время за алтарем нового храма.

Для сооружения храма государь назначил архитектором Тессинга (так отмечено имя его на древнем плане Дубровицкой церкви, хранящемся в архиве Дворцовой конторы), который воспользовался богатством каменоломен по берегам Десны и Пахры, заключающих в себе белый камень. До ста человек мастеров были выписаны из Италии, и в 1690 году, июля 22 числа, освящено заложение нового храма. Основание его составляет равносторонний крест с тройственными округлениями оконечностей; вокруг – открытая паперть с восходами с четырех сторон в главные и боковые двери храма и со стороны алтаря. Округленные оконечности креста основания образуют стены и своды первого яруса, сходящиеся к середине и держащие на себе восьмисторонний трехъярусный верх храма со сводом под серебряным куполом с восемью золотыми дугами короны, осененной крестом.

Весь храм построен из массивного белого камня, крыт луженым английским железом; снаружи стены, пи-

лястры, карнизы, арки украшены гранями, узорчатой насечкой по камню, изваянными изображениями апостолов и учителей Церкви из цельных блоков в 5 аршин вышины. Обрез наружной стены, изогнутой по очертанию основания, украшен прорезным гребнем и арками с изваяниями ангелов. Вся внутренность храма, от нижних сводов до самого верха под куполом, покрыта смелыми горельефными изображениями из жизни Спасителя; бо́льшая часть из них превосходной скульптурной работы. Иконостас и хоры – художественной резьбы по дереву. Вообще в намерении зодчего было создать подобие древней базилики со всеми преукрашениями католико-готических храмов. Существовавшие латинские надписи – тексты Священного Писания и четверостишия проявляют вкус времени, а вместе с тем и угоду князю Борису Алексеевичу Голицыну, который любил древние языки и говорил по-латыни и по-гречески.

В архитектурном значении здание храма представляет по искусству сочинения, смелости выполнения и роскоши в отделке один из замечательнейших памятников зодчества XVII столетия. В прошедшем столетии описание этого храма было составлено приходским священником села Дубровицы и благочинным иереем Сергием Романовским. Помещаем очерк этого описания как единственное историческое свидетельство о сооружении храма.

«При державе благочестивейшего государя, царя и великого князя Алексея Михайловича в 1662 году в селе Дубровицах сооружен был и декабря 15 дня освящен небольшой деревянный храм во имя Св. Пророка Ильи. В то время помещиком села Дубровиц был боярин Князь Борис Алексеевич Голицын, ревностный к благочестию, посещению и украшению храмов Божьих. Движимый этим благочестием, он пожелал вместо бывшего деревянного храма создать новый каменный. Удастаиваемый особенными милостями и благоволением царя Петра Алексеевича, часто посещав-

шего село Дубровицы, он открыл его величеству намерение свое. Царь Петр Алексеевич соблагволил не только изъяснить соизволение свое, но и желание принять соиздание храма на свое высочайшее попечение».

В непродолжительном времени государь назначил для приведения в действие обета своего превосходнейшего архитектора, родом итальянца, и повелел деревянный Ильинский храм перенести в деревню Лемешово, расстоянием от Дубровиц в одной версте, а на месте его заложить новый, во имя честного образа Знамения Пресвятой Богородицы; что и исполнилось торжественно 1690 года, июля 22, во вторник. С того времени и поныне этот день знаменуется отправлением церковного празднества храма.

Чтоб здание храма соответствовало вполне плану и воле Созидателя, были выписаны из Италии до ста мастеров. Сооружение, при всем тщании к скорейшему окончанию, продолжалось 14 лет, хотя и в зимнее время в нарочно устроенных казармах производилась работа и подготовка резьбы. Для крепости в известку примешивали алебастр и толченное стекло.

По совершении каменного строения приступлено было к писанию св. образов. В незабвенную память созидателя царь Петр Алексеевич соизволил повелеть написать подле южных дверей местные образа апостолов Петра и Павла, а подле северных – св. благоверных князей Бориса и Глеба, тезоименных князю Борису Алексеевичу.

По совершении здания и снабжения его от именитого созидателя благолепием и утварью, 1704 года, февраля 11 дня, в пятницу, при высочайшем присутствии государя царя Петра Алексеевича и благоверного государя, цареви́ча и великого князя Алексея Петровича, знатнейших духовных и светских особ храм Знамения Пресвятой Богородицы освящен преосвященнейшим митрополитом Стефаном Яворским. На это освящение созваны были по высочайшему соизволению окрестные жители всех сосло-

вий на 50 верст в окружности от Дубровиц. Празднество и угощения продолжались целую неделю.

Воздвигнув храм, как залог благоволения к князю Борису Алексеевичу, Петр I часто навещал село Дубровицы. Вся драгоценная церковная утварь, о которой можно судить по сохранившемуся антиминсу, составляла царский вклад; но впоследствии, когда князь Борис Алексеевич пожелал принять монашеский чин в Флорищевой пустыни (Владимирской губернии Гороховецкого уезда), большая часть этой утвари вывезена была им в пустынь. В украшениях иконостаса и св. образов нет ни золота, ни серебра – без сомнения, с целью зодчего, чтоб более выдалось все достоинство архитектурных украшений.

«Основание храма – как в длину, так и в ширину с паперти – на 14 саженьях и 7 вершках, диаметр его от горнего места до западных дверей – 11 сажень, 2 аршина и 3 вершка; высота всего здания с куполом – 19 сажень, 2 аршина и 10 вершков. Весь храм сооружен из белого камня; в основании и до середины высоты крестообразный. Выпуклые части на востоке, западе, севере и юге образуют полукружия; над каждым особый свод и по четыре окна. От этих сводов верхняя часть образует семиугольный столп в четыре яруса окон, по восьми в каждом. Купол вышиною в 6 аршин и 4 вершка. Над куполом устроена позлащенная корона; над нею резной крест вышиною в 6 аршин и 12 вершков. На верхнем и поперечных концах оно вырезаны слова: *сть, сть, сть*, в середине *Хс*, а внизу *Ника*.

Храм окружен резною папертью с четырьмя парадными для всхода крыльцами.

По сторонам паперти иссеченные из камня изображения евангелистов. При всходе в западные двери – святители Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Над алтарем и тремя входными дверями по одному окну, и кроме того во всей окружности 12 глухих окон. Над каждым из них резные из камня украшения, над которыми высечены изображения

херувимов, держащих различные орудия страстей Спасителя: один держит лестницу, другой копье, и проч. Выше этих изображений, над сводом полукруга к западной стороне, изваяние святителя Василия Великого; над ним, в первом ярусе столпа, между окнами, двенадцать апостолов. Вся наружность стен украшена барельефной резьбой по камню и разными колоннами.

Внутри храма весь иконостас и двойные хоры над западными дверьми убраны превосходной резьбой по дереву. Иконостас, хоры и воздымающиеся над ними стены, как и весь низ, белые, с палевой окраской.

Кроме многих изображений на стенах лепного художества замечательны следующие: пред правым клиросом, на горней стене, праведный Иосиф Обручник; в соответствии на западе – св. Анна Пророчица. Пред левым Богоматерь, принесшая во храм Младенца Христа; с противной стороны – Симеон, держащий в объятиях Спасителя. Подле иконостаса и хора – четыре евангелиста. Над иконостасом – Распятие Господа Иисуса с ликом бывших при нем последователей; при этом латинская надпись:

Hora nona Iesus quum omnia consummavit,
Forte clamans spiritum Patri commendavit,
Latus ejus lancea miles perforavit,
Turba tunc contremuit et sol obscuravit.

На южной стороне храма – *Положение во гроб*, также с латинской надписью; над западной – *Возложение тернового венца* на главу облеченного хламидою и держащего трость Христа. На северной – *Несение креста*. Над рамами, в которых помещаются упомянутые изображения, – *Чин пророков*. На горней стене (ярусом выше) – *Восстание из гроба*; еще выше – *Отечество Христово*, и наконец *Господь Саваоф*, восседающий на херувимах, с благословляющей рукой.

Против Отечества, над третьим ярусом окон, – изображения ангелов, держащих в руках орудия Христовых страстей с соответственными значению латинскими стихами».

Это описание излагает довольно ясно наружность и внутренность храма, в приходе которого находится 13 деревень, принадлежащих ныне Графу Дмитриеву-Мамонову.

В 1782 году князь Сергей Алексеевич Голицын, наследовавший поместье Дубровицы, продал его светлейшему князю Потемкину-Таврическому. В 1787 году блаженной памяти государыня императрица Екатерина II, удостоив своим присутствием Дубровицы, соизволила купить это имение и пожаловать графу А. М. Дмитриеву-Мамонову.

Знаменский храм села Дубровиц, как по высокому имени храмоздателя, так и по особенно замечательной архитектуре своей, был постоянно предметом любопытства для всех преклоняющихся пред великой памятью Петра Великого. В продолжение 160 лет храм сохранился в том самом виде, в каком был основан; никто ничего не изменил в нем, но вместе с тем не поддержал и не предохранил от притязаний времени. Оказавшиеся трещины в сводах и стенах и погнившие рамы в окнах привели бы его скоро в совершенное разрушение, если бы его высокопреосвященство Московский Митрополит Филарет, основываясь на законоположении и указ государя императора о сохранении и поддержании древних отечественных памятников, не обратился к Московской дворянской опеке с предложением о восстановлении знаменитой по храмоздателю древности и редкой архитектуре Знаменской церкви села Дубровиц. Это предложение и личное участие его сиятельства графа Арсения Андреевича Закревского как главного попечителя над опекой владельца села Дубровиц решили восстановление храма. Исполнение возложено было на опекунов: коллежского советника К. А. Гасовского и гвардии ротмистра С. И. Пашкова. Выбор архитектора академика Рихтера ру-

чался за прекрасное возобновление храма Знамения достойно высокого имени храмоздателя.

«Недавно еще этот храм, почерневший от времени и увенчанный вместо золотой как будто железною короною, казался издали, посреди леса в углублении гор, вестовой башней над развалинами древнего замка; теперь его нельзя уже узнать: он снова белокаменный; золотой крест и золотая корона купола снова ярко отражают свет дня и ночи; узорчатые стены и все наружные изваяния обтесаны, очищены резцом; нет уже следов ни времени, ни порчи – храм как будто совершенно новый, только что созданный в подражание древнему, без малейшего изменения. Но внутри он стал богаче. Великолепный, смелой резьбы древний иконостас и хоры не могли оставаться без позолоты: бывшая окраска листьев желтой краской, казалось, была подготовкой под золоченье; но время проходило, и никто не подумал об этом до возобновления храма в 1850 году.

Бывшие латинские надписи под горельефными изображениями стерлись; не возобновлять же латинские надписи и стихи в православном храме: для них время прошло; их заменили тексты из Священного Писания, избранные в соответствие св. изображений священником храма Иоанном Георгиевым. Четыре ряда образов иконостаса и Царские двери увенчались, а клиросы и двухъярусные хоры как будто обросли золотыми виноградными листьями.

Лепная работа и все ваяния в высоте храма отделились и сделались более воздушными.

Таким образом, и наружность и внутренность храма оживлены, обеспечены еще на полтора десятка лет.

Прекрасные аллеи вековых берез ограждают храм по скату горы и подгорью с юго-восточной стороны – к северной роще, в середине которой высокий искусственный курган с круговыми восходами на вершину, усаженными деревьями.

С западной стороны храма огромный каменный двухэтажный, с бельведером и балконами по обе стороны, дом помещика. В нем еще есть следы бывшего великолепия: картины, семейные портреты, бронзы, статуи, бюсты. Показывают еще комнату с золоченой, крытой пунцовым бархатом мебелью, изготовленную некогда для приема императрицы Екатерины II.

С бельведера дома открывается вся окрестность. На севере крутой покрытый рощею берег Десны и дорога в Москву, мимо села Ерино. На этом берегу в расстоянии версты к западу, в долине, под лесным навесом, св. криница.

Со стороны запада при доме сад с оранжереей, дворовые строения, березовая роща по берегу Пахры; отдаление закрыто лесом, к которому ведет аллея.

Полуостров, заключающий господский двор с храмом, обнесен неоконченной каменной зубчатой стеной с высокими воротами готической формы; но это строение, вроде укрепления местности от нашествия неприятелей, составляет неисполненное предприятие недавних лет.

Южнее по Пахре ряд каменных возобновленных строений церковнослужителей; за рекой каменоломни.

Далее село Лемешово.

На юг – переправа через Пахру, на горе деревня Беляева; далее, в расстоянии полторы версты, село Ивановское – подмосковной графини Аграфены Федоровны Закревской; здесь к трехэтажному каменному дому над крутым берегом Пахры тянется от Подольского шоссе также стланая дорога через широкую, усаженную деревьями улицу села, прекрасно и просторно построенного; при доме по скату берега роскошный сад с богатыми оранжереями; за флигелем и дворовыми зданиями – каменное заведение Ивановской суконной фабрики.

Далее, за селом Ивановским в четырех верстах виден город Подольск с его каменоломнями по Пахре.

Отклоняясь от окрестностей, взор невольно обращается снова к храму Знамения и медленно обводит его статную наружность и узорочную белокаменную одежду.

Мы не упоминаем о колокольне, построенной отдельно против южных дверей храма Знамения неизвестно кем и когда, но гораздо позднее, вопреки всякой мысли, соответствующей архитектуре храма, без малейшего сознания искусства (по старым планам имения, в исходе прошедшего столетия этой колокольни еще не существовало). Смотри на зодчество самого храма, должно невольно сознаться, что к нему трудно пристроить отдельно соответственную колокольню. Мы полагаем, судя по имеющемуся восходу с хор на гребень стены и на крытую белым железом кровлю, что благовестные колокола заключались прежде в арках, над которыми стоят изображения ангелов, гласящих о страстях Христовых»¹.

ЧАСТЬ 3 АНТИЧНОСТЬ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

НАЧЕРТАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БЕССАРАБИИ

Его превосходительству начальнику Главного штаба 2-й армии, господину генерал-адъютанту и кавалеру Павлу Дмитриевичу Киселеву, приношение от сочинителя

Ваше Превосходительство!

Снисходительное внимание вашего превосходительства к занятию моему и поощрение, оказанное вами, снабдив меня лично некоторыми материалами древней истории, касающимися до южного края России, дали мне возможность написать древнюю историю Бессарабии.

Произвольный труд есть мера способностей, и потому если он слаб и не полон, то для меня нет оправдания; хотя обстоятельства нынешнего времени и заставили меня торопливо кончить его, чтоб заняться упражнениями более соответственными пользе службы.

Составленная мною «История Бессарабии» относится к временам, в которых справедливость событий основана на сравнении древних писателей и заключениях, выводимых из оного.

Новая история сего края идет в связи с историею Молдавии и Валахии и, можно даже сказать, есть отрывок исто-

рии Турции; исполнена событиями военными, описание которых должно быть подробно и без всяких сомнений.

Если время и средство дадут мне возможность быть более предприимчивым, то я желал бы совершить труд более полезный и согласный с желанием вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением имею честь пребыть
вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Вельтман

I

В Азии, где первая весна украсила роскошную своей одеждой новорожденную природу, размножившиеся отрасли первых людей стеснились и часть племен пошла искать нового жилища за горами и за морем.

Первых переселенцев привлекла южная часть Европы. Вскоре возникли в ней два народа, ознаменовавшие себя славою и просвещением. Внутренность же ее и часть северная сделались обителью диких племен, которых беспокойная, кочевая жизнь продолжалась несколько веков.

II

Происхождение сих народов покрыто киммерийским мраком; Геродот, Страбон, Плиний и многие другие древние историки оставили о них предания самые темные.

Приступая к исследованию первоначального населения Бессарабии, мы видим около Туманного моря киммерриан; потом вскоре скифов, как праотцов тех народов, которые впоследствии населили большую часть Европы. Сначала занимали они пространство между Истром (Дунаем) и Танаисом (Доном); потом, вероятно, разделились на племена и приняли различные названия; но предания сохранили только общее имя народа многочисленного, какой, по словам Фукидида, когда-либо населял землю.

Геродот описывает скифов народом диким, мужественным и почитавшим независимость дороже жизни. Юстин удивляется внушенным в них самую природою понятиям о истине и любви к справедливости.

III

Дарий, сын Гистаспа, покорив Вавилон, предпринимает намерение покорить и скифов, обитавших по берегам Черного моря между Истром и Танаисом. Семьсот тысяч воинов переправляет он чрез Босфор, проходит Фракию и на Дунае, между городами *Трозьми* и *Егиссус*¹, строит мост и нарушает тишину в пустынях скифских. Он преследует их в степях; но одно пустое пространство покоряется ему.

«Куда бежите, чего страшитесь? Сразитесь со мной!» – велит он сказать скифам. «Не бежим мы, не боимся мы, – отвечают они ему, – но спокойно переносимся с одного места на другое в пространных владениях наших. Боги – наши повелители; других нам не надо! Приди испытать мужество скифов на гробах отцов их!»

Недостаток в продовольствии, трудность пути и болезни изнурили войско Дария; бóльшая часть его погибла; тщетно отыскивая поле битвы и жилище скифов, Дарий принужден возвратиться назад.

Скифы преследуют его, и много персов, не успевших переправиться чрез Дунай, погибают от руки их.

IV

Скифы со славою изгнали персов из мрачных степей своих; но это не оградило их от чуждых народов.

Греки, бывшие в войске Дария, по проникательности своей поняли, какие выгоды представляли берега Черного моря. Вскоре они со значительными силами явились на берегах Скифии; основали там поселения и, усилившись, овладели выгодами земли скифской.

Геродот, отец истории и посетитель черноморских греческих колоний, говорит, что в южной части Бессарабии, при впадении реки *Тирус*² в море, жили тириты, происхождения греческого. Там имели они свои города. При Днепровском лимане – Тирус, или, по словам сего Историка, Оксия, который, по преданию Плиния, назывался прежде Офиуза; он находился около нынешнего Аккермана; г. Ликостомон при устье Дуная. При берегах Понта Евксинского, между реками Тирасом и Дунаем, – Кремнискос, Неоптолемон и Антифили; все сии города, вероятно, построены были милетскими или магерскими поселенцами.

V

Тучные стада и красивые табуны скифские заманили в свои травные степи и Филиппа, царя македонского, прошедшего победоносно Грецию. Он переправился чрез Дунай в западной части нынешней Болгарии, разбил скифское войско, которые хотело удержать переправу и защитить жилища свои, взял 20 000 в плен, собрал рассеянное в полях богатство их и со всею добычею возвратился назад.

Устрашенные победами Филиппа, скифы удалились от мест придунайских далее на восток; а геты, обитавшие, по сказанию Геродота, на правом берегу Дуная, перешли реку и поселились на оставленном ими пространстве.

Воинственный сын Филиппа, рассеяв войско горных жителей Фракии, переправился чрез Гемос и шел на мужественных трибаллов, обитавших за хребетом; но они предупредили его: удалились на остров *Певце*³, образуемый рукавами Дуная, и Александр не мог победить их. Остановленный природною защитою места и мужеством трибаллов, он тайно переправился чрез Дунай и явился в *пустыне Гетов*⁴.

Ужас овладел ими; но они сопротивлялись силам Александра. Город их разрушен, и царь македонский соорудил на берегах реки храмы в честь Юпитеру, Нептуну

и Дунаю, который благосклонно перенес его с одного берега на другой. – Послы народные явились к победителю с предложением мира. Удивляясь мужественному виду и величественному стану, гордо спросил он их: «Чего боитесь вы более всего?» – «Одно только, чтоб небо не обрушилось на нас!» – отвечали они.

Возмущения в Пеонии принудили Александра возвратиться, и он торопливо оставил северный берег Дуная.

VI

Сообщение с греками подало скифам понятие о гражданском образовании; но они, гордясь дикой независимостью, не захотели принять афинских законов, которые предлагал им единоплеменник их Анахарсис, ученик Солона.

До самой битвы при Танаисе они величались еще именем непобедимых; Александр, покорив бактриан, приблизился к ним. Квинт Курций влагает в уста скифских послов речь, которая показывает, что они уже умеют ценить людей и взвешивать их дела. Вот сокращенные слова их: «Если бы богам угодно было соделать тело твое равным честолюбию души твоей, то целый мир не вместил бы тебя. Покорив всех людей, ты по жажде к завоеваниям объявишь войну диким зверям и природе. Долго растет великое дерево, но один миг вырвет его из недр земли с корнем. Ржавчина пожрет железо. Нет силы, которая бы не должна была бояться слабости.

Что нам до тебя! Мы не искали земли твоей. Ужели не позволено обитателям пространных лесов знать, кто ты и откуда? Мы не можем покориться и не хотим никем повелевать; но небо одарило каждого из нас необходимым для дружбы и вражды!

Зачем тебе богатство, если оно увеличивает твою насыщенность? В одном тебе только утоление голода производит голод, ибо чем более ты имеешь, тем более желаешь иметь то, чего еще нет у тебя! Для тебя победа есть источ-

ник войны. Перейди Танаис! Ты увидишь пространную землю скифов: но никогда не дойдешь до их жилищ; бедность наша легче твоего войска, отягченного чуждым богатством! Тогда как ты будешь думать, что скифы далеко от тебя, они явятся в твоём стане; ты захочешь достигнуть до них – и найдешь одни бесконечные степи.

Если ты божество, то ты не должен похищать того, что дано людям; но если ты человек, то помни, что ты такое! Нашей дружбы не приобрести покорением. Скифы не дают клятв; закон наш есть доверие: ибо кто преступит обет, данный человеку, тот не постыдится обмануть и богов; а тебе не нужно друга, которого приверженность была бы тебе подозрительна. В союзе с тобою мы можем быть охранителями завоеваний твоих в Азии и Европе: Танаис разделяет нас от бактриан; от Танаиса мы занимаем все пространство до самой Фракии. Исследуй, что лучше: дружба скифов или неприязнь?»

Послы скифские, или, лучше сказать, Квинт Курций слишком распространил в отношении сего времени владения скифов на юго-запад. В первый поход свой Александр Великий нашел уже за Дунаем гетов. Тирис, вероятно, был уже границею между сими народами.

VII

Геты, перешедшие на левой берег Дуная от мест, которые могли только быть памятны для преданий жительство первых славян, вероятно, были также народ славянского происхождения⁵.

Геродот описывает гетов народом воздержным и сильным, способным переносить труды и презирать опасности войны; он называет их бессмертными: ибо они не боялись подвергаться самым ужасным опасностям и считали смерть началом лучшей жизни. По словам Страбона, мнение сие внушено им философом Залмоксом, который славился между ними и которого учение уважали они как мудрый закон.

Страбон говорит, что народ сей, могущественный в его время победами царя своего Беребиста Храброго, возбуждал уже зависть в римлянах; остановил на берегах Борисфена стремление сарматов, которые от Кавказа, Танаиса и Каспийского моря следовали за победами Митридата и сокрушали владычество скифов, и расселился различными племенами своими между Борисфеном⁶ и Дунаем.

Аппиан, описавший войну Митридата с Римом, говорит, что сей государь, чтобы проникнуть в Италию по направлению берегов Дуная, должен был заключить союз с бастарнами и фракиянами⁷.

Соображая вышесказанные заселения гетов до Борисфена с направлением пути Митридата, должно заключить, что бастарны, обитавшие от берегов Днестра до Днепра, а может быть, и на пространстве между Прутом⁸ и Днестром, составляли часть гетского народа, который под собственным именем гетов или задунайских фракиян жил во Валахии и Молдавии. Г. Малтбрэн полагает, что бастарны, или племя, однородное с ними, жившие более на северо-восток, назывались роксоланами.

VIII

Оружие Августа проникло до поселения гетов⁹; но они мужественно отразили римлян и в отмщение делали набеги на Италию. Домициан хотел смирить сей дикий народ и покорить их землю, но побежденный принужден был купить у них мир ценою дани. До самого Траяна они были могущественны и страшны для Рима, который потерял уже прежнее величие, гордость и мужество. Траян, восстановитель отечественных добродетелей, положил предел славе даков и возвратился в Рим принять триумф и имя Дакического.

Вероятно, во время сего похода Траян установил границу между даками и царством своим Дунай. Выдавшееся же углом пространство к впадению сей реки, составляющее род полуострова, как часть, которую трудно было

охранять, он отрезал высоким валом, который и теперь существует и носит имя Траяна.

Вал сей начинается от Дуная и имеет протяжение по левому берегу Карасу, или бывшего русла Истера, до г. Кюстенджи (Истер впоследствии Константина); вал сей возвышается над северною странюю, а потому мог быть построен Траяном.

Вскоре даки под предводительством Децебала хотели свергнуть иго римлян; но Траян восстал снова. Аполлодор Дамасский построил мост на Дунае¹⁰ – и Дакия обращена в римскую провинцию.

IX

Опровержение преданий, что валы, существующие в Бессарабии, построены Траяном.

В Бессарабии по сие время существуют памятники, напоминающие Траяна. Насыпные стены, или валы, носят еще имя его; но для чего они построены, неизвестно.

По преданиям и некоторым картам знаем мы только *дорогу Траяна*¹¹ – вал, называемый Нижним *Траяном*, носил имя его; легковерный примет его за направление пути победителя даков и с удивлением может быть скажет: «17 веков еще не сгладили следов римлян!» – Но для чего же Траян увековечил направление пути своего только в Бессарабии?

Сей вопрос заставил меня обратить внимание на обманчивые предания и рассмотреть вал сей в отношении пути и защиты.

Принять его за направление пути может только одно неведение положения вала и чтительная доверчивость ко всему, что сказано устами предания.

Нижний Траян, *Траянов вал*¹², начинаясь от Прута, в протяжении своем на восток состоит из двух линий: первая от с. Вадулуй-Исак имеет почти прямое направление до вершины озера Ялпуха, от которого вдруг сворачивает вправо к озеру Катлабугу и оканчивается, опираясь в оное

ниже вершины версты на три. Вторая часть начинается от первой под прямым углом, отступив от оконечности также версты на три, и тянется изломанной линией чрез вершину озера Китая до озера Сасик, но не далее; хотя Кантемир и некоторые другие полагают, что вал сей идет за о. Сасик на восток по Южной России¹³.

Если вал сей есть *ретраншамент*, построенный Траян-ном для ограждения провинции римских от набегов варваров, то при сооружении сей стены должны были быть соблюдены необходимые условия для удобства защиты. – Но здесь, напротив, все выгоды местоположения на стороне, прилегающей с севера.

Протяжение вала разделяет все пространство между им и Дунаем на части озерами, которые, начинаясь от него, впадают в Дунай – части защиты почти не имеют между собою сообщения; в тылу глубокая река почти в версту шириною. Это ли искусственная граница, положенная мудрым Траяном?

Все сии невыгоды с южной стороны вала и господствование его южною стороною ясно говорят, что он построен не Траяном; а может быть, судя по названию вала, – против него, народом, который обитал тогда в Бессарабии.

Чтоб более убедиться в этом, должно описать не только часть сего вала, названную в истории *Via Trajani*, но все протяжение его по Бессарабии.

Упираясь, как уже я сказал, в озеро Сасик, или, вероятнее, в бывший залив Черного моря, Нижний Траянов вал оканчивается в отношении защиты с северной стороны, далее он и не мог быть нужен, ибо от сего места защитою служит море, которое до самого Аккермана не имеет и, вероятно, не имело пристани.

От Аккермана вал начинается снова и идет по скату нагорного берега Днестра; но здесь следы его, едва заметные только в некоторых местах, называются нынешними

жителями змеевым валом, и, кажется, не принадлежали к времени построения большого вала.

При впадении р. Ботны в Днестр, от болот устья ее или от нынешнего с. Киркаешт вал показывается в прежнем своем заметном виде под именем Верхнего Траяна, или Траянова вала. Сначала идет он по нагорному левому берегу р. Ботны, а потом поперек всей Бессарабии до М. Леова на Прут, также везде возвышаясь над южной стороною.

От Леова до с. Вадулуй-Исаки, вдоль по Пруту, также видны следы его по скату нагорного берега.

Вышина валов была значительна, ибо после 17 веков в некоторых местах она будет до 4 аршин.

С первого взгляда валы сии, заключающие в себе весь нынешний Буджак, составляют как будто бы один необычайной величины редут, носящий имя Траяна; целый народ обитает и защищает его, довольный травными степями и оградив себя со всех сторон стеною; кажется, не желал бы он, чтоб за нею были жилища людей!

Но это не редут, ибо верхний и нижний валы склоняются в одну сторону, следовательно, они были первой и второй оградой противу оружия Траянова. Прутский вал составлял боковую защиту, а днестровский, заметный только частями, кажется, не относился к прочим.

Х

Мы описали протяжение валов, положение их и определили причину построения; теперь остается разрешить: *какой народ*, не хотевший покориться Траяну, жил в Бессарабии?

Довольно утвердительно определено в истории положение *бастарнов* – они жили при Днестре и распространялись даже до Дуная. Часть оных под именем певцин обитала к югу при устье дунайском, на острове Певце, составленном рукавами реки.

Лактанций, писавший в 304 году, упоминает про некоторый народ, изгнанный готфами из страны, лежащей между Днестром и Прутом; император Галерий принял народ сей в свои пределы.

Жизнеописатель императора Проба говорит за 20 лет прежде, что сей государь принял в свою землю сто тысяч бастарнов и дал им во Фракии места для населения.

Г. Малтбрен, описывая виктофалов, народ готфского племени, сражавшийся с Марком Аврелием, во время царствования Каракаллы перешедший через Карпатские горы и воюющий уже с римлянами на Дунае, заключает, что между 280 и 300 годами они наводнили землю бастарнов, находившуюся между Днестром и Прутом, и принудили их удалиться во Фракию.

Но этого не довольно; есть новое доказательство удаления бастарнов из Бессарабии.

В III столетии после Р.Х. *герулы*, изгнанные из Скандинавии датчанами, как наводнение разливаются в некоторых частях Европы и производят смещения в народах.

С одной стороны они нападают на галлов; там проходят Гибралтар и грабят берега Италии; ужасный флот их является из устья днестровского, достигает до Византии, покоряет ее, разрушает, жжет прибрежные города Греции.

Может быть, готфы и сии варвары, сжав бастарнов от запада, севера и востока, оставили им один путь на юг и одно убежище у греков.

Соображая сии слова истории, союз Митридата с бастарнами и фракиянами, выход скифов от берегов Черного моря, пределы населения сарматов, усиление племен славянских между Днестром и Борисфеном, невольно заключаешь, что бастарны с давних времен почти до IV столетия обитали в самой Бессарабии. – С этим вместе рождается новое заключение, что по сие время видимые валы в Бессарабии выстроены были сим народом для ограждения себя от завоеваний Траяновых.

XI

С тех пор как римские орлы перенесли за Дунай, пространство Валахии, Молдавии, Трансильвании и Тамесвара получает название Дакии, и геты, жители сих мест, носят чаще уже имя даков.

Чтобы обеспечить завоевания свои за Дунаем, Траян поселил в Дакии колонии римлян; но император Адриан, опасаясь набегов варварских народов на римские области, разрушил в 133 году мост, построенный Траяном на Дунае. Прерванное сообщение лишило римские колонии надежды на защиту, которую им могли подавать сограждане. 140 лет прошло до тех пор, как император Аврелиан вывел часть оных в Дарданию и Мизию, или нынешние Сербию и Болгарию, и дал сему новому населению имя новой Дакии, или Дакии Аврелиановой. Поселенцы успели сжиться с даками.

Римский язык, одержавший верх над языком природных жителей, доказывает, что число поселенцев было велико. Впрочем, время и гордость народа, покорившего гетов, должны были заставить побежденных перенимать язык победителей¹⁴.

Полтора века прошло, и земли придунайские привыкли уже к переселенцам; но вскоре нашли новые народы, как тучи; как нахлынувшие воды вытесняют реки из берегов своих, так они изгоняли отовсюду жителей оседлых.

В III веке готфы, пришедшие, по сказанию их историка Иорнанда, из Скандинавии, завоевали и римскую провинцию Дакию, и смешались с ее жителями гетами; в IV столетии при царе их Эмманурихе владычество их простиралось уже от Тавриды и Черного моря до Балтийского. Бессарабия поглощена была в объеме их царства.

Но вскоре и они успокоились; в исходе III и в начале IV столетия христианская религия озарила и готфов; первосвященники их присутствовали в Томи. Обращенные разделялись на два исповедания, греческое и католическое. Мож-

но полагать, что в сие время греческая религия просветила и природных жителей Дакии.

Народы, успокоенные религию, получили бы твердую оседлость; но снова варвары нарушили рождающееся образование государства.

ХII

Гунны, от набегов которых китайцы построили на северных границах своих стену длиною в 1500 миль, в 376 году явились в Европе; наполнили места, населенные готфами, и принудили Аталарика, предводителя визиготов, удалиться со своими силами в часть Дакии, заключающуюся между Днестром и Дунаем.

Аталарик для охранения себя от набегов стал строить между Прутом и Дунаем стену¹⁵. Но это не удержало гуннов, и готфы принуждены были искать спасения в землях римлян.

Грозный предводитель гуннов Аттила основал при Дунае царственный намет свой (навес, или шатер с геральдическим знаком. – *Сост.*). Границами его завоеваний сделались пределы ужаса, который наводило одно имя его: везде прослыл он Бичом небесным. Италия, Греция, Галлия видели его, и все платило ему дань. Пространство от Волги до Рейна и от Македонии до островов Балтийского моря он назвал царством своим. Тогда Бессарабия уподоблялась центру завоевания и обладания Аттилы.

Но со смертию его в 454 году владычество гуннов стало упадать. Наследники его разделились на племена. Одно из них под именем кутургуриян населяло все степное пространство по берегам Черного моря от Танаиса (Дона) до Дуная. Они делали набеги на области римские и доходили даже до Царя-града. Но вскоре другое племя, утургуриане, овладели сим пространством. Долговременная война между сими родственными племенами обессилила их, раздоры

их кончились с появлением новых народов, и имена исчезли в предании о временах последующих.

ХIII

С самого пришествия готфов Бессарабия и вообще все окрестные земли делаются единственно путем беспокойного брожения диких народов.

Изгнанные из родных земель судьбой неизвестною, сии скитающиеся племена встречаются друг друга, преследуют, увлекают за собою, приходят, удаляются, возвращаются снова, и нигде, кажется, не находят другой родной земли. Разделившись на племена под различными названиями, они идут в разные стороны, обходят свет кругом и встречаются уже как враги.

Так дети одного отца расходятся из дома родительского, стареются в отдалении один от другого – время изменит наружность, заглушит голос крови, и если случай сведет их, то они встречаются как чуждые друг друга!

История не объяснила появления варварских народов в IV столетии. Многие древние и новые писатели, желая отыскать происхождение их, погружались в глубину времен: но они увидели, что сии отдаленные времена облечены завесою непроницаемою. Как тучи, скопляясь на север, как извергнутые землею целыми полчищами неслись они на юг. Считая дни нуждами, отыскивая пропитание, как существа хищные, не имея другой защиты от хлада, кроме самой природы, кажется, они искали теплоты солнечной и хотели приблизиться к светилу, которое так сладко согревало их.

Переносясь из одного места на другое, только страх и имя свое оставляли они в памяти людей.

Государства уже образовавшиеся могли устоять против них и отражать набеги: но народы-пастыри бежали от них. Это было жребием и населявших придунайские земли; они угнали стада свои в горы и леса Карпата и Ге-

муса и, скрываясь от варваров, скрывались долгое время и от истории.

Греческие колонии, также уstraшенные, удалились от берегов Дуная и Черного моря в места, куда спокойствие и выгоды торговли могли их привлечь.

XIV

В 472 году *авары*, народ гуннского происхождения, смелый и буйный, делается известен в истории войною с савирами, жителями Кавказа. Вскоре переносится он на берега Дуная; проходит, опустошая Фракию, и поселяется в Паннонии и в западной части древней Дакии.

Почти в то же время булгары – по византийским летописцам, происхождения угрского, – приходят от Волги и гор Уральских; разносят опустошение по Мизии и Фракии и наконец расселяются различными племенами своими по берегам Черного моря на пространстве от Днепра до Дуная.

На юг от народов германских и готфских в этом столетии являются многочисленные населенцы под именем *славян*. – Многие писатели доказательствами странными, говорит г. Малтбрэн, хотели обличить их пришельцами из Азии во время великого брожения народов; но г. Гаттерер в изыскании о славянах доказал, что *венеды*, жившие при Балтийском море, *лиги* при берегах Вислы и *даки* или *геты* при подошве гор Карпатских – составляли корень ветвей славянского поколения. Доказательства его заставляют уже не сомневаться в том, что славяне, подобно грекам, кельтам и германцам, жили в Европе с незапамятных времен. Иорнанд без различия называет венедов славинами, винедами, винидерами и антами. Часть отраслей сего многочисленного народа направилась от первого поселения к озерам Ладоге и Ильменю, другие же склонились вдоль Карпатских гор, к Днестру и Черному морю. Самая мужественная из отраслей, называвшаяся *антами*, основалась,

по словам Иорнанда, при Черном море и р. Днестре, впадающей в оное. По сему описанию Иорнанда заключить должно, что Бессарабия была землей славян-антов.

Племена славянские, обитавшие при Дунае, в 500 году соединяются с булгарами, и сии два народа начинают оказывать владычество свое до Константинополя.

Вскоре булгары подпадают под иго аваров. Славяне сохраняют еще несколько времени независимость свою; еще в 581 году они опустошают Фракию и другие области Греции; но в исходе столетия Баян, хан аварский, ослабил могущество их и овладел всею Дакиєю.

В 626 году булгары еще ведут общую войну с аварами против греков. В продолжение сего же года Куврат, предводитель булгар, освобождает их от зависимости другого народа. – Силы аваров ослабевают. Вслед за булгарами и славяне сбрасывают иго их и вскоре делаются известны во Фракии, в Мизии и даже в Пелопонесе.

По сказанию Нестора¹⁶, вдоль по Днестру до самого Дуная в это время жили славяне – на пространстве между Прутом и Днестром известны были два племени оных: *лутичи*¹⁷ и тиверцы. Они уже имели свои города. Аккерман, вероятно, ими основан, ибо он тогда известен был под именем Белого города; название его не изменилось на языках народов соседственных и впоследствии в Бессарабии обитавших. Греки называли его Аспро-Кастрон, молдаване – Четате-Алба, турки – Аккерман, что все означает *Белый город* или *крепость*.

По смерти Куврата Болгарская земля разделилась между его сыновьями; некоторые поселились в Италии, в Паннонии и на берегах Дона. Аспарух сначала утвердился между Днестром и Дунаем; но потом завоевал всю Мизию и основал там сильное Болгарское царство.

В это время некоторые славянские племена, жившие при Дунае, должны были уступить место размножившимся пришельцам булгарским; вильцы или лутичи оставили

Днестр и пошли на берега Одера. Но тиверцы, обитавшие, вероятно, в верхней части Днестра, долго еще оставались на своих местах, ибо древние польские историки Кадлубек и Богуфал упоминают о некоторых тивианцах, живших на берегах Днестра и служивших в XIII столетии князю галицкому.

От основания Булгарского царства почти до IX столетия славяне стали снова более и более водворяться на северной стороне Дуная. В продолжение сего времени одно племя их в соединении с родственными гетами или даками, скрывавшимися в горах Гемуса от варваров, поселяется под начальством Бассараба на северной стороне Дуная, в западной части нынешней Валахии.

Более двух веков меч раздора, кажется, не проносился через Бессарабию; ничто не нарушало спокойствия жителей ее славян, хотя и происходила еще борьба между соседними народами; с одной стороны, болгары и задунайские славяне с переменным счастьем ведут войну с греками и римлянами; с другой стороны – раздоры и битвы хазар с греками и печенегами.

XV

IX столетие нанесло гибель владычеству славян близ Дуная и Черного моря; оно являет нам новых переселенцев. По преданию Нестора, во время правления Олега царством Русским угры, изгнанные из Лебедии печенегами, прошли мимо Киева и поселились между Днестром и Серетом, принудив обитавших там славян удалиться к северу.

В начале X столетия узы вытеснили печенегов от первого их поселения при реках Яик и Волга¹⁸. Часть племен печенежских почти по следам угров явилась под Киевом во время Игоря. Встреченные сильным войском, уклонились они от битвы, перешли Днепр; изгнали из Бессарабии и Молдавии предшественников своих угров в Паннонию и заняли пространство между Днестром и Дунаем¹⁹.

Другая часть оных поселилась при Днестре. По описанию Константина Багрянородного должно полагать, что в Бессарабии жили племена печенегов. Он говорит, что «на Днестре со стороны Булгарии при переправах через реку видны остатки городов: 1-й из них назывался печенегами Белым, 2-й – Тунгатай, 3-й – Кракнакатай, 4-й – Салмакатай, 5-й – Сакакатай, 6-й – Гиаякатай; между развалинами видны следы церквей и знамения креста, высеченные в камнях; предания говорят, что некогда обитали в оных римляне».

Положение сих городов неизвестно; но по последним словам Константина о переданиях и по положению г. Белого (Аккермана) на Днестре можно полагать, что и прочие были между сею рекою и Дунаем.

XVI

Печенеги, народ дикий и хищный, не знавший других занятий, кроме войны, кочуя в пустынях, становился страшен соседственным народам. Вечный всадник, вооруженный пращей и стрелами, устремлялся он на угров и болгар, брал участие во всех войнах окрестных и, успокоенный только добычею, смирялся и возвращался в степи.

Соперники россы и греки во время войны старались склонять его каждый на свою сторону; во время мира заключали с ними союз и только дарами обеспечивали торговлю от хищности *печенегов*²⁰.

В сем описании Константин говорит между прочим, что между Днестром и Сулиною русские заезжали в реку Белую. Г. Байер называет сим именем небольшую реку между *Днестром* и *Сулиною*; но мнение г. Байера ложно, ибо здесь нет реки, которая была бы проходима для судов. Вероятно, греки Белой рекой называли самый Днестр по названию Белого города, построенного на оной славянами – Аккерман.

В походе Олега и Игоря против греков видно, что русские войска ходили сухим путем и морем; конница шла че-

рез Бессарабию к устью Дуная; а вооруженные суда спу-
скались по Днепру в море и потом заезжали в Дунай, чтоб
переправить через сию реку сухопутное войско.

В оба похода печенеги нанимались служить в русских
войсках против греков, следовательно, и не препятствовали
дружинам Олега и Игоря проходить через земли свои между
Днестром и Прутом.

Гордый Святослав не обратил внимания на союз с пе-
ченегами. Берега дунайские понравились ему теплым кли-
матом своим, изобилием плодов и удобностию торговли с
Константинополем, и он пожелал сделать Переяславец бол-
гарской своею столицею. На ладиях отправился он в Бул-
гарию, но не последовал примеру Олега и Игоря и не взял
с собою сухопутного войска, которое, покорив печенегов,
восстановило бы сообщение между Булгариею и Россиею.

В возвратный путь Святослава с малою дружиною
своей варвары напали на него при порогах днепровских и
прежде времени лишили древних россиян плодов муже-
ственной и великой души его.

XVII

По византийским историкам, в XI столетии узы, про-
гнавшие печенегов от рек Волги и Яика, приближаются и
сами к Дунаю, близ которого, по словам Анны Комниной,
неподалеку от 100 холмов (Centum colles) одно озеро полу-
чает от сего народа название *Узовского* озера.

Она описывает его как величайшее из озер, извест-
ных в то время; в него впадают многие значительные реки
и могут ходить суда. Г. Дюканж замечает, что озеро сие
должно искать в Валахии, где р. Гиеразос или Прут впа-
дает в Дунай.

При впадении Прута в Дунай есть небольшое озеро
Братиш; но там нет следов и десятой части 100 холмов.

Проезжая в Бессарабии по дороге, идущей по Пруту от
с. Бранешт до с. Костешт, на расстоянии нескольких верст

отлогий скат берега усеян курганами; место сие жители называют Сута-Можиле, т.е. 100 курганов; но здесь нет и не могло быть следов замечательного озера.

Кедрин говорит, что холмов сих должно искать в Бургарии.

Таким образом, жительство узов при Дунае не объясняется; но по данным Анной Комниной приметам не нужно отдаляться от первого жительства узов, чтобы найти и озеро и холмы, близ которых они поселились.

Принудив печенегов удалиться от Этеля (Волги) к Дунаю, они овладели пространством между р. Данаприс и Палус-Меотидес, которое прежде называлось Малой Скифией.

Может быть, кладбища скифских царей есть те 100 холмов²¹, о которых упоминает Анна Комнина; а Палус-Меотидес (Азовское море) есть то озеро, которому узы дали свое имя (Узак-Денгис).

ХVIII

В царствование Алексея Комнина печенеги продолжали еще делать набеги на Грецию, но сей государь ослабляет силы их. Иоанн также рассеивает набегающие толпы их; наконец Эммануил Комнин преследует их за Дунай и еще за две реки, вероятно за Серет и Прут; достигает до стана их при горе Тыну-Урма, разбивает наголову и рассеивает остатки хищников. До сих пор имя печенегов отзывается уже только в войнах сербов и венгров с греками, и Бессарабия избавляется от диких населителей.

Таким образом, около половины XII столетия и последние кочующие варвары, которых южная земля как будто не соглашалась носить на себе, с именем печенегов исчезли в преданиях.

Как после бури, на берегах Черного моря все стало приходить снова в движение, назначенное целью жизни человека; щедрая природа перестала быть напрасно плодот-

ворною; народы как будто нашли предначертанные каждому первоначальные границы; все успокоилось.

Жители бывшей Дакии, или, лучше сказать, уже смешение славян и древних даков, удалившиеся за Карпатские горы от нашествия последних варваров, по сказанию венгерских историков, разделялись там на два племени, и каждое имело своего повелителя.

В XIII столетии они являются снова в родной земле своей. Одно поколение под предводительством Черного Раддо занимает оставленную ими Валахию²²; другое под начальством Богдана поселяется начально при реке Молде, а потом распространяется от Карпатских гор к востоку и югу. По всем современным писателям, земля сих последних носила тогда имя *Богдании*; но сами жители стали называть себя молдаванами.

XIX

На берегах понт-евксинских, где милетские и мегарские колонии обладали торговлею и откуда одно варварство диких народов принудило удалиться их, в XII столетии являются *генуэзцы*.

Почти в продолжение четырех веков были они владьями Черного моря; везде, где только можно было пользоваться произведениями земли и рук, меною потребностей, они построили города и основали колонии. В Тавриде г. Кафа был центром, куда стекалось их богатство, от которого распространялась их сила.

Везде вкралось их могущество и влияние. Море и реки были покрыты грозными судами генуэзцев.

В это время произведения щедрой природы Молдавии, Валахии, Бессарабии, Подолии и прочих окрестных земель обращались ими в золото. По рекам Дунаю и Днестру они населили колонии, построили укрепления и обладали торговлею сих мест. Стены, башни и бойницы замков – Хотин-

ского, Ольхионского²³, Тигинского²⁴, Паланковского и Монкастро²⁵ напоминают Бессарабии генуэзцев.

Долговременное их пребывание в сих местах и сношения с жителями Молдавии и Бессарабии, вероятно, были также причинами, что язык Молдавии, нетвердый и не имевший еще ни малейших правил, занял часть и ита-лианского наречия.

XX

Со времени возвращения древних даков в первую отчизну свою, которая уже называлась Валахией, недостаток земли принудил часть оных двинуться к востоку и занять нынешнюю Бессарабию. По византийским писателям, Валахия первоначально ограничивалась к востоку Черным морем, к югу Дунаем, к северу Богданием или Молдави-ей, к западу Арделиею. Бессарабия составляла часть ее. В XIV столетии Стефан, князь Молдавский, покоряет ее и присоединяет к своему княжеству.

* * *

Здесь пределы предначертанного мною описания. История Бессарабии не требует уже изысканий; она соединена с историею Валахии и Молдавии и с жизнеописанием владетельных князей, которые избирались в сие достоинство из бояр Фанара, волею султана и влиянием золота.

Еще несколько веков Бессарабия была подвержена набегам поляков, турков и татар; но события прошедшего столетия обратили на нее взоры Европы, и в особенности русских.

Близ Бендер при с. Варнице видны еще остатки укрепленного лагеря великого беглеца после битвы Полтавской. На Пруте – окопы Петра Великого, где окружен был стами тысяч турков и татар и изшел из опасности с именем героя, чтоб рассыпать на Россию новые плоды благодетельного

своего гения. Кагул, Измаил, Хотин напоминают нам великих полководцев и славу войск наших.

XXI

Происхождение названия Бессарабии и Буджака

Бессы, жители части хребта Гемуса, во времена Геродота еще никому не подвластные, покорены были вместе с прочими придунайскими горными народами римлянами и приняли общее название даков.

В VII столетии часть даков, вероятно бессы, переселились с южной стороны Дуная на северную при р. Алут. Имя предводителя их было Бассараб: оно, вероятно, означало *повелителя бессов*, ибо слово *рабб* или *реб*, означая на нынешнем турецком *господь, властитель*, может быть, значило то же и у тех народов.

В IX столетии бессы платили уже подать венгерцам, и земля их называлась *Банатом*²⁶ Краевским; но во время нашествия татар в 1241 году, по возвращения из Венгрии первоначальных жителей Дакии под предводительством Раддо в Валахию, Банат покорился ему и, вероятно, был оставлен кочующими бессидами, которые подались к востоку и нашли в нынешней Бессарабии новые незаселенные и плодоносные степи.

С тех пор поколение бассарабов удержалось; пространство между Прутом и Днестром было их наследственной землею.

Кантемир в «Истории оттоманов» говорит, что «во время нашествия турков на *Бессарабию Барбул Бассараба*²⁷ (вероятно, владетель сей земли) принужден был бежать в Сербию, а потом к валахскому князю Хеглулу, которым был с честью принят и возведен на высокую степень. По смерти князя Лайота сын Барбула получил княжеское достоинство. Внуком его был Сербан Бассараба, прозванный Великим; он умер, оставив только двух дочерей: Анкуцу и Илинку,

отчего им пересеклось поколение Бассарабов; но избранный во владетельные князья Матвей, который некогда был благодетельствован Сербаном Бассарабом, присоединил в знак благодарности название благодетеля к своему имени, выдал дочь его Илинку за Константина Кантакузина, шамбеллана двора своего, и дал ей в приданое часть наследственных земель, принадлежавших отцу ее». Это доказывается обширными владениями князей Кантакузиных в Бессарабии.

Таким образом, не имевшая почти до времен новой истории постоянных обитателей земля, о которой предания упоминают как о пространстве без имени, означая его реками Днестром и Прутом, соделавшись наследственным владением бассарабов, принимает незаметным образом их название и вдруг является в истории как законное дитя с именем²⁸.

Буджак

Прежде чем пространство между Прутом и Днестром получило общее название Бессарабии, нижняя часть его, принадлежавшая татарам, называлась *Буджаком*. Имя сие, кажется, произошло от имени сына Нагая, предводителя орд капчакских.

По византийским летописцам он назывался Джак; в 1294 году, когда Туктаис овладел землями отца его, он удалился с приверженными в Болгарию и вступил во владение сего государства, на которое имел наследственное право.

Вероятно, с сих пор уже татары поселились в южной части Бессарабии и называли ее именем своего хана.

XXII

Заключение

Может быть, нет на земле другого пространства, которое бы видело на поверхности своей столько племен людей различного происхождения, как Бессарабия.

Почти в продолжение 2500 лет она была между владычествовавшими народами неуспокоенною обителью, не знавшею, где живут постоянные ее обладатели. Но 1812 год решил жребий Бессарабии: двуглавый орел расширил крыло далее на юг – и она под надлежным кровом, куда не досягнут бури, нарушающие благоденствие народов.

МЕСТО ССЫЛКИ ОВИДИЯ НАЗОНА

Вопрос о местности малоскифийского города *Томи* еще не решен определенно, потому именно, что никогда и никем не был строго исследован. Давние поверхностные суждения об этом предмете можно заключить Квиеном (*Le Quien*). В «*Oriens Christianus*» при упоминании о эпархии Томитанской в Скифии он говорит: «*Caeterum hodie Tomi non extant, et perperam a quibusdam pro Temiswar accipitur, et ab aliis pro Kiowia*»^{*1}. Новейшие поиски Томи в соседстве Дуная сосредоточены в статье г. Беккера². Его предположения останавливаются на месте Кюстенджи. Не опровергая этого мнения, я только полагаю, что фракийский Томи не Томи Овидия.

Томи, оглашавшийся покаянными мольбами Назона, был на отдаленных пределах Римской империи, известен в церковной истории со времен Константина Великого как митрополия обоих Скифий и, без сомнения, имеет существенное значение только для истории Русской Церкви.

Встретив в древних географах и в периплах Понта название Томаил на фракийском берегу, в 750 или 800 стадиях от Дуная, издатели Овидия и упоминающие о нем удовлетворились этим сведением, хотя оно во всем противоречит с его собственными словами, исключая

* Впрочем, сегодня Томи уже не существует, и некоторые принимают за них темисваров, а другие – киевиев (*лат.*).

неопределенного в понятиях современных ему географов слова *Дунай*. В отношении Овидия вопрос мог бы остаться нерешенным, как вопрос о месте рождения Гомера; для истории поэзии это ничего не значит; но для истории Церкви помещение русской первобытной Томитанской митрополии во Фракии есть несообразность, которую нельзя оставить без поверки. На этом только основании я обращаюсь к словам самого Назона о местности, климате, преданиях и упоминаемых им исторических лицах томитанской страны. Без соображения этих предметов его топография, потерпевшая от писцов и корректоров, кажется поэтическим вымыслом. Но в положении Овидия ему было не до вымыслов; он мог ошибаться, только искренне веруя в превратные сведения современных географов, для которых вся северная часть Понта была еще покрыта киммерийским мраком.

Вникая в смысл элегий и посланий Овидия и зная топографию Фракии, нельзя не искать иного Томи на иной местности, в стране более пустынной, лежащей, по его выражению, под созвездием Эриманфской медведицы. Г. Линовский в статье своей «Гробница Овидия»³ и переносит прах Назона за Дунай, в Бессарабию, и говорит, что там, по местным и древнейшим преданиям, память народная сохранила имя поэта в названии Овидиево озеро близ Аккермана. Эта находка принадлежит собственно Кантемиру. Я был близ Аккермана, искал знаменитого озера и нашел его; но оказалось, что маленькое озерцо, поросшее камышом, в вершине Днепровского лимана называется *Лаку Дувьдулуй*. Очень естественно, что не стоит спрашиваться у народного воспоминания, кто такой был Дувьд и когда именно здесь стояла его ода⁴.

Но после сведения об Овидиевом озере⁵ г. Линовский сообщает иное сведение, отысканное им по наведению же Кантемира в записках D. Laurentium Muller «Jurstlichen

Churlandischen Hoffrath», anno 1585, где между прочим говорится о «warhaften ort der exilii Ovidiani»*.

«В 1581 году, – пишет Мюллер, – во время праздников, когда черкесский староста Вишневецкий при помощи князя Острожского разбил татар, они осмотрели значительную часть этой страны (Заднепровской) и нашли там обширные пустыни... На шестой день пути от Днепра мы остановились на прекрасном месте, где был заглохший тиною колодец. Здесь Войнусский и указал нам в густой траве надгробный камень со следующей надписью:

“Nec situs est vales, quem divi Caesaris ira Augusti Lacio cedere Jussit humo,

Saepe miser voluit patriis occumbere terris, Sed frustra: hunc illi fata dedere locum”**».

Об этом камне сообщается и в летописи Сарницкого «Annales, seu de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanoorum»***, сведение со слов некоторого знаменитого русского боярина, что этот камень найден им в степи близ г. Азак⁶.

Г-н Линовский сомневался в достоверности сообщаемого сведения, но я невольно обратил на него внимание, потому что был убежден уже довольно подробным исследованием, что для Овидия не западный берег Черного моря был «Litus sinister Ponti»****, а восточный.

Я был на мнимом острове Певке, который, по Скимну Хиосскому, возвышался между рукавами Дуная и не уступал в величине острову Родосу. С моря отдельные высоты добрушской области в самом деле покажутся островом,

* Что значит место Овидиева изгнания (нем., лат.).

** «Здесь находится долина, на которой гнев божественного Цезаря Августа заставил Лаций погибнуть,

Часто несчастный хотел вернуть отцовские земли, но вотще: гуннам здесь место сулила судьба» (лат.)

*** «Анналы, или о происхождении и деяниях поляков и литовцев» (лат.).

**** Левый берег Понта (лат.).

если принять Черноводский берег, по которому тянется Кюстенджи, так называемый Траяновый вал⁷, за берег южного рукава Дуная.

Собственно в этих местах и прокладываются как г. Истр, так и искомый г. Томи, основанные по преданиям милетами, то есть лидянами области ионийской; следовательно, до покорения Лидии персами. Однако же по периплу Скилакса Кариандрского, которого Дарий Гистасп посылал осмотреть берега Индии черноморской, ни г. Истра, ни г. Томи на Фракийском берегу еще не существовало. «Следуя далее по Понту, – говорит Скилакс, – на Фракийском берегу следующие эллинские города: Апполония, Мисимврия, Одиссоподис, Каллатис, а за тем река Истр».

Город Истр во Фракии неизвестен был и Геродоту и, без сомнения, не существовал еще и в его время. В сведениях Помпония Мелы между Истрополем и Каллатис нет Томи⁸. Истр является с соседом своим Томи первоначально у Страбона не городами, а городцами (городец – небольшое укрепленное место), следовательно, рассчитывать на них как на колониальные торговые пристани нельзя: этого значения им не придает ни один из древних географов. Это были не более как приморские станции и посты вроде Анапы. По периплу Аррианы, у которого означены расстояния прибрежных городов Фракии, можно определить Томи. Мера стадий в разные времена и в разных местностях была так различна, как и самые определения стадий по числу, заключавшемуся в градусе. Но на Фракийском берегу есть несколько неизменных точек, например оконечности Гема (Балкана), образующие мыс Эмине, мыс Тиристрия и местность Одиссы, ныне Варны⁹. Я определяю стадии Арриана по расстояниям этих точек, пользуясь картой театра войны 1828–1829 годов¹⁰. По этому размеру 1 верста заключает в себе около 7 стадий, и все древние местности набережной сходятся с соответственными им в настоящее время как нельзя более¹¹.

Расстояния по верстам	Вер.	Ст.
От мыса Эмине до Варны	51	357
От Варны до Бальчика	29	203
От Бальчика до Коварны	12	84
От Коварны до м. Желегра-бурну	11	77
От мыса до места, где маяк	18	126
По Арриану	В стадиях	
От мыса окон. Гема до Одиссы	360	
От Одиссы до Дионисиополя	200	
От Дионисиополя до Визон	80	
От Визон до м. Тетризиады (по Страб. – м. Тирица)	60	
От Тетризиады до Карос (Фарос)	120	

Далее в 28 верстах от Кюстенджи начинаются пере-сыпи Синего озера (коса Кутюк) и удобного места для помещения г. Истра в 300 стадиях (42 в.) от Томи – нет. Г. Беккер полагает, что пристань Истра следует поместить на гряде Кара-Урмань, при с. Кара-Урмань, т.е. в 800 стадиях или 114 верстах, а по его мере стадий – в 140 верстах; самый же город Истр искать внутри страны, к западу от озера Разельм, верстах в 20. Не постигая ни такого огромного расстояния пристани Истра от города Истра, ни помещения этой пристани в недрах плавней и гирл дунайских, я удовлетворяюсь определением местности фракийского г. Томи по Арриану – в 800 ст. (114 в.), а по Страбону – в 750 (107 в.) от южного гирла Дуная.

Во всяком случае, мы можем теперь судить об окрестностях этого Томи и о климате страны. Вместе с тем нам известно, что при Августе внутреннее спокойствие страны было обеспечено от набегов варваров заистрийских, и охраняемо войсковыми префектурами. Сверх того, Фракия уже имела сообщение с Римом и сухим путем, и Дуна-

ем до устья, потому что Лентул занимал укреплениями и войсками левый, или северный, берег реки¹².

При подобном положении Фракии сообразны ли жалобы Овидия на беззащитность Томи посреди скифов, сармат, гофов и грайев, забывших свой эллинский язык, *in Scythibus finibus**, куда только изредка достигает морем весть из Рима? Нет ли здесь географической ошибки, в которой Овидий, без сомнения, меньше виноват, нежели знаменитый географ Делил, который со слов Константина Багрянородного поместил Черную Булгарию вместо Придонья на Дунае, в Добрушской области?¹³

В чем же может заключаться эта ошибка?

Сходственные названия Дона и Дуная были не раз причиной того, что события перемещались с азиатского берега Понта на европейский и обратно. Эллинское и римское ухо, зная Дунай за Данубиус, а Дон за Танаис, никак не могли различить народных названий, между которыми часто и не было различия. Дон также носил имя Дуная. Само название *Танаис* могло скорее произойти от Дуная, нежели от Дона. Северная русь (ругии) называла и северо-западную Двину Дунаем или вообще Доньем¹⁴, т.е. низовьем; а по древним это был Танаис, впадающий в Балтийское море¹⁵.

«Мы знаем только устье Танаиса, – говорит Страбон, – а истоки его и течение совершенно нам неизвестны. По мнению Феофана Митиленского, он истекает из гор Кавказа, течет на север и потом делает поворот и впадает в Меотическое озеро. По другим, верховье его там же, где и истоки Истра». Разумеется, что подобные понятия рождались от сходства названий. По периплу Скилакса, «после венетов следуют: народ Истры и река Истр, впадающая в Понт семью рукавами». Тут же рядом управляемые женами, как и в Придонье¹⁶, и остров Истр. По Иорнанду и периплу Понта и Меотиды р. Истр, или Дунай, называется также Днепром¹⁷;

* В скифских пределах (*лат.*).

по географической поэме Скимна Хиосского пять рукавов Дуная впадают в Понт, а два – в Адриатическое море.

Подобные сведения древних географов перепутывали дислокацию народов и событий. Так, например, по Зосиму, победа Константина Великого над сарматами происходила на Дунае: «Император Константин, узнав, что сарматы, живущие близ Меотиды, переправясь через Дунай, напали на его области, двинул свое войско против них, и т.д.». Но это нашествие на греческие области, по Зосиму – сарматов, по Евсевию – скифов, а по Изидиру¹⁸ – гофов, совершилось в Босфорании и относится к войне против Савромата, который покушался возвратить отложившиеся от него области в Тавриде и которого Зосим или его переписчики называют Rausimodo.

Покорение Сарматии, или Малой Скифии, чему, должно полагать, особенно способствовало распространенное в этой стране христианство, изобразилось на монетах надписью «Sarmatia devicta». Но жителей Тавриды и Босфорании греки и римляне в разные времена безразлично называли то скифами, то сарматами¹⁹, и даже гофами. Эти последние, как исконная промышленная община, родственная с ханаанами (финикийцами), расселялись по всем прибрежным городам эллинских колоний. Но усвоенная ими по преимуществу область на Кавказе была Халдея, гехти – к Армении, между реками Гебром (Курой) и Араксом²⁰. Со времени преобладания гебров – халдеев или гофов в лице кагана Мифридата влияние их в Тавриде и Босфорании так усилилось, что они были представителями края, который и управлялся каганами до самого Константина Великого, или до покорения Сарматии. В латинской чеканке это событие выразилось и посредством «Victoria Gothi». Эккель в своем сочинении о древних монетах также замечает, что «римляне почти всегда смешивали имена варварских народов на севере Иллирии и в Азии и безразлично принимали скифов за гофов»²¹.

Чтобы объяснить возможность принимать Дон за Дунай и удобство, основываясь только на букве, давать преданиям противоположный смысл, мы обратимся к словам самого Овидия.

Несмотря на то что из Рима была открыта прямая дорога сухим путем по этапам легионов Иллирии и Мизии до Черного моря, что существовал и водный путь по Дунаю, которым римляне возили свои военные тяжести²², Овидия везут в Томи морем, как будто по обычаю ссылать преступников на острова. Куда же его везут?

Не посещать, как некогда, Афины для науки,
Не в азийские города и страны, которые я уже видел,
Не в славную Александрию, не на игривый Нил.
Куда же молю я о попутных ветрах? В Сарматию!
Молю, чтоб благополучно достигнуть до злополучных
берегов Понта.

Ропщу, что удаляюсь медленно от отчизны:
Взываю, чтоб сократился путь изгнания в страну
Томитанскую,
Неведомо где лежащую!...

(Trist. L. I, El. 2)

«Меня ссылают в Скифию!» – повторяет Овидий в 3-й элегии.

Итак, по собственным словам Овидия, его везут не просто в городок Томи, а в Скифию, в Томитанский округ Сарматии. В 7 элегии 5-й книги он также говорит: «*Turba regionis Tomitanae* (томитанские жители округи)»; в других местах – «*Urbs Tomitana* (город Томи), *Tomitana humo* (томитанская земля), *Tamitanus ager* (томитанское поле), *terga Tamitana* (томитанские земли)»; следовательно, Томитанский город, и не во Фракии, не в Мизии, а в Сарматии. «*Ut tangam laevi fera litora Ponti*» не значит в смысле Овидия: «чтоб достигнуть левых диких берегов Понта», но – злос-

частных берегов. Поэт употребляет слова *Laevus, sinister* не в простом их значении, но в значении *злополучный, несчастный*, в противоположность слову *dexter* – *правый, счастливый, благополучный*. Это можно понять из следующего его сближения *ἄξενος*, или *ἄξεινος*, с *sinister*, а *ἐνξενος* с *dexter*:

Quem tenet Euxini mendax cognomane litus (latus?)²³
Et Scythici vere terra sinistra freti^{*,24}.

То есть как море Евксинское – *благоприятное* – ложно носит это имя вместо *враждебного*, так и берегу Скифского моря приличнее было бы название *злосчастный*, т.е. *левый*, берег, вместо *правый* – *счастливый*.

В логическом смысле сравнения иначе передать стихов невозможно, и, следовательно, дело касается до восточного, правого берега, Сарматского, а не западного, Фракийского.

Приближаясь к выходу из Фракийского Босфора в открытое море, Овидий говорит: «His locus est Gemini janua vasta maris...»^{**}

Смысл этого стиха не вполне изучен. Назар переводит, соображаясь и с другими переводчиками: «ворота, отворяющиеся и в Понт и в Пропонтиду». Того же странного мнения и Lemaître. Но в этом значении – какие же ворота не Gemini^{***}? Дело в том, что при выходе из Босфора в Понт находятся Симплегады²⁵, или Кианейские группы торчащих из воды по обе стороны пролива скал, между которыми по причине подводных камней проход был опасен. Кианеи Европейского берега вели к набережным Фракии, а Кианеи Азиатского берега – к набережным Азии. Эти скалистые островки, которые для приближающихся к ним со стороны казались движущимися и сливающимися

* Обманчивый берег, который омывает Эвксинский Понт
И надежный левый берег, омываемый скифским морем.

** Здесь располагаются широкие двери в Средиземное море (лат.).

*** Близнецы (лат.).

мися в одну группу, и называет Овидий *близнецами*²⁶. Но врата-близнецы вместе с тем были и врата близнецов – Кастора и Поллукса. Они вели к их знаменитому храму и городу – Диоскурии²⁷. Смысл стиха, следовательно, простой: «Здесь врата близнецов в пространное море», и в то же время на два пути. Овидий и высчитывает на одном пути города Фракийского берега, а на другом – поселение ахеян, бежавших из Мегары (Алкатоля) на восточном берегу. Во вратах близнецов Овидий и обращается с обетом к Минерве и к близнецам Тиндаридам (Кастору и Поллуксу), покровителям мореходцев – «quos haes colit insula»*. Эти слова относятся к *Symplegadas*, а может быть, и к *Miletida*²⁸. Овидий молит Тиндаридов охранять его на том или другом пути. Один путь через Симплегады открытым морем²⁹, другой прорезывает воды берегов Вистонии³⁰. Овидий как будто не уверен еще, какой путь предстоит ему. Эта неизвестность подтверждается предшествовавшим путем по Эгейскому морю, когда корабль Овидия, плывший мимо Трои, вместо того чтобы направиться в Геллеспонт, повернул к Лемносу и Самофракии, до Темпиры. Там, высадив своего хозяина, корабль возвратился на путь через Геллеспонт, и у Кианей перед Овидием открываются два пути – к населенным западного берега и прямо через море, к городу Милетиды, как выражается Овидий, или к колонии ахеян на восточном берегу³¹.

Может быть, в недоумении, который путь предстоит ему, Назон и обращается к Кастору и Поллуксу³²: «Вас, братья Тиндариды, которым поклоняются в этой уединенной обители (храм Диоскуров близ азиатских Кианей), молю о покровительстве на предстоящих двух путях. Один ведет через открытое море, на другом пути корабль разрезывает Бистонские воды; благоволите, чтоб на том и другом из этих путей, ведущих в противоположные стороны, сопутствовали нам благоприятные ветры».

* Которых воспитал этот остров (лат.).

Но знатоки языка находят в этих стихах не два предстоящих пути на выбор, но два корабля, о благополучном следовании которых Овидий молит так пламенно, как будто на одном везут его плоть, а на другом – душу.

Где же наконец очутился Овидий?

«Близ стран, лежащих под созвездием Медведицы Эриманфской (пустынной) живу я, – говорит он, – окаменела земля от постоянного холода. Предо мной возникает Босфор, Танаис, Скифские болота (латинское название Азовского моря) и кой-какие безымянные и безызвестные страны. Далее нет ничего, кроме необитаемых льдов. О, как я близок от пределов земли!»³³

«Проходит уже год, теплый ветер одолевает стужу; как длинна зима Меотиды в сравнении с былыми!»

«В чем же здесь мое наслаждение с наступлением весны? Смотреть, как тает снег от весеннего солнца? Черпать воду, не проламывая льда?..»

«Прибавь ко всему этому наружность страны, где ни зелени, ни цветущего дерева, где вслед за зимой наступают новая зима!»³⁴

Жить в умеренном климате Фракии и жаловаться на суровую льдистую зиму Меотиды, которая на 600 верст северо-восточнее, выходит даже из пределов свободы поэзии. Так могли жаловаться на климат только ссылаемые именно на берега Босфора Киммерийского, например Флавия Домитилла, племянница Тита и Домициана, или св. Климент, сосланный Траяном в этот конечный край преобладания римлян и здесь начавший проповедовать христианство сарматам и скифам.

Но Овидий и повторяет, что он жил на киммерийских, а не на фракийских берегах: «Вот уже шесть лет прошло с тех пор, как я на берегу Киммерийском, живу между гетами в шубах»³⁵.

Кажется, совершенно и определительно означает он место своей ссылки: на границах Скифии, в Сарматии, в

округе Томитанском, в Меотиде, на берегах Киммерийского Босфора. Откуда же является тут Истр, т.е. Дунай?

«Искупаю грехи свои: в Скифию, к пределам Истра сослан певец Амура колчаноносец!»³⁶

«С тех пор, как я в Понте, три раза замерзал уже Истр»³⁷.

«Море не оковано уже льдом, погонщик волов не тянет уже через Истр, как прежде, скрипучий сарматский воз»³⁸.

В отношении Истра Геродот сказал: «Истр, величайшая из всех рек, нам известных, всегда равна сама себе, течет и летом и зимой».

Слова его совершенно справедливы в отношении Дуная, который редкую зиму замерзает при устьях на самое короткое время³⁹, и не для езды на воловьих каруцах.

Что же касается до зимы Меотиды, то описание Овидия так сходно со словами Геродота и современника Страбона, что мы считаем не излишним выписать их для сравнения.

Страбон пишет: **«Медные сосуды трескаются от замерзших в них жидкостей, но замерзание особенно сильно при самом устье Меотиды, ибо через пролив, разделяющий Фанагорию и Пантикапею, проезжают по льду, как по земле, на возах».**

То же говорит и Геродот: **«Во всей описанной стране (Скифии) бывает столь жестокая зима, что восемь месяцев продолжаются нестерпимые морозы, даже море и весь Киммерийский Босфор замерзает, и скифы переезжают через оный на возах».**

Что сношения двух берегов пролива донского были свободны для скифов и сарматов – это понятно: они составляли одну и ту же босфоранскую область; но чтоб Овидий в Томи, в 800 стадиях от Дуная, мог видеть переплывающиеся через замерзшую реку воловьи сарматские возы и слышать скрипы их – это непонятно. Дело другое, если бы он был на берегу Понта, при устье замерзающего Босфора Киммерийского – принимая его по туземному названию и азиатскому произношению за Танай⁴⁰, или Танайский, бес-

печно смешивал по недоразумению самих современных ему географов с Дунаем и безразлично заменял его для стиха то греческим *Ister*, то латинским *Danubius*⁴¹.

По Апполонию Родосскому, *σίῤδοι* жили близ устьев Истра, и, следовательно, он также смешивает устья Дона с Дунаем, или Истром.

Обратим внимание на соседство Овидия: «Я здесь один, заброшенный на берега семиуственного Истра под влияние ледяной паррасийской девы! Воды Дуная едва защищают от языгов, колхидян, от *Metereaque turba** и гетов»⁴².

В отношении эпитета *семиуственный* поэт мог последовать примеру трагика Сенеки, который называет Танаис семиуственным⁴³.

Сарматы и языги жили по *язам* (болотистым местам придунайским по р. Тишь)⁴⁴, жили и по всему берегу Меотиды⁴⁵. Поселения гетов, или гофов, были и в Дакии, и в Босфорании. Но каким образом халдеи Колхиды, обрезающие крайнюю плоть свою, могли попасть в дунайский стих и тревожить Овидия своими набегами с Кавказа, это понятно только переводчикам Овидия под руководством Низара. В своих «*Notes des Pontiques*» (L. I. Lettre IV) они сообщают как вещь всем известную, что «*le Danube seul separait Tomes de la Colchide*»**.

Но кроме сарматов и гетов в следующей, III книге «Элегий» Овидий опасается и нашествия бессов из-за Дуная: «Меня окружают зверские сарматы, бессы и геты... Покуда длится лето, Истр ограждает нас: его светлые воды воздерживают их набеги»⁴⁶.

В отношении бессов опасение живущего в Томи Фракийском было излишне. Бессы, по географам – современникам Овидия, жили не за Дунаем, а с южной стороны Балкан, в верховье р. Стримона. В числе 50 войсковых округов Фракии у бессов была также охранительная претура⁴⁷.

* Метерейских полчищ (лат.).

** Только Дунай отделяет Томи от Колхиды» (фр.).

Если бы Овидий жил не на Дунае, а при устье Донского пролива, то ему действительно могли бы казаться страшны все перечисленные им народы, съезжавшиеся на Донской торг. Но между ними ближайшие соседи, разделяемые только Кубанью, были бы абхазы, а не бессы.

Обратим теперь внимание и на слова Овидия, что он сослан на «конечный предел империи», в страну вновь покоренную.

Эту часть Евксина, близкую к бастарнам и сарматам, держит левая рука Рима. Это страна новейшая из попавших под законы Авзонии, с трудом лепится на границах, охраняющих Империю⁴⁸.

Эта, по-видимому, загадка насчет местности томи-танской страны легко разрешается простым вопросом: какая часть Евксина во время Овидия составляла новейшее приобретение Рима, с трудом охраняемое на восточных границах империи? Европейский ли берег или азийский, придунайская ли часть Черного моря или придонская? Фракия ли едва лепилась к империи при Августе или вновь покоренная Помпеем Босфорания?⁴⁹

Вероятно, что Овидий видел в храме Минервы иссеченную в честь победителя надпись, исчисляющую новые победы и приобретения Рима: «Помпей великий, император, совершивший тридцатилетнюю войну, разбивший силы в 12 183 000 человек, потопивший и взявший 846 кораблей, приведший в подданство 1538 городов и крепостей, покоривший все страны от моря Меотического до моря Эритрейского, воздвигает, по обету Минерве»⁵⁰.

Предельную часть берегов Понта Евксинского, покоренную Помпеем в 61 году Р.Х. и поступившую во власть Рима, населяли кольхи, иниохи (инды омириты, или, по Плинию, имереты), абхазы, эллино-скифы, ахеяне и синды – сарматы или скифы малые.

Несправедливо было бы смотреть на Овидия, даже с кафедры латинского красноречия, как на голого поэта,

без всяких сведений. Смешивая Дунай с Доном по превратным понятиям современных ему географов, он, однако же, не смешивает Меотического берега с Фракийским, и во всяком случае не назвал даже угол Фракии страной, только что попавшей под власть Рима и едва державшийся на его границах.

Выпишем еще тираду в отношении местности томитанской области: «Кесарь не ведает, какова жизнь в этих далеких пределах... он не озаботится спросить, в какой части света находятся томитаны. Где эта едва известная краина гетов? Что делают сарматы и суровые языги? Что за поклонение богине Орестее⁵¹ в стране тавров? Какие там еще иные народы переносятся на легких конях через окаменелый от стужи Истр?»

«О мой прекрасный Рим! Все эти народы не хотят знать тебя, не боятся оружия ратующей Авзонии!»

Потом Овидий обращается с мольбой к Фабию Максиму, любимцу Августа, чтоб он умилосердил кесаря назначить ему изгнание в иной стране, «чтоб меч дикого гета не исторг его жизни, дарованной богами, и если умереть, чтоб кости его улеглись в земле более мирной, и прах не был подавлен землей скифской и притоптан копытами коней вистонских».

Новое недоразумение. Вистония, или Бистония, принимается по смыслу Овидия за Фракию, и следовательно, бистонские кони, по всем соображениям переводчиков, то же, что фракийские кони.

Упоминаемое Страбоном озеро Вистонское, а по Плинию, и народ, были на р. Стримон, в стране Синдов-Сапеян. Это далекое расстояние от Томи Фракийского и невозможность, чтоб вистонские кони топтали прах Овидия, заставили предполагать, что названием Вистонии он почтил всю Фракию. Предположение, как можно заметить, слишком смелое. Страна синдов-сапеян была, как увидим ниже, и в Придонье. Но поэт мало заботится

о стране; ему нужны только мифические злые кони родоначальника сынов Марса – Вистона, которых Диомед откармливал человеческим мясом⁵².

Спросим теперь, к которой стороне Понта относятся мифические сказания, упоминаемые Овидием.

Посмотрим, сколько славы воздало потомство сыну Эзона (Язона) за то только, что он посетил эту страну⁵³.

Какие отношения имеет поход Язона в Колхиду к противоположному берегу Понта, находящемуся от него наперерез в 1000 верстах? – «Le Danube separait Tomis de la Colchide, ou Jason penetra pour enlever la loison d'ог»*, – отвечает переводчик Овидия.

Оспаривать подобные толкования, основанные на промахе, нет необходимости; они доказывают только невнимание к истории или географии там, где все внимание обращено на красоты поэзии.

Исследуем колхидскую легенду о времени и месте построения г. Томи.

«Это место названо *Томос* потому, что здесь, как говорит предание, сестра изрубила своего брата на части»⁵⁴.

Изложим вкратце содержание мифического предания, переданного Овидием и основанного на смысле слова *Тоμή* – отсеченная часть, отсечение.

«Кто бы мог подумать, что здесь, между варварскими городами, есть и города греческие. Милетская колония основалась посреди ретов, но название местности гораздо древнее. Основание города относится ко времени убиения Абсирта. Нечестивая Медея, воспользовавшись кораблем, построенным воинственной Минервой, нарушила спокойные дотоле волны бегством своим от отца. В то время как веслы усиливали бег, вестовой вдруг увидел на высоте моря корабль. – Враги! – вскричала Медея. – Я узнаю колхидские паруса! – Встревоженные минийцы⁵⁵ заторо-

* Дунай отделяет Томис от Колхиды, куда Ясон проник, чтобы добыть золотое руно (фр.).

пились отвязывать канаты и вытаскивать якорь... Между тем приближение колхидских парусов ужасало Медею. – Я погибла! – вопит она. – Как задержать отца? – Окинув взорами вокруг, она остановила их на брате своем. – О, мы спасены: сама смерть подает мне руку помощи! – И с этим словом **Медея поражает невинного юношу мечом, рассекает его тело на части и разбрасывает по берегу.** Бледные же руки и окровавленную голову выставляет на вершине скалы, чтобы отец узнал своего сына: чтобы, пораженный отчаянием и собирая разбросанные члены его, забыл о преследовании дочери».

Кому мог прийти в голову подобный вымысел, основанный на созвучии эллинского слова Томи с названием города, кроме ахеян-фессалийцев⁵⁶, поселившихся в Синдике и гордившихся преданиями о своем соотечественнике Язоне, похитившем из соседней им Колхиды и Медею и Золотое руно? Очень естественно, что подобные народные рассказы применяются при сходстве названий к разным местностям⁵⁷; но следует обращать внимание на ту местность, где вымысел имеет свое начало, основываясь на мифах страны.

Об Апсирте упоминает Арриан в своем «Перипле, или Плавании по набережным Черного моря». Следуя от Трапезонта по восточной стороне Понта, он пишет: **«Прибыв в Апсар, который занимает пять когорт, мы выдали им жалование и осмотрели вооружение, стены, рвы, больницы и житницы... Апсар, по преданию, назывался прежде Апсиртом, по имени убитого Медеей Апсирта, которого могилу здесь показывают...»**

«За колхидянами живут в неприступных горах воинственные саны (сваны⁵⁸), которые прежде платили дань римлянам, а теперь разбойничают... махелоны⁵⁹ и гиниохи, у которых правителем Анхиал. Соседи их – хидриты, подвластные Фарасману; за ними лазы, управляемые Малассом, получившим власть от тебя. Лазам сопредельны

апсилы. Над ними властвует Юлиан, обязанный престолом твоему отцу. Подле них абассы⁶⁰ – абхазы. Владеющий ими Рисмаг поставлен тобою. За абассами сапиги, в стране которых Севастополь⁶¹. Их царь, Спадаг, получил царство от тебя. До Апсара мы плыли к востоку правым берегом Евксина. Апсар, по-моему мнению, крайняя восточная часть Понта. Отсюда до реки Ховон, от Ховон до Сигама, плыли по направлению к северу. От Сигама же повернули к левой стороне моря – *Ἀπό δέ Σιγάμου, ἐχάμπτομεν εἰς τὴν λαίαν πλευράν τοῦ Πόντου*».

Здесь нельзя не обратить внимания на разграничение правой и левой стороны моря в смысле древних географов.

Maris Euxini positos ad laeva,
Tomitas quaerere...*

Древние представляли всякое море круглой или овальной чашей; по измерению окраин они делили ее диаметрально на две половины. Если ехать от Константинопольского пролива вправо, Азиатским берегом до Тамани, то переезд составит около 1600 верст; если же ехать влево, западным берегом к Днепру и окружая Тавриду, то расстояние переезда до Тамани только 1200 верст⁶². Сообразно этим расстояниям древние и определяли конечные точки длины моря – мыс Балкана (Эмине-бурну) и реку Фазис (Рион); а ширины – Синдику на Босфоре (Кимм.) и устье реки Алии. По Агафимену, в его землеописании (Geogr. antique. Jac.Stronovius): длина Понта от Эмоса до реки Фазиса – 6000 стадий (857 верст); ширина: от Фанагории до реки Алии (Halyos) – 2400 стадий (343 версты). Геродот измеряет ширину от Фемискиры (близ реки Алии) до Индии Черноморской, или Сандики (Азиатский берег Босфора), в 3300 стадий; таким образом, у того и другого поперечник,

* Искать томийцев,
Обитающих по левой стороне Эвксинского Понта (лат.).

разделяющий море надвое, один и тот же, и Таманский полуостров, который по Плинию жители называли Eion, Eon⁶³, мог быть ad laeva.

Уклоняясь несколько от Апсара, мы возвратимся к нему и к преданию о мифическом событии, совершившемся близ берегов Колхиды. Из всего предыдущего можно сообразить, что местность Томи и Апсирта, или Апсара, одна и та же и что на этой местности, как сообщает Страбон, поселились во время похода Язона пришедшие с ним ахеяне-фоиты⁶⁴. По всем географам, Фанагория в Синдике; Горгипу признают столицей Синдии; по Страбону, между Фанагорией и Горгиппией живут аспургияны, известные только одному ему, а может быть только переписчикам его. Тут же, по Страбону, рядом с Горгиппией, и ахеяне. У Скилакса между Фанагорией и Пристанью, или столицей синдов, вместо аспургитан – Кипи (Κήλοι, Κήλος); ниже пристани синдов (Σινδικός λιμήν) – λάτους; а у Плиния λάτους обращается в pitius и вместо Пристани синдов – Serri (т.е. Serbi) Cerhalotomi или Cerhalotomos⁶⁵, что явно составляет ошибочное чтение в каком-нибудь греческом географе. Тут же вместо Τομεάται у Скилакса Керхетαι, и вместо χαλ πόλις Τομικός χαι λιμήν– πόλις Τομικός, вместо Τομετική άχρα – Τορετική άχρα (Ptol. V, 9). Но об этих изменениях мы упоминаем подробнее после; здесь же приводим их только для того, чтобы спросить, мог ли Овидий воплощенную легенду на Азиатском берегу переносить на Европейский берег, в угол Фракии, в какой-то сомнительный Томи.

Допытываясь из слов Овидия о климате, топографии, туземном населении и народных легендах Томитанской области, обратимся теперь к сообщаемым им историческим сведениям о Катисе, которого он умоляет, как скептуха, или державца, этой области, о заступничестве перед Августом⁶⁶.

«Потомок царей, Котис, которого происхождение восходит до Евмолпа, если молва дошла до твоего слуха, что

я заброшен в границы твоей земли, то, прошу тебя, не отвергни мольбу и помоги изгнаннику – тебе это возможно. Я не обвиняю судьбу, которая передала меня в твои руки: впервые, и только в этом случае, она не была враждебна мне. Прими благосклонно разбитую ладью мою, и да не будут берега твои столь же жестоки, как волны моря.... Блеск твоего происхождения возлагает на тебя обязанность великодушия: оно есть наследие рода божественного, в чем убеждают – Евмолп, знаменитый родоначальник твой, и предок его Эрихфоний... Ты также достойный сын знаменитого отца, Котис; будь покровом изгнанника, который изнемогает в пределах твоего стана!»

Имя Котис несколько известно истории, а более известно нумизматике Босфора Киммерийского. Как и имена Риметалк, Рискупорис, Фарнак, оно созвучно именам мидийским, халдейским или гофским и относится к той эпохе, когда римляне, победив Митридата, кагана понтийского, и овладев странами Восточного берега Черного моря, предоставили духовно-гражданскую власть над ними тому же роду гебров-магов, от которого происходит и Митридат. Имя Котиса повторяется часто в эпоху предания гофов в Босфорании на монетах, которые продолжали, по обычаю, чеканить каганы, утверждаемые императорами и преклонившиеся пред их истуканами как пред богами земли.

Овидий льстит самолюбию Котиса, сравнивает его с магом Орфеем и называет его вещим – *vates*, что в древнем смысле значило собственно волхв, прорицатель, чарующий гимнами, как *Gauli*, прозвище кагана Одена, северного гофского Орфея⁶⁷.

«Нет царя, который бы более тебя познал науку, который бы более тебя посвящал время мифам⁶⁸ или познанию. То свидетельствуют твои гимны, и если бы ты скрыл свое имя, я бы не поверил, что их слагал воин Фракии. Не один Орфей песнотворец этих стран: страна Вистона (сына Марса) гордится твоим именем».

Из Вифинии ли Фракийской или из Фракии Вифинской был Котис родом – это трудно разгадать. В послании Овидия важно только сведение, что он сослан в пределы страны, где Rex-Pontifex – Котис.

В Котисе Овидия и историки и нумизматы видят Котиса Тацита, который в своих «Летописях»⁶⁹ сообщает следующее: упомянув об Артаке, возведенном Германиком на престоле Армении, и о хитрой политике Тиверия, он продолжает: «Точно такой же хитростью он обошел и Рискупориса, царя фракийского. Риметалк владел один всей областью. После его смерти Август разделил ее между Рискупорисом, братом Риметалка, и Котисом, сыном его. Мирному и благодушному Котису он дал земли и города соседние с Грецией, а суровому, завистливому и нелюдимому Рикупорису – земли невозделанные, дикие и пограничные землям неприятельским. Сначала все было мирно; но вскоре Рискупорис нарушил границы владений брата и присвоил себе данное ему. Но он еще боялся Августа. Когда же узнал о его смерти, напал с шайкою разбойников на владения брата». Возникшая война между братьями прекратилась по повелению Тиверия. Котис распустил войско свое, а Рискупорис, пригласив его к себе для мирных условий, заключил в оковы.

Кажется, здесь дело идет об азиатских областях, подвластных Риму, но управляющихся туземными династиями⁷⁰. Решено, однако же, историками сообщать, что Риметалк и его наследники царствовали во Фракии Европейской. Так ли это? Вникнем в смысл рассказа. Область Котиса, прилегавшая к Греции, должна была состоять из Rhodараеа и Еигораеа на южной стороне Балканов. При этом условия деления областью Рискупориса была Мисия, или северная сторона Балканов, до Дуная, тем более что, по словам же Тацита, Рискупорис владел землями, соседними с бастарнами и скифами⁷¹. Следовательно, стихи Овидия никак не сходятся с прозой Тацита, и ему следовало писать послание не к Котису, а к Рискупорису, в пределах

которого, как оказывается, был Томи. Но этого мало: сама история, кажется, не знает, куда поместить Котиса в Европе. В том же сведении о нем Тацит под названием Фракии подразумевает только южную сторону Гема, или Балкана. «Латиний Пандус, – говорит он, – пропретор Мисии, отправляет повеление Тиверия во Фракию, дабы Рискупорис выдал пленного Котиса». Рискупорис жалуется кесарю, что Пандус питает к нему вражду, и Тиверий назначает в его область, Мисию, Помпония Флакка, с которым Рискупорис был в дружеских отношениях».

Таким образом, в Европейской Фракии невозможно примирить Овидия с Тацитом. Перенести же событие во Фракию и Мизию Азийской стороны Понта также нельзя: тут недостает бастарнов и скифов, соседей области Рискупориса.

Таковы смуты, происходящие в истории от какого-нибудь признанного, но не призванного авторитета, который, опираясь на Дунай, решил, что вместо *Taurica* надо читать *Thracica*, а вместо *Maetius* – *Maesius*.

Но кроме Котиса, упоминаемого Тацитом, Флор в своей «Римской истории» говорит о современнике Августа и Овидия, Котисе, царе даков или гофов.

«Дациане каждый раз, когда замерзал Дунай⁷², по повелению своего царя Котиса делали набеги и грабили соседние народы. Август принужден был послать Лентула за Дунай и охранять берега. Таким образом Дация хотя и не была покорена, но занята войсками и отодвинута в горы. Всадники-сарматы разъезжали по просторным степям, но Лентул заградил им путь через Дунай».

В этом известии два предмета касаются до Овидия. Во-первых, во Фракии ему не для чего было снаряжаться. «*couvrir d'un casqua sa lete blanchissante, et armer d'un glaive pesant son bras affaibli*». Во-вторых, Флор знал Котиса, современного Августу и Овидию, как царя дациан или гофов, а не как царя Фракии, что и подтверждается ниже.

Тот же самый Котис был известен и Страбону. В книге XII при обзоре восточного берега Понта он пишет: «Тиварены и халдеи до Колхиды, города Фарнакия и Трапезос, управляются Пифодорой, женщиной необыкновенно умной и способной к управлению. Она была замужем за Полемоном⁷³ и наследовала ему, когда он умер у аспургов, которые принадлежат к числу варваров, соседних с Синдией⁷⁴. У нее было два сына и дочь, которую она выдала за Котиса Сапейского. Когда же он был убит, дочь Пифодоры осталась вдовой, с детьми Котиса. Старший из них наследовал царство отца».

Зять Полемона, Котис Сапейский, признается и нумизматами за того самого Котиса, о котором упоминает Тацит и к которому относится послание Овидия. Следовательно, для решения вопроса должно определить местность сапеев.

Сказание Страбона касается до азийских областей. Пифодора царствовала в областях Фарнакии, Трапезос, Колхиде и в округах варваров, находящихся выше, как выражается он⁷⁵. Здесь должно искать и сапеев Котиса. Σαλατοι или σαβοι и известны на бережных Метиды. Но и сапеи двоятся. Страбон, слагая вину греков на варваров, жалуется на варварское изменение собственных имен и названий мест и говорит, что имя халдеев легко могло измениться в аливов, как и в халивов. При этом случае он приводит в пример, что и во Фракии существует народ, который в древности назывался *sinties* (*sindi*) изменился в *sinti*, потом в σαιοι, а наконец принял название σαλαιοι, и что все эти племена синдов живут под различными названиями около Абдеры, на острове Лемнос и на других соседних островах.

В «Χρητομαθειαι εκ των Στραβωνος Γεογραφικων»⁷⁶ об этих племенах сказано яснее: «Всей Элладой первоначально владели варвары; но и поныне владеют Эпиром и населяют соседство Эллады, Пелопонез и Македонию скифы славяне (Σχούθοι Σχλάβοι)»⁷⁷.

Плиний в свою очередь упоминает кроме сапеев та-наитов⁷⁸ о сапеех, живущих между рекой Стримон (ныне Струма) и Нестой (ныне Место), где, по прокладкам, и Sindica и Moedica и Stabulum Diomedis (Tirida) и Sapaeorum Stenae и Βιοτονίς λίμνη.

Но дело не в том, что чистые арийские племена – инды⁷⁹, по верованию Сайвы, сайваны (сиваиты) повсюду – и в Азии, и в Европе – назывались теми же именами – *sindi*, *sinti* или *συνήβοι*, *σαβίοι*, *σαίοι*, и по готскому произношению, а по греческому писанию вместо азиатского *sabaei* – *σαλαίοι*, но в том, что Полемону и Пифодоре гораздо сподручнее было выдать дочь свою за Котиса сабеян босфоранских⁸⁰, нежели на другой край света, за гадательного Котиса сабеян стримонских.

Если мы обратимся от *Chersonesus Thracica*, около которого жили сапеяне стримонские, к *Chersonesus Taurica*, близ которого жили сапеяне Меотиды, то слова Тацита примут следующий смысл: Риметалк владел всей Тавридой (к которой относился и Керченский полуостров, составляющий часть Босфорании, а вероятно и вся Босфорания). По смерти его император Август разделил область между братом его Рискупорисом и сыном Котисом. Рискупорису дал во владение земли на северной стороне Таврических гор. «*Quod incultum, ferox, annexum hostibus Rhescuporigidi cessit*». Здесь он был сосед и басторанам и скифам. Котису же дал полуостров Керченский и полуостров Таманский, т.е. земли, прилегающие греческим колониям по обе стороны пролива. Это восстановление Котиса в настоящей местности его владений, в Малой Скифии, которая, во время управлениями каганами называлась и Готией, оправдывает слова Овидия, примеряет исторические и нумизматические о нем сведения, а главное, согласуется со сказанием Константина Багрянородного⁸¹, почерпнутым из XV книги «Олимпиады» Флегона: «Город Босфор был властью Котиса, царя Босфорании, которому кесарь при-

судил носить корону и подчинил ему города (греческие), в числе которых и город Херсон».

Рассмотрим теперь нумизматические сведения о Котисе. В описании музея книги В. В. Кочубея⁸² г. Кёне сообщает о золотых монетах Синдии, доказывающих, что первый владетель из рода аспургиан был признан Августом, голова которого изображена на всех этих монетах. «Самое большое затруднение, – говорит г. Кёне, – заключается в нахождении имени этого государя, первого из аспургов. Кари и Висконти называют его Савроматом I-м».

Слова Флегона о Котисе, кажется, положительно разрешают это затруднение, а вместе с тем объясняют, почему «по смерти Полемона аспургиане впервые овладели Фанагорией, которую и сделали своей первой столицей. Они овладели и всем Таманским полуостровом, и заняли Крым»⁸³.

В «Древностях Босфора Киммерийского» упоминается о найденных в Керчи двух мраморных пьедесталах статуй с надписями Котиса, правителя Босфорании. В одной надписи (XX), по случаю открытия целебного источника, сохранилось имя благочестивого Котиса, возвеличившего славу страны предков и владычествующего над всеми областями инахидов, а может быть, иниохов.

В другой надписи (XI) Котис Аспургийский, названный в пояснениях первым царем этого имени, неизвестно почему отнесен ко времени Нерона, сына блаженного Клавдия. Смысл надписи: «Лик Отца Отечества Августа⁸⁴, своего спасителя и благодетеля, воздвиг Котис Аспургийский, друг Кесаря и римлян, благочестивый первосвященник боготворимого (Εὐσεβῆς ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν)».

Монета Котиса, описанная г. Кёне, имеет следующие надписи и изображения: с одной стороны: «TEIMAI BΑΣΙΛΕΟC KOTYOC». Курульное кресло, на котором венки, вправо скиптр с бюстом; с другой стороны: «TOY AΣΠOYPΓOY», круглый щит, копье со значком в виде

конской головы, бюст, украшенный короной; внизу шлем с перьями и меч.

Овидий называет Котиса потомком знаменитого рода, происходящего от Евмолпа и первоначальника его Ерихфона. **Тайна этого родословия заключается в египетских тайнах, или, по Плинию, в тайнах магов, основанных Ерихфоном в Елевзине.** Евломп же был первый иерофант этих тайн, и в роде его утвердилось это звание наследственно⁸⁵. Этим родоначалом объясняется и титул Котиса в надписи «εὐσεβῆς ἀρχιερεὺς», заменяющий обычное египетское, халдейское, европейское и персидское название *каган*, обратившиеся у готов в *kung, kong, konung*⁸⁶. Вместе с тем объясняется и льстивое восхваление, в котором Овидий сравнивает псалмодии Котиса с гимнами Орфея, проповедовавшего магизм.

Евмолп, по Страбону, при помощи фракийцев овладел Аттикой; Евмолп – первый иерофант елевзинского храма в Аттике; Евмолп, по Плинию, первый в Аттике вертоградарь. Халдейско-колхидское, медийско-миссийское (Μοισῶν, Μυθῶν, Μηδῶν) верование, чествовавшее Гада (Gud) и дни новолуния⁸⁷, проникло, следовательно, в Элладу через Македонию, при помощи прозелитов-фракийян, которые вели свой род от Вистона, сына Арея, или Марса.

Движение халдеев-магов легко определить, прокладывая последовательно все Мугдонию: сперва Ассирийскую, между Тигром и Евфратом, потом Малоазийскую, а в заключение Фракийскую, известную под названием Македонии. Здесь и было первоначальное водворение централизаторов готов в Европе. Под влиянием их и этой системы попал Филипп⁸⁸, покоривший Грецию, а потом сын его Александр, Кτιότηςι покоритель Азии. Во время войны римлян с Митридатом единоверцы его должны были выселиться за Дунай, в известную Дацию⁸⁹ или Готию Карпатскую⁹⁰. Здесь они продолжали восстанавливать туземные племена и германов на Рим. Траян вынудил их продолжать путь к Северу.

Из этого краткого очерка отношений азийских готов к европейским понятны титулы, которые дает Овидий Котису Босфоранскому, не различая ни местностей, ни народностей; столь же неопределенна у него и *Bistonis terra*.

Фраков рифинских Ксенофонт называет воинственнейшим народом из всей Азии. Они считают родоначальником своим Вифона, сына Арея, или Марса.

Точно так же и коренные обитатели Вистонии Македонской ведут свой род от Вистона, сына Арея, или Марса.

Следовательно, Вистон есть не что иное, как двойник Вифона.

По Тациту, тому же *Viston* или *Viscon* поклонялись, как родоначальнику своему, и северные савиане, которых римляне прозвали племенами (*germani*)⁹¹.

Для полноты пропорции нужно сопоставить и савиан коренных индов, у которых ратное сословие считало родоначальником своим, патроном, Вишну, – по старинному европейскому писанию, *Vistnou* и *Bistnou*.

Во всех этих странах для различения туземцев от водворившихся между ними колоний древняя история имеет только один, но верный признак – веру тех и других. На этом основании как синды Фракии, так и синды Меотиды составляют один и тот же народ савиан, отрасли арийской; так *moïcov*, *moïoi*, *gothi*, у которых родоначальником был, как говорит Иорнанд, *Gapt*, составляют другой народ отрасли ханаанской.

Очень естественно, что Овидий в льстивом послании к босфоранскому кагану Котису черпает из римской истории все, что можно применить к славе его рода. Другим источником его сведений о Котисе были расспросы о нем у гетов или готов. Нет сомнения, что в рассказах о своем кагане (*cohen*) и жреце (*gude*) они сообщали ему сведения о своем древнем сирийском *Gauti* Адоне и обычных заклинательных, чарующих и гадательных рунах своих волхвов. В этих-то сказаниях и слышалось Овидию *Cotys*.

Кроме Котиса есть еще другое историческое имя, относящееся к томитанской области, о котором упоминает Овидий в Pont. (L. IV, Ep. 9).

«Недавно еще Флакк управлял этой страной, – говорит он. – Дикий берег Истра был огражден воеводой. В надежном мире держал он племена мисян. Его меча боялся лук, на который надеялись геты. Порывистой своей храбростью возвратил он Трозми из рук неприятеля и окрасил Дунай зверской кровью».

Истр, *musas gentes*, воевода Флакк и город Трозми – четыре данных в пользу Томи на Дунае. Но, во-первых, Истр, как мы уже объяснили, неопределенное название, которое у древних при смутных понятиях о местности приписывалось иногда не только Дунаю и Дону, но даже Днепру⁹². Во-вторых, Флакк – имя без прозвища, или прозвище без имени – неопределенно. Мисией, сколько известно, управлял только один из носящих имя Флакк, именно Помпоний Флакк; но он назначен был Тиверием после убийства Котиса, около 19-го года по Р.Х., когда и Овидий уже существовал. В-третьих, *Trosmis* – ород, действительно бывший на Дунае, но *Trosmis* в стихе Овидия есть не что иное, как догадка и произвольная вставка издателей, приурочивших как самого Овидия, так и упоминаемого Флакка непременно к Дунаю. «Ce mot, – говорит Низар, – varie dans les manuscrits de huit ou dix manieres»^{*}; Lemaire высчитывает только некоторые варианты, и вместо Roesen, Troezen, Traesen, Troisen предлагает читать *Trosmis*.

На том же основании *musas gentes* изгнали в рукописи *maeotas gentes*.

Итак, по всей вероятности, приговор ссылки римского Вольтера в Томи на Дунай принадлежит не Августу. Оставляя в стороне ученые поправки, примененные к Истру, я обращаюсь к прямым указаниям поэта. Он говорит о

^{*} «Это слово, – говорит Низар, – варьирует в рукописях в восьми или десяти версиях» (фр.).

стране своего изгнания на далеких границах Скифии, как о новом, ненадежном приобретении Рима: эта страна – Босфорания, приобретенная победой Митридата. Здесь поэт имел право жаловаться и на бесконечную зиму Меотиды, и на климат вообще, и на дикую бесплодную местность Киммерийского берега, и на постоянный страх и опасение скифских, сарматских, готских и даже колхидских набегов. Здесь, в Томи Босфоранском, мог он упрекать греков-ахейян, носивших уже название скифов-эллинов, за то, что они забыли свой родной язык.

Следы нижнемизийского, дунайского *Τόμα* исчезли с самого времени упоминания о нем некоторыми географами первого века, если только не следует читать в них вместо *Τόμα* – *Κόμα*, как увидим ниже. Существование же Босфоранского *Τομαία*, *Τόμαος*, *Τομοία*, *Τόμαεύς*, *Τόμος*, сохраняло со времени прозвище свое как местность, значительная издревле по торговым отношениям к Греции и Италии.

Босфор, или пролив Азовского моря, назывался в древности Индийским, Киммерийским или Сербским, потом устьем Меотическим или Донским⁹³.

Этому последнему названию и соответствует азиатское *Томан-богазы*, по озеру и городу Тома.

Первобытное название свое пролив носил по народу, области и городу на Азиатской набережной: *Κιττιέριοι*, *Κερβέριοι*, *Cimmeria*, *Gerberia*. Народ – *κιττιέριοι* по *Hesych*, *κερβέριοι* по *Плинию*, сарматы, *serbi* – по *Прокопию* и другим; *sibiri*, они же гунны белые, гинду-сафет, или белые инды, называвшиеся и гиниохами. Если *tanaitae*, жившие по низовью, или донью, реки и лимана, были сербы, то должно обратиться к обычному народному названию страны, ими занимаемой – Сербадия. Страна прибалтийских славян-сербов называлась также Сербадия, приальбская – *Sarmaten Land*⁹⁴. Понятно, что это название эллины не могли иначе произносить, заменяя часто букву *б* посредством *м*, как *Σαρματία*.

«В 120 стадиях (17 верст) от реки Антикиты⁹⁵, – пишет Страбон, – находится городец Киммерийский; здесь таможенная пристань для кораблей, вступающих в лиман⁹⁶. Вдоль этого берега находятся стражницы, называемые клазоменскими (вестовыми). Некогда этот киммерийский город, находящийся на полуострове⁹⁷, был защищен по перешейку валом и рвом. Киммериане преобладали на всем Босфоре. Отсюда они проникали в глубь страны по правому берегу Понта до Ионии. Скифы изгнали их из Киммерии, и в свою очередь были вытеснены эллинами, которые и основали Панतिकопею и прочие города босфорской области». Следовательно, в том числе и Танаис, город Дон, или Донской город; ибо Страбон, говоря о реке Дон, пишет: «На реке и Меотическом озере находится город, одноименный с Танаисом, построенный эллинами, когда они овладели Босфором. В недавнее время царь Полемон разорил его за мятежное восстание. Танаис был общим торговым местом как туземцев Европейской и Азиатской стороны, так и плывущих через Босфор в лиман, для вымена челяди, мехов и других предметов из ткани, вина и разные вещи».

Выход киммериан с набережных Босфора, без сомнения, был важным событием для эллинов, потому что почти все историки начиная с Геродота о нем упоминают. В Юстине, по Трогу Помпею, следующее предание: «В то время (когда скифы владели в продолжение 1500 лет почти всей Азией) по случаю усобиц между владельцами, были изгнаны с родины два князя – Юлиан (Ylinos) и Scolopitus. За ними последовало множество молодежи (юнаков). Они поселились в Каппадокии, близ реки Фермадонта, на равнинах Фемискиры».

По сказанию Плиния, изгнаны были *танаиты*.

У Аммиана предание принимает иной смысл: «В дальнем расстоянии от Борисфена есть полуостров, населенный *синдами*, которые после гибели их владельцев во время похода в Азию воспользовались их состоянием и женами».

По Трогу Помпею и Геродоту, это обстоятельство и было причиной, что царственные скифы, возвратясь из похода, изгнали изменников из родины. К этому именно событию относится и время построения города Истра. «Город Истр основан милетами в то время, когда рать скифов перешла в Азию, преследуя киммериан воспорских». Засим в перипле Скимна следует: «Таким образом, милетское Томейское, или Томитанское, поселение было посреди скифов».

Какой же вывод следует из этого? Двоякий: или обстоятельство построения Донского города приурочено к Дунайскому, или смутное понятие об устьях Дуная и Дона переместило город, одноименный с рекой, с донья меотического на донье фракийское⁹⁹. Тот и другой город – πόλις ὁμώνυμος τοῦ ποταμοῦ; тот и другой построены в одно и то же время; Ταπέως, по Страбону, просто эллинами, а Ἰστριανός, по Скимну, эллинами-милетами; оба на местности, откуда изгнаны киммериане. Которому же из этих двойников принадлежит право существования? Тому ли, который носил название Ἐμπόριον черноморской эллинской торговли¹⁰⁰, или какому-нибудь Ἰστρός πολίχνην, дунайскому пограничному укреплению?

Высказывая некоторое сомнение в отношении городов Истра и Томи, которых, по периплу Скилакса, нет на Дунае, мы полагаем, что для позднейших географов основой при описании северных берегов Понта служила географическая поэма Скимна Хиосского. Когда донье или низовья Меотиды и северных границ Фракии были еще под киммерийским мраком, название Истр, относящееся собственно к низовью реки, могло легко приписываться низовьям и Дона и Дуная.

Ἀχίλλειον, находившийся и против устья Дуная, и на мысе Азиатского берега Босфора, сбивал окончательно всякую ориентировку с толку.

«На пути плывущих к устью Псилон Истра, – пишет Скимн, – находится остров Ахиллесов (Ἀχιλλέως νῆσος).

Другие называют его путем Ахиллеса (δρόμος Ἀχιλλέως), а также Левки, или белым по цвету».

То же самое и в перипле Аррияна: «Одни называют его Ахиллесовым островом, другие – путем Ахиллеса, третьи – Левки, по белизне». Арриан тем и ограничивает сведение о δρόμος Ἀχιλλέως; но неизвестный составитель перипла Понта Евксинского (вероятно, в подтверждение сведений поэтов, что Ахиллес, влюбленный в Ифигению, поселился на острове Левки и ристал по прибрежной косе в Тавриду, на свидание с нею) переместил ристалище Ахиллесово на Кинбурнскую косу. Это сведение принялось и развилось в географах. Плиний в 26-й главе IV книги пишет, упомянув об Ольвиополе или Мелетополе: **«С другой стороны, на набережной – пристань ахейн; остров Ахиллеса – славный могилой этого героя; в 125 тысячах шагах полуостров, изогнутый в виде меча, названный по ристаниям его “Dromos Achilleos”»**. В главе же 33 V книги могила Ахиллеса переносится в Троаду: «Вне залива, берега Ретейского... тут был и городок при могиле Ахиллеса».

Но название Ἀχιλλέως δρόμος носила и священная дубрава Гекаты, а также священная дубрава Ахиллеса¹⁰¹; следовательно, и в предании было: не δρόμος Ἀχιλλέως, а δρυμός Ἀχιλλέως, не *ристалище*, а *дубрава* Ахиллесова.

Страбон упоминает об Ахиллеоне¹⁰² на Азиатском берегу Босфора; но трудно определить, при северной ли косе Таманского залива или при южной, которая тянется, как мост, через Босфор к Таврическому берегу¹⁰³. По периплу Аррияна, около этого места священная пристань (ἱερὸν λιμένας); по другим – Κηλοὶ близ Фанагории.

Нет сомнения, что Ахиллес даже и в вымысле для свидания со своей невестой, Ифигенией, мог поселиться не за несколько сот верст от Тавриды, на острове Левки, но против Тавриды, на острове Таманском¹⁰⁴. Несмотря на это, Страбон также следует показанию перипла и переносит священную Ахиллесову дубраву и Ахиллесов δρόμος на

Кинбурнскую косу. Очень естественно, что вместе с этим необходимо было перенести и окрестности босфоранского Ахиллеона: с европейской стороны Керчь¹⁰⁵ с Керченским заливом; а с азиатской стороны – мыс и залив Таманский с озером, находящимся на нем.

По неопределенности сведений у Страбона Тамиракский залив составляет и особенный залив и, по словам Τάφιου¹⁰⁶, название Керкинитского залива и мыс (ἄκρα). В перипле Аррияна названия Каркинит и Тамираки неопределенны. Упоминается только, что на последнем находится озеро. «Отсюда, – продолжает он, – до устья озера (какого же?) **триста стадий; от устья до Новаς (?) – триста восемьдесят**». Что такое Ион, неизвестно. По Плинию, Εἰον или Εον – название Таманского полуострова¹⁰⁷.

В перипле Понта Евксинского вместо Ταμυράχη – Ταμυριάχη, а по выпискам гр. И. Потоцкого – Тамугиана. Плинию это название неизвестно; его заменяет Темеринда¹⁰⁸: «Скифы, – говорит он, – называют Меотическое озеро Темеринда, что значит “мать морей”».

Как Ярославна в «Слове о полку Игореве» пела к Дону Великому, так и днепровская и черноморская славяно-русь имела обычай, отправляясь в поход на своих насадах, петь к Дону-батюшке и к Волге-матушке: «Взлелей, мати Волга река, взлелей, мати быстрая!»

Этот исконный возглас к реке скифов–сарматов–гуннов–роксан–аорсов–сапеян–сакалабов–склавов Плиний иначе не мог понять, как в гидрографическом смысле. Дело касалось до Дунай-реки¹⁰⁹; как же иначе со слов азиатского толмача передать это, как не Тамугаса или Temerinda, тем более что издревле у восточных писателей Дон назывался Тана или Тома, а Меотическое озеро – озеро Тома, т.е. **Донское озеро или лиман, как вообще русь искони называла озера в устьях рек, например – Днестровский лиман, Днепровский лиман, что ясно и из греческих географов: «Μαίωτιδος λίμνη ἦτοι τοῦ Τάνεωσ».**

Скажем откровенно: как заботливо ни стирались западниками следы Томи на восточном берегу Понта, но замена сходных между собою букв не может утаиться в сомнительных именах и названиях, не соответственных местности. В отношении Томи и томитанской области необыкновенно помогало сходство письменных *μ* и *ρ*.

Но для этого необходимы некоторые предварительные сведения о Таманском полуострове, и вообще о Задонье. Эту страну западные историки, начиная со средних времен по настоящее время, совершенно отчуждили от славяно-руси. Арийские, кавказские и европейские *ἰνδοὶ σάβιοι*, отрезанные от гималайских персами, принявшими халдейство, и прозванные готами *skuafa*, а эллинами *σχυθα*, действительно во все времена в религиозном отношении были (в прямом смысле слова) чудью для Западной Европы; хотя эта чудь спасла Европу от иудейства и от магометанства.

Геродот, описывая племена индов северных, пограничных Персии со стороны Кавказа, обозначает пределы их рекой Фазом (Рионом), Гебром (Курой) и Араксом (Русская река) со впадения в нее Куры. Границу индов он определяет и по Черноморью: «от Фемискиры, на реке Фермодонт, до Индики три дня и две ночи плаванья»¹¹⁰. Пограничная река *Фасис* носила название *реки Индов*¹¹¹, и без сомнения Скилакс, составивший перипл Черного моря, был послан Дарием для обозрения собственно этого Инда и прибрежий, населенных белыми индами (Гынду-сафет) – сиваитами¹¹² по вере и, следовательно, врагами гебров¹¹³.

Когда персы овладели Кавказом, названия Индия, Синдии или Синдики сохранило только Задонье, и общее прозвище народа стало дробиться по местности, племенам, а особенно по различным названиям, которые придавали ему персы, кавказские готы и эллины-колонисты¹¹⁴. Кимвры или киммерияне – *serbi*, гунны – *saviri*, город и область *Serberion* довольно определенительно обозначают здесь воеводство сербское – Сербацию, известную под эллинским

названием *Σαρματία*. Сказания церковной истории о принятии христианской религии индами внутренними, о чем изложено будет ниже, касались до индов черноморских¹¹⁵.

По Страбону, племена, населявшие эту часть Черноморья, следующие. После скифов северных (за Доном) следуют «сарматы и другие скифы: аорсы и сураги, простирающиеся на юг до Кавказских гор. По берегу Меотического озера меоты, а около Босфора, на Азиатском берегу, находится Синдика; потом ахеяне, зиги и иноихи, керкеты¹¹⁶ и макропогоны (по Плинию – меланхлены на местности мингрелов)».

По периплу Скилакса порядок населения иной: «После меотов следуют синды. У них эллинские города: Фанагория, Кипи, Синдийская пристань, Патос. За Синдийской пристанью народ керкеты и эллинский город Торикос и пристань. За керкетами – ахеяне, потом гиниохи».

Эллинские географы почерпали свои сведения из разновременных рассказов, вносили в текст различные названия одной и той же местности, искажая названия туземные и применяя их к смыслу своего языка. В дополнение к этому корректоры и издатели рукописей без свода их и без знания топографии описываемых стран воплощали описки, смешивали туземное население с колониальным, исконное с новейшим. Вот причины затруднительной прокладки древних географов.

Испытаем проложить города, находившиеся на Синдийском, ныне Таманском полуострове.

Возьмем в основание Страбона и его сократителя¹¹⁷. По сокращенной географии, Фанагория и Эрмонасса замечательнейшие (эллинские) города на азиатской стороне Востора. Приморский город Синдики – столица синдов.

По подробной географии, за Синдикой следуют (к югу) ахеяне (фиоты-ахеяне скифские – эллино-скифы). Но в Синдике у Страбона является Горгиптия¹¹⁸ или Горгиппия, как название приморской столицы синдов, или индов, что подтверждается Стефаном Византийским. «За Синдикой и

Горгиппией ахеяне, зиги, гинохи». Потом следует: «Синды суть так же миоты, как и дандари, тореаты, а также аспургитаны (по другим спискам – аспургианы), живущие между Фанагорией и Горгиппией».

У Плиния между ахеянами и *Civitas Sindica* являются *Cercetae* и *Toretae*. Анатурос, упоминаемый Страбоном храм в Фанагории, у Плиния *Arahiros*, некогда называющийся *Cerberion*.

По Периплу Скилакса, после *Sindicus portus* народ *κερχέται* и эллинский город *Τορίχος καί λιμήν*; засим уже следуют ахеяне и гиниохи. Зигов нет.

По периплу Понта Евксинского: город Фанагора и город Кипы. Потом Эрмонасса, Фанагория, которую некогда заселяли тийцы, и наконец пристань синдов, «в которой жители эллины, пришедшие из соседних мест. Эти города вмещают в себе остров, простирающийся от Меотиды по стране Воспорской равниной, которой часть по причине болот, рек и плавней со стороны моря и озера непроходима. При впадении пролива город Киммерийский¹¹⁹».

По Помпонию Меле: «Синдон построен в стране синдов, на полуострове, простирающемся к Босфору, между Понтом и Меотидой. Тут четыре города: Эрмонасса, Кипи, Фанагория и Киммерикум, который при самом впадении пролива в море».

Из этих сведений и из Плиния мы видим, что таможенная пристань, Киммерон, также существовала при входе в Донской пролив, и, следовательно, на том же самом месте, где и столица Синдии.

Таким образом, в общем вывод оказывается:

1. *Горгиптии* нет ни в сокращенном Страбоне и ни в одном из прочих географов. Горгиптия или Горгиппия есть описка или ложное чтение по сходству некоторых букв в названии.

2. Ни у Аррияна, ни в перипле Эвксина нет керкев. У Плиния они являются посреди описок: *Achaei*, *Mardi*, *Cerc-*

etae; post eos Serri (т.е. Serbi) Cerhalotomi. Потом, после повторения, Toretae, civitas Sindica. У Помпония Мелы: Cercetae между ахейнами и синдами и город синдов, построен синдами-туземцами. По периплу Скилакса, как мы видели, за пристанью Синдов Cercetae и эллинский город Торихός с пристанью Cercetae и Toretae, по Страбону, суть также явные описки.

Замените в названии *Γορυπτα* буквы Γ и γ сходными Т и ρ – вы читаете *Торреάται*. У Помпония Мелы это имя с двумя ρ – *Torreates*. *Cercetae* есть подобная же описка вместо *Тореάται*. Замените в словах *Тореάται*, *Toretae*, *Торихός*, *Тарετίχη ἄχρα* букву ρ сходную с μ – восстановятся названия, которые не будут противоречить смыслу: *Томеάται*, *Томитае*, *Томихός*, *Томετιχη ἄχρα*, преобразованное в *Ταμηράχη ἄχρα*, как *Τομυτάνης χόλπος* в *Ταμυράχης χόλπος*.

Таким образом, местность и условия сами собой указывают на списки; а исправление их объясняет, что первоначальный Донской торг, или город синдов-сербов, носил в одно и то же время различные названия: по реке он был Донской город, *Τανέως πόλις*, *Τανάιδος πόλις*, *Τάναίς*; по народу – *Κιμμέριον* или *Cerberion*; по местности «**Regio Scythia Sindica**». *Σινδὶχός λιμνή*, и *Βασίλειον τῶν Σινδῶν* – столица синдов с таможенной пристанью, следовательно, *Ταμείον*, где взималась цена, дань, корабейная пошлина или плата части с привозных товаров (*Τόμος*, *Τομία*, *Τομή*, *ίμπρότ*)¹²⁰.

Прозвища *Тамань*, *Таманский лиман*, *Таманский пролив*, *Таманский полуостров*, заменявшие народные *Дон*, *Донской лиман*, *Донской остров*, или полуостров, *Донской пролив* известны были издавна, как видно из географов азиатских; лиман Тома, или Тамань, «знаменитый город, откуда товары шли во все стороны мира». Но это прозвище, без сомнения, произошло от греческого *Ταμία*, *Ταμεία*, *Ταμείον* – в значении мыта, таможни, реза (процентов) с товаров – *τά Τομία*, *Τόμος*.

Город *Таманский*, *civitas Tomorum*, *Τμέων πόλις*, или, по обычному народному названию, *Таманский торг*¹²¹, с IV века

определительно упоминается в церковной истории, потому что греческие акты соборов не подвергались латинской корректуре; но зато орденская география успела внести Томи в список фракийских епархий и уничтожить следы его на Босфоре Киммерийском. Причины этого понятны.

Таманский торг в X веке в описании Восточной империи Константином Багрянородным носит название *Таматарха*¹²². В это время греческая торговля на Меотиде при помощи возникшей в Киеве Руси возобновилась. Преобладание в этих странах мугульских каганов, отвлеченных возникшей борьбой с измаильянами, стало ослабевать. По Константину, положение Таматархи – на том же самом месте, где был Киммерион, столица синдов, Танаис и таможенная пристань – Тома: «Меотическое озеро, которого гирло называется βουρλίχ, изливается в Понт, там, где находится город Воспор (бывшая Пантикапея). Против Воспора же укрепленный город Таматарха. От города Таматархи в 18 или 20 милях (около 20 верст) река Укрух¹²³ (Кубань), которая разделяет Зихию от Таматархи (т.е. области Таматарханской)». Название Таматарха приняло в русской летописи форму Тьмутаракань, когда великий князь Святослав в 965 году возвратил русские задонские земли из-под ига каганов. Со времени этого похода по Дону и Волге княжество Тьмутараканское заключало в себе все пространство между Босфором, Азовским морем, Доном, Волгой, Каспийским морем и Кавказом. Сколько можно предполагать, здесь было два Мугульских¹²⁴ ханства: Козарское (с бывшей столицей синдов, – Таманским торгом), которое населяли косоги (кусха)¹²⁵ или козары (хозр), и Ясское, со столицей, или Яским торгом¹²⁶ – Астрахань¹²⁷, т.е. Ас-тархан.

Чтобы исчерпать все сведения о г. Томи, находившемся в Малой Скифии, и чтоб показать еще цель перемещения Малой Скифии с Дона на Дунай, надо обратиться к сочинениям Иорнанда. Известно, что эллинские и римские историки не заботились различать варваров по раз-

личию веры и языка, смешивали готов медийских и готов дунайских не только между собой, но и с туземцами-скифами, в страны которых и те и другие вселялись. Этим смешиванием никто так простодушно не пользовался, как Иорнанд в своем сочинении «*De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis*». Там, где дело шло о славных делах скифов, там скифы, по Иорнанду, были собственно готы; там, где собственно готам за грехи приходилось терпеть беды и бежать от скифов, там скифы обращались в неведомых гуннов, в нечистую силу, с которой человеческим силам невозможно было бороться. Сверх того, у готов Иорнанда был странный обычай: разбив неприятеля наголову, тотчас же бежать с поля победы и даже переселяться из одного края света в другой. Время не изменило этого обычая; таковы последствия побед: над Киром, столетий за шесть до Р.Х., и над Аттилой, около половины пятого столетия по Р.Х.¹²⁸. Здесь для нас имеет свое значение победа над Киром: «У этих готов (Мидии, Халдеи Кавказской), – говорит Иорнанд, ссылаясь на Трога Помпея, – была царицей Тамира. Кир восстал на них и, внезапно переправясь через Аракс, разбил встретившего его сына Тамиры и убил его. Но готы собрали все свои силы, под предводительством самой царицы истребили Кира со всем его войском и немедленно же со всей богатой добычей победы отправились в Малую Скифию. “*In partem Moesiae, quae nunc ex Magna Scythia nomen mutuata, Minor Scythia est appellata*”». Здесь Тамира основала во имя свое город, где и учредилось поклонение ей».

В Троге Помпее, из которого Иорнанд почерпает победу готов над парсами, событие изложено следующим образом: «Кир, покоритель Азии и властитель Востока, поднимает войну на скифов¹²⁹. В то время у скифов была царицей Томира¹³⁰. Она не страшилась неприятеля, переходящего

* Часть Мезии, которая ныне от Великой Скифии именуется, называется Малая Скифия (*лат.*).

через Аракс. Сначала скифы потерпели урон, и их царь, сын Томиры, был убит. Но скифы сосредоточили свои силы, и персы были разбиты в ущельях гор, а Кир взят в плен. Отрубив ему голову и бросив в чан крови, царица сказала: «На, пей кровь, утоляй свою неутолимую жажду!»

Этим заключается событие. Скифы Трога Помпея остаются на месте; но эти же скифы, обращенные Иорнандом в готов, сокрушив Кира, поднимаются всем народом с Кавказа и под бременем трофеев идут через Черное море в Мисию, обретают там Малую Скифию, поселяются в ней, строят город во имя Томиры и приносят ей, как божеству, жертвы.

Может быть, спросят, для какой цели эти искажения фактов и вымыслы? Для чего превращение скифов-саваитов в готов-гербов¹³¹ и перемещение Малой Скифии с г. Томи, под именем Томириса, в Нижнюю Мисию? Это тайна 10-й главы сама собой объясняется 51-й главой. Описав несчастное событие 376 года, когда нечистая сила изгнала готов из-за Дуная во Фракию, Иорнанд превращает также и *Scythia Minor* в *Gothia Minor** и пишет: «Были еще и так называемые готы малые, народ многочисленный, у которого *pontificus et primates*** был *Urtilus*».

Это смелое переименование скифов в готов было существенно необходимо для обеспечения Ульфила за готами. Насколько надежно это обеспечение, будет изложено во втором отделе. Здесь же не излишним считаю почерпнуть из географических познаний Иорнанда сведения о местности Тамазитов, под именем которых, разумеется, следует понимать малых готов, пришедших после победы Кира в древнее царство готского царя Телефа¹³² и населявших Томос, построенный во имя Томиры, и всю обширную его область.

Описывая пределы Дации, или Готии Дунайской, Иорнанд говорит: «с востока граничат с ней роксоланы,

* Малую Скифию в Малую Готию (*лат.*).

** Понтификом и приматом (*лат.*).

с запада Томазиты, с севера сарматы и бастарны, а с юга Дунай. Томазитов от роксолан разделяет только течение этой реки».

Чтобы проложить эту географическую задачу, надо или отдать под население томазитов все бывшее царство Телефа (которое, по сведению же Иорнанда, ограничивали на востоке устья Дуная, на севере – Дунай, на западе – Истрия, а на юге – Македония¹³³), или вернуть томазитам название малых скифов и родное Задонье; в таком случае действительно только Дон, часто принимаемый за Дунай, будет разделять их от роксолан.

В заключение 1-го отдела упомянем еще о Танаисе и сарматах-аспургиянах, или аспургитанах, о которых, кроме Страбона, упоминает только нумизматика с положительным известием, что это сарматское племя пришло из недр Азии и поселилось между Фанагорией и Горгиппией. Выше было уже упомянуто, что на том самом месте, где существовал Киммерийон, прозывавшийся греками Донским городом, – *Ταναίς, Ταναΐδος πόλις, Τανές πόλις* – и Синдийской пристанью, является у Аррияна *Πάργας* или *Πάργας λιμὴν*; у Страбона сарматы – *ἄσπυργιανοί*. По надписи на камне, найденном в развалинах Азова, Зенон – наместник царя Рискупориса у спургиян (*σποργιανῶν*); по Прокопию, *nomen quoque olim Antis Sclavisque unum: Spori vocabantur**. Это некоторым образом наводит на изменение *spori* (т.е. *saviri, serbi*) в споргиян и потом в аспургиян, как *kaziri* (козары) в *akaziri*, по присутствию перед словом азиатского члена *ель*. Впрочем, у Птоломея вместо *аспургияне* читается *астурикане*, следовательно, союзники готов асы или ясы, занимавшие область астраханскую.

Страбон говорит, что царь Полемон¹³⁴ за восстание против него танаитов разорил их город; но против него восстали сарматы-аспургияне, жившие между Фанагорией и Горгиппией, следовательно, в прибосфорской области

* В древности славяне и анты носили название споров (*лат.*).

киммериян-синдов-танаитов. Страбон прямо говорит, что Танаис построили эллины, овладев Босфором, т.е. обоими берегами пролива. Удерживать в своей власти полуостров Тамань им было возможно и вполне достаточно для цели торговой. Но удалиться от опор своих на Босфор в глубь страны скифов и сармат, в устье Дона, и там строить Танаис, который также называется Торгом (Ταναΐς, ἤτις καὶ Ἐμπόριον ὀνομάζεται¹³⁵), ни с чем не соотносимо.

Что Донской торг – Танаис – перенесен географами с устья Босфора на устье Дона, могут быть две причины. Первая высказана Воссием¹³⁶: «*Alibi quoque similia occurrunt exempla, ubi urbes Bosporanae, Tanaiticae dicuntur. Ratio ejus rei est, quod Bosporus Cimmerius etiam Tanais appellatus fuerit*»*. Другая причина следующая: нет сомнения, что в те времена, когда Малая Скифия, или Задонье, переходила в руки неприятеля, граница руси, или, по греко-азиатскому названию, аорсов, отступала от Кубани, Терека и Каспийского моря к Дону, вместе с этим и Донской торг переносился от устья Босфора к устью Дона. И напротив, когда Русь овладевала снова своим Задоньем, Донской торг восстанавливался при устье Босфора. Этого требовали и пограничная торговля, и таможенные пошлины с приезжих гостей за право торговли.

Со времени преобладания на Босфоре Митридата, с которым Русь вела войну в союзе с Римом, границы Руси отодвинулись к Дону. После победы Помпея Босфорания осталась во власти римлян и отдана была на откуп каганам гебров. Это только время и знают географы I века. Танаис Босфора исчез под иными греческими и римскими названиями, которые при помощи переписчиков и корректоров изменялись в небывалые, как, например, Апатурос, по Страбону, храм Афродиты в Фанагории¹³⁷, а по Плинию – опустевший город. По выпискам же Плиния и

* «Подобное случается и в других местах, где города Боспорские, что на Танаисе. Боспор Киммерийский также Танаисом (Доном) именуют» (лат.).

переводу графа Яна Потоцкого: «Arahiros, qui est presque desert; autrefois ce bourg s'appelloit *Cerberion*. Il est tout au fond du Detroit»¹³⁸, то есть «Апахирос – это почти пустыня; некогда это село называлось Серберион. Оно находится в нижней части Детройта» (*фр.*).

Если обратить внимание на слова Страбона «τὸ Ἀλάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν»*, то будет ясно, что он объясняет словом *Афродита* туземное божество. Но нумизматика сообщает нам многие монеты каганов босфоранских с изображением халдейского божества Астары, Астаров, Ἀστάρτη – соответственной, по мнению эллинов, Афродите, собственно же означающей Luna-Lunus. В этом названии, без сомнения, должно искать разгадки и страбонской Ἀλάτουρος, и Arsagus и Apsytus Овидия. «И все эти названия вместе с аспургами сталкиваются, как Торικός λιμὴν** в Синдике, на том самом месте, где была столица и таможня синдов, Ἐμπόριον κοινόν – общий торг скифов и эллинов, сарматов или Κίττιαικόν πόλις***, против которого близ морского берега, по словам неизвестного составителя Перипла, были два каменных островка, может быть, те самые, которые называют теперь камень Панагия¹³⁹».

Последние разыскания местности древнего Танаиса исполнены г. Леонтьевым с полною ученой отчетливостью. По некоторым надписям на обломках плит, найденных в окрестностях слободы Недвиговки на правом берегу устьев Дона, она заключает, хотя и не совсем решительно, что здесь мог быть Дополемоновский Танаис: «Ни на Недвиговском городище, ни в гробницах, раскопанных около него, не было открыто ни одной вещицы, которую по необходимости было бы должно отнести к эпохе дополемоновской».

Что здесь, на правом берегу Дона, при устье, могло быть также Донское торжище, особенно во время отсту-

* Апатурос, святилище Афродиты (*греч.*).

** Озеро Торикос (*греч.*).

*** Город Киммерикон (*греч.*).

пленя русских границ за Дон, это, по изложенному уже мнению, может быть достоверно; здесь торговцы-эллины могли иметь своих архонтов, вроде наших консулов. Но пять надписей, составленных из осколков битых плит, где упоминается не собственно о Танаисе, а о танаитах, т.е. жителях Придонья и по преимуществу Донского пролива, не определяют еще окончательно местность торжища Танаиса. Рекой Танаисом по преимуществу древние географы называли пролив, и особенно он, по их мнению, разделял Европу от Азии, изливаясь из Меотического озера и впадая в Понт Евксинский¹⁴⁰. Сведения же Страбона о реке и городе Танаисе так сбивчивы, что, кажется, он смешивает с ним и г. Истр на Дунае. Описание острова *Alopecia*¹⁴¹, находившегося во 100 стадиях против г. Танаиса, в устьях реки, почти одно и то же с описанием острова *Peuce*¹⁴² в 120 стадиях, поднимаясь по священному устью: «Кроме острова *Alopecia* при устье *sant et aliae parvae insulae**» – «Кроме острова *Peuce* при устье *sant et aliae insulae multo minores*»**.

Как нумизматам приходится иногда исправлять грамматические ошибки в древних надписях, так историкам приходится иногда искать логического смысла в древних кодексах. По моему мнению, на правом берегу Дона, в Великой Скифии и вне страны киммериян, не мог быть Танаис, построенный греками и разоренный Полемоном. Условия центра всеобщей торговли на севере Понта могли быть только при Босфоре Киммерийском, как на юге Понта – при Босфоре Византийском. Эллины, по Страбону, построили Танаис, когда овладели Босфором, т.е. европейской и азиатской набережной его, областью Керченской, называющейся Пантикапейской, и областью Таманской, принявшей название Фанагорийской. Эти набережные они могли удерживать за собой. Керченский полуостров

* Имеются и другие малые острова (лат.).

** Имеются и другие острова, намного меньшие (лат.).

они оградили валом и укреплениями по перешейку, между Феодосией и Арабатом, а Таманский полуостров сам по себе был огражден Кубанским лиманом, течением Кубани, Ахтанизовским лиманом и лиманом Курчанским. Собственно киммерияне владели Таманским полуостровом, и в торговом его значении заключалась вся сила их¹⁴³. Здесь была и киммерийская таможенная их пристань. Овладев Босфором, эллины не могли не воспользоваться местностью Синдийской пристани и не основать своего донского города (τανέωσ) – Фанагории¹⁴⁴. Но пристань туземцев в видах торговли с ними должна была оставаться; и потому новое торжище и эллинская таможня вероятно, были поблизости. Скилакс и упоминает на Таманском полуострове только о Фанагории, Кепи, Синдийской пристани и рядом с ней – об эллинской пристани – ἠόλις Ἑλληνίς Τορῆός (Τομῆός) καὶ λιμῆν.

Находимые в разных развалинах вокруг Меотиды обломки плит с надписями не могут определять местности того или другого города без согласия истории, топографии и без критической проверки текста. Новейшие города, особенно прибрежные, пользовались развалинами древних и перевозили годные плиты из места в место. Например, греки, переселившиеся в 1780 году из прежних своих поселений в Крыму, без сомнения, перенесли с собой не одни названия родных местностей, но и много каменного материала для построек из новоселья. Турки на постройку крепости Азака (Азова)¹⁴⁵, вероятно, также пользовались развалинами босфорских городов. Памятники, принадлежащие древней Ольвии, открыты в Очакове; надпись, относящаяся к Херсонесу Таврическому, найдена в Варне; туда же перевезена – вероятно, вместо балласта – и надпись малоазийского Пентаполя, подавшая повод искать (τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως)* вдоль всей набережной Фракии и внести в область Пятиградного союза даже Томи.

* Общины этого пятиградия (греч.).

Не имея собственно цели допытаться, где именно был г. Танаис – при устье ли Индийского или Киммерийского Босфора, на правом берегу при устье Дона, или на левом, или, по Птоломею, на острове Танаисе, я желал знать только отношения между *Τανέως πόλις* и *Τομέως πόλις*. Если эти отношения такие же, как и между азиатскими названиями Тана и Тома, то этого и достаточно для дальнейшего изложения того значения, которое имел Донской Томи в истории Древней Руси и православной Греческой Церкви.

В заключение этой главы упоминаем о томитанской колонии греков (Trist. L. III, El. 9).

Γραῖοι, или γραιχοί, по Стефану Византийскому, получили название свое от Γραιχός, царя ахеян-феиотов Фессалии.

Колония ахеян-феиотов (Strab. L. XI. P 495) **водворилась** на восточном берегу Донского (Киммерийского) пролива во время похода Язона.

Этих собственно ахеян Овидий и называет *graii*, т.е. *graeis*, и колонией милетов, поселившихся между туземцами Томитанской области.

Эти босфоранские ахеяне прозывались эллиноскифами. Овидий (Trist. L. V. El. 7) и говорит про греков томитанских, что язык их, смешанный с туземным, едва сохранил в себе следы греческого.

ИНДО-ГЕРМАНЫ, ИЛИ САЙВАНЕ. ОПЫТ СВОДА И ПОВЕРКИ СКАЗАНИЙ О ПЕРВОБЫТНЫХ НАСЕЛЕНЦАХ ГЕРМАНИИ

I. Предварительный очерк исторических соображений о коренном населении Европы

Каждый любознательный человек имеет право требовать от истории ответа на свои недоразумения. На страни-

цы ее внесены все мирские события; но в отношении древней истории ошибочные переписки рукописей, ложное чтение и толкование, применяемые без всякого основания к современности, способствуют одностороннему взгляду строить из древнего мира мир небывалый. Эти постройки не на материке, из обтесанных по произволу фактов, могут ли называться зданием истории? – История дорожит угловатостями и неровностями факта, как обломка, чтоб по ним найти место, к которому он должен прилечь всеми точками своей поверхности.

Для истории также есть время мрака, есть рассвет и, наконец, ясный день, когда все становится само собою видно. Можно полагать – с чем согласуется и общее мнение, – что этот рассвет для истории настал; ибо наш век видит в ней совсем не то, что казалось прошедшим векам. Возьмем в пример толкования сведений Тацита «*De moribus Germanorum*» («О нравах германцев»).

Только в темноте, лежавшей на истории, можно было не различать древних германов, то есть *сайванские* племена (*svevi*, *σούηβων*) от готов. При этом неразличии нет исхода для истины: между первыми и средними веками нет связи без вставки каких-то азиатских гуннов, какого-то внезапного появления славян из стран неведомых, и, наконец, без так называемого *великого переселения народов*. Это было что-то вроде искусственного хаоса, посреди которого с помощью *исправленных* и *поясненных* кодексов Тацита, Плиния и особенно Птолемея *пришлое* население Германии обратилось в *туземное*, а *туземное* – в *пришлое*.

Но тьма народов, которых заботливо высчитывают историки и географы первых веков, не простая тьма: свет мог только более проявить их, а не заставить исчезнуть с лица истории. Где ж эти народы, которых имена обезображены чуждым произношением, чуждым выражением на письме в неразборчивых списках летописей, и в дополнение произвольным чтением? Где, по крайней мере, *бесчислен-*

ные племена, носившие общее всем им название, выраженное греками посредством *σουήβων*, а галлами – посредством *suevi*? Где они, прозванные римлянами *germani*, т.е. племена, которые заселяли «без всякого смешения с каким бы то ни было пришлым народом» всю восточную часть Галлии, всю известную ныне Германию, и тянулись до пределов, неизвестных древнему миру?

Suevi, или *σουήβων*, или германы, – не готы: этому свидетель не один Страбон; да к тому же готов до времен Траяна не существовало в Скандии, откуда историк их Иорнанд ведет покорять германов.

Suevi не тевтоны, потому что тевтонов не знает ни Страбон на берегах Роны в союзе с свевами-кимврами, ни даже Тацит в Германии. Их знает только ошибочное чтение александрийского географа Птолемея, исправленного и дополненного современными издателями его догадками.

Suevi в то же время не **deutschen**, которых род довольно неосторожно производили некоторые историки от бога *Tuisco*, находящегося в двух-трех ошибочных списках «*De moribus Germanorum*» и которые в сущности суть древние *dauciones*, известные и Птолемею, т.е. *дациане*, жители Дации, или готы, жившие в Карпатах, перешедшие на север во время Траяна и основавшие новую **Dacia** на южной оконечности Скандии и прилежащих островах.

Кого же называли римляне *германами* (*germani*), то есть племенами, от слова *germen*, *germe* – племя, или *сайванами* (*sueuoni*, *sainoni* – соответственно греческому *σουήβων*, или сокращенно *sueui*), т.е. собственным общим прозвищем этих племен?

Средняя история ничего не отвечает. Средние времена заняты движением духа христианства, и потом размещением новых хозяев и дележом Галлии и Германии на феодальные, удельные владения. Кто ж составляет вассалов и поселян всех этих владений Германии? – Повсюду *венды*. Название *suevi*, *sueuoni* исчезает, потому что оно

незнакомо народу; но в то же время проявляется, как будто постороннее свевам, название *slavini-sclavini*, которому в подданстве у чуждого народа и придалось значение неволи: *sclave, e-sclave*.

В новейшей истории является вместо ответа новое неопределенное название: *индо-германы*; но к кому оно относится? К славянскому ли населению или к готическому? Или к тому и другому, подразумевая под названием *инды* – славян; а под названием *германы* – потомство древних готов? Но мы уже заметили и изложим ниже самые простые доказательства, что древние германы происходят не от *wehr-mann*, изменившееся; в *ger-mann*, т.е. *guerre-mann*; что они столь же различны от готов и дациан, как гражданство образовавшегося из *единородных* различно от гражданства образовавшегося из *единоверных*.

Во всяком случае, довольствоваться неопределенным и темным решением, внесенным на страницы истории, невозможно; тем более что при этом решении не участвовал голос обширнейшего и по **сие время главнейшего населения** недр Европы, которого значительная часть племен впадала в состав сфер эллинской, романской, галльской и готической, – и следовательно, всякому недоразумевающему этих смутных страниц истории предстоит труд: во-первых, обратиться к корню родоначального древа, перебросившего обширную ветвь свою с *гима* Индии на *гэм* Фракии; во-вторых, составить свод историков и географов первых веков по различным спискам и наследовать по ним значение германов-сайван; в-третьих, изучив все главные упоминаемые историей разветвления племен и переселения народов из Азии, проложить на карту, на которой должны быть ясны, по крайней мере, естественные границы, чтоб при прокладке сообразить смутные указания древних.

Этот труд мы исполнили по мере наших средств и излагаем выводы в *предварительных очерках*, в *переводе*

Тацита «De moribus Germanorum», преимущественно по своду различных списков Машмана в прокладке на карту, и, наконец, в приложениях, которые будут заключать пояснения и выписки.

Первобытные населенцы Европы и переселенцы

На земном шаре нет страны, которую бы предание помнило пустыней, где от создания не было человеческой души. Земля как будто постепенно разоблачалась от вод, и каждую уступаемую морем полосу человек принимал тотчас же в свое владение. По естественному порядку населения и расселений в горах, при истоках вод водворялось родоначалие, разветвляясь по долам в земледеливание, а по низменностям набережных – в пастырство.

В Европе коренное родоначальное население, по всем соображениям, составляет разветвление гимайского или гималайского народного древа, раскинувшего в течение незапамятных времен ветви свои по протяжению земного пояса от Восточного до Западного океана. Назовем этих коренных жителей *indigenes* и отличим их от *aborigenes*. Под названием *aborigernes* мы понимаем иверов. О переселении этих пастырских орд, выходцев из Нижней Азии чрез Египет и Гибралтарский пролив, упоминает предание, а равно как и о родстве их с иверами (аварами, гебрами) Кавказа.

К второстепенным переселениям распавшихся в Азии гражданских обществ, вошедших в состав запада Европы и имевших влияние на судьбу ее, мы относим:

1. Смешанное переселение во время Иисуса Навина из Халдеи и Хананеи в Африку и потом в Иверию.

2. Переселение части лидийцев (*λυδη*), предков латин, на западные берега Италии, которые заселены были уже обрами (*ομβρη*), т.е. иверами же, теснимыми от гор расселением племен савинских.

3. Переселение гражданских общин готов из закавказской Иверии от Аракса рассеянно во Фракию, Мизию и потом в Дацию.

Преданий о переселении *индигенов* из Азии нет, да и не могло быть, ибо оно совершалось постоянным разветвлением племен от востока к западу. По сказанию Катона, племена савински распространились в Италию из-за гор Апеннинских *в древнейшие времена, гораздо раньше войны Троянской*, стесняя обрв (omvri). Движение из Нижней Азии иверов (avari, abari, obri, gumri, gomer) соответствует преданию Манетона о внезапном наводнении Египта пастырскими ордами *арабов*¹, бежавшими от преобладания ассирийского в Африку.

Это переселение арабов или аваров, иберов или иверов, предшествует выходу из *Хананеи*, т.е. Финикии (Nanai, Vanah) гражданских общин: «Не в состоянии будучи противиться Иисусу Навину, – говорит Прокопий Кесарийский, – они (народы Финикии) отправились в Египет; но, не находя там мест для поселения, прошли в Ливию, овладели всей землей до столбов Геркулесовых и основали много городов, в которых по сие время говорят по финикийски. Впоследствии Дидона (колонизация Тира), поселясь между своими *древними соотечественниками*, основала Карфаген. Когда карфагенцы усилились, то начали войну с *маврами, вышедшими также из Палестины*, и изгнали их из соседственных областей Карфагену».

Таким образом, в недра населения *индигенов* на запад Европы проникли сначала пастырские орды иверов, гебров, а потом гражданские общины Хананеи и Халдеи (Galdaei), принявшие у историков название кельтов, цельтов (cael, caledon, galati, galli). Отсюда в отношении различия языков также два начала: живое, отчинное *индигенов*, и общинное, составленное из смешения и искусственно управляющееся членами *пришлых народов*. Родоначалие первого – Индия, исток второго – ученая Халдея.

Савины, или савлиане, и рэтийцы, рэци, или рассы Италии

Собственно *сабинами*, *савинами* или *савлианами* (Sawini, Sabini, Sevini, Savelli, Sabelli) римляне называли одно обширнейшее племя; но это же религиозное прозвище было общим и для других племен, подразделявшихся на *marsi*, или *marruvii*, *peligni*, *hernici vestini opici*, *lucani*, *samnili* и проч.

Самнитами, или, по-греческому писанию, *саунитами*, назывался знаменитый род савинских племен.

Hernici получили свое название от слова *hernae*, что по-савински и марувски значило *горный*.

Страбон называет савин древнейшим народом, туземным (autochthones). «В числе доказательств о древности их происхождения, – говорит он, – можно упомянуть о мужестве и других добродетелях, отличающих их по сие время». По словам Фабия (жил за 216 лет до Р.Х.), Рим не имел понятия о богатстве до покорения Савин.

Катон упоминает, что общее название *савин* происходит от имени божества *Sabus* (Savus).

Плиний говорит то же: «*Sabini ut quipam existimavere, a religione et Deorum cultu Sevini appellati*», т.е. сабины, как утверждают, прозываются *sevini* по религии своей и поклонению божеству.

Основываясь на общем сознании историков и филологов, что коренное население Европы происходит из Индии, мы имеем право искать там и религиозное объяснение прозвания первобытных племен.

В Индии религиозное родоначалие духовного и ученого сословия *браминов* происходило от *Брамы*, *кшатриев* или *раджанья* – военно-гражданского сословия – от *Вишну*; *вайсьев*, или землевладельцев, селян, – от *Сивы*. Но собственно к Сиве (Сива) относились все обряды – *сева* (служение, жертва, священнодействие) и общее

поклонение всех сословий; ибо Сива был, так сказать, мысль и слово в воплощении или действии и сочетал в себе невещественный исток Брамь (света) и вещественный *Вишну* (варуна – када – вод) в бытии всей видимой конечной природы. Верование в Сиву называлось *сайва*; поклонники в общем множественном числе – *сайвами*, или, от *сева* (сива – обряд, жертва), с окончанием *-ини* (aff. of profession or practice, соответственным славянскому *ане, яне*) – *севини*, как, например, Вакх – вакхане, или вакханы, Магомет – магометане.

Сроднившись с савинами и желая устройства гражданского, римляне призвали законника из савин – Нуму², который основал в Риме храм *Весте* – матери-земле, в которой нетрудно узнать васуда³ Индии, всепитающую *мать землю*; дал 12 таблиц законов, без сомнения, составляющих 12 книг законов Ману. Некоторые из древних писателей называли Нуму пифагорейцем; а исток учения пифагорейского, основанного на веровании в бессмертие души и поклонении предкам (питрикарь), слишком известен, чтоб не заключить окончательно, что в савинах Италии должно признать сайванов Индии и что из сева образуется: *сево, севош* – поклонение, славословие; *саош, salus, salvus* – божество живота, *Saliens, Salviens* – **славящие**; из дева, девас, образуется *deus*⁴ и пр.

Если савины суть сайваны, то кроме религиозных и гражданские условия их должны быть одни и те же с коренной родиной, от которой они наследовали истинные гражданские добродетели – строгую нравственность, воздержание, благочестие и справедливость.

Индия в древности разделялась на племенные уделы, которые управлялись родоначальными *раджами*, или, выражаясь соответственным русским словом, *рядцами* (почешк. *gadze*)⁵, сосредоточиваясь под зависимость избранного царственного наследственного рода *раджendra* или

маха-раджа – великого раджи, называвшегося по посвящению сара – *divinus*, или амарапатирь – обоготворенный, обессмертенный; *ганнеза* – предводитель сил.

Каждая область, составляя *раса*, называлась *рад-жъя* – *Рашья*, или *Расья*⁶.

Так как духовное сословие не проявляется массами, то, рассматривая быт расселенцев от подножий Гималая, должно обратить внимание собственно на два их сословия, а именно: на оседлых поселян-земледельцев и на воеводства и станы охранительного сословия *Раджанья*, или Раджан, по зендскому выговору – *Razan Рассан*; а вместе с тем на правительственную главную область, *Великую Раджию*, *Раджистан*, где сосредоточивалось и поклонение божеству.

Таким образом, в савинах Италии мы также должны отличать два главных сословия – собственно народ, племена, именуемые по родоначалию и носящие по верованию общее название сайван, и войсковое сословие *Раджи* или *Рассии* – *Раджанья* или *Рассанья*, *Рассан*.

Не говоря об области *Reate* в недрах земли савин и марсов при Рэтийском озере, на пространстве так называемого *Roscae campus*, мы обратимся к соседственной *Этрурии*, или *Этруссии*⁷.

Эту область населяли жители, носившие название *tusci* или *tusici*; по замечанию Нибура, по обычному изменению буквы «г» в «s» – *turici*, и также название *rasena* (от корня *ras*). Первое название, следовательно, было племенное, что объяснится впоследствии, по переселении их в Альпы; а второе – по названию области и по войсковому сословию воеводства.

Вслед за вытеснением из Италии не покорявшихся Риму савинских племен исчезли и *этруски*. Они удалились в Альпы. Когда римляне проникли в Альпы, там встретили они уже рэтов или рэцов, райцев, (*rhети*, *гаети*,

раито) и эти *рэци*, по Плинию, были потомки этрусков; но по преданию, «известны были там под другим именем» – след. *рассан*, *туричей*.

По Титу Ливию, «из *Этрурии* же вышли и горные жители, преимущественно *рэты*, столь одичавшие в *Альпах*, что из своей славной старины ничего не сохранили, кроме языка, да и то не без искажения». Однако же у римлян славилось *рэтийское* вино, *рэтийское* оружие и *рэтийские* песни. Эти *рэтийцы* являются в истории как единоплеменники *норийцев*, *паннонийцев* и *далмат*.

В *Альпах*, на всем пространстве *Рэтии-Рассии*, жители носят название *taurisci*, *taurini*; там река *Тур* и область *Turicum* (название, изменявшееся также в *Turegum*, *Tigurum*).

Что *taurisci* – *туричи* *Альпов* – есть потомство *tusci*, *tusici*, *turici* *Этрурии*, то это может подтвердиться и тем, что когда *лонгобарды* в **VI** **веке** заняли **Горицкую область** и **Хорутанию**, то все пространство разделилось на три области, без сомнения, по существовавшим издревле названиям: на *Tuscia* – страну *таврисков*, на *Neustria* – страну *норичей* и на *Austrasia*, которой значение мы объясним впоследствии.

О *савинах* *Италии* и времени переселения их в *Альпы* приведем слова *Нибура*:

«Когда Рим выдвинулся из границ *Лации* (*Latium*), *савины* из всех народов *Италии* были самый обширнейший и сильнейший. *Фест* (*Festus*) упоминает, что *religni* одного происхождения с *иллирийцами*; а *Овидий*, родом *relignus*, говорит, что они наследовали воинственность от предков своих *савин*».

«*Савинские* или *савелианские* племена (*savelli*), обитавшие в селах (*bourgs ouverts*), покорили бы всю *Италию*, если бы составляли между собою что-нибудь целое; но они, в противоположность *Риму*, не заботились о преобладании и сосредоточении сил своих».

«Войны против савин составляют главную часть древнейших летописей; но они совершенно прекращаются в 306 году от основания Рима (447 до Р.Х.), что явно соответствует *изгнанию* их из Италии (!). С этого времени *на юг Италии* (!) направился весь поток племен савелианских, а древние савины берегов Тибра также потеряли свою независимость».

Вот заключение ученого историка. Где же этот *юг Италии*, в котором скрылись савины или савелиане, сохранившие свою независимость от ненавистного им Рима? – разумеется на севере, в Альпах и за Альпами, куда удалились и этрусски, т.е. южные рассы, *ghaeti*, где Цесарь спустя 400 лет после выхода савин из Италии не заботился узнавать прежних хозяев ее ни в лицо, ни по имени: он шел не исследовать их происхождение, а покорять, или, лучше сказать, пожирать народов и переваривать их в римлян.

Сперва все, что жило на север от движущихся вперед границ Рима, называлось безразлично *galli*. Покорив собственно галлов и видя, что по всему Рейну и за Рейном живут какие-то бесчисленные народы, родственные друг другу, римляне назвали их *germani*; и наконец допустили и собственное их название, произносимое и писавшееся по-гречески *σουήβων*, а по-римски и галльски сокращенно – *suevi*, точно так же, как впоследствии та же форма сократила *slavini* в *slavi*.

Если рэтийцы перешли из Италии в Альпы и за Альпы, если *boji* из Апеннинских гор перебравшись к Дунаю и за Дунай, то надо иметь какую-нибудь особенную цель, нарушающую связь древней истории Европы со средней и новой, чтоб не признать в сайванах Германии потомство сайван Италии, которых все племена, вместо того чтоб прийти в тупик на юге, идут на север, за горы, и являются на новоселье почти под теми же именами.

Не случайно же при сходстве общего прозвища племен сходство частных племенных названий:

в Италии	в Германии
<i>Samnites</i> – знаменитое сословие савин	<i>Semnonnes</i> – знаменитое сословие Сайван
<i>Marsi – Marrouvii</i>	<i>Marsi – Моравы</i>
<i>Marucini</i>	Морациани, Марузини
<i>Hernici</i> (по-савински значит <i>горные</i> (<i>hernae</i>))	<i>Herusci</i> (горичане, горичи – хорошцы)
<i>Peligni</i>	<i>Полеси, поляне</i> (?) – название племен <i>полевых</i> , в противоположность <i>горным</i>
<i>Cassi</i>	<i>Catli, chatli</i> (чехи, часи)
<i>Volsci</i> (по разл. пис. <i>volsi, volusci, volsici</i>)	<i>Volcae</i> (в Галлии) и <i>belgi, bolgi, walch, walaha, falahi</i> – влахи, влоси
<i>Osci</i>	<i>Osci</i> (в Галлии); <i>osi, jazigi</i>
Lucania (страна), <i>lingones</i> (в Пиринеях)	<i>Lingones</i> (в Галлии), <i>lingones</i> (в Германии)
<i>Ligii</i>	<i>Ligiu</i>

Не одни ли это и те же *индгены* Европы, коренные, отчинные племена, не столько разрозненные переходом на новоселье, временем и искажением названий, сколько исторической эрудицией?

Геты или готы и дациане

Самый простой вопрос о готах неизвестно почему также был обращен в загадочный. Гетов отделили от готов и сроднили со славянами, чтоб этим последним дать хоть где-нибудь место в древней истории; готов отделили от гетов дунайских, поселили на Доне, назвали ост-готами, пере-

вели на север к вестготам, сроднили с германцами, и – все связи древней истории со средней рушились.

Но Спартиан, писавший около 300 года, в то время, когда появилось в первый раз название *gotti* вместо *getae*, говорит: «*Gotti Getae dicerentur*» – «*Getae, qui nunc est Gotti*»*. Орозий говорит то же: «*Getae qui nunc est Gothi*»**.

Прокопий предупреждает также всех будущих историков, что геты и готы суть названия одного и того же народа: «*Γετικὸν γὰρ ἔθνος φάσι τοὺς Γότθους εἶναι*»***.

Иорнанд пишет историю своих родичей под названием «*De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis*».

Этих сведений кажется достаточно, чтоб не принимать гетов и готов за два различных народа.

Место жительства готов в Азии и переселение их к Дунаю

Стефан Византийский (*Steph. Byzant. de urbibus et gentibus*) упоминает следующее: «*Γοτδοὶ ἐδνός παλαι οἰησαν εντος της Μαιωτιδος υστερον δε εις την εντος Θρανης μεταεστησαν*», т.е. «народ готы, живший в древности в странах Меотических, впоследствии переселился во Фракию».

У Стефана Меотические страны неопределенны, но, по крайней мере, готы из тех стран переселились не в Скандию, а во Фракию. У Иорнанды и жительство готов и время переселения определеннее.

Основываясь на Троге-Помпее, он пишет, что Кир (около половины VI столетия до Р.Х.), **вознамерясь покорить готов, перешел Аракс**⁸. В то время царицей их (вернее, пророчицей) была *Thamiris*. Она, как *Дебора*, подняла народ свой против персов, сразилась и *победила*; но потом почла благоразумным переселить готов в ту часть *Мизии*,

* «Готы называются гетами» – «Геты, которые сейчас готы» (*лат.*).

** Геты, которые сейчас готы (*лат.*).

*** Говорят, что племя гетов – это готы (*греч.*).

которая носит название *Малой Скифии* (ныне Бабадагская, или Добрушская область), где и основала город, названный по ее имени *Thamiris*.

Спустя лет 40, около 508 года до Р.Х., Дарий, проникнув во Фракию и к Дунаю, встретил уже готское поселение на новоселье.

Моисей Хорепский (р. 370, ум. 189), описывая Фракию, говорит, что она состоит из пяти небольших областей и одной великой, в которой живут семь (по другому списку – 25) славянских народов, *между коими поселились готы*.

Если бы готы-маги из своего поселения около Каспийского моря (в Аварии, Иберии, Гебрии) перешли к Дону, куда поселила и откуда вывела их прямо на север, в Скандию, историческая *эрудиция*, то Геродот, подробно знавший все населения на Меотике (Азовском море), знал бы коротко и этот гражданственный народ, размножавшийся прозелитизмом; но Геродот знает гетов или готов при р. Дунае, в Мизии. Упоминание же его о фиссагетах (*φισσαγῆται*), народе звероловном, жившем за Вудинами, т.е. за Волгой, скорее относится к каким-нибудь *истякентам*, или *остякентам* – обширному остяцкому или башкирскому племени, нежели к догадкам о существовании каких-то гетов-фиссов, из которых образовали туссов, турсов и пр. и пр.

По Геродоту, религия готов сознавала бессмертие души. Учение свое производили они от Zalmoxis. Предание, что Залмокс (имя, без сомнения, искаженное) был современник и ученик Пифагора, что он распространял учение свое между фракиянами и скрывался несколько лет в подземной пещере, – относится как нельзя более к сказаниям о Зороастре, или Зердусте, почерпнувшем свое учение в Вавилоне у халдеев и имевшем также сношения с Пифагором.

Сведения Страбона о Залмоксе (Zalmoxis, Salmoxis, Zamolxis, Zalmolxis) подтверждают то же. Упомянув о гетских обрезанцах *ναπνοβάτος* (вероятно, от слова *νάπov*), он

говорит: «Сказывают, что один из гетов, называемый *Zalmoxis*, был в услужении у Пифагора, а также был в Египте и изучил астрономию. Возвратясь на родину, он пользовался большим уважением народа и царей его за предсказания по звездам и наконец успел достигнуть соправительства при царе, как глас воли богов. Он был у гетов первосвященником, а потом они чтили его как божество».

«Гора, в которую удалялся Залмокс, считается священной и носит название *νοῦαίωνον*».

По сказаниям о Зердусте, эта гора в стране, орошаемой реками Араксом и Киром (Сугус), называлась *Албордж* или горы *Балкана*⁹ (*Balkhan*). Здесь была и пещера, посвященная Митре.

Влияние учения Зердуста могущественно было на парсов; Гюстасп был первым его почитателем. Как Зердуст, водворяясь у персов, с целью распространять свое учение советует Гюстаспу идти войной на Туран (название стран горных в противоположность Ирана – степных); точно так же, по Иорнанду, пришедший законодатель к готам, Бороиста Дицней, вошел в доверенность у царя их Ситакла и советует ему идти войною на германов.

Сближая сказания о Залмоксе и Зердусте, должно заметить, что во всех этих сказаниях скрываются предания о законодателях еврейского народа Моисе и Самуиле. Потом, явны противоречия: например, по Геродоту и Страбону, у гетов первым законодателем был Залмокс, а по Иорнанду – *Zeut*, потом *Diceneus*, а третий уже *Zamolxis*; а между тем Иорнанд же пишет, что после Дицнея первосвященником был *Comosicus*: «*Decedente vero Diceneo, pene pari veneratione habuere Comosicum, quia nee impar erat solertia. Nunc et enim et rex illis et pontifex ob suam peritiam habebatur, et in sua justitia populos judicabat*».

Сходство обрядов священства готского с *кутеями* (*cuthéens*) или самаритянами можно заключить из встречи Филиппа готами и Александра самаритянами.

По Иорнанду, когда Филипп приблизился к городу Фамиру (Thamiris), «sacerdotes Gothorum aliqui, illi qui pii¹⁰ vocabantur, subito patefactis portis, cum citharis et vestibis candidis obviam sunt aggressi, paternis diis, ut sibi propitii Macedones rapellerent, voce supplicii modulantes»*.

Несмотря однако же на сближение преданий о Залмоксе и Зердусте, готов нельзя считать последователями его; но скорее магами, противными его учению, о которых упоминается в жизни Зердуста и в книгах зендских¹¹. Это подтверждает выход их из Гебрии в самое то время, когда распространялось там учение Зердуста, или Зороастра.

Но какое бы ни было древнее верование готов, оно также противоположно и тримуртизму сайван; ибо, по Геродоту, учение их законодателя Залмокса распространяется во Фракии; а на севере Оден поражает умы чарами магии, и 12 его дроттаров, совершавших служение, уподоблялись, говорит Далин, восточным *магам*. Распространяя свое учение всеми ухищрениями на новоселье между обитателями Скандии – ситонами, он вместе с тем возбуждал вражду и войну против римлян, *прогнавших его из Годагейма, или Иотунгейма*.

Таким образом, готы являются на сцене истории гражданским обществом¹², которое централизуется в Европе сперва в Малой Скифии в Мизии, потом в Дации. Сила его развивается приращением, подобно силе римлян, с тою разницею, что римляне распространяют свое владычество мечем, а готы – чарами вольного гражданства.

Сведения о гетах, или готах, сообщаемые Страбоном, очень важны для истории.

«Древнее разделение сего народа, – говорит он, – на дациян и гетов существует по сие время. Гетами называют живущих со стороны востока и Понта Эвксинского. Дация-

* Некоторые жрецы готов, именуемые благочестивыми¹⁰, раскрыв двери, выходили навстречу с кифарами и в красивых одеяниях славить отцовских богов, взывая высоким голосом, и называли себя македонцами (*лат.*).

нами же – соседящих с германами. Дóлжно полагать, что *Дациян* называли прежде *δαουσ*, откуда и собственные имена *Гет* и *Даус*, которые афиняне давали своим невольникам, по обычаю давать пленным, поступающим в рабство, прозвания по месту их происхождения».

«Чрез земли гетов протекает река Μάρισος (Марош)¹³, впадающая в Дунай».

«Язык дациян и гетов один и тот же. Последние были известны грекам по причине частых их переселений по берегам Истра и по причине смешения их с фракианами (θαξιί) и мизиянами (μυσοίσ)».

«Геты и дацияне усилились некогда до того, что могли выставять 200 000 войска, теперь же не могут выставять 20 000, и если по сие время они не покорены римлянами, то единственно потому, что их охраняет поддержка германских племен, врагов Рима».

Из описаний Страбона ясно как нельзя более, что геты и дацияне составляют народ, совершенно чуждый германам или сайванским племенам. Описав Германию и исчислив главные известные ему племена, населявшие оную, Страбон приступает к описанию Дации и Мизии, где готы являются ему особенно замечательным *гражданственным* народом. О готах на севере Европы нигде нет слова до невольного их выселения туда, совершившегося определительно при Траяне, который повсюду преследовал иудеев, ожидавших мессию, смешивая с верованием их христианство, которого торжество Рим уже предчувствовал.

Преждевременное помещение гетов на севере Германии и составляет ложный взгляд на Тацита о германах; ибо важнейшая ошибка, на которую не обращалось внимания и которая рушила весь смысл преданий о населении Германии во время Юлия Цесаря, Страбона, Тацита и Плиния, состоит именно в том, что готы до переселения на север под предводительством первосвященника своего, прозванного *Оденом*, помещены при р. Доне вместо Дуная. Название

реки *Tanagwisl*, принятое за *Танаис*, т.е. Дон, вместо Дуная, послужило определением места мнимого их жительства; тогда как соседство с *ванами* и *квадами* было ясным указанием, что *Tanag-wisl*, т.е. *река Танах*, значит *Дунай*. Сверх того, путь побед Траяна касался только Каппадокии, южной части Армении, Месопотамии и **Парфии**; следовательно, готам не только с Танаиса от Азова, который ученые принимают за *Азгард*, но и из первобытного поселения их в Иверии не для чего было бежать на север. Гроза Траяна, шедшая по Азии в направлении к Парфам, далека была от них.

Сверх того, что готы севера Германии не готы Дона, готы Дуная всего яснее подтверждают слова Иорнанда (гл. XVI): «Этот народ (т.е. готы) – говорит он, – прославил себя в стране, которую он занимал прежде, то есть в Скифии (Малой), на берегу Понта Евксинского... Сколько раз подпадали под его власть *вандалы* (Ваны, Венды¹⁴), не наложили ли они подать на *маркоманов*, подчинили ли себе князей *квадских* (*Quadorum principes*)».

В дополнение. 1) Древнее свое население готы называли *Godaheim*, т.е. Отчизна готов. Поход же готов в *Godaheim* под предводительством Годарика, т.е. готского властителя Балдурзона, лежал чрез Силезию и Польшу (Ист. III в. Далина); следовательно, по направлению к Дунаю, а не Танаису, куда бы им и не пройти через пустынные земли так называемых сарматов. 2) По Инглинга-саге, Оден от пределов Азии на север перешел со своей семьей, со своими *дроттарами* (жрецами) и *азами*; но по Иорнанду (гл. XIII), это название (*asar*), означающее *господ*, геты или готы Дации дали своим военачальникам после поражения Фуска, посланного императором Домицианом для покорения гетов за Дунай, в Дацию.

Таким образом, сведения Снорро Стурлезона, писанные в тринадцатом веке, истолкованы вопреки всем сведениям истории, без всякого уважения даже к историку своему Иорнанду. Но что страннее всего в отношении са-

мого Иорнанда: в предисловии своем он обещает описать историю готов последовательно, переходя от поколения к поколению, от царя к царю; а между тем в нем нет ни слова о времени Траяна, о победах его в Дации и обращении оной в римскую провинцию¹⁵, сведений о необходимости готов оставить свой Годгейм, а главное – великий Оден – как будто для него не существует.

К вышеизложенным сведениям Иорнанда о первобытном населении готов в Дации можно присоединить следующие.

«По смерти Комозика (Comosicas) – которого Иорнанд называет *rex et pontifex* – принял правление Корилл (Corillus) и в продолжение 40 лет управлял своим народом в Дации. Я говорю о древней Дации, той, которую занимают теперь гепиды¹⁶. Сию *Готику*, которую многие называли *Дацией* и которую теперь, как я сказал, называют Гепидией, тогда ограничивали с востока роксоланы (т.е. *roxani, rutheni*, русины), с запада – Тамазиты (?)¹⁷ (Tamazites), на север сарматы, а на юг – Дунай» (гл. XII).

«Историк Аблавий упоминает, что тогда как готы жили, как уже мы сказали, в Скифии и на берегу Понта Евксинского (т.е. в Мизии), те из них, которые были к востоку и которыми владел Острогот, назывались *ostrogothae*; неизвестно, однако же, от его ли имени или по населению своему к стороне востока носили они это название. Те же, которые жили со стороны запада, назывались *vesegothae*».

Следовательно, соображая с упомянутыми сведениями Страбона, визиготы – суть Дациане; а остроготы собственно готы.

По переселении на север готы расположились в том же порядке и в Скандии: остроготы к востоку, а визиготы к западу, где и была первоначально новая *Dacia*, а впоследствии Дания¹⁸.

После этого события, совершившегося в 98 году по Р.Х., становятся понятны слова Иорнанда, которыми он

начал свою «Историю готов»: «В этом безграничном море около созвездия Медведицы, то есть на севере, есть остров Scanzia, о котором нам с помощью Господа следует говорить, ибо из недр этого острова народ, коего вы знать хотите происхождение, как рой пчел высыпал на европейскую землю. Как и для чего? – заключает Иорнанд вопросом, и отвечает: – Это объяснится впоследствии».

Отсюда становится уже ясным, что готы перешли из Готии Дацианской в Скандию, за области сайванов (*suiuonapas*, в других списках Тацит сокращает – *Suionas*), на земли финнов¹⁹, из коих соседственным народом должно считать ситонов (*sithones*), **которые, по Тациту, говорили на британском наречии и были так женоподобны, что ими владели жены. Этих жителей, соседящих с Северным океаном, готы называли *fornjoter*, т.е. древние готы²⁰.**

Остается вопрос: в какое же время, по словам Иорнанда, готы высыпали с острова Скандии, как пчелы, на европейскую твердую землю, населенную сайванскими племенами? – Ответ в главе XXIII.

«Эрманарик, наследовав Геберику, покорил множество воинственных народов севера и подчинил своим законам. Недаром многие из предков наших (т.е. готов) сравнивают его с Александром Великим, ибо под властью его были: *gothos, scytas, thuidos, in aunxis (?)*, *vasina broncas, merens, mordensimnis, caris, rocac, tadzans, athual, navego, bubegentes, coldas*, и в заключение он покорил также *erulos* и *venetes*».

Кажется ясно, что его победы от *Ютландии* распространялись к югу до *venedici montes* (в вершинах Лабы или Эльбы); а к востоку по побережью Балтийского моря; но их *распростерли* до р. Волги, узнав в *merens* – мерю, т.е. черемис; а в *mordeosimnis* – мордву. Простой смысл, однако же, требует избавить всех скифов, а в том числе мерю и мордву, от побед Эрманарика. В его власти были *gothos* – готы, *scytos* – *scotti* – чудь, финны, *thuidos* – *switi*; и могли быть покорены сайванские племена: *vasina* – *varini*, варны; *broncas* –

брежане; *meres* – моризане; *caris* – корс; *gocas* – русь (по р. Росе); *thadzans* – дешане; *navego* (?); *athual* – летуге, летголы; *bubegentes* (?); *coldas* – *goltae*, голяды; *heruli* – горалы,²¹ и наконец, *venedi* – по Гельмольду *wuinithi wuinuli*, венды.

Верны или неверны догадки по искаженным названиям, но победы Эрманарика не могли выходить из пределов населения упомянутых сайванских, преимущественно литовских, племен в странах прибалтийских. Допуская даже покорение мери и мордвы, мы, однако же, удовлетворены ответом истории, что название Германии, по крайней мере до побед Германарика, нельзя заменять словом *Deutschland*.

II. Сайванизм – тримуртическое верование, обряды и обычаи индов в языке славяно-русов

Изложив единство савинов, савеллиан (*savelli*) Италии и свевов, сайванов, или славян Германии, мы обратимся к следам древнего их верования, обрядов и обычаев, сохранившихся в языке.

Если *ghaeti*, или *gaseni* Италии, по словам Тита Ливия, так одичали в Альпах, что от своей славной старины ничего не сохранили, кроме языка, то нет сомнения, что и вообще сайваны, или славяне, после тысячелетней борьбы с Римом, а потом с франками и готами, не могли сохранить наследия своего в зыблемых памятниках, но также могли сберечь весь исконный свой быт в языке своем, неисчерпаемо богатом прошедшей жизнью, со всех ветвей которого можно легко спуститься к корню.

Древнее верование

Сива. У славян было божество *Сива*, Жива, Сева (*Sueva*), *Zywie*, *Zibog*; но значение его не сохранилось ни в преданиях, ни в старых обычаях празднеств.

Сиваизм был и в Европе первой гражданственной религией, распространенной разветвлением индийских племен. Название божеств и многие слова, например *civilis, civicus, civis, civitas*, доказывают, что первоначальное гражданство Рима было под ее влиянием.

В Индии *Сива* был божество в лике, к которому собственно и относилось поклонение.

Поклонники Сивы назывались, как мы уже объяснили: сайва, сайвини.

Когда буддизм, зародившись в Индии, распространился в разных видоизменениях по Азии, проник в Грецию и потом в Рим, тримуртическое верование в Сиву неизменно сохранилось только в племенах, не покорявшихся Риму и выселявшихся в Иллирию, в Альпы, в Галлию, за Рейн и за Дунай. Общее религиозное название их – сайвани – изменялось и по наречиям и по произношению чуждых народов в *savini, sabini, sevini, savelli*; потом, по наречию, приближающемуся к сербскому, в котором вместо *-слав* произносится *sav* – *suevi, suavi, σουηβων*, и наконец *slavi, slavini*.

Все их божества (разумеется, кроме придуманных эрудицией мифологов) без исключения принадлежат к тримуртическому верованию и поклонению Сиве.

Перун, Проно, Паром. В веровании Индии – пранна – предний, древний, – пуранна – первый, предвечный, – суть названия верховного таинственного божества *Парабрамы*, или праннава.

Праннинада – удар, звук грома; сост. из пранна и нада – звук; следовательно, значит глас Перуна.

Паранджа – стрела Индры, громовая стрела, сост. из пранна и придат. джа – означает порождение, происхождение; следовательно, *Перунич*; в слав. – *Риорупек*.

Триглав. Праннава, проявленный в тройственности, в лике трех времен: прошедшего, настоящего и будущего – носит название трикалавид – т.е. тривременный. В

значении же изображения: триобразный или *триглавый* – тримурдгъ.

Ютробог, ютро. Четырехглавое изображение Индры, истока света²², главы четырех стихий, четырех стран света, четырех времен дня, соответствует *Ютробогу*. Из Индры, как *предсвета*, образовалось *утро*; а в отношении зарождения – *ядро*.

Световид. Верховное божество в стихийном проявлении – Индра *световодный* – называется светлвах или светаваас – т.е. светоконный, белоконный.

Слова: *вышний, вечный, веций, вешний*, – собственно изменение имени *Вишну* по его свойствам. В лике победы, по южнославянски – *витязства* – он есть виджайас – *витязь*, и носит имя Арджуна или *Арьяна*. Как божество войны *Харе*, Арей (*Арѣс* – Марс; *Ара* – название Марса, Арея в планетной иерархии) – в слав. *Яро* (ярый – зеленый – харэ), Юрий, Гуро (горный); в южнослав. – *Иорги, Иоргиле*; откуда: Иракл, *Геркул-ес*, и значение *Herus, Heros*, герой.

К нему относились и витязные песни (*witezna piśeń*) с возгласом «ура!» по припеву: «джайа, джайа дева Харэ!» – «победа, победа боже Харэ!»

Он же носил название кесава, кесата – косатый, косоносный – и в том же значении – кесара (лев, конь – имеющие космы, гриву).

Празднество *Картикея* в честь божества войны – *Харэ Арджуны* – было в месяце марга или мригасирша, соответственно осеннему Юрьеву дню, или на севере – дню Мартина (*Marcines*) – малого Юрья. Весенний Юрий (март) у слав. – *Marec, Marek*, – откуда и латинское название *Марс* вместо Арей, Юрий²³.

Даждадь бог, Дашуба. Соответственно, дакша – правый, десной – десница, название Брамь дарующаго. Дакша есть также название земли в свойстве произрастания. От *дажд* название *дождь*, как дар.

Волос, Велес. Вишну, как хранитель – бгану – пан; как хранитель живота (стада) – гопм, пастырь, в лат. – рап. Как властитель *всего* (васу – все, мир, земля) – васула, собств. Васо, Василь, Влас, властный – в греч. – *Βασιλεύς, Βαδύλεια* – власть, область.

Мокош, Макош, Makosha. Ямо, Сива в свойстве суда и смерти, в стихийном значении земля – махи – *питающая* – *крава*, корова. Отсюда название эмблемы Ямо – махиша.

Морана, Marzena, Marzanna. Соответственно – мара, маранна.

Поклонение древнего верования Индии относилось к видимой природе, как к *обители* божеств. В этом значении поклонялись светилам, силам стихийным и душам предков, населяющим атмосферу, воду, леса, горы. Это поклонение составляло поминки родоначалия.

Слова, относящиеся к верованию и обрядам

бга – свет, сияние, и поэтому также название солнца.

бгу – сущее, природа, бытие, собств. плоть; жертвенный огонь, и также свет, блеск, солнце.

бгага – (в замен. л) *благо*, богатство.

дивья, дивьян – *дивный*, divine, celestial, beautiful, charming.

дайва – божественный, дивный, дайван – судьба, счастье, фортуна.

кама – божество любви, чувство любви, чистейшая любовь (любха), приязнь (прияс); отсюда *кумовство* – кама-васайа – подавление плотской страсти, воздержание.

сваямбгу – самобытный, *своебытный*.

вара – истина, совершенство, обязанность – *вера*.

вира – жертвенный огонь.

дхартра, по-зенд. дзартра, *жартра*, – жертва в знач. даяния.

дхарти, *джарти* – *жрать*, жертвовать, по польски со-
отв. *жарты*.

мела – сходбище, собрание на мольбу (*моль*, мольбище,
по-чешск. *modla* (буква *d* вставная)).

мелана – *моленье*.

От сива и сайва – сава – жертва, жертвование, очище-
ние, омовение (от греха); савана – жертвующий, очищаю-
щийся, омовенный; сева – служение, богопочитание. Все
эти названия то же, что сайва – **поклонение Сиве, и сайва-**
ни – поклонники его.

сура – обоготворение, обоготворенный; соотв. сло-
ву *царь*.

махаджа – *мощный*, могучий.

чару – возлияние на пищу в поминках; значит также
чара, чаша – за здоровье или за упокой.

чрания – *чарание*, чарование, совершение обряда
возлияния.

матха – *мыт*, жертва, дань пошлина, долг.

мадха – дар, жертва, сбор и также излияние, *мыть*,
мытье – омовение (от долга).

мадхья – *мытый*, обмовенный, очищенный, уплатив-
ший дань, долг.

медхира – *мытарь*, собирающий пошлину.

ваучана – *вещание*, вечание (вече).

правачана – *провещание* и также название свящ. пись-
мен, *Вед*, в значение правовещания, предвещания, первого
главного вещания.

противачана – *противовещание*, ответ; веда – ведь –
ведлна, ведение, познание, и название священных книг.

париведана – *предведение*, провидение, foresight²⁴.

прарочана – *проречение*, предречение.

праннидхана – зенд. *праннизана* – *проницание*.

скада – пир, веселье.

скадана – *снеданье*, *снедь*.

сайля – твердость, крепость, *сила*; от сила, скала, камень, или сайла – гора.

махалайя – обитель вечного, вечная обитель, место поклонения, жертвоприношений, приют странников; соответственно слав. *могила, погост*, где собственно и были *гóстины*, гостинницы.

Книги закона

Италийские савины имели письмена закона. Известно, что Нума (Ману – вообще название законодателей) дал Риму законы, или, вернее, первые законы Рима были сайванские, ибо Нума был родом из савин. Его 12 таблиц могли соответствовать 12 книгам Ману, а *Salii, Saliens* – по смыслу значили славии, славенные, *slavny – salennis, solemnis*.

Тацит упоминает о девах пророчицах сайван, о Веледе и Ауринии; соотв. имена слав.: *Влада, Иерина* (женск. от Яро, Юро, Юрина) или *Обрения*.

Не основываясь на одном сходстве имен, должно припомнить два стиха из древнего чешского стихотворения «Суд Любуши»:

У едней (девы) су дески правдодатне,
У второй мечь кривды карайчи (карающий).

Здесь дева, образ чистоты и непорочности, держательница доски (?) закона, или меча, имеет то же значение, что и дева – божество; в женск. роде деви – *богиня*, и также величание: *дивная, божественная*.

Правдодатный, т.е. дающий *правду*, собственно *приговор*, соотв. санскр. *правада*²⁵, означающему также *приговор, совещание, провещание*; *правадать – совещание, совещающий*.

Упоминание о *досках правдодатных* подтверждает существование у славян начертаний (читра – черта,

to paint, to delineate). Слово *писать* существует во всех славянских наречиях и имеет один корень с *печатать*. *Печатать*, в первоначальном значении *прикладывать руку*, панча – *пять* пальцев. Инд. пиджа, по зенд. произн. писа, значит рисование, *писание*; пинджа – рисовать, *писать*. Равно как ранджана, по зенд. произн. разлна, также значит *рисование*; писание, сближаясь с риза – *рез*, резать; или риша – *рушить* (в знач. *резать*).

Ясно, что древние письма у славян резались, как и у римлян, греков и других народов, на *досках*, посредством *резца* (stylet). *Листы* некоторых растений, кора, лубок, были первоначальной бумагой. Существующее до сих пор у простого народа отпечатывание (вроде полнотипажного) сказок и так называемых лубочных картин может служить некоторым доказательством что *лубки* у русов заменяли некогда бумагу, а равно и объясняет слова черноризца Храбра: «Прежде оубо словене не имеху *книг*, но чрътами и резами чьтеху и гатааху».

Здесь слово *книга* употреблено в новом значении и форме, современной Храбру, и преимущественно в значении священного писания. На Востоке же по *сие время* письма составляют **собрание дощечек вроде картонов**, на которых писано или печатано с одной стороны.

Санскритское слово *кунна* – *куна*²⁶ значит *решение*, *заключение*, *постановление*, *кон*; кунайяти – *конать*, *законать*, *закончить*, *кончить*, *заклЮчить*; кунни – *ключ*; кунаяти также значит *речь*, *решать*, *совеща́ться*.

У нас слово *кон* в древности и употреблялось в значении *закон* – *совесть*, *завет*. По черноризцу Храбру, *книги конни* значит *законные*, *исконные*; ибо они «от *кона* суть», т.е. от начала, от постановления вещей.

Таким образом, слово *кон*, столь однозначительное с *кунна*, или *нуна*, может объяснить и значение слова *книга* по общему как в санскритском, так и в славянском языках окончанию *къ*, например, *сон* – *сонник* (собрание снов); тра-

ва – травник; *гунна* – количество, число, счисление, гуннка – числитель (в арифм.) и счислитель в значении *собрание счислений*: так от куниа – *кон*, кунникл – сочетающей, сочетание, собрание постановлений, правил – собственно конникъ - *законник*, что и значило в древнем смысле *книга*, по прежнему писанию *кънига*.

Раджия – Россия

Государство и военное сословие

Основатель религиозного гражданства в Индии есть Вишну – в его *аватарах* или степенях видоизменений. Он законодатель и гауспати – господь (от гаус – крава, земля, и пати, отец); он есть ра, воплощенный свет; откуда название гражданского сословия *ра-джа* – светородный.

Из этого сословия избранный, верховный радж, предводитель сил – ганнас, посвящаясь в верховную власть – сура, сара, обоготворялся обрядом:

«Кшатрия, принявший посвящение по обряду, да заботится охранять справедливостию все подвластное ему».

«Мир без владык был отвсяду потрясаем ужасом; и потому Господь создал царя».

«Приняв вечные частицы восьми божественных сил мира и заключая в себе их, он превосходит по освящению всех смертных».

«Он по могуществу есть огонь, воздух, свет солнца, блеск луны, царь правды, исток богатства, божество вод и властитель земли».

«Никто да не осмелится сказать: “он также человек”; ибо он есть высочайшее божество в образе человека».

По посвящению *Раджарх* есть амарата или амаранита – *приявший бессмертие*, *divinus*²⁷, амарабгарта.

Слово радж – соответствует слав. *рядче*, *radce*, *рядец*, лат. *rex*; первоначально значило *Родич* – *Rodic* – *genitor*, *родоначальник*.

Радж произносится различно. В зенд. *Рац, Радз, Расс*, в других – *Райя*²⁸. Раджья – *область, Раджистан*, т.е. *стан Раджи*, – *Рассья*. Отсюда становится понятным значение слова *Русь, Русия*, и значение *князей русских*, т.е. родовых, владетельных.

По Магдебурскому гражданскому праву, князья разделялись на *простых и русских* (*rzeskich*). *Русским князем* назывался тот из князей-братьев, который при разделе оставался правителем княжества.

Rzesky stan означал правительственный, владетельный *стан*, то же что у индов *Раджистан*.

В этом смысле и Новгород принял название *Руси*, когда с пришествием Рюрика образовалось в нем правление. Точно так же и Киевская область, когда перешло в нее великокняжение, стала называться *Русью*, т.е. *Раджией*. Новгородцы, отправляясь в Киев, говорили, что идут в *Русь* потому, что Киев стал «старейшим градом всей земли и ту достоин *снитися* и *поряд* положить».

В «Правде Русской», название *русин* заменялось в некоторых списках словом *горожанин*, что и напоминает гражданское сословие *раджанья, рассанья* Индии.

Ганна²⁹ значит собственно войско, дружина, рать; в религиозном смысле *дружина Сивы*. ганнеса³⁰ в отвлеченном значении *исток сил* – название Сивы; в простом значении – *военачальник*. И, следовательно, ганнеса, ганнас с изменением буквы «г» на «к» (как например в словах гунна – to advise, и кунна – to advise) – каннас – соответствует слову *князь*, по старинному писанию *кънязь, княже*.

Как слово *радж, рядче, родичь* вошло в общее употребление и переобразовалось в *гех, гис, гиче, гисе, гик, roi*, и *раджья – рессия, речь, рада, ряд*, в *ges, gise, giche, gike, rige, reich, räd, räda, (reger)*; так и слово *князь* вошло в употребление у готов: *cyng, cunig, cyning (g = ж), kong, kung, kuning, konung, conunc*. В женском *княгиня* – *cuningin, queen*.

Слово бгарань – *владелец, господин, защитник, оборона* (бгаранна или варанна – борона, аваранна – оборона) могло измениться в *боярин, барин* (баран – best, excellent).

Охранное сословие *раджанья*-рассанов в Индии было на содержании раджей, подобно дружинам великих и удельных князей Руси.

Так как вся земля принадлежала государству и состояла на дани возделывателей ее *вайсья* (жителей весей, селян – салинь, от сало – село), то существование войскового сословия обеспечивалось жалованьем; а местные правители (правека, по-чешски *правак*, по-сербск. *правац*, правець) содержались поместными доходами, получая определенную долю (далл), дани (дана).

Войско состояло из конницы и пехоты, составляя внутреннюю дружину и пограничные воеводства, войсковые станы. *Астроведа* (оружеведение) – *военная наука*, имела свои правила общих соображений войны, движения (стратегию), распределения и построения различных родов войск (тактику).

Воин никогда не должен был употреблять против неприятеля орудий бесчестных, ни стрел с зазубринами, ни стрел ядовитых, ни стрел горючих³¹.

Управление военного строя, поместий и *громад* (грамаджа – мир сельский) разделялось на *саны, чины* (санна или чанна) или степени стъапана³².

Дасака – *десяток, десятник*, управляющий десятью домами, десятью деревнями, приходами – грама.

Сата – *сотня*; сатика – *сотник*.

Дасасата – *десять сот, тысяча*.

Из числа чинов служебных при дворах: от двара – *двор, дверь, дварлка* – дворец, *малый двор*; дварика – *дворецкий, дворник*; даваринь – *дворянин, придворный*.

Рата – *рота* или обет раджан, в Индии совершался на оружии по следующему закону:

«Да клянется брахман истиной *слова* (честным словом)³³; кшатрия – конями, слонами или оружием; вайсья – стадами, хлебом и имуществом – богатством своим; судра – всеми гибелями».

Этот закон сохранился у русов до самого принятия христианства:

«И на утрие призва Игорь послы и прииде на холм, где стояше Перун, и покладоша оружия своя и щиты и золото (обручи, гривны – грайвань – ожерелья) и ходи Игорь *роте*».

«И на *роту* идут хранити истину... и не преступати ничто же... а некрещении полагают щиты своя и мечи своя наги, и *обручи* своя и *прочая оружья* и да клянутся о всех еже есть написана в харатьи сей».

«А елико их не крещено есть, да не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, да посечени будут мечи своими, и от стрел и от иного оружья своего, *да будут раби в сей век и в будущей*».

Это образец полной клятвы, в которой упомянуты и слова Ману (кн. VIII. § III): «Кто дает ложную клятву, тот погиб и в будущей и настоящей жизни».

В Индии всякий преступивший закон поступал в звание *судров (шудров)* – рабов.

Аммиан упоминает о клятве славян придунайских (которых римляне называли без разбора сарматами): «Когда Констанций победил их, они дали детей в залог и, *извлекая мечи* (которые они считают божественными (!), – прибавляет Аммиан), клялись, что будут верны».

Оружие

На санскр. *астра* значит вообще оружие; откуда астрагара – оружница (арсенал), астраджива – страж, сторожевой, остерегающий. Но коренное значение *астра* сближается с *остро, острый*, означая преимущественно оружие, стружие *острое*, и именно *стрелу, острогу*. *Агнастра* слово

в слово *огнестрел*, ибо самое слово *стрела* имеет корнем *астра* с откинутым а, как в слове *стража* вместо *остража*, остережение. От *стража* старинное слово *стружие*, изменившееся в *оружие*; отсюда из *стража* – слав. *straha* – образовалось *строй* и слова *страх*, *строгий*.

Астроведа – военная наука, слово в слово *стражеведение*, *строеведение*, *строевед*.

Варанна – изм. «в» на «б» – барана – *борона*, *боронение*; аваранна – *оборона*, *resistance*, **opposition**, **defence**, **protection**; варанна, бгаранна значит также: *a cuirasse or mail for the body*; следовательно, от *оборона*, *борона* – *броня*. В готских наречиях, как чуждое языку слово, объясняемое словом *halsberga* (в гальск. *haubert*) – *byrn*, *byrna*, *brinia*, *brunia*, *bringe*, *prune*, *brinne*.

Вайра – *бор*, *оборона*, *борьба*, сохранилось в наречиях; *wartas*, *варовицк* – страж, *варта* – стража; но изменилось в слово *война*³⁴, как в санскр. – *вайнанка*, а *war carriage* – *военная колесница*, слово в слово *войно иго*, ибо окончание *нка* происходит от *югл* – *уго*, *ярмо*, парная запряжка в военных колесницах с острым дышлом, пробивающим неприятельские ряды.

От вайра – *война*, *вайринь* – *воин*, сближ. с *варан*, *варьян*, *варенья*, *бгаранья* – *оборонитель*, защитник, и в этом значении *знаменитый* (т.е. знаменованный отличиями военного сословия) – *барин*, *боярын*.

Вагара – герой, ловец, храбрый и вместе с тем *волк* в значении *хищник*.

Варака – противник, *враг*, *ворог*; в противоположном значении оберегателю как слово *разбойник* в румынском языке; значит *воин*, *разбой* – *война*.

Слова *вайринь*, *вагара*, *варака* объясняют значение слова *варяг*, замененного впоследствии словом *solduer* (наемный) и употреблявшегося повсюду, где войсковые сословия нанимались на службу: *wāring*, **wargur** (**враг**, **волк**), *wargior*; *frangi* – *фрязи*, *βαάγγοι*, *φράγγοι*, *φάράγγοι*. По значению

первобытного слова *варяг*, означавшего *воин*, а у нанимавших *solduer*, *solidalus*, т.е. *обязанный условием, укрепленный*, становятся понятными слова Нестора, который говорит, что кроме варягов-русов были в его время варяги-свеи, варяги-урмяни (норманны, норичи (*погісія*) в Скандии); варяги-инглыане, варяги-готы.

Канчука – кольчужная броня, *кольчуга*, от каичи, или кача – какча, какчъя – *кольцо*, звено, пояс, орбита.

Кила – a lance, a pike – *копье*, собств. *кол*; килита – *колоть, колотый, проколотый*, суллас, сальяс, сальяка – a dart, a javelin, an arrow, a pike – т.е. *сулица*, метательное копье.

Трисула – *трезубец* Сивы, его обычное вооружение, собственно *скипетр* со значением тройственности.

Махаси – *меч*, собственно широкий, от маха – *большой, широкий*, и аси – *меч*.

Калахан – в зенд. «х» заменена на «z», «ч», калачан – влагалище всякого острого оружия – колчан.

Парсус – *бердыш*.

Пансула – броня Сивы, броня царская, *панцырь*.

Паранджа – меч, стрела Индры, громовая стрела, но слав. *риогунек* – *перуница* – *пернат*, отсюда параджая – *поражение*.

Палас – полоса меча; откуда *палаши*; палис – знач. *полоса поля, граница*.

Картарн – *косарь*; по польс. *kord*.

Ваха, по-зенд. *vanza*, – *воз*, колесница.

Боевые колесницы, называемыя *возы*, употреблялись в древности русью³⁵:

«Бе бо нельзя пройти реки за твердью (предмостное укрепление), Всеволод изрядив полк, пусти *возы* на ту сторону реки, иде же Глеб стояше; а Глеб наряди полк со Мстиславом Ростиславичем на *возы*. Князь же Всеволод посла сыновца своего Владимира с переяславцы и неколико дружины с ним, где *возы* стояху противу Мстиславу» (Нестор, под 1177 годом).

Сауньям – войско, *сонм*.

Рати – *рать*, ратование, бой, сражение.

Рата – совокупление, *рота*, договор, обет, *рота* (стар. выраж.).

Радхъ – *ряд*, порядок, строй.

Древние знамена русские *косынею* и с откосами напоминают знамена Индии, на которых изображался *Виджайя* – Вишну в свойстве победы, едущий на птице *Гаруда* с множеством голов и рук, вооруженных всеми родами оружия, знаменуя этим изображением войско.

В Ретре, городе прибалтийских русов, найдено было священное знамя с подобным изображением божества со множеством голов и вооруженных рук.

Постриги

Обряд пострига³⁶, как сказано в законах Ману, для всех *двиджей* (двурожденных, т.е. телесно и духовно) должен быть исполнен в первый или в третий год (по рождении), согласно уставу закона.

При этих постригах обрезавались волосы на голове и оставлялся на макушке Чутха – чуп, или кеса – коса.

В летописи Нестора упоминается о постриге княжеских детей, именно на третьем году.

«Того же лета 1191 быша постриги у Всеволода сыну его Георгию (родившемуся в 1189 г.) в граде Суздале; того же дни и на конь всадиша».

Описание великого князя Святослава Львом Дияконом дает понятие о постригах военного сословия, которое вообще брило бороду, оставляя усы, и обривало голову, оставляя на макушке кисть волос – чуп.

«Святослав был среднего роста, брови густые, голубые глаза, нос тупой, длинные усы. Голова у него была совершенно голая; но на одной стороне висел локон волос (чуп), означающий знатность рода: шея толстая, плеча широкие, стан стройный. В одном ухе висела у него *серь-*

га, украшенная двумя жемчужинами с рубином, посреди их вставленным».

Серьги

Нет сомнения, что в Индии мужские серьги также имели свое символическое значение, как *обручия*, признак *обречения* богу войны. Вишну изображался с серьгами в обоих ушах. Великие князья русские, как видно из описания Святослава, носили в одном. В духовной своей великий князь Иван Иванович завещает старшему сыну Димитрию в числе чина царского и оружия «*сергу золоту с жемчугом*»; сыну Ивану также «*сергу с жемчугом, что дал ми брат мой князь великий Семен*»³⁷.

Гривны и обручи

В Индии религиозные ожерелья назывались варна³⁸, и кроме того, ожерелье называлось граван, гравина.

В Древней Руси *гривна* была знаком почета:

«Угрин именем Георгий, его же любяше Борис, бе бо возложил на него *гривну велику злату*, в ней же предстояще ему».

«Михаля же бьуче, отторгоша на нем крест и *чепи и гривну златую*».

Обручи на руках и ногах в виде тройственной свитой змеи (сарпа)³⁹, как знака *обручения* и *обречения*, носились русами – гражданским войсковым сословием – до самого принятия христианской религии. О них упомянуто выше, при описании *роты*, или обета.

Тацит упоминает об обычае обречения на службу и о ношении *обручей* при описании Чехов (*catti, cassi*).

Податное сословие

Земля в Индии была собственностью царства. Населенцы земли, возделыватели ее, платили царскую подать определенной долей с количества производительности.

Дасья – податной, данник, подданный, от даса – дань, дись – часть, удел (*диджа*, десятина).

Население разделялось для ряда (радхъ) на храмовые приходы – грама⁴⁰, как южные славяне на соборы. Грама значит собственно *сборище*, грамата – соединение жителей нескольких деревень; грамаджа – поселяне, составляющие приход, по слав. – *громаду*, мир сельский, граминна – **a rustic, vulgar – селянин, сельский, грамыян – народный, сельский язык** – пракрита, в разных его местных наречиях. Граманин – значит *славный*, знаменитый, превосходный.

При каждой *грама* был храмовой жрец – грамаджака, совершающий требы и обряды, которыми и содержалось жрецеское сословие.

Начальник *грама* получал в поместное жалованье ежедневное содержание. Начальник десяти *грам*, грамадесаса, получал произведения, собираемые с одной *кулы*, или подать с колена (кула, кулан – *колено*)⁴¹. Начальник 20 *грам* собирал посев с пяти *кул*.

Управляющий ста *грамами* – грамасатеса, получал доход с одной *грамы*.

Тысяцкий доход с пура⁴² или торгового места.

Подать собиралась на следующих условиях:

«Со скота и денежных приобретений – золота и серебра – пятидесятая часть. С хлебных зерен – осьмая, шестая или двенадцатая, смотря по достоинству земли».

«Шестая часть со сбора плодов, с живности, меду, масла, душистых и лечебных трав, растительных соков, цветов, корней, овощей, листьев; с изделий из дерева, из кожи, из глины и различных камней».

Художники и ремесленники обязывались вместо подати работать один день в месяц на Раджу.

Судебное производство

Правители или правцы округов по части судной (судха, содхлна – суд, суждение, управа) назывались – гопана (su-

perintendent of a district, охранитель, оберегатель, пастырь⁴³ царского стада), произносящееся в слав. *Жупан*, жупания.

Гуна значит заключение, присуждение или осуждение; гуптн – яма, погреб, тюрьма и также *губ*, *губление*, погибель.

Отсюда понятно единство значения южного слова *жуна* и северного *губа* – судебный округ, *губной* (уголов. дел) староста.

Кундала – оковы, цепи – *кандалы*.

При клятвах судебных испытанием правоты служили в Индии огонь и вода и клятва женой и детьми. «Или да предложит судья в испытание: взять рукою огонь или опустить руку в воду; или возложить ее на главы жены и каждого из детей».

«Кого огонь не пожжет, вода не топит, должен считаться правым. (Зак. Ману).

Та же клятва женой и детьми и те же испытания были и у славян.

По древнему стихотворению «Суд Любуши» эти испытания назывались: *пламень правдозвестен, сватосудна вода*.

В законе и уставе сербского царя Стефана:

«И ако кто поише судом *татъ* или *гусара*⁴⁴, а не будет обличения, да им бывает *оправдание железо*, што е положил светлый царь, да га узимут от врата церковны от огня, и да поставит на святую трапезу», т.е. раскаленное железо должно было перенести от церковных врат до престола.

В «Русской правде»:

«Тако же и во всех тяжах и тадбе и в поклепе, иже не будет истца, тогда дати ему *железо*; из неволи до полугривны золота; ожели мене, то *на воду*, или на двою гривну; аще ли мене, то ити ему на свой *куны*», т.е. если обвинение не менее полугривны золота, то испытание железом; а если менее, то водою; **менее же двух гривен серебра** откупаться *суммой* денег⁴⁵.

В Индии поклеп или ложное свидетельство также наказывалось взысканием денежным, по расчету на медную монету, называемую *панас*, в которой легко узнать русские *пенязи* и слово *пеня* – денежное взыскание.

Монета

Кроме упомянутой монеты *панас*, сходственной с *пенязь*, индийския пала напоминает русские *пулы*, а *рупья* – рубли. Рупья значит собственно серебро и преимущественно *издельное серебро*: т.е. ценность количеством веса, по которому определялась и ценность золота.

Перстни-печати

В Индии употреблялись перстни-печати мудра, на которых вырезывалось имя. Печатью передавалась доверенность, как видно из драмы «Мудра ракшаса», которой содержание на этом и основано. Слово *мудра* значит собственно *мета*, *знак*, и также, во время обрядов мольбы, *сложение пяти пальцев* (в знак обета), что и называется панчататва, панчатва, или панчата (т.е. по Вильсону: **a mystic gesticulation**, собственно *пяток*). В обете приложение пяти пальцев соответственно древнему русскому обычаю *прикладывать руку* и однозначно со словом *печать*. Взамен подписи в старину обмакивали руку в чернила и отпечатывали пять пальцев.

Наречение собственных имен

Собственные имена древних славян, существующие и поныне, происходят от *наречий*, означающих свойства и качества: *Дóбро*, *Добро́й*; *Славо*, *Славой* (славий, славный, славление, воспевание); *Миро*, *Миро́й*; *Мíло*, *Мило́й*; *Любо*, *Любой*; *Свето*, *Светой*, *Цветой*; *Яро*, *Ярой*; *Злато*, *Златой*; *Яно*, *Иано* (от санскр. *яни* – юный и пр.) Из этих имен образуются *двойственные* имена благородных сословий: *Доброслав* (по серб. *Добросав*), *Яромир*; *Радослав*, *Радомир*,

Радивой, Радовит, Радобуд, Будимир, Миробуд, Владимир, сост. из Владо и Миро, Светослав и пр.

Женские имена образуются на том же основании, соответственно женским свойствам и качествам: Мила, Мильяна, Мильяна; Зора (Заря) Зорána, Зорица, Зорка; Дано, женск. Дана. Даница (Денница, Злата, Златана, Златка; Райо, женск. Райя, Райна, Райка; от Яро – Яра, Ярида, Ярица; Јéла, Јелица, Јелена, Јелика, Јелка (Ольга).

Все эти исконные имена или наречения были в Руси и сохраняются по сие время у южных славян. В Италии и, по влиянию латинского языка, в Галлии те же имена переобразовались, по латинской форме и по применению смысла: например Slavus – изменилось в смысле *русый* – Flavius; в смысле *rusticus* – *земледельческий, лесной* – Silvius; Рашо, Расо, по форме rus – guris – Ruricus. Яровид (Харовит), Яробуд – Харобуд, в Herboud, потом в Heremundus (Яромир), Heremond, Armand, Arminius, Herman и пр.

По влиянию готскому те же изменения и переводы: Годомир изменился в Godofried; Владимир в Waldemar и пр.

Условия наречений или имен славянских не могли быть случайны; но, без сомнения, истекали из какого-нибудь обряда наречения.

Этот обряд в законе Ману:

«Отец да исполнит обряд наречения (новорожденного) именем в 10-й или 12-й благополучный день и час месяца *под влиянием счастливой звезды*».

«Первая часть двойственного имени брахмана да означает *благодать*, кшатрия – *силу, могущество*; Вайсья – *богатство*; Судра – *уничтожение*».

«Вторая часть имени брахмана должна означать *счастье, благополучие* воина – *покровительство*; промышленяющего – *щедрость*, благодеяние; судра – *покорность*».

«Имя женщины должно быть приятно для произношения, нежно, мило, должно в окончании иметь слог долгий и походить на звуки благословения».

Из этого правила наречения видно, что первая часть имен должна была составлять *качество*, а вторая – *свойство этого качества*.

Родство

Все родственные названия, почти без исключения, сохранили в славянском языке и наречиях его всю чистоту своего происхождения.

Брам (пранна) в символе *существо* – О (*он* – Оум (?)): в писании – 0. В свойстве *родителя* существ оджа (о и – джа – произрождение) – *отче*. В значении *питателя* – *питра* или *пати*, *патис* – *батя*, *батюшко*.

Тата – *тятя*; значит также *отец*, но более в общем значении у старшинства. Этим словом каждый младший называет в знак почтения (*пуджана*) старейшего; собственно в слав. *дед*, *дядя*, *татагус*, что значит также *дедушка*.

Руддъ – *род*, *порода*.

Кулан – *колени*, *family*, *гасе*.

Матри, *матир* – *матерь*.

Братри, *братар* – *брат*, *братр* (чешск.)

Свасри – *сестра*.

Джани, *зенд. запа* – *жена*.

Свасура – *свекор*.

Свасрус – *свекровь*.

Духитръ, по *зенд. дузазар* – *дочь*, *дщерь*.

Снуша – *сноха*.

Ятри – *ятровь*.

Свакья – *своjak*.

Зьялика – *золовка*.

Деври, *девлра* – *деверь*.

Мануджа, *мануша* – *муж*, *менж*.

Суна – *сын*.

Сута – *сын*, в слав. *зять*.

В языке вед вместо *сын* употребляется *путра*, которое можно передать слав. *porod* (porod) – порождение, порода, плод, *partus*, *puer*, *παῖς* по лакедем. нар. *πωῖρ*.

Джата – рожденный, *дитя*, откуда и *чадо*, по зенд. произ. *data* – *дзято* – дитя.

Параджада – прадед, прародитель, праотец.

Чувствования

Любга – *любовь*.

Любьян – *любимый*, желаемый.

Валлабган – *влюбленный*.

Прияс – *приятель*.

Праятан – *приятель*, приятный.

Прията, приятва – *приятство*.

Пратьявайя – *противный*.

Бгаяс – *боязнь*.

Лилая – *лелеяние*.

Лилаята – *лелеять*.

Ауджана – *почтение*, worship.

Возрасты

Яни, Янис – *юность*.

Юкань – *юный*.

Стъавира – *старый*.

Манлва – *мальчик*, по-сербски *маньо*, *маньяк*.

Манака – *маленький*, маненький.

Части тела

Лока – *лицо* (вид, *мир*, – человек, человечество, – в знач. образ, лик, вид).

Стан – *стан*, грудь.

Хардья – зенд. *зардья* – сердце.

Кравья – *кровь*, мясо; но собств. мясо – манса.

Крота – *грудь*.

Чучи – *цыца*, сися.

Наса – *нос*, насика – *носик*.

Пата, пада – *пята*.

Накга, накгас – *ноготь*.

Брува – *бровь*.

Акуи – *очи*.

Кулан – знач. *колени рода*, поколение; кулакка – *колени*, такт в музыке. Вообще куан значит отдел в целом; у нас: связи, возвышения в коленцах называются *кулаками*.

кульян – значит также возвышение, *нарост*.

Снаса – а *tendon*, а *muscle* – *нерв*, слово в слово *снасть*, *снасти тела*.

Снаеса – *снование*, основа.

Джаля – по значению *ток*, *вода*, *жила*; джала также значит острее, *жало*.

Кара – *рука*, от слова кар – *делать*; но ремесленное дело наз. рача. Собственно же *рука* на санскр. – хаста, соответственно *кисть* (руки). В астрономии *пятизвездное* созвездие в виде *кисти* с пятью пальцами называется также хаста; а также густой хохол на голове (вроде кисти).

Дакша, дакшпна – *десная рука*.

Лаисас – *левша*, левая.

Название *головы* могло произойти от капала, означ. собственно купу, купель, чашу, череп; но ближе от *гíла* – шар, сфера, круг *кóло*: откуда галу – *глав*, название месяца.

Каласа – шар на вершине храма, *глава*.

Чула – *чело*, верх, вершина.

Лніте – *уста*.

Дом и хозяйственные принадлежности

Дамъ – *дом*.

Кутън, кутха – *дом*, *хата*, *кут* (угол), закута.

Кутару – *шалаш*, *хутор*.

Вутира – *хутор*.

Гриха, гарха – зенд. произн. гридза – в Ведах знач. *аила* – *грид*, *гридница*.

Двара – *двор*.

Пача – *печь*, *печка*, и глагол *печь*.

Пачана – *печенье*.

Ахума – *дым*.

Чулли – *чело* (печки).

Чула – *чело*, *вершина*.

Дона, донана – *топь*, *топление*.

Донака – *топка*, *возжжение*.

Танътди – *теплота*.

Коша – *сокровище*, *казна*, *коша*.

Кошан – *сосуд для питья*, *кови*, *кувшин*.

Купа – *купа*, *сосуд*, *чаша*.

Капала – *купель*.

Клисан – *стакан*, *кансь* – *чаша*.

Кила, кола – *кол*.

Дара – *дыра*.

Гати – *гать*, *битый путь*, *ход*.

Дурага – *совершение пути*, *дорога*, *дорожный*.

Юджа, юка илиюга – *уго*, *ярмо*, *пара* (напр. пара волов, *запряжка*).

Кача – *верьва*, на которой что-нибудь висит – *качание*, *качель*.

Палис – *огород*, *граница*, *полоса*, *поле*.

Варха – *верх*.

Нича – *ниче*, *низ*.

Свачжь – *светлый*, *блестящий* – *свеча*.

Гоша (оть гач –стадо) – *коша*, *кошара* – *стадница*, место, где ночует стадо.

Дохама – *двойник*.

Геха по-зенд. *геза* – *дом*, *хата*, *каса*.

Гехинъ, по-зенд. произ. *гезин* – *хозяйин*.

Сваралика – *свирель*, *свирелка*.

Ада – яда, яства.

Питие – *питье*.

Муша – *мышь*; отсюда мушати – красть, воровать; и мушака – вор, *мошениик*.

Цвет: чару, чарв, чарви – *червонный, прекрасный*, и вообще: краса, красота.

Природа

Пракрити – *мать природа*.

Садхана – *создание*.

Сведа – *свет*.

Сведана – *светание*.

Набха – *небо*.

Набхаса – *небеса*.

Мара – *море*.

Лочь – *лучь*.

Парасвас – *просвет*.

Раса – *роса*.

Гири, гайра – *гора*.

Суну, сунус – *солнце*.

Масас – *месяц*.

Тама – *тьма*.

Прапатас – *пропасть*; из пра *про* – пата – *падь*, падение.

Кидхра – *ведро*, ясно.

Четыре времени года

Авирама – *время* (определенное).

Васанта – *весна*, время водворения (васана) Вишну.

Ргыту («р» здесь горловая буква, переходящая в произношении в «г» и «л») – *лето* как собственно время года, а season – как у нас слово *лето*, заменяющее *год*. То и другое слово могло образоваться из ргыту, или ргыта (жаркий, пламенный): *лита* – лето, *гита* – год.

Асанна – *осень*; собств. склонение солнца.

Хима, по-зенд. Жима – *зима*.

Четыре времени дня

Свас или сведа – свет; сведана – светанье; парасвас – просвет, предсвет. индра – стихийное божество, источник света, утро.

Дина – день.

Васура – вечер, темнядь.

Ниса – ночь.

Четыре стихии

Уда – вода; или апа – по-молд. апа – вода.

Агни – огонь.

Сама, сома то же, что Сива в свойстве земной стихии, недр мира; по-бенг. произн. зама, земе – земля.

Дью – эфир, дух, воздух.

Вийят – атмосфера, воздух, веяние.

Звуки

Звана – звон.

Званати или званита – звонить.

Стакъ – стук.

Кала – звук (счет: коль, колико).

Кала – счет времени (по звуку), время определенное.

Калакала – или калакила – тревожный звук, набат – след. колокол.

Каллас – звук: глас, голос, клич.

Гатъя – гуд, гудение.

Гатака – гудок, гудец.

Рукъ – рев.

Пардъ, пардате, пардана.

Рудъ – рыд, рыдание.

Станана – стонание, стана – стон.

Станаяти – стонати.

Паранджа и параджа – меч Индры, громовая стрела, перунск. Производят от нара и джи – победа; но кажется правильнее производить от предлога – па – по, и ранджа –

ражение и *ряжение* – в значении по-ражать: соответственно слову *выражать*, *выряжать*: вираджат, происходящему от предлога ви – вы и раджа – ряд, *ряжение* и *ражение*.

Сравнение некоторых местоимений

Тат – *тот*; этат – *этот*; анья – *иной*; сваям – *сам*; эка-тара – *некоторый*, виска – *всякий*.

Местоимение – aza(м) по-зенд. aza(м), откидывая придаточное окончание м – aza – *аз*; род. пад. мама (м = н) или ма – *ми*; вин.: маа – *мя*; вайя – *вы*; тва(м) – *ты*; вас – *вас* – и т.д.

Частицы и предисловия

Ну – част. вопрошения: *ну*; на – част. даяния: *на*; наа – част. отрицания: *ни, не, нет*.

Ава – *в, вы, об.* напр. сканд – *скакать*, авасканд – *обскакать, выскакать*; крайт – *кроить, резать*, авакрайт – *обкроит, выкроить*; вадъ – *вод, водить* – авадхи – *обвод, обод*; и также *обет, обещание*.

Ви – част. собств. *вы*, означ. исключение, исход. напр. раджас – *ряд, ряжение*, – вираджас – *выражать, выряжать*.

Каза – *каз, казание* – виказа – *выказ, виказат – выказать, виказан – выказань*; виказана – *выказанье*.

Кааза – *кажу (говорю), казать (говорить), сказать сказание, виказа – высказание*.

Дала – *доля, видала – выдел*.

Гата – *ход, вигата – выход*.

Джнана, зенд. знана – *знание, визнана – вызнание, узнание*.

* * *

Изложив только явно сходное, мы должны напомнить, что сравниваем язык древнеписьменный с живым

языком, который некогда, еще до проявления в Индии буддизма, был одним из наречий общего народного *сайванского* языка.

Санскритский язык, во всяком случае, есть язык, устроенный уже наукою, преобразованный; в нем коренные названия предметов метаморфозированы в свойства их, в качества и отвлеченные понятия. Так, вместо суна – сын, употребляется путра – пород, порождение, или сута (в слав. приняло значение *зять*); вместо масас – месяц – чандра, по его планетному названию.

В веровании сайван европейской отрасли существовала *аватара* Кришну, не нарушенная до самого христианства ни одной из различных сект *буддха*; следовательно, прозелиты отрицательного верования и нарушения всех условий *тримуртизма*, как в религии, так и в гражданстве, покрыли собою все пространство между Индом и чертой древней восточной границы Европы, и таким образом отрезали сайван европейских от сайван Индии.

Кому же следует преимущественно изучать свое родное и коренное и кто может лучше понимать его кроме славян, или русов? Смешанные языки готского происхождения не могут передавать существенного значения слов санскритских; например, кто поймет смысл слова лилаа⁴⁶ – *люлить*, лиланта – *лелеять*, из толкования: «a branch of feminine action, proceeding from love» т.е. «некоторый род женского движения, происходящего от любви»?⁴⁷

Таким образом, иностранные словари и руководства, составляя средства к изучению санскритского языка, вместе с тем вдаются в сложность толкования, нарушающую часто смысл. О мифологии Индии, переданной западными учеными, и говорить нечего: это мутная смесь сайванизма с разными толками буддизма, положительного с отрицательным, божеств с их свойствами и символами.

III. Корнелий Тацит о германах

I. «Пределы Германии со стороны Галлии, Рэции и Паннонии составляют Рейн и Дунай. Со стороны дациан и сармат – подвижные границы и горы. Остальное пространство опоясывает океан, образующий длинный залив и обширные острова, в недавнем времени открытые с некоторыми из народов и царей, проявивших себя во время войны.

Рейн, низвергающийся с неприступных вершин Альпов Рэции, склоняясь к западу, впадает в Северный океан. Дунай же, спокойно изливаясь с отлогого ската горы *Arbone (Arvone)*, протекает мимо многих народов и наконец впадает в Понтийское море (Черное) шестью устьями: седьмое же исчезает в болотах».

Хребет *Arvuna*, покрытый Чернолесьем, – *Sylva nigra*, в рукописях Тацита пишется различно: *Arbone, Arnobae, Arnibe*; в Птоломее – *Ἀρβοβαία* и *Αρνοβαία ὄρη*. Мы предпочитаем чтение *Arbone*, или *Arvone*, по следующему соображению. Протяжение этих гор между Рейном и вершинами Дуная населяли *сайваны (Svevi, Suigones, Σουηβών) марсы*⁴⁸, вытесненные сперва за границы римские по Майну, а потом перешедшие с *Миробудом (Magoboud)* в нынешнюю Моравию и Словению.

Отрасль Карпатов, разграничивающая моравов от словаков (*slovaci*), называется *Бела гора (Albus mons)*, или *Welka Gavorna*, т.е. *Великая (Белая) Яворна*. Название *Яворна* (по яворовому или габровому лесу *Gabrowy hay*) могло быть и названием области, подобно *Буковине (Buchovia sive Fagopia)* к северу от Майны, и другой *Букавине* между Днестром и Прутом. *Cabrela silva (Gabrowy hay, Gabrica)*, известный и Страбону, составляет продолжение *Arbona mons sive Marciana Sylva*; и потому название *Arvona* могло образоваться из *Яворна*. Самая высокая гора этого хребта, над Фрейбургом

(Devona), называлась *Peleus mons*, ныне *Belcke* (welka), *Belhon*, *Balon*, *Hohen Blauen* (Белая).

В дополнение, древний город марсов, *Девин* (*Devona*), на Рейне под горами *Arbona*, переименованный в *Freyburg*, как место поклонения *Деван* (*Моржан*), повторяется под тем же названием *Девин*, *Девейград*, *Девичь град*, *Девино* – на Эльбе, на р. Тейе; в Моравии и у подножия *Яворны*, на Дунае (см. карту). Таким образом, все данные в пользу названия *Arcona*, т.е. *Gaworna* или *Bela hora*.

II. *«Самих германов я считаю коренными уроженцами земли, нисколько не смешанными с иными народами, пришлыми и иноземными; ибо в древности народы, искавшие новых поселений, приходили не сухим путем, а морем; и сверх того, беспредельный и грозный океан редко посещался караблями нашей страны. И кто бы, предвидя опасности ужасного и неизвестного моря, оставя Азию, Африку или Италию, пожелал Германии, где природа дика, небо сурово, обиталища и виды печальной наружности, кроме уроженца этой земли?»*

*В древних своих песнях, которые составляют у них единственные предания, заменяющие летописи, прославляют они землеродного бога Вишну (*Viskonen*, *Tristonem*, *Tirstonem*, *Tuistonem*, *Vistonem*, *Histonem*, *Tuisconem*) и сына его Ману (*Мано*, *Мапиит*), как родоначальников и законодателей».*

В рукописи Понтана и других текст следующий: «*Celibrant carminibus antiquis, quod unum apud illos memoriae et annulium genus “ε” (т.е. est). Это est* заменено в некоторых списках посредством *sit*, а в других совершенно откинута; буква же «*t*» присоединена к следующему за ним названию бога *Vistonem*, или, правильнее, *Visconem*, как в некоторых списках и назван землеродный бог. От присоединения «*t*» и произошли *Tristonem*, *Tuisconem* и проч. Профессор же

Машман предлагает, напротив, что глагол *est* произошел в некоторых списках, где пишется *Visconem* от отделившейся буквы «*t*» от названия *Tuisconem*, которая и принята за *est*. Но так как Тацит все свои предложения заключает непременно глаголом, например: «*honoratissimum assensus genus est armis laudare*», то, основываясь на этом, мы читаем: «*Celebrant carminibus antiquis, quod unum apud illos memoriae et annalium genus est Visconem deum terra editum et filium Manuum originem gentis conditorisque*».

Мы уже сказали в предисловии, что название Нумы, законодателя сайван италийских, должно быть собственно Ману, как общее название законодателей. Его 12 таблиц составляли и первоначальное законодательство Рима; отсюда и слова *numen*, *potos* означают собственно закон, веление богов. Изменение *Manu* в *Numa* есть точно такое же, как слав. *мяно* (имя) – в *помен*.

Обращаясь к истоку древнего верования сайван, Ману есть «*the legislator and saint, the son of Brama, or a personification of Brama himself, the creator of the world, and progenitor of mankind*» (Dict. Sansc. Н. Н. Wilson), т.е. «Ману есть законодатель и священное лицо, сын Браммы, или олицетворение самого Браммы, творца мира и прародителя людей»⁴⁹. Но существенное олицетворение Браммы законодателя есть Вишну, и он считается родоначальником гражданского и войскового сословия – *раджанья*. Тацит же преимущественно описывает обычаи и нравы пограничных сайванских областей, или воеводств.

Понимая тримуртический сиваизм, или *сайванство*, должно понять также и то, что все эпитеты божества относятся ко всей тройственности его. Пранна, праннава, есть название отвлеченного божества или, как выражается Вильсон, «*the mystical name of the Deity*». Вишну⁵⁰ есть воплощенный закон, и потому к нему относится охранение всего; между тем как *Сива* есть представитель поклонения и всякого обряда, относящегося к верованию. Вишну есть

прабгу – прабог, предбытный, *always, eternal*; он есть гонас, в лике *Кришныв* – гопала, гопати (пастырь: собственно от гаус – крава, земля, стадо, и пати – отец, батя; след. гауспати – господь); васудева, васула (откуда *βασιλεύς*); *Балин* или *Балас* – *велий, болиий*, название соответственное *Велес* и *Belenus*.

Русы, гражданство славянское, при обетах произносили: «Да имеем клятву от бога (*вышнего*) и в него же веруем, в Перуна (карающего, громоносца)⁵¹ и в Волоса скотья бога (гауспати)».

«Ману приписывают трех сыновей, от коих происходят: живущие близ океана ingevones; средние hermiones (hermetones, hermitones, herminones, hermonues), прочие iscevones (istaevones, isrenones. instaenones).

Значение этих трех родоначалий должно искать также при истоке. Народ Индии подразделялся на сословия браминов (духовных и ученых), которые суть *бгаранья* – благо-рожденные – *ingenui* и происходили от Брамь; на *кшатриев* или *раджанья* – *nobiles*, составлявших войсковое, охранительное сословие, происходившее от *Вишну*, в лике предводителя сил, или хари, хариния, харить в значении ярый (зеленый), светлый, *светоконный, световодный, белоко-нный* – *свһтакаджь* и на *вайсья, весь*, от *васа* – *весь, вежа, обитель*. Собственно же народа, *populus*, в общем значении всех сословий и в отдельном значении низшего земледельческого класса, – вещественно родоначальник был *Сива*, к коему относились, как уже мы сказали, и обряды; а равно и общее прозвание по поклонению – *сайвани*.

Первое сословие, как руководство духа народного, составляло, так сказать, сердцевину его разветвления. Второе сословие образовало *раджию* (область, государство) под единодержавием избранного наследственного рода, делясь на уделы областей родовых или племенных и воеводства

пограничные, в укрепленных местах. Третье сословие, собственно *народ, племена*, ваиса⁵², составляло земледельческий, *податной* класс – васань.

Германы, или сайваны, как мы увидим ниже, также составляли из себя *русь, воеводства, земщину* по границам, и *вендов*, т.е. податной, земледельческий народ.

Значение трех сословий сайван могло быть понято и Тацитом за три родоначала. *Бгаранья*, бояры, *bojarones – ingenui*; горичские воеводства, по родоначалию от Харовита (измен. в галльском произношении в Herebud, Heremund) – *hermiones*; а название вендских племен, по употреблявшемуся названию сарматских народов *Istrici, Istriones*, могло измениться в *Isrenones, Iscevenes, Istaevones*.

Могут сказать, что в отношении существования *inguevenes, hermiones* и *istaevones* Тациту может служить подтверждением Плиний; но Плиний, натуралист, современник и знакомец Тацита, подразделяет Германию не на три, не на четыре, а на пять родов, между которыми и упоминаемые Тацитом. В Плинии должно предполагать вставку позднейших времен с подобными же современными толкователю пояснениями, как, например, в издании 1615 года, *par Antoine du Pinet*.

«Некоторые, однако же, пользуясь безответностью древности, увеличивают число потомков (упомянутого божества), по которым прозываются: марсы (marsos, mansos, marsossi), gambrivios, (gambrios, gabrinios, gambriuos, ganbriuios, gambriuios, gambrunos; по Страбону γαμβριωνοι – габриуни); suevos; wandilios (vaindalos, vandili, vindili), и утверждают, что это суть вернейшие и древнейшие названия».

Оставляя отвлеченные названия, Тацит обращается к собственным, известным ему подразделениям германов, которые сами собою объясняются ниже.

Повторим, что историк Тацит, современный натуралисту Плинию и имевший сношения с его племянником и воспитанником Плинием младшим, не мог разниться с ним в исторических сведениях о Германии, а тем более не знать тех подразделений племен, которые приписывают Плинию, исправив, объяснив и дополнив его рукопись.

Предлагаем мнимое Плиниевое подразделение Германии на пять родов:

1. *Vindili*, к которым относятся *burgundiones*, *varini*, *carini*, *gutlones*.

2. *Jngaevenes*, к которым относятся *cimbri*, *teutoni*, *cauchorum gentes* (кимвры, тевтоны, племена кавхов).

3. *Istaevenes* – живущие близ Рейна, к которым относятся *Cimbri* (по другим – *Cimbri mediterannei*).

4. *Hermione* – к которым принадлежат *suevi*, *hermunduri*, *chati*, *cherusci*.

5. *Peucini*, *bastarnae* – граничащие с дацианами.

Не ясны ли это позднейшие толкования, по соображению с искаженными уже в Таците названиями *ingaevenes*, *hermiones* и *istaevenes* и с иными пополнениями?

Во-первых, *burgundiones* неизвестны не только исправленному Тациту, но даже пересочиненному Птоломею, в котором имеются, однако же, на Висле, в Сарматии, *phrugundiones* в соседстве с *burgiones*. *Burgundios* известны Аммиану, но это бургунды Галлии, жившие на том же месте, где и впоследствии была Бургундия, и должно принять к сведению, по упоминанию Аммиана, что бургунды была военная пограничная колонизация римлян, (*temporibus priscis subolem se esse Romanam Burgundi sciunt*), которую они употребляли против Германов⁵³. О *burgundiones* упоминает и Иорнанд, но так же, как о соседях свевов прирейнских.

Несмотря на Плиниевое разделение германов на роды, *cimbri* попали и в *ingaevenes*, и в *istaevenes*. В отношении этих кимвров должно заметить, что Тацит в исчислении че-

тырех пород пишет *ganibrios*, а в описании нравов – *simbri*; следовательно, и в этом должна быть описка.

Греческое *γαμβροι* должно читать *габри*, а *κιμβροι* – *кибри* (греч. «к» употребляется и вместо «с»=«ц»). Латинское *simbri* есть греч. *κιμβροι*, но с оставлением буквы «м» и обычной заменой буквы «β» посредством «b»; следовательно, латинское *simbri* должно читать *цибри*, а по галльскому произношению – *сибри*.

Gambrios должно читать *cambrios*, по-галльскому произношению – *sambrios*; по ним названа и река *Sambra*; откинув оставшуюся от греческого произношения букву «м», – остается настоящее название *Sabra*.

Упоминаемые в Плинии *teutoni* также неизвестны не только Страбону и Тациту; но даже Аммиану и Иорнанду. Эти *teutoni* поставлены толкователем Плиния рядом с *simbri*, потому что, неизвестно после которого исправителя кодексов, вошло в обычай вместо *simbri et tungi* (которых разбил Марий) писать *simbri et teutoni*, в уверенности, что это вполне однозначно. Это замещение начинается кажется с изданий и переводов Птолемея: его *τίγγροι* (те же *tungri* Тацита, впоследствии *turingi*) в переводах латинских заменены посредством *tenceri* (что уже близко к *teuceri*). В Таците вместо *tungri* (II глава § XXXII) являются *teneteri*; а в Птолемея на том же самом месте уже *suevi teutoni* – латинский способ писания *teutschen, teuten* (т.е. *dauciones*) в средние времена.

«В заключение, название Германии есть новейшее и недавно присвоенное; ибо первые, перешедшие чрез Рейн и изгнавшие галлов, называвшиеся теперь тунграми (турингами), тогда были прозваны германами. Таким образом, прозвание одного племени, а не целого народа, постепенно взяло верх, так что все сперва прозвались германами по победе, внушившей страх, потом и сами себя стали называть приобретенным именем».

Страбон (Lib. 7. § 2) очень просто и основательно объясняет название германов, данное римлянами сайванским племенам.

«За Рейном, с восточной его стороны, против кельтов (галлов) живут *германы*, мало отличающиеся от кельтского племени: они только дичее, выше ростом и белокурее; все прочее: наружность, нравы, образ жизни совершенно сходны с нашим описанием кельтов. И мне кажется, что римляне по справедливости дали им это прозвание в значении сродства с галатами (галлами), ибо по-римски *γερμανοι* значит *однородные* (*γυνήστοι*)⁵⁴.

Значение слова *germanus* от *germen*, *герме*, *род*, *племя*, – *родственный*, *племенной*, упоминание об этом Страбона и самые слова Тацита, что германами были прозваны первоначально тунгры, союзники кимвров, довольно кажется поясняют, что *germani* – не собственное название какого-нибудь племени, но латинское прозвище, заменявшее общее название племен сайванских, неизвестное еще Риму; следовательно, нет необходимости объяснять слово *Germania* от *wehr-mann* или *ger-mann*, т.е. *guerre-mann* – *муж войны*; ибо после подобного объяснения и готтентотов можно производить от *godathiod*.

II. «В их сказаниях они припоминают и Геркулеса, и собираясь в битву, воспевают его, как родоначальника героев».

В воинственных песнях – *witezna risen* – витязная, победная песнь, – инды восхваляли дева Харэ, т.е. бога Вишну, в свойстве победы. Он есть тысячерукий Арджуна (Арьяна, Арей, Яро). Он в лике есть; и на виджа#с – *витязь*, победа, победный бог, светаваджни – *световодный белоконный*, в котором нетрудно узнать и *Арея* скифов, и *Световида* славян.

«У них также есть некоторого рода вирши, возглашением коих, называемым *baritum*, они возбуждают дух, и по этому возгласу предугадывают успех боя».

У славян в обычае было петь перед битвой *витязные*, или победные, песни. Например, в песне перед битвой Забоя и Славоя с Людеком (Людовиком), которая относится ко времени короля Людовика, воевавшего в 865 году против сербов (живших на реке Сале), далмат (по р. Эгеру) и чехов, – Забой после поклонения богам взял звучное *варито* и воспел песнь горя о нашествии чуждых, возбуждая к восстанию против врагов:

Ступил Забой в глубину дола,
Взял *варито* звучное;
«Мужи братских сердец
И искренних зраков!
Вам пою из глубины дола песнь,
От сердца моего, еще глубже
Погруженного в горе!»
– Ой ты Забой, ты поешь сердце к сердцу
Песнь среди горя! Яко Любор
К слову и пенью бывало склонял
Вышеград и все области,
Так и ты меня и всю братью.
Певца доброго милуют боги,
Пой! тебе от них дано
В сердце, против врагов.

Возглас *сайван*, названный римлянами *baritum*, *barritum* (в некоторых списках изменено в *barditum* и *bardicum*), у Аммиана *barritum*, без сомнения есть возглас (*hurtowañi ura!*, произошедший от инд. *харэ*, возгласа имени божества победы. Римляне также переняли этот *voce Martia, quam*

gentilitate adpellant *barritum*. Аммиан упоминает, что во время войны во Фракии (377 года), около Марциано – поля, когда римляне перед сражением возгласили это *barritum*, варвары в ответ грянули хором *славу великим* и отшедшим *богатырям* своим: «Barbari vero majorum laudes clamoribus stridebant inconditis: interque varios sermonis dissoni strepitus leviora proelia tentabantur»⁵⁵.

Обычай воспевания *славы* упоминается в «Слове о полку Игореве»: «Страны ради, град и весели, *певшие песнь старым князем*, а потом молодым». Пети *славу* Игорю Святославичу, *бую туру*⁵⁶ Всеволоду, Владимиру Игоревичу: здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганые полкы!» И вообще *думы* русов, *витязные песни* южных славян и так называемые *вириши* дают довольно полное понятие об обычных *славословиях* сайванских племен.

«Ибо от силы возгласа зависит их одушевление или робость: они видят в нем не столько созвучие голосов, сколько созвучие мужества. Они стараются производить резкие звуки и порывистый гам, подставляя ко рту свои щиты, чтоб отраженный голос раздавался сильнее и громче».

Эти слова Тацита могут относиться только к обычному русскому хоровому распеву.

«Некоторые утверждают, что и Улисс, во время своих долгих и сказочных скитаний занесенный в сей океан, приплыл к берегам Германии, и будто Ascibargus (astiburgium, assiburgium), находящийся ныне на берегах Рейна, построен им и прозван... (в некоторых списках следует пробел, пополненный греческими буквами различно: Ασπιβυργιον, Ασπιβυργιον и пр.), что там в древности найден был жертвенник, посвященный Улиссе (Ulyssi, Vlixii и пр.) и отцу его Лаэрту, и что на границах Германии и Рэции существуют

еще памятники и могильные камни с греческими надписями. Не утверждаю и не опровергаю этих рассказов, предоставляя каждому верить им или не верить».

Благоприятные или неблагоприятные ветры могли занести Улисса к устьям Роны, но не Рейна. На Роне, близ коей обитали *osci*, мог быть *аскипургион*.

Osci, *ολσοι*, *volsci*, *volsi*, *volusci* суть различные произношения названия *волси*, живших в Италии, потом в галльской римской провинции и наконец близ устьей Рейна; с переселением их мог быть перенесен на Рейн и *asciburgium*, а вместе с тем название *vlosi* могло породить басню об Улиссе – *Vlyssi*.

IV. «Я подтверждаю мнение, что германские племена не заражены смешением ни с каким посторонним народом; это порода чистая, ненарушенная и только сама себе подобная. Наружность их, несмотря на бесчисленность, одинакова: глаза голубые, взор суровый, волосы русые, огромный стан. Могучие в порыве, они нетерпеливы в трудах и предприятиях; менее способны выносить жар и жажду, нежели холод, неприязненный климат и бедность почвы, к которым привыкли».

V. «Страна их, хотя по свойствам своим не везде одинакова, но вообще покрыта страшными лесами и болотами; она сырее к Галлии, ветренее к Норике и Паннонии; довольно урожайна, но неудобна для плодородных деревьев; богата скотом, но порода его малорослая, ибо у них в чести и славе не наружный вид, а количество стад и табунов, составляющих единственное и благодатное их богатство.

Неизвестно, в знак ли милосердия или в наказание боги отказали им в золоте и серебре; однако же не утверждаю, что в Германии нет золотоносных и среброносных жил, ибо кому было их отыскивать? К приобретению и употребле-

нию этих металлов они равнодушны. У них встречаются серебряные сосуды, даренные их князьям и послам; но они ценят их не дороже глиняных. Однако же пограничные с нами в торговых оборотах ценят золото и серебро и знают некоторые из наших монет по изображениям, принимая их с выбором. Живущие же внутри Германии по древнему обычаю ведут торг меном товаров и принимают только древние и издавна известные монеты: *serratos u bigatos*. Серебряные предпочитают золотым, не потому, что они им более нравятся, но по меньшей ценности, более удобной для покупки мелочных товаров.

VI. Железо у них также не в изобилии, судя по вооружению: не многие употребляют мечи и большие копья. Бердыши, или, по-ихнему, *framea* (в некоторых списках *parrea*), употребляют с узким и коротким железом, но столь острые и удобные, что этим оружием, смотря по потребности, они сражаются и с руки и от руки (*vel cominus, vel etinus pignent – cum manus, e manus*). Конница довольствуется щитами и этими *framea*, пехота же употребляет и стрелы; у каждого большой запас; стреляют (*vibrant; vibratio* относится к луку, к сотрясению тетивы) на невероятное расстояние, обнажась, сбросив с себя чугу (*sagulum – кафтан, полушубок*)».

Framea составляет по сие время загадочное оружие сайван; очень естественно, что настоящее название искажено произношением. Определим прежде слово *hasta*, которым Тацит выражает *framea*. *Hasta* собственно значит не простое копье, но бердыш, секиру; топор, как и производное галльское *hache*. Выражение «продавать с молотка» в латинском «*sub hasta subire*». Хотя и выставлялся при продаже значок на копье, но продажу решал удар молотом. У славян вооружением конных были: *секира* с короткой рукоятью, называвшаяся *brañ*, *топор*, *молот* и *клевец*, вроде клюва с

одной стороны, а с другой стороны топор или молот. *Клевец* назывался также *чеканом* (откуда слово *чеканить*). Молот, кроме рукопашного удара, бросали во врага:

И хопи Забой свой млат,
И отскочи Людек.
На пряже млат Забой, выся в гору,
И верже по вразе (ринул во врага).
Лете млат, расскочися щит,
Со щитом се росскочиста Людековы перси.

Общее название оружия *бронь*, имеет начало свое от варма, что значит *оружие, броня*⁵⁷. От общего названия *брони*, как оборонного оружия, перешло и к частным оружием; напр., по-чешски *brň* значит *pertica – палица; braň – брань, Seitengewehr*, и по существующему выражению *braň pri boki* значит по современному понятию *меч при бедре*, а по старинному значению – *млат, секира, тесак*⁵⁸ при бедре, ибо двухсторонние топоры с короткой рукоятью действительно носились в древности при бедре, как мечи.

Таким образом, *бранное* или *брамное* оружие, *брань, брана, брама*, составляя двойную секиру, *hache*, которою можно было рубить и бросать в неприятеля, в латинском выразилось посредством *framea*, или, по другим спискам, *pramea*.

«Нисколько не заботясь о наряде, они украшают только щиты свои цветистыми красками; латы у немногих; шлемы и каски очень редки. Лошади их не замечательны ни по красоте, ни по быстроте; их и не учат, как у нас, различным оборотам; они идут только строем и делают искусно заезд (вправо или влево), стесняясь в кругу поворота, чтоб никто не отстал. Вообще оценивая, их сила преимущественно состоит в пехоте; соединенная с конницей и приспособленная к конному бою, она сража-

ется совместно. Быстрейших пеищов, избранных из всей молодежи, они ставят впереди строя. Определяют и счет: сотенные из каждого погоста суть те, кои и между собою так называются, и название, означавшее прежде количество, ныне стало званием и почестью. Войско строят углом. Отступать с места, с тем чтоб снова внезапно наступать, почитают военной хитростью, но не трусостью. Тела убитых при сомнительности победы относят назад. Бросить на поле битвы своей щит почитается величайшим бесчестьем, лишаящим права присутствовать при жертвоприношениях и при совещаниях, и многие из переживших войну не переживали этого бесчестья и вешались».

Во времена Тацита сайваны, в постоянной борьбе с Римом, постоянно вытесняемые из своих оседлых жилищ, могли сохранять посреди гор и лесов только свои обычаи. Рим, получивший первое понятие о богатстве от сайван Италии, видел в Германии раззоренных уже их потомков. В пограничных Риму воеводствах еще менее можно было ожидать какой бы то ни было роскоши, даже в военном наряде сторожевой земщины.

Упоминаемое Тацитом разделение войск на сотни и звание *сотника* – сатика, а равно *даса сата* – десять сот, *дасансать*, из которого образовалась в слав. *тысяча*, *тысянца* и чин *тысячник*, – принадлежат к исконным войсковым подразделениям сайван, сохраняющимся и поныне в казачестве.

О *легкой пехоте* сайван, которой каждый воин приспособлен был сражаться рядом с товарищем конным, упоминает довольно подробно и Юлий Цесарь, описывая войну с Яровидом (Arioviste), царем германов: «Цесарь, выдвинув легионы свои из стана, построил в боевой порядок в надежде – не примет ли Яровид боя; но он удерживая пехоту свою в укреплениях своего стана, высылал

ежедневно конницу набегом. К этому роду боя германы необыкновенно приспособлены. При 6 тысячах конных находилось такое же число пеших, могучих и ловких воинов, служивших друг другу взаимной защитой. Они сражались совместно: конные опирались на пехоту и в минуту опасности они сближались друг с другом. Раненого и упавшего с лошади пехота тотчас же ограждала собой. Эти пешие воины такой приобрели навык и ловкость, что в случае быстрого наступления или отступления они хватаются за гриву лошади и бегут, не отставая».

Цесарь более понимал германов, нежели красноречивые историки; в его комментариях они не такие дикари, какими их описывает Тацит, часто противореча самому себе.

В Индии была военная наука, заключавшая в себе тактические и стратегические правила. Между многими построениями войска *был строй клином* или *углом*, когда отборные войска впереди и колонна строилась конусом. Об этом строе упоминает и Тацит: *«acues per cuneos componitur»*. Его смешали со строем, называемым *tete de porc*. В Индии, а вероятно и у сайван, это был особенный строй, называвшийся *«строй борова»*, когда в колонне усиливался и расширялся центр на случай атаки с боков.

VII. «Правителей избирают они по преимуществу породы, воевод по преимуществу мужества и силы. Правители не имеют безграничной и произвольной власти; а воеводы повелевают более примером: быстротой, проныцательностью и личной храбростью заслуживают они славу. Взыскания, заключение виновных и даже наказания совершаются по приговору духовенства; и они принимают это не так, как наказание по принуждению воеводскому, но как суд бога, сопresentствующего воюющим, коего изображения и знамена, хранимые в священных лесах, носят с собой на войну».

В отношении наказаний слова Тацита наноминают обычное славянским народам понятие: «Так судил Бог; Бог наказал; на то была воля Божья».

Виджая, витязь, Вишну в свойстве победы, витязства, изображался в Индии на знаменах, едущим на птице *гаруда*. Он имел *тысячу* голов и рук, вооруженных всеми родами оружий (символ рати).

Найденное в г. Ретре знамя имело именно это изображение, хотя безотчетно описанное; на нем был изображен дракон, *украшенный изображением множества голов* (женских?) и вооруженных рук.

«Самым сильным возбуждением их храбрости составляет то, что полки их не случайные, не разнородные сборища и толпы; но семейные, родственные. От них близко все родное, и им слышится говор жен и крик детей; и они-то неподкупные их свидетели, и высоко ценимые восхвалители. К матерям и женам несут они свои раны; и они не боятся считать и высасывать (exigere) их (?); они приносят сражающимся и пищу и утешение».

VIII. *«Рассказывают предания, что павшие духом и бегущие уже с поля сражения войска были останавливаемы женщинами, которые, заграждая им путь грудью своею, с настойчивой мольбой представляли предстоящий плен, при одном имени коего они содрогались за жен своих. По этой причине, чтоб более обязать верностью какой-нибудь народ, в число заложников берут несколько знатного рода девиц. Сверх того, германы приписывают женщинам какую-то святость и предвидение, и потому не избегают их совета и не пренебрегают их мнением. Мы видели во время Веспасиана Велиду (Voleda, Valeda, Veleda, Velida, Βελήδα), которую они почитали за пророчицу, подобно как в древности Аурунию (Aurinia, Olbrunia,*

Albrima, Albrina) и многих других, боготворимых ими не из лести, не творя из них божеств».

Значение сайванских пророчиц, упоминаемых Тацитом, можно понять из древнего чешского стихотворения, относящегося к VII столетию, о княжне Любице.

Ступи Кнјежна в белествуце ризе,
Ступи на стол отень в сла-
не снеме (сонме, сейме).
Две вегласне деве, выучене
Вестьбам (пробел, заключ. вероятно:
стояли у престола).
У единой су дески правдодатне,
У второй мечь кривды карайчи;
Против има *пламень правдозвестен,*
И од нима *сватосудна вода,*
Поче кнјежна с отня злата стола:
«Мои кмети (старейшины), леси (людство)
и владыки (свящ. сан).
Се братрома разрешите *правду,*
Яже вадита ся (раздорять) о дедине,
О дедине отне между собу,
По закону векожизных богов....»

Названия пророчиц, упоминаемые Тацитом, чисто славянские; *Veleda, Велѣда*, соответствует имени *Влада* или *Велица, Вѣлика, Aurinia* соотв. имени *Обрения*.

По Диону Кассию, после *Велицы* или *Влады* пророчицей была *Ганна* – слав. Иана, Ианья, Ганна.

В IV кн., § 61 своей истории Тацит пишет о Веледе: «Эта дева родом из Бруктерии⁵⁹, она имела великую власть, основанную на древнем обычае германов, которые по суеверию предсказания женщин считали волею богов».

IX. «Из божеств преимущественно поклоняются они Меркурию и в известные дни приносят ему человеческие жертвы. Геркулесу же и Марсу приносят в жертву животных. Часть сайван поклоняется также Изиде. Не знаю, откуда и когда перешло к ним это верование: но изображение ее под символом либурнской ладьи (в виде полумесяца) доказывает постороннее происхождение. Изображать божество в человеческом образе и заключать его в стенах считают они несоответственным величию неба. Они посвящают богам леса и рощи, которые у них и носят имена божеств; в этой таинственности видят они святыню».

«Deorum maxime Mercurium colunt». Если Тацит дает божеству сайван латинское название Меркурия по Зодиаку, имевшему свое начало в Индии и перешедшему через Вавилон, Египет и Грецию к римлянам, то в планетной иерархии правитель планеты Меркурия есть Будга, что значит вообще учитель, просветитель. Но Будга не должно смешивать с Буддга или Будда (девятой аватарой, Сакьямуни), который до сайван и тримуртического их поклонения Сиве нисколько не касался.

Сказание Тацита о поклонении Меркурию могло образоваться скорее из обрядов номинальных, олицетворенных в названиях: *Мора* (мара, марась – смерть, мор), *Марана*, *Маржанна* – маранна и марата – *Маровит*, *Марос*.

В Индии *срадга* или *срадга*, а у славян *страва* – приношение номинальной пищи (корма богам) на могилы – совершалось в декабре месяце и соответствовало старинным святкам, а также зеленым святкам в месяце марте; (магес, *тагак* – в Индии *марга маригазираша*), когда в память умерших употреблялись пироги из риса, а у славян – из гречихи⁶⁰.

Приношение в жертву людей – нарамедха или нурушамедха (мыто, дань людьми) действительно существо-

вал у славян, а равно и сожжение тел царей или князей, а вместе с ними жен и близких, не хотевших пережить покойного. Подобный обряд, по Ибн-Фосслану, совершился у волжских славяно-русов (болгар), когда при погребении неизвестного князя сожжена была на гробе жена его. По Иорнанду, на страве Аттилы погребены были вместе с ним его приверженцы.

Обряд сожжения княжеских тел упоминается и в Краледворской рукописи:

Ай, выйде душа (Власлава) з ревучих губ,
Вылете на древа, а по древех
Семо тамо, донеж мертвы не сжен.

По Нестору, приношение человеческих жертв, искорененное христианством, существовало еще в X веке: «творяще (Владимир) требу кумиром с людьми своими, реша старцы и бояре: “мечем жребьи на отроки и на девици; на него же падет, того зарежем богом”»).

Поклонение Марсу или *Арею* и Геркулесу понято Тацитом из однозначительных знаменований поклонения *Вишну* – дева Харэ – богу Харэ, и олицетворения его в свойство победы – *Витязя*, *Световида* – Светавась.

Марс, по толкованию чешского словаря Соломона IX века, и соответствует *Световиду*.

Поклонение *Изиде*, почитаемое Тацитом за занесенное к сайванам, по изображению в лике молодого месяца объясняется следующим.

Иса у полян, в Залесье Jess⁶¹, есть название Сивы (Siwa, Жива, Сиева; Сибог, Живбог, Жилбог, Ziwięna). Он есть сома или чанара (*луна, лоно*). Лик луны и был его символом, в свойстве нарождения.

Замечание Тацита, что сайване считали недостойным божественного величия изображать божество в об-

разе человеческом, относится до верховного божества пранна, праннава. Индейцы изображали Парабраму, оум, в эмблемах; лики же относились только до *аватар* (воплощений) и до *сил* стихийных, как деятелей живой природы – Сивы. В этом значении было и поклонение силам: *Индре* (Ютру, Ютробогу), правителю воздуха, востока; *Агни* – огню – правителю юга; *Варуну* (или – вас) – воде, и *Ямо* (humus) – земли.

Здесь, в сущности, тоже *тримурти*, заключающееся в единстве *Парабрамы*; ибо Индра – утро, просвет, прабог – прабга, воздух, обнимает все прочие **стихии и** заключается во всех; агни – проявление Браммы; почему он и называется *предходящий*; варуна – проявление Вишну; #мо – Сива, бытие, сочетание стихий.

«Nec cohibere parietibus Deos». Хотя, казалось бы, Тацит и противоречит себе при описании побед Германарика и разорении храма (templum) марсов на р. Верре (Werra – верховье Visurgis, Visura, Везера), но в понятиях сайван действительно храмы не имели ничего подобного с пантеонами греков и римлян. Их святые места, обители жреческие, были, как и в Индии, кладбища родов⁶². При могилах отцов, родоначальников, совершались у них жертвоприношения (поминки, приношение пищи богам духам или душам умерших); тут были судилища, снемы или сонмы, и приюты для странников. Сборные⁶³ здания назывались *гостиницами* или гостинницами, откуда и римское *hostia*, *hôtel* – *hostel*, *kosciol*.

В «*Vita S. Ottonis*» упоминается о **штетинских (стадинских) гостиницах**, названных по описке *гонтинами*.

«Там были четыре храма; главный из них отличался по художеству и был украшен внутри и снаружи выпуклым (барельефным) резным изображением людей, птиц и зверей, столь сходных с природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались до-

ждем, не бледнели и не тускнели. Следуя древнему обычаю, штетинцы отдавали в храм *десятую часть военной добычи и оружие побежденных неприятелей*. В святилище храма хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях знатнейшие люди пили и ели), также буйволодые, оправленные золотом рога, которые служили и кубками и трубами. Ножи и прочие драгоценности, находившиеся там, удивляли своим художеством и богатством».

В трех прочих гóстиных, не столь украшенных и менее священных, стояли только одни лавки в виде амфитеатра и столы для *народных сходбищ*; ибо славяне «в некоторые часы и дни веселились, пили и *важными делами отечества занимались в этих гостиных*».

В этом значении должно понимать и упоминаемый Тацитом *templum Tanfana* на Верре, против *Милибожских гор* (*Μηλίβοιον ὄρος*) под *Чернолесьем* (*sylva Semana, sylva Dominae, Vasenis sylva, Buchovia, Fagonia*, – Буковина)⁶⁴, называемым Тацитом *Caesia sylva*, без сомнения, *Cassia sylva* – Чешский лес. В этом же месте, по Птоломею, означено *Δεφανα, Δεφανα* (по описке *Λεφανα*), т.е. *Девино*; ибо это название места или города встречается по всему населению славян: *Devona* – *Девино* на Рейне, против бывшей *Argentoaria* – *Сребреницы*, переименованное готами в *Frezburg* (Град девы). *Devona* в верховьях Майна; *Divona* близ оз. Лемана; *Девно* в Булгарии; *Devin* – местечко выше Пресбурга, при Дунае; нем. назв. *Theben. Magdeburg*, т.е. *Devehrad*, в Богемии, на р. Тейе. *Marionia* Птоломея – *Parthenopolis* – *Magdeburg*, или бывший *Девин град*, на Эльбе. Таким образом, и название *Tanfana, Defana* – есть собственно *Девино*, во имя божества *Девана, Dzevanpa*; от дайва, дайван – *судьба, предопределение, фортуна*⁶⁵, соответственно чешскому *daufani, dufani* – *упование, надежда*, и польскому *dufanie* – *ввериться, положиться на судьбу*.

Что храм *Tanfana* или *Девино* была *гóстина*, сходная с вышеприведенным описанием в жизни С. Оттона, то это можно понять и из слов Тацита: «Ночь, озаренная звездами, способствовала приблизиться к всеям марсов и окружить постами распростертых на ложах вокруг столов без малейшей предосторожности, без часовых. Повсюду была полная беззаботность, не опоение войны, и даже не успокоение, а упоение со всей негой и свободой».

Обеты богам, или жертвенные *костры*, возжигаемые на горах, упоминаемые в древних чешских стихотворениях, совершенно уподобляются *голокостам*, или древнейшим жертвоприношениям.

Прелети леси еленьим скоком
Тамо в дубраву, там неприступная скала,
Богом змилена; на ее верхе
Обетуй богом, богом своим спасам,
За витяжство (победу) в задех (прошедшее)
за витяжство в преди.

И вседе Воимир на ретивого коня,
Прелете леси еленьим скоком,
Тамо в дубраву на драгу (дорогу) к скале,
На версе скалы занети (занял, возжег) обет
Богом своим спасам....
И им обетова кравицу буйну,
Шерсть червена по ней се лоскне се,
И яловку сю купи от пастухи,
В увале там в высокой траве,
Дада за ню конь и с узду.
Плапыласе (вспылал) обет, и близи се вои
К увалу, из увала взгору в дубраву,
Вои озвучени глукем (восклицаниями)
Иду по едном, оружие несуче,
Пркни ида коло обета богом славу глашаше.

Обеты под деревьями, во имя богов покровителей – *patrōni*, напоминают следующие вирши, поясняющие и слова Тацита о священных лесах:

И выгнали (враги) из хаев (хвой, леса *хвойные*)
всех крагуев,
И каки бози в чужой власти,
Таким се кланяти зде,
И им обечати обет,
И не смети се бити
В чело пред боги,
Ни в сумерки им давати ести;
Камо (куда) отик (отец) даваше кормы богом
Камо к ним *глашать* ходива се,
Посеваху все древа
И розрушиху все боги».

Здесь ясно, что посечены не простые деревья, но *древа рода*, насажденные и возникшие на могилах предков. При них были, без сомнения, и изображения божеств, покровительствующих каждому роду, что понятно из следующих виршей⁶⁶.

Подо все древа
Взложи обеты богом.

Х. «Особенно соблюдают они гадания и жребии. Обычай бросания жребиев простой. Нарезав из ветви плодоносного дерева жребиев и сделав на каждом отметку, бросают их на чистую полость. Потом, при общественном деле местный священнослужитель, а при частном – отец семейства, помолясь Богу и подняв глаза к небу, берет один из жребиев, три раза воздымает его и объясняет значение заметки. Если жребий не выпал, то уже ни в каком случае о том же деле не повторяют бро-

сания: если же жребий выпал, то он требует подтверждения предзнаменованием (*auspiciorum fides*), выводимым из крика и полета птиц и обычного только у них гадания и предсказания по лошадям. На общий счет они содержат в рощах и лесах белых коней, заповеданных для мирского употребления. Когда их запрягают в священную колесницу, тогда жрец (*sacerdos*) и царь или старейшина города, сопровождая их, замечают ржание. Выводимому из этого предзнаменования верит не только простой народ, но и вельможи и жрецы: они полагают, что кони, служа божеству, составляют и поверенных божества.

У них есть еще другой род гадания, употребляемый для предугадания успеха решительных битв. Они стараются добывать пленного из рядов неприятельских, и, выбрав одного из своих воинов, выводят их на поединок, каждого с обычным в его стране оружием. Победа того или другого служит предзнаменованием, чья сторона победит».

Обычай бросания жребия ведется по сие время в народе, и описание его приблизительно верно. По сию пору жребий, падший на чью-нибудь долю, сопровождается иногда гаданиями о счастье этого жребия и добрыми или недобрыми предзнаменованиями, выводимыми суеверием из полета и крика птиц. О гаданиях об успехе рати по ходу белого коня, посвященного *Световиду* или *Световичу*, правой или левой ногой ступит он через копыя, упоминает Мавроурбин при описании обычаев русинов (ругян) балтийских.

Содержание белых коней для колесницы божества относится в духовном значении к *Вишну*; в стихийном к *Индре – Ютробогу*; а в обоготворении лика победы – к тысячеглавому и тысячерукому *Арджуне* или *Арьюне*. Общее им свойство светавах, светавас, светавадниж, т.е. *светоконный, белокопный*.

Решение битв поединками, или рукопашным боем изобранных с обеих сторон, нисколько не было гаданием, как

описывает, не понимая дела, Тацит; но было древнейшим обычаем при встрече главных сил для предупреждения кровопролития или для решения победы судом Божиим. Иногда выходили на поединочный бой или борьбу сами князья, как, например, князь Мстислав Тмутараканский с князем касожским Редедей. Иногда выбирали с обеих сторон известных силачей или бойцов, как решена была в 993 году победа Владимира Великого над печенегами.

XI. «В незначительных обстоятельствах решаются дела совещанием старейшин (principes – князей); при обстоятельствах же важных – общим голосом; но, во всяком случае, общее народное решение обсуждается старейшинами. Кроме особенных случаев и дел, не терпящих отлагательства, они сходятся на сонмы в определенные дни при нарождении месяца или в полнолуние, полагая это время благоприятнейшим для начинания дел. Они считают время не днями, как мы, а ночами. Этот счет у них и в постановлениях и в условиях; они думают, что ночь предшествует дню. Происходящее у них зло от произвола состоит в том, что на сеймы сходятся они не в одно и не в назначенное время, но губят два, три дня медленностию сбора. Когда сейм собрался, все занимают места, вооруженные. Священство, по данному ему праву сохранения порядка, возлагает на всех молчание. Потом царь или старейшина по летам, по роде, отличиям военным или красноречию, начинают слово, и его внимают, более по силе убеждения, нежели по силе власти. Если решением недовольны – отвергают шумным ропотом; согласие же свое выражают, стуча бронями (frameas concutiunt)⁶⁷; и это составляет почетнейшее выражение согласия».

XII. «В эти собрания можно вносить жалобы и обличать в преступлениях. Наказания различны по мере проступка. Злодеев и беглых вешают на деревьях; трусов,

бесчестных и распутных топят в болотах и трясилах и набрасывают сверху хворост. Цель этого различия наказаний, кажется, составляет то, чтоб казнь злодеев выставлять на вид, а казнь за постыдные преступления таить от взоров. Кроме того, существуют у них и слабые наказания за различные проступки: виновные приговариваются к пени числом лошадей и рогатого скота; одна часть взыскания идет в пользу царя или города, другая – в пользу истца или его родных. В этих же сеймах избирают и старейшин для суда в погостах и весях (pagos vicisque). Каждому дается сто человек дружины (кметов – comites) из народа для поручений и для почета».

Упомянутые Тацитом собрания назывались у славян *радами* (от *рядить*) и *снемами* (от *снять*, *сойтись*, *совокупиться*). Под именем *ргинсеров* должно понимать князей; под именем *избираемых* для управления областями – *посадников*. «Русская правда» Ярослава, как единственный сохранившийся образец древних славянских уставов о наказаниях и пенях, поясняет слова Тацита, а вместе с тем и поясняется по его описаниям. Например, до сих пор непонятно было, что значит «*вервнью платити, в которой верви голова лежит*». Тацит поясняет это, упоминая, что за уголовное дело преступники *вешались* на дереве. Сыновья Святослава, князь Изяслав, Святослав и Всеволод и мужи их Коснячко, Перенег, Микифор Кыянин и Чюдин Микула «на совете отложиша оубьенье за голову: кунами ся выкуплять». Этот-то выкуп от петли вервы, в которую клалась голова, и назывался *вервным*.

XIII. «Как при общественных, так и при частных радах они всегда вооружены»⁶⁸. Но, по уставу, нельзя воздевать оружия до тех пор, покуда гражданство не признает достойным. Тогда в самой раде старшина, или отец, или один из родственников снаряжают юношу щитом и

мечом (или *fratea* – бранью – секирой). Это составляет род нашего облачения в тогу и первую степень почета юношеству, поступающему из членов семьи в члены государства. Высокая порода и заслуги родителей дают право на почетные звания и сыновьям, и к ним в дружину поступают возмужалые и опытные, не видя в этом никакого стыда. Эта дружина имеет степени званий, подразделяемые по их соображениям. Между дружинниками большое соревнование занять первое место при князе (*grinseps*); а между князьями – иметь большую дружину и храбрейших ратников. Знаменитость и могущество требуют у них обстановки огромной свитой (дружиной) избранной молодежи: это служит почестью во время мира и охранной стражей во время войны. Многочисленная и храбрая дружина (князя) составляет славу не только в собственной его области, но и в окрестных: его союза заискивают посольствами, чествуют дарами, и часто одно знаменитое имя его решает войну».

Тацит не мог лучше описать русских князей и дворы их, *отроков*, составляющих телохранителей, дружину, подразделявшуюся на полки, тысячи, сотни и десятки, разряды чинов и должностей, и обряд *пострижения* на право сесть на коня и на перепоясание мечом, – обряд, совершавшийся в княжеских родах, как сказано и в законах Ману, через три года от рождения.

XIV. «В битве для князя постыдно уступить кому-нибудь в храбрости, для дружины постыдно не подражать в храбрости князю. Но величайший стыд и бесчестье на всю жизнь – оставить на поле сражения князя и пережить его. Священнейшая клятва их – охранять его, защищать и приписывать свои подвиги его славе. “Князь сражается за славу, дружина за князя”».

Не обычную ли клятву русских воинов Тацит передает нам: «Где твоя голова, княже, ляжет, тут и свои головы сложим!»?

Кметы (*comites*) **курские, по общему русскому выражению, «искали в битве: себе чести, князю славы».**

*«Если в родной стране их водворяется продолжительный мир и спокойствие, то бóльшая часть благородной молодежи (*plurimique nobilium adolescentium*) отправляется в те области, которые ведут с кем-нибудь войну; ибо этих людей мир не вознаграждает ничем, а посреди превратностей для них более случаев прославиться. Сверх того, большую дружину без добычи и войны нет средств удовлетворять, потому что она требует от князя (*principes*) снабжения каждого воина ратным конем и кровожадной победоносной секирой⁶⁹; сверх того, столь хотя не пышный, но вдоволь изготовленный идет в счет жалованья. Средства же роскоши добываются только войной и добычей. Их (т.е. дружину) скорее вызовешь на врага и на раны, нежели пахать землю и ожидать урожая: им кажется ленью и беспечностью приобретение потом того, что можно добыть кровью».*

Слова Тацита «*ingrata genti quies*» переводчики относят к целому народу, между тем как они относятся только к дружинам. При князьях русских кроме наемных воинов состояли *отроки*, или телохранители из княжат и боярских детей, которых Тацит и называет *nobilis adolescentia*. Так, например, при князе Борисе Владимировиче в числе *отроков*, предстоящих ему, был Георгий, родом угрин, на которого он возложил, как почетный знак, золотую *гривну*, или ожерелье. Собственно сословию военному и естественно было искать войны, которая была его делом. О наборе и содержании дружины упоминается в древних русских стихотворениях о богатыре Волхе Всеславиче.

И стал он Волх *дружину* прибирать;
Дружину прибирал в три годы,
Он набрал дружины себе семь тысячей...
Волх *поил-кормил дружину храбрую*
А все у него были яства переменные,
Переменные яства сахарные;
Обувал, одевал добрых молодцев:
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые.

Вообще слова Тацита о военных обычаях напоминают обычаи собственно русов или войсковых сословий среди племен славянских. В них видны *дружины, полки, витязи, богатыри, кметы* (название, принятое от римского *comites* и заменяющее *дружину*; впрочем, может быть и коренное славянское, происходящее от слова *конь, комон, комонство*). К пограничным сайванским воеводствам относится и название варягов (от вайрака – воин); из коих сайвано-галльские союзники Рима приняли название *франков*, по произношению *фарауои* (фаранги); а прочие впоследствии по готскому произношению назывались: *wargur, wagheren, wāringi*, вагры. По Птоломею, они же, вероятно, и *vargiones*.

XV. «Время, в которое не ходят на войну (зимнее), они проводят частью на охоте, но преимущественно в безделье, любя беззаботность и пиры. Могучие и воинственные, в полном бездействии предают дом, семейство, возделывание полей заботам жен, старцев и вообще слабейших из членов семьи, сами же прозябают. Удивительное противоречие природы: каким образом одни и те же люди могут любить беспечность и в то же время ненавидеть мир? В обществах их ведется обычай, что каждый добровольно приносит князю дар от стад своих или про-

изведенной земли. Это принимается как знак благоуважения, а также удовлетворяет и потребностям. Их лествят особенно дары соседних народов, которые присылают не только от лица, но и от областей – отличных коней, великокопечное оружие, сбрую и диадимы⁷⁰. Теперь они привыкли принимать в дар и деньги».

В этой XV главе Тацит продолжает описывать быт собственно князей, бояр и дружинников, а не вообще германов, и в этом значении его описания верны; между тем как относимые к готскому миру, резко противоречат и нравам и обычаям его.

XVI. «Германы, как известно, не живут городами, не терпят сплошных зданий. Жилища их отдельны одно от другого и разбросаны, как кому по нраву, при истоках, в полях, или в лесах. Веси (или улицы – *vicos*) размещают не по нашему обычаю, не сплошными зданиями и не в ряд: каждый их дом окружен некоторым пространством земли – в охранение ли на случай пожара или по неумению строиться. Не употребляют ни кирпича, ни черепицы подобно нам; но употребляют на все (т.е. на стены и крыши) дерево (*materia ad omnia utuntur*) без наружного вида, без украшений и без разнообразия (подразумевается в постройке). Некоторые части (строений) они тщательно раскрашивают землю, с такой чистотой и блеском (*ita pure veste rura*), что это уподобляется разрисовке красками и очертаниям кисти. У них также в обычае строить землянки, которые они покрывают сверху кучей навоза; это их прибежище на зиму и их закорм; тут для них не столь чувствителен жестокий холод, а в случае нашествия неприятельского все, что наруже, может подвергнуться грабежу, все же зарытое в земле остается неизвестным и минует по необходимости отыскивать».

Urbs, по понятиям Тацита, – город, обнесенный каменной стеной, с правильными улицами и каменными сплошными домами. Таких городов у славян не было, особенно на границах с Римом, когда они по всему пространству должны были строить подвижные ограды из самих себя. Но кроме открытых весей, сел, деревень у них были во все времена грады стольные, дворы царские или княжеские, *кромы* святыни, паланки, замки, стрельницы. Для сел, хуторов (отар), кущей, *сам*, *торгов* (торговое место: *тырг*) и даже городов южных славян по сие время не нужно другого описания, кроме Тацитова: оно верно; по сие время *мазанки* даже в Малороссии разрисовывают земляными красками; по сие время, преимущественно на хуторах, строят землянки, покрываемые кизяком, а зерна хлеба берегутся в обожженных ямах⁷¹.

XVII. «Верхняя одежда их sagum (свита)⁷², застегиваемая запоной, а за недостатком и спицей; впрочем, не одетые (т.е. верхней одеждой) они целый день проводят подле очага и огня».

Эта *Sagum*, под именованиями бурка, свита, шугай с рукавами и без рукавов, по сие время в употреблении у южных русов и славян. В Булгарии и Сербии сельский народ, особенно чабаны, носят вроде белой с длинным волосом бурки, накидываемой на плеча и застегнутой запоной. Эта бурка составляет там главную одежду сверх рубашки и исподнего.

«Зажиточные отличаются одеждой, не длинной, как у сармат или парфов, но стянутой и обрисовывающей стан. Носят и меховые шубы; пограничные – без отделки (тулупами), живущие же внутри земель отделяют со вкусом, ибо не имеют других нарядов, приобретаемых торговлей. Они избирают меха некоторых диких зверей и

подбирают их крапинами, и также меха зверей, водящихся в открытом океане и в море нам неизвестном. У женщин такая же одежда, как и у мужчин, с тою разницею, что женщины часто окутываются льняными покрывалами, изукрашенными пурпуровым цветом; верхняя же часть их одежды не имеет рукавов, так что руки и плечи голы и близкая к ним часть груди открыта».

Нельзя вернее описать обычную женскую русскую одежду – сарафан, как описал ее Тацит. В очерке мужских одежд невозможно не узнать обычных собольих, беличьих и горностаевых мехов, а также шуб и мехов морских животных: белых медведей, бобров и пр.

XVIII. «В отношении браков их нравы строги, и в этом случае германы заслуживают великую похвалу; это единственные из варваров, которые довольствуются одной женой, кроме немногих из них, имеющих по несколько жен, и то не по причине невоздержания, но по праву знаменитости рода».

В постановлениях Ману о супружестве основа семейного блага есть единоженство. «Каждый *двиджа* (двурожденный – телесно и духовно, т.е. верующий) должен избирать жену из одного сословия с ним, и чтоб она не была родственна ему со стороны отца и матери до шестого колена».

В отношении царского рода тоже постановление: «по водворении на царство, основав столицу, устроив дворец и оградив страну свою надежной защитой, юный царь *да избрет себе жену из соответствующего ему рода*, одаренную всеми признаками благополучия, красотой и благоуважаемыми качествами».

Нет сомнения, что эти же законы руководили и сайван. Нет следов о многоженстве их ни в истории, ни в ска-

заниях изустных, исключая предания о Владимире I, который в язычестве имел многих жен и наложниц; но этот обычай, кажется, принял он в двухлетнюю бытность свою за морем. Обычай узаконенного многоженства принадлежал колониальным народам и истекал из потребности скорее плодиться на чуждой земле.

«Свадебные дары приносит не жена мужу, но муж жене. Родители и родные присутствуют (на сговоре, на свадьбе) и также получают дары. Эти дары не состоят в женских украшениях или нарядах молодой, но в волах, в снаряженном коне, щите и секире или мече. Этими дарами условливается свадьба. Молодая, со своей стороны, дарит мужа также каким-нибудь оружием. В этом заключается их союз, священный обряд и воля богов – покровителей супружества. Чтоб жена не считала себя чуждой мужества и безучастной к войне, самые обычаи свадьбы предупреждают ее, что она становится подругой, соразделяющей труды и опасности, счастье и несчастье, как во время мира, так и во время войны. Это значение имеют для нее и заярмованные волы и оседланный конь и оружие, как при жизни, так и по смерти; ибо, принимая эти дары, она должна передать их ненарушимо и достойно детям, от которых примут невестки и в свою очередь передадут внукам».

Значение обрядов редко бывает понятно для иноземцев и иноверцев. Тацит, однако же, приблизительно верно дает смысл славянскому свадебному обряду. Супруг волов посылается женихом за невестой, оседланный конь принадлежит жениху, оружие – тысяцкому свадьбы, составляющему с поддатнями почетную и охранную дружину князя и княгини (так называются жених и невеста): во время свадебного пира и во всю ночь он разъезжает вооруженный вокруг клети.

XIX. «Таким образом они ограждают целомудрие, и у них нет ни соблазнительных зрелищ, ни раздражающих и развратных пиров. Им неизвестна тайная переписка между мужчинами и женщинами. В столь многочисленном народе случаи нарушения супружеской верности чрезвычайно редки и подвергаются немедленному наказанию, исполняемому мужем. С обстриженными волосами, обнаженную в глазах всех родных, изгоняет он преступницу из дому и преследует вдоль всей улицы бичом. Для обличенной подобным образом не существует уже забвения ее вины: ни красота, ни молодость, ни богатство не помогут ей возвратиться к мужу; ибо там не потешаются пороком, а оболыщение и разврат не называют потребностями века. И в самом деле, до сих пор лучшие из гражданских обществ те, в которых вступают в замужество только девицы и где только один раз в жизни заключается союз по вере и обету. Обрекая себя только единожды сочетанию, как тело и душа, не существует уже помыслов вне его, ни дальнейших желаний, ни любви собственно к мужу; но любовь к супружескому союзу. У германов нет ограничения числа детей и не существует убийства нарожденных сверх определенного числа; ибо это считается преступлением. У них благие обычаи более значат, нежели в иных странах благие законы».

По уставам Ману, не заключение женщин, но охранение их добрых нравов охраняет и от развращения: «Заключение в доме и окружение верными и преданными сторожами не оберегает женщины (от нарушения долга): женщины сохранны только охраняя сами себя, по доброй воле».

«Жена, которая сохраняет верность к мужу, которой помышления, слова и действия чисты, по смерти переселяется в единое с ним лоно; но нарушающая долг в этом мире предается позору, и постигают ее болезни; а по смерти она возродится в недрах шакала. Какие бы ни были свойства мужа, жена приобретает эти свойства, как река, впадающая

в море. Взаимная верность по гроб есть главнейший долг мужа и жены. Хотя бы муж и не имел склонности к жене, данной ему богами, но, во всяком случае, если она благочестива, он обязан быть ее покровителем».

Различные наказания за нарушение целомудрия, по уставам Ману, между прочим также состояли в обрезании волос, в посадке на осла, проводе по улицам и в бичевании.

XX. «Вообще возрастают они дома в наготы и неприятности до той силы и стана, которые нас удивляют. Мать кормит детей собственной грудью, не возлагая этой обязанности на рабынь и кормилиц. Никакой особенной негой не отличается воспитание господина от слуги. При том же стаде и на той же земле живет тот и другой, покуда возраст не разделит юношей и не проявит достоинства. Поздно вступают юноши в брак, и потому их возмужалость неистоцима. Не торопят замужеством и дев: но выдают по ответственности возраста, стана и здоровья, чтоб они передавали крепость сил родительских детям. Племянники (дети сестры) в таком же значении у дядей, как и у отцов. Некоторые считают этот кровный союз освященным и ближайшим родством, и в случае требования заложников предпочитают племянников, чтоб обязать верностью большее число членов племени».

В старинном смысле племянник значило – того же племени, сродник. По-сербски племенник, племичь, значит благородженный. Нялись в залог всегда сродники или племенники, племянники, сын же сестры назывался Нетий. Тацит не употребляет слова *перос*, ибо оно значит внук, унук – от Санск, наптри – внук, и значит также: подпора рода.

XXI. «Поддерживать неприязнь отца или родственника к кому-нибудь, а равно дружбу, составляет обязанность, но ненависть их не неумолима: даже убийство выкупается

известным количеством скота из табунов и стад: вся семья этим удовлетворяется. Это полезный обычай в обществе, где невозбранная месть может быть бедственной».

В Правде Русской: «оже убьет мужа, то мстити брат брата, любо отчю, любо сыну, любо брату чада, любо братню сынови. Ожели не будет кто его мести, то полóжи за голову 80 гривен». Еще при Ярославе убийство вследствие иска мстилось по закону повешением убийцы, но дети Ярослава – Изяслав, Светослав и Всеволод – отложиша убиение (т.е. смертную казнь) и заменили *вервь*, т.е. петлю, в которую клалась голова преступника, уплатой 80 гривен (серебра). Если же убийство совершалось во время свадьбы или ссоры, или в пиру, т.е. в нетрезвом состоянии, тогда выкуп платился «*повервиины*» – вероятно, *полвервный*, т.е. 40 гривен.

«Нет народа, который бы был, подобно им, щедр в угощении и гостеприимстве. Они считают за грех запереть двери кому бы то ни было. Каждый принимает и угощает по своему состоянию. Если иногда нечем принять гостя, то желающий угостить идет со своим приятелем в соседний дом без зову, и там, несмотря на это, добродушно принимают. Знакомый и незнакомый пользуются одним правом гостеприимства. Отправляясь в путь, если гость что-нибудь попросит (*poroscerit*), то, по обычаю, ему не отказывают; чрез это взаимная просьба также легка. Любят подарки, но дар не налагает никаких обязательств, и принимающий его ничем не связывается. Между пирующими служит союзом общая веселость».

XXII. «Встав от сна, по большей части довольно поздно, они моются преимущественно горячей водой, ибо у них бóльшую часть времени занимает зима. Пищу принимают обильно, каждый отдельно на своем месте и на сво-

ем столе⁷³. Потом, снарядясь, отправляются по делам, и довольно часто на пиры. Пропировать день и ночь у них не считается стыдом. Случающиеся часто раздоры между опьянелыми редко кончаются одной перебранкой, но чаще убоем и ранами».

«Аще кто ударит мечем в нез (вонзя) то 12 гривне продажи за обиду; не терпя противу тому ударит мечем, то вины ему в том нет. Оже убил, или в сваде или в пиру явлен, то тако ему платити полвервиины» (40 гривен серебра взамен петли).

«Преимущественно на пирах они решают примирение между враждующими, сватовства, выборы старшин, мир и войну, полагая, что в это время душа способнее к откровению и более возбуждается к подвигам. До такой-то степени народ бесхитростный и нековарный открывает шутя тайные помыслы души. Обнаженные и высказанные мнения во время пира обсуживаются на следующий день, и таким образом выведенное решение здраво; ибо они судят тогда, когда душа нараспашку, а рядят тогда, когда нельзя уже ошибаться».

XXIII. «Их напиток делается из ячменя или ржи и уподобляется испорченному (кислому) вину. Пограничные покупают и вино. Пища их проста: огородные овощи, свежая дичина или кислое молоко. Без всякой изысканности и утончений удовлетворяют они свой голод; в утолении же жажды менее воздержания. Услаждая склонность к вину и давая им пить его вволю, их гораздо легче победить этим пороком, нежели оружием».

Понятно, что Тацит описывает напитки: квас, мед, бузу, брагу. Приск, описывая поездку посольства Фео-

досия к Аттиле, говорит, что жители селений по пути к столице его (Белграду) угощали их вместо вина медом (medum) и что питье, делаемое из ячменя, называется у них камос, т.е. квас⁷⁴.

XXIV. «Из зрелищ у них только одно, которое и повторяется на всех празднествах: обнаженные юноши, для которых это составляет забаву, прыгают над остриями мечей и секир. Упражнением приобретается искусство, а искусством ловкость; но это не составляет их промысла, ибо единственным вознаграждением этой смелости служит удовольствие зрителей. Они играют и в кости, и, что удивительно, здравомыслящие в делах важных так увлекаются выигрышем и проигрышем, что, проиграв все, пускают на ставку свою свободу и наконец самих себя. Победенный покоряется добровольно рабству. Несмотря на то что моложе и сильнее (выигравшего его), он позволяет себя связывать и продавать. Такова их настойчивость в безрассудности; они называют это честным словом (fidem). Выигранных невольников они продают, чтоб избавиться от стыда подобного выигрыша».

XXV. «Прочую челядь свою не распределяют, как у нас, по разным семейным должностям. Каждый из подвластных имеет свое жилище и распоряжается своим хозяйством. Господин возлагает на него подать житом, скотом или холстом, и этим ограничивается обязанность раба. Домашние же должности исполняют жена и дети. Наказания челяди, заключение в тюрьму и посылка в работу очень редки. Случается, что убивают раба и до смерти; но не вследствие управы и не по жестокости, а в порыве испущенного гнева, как противника; за это и не отвечают. Отпущенные на волю не пользуются никаким преимуществом перед рабами: редко имеют они какое-нибудь

влияние в доме, и никакого в правлении, исключая народов государских, у которых *libertini* **возвышаются и над благородными и над дворянством. У всех прочих неравенство с отпущенниками составляет доказательство свободы.**

Слова Тацита «*exceptes dantaxat iis gentibus, quae regnantur*»* относятся к племенам сайван около Рейна, подпавшим под власть владетелей, которые, в свою очередь, были *affranchise*** Рима. Там только каждый *libertinus**** был ближе к преобладателю области и надежнее для него, нежели *ingenuus* и *nobilis***** покоренного народа.

Все без исключения славянские племена были податные люди князей русских, т.е. владетельных. Отпущенников, кроме пленников, у них не существовало, ибо не было рабов в смысле *римском*, образующихся из покоренных оружием. Это ясно и из слов Тацита, в описании которого, однако же, нет, и он не понимал различия между русью, т.е. областями правления, населенными податным, *венным*, сельским народом, и областями, населенными войсковою земщиной.

XXVI. «Барышничество оборотом денег и ремесло ростовщиков им неизвестно, и это неведение лучше всякого запрещения».

Собственно ремесла ростовщиков не было; но займы с ростом существовали. В Правде Русской упоминается: «Аще кто дает *куны* (деньги) *врезы* (в проценты), или жито *в присоп* (присып), то послухи (свидетели) ему ставити».

Упоминается также о *месячных резах*.

В законах Ману: «*Заимодавец по уставу Вазишты должен брать росту с даваемой взаймы суммы одну ось-*

* Наложили дань на те племена, которыми правили (*лат.*).

** Вольноотпущенные (*лат.*).

*** Свободнорожденный (*лат.*).

**** Благородного происхождения (*лат.*).

мидесятую часть со ста в месяц (т.е. $1\frac{1}{4}$ доли). Без залога две доли со ста».

«Пахотные поля занимаются сперва всеми жителями села, по числу возделывателей, которые потом между собой делят их по достоинству. Этому дележу способствует пространство полей. Пахотную землю они меняют ежегодно, и при этом у них остается много излишней земли; ибо не прилагают труда, соответственного количеству и плодородию ее, к насаждению виноградников, отделению лугов и к возвращению садов: они требуют от земли только нивы. По этой-то причине они не делят года, подобно нам, на участки: они знают и называют по-своему зиму, весну и лето; а об осени и богатствах ее не имеют понятия».

Описываемый Тацитом обычай деления полей между поселянами сохраняется до сих пор преимущественно в России; до сих пор поселяне, собственно пахари, сами собою мало заботятся о иных возделываниях, кроме нивы, довольствуясь в отношении лакомств произведениями самой природы, тем более что редко где местность и климат соответствовали бы труду разводить виноград и плодородные сады. Рэцийское, или русско-альпийское, виноградное вино славилось, однако же, и у самих римлян. Карпатские виноградники также можно отнести к исконным. У славян и русов любимым напитком были различные хмельные меды по роду ягод, на которых варились. Этот напиток, известный уже в IV столетии, и различные квасы заменяли для них вино тех стран, где способствует производить его сама природа.

Главный раздел года на четыре времени, а потом раздел по празднествам, соответствующим частным эпохам и влияниям природы на житейский год, был известен славянам искони, что явно по сходству обрядов и названий с

индейскими; а потому заключение Тацита о невежестве сайван в этом отношении совершенно ложно. Тацит не вникал и не изучал нравы германов; но писал по слухам, по поверхностному взгляду и по случайностям частным заключал об общем.

XXVII. «У них нет тщеславия в обрядах погребения; благоуважение людям знаменитым оказывают только тем, что сжигают тела их на костре, не облагая его ни завесами, ни душистыми веществами и предавая огню вместе с покойником только его некоторые оружия и иногда коня. Надгробный памятник сооружают из дерна, пренебрегая великолепными монументами, воздвигаемыми в честь и достоинство покойного. Слезы, по их мнению, пристойны только женщинам, мужчинам же памятование.

Вот все, что я узнал о происхождении и нравах германов вообще; теперь же сообщу о степени различия обычаев и нравов каждого племени, в особенности и о переселившихся племенах из Германии в Галлию».

В Ибн-Фосслане довольно подробно описан обычай сожжения тела русского князя. Его облачили в парчовый кафтан с золотыми пуговицами, надели парчовую шапку, обложенную соболем, и положили в гроб.

После обычного ристания (как и на страве царя Аттилы) двух коней княжеских изрубили для сожжения вместе с ним. Оружие его также было уложено в гроб (как и на страве царя Аттилы).

*Взыванье*⁷⁵ жены перед сожжением на срубке покойника доказывает веру в будущую жизнь:

«Смотрите, там вижу я отца и мать мою! там все покойные родные мои! там и он, господине мой, восседает в вертограде! он зовет меня! пустите меня к нему!»

Обычай сжигания князей и знаменитых людей составляет причину, что в могилах обыкновенных, где по-

гребались тела без сожжения, мало находят драгоценных оружий и вещей.

XXVIII. «По достовернейшему сказанию дивного Юлия (Цесаря), галльское царство было некогда могущественнейшим; и потому вероятно, что галлы также переселялись в Германию».

De Bello Gallico. L. VI. 24 – Юлий Цесарь пишет: «Было время, когда галлы превосходили германов в доблестях, вносили к ним войну и по недостатку земли по количеству населения переселялись за Рейн. Таким образом, плодороднейшие земли около Герцинских лесов, известных, как мне кажется, Эрастотену и некоторым другим грекам под именем *Орцинских* (*Orginiam sylvam*), заняли *volcae tectosages* и поселились на оных. Эти народы живут там по сие время, прославились честностью и мужеством и по сие время в таких же навыках к бедности и недостаткам, как и германы, коих приняли привычки и обычаи». В Галлии *tectosages*⁷⁶ жили в Лангедоке; в Германии же – за Чернолесьем Турингии, к океану, по пастбищным бережьям под названием *sauchi* (коши?), впоследствии *falahi*, *folgen*, *welchen*, *belgen*.

*«В самом деле, какая-нибудь река могла ли препятствовать сильному народу переселяться и занимать пустынные земли, которыми никто еще не владел. Таким образом, между Горичанским лесом (*Hercyniam silvani*), Рейном и р. Майном занимали земли гельветы (*Helvetii*, *Aluetij*, греч. *Ελουήττιοι*) и далее их *Boi* (*Boij*, *Boii*, *Boi*, *Beij*); те и другие происхождения галльского. До сих пор сохранившееся название *boiети* (*bohiemi*, *boihemi*, *boihemi*, *bohemi*; *bohemi nomen adhuc boijhennonem*; *bohemi boieno nomen*; *boijennonem*, *boiuemionem*, *borhenum*, *borrenum* и пр.) напоминает древнее место их населения, хотя жители*

оного (Бои) уже заменились другими. Но неизвестно: *arvisti* ли (*aruisci, arayisci, arauisti*) паннонские происходят от *osis* (**ab osis, ab oris, a boiis, a boijs, a boijs, a bois**) германского племени, или *osi* (**an osi, osci, boi, an boij**), происходя от *arvisti*, переселились в Германию; ибо эти два народа говорят одним и тем же наречием, имеют одни обычаи и нравы. Будучи некогда одинаково бедны и свободны, им все равно было – жить на том или на другом берегу (Дуная)».

Судя по этим словам Тацита, *Aruisli* и *Osis* населяли язы⁷⁷, или водностепные пространства Паннонии и Дации.

На этих пространствах, по Плинию, жили:

За Дунаем *jazyges sarmatae* (т.е. кочевое, кошевое казачество, комоньство, сироматство, как объясним впоследствии).

По Птоломею, у *jazyges* были по Дунаю города: *Gortanum* (ныне Комарно), *Uscenum* (ныне Waitzen – Вечень), *Pessium* (ныне Пест), и другие.

Греческое название языгов – *metanastae* – также должно понимать в значении кочующие, но несколько не переселенные.

Jasi – в Паннонии, по р. Драве.

Arivates – в Паннонии, по р. Саве; к устью *Eraviscu*.

По Тациту, *jazyges* выставляли Ваннию (*Vannius rex Suevorum*) конницу, комоньство.

Анна Комнено ясов, ясичей, *jazyges*, делавших из-за Дуная набеги на Фракию, называет *κοιζοι* и смешивает их с *ясами* степей волжских, около Каспийского моря⁷⁸; *κοιζοι*, говорит она, назывались также *ουνοι*, т.е. *ваны*, *венды*, что объяснится ниже.

Из всего этого следует, что *osis, jazyges, jasi, κοιζο* – суть одно и то же название кошевых ясов, ясичей, которые составляли казачество словаков, или хорватов, населявших Паннонию и простиравшихся за Дунай, в *Татры*, или, по древним писателям, в *Sarmatici montes*.

«*Treveri (treviri, treneri) и nervii (neruli, heruli, neruii, nerui)* имеют притязание гордиться германским происхождением, как будто отстраняя себя чрез это благородство крови от сходства с галлами и от невежества их.

Собственно по берегам Рейна (со стороны Галлии) живут, без всякого сомнения, германского происхождения *vangiones, (ungiones, ὀβανγίωνα, vangiones), treboci (treboci, triborci, tribocci, treiboci), nemetes (hemetes)*».

Гальская Германия разделялась на *Верхнюю* (Горную) – *Germania Superior*, или *Prima*, и *Нижнюю* – *Germania Inferior*, или *Secunda*. Первая составляла Южную Рессию. (*Raetia Auster*, или *Est-Rasia, Austrasia*); вторая – Западную: *Ouest-Rasia* (гот. назв. сред. врем. – *Westn-Rich*), *Westria*, измен. в *Neustria* и *Noricia*. Верхняя, или Горная, Германия заключала в себе владения: 1) *Раурикское*, т.е. *Юрьевское*, или *Туровское* (горное); 2) *Тревское* (Древанское), или *Тревирское*, по р. Мозель (по Птоломею, *Obrinca*); 3) *Саонскую*, или *Сенонскую*⁷⁹ область по р. Саоне (*Sana, Sequana*, впад. в Рону) и Сане, или *Sequana*, впадающей в пролив Британский. Эта область обнимала *Луги* или леса *Vosge (Voyge, Vosagus, Wosgau)* и леса Юры, и без сомнения составляла пограничное земское воеводство, коего жители назывались *lingones, leuci* (леси, лужане), как впоследствии по р. Лабе (*Эльбе*). Область *Sungaw*, где жили *sequani cisjuriani*, т.е. *sennoni* заюрские, составляет часть бывшего Саонского владения. Город *Девин* (*Divio, Divionum, Dijon*), вероятно, также был в этой области⁸⁰. Должно полагать, что область *Савойя* (*Savona, Saulvoye*) составляла продолжение области Саонской (собств. *Савинской*).

Нижняя Германия состояла из главных владений: невров-норичей, коих главный город был *Boganum*, или *Bogacum* (Str.) на р. *Sabis*, или *Sambre*; а между *Mosa* и *Mosella* тунгров (*tungri, tingri, τίγγροι*), или туричей (*turingi*).

Стезя переселений княжеских родов с частью племен и преимущественно с земщиной обозначается сама собою. Мы изложим эти переселения в особой статье.

Vangiones, или *vagiones*, без сомнения, населяли горы Voysge, Vosge. *Tribocci*, известные еще во времена Карла Великого на пространстве *Алзациии* (название от р. Ill, лат. Ellus, Pellus), т.е. в Тревирской области, суть те же тревирь; но с собственным их названием – *древичи*, или *древане*; как называются по сие время *древане*, жители бывшей области Treva на Эльбе и по р. Treva, Drevenna.

Nemeti – соседи невров (наровян). Их город *Namon*, *Namurcum*, *Nemesium* (*Namoug* при впадении *Sabis* в Мозу). *Nemours* (*Nemoracum*, *Nemesium*) напоминает также их жительство. Тут же река *Nemesa*, ныне *Nims*, впад. в *Mosella*.

«Губии (в большей части кодексов Nubii; у Понтана исправлено: Hubii) также хотя заслужили название римской колонии и охотнее называют себя агриппинцами, по имени основательницы колонии, не стыдятся происходить от германов. Переселенные в древности и в верности испытанные, водворены по самому берегу Рейна с тем, чтобы они нас охраняли, а не мы их сторожили.»

Мы принимаем за вернейшее чтение *Hubii*⁸¹, соответственно Страбону: *χαῖβοι* – *chaubi*.

Колонии Траянская (при устьях Рейна) и Агриппинская назывались *ripuarii*, т.е. пограничные, или по-славянски *украины*. Поветы в воеводствах назывались *жупами* или *губами* (*жура*). Назв. *zutrphen* напоминает жупанию Траянскую, а *hubii* – Агриппинскую. По правую сторону Рейна, против колонии, по побережьям, занимают, как увидим ниже, земли вруктеров – *angri*, *angarii*, *angrinarii*, *angeren* – *укряне*, *укры*, *украины*⁸².

XXIX. «Но из всех племен мужественнейшие *bataui* (*bataui, batauij, batanii, batami, batani, bathi, batij, bathauij*). Население их не столько по берегу, сколько на острове. Некогда они принадлежали к чехам (*chatti, chattorum populus*), но вследствие внутренних раздоров переселились в эти места и вошли в состав Римской империи. До сих пор они пользуются почетом и отличиями давних союзников. Они не несут тягостных податей, их не притесняют откупщики. Освобожденных от тягла и наборов и обязанных только войсковой службой, их хранят как меч, как запас оружия для войны. В таком же отношении подданства и маттиаки (*mattiacorum gens, mattiacorum, martiacorum, mattico, matiaco*), ибо благоуважение к величию римского народа простиралось за Рейн, до древних границ империи. Таким образом, обитая в своих пределах, они душой и телом были преданы нам и различались от батавов только тем, что жизнь на своей собственной земле и под своим родным небом придавала им более одушевления».

Низменные болотистые земли в устьях Рейна могли занимать только *чабанские* и *табунные* населения с их кочующими *гуртами*⁸³. Из этих названий могли образоваться у римлян *tubanti, cannenufates*. Вообще белгов (*belgi, belguer, bolgi, volgi, falai, folgen, walaha* – должно отнести к пастырским племенам (*volar, volak – volski, volowi pastir*), как и *volcae (volsi, volsici, volusci, volsci)*, живших в Италии по низменным пастбищным местам *Pomptinae paludes* и по пастбищам при устьях Роны; как впоследствии и все волошские населения (влохи, влоси, валахи) по долине Падовской и пастбищным низменным местам по Тейсе и Дунаю, при устьях этой реки, в Валахии, в Буджаке (*Bogh-zagh – земля бойев*) и по набережным Булгарии. *Ватове, βαττων, bataui* и *veluve* (см. карту) составляли, без сомнения, одно и тоже раздвоенное произношением на-

звание *влотове* с исчезнувшей буквой «л» – т.е. волотове, или влохове – племена Бельгии, славяне Галлии, которых название *wlach* приняло смысл *italicus* и по выходу их из Италии и по подданству римлянам⁸⁴.

Вместо *mattia*, кажется, должно читать *martia*, т.е. *marchia*, в значении пограничной области⁸⁵ и именно земля так называемых марсов (*marsos*); ибо нельзя же, чтоб Тацит, упомянув в § 2 о роде марсов, упоминая о них в «Летописях» и «Истории», не упомянул о них в общем исчислении германов. По Плинию, в соседстве батавов жили *marsaci*; они известны и Тациту (Н. IV. 56) под названием *marsacos*; но это *марсичи*, т.е. происходящие от марсов (малые марсы). *Mattiaci* же жили в горах, именно там, где марсы; ибо Курций Руф нашел в земле их серебряные рудники (Annal. XI. 20). **Население марсов определяет храм Tanfana (Девин) и рудники горы Milibocus, где, по Птоломею, означены maravingi.**

«Не считаю в числе германских племен соседящих с ними за Рейном и Дунаем, возделывателей десятинных полей. Безрассудность и смелость нищеты заставили поселиться некоторых галлов на этой спорной земле. Впоследствии, когда обеспечили границы и была выдвинута цепь стражи, этот выдавшийся угол империи составляет род провинции».

Первая *Terra Franca*, граница римлян с германами, за Рейном, была *Frisia* (*Frasia*; по Tab. Peut. Francia).

Эта граница (*chranica*, *chranka*, *борт*, *варта*, *hradza*, *hraz*, *град*, *ограда*, *fraise*, *фрахо*, *фрассо*) образовывалась всегда из поселенцев, на тех же условиях, как украинские казачества, освобождаясь от поземельных податей, и каждый *frank*, *french*, *fry*, *frig*, *freach* – был *вольный* *chranse*, *chranes*, *страж*, *варта*, *варташ*, *вартовник*, *garde* – *борт*, *бортник*.

По покорении пространства между Рейном, Дунаем и Майном образовалась граница – Francia – по Майну.

Сайванское племя, населявшее эти места, носившее и племенное название по родоначалию от Саво, Славоя, и земщина – marsi, catti, harudes, – переселились за Майн и в Горицкие, или Горичанские, леса (*Hercinia Sylva*). Эту землю, как мы видим из Тацита, занял разный нищий и отчаянный сброд на условии десятины. Прозвище этих новых поселенцев собственно Сайвании Прирейнской (*Svevia, Suavia*) альманами (*allemani, allamani, ala-bani*) проявилось в письменности не прежде III столетия. Аммиан не смешивает *alamanni* с *germani*. Император Юлиан в 359 году по Р.Х. идет за Рейн, чтоб возвратить эту область Риму, и ему покоряются шесть владетелей (князей) оной: *Magian* (Сл. Маро, Маринко), *Nariobaud* (*Naroboud = Narovit = Яровид*), *Uri* (Юрий), *Ursicin* (Юрошин), *Velstrap* (Веледраг: «g» изм. в «p»), *Vadomari* (Видимир).

XXX. «За ними начинается население чехов (catti, caiti, caeti, chaeti, chatj, ghaetos, caetos, caeti) нпу Горичанских лесах (Saltus Hercynius). Местоположение не низменно и не болотисто, как прочие области Германии; в протяжении оного холмы постепенно исчезают, и Горичанские леса, следуя совокупно с населением чехов, вдруг уклоняются от них. Чехи (чеси, часи) – народ крепкого сложения, статный, гордой наружности и могучей силы духа, как германы, они замечательно здравомыслящи и умны в избрании предводителей, в покорности к ним, в сохранении порядка, в умении пользоваться обстоятельствами, в воздержании порыва к бою, в распределениях во время дня, в предосторожностях во время ночи, в правиле: не полагаться на счастье, но на доблестное мужество; и что необыкновенно и может быть только следствием понятий о военной науке – полагаться более на предводителя, нежели на войско. Вся их сила состо-

ит в пехоте. Каждый пехотинец, кроме вооружения, несет на себе железные, рабочие орудия (*ferramentum*) и продовольствие. Словом, кажется, что все прочие (германцы) выходят только на сражение, между тем как чехи снаряжаются на войну. Они редко делают набег и внезапные нападения; впрочем, эти набег, чтоб сорвать победу или при неудаче быстро отступить, свойственны только коннице. Торопливость близка к страху; медленность свойственна настойчивости».

Из этой и последующей главы мы видим, что *caeti*, *chati*, *chaetos*, *caetos*, *caiti*, т.е. чехи, часы, чеси, есть постоянное пехотное войско, полки строевые. Протяженное население их по высотам, ограничивавшим римские владения, составляет размещение полковых *краин* (укроев, округов), на которые Чехия разделяется и поныне.

Следя за переселением племен савинских из Италии в Альпы и за Дунай, следует припомнить о *casci*, становивших в области Reate (*Rosea, Roseae Campus*): «В Reate, в Савинии, в земле марсов римляне встретили *casci*, покорили их или прогнали»⁸⁶.

Если сайваны имели строевую пехоту, свои *когорты*⁸⁷, то, без сомнения, название ее соответствовало назначению. Старинное слово *чета* знач. *acues instructa, cohors*, полк, рота, рать в значении *сочетание, собрание: чесити* – собирать⁸⁸. *Чети, чеси, часи* значило следовательно *сборные*. *Чек* – место сбора и след. ожидания. Слово *чета* в чешском языке изменяется в *cesh* в лат. *coetus, collegium*, откуда слово *цех; ceshowui* – принадлежащий к чети, к цеху.

По всем соображениям, которые постепенно объясняются, главный владетельный род славян был *Юрьевский*, ведущий свое родоначалие от божества побед Харе (*Арґс, Нрѡс, Heros, Яро, Юрий*). Его владения образуют *Раджию* – Русь. В *Rhaetia* Юрьевская область (великокняжение) носит искаженное римлянами название *Raurica, Augusta Rauracorum*;

на новоселье же, за *Черным лесом*, в Туринской (Thurmgen) области – иначе искаженное название: *Херускида*.

Здесь граница против римлян по Майну, Радунице и до Дуная могла быть защищена только пехотой. Ее и занимают *саети* – *чети*, или *чеховые полки*, разумеется, составляя особенное воеводство на земле податных жителей.

В стихотворении «Суд Любуши», которая жила в начале VII столетия, упоминается о приходе *чеховых полков* под предводительством Попела и об овладении местностью нынешней Чехии:

«Люты *хрудос* на Олаве-криве,
На Олаве-криве, златоносие,
Стоглав храбер на Раддуже хладие (на р. Радунице);
Оба братри, оба Кленовича,
Рода стара, етвы (ветви) *Попелово*⁸⁹
Енже (иже, он же) прииде с плъкы Чеховыми,
Все же жирне власти простер реки.
(Т.е. всюду великой власти простер руки.)

XXXI. «Также следующий обычай, который у других германских народов исполняется при редких и частных случаях оказанной храбрости, у чехов составляет условие общее: а именно, при возмужалости отращать волосы и бороду, и не иначе обривать их, по обету и обязанности воина, как низложив врага. На крови и на добыче обнажают они чело свое от волос, и единственно с этой поры считают уплоченным долг родителям и являются достойными отчизны и предков. Бессильные же и неспособные к войне остаются навсегда небритыми».

Таким образом толкует Тацит древний русский обряд постригов и посадки на коня сыновей княжеских, боярских и вообще руси; так понимает он и простой обычай *arevelare*

frontem у поступающих новобранцев в постоянные строевые полки, которые существовали искони. Например, княгиня Ольга, возвратясь с войны против древлян, «*пристрои вой на прок*», т.е. учредила постоянные войска.

Варяги, т.е. наемные воины, стражи, *solidati*, отправляясь из своих украин и станиц во время мира на военную заработку, также составляли дружину, обученную строю; как пехота, при *исполчении* дружины становились они в середине боевого строя: «Ярослав же выступи из града и исполчи дружину, и постави варяги посреди, на правой стороне кияне, а на левом крыле (относится к коннице) новгородцы, и сташа пред градом».

«Храбрейише, сверх того, носят железный обруч, как оковы (что считается у народа постыдным), покуда не освободятся от него убиением врага. Большею части чехов нравится этот обычай, и они до глубокой старости носят этот знак, отличающий их и у неприятелей и у своих. Во всех сражениях они начинают битву, всегда в передовом строю, и наружность их поразительна. Даже во время мира взор их не смягчается. Они не имеют ни домов, ни полей, и ни малейшей о чем-нибудь заботы. Куда приходят, там и получают продовольствие. Роскошествуют чужим добром, пренебрегают своим собственным, покуда хладная старость не сделает их неспособными к этому суровому мужеству».

Из этого описания просто и ясно видно, что чехи составляли войска, размещаемые на постой между жителями. Их быт совершенно войсковой. Тацит и вообще древние историки не обращают внимания на сайванские народные сословия и смешивают быт казачествующей земщины по украинам с бытом селян и поселян. Жизнь сайван в недрах страны, обеспеченных от нашествия римлян, им была совершенно неизвестна.

Тацит дал свое значение *обручу*, который вообще у славянского войскового сословия, у руси, у варягов, варязей, фрязей, или, по галльскому произношению, франков (*franci, franqui, φράγγοι, φαράγνοι, βάραγγοι*), был *обручением* или *обречением* себя на верную службу.

Обручи эти, находимые во множестве в могилах (курганах) на всем пространстве населения славян по Европе, суть варна, *знамение*, *знак* веры, обета. Они без исключения свивались из *трех* проволок в виде змеи – *сарпа*, но были не железные, как пишет Тацит, а серебряные с примесью⁹⁰, вроде плохого серебра, действительно похожего на железо. Ошейные обручи, ожерелья назывались, как уже мы упоминали, *гривнами* – *грайван*.

Те и другие были признаками *служения* (*servio*), *охранения* (*servo*) – словом, *стражи* (*servans*). Носившие их и составляли ограду, обод, пояс (*serta*) *области* или *государства*, образуя собою *град*, которого живая стена уподоблялась свернувшейся в обруч змее.

След этих знаков сохранился в *цатах*⁹¹, гривнах и начальничьих знаках службы (*hausse-col*).

XXXII. «В соседстве чехов, где ложе Рейна становится определеннее и река составляет сама по себе уже надежную границу, живут usipi (usipii, usippi; по Птоломею, ουσίπια, vispi; по Страбону – νουσίπων) и tungri (tenc-teri, tenetri, teneteri, tenecteri, tenteri, theneteri, thencteri, teucteri; в греч. тексте Птолемея τίγγρα, т.е. тингры, замененное в латинских переводах и на картах посредством tingeri, tenceri, tencteri»⁹². В Дионе Кассие τέγγρητα).

Tungri *сверх* *обычной* *воинственной* *славы* *отличаются* *и* *искусством* *конного* *строя*. *Слава* *о* *достоинстве* *пехоты* *чехов* *не* *превосходит* *славу* *конницы* *туричей*. *Так* *учредили* *предки*, *потомки* *им* *подражают*. *При* *настойчивости* *старцев*, *наездничество* *составляет* *забаву* *детей*, *соперничество* *юношей*.

Кони переходят в наследие, как челядинцы, дома и прочие вещи. Наследует их сын, но не старший, наследующий все прочее, а храбрейший на войне и лучший наездник.

Восстанавливая греч. текст Птоломея (*тингри*) Диона (*тенгричи*), и Тацита (§ 11, *тунгры*), представляем следующие законные на то причины. Тацит пишет:

*«Ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum; quoniam qui primi Rhenum transgressi Gallos expulerint, ac nunc Tungri, tunc Germani vocati sint»**. На каких же тунгров, нашельников из-за Рейна, намекает Тацит? Разумеется, на тунгров, обращенных и в «Комментариях» Цесаря в тенктеров (*tenchtheri*), которые вместе с *усыпетами* (*usipetes*) овладели землями римских союзников *тепарии*, живших по обеим сторонам Рейна, т.е. там, где являются с одной стороны тунгры под своим близким к истине именем, а с другой, под искаженным в кодексах названием *tenchtheri*.

Происхождение воинственных и прославившихся искусством конного строя тунгров по всем соображениям следующее.

Этрусски – турены (*tyrrheni*), **tusci**, **tusici**, **turici** – составляли некогда обширное население Южной Реции (*Est-Rasia*).

По удалении из Италии от ига римлян они явились в Альпах под названием ретийцев-туричей – *taurisci*, и по-прежнему **tusci**, когда покоренная лонгобардами часть населения прозвалась *Tuscia*.

Округ их населения простирался от р. Падова за Альпы, и повсюду следы прозвища:

На р. *Dugia* (Тура), в вершинах р. Падова, при впадении р. *Мала* (*Mala*), текущей от верховьев р. *Стуры* (*Stura*), – го-

* Имя «Германия» новое и недавно вошедшее в употребление: сначала «германцами» называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми (*лат.*).

род Turin, Taurinum, Turingia; жители taurini, turingi (древ. taurusci). Ниже, на р. Tessin, город Ticinum, Tessino (*Тешин*).

Между р. Russ и р. Tura, впадающей в Рейн, ниже озера Venetus – город и округ Tigurum, изменившийся в Turegum, Turescum, и наконец – Zurich. Жители tigurini, turegi; turici.

Близ р. Тесны, впадающей в верховье Рейна, под горой *Strela*, город *Chur*. В верховье Роны – *Тонгаја*.

В р. Inn (Oenus) впадает яр Tesna, а при впадении Sala и Salza – г. Turo.

По покорении римлянами альпов как Rhaetia, так и Taurisci, Turici, Turingi должны были перебраться на север, за Дунай. Здесь и являются владетельные *χαρουσινοι*, che(t)rusci, и в то же время под *Чернолесьем*⁹³ же – *mironi* и *teuriohaete*, проясвившиеся уже в Средние века под названием Thuringia, по слав. **Turinska zem, Turinek, и жители turincane, turinsti**⁹⁴.

Из этой-то области должны были выйти и tingri (Птол.), tungri Тацита, занявшие по его и по ту сторону Рейна земли менапов (menarii), где во время Юлия Цесаря они были известны под именем *tulingu*.

Таким образом, **teneteri, tENCHtheri, teuteri, tenceri, неизвестные** ни Страбону, ни Плинию, которые бы верно их знали по их славе и известности, о которой пишет Тацит, – неизвестные ни Птоломею, ни Диону Кассию, могут быть исключены из числа существовавших народов.

XXXIII. «После тунгров (туручей) жили некогда bructeri (по Страб. βρουκтера, в Москов. код. Воунтера; по Птол. Βοσάντερα); теперь же живут каманы (chamanos, chamani, camanos, chamavos, camattos) и agrivarii (auginarios, augrinarios, angrinarios, agrivarios, anguiv-arirs, agervarios); по Птол., в одном месте подле σοῦβα λαγγοβαρδα означены τγγροι και γγγρίωνες; а в другом месте подле λαννοβαρδοι означены ακυριοῦαριοι, которые

поселились тут и обще с соседними народами прогнали и окончательно истребили бруктеров, за гордость ли их, из выгод ли добычи или по милости к нам богов, не отказавших нам даже в зрелище этой битвы. Более 60 тысяч человек не оружием, не мечом римским истреблены; но что торжественнее представили нам картину междоусобной резни. Да продолжится если не преданность к нам, то, по крайней мере, взаимная между ними ненависть; в тяжелые времена империи ничем счастье не может послужить нам более кстати, как раздором наших врагов».

Прежде всего должно заметить, что эти *bructeri*, *chamani*, и *angrivarii* населяли по пущам живые границы с римлянами, и что эти населенцы, составляя *земщину*, должны были носить не племенные названия, а обычные войсковые-пограничные: бортников, украинов, охранной стражи, варты, казачества, комоньства (конницы, от *комонь* – конь). Здесь должны были быть *луги*, *сечи* и *коши*. Очень естественно, что не понимая этого распорядка у *варваров*, римляне обращали все условные названия в племенные, и таким образом наполняли свои сведения именами небывалых народов, а переписка и чтение неясных и под титлами рукописей в свою очередь расплочали их.

Словом *некогда* (*olim*) Тацит напоминает время Германика, когда между сайванскими прирейнскими племенами по отношению их к римлянам возникли раздоры⁹⁵.

Во время нашествия римлян, при неудачах охранной земщины, народ бросал свои жилища, уходил в леса, к соседям, и потом снова возвращался и селился как попало. Отсюда эта смута и перетасовка в населении этих мест. «Какое обширное пространство, – говорит Тацит, – обратилось в пустыни, где впоследствии *паслись наши войсковые стада и табуны*. Эти земли принадлежали некогда *каманам*, потом *тубантам*, и наконец *усипиям* (*Usipii?*)⁹⁶.

Несмотря на сказание Тацита об изгнании и «совершенном истреблении *bructeri*, они у Птоломея под названием *великих* и *малых busacteri* являются на том же пространстве по обеим сторонам р. Эмса (Amisia); а на таблицах Певтингера под названием *burcturi*. Если одно наречие называло пограничную стражу *бортниками*, другое *украйнами*, третье *комонью*, четвертое *жупанством*; то для римлян достаточно было, чтоб образовать из этой пограничной варты или стражи небывалых *bructeri*, *angrinarii*, *chamani* или *chamavi*, и *tubanti*.

Все эти пограничные вартовые станы, округа, укрои (*ukrog* – сеча, по-Угорски *szakasz*) зависели от херусков (т.е. Юрьевского владения); реки Вехта (по Птол. *Vidrus*) и Эмиза (Amisia) были пределом римского владения. Следы же русской варты сохранились в названиях местности: *Burtange desertum*, *Burtanger Heide*, *Bardundo*, *Bordengau*.

Вдоль по левому берегу Везера (*Visurgis*, *Visura*), от р. Дольмы и Ухты (против Бремена) до устья и по океану, существовали по старинным картам Янсона названия мест, напоминающих *варты*: *Hammalwarden*⁹⁷, *Bardowisch* (*Bardovicum* повторяется против Тревы на Рейне), *Lemwerder*, *Golswarden*, *Eqwarden*, *Gripwarden* (повтор. против остр. Ругена слав. город *Gripswald* (Грабовский хай?), *Enswarden*, *Fiscwarden*, *Swewarden* (Савская варта?) *Langwarden* (Глинская варта?), *Conneverde* и пр. Вся эта местность называлась *Butiadinger-land* (*Burtanger*, *Bardunger-land*?) и также *Kaiding-land* (земля квадов – *quadi*, *cauchi*); а между р. Дольмой и Гонтой (*Hunta F. Horn. F.*) *Stadiner-landt* – земля стадичей, стодеран.

Общее же название выселенцев из Белгии по обеим сторонам Везера: *belgi* (т.е. *wlachi*, *volsci*, *volsi*, *volsici*, *volusci* Италии), *welschen*, *folgen*, *falahi*, *falai*; *west-falahi* или *westerliudi*, *Ost-falahi* или *ost-liudi*.

Заметим предварительно мельком, что все это савино-италийское, или савино-латинское, поселение посте-

пенно передвигается к востоку; не говоря о латинизированных славянских собственных именах, так называемых херусков, сходных с литовскими, мы упомянем о сходстве древнего прирейнского населения с населением при Висле: влахи *liuti* – леты, летове; *φρισσοι*, *phrisi* – *pruzzi* (*frischenerung*, *frisch-haf*); *holland* – *galinde*, *holland*; *veluve*⁹⁸ – велавы, велеты (влохи); *bardorum vicus*, *bardengau* – *barthen*, *barthonia*; *nervii* с главн. городом *Vogacum* – *наровы*, по Бугу с г. Боцки (*Boczci*), Беловежа (*Belovaci*); *nemeti* с г. *Namon*, *Namurcum*, *Nemesium* и река *Nemesa*, впадающая в Мозель, – *немизи* на р. Немане или Немизе («Слов. о полк. Игор.»); древане, жит. обл. Тревы на Мозеле и потом на Эльбе, – древляне, на Припети, и т.д.

Там, где по одному наречию были *marchiae*, т.е. пограничные земли (от миро, маро, марко, *marec*, *marek*), там, по другому наречию, были крайны, охраны, украины (от харэ, харинна). Одно слово давало название *marsi*, *marci*, *markowe*, *marchici*, другое – краинцы, украинцы, украине, укряне. Точно так же, как мы упомянули от *борт* – бортницы, от *hran* – *грань*, граница – *hranici*, *hranicane*, из *украинов*, *укрян* образовались *auginari*, *agervari*, *agrivari*, *augrinari*, *angrinari*, *ingriones* и в средних временах *angri*, *ingri*; и по стезе передвижения украины местности готского прозвания: *Angerort*, *Angermunt*, *Angerrad*, *Angerdorf*, *Angerveltz*, *Angerhusen*, *zum Angern*.

Как название *угр*, *угрин* с перестановочным или придаточным «н» изменяется в *unger*, так и украин, укрянин (галльск. *ogre*) изменилось в *anger*⁹⁹.

Можно полагать, что *ansibarii* суть *insubri* Альпов, т.е. *συμβροι* (сербы), как пишет Страбон, хотя это и считается за ошибку, которую, по мнению эрудитов, следует заменить *инсубрами* или *кимврами*; но так или иначе, во всяком случае *кимвры*, *ансибарии*, *инсубры* и *сикамбры* суть только различное писание одного и того же войско-

вого сословия сербов, что подтвердят со временем подробнейшие поверки древней истории. Предание Страбона о переселениях войскового сословия кимвров повторяется у Тацита под названием *ansibarii*.

Прирейнская украинна с ее *сечами* и *кошами* продолжалась до Карла Великого. С этого времени возникает не одна уже цель покорения славянских племен, но и обращение их в христианство; а сверх того, преследование исповедания восточного и обращение в латинство. Наследники Карла Великого с их последователями продолжают это дело. Против двойной силы постепенно иссякают пограничные войсковые сословия и земщина славян. Часть покоряется, другая, отступая к востоку, образует новые украинны по Лаббе (Эльбе), по Саве (Одере), по Висле, до Ингрии или Югории, переходит к Дунаю и к Черному морю, на границы Азии. В этих новых украиннах те же прирейнские названия войсковых сословий и те же обряды боевого населения, которые сохранились по сие время и у большей части горских племен Кавказа. Прирейнские украинцы (укряне, укры, *ogri*, *угры*, *angri*, *ingri*), **сербы** (*cimbri*) **туричи** (*tungri*, *turingi*), **команы** (*comani*), **козары**¹⁰⁰ (*casuari*, *chasuarii*), являются нераздельно и на Черном море и на Дунае. Нераздельно с ними идет и собственно *народное* (*vulgus*) **выселение из Белгии (Белой руси)** под измененными названиями *влахов*, *булгар*.

XXXIV. «Укрян, *angrinarios*, (*angrivarios*, *agervarios*) и **команов** (*chamanos*, *catanos*, *chamavos*) **облегают с противоположной стороны** *dulgibini*, *chasuarii* (*casuarii*, *chasuari*, *chasudrii*) и другие не столь замечательные народы».

Название *dulgibini* изменяется в кодексах в *dulgilubini*, *dulgicubini*, *dulcubimi*, *dulgibini cubrini*; у Птолемея — *δουλυούμνιοι*. Следы их населения: город и область *Dulmen*

за рекой Липой (Lupia, Lippe; в верш. г. Lippe или Lipstat) и сверх того река Delma, впадающая в Везер с городом и областью Delmenhorst.

Славянские племена обычно назывались по местности *горной* или *дольной* – *горянами, горичами и долянами*. *Дольный* произносилось также *dolem*; отсюда *dolman, dolomán* – длинная верхняя одежда, tunica. *Dolnak*, следовательно, изменялось в *dolmak, dolmat*. Дольное открытое место называется также *голом*¹⁰¹.

После оттеснения славянских племен от Рейна *dalmatae* германские жили между сербами и чехами¹⁰². Названия их в летописях изменяются в **dalinantia, dalmanci, dalamentan, talaminzi, dalminze, dolerainci, delemenci, dolminza**. Им давали и другое название – *glomaci, glumici*, т.е. холмичи, без сомнения, по главному их городу холму (*chulm, culm*) на р. Eger (Egra, Oogra, Ohra; по толу – Argelia).

Chasuarii, или *casuarii*. У Птоломея *casuari*.

По Тациту (смотри ниже продолжение главы) *chasuari* соседи с *фризами*.

Если отрывок рукописи так называемого баварского географа о свевах относится к шестому столетию, то есть к тому времени, когда еще славянские населения простирались до Рейна, то в числе племен, живших *de Enisa (Emisa) ad Rhenum*, были **Caziri, Ruzzi** (по карте Певтингера Rhestini), Liudi (впоследствии Ost и West-Liudi или Ost и West-Falahi), Fresiti (Frisii), Ungare (Angri), и пр. Все эти племена и русь перешли за Салу и за Эльбу, перенося с собой и названия мест. Эти вытеснения славян и степи их перехода от Рейна и из богатой туrowsкой области (Thuringia) так явны в истории и на старинных картах, что было бы историческим преступлением не обращать внимания на староселье и применять все сведения к новоселью этих племен.

По Птоломею, *casuari* помещены на карте в вершине реки Amasius (Ems, Embs), где означен и город Amasia.

Население пограничных полков вдоль Эмизы могло носить и название *Cozagi* и тянуться до *Nertereani* (по Птолемею) или *Norisci* (по Тациту).

Различные проименования пограничных полков и составляют у Тацита причину неестественного столкновения стольких народов на пространстве границ с Римом и особенно между Рейном и Эмизой. Здесь должны были быть пешие полки – *чети*, чехи (*caeti*); земщина, земанство (*semnones*); комоньство (*samani*), составлявшее украйну (*angri, ungrī*)¹⁰³ и почетное коsonoсное войско (*кесара, кесика* – косатый), которого название изменилось по наречиям в *козар, гусар, козак*¹⁰⁴.

«Перед ними frisii (frisus, frisci, frasio, frisi), которые разделяются на великих и малых соответственно их силам. Те и другие тянутся от Рейна по океану и вокруг обширных озер, посещавшихся римскими кораблями. По этим озерам мы достигали даже до океана, где, по рассказам, существуют столпы Геркулесовы. Неизвестно, проникал ли действительно Геркулес до этих пределов или столпы посвящены имени его. Не смелости недоставало у Друза Германского, но Океан воспротивился изведованиям и о самом себе и о Геркулесе. Впоследствии никто уже не решался на поиски, полагая, что благоуважительнее и богоугоднее верить в чудеса божеств, нежели изведовать их».

Фрисии не были известны Юлию Цесарю. Когда Германик перенес римское оружие за Рейн, первый стан римлян был, по Плинию, в низменной земле *фризов*, которые и открыли им лекарственную траву от скорбута, распространившегося в войсках. Тацит описывает *фризов* как народ бедный и пастырский; наложенная на них подать состояла из воловьих шкур. Но они первые из покоренных и первые союзники римлян за Рейном. Фризы и *шауси* составляли лучшие вспомогательные когорты.

Нет сомнения, что Фризия, фризы получили свое название тогда уже, когда то прибрежное пространство, населенное первоначально волохами-пастырями, образовали пограничную землю римлян (Тerra Franca, Hranica, Frontière) и занялись римскими войсковыми станами и сбродным (сборным – fronsé) войсковым поселением.

XXXV. «До сих пор мы обзрели Германию с запада. К северу она образует большой поворот, и, во-первых, следует Ghaucorum gens (Caucorum Cauerorum, Caueorum, Caveorum; по Птоломею – Καυχοι), которые, начинаясь от фризов и занимая часть побережья, тянутся вдоль всех вышеуомянутых народов и вдаются углом в землю чехов (cattos, chattos, caetos, chaetos, chactos). Столь великое пространство земли занимает, или, лучше сказать, наполняет собой народ (chauci), благороднейший между Германами, который достоинство свое составляет в справедливости. Не алчный и не слабый, он охранит мирное уединение, не возбуждая войны, не делая набегов и не промышляя разбоем и грабежом. Главнейшим доказательством их мужества и силы служит то, что они сохраняют свое превосходство не насилем. Но между тем у каждого из них оружие наготове, и в случае нужды готово многочисленное войско пехоты и конницы. Таким образом, миролюбие составляет их славу».

Население этого загадочного обширного народа тянется вдоль границы, или войскового поселения. Во время Друза (по Диону Кассию) ему соседили *στυαμβροι*, батавы, фризы. Фризия была еще за Flevo lacus, ибо Друз, покорив фризов, переправился чрез озеро Flevo и вступил в *Χαυνίδα*.

По Страбону, в соседстве *στυαμβροι* и *βροβίντεροι* населяли *χαῖβοι*.

Войсковые поселения Сечи обыкновенно подразделялись на *жупы* или *губные* (судные) волости, войсковое правление¹⁰⁵. Слово *сеча* могло измениться в *sauci*, *chauci*; а жупа, губа – в *χαυβοι*, *chaubi*. Область *zuthphen* – отзывается жупанией.

«*Populus inter Germanos nobilissimus, quique magnitudinem suam malit justitia tueri*».

Что же это, как не волость войскового правления, которая, сколько можно догадываться, перенеслась впоследствии на пространство, известное под названием *Voigtland* и *Terra Advocatorum*¹⁰⁶.

XXXVI. «Подле chauci и чехов херуски – cherusci (cherusti, churusci, cherusi, chorusci) долго упитывались излишеством и бездействием никем не нарушаемого мира; это было приятно, но неблагонадежно; ибо бессмысленно покоиться между заносчивыми и сильными. Когда дело идет о могуществе, воздержание и честность должны быть главным условием. Таким образом херуски, славившиеся некогда доблестными и благомыслящими, ныне стали ничтожными и бессмысленными. Чехов же счастье побед привело к мудрости. Падение херусков поразило¹⁰⁷ собой и соседний народ Роси (rosi, riuosi, rusi, fosi, fosci.) В бедовое время стали они как равные и сотоварищи, между тем как в благополучное время были низшими¹⁰⁸.

Прежде всего оправдаем принятое нами чтение *rosi*, *rusi*, *rosi*, вместо *fosi*, *fusi*, *fosci*.

Во-первых, Тацит упоминает здесь о пограничном херускам с востока народе, и это упоминание может относиться только к значительному народу, которого имя должно быть известно кому-нибудь, кроме издателей Тацита; но сомнительные *fosi* неизвестны ни одному историку (чему удивляются и некоторые из издателей Тацита)¹⁰⁹.

Во-вторых, в рукописях начертания букв *r* (*r*) *r* (ſ) и *f* (*F*) так сомнительно, что очень часто принималось переписчиками одно за другое и вместо *sacro* писалось – *racro*, *fortis* – *sortis*, вместо *rettulerat* – *sedtulerat*; вместо *senones* – *fenones*.

Основываясь на этом, мы имеем полное право заменить не существовавших *fosi*, *fusi*, *fosci* своими собственными соображениями:

1. На карте Певтингера означено на местности херусков *rhestini* (читай, *ресцины*, т.е. *rutheni*, русины, расы, рашане).

2. *Раса*, *Расция* составляла исконный владетельный край сербский. Великожупанский род Неманя происходил по темным преданиям от *Раишского господарства и сродства Августа Цесаря*. Родоначальник был Юрош (Юрий). То же самое темное предание относится к великокняжескому русскому роду *Рюрика*.

Мы уже обратили и еще обратим внимание на значение и происхождение русского Юрьевского рода и на то, что славяне разделялись на русь, т.е. военное сословие – аристократию, ареевцев, или юрьевцев, и на вендов, т.е. оседлых податных поселян.

3. *Русь*, означая *regnum* и общее название войсковых сословий, при проявлении областных или племенных названий исчезала для истории. Но где же была северная германская, племенная область Русь, которой жители прозывались русью, русинами, рошанами, *gugiani*, *rutheni*?

Мы полагаем, что она занимала в древности все пространство от набережных Балтийского моря до *Русских гор*, прозванных греками горами *Рифейскими*, чрез которые шел путь торговли янтарем.

Этих Рифейских гор, из которых и по Плинию и по Птоломею истекает *Tanais*, не должно искать за Волгой, несмотря на смутные, составленные из рассказов сведения древних. Эти сведения, вероятно, смешивали так называемых кимвров, киммериян и Херсонес Таврический

(Киммерийский) Черного моря с кимврами, киммериянами и Херсонесом Кимврийским севера; а сверх того, смешивали *Дунай* с *Доном* под названием Танаиса, что и подтверждают слова Эсхила, который говорит, что из Рифейских гор истекает *Истр*, т.е. *Дунай*. Приняв Мораву за одно из верховьев Дуная, мы приблизимся к *снежным* вершинам *Русских* (Riesen-Gebirge), или *Судицких*, гор¹¹⁰. Известие Эвдокса (379 г. пред Р.Х.), что из гор Рифейских истекает р. Эридан, т.е. Одрова, Одер, еще яснее определяет их местность.

Несмотря на эти ясные указания, Рифейские горы занесены, по прокладке Птоломея, в Тульскую губернию, по другим сведениям, за Урал; а соседящие с ними *Venedici montes*, из которых по сведениям же древних вытекает Эльба, – за Вислу, в болота Судавии.

Название Riesen Gebirge подтверждает также, что эти горы носили прозвище Русских, ибо готское слово *riese* в старом языке и в наречиях *rese*, *risur*, *riso*, *reus*, *risius*, приняло значение *великий*, *великан*, *athleta*, *heros*, *miles* от русов, что подтверждает следующее: «*Terram, quam incolebant hi Gigantes, veteres historiae Risaland nuncupantur*», т.е. как он говорит, *Rizland*, *Risialand*, *Russialand* – Русь.

Если *Русь* (Regnum) была в Херускиде, то слова Тацита об отношениях великокняжеской области к удельным, подвластным ей областям, просты и понятны.

Исследуем теперь о херусках, которых род и знаменитое имя так внезапно, можно сказать, исчезло из истории; чего, однако же, существенно никак не могло быть.

Мы уже объяснили коренное происхождение названий племен славянских и сословий войсковых, считающих родоначальником своим Вишну – *дева Харэ*, т.е. победного Арея, Юрия, Иоргиле, Иракла¹¹¹. Как в Азии от Иракла происходит владетельный род Ираклидов – на том же самом основании у сайван германов от Юрия велся род Юрьевский, старейший и, следовательно, царственный, к кото-

рому и принадлежали все владетельные дома руси, или государства. Слова Тацита об избрании Reges ex nobilitate поясняются значением у древних русов и славян старшинства рода и тем, что князья удельные назначались или избирались из рода великокняжеского.

Владетельная царская и великокняжеская область носила преимущественно название *руси*. Разделение или, лучше сказать, распадение владетельного рода образовывало из одной *раджи*, или *руси*, несколько *раджий*, или великокняжений, чему мы видим пример в древней истории России, коей родоначальный Рюриковский разветвившейся род распался во время монголов на несколько великокняжений.

По условию первородства и наследия имени и прав преимущественно к старейшим сыновьям переходило и *родоначальное имя*, предшествуя всегда в двойственных именах придаточному.

Следы владений Юричей, Горичей или Юрьевского рода еще явны в истории.

После выхода из Итальянской руси (Этрурии, Этрурсии)¹¹², в Рэции, или Руси Альпийской, владние *Рауржское (Basilea, или Augusta Rauracorum) есть собственно Юрьевское*¹¹³. По области и прозвание гор *Iurastios mons*, Jura mons. Тут город Arau, обл. Argovia¹¹⁴, область Uri, реки: Aar, Rusa. На оз Леман города: Девин (Divona), Яново (Janova), Юрьев, (Iurea, Ioure); на р. Туре (Dura, впад. в По близ Aug. Taurinorum) – Iurea; тут же caturiges (ex Caturigibus orti Vagienni Ligures, qui *montani* vocantur. Pl.), т.е. **горичи, хорваты**. **Самое название Caturicum изменено в Saorgium, Georgium**; ныне Chorges. Тут *brigiani*, или brigantine, (briançon), gallitae, verusi, или verrucini, nementuri (неманы, немизи), савини, (savini), загорье (sigorii), тригорье (trigorii) и пр.

Изменение *юрочи-юрьевцы* в *raurici-rauraci-rauriaci* соответственно изменению *Ярослав* в *Раосав* или *Раослав*, *Слав*, *Яро*, *Яровит*, *Ярун*, *Ярило* в знач. *arator*, *аротър*,

изменяется в латинском в *Ruror* и в *Rurina*, *Rusina* – божество полей.

Русский Юрьевский род проявляется уже яснее в *Горицах* (Hartz) Германии (Милибожеские горы, Черный лес – Thuringia). Здесь он носит уже название *cherusci* (*cherusi*, *chorusci*); название особенно знаменитое и исчезнувшее, как и большая часть сайванских племен из истории. Но обратимся к семье народов, живущих в нынешней *Славянской Горице* на Саве и Драве. Тут, на пространстве древних *taugusci* (они же *tusci*, т.е. *turici*, и *turingi*, *turini*), во-первых, Крайна (Украина), *Choroshko* или *Koroshko Zeme*, жители коей *choroshzi* – **корошцы, горичане** (*chorutane*, *korutane*, *goratane*). По Саве – словацы, словенцы (*slavonia*, *savia*, *svevia* (Юрн.)); область Заграбская (на стар. карт. – *Sagabria*); потом следуют хорваты, потом сербы, далматы; по Дунаю – угры, унгры, *венгры*, эти *hunni*, т.е. ваны, венды IV столетия, и тут же *rugi*, *gens rugorum* (Юрн), т.е. расцы, рассы, рошане.

Вся эта семья нераздельна и в Германии, потому что она составляла не собственно племена, но русь, или войсковые, украинские, славянские сословия, поселяемые на земле славян податных, т.е. вендов (ванаджа). И в Германии, на земле вендов, по имени которых *Горица* у древних писателей носит название Вандальских гор (*Ουανδαλινόν όρων* – Dion. К.), или Вендских гор (*Venedici montes* – Ptol.), во-первых, *chorusci* не явно ли те же *choroshzi*, *koroshczi* т.е. *chorutane*, *korutane*, *goratane*; и *Херускида*, т.е. по-греч. назв. земля херусков, не то ли же, что на Драве *choroshko zeme*? Подле них, по Страбону, *χαττοταρίων* (Москов. спис.), или *χαττοβαρίων*, по Птол. *χαίτιβοροι* – *хорваты*, которые у Тацита, как увидим ниже (§ 41 и 42), названы *hermunduri*, по латинской форме названия *harovit*, **harobut (chrobati)**, и, вероятно, по жупе, известной в X веке, *жирмунты* (*Regio Serimunt*, *Serimodem marca*, *Sermunti pagus*, *Zermute*, *Cirimundi*), соседившей с Лабской Сербией.

Что название *hermunduri* заменяет название *хорваты*, то это яснее всего подтверждается словами Иорнанда: «В это время (при Геберике) вандалы (*wani*, *windili*, венды Дации или *ουνοι* византийских писателей) граничили к востоку с готами¹¹⁵, к западу с маркоманнами (моравами), к северу с хермундурами (*hermunduri* – т.е. с хорватами Белой или Великой Хорватии, жившими в Карпатах, к западу от Белосербии, которой название изменилось в *Бес-сарабию*), а к югу с Истром или Дунаем».

В Птоломее нет *hermunduri*, потому что он употребляет название *chetuori*, а в Таците наоборот, нет *chattuari* или *chetuori*, потому что он заменяет их латинской формой *hermunduri*.

«Первобытная история хорватов, – говорит г. Шафарик, – находится в тесной связи с историей сербов, потому что оба народа почти в одно время вышли из смежных северных земель и поселились снова друг подле друга, т.е. в задунайском Иллирике».

Константин Багрянородный упоминает, что северные хорваты соседнили с франками.

Здесь понятно смешение *Великой Хорватии* с *Малой* или *Горицкой* (горица – малая гора), *Северной Хорутанской*, или *Хорошской*, *Херусской*.

По Аммиану, *хорваты* под названием *attuarii* жили еще в IV столетии в Горицах Германии: «Иулиан (360 года), переправясь чрез Рейн, напал на франков¹¹⁶, называемых *attuarii*, народ беспокойный, тревоживший набегами границы Галлии».

Обратимся к хорускам или хорутанам Германии.

Имена некоторых владетельных князей, княгинь и княжен *горицких* (юрьевских), чешских и пр. Страбон сохранил в исчислении лиц, взятых Германариком в плен. Все они носят чисто славянские имена, или славяно-латинской, литовской формы, и, принадлежа к великокняжескому роду, родственны между собою.

1. *Σαγέστησ* – Сегест – Селигост, князь херусков.
2. *Σεμιγούντοσ* по Тациту – Segimund – сын *Σαγέστησ* – лит. Sigismund, Жигмонт, Жирмунт.
3. *Άρμενίου* – воевода херусков – Ярмень – Яровит, Harovit, Heribout, Guerimout, Heremond.
4. *Θομελινόσ* – трехлетний сын Яровита (Иармена) – Воимир, Богомил.
5. *Σεσίδаноσ* – сын *Σαγιμηρου* (в моск. к. *Λίγμηροσ*) князя херусков (след., Сегест – одно чтение, а Сегимир – другое). Имя Сесифак непонятно.
По Тациту, напротив, Segimegus – брат Сегеста, князя херусков.
6. *Ουτρομαρου* (по другому чтению – *Όυτρομυρου*) – князь ваттов – *βαττων* (батавов) – Ютромир.
7. *Μέλων* – князь *сигамвров*, т.е. *загабровский* – Мило, Милин, Милен.
8. *Καιτόριτοσ* (по другому чтению – *Βαιτόριδοσ*) – брат Миленя, – лит. Coribout, слав. *Кардвид*.
9. *Δευδόριζ* – сын Корибута – Тодорчич, лит. Doïmont.
10. *Θευλινδα* (по другим чтениям *Θοσνελία*, *Θουσνελδα*) – сестра Сигимунда, жена Иармена, – Воислава, Веселина.
11. *Ραμίс* (по другому чтению – *Ραβίс*) – дочь Ютромира, – Райя, Райна.
12. *Λίβηс* – Libes – жрец чехов (Caeti, Catti) – Любо, Любой.
По Тациту: Ingimegus, дядя Иармена, – Огнян, Огнен, Огневит, Огнемир, или также серб. Игньо – Игньомир.
Cariovalda – князь батавов, – Крайовлад.
Malovendus – князь марсов – Миловид, Милован, Миловой.
По Диону Кассию: *Χαριμηροс* (Яромир), царь (*Βασилевс*) херусков, изгнан чехами (*χάττοι*) за преданность к римлянам.
В дополнение мать Арминия была дочь *Catumero* – Годомира, князя или воеводы чехов (catti).

Горицкие, юрьевские или херусские великие князья, как видно из сказаний, держали сторону римлян; но войско постоянно восставало на этот союз.

Великокняжеский род, имея сношения с Римом, был и под влиянием просвещения его и языка.

Славянские имена изменялись, особенно в письменности, на лад латинский, так же как впоследствии на лад дацианский. Окончание, или вторая часть двойственного имени *-мир*, *-мирой*, переобразовывалась в *tundus*; равно как окончание *-вид*, *-видой*, – в *bout*, *bond*, *tout*, *tund*. Таким образом *Раомир*, *Яромир* изменялись в *Ромунт*; *Годомир* в *Годомунд*, *Гедимин*; *Живоин*, *Живомир* – в *Zi-
uibond*; *Неро*, *Неромир* в *Наримунт*, *Нарбут*; *Каровид* – в *Корибут* и т.д.

XXXVII. «В той же части Германии, близ океана, населяют сибри (cimbri, cymbri), народ, в настоящее время малочисленный, но значительный по своей славе. Его древнюю известность напоминают следы необъятного укрепленного стана по обоим берегам Роны. По объему его можно судить о безмерном количестве, силе и подвигах этого народа. Совершился 640 год нашему граду, когда в консульство Цецилия Метелия и Папирия Карбона в первый раз послышались звуки цибрийского (сибрийского) оружия. С тех пор по второй консулат Траяна проходит почти двести десять лет. Сколько времени для покорения Германии и сколько долгий этот промежуток последовательных неудач! Ни самниты, ни карфаген, ни испания, ни галлы, ни парфы так не напоминают нам себя, потому что свобода германцев была злее царства Арзасова. Что потерпели мы на востоке кроме убийства Красса? Но взамен Восток потерял Пакора и уничижен Вентидием. Напротив, германцы разбили или взяли в плен Карбона, Кассия, Скавра Аврелия, Сервилия Цэпиона и Манлия; истребили пять римских армий при консулах и Вара с тремя

легионами цесарскими. Не безнаказанно Марий успел поразить их в Италии, Юлий Цесарь в Галлии, Друз, Тиверий и Германик в их собственной земле. Потом великие угрозы Кайя Цесаря обратились в смех. Потом настал отдых, покуда, воспользовавшись нашими раздорами и междусобием, они разбили зимовавшие легионы и восстановили на нас Галлию; потом вскоре прогнанные оттуда, в последнее время они более похожи на торжествующих победу, нежели побежденных».

Страбон, Тацит, Плиний и Птоломей, исчисляя роды и племена германов, помещают в общей семье сайван и так называемых по их писанию кимвров, цимбров, симбров; следовательно, этот народ должен носить славянское название.

Являясь в истории повсеместно воинами, а по набегам на неприятельские пограничные земли – разбойниками, цимбры, следовательно, принадлежали к войсковым, казацким сайванским сословиям, к поселениям подвижным, как живые границы.

«*Кимврои*, – пишет Страбон, – по их бродячей жизни и разбойничеству делали набеги до Меотического озера (Азовского моря), которое и назвалось по их имени, ибо греки прозвали их вместо *кимвры* – *киммерии*. По Посидонию, в Герцинских лесах жили некогда *Воij* (*Бойи*). Кимвры напали на них, но были отбиты и пошли к *Истру*, к галлам¹¹⁷ *скордискам* (жившим между Дравой, Савой, и на Юг до гор *Scardus*)¹¹⁸; а оттуда к *таврискам* (*taurisci*), также народу галльскому; а потом пришли к гельветам. Тут, соединясь с *тигургнами* и *тугенами*, начали делать набеги на римские области».

Диодор Сицилийский пишет, что храбрейшие из *кимвров* суть лузитане. (*Lusitani* Испании – ныне Португалия).

«Лузитане, – пишет Страбон, – большие мастера делать засады и подстерегать и открывать неприятельские.

Они ловки, легки, поспешны и искусны на военные построения. У живущих на р. Дурии в *обычае* бани, нагреваемые раскаленным булыжником».

«Лузитане склонны к жертвоприношениям».

«Жертвы, приносимые Арею, состоят из коз, пленных и лошадей».

«Все эти горцы носят длинные волосы, как у женщин, и во время битвы перевязывают их тесьмой вокруг лба».

«Для питья они употребляют напиток из жита (*ζυθος*, *Zytho*). Вина у них мало; производимое в их земле употребляют только на семейных празднествах».

«Вместо масла (оливкового) они употребляют масло коровье (*βούτυρον*)».

«Обедают на лавках, устроенных вокруг стен, сядя по старшинству и достоинству; блюда разносят по очереди».

«Одежду носят черную; женщины же носят одежду, вышитую цветами».

«Употребляют, как галлы, глиняные горшки».

«Вместо денег (монеты) употребляют пластины серебра, отрубая от оных куски в цену уплаты за покупку».

«Свадьбы сходны с эллинскими» и пр.

Эти обычаи кимвров лузитанских, как видно, несколько не противоречат обычаям сайван, к которым Страбон, Тацит и прочие писатели относят Кимвров. Обратим же внимание на греческое и римское писание их имени.

В названии *κιμβροι* буквы «*μβ*» составляют обычное замещение буквы «*b*», «*б*», следовательно, должно читать *kibri*. В лат. *cimbri* заменена только буква «*β*» буквой «*б*»; а буква «*μ*» осталась в произношении; следовательно, *cimbri* = *cibri*. Но лат. буква «*c*» в галльск. наречии произносится как «*s*», напр.: *Cambresis* – *Sambre*, и как «*ch*»; напр.: *Camberium* – *Chambery*, *campus* – *champ*, *canis* – *chien*; перед буквой же «*i*» постоянно как мягкое «*s*» или слав. «*c*»; напр.: *Cicero* произносится *Sisero*, *circus*, *κίρκος* – *circuit*,

sercle; *civicus* – *sivique*. Следовательно, *Cimbri* = *Cibri* = *Sibri*. В названии же *sibri* нетрудно уже узнать *сербов*, которых имя *срб*, *сбро*, *себар*, *сбрин*, изменяясь в *saviri*, *sabiri*, *surpe*, *zurba*, могло измениться в *sibri*, *cibri*, *cimbri*, как и название собственно Сербии на р. Саве, – в *Subria*, *Sumbri*, *Semberia*.

В таком же роде изменялось название главного города Савской, Савонской, или Савойской области (*Savona*, *Saulvoye*, *Savoie*, *Sabodia* – от *Savo*, *Sabo*, Саво, Славой): этот город назывался *Sivara*, *Camberium*, *Camberiacum*, *Camericacum*, и наконец *Chambery*.

Г. Шафарик замечает, что название *сербы* было в древнейшие времена именем всего славянского племени. Мы же полагаем, что оно относилось издревле собственно к войсковому, ратному сословию, к Руси, точно так же как и название *савичей* (*saunites*, *semnones* или *sennones*), посвященных Арею. Из Страбона о происхождении самнитов можно понять, что у *савин* италийских и, следовательно, вообще у славян, *земство* наряжалось в празднество *Vera sacra*, т.е. в *Зеленые святки* или в Юрьев день. Носимый *обруч* означал обет на вечность (изображавшуюся в виде змеи, *сарпа*, кольцом); а знаменем их был крылатый *дракон*, или птица *Гаруда*¹¹⁹.

Это войсковое сословие, следовательно, могло образовываться повсюду, где была Русь, или область царская, великокняжеская. Состоя из полков разных племен, оно носило и общие войсковые и частные названия по месту расположения и по родовым воеводствам; по украинам называлось украинцами; по лугам, заповедным лесам – лужичанами, лугарями; по строевым полкам, четям – чехами; по конным – комоньством; по сторожевой службе – вартой, варинами, варягами.

Должно полагать, что войсковое название *draconarii*, произошедшее от названия войска, носящего на знаменах

изображение *сарна* или *Draco, драгов*, получило значение свое от кимвров, т.е. сербов.

Так как обряды и обычаи были одинаковы у славян повсеместно, то и войсковое сословие на всех концах земли славянской учреждалось на одних и тех же условиях и носило одни и те же названия и прозвища. Следовательно, *cimbri, συμβροί* (Страб. вместо *insubri*), составляя *войско*, а не собственно народ, могли быть в одно и то же время:

1. На Дону, где по Геродоту были *киммери*, во времена Плиния *serbi*, а впоследствии *ὄυννοι σαβίροι*, т.е. венды сабиры, которых Прокопий называет и киммерянами.

2. При р. Тире (Днестре)¹²⁰, где по Геродоту жили *киммери*; по Птоломею *сгубісі* (сербичи) и *carpiani* (сербане), а когда обозначились яснее названия народов – *σερβίοι* и *сервяне*.

3. В земле скордисков, от реки Савы к югу, где по Страбону жили кимвры, симвры, и где с незапамятных времен была *Savia, Subria, Sumbra, Semberia* – Сербия.

4. В земле таврисков (*taurisci*) по Страбону кимвры; в исчислении альпийских народов он упоминает *συμβροί*, заменяя этим названием чтение *insubri* (по Полибию *isombri*), живших при озере *Sabinus* или *Sevin*, где был и город *Sebum*.

5. По Страбону же, в Гельвеции, в соседстве туричей (*turicum, turegum, tigurum, ныне Zurich*) и области *Tugium, Tugenum*, жили кимвры; тут же являются и *insubri* (*isombri, συμβροί*) и *brannovici* в области Савинской, нынешней Савойи.

6. Плиний упоминает о *cimbri* северных и *cimbri mediterranei*.

С прояснением имен народных на их месте является *Swurbe lant, Zurba, Sarove, ныне Zerbst, сербы лужичане*, лужицкие, и *сербы мишенские* (*Meissen*).

7. В лужицких (*lugdunensis*) областях Галлии жили также кимвры, и имя их отзывается повсюду в названиях местностей.

8. Наконец в луицких областях Испании, по Диодору, *cimbri lusitani*; и тут же по Плинию *seurbi*.

Теперь обратим внимание на слова Тацита: «Не наказанно Марий успел поразить *сибров* (*cimbri*) в Италии, Юлий Цесарь в Галлии, Друз, Тиверий и Германик в их собственной земле».

Но, по Тациту же, Германик разбил не *cimbri*, а *sugambri* (Ann. II. 26) и переселил покорившихся в Галлию (Ann. XII. 26). В описаниях побед Друза и Тиверия также нет собственно *cimbri*.

В исчислении главных пород германов (§ 2) вместо *cimbri* – *gambriци*, между тем как у Плиния в числе пяти пород не *Gambriци*, а *Cimbri*.

Из всего этого следует заключить, что *cimbri*, *sicambri* и *gambriци* суть только различные названия *себров* (*cimbri*), вероятно, по местностям: *габрове* (*гpb* – гора, хребет), т.е. жители Габрова, Габровцы и Загаброве, заграбцы (Заграб, Загорье, Захолмье).

О тевтонах, разделявших славу кимвров и, казалось бы, столь знакомых Риму, Тацит ни слова. Странно; даже было бы непрослительно Тациту, если б они действительно существовали посреди галло-славянских племен. Но мы уже объяснили, что готы-дациане переселились и водворились в Скандии в исходе I века по Р.Х.; латинская же форма названия Средних веков *teulones* вместо *dauciones* (*deutschen, deuten, teutschen*) могла быть известна только издателям летописей *после* открытия книгопечатания.

Это составляет существенную причину, почему тевтонов не знают ни Страбон, ни Тацит посреди племен германов, ни Дион Кассий, ни Аммиан, ни *tabula Peutingeriana*, а главное – не знает их соотечественник Иорнанд, который все, что только мог, упомянул о славе готов или гетов.

Рассмотрим теперь предания об участниках кимвров в битве против римлян.

Достовернейший из географов-историков, Страбон, которого списки распространились повсюду и потому не могли подвергнуться безотчетному изданию, говорит, что союзниками кимвров против римлян были два племени гельветов: *τιυρρηνοι* и *τωυγευρι*. Это сказание достоверно уже и потому, что соседственные области их сохранили свое название до настоящих времен (см. карту): **pagus Tigurum** (Turegum, Turicum–Zurch, Zurich) при р. Туре; **pagus Tugenus** (Tugiem, Tugium, ныне Zug) на р. Русе.

Несмотря на эту достоверность, в «Рим. ист.» Флора вместо **tugenī** являются **teutoni**: «**cimbri, teutoni, atque tigurini**» (кимвры, тевтон, а также тигуры) и все они **profugi*** из Германии, от выступившего из берегов океана¹²¹. *Тевтонами* предводительствует *Teutobochus*.

В Плутархе и **tigurini** уже в стороне, в союзе с кимврами и в бою с Марием: «*Τευτονοι νῆι Ἀμβρωνοι*, известные Диону Кассию из речи Антония, который, исчисляя подвиги Цесаря, говорит, что он разбил *кимвров* и *амбронов*, хотя сам Цесарь в “Комментариях” не сознается в этом и знает не *амброиов*, а *аллоброгов*».

Поверить Плутарха по имеющимся в руках у нас изданиям не имеем возможности, но приведем слова Бруйна: «*Tugium, Straboni vero lib, 7 Toygeni dicuntur, qui cum Tigurinis et Cimbris inito faedere Romanis se opposuere. Plutarchus in Vita Marij, et Eutropius Lib 5*»** (Civitates orbis Terrarum. G. Bruin, Simon, Novellanus. 1572).

XXXVIII. «Теперь следует говорить о сайванах, которые не образуют, как чехи (catti) или тугичи (tencteres), отдельного народа, но занимают бо́льшую часть Германии и

* Беженцы (лат.).

** Тугийцы у Страбона в 7-й книге называются тойгенами, которые вместе с тиугринами и кимврами поначалу сопротивлялись римлянам. Плутарх в «Жизнеописании Марии» и Евтропий, кн. 5 (лат.).

разделяются на племена с собственными названиями, хотя все вообще прозываются сайванами (*suevi*)».

«Отличительный признак племени (носящего родовое имя сайван) состоит в обычае зачесывать волосы и перевязывать их. Этим сайваны отличаются от прочих германов; этим же у них отличается благородный от раба. У прочих племен, по родству ли с сайванами или по подражанию, этот обычай редок и в юношеском возрасте; между тем как сайваны до глубокой старости поднятые кверху волосы связывают на затылке и часто на темени. Князья употребляют и украшения. Это составляет заботу о красоте, но не с целью пленять и поражать женщин; они снаряжаются и причесываются с восторгом, собираясь в битву, чтоб явиться во всей своей красоте перед неприятелем».

Описав пограничные воеводства сайван, Тацит обращается к племенам сайванским, носящим прозвища родоначалия; но вместе с тем смешивает коренное племя, происходящее по родоначалию от *Саво*, с общим прозвищем всех племен по верованию в Сиву (*Savo*).

Это первородное, благородное племя и есть военное сословие, раджапутра¹²², светлая порода *киатриев*, или *раджанья*, *рассанов*, из коей избирались и *рядцы*, *reges*, и владетельные удельные родоначалия *семей* народных – *zemianini*, *zemani*.

Между славянскими племенами потомство этого племени собственно словене, словенцы, словацы, словаки.

В Италии *σαβελλοι* (сокр. от *σαβελλινοι*), по греч. названию *σαννιτοι* (по некоторым спискам – *σαννιτοι*, *σαβίνας*), *савляне*, *славяны*, *савичи*. По латинскому названию *sanniti*, в Галлии *sennones*, в Германии *semnones*.

Этих-то пограничных сайван, сайвов или свевов, которые «*se Suevorum caput credant*» и составляют «*initia gen-*

tis», т.е. первородных, и знают преимущественно римляне, и под названием по верованию (Сайва), и под названием по родоначалию (Сава), и под различными войсковыми названиями; *boji, simbri, marsi* и пр.¹²³

По происхождению или посвящению божеству войны, как мы уже выше упоминали, этот род есть собственно юрьевский, *αριστεῖος*, *heroicus*, в Древней Греции род Ираклидов.

Выселения на новый удел у савинов и, следовательно, славян совершались по обряду в день Арея (Юрия), под предводительством его в лике Тура (*δοῦρος*), подразумевая под этим *силу*, *рать*, и ее знамения.

В Гомере *Арей* (Яро) и носит прозвание *Θοῦρος*, *Θοῦρις* – ярый, воинственный, победоносный. Отсюда у слав. *Буй-тур*, *Яр-тур*.

Поклонение *Арею* или *Марсу*, которого римляне прозывали *Sylvanus*, имеет начало свое во Фракии.

Этот обычай был повсеместен и относится ко всем выселениям:

По Плинию, пицентины (жители области *Пицены*, переполненной населением) происходят от савин, выселенных по священному обету (*orti sunt a Sabinis voto vere sacro*) в *Зеленые святки* (Юрьев день).

Выселение лидийцев во время голода также было по жребию, под предводительством сына царского *Τυρσηνόν*, по имени коего они и назывались туренами (*turēni, turici, tusici, tusci, taurini, turingi, taurusci*).

Этот исконный обычай Страбон приписывает началу происхождения самнитов:

«Предание о происхождении самнитов говорит, что во время продолжительной войны против обров (*ομβρινοι* – те же обрицы, в землю которых, по Геродоту, пришли и лидяне, т.е. латины) савины, *подобно некоторым эллинским народам*, дали обет принести богам в жертву весь приплод

этого года; когда они одержали победу, то часть приплода принесли в жертву, а другую посвятили богам. Вскоре случился неурожай и голод. Один из них подал голос, что следовало посвятить богам и народившихся в тот год детей; приняв этот совет, они посвятили детей, народившихся в год обета, *Арею*. Когда эти дети возмужали, то отправили их искать себе нового поселения под предводительством Тура (быка – *Pis, Pícus*), который привел их в землю *опичей* (*των ὀπινῶν*), живших деревнями. Изгнав опичей, они поселились на их земле и принесли Тура в жертву Арею, которого, по словам провещателей, сам Арей и дал им в руководители. Вероятно, по сему-то происхождению *савины*, предки самнитов, прозвали их уменьшительным именем *савелли*. Но по другим причинам они называются самнитами, или, как произносят эллины, – саунитами».

Слова Тацита о причёске волос (кос и чупов) относятся собственно к *руси*, войсковому, благородному сословию, происходящему от Вишну кесара или кесата – косоносного, косатого. Образец малороссийского *чупа* можно по сие время видеть в Индии¹²⁴. Обычай счесывать волосы на затылке или над челом и связывать их также существует, равно как и свивать *косы* (кеса) в узел над лбом. Гусары венгерские еще в недавние времена носили *косы*, от коих происходит и название козар, гусар. Того же происхождения и название *козацы* (козак – *kosak – kosag*, что значило *косатый*).

Как однозначительны слова *kosár* (косарь), *srp* (серп), *kozák*, *kosatec* в смысле орудия, точно так же они были однозначительны и в названии войска.

Козырь, *козыри*, *kozega*, *козырная* масть означали *конную*, *витязную* (*triumphans*) рать в картах.

Kosirek по слав. знач. *crista plumaria*, *хохол*, *гребень*. *Козакаться* значит то же, что *козыряться*, *козыряться*, т.е. важничать.

XXXIX. «По преданиям, семноны считают себя старейшими по роду и благороднейшими из всех сайван. Это старшинство подтверждают они религиозным обрядом. В определенное время в одном из древлезаветных лесов, посвященном поклонению предкам и исконным таинствам, собираются выборные всех племен сайванских и всенародно совершают ужасный обряд заклания одного человека. В обычае у них и другого рода благоговение к священному лесу: никто не входит в него иначе, как в веригах, в знак сознания рабства своего пред божеством. Впадший же в прегрешение не может приближаться просто (с поднятою головой), но должен ползти по земле (на коленях). Все эти предрассудки имеют целью напоминание, что тут находится корень рода и присутствие главного общего всем племенам божества, к которому все прочие подчинены и покорны. К этому владычеству семнонов присовокупляется и их богатство: они населяют сто погостов и, представляя из себя огромное тело, тем более считают себя главою сайван».

В предыдущей главе мы объяснили аристократическое значение *самнитов* через посвящение, или обречение (обручение) их Арею и знаменованье обрядом *пострига* и ношением *обручей* и *гривен*. Латинское слово *nobilitas* и значит собственно *знаменитость* благородения (*nascibilitas, orbtiator, однозначительное с notabilitas от posco, notus, nota – знак, знамение*). Столь же могло быть однозначительно в древности прозвище *samnitus* – *знаменитый с semponus – zeman, zemianin – nobilis, eques, земский, выборный, legatus; zemanstwo – nobilitas*.

Господский род сайван *семнонов* или *земьянинов*, происходящих от Яро, следовательно *Юрьевичей*, образуя собственно русь, или государство, великокняжение, сосредоточивался после выхода из Италии в верховьях Рейна и составлял главную, Юрьевскую область. Здесь, за озером

Бережанским (Venetus lacus, Brigantinus L.)¹²⁵, был и заветный *Черный лес*, *Sylva nigra*, или *Marliana* (Marec, Marovit, Mogana). Здесь, под *Белой горой* (Peleus mons, Balon, Belehe), в горах Агнова (Яворна)¹²⁶ был *град Девин* (ныне Freiburg), в котором, вероятно, совершались обряды (*чаранна* – чарования), как впоследствии в Девине (Tanfana) под *Черным лесом* Турингии, где во время Тацита жили семноны, также в числе ста погостов (pagus).

XL. «Напротив, лонгобардов облагораживает незначительное их количество: окруженные многими храбрейшими племенами, они охраняют себя не ласкательством, но оружием и удалством.

Потом (следуют) reudigi (reudigni, revdigni, veusdigni, veudigni, rendigni); aviones (auivones; по изд. Пишона (Jul. Pichon): chaivones, chaibones¹²⁷, caniones); anglii (?) (angli, angij); varini; eudoses; svarines (suarines sen suardones, smarines) и nurtones (nuitones, nuithones, vuithones), огражденные реками и лесами».

Замечательные местности и области почти повсюду сохраняют свое исконное название, хотя часто обезображенное произношением иноязычных новых обладателей. Коренной народ бережет как святыню наследственное свое имя, с которым связаны все его воспоминания.

Хотя местность сайван или севов лонгобардов очень ясно определена всеми изыскателями на пространстве *Luneburger Heide*, но кроме местности нам необходимо настоящее название этого *войскового сословия*, известного истории под латинским названием longobardi или, впоследствии, lombardi.

Рассмотрим прежде всего соседей их за Эльбой. Последовательности в указаниях места населения племен нельзя ожидать от Тацита; очень естественно, что они перетасованы, но, по крайней мере, составляют группу

населенцев между Лабой (Эльбой), морем и Савой (Одровой или Одером).

Во-первых *reudigi*, *reudigni*. Общее название войсковых сословий русью (русь, русины, русичи, рошане, расцы, расциане, *gutheni*, *rugii* и пр.) составляет причину сбивчивости в преданиях о населении племен. Под названием *reudigi* можно понимать и *reregi* (*terici*, юрьичи – *megopolittani* (великоградцы, великорусцы)), на месте которых помещают реудингов; можно понимать и ветвь сербов полабских (Редарского леса, при р. Reder, в вершине которой Redeberg (Ратибор)).

Chaivones – хаволяне, по р. Хавеле. О *chaivones*, соратниках герулов (*eruli*), упоминает Mamertinus in *Genethliaco*¹²⁸.

Сайване *angli*, *angi*, по Птол. *sueui angili*, приходится по прокладкам на месте Глинского владения, на старинных картах *Glinland* (см. карту). Эта область, составляя продолжение Луга за Лабу, без сомнения, была продолжением и области Люнебургской (*Linaa*, *Hlinaa*, *Linaga* – жители *linoges*, *lingones*)¹²⁹, или переселением за Лабу. Этим, следовательно, объясняется и ложное писание *angli*, вместо *glini*, *lini*, *hliuni*, *hilinones*, *linoges* и пр.

Varini. Над областью Глинской область известных истории свевов-варнов, которых местность неизменна была с исконных до позднейших времен. В средние времена название их: *warnavi*, *warnouve*¹³⁰.

При Эльбе, на р. Доше, – дошане, *doxani* средних времен. У Тацита – *eudoses*.

Над ними *swarines*, в которых нетрудно узнать жителей нынешней области Schwerin, в средние времена *Suarin*, по Дитмару – *Zwarina*, по другим *Zwerin*.

Nuithones – нудичи, нижичи, нижане, – жители области, существовавшей еще в средние времена при Эльбе: *nisici*, *nitace*, *nithscice*, *nutice*, *nuzice*, *nudzici* и пр.

Таким образом, если места населения полабских сайвано-вендских племен со времен Тацита сохранили почти по настоящее время свои родные названия, то нет причины, чтоб и *лугари лонгобарды*, признаваемые всеми за свевов или сайван, т.е. славян, а вместе с тем за *winili*, т.е. вендов, могли быть жертвой спора, происходит ли их имя от *barbe longue*, или *tongues pertuisanes*, т.е. длинные бердыши¹³¹, которые по-лонгобардски назывались *barden*. Сами себя они не могли так глупо прозвать; но должны же были носить какое-нибудь название, хоть по месту жительства¹³².

Лонгобарды жили как раз на пространстве Люнебургской области¹³³ и Люнебургского луга (Luneburger Hain) при р. Luga. Тут в средние времена была и *Bardengau* – округ, слово в слово *жуна Бардовская*¹³⁴, носившая название по древнему городу *Bardovicus* или *Bardorum vicus*, т.е. весь, вежа, Вече Бердо (Брдо).

Лонгоборские или Линские, Глинские леса¹³⁵, составляли продолжение Лужицких, или вообще Луга. Жители назывались *lini*, *linoges*, *linguones*, *lingones*, т.е. **луги, лугане, лънги**, ибо слово *луг*, произносилось в древнеславянском *лънг*. Повсюду, где был *lucus* – луг (лес), римляне называли жителей *lingones*, *lungones*, *lucenses*. Например в *Lucus Asturum* жители *lungones* (лужане); в *Lucus Angusti* – *lucenses* (лучане). Вообще луги, лънги лужицкие, *lingae*, *longi* по Птоломею, ***lugiones sarmatae*** по **tab. Peut.** по Тациту *lygios*, разделялись на многие области: *lygiorum nomen in plures civitates diffusum**, из числа которых он упоминает, как увидим ниже, о *lygii arios*, *lygii elisios*, *helveconas*, *manimos*; а Птоломей – о *λογγοι διδοίνοι* и *βουροι*. Следовательно, луги, лугане *бардовские* должны были носить название *λογγοι бардои*. Они-то и есть *λογγοбардои*, *λογγοбардои* и *ланнобарди* Птоломея, *longobardi* Тацита.

* Имя лигийцев распространилось по многим государствам (лат.).

В отношении angli Тацита должно дополнить следующее: Птоломей, поместив под *ruticlii* (*reudingi* Тацита), восточнее лонгобардов, против семнонов, свевов ангиллов (*συνήβων τῶν ὑγγειλῶν*), при возврате к северу, повторяя *ruticlii*, *longobardi*, *semnoni* и *lugi diduni* (дошане), пишет уже не *ангилии*, а *λίγγαε*, и потом *ίλιγγοι*; следовательно, вместо *ἀγγειλῶν* должно читать *линги*, т.е. *lini*, *Hlini* – *глиняне*, жители *Glinland* средних веков.

Во время Гельмольда *lingones* (лннги, луги, *hlinane*) жили в соседстве *редар* и *варнавов* или *варнов*.

При выселении древних лужичан (лугов, леси, ляхов) из первобытных населений к востоку имена тех же областей *Линской* или *Глинской*, *Бродской*, *Древанской*, *Львовской* (*Lemberg – Lowenbourg*) и пр. являются в том же порядке по сию сторону *Вислы*.

«Эти племена собственно ничем не замечательны, разве только тем, что поклоняются Mammenerthum (Verthum Nerthum (Pichon); по кодексам, упоминаемым Маушманом: Neithum, Neithu, Nethum, Nectum, Neherthum, Derthum, Nerthum, Nertum, Hertum, Herthum, Mammenerthum), т.е. матери-земле, полагая, что она входит в дела людей, возимая в колеснице по племенам. На одном острове океана есть священный лес и посвященная богине крытая колесница. Туда дозволяется вступать только жрецу, который знает время пришествия богини в святилище, и ее, везомую волами, множество женщин с прославлением сопровождают. И это дни празднества во всех местах, которые удостоит богиня своим посещением. В это время они не начинают войны, не вооружаются; все оружие убрано. Мир и тишина только до тех пор соблюдаются и нравятся им, покуда тот же жрец не возвратит богиню, пресыщенную сообществом со смертными, в храм, где немедленно же колесницу, одежды, и, если верить, даже самое божество обмывают в таинственном озере, которое

в то же время поглощает всех прислужников омовения для того, чтоб страхом смерти сохранять в неведении таинственность святыни».

За Горицким воеводством, или Украйной, следует население племен оратаев. Поклонением матери-земле Тацит и определяет уже полян с их земледельческими празднествами.

Чтение *Herthum*, которое сближалось с *arf, jord, erde*, теперь уже отвергнуто, потому что во всех почти кодексах ясно читается *Nerthum*; но и оно подвергается сомнению. Поклонения *Herthum* нет никаких следов. *Saliens* Италии праздновали в мае месяце песнями и плясками бога жизни и смерти *Mars, Mavors, Mamers, Mavortius*. В это время тушили огонь Весты, чтобы снова возжечь его, и дарили друг друга; женщины молились о даровании детей и вообще взывали к божеству оплодотворения земли и человека. В этом празднестве явно виден обычай *провода* старого года и *встречи* нового. Это божество *Mavors, Mamers* было савинское или савеллианское (*sabelli*)¹³⁶, следовательно и славянское. И действительно, и празднество савин Италии, и описываемое здесь Тацитом соответствуют празднеству в честь Мерота, Маровита, Мораны, Маржаны¹³⁷. У славян поминки предков и *проводы* старого года – мораны – совершались пред наступлением нового года, в марте, который назывался *маржец*. В это время из остатков древних обрядов сохранился по сию пору обычай наряжать соломенную куклу в женские одежды и носить ее с песнями, например:

Мурјена наша
Где-ж есь пребывала?
В дедјенском доме
У новой стодоле,
Вynesли-сме Мурјену зе вси (отвсюду)
Принесли-сме Май нови до вси (ко всем).

Потом эту куклу погружали в реку или пруд, также с обрядными песнями.

После проводов старого года следовала встреча нового с наступлением весны (мая).

Так как все обычаи сайван Италии и Германии истекли из первобытной религии сайвов или сайван Индии, то существенное значение обрядов, потерявших уже смысл, может быть понятно только из сравнения с коренными.

В Индии с обновлением природы праздновались: *Бхавани Васанта* – богиня весны; нисшествие *Бгавани-Ганга*, или вод, на землю; шествие *Джаганната* – владыки мира или земли под названием *Кришна-Джаганнати-Говинда*, т.е. Кришна – владыко мирапастырь; и *Марджита*, т.е. омовение природы¹³⁸.

Основываясь на этих сближениях, мы полагаем, что вместо *Nerthum* в Таците должно читать *Mammenerthum*, *Meverlhum*, или даже *Merthum* (Мерут, Маровит); тем более, что развязывая титлы в списках, чтецы и переписчики разделяли слитные слова по своему собственному смыслу, и часто неизвестную им *Имеретию* заменяли *Америкой*; а сверх того, буква «м» изменяется и в произношении и в письме¹³⁹.

Предполагая, что *reudigi* Тацита суть *redari*, называвшиеся также доленцами (*tholenzi* – *доляне, поляне*), необходимо упомянуть слова Гельмольда о главном их городе *Rethre* (без сомнения, Ратибор) и о храме, находившемся на острове: «Повсюду известный город их *Rethre* есть столица идолопоклонства. Там обширный храм их богов, коих глава Радегаст (*Radegast*). Златое его изображение на сиделище (ложе), украшенном пурпуром (*lectus ostro paratus*)¹⁴⁰. Самый город, имеющий девять врат, огражден со всех сторон глубоким озером. Деревянный мост служит сообщением. Через него дозволяется переходить только жрецу и вопрошающему оракула».

Радегаст, как очень справедливо заметил Г. Шеппинг¹⁴¹, не есть и не может быть названием божества г. Ретры или, вернее, Ратибора. Мы прибавим со своей стороны, что это слово есть не что иное, как немецкое название городское *гостины* или рады – *gathhaus*.

В замечаниях к IX главе мы объяснили уже значение *гостин*.

XLI. «Эта часть сайван простирается в отдаленнейшие страны Германии (secretiora – в самые пустынные). Ближе же (к нам), следуя по Дунаю, как выше следовали по течению Рейна, населения hermunduros, верных Риму; только они одни ведут торговлю не только на берегу (на границе), как прочие германы; но и внутри (государства), даже до блистательной колонии областей Рассаи (rhaetiae provinciae). Они разъезжают повсюду без стражи, и между тем как прочим племенам мы выказываем оружие наше и укрепленные станы, этим независтливым открываем наши дома и виллы. В Хермундурии имеет свое начало Лаба, в древности столь знаменитая и знакомая нам; а теперь мы знаем ее только по слуху».

Страбон, исчислив племена, покоренные Маробудом: *λουίουσ* (луговъ), *ζουμουσ* (саоме?), *βουτονας* (*batini*, Птол. бутян), *μουγίλωνασ* (могилянъ), *σιβίνουσ* (савин, собств. племя словен), и обширный народ сайванский *σέμνονασ*, обращается собственно к сайванам: «Я сказал уже, что одна часть сайван (*σουήβων*) населяет Герцинские леса, другая за лесами граничит с гетами (жившими при Страбоне еще в Дации). И действительно, сайване – народ очень великий (*μέγιστον μὲν τὸ τῶν Σοήβων ἕδος*), ибо они простираются от Рейна до Эльбы и частью за Эльбу, как то *εὐμονδοροι* и *λαυноσαυροι*. Ныне же эти последние, будучи вытеснены совершенно, переселились на противоположную сторону».

Ермундори несомненно есть те же *hermunduri*, галло-римская форма выражения родоначального имени Яровит, Геровит, Хорват, Harobout, Haromuth, Heremond. Птоломею неизвестны *hermunduri*, потому что он пишет *χαϊτόνωροι*¹⁴²; а Тациту неизвестны *χαϊτουωροι*, потому что он пишет *hermunduri*, подразумевая тех хорват, которые остались в германской Горице.

Упоминание Страбона об удалении хорват за Лабу, в соседство готов Дации, определяет время перехода горицких хорват в Белую или Великую Хорватию¹⁴³ в Карпатских горах. Это время относится к победам Маробуда, союзника римлян, который, так сказать, отрезал Северную Горицу от гор.

Ланкосарги Страбона могут быть и не лонгобарды, а луги-*chasuari* Тацита, *casuari* Птоломея.

Чтоб определить местность Горицкой, Юрьевской Хорватии, которая, как увидим ниже, соседила с норичами, т.е. была к северу над ними, должно обратить внимание на древнейшую Жирмунтскую область¹⁴⁴, упоминаемую в грамотах Оттона I и II под названиями: *Serimunt regio*, *Sermunti pagos*, *Serimunte lande*, *Serimodem marca*, *Sirmunti*, *Seremode*, *Zermute*, *Cirimundi*. Она простиралась от р. Мульды к Сале и далее на запад (до времени оттеснения вендов за Салу), обнимая и **Vetera Marchia (Weteravia)** – словом, все пространство Гориц, Земунский, или Землинский край (*Sylva Dominae*, *Sylva Semana*, *Semnonum Sylva*), а также *Vacenis Sylva* (*Buchovia seu Fagonia*), т.е. *Буковину*, коей жители, по Аммиану, назывались *bucinoabantes* – *буковинцы*.

Посреди Чернолесья, от вершин Горицких, к северу идет долина *Gera*, на старых картах *Orr*, *Hiera*, *Gorgenthal*; следовательно, *Яра*, *Ярова*, *Юрьева долина*. В вершине город *Gera* (по сравнению с названием долины – *Юрьев*); при устье известный *Erfort*, *Erfordia*, *Herefort*. Это «*populissima Thuringiae Metropolis, ad vadum Huerae flum. unde et nomen*

habet»¹⁴⁵. Переводя обратно с языка франков, овладевших Турингией, *Herefort* значит *Юрьев рад*.

Переход горицких (герцинских) хорват в Карпаты во время Маробуда определяется перенесением и названий областей: Турочьской (по Птол. – *Teurisci*), Буковинской, Землинской.

Переход горицких (герцинских) хорват в Великую или Белую Хорватию в Карпатах, а бело-хорватов в Иллирию, а равно выселение части туричей (*turingi*) в Татры (область Турочьская) составляют причину неопределенных сведений Константина Багрянородного о месте древней хорватской земли. По словам его, *пять родов хорватских*¹⁴⁶, *перешедших в Далматию, жили прежде за Вагиварией (Вауварεία)*.

Очень естественно, что *Багивария* есть *Vojoaria*, а не *Бабья гора*, находящаяся над Татрами; но и *Бамберг*, которого настоящее название изменяется в грамотах в *Paniberga*, *Papeberga*, *Babenberga*, мог быть *Бабьей горой*, или бором. Тут жили венды *радуницкие*; а на *Красном Майне* (*Creuszen F.*, *Kreusen F.*, *Rothe Main*) с городом *Красным* (*Creuszen*, *Kreusetz*) и на *Белом Майне* с г. *Белградом* (*Weisstat*, *Weissenstat*) жили *венды майнские*.

«*Оставшиеся же хорваты*, – говорит Константин Б. – продолжали жить близ Франкии (*ἔμεινον πρὸς φραγγίαν*). Их называют *белохорватами*. Они имеют своего князя (*ἄρχοντα*), но подвластны Отгону Великому, королю Франкии и Саксонии, и, некрещеные, разделяют участь *турочей* (*Τούρκους*) и живут в союзе с ними».

Таким образом, в предании о первобытном населении хорватов смешивается *Турочьская* область в Горицах (*Thuringia*) с *Турочьской* областью в *Татрах*.

XLII. «Подле хермундуrow норичи (norisci, narisci, naristi), потом маркоманы (marcomani, marcoemani,

marconiam, marconiani, marchioniani) и quadi (quali). Маркоманы знамениты по славе своей и мужеству; их поселения в стране, из которой они изгнали боев (boijs), принадлежат их доблестям. Норичи и квады также не перерождаются. Все они составляют, так сказать, передовую сторону Германии, простираясь по Дунаю. Маркоманы и квады имели до наших времен своих собственных царей из высокого рода Маробуда и Tudri (Todri, Trudi, Tueri). Теперь покорствуют и иноплеменным; но сила и власть этих царей истекает из могущества Рима: мы помогаем им редко оружием, но чаще деньгами».

Прежде чем скажем слово о ветви, должно обратить внимание на все древо рода. Нестор в основу рода славянского ставит *норичей*; говоря о коренных родах Афетова племени, он упоминает о славянах вообще под родоначальным названием *норичей*. Под норичами, следовательно, и подразумевает *безотчетно* коренное племя горичких славян¹⁴⁷.

Норичи Нестора соответствуют по населению Альпийской Иллирии – области *Noricum*, жители коей были *norici*. Без сомнения, по отрасли *норичьего* владетельного рода северо-западная часть древней Бельгии составляет *Noricia* Галлии. Как в Альпах область *Noricum* или *Noricia* носила название *Neustria*, точно так же и *Noricia* Бельгии называлась *Neustria*, и потом *Neustrich*, *Neustr-Rasia*, *изменявшаяся* в *Ouest-Rasia* в противоположность *Austr-Rasia*.

Известно, что *норичи* Альпов были собственно *taurisci*¹⁴⁸ (туричи, журичи, горичи, горичане), и главный город их был *Noreia*, находившийся в *Alpes Carnicae*, т.е. Горичких, по Птоломею, *Caruancas mons* (Хорватских), называющихся ныне *Словенская Горица*.

Созвучие *Norica*, *Noricia* и *Noricia* следует заметить.

Norisci, норичи Тацита, относятся точно к той же семье горичан германских, которых имена одни и те же в

древней Германии как и в Иллирии¹⁴⁹. *Norisci* Тацита населяли город и область *Neurenberg, Noribergera*, известную под латинским названием *Noricorum mons*; следовательно, также Норскую или Норицкую *Горицу*.

В соседстве *norisci* занимали земли нынешней Чехии *marcomanni* и *quadi*. Известно, что *marcomanni* составляли войско Маробуда и переселенцев из *marchia* прирейнской; но *quadi* были коренные поселенцы и, без сомнения, те же *boji, βοιοι, чехи*, коих воеводства, войсковые земли занял Маробуд, имея, по Страбону, столицей своей *Βοῦιαίων, Βοῦιαίβιον*, или *Βοῦιαίων* в глубине лесов Герцинских, в стране *Κολδοίων*, название которой считается опиской из названия *Κοῦάδοι*.

Чтоб понять латинское название *Marcomanni*, принимаемое вместо *Marsos*, должно обратить внимание собственно на их значение, а вместе с тем на слова *marchia*, или *MARCA* – граница, и *mansio* (*maneo, manens*) – *постой*. Во время восстания *горичан* (херусков) на римлян князем или воеводой марсов, живших в вершинах Везера (*Visurgis, Visura*)¹⁵⁰, был *Malovendus* (слав. Миловид, Миливой, Милован); Маробуд же был великим князем (*rex*) собственно главного племени свевов, т.е. словенсемнонов, к коим относились и лонгобарды¹⁵¹. Маробуд, постоянный союзник Рима¹⁵², противился восстанию; но, оставленный даже и войском, он принужден был бежать *in Marcomannos*, т.е. в пограничные римские станы по Дунаю, коих следы сохранились только в названиях *Parmae campi* и *Adrabae campi*.

Marcomanni, следовательно, нисколько не означает племя *marsos*, которых название и на Мораве могло быть независимо от римских станов, при хребте *Яворна*, или *Габрово*¹⁵³, а название *Яворна* могло измениться в *Adrabae*, точно так же как в *Arnobae, Abnobae, Arbonae, Anribae, Arnibae*.

Чтоб положить конец всем насильственным и несообразным производствам всех древних *mania* и *manni* от

man – собственно *mensch*, гот. муж, *менжь*, следует объяснить следующее.

От *маю* – имею, *мать*, *имать*, *иметь* происходит: *манье*, *именье*, *manstwi*, *маёнство*, *маетность*, *magetnost*, и также *тан* – *ман*, *magernik*, имеющий *манье*, *именье*, помещик, владетель, по вену (дару) или, в войсковых правлениях, по избранию на Юрьевских сеймах (у галлов – Champs-de-Mars (Arios) или Champ-de-Mai). По *зарученью* (*mandatio*) получающий *волость*, *власть*, *magetnost*, *majestas*, обязывался во всяком случае быть *рукой* (*manus*), *помощью* дарующему, т.е. выставлять в случае войны войско. Отсюда достоинства: *magnus*, *majog*, *mager*, *magnat*.

На тех же условиях и при тех же званиях покоряемые земли римлянами, галлами или готами обращались в *жалованные поселные* или *сельные* (*Terra Salica*), у готов *ленные* (от *lohn* – вознаграждение), по обету, огнищу – *feudum*, *Fief*¹⁵⁴. У славян феодальное владение называлось *маньска дедина*. По мере побед и раздроблений области делились на поместья, маетности или *ланьства*, *mansi*.

В этом смысле должно понимать и название северо-западной части Галльской Норики – *Normandia*, *Normania*, которую король Карл (Charles le Simple) в 912 году дал в *маньство*, в *лено*, или в вено, выдав дочь свою Gisle за владетеля норицкого Rhou, или Rollon (Райо, Ралень), принявшего христианскую религию с именем Robert¹⁵⁵.

В этом же смысле провинция *Decumana*, освобождаясь от десятины, приняла значение *обеленного* заслугой или откупом поместья, *маньства* (*allodium*, *alleu*, *to allow*), прозвалась *Allamandia*, или *Allamania*, т.е. *Белое маньство*¹⁵⁶.

Nericia в скандинавской Сайвани (Sueuonia) есть также *Noricum*, *Normandia*, отдел войсковых норицких поселений. *Westmania* – Западное мајонство; *Sudermania* – Южное мајонство.

XLIII. «На повороте (Дуная, в Дации), за маркоманами и квадами, – marsigni (marsigini), gothini (gotini, gotinos, cotini), osi (osii) и buri (burii), – племена не столь замечательные, заключают населения (по Дунаю).

Из них marsigni и burii относятся по языку и обычаям к сайванам. Галльский же язык готинов и паннонийский ясов доказывают, что они не германцы; притом же они несут дань, наложенную частью сарматами, частью квадами (чехами), которые их считают инородцами. Готины, к стыду своему, работают на железных рудокопиях. Все эти народы имеют мало полей; но преимущественно населяют леса, вершины и склоны гор».

В отношении *Quadi* должно заметить, что Зосим прирейнских *кавнов*, *кавхот*, *chauci* называет *quadi* и говорит, что *quadi* составляли часть нации саксов. Это поясненное единство приводит к заключению, что *sauci*, *chauci*, *кавнов*, *quadi*, *catti*, *caeti*, *saci*, *saxi* суть только изменения коренных названий по разделам войск или полков, *полчан*, ополченцев на *чети*, изменяющиеся в произношении в *часи*, *чеси*, *чехи*, и в том же значении *сечи* (*sectio*). *Чеховые полки* неизбежно должны были располагаться вдоль по границе с Римом, а *sauci*¹⁵⁷, *caeti* или обычнее *catti*, *quadi* и *quaditransjugitani* (загорные, поселенные по сию сторону Яворны, в Дации) составляли именно цепь по границам славян с Римом.

При этом условии описываемый Тацитом порядок населения по Дунаю сохраняет следы свои и по ныне: за квадами, т.е. чехами, следуют *marsigni* – моравы; за моравами – бывшее в Дации население готов (*gothini* – *gothen*), по Диону – *котивои*, а по Зосиму явно уже *gothi*. Тут же, по Тейсу, *osi*, т.е. яссы, ясичи, *lázǎčǐ*, *laziges*, которых страна и по сие время называется по-венг. *Jasz sag* – страна ясов. В заключение *burii*, по Диону – *βουρροι*, *Burri*, по Птоломею – *burrodensi*, по Зосиму – *borani*¹⁵⁸. След их населения

сохранился в Брашовской или Брашеванской области, называемой венграми Barzazagh, в нем. переводе Burzenland.

Во времена Тацита и Страбона могущество готов в Дации по влиянию на славянские племена уже пало. Причиной этого был временный союз славян с Римом, победы Маробуда и основание за Дунаем *Vanii regnum*, которого правителями были князья чешские (*quadi*). Таким образом, готы Дации при Таците платили дань чехам, и, вероятно, по разделу зависимости – соседственным областям в так называемой Сарматии, хорватам или сербам. Это поясняется словами Тацита, что *gothini* не германы, не славяне, а *инопородные*; язык их называет он *галльским*, или по неведению, или, вернее, по родству с галльским *иберийским*, что и подтверждает раздвоение гебров-магов Нижней Азии на гражданские общины хутеев (вероятно, по названию божества *Худа*) за Аракс, и на кочевые племена, прошедшие чрез Африку на запад Европы и известные под названием омвров, т.е. обров, аваров и иверов.

«Ибо, простираясь вдоль Словении (Sueviam), разрезывает и делит ее цепь гор, за которой обитают многочисленные народы».

Глубокая древность называла эту цепь гор, как мы уже выше объяснили, Рифейскими; Дион Кассий называет ее *Вандальскими* горами (*Ουανδαλινά ὄρη*), из которых истекает Лаба, Птоломей – *Венедскими* (*Ουενεδαινά ὄρη*). Эта цепь составляет протяжения Карпатов к западу и состоит из *Тамр*, Судицких гор, *Русских (Riesengebirge)*, собственно прозванных в древности Рифейскими, и *Горицких (Erz и Harz Gebirge)*.

«Из числа этих народов имя лугов (lugiorum nomen, legiorum, lengiorum, lignorum, – ligij, ligios, lugios, lygios)

распространяется на многие области. Значительнейшие из них – *Harios (Arios), Helveconas (Hallosuas, Heluetonas, Helveloras, Eluheconas, Heuechonas, Heluebonas, Helvitionas), Manimos (Mammos, Mamnus, Manimos, Mannos, Lanimos), Helisios (Elisios, Helysios, Halisionas, Alisiosnas) и Naharvalos (Nahanarvalos, Nacharualos, Naharuolos, Naharvernalos)*».

У Птоломея общее прозвище *lygii*, т.е. луги, лужичи, леси, лехи, изменяется из *λύγιοι* то в *λογγιοι*, то в *λαγγιοι*, то в *λανноι*, то в *λούτιοι* с придаточными прозвищами по областям: *λογγιοι βαρδοι*, т.е. луги бардовские, бродские; *λογγιοι διδοῖνοι* – луги дешовские или дошанские, *λοιῖτοι οἱ Ὀμανοι* – луги оманские, *λούτιοι οἱ Βοῦροι* – луги боровские.

Древний *Луг*, который известен был под названием Герцинских или Горичанских лесов и которого часть сохранилась под названием *Lusatia* (собственно Лужицкая или *Лешская* область), тянулся по всему северному склону Вендских гор (Горицких, Русских и Судицких) и простирался за Лабу (Эльбу) до р. **Visurgis, Visura, образуя границу** с римским преобладанием.

Если мы обратим внимание для объяснения древних славянских войсковых украин на украинны козарские или козацкие, коих часть приняла название *Запорожья*, то увидим, что древнейшие условия быта этих войсковых сословий *полян* почти не изменились.

Цесарь, описывая пограничных сайван, собственно семнонов, земщину, говорит, что они состояли из ста погостов (**pagus, canton, contrée – краина, округ, земщина**). Каждый погост выставлял по 1000 чел. воинов.

Эти слова Цесаря многозначительны для убеждения, что в *козарской* Запорожской сече мы имеем еще образец древних славяно-италийских, славяно-галльских и славяно-германских украин, сечей и лугов.

Упомянем рассказы коржа¹⁵⁹ о Запорожской сече:

«Когда именно и с каких времен *Запорожье* восприяло свое начало, о том достоверно утверждать не могу; но когда мои предки зашли на жительство в эту украину (т.е. край, страну), то оно уже существовало, и по изустному их преданию чрез прадеда, деда и отца моего дошло и до меня сведение, что *запорожские казаки в древние времена назывались казарами*, а как их главное жительство было над Днепром пониже порогов, то и названы уже после того *запорожцами*».

«Земля запорожская простиралась по обеим сторонам Днепра, с юго-запада вверх по Днепру, от р. Буга до р. Случи, она была смежна с польскою границею; вниз по Днепру простиралась до лиманов Бугского и Днепровского. С северо-восточной стороны, вверх по Днепру, простиралась до р. Орели, впадающей в Днепр около Китайгорода. *За Орелью начиналась граница гетманская*; а вниз простиралась по реку Конку (т.е. Конские воды), против *бывшей сечи*, и граничила с донскими казаками и крымскими нагаями¹⁶⁰.

«*Сечь по всей запорожской земле была одна*; в ней было местопребывание главного запорожского правительства».

«В сечи Запорожской было 40 куреней (краин?) и 40 атаманов; каждый распоряжался своим куренем, и во всяком курене считалось *военных казаков по 1000*; а в ином было и больше, *кроме женатых*, которые жили по *зимовникам*, то есть по хуторам, в разных запорожских владениях, где кому какое место нравилось; но и они числились и принадлежали к тем же куреням по названию; а в Сечи никого женатых не было».

Всякий курень имел свое название, например: Каневский, Пластуновский, Переяславский, Дядковский, *Уманьский, Деревяннивский, Корсуньский, Миньский* и пр. и пр.

«Над самым Днепром, около воды, были заездные дворы, называвшиеся *радутами*, в расстоянии друг от друга в 10, 20 и 30 верстах, смотря по местоположению, чтоб один от другого был виден. В *радутах* жили казаки *гетманские*, по 50 человек, для пикетов и разъездов на случай неприятеля».

«На высотах подле *радutow* строились из бездонных смоляных бочек, перевязанных смоляными канатами, так называемые *фигуры*¹⁶¹, которые при появлении неприятеля зажигались по всей границе, как знак, чтоб земледельцы искали убежища в укрепленных *паланках*, а казаки вооружались и готовились к отражению».

Луг, или *великий луг*, имел значение всего лесного пространства, занимаемого войском, разделявшимся на *сечи*, *курени* и *коши*.

Сечью называлось – во-первых, город воеводский, местопребывание воеводы, атамана или главаря (*capitanius*), а во-вторых, вся область воеводства. В Сечи был и *торг*, *ярмонки*.

Куренем назывался округ, край, краина, занимаемая полком, где разумеется был и полковой двор, *сборное место* полка, и в то же время называлось куренем и *полковое подворье* в воеводском городе или в атаманской сечи.

Кошей, *кочью*, *кошорой*, *котарой* называлось место, отводимое полку под паству, под посев и сенокос, где строился шалаш или раскидывался шатер, куща; а также и сямый воз, в котором возились запасы на время кочевья¹⁶².

Не распространяясь о быте козарском или козацком, требующем подробнейших исследований, мы обратимся к древнему лугу Германии, который, без сомнения, имел те же коренные условия, но делился на несколько сечей, или воеводств. Название *sax*, *sex*, предшествующее названиям владений, простирающихся по пространству германского луга, служит неопровергаемым доказательством, что эти владения были сечами. Их можно назвать даже по име-

нам: Староградская, Воимирская, Кобровская, Майницкая, Витоборская, Златопольская, Белопольская, Межиборская, Житавская и пр.

Как коренные козаки Запорожья называли себя лугарями, так и жители луга германского назывались луги, лугане, лужане, лузи, лузичи, лужичи, лужичане, леси, ляси, лехи; а по-древнеславянскому – *лънъгъ*, лунгами, линцами; почему греческие и латинские историки и писали различно: *ligii, lingi, longi, lugios, lingones, lugiones, λογίωνες*.

Тациту известны были следующие лужицкие или лешские воеводства:

Harios (по др. список. *Agios, Agii*), которые по описанию, как мы увидим ниже, составляют какое-то особенное страшное для римлян войско, что-то вроде *бессмертных, черных гусар*.

Helveconas (по др. список. *Helvetionas, Hallusuas*, по Птол. – *Caleconas*). Эти названия могли образоваться из воеводств Калишского, или Галицкого.

Elisios, Helisios, – соответствуют воеводству *Залесскому* (*Seleucia – Vinedaland Syssele – Vandali Silingi*), ныне Силезия.

Mamnos, Manimos, по Птол. – *lugi otani* – воеводству Холмскому, или Уманскому.

И *Naharvalos* (*Nahanarvalos, Naharvernalos*) (?).

«У Наханарвал (?) показывают лес, где по древнему обряду председательствует жрец в женском наряде, и упоминают, по толкованию римскому, о богах Касторе и Поллуксе. Имя этого двойственного божества (bis вместо vis numini) Aleis (alcis); оно не имеет никаких изображений, и нет никаких следов о происхождении этого верования; но им поклоняются как двум братьям-юношам».

Нет сомнения, что *Aleis* есть Лелью, Лель в припевах «о Лелё!» («ай люли!»). Мифологи давно уже решили,

что *Лель* и *Полель* имеют большое сходство с *Кастором* и *Поллуксом*.

В Индии божество красоты и счастья, подруга *Вишну*, носит название *Лоля* – лелеющая. Она изображается восседающею на трилиственном лотосе под покрывалом и разливающею обеими руками потоки изобилия. Это та же *Бгавани-Парвати* в свойстве двойственной любви, которой представители ее два сына – *Сканда*, или *Картикся*, и *Ганеса*, или *Полейяр*. Первый проявляет чувства и силы вещественные, другой – духовные.

В Сербии и Славонии в Троицын день избирается девушка-красавица; ее накрывают белым покрывалом и величают *красицей*. В сопровождении другой девушки – *кряля*, в венце и с мечом в руке, третьей – со знаменем двух цветов – белым и червонным, и четвертой – *дворкиньи* (дворецкой), она идет от дома к дому с песнями и припевом «*Лелью*». Перед каждым домом сажают ее на *стулец* и воспевают.

Смотря на подобный обряд, чуждый *просвещенным* понятиям, но чинно и благоговейно совершаемый *варварами*, не только простодушный *Тацит*, но и современный пронизательный потомок его принял бы *красицу* под покрывалом за жреца в женской одежде.

«Впрочем, harii (alii, alij, alii, alijs, arii) многочисленнее прочих упомянутых мною здесь народов; дикую и зверскую наружность свою они усиливают искусством и временем. С черными щитами, вычерненным телом, выбирая мрачную ночь для битвы, страшные собой, как погребальные тени, они наводят ужас на войско. Никакой неприятель не в состоянии выдержать этого невиданного адского зрелища, ибо в сражении взор поражается прежде всего.»

Излишне было бы догадываться о значении ужасных *agii* или *naagii*, которые с черными щитами и *tincta corpora**

* Накрашенными телами (лат.).

являлись по темным ночам на бой с римлянами. У римского страха также глаза велики; но, может быть, описание Тацита и имеет какое-нибудь правдоподобие.

Плиний пишет (XXII, 1), что дациане и сарматы расписывали тело (*dacos el sarmatas corpora sua inscribunt*), но это также темное известие, кажется касающееся только до дациан¹⁶³; а вероятнее, до преступников, сославшихся на рудокопни¹⁶⁴.

В древности преимущественно также промывали золото. *Банить* значило *мыть, промывать* (напр., банить белье, банить пушку); отсюда и *balneum, bain, теплица, баня, родник*.

Что сайванам или славянам Альпов и Карпатов известно было присутствие металлов в горах и реках и что они разрабатывали рудники, то и этому мы представляем убедительные доказательства.

1. По сказанию самого Тацита (XLIII), **gothini** работали у квадов и сарматов на железных рудниках (*ferrum effodiunt*), которые находятся близ Яблонки и места, называемого *Златополе*.

2. Повсюду, где находились золотые рудники, селения или города назывались искони *Златин, Златница*. В Молдавии, в вершине р. Молдавы, на р. *Байе* – *Златин* и селение *Златиница*. В Трансильвании, восточнее Белграда (*Alba Julia*; жители по Птол. – *albocensi* – белградцы) – селение *Златино, Zlatina* (древ. *Salinum*). На р. *Keres* близ Белграда при рудокопиях – *Златна*. При *Monte aureo* – *Злата Баня* и *Златино*; по Плотомею, тут жили *saldensi* – *златинцы*. В Валахии, на р. *Алуге*, которая в древности, без сомнения, была златоносной – *Златна* (на стар. карт. *Zelatna*), ныне *Слатин*. В Моравии – с. *Златеница*.

3. В Альпах, по Страбону, *σαλασσοι*, племя туричей, «владеют золотыми рудниками. Река Тура (*Δουρίασποταμος*) дает им воды к промыванию золота». *Салассы* есть изме-

нение названия *златинцы*, что подтверждает и название древлесалианского города *Золотура* на золотоносной реке Яре (Aare). «*Civitas Solothurensis una ex praeclaris et vetustissimis Helvetiae civilatibus ad Arolam fluvium auriferum sita*»¹⁶⁵. По надписи времен Антонина; «*Salodurum vicus Saliensium maximus*»^{**}.

4. На Рейне Bingeum (Binge) при золотом руднике есть собственно *Банья*, и название *Злата-банья* заменилось немецким Goldenbach.

5. Местность Zellerfeld в золотых рудниках германской Горицы напоминает *Златополе* близ Яблонки.

«За лугами владения готов (gothones), немного более поработанных, нежели прочие германские народы, но, однако же, без подавления свободы.

Потом следуют вдоль по океану rugii и lemovii (lemovii). Отличие всех этих народов составляют круглые щиты, короткие мечи и благоуважение к царям».

До прокладки на карту gothones, rugii и lemovii должно принять в соображение следующее.

1. По Тациту, *Dacia* не имеет определенных границ. У него это название относится к Валахии, и за горами, в Трансильвании, по его понятиям, живут уже сарматы; по этой причине его Германия доходит до р. Мароша.

2. **Gothini и gothones есть только разные слухи об одних и тех же готах.** Геты Страбона, готы Иорнанда суть его gothones¹⁶⁶, покоренные Маробудом. Это объясняется лучше всего восстанием высокородного Готона *Satualda* на павшую уже власть Маробуда, без сомнения с целью освобождения соотчичей из под этой власти (Ann. 11. 62). Gothones,

* Государство Золотурское – это одно из славных и древнейших государств гельветов, расположенное у золотоносной реки Яры (*лат.*).

** Золотурье – большое славянское село (*лат.*).

следовательно, были соседи маркоманнов с восточной стороны, а не соседи океана (Балт. м.); жили на том же месте, где указывают на них Страбон и Иорнанд.

3. Страбон над бастарнами знает *ροζανοι* (по ложному писанию – *ροζολανοι*), и за ними, по его собственным словам, ничего уже не знает. Этим роксан, *gutheni* средних времен, обитателей Чермной, или Червонной Руси, Иорнанд называет также *gugii*, *guges*¹⁶⁷.

4. Древние географы и историки, образовав из белохорватов и из белосербов *бастарнов*, *бластарнов* (*tab. Pent*), из прозвища *пивчане* (полчане, поляне) – певцинов, из общего тем и другим прозвища *русь* – роксан, не находили пределов населения их: «Мы не знаем, – говорит Страбон, – простираются ли эти народы до самого океана (подразумевая Балтийское море) и вдоль берегов его, или за ними земли, необитаемые от стужи, или там живет другая порода людей».

Таким образом слова Тацита поясняются. В его время *готины* (*getae, gothi, juti*) жили в своем дацианском *Jotunheim*; над ними *gugii*, т.е. русь, которая, заключая в себе различные области, тянулась на север до Балтийского моря, и на острова. Очень естественно, что это пространство Руси было непостижимо для древних, и в расчет брались то *gugii* севера, то южные *gugii*; но, во всяком случае, за теми и другими следовали племена *литвы* – *lettuwe*, обратившиеся в списках Тацита в *lemovii*.

XLIV. «Насупротив, области сайван (Suevorum civitates) на самом океане кроме могущества и ратных сил славятся и морскими силами».

Так как готов и дациан во время Тацита не было еще на севере, то принятое чтение *Suionum civitates* ложно, тем более что Тацит, продолжая описывать области свевов, то есть сайван или славян, следует за ними и на острова, из ко-

торых ближайшими к поморью они владели до позднейших времен и славились торговлею и морскими разъездами.

Мы, однако же, не по догадке изменяем *Suionum* в *Sueuorum*, а следуя писанию Cod. Romanus Vaticanus (см. изд. Машмана); в прочих кодексах *Suionum*, **Suionum**, **Sueuonum**; но буквы «*r*» и «*u*» так легко было принимать за «*n*», а «*e*» за «*i*» и обратно, что вместо *reudigni* читалось и писалось *rendigni*, вместо *auiones* – *aniones*, *nota* – *vota*, *lauti* – *lanti*; вместо *senonum* – *sermonem*, *relegant* – *nelegant*, *exercent* – *exenent*, *barditum* – *bandicum*; вместо *uiro* – *nero*, *tres* – *tris*. Таким образом, неизвестные даже Птоломею *Suiones* должны уступить место свевам, по которым называлось Балтийское море *Suevicum mare*, горы Норвегии *Sevo mons*; да и самое название *svei* есть сокращение *sveui*¹⁶⁸. Остатки этих славян (*hilleviones*), собственно племени *словен* северных, есть *Schlavonia* или Славония на р. Русе (*Russe*) с городом *Русса* (*Russ*) на берегу Куронского залива, а также *словене новгородские*, которых финны звали *sanalauen*, а все живущее на запад от них – *guotsilainen* (*Russland*). Следы области Русской, или владетельной, сохранились и на восточном берегу Скандии (*Roslagen*). Жители оной прозывались русью: «*qui se id est genteni suam Rhos vocari dicebant*»^{*,169}.

«Устройство их кораблей различается (с нашими) тем, что нос устроен на обоих концах и потому ход в обе стороны. Они не употребляют парусов, ни открытых ярусов весел. Веслы у них съёмные и перемещаемые по потребности, как на речных судах. Богатство у них в чести; правление единодержавное, неограниченное; суд без посредничества. Оружие не в руках каждого, как у прочих германов, но в оружице под хранением одного из подвластных; ибо от внезапных нашествий неприятеля предохраняет их океан: а вооруженные руки без необходимости легко становятся своевольными. Сверх того,

* Которые себя, то есть свой род, называли Рос (*лат.*).

невыгодно властителю доверять оружие вельможе, человеку независимому или уволенному».

В этом описании можно узнать русские древние корабли, о которых упоминают песни:

«Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Леденца (Linides, Lindenäs)
От того-де царя заморского
Выбегали, выгребали тридцать кораблей.
Тридцать один корабль,
Славного гостя богатого
Молода Соловья Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены,
Один корабль получше всех:
У того было Сокола-корабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу камению по яхонту;
Вместо бровей было прибivano
По черному соболу якутскому;
Вместо уса было воткнуто
Два острые ножа булатные
и т.д.

В отношении управления внутренних областей и хранения оружия в казне слова Тацита могут легко поясниться обычаями русских великокняжеских времен. Очень естественно, что войсковые сословия пограничной стражи были постоянно вооружены; но собственно народ был безоружен; в случае же войны земским дружинам выдавалось оружие из казны великокняжеской или княжеской. Так, например, киевляне просили у великого князя оружия и коней, чтоб воевать с половцами: «Вдай, княже, оружья и кони, еще бьемся с ними!»

XLV. «За сайванами (suiionas, sueionas, suionas, suonas, sinonas) другое море – оледенелое и почти стоячее; уверяют, что оно опоясывает и ограничивает земной шар, потому что там вечерняя заря продолжается до самого восхода солнца, так что звезды теряют свой блеск. Уверяют также, что там слышен шум его восхождения и виден лик божества и лучи вокруг чела его. Истинно, однако же, только то, что там предел природы.

Правее же Сайванского моря берег населен эстами (Estiorum, Aestiorum, Estuorum, Effluorum, Hilonum), которых обряды и обычаи сходны с сайванскими, а язык – с британским (? – вопрос автора). Поклоняются Марсу (Martem deum, в других списках Matrem deum). У них знамение суеверия носит подобие Веня. Все оружие их заключается в копье, стрелах, топор и нож, по редкости железа, часто употребляют кость (ossium вместо бесмысленного fustium). Они возделывают землю для пшеницы и других хлебных растений гораздо рачительнее, относительно обычной германской лени. Кроме того, только они одни добывают из моря янтарь, по их названию glesum, собирая его по отмелям и на самом берегу».

В окончательно принятом чтении текста с надлежащим смыслом: «*id pro armis omniumque tutela securum deae cultorem etiam inter bostes praestat*», и это переводится следующим образом: «Сие (т.е. изображение Веня) есть их оружие и единственная защита; с сим знаком почитатель богини бесстрашно идет даже в среду неприятелей».

Но вместо *omnium que tutela* в некоторых списках *omnique, omnium quique, quaeque inter tela*, и просто *tela*. Вместо *deae* – *deaeque*.

Неясные *quique, queque, tela, securum cultorem* наводят на последовательность исчисленных Тацитом обычных у простого народа оружий: *quiris, telum, securis* и *culter*.

Упоминаемых Тацитом Estiorum или Aestyorum или Efluogum, e fluogum, или *Hiluonum* (сближ. с *Igilliones* Птолемея и *Hillerrinces* Плиния), Шафарик признает за литовцев или *ливоннов*¹⁷⁰. То же неизбежное и простое заключение было и нашим мнением.

Обратимся теперь к янтарю, называемому Эстонами *glesum*.

По вошедшему обычаю считать германов, то есть свевов, за дациян, очень естественно, что и слово *glesum* принимают за *glas*; однакоже, по Ире (Ihre. Gloss. Suiogothicum) «*glas, vitrum, ut res lucida*» родственно с *γλαύσσω*.

Греческие или готские купцы могли дать то или другое название скупаемой ими отверделой в море смоле; но по-свеоготски *янтарь* – *bernsten*¹⁷¹, а по-гречески *ἀμβρα*¹⁷².

«Янтарь привозится Германами преимущественно в Паннонию, – говорит Плиний, – где первоначально венеты, называемые греками *henetos*, живущие около Адриатического моря, ввели его в славу». Торговый путь, следовательно, шел по Одру (*Viadrus f.*) и по Висле, до перевала чрез *Русские горы* (Рифейския) в реку Мораву, и рекой Моравой до Дуная.

В устьях Одера¹⁷³ торговый город *Волин*, при устье, называемом *Девино*. В устье Вислы *Гданск*. На Дунае, при устье р. *Моравы*, город *Девин*.

В верховьях Вислы древние города: *Преслав* (ныне Радомысл), *Тырнов*, *Чеховец*, *Краков*, *Щековица* (Чеховица) и, при истоке, *Висла*.

В верховьях реки Одера: *Судица*, *Богумин*, *Ратибор*, *Гостница*, *Остров*, *Прибор*, *Беловеж* (*Bielowes*), *Тешин* и, при истоке, *Одрово*.

Главный промысел янтаря был в *Куронском* лукоморье, которое греки называли *Χρόνος*, *Χρύνος*, римляне – *Chronus*, *Mare Cronium*. Жители были литва – куры, куроны или корс. Другое племя литовское, *голяды*, писавшееся *Golthae*, и, кроме того, в Средние века принимав-

шееся за *gottae*, *gotthae*, и *gethe*, напр. *gethi seu prussi*¹⁷⁴. Отсюда сведение Плиния, по Пифею, о *guttones*, племени германов, которые жили в этом лукоморье и продавали употребляемый ими янтарь «*pro ligno ad ignem uti*» соседям своим *Тевтонам* (?).

Очень естественно, что и здесь *Тевтоны* есть не что иное, как тевтонское чтение какого-нибудь неразборчивого названия.

Так как древние, особенно греческие поэты, основывали свои вымыслы на смысле названий предметов, то должно обратить внимание на поэтическое название янтаря.

«По сказанию греческих поэтов, – говорит Плиний, – янтарь есть *слезы* сестер Фаэтона, проливаемые на берегах Эридана».

«По сказанию, переданному Софоклом, янтарь происходит из Индии, от *слез* птиц, оплакивающих Мелеагра».

Вообще р. Эридан ищут там же, где Одер (*Viadrus*, Ядра, Янтра); остается объяснить, почему янтарь похож на слезу.

Древние, по Плинию, также считали его *соком* (*suscus*) сосны, отвердевшем в море; из этого понятия и название *succinum*.

Славянское слово *сткло*, *стекло* происходит от *сток*, *ток*, *точить* (стекать, сочить – сок). Сок = *succus*, *sue*; *succinum*, следовательно, значит *сочение*. Смолистый сок точится *слезой* и называется *слезой*, как и все стекающее каплями; напр., сок винограда – *slsa*. Слоистый *лед* называется *слуд*, *слуз*; то же значение имеет и *слюда* (*talc*, *vilrum Ruthenicum*). Народ, собиравший янтарь, знал, что эта *благонная смола* (ганд`раса), горячая, как сера, совершенно сходная со *слезой* хвойных дерев, не иначе мог отвечать на вопрос, что такое янтарь, как «*слеза дерева сосны*»; а известно, что сестры Фаэтона были обращены в сосны, точащие смолу, *серу* (*cera*). Предание же о Мелеагре, убившем *Венря*, имеет большое отношение к *эстам* (XLV).

В рукописях Тацита трудно отличить письменное «ζ» (g) от «S», «G» от «C», и ζlesum от Slesum.

«Что такое янтарь и от чего происходит, варвары не заботятся узнать о том и объяснить (?): он даже был наряду с прочими извержениями моря до тех пор, покуда наша роскошь не дала ему известности; ибо сами жители его не употребляют (?). Собирая кусками и доставляя к нам без отделки, они изумляются той ценности, которую за него получают. Однако же янтарь принимают за сок дерева, ибо часто внутри его замечаются ползающие и летучие насекомые, которые попали в него, когда он был в жидком состоянии, и остались в затвердевшем. Итак, заключаю, что янтарь имеет начало в неизвестных странах Востока и островах и землях Запада, где находятся плодовые леса и рощи деревьев, точащих мирру и бальзам. Истекая от близости лучей солнечных, эти соки падают в море, и во время бурь заносятся на противоположный берег. Если, испытывая свойство янтаря, его поднести к огню, то он воспламеняется, как смола, издавая копоть и запах; потом размягчается, как вар или смола».

«In modum taedae accenditur». *Taeda* – смолистое дерево, служившее у римлян для освещения. У нас смолю называются щепы, вставляемые в светлец для освещения избы. Это-то значение и составляет настоящий смысл слов Плиния, что будто гутоны жгут янтарь вместо дерева.

По Плинию, вопреки Тациту, янтарь первоначально вошел в употребление у вендов, т.е. славян.

«За сайванами живут sithoni (sithones, sitones). Сходные с ними во всем, различаются только тем, что у них властвуют жены над мужьями, и они вообще более склонны к зависимости, нежели к свободе».

«Здесь предел Сайвани».

Из замечания Тацита о ситонах понятно, что они относятся к *чуди*; но название *sítones* имеет отношение к *sudeni* – племени литовскому, к *sidones*, после которых у Страбона также следуют певцины и которых Птоломей знал под названием *sudini*.

Словами: «*Nic Sueviae finis*» Тацит обозначил пределы оседлых населений сайван, предполагая за ними особую породу кочевых *сарматов*, но не зная определительно – к германам или сарматам следует отнести *певцин*, *венетов* и *феннов*, описываемых им в следующей главе. То же самое сомнение высказывает и Страбон.

XLVI. «Певцин (peucinatorum, peucurorum, prutinatorum, prucinnorum, prucinatorum), венетов (veneti, venetorum, venetor, venedorum) и феннов (fennorum, sennorum, senorum, femiorum, fesinorum, fomnorum, fosinorum) приписать ли к германам или сарматам, – не знаю; хотя певцины (peucini, prutini, prucini, pencini, prugini) которых называют также bastarnas (bastranas, basternes), по языку, обычаям, роду жизни и устройству жилищ сходны с германцами. Все они погружены в неопрятность и оцепенелость. Мешаясь с сарматами, они заразились несколько и привычками их. Венеды много переняли у них обычаев; ибо на всем пространстве лесов и гор, которые находятся между певцинами и феннами, они бродят и разбойничают. Однако же их относят преимущественно к германским народам, ибо, подобно им, они строят жилища, носят щиты и любят скорую ходьбу пешком, чем и отличаются от сарматов, проводящих жизнь в телеге и на коне».

Тацит, точно так же как и Птоломей, описывал Германию полосами от Дуная к северу. Кончив описание сайван, или славян, он обращается снова к Дунаю и ясно определяет пространное население венедов, или вендов, между певцинами при Дунае и поселениями *чуди*, фин-

нов или, правильнее, саоме¹⁷⁵, по набережным Финского, т.е. Вендского, залива (Venedicus sinus).

Ни Тацит, ни прочие древние географы и историки Рима и Греции не могли различать три прозвища германских племен: *сайван*, *свевов* – по вере, *руси* по гражданству, и венных (*wenkowsky lud* – *rustici*, *landleute*) по подати и подданству.

Воинственные римляне познакомились преимущественно с полками и станами воеводств славянских. Мирные промышленные готы, напротив, желали знать только вендов.

Первым делом готов на севере было поднять *wigarf* – войну; *за наследие*, за родные земли, против насильников – римлян¹⁷⁶.

В этой общей ненависти к Риму и восстании против него готы служили лигатурой для всех властей сайванского мира. В общем деле эти масти поддались чуждому влиянию и обращались постепенно в орудия его. Внешняя *wigarf* имела полный успех и заключительно разразилась грозой в лице Атиллы. Но после общей, внешней *wigarf* настала частная, внутренняя *wigarf*. Вещество, искусственно спаявшее сайванские области, осталось между ними, и в свою очередь быстро росло прозелитизмом. Целость сайванского мира распалась; раздробленная русь его иссякла, общее название обратилось в *veneti*, *wendi*, *vandali*, *winithi*, *winnetes*, *winodi*, *hwinidi*, *guinidi*, *gunedes*, *vani*, *wäne*, *gwene*, *kvene*¹⁷⁷, *guni*, *chuni*, *ουνοι*, и, в заключение, вследствие греческого писания, в уннов, гуннов, которых существование и происхождение отыскалось наконец в китайских летописях¹⁷⁸.

Но кроме кочевых вендов, украинской конницы, были и оседлые венды. Эти получили название антов.

Все подобные различные названия одного и того же славянского народа обратили историю в безвыходный лабиринт. Никто не решался назвать вандала венетом или

энетом, энета ваном, вана унном, унна вендом¹⁷⁹ и привести все эти названия к общему знаменателю – славянин.

Приняв в соображение повсеместность племен славянских в Европе до вселения на западные набережные чуждых им, эмиграций, которые, по словам Тацита, «*пес terra olim, sed classibus advehebantur*»*, мы думаем, что вся система брожения народов и переселений, исключая родовых владетельных и войсковых, составляет вымысел, которым необходимо было пояснить эту повсеместность сайван, славян или вендов.

Без увлечения за собой значительной части сайван италийских и без обращения их в свое оружие не развилась бы римская идея всеобладания посредством оков. Без участия сайван германских не развилась бы готская идея всеобладания посредством обаяния златого тельца.

Вся Европа полна славянскими названиями местностей. Они искажены и произношением и временем, но не поддаются объяснениям фиктивных словарей, так называемого кельтийского или галльского языка, посредством которых филологи толкуют все древние исторические имена и названия мест¹⁸⁰. Повсюду в историческом материке Европы видимы корни только одного родоначального языка с его наречиями, все прочее составляет наносную почву.

Объяснив выше не изменившееся с исконных времен население славян-вендов, остается определить значение таинственных *бастарнов и сармат*.

Название бастарнов, по Страбону, носили многие племена, из числа которых он называет: *атмони, сидони, певцины* и севернее прочих *роксани* (*Ροζάνοι* по код. московскому, ватиканскому, парижскому 1393 года и другим, вместо искажения в *Ροζοάνοι* и даже в *Ροζαλανοι*)¹⁸¹.

Бастарны жили на восток от Дации, то есть по восточной стороне Карпатов, в Молдавии и Бессарабии, при-

* Не только по земле, но и с помощью флотов прибывали (*лат.*).

мыкая к Черному морю. Бессарабия, т.е. *Бијосрбија* – Белосербия, занималась, следовательно, и *бастарнами*, или *бластарнами*.

В исходе третьего столетия 100 000 бастарнов переселились во Фракию. С этого времени исчезает имя бастарнов. В Карпатах заменяется оно названием белосербов, а за Дунаем просто сербов, происшедших, по Константину Багрянородному, от белосербов, которых название очень легко могло обратиться у историков в *бастарнов*.

Мы полагаем, что прозвище *белые* имеет большое отношение к *belgi* (*blach, vlach*) и к перемещению *Белграда* – Белгородской области, Белой или Великой Руси, изза Рейна по разным стезям к востоку и югу. *Белый, великий, великий* град (Вышеград) названия однозначительные, в смысле *главного, столичного* города. Столь же однозначительны они и в переводах: *Alba, Alba-Julia* (Белград в Трансильвании); *Alba Graeca* (Белград в Венгрии), *Magnopolis* (*Mickelenburg – Великий град*), *Weissenburg* (*Alba Sebusiana – в Альзании*), *Weissenburg, в Франконии, Weisstat, Weissenstat* (*Белград, на Белом Майне, противоположный Creuzen или Kreusets – Красный, на р. Creuszen или Kreusen, т.е. красной – Roth Main*), и пр.

Перемещение Белгородской, Белой или Великой Руси под историческими названиями *Belgi, Bolgi, Valaha* и пр. из Галлии и появление на Волге болгар (*blach, wlach, balk*) со столицей Болградом на Дунае Белой или Великой Хорватии, Великой Моравии, Белосербии, объясняют значение тех кельтов или галлов, к которым древние историки относят происхождение некоторых народов придунайских иллирийских и фракийских, смешивая бельгов – влахов-славян с влахами-латинами. Первые суть *западная, великоградская* Русь, вытесненная в разные времена из Галлии римлянами, из Германии готами, а с Волги магометанизмом и селившаяся на землях родичей в Карпатах, на Дунае, в Иллирии и Фракии; вторые суть

римские военные колонизации и при них, для продовольствия войска, пастырские населения из пастбищных равнин Галлии и Италии.

Заметив, что под именем бастарнов должно понимать белосербов, мы заключительно повторяем, что сербы, относясь к роду юрьевскому (горскому-хорватскому-хорутанскому), составляли собственно войско (воев, *boji*¹⁸², *полчан*, *пивчан*), козачество, *момаштво*, юнашество, *сиромаштво*¹⁸³, которое, образуя из себя ограду оседлого народа, вело кочевую жизнь по границам, подразделяясь на станицы, или *крайны* (укрои, округи, курени).

Подразделение *бастарнов* придунайских, которых современные им историки не знают, к кому отнести, к сарматам или германам, также могло быть по станицам, например *Атаманской*¹⁸⁴ (*Atmoni*), *Судитской* (*Sidones*), *Пивчанской* (Певцины) и т.д.

Бастарны, по Ливию, были родственны *скордискам*: «Скордиски, – говорит он (*His. Rom. Lib. XL. 57. 58*), – пропустят чрез свои земли бастарнов, ибо как язык, так и обычай их одинаковы. Они даже соединятся с ними».

Скордиски, по Страбону (*Lib. VII. § 12*), соседил с горами Македонии и Фракии.

«Скордиски разделялись на *великих* и *малых*; *великие жили* между *Noarus* (Нара) и *Margus* (Морава); а *малые* за Моравой, соседя с трибаллами и мизами. Некогда скордиски владели также и островами» (но, вероятно, Адриатического моря, а не Дуная).

Отсюда можно понять, что *великие скордиски* суть собственно населенцы *Скодры* (*Scutari*, *Scenderia*, собств. *Александрия*); а *малые скордиски* – населенцы *скардона* (*scardona*) и острова *Scardona* на Адриатическом море¹⁸⁵.

Название *скордиски*, происходя от городов Большой и Малой Скодры, т.е. Скандерии, не составляет, следовательно, собственного названия народа. По Страбону, воинственный и многочисленный народ, преобладавший не-

когда всей Иллирией и Фракией, был *αταυριῆται* (*αὐταριῆται, αὐταρεῆται*). Нет сомнения, что под этим названием скрываются *хорваты* (впоследствии *арнауты*):

А Цару е сва храбреность
У народу Славенскому;
Свага якость и верность
У воинству Хорватскому.
Александр то сведочи,
Царь велики свеча света,
Сваком дают он пред очи
Славна дела племенита,
и т.д.

Из этого предания видно огромное участие хорватосербов в войнах Александра Великого. Одиннадцать светлых банов было с Александром Великим, когда приветствовали его все монархи восточных стран.

В песне упоминается и обычное подтверждение на владетельные права землями всем державам славянским, «от моря Латинского до Балтина леденного».

Повсюду, куда проникал Александр Великий, основанные им укрепленные грады носили в память его имя, по родоначалию *Сканда* – божество войны, *Скендер*, с членом *эл* – *эл-Скендер*, *Искендер*. Из названия *Скендерия* образовалось *Скодра* и *Скардона*. *Скордиски*, собственно *скендерийцы*, были бесспорно хорватосербы.

Остается исследовать происхождение названия *сарматы*, относящегося, по смыслу греков и римлян, к неоседлым, кочующим народам по степным пространствам над северным берегом Черного моря.

Сиротская, бессемейная по обету безбрачия кочевая жизнь на краинах называлась *сироматством* как у сербов, так и в козачестве украинском. Это слово происходит от коренного *сирый*, *сирота*, по-сербски – *сирóма*, *сироматан*,

сироматак, которое изменяется в *siroba* и сближается с *Србадија*, в значении *Serbogum gens*.

В козачестве украинском самые отважные из бурлаков и холостые назывались также *саромами* или *сиромами*. Они, по сказанию Коржа, несли постоянную службу и только в свободное время занимались рыбной и звериной ловлей. Судя по запорожцами, козачество вообще давало *обет безбрачия* (*castitas, chastete*, чистоты), вследствие чего и носило название *сироматов*, т.е. сирот, бессемейных. Некоторые занимались хлебопашеством, но единственно для собственного продовольствия; кочевали в *колыбах* или в *кошах* пастбищных, на хуторах и пасеках¹⁸⁶.

Сармованье (*sarmowani*) значит то же, что *србованье* и *пасованье* (опоясование) в смысле поступления в войско. *Сармовник*, *пасовник* значит боец, борец, поединщик, воин, войник. *Сермир*, *sermicer* – *сермичар* – легкий воин.

Pasovani на *konictwo* (на конь) значит по-чешски *посвящение* в рыцарство (*riterstwo* – *ратарство*), в *комоньство*, в козачество.

Пасованье, собств. *опоясыванье* (от *pas* – пояс), составляет обычай *пострига*, *посадки на коня* и *опоясывания мечом*, описанный и Тацитом.

Название сарматов в средние времена слилось с названием уннов или гуннов, которым почтили историки вендов, т.е. славян, придерживаясь готскому произношению *wānā*, *wenne*, из которого греки образовали *ὠννοι*.

Сербы полабские в историках средних времен назывались *guni* и сарматами¹⁸⁷.

Guni есть также одна из форм изменения произношением и писанием названия *венды*¹⁸⁸, точно так же как вместо *winidi* писалось *guinidi* и даже *qwinidi*: «Proxima aestate (986 г.) legiones militum duxit (Imp. Otto III.) in *sarmatas*, quos ea lingua **guinidos (quinidos) dicunt, ubique VI et XL urbes munitissimas sua praesentia ac militum robore coepit, diruit atque vastavit**»¹⁸⁹, т.е.: «В следующий (986) год Оттон III повел во-

йско в сарматы, кои на собственном их языке называются венды; там, мужеством своим и храбростию войска, взял 46 укрепленных городов, разрушил их и опустошил».

Должно полагать, что севернорусское слово *смерд* имеет отношение к *сирома*, *сиромат*.

В «Правде Русской» в статье об *уроци скоту*, т.е. об *оброче пастырства*, по исчислению, сколько брать оброчных за коров, баранов, жеребцов и пр., сказано: «То ти уроцы смердам, оже платят княжу продажу».

«Фенны (fennis, foennis) живут в изумительной дикости и отвратительной бедности; они не имеют ни оружия, ни лошадей, ни домов. Их пища – растения, одежда – кожа, ложе – земля. Вся их надежда на стрелы, у которых за недостатком железа копьеца из кости. Женщины, подобно мужьям, продовольствуются охотой. Они их сопровождают и получают часть добычи. Для детей нет другого убежища от диких зверей и непогоды, кроме некоторого рода шалашей из ветвей дерева, в которых их прячут. В них вскармливается юношество, в них прибежище и старцам. Все это им кажется гораздо благодетельнее, нежели изнывать на пашне, в заботах дома, и ставить счастье свое и ближних между надеждой и страхом. Не ведая опасения в отношении людей и богов, они достигли до того блаженного состояния, в котором нечего уже более и желать.

*Все дальнейшие сведения, составляющие вымысел, например рассказы об *hellusios (eilusios, и oxionas, etionas, exionas, oxianas)*, будто бы у них головы и лица человеческие, а вся остальная часть тела скотская, как непонятное оставляю без внимания».*

В отношении так называемых финских или чудских племен история не имеет никаких оснований для положительного вывода. Быт этих исконных зашельцев в тундры

Севера со времен Тацита до позднейших времен несколько не изменился. Свободно расположась и делясь на семьи для удобнейшего пропитания ловлей рыбы и зверей, они явились в истории на рубеже сайванского верования и шаманства (*Шягмуни, Сакьямуни*). Впоследствии, со стороны Балтики, видимо коснулось их и верование готов: по сие время в *кереметах* (*kerkmätte*) живут *himmal* и *thor*.

Иерархическое общество древних готов, постоянно теснимое сперва из Азии, а потом из Фракии и Мизии, образовало было свой Готгейм в недрах Карпатов, в стране римских изгнанников, которые, без сомнения, и были первыми прозелитами их верования и первым приобретением материальной силы.

В придунайских славянских племенах, отстаивавших свои границы от побед Рима, нашли готы и собственную ограду, и даже поборников против общего врага. Но, пользуясь междоусобиями князей во время Маробуда, римляне успели перешагнуть за Дунай и основать *Vanni Regnum*. Вскоре Траян проник в Дацию и обратил ее в римскую провинцию. Готы принуждены были искать новоселья для своей централизации. Для них не оставалось иного пути, кроме как на север, и иного места для поселения, кроме тундр в оконечностях Финского залива, ибо славяне, составляя между собою родовое религиозное единство, не допустили бы поселения *чуди* в собственных своих областях.

По сказаниям, или сагам северным, готы под владычеством Сиггэ Фридульфсона (Одена) пришли первоначально в *Квенландию* (*Kwenland, Kuenland*), т.е. в страну *квен*ов; следовательно, в *Каянию*¹⁹⁰, которой жители и по сие время называются *квенами* (*kainulaiset, kainulainen*), и потом окончательно водворились в Скандии, в стране ситонов, которые, как видно и из Тацита, есть финское племя¹⁹¹.

Предание упоминает, что тут жили уже *древние, предшествовавшие* готы (*forn-joten, juti, jotuni*)¹⁹²; следо-

вательно, эти древние готы суть чудские племена, получившие название финнов¹⁹³ по смешению с коренными вендскими племенами.

Латыши называют по сие время соседнюю чудь *иггаунами*¹⁹⁴, т.е. *изгнанниками*. В этом названии, кажется, легко узнать *ingaeuones* Тацита и Плиния.

Местность поселения *Ingaeuones* Плиний определяет ясно. Видимо, что сведения свои он получил от посещавших Балтийское море покупателей янтаря. Предельным народом современных ему сведений, населяющим набережные *Morigaruse* (*congelatum* – *Amalchium*, *Cronium*) и острова *Baltia*, или *Basilea*, он называет *ingaeuones*: «*Incipit deinde clarior aperiti fama ab gente Ingaevonum quae est prima inde Germania*».

Нет сомнения, что прочие две породы – *Jastaeuones* и *Hermiones* или *H'miones*, относились не к германам, а к чуди. Из *aesti* (*esthones*) могло в рукописях образоваться, по латинской форме, *istaeuones*, а из *hämä, comi, suoma* – *haemiones*, изменившееся в *H'miones*, *Hermiones*.

Нет также сомнения, что в древности чудь составляла у славян ту *челядь*, которую они продавали грекам за две паволоки с человека. Прозвище *челядь* могло родить название *celtae*, относящееся, по Диодору, к племенам иберийским, которые и должны быть *forn-joten* (**hebrae, гебры**), вытесненные с прибрежий Нижней Азии в тундры Африки, из Африки на набережные Испании, Галлии и, наконец, на крайний север Европы.

Диодор Сицилийский не смешивает цельтов с *галлами*. Собственно *галлами* греки называли вообще всех народов, которых римляне впоследствии прозвали германам, сохранив греческое название Галлии всей покоренной Цесарем стране.

К *celtae* относятся, кажется, и *σινολόται* Геродота, который под именем скифов смешивал все, что жило на бережных Черного моря; но слово *σινδοι*, в котором СК

заменяет букву **Ш**, а **θ (фита)** соответствует грубому произношению буквы **В**, должно читать шайвы, т.е. сайвы, ибо коренное: *сива* произносится в некоторых наречиях *шивэ*.

IV. Перечень главных выводов

1. Под именем *germani* в смысле *племен* римляне понимали многочисленные племена *славян*.

2. По различию наречий и произношению сивы (*sevo*, *sabus*, *σάος*, *salus*, *salvus*, *саво*, *славо*), по имени которого в первобытном веровании прозывались поклонники Пранна, Праннава или Парабрама – предвременного. История знает их в Италии под именами: *sawini*, *sabini*, *sevini*, *sabelli*; в Германии *σουηβων*, *svevi*, *sueuoni*; на Дунае: *slavi*, *slavini*.

3. Часть гетов или готов (магов), рассеянных во времена Кира по всей Азии и преследуемых им, переселилась, из страны прикаспийской во Фракию, Мизию и на Дунай (*Tanag-wisl*). В IV веке до Р.Х. знает их уже во Фракии Геродот. Около I века до Р.Х. они сосредоточились в Дации. По покорении же Дации Траяном в исходе I века по Р.Х. главное иерархическое правительство их перешло в *Квенландию* (нынешнюю Финнию) и потом водворилось в Скандии. Оставшаяся в Дации и Мизии часть готов, вероятно, прозелитов их верования, покорилась римлянам¹⁹⁵.

4. Страбон определительно различает германов от гетов, или готов, обратив особенное внимание на религиозную и законодательную особенность последних. Тацит, описывая нравы и обычаи германов, т.е. сайван (совершенно противоположных по происхождению и по условиям гражданства с готами, как развитие начала отчинного – эксцентрического от определенного центра – *сферного*, с развитием начала концентрического к неопределенному, искомому центру), упоминает о готинах, или готах, живших еще в Карпатах, как о народе незначительном,

платившем в его время дань квадам (чехам) и сарматам (хорвато-сербам).

5. Без всякого основания и вопреки определенному времени водворения готов и дациан на севере Гемании принятое за аксиому мнение, что свевы суть готы или дациане (dauciones, deuten, teuten, teutones), нарушило весь смысл древней истории Европы. Вследствие этой аксиомы, все свевские или славянские названия мест и собственные имена племен, облатыненные уже римлянами, стали безотчетно применяться к готскому, или дацианскому, языку. Варианты – описки и неразборчивость под титлами рукописей греческих и римских историков, а в дополнение различные искаженные произношением прозвища одного и того же племени по вере, по отчине, по месту населения и по сословию, дали полную возможность плодить на пространстве между Галлией и Сарматией такие народы, которые поневоле должно было признавать какою-то дикою чудью.

Из числа подобных явлений, поддерживающих нарушенный смысл истории, замечательнейшее и главнейшее есть явление *teutoni* соратниками свевов-кимвров вместо *figurini* (*tiguri*, *turegi*, *turici*) и *τουγενοι* (*τουρευνοι*).

6. Бесчисленные метаморфозы, внесенные на страницы истории, совершенно разъединили связь древней истории с новой. Этот нанос покрыл собой первобытный пласт населения, но не помог связать его с готским миром. Здание истории, построенное не на материке, требовало беспрепятственных подпор и подставок.

7. С определением времени водворения готов и дациан на севере древний период истории Германии, освобожденный от подавлявшей его криптографии, возникает из-под спуда. Сознывая в свевах славян, становятся понятны и метаморфозы главных воеводств и племен славянских: сербов, или себров, в *cimbri*, *cambri*, *συμβροι*, *isombri*, *insubri*, *kimmerii*; хорватов в *χαττουαριοι*, *hermunduri*, *attuarii*; жите-

лей Горицы Германской (Harz) горичан, хорутан, хорошцев, в cherusci; чехов в саети; лугов, лесей, лехов в ligii, lingones; лугов области Брдо – в langobardi и пр. пр.

8. Описания Тацита относятся преимущественно к нравам и обычаям войсковых пограничных областей и станнов славянских, и только частью, поверхностно, до внутренних. В первых, естественным образом, он видит только войско и обычное воеводское правление; во вторых, начиная со слухов о Rugii, т.е. Руси, проявляется для него земледельческий народ, правление гусударское, двор, царская или великокняжеская казна, и обычные, на островах, в глубине гор и лесов обитатели верования.

Слова Тацита «Suevorum (в иных списках: sueonum, suinonum и принятое ошибочно чтение suionum) hinc civitates, ipso in Oceano, praeter viros armaque classibus valent», т.е. «Свевские или славянские области в самом Океане (т.е. в Suevicum mare) кроме могучих сил славятся и кораблями» относится собственно к острову Ругену. Слова Тацита сходятся с Гельмольдом: «Sunt et insulae Baltei maris, quae incoluntur a Slavis, quarum una *Vemere* vocantur. Altera insula longe major est, contra Vuiltzos posita, quam incolunt Rani, qui et Rugiani, gens fortissima Slavorum, qui soli habent regem, *extra quorum sententiam nihil agi de publicis rebus fas est*»^{196,*}.

Тацит говорит, что они славились, кроме храброго войска, мореплаванием. Не то ли же говорит Гельмольд: «**priraticas exerceates praedas, et una parte Danis (Dacis) et altera Saxonibus infestum**»?

9. Владетельный, царственный род Индии, избираемый из верховного охранного сословия *Рассан* (Раджанья), вел свое происхождение по посвящению от *Ара* (Арей,

* В Балтийском море есть острова, которые населены славянами, из которых один называется Вемере. Другой остров намного больше, расположен он напротив Вуилтос, его населяют Раны, они же Ругианы, сильнейшее племя славян, которые единственные имеют царя, и помимо этого об общественных делах их сказать нечего (*лат.*).

Марс) или *Харо* (Вишну в свойстве победы), и потому назывался *Арья* (Ареевский). На тех же условиях царственный род славян был *Русский юрьевский* (соотв. herous, heroicus, ἀρήϊος, ἀρίστεύς, ἥρωϊνός ἥρανλεωσ, herculeus), по иному наречию *Туровский*¹⁹⁷.

Верховную, Горицкую область этого рода в Италии составляла Турения (Tuscìa), собственно Этрурия.

По переходе в Альпы областью *Русскою* (Rhaeti), *Юрьевской*, была, по латинскому произношению, *Раурикская* (Augusta Rauracorum). Здесь ее уделы: область *Савинская* (Savona, Saona), *Тревирская* (Treva).

По переходе в Германию *Горицкую Юрьевскую* область составляет *Турингия*; потом Magnopolis (Великий град), или Regis, и вообще великокняжение *Русь*, сосредоточенное впоследствии в Rugia (Rugen, Ruga), из которого, без сомнения, и призваны в Новгород на княжение Рюрик, Синав и Трувор, по общему обычаю славян призывать на княжение членов царственного, великокняжеского Юрьевского рода.

АТТИЛА И РУСЬ IV И V ВЕКОВ.

Свод исторических и народных преданий

В высшем значении история есть летопись обороны Истины против восстающего на нее, явно и тайно, отрицания. Видимо, действующие в этой борьбе личности и народы суть не что иное, как сознательные и бессознательные орудия движения Духа Правды и двуликого духа неправды.

Вступление

Кому неизвестен Аттила, этот бич Божий, которым наказывалась грешная Европа в начале V столетия? Этот царь таинственных гуннов, происшедших, по сказкам

Орозия, от колдуний, изгнанных Филимером из войска и совокупившихся с нечистыми духами посреди каких-то болот, – гуннов, которых не знают к какому причислить племени рода человеческого: к калмыкам, к киргизии, к татарам, к скифам, к финнам или к славянам или вести их род от хананского халдея, через племена хуньюн, суньюй, гуй-фан, хунну, сеньби, жужу, тулга, кидань, тамань и наконец монгол.

Аттила, их царь, эта роковая комета V столетия, которую наслал Бог, чтоб потрясти до основания могущество грешного Рима и раздробить его на части, – как напугал он римлян! Долго слышались им слова его: «*Stella cadit, tellus tremit, en ego malleus orbis*» – «Звезда падает, земля трепещет, а я млат земного шара».

Но гордые римляне умели облагородить свое унижение перед Аттилой; они говорили, что Аттила есть не что иное, как римский наемный *dux* (воевода), и что они, хотя и дают золото и все такое Аттиле, однако это не дань, а жалованье ему за заслуги; и что хотя Аттила и покоряет города Италии, но при этом он покоряет непокорных Риму...

Аттила же, сидя в своем *Шекесе-фежере-варе*, говорил послам императоров Рима и Греции, а также иных земель: «У ваших императоров воеводы рабы, а у меня, Аттилы, раба Божьего, воеводы императоры»; и послы Императоров кланялись ему земно, и говорили: «Так, ваше земное могущество, так, действительно так!»

А гонцы Аттилы (готы) говорили Феодосию и Валентиниану: «Повелевает тебе через меня владыко мой и владыко твой Аттила, чтоб ты разукрасил для него палаты или владычный дворец Рима».

Кто ж этот Аттила, который в 441 году появился внезапно во Фракии, покорил Мизию, Македонию, Фессалию до Термопил; прошел владыкой по Дунаю, по Рейну, по берегам Сены, по берегам Тибра – где навстречу ему шел сам папа Леон и снял перед ним свою тиару? Откуда взял-

ся этот Аттила, у которого в тереме была Гонория, сестра императора Валентиниана, и еще дочь царя Бактрианы, и еще Гримхильда Бургундская, и еще тьма цариц и царевен со всех частей света? Откуда взялся этот владетель всего *Кифчака*, простиравшегося, по восточным географам, от моря Аральского до верховьев Дуная? (Иной бы подумал, что *Кифчак* значит *Скифия*; и что именно Кифчак, слово в слово, значит страна киф, или Скифия; ибо по-персидски *джа* или *джайгэ* значит страна, жилище, точно так же как *Кунчак* значит по-венгерски «страна куманов», которых они называют кун.) Откуда явился этот Аттила?

Но не место здесь **самым любопытнейшим исследованиям**; пусть хунны и царь их Аттила останутся до времени неразгаданными существами.

Пусть до времени, основываясь на Приске, хунны будут славяне; основываясь на Аммиане – калмыки; основываясь на Энгеле – татары; основываясь на Константине Багрянородном – авары, на Феофилакте – турки, основываясь на всех греческих писателях пусть они будут а-казиры, т.е. хазары, у-тургуры, т.е. турки; оногуры, т.е. унгары; вуругунды, т.е. бургунды, и т.д.

Пусть будет чем хочет этот мистический Аттила, по Иорнанду, сын Мунчука, называющий себя в указах Риму сыном *Бендеми*, внуком Нимруда, вскормленным в Энгадди (город в Палестине) и божиею милостью царем хуннов, мидов, готтов, даков, страхом вселенной и карой неба.

У всех народов Аттила прослыл грозой, только для венгров память его священна; по сию пору они поют славу Аттиле и Арпаду, завоевателям берегов дунайских. Неужели же они присвоили себе чужого праотца; а имя Унгар, или Хунгар (Кангар), не есть Хун, Куман (Кун-мен), житель Хунгарда, или по-венгерски Кунвара, или Кунчака? Заняв землю населенную славянами, можно сказать, слившись с этим также воинственным народом, удивительно ли, что степняк Аттила назначил свою орду (*hordo* – по-

венг. судилище) в *Белеграде* и стал называть ее в переводе Szekes-Fejer-var, т.е. столица *Бел-град*, – точно так же как римляне и германы называли этот город переводным именем: *Civilas alba regia**.

По-венгерски *atya* знач. отец; *atzel* – закаленное железо; *ats* – царь; этих значений достаточно для имени Аттилы.

Известна медаль, выбитая в Аквилее в память покорения этого города Аттилой; изображение ее взято в «*Disquis. Hist. Polit. de regno Hung. Schodelius*». Прототип же ее поднесен Шоделием императору Рудольфу II.

Гербом Аттилы на монетах унгарских, которые еще при Гейзе свято берегли унгары, был *коронованный орел*.

В 451 году, на 124-м году от роду, Аттила праздновал свадьбу свою с прекрасной Илийцей (*Ildica*, *Ponca* или *Pluska* – Еленушка), упился медом (по-венг. *mez*), хмельным вином кумысом, и – умер. Илийца приняла устами своими его душу вместе с первым поцелуем.

Обзор исторических и народных сказаний об Аттиле

В исследованиях о первобытных населенцах Германии неизбежно должны были войти и соображения о временах Аттилы. К этому великому явлению V века, которому поклонился и гордый Рим в ноги, мы приблизились с противоположной стороны пути г-на *Венелина*; но вполне сошлись с его главным взглядом, обличающим укоренившиеся ложные понятия о происхождении и значении в истории так называемых *hunni*.

Новое произведение Тьерри «*Histoire d'Attila*» увенчало труды Запада по этому предмету; но без малейшего испытания – прочно ли основание, на котором они воздвигнуты. При всей воображаемой непогрешимости

* Белое царство.

приговора историков в деле о происхождении гуннов еще не решено: верить ли Аммиану, который при описании восстания гуннов на готов со стороны востока не затрудняется соседям *алан*¹ приписать имевшиеся сведения о безобразии Заволжской Торгоутской орды; или верить Иорнанду, который сообщает тайну происхождения гуннов, по преданию (*ut refert antiquitas*), отзывающемуся и обычной малороссийской поговоркой², и сказками о происхождении скифов и сарматов. Мы в этом случае скорее верим Иорнанду, тем более что его сведения почерпнуты частью из русских волшебных сказок. По Иорнанду, главным виновником причины зарождения гуннов был Филимер³, сын Гандарика Великого, конунга готов. Не изгони он из среды своего народа неких ведьм (*quasdam magas mulieres*), называемых, правильно или ошибочно, *aliorumpes* и *alioyunes*, гуннов бы не существовало. Но он изгнал их в пустыни, и это изгнание пало не только на головы готов, но и на многие главы истории, в которых упоминается о великом переселении народов. Ведьмы, как мы увидим ниже, переселились именно на Черторию, при Чёртовом беремше, и пленили собой враждебную готам силу. Иорнанд утвердительно говорит, что вражья сила, бродя по степям (*spiritus immondi per egerum vagantes*), сочеталась с ведьмами и произвела на свет то зверское племя, которое сначала было очень ничтожно и принадлежало к числу людей только по имени, означаемому словесных⁴.

Это сказочное предание, как мы уже заметили, напоминает и повествования Геродота о скифах, произошедших от союза Геракла с русалкой Ехидной, полудевой, полурыбой, и о сарматах, происшедших от сочетания благородных (*ἐλευθέρων*) скифов с амазонками (*ἄμαζόνες*). Кто такие были эти щитоносные девы или жены, по-готски *kwane*, близкие соседки с *‘алаζόνες*, в земле которых протекали Тирас и Гипанис, это определит время, если только иорнандовские *alioyunes* не образовались из *ἄμαζόνες*;

но Птолемей изгнал и ‘αμαζόνες, и μελάγχλαινοι с Приднепровья и поместил вместо них ‘αμάδοκοι и ‘αμαξόβιοι⁵.

Странно верить в существование амазонок, но нельзя же и не верить, зная, что история полна метаморфоз. В иносказательных преданиях часто скрывается истина, как святыня от изуверов и как сокровище от хищников.

Г. Тьерри, отвергая неестественное, счел более благо-разумным верить естественному, хотя ни на чем не основанному происхождению белых и черных костей победоносных дружин Болемира и Атилы от костей монгольских.

Вместе с этим положением является неизбежно новое: движущаяся картина давления народов от густоты населения в неизмеримых пустынях Сибири: «**Les nations Finnoises fort espacées a l'Ouest et au Nord, mais nombreuses et compactes à l'Est autour du Volga et des monts Ourals, exerçaient sur le Germain et le Slave une pression dont le poids se faisait déjà sentir à l'empire Romain**»*.

Подобное давление компактного чудского населения на славян, славян на германов, германов на галлов и галлов на римлян не уступает скандинавскому рассаднику бесчисленных народов и напоминает сказание о том, как Александр Великий заключил в горах за Лукоморьем все *сквернии языци* и что перед кончиной мира они изыдут на пагубу его. По Тьерри, следовательно, предсказание совершилось в V столетии, когда римский мир (*urbs-orbis*) пал от этих заключенных варваров, прорубивших горы и нахлынувших на *Roma invicta, Roma aeterna***.

Отстраняя, однако же, некоторые размахи красноречивого пера г. Тьерри, нельзя не сознать высокого достоинства труда его в отношении увлекательного обозрения исторических, легендарных и поэтических преданий об Аттиле.

* Финские народы расселились на запад и север, но многие также на восток вокруг Волги и Урала. Они оказывали давление на германцев и славян, что отражалось на Римской империи (*фр.*).

** Рим священный, Рим вечный (*лат.*).

Предупрежденные им в высказанном удивлении перед подобным лицом истории, как Аттила, мы, однако же, удивляемся ему не как выходцу из степных улусов, но как русскому великому князю, свергнувшему готское иго со славян, как великому полководцу, разбившему в прах соединенные силы римлян и визиготов на полях Каталаунских, как царю (βασιλεὺς), который заключал письменные договоры с просвещеннейшими державами того времени, и к которому явился на поклон сам папа Леон в полном облачении апостольского наместника, сопровождаемый всем духовенством Рима и посольством императора Валентиниана. Положим, что Аттила был варвар в греческом смысле, т.е. язычник, но варвар-политик, который, прежде чем браться за орудие, состязался переговорами; варвар, по сознанию просвещенных врагов своих, мудрый в советах, снисходительный к просьбам, верный в данном слове⁶.

В отношении пространства владычества Аттилы верховный властитель Норики, комит Ромул, бывший при нем послом Рима, говорил: «Никто из царствовавших до сих пор над Скифией и над иными странами не совершил столько великих дел и в столь короткое время, как Аттила. Его владычество простирается на острова, находящиеся в океане, и не одни скифы платят ему дань, но и Рим».

Аттила, однако же, не ходил войной на Германию, не только за море, на острова океана; какое же имел он право на это преобладание, кроме обычного «и бысть самодержец земли русской», простиравшейся на все пространство населения племен славянских, на суше и на островах. В то время Русь, изрубленная на части римлянами и готами, быстро срослась в единое тело, стоило только полить ее живой и мертвой водой.

Грек, женившийся и поселившийся в Скифии, коротко и ясно описал Приску быт народа во время Аттилы: «Здесь каждый владеет спокойно тем, что у него есть, и никому не придет в голову притеснять ближнего».

Правдивый Приск не утаил коварного поступка Феодосия, который хотел через своего внука Хрисафия подкупить приближенного к Атилле вельможу, чтобы он извел своего государя. Приск не утаил даже слов Атиллы, которые он поручил сказать императору: «Феодосий высок по породе своей, знаменит по происхождению; Атилла не менее высок и знаменит по своему роду; но Атилла, наследовав монархию от отца своего, вполне сохранил достоинство, а Феодосий потерял это наследственное достоинство не только потому, что, согласясь платить дань Атилле, сделался его рабом, но еще более потому, что, как раб неверный и злой, задумал строить ковы господину своему, поставленному над ним небом и судьбой».

Подобные черты величия дали бы право и дикарю-монголу встать наряду с великими просвещенных стран, но г. Венелин, первый обличив искажение преданий, сказал, что Атилла был царь русов, а не воин калмыцкий; и, следовательно, большая разница – смотреть на него как на необъятный метеор или как на величественную комету, которой путь может быть вычислен и определен и которой явление может рано или поздно повториться для Европы.

Что Атилла имел своих историков в современных ему гадлярах, воспевавших подвиги старых князей и его собственную славу, то это несомненно из посольских книг Приска; но не века и не перевороты в судьбах лишили русский народ памяти о славе прошедшей: он сам стер ее, когда христианская религия, водворенная красным солнцем России, отнесла и земную славу к славе Единого. И нигде в устах певцов славы не заменилась так добровольно витязная песнь песнью духовной.

Это составляет главную причину, что из времен язычества славян и русов сохранилось только то, что по отношениям или случайно вошло в предание соседних народов. Но у всех исконных дипломатических друзей правда не сходила с языка. Г. Тьерри сознается, что если бы Атли-

ла попал под перо Данте, то певец ада возвел бы ужасное веление его до размеров, страшных для воображения, и особенно пользуясь произведениями кисти и пера художников Италии: «Questo Attile flagellum Dei, avea la testa calva, e gli orecchi a modo di cane».

Аммиан вывел гуннов от Ледовитого моря из страны кинокефалов, и на этом историческом основании кисть и резец Авзонии, перо Галлии, машинация Британии и созерцательность Германии могли создавать какие угодно фантастические образы: краски суеверия, предубеждения и пристрастия очаровательно яркие и затмят какую угодно бесцветную правду.

Аттила *flagellum Dei* – бич Божий; но откуда же родилось это название, как не из собственного сознания, что римское владычество стоило бичевания? Аттила – варвар; но ведь этот эпитет значит то же, что Аттила негрек и не подчиняется эллинской премудрости.

Аттила ведет войну с Грецией, с Римом, с готами – словом, со всей остальной Европой; но что же ему делать, если вместо соблюдения мирных договоров по взаимной клятве с одной стороны хотят врезаться в его тело, с другой всосаться, а с третьей подносят заздравный кубок с ядом, как Олегу у ворот цареградских. Аттила побеждает и греков, и римлян, и готов; но какой же победоносец не побеждает? И Рим побеждал, для того чтобы утучниться; а Аттила отрезал ли хоть кусок чужой земли?

Чтобы не убеждать других одними голословными собственными убеждениями, рассмотрим все предания об Аттиле и потом обратимся к рассказам очевидца Аттилы.

Главные и вернейшие сведения о царе скифов, гуннов или русов заключаются в сокращенных выписках из статейных книг посольства императора Феодосия к царю гуннов в 448 году, веденных состоявшим при нем Максимилианом Приском.

Дальнейшие сведения находятся в «Истории готов – Иорнанда, пристрастного к своим сродникам. Он повторяет сказания Приска, переиначивает их и пополняет извлеченным из Кассиодора⁷ описанием восстания Аттилы на визиготов и римлян, подавлявших в Испании Гейзу⁸, вождя славян западных.

Оставляя в стороне тех гуннов, которые, как мы увидим ниже, еще в начале III века в числе 900 000 под предводительством 170 русских князей в первый раз восстали на усилившихся готов на север, Иорнанд почерпал описание гуннов V века – откуда пришлось – несвязно, разбросанно, как и вся его «История о готах».

На одной странице, по простодушию ли, или с намерением, в духе времени, он помещает басню о чудном происхождении гуннов от нечистой силы; на другой выводит их из недр населения болгар⁹; по неопределенным сведениям византийцев сперва разделяет он гуннов на два рода, на *Aulziagri* и на *Aviri* (Σαβίροι); потом присоединяет к ним *hunugari*¹⁰; а в 53-й главе являются вместо *aulziagri* – *ulzingures*, *angiscires*, *bitugores* и *bardores*. В заключение описывает наружность гуннов по Аммиану, до которого дошли слухи о поражении готов какими-то *huni*, иллюстрированные изображением калмыка, изъеденного оспой.

Все эти *huni*, являясь на сцену неестественными существами, призраками, испортили все готское дело: развязали руки славянам, скованным Эрманариком, и, по обычаю призраков, исчезли, предоставив свою *Hunaland* с главным городом *Hunugard* существам естественным и законным владетелям – русам. Саксон Грамматик *Ruthenos et Hunnos pro iisdem accipit*^{11,*}; но кто же ему поверит, когда для победы готов нужна была не простая русская сила, а сверхъестественная, чудовищная.

* Рутенов и гуннов принимал за единый народ (лат.).

О значении средневековых латинских легенд об Аттиле достаточно повторить слова Тьерри: «Если верить легендам и хроникам VII, VIII и IX веков, то Аттила не оставил камня на камне во всей Галлии и Италии. По мнению средних времен, каждое созидание принадлежит Юлию Цесарю, каждая развалина по всем правам – Аттиле. Если летописцу нужно было знать время разорения какого-нибудь города, а агиографу – время мученичества, то хронология не затруднялась приписывать все рушения и истязания нашествию Аттилы».

Так как историки средних времен без затруднения и без апелляции избрали средой царства Аттилы *Угriuю*, то мадьярам следовало же иметь у себя какие-нибудь предания об Аттиле; предания и нашлись, хотя довольно поздно, во времена сочинения хроник и поэм. Сперва пояснилось, что мадьяры и гунны сродни друг другу, что *саки* (szekelyek) есть остаток гуннов Аттилы; потом отыскано родословие предводителей ста восьми племен мадьярских и гуннских, из коих трое: Бела, Кеве и Кадиша из рода Земанов (Zémein); другие трое: Аттила, Буда (т.е. Влад, брат Аттилы) и Рева (т.е. Рао, Rhoua, дядя Аттилы) из рода Erd, напоминающего Эрделию (Залесье, Трансильванию). В дополнение у них верховный правитель Кадар, радоначальник племени Турдо¹².

Все это полчище ста восьми племен обитало некогда в стране *Dentumoger*, **преизобилующей райскими благами**. Там воздух был чист, небо ясно, жизнь беспредельна, серебро и золото стлались на поверхности земли, молочные реки текли между медовыми берегами по изумрудам и сапфирам. Чего же, кажется, лучше? Но все это надоело мадьярам и гуннам, и они отправились искать чего-нибудь похуже, и пришли в страну земных благ – Эрделе; но тут встретили они лонгобарда Макрина и римского императора Теодорика. Пришлось добывать землю кровью. И вот начинается сражение при Тарнок-вельк. 200 000 во-

инов Теодорика положены на месте; у гуннов легло только 125 000; но зато в числе убитых был Кеве. Гунны отступили бы, но оставлять воеводу на поле сражения было и у них постыдным делом, как у древних русов¹³: «Где ты, княже, ляжешь головою, ту и мы головы сложим». Гунны возвращаются в битву, отыскивают тело Кеве, хоронят его по скифскому обычаю, бутят над ним каменную могилу¹⁴ и потом преследуют Макрина и Теодорика и при *Sesunmaur* первого убивают наповал, а второй с вонзенною стрелой меж глаз уходит.

В этих преданиях набор исторических имен вставлен в какой-то народный рассказ, и почти нет сомнения, что Кеве имеет отношение к Кию, а *Kewehaza* – к Киевской могиле или к Киевцу на Дунае.

Остается еще один источник преданий о гуннах и Аттиле, источник очень замечательный, если истории гуннов дозволится, как истории свео-готов и дакиян (датчан), положить в основание свои древние исландские квиды и саги, собранные в XI–XIII веках, пополненные и поясненные новыми, позднейшими квидами и сагами. Между владетельными и витязными именами, которых славу воспевали гадляры, гальдрары или скальдраны, раздавалось и имя могущественного царя гунугардского.

Когда рушился капитал вещественной силы, скопленной готами при Эрманарике, тогда прекратилось и влияние их духа; между тем как христианство быстро проливалось свой свет, изобличая призраки тьмы. Стихийная тройственность сайван повсюду свободно, без борьбы сомнения сознавала духовную [силу] Святого учения. Только деизм готов скрывался от потока света во все углубления; но и туда проникал Иордан, обращавшийся в море. Казалось, не было уже нигде исхода, но лукавое отрицание нашло его в арианстве. Под этой личиной христианства деизм копил новые силы на Западе, в Аквитании, и, постепенно развиваясь, к VII веку проник в Испанию, свер-

гнул с престола владетельный русский род – наследников князя Витича (Vitiza), и гот Родерик, бывший вассал Витича, овладел престолом. Но тиранство его и жестокость визиготских уставов превзошли меры; русь испанская переселялась в Африку; сыновья Витича, Иво и Сизибуд, обратились к помощи руси мавританской, которая и волей, и неволей предалась уже исламу¹⁵.

Под предводительством калифа Валида русь мавританская вступила в Испанию как в страну, которая принадлежала ее предкам, и готское могущество рушилось и на всем Западе.

Явная пропаганда деизма и арианства кончилась. На всем материке Европы не оставалось места, где бы можно было воздвигнуть снова храм златому тельцу.

В Галлии по Рейн и на всем юге по Дунай водворилось уже христианство. Между Эльбой, Северным океаном, Дунаем, Черным морем и Волгой владычествовали русы-сайване, или поклонники Сивы. Оставались в прибежище только острова на Океане¹⁶; но удобна ли была эта новая Финикия для развития сети контор и факторий? С чего начать промысел, лишившись накопленных вещественных богатств? Разумеется, с товара невещественного: с продажи науки и мудрости на площадях¹⁷. И вот scarlatная епанча взошла на подмостки.

Нужно ли называть то лицо, к которому привился дух готов? Это лицо в одно и то же время поборник и Триипостасного Бога, и деизма под личиной науки, было (разумеется, бессознательно) истинным воплощением *дуализма*, посредником Христа и Антихриста. Проповедование Слова Божия, вооруженное до него изустным двуострым мечом, в первый раз вооружилось в этом лице односторонним лезвием простого меча. Тайные противники Святого учения для него были незримы, оно видело только явных противников за Рейном: краины чехов

(caeti, catti), принявших в истории название саков, были первыми жертвами беспощадного его меча¹⁸.

Слава, или *славление*, составляло исконное достояние славян, врожденное им и нераздельное с их древлерегиозным именем; эта витязная песнь и песнь воспоминаний была всегда потребностью духа народного и могла существовать только там, где еще не переродилась славянская душа в чуждую самой себе и своей природе.

В эпоху Карла Великого первобытная Великая Русь (Vilkinaland), заключающая в себе пространство между Рейном и Одером, полуостров Сербский (Херсонес Кимврийский) и всю Скандинавию, подпала на твердой земле под власть франков, а за морем – под оперившееся влияние готов. Русь Заморская, отрезанная от сообщения с материком, слабела без помощи, покорялась или отправлялась на своих кораблях искать новых земель на краю света. Этот первый гражданский слой поселения был собственно сербы, известные в истории под искаженными названиями кимвров, камвров, цимбров, самбров. Повсюду на побережьях и островах челядь их составляли скитальческие семьи так называемых цельтов (кельтов. – *Сост.*), или чуди. Туда перенеслись с ними народные поверья, преданья и гадляры, воспевавшие славу.

Это было конечное время для изустных народных преданий на всем Западе и Севере Европы; предания стали преобразовываться в науку истории и стихотворства по образцу Греции и Рима. Очень естественно, что подражание не могло обойтись без Академии. Душою этой Академии были готы¹⁹, у которых ничего не делалось спроста и без помпы. Карл Великий, приняв звание председателя, возведен в сан псалмопевца царя Давида, Ангильберт – в звание Гомера²⁰, Теодульф – Пиндара, Риккульф – Дамета, и пр. и пр.

Эгинхард был музой Каллиопой. Так и не иначе они величали друг друга. Алькуин писал к Риккульфу: «Я здесь

теперь один-одинехонек: ты, Дамет, в Саксонии, Гомер уехал в Италию, Кандид – в Британию... дай Бог, чтобы возвратился скорее Давид и все сопутствующее победоносному царю».

Когда коренной народ Германии был покорен чуждой власти и земли его поступали в награду и *удел* (*odal*, *adel*) даже не франкским владетельным родам, стоявшим при Карле ошуюю²¹ его, но лицедеям, представлявшим философов и поэтов древности и стоявшим одесную²² его, тогда изустная гайда изменилась в письменную квиду (*quiða*, *gydda*), одушевление потухло. Но Карл видел, как витязная песнь возбуждает мужество; нельзя было пренебрегать таким хорошим, хотя и языческим, средством для возбуждения храбрости и в собственных солдатах²³; а потому он повелел составить коллекцию витязных, или победных, песен, учить их наизусть и образовать при войсках штатных песенников²⁴.

На каком же языке или наречии было передано это собрание народных песен? Франки и славяне не нуждались в них: они были богаты собственным достоянием песен и естественным одушевлением во славу, приобретаемую отчизной. Вопрос разрешается тем, что готы составляли и двор и дружину Карла. Известно, что «*Charlemagne composa pour la langue Tudesque une grammaire, et par la il éleva, en quelque sorte, ce jargon à la dignité de langue et il tâcha de la fixer*»*.

Это был язык новых поселенцев пространства между Рейном и Одером, язык готский народный, медяное море, в мертвые воды которого вливались живые потоки языков древнеперсидского, греческого, славянского и, наконец, латинского.

Над преобразованием изустных гайд и сказок в готские квиды и саги трудились: Гомер, Гораций, Пиндар et

* Карл Великий составил грамматику тевтонского языка, тем самым он поднял жаргон до достоинства языка и попытался его закрепить (*фр.*).

cetera; эти труды читались в Академии, их твердили наизусть во всех школах, тщательно и с ошибками переписывали для библиотек; эти квиды и саги служили основами истории и генеалогии²⁵, из них почерпали содержание поэм, строя и преобразовывая все во славу новых юпитеров, геркулесов и ахиллесов. Благодаря успехам промышленности подешевела и слава. Рыцарь Карла из породы энахим, облаченный с головы до ног в железный череп, как рак, косил чехов как траву, восклицая: «Что мне эти венды? Лягушки, и больше ничего; нанизал их штук семь-восемь на клешню, и кончено!»

Не знаем, был бы Карл велик без помощи скóтов и гóтов, поднимаемый на высоту только с одной стороны Римом, но нет сомнения, что без них он не задал бы потомству задачи, трудной для решения, не носил бы фуфайки из выдры; а главное, Славянский Запад так же бы легко, без малейших потрясений, принял христианство, как и Восток, не было бы разделения церкви, а изгнанные из храма торгоши не воротились бы в него.

В IX и X веках проповедование христианства на севере Германии и за морем продолжалось в отношении славян на том же условии, как и при Карле²⁶: в одной руке меч, в другой крест. Острова устилались слоями переселенцев, уносивших с собою только память былого.

Нет возможности, чтобы в глуши в продолжение нескольких веков изустная песнь не потеряла своих первобытных звуков, не разрознилась по наречиям и не изменилась вместе с языком народным. Новое, даже своеобразное время, похоронив родное, старое, все-таки чтит его поминками; но если наследие переходит в чужие руки, то для посторонней души [оно] – сторонняя и чужая святыня: чем скорее простыл след и стерлась память, тем лучше.

Время объяснить, имели ли северные квиды в первобытном их виде кровное родство со славянскими *гайда*ми или *кайда*ми; *дуаны* ерсов – с *думами* русов; а певцы,

называвшиеся *galdrar*, а по другому наречию и писанию *skaldrar*, – с теми *гадлярми*, которые, по обычаю, ходили посланцами к разъединенным с ними родичам и про которых упоминает Феофан²⁷. Сродни ли они были также и тем гуннским певцам, посланцам Аттилы, которых бургундский король встретил словами:

Seid willekommen ihr beide, ihr Heunen Spielemann,
Und eure Heergesellen; hat euch her gesandt
Etzel der viel reiche zu der Burgundenland*.

В отношении сборника исландских квид²⁸ и саг, составленного Снорри Стурлусоном, следует привести мнение Томаса Хилля (Hill) об издании древних ерских, или каледонских, дуанов Макферсоном: «В том ли самом виде изданы Макферсоном так называемые оссиановские песни ерсов, в каком они поются в народе? Надо сознаться, что нет; хотя достоверность существования их в народе несомненна; но в различных местах Шотландии различны и изустные, и письменные песни Оссиана. Причина этого заключается не только в различии наречий, но и в беспорядке изустного предания их, в выпусках, изменениях и вставках, внесенных в разных местах и в разное время. Должно полагать, что в народе произведения певца Оссиана пелись в отрывках, непоследовательно, мешаясь с придумками и *позднейшими произведениями поэтов, почерпавших содержание из тех же народных преданий*»²⁹.

То же самое следует сказать и о квидах севера или, лучше сказать, Исландии. Этот пустынный остров, сосед Новому Свету, не представляющий ничего, кроме пастбищных окраин между лавой огнедышащих недр своих и наносных льдин северного моря, был последним при-

* Мы рады вас приветствовать
С соратниками, посланными Аттилой,
Богатствами затмившего Бургундию» (нем.).

тоном изгнанников и переселенцев северной, или норицкой, войсковой вольницы, принужденной жить наездами на все окружающие их и враждебные им берега твердой земли. Как во времена преобладания Рима, не имея иного названия, кроме данного им римлянами, – *Saxones latroni*, т.е. разбойники скал³⁰, они наезжали и грабили прибрежные римские области, так и во времена возникшего готского преобладания они разъезжали по морям под именем викингов, т.е. воинов, потомков франков, варангов (*βάραγγος*), или, по-старосаксонски, варягов (*warag*)³¹, разъезжавших на добычу в чужие земли и на мену добычи к родичам.

Когда после Карла Великого возникшее смешение языков и верований на севере Германии приведено было к одному знаменателю, а Гаральд Рыжий покорил все прибрежные острова, далекая Исландия осталась единственным прибежищем для староверов, поклонников и Сивы и Адонаи. Туда окончательно в IX, X и XI столетиях скрылось множество знаменитых родов от гонений норвежских властителей. Все боевые переселенцы разных времен принесли с собою в Исландию память о прошлом быте, о прежней славе, дорожили своей стариной, и каждый род хранил изустно и письменно предания о величии своих предков. Должно заметить, что витязные песни о славе племен и родов (княжеских) не относятся к коренному духу готам; их песнь безлично относилась к народу – *Godthiod*³².

Заметим также с особенным вниманием то, что в сагах Исландии, упоминающих о переселениях, упоминается и обычай посылать вперед бога занимать новую землю. Мы имели уже случай объяснить этот исконный обычай славян при выселениях³³, а также значение Тура, под предводительством которого шли посвященные богу победы на поиск новой земли.

Не входя в сближения славянского Тура с северным *Tor*, *Thor*, *Thur*, и Деваны с *Freya*³⁴, мы повторим слова Гей-

ера, который говорит, что «язычники презирали Одина и поклонялись Тору»; следовательно, «*felices errore suo*»^{35,*}, не желали чужих богов.

Первоначальным поселенцем острова Исландии, по преданиям, был Ингольф со своим родом и дружиной. Но *Ingolf* есть только изменение имени *Ingue*; и, следовательно, род его относился к владетельному в Скандии роду *Yngue*³⁶.

В XI веке свет христианского учения проник и в Исландию. Один из проповедников, Земунд, прозванный Мудрым (*Soemund hins frodi*), с другим духовным лицом – Аре, прозванным Полигистором, написали, как говорят, целые книги истории Севера, Германии и Англии, но ни сокровища мудрости, ни зеркало «Истории» Земунда не дошли до потомства; о них погибла бы и память, если бы не Снорри Стурлусон. Снорри был знаменитым скальдом при трех норвежских королях, при одном шведском³⁷ и при нескольких ярлах³⁸. Новая династия любила старую славу, и скальды, воспевавшие конунгов, получали награды, почетные звания и доходные места. Вероятно, вследствие подобных заслуг и ученый скальд Стурлусон был произведен в ярлы Норвегии и назначен верховным судьей в Исландию. В бытность свою там Снорри Стурлусон оказал великую услугу всему мыслящему миру. Во-первых, он собрал изустные, а по мнению некоторых, начертанные рунами, сиречь могильными письменами, остатки Древней Эдды, приписываемой Земунду, которая заключала в себе, по мнению Резения (P. I. Resenius) «древнейшую философию, называемую *Voluspa*»³⁹, изречения (приписываемые Одину), называемые *haramal* и пр.; потом собрал квиды скальдов (*skaldatal*); потом написал «*Heimskringla*» («*Orbis terrarum*»), или сказания о роде Ингов. В дополнение для всех скальдов будущих времен он объяснил Древнюю Эдду Эддой Новой; но, вопреки по-

* Будучи счастливы в своем заблуждении (*лат.*).

ложению Ганнемана, тьма не изгнала и не осветила тьмы. Ни полиглот Эдды Alwis (всеведающий), ни мудрец Fiölsvidir (многознающий) не оживят убитую народную песнь, замененную разновременными академическими произведениями ученых скальдов средних времен.

По мнению Шиммельмана⁴⁰, Эдда есть «ursprünglich ein wahrhaftes Product von den Sueven, und Pommerschen Ganglern, Veneten und Vandalen»*. Название «Gylva ginning», по словам его, переведено Стурлусоном с целью «gut christlich», то есть христианской.

Но «recht schnurrisch, offenbar unrichtig, und falsch, aus eigenen Gehirn»; что «Gylva ginning несколько не значит Hari mendacium; но очевидно от Har (an den Vandalen)».

Мы не стоим за справедливость мнения Шиммельмана, составляет ли «Gylva ginning» и вся толковательная новая Эдда собственно «Snorri mendacium»; но и не постигаем, какую древнюю философию и какую vaticinium таит в себе «Voluspa», которой содержание состоит как будто из перетасованной колоды листов, заключающих вирши о создании мира и Девкалионовом потопе⁴¹, после которого, как известно, на земном шаре вместо настоящих людей были воплощены в людской образ кремни⁴².

Нам кажется, что для каждого непременно желающего знать подлинный таинственный смысл «Voluspa» надо читать не темные, догадочные переводы искаженного глагола древней мнимой волшебницы, но 1-ю книгу «Метаморфоз» Овидия⁴³, который так пленял дунайских варваров своими стихами на сармато-готском языке, что они величали его своим поэтом⁴⁴.

Метаморфозы были сочинены Овидием до его изгнания; и потому следует решить, сам ли он переводил их на сармато-готский язык и передал слово *mulatto*, *metamorphosis* вполне соответственным болгарским словом

* Изначальное истинное произведение свевов, померанских говлян, венодов и вандалов» (нем.).

вълошъба (volospa); или над этим трудилась целая академия под председательством Карла Великого, или, наконец, какой-нибудь скальд, упражняясь переводами с латинского языка, передал по-своему 1-ю книгу «Метаморфоз», и, может быть, подражая Овидию, в свою очередь собрал народные волшебные сказки и комические представления, составил из них содержание Новой Эдды, где, между прочим, играет замечательную роль и Lohhe – лукавый⁴⁵, строя каверзы богам и забавляясь над людьми. Вообще должно полагать, что стихотворение «Foluspa» или «Folospa» (в котором упоминается и Lokke, Ликаон 1-й книги «Метаморфоз», и Fenris – волк, в которого он был обращен Юпитером) в соединении с некоторыми фабулами Новой Эдды составляло некогда сборник северных *mutatae* под общим заглавием «Волошьба». Собрав отрывки этого сборника, Снорри Стурлусон не мог поступить иначе, как Макферсон с песнями Оссиана: он свел, объяснил их по своему смыслу, передал соотечественникам на современном ему языке, присоединив родословную Одина и толкования.

В «Voluspa» в число несвязных строф вошли, как видно, и отрывки из посторонних ей квид; в ней упоминаются и азы и готы (godthiodar) и ваны, т.е. венды (vaner, windheim), и даже имеющие для нас очень важное значение гунны (hinalunde), заменяемые в вариантах по изданию Резегия знетами (einnaettann)⁴⁶.

Упоминание о гуннах, они же и знеты и венеты, было бы очень значительно для истории гуннов, если бы можно было верить всему, что в переводах придуманная Сивилла⁴⁷ говорит непонятного, приговаривая столь же неуместные слова: «vite their en eda hvad?»

В новой Эдде Снорри Стурлусона важнее всего для истории простодушно внесенное предание о Гильве («Gilva ginning»), поясняющее распространение прозелитизма между народом отдаленного Севера пропагандой готов Дакии.

Гильв, по предположению Далина, владел Скандинавией около 125 года по Р.Х. Но так как невольный переход Одина с готами от Дуная на остров Зеландию совершился при нем по покорении Траяном Дакии в 98 году по Р.Х., то и сказания о Гильве относятся к исходу I века.

«Сигге Фридульфзон, – пишет Далин, – лукавый и храбрый правитель и верховный жрец азов, или готов, живших при р. Тинах (Tanaqvisl, т.е. Дунае, в Готии или Дакии), познакомился с легковерным Гильвом и наставлял его в богословии, весьма от древней истины отделявшемся. Гильв путешествовал в Асгард, и вскоре после этого Один получил от него дозволение поселиться со своими готами на острове Зеланде, вступил с ним в родство и посредством этого родства приобрел весь остров в наследие сыну Скъольду».

Путешествие Гильва в Готию Придунайскую рассказывается в Эдде следующим образом: «Некогда в Свевонии царствовал вещий Гильв. Он с ужасом заметил, что народ его стал оказывать необыкновенное внимание к пришлым азам (Asa-Folck, asianske Folck)⁴⁸, и не понимал, приписать ли это личным их достоинствам или могуществу богов, которым они поклонялись. Чтобы объяснить себе это, Гильв решился сам отправиться в Асгард под видом простого старца. Но хитрые азы знали вперед о приезде и намерении Гильва и так ослепили его кудесами своими, что ему чудилось, будто он попал в сверхъестественный мир. Прибыв в город, он увидел там палаты каменные, крышу золотую. При входе какой-то человек играл семью ножами, подбрасывая их на воздух и ловя один за другим. Этот человек спросил Гильва, кто он такой. Гильв отвечал, что он путник от гор Рифейских (Refels stigum) и просит ночлега. Человек повел его в палаты, но, едва Гильв вступил во внутренность, двери вслед за ним захлопнулись на замок. Гильв увидел множество покоев и в них тьму народа. Одни пили, другие играли в различные игры, иные боролись, и вообще все проводили

время в различных забавах. Дивясь на все эти невиданные им сроду вещи, старец проговорил про себя:

Прежде чем войдешь куда-нибудь,
Осмотришься осторожно, есть ли выход:
Нельзя знать, где засели враги,
Которые тебе строят ковы».

Все обряды севера до перехода готов относились к сайванскому верованию, к которому, разумеется, принадлежал и Гильв. Вступая в hall, или herberge Асгарда и видя, что попал в ловушку, он произносит первую строфу из изречений Харо (Haramal), относящихся к Древней Эдде и приписанных мудрости Одина. Но, относясь к верованию Гильва, их скорее должно считать отрывками из «Бхартрихари» или изречений Вишну в свойстве the goddess of speech^{49*}.

Строфа haramal, положительно определяющая, к какому верованию и обрядам должно отнести изречения Харо, есть следующая: «Хоть поздно народженный, но сын дороже всего; ибо кто воздаст отошедшему отцу память по душе на могиле (bauta-steina), кроме кровного?» Эта строфа объясняется только законом Индии, что все предки того, кто не имеет сына, для совершения срадха (поминовения души) или погребального обряда о блаженстве душ их исключаются из вечных селений: «Чрез сына (совершающего поминовения) человек переходит в мир вышний; чрез внука приобретает бессмертие, чрез правнука поступает в обитель света».

«Так как сын избавляет отца от преисподней, называемой путь⁵⁰, то он и прозван самим Брамой “избавителем от ада” (путра)».

«Тот, у кого нет сына, может обречь в сына внука своего: “Да будет произрожденный моею дочерью моим сыном и да совершит он срадху в память мою”».

* Богини речи (англ.).

Обратимся теперь к *Skaldamal*, или к сборнику витязных песен, квид Эдды.

По нашему мнению, в них настолько скрывается истины, насколько они были родственны с гайдами гадляров, гайдуков⁵¹, и вообще походных бандуристов, гусяров, которые и во времена Тацита «возлагали свои вещи персты на живые струны, и сами струны рокотали князьям славу».

Воспеваемые события и герои большей части древних квид относятся к IV и V столетиям. *Hunugard* и имя Аттилы упоминается во многих; но две так называемые гренландские квиды – «*Atla-quiþa*» и «*Atla-mal*» – относятся, собственно, до Аттилы, хотя главное содержание их есть гибель Нибелунгов, или Нивелунгов, и мщение Гудруны, дочери владельца бургундского Гойко (*Giuka*), рода Нибелунгов⁵². Обстановка события, воспеваемого в квиде, противоречит народному сказанию (*Niflunga Saga*), видимо, прошла сквозь чистилище. Гунугардский владетельный род, хотя и близкая родня Нифлунгам, или Нибелунгам, но гунны еще язычники, а прирейнские владельцы озарены уже христианством; это высказано только в позднейшей поэме «*Nibelungen lied*»: «Я христианка, – говорит Гримгильда (Гудруна квиды) послу Аттилы, – отдам ли я себя язычнику!» Ратарий (*Rathere, Ratgaire, Ruedeger, Riidiger*) успокаивает ее, объявляя, что при Аттиле много витязей-христиан и что от нее будет зависеть обратить и его в христианство.

Гренландские квиды об Аттиле и исландские о Гудруне, воспевая преимущественно гибель Нибелунгов (*Drap Niflunga*) и составляя как будто одно целое, в то же время беспощадно противоречат друг другу, не говоря уже о смешении собственных имен, о провалах, через которые не построишь моста, и о том, что почти во всех древних квидах поток смысла то впадает в топкое болото, то скрывается в трущобе, то совсем уходит в землю. Главная причина этого – народный язык с диким произ-

ношением, не выразимым не только рунами или резами и начертаниями, находимыми на хронных камнях, но и латинскими буквами.

Для примера приведем несколько славянских речений, записанных в хронике Парум-Шульца⁵³:

Heid sangel kam mahn;
Ninna jehss mom tah Brüdt bäut
Tidie sehna siete minne chsworet.

Кто не скажет, что это отрывок из какой-нибудь древней квиды?

Предание о женитьбе Атиллы на княжне бургундской заключается и в поэме «*Nibelungen lied*», относимой к X веку, и в поэме «*Waltarius Aquitanus*», почерпнутой из одного и того же источника, но преобразованной в честь и пользу визиготов аквитанских.

В «*Nibelungennoth*», или «*Nibelungenlied*», Атилла и его гунны играют более благовидную роль, и лицо их не изрыто ни оспой, ни аммиановским раскаленным железом, чтобы не смела расти борода. Эта трагическая поэма создана не по замыслению ходячих природных певцов, а по тщательному соображению сидячих поэтов, в подражание Илиаде. Тут изливание задушевной песни во славу славных заменено похвальным прилежанием к труду для собственной своей славы.

По последовательности, подробностям и сухости описания приключений (*aventure*) протяжными стихами с рифмами⁵⁴ явно, что «*Nibelungenlied*» образовалась не собственно из витязных народных песен, но из полноты древнего народного рассказа о мщении Гримгильды (по квидам Гудруны) Бургундской:

Uns ist in alten Mähren Wunders viel gesait,
Von Helden lobebären, von grosser Arbeit,

Von Freuden und Hochgezeiten, von Weinen
und von Klagen,
Von kühner Recken Streiten mögt ihr nun Wunder
hören sagen*.⁵⁵

Главным источником этих древних сказок (alten Mähren) была «*Vilkina-saga*», сборник, в котором находится и сказание о Нифлунгах.

Во всяком случае, на этом основании события в «*Nibelungenlied*» ближе к исторической истине. В Эдде же то же самое происшествие разрознено на квиды с разноречивыми вариантами, и эти квиды в свою очередь похожи на обрывки, для слепки которых необъяснимые слова употреблены вместо цемента.

Как в скандинавских квидах, так и в немецкой поэме о Нибелунгах вступлением в рассказ о союзе Гримгильды (Chriemhilde) или Гудруны с Аттилой служит смерть героя Сигурда (Siurit, Sjurd)⁵⁶, первого ее мужа. Он злодейски убит старшим ее братом Гунтером (в квиде: Гуннаром) при помощи Хагена (Hagen)⁵⁷.

В поэме мщение Гримгильды естественным образом падает на братьев и на Хагена. В квидах, напротив, мщение обращено на Аттилу.

Нет сомнения, что Снорри Стурлусону, а может быть, даже Пиндару Академии Карла, казалось неприличным оставить квиду в том виде, как пели ее язычники-гунны, возводя неистовые преступления на предков прирейнских владетелей, от которых генеалогия вела и род Карла, родившегося в Ингельгейме. Могли ли, в самом деле, Гуннар и Хёгни без особенного наваждения гуннов и единственно из златолюбия убить мужа родной сестры; а сестра из

* Нам много сказано о древних чудесах,
О рыцарях, хвалы достойных,
О великих их делах,
О празднествах веселых с вином и плачем,
О подвигах геройских вы отныне можете услышать.

мщения за смерть мужа – убить братьев, извести весь род Нибелунгов. По простому, прозаическому и понятному сказанию («Vilkina-saga») о Сигурде, или Сигфриде, – могли; а по темному языку квид – не могли. По простому рассказу Брингильда, княжна Заградская (Sagard), – истинный сколок с русской царь-девицы, которая дала обет выйти замуж только за того, кто победит ее. Но в «Vilkina-saga» дан превратный смысл победе⁵⁸.

Гуннский витязь Гюрги, обратясь на севере в George, Sjurd, Siurit, Siyard, Sigurd и, наконец, в Sigfrid, поразил летучего змея и приобрел его сокровища. Потом женился на Гримгильде, сестре бургундского короля Гунтера, который, в свою очередь, прослышав о необычайной красоте Брингильды Заградской⁵⁹, пожелал приобрести ее руку; но право на это надо было добыть победой. Гунтер и вызвал царь-девицу на поединок; однако же она вышибла его из седла. Гунтер был в отчаянии. «Король, вызывай ее снова, – сказал ему Сигфрид, – и давай мне твои доспехи». – Как сказано, так и сделано. Под именем и в доспехах Гунтера Сигфрид сразился с Брингильдой, обезоружил, разоблачил ее, и она должна была отдать руку свою мнимому победителю. Вся история тем бы и кончилась, если бы Гримгильда не выпытала тайны у мужа своего и после этого не оказала неуважения к Брингильде. Гордая Брингильда напомнила ей, что при входе королевы жена подданного должна вставать. Гримгильда, как следует затронутой подколодной змее, тотчас же ужалила Брингильду.

– Я желала бы знать, – сказала она, – кто расстегнул мечом броню твоей девственной груди, чтобы ты имела право надо мной величаться!

– Твой брат и твой король, Гунтер, – отвечала спокойно Брингильда.

– Неправда! Не Гунтер, а мой муж и твой победитель, Сигфрид!

Лицо Брингильды как будто обдало кровью; молча вышла она вон из комнаты. Возвратившиеся с охоты король Гунтер и Хаген встретились с ней и, пораженные ее наружностью, спросили причину ее отчаяния.

– Я не знаю, что я такое здесь и кому принадлежу, – проговорила Брингальда. – Твоя сестра объявила мне торжественно, что право на меня приобрел не ты, а ее муж, Сигфрид!

Этих слов достаточно было, чтобы завязать всю последующую историю мщения Гунтера Сигфриду, и потом мщения Гримгильды брату Гунтеру и Хагену, от руки которого пал Сигфрид. Но «Эдда» распорядилась иначе. По темному смыслу квид оказывается, что гуннская колдунья Брингильда – дочь Будли и родная сестра гуннскому варвару Аттиле, потому что Будли, по квидам, такой же родной отец Аттилы, как Мунзиссо по Иорнанду и Озид по «*Vilkina-saga*». **Влюбленной в Сигурда колдунье Брингильде**, как нечистой силе, нужна только душа его, а не плоть; а потому она выходит замуж за короля Гунтера, или Гуннара, и поджигает его убить Сигурда и овладеть его сокровищами. Гуннара соблазняют сокровища, а Хаген, обратившийся в королевского брата, берется за дело. Убийство совершается разным образом, в разное время и не на одном и том же месте: «по одним сказаниям, во время белого дня, на охоте; по другим, во время темной ночи, на постели; народ же (*thydverskrmenn*) говорит, что в лесу; а по “*Gudrunarquifa*” – **во время пути на сейм; все же вообще** говорят, что они убили его безоружного»⁶⁰.

После убийства совершаются похороны по гуннскому обычаю, торжественным сожжением тела. Этого только и ожидала Брингильда: она бросилась на костер, обхватила Сигурда и исчезла с ним посреди пламени.

Гудруна, как *Gotnesckona*, не пожелала следовать варварскому обычаю гуннских жен и заживо жариться на костре, но предалась, по обычаю готских жен, так назы-

ваемой неутешной печали, во время которой ей следовало еще выйти два раза замуж. Когда явился посол Аттилы просить ее руки, она и слышать не хотела; но мать ее, Гримгильда, дорожа этим союзом, составила зелье забвения из разного волшебного снадобья, употребив вместо собачьего сердца свиную печенку, и дала испить Гудруне. Избавясь от неутешной печали, Гудруна отправилась в Гуннию с предчувствием, что злодей, брат Брингильды, непременно предаст ее брата Гуннара злой смерти, а из Хогни вырежет сердце и ей придется за них мстить. Так и случилось. Аттила, которому фактически били челом и платили дань не только все варвары, но и все классические народы Европы, польстился на сокровища Сигурда, которыми овладели братья Гудруны. С этой целью он и посылает двух своих скороходов-гудочников звать их к себе в гости. Гудруна, предугадывая его злое намерение, пишет в предостережение братьям письмо *рунами*⁶¹ и, сверх того, посылает кольцо, обвитое волчьей шерстью; но рун они не поняли, значению кольца не поверили и отправились на свою погибель.

С досадным чувством, что письменные *гальдрары* претворили в словарь изустную песнь *гадляр*ов Исландии, где еще в XVIII столетии простой народ славил *колду* (*kobold*)⁶² и поклонялся втайне *душам предков* (*thusse arud Gallos dusios, dusius*), **обратимся к содержанию «Песни о Нибелунгах».**

По смерти первой жены своей Йельки (*Helke*)⁶³ Аттила, прослышав о необыкновенной красоте Гримгильды Бургундской, предложил ей свою руку. Хотя и «недостойн хрестьяном дщери своя за поганья даяти», как сказали в X веке цари греческие Константин и Василий, но и в V веке не следовало отказывать в подобной вещи обладателю всея Скифии; а потому Гримгильда, побуждаемая славой обратиться язычника на путь истины, отправилась в неведомую до сих пор страну гуннов (*Heunenland*)⁶⁴. Аттила встретил

невесту на границе своей области и повез ее по маршруту, составленному перелазателем народного рассказа в стихи, в таинственный Etzelburg, или град Аттилы.

По прошествии семи лет, родив сына *Ортлиба*⁶⁵ (Ortlier), а по квидам, двойню – *Ерна и Эйтиля*, – Гримгильда надумала, что пора уже мстить братьям за смерть первого мужа.

И вот однажды

Da sie eines nachtes bey dem Kunige lag,
Mit armen umbefangen hät er sie, als er pflag
Die edele Frauen minnen...*

Она сказала ему: «Как горько мне, что в твоей земле все смотрят на меня как на безродную сироту; как бы я желала видеть братьев моих и всю родню у себя в гостях». – «Viel liebe Fraue mein**», – отвечал ей Аттила, – если ты только этого желаешь, то мы немедленно же пошлем двух гудочников (fidelere) в Бургундию. И действительно, немедленно же и отправил послами в Бургундию двух придворных певцов⁶⁶, вероятно тех самых, которые, по сказанию Приска, во время обеда у царя гуннов воспевали славу.

Когда явилось посольство с приглашением короля Гунтера и братьев его, Гернота и юного Гизельгера, в гости к Аттиле, Хаген, главное орудие убийства Сигфрида, навел было сомнение на присланный поцелуй от Гримгильды; но Гунтер, полагаясь на семь лет, после которых все старые счета и долги прекращаются, а особенно доверяясь гостеприимству, доблестной и честной славе Аттилы, решил ехать. Однако же в предосторожность, на всякий случай под предводительством Хагена спрово-

* Однажды ночью возлегла она рядом с королем,
И обнял он ее заботливо,
Как благородную жену, любовью одарив (нем.).

** Возлюбленная жена моя (нем.).

ждает путников отборная, храбрая дружина. Миновав и горы высокие, и степи широкие, и моря глубокие, братья Гримгильды приезжают в Гуннское царство. Аттила радушно встречает и принимает гостей, сажает их за браные столы, угощает медвяным питьем и яствами; кормилец выносит его младенца-сына напоказ дядьям; а между тем Гримгильда распорядилась уже иным угощением, склонив некоторых витязей, в том числе и брата Аттилы Влаго (Blödel)⁶⁷, мстить за себя.

Во время столования Нибелунгов в палатах царских дружина их в свою очередь столовалась в гостинице. Влаго со своей тысячью окружил гостиницу, вошел к пирующим и на поклон командира дружины бургундской, брата Хагена, Данкварта, отвечал, что пришел не за поклоном его, а за головой. После кратких на этот раз объяснений Данкварт снес голову Влаго. Вследствие чего гунны, разумеется, бросились с обнаженными мечами на гостей, началась резня. Данкварт отправился во дворец и донес Хагену, что в герберге неблагополучно. Вспыльчивый Хаген понял, в чем дело, зверски взглянул на Гримгильду, выхватил меч из ножен, вцепился в волосы маленького Ортлиба, отмахнул голову, бросил ее на колени матери и сказал: «На! Я знал, что ты нам даром не поднесешь вина, вот тебе в задаток!»

Взоры и мечи хозяев и гостей ярко блеснули – начался кровавый бой.

Бургундов теснят; храбро защищаясь, они отступают к гриднице, где идет свалка между воинами. Гримгильда предусмотрительна: гридница вспыхнула, горит. От жару и жажды изнемогают бургунды. – Пей кровь! – кричит Хаген. И эпические бургунды в самом деле, по надлежащем, однако же, испытании, действительно ли кровь утоляет жажду, прохлаждает и подкрепляет силы, принялись пить кровь. После этой попойки, во время которой гунны, вероятно, так же утоляли жажду кумысом, битва возгоре-

лась. Драматическое сражение между витязями Аттилы и Нибелунгами тянется в продолжение 2000 стихов. Все сражающиеся по очереди перебили друг друга. В заключение Теодорик Бернский сражается с Хагеном, ранит его, но, не желая умертвить, связывает и передает Гримгильде; потом сражается с самим Гунтером, королем бургундским, ранит его и передает Гримгильде в уверенности, что она пощадит и помилует братьев. Но Гримгильда злобно и торжественно говорит Хагену: «Хочешь жить, так скажи, где затаены вами сокровища Сигфрида?»

– Сказал бы, – отвечает Хаген, – да я дал клятву до тех пор не говорить никому, где лежит клад, покуда жив хоть один из моих владык.

– О, так мы сейчас же кончим дело, – прошипела Гримгильда, и через несколько мгновений она держала уже перед глазами Хагена отрубленную голову старшего брата своего, Гунтера, за волосы.

Хаген содрогнулся.

– Нет уже в живых благородного короля Гунтера! – вскричал он. – Нет юного Гизельгера! Нет и Гернота, но жив еще владыка мой Бог, и дело твое не кончено, злодейка!

– Так подай же мне хоть меч моего Сигфрида! – иступленно проговорила Гримгильда и быстро выхватила она меч из ножен, взмахнула – и голова Хагена отпала от плеч.

В это время вошел Аттила.

– От рук женщины гибнет герой! – воскликнул он с ужасом.

– Я за него мститель! – сказал старый Гадобрат (Hadhubrath), поражая в свою очередь Гримгильду.

И тут легли все обреченные смерти,
В куски изрублена благородная жена.
Теодорик и Аттила восплакали,
Душевно скорбя о кровных своих и о витязях⁶⁸.

Таким образом, по «*Nibelungenlied*», Аттила после женитьбы на второй жене остался жив и здоров; причина гибели Нибелунгов не он, а мщение Гримгильды за смерть Сигфрида. Все это совершенно сходно с «*Niflunga Saga*» и датскими древними песнями, и вообще с народными сказаниями местностей, соседних с событием; но скальды скандинавские поют, как увидим, иначе и наводят на себя подозрение.

В поэме «*Valtarius Aquitanus*» бургундская королева – уже не Гримгильда и не Гудруна, а Ильдегонда (*Hiklegonda*). Это имя вполне напоминает историческую *Ildico*⁶⁹ Иорнанда. Но, по народным сказаниям («*Vilk. Saga*»), Валтер и Ильдегонда составляют совершенно отдельную повесть. Валтер – заложник, племянник Эрменрика, короля Опольского⁷⁰, и сродни Тодорику Бернскому (*Bern*); а Ильдегонда – дочь Ильи, ярла Грикии (*Grikaland*) и племянница Острога (*Osantrix?*), короля вильцев и большей части Руси (т.е. Великорусии). В поэме же Валтарий – заложник из Аквитании, которую в то время владели визиготы; а Ильдегонда – дочь Эрика (*Herrie*) Бургундского.

Событие совершается после победы на полях Каталунских в Галлии, откуда Аттила привозит и Ильдегону, и Валтария, и франка Хагена, происходящего по прямой линии от Франка, сына Гектора Троянского⁷¹. Аттила сам занимается воспитанием юношей, учит их молодечеству, стрельбе из лука, и в то же время заботится просветить их науками и эллинской мудростью.

Но Хаген, не возлюбив наук, уходит на свою родину. У Валтария также в голове не науки, а прекрасная Ильдегонда; и он замышляет также бежать на родину, но не один, а вместе с Ильдегондой. Чтобы исполнить это, он просит сочинителя поэмы устроить во дворце Аттилы столование по образцу описанного Приском Ритором, и ни дать ни взять – как искони вплоть до XVIII века водилось на

Великой Руси: «почестный пир на многи князи, бояра, на русские могучие богатыри и гости богатые». Это было самое удобное время для исполнения замысла, потому что, покуда, по обычаю, длилось столованье, пилося здравие, пелась слава, предвкушалось блаженство упоения и в заключение обходила кругом похмельная братина, можно было и бежать в Аквитанию, и воротиться назад, особенно на коне, который давал «ускоки во сто верст». Как сказано, так и сделано. Столовая палата убрана цветными паволоками, царское место – золотой парчой аксамиченной. Аттіла садится за браный белодубовый стол, по обе стороны два великих боярина, прочие гости, по ряду, занимают столы по сторонам. На столах стланы скатерти червленые, шитые золотом, уставлены яствами и закусками; кравчие и чашники разносят медвяное питье. Царская чаша ходит кругом. Гощенье, по обычаю, тянется до ночи, и хозяин, и гости, по обычаю, сами набок, голову на сторону, а кто и целиком под стол. Между тем Ильдегонда добывает для Валтария из царской оружницы ерихонскую шапку, кольчуги с зеркалом и вообще броню, оружие и конскую сбрую; а для себя из царской казны – две крошени драгоценных камней и жемчугу. Снарядившись, Валтарий идет в царскую конюшню. В конюшне был конь, которого по-латыни звали *Leonem*⁷²; а по-русски – «конь лютый зверь и бур, и космат, у коня грива по левую сторону до сырой земли»⁷³.

Между тем как Валтарий седлал коня, Ильдегонда успела поджечь столовую царскую палату; потом сели вместе на лютого зверя и помчались в Аквитанию.

В дороге не случилось с ними ничего особенного, кроме того, что при переправе через Рейн у Вормса⁷⁴ они чуть-чуть не попались в руки разбойнику Гунтеру с его шайкой франков, которые, по сказанию поэмы, были в сто раз хуже гуннов⁷⁵.

Таким образом, и в этой поэме смешение имен и событий. Аттила после пира с пожаром не умирает ни естественно, ни насильственно. Хватившись на другой день Ильдегонды и Валтария, он только выходит из себя, рвет на себе царское платно сверху донизу, шлет погоню и обещает того, кто догонит беглецов, не только осыпать с ног до головы золотом, но даже живого похоронить в золоте.

В переработанных преданиях, прирейнских и придунайских, более полноты и смыслу; в переработанных квидах «Эдды» почти за каждым словом надо лезть если не в карман, то в «Specimen Glossarii» и в примечания; но и в них мало определительного и тьма догадок, в оправдание которых толкователи слагают темноту смысла на поэтическую вольность скальдов. С тонким чутьем, как у Бабы Яги, можно решительно сказать, что в древних квидах «Эдды» пахнет русским духом. В них есть и Змей Горыныч⁷⁶, и старые вещуны, и птицы-вещуньи, и даже царь-девица⁷⁷. Но весь этот волшебный мир как будто не в своей тарелке; а полинявшая богатая ткань изустных преданий как будто перекрашена, выворочена наизнанку и перекроена в Тришкин кафтан, который, если начертать рунами, легко обратится в *Trisconis, sive Tuisconis Käfta, t.e. toga*.

В квидах вместо Гримгильды⁷⁸ и Ильдегонды после смерти Helke сердце Аттилы наследовала Гудруна⁷⁹. Вместо одного сына Ортлиба у нее два сына: Эрпо и Эйтил (Ei-til). По «Atla-quiða», не Гудруна замышляет мстить братьям смерть Сигфрида, а сам Аттила, из корысти сокровища, которым они завладели. Он посылает к ним посла, какого-то Кнефрода, звать к себе на пир. Кнефрод приезжает

Во владения Гойковичей,
К дому Гуннара,
Железокованной скамье
И к сладкому напитку⁸⁰.

Угаданы ли последние два стиха – не наше дело судить. Так или иначе, но восточный посол засел на *beckiom aringreipom* и заговорил зычным голосом⁸¹:

Аттила сюда меня послал,
Ряд урядить (*Rida orindi*)
На коне, грызущем узду (?),
Через темный лес,
Вас просить, Гуннар,
Чтобы пришли на скамью(?),
С шлемом железокованным (!)
Дом посетить Аттилы.

Так ли говорил посол – не знаем; мы следуем слепо смыслу не подлинника, а переводов.

Братья Гудруны, (которых на сцене только двое: *Gunnar* и *Haugni* – Хаген), несмотря на все предостережения, едут в *Gardi Huna*, в гости к Аттиле. Гудруна встречает Гуннара следующими словами.

Лучше бы было, брат,
Если бы надел ты на себя броню,
Нежели железокованный шлем,
Чтобы видеть дом Аттилы.
Сидел бы ты в седле
Солнцесветлого дня;
Пришлось бы бледный труп
Норнам оплакивать,
А гуннским щитоносным девам
Изведать горе:
Быть бы самому Аттиле
В башне змей;
А теперь эта обитель
Для вас заготовлена.

Такова «in varietate lectionis»* мистическая речь Гудруны «quod etiam poesis tolerat»**; из оной следует, что Гуннар приехал в гости совершенным колпаком in **hauslichen Gewandern***** и в железокованном шлеме.

На речи Гудруны Гуннар отвечает: «Поздно уже, сестра, собирать Нибелунгов!»

И действительно поздно: его просто вяжут по рукам и по ногам⁸².

Хаген тщетно защищает Гуннара.

«Спрашивают (неизвестно кто): не хочешь ли, владыка готов (?), искупить душу золотом?»

«Пусть мне сердце Хагена (Haugni) дадут в руки, пусть вырубят его из груди сына народоправителя (?)»

И вот вырезают сердце из груди какого-то Гиалли (Hialli) и подносят на блюде.

«Это сердце слабого Гиалли, – говорит Гуннар, – оно дрожит: это не крепкое сердце Хагена».

«Смеялся Хаген, когда вырезывали его сердце».

«Вот, это сердце Хагена, – сказал Гуннар, – оно и на блюде не дрожит. Теперь только я один знаю, где сокрыт клад».

За укрывание клада Гуннара препровождают в погреб, полный змей. Тут Гуннар берет арфу и играет последнюю песнь лебеда ветвями ног своих⁸³.

Между тем Аттила откуда-то возвращается; Гудруна встречает его с золотой чашей в руках и просит испить за упокой братьев.

Когда Аттила выпил чашу и вкусил брашно, Гудруна объявила ему, что он упился кровью детей своих и насытился их сердцами.

На это сознание в «Atla-quiṛa» Аттила молчит; он опьянел и идет спать, предоставляя себе право отвечать в «Atla-mal». Гудруна же довершает «Ueberarbeitung» скан-

* В различных чтениях (лат.).

** Что также допускает поэма (лат.).

*** В домашнем платье (нем.).

динавского скальда: она дала своему *ложу* напиться крови Аттилы, выпустила собак подлизать ее и в заключение запалила царские палаты. В этом-то пожаре кроме Аттилы погибли и гуннские амазонки (*skiald-meyar*).

За сим следует заключительная строфа в переводе Симрока:

Volkskōng drei hat die edle Frau
In der Tod gesandt eh sie selbst erlag*.

Hon hefir þriggia	Ea trium
þioþ konunga	Illus trium regum
Ban orþ borit	Necem patravit
Biort aþr sylti.	Nitida quam periret.

Т.е. она (Гудруна) отправила трех королей славных на тот свет, потом сама погибла.

Но эта заключительная строфа явно изменяет и противоречит смыслу квиды и вполне соответствует смыслу предания народного («*Niflunga Saga*») и «*Nibelungenlied*», в которых, погубив трех королей, своих братьев, Гримгильда (Гудруна) сама погибает⁸⁴. Чтобы оправдать это противоречившее заключение, толкователи придумали, что под тремя убитыми Гудруной королями надо подразумевать Аттилу и двух его сыновей (!). Положим, что так; но где же Гудруна сама-то погибла? В «*Atla-mal*», повторяющей то же сказание, она остается жива для того, чтобы в «*Gudrunar-hvaut*» выйти замуж за Йанко (*Jonakr*) и родить двух сыновей⁸⁵, которые бы отомстили Эрманарику за Сванильду⁸⁶ и убили бы еще раз сводного брата Эрпо⁸⁷.

Из всего этого видно, как склеивались отрывки и строфы разных древних народных квид, единственно по сходству упоминаемых в них имен.

* Народный вождь, что благородную жену имел,
На смерть был послан, теперь и сам убит (*нем.*).

При «Atla-quiða» в конце приписки прозой: «Enn segir glegggra i Atla-malom inom Graenlenzkom», т.е. об этом говорится подробнее в гренландском сказании об Аттиле.

Это сказание, или «Слово об Аттиле», действительно втрое больше, чем «Atla-quiða»; но в этом драматизированном и, так сказать, лицедейном произведении «из того же места, да не те же вести». Тут братья Гудруны, Гуннар и Хаген (Haugni), несмотря на предостережения сестры, на уговоры жен и на сны, предвещавшие беду, едут по приглашению Аттилы на кораблях. Ехали они «долго ли, коротко ли, но наконец могу сказать⁸⁸: прибыли в град, где царствовал Будли». Этот Будли, по истории Bleda (Владо), брат Аттилы; по квидам – отец Аттилы, а по «Atla-mal» не брат и не отец, а лично сам Аттила.

Ученые толкователи утверждают, что это типическая фигура, что поэт «*figurate patrem hic ponit pro filio Attalo*». Подобное толкование значит то же, что «для скальдов Эдды закон был не писан». Так или иначе, но сам Аттила является с толпой вооруженных гуннов и начинается бой. После долгого сопротивления Гуннар и Хаген связаны по рукам и по ногам. Аттила велит Хагену вырезать сердце, как и в «Atla-quiða», а Гуннара повесить и пригласить на него змей – «*invitare eo serpentes*» – «*Ladet Schlangen dazu*».

Когда все это было исполнено, Гуннар взял арфу (*haugro tok Gunnar*) и заиграл на ней ветвями ног своих.

Этот смысл утверждается ссылкой на позднейшую квиду «*Gunnars slagr*» («Бряцание Гуннара»), хотя позднейшая песнь не указ смыслу древней.

После этого события Аттила, хватившись своих детей, спрашивает: где они играют? Гудруна объявила ему, что они уже не играют, что перед ним стоит чаша, из которой он испил кровь своих детей, а сердца их съел вместе телячьих.

На это Аттила сказал:

Crudelis eras Gudruna!	У тебя, Гудруна, жестокая душа.
Cum ita agere a te impetrabas,	Каким образом дозволила ты себе
Liberorum tuorum sanguine	Кровь родных своих детей
Potionem mihi miscere.	Вмешать в мой напиток?

С этого благоразумно сделанного запроса начались долгие разговоры и взаимные упреки. В промежутках откуда ни взялся сын Хагена и во время ночи поразил Аттилу. Пробудясь и чувствуя рану, Аттила отрекается от помощи, но производит над Гудруной следствие, кто убил сына Будли.

– Я и сын Хагена⁸⁹, – отвечает Гудруна.

– К противоестественному убийству побудило тебя злобное сердце, – сказал на это Аттила и высчитал все, чем он хотел насытить жадное, лихоимное⁹⁰ сердце Гудруны.

– Пустое говоришь ты, Аттила! Пусть ненасытна была я; а твоя жадность к победам насыщала ли тебя?

– Пустое говоришь ты, Гудруна! Мало оправдаешь ты этим судьбу нашу. Все погибло!

Промолвив эти слова, Аттила умирает. Гудруна намеревается убить себя; но ей еще следует жить в двух квидах скальда, который не заботился о хронологическом порядке событий.

Первая квида есть «Gudranar-huaut» («Исступление Гудруны»), а другая «Hamdis-mal» («Слово о Хамди»). Дело в том, что после смерти Аттилы (в 454 году) Гудруна выходит замуж за Йанко (Jonakr), короля славянского⁹¹.

От него у Гудруны три сына: Saurli, Hamdir и Egr; дочь же от первого брака с Сигурдом гуннским (hunskr – hunnicus), Свангильда, выдана за Йормунрека, или Эрманарика, короля готов (ум. в 376 году), который велел размыкать ее в поле, привязав к хвостам лошадей⁹².

Узнав об этом, иступленная Гудруна побуждает упреками сыновей своих, Саурли и Хамди (об Эрпе ни слова), мстить Иормунреку:

Что сидите.
Во сне проводите жизнь;
Или не трогает вас
Полученная весть,
Что Иормунрек
Вашу сестру,
Юную возрастом,
Размыкал конями,
Белым и вороным,
В открытом поле,
Серым быстрым⁹³
Готским конем (?).
Не похожи вы
На породу Гуннара,
Нет в вас такой души,
Как у Хагена!
Виновнику ее смерти
Вы решились бы мстить,
Если бы обладали смелостью
Моих братьев
Или твердой душою
Царя гуннов!

Таким образом, Иормунрек, который исторически умер в 376 году, поэтически переживает Аттилу, умершего в 454 году.

Таково значение древних исландских и гренландских квид, записанных с простонародного языка какими-нибудь рунами, переписанных в XI–XIII столетии латиноготскими буквами, обработанных и переложенных учеными скальдами последующих времен на языке господствовавших.

Эта обработка и переложение древних гайд или квид и составляет причину того, что все собранные в народе песни и сказания, относящиеся к одному и тому же событию, обличают Эдду в нарушении смысла существовавших преданий.

Рассмотрев народные, хотя уже и искаженные предания, имеющие отношения к нашему предмету, мы видим:

1. Древние северные квиды достигли до нас не на языке народном, а на придворном и правительственном готском⁹⁴, который водворил Карл и для которого сам составил грамматику. Язык народный, сельский, был *sclaventunge*, ибо галльские и германские славяне были уже в то время в отношении готов рабы.

2. Позднейшие сельские славянские предания дошли до нас в то уже время, когда в Германии и аристократия, и народ заговорили на чужом языке, и, следовательно, бóльшая часть преданий переведены изустно самим народом.

3. Так называемые гунны, по квидам, сагам и по всем преданиям севера, принадлежали к древнегерманским племенам и отличались от западных, франкских, только тем, что были еще язычники.

4. Название народа *huni*, *hune*, *chuni* произошло от первоначального названия *kwänä*, *kuenu*, *conaе*, *kunae*, смешиваемого с готским словом *kona*, *kuna*, *quena*, *kwäna*, означающим «жена», что и породило, как увидим ниже, сведения о гуннских амазонках, и потом принято в писании для избежания смешения в смысле названий.

5. Почти все собственные имена в древних преданиях славянские. Постоянное изменение их видно из вариантов на различных наречиях. По преимуществу форма их кимврская, т.е. сербская. Например, имя Юрий в наречии сербском Ђурђе (Джурже, Дзюрдзе) изменяется в Галлии в *Georges* (Джордж), в Дании в *Sjurd*, потом в *Siurit*, *Sivrit*, *Sivard*, *Sigurd*, и, наконец, в новейшее *Siegfried*, составленное для объяснения смысла. Оно же, сократясь в *Sigar*, *Sigr* и, наконец, в *Sig*, означает «победа», сохраняя первобытный смысл имени божества победы.

Из сербского собственного имени Огнян, Огньо, Игньо (в религиозном значении то же божество грозы, громовержца, Перуна – Foudre) латинское Ignius, Egnius, изменяется в квидах в Hagnū, Hōgnī и, наконец, в Hagen.

Собственное имя *Яромир* изменяется в Jarmar, потом в Jarmar–rik (**Rex Jaromir**), **Jormunrekr**, **Ermanarik**, **Hermanarik**.

Гейзо – Gisle, Gisler, Giselher. *Гурина* – Gurin, потом Gudruna, и пр. и пр.

Описывая историю готов (в которой бóльшая часть владетельных, родовых имен явно славянские, ибо прозелиты деизма продолжали носить древние родовые имена, как и во времена принятия христианства), Иорнанд, не объясняя причины, замечает, что у *готов было в обычае (?) носить гуннские собственные имена*⁹⁵.

6. Изустная народная память об Аттиле настолько сохранилась в письменных преданиях запада и севера Германии, насколько события могли относиться до летописей, саг и квид, сочинявшихся придворными скальдами во славу новых династий.

І. Война прибалтийских и забалтийских славян с водворившимися в конце I века по Р.Х. на острове Зеландии готами-дакиянами

Г. Люден⁹⁶, изучая историю древней Германии и попытав томительную непрерывную борьбу с темнотой, смутной преданий и с тяжким трудом извлечь из них истину, сознается, что эта смута заключается не в самой истории, а в историках, которые по ведению и неведению нарушали самый простой смысл преданий.

Этот справедливый упрек лежит не столько на древних историках, сколько на историках времен истинно варварских, когда существовавшие некогда добросовестность

и отчетливость в переписке рукописей заменились подлогами, умышленными и невежественными изменениями для потребностей времени и для укоренения в недрах истории генеалогического древа не только пришлых личностей, но и народов.

Чтобы избежать упомянутой Люденем смуты в изысканиях истины, мы обращаемся прямо к простому смыслу преданий, боясь не столько темноты их, сколько затемнения.

В изданном опыте свода и поверки сказаний о первобытных населенцах Германии⁹⁷ объяснено, что известные истории свевы суть славяне⁹⁸, а также определено время переселения гофов, готов или готфов из Дакии на острова Балтийского моря. Следует теперь обратить внимание на водворение их и распространение по всему северу.

Но повторим причины переселения.

В самом исходе I столетия по Р.Х. император Траян поднял повсеместное гонение на иудеев.

Первосвященник готов в Дакии, Фридульфсон, называемый вообще Одином, начал заботиться о переселении на север со своими дроттарами (жрецами), диарами (вельможами) и народом, разделявшимся уже на остроготов и визиготов; но это переселение относится преимущественно до визиготов⁹⁹.

Мы упомянули во вступлении, по сказанию Эдды, о Гильве, владетеле Скандии, первом прозелите готов, когда еще их Годгейм был в недрах Карпатских гор. По тому же преданию Эдды, Один предварительно послал к Гильфу просить земли для поселения. Послом была сладкоглаголивая Гефиона¹⁰⁰. Она так пленила Гильва своими речами, что владетель Скандии дозволил занять ей столько земли, сколько можно обойти в сутки плугом. Гетиона была не глупее Дидоны¹⁰¹: она запрягла в плуг четырех сыновей своих, добрых волов, рожденных ею от некоего великана (Risar)¹⁰², отмежевала огромное пространство земли и в дополнение свезла его в море, отчего и образовался остров Зеланд (Seeland).

Вот предание, определяющее местность водворения готов-дакиян¹⁰³ на севере. Кроме этого сведения, оно определяет даже количество приобретенных Гетионой сынов (т.е. русских племен) со стороны, которых она могла уже запрягать в ярмо и которые, должно заметить, составляя прозелитов готских, продолжали носить свои народные собственные имена, как русы по принятии христианской религии и как ныне сербы и прочие придунайские славяне.

Таким образом, остров Зеланд и есть та исходная точка, которую Иорнанд принял за Скандию, откуда «готы, подобно рою пчел, налетели на твердую европейскую землю».

Действительно, с острова Зеландии началось их распространение посредством пропаганды верования, за которою следовали и победы. Их правление было теократическое, как у израильтян до преобразования в царственное; следовательно, оно было противоположно правлению древних германов и скандинавов. Готы управлялись первосвященниками, которые сосредотачивали в себе и власть царскую¹⁰⁴. «Древнейшие жители Скандии, – говорит Далин в «Истории Швеции», – поклонялись Единому Богу в трех лицах, но вымыслы Одина и поэтов, – замечает он, – исказили это учение. Чтобы понравиться более населенцам Скандии, асы, или готы, принимали имена их божеств и сами вперяли народу, что это истинные боги».

Но до христианства инстинктуальное сознание трояственности божества принадлежало, как мы уже объяснили, только сайванскому верованию; следовательно, Один, которого презирали язычники¹⁰⁵, вносил с собою деизм, облекая его для язычников-сайван в наружные атрибуты их тримуртизма; точно так же как впоследствии, но уже невольно, тот же деизм готов укрывался от христиан под названием арианства, облекаясь притворно в атрибуты верования в Святую Троицу.

Таким образом, смешение того и другого верования в темных понятиях прозелитов образовало и в преданиях народ-

ных ту мнимую «Мифологию севера», в которой прежде всего следует отделить Единого в тройственности от Адонаи готов.

Обратимся теперь к древней истории Дании, или, лучше сказать, острова Зеландии; ибо до времен Яромира, или Ерманарика¹⁰⁶, Дания, или Северная Дакия, только временно выходила из пределов этого острова.

Уклоняясь от соображений историков и хронологов, по которым основание Датского королевства¹⁰⁷ относится и ко временам Даная, и ко временам Дана, современника царя Давида, и к 1038 году до Р.Х., и, наконец, к 60-му году до Р.Х., когда, по Торфею, совершилось «Asianorum in has terras transmigratione»*, мы знаем только предание, что до переселения Одина, т.е. готов, на север не существовало Дакии или Дании, и, следовательно, полагаем основание оной около 98-го года по Р.Х.

До основания Дании на Кимврийском, т.е. Сербском, полуострове были известны следующие князья, или жупаны¹⁰⁸:

Segub или Segud	Его столица была в Кимврии
Adlze(r)	(Ацо)
Truidus	Тройдо, Тройдень
Thielvar	Телемир. Перенес столицу на остров Зеландию
Ostred	Острад, Острой
Gulhius	Годой
Truidus. II	Тройдо II
Toreld	Туро (?)
Jelling	Иело, Иелашин
Viset	Вичо, Воица
Bosh	Богой

Зять Богоя, Вичан (Witton), владел городом и областью Sleeswig на реке Slye; жители области были sigulones, или

* Переселение азиатов в эти земли (лат.).

slievones¹⁰⁹. Острова же – Зеландия, Langeland и Моне – назывались Withasloth¹¹⁰, или Wideslete.

Все эти имена могли сохраниться в предании только по отношению к готам-переселенцам.

Кимвры, т.е. сербы, полуострова часто отправлялись на преследование морских разбойников, живших в скалистых островах над Фризией и известных Риму под названием Saxones, от saxum – скала.

Во время морского похода князя Богоя против саксонов и фризов (франков приморских) под влиянием зеландского вельможи¹¹¹, называемого Humblus, или Humlus, и женатого на дочери Вичана (Witton), Витеслотские острова (Withasloth) отложились от Сербии и избрали князем своим Дана, сына упомянутого Гумли¹¹². С этого времени готы (зеландские) приняли название данов¹¹³.

После Дана избран был сын его, также называемый Humli, но, мирный нравом, он лишен был престола братом своим, Люто (Lothe, Lothar), которого и предание называет, сообразно смыслу имени, лютым, жестоким.

По некоторым сказаниям, после Люто царствовал пять лет сын Тумли, Богой (Bogh); но Саксон не упоминает о нем¹¹⁴ в своей «Истории Дании». По Саксону, следует сын Люто Скъольд; по Торфею же и Резению¹¹⁵, Скъольд есть чистая кровь самого Одина, потому что в «Langfedgatal» значит: первый царь Дании Odin, за ним следует Skiold filius ejus*, от которого и начинается династия Скъольдунгов (Skioldungar).

По «Langfedgatal», следует Fridleif, сын Скъольда, или Чильда, потом Фродо; а по Саксону и Меурсию следуют Gram, Suipdag, Guthorme (Годомир) и Hading (Годеч), который был женат на Рогнеде (Ragnilda, собственно: Райна, Райница), дочери русского князя, называемого по летописям Hugon, Haquinus, от которой имел сына Frotho (Врато, Вратой, Вратислав) и дочь Swanthuite (Световиду).

* Его сын Скъольд (лат.).

Фродо был славолюбив, и ему, кажется, обязаны так называемые военные хитрости своим началом. Чтобы победить Драно (Dogno), князя куров, или куронов, он засадил часть своего войска под землю и навел на него неприятеля, отступая как побежденный. Чтобы разбить флот Драно (Tranno), князя русов, он употребил в дело водолазов, которые просверлили корабли неприятельские. Чтобы *capere astu usus** город Плесков (Peltisk), или Пултуск, он притворился умершим. Жители города, видя, что неприятель сыплет могилу и строит тризну по своему королю, с радости начали по обычаю праздновать Васпасу¹¹⁶ за избавление от злого врага, нисколько не воображая, что мертвый Фродо явится к ним на праздник.

Haldan	Хладень
Roe	Рао, Райо
Helgo, в древних квидах Hölgi	Ольг. В его время на княжении Скандинавского полуострова Atislus (Атислав), сын Годобрата (Hothebrad)
Rolvo, Roolw, Rolvon, или Harald-krage	Ралень, прозванный Коряга (Krage), податски значит, по объяснению Саксона, «пень с полуобрубленными корнями» – « <i>truncus cujus rami semicesi sunt</i> ». По Далину, он прозывается Vendil-krake, т.е. Вендская карга, или ворона (крагуй – ворон)
Hothe(r) – (Haudo)	Годо, Годой. Убит в сражении с Бойо, или Богоем (Bous) ¹¹⁷ , сыном, т.е. последователем Одина, и погребен по русскому обряду ¹¹⁸
Roric (Roderic, Hraerech) Slangvanbaugi	Рао, Roar. В его время князем Сербского полуострова (Cimbria) был Яровит – Ногwendil, Hordenwil
Vigleth	Воибор. Основанный им город в Сербии (Cimbria) прозван по имени его Wiburg

* Взять хитростью (лат.).

Следуют: Weremund, Ulfo, или Olaf, Dan II, Hugleth, Frotho и Dan III, Friedlev и наконец Frotho III.

До вступления Frotho III в **совершенный возраст** государством управляли 12 диаров, и в числе узаконений были следующие: «Кто желает быть допущенным к королю, тот платит за эту честь пошлину диарам.

– Кто желает выдать дочь свою в замужество, тот обращается к ним же, для получения разрешения внося известную плату. – “**Neque fas virginibus nubere, nisi quas experiundo tales esse ipsi prius cognovissent**”».

В его время, по Саксону, славяне, а по Меурсию – вандалы, под предводительством князя Струнича (Strunico) напали на Сербский полуостров (Cimbria), которым владели уже готы-дакияне.

Возникла война на суше и море; славяне были побеждены, и знаменитейшие из них распяты. Но чтобы извести войсковое сословие вандал (т.е. славян между Лабой и Одером) и покорить совершенно вандал, Фродо III употребил военную хитрость, не уступающую его предку Фродо I. Под видом предпринимаемой великой войны он велел клич кликать и звать к себе на службу всех князей, витязей и бояр с их дружинами, обещая и злато, и славу, и богатую добычу. Обычай славянского войскового сословия, как описывает и Тацит (гл. XIV) был таков: «Если в родной стране водворялся продолжительный мир, то большая часть юнаков (**nobilium adolescentium**) отправлялась добывать славы в чужие земли».

На этом основании собрались они и к Фродо, нисколько не подозревая, что вероломство у так называемого доброго народа составляет маленькое орудие для больших успехов. Заманив на бойню, их перерезали, передушили и перевешали. После этого подвига Фродо, разумеется, покорила беззащитную и обезоруженную Вандалию и принял титул короля датского и вандальского.

Фродо по совету своих 12 диаров женился на дочери Гано (Hun), князя гуннов, Янице, или Гануце (Hannunda)¹¹⁹. К Гано отправились послы, которые, по обычаю, до объявления причины посольства три дня угощались. Так как княжна Гануца ни за что не соглашалась выходить замуж за Фродо, то послы употребили в дело колдунью, которая приворожила ее к Фродо, описав его молодцом на обе руки¹²⁰. От этого союза дроттары и диары ожидали великих благ. Но не так сбылось; при дворе было две стороны: Гануцу оклеветали и обратили внимание Фродо на Альвильду, дочь Готара, владельца норицкого (норвежского).

Затронутый Гано, князь гуннов, собрал огромную сухопутную и морскую рать; с ним поднялись, по одним сказаниям, 69, а по другим – 170 и даже 200 князей с дружинами своими, составлявшими 900 000 воинов. Морскими силами начальствовал русский князь Олимир (Olimar)¹²¹.

Семь дней продолжалась битва. Через три русские реки можно было переходить по трупам как по мосту. Наконец с помощью воеводы своего Эрика Норицкого Фродо успел разбить силу русскую. Но после победы милостиво пожаловал во владение Олимиру Холмоград (Holmgardia, ошибочно: *Holingardia*), Яну (Önev) Коногардию (Conogard, Könugard – Киев-град); другому Яну, брату царя гуннов, – Саксонию; Рао (Revillum – Равуле, Раул) – Оркадские острова; Дежамиру (Dimar) – Гельзингию, Яробор, Ямтор и Лаппию; русскому князю Доко (Dago) – Эстию. Таким образом, как говорит Саксон Грамматик, преобладание Фродо к востоку распространилось на Руссию (Rusciam), а на запад ограничивалось Рейном. Но из этого исчисления пожалованных стран мы видим только имена владетельных русских князей, воевавших с Фродо, а из продолжения «Истории Дании» увидим, что упомянутое преобладание, как вымысел, не наследовано его преемником.

От союза с Альвильдой Фродо не оставил наследника; сын же его Фридлов (Fridlev, Fridleif, Frialaf) от первого брака с Гануцей, дочь гуннского князя, *воспитывался в России*¹²². Так как о нем не было ни слуху ни духу, то датчане решились избрать из среды своей достойнейшего, а именно такого, который лучше всех сочинил эпитафию на память великого Фродо.

Из всех скальдов, соревновавшихся за право приобретения престола, честь пала на Йарна (Hiarn)¹²³; но царствование поэта недолго продолжалось. Фридлов, которого по-русски, вероятно, звали Преславом¹²⁴, узнав о смерти отца, прислал в Данию послов с объявлением Йарну, что, «так как у русов нет закона, чтобы какой-нибудь гусляр за свои вирши приобретал чужое наследие, то он предлагает ему уходить добром или готовиться к войне».

Йарн, полагаясь на свой народ, собрал было войско и вышел навстречу Фридлову, но меч был не его оружие, и он принужден был бежать в Сербию (Кимврский полуостров), а потом на остров, который и прозвался его именем Hiagnoa.

Фридлов вступил на престол Дании. Он был женат на Юрице (Juritha), дочери некоего Грубана (Gnibbo, Grubbon)¹²⁵, и имел от нее сына Олега (Olav), который всем был одарен от природы, но был скуп. Вероятно, за малолетством его после Фридлева следуют: Frotho IV и Ingell (Ingiakl, Jngon)¹²⁶, дядя его.

Олег премудро разделил свое царство между двумя сыновьями, Гаральдом и Фродо V: одному дал во власть всю землю, другому всю воду. По этой невольной зависимости друг от друга следовало бы быть взаимной любви и совету, но Frotho V, разыгрывающий в истории Дании, как и все соименные ему, роль, заключающуюся в смысле своего имени (Fraude, Fraus – хитрость, кознь)¹²⁷, затопил своего брата силой вод; но дети Гарольда отомстили за отца, истребив Фродо извержением земной силы – огня¹²⁸.

За мифическими лицами следуют: Siwald (Всевад), Sigar (Sigard, Sigurd), Siwald II; потом следуют имена пяти владетелей: Ostmar (Osmar, Остомир) – владел Сканией; Hunding (Годан или Годеч) – Зеландией; Гано (Hanon) – Фиионией; Hathe(r) (Годой) – Северной Кимврией (Сербией), а Roric – Рюрик (собственно Рао) – Южной.

Haldan III – Хладень III.

Harald III¹²⁹ – Гаральд III, соединил распавшиеся владения Дании и заключил союз с вандалскими князьями Дукой (Duc) и Доляном (Dolon), которые прославили себя походами в Британию и Аквитанию. Ringon I (Раной или Ранко), князь ситонский, присоединил к Свевии (Sveathiod, Svavaland), или Славонии Скандинавской, датские владения.

Olo, Olon, Olaus – Ольг.

Siward (Siurit, Siurd). В его время князь ситонский возвратил Сканию, которая подпала власти датчан; а Изимир (Ismar), князь вандалский или славянский¹³⁰, овладел Сербским полуостровом и, преследуя Сиварда на острова, взял в плен его сына Яромира (Jarmerio), известного истории под именем Эрманариха. По смерти Сиварда область данов, датчан, или дакия, ограничилась снова Зеландией.

39 исчисленных Саксоном владетелей Дании по источникам исландским сокращаются наполовину¹³¹, так что время царствования их от Скъольда, поставленного самим Одним, до Эрманарика никак не может превышать 250 лет.

Кроме этого соображения, подтверждающего показанное нами время переселения готов на север, следуют выводы:

1. Водворившиеся на острове Зеландии готы-дакияне окружены со всех сторон русскими областями и племенами славянскими. Они распространяют сперва влияние свое на Кимврийский, или Сербский, полуостров, потом на славян-вандалов, или вендов, на славяно-ситунские владения в Скандинавии; потом на приморскую Холмоградскую Русь и Русь Коногардскую, или Гунугардскую;

непрерывная борьба идет с сербами, славянами, вандалами, русами, гуннами, и все эти общие прозвания часто заменяются одно другим.

«Сказание, или Песнь о Бове»¹³² (в истории Дании – «Vous-Bojo») подробнее исчисляет народы, враждебные готам и дакиянам¹³³. Этмюллер в предисловии к своему переводу этой песни замечает: «Готы и даны (дакияне) являются в поэме родственными; все прочие народы (севера) во враждебном против них отношении»¹³⁴. Эти враждебные готам народы следующие: свеоны (sweon), которые вообще прозываются *scilfingas* (словене), франки, фризы, гунны (*hugas*), хорваты (*hätwere*), *headubearna* (?), вильцы (*wilfinge*), *wiahinge*, *merewioinge*, *gifthen* (житяне?), бродичи, или брановцы (*brondinge*), *brentinge*, *gundskilfinge*, или *gundmannen* (*gundi=huni*)¹³⁵, вандалы (венды) – *wendla leod*, *vendlas*.

Почти все исчисленные владельцы Дании носят славяно-сербские собственные имена. Причины этого понятны. Поселясь на землях прозелитов своих и овладев ими нравственно, готам необходимо было для вещественного преобладания прививаться к родовым именам, с которыми соединены были все права на землю и на покорность народа. Этим только и поясняются слова Иорнанда, что у готов в обычае носить гуннские имена.

Спросим теперь, какие были отношения свеонов Скандинавии к готам?– Ненависть и постоянная борьба, которых не могла утаить история при всем желании историков сроднить пришельцев с туземцами.

«Они (свеи) были в постоянной войне с владельцами готскими», – говорит Гейер в «Истории Швеции»; но, не решаясь отступать от водворенного мнения, что древние Sueconi одного происхождения с готами, Гейер прибавляет: «Эти постоянно-враждебные отношения свеонов к готам доказывают, что единство происхождения (!) и верования (!) этих двух народов не истребило их независимости и взаимной ненависти (?».

Подобные гипотезы, противные истине, почти всегда обличают сами себя: «Однако же, – говорит на другой странице Гейер, – эти народы (свевы и готы), смешиваемые ныне, были долгое время различны; но издавна уже единство теократического правления соединило их (?)»¹³⁶.

Исчислим первых владетелей Скандинавии и посмотрим, не вопреки ли смыслу и ходу истории сроднили их с готами. На древе рода, как и на простом дереве, нельзя скрыть рубец прививки.

Владетельный род Свевонии был инговский, или, выражаясь по-сербски, йановский, происходящий от родоначальника Yngae – Инко, Ианко¹³⁷. По другим сказаниям, этот родоначальник был Ivar¹³⁸; по отчинному же роду прозывался сигурдским – *sigurdska atten*. Но, отбросив обычное придаточное окончание на -г, Ivar обращается в Иво, Иово, Иован, Йано – Inge; Sigurd, же или Sjurд, есть готское произношение кимврийского или сербского Турђе – Georges; следовательно, инговский или йановский род составлял ветвь юрьевского рода, от которого происходили все великие и удельные русские князья. Свевонские князья и известны были истории под названием Fylkis – Kuningar, т.е. великие князья, а князья удельные – Skilfingar¹³⁹, точно так же как удельные князья, подвластные русскому великому князю Олегу¹⁴⁰.

Очень естественно, что историческое предание об этом роде началось с князей, современных водворению и усилению готов на севере, когда витязная русская песнь стала славить князей, воевавших с пришельцами.

За упоминанием о родоначальнике первый князь Словении Скандинавской является Fiolmer, Велемир¹⁴¹. В его время «пронеслись слухи о победах иноземцев-готов на восточных берегах моря».

После него, по «*Inglinga Saga*», следует опять мифическое лицо Svegdur или Sigurd; а по «*Langfedgatal*» или родословию королей не следует. По Стурлуону, он ездил

в Годгейм, т.е. в Готии. Приехав в Tirkland (Fydskland?) и великую Свевонию, или Скифию (Swithiod ena mikla), сочетался там с Ваной, княжной ванской. Потом ездил в другой раз в великую Свевонию, где находится «Vor mikil at Seina», т.е. **великая обитель в скале. В эту обитель заманили его карлы (духи) и в ней заперли**¹⁴². Это сказание, кажется, составляет повторение предания о Гильве, первом прозелите готов на севере.

После Сигурда вступил на престол сын его, прозванный по матери Wanlandr, т.е. Ванский. Он оборонял области свои Сканию и Голандию, которыми намеревались овладеть дакияне, и вообще вел счастливо войну против Яромира или Эрманарика, который проник победами своими в великую Славонию (Swithiod hin mikla), или Скифию.

Ванский умер, по расчетам сомнительной хронологии, около 315 года и был по обычаю сожжен, а прах его похоронен на берегах реки Скутунги.

Сын его Воибор, или Вышебор (Visbur), наследовал войну с готами.

Домальд (Дамльян?), сын Вышебора, продолжал эту войну победоносно и был прозван **Iota-dolge, т.е. гонителем** готов.

При нем, говорит Далин, владельцы Скандии, хотя не найти уже столько дела с могучим Эрманариком, как Холмоградское княжество¹⁴³, которое он теснил; но, во всяком случае, принимали участие в храбром сопротивлении холмоградцев и гуннов¹⁴⁴.

Этих преданий достаточно, чтобы понять, до какой степени готы-дакияне были чужды всему древлегерманскому и скандинавскому миру.

Нужно ли говорить, что сила их заключалась в духе, распространявшемся со всеми условиями язвы, нарушавшей снасти отчинного быта славян. Отпадавшие члены, как ренегаты, обращались в злейших врагов своих родичей.

С преобладанием Рима покоренные племена славян уживались. Это преобладание приобреталось не коварством, а подвигами мужества, уважаемого побежденными. Но иго готов – ледяные оковы, от которых промерзала душа, были невыносимы. Жестокость их прославилась. Описывая победы Эрманарика, Тьерри говорит: «Готы сравнивают Эрманарика с Александром Великим; но визиготский герой не проявил в себе ни великодушия, на мудрого правления героя македонского, который умел быть столь милосерд с покоренными. Эрманарик и вообще победоносцы готов не тем прославились. Покоренный народ не смел у них пошевелиться, боясь, чтобы не звякнули оковы: иначе бесчеловечные казни восстанавливали в нем мертвую неподвижность. То на ряду поставленных крестов распинали они целые владетельные роды; то без всякого милосердия мыкали по полю женщин, привязанных к хвосту коней. Но когда эти жестокости отозвались восстанием русов и гунны хлынули на них потопом, тогда готы придумали оправдание поражению своему в предрассудках суеверия, распространяя слухи о появлении чудовищ, порожденных демонами».

«Имя готов, – пишет Шафарик¹⁴⁵, – по причине их жестокого обращения с Теудью сделалось ненавистным. По сие время сохранилась древняя общенародная песнь:

Perkunas Diewâitis	Перун, Боже,
Nemuszk Zemâylis,	Не мучь жемайта,
Bet musz Gudu,	Мучь гота,
Keip szuniu rudu.	Рудого пса!» ¹⁴⁶

Враждебные успехи готов проявили себя в лице Эрманарика, когда посеянные раздоры и междоусобия могли уже служить главным орудием побед. Кто ж помешал готам при помощи тех же средств овладеть и всей Европой, когда

Западная империя уже падала по их влиянию, а Восточная едва только возникла и уже боролась с арианством?

Русь Германская стойко противоборствовала Риму, покуда в недрах не завелся червь; но бороться с внутренней болезнью было уже трудно. Эрманарик, покорив Германию, отдыхал в ожидании разложения организма римского посредством посторонней силы, водворившейся в Аквитании, и падения духовных христианских сил Греции посредством арианства, или деизма под личиной христианства.

Казалось, не было уже спасения от готов; но Провидение неожиданно-негаданно готовило на них грозу в недрах преобладания.

Наставший на севере голод двинул большую часть луганских войсковых поселений от Рейна и с прибрежий Балтийского моря к Днепру на Волынь, независимую от готов. Здесь скопилась громовая туча так называемых гуннов, и в лице Аттилы явился *бич Божий*.

II. Неурожаи и голод на всем севере Германии в IV столетии, выход из Великой (Северской) Руси¹⁴⁷ части народа на поиск новых поселений

Повсеместные неурожаи, продолжавшиеся несколько лет в Лидии, были причиной выселения части народа по жребию на поиск новых земель. Под предводительством царского сына (Τυρσηνος)¹⁴⁸ переселенцы прибыли на кораблях к берегам Италии.

Владетели Лидии принадлежали к роду Гераклидов¹⁴⁹, происходившему от божества войны и победы, т.е., по сербскому наречию, к роду ђуровскому, или юрьевскому. На новоселье удел лидян в Италии и получил название Туринского.

В Италии, в областях Савин или Савлиан (Savini, Sabelli) настали также голодные времена, и народ, по тому

же исконному своему обычаю, принужден был в годовой народный сейм, в празднество *Vega sacra* (зеленые святки, Гурьев день), решить по жребию выселение молодого поколения туда, куда Бог приведет. Тут также предводителем выселенцев был Тур – родоначальный миф посвященных богу побед, или витязству.

В IV столетии, около 365–370 годов по Р.Х., подобное же бедствие повсеместного неурожая постигло север Германии. В Ситуне (*Situna, Sigtuna*) собравшийся народ на сбор¹⁵⁰ также принес богам в очистительную жертву быков, или туров. Это не помогло. На второй год, подобно как некогда и в Киеве, «реша старцы и бояре: мечем жребий на отроки и на девицы», принесли людскую жертву из молодого поколения. Но боги не умилились. Очищены жертвой животные, очищен народ, а гнев богов продолжается. Жрецы и старейшины решили, что черед следует бросать жребий на княжеский род, и жребий пал на самого князя Домальда¹⁵¹. И принесли в жертву гневным богам князя – гонителя готов.

В это-то самое время, по словам Проспера Аквитанского, выступили лонгобарды из отдаленных пределов Германии, от прибрежий океана и из Скандинавии добывать новых земель под предводительством *Ивора и Йано* (*Iborejus et Ajonus*).

Павел Варнефрид также пишет, что неурожай и голод вынудили лонгобардов, живших в Вандалии, решить по жребию, которой трети способных носить оружие придется оставить свои земли и добывать новые.

Не излишним считаем напомнить здесь объясненное уже нами существенное значение прозвища *Longobardi*¹⁵², которое принадлежало войску, занимавшему пограничный Луг, или, по древнему произношению, Лунг, называвшийся по городу, станице или вечу *Брдо* (*Bardovicus, Bardorum vicus*) на левой стороне Эльбы¹⁵³. Луг тянулся и по правой стороне Эльбы и по названиям станиц были луги, леса, или

лугане: дечанские (λοῦγοι διδοῦνοι), гоманские, или уманские (λοῦτοι οἱ ομανοι), боровские (λοῦτοι οἱ βοῦροι) и пр.¹⁵⁴.

Σοῦίβοι λοῦγοβαρδοι, т.е. славяне лугобардские¹⁵⁵, как пограничное войско, составляли, без всякого сомнения, чередные полки, вышедшие на стражу в Брдо (борть, граница) из всех прочих станиц Великого Луга; но со времени побед Германика Луг Бардовский отошел к Риму и образовал из себя замирных, римских longobardi, вольное войско, известное впоследствии под названием франков (hranican).

С самого переселения готов из Дакии на север, и именно со II столетия, вообще славяне были прозваны ими вендами¹⁵⁶, а соседняя им набережная – Wendland, Wendlän¹⁵⁷, откуда образовалась *Вандалия*¹⁵⁸. Таким образом, и лугане бардовские, или лонгобарды, прозвались вместо славян vinili, а бургунды – vindili.

Последуем теперь за обреченными на выселение и отправившимися на восток *лугарянами*, или *лугарями*, под предводительством главарей, воевод или князей Ивора и Йана.

Варнефрид, дьяк последнего воеводы ломбардского Дезидерия¹⁵⁹, вместе с ним был взят в плен Карлом Великим; но он умел заслужить и пользоваться благосклонностью победителя. Вероятно, при дворе Карла он и писал «Историю лонгобардов». По обычаю того времени вести происхождение всех народов с окончностей севера, из Скандинавии, Варнефрид приводит оттуда и лонгобардов в Вандалию. Отсюда, как уже мы упомянули, неурожаи и голод вынуждают часть народа отправиться на поиск новых земель для поселения.

У древних русов все совершалось по увечанию матери родной земли; у лонгобардов выход воевод Ивора и Йана также решила родная их мать Gambara¹⁶⁰.

Выступив из Вандальской области Scoringa (?), они пришли в страну Mauringa. По географу Равенскому, страна на восток, за Эльбой, называлась некогда Maurun-

gani. По нашему мнению, под этими названиями следует полагать Поморскую землю.

Здесь они должны были добывать право поселения оружием; но чтобы избежать кровопролития, то, по обычаю, решили с владельцами земли бой единоборством, как водилось на Руси: «Не оружием ся биеве, но борьбою».

По Варнефриду, лугане, лугари, или лонгобарды, остались победителями, но не остались в Mauringa, а пошли в Golande, т.е. по всему вероятно, в Галиндию, которая, без сомнения, и выговорена была в условиях боя. В Галиндии они занимали города или области Anthabel, или Anlhaib, Vanthaib и Vurgunthaib. **Трудно уже объяснить эти названия**, но Barthen, Barthonia напоминает Брдо, Bardingau; Vurgunthaib – Phrugundiones; а *Бранибор* – Angerburg, как будто переселяются сюда вместе с ними с Рейна и Эльбы.

На этой стоянке два воеводства соединились в одно княжение. Князем был избран Агельмонд¹⁶¹, сын Айяна, или Йана, из рода Gungine (вероятно: Gurgine), считавшегося знаменитейшим по происхождению¹⁶².

Дальнейший поход к Дону лугари продолжают под предводительством Агельмонда и Ламича (Lamisso)¹⁶³.

Следуя, разумеется, путем-дорогой, они пришли к одной реке, через которую надо было переправляться. Но тут жили амазонки, и переправа была в их руках. Без бою не обошлось. Ламич вступает в единоборство с главной и храбрейшей из амазонок – вплавь, посреди реки. Условие победы – перевоз через реку, а [также], без сомнения, и право селиться на землях амазонских. Ламич побеждает, переправляется со своими полками через реку и занимает земли за рекой.

Тут несколько времени лугари жили беспечно; воевать было не с кем; от нечего делать они забавлялись, как предки, описываемые Тацитом, азартной игрой в шашки или в кости¹⁶⁴. Но в одну ночь внезапно напали на них *булгары*, убили их князя Агельмонда и похитили его дочь.

Ламич, однако же, отомстил булгарам за смерть князя, преследовал их и разбил. Победа доставила лугарям богатую добычу.

После Ламича княжил Люто (Lethus), потом Хлюдович (Childeos), а потом Годович, или Годеч (Godeos); но здесь у Варнефрида начинается смешение лонгобардов, отправившихся за Днепр, с лонгобардами, оставшимися на месте в Бардонской области¹⁶⁵. Для нас важно только предание и переход части *луганского* войска от Рейна к Дону.

Еще Страбон упоминает о переселении перед его временем (следовательно, в исходе I века до Р.Х., т.е. после побед Цесаря в Галлии) за Эльбу еumonдором (eumonodoro – hermunduri) и ланкосаргов (λανκόσαργοι) – вероятно, *лугарей-козар*.

Новоселье hermunduri, т.е. хорватов¹⁶⁶, поясняется карпатскими *белыми хорватами*, вышедшими, без сомнения, из Бельгии (древней Бело-Руссии), которых Иорнанд и называет по галльской форме hermunduri. Лапкосарги же Страбона определяют время первого передвижения Луга от Рейна за Эльбу и соответствуют лугарям (ligii, ligiones) Лужицкой области.

Что же касается до описываемого Барнефридом выхода бардовских лугарей в IV столетии и поселении между *амазонками и булгарами*, то оно дает возможность определить новую их *Украину*, обнявшую при Аттиле и всю Ungarn.

При описании стран, занимаемых славянами и скифами, Иорнанд помещает *булгар* за воинственными козарами (agazziri, chazares)¹⁶⁷. «За ними (за козарами) простираются по Черному морю поселения булгар, которые за грехи наши сделались столь известными. – Здесь, – продолжает Иорнанд, – некогда возникали могущественные племена гуннов, как густая трава, чтобы в два приема подавить все народы».

В числе этих гуннов особенно замечательны Hunnugari, которые вели торговлю мехами с Херсоном.

Так называемые лонгобарды, или, по просторечию, *лугане, лугари*, основавшие заднепровский великий Луг, должны были следовать в соседство булгар по существовавшему пути от Запада Европы к Тавриде. Они, как мы видели, пришли к переправе, и, следовательно, к переправе через Днепр. Но здесь остановили их амазонки. Преданию об амазонках не верит и сам Варнефрид; однако же говорит, что он слышал, будто бы на оконечности Германии существует какая-то *страна жен*.

Действительно, по готским сведениям, существовали Kuenland и Konugard, т.е. страна жен, и *град, область жен*; но впоследствии выяснилось, что готское толкование по смыслу kona, quena – жена – не идет ни к селу, ни к городу, и что Kuenland и Konugard не значит страна и град жен, а страна и град народа, называемого *kuene, chiene, kunaе*. Это название показалось и неприлично и неправильно; следовало его заменить посредством hunni, Hunuland, Hunugard, тем более что у Птолемея на указанном Иорнандом месте населения гуннов живут по левому берегу Днепра Χοῦνοι, а по правому Γηουίνοι.

После этого амазонкам следовало совсем исчезнуть, тем более что по «Atla-quiра» все huna-skialdmeyar, или гуннские щитоносные девы, сгорели с дворцом Атиллы; ἀμαζονες и исчезли, оставив свою гуннскую родную страну птолемеевским амадокам (ἀμαδοκοί), которые, без сомнения, были сродни перевозчикам (ἀμαξέωσ)¹⁶⁸ и заменяли собой геродотовских ἀλαζονοί.

В описании Сарматии у Птолемея Атадоса [находится] на том самом месте, где был *Киев-перевоз*. Тут же и χοῦνοι¹⁶⁹, и hamaxobii, и rohani, и даже *ясичи (jaziges)*; недостает только козар; но во время Птолемея casuari, chasuarii, или caziri, жили еще при реке Amasia, там, где был

Луг Бардовский, откуда откочевали за Днепр лонгобарды, о которых, вероятно, и упоминает Иорнанд под названием *bardores* (гл. LIII) в числе украинских народов, оставшихся во власти Данко (*Dinzeo*), сына Аттилы¹⁷⁰.

III. Кьяне (*quenaе, sbueni, kunaе, guni, hunni, ὀυννοι*)

Для восстания на готов в 375 году по Р.Х. гуннам не нужно было приходить из Азии; они уже давно существовали в Европе, жили при Днепре и были знакомы готам за 1000 лет до Р.Х., если верить некоторым хронологам древней истории готов вообще и данов в особенности.

Гунны не только были знакомы готам до восстания на готов, но, по Аммиану, служили по найму в войске готском и сражались против восставшей своей братии, предводимой Болемиром.

Местность населения так называемых гуннов определяется и по периплу Марциана Гераклеяского (III столетия): «Τὴν δὲ περὶ τὸν Βορισθενὴν χώραν παροικοῦσι μετὰ τοὺς ἀλανοὺς οἱ καλοῦμενοι χοανοὶ», т.е. «в окрестностях Днепра, за аланами, живут так называемые *хоани*».

Несмотря на это предоставим Аммиану, не выдавшему гуннов в лицо, описывать их по рассказам готов следующим образом:

«О народе гуннском, – говорит Аммиан, – слегка упоминается в древних летописях. Гунны живут за Меотийским озером близ Ледовитого океана¹⁷¹ и превосходят всякое понятие о зверстве. У них тотчас же по рождении младенца изрывают ему лицо горячим железом, чтобы истребить проявляющийся пушок волос¹⁷². По этой причине они возрастают и стареют в безобразии и безбороды, как евнухи. Но вообще они плотны, с могучими плечами и толстой шеей. По необычайному и сгорбленному туло-

вищу они кажутся двуногими зверями или грубой работы болванами, которых ставят на мостах. Этому отвратительному человеческому подобию соответствует и грубость привычек. Они употребляют сырую безвкусную пищу, питаются полевыми овощами и кой-каким полусырым мясом, распаренным между ног на спине лошади. У них нет домов, они избегают их как кладбищ. У них нет даже шалашей: с самого малолетства они скитаются среди гор и лесов. Встречая жилище, опасаются ступить на порог оно-го даже в крайней необходимости; им страшно быть под крышей. На одежду употребляют холст или шьют оную из лесных кошек (куниц и проч.) Это составляет обычную будничную и праздничную одежду, которую они не скидают с плеч покуда она не истреплется в лохмотья. На голове носят перегнутые на бок шапки. Мохнатые ноги свои обвертывают бараньей шкурой. Эта безобразная обувь мешает им свободно ходить, и по этой причине они неспособны воевать пешие, но зато они как будто прикованы на своих лошадях, которые хотя крепки, но неуклюжи.

Сидя на них иногда по-женски, они исполняют верхом свои обычные занятия. Денно и ночью на коне, с коня продают, с коня покупают, на коне пьют и едят и даже спят, склонясь на тощую гриву коня. На коне же судят и рядят о делах. Бросаясь в бой без всякого порядка, они несутся толпою вслед за храбрейшим».

Описав ловкость гуннов в военных наездах, толпой и врассыпную, с криком и гамом, их искусство в стрельбе из лука, в рукопашном бою мечом, а главное, в накидывании аркана на противника, Аммиан заключает упоминанием об их кошах, о кочеванье, о лукавстве и страсти к золоту.

В этом описании Аппиана видны смутные слухи о приволжских степняках, которые, впрочем, могли участвовать в войне, как подвластные Руси; но эти слухи смешаны с рассказами об удалстве кошевых украинцев, которых Аммиан отличает, однако же, именем *алан*, заключая заме-

чательными словами, что невры¹⁷³, будины¹⁷⁴, гелоны¹⁷⁵, Agathyrsi¹⁷⁶, меланхлены¹⁷⁷ и вообще все народы вплоть до Ганга суть аланы. По Схоласту¹⁷⁸ же: «Alani lingua eorum Wilzi dicuntur, crudelissimi ambrones, quos poeta *Gelanos vocat*». Все эти различные названия одного и того же войскового сословия – alanes, alaunes, vulanes, gelanos, ulinzes, wilzi, – поясняются словами же Аппиана: «Рабству (т.е. собственно податному состоянию) они не подвержены; ибо все происходят от благородной крови. По сие время они избирают в начальники себе (в атаманы) отличившихся испытанной военной опытностью».

Таким образом, многообразные прозвища древней руси, или русинов, – гражданского и войскового сословия славян, обращались историками и географами в различные народы. По обряду *пострига* и призыванию (*vocatio*) они назывались *косарами*¹⁷⁹, или косоносными, носящими чуб; по сироматству, или обету безженства, – *сарматами*; по поселении на краинах Руси – *украинцами*; по свободному состоянию – *вольныю* (*wolani*), откуда аланами, уланами и проч.

Древность этого конного сословия, знаменованного и посвящавшего себя на службу обручением, напоминает и римский *ordo equester* – *уряд конный*.

Забраковав самыми простыми доводами водворившееся в истории нелепое мнение о владычестве каких-то неведомых гуннов-монголов на пространстве между Дунаем и Волгой, г. Венелин провидел сквозь темноту сказаний византийских, что царство Атиллы было русское царство; но название гуннов он приписывает собственно булгарам.

Это мнение г. Венелина основано на Иорнанде, который выводит гуннов из *Bulgarorum sedes*, и на византийских писателях, у которых до X века задунайские варвары слыли безразлично, то скифами, то сарматами, то гуннами, то булгарами, то русами; потому что греки понимали под всеми этими названиями один и тот же народ славянский, как мы под названиями турков, оттоманов, магометан, османов, са-

рацин понимаем породу измаэлитов. Но вопрос о названии, местности и значении гуннов IV и V веков разрешается по источникам северным как простое уравнивание; а определение подобного неизвестного в высшей степени важно для решения многих других вопросов.

Предварительно заметим, что готы в отношении своего верования считали славян не иначе как язычниками. По всем преданиям, сагам и квидам в основах истории северных готов и дакиян существует уже великое царство Hunaland, а по другому названию Hundingialand¹⁸⁰, которого обитатели назывались *huni*, *hundingi*, даровавшие готскому языку слова: *hedningar*, *heidnar*, *chedenne*, *heiden*, однозначные с латинскими *pagani*, *infideles*. Существенное название народа *kuena*, *gwäne* тем предпочтительнее обратилось в слово *hun*, *hund*, что оно было и созвучно с греческим *κύων*, которым *antitrinitarii* олицетворили ненавистный им символ тройственности под изображением треглавого Цербера, стража области Плутона.

Заключая описание земель, населенных славянами (*suevi*, *sueouoni*, *siuioni*, *suioni*), Тацит говорит (гл. XLV), что *sitoni* во всем с ними схожи, кроме того, что управляются женами (*quod femina dominatur*). Это управление жен очень сомнительно и, вероятно, относится также не к женам (*kona*, *kuna*, *qena*, *kwäna*, *chona*), но к народу *kwänen*, *kona*, *chona*, у которого главный город по северным сагам был *Kanugard*, или *Kianuborg*. Обратим внимание на единство названий областей и народов Скандинавии с побережьями Финского залива. За морем *sitoni*, по Птолемею *χαλδαινοι*, по сию сторону моря – *sudeni*. В Скандии, по Птолемею, *phiresii*; по сию сторону – *pruzze*. Там *leuoni*, здесь ливы; там *Halandia*, здесь *Galindia*; там *Smolandia*, здесь: *Suomalandia*.

Не объясняется ли этим переселение части исчисленных племен за море или из-за моря на восточные набережные?

Во всяком случае. *Sigiuna* (по надписи на монетах – *Situna*) была областью князей русских и, предположительно,

кыянского рода, и как Ботния, так и *Sajania* были по обе стороны залива, составляя удел великокняжения Приднепровского, с которым северные саги его смешивают и о котором предстоит речь¹⁸¹.

Чтобы яснее определить, какую страну жен подразумевала древность под названием восточной *Kwänaland* или *Hunaland*, достаточно нескольких выписок из сведений, никем уже не опровергаемых.

Олай Верелий в примечаниях к «*Hervarar-Saga*» пишет: «*Hunaland ita saepius vocatur Russia in Vilkina-saga. Hanc nostri etiam din vocarunt Hunegard*»¹⁸², т.е.: «В *Vilk. S.* Россия часто называется страной гуннов. Наши также издавна называют ее *Hunegard*». – «*Saxo Gramm. in vita Frothonis in Ruthenos et Hunnos pro iisdem accipit*». «Саксон Грамматик *русов и гуннов* принимает за один и тот же народ». *Helmoldo, citante Stephanie not. pag. 191*: «*Russia est Chunigard (Conogardia. Sax. Gr.1), quam Adamus Bremensis vocat terram feminarum et terram Amasonum*». Стефаний в примечаниях на Гельмольда: «Россия называлась Хунигардом или, по Саксону, Коногардом, по Адаму Бременскому – страной жен или амазонок».

«Все славянские земли, – пишет Гельмольд, – лежащие на восток и исполненные богатства, даны называли *Ostrogard*, ныне же называются они также *Chunigard* по бывшему в них населению гуннов. Там столичный город (*Metropolis*) *Chue*».

Адам Бременский этот столичный город *русов, Hunigard*, называет *Chiven*.

«Варяги, то есть норманны, – говорит Хаген¹⁸³ в примечаниях своих к изданию *Nibelungenlied* – называли Киев (по Гельмольду: *Chue*, по сагам ***Kiänuborg in Känugard***) ***Sambalas***, т.е. сборное место для кораблей на Днепре».

Г. Шафарик, которого изыскания доставили столько драгоценных материалов для объяснения славянского мира, особенно средних времен, не затрагивая западных

ученых мнений насчет свевов, не колеблется признать гуннов славянами: «Византийские писатели Феофан и Кедрин именем *óvvoι* называют славян; западные писатели, и особенно **Beda Venerabilis (VII и VIII века)**, гуннами называют славян; в германских народных сказаниях под именем *huni* понимаются славяне; в северных квидах гуннские богатыри *Jarisleifr* – *Ярослав* и *Jarizcar* – *Ярожир* и пр. обличают в себе славян».

Из всего этого следует самое простое заключение, что древние *кыяне* – или *коуеве*, из народных сказаний поступили в Историю готов под именами *Kwāne*, *Quene*, *Choani*, **Cunni**, **Chuni** и, наконец, **Hunni**; область кыян, Кыянская или Киевская Русь приняла название *Kuenaland*, *Konaland*, *Kunaland*, *Hunaland*; а Киев-град – *Kianugard*, *Konagard*, *Hunugard*. Но, по обычаю готов давать всему свой смысл, *Konagard* неизбежно должен был превратиться в страну жен, тем более что по народным рассказам в этой стране у Чертова беремища жили киевские ведьмы (*magas mulieres* Иорнанда) и совершались бесовские празднества Русалии.

Слухи об этой *стране жен и русалок* очень древни. Геродот, как любитель народных сказаний, по сведениям же готов описал происхождение скифских амазонок и сармат. Дело в том, что гомеровские *ἀλαζώνας*, приходившие на защиту Трои из страны *Ἄλυβια* (если только не *Ἄλυζια*)¹⁸⁴, при Геродоте жили уже над Карпатами, или Хробатскими горами, где некогда была *Белая или Великая Хорватия*, потом Галиция, и где, по словам Геродота, протекали реки *Тирас* (Днестр) и *Гипанис* (Буг).

О переселении *ἀλαζώνες*¹⁸⁵ в Скифию Геродот не говорит ни слова; но говорит о переселении *ἀμαζώνας* после неудачной войны с эллинами. От этих амазонок и произошли так называемые *сарматы*, или *сауроматы*¹⁸⁶. Таким образом, страна жен сочеталась со страной амазонок, которых скифы называли *οἰὸρπата*, т.е. убийцами

мужчин; а история хробатами¹⁸⁷, не обращая внимания на русалок, у которых было в обычае заманивать мужчин и щекотать их до смерти.

Если *кыяне* столь давно известны истории под именем гуннов, то и столица их Киев (Kіаnугard) столь же исконна, и носила прозвище матери градов уже во времена Птолемея, которому был известен Metropolis на Днепре¹⁸⁸.

Исконное существование Киева не подвержено сомнению. Положение его на водном сообщении Балтийского моря с Черным и при перевозе через Днепр на сообщении Европы с Азией по сухому пути составляет перекресток, сам собою определяющий место для основания города и кладовой для торговли. «Поляном же, живущим по горам сим, – говорит Нестор, – и бе путь из варяг в греки, а из грек по Днепру и вверх Днепра, волок до Ловати, и по Ловати внити в Ильмень-озеро»¹⁸⁹.

Путь святого апостола Андрея Первозванного из Херсона в Рим лежал через Киев. «И уведа, яко из Корсуня близь устье Днепрское, и *восхоте идти в Рим, и прииде в устье Днепрское* и оттоле поиде по Днепру горе, и по прилучаю прииде и ста под горами на березе, и встав заутра и рече к сущим с ним учеником: “Видите ли горы сия, яко на сих горах возсияет благодать Божия: имат град велик быть и церкви многы имат Бог воздвигнути”».

По сказанию Нестора, Киев основан тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом, у которых была сестра Лыбедь. Если принять в соображение первобытное происхождение племенных имен от родоначальников и обычай названия заселяемой земли: матерью – по урождению на ней, сестрой – по переселению единокровных, и женой – по приобретении во владение, объясняются и киевские урочища *кыян, чехов и горан* (хорутан, хорватов)¹⁹⁰.

Стрыйковский и некоторые другие писатели полагают, что Киев построен около 430 года и что жители

оного были *кивы*, т.е. горяне (?) от рода гуннов. Судя по северным сказаниям, можно предполагать, что киевское население имеет отношение к бывшей области Huningo (между р. Hunse и Эмизой) и также к бывшей прирейнской области Hunesruck (Himnorum statio), относя к ней и город Saub¹⁹¹ (латин. Cubae).

Но обратим более внимания на слова Нестора.

«И был около града (Киева) лес и бор великий, и они (братья-жители) занимались звериным промыслом; ибо были мудры и смыслени; от них поляне-кыевы и до сего дни».

По Иорнанду: «Hunnugarī известны торговлей куньи-ми мехами с Херсоном».

Ясно, что эти *hunnugarī* происходят от Hunugard.

Войсковое сословие – князья и дружина, как упоминает и Тацит, проводили зиму на охоте. В это время производилась в лесах ловля зверей и собиралась обычная дань мехами. Константин Багрянородный пишет: «При наступлении ноября русские князья, оставив с дружиной своей Киев, разъезжались по другим местам, которые у них назывались *γύρω*¹⁹². Они отправлялись в земли *δερβάνων* (древан), *δρουγούβιτών* (дреговичей, драговичей), *κρίβιτζών* (кривичей), *σερβίων* (сербов, т.е. белосербов) и других подвластных славян и здесь проводили зиму (охотясь и собирая дань). Когда же Днепр вскрывался, то в апреле месяце возвращались в Киев и, вооружив суда свои (которые строились в лесах *кривичей* и *ленчан* и сплавлялись к Киеву), предпринимали обычное путешествие в Грецию (менять скору, т.е. меха, воск, мед и челядь (пленных) на паволоки (шелковые и золотные ткани), золото, вина и овощи Греции)».

«При Киеве, – продолжает Нестор, – был перевоз на ту сторону Днепра¹⁹³, почему и думают, что *Кий* был простой перевозчик. Если бы он был перевозчик, то не ходил бы к Царю-граду; но он княжил в роду своем (т.е. был киевским князем). Когда он ходил к Царю-граду и при котором

царе – не ведаем; но ведаем только о том, по сказаниям, что он принял великую почесть от царя»¹⁹⁴.

По византийскому историку Никифору Григору, упоминается о знакомстве греков с русами уже в начале IV века по Р.Х. Он пишет, что Константин Великий пожаловал некоего Русса (ο Ρωσικός) саном стольника.

«При возвращении из Царьграда ему (Кию) понравилась местность на Дунае, где он и срубил небольшой городок (т.е. крепостцу) и намерен был поселиться тут с родом своим; но близ живущие воспротивились этому. Дунайцы и доныне называют это место *Городище Киевцев*».

Если при Несторе дунайцы знали местность, которою владели временно киевляне или гунны истори[ческие], на Дунае; то, без сомнения, при Иорнанде эта местность была еще в живой памяти. О киевом, или гуннском, городке он и упоминает при следующем случае:

«Остроготы, вытесненные гуннами в 376 году из-за Дуная, жили в трех отдельных местностях под управлением братьев: князей Видимира, Тодомира и Велемира»¹⁹⁵.

«Велемир поселился при озере (Pelso, Pleso; по-славянски «плесо» – озеро); Тодомир – между Scarniunga и Aqua-nigra (**Schwarzbach**); а владения Видимира находились между областями братьев. Сыновья Аттилы, считая их своими подданными, беглыми рабами из пределов, подвластных гуннам, напали на земли Велемира, так что братья его об этом не знали. Велемир хотя и с малыми силами, но удержал их напор, разбил наголову, и они бежали в ту часть Скифии, которая прилегает к Дунаю и называется ими Hunnivar».

Hunnivar, означая *гуннский варош*, т.е. *градаец*, *замок*, есть явно переведенное название *Киева-града*¹⁹⁶, но положение его определить уже трудно; по некоторым же соображениям он мог быть в устьях Дуная. Значение этой местности в военном и торговом отношении для древних русов было велико: Киевец должен был лежать на пути во-

дного сообщения Киева с Византией; во время же войны в устьях Дуная было обычное соединение сухопутного войска, шедшего через *Бессарабию* (Белосербию) с морскими силами. Здесь до XVIII столетия (по старым картам) при Дунае были еще: близь Килии Новой¹⁹⁷ город *Вара* и *Белгород* (*Bialigrod*)¹⁹⁸; в Добруджской области, при Дунае же, *Preslaviza*, где «седе Святослав и княжа ту в *Переяславци*, емля дань на грецех». – «Здесь, – говорил он, – среда земли моей: из Греции – дань златом, паволоками, винами и различной овощью; из чехов и угров – серебром и конями; из Руси – мехами, воском, медом и челядью».

IV Победы Эрманарика Зеландского и восстание великого князя Болемира Киевского на готов

Казалось бы, что слава Эрманарика, или собственно Яромира (*Jarmar, Jarmerio*) Зеландского, должна была быть ближе к сердцу дакиян, нежели слава Яромира, или Арминия¹⁹⁹ князя Горицкого, принадлежащая по всему праву хорватам. Несмотря на это, древнему витязю приписана и *Irmensul* и воздвигнута *Hermansäule*; а на долю покорителя Германии и Скифии достается едва ли более одной страницы во всех историях готов, о которых упоминает Иорнанд.

Повторим эту страницу, выписанную Иорнандом.

«Спустя несколько времени по смерти конунга готов Геберика (*Geberich*)²⁰⁰ наследовал ему Эрманарик, происходящий от знаменитого рода амальского. Покорив великое число воинственных северных народов, он подчинил их своему закону. По справедливости некоторые из наших предков сравнивали Эрманарика с Александром Великим, ибо во власти его были: *gothos, scythas, thuidos in aunxis, vasinabroncas, merens, mordensimnis, caris, rocas, tadzans, athual, navego, bubegentes, coldas*²⁰¹. Чтимый народом за подобные подвиги, он вознамерился подчинить своей власти

и лугарян (*eruli*), у которых воеводой был Аларик, и покорил их, истребив большую часть».

«Название *Ерул*, по историку Аблабию, происходит от слова *ele*²⁰², что значит по-гречески: болото (луг); ибо они населяли болотистые земли близ Меотийского озера. *Ерулы* (лугари) были расторопны и чрезвычайно горделивы. Не было народа, который в числе войск своих не озаботился бы иметь этих *легкоконных всадников*²⁰³».

«Хотя это проворство и доставляло им всегда успех в сражениях, но оно должно было уступить стойкости и медлительности готов (*stabilitati et tarditati*). Судьба решила, чтобы и они, остальные из непокорных народов, подпали под власть готского князя Эрманарика. После ерулов (лугарей полабских) он обратил оружие на венетов (вендов). Непривычные к войне, но многочисленные, они сначала сопротивлялись. Но многочисленная толпа ничтожна в войне против строевой силы. Все эти выше перечисленные народы происходят от одного корня, и их прозывают тремя именами: венетами (вендами), антами (вендами) и славянами. Теперь (NB: в половине VI столетия, 200 лет спустя после Аттилы) они за грехи наши повсюду свирепствуют; а в то время все они покорялись Эрманарику, который благоразумием своим покорил также и эстов, живущих на отдаленных берегах Океана Германского, и, таким образом, как бы в награду за свои труды властвовал над всей Скифией и Германией».

Более определенные и более достоверные сведения о Эрманарике сообщают Саксон Грамматик и Меурсий. По этим сказаниям объясняется и первоначальное водворение дакиан-готов на острове Зеланде.

«Сивард, король датчан, разбитый свеонским королем *Годо*²⁰⁴ в Галандии (Скандинавской), бежал в Цимбрию (Сербский полуостров). Здесь в отсутствие князя вступил он в бой с толпой простонародья славянского²⁰⁵ и одержал победу. Этой победой он думал приобрести столь же ве-

ликую славу, как велик был позор его бегства. Но когда к славянам прибыл их князь Изимир (Ismar), они разбили Сиварда и преследовали в Фюнию. Малолетний сын его Яромир (Iarmerio) и две дочери достались в добычу неприятелю. После всех этих неудач Сивард искал, по крайней мере, славной смерти. Подняв снова войну в Скании, где был посадником Само (Simo), он был убит».

«Между тем Яромир жил в плену у славянского князя Изимира²⁰⁶ (Ismar), умел вкрасься в доверие, сделаться его любимцем и приобрести общее к себе расположение. Только одна княгиня видела в нем вскормленного волчонка, который смотрел к лесу».

«У князя Изимира умер брат, и он устроил в доме брата великую тризну. Яромир, условившись с сопленником своим, Гуно (Gimnon), воспользовались этим случаем и во время отсутствия князя убили княгиню, перебили стражу, забрали казну, подожгли палаты княжеские, сели на коней и, несмотря на погоню, успели домчаться до пристани. Находившийся тут корабль доставил их благополучно на остров Зеландию».

«После смерти Сиварда принял правление Зеландией брат его Будо (Budli)²⁰⁷. Когда же сын Сиварда возвратился из плена, он сдал племяннику область, как законному наследнику. Первым подвигом Яромира по вступлении во владение было заключить союз против Годо (Gothar), князя ситунского, или свавонского (Svavonia)²⁰⁸, с внутренним его врагом из рода Sibbon (Саво, Сабо). Вспомоществуемый его влиянием и войском, Яромир успел овладеть Свавонией. После этого, полагаясь уже на свою собственную силу, он напал на славян полуострова Цимбрийского, или Сербского, взял в плен сорок князей и повесил их на виселицах с таким же числом воинов²⁰⁹. Овладев их землей и устроив в надлежащих местах крепости, Яромир отправился к востоку покорять *саумов* (Semben, Samland, Samogitia), куров и иные племена. Во время этого похода восставшие славяне

разрушили крепости, напали на берега Дании, т.е. Зеландии, и разграбили их. Яромир, возвратясь из похода, разбил флот славян и знаменитейших из них, привязав к ногам диких быков, велел травить собаками».

«С этого времени мужество славян поникло, и они принуждены были покориться *Яромиру*».

Этим ограничиваются предания о победах *Яромира*, или исторического Эрманарика, который был в одно и то же время и орудием, и правой рукой готов-дакиян. Но эти сведения окончательно подтверждают, что до IV века дакияне хотя имели сильное уже влияние на севере, но не выходили из пределов земель, уступленных Гильвом для поселения гетиан, и что окружающие их со всех сторон туземцы были славяне, литва, а к северо-востоку – финская челядь.

Движение по случаю неурожая на севере славянских войсковых сословий и народа к Дунаю и Днепру сосредоточило все русские силы²¹⁰. В это-то самое время Эрманарик восстановил против себя русов²¹¹ бесчеловечным поступком. Некто из состоявших при его дворе (вероятно, из числа заложников) бежал. Гнев Эрманарика пал на жену его, называемую Иорнандом Sanielh, исландскими квидами – Swanhilda, а Саксоном Грамматиком²¹² – Swavilda, и, следовательно, *Всеволодой*, по сербскому же наречию – *Свавлодой*. Он приказал привязать ее к хвостам двух лошадей и размыкать по полю. Ее братья, Ammius и Sarus, по квидам Hamdi(r) и Saurli, решились мстить Эрманарику и нанесли ему несколько ударов мечами. Он не умер, но едва уже влачил жизнь.

Саксон Грамматик это событие рассказывает иначе. «Эрманарик, или Яромир (Jarmerio), встретив корабли четырех братьев-пиратов, которые шли из Геллеспонта (Hellespont) (?), принудил их поделиться с ними добычей и в дополнение взял за себя сестру их Свавильду. Вуко, или Вичо (Vico), пленный королевич ливонский, пользовав-

шийся большой доверенностью Эрманарика, оклеветал сына его от первой жены, Бродо Brode(r)²¹³ в тайной связи со Свавильдой. Яромир приказал размыкать ее лошадьми по полю; а сына, приговоренного уже к петле, помиловал. Вуко, разыгрывая в этом событии роль лукавого духа лжи (Lokke; по-датски *Lyffve* – ложь) и филологически обра- тясь в ливонского королевича, немедленно же сообщил о насильственной смерти Свавильды ее братьям и поднял их на месть. Неожиданно они явились во владениях Яро- мира с огромным войском и осадили его со всех сторон в построенной им крепости. Народ, ненавидевший Яроми- ра, не подал ему помощи, и он принужден был сдаться. Обрубив Яромиру руки и ноги, братья Свавильды предо- ставили ему в дополнение своего мщения казниться стра- дальческой жизнью».

В квидах «*Gudrunar huaut*» и «*Hamdis quíða*» это со- бытие воспето скальдами совсем иным образом. По кви- дам, Гудруна, дочь Гойко (Giuco) Нивлунгского²¹⁴ (*Niflung*, *Nivelung*) от первого брака с Сигурдом Гуннским (*Hun- skgr*), который, по иносказанию песни, убил Змея Горыни- ча (*Fafnir*)²¹⁵ и добыл его клад, имела дочь Сванильду; а от брака с Янко (*lonakgr*), неким заморским князем, трех сыновей: *Hamdi*, *Saurli* и *Egrg*. Сванильда была отдана в Готию замуж за Эрманарика (*Jormunrekr*). Вуко (*Vykki*) и здесь взнес на Сванильду клевету, будто она в сношении с сыном Эрманарика Рандвером. И в квиде Эрманарик раз- мыкал ее по полю, как и в истории.

Узнав о смерти дочери, Гудруна упрекает *Hamdi* и *Saurli* в равнодушии к гибели Сванильды; а Эрпу – ни слова. Затронутые *Hamdi* и *Saurli* отправились мстить Эр- манарику. На дороге встретили они брата Эрпо, разъезжа- ющего на деревянном коньке: «Ты чем поможешь нам, глу- пая ворона?» – спросили они его. – «А я помогу вам своей дубинкой»²¹⁶, – отвечал Эрпо, как Емеля русских сказок,

двум умным братьям. Но умные братья не поняли глупого ответа и убили Эрпо.

Проехав доли широкие, леса высокие и реки глубокие земель гуннских, Hamdir и Saurli прибыли наконец к столице Эрманарика. Стража пировала и не заметила, как подъехали они, откуда вестовой не затрубил в рог.

Эрманарiku прибежали сказать, что прибыли два витязя с опущенными забралами и велели сказать ему, что «постыдно могучему мужу истязать слабую деву».

Засмеялся Эрманарик,
Погладил рукой бороду,
Качаясь от браги,
Раскалясь от вина.
Мотает он тяжелой головой,
Смотрит на серебряный поднос,
Велит себе наполнить
Золотой кубок.
«Рад, очень рад видеть
Гамди и Саурли у себя в гостях:
Я их обоих свяжу тетивой,
Повешу на виселице».
А между тем:
Могучие два витязя
Рубят и бьют
Десять тысяч готов.
Звучит оружие в щиты,
Разлетаются черепа,
Плавают в крови,
Текущей из грудей готских.

Пробравшись сквозь десять тысяч готов, Гамди и Саурли, вероятно, так же как геллеспонтские братья Свавильды, обрубили Эрманарiku руки и ноги, потому что восклицают:

Видишь, как твои ноги,
Видишь, как твои руки
Жарятся на огне?

Но у Эрманарика осталась еще голова на плечах; эта голова повелевает побить витязей камнями. Тут только поняли они, что плохо уму и силе без глупого счастья и без волшебной его дубинки. И вот, побитые камнями, они умирают: Saurli (сила) перед палатами, а Hamdi (ум) – за палатами(?).

Квида заключается словами: «И это-то называют древней песнью о Хамдире? – «*fetto ero kaulloþ Hamdis-mal in forno*».

Обратимся к историческим последствиям этого события, в котором участвовал Емеля (Ergr) со щучьей дубинкой.

Главным последствием было то, что русы, по словам Иорнанда, изменили Эрманарику, пользуясь его бессилием; *гунны*, т.е. *кыяне*, под предводительством Болемира нападают на готов придунайских (остроготов). «Гунны, – пишет Аммиан, – соединясь с аланами (т.е. волынью, подвластной Эрманарику), ворвались в землю *greuthunges*, которые обычно прозывались *tanaïtes* (дунайцами)».

Готы северные, или дакиане, разделенные от придунайских готов общим восстанием славян, не могли подать помощи соотчичам своим.

Сохранившийся отрывок из «Истории готов» Приска объясняет, кто такой был *Болемир*, поднявший русов (*гохані*) на готов и которого Иорнанд называет царем гуннов:

«Когда при Болемире (*Βαλάμερος*) скифы нарушили договор и опустошили римские области и города (в Дакии), римляне отправили к нему посольство спросить о причине нарушения мира. Обещая впредь воздерживаться от нападений по условию ежегодной уплаты ему 300 ф. золота, Болемир отвечал, что его народ по множеству причин неожиданных должен был неизбежно поднять войну».

«Внезапно напали гунны на многочисленные и богатые селения Эрманарика, – продолжает Аппиан. – Неожиданно застигнутый этой грозой, он надеялся сначала удержать ее своими силами; но это было напрасно, и Эрманарик в отчаянии убил сам себя. Избранный на место его *Видимир* (Vithimir) сопротивлялся некоторое время, поддерживаемый другими гуннами, которые служили у него по найму; но, потеряв несколько сражений, он был наконец убит. Алатей (Alatheus) и Сафракс (Saphrax), опытные и мужественные воеводы, приняли на свое попечение малолетнего сына его, Видерика, но, будучи не в состоянии противопоставить силу силе, отступили к берегам Днестра. Атанарик, судья древлян²¹⁷ (thervin-gorum iudex), решил твердо противоборствовать гуннам; окопавшись между Днестром и Greuthungi²¹⁸ длинным валом, он послал Мундерика за 20 миль наблюдать за неприятелем, предполагая между тем надежно укрепиться. Но гунны, проникательные в соображениях (ut simt in conjectura sagaces), поняли, что перед ними не главные силы. Показывая вид, будто расположились станом против передового отряда, они переправились во время ночи через реку, внезапно напали на Атанарика, смяли его и заставили искать спасения в горах. После этого разбитый Атанарик начал воздвигать высокий вал между реками Перазом (Прутом) и Дунаем²¹⁹, вдоль границ тайфалов (taifales)²²⁰. Но и здесь гунны надели на него и взяли бы в плен, если бы богатая добыча (в окопах) не остановила их обычной быстроты».

«Между тем молва достигает до остальных областей готских о внезапном появлении чудной, неведомой породы людей, которые, то как ураган с вершин гор, то как будто появляясь из-под земли, ломают и рушат все, что попадет им навстречу. Большая часть войска, нуждаясь в пропитании самом необходимом, разбежалась от Атанарика искать убежища от варваров. После долгих сове-

щаний предпочли идти во Фракию по двум причинам: во-первых, по богатству урожайной почвы, а во-вторых, по преграде, которую она представляла против разлива северных народов по всему протяжению Истра (Дуная)».

«376 год. Вследствие этого решения Алавив, занимавший берега Дуная, послал к императору Валенсу послов с просьбой о принятии готов в свои области и с обетом жить мирно и, по требованию, выставлять ему вспомогательное войско».

«Между тем как это происходило на границах, молва пронесла повсюду грозную новость, что между северными народами идет страшная смута, что все пространство Дуная от Понта (Черного моря) до границ маркоманнов (моравов) и квадов (чехов) наводнено бесчисленным множеством варваров-готов, изгнанных из своей родины народом неизвестным и покрывших весь берег Дуная скитающимися толпами».

Вот все событие, которое новейшие историки назвали *Великим Переселением народов в IV столетии*, тогда как в нем должно видеть только спасительное движение русских сил и новое рассеяние готов по лицу земли.

Таким образом, мощной рукой русского киевского князя Болемира рушено в 376 году по Р.Х. ледяное преобладание готов в Германии и так называемой Скифии: они изгнаны из мира языческого. Император Валенс дает им прибежище во Фракии, в мире христианском, не только на свою голову, но и на беду всей Империи. Страшные последствия этого радушного приема известны истории. Здесь, на новоселье, Godathiod обращает в свое орудие не суеверие уже, а крест и, втайне не признавая истину, явно становится в ряды ее поборников. И Византии, и Риму памятны подвиги антитринитариев-деистов, или ариан, памятны и распавшемуся надвое христианству.

Еще в V столетии деизм торжествовал бы победу и бросил бы свое орудие в сторону, если бы не Аттила.

V. Великокняжеский род владетелей кыянских, или киевских

Когда готы переселились из Дакии на Балтийское море, северными странами владели русы²²¹. По народным преданиям, *древняя Великая Русь*²²² обнимала первоначально всю Скандинавию, все острова Балтийского моря, полуостров Сербский (Gheronesus Cimbrica) и Вендскую землю (Vinland, Vandalorum terra) между Эльбой и Вислой²²³. В то же время известна уже была и *Русь Холмоградская*²²⁴, впоследствии *Белая*, и *Русь Кыянская*, или Киевская, распространявшаяся на всю Волынь и Украину до Дона и далее.

Первенство киевских князей обозначается уже восстанием всей руси в III веке по Р.Х. на готов-дакиян²²⁵. Под предводительством кыянского князя Гано было *170 русских князей*. В V веке то же первенство: вся *русь* поднимается сначала под предводительством кыянского князя *Болемира*, потом довершает победы под предводительством Атилы. Должно, однако же, заметить, что имя квенон, гуннов, или кыян, заменяет общее название *русь* не по одному первенству, но и потому, что слово *русь* для иноземцев казалось неопределенным; ибо в славянском мире оно означало и царство и царскую дружину, было и частным и общим прозвищем войскового сословия. Не проникая в смысл, не зная подразделений и не понимая различного произношения по наречиям, чуждое русскому миру понятие терялось в этом названии точно так же, как и в названии «славяне», которое было и общим всем племенам по верованию и частным по родоначалию²²⁶. Историки хотя неопределенно, но по преимуществу называли *русинами* (ruthenos) прибалтийских русов, а *гуннами*, по великокняжению кыянскому, – русов южных. Царство гуннских князей, reges Hunnorum, известно было с первых веков и под общим названием Russia, заключая в себе, кроме Hunal-

and, или великокняжения Киевского, и другие княжества. Мы уже упоминали, что Фридлев, сын Фродо III, датского короля, рожденный от Гануцы, дочери гуннского царя, воспитывался у деда своего в России (in Russia); узнав, что по смерти отца его избрали в Дании на престол скальда Ярениа (Hiarn), он послал сказать дакиянам, «что так как у русов²²⁷ нет закона, по которому какой-нибудь гуслар за несколько виршей мог бы пользоваться правом на чужое наследие, то он требует, чтобы они немедленно же согнали Ярениа с престола или готовились к войне».

Географическое пространство Древней Руси лучше всего определяет приписываемая Фродо III и упомянутая нами по Саксону победа над соединенными русскими князьями под предводительством его тестя, Гано, царя гуннов.

Фродо III владел усвоенными уже готами: Зеландией, Ютландией, Вандалией и западной частью Скандинавии. После победы «Frottonis regnum Rusciam ab orto complectens, ad accasum Rheno flumen limitatum erat»*. С этого времени ему платили дань русские князья: Олимир Холмоградский (Holmgardiae); Яно (Onev) Киевский (Gonogardiae); Гано Чешский (Saxoniae)²²⁸; Рао, или Раул (Revillum) Оркадских островов; Дежамир (Dimar)²²⁹, владевший в Скандинавии областями Helsingia, Яробор (Jarnbergum), Ямтором (Jamtor, Jemptia) и Лапландией (Lappia); Дако (Dago) Эстией.

Исчислим упоминаемых древней историей гуннских (киевских) и вообще русских князей.

В начале III столетия:

Гано (Hun), которого дочь Гануца (Hannunda) была за дакиянским, или датским, королем Фродо III, вступившим на престол, по хронологии Торфея, в 222-м году по Р.Х.

Современники его: *русский князь Олимир и Доко* (Ruthenorum reges Olimaro, Dogoque).

* Фродо царством Русским полностью владел, которое заканчивалось на западе рекой Рейном (лат.).

Струнич (Strunic), по Меурсию – князь *вандалов*, по Саксону – *Rex Slaviae*, или *Slavogum Rex*, т.е. **славян залабских**, между Рейном и Эльбой, где, собственно, племя славян было известно уже Птолемею.

VI и V столетий:

По «*Vilkina-saga*», князь русов *Яровит* (Hertnit, Hernit, Hervit) обладал Полянской землей, частью Греции (?), Угрии и всем восточным царством. Во владении его были Смоленск, Киев и Пултуск; а столицей – Холмоград (?).

Когда *Nordian*, по скандинавским сказаниям *Niord*, наследовал великокняжение (*Vilkinaland*)²³⁰, Яровит поднял на него оружие, победил и ограничил владение *Нардиана* только Зеландией.

Это предание напоминает всю историю первоначального распространения преобладания готов-дакиян по всему Заморью до времен *Сивара* (*Sivard*), при котором их область снова ограничилась Зеландией, первым прибежищем, данным им на севере.

Еще при жизни своей Яровит, по обычаю, разделил владения свои между тремя сыновьями. *Острою* (*Osantrix*) дал великокняжение (*Vilkinaland*), заключающее в себе вендские земли (*Vandalia*) между Эльбой и Вислой, полуостров *Кимврийский*, или *Сербский*, получивший от готов название *Jutland*, и все заморские земли, Скандинавию и острова. Сына *Ольга* (*Eligas, Pias*)²³¹ сделал ярлом в *Grikialand* (?); а *Владимиру* дал Русь (*Холмоградскую*) и *Польскую* землю.

В это время князем Киевской Руси (*Hunaland*) был *Мило*, или *Милош* (*Melias*). Великий князь *Острой* (*Osantrix*) женился на его дочери и имел от нее дочь *Йерку* (*Erka*)²³², выданную впоследствии за *Аттилу*, прославившегося вятяжеством и наследовавшего по избранию киевское княжение по смерти *Мило*.

Брат *Острой*, *Ольг* или *Йелко*, *Йелаш* (*Eligas, Pias*), ярл, вероятно, *Гардарикии* (*Grikialand*) имел сыновей *Яровита*

(Hernit, Heruit) и Остоя (Osid)²³³, который был витязем при Аттиле и был послан им к Острою сватать Йерку.

Но по «Vilkina-saga», **Остой же (Osid) был отец Аттилы**. Он владел Фризией и имел двух сыновей: Яровида (Ortnit, Ortuit) и Аттилу. Аттила, с юных лет богатырь, отправляется искать славы и имеет притязание на Гуннское царство. Постаревший князь Мило, предвидя, что если не отдать Аттиле царства добром, то он возьмет его мечом, предлагает избрать Аттилу по смерти своей князем. Так и сбылось. Приняв Гуннское царство, Аттила переносит столицу из Витичева (Viticinaborg) в Сузат²³⁴ и потом женится на дочери Острога, Йерке.

По квидам гренландским и исландским, Аттила предполагается сыном Будли (Budli, Botelung, Blodel, Bleda); потому что Бринильда, владетельница Брдовской области (Burtanga land), населенной *варягами* (vaeringar), названа его сестрой. По старинной датской песне «Brinhilda», Будли – владетель лунгоборский (Lyngheidur)²³⁵.

Этим ограничиваются северные сказочные сведения о происхождении Аттилы. Но со времени Болемира, regis Hunnorum, изгнавшего в 376 году всех готов из Руси за Дунай во Фракию²³⁶, родословие великих киевских князей поясняется отношениями их к Греции.

Δονάτων – Donato, римская форма имени Дано, Данко, Данчул, – коварно убитый римлянами, царствовал с 382 по 412 год.

Χαράτων – Charato, вполне соответствует *Яровиту* (Hertnit), который, по «Vilkina-saga», владел всей Русью по Дунай и частью Греции, вероятно, Булгарией, принадлежавшей и Аттиле. По Олимпиодору, Charato, знаменитый из царей гуннских, восстал на римлян (греков) за убийство Доната и первый наложил на них дань (в 412 году).

Ρούα – Rao или Радо (Rouas, Roas, Rhoda, Rua, Rhua), ο τῶν Οὐννων, в 434 году отправил к императору Феодосию II посольство, требуя возврата переметчиков и грозя войною.

Греки, по обычаю, медлили исполнением требования; Рао переправился через Дунай, и послы греческие явились к нему уже во Фракии, когда гроза его приближалась к Константинополю. Во время переговоров, по сказанию историков, Рао был поражен громом.

Аттила вступил на престол по смерти Рао, в 438 году. По Иорнанду, Рао (Roas) и Остой (Ostar) были дяди Аттилы. По отчеству или отчине Аттила назывался Μουυδιουχος. Это сведение взято Иорнандом из Приска, который приводит слова самого Аттилы о знаменитости своего рода²³⁷.

В дополнение сказаний о происхождении гуннских, кыянских, или киевских, князей приведем родословие из «Volsunga Saga», или сказаний влопских (welschen), вяржских или франкских:

«Volsunga Saga» описывает иносказательно происхождения юрьевского, или русского, рода. Она говорит, что Sigi²³⁸ (что, собственно, значит «победа, витяжство, витязь») был, по преданию, сын Одина (т.е. Наро). Он в священстве (Heiligthum) был прозван *волком*, разумеется, по смешению слов *welki* – великий с *wlk* – волк.

Sigi, победоносный витязь, овладел многими землями и царствовал над Himaland.

У Sigi был сын Reri, великан ростом, могучий по силам. Здесь ясно, что Sigi – *победа*, воплощается в Юрия.

От Reri, т.е. Юрия, произошли volsungi т.е. welschen, вильцы – *велиции*.

Родоначальник их (Volsung) насадил в своих палатах древо рода, которое величественно возросло и раскинуло ветви свои; оно называлось *древо витизной девы*²³⁹.

Volsung имел десять сыновей и дочь; старший сын назывался Сигмунд, а дочь Сигни. Он выдал ее против желания за готландского короля. Не желая иметь от него детей, Сигни ухитрилась при помощи одной колдуньи, которая принимала на себя ее наружность и заменяла на ложе мужа.

Однажды готландский король пригласил к себе на пир Вользунга с его сыновьями, который и приехал к нему в сопровождении небольшой дружины на трех кораблях. Сигни тайно встретила отца и объявила ему, что муж ее заготовил огромное войско и пригласил его с целью известить весь род Волзунгов. Со слезами просила она отца, чтобы он заблаговременно удалился и взял ее с собой. «Удалиться? – отвечал отец, – чтобы сказали, что я и сыновья мои недостойны рода своего, утрастились огня и меча врагов? Мало у меня войска, но и с малым числом я смотрел всегда прямо в глаза смерти, побеждал, и еще ни разу не отступал с поля, не просил мира. Ступай себе с Богом к мужу и живи с ним в ладу, что бы между нами ни происходило».

Отправив обратно дочь, Вользунг изготовился к бою. Готландский король встретил его с огромными силами. Началась кровавая битва. Восемь раз Вользунги сломили войско врагов, но в пылу сражения отец пал, а сыновья взяты в плен. Их приковали за ноги к колоде, и каждую ночь приходила Баба Яга и пожирала одного из них. Старшего брата, однако же, Сигни успела спасти от смерти. Она прислала к нему меду и велела вымазать себе все лицо и губы. Сигмунд исполнил это. Баба-Яга собиралась уже его съесть; но, почувствовав сладость, начала облизывать, и, только что лизнула в губы, как Сигмунд хватъ – и откусил ей язык.

Спасенный таким образом, Сигмунд отомстил готландскому королю смертью за смерть отца и братьев, возвратил свою отчину и прогнал овладевшего его наследственной областью (Hunaland).

Приняв княжение, Сигмунд женился на дочери короля Ридготландского²⁴⁰ Йариде (Hiördis), но вскоре король L yngi с братьями своими восстал на Сигмунда, и он с тестем своим пали в битве. L yngi, овладев его царством, разделил его на части между своим мужами, уверенный, что весь род Вользунгов истреблен и ему некого опасаться.

Но после смерти Сигмунда Йарида родила сына Сигурда, который воспитывался у короля Nialprec (Chilperic)²⁴¹. Этот-то Сигурд является в сказочном предании мифом, поразившим Змея Горыныча (Fafnir), и рассказ, обращаясь к его подвигам, забывает о продолжении родословия царей гуннских.

Из всей этой путаницы преданий о русском юрьевском роде князей великорусских (Vilkinaland), бельгийских или влошских (волыни фряжской прирейнской), к которым относятся и так называемые лугари лугобродские (Lungobardi); князей холмоградских и кыянских, или киевских (Kuenaland, Hunaland), можно извлечь следующее:

1. *Волошская*²⁴², или фряжская Hundingia древней Фризии (первоначальной Франции – *Francia tab. Pent.*) **с**мешивается с родственной Hunaland или Kuenland – т.е. Киевской областью.

2. *Сигмунд*, вероятно, был владельцем первобытной Hunaland, или Hundingialand прирейнской, а не Hunaland приднепровской; если только все пространство от Рейна до Волги, делясь на русские области, не носило у готов общего названия страны гуннов по главной великокняжеской области в центре земель подвластных.

3. *Луганское* (сербо-лужицкое) переселение по случаю бывшего около 365 г. по Р.Х. голода на севере Германии, усилило восточную часть Руси. Именно с этого времени начались и торговые сношения, и договоры Гуннской или Киевской Руси с Византией.

Нет сомнения, что по переходе лугарей с севера к Днепру под предводительством князей великорусских волошских (volsungi – ulfingi – вильцы), могли быть междоусобия пришедшей волыни с кыянами. Это подтверждается упоминанием Аммиана и Иорнанда о войне между гуннами и аланами, а также и преданием о битве лонгобардов, или лугарей, вышедших из Бардовской области, с днепровскими амазонками, т.е. с галичанами (ἁλαζώνες, halisones).

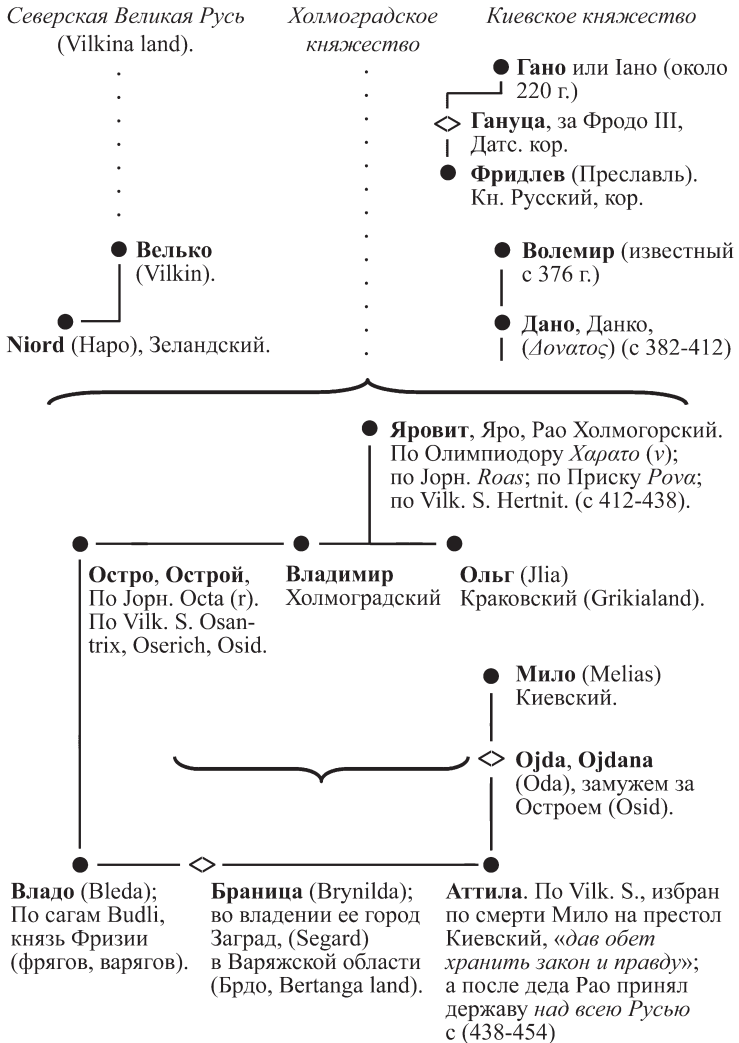
Но мы видели, что первоначальное поселение лугарей по выходе было на пространстве Литвы. Должно полагать, что в это время *walahi* (*welschen*, *volsungi*, *vilzi*) или *liudi* (лузи, леси), фризии (*phrisia*) и образовали воеводство летов, или литов. Одни и те же названия народа и областей с прирейнскими (*liudi* – *letti*; *phrisii* – *gruzzi*; Брдо, *Bardungau* – *Barthonia*) и одни и те же влошской, или славяно-римской, формы собственные имена²⁴³ убеждают в этом предположении.

Аттила принадлежал к отрасли великорусских князей. По «*Vilk. S.*» отец его владел Фризией, коей жители были *vaeringar* (фрязи, варязи). Собственное имя Аттило (*Attila*) относится к форме влошской. Соответственные ему литовские имена: Ягло, Ягелло, Свидригайло, Гедвилло, Вителло, Скиргелло. То же самое должно сказать и о его отчестве; по Приску *Μουνδιουχος* – Мундиух, Мундио; по Иорнанду, *Mundzucco* или, вернее, *Manzuchius* (Кодекс Парижский 1809 г.). Соответственное имени Мундиух литовское Миндовг, сближающееся с сербо-лужицким Милодух²⁴⁴.

По Иорнанду – *Mundo*, *Mundio*, по Прокопию – *Μοῦνδος*, служивший при дворе императора Юстиниана с дружиной лугарей (*Heruli*)²⁴⁵, а потом военачальником при Велизарии в войне против готов был потомок Аттилы (*Mundo*, *Attilanis origine descendens*). Сын его назывался Маврикий – Марко, Мирко, или Мирчо, т.е. сын Миро. Это подтверждает, что славянское имя Миро, Мирой заменялось переводным латинским *Mundus*. Судя, однако же, по двойственному сербскому имени Мунтимир, было в употреблении у сербов и имя Мундо; женское Мандуша сохранилось по сие время.

Предание в «*Vilkina-saga*», что Аттила наследовал гуннское княжество по смерти князя *Melias*²⁴⁶, имеет отношение к отчеству его *Manzuchius*. То и другое имя дошли до нас, разумеется, искаженными.

**Род великих князей русских киевских
III, IV и V веков, следующий:**

VI. Атилла, великий князь Киевский и всяя Руси самодержец

«Когда царь (βασιλεὺς)²⁴⁸ гуннов Рао умер, – пишет Приск, – и царство (βασιλεία) Гуннское наследовал Атилла, верховный совет определил отправить к нему послом Плинифа, что и было утверждено императорской печатью».

Это поздравительное посольство доказывает государственное значение Киевского великокняжения уже до Атиилы, а вместе с тем и те отношения, которые существовали в то время между Грецией²⁴⁹ и Русью.

В то время вся Европа состояла собственно из четырех империй:

Великой Руси, – обнимавшей весь север и недра Европы, «Scythica et Germanica regna»* и ограничивавшейся с юга Альпами, Балканами и Черным морем.

Западного, или старого, Рима, в области которого оставались: Италия, Альпийская Галлия и южная часть собственно Галлии, отданная уже на аренду визиготам.

Восточного Рима, или Фракийской (Греческой) империи, в обладании которой была южная часть Европы между Адриатическим морем, Балканами и Черным морем.

И *Руси Вандальской*, занимавшей всю западную и южную часть Испании²⁵⁰.

Византия и Рим окупали уже независимость свою от Руси данью.

У славян *марками*²⁵¹ назывались пограничные места (латинское *margo*), где производился торг с соседним государством. С Грецией или Фракией производился торг близ реки Петра, или Дуная, против укрепления Констанции (αντικρι Κωνσταντίας φρουρίου), в месте, которое называлось также Μάρως (по предположению, при устье сербской Моравы; но, вернее, при Кюстенджи).

* Скифские и германские государства (лат).

Еще при Рао на этом торгу возникли раздоры между фраками (греками) и русами (скифами)²⁵²; а за переметчиков, не выдаваемых по договору, возгорелась война, Рао проник во Фракию и грозил уже Константинополю. Верховный совет Византии, по утверждению императора Феодосия, назначил послом воеводу консульского (именитого) достоинства Плинфа (Плавта, Планко), родом скифа (т.е. руса). Но Рао умер. Аттила наследовал престол и немедленно же прибыл с братом своим Владо в Маргу, чтобы продолжать начатую войну. Здесь встретили его вновь избранные советом послы – Плинф и Дионисий, родом фрак (грек), – для обычного поздравления и заключения новых договоров.

Аттила согласился на мир, и условия договора были следующие (в тексте нескольких слов или строк недостает):

1. Всех скифских (гуннских или русских) перебежчиков, не исключая и тех, которые давно уже бежали, возвратить.

2. За пленных римлян, которые ушли без выкупа, внести по 8 золотых с человека.

3. Римляне да не вступают в союз ни с одним народом, с которым гунны (т.е. киевляне, русы) будут в неприязненных отношениях.

4. Народные торжества (*πανήγυρις* – торжество, торжище в пограничных местах) исправлять римлянам и русам на равных узаконенных правах и со взаимным обеспечением.

5. Свято и нерушимо исполнять условие ежегодной дани в 700 фунтов золота, которые римляне обязались платить царям *скифским*, т.е. русским.

До этого времени, замечает Приск, римляне платили только 350 фунтов золота.

После этого договора император Феодосий назначил почетным послом к Аттиле сенатора, мужа высокого достоинства, который отправился (обычным путем) морем и прибыл в г. *Одиссу*, где и стратиг Феодул выжидал также дальнейшего отправления.

Станция русов при поездке в Грецию была при устьях Днепра, или в лимане Днепровском, на острове, называемом греками Св. Ейферия²⁵³. Греческая же станция в V веке при поездке морем к Киеву была, как видно из описания Приска, в пограничном городе Одиссе (Ὀδησσός), который, по Арриану, лежал в 80 стадиях от острова Березани, а по Птолею – на р. **Axiacus (ныне Березань)**; следовательно, на месте Очакова.

Все, помещающие столицу Аттилы в Венгрию, уклоняются от Одиссы Сарматской и ищут Одиссу в Варне; но Приск говорит о пограничном городе, где по обычаю послы, уведомляя пограничных приставов о своем прибытии и цели посольства, ожидали царского разрешения переехать границу и продолжать путь в столичный город.

В X веке русы, прибыв на греческую землю, витали у Святого Мамы. Здесь доставлялось уже продовольствие посольству от греков. На том же основании и греческое посольство от Одиссы, а сухим путем от Дуная, поступало в распоряжение приставов, назначаемых состоять при посольстве.

Переметчики, или беглецы из Руси в Римскую империю, были всегда одной из главных причин войны. Это видно и из договоров Олега и Игоря, где также возврат ускоков-челядинов и выкуп их составляет первую статью; причем не обретение их в Греции подтверждалось клятвой: «Ащели необрящется, да на роту идут ваши христиане, а русь (т.е. русы, находящиеся в Греции) и не хрестьяне по закону своему, и тогда взимают от вас цену свою, яко же уставлена есть преже: две паволоки за челядина».

Нет сомнения, что в то время большая часть переметчиков состояла из челядинов, т.е. подвластных руси готов, или из лиц, обращавшихся в христианство. Это подтверждают и слова Иорнанда, что сыновья Аттилы начали войну, требуя возврата готов, беглецов из их подданства²⁵⁴.

Подобные же беглецы были причиной и возобновления войны между Атиллой и Феодосием. Посол Атиллы явился в Константинополь с требованием возврата беглецов и для нового договора и условий дани. Прочитав письмо, затронутый император отвечал, что переметчиков не отдаст, но готов прислать посольство, чтобы миролюбиво уладить насчет всех прочих требований. Получив этот ответ, Атила вступил во владения греков. Феодосий думал мерить свои силы с новым царем кыянским, но сражение при Херронисе²⁵⁵ решило дело, а новыми условиями мира были следующие.

1. Переметчиков возвратить.
2. Внести единовременно дани 6000 ф. золота.
3. Ежегодно вносить по 2100 ф. золота.
4. За греческих пленных платить выкупу по 12 золотых с каждого.
5. Не давать убежища беглецам, поданным царя гуннов (т.е. кыян, русов).

Сведения Приска дошли до нас в сокращении и выписках, которые сделаны были из посольских книг по приказанию Константина Багрянородного; и потому в образец полных договоров между греками и царями Руси Киевской можно принять договоры великих князей Олега, Игоря и Святослава. Эти договоры, как упоминается в них, были «обновление ветхого замирья» и «извещение от многих лет меж христиан и Русью бывшей любви».

Единство условий и отношений между договорами V и X веков служит несомненною достоверностью уцелевших в летописи Нестора. Все условия сношений, встречи, приема послов и угощений, описанные Приском, составляя исконный обычай Руси, нисколько не изменились до XVIII столетия. В Атилле виден со всеми оттенками царь и великий князь Руси. Нет сомнения, что и при нем была уже посольская изба и велись посольские книги. При Олеге договор изложен «*Ивановым написанием на двою харатью*»; при

Аттиле для сношения с римлянами был дьяк Констанций (Косто, Костан) родом из Галлии Западной.

В договоре великого князя Олега о составе посольства сказано: «Посланные от Олга, великого князя русского, и от всех иже суть под рукою его светлых и великих князей и его великих бояр».

В договоре великого князя Игоря: «Послы и гостие²⁵⁶ великого князя Игоря и общие послы... посланные от *великого князя русского Игоря и от всех князей русских...* и от всех людей Русской земли».

Следовательно, в посольстве, касающемся до торговых сношений, участвовали, кроме посланных от великого князя, и выборные, и понятые от других княжений, и сословий купеческих, в числе которых были и христиане русские, и варяги (франки), носившие западные имена, и по преимуществу купцы разных торговых мест. Если к этому присоединить готов, которые *mutuantur Hunnorum nomina** еще при Иорнанде, то понятна будет причина стольких славяно-галло-готских имен в договорах X века.

Выпишем предпочтительно для сравнения договор Игоря с греками, как более подробный, и сохранившиеся в списке Лаврентьевском (XIV столетие)²⁵⁷, в котором по недостатку нескольких листов недостает и списка договора Олега²⁵⁸.

«В лето 945²⁵⁹ (по византийскому летосчислению, следовательно, в 942-м) присла Роман и Костянтин и Стефан слы к Игореву построите мира первого. Игорь же глагола с ними о мире. Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва бояре и сановники, приведоша Руския слы, и велеша глаголати, писати обоих речи на харатью, равно другого со вещанья, бывшего при цари Романе, и Костянтине и Стефане Христолюбивых владык».

«Мы от рода русского слы, и гостье:

Посол Игорев: Ивор.

* Путались по именам с гуннами (*лат.*).

Общие послы:

Посол Святослава сына Игоревы: Вуефаст. (Славянское Вуйесав, Воислав.)

Посол Ольги княгини: Искусевы (искаженное название).

Слуги²⁶⁰ и понятые (нетии – нятые)²⁶¹ Игоревы: Глеб Владиславич.

Конюший (коничар) Преслава.

Шигоберн Свен (швед).

Дружины Глебовы²⁶²:

Прастень Тудурови.

Либиар (Абиар), (Любой).

Фастов (Фристов).

Грим Свирьков.

Прастень.

Якун.

Понятые Игоревы:

Кары, Тудков (Студьков), Каршев, Турдов, Егриевлисков, Воиков, Истр (Острой), Аминодов, Прастень, Бернов, Явтяг, Гунарев, Шибрид (Siurit), Алдан, Колклеков, Стеггетонов, Сфирка, Алвад, Гудов, Фудри (Фруды, Frotho), Тулдов, Мутор (Митар?), Утин.

Купцы:

Адун (Ottonus), Адулб, Адольбь (Adolfus), Иггивлад (Ingiald), Антивлад, Олеб (Глеб) собств. северное Olofus, Фрутан (Frothonus), Гомол, Куци (Казце), Емиг (Елиг), Туровид, Фустень (Прастень), Брано, Руальд (славян. Раовлад), Гунастр, Фрастен (Прастень), Ингельд (Ingiald), Турберн (Torbiern), Моно, Руальд, Свен (Swen), Стир (или Свенстир), Алдан (Олдя), Тилей (Тилена, Итилина), Пубьксарь, Вузелев (Воислав), Санко (Сенко, Сенислав), Борич (Боро, Борой, Борич, Борис)».

«Посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья (княженья) и от всех людей Русской земли. И от тех заповедано обновить древний мир, ненавидящего добра и враждолюбца дьявола²⁶³ разорить, от многих лет²⁶⁴ утвердить любовь между греками и Русью. И великий князь наш Игорь, и боляры²⁶⁵ его и люди все русские послали нас к Роману и Константину²⁶⁶ и к Стефану, к великим царям греческим, створить любовь с самими царями, со всем боярством, и со всеми людьми греческими на все года, куда сияет солнце и весь мир стоит. И иже помыслит от страны русской разрушить такую любовь, и поскольку их крещение приняли, да примут месть от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в весь век будущий; и сколько их есть не крещено, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия своего, и да будут рабами в весь век в будущий.

А великий князь русский и боляре его да посылают в Греки к великим царем Гречьским корабли, елико хотят, со слы и с гостьми, якоже им оуоставлено есть: ношаху сли печати злати, а гостье сребрени. Ныне же оуведел есть (решил) князь наш посылати грамоту ко царству вашему. Иже посылаеми бывают от них сли и гостье, да приносит грамоту, пашуче сице: яко послах корабль селько (столько-то). И от тех да оувемы и мы (греки), иже с миром приходит; аще без грамоты придут и преданы будут нам, да держим и храним, дондеже взвестим князю вашему; аще ли руку не дадут и противятся, да оубьени будут, да не изищется смерть их от князя вашего; аще ли оубежавше, в Русь придут, мы напишем ко князю вашему, яко им любо, тако створят».

Далее продолжаем для ясности некоторых мест современным языком.

«Если придут русы (в Царьград) без товаров, то не взимают месячины (т.е. обычного содержания, следую-

щего гостям). Да повелит князь послам своим и приходящим сюда русам, чтоб не делали беспорядков в селах и в стране нашей: да останавливаются все приезжающие (в Царьград) у Святого Мамы, где по составленному списку имен их получают послы снадное, а гости месячное: во-первых, (послы)²⁶⁷ от города Киева, а потом от Чернигова, Переяславля и других городов. – Да входят в город (Царьград) одними (указанными) воротами с царевым мужем (приставом), без оружия, не более 50 человек, и, купив, что нужно, немедленно удаляются. И муж царства нашего наблюдает, чтобы кто-нибудь из русов или греков не покривил (не обманул), и оправляет.

Входящие в город русы не имеют права покупать паволок (парчи, тканей шелковых) свыше 50 золотых; купленные же паволоки показываются приставу для приложения печати. – Отъезжающие отсюда (из Царьграда) русы получают от нас, ежели нужно, брашно на путь и в случае потребности ладьи по прежним условиям, и да возвращаются благополучно в страну свою, и да не имеют права зимовать у Святого Мамы.

Если бежит подданный (челядин) из Руси, и за ним придут в страну царствия нашего, и от Св. Мамы²⁶⁸, то если найдется, да возьмут его, а если не найдется, то да идут ваши христиане Руси²⁶⁹ по вере их, и некрещеные по закону своему; и тогда взыскивают с нас установленную цену, как и прежде, по 2 паволоки за челядина. А если кто от людей царства нашего или из града нашего, или из других городов бежит челядин наш к вам, похитив что-нибудь, да возвратят его, и если (не) сохранится похищенное, то да взыщут за него два золотых. Если же кто из русов похитит что от людей царства вашего, то будет строго наказан, а за похищенное заплатить вдвое. Если то же сделает грек, то таким же образом будет наказан. Если русин украдет что у греков или грек у руси, то кроме возврата уплатить и цену покраденного; а если покраденное уже продано, то

заплатить вдвое, и наказан будет по закону греческому или по уставу и закону русскому.

Если подвластных нам пленных христиан приведут из Руси, то за юношу и добрую девицу уплатят выкупу 10 золотых и 8 золотых; за пожилого человека или ребенка 5 золотых. Если случатся пленники, работающие у греков, то русы выкупают их по 10 золотых. Ежели же пленный куплен уже греком, то по крестной клятве получает за него ту цену, которую заплатил.

А о *Корсунской стороне* сколько есть городов (крепостей) в той части для сбора дани, великий князь русский да воюет на тех странах; если которая страна будет непокорна вам и если великий князь русский будет просить у нас войска, то дадим, сколько будет нужно²⁷⁰. И о том, ежели русы встретят греческий корабль (кубару), севший на мель где-либо (около их берегов), то да не обидят его. Если же кто возьмет с него (с корабля) что, или поработит человека, или убьет, то будет повинен закону русскому и греческому. Если русь встретит в устье днепровском корсунян, ловящих рыбу, то да не делают им никакого зла и да не имеют права (руссы) зимовать в устье Днепра Белобережи, ни у Святого Елевферия; но когда настанет осень, да идут в дома свои в Русь²⁷¹. В отношении же черных болгар, которые приходят воевать в страну Корсунскую, то великий²⁷² князь русский да не пускает их наносить вред стране той. Если греки (корсуняне), состоящие под властью царства нашего, сделают какое-нибудь преступление, то да не имеет права казнить их; но они примут наказание по делам их, по повелению царства нашего. Если убьет христианин русина или русин христианина, то ближние убитого, задержав убийцу, да убьют его. Если же убийца убежит, то ближние убитого да возьмут именье его, если оно есть, а если нет, то да ищут убийцу, покуда найдется, и да убьют его. Если русин гречина или гречин русина ударит мечом, копьем, палицей или оружием, то за грех заплатит 5 литр

серебра по закону русскому²⁷³; а если неимовит (ничего не имеет), то заплатит сколько может, и возьмут у него и носильную одежду в цену; а по присяге по своей вере в том, что ничего более не имеет, да отпустится.

Если царство наше пожелает иметь от вас в помощь против неприятелей войско, то напишем к великому князю вашему, и да пришлет нам по желанию нашему, да увидят все иные страны, какою любовью соединены греки с Русью.

Мы же по совещании все сие написали на двух хартиях; одна хартия останется у царства нашего, а другая да доставляется к великому князю русскому Игорю и к людям его, и да принимая харатью, идут на присягу хранить истину, как по нашему совещанию написали мы сию харатью, на которой подпись имен наших.

Мы же все, сколько нас есть христиан, клялись церковью Святого Илии (Киевской) в соборной церкви (Константинопольской) и предлежащим честным крестом и сею хартией хранить все, что написано в ней, и нисколько ни в чем не отступать. А ежели преступит оную страны нашей князь ли, или кто иной, крещеный и некрещеный, да не имеют помощи от Бога, и да будет раб в весь век в будущий, и да заклан будет своим оружием. А некрещенная русь полагают щиты свои и обнаженные мечи свои, и обручия свои и прочее оружие, да клянутся обо всем, что написано в хартии сей, хранить от Игоря и от всех бояр, и от всех люден страны русской в прочие лета и в иные (выну – во все времена). Если же кто из князей и людей русских, христиан и нехристиан, преступит то, что писано в хартии сей, да будет достоин смерти от своего оружия и да будет клят от Бога и от Перуна, как преступивший клятву. И да будет добро, и да хранит великий князь сию правую любовь, да не рушится, доколе солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние веки и в будущие.

Посланнии же сли Игорем приидоша к Игореву со слы гречьскими поведаша вся речи царя Романа. Игорь же призва слы гречьские, рече им: глаголите, что вы казал

царь? И рекша сли цареви: се посла ны царь, рад есть миру, хошет мир имети со князем русским и любве: *твои сли водили суть царь наши роте, и нас послаша роте водить тебе и муж (твоих)*».

По вступлению и заключению видно, что договор был изложен в Константинополе; что русские послы водили императоров греческих и чинов его к присяге в соборном константинопольском храме, а греческие послы водили к присяге Игоря и мужей его – христиан – в киевском храме Святого Илии, а славян-язычников – на холм Перуна.

Здесь повторяем, что понятия и выборные посольства состояли почти всегда из дружин русов-франков и купцов-готов, как народа искони промышленного и опытного в условиях торговых отношений. Договоры с Византией искони писались на греческом языке, составлялись иноземцами и переводились на латинский язык, который, по всему вероятно, при Атилле был языком посольских сношений. Неудивительно, что и все славянские имена искажались по формам латинским, галльским и готским.

Договор великого князя Святослава (который называл греков ремесленниками и советовал им, если не хотят платить дани, переселяться из Европы, им не принадлежащей, в Азию²⁷⁴, заключен был в Доростоле (Деревстре, Дересте) «равно другого совещанья бывшего при Святославе велицем князи русем, и при Свенальде, писан при Фефеле (Феофиле) Синкеле к Ивану, нарицаемому Цемисхию, царю Гречьскому».

Если бы до нас дошли не выписки из Приска, а посольские книги, веденные им, то мы бы увидели в них те же статьи и те же обряды договоров русских великих князей IV и V веков с греками, какие изложены в сохранившихся договорах IX и X веков.

В договоре Атилы первое условие о беглых, и в договоре Игоря также: «Аще ускочит челядин из Руси, по него ж приидут от страны царства нашего и от Св. Мамы... и аще

необрящется взимают от вас цену свою яко же установлена есть преже, две поволоце за челядина».

По договору Атиллы каждый пленный при выкупе ценился в 8 золотых. По договору Олега цена возросла до 20; по договору же Игоря уменьшилась опять на 10 и на 8.

Сравнив договоры греков с Русью **V и X веков**, обратимся к описанию византийского посольства к Аттиле и повторим, что греки с исконных до позднейших времен не называли русь русью, но заменяли это название то скифами, то гуннами.

Во время войны великого князя Святослава с Цимихием русы также не иначе слывут, как *скифами* или *гуннами*. Лев Дьякон пишет: «Как скоро скифы (*сей народ называется также гуннами*) переправились через Истр, то полководец Лев не в силах был с малым своим отрядом противостать бесчисленному их множеству».

Кого понимали греки под именем скифов, лучше всего видно из Нестора при его перечислении славянских народов Руси: «И суть грады их и до сего дни, и зовяхусь от грек Великая Скуфь», а от готов, прибавим, *svythiod hin mikla*, т.е. *Suava, Suevia, Suavonia*, или *Russia magna*²⁷⁵.

VII. Посольство императора Феодосия II к царю в 447 году

Мир, заключенный после войны в Херсонисе, не долго продолжался; Феодосий затруднялся исполнить договор: империя вела войну в Азии и в Африке, казна истощилась. Тщетно возобновляя свои требования, Аттила поднялся к Дунаю. Нет сомнения, что поход его совершался на тех же искони неизменных условиях, как и описанные Нестором походы на Грецию великих князей Олега, Игоря, Святослава, Владимира Великого и Ярослава, и та же *Великая Скуфь* поднималась с ним на Грецию.

«Олег совокупи множество варяг (франков), словен (новгородских), чуди, кривичей (литвы), мери, древлян, радимичей, вятичей, полян, север (сербов), хорватов (карпатских), дулебов (далмат), тиверцев (тывровцов); и си вси звахусь от грек *Великая Скуфь*. С ними со всеми пойде Олег на конех и на кораблех, и бе числом корабль 2000; прииде к Царюграду».

2000 кораблей было какое-то исторически-условное число у скифов, то есть русов. По Аппиану, в половине третьего столетия на 2000 кораблях, и, без сомнения, также с сухопутным войском, скифы прошли грозой по берегам Мизии, Фракии и проникли в Эпир и Фессалию²⁷⁶. В 774 году те же скифы в союзе с булгарами²⁷⁷ поднялись на Византию также в числе 2000 русских лодий (ῥουσια χελανδια).

Точно таким же образом великий князь Игорь во второй поход, «совокупи вой многи: варяги, русь, поляны, словены, кривичи, тиверцы и печенегия (нанял) и тали (заложников) у них поя, и пойде на греки в лодьях и на конех, хотя мстити себе»²⁷⁸.

Точно таким же образом, подвигнув в 447 году всю *Великую Скуфь* на Грецию и покорив города по Дунаю, область Сирмию²⁷⁹, Ниссу (Нишаву) и Сардику (Софию, Триадицу), Атила заставил преклониться пред собой Федосия и послал к нему для совершения договора Годичана (ῥΕδεκων)²⁸⁰, одного из своих знаменитейших воевод, и Ореста, уроженца Паннонии, с письмом, заключавшим следующие условия мира:

1. Невозвращенных еще переметчиков немедленно возвратить.

2. Римляне (греки) очистят под опасением возобновления войны все покоренные оружием царя Аттилы земли, простирающиеся по течению Истра от областей Пеонии (Паннонии) по протяжению областей фракийских в длину и на 5 дней пути (200 верст) в ширину²⁸¹.

3. Бывшее издревле торжище на берегу Дунайском перенесется на новую границу, в Ниссу.

4. Впредь послы от императора к царю Аттиле должны быть *не из разночинцев*, но знаменитые мужи по роду и консульского сана.

Самолюбие Феодосия до того было затронуту, что он решился на предложение своего любимца, евнуха Хрисафия, подкупить посла на убийство Аттилы. Переводчик Вигила (Вико, Викул) был орудием замысла. Годичан, осматривая показываемые ему дворцы императорские²⁸², дивился и восхвалял великолепие и богатство их. Хрисафий думал воспользоваться этим изумлением и дал ему понять, что подобное же богатство и почести ожидают и его, если только он оставит Скифию и пожелает быть римлянином. «Насколько не позволительно слуге чуждого мне господина делать подобное предложение, настолько же преступно принимать его», – отвечал Годичан.

Этот ответ не отклонил злодейских надежд на него. Ему предложили в задаток всех обещаний сто фунтов золота. Но, изведав цель замысла убить Аттилу, Годичан, в свою очередь, замыслил явно обличить виновников перед Аттилой.

Притворясь соблазненным, алчущим золота и византийской роскоши, он уклонился, однако же, от задатка и обещал свои услуги не прежде как по исполнении возложенной на него обязанности посла²⁸³.

Феодосий назначил чрезвычайным послом к Аттиле вельможу Максимиана, при котором находился и Приск Ритор для ведения посольских книг. Между прочим он поручил сказать Аттиле в отношении требования о назначении послами к нему первейших сановников империи, что этого не бывало ни при его предках (*αὐτοῦ προγόνων*), ни при иных царях скифской династии; тем более что послания препровождались всегда через воина или гонца (*ἀγγεῖα φоров*)²⁸⁴.

Обратим особенное внимание на путь следования посольства. Описание его включает в себе настолько определительности, насколько нужно, чтобы понять, что этот путь никаким образом не мог пролегать от Дуная к мнимой столице гуннов в Венгрии по равнине реки Тиши (Tissa, Teiss); но, сообразно указанию времени переезда и переправы через три большие судоходные реки, имел направление именно к Киеву (*Hunugard*, *Koenugard*), **исконной столице Hunnorum reges и предков Аттилы.**

Путь посольства

Посольство Феодосия отправилось из Константинополя вместе с возвращающимся посольством Аттилы, и после 13-тидневного пути прибыло в Сардику, нынешнюю Софию или Триадицу.

До Софии, по обычному туземному счету часами²⁸⁵, около 100 часов езды, или около 500 верст; следовательно, дневной переезд составлял 8 часов, или 40 верст²⁸⁶.

Второй переезд от Софии до города Нишавы (*Naissa*, *Нисса*) заключал около 34 часов, или 170 верст.

Третий переезд от Нишавы до переправы на Дунае. Место переправы не показано; но местность и пути не изменились и потому нетрудно исследовать, какое направление от Нишавы взяло посольство.

От Нишавы, лежащей на реке Нишаве близ впадения ее в Марош (древ. *Margus*), только два пути Дунаю. Первый – вдоль по реке Марошу, к переправе при бывшем городе *Margus*, где было торжище, известное *Приску*, и о котором, без сомнения, он бы упомянул. Другой путь – через отрасль гор Черн-верх на реке Тимон (Большой и Малой) и по долине этой реки к Дунаю, на переправу *Трояна*, или, поворотив через хребет *Вратаницу* (*Wratanitza Planina*)²⁸⁷, к Видину.

Первый путь составляет как бы продолжение черты от Константинополя на закат солнца; второй – до реки Тимок идет совершенно противоположно первому, на восход солнца.

Выехав на рассвете из Нишавы и привыкнув ехать по направлению к западу, все составлявшие посольство были изумлены, что перед ними восходит солнце. Это обстоятельство как будто нарочно упомянуто Приском, чтобы указать след посольства через скалистые ущелья²⁸⁸ перевала на Тимок и по излучинам Тимока к переправе около нынешнего *Видина*.

По переправе через Дунай, где стояли уже бесчисленные суда Аттилы, готовые в случае возобновления войны переправлять его войска на правый берег, посольство совершило:

Первый переезд от Дуная по дороге к стану Аттилы – 70 стадий, или около 15 верст.

Здесь послы были остановлены с тем, чтобы уведомить Аттилу об их прибытии. К вечеру они получили приказание ехать к нему. На другой же день со светом они отправились и прибыли в стан государя к 9 часам (от восхождения солнца), и следовательно ехали около 8 часов и совершили – 40 верст.

Таким образом, по нашей прокладке, стан Аттилы находился в 65 верстах от переправы, на высотах при Краеве, в Малой Валахии; соответственно же мнению ищущих мнимый *Etzelburg*²⁸⁹ на равнине Тиши, между Дунаем и Карпатами, стану Аттилы следовало быть *при реке Темеш*, впадающей в Тишу. От этих двух точек мы и будем прокладывать дальнейший путь посольства.

По прибытии в стан Годичан открыл царю замысел византийского двора посягнуть на его жизнь. Гневный Аттила вместо допущения к себе послов приказал сказать им, что цель посольства ему уже известна и чтобы они немедленно же ехали назад.

Изумленное посольство собралось уже в обратный путь, но Атила переменял решение, прислал сановника Косто (Σκοττο) за послом. Войдя в шатер, огражденный царской охранной стражей, Максимин приблизился к Аттиле, сидевшему на деревянных креслах²⁹⁰, бил челом, вручил царские грамоты и, приветствуя от имени императора, пожелал ему и всему царскому семейству здоровья и благоденствия.

«Ваши желания вам же на голову, – отвечал Атила, и потом, обратясь к переводчику, сказал: – Условия мира давно решены, но не исполнены: беглецы возвращены не все; как же осмелилось явиться ко мне посольство до исполнения договора?»

Вигила отвечал, что в империи не осталось ни одного беглого из скифского народа, ибо все они уже выданы. Атила вспыхнул:

«За эту дерзкую ложь следовало бы тебя казнить, но я уважаю права посольства», – грозно произнес он и велел писцам своим подать список беглых, которые находились еще в империи, и читать вслух.

По прочтении списка Атила приказал Вигиле немедленно же ехать обратно в Константинополь. Вместе с ним отправлен был к Феодосию Ислав (Ἰσλα, Ἰεσλαν – Изяслав).

«По отъезде Вигилы, – пишет Приск, – мы пробыли на месте один день, а в следующий отправились за Аттилою к северу страны. Совершив продолжительный путь вместе с варварами²⁹¹, мы по распоряжению скифов, наших проводников (приставов), своротили на другую дорогу, между тем как Атила остановился в каком-то городе для совершения брака с дочерью Эски (Ἐσκαμ)²⁹²; хотя имел уже многих жен по закону скифскому, допускающему многоженство».

Долгий путь посольства вместе с Аттилой должен же был продолжаться несколько суток. Положим общий путь до Бузео, откуда Атила едет по дороге на Яссы, а

посольство по направлению на переправу через реку Прут при Фальчи. Переезд в 6 суток составит около 53 часов, или 265 верст.

Отсюда посольство продолжало путь дорогой ровной (гладкой, однообразной), пролегающей по степи²⁹³, и переправлялось через судоходные реки, из которых после Дуная *величайшие* (μεγίσται) Δρήκον²⁹⁴, Τίρας и Τιφήσας.

Если прокладывать путь посольства от переправы через Дунай при Margos (ныне Семендрия) в глубину Венгрии, то главная река Тиша (Teiss), остается в стороне, влево. Следуя от стана Аттилы, положим, при реке Темеш, Приск заметил бы на пути реки Марош и Кереш, почтил бы их названием судоходных рек, но никак не назвал бы их великими реками. После переправы через последнюю реку, т.е. через Кереш (Körös) **остается до Токая не более 30 часов езды**; но, по Приску, после переправы через три великие реки путь еще далек, а главное – этот путь идет не в горы, не в соседство богатых каменоломен и дубовых вековых лесов, в которых столица Аттилы так нуждалась.

Основываясь на этих соображениях, мы продолжаем прокладывать путь посольства по долам Валахии, Бессарабии и далее на север, через многие судоходные реки и между ними через три большие реки, которых древние русские названия искажены, без сомнения, и самим Приском и его переписчиками, а в дополнение изменены и перетасованы издателями Йорнанда в уверенности, что этим рекам следует течь по Венгрии²⁹⁵.

Прокладка всех рек, впадающих в Дунай и Черное море, описанных древними географами, начиная с Геродота, по расспросам, наобум, должна быть переисследована и исполнена вновь по своду древних упоминаний, по соображению местностей, и часто двояких и трояких названий одной и той же реки. Геродот, например, высчитывая скифские реки, упоминает о реке Днепр по народному названию и произношению Няпру – Νάπυρις²⁹⁶, не зная

сам, что это та же река, которую по городу Борисфену (Березани) называли *Борисфеном*.

Геродот знал только одну реку, вытекающую из недр Карпатов (в Венгрии) и впадающую в Дунай. Эту реку он называет *Μάρωσ*. Ясно, что это *Марош*, стекающая с *Тишей*. Без сомнения, в древности *Тиша*, или *Тисса*, по слиянию с рекою Марош носила при впадении в Дунай это последнее название. После реки Марош Геродот исчисляет реки, текущие из Карпатов по Валахии²⁹⁷:

Алута, или *Алта* (Ἄτλς). Арджис (Αυρας). За этой следует у него (к востоку) *Τίβισις*, по Приску – *Τιφήσας*, а по Иорнанду *Tibiscus*. Яломица впадает в рукав Дуная, и ее не видно едущему по Дунаю; следовательно, *Tibiscus* есть Серет.

Приск судил о величине рек по обширности их долин, и потому *три великие реки*, которые посольство, отделяясь от Аттилы в Валахии, проезжало по пути к Киеву, были *Серет* (Τίβισις), *Прут* (Δρήκων) и *Днестр* (Τύρης Геродота), или *Тираς*, по описке *Τίρας*.

«Эти реки, – пишет Приск, – переезжали мы на лодьях или на плотках (паромах). Во время пути снабжали нас всем продовольствием; но вместо пшеничного хлеба отпускали нам ячменный, а вместо вина мед. Сопровождавшие нас служители получали хлеб и напиток из ячменя, называемый квас (κάμωσ)²⁹⁸».

Сравнивая все условия следования этого посольства с посольствами к русским царям в позднейшие времена, можно видеть, как исконны и неизменны были русские обычаи во всех подробностях до самого преобразования в западные формы. Приближаясь к границе, посольство извещало о прибытии своем пограничного воеводу, который, собрав подробные сведения о звании посла и количестве его свиты, отправлял к государю гонца и ожидал разрешения на дозволение посольству вступить в границы и продолжать путь. Пограничный воевода передавал по-

слов воеводам городов, лежащих на пути. Назначаемые от места до места *приставы* доставляли посольству *царское жалованье*, то есть продовольствие, приобретая все необходимое покупкою от местных жителей.

«Русский двор, – пишет Герберштейн, посол императора Максимилиана, в 1516 году, – имеет свои особенные обычаи, которым следует при продовольствии или угощении посольств других держав. Приставы подробно знают, сколько выдавать каждому лицу по званию его хлеба, напитков, мяса, рыбы, соли, масла и иных мелочей».

В XVI столетии посольству выдавались калачи, а из напитков меды – княжие, обарные и патошные.

«Совершив долговременный²⁹⁹ путь, – продолжает Приск, – мы (однажды) склоняющемуся дню к вечеру раскинули свои палатки близ озера, которое снабжало жителей прибрежного селения годною для питья водой».

Мы прокладываем этот долговременный путь через три большие реки – Серет, Прут и Днестр – от Бузео до Балты. Это расстояние составит около 72 часов, или 360 верст, требующих 9 дней езды.

Для переправы через всевозможные реки по Венгрии в направлении к северу, положив долговременный путь только с 5 суток (40 часов или 200 верст), очутимся уже около Дебречина. Это расстояние мы и примем к сведению.

В отношении ночлегов в палатках упомянем следующее. Еще в XVI столетии посольства, следующие в Россию, почти во все время пути становали в палатках близ селений.

Многие посланники, в числе коих Фон-Ульфельд, проехав от границы до самой Москвы, однажды только останавливался в доме; во все же прочее время принужден был со всею свитою ночевать или в палатках, или под открытым небом»³⁰⁰.

«Во время ночи, – продолжает Приск, – настала ужасная гроза, сорвала палатку нашу, разметала вещи и унесла в озеро. Перепуганные, мы разбежались искать спасения

от дождя и в темноте, подавая друг другу голос, добрались до селения. На этот крик скифы выбежали из хижин с зажженным камышом³⁰¹, который они употребляли для разведения огня. На вопросы их, что такое случилось, проводники наши объяснили им причину тревоги, и они радушно пригласили нас войти к себе и разложили огонь, чтобы мы просушились и согрелись.

Владетельница селения, одна из жен Владо (Влѣда), прислала для угощения нас кушанья, которые принесли очень милостивые женщины. Это у скифов составляет изъявление почести. Мы поблагодарили их за принесенные нам блюда кушанья и уклонились от их собеседования».

«На другой день, оседлав и заложив лошадей в повозки, посольство отправилось к владетельнице селения поклониться, поблагодарить за угощение и поднести ей в дар три серебряных кубка, несколько кож красного сафьяна, индийского перцу, фиников и других различных овощей³⁰², которых в этой стране нет и которые варварами очень ценятся. Откланявшись ей, мы отправились в дорогу далее».

«После *семи дней* пути проводники остановили посольство в одном месте, объявив, что оно должно переждать проезда Аттилы и следовать за ним».

Если положим, что, по миновании *трех великих рек*, одна из жен Владо, брата Аттилы, угостила послов где-нибудь около Дебречина, или даже на реке Эр, – спрашивается: куда прокладывать семь дней пути, т.е. около 280 верст, за этой рекой? До Токая остается не более 100 верст; а за Токаем и прямо на север, и вправо, и влево – утесистые и лесистые клешни Карпатов, о которых Приск сказал бы хоть слово. 180 верст некуда девать, а между тем путь еще не кончен, столица Аттилы еще впереди.

«Здесь (т.е. в городе или месте, в котором приостановлено посольство) встретились мы, – пишет Приск, – с послами Западной империи, ехавшими к Аттиле и также остановленными: с комитом Ромулом, примутом-префектом Норики

и военачальником Романом. С ними был и Констанций, которого Эций отправил к Аттиле для письмоводства...»

По этой встрече с послами, ехавшими из Рима, должно заключить, что дорога из Рима в столицу Аттилы сходилась где-нибудь с дорогой из Константинополя (через Ниссу), по которой ехало посольство Феодосия, сходилась за несколько дней пути до столицы, и на этом продолжении пути предстояло еще переправляться через несколько рек.

Предлагаем всем ищущим столицу Аттилы в Венгрии проложить примерно эту точку соединения дорог на карте.

«Переждав проезд Аттилы, мы все отправились вслед за ним. *Переправясь через несколько рек*, мы наконец прибыли в обширное *место*³⁰³, где находился дворец Аттилы, великолепие которого, как говорили, не было нигде подобных. Этот дворец был построен из брусьев и досок, превосходно обтесанных, и обнесен деревянною стеною, составляющею не защиту, а украшение»³⁰⁴.

«Близ царского дворца был дом *Онигиса* с такою же оградой, но не изукрашенной, подобно дворцу башнями. На довольно значительном расстоянии от ограды находилась баня, которую *Онигис*, после царя богатейший и могущественнейший между скифами³⁰⁵, построил из камня, привезенного из Пеонии, ибо у варваров, населяющих эту часть страны, нет ни камня, ни дерев (строительных); почему они лес и все строительные материалы употребляют привозные из других мест. Зодчим при постройке бани был пленный уроженец Сирмии».

Сведем теперь путь посольства и расстояния по направлению к Киеву.

1. Проезд от переправы на Дунае до остановки на дороге к стану Аттилы, 70 стадий, или около 3 часов, – 15 верст.
2. До стана Аттилы проезд 8 часов – 40 верст.
3. Проезд вместе с Аттилой, предположительно до Бузео, около 53 часов – 265 верст.

4. Долговременный переезд от Бузео через Серет, Прут и Днестр по направлению к Балте, около 72 часов – 360 верст.

NB. Атила мог свернуть в Торговище (Терговиште) или даже отправиться через горы в Трансильванию, но общее расстояние последних двух переездов остается то же.

5. От Балты или предполагаемого владения жены Владо – семь дней пути до места, где была остановка и встреча с посольством римским, на соединении путей, – предположительно в Сквири, 56 часов – 280 верст.

6. От этого места продолжение пути до Киева вместе с Атилой, около 3 дней, 24 часа – 120 верст.

Итого: 1080 верст.

Проложим эти же переезды от переправы при Марге к северу по Венгрии, сократив неопределенные Приском расстояния до крайности.

1. До стана Атилы – 55 верст.

2. Путь от стана вместе с Атилой, сократив вместо нескольких дней на один день, – 40 верст.

3. Долговременный путь, во время которого посольство переправлялось через многие малые судоходные реки и через три больших, сократим на 6 дней – 240 верст.

4. От владения жены Владо до встречи с послами римскими семь дней пути – 280 верст.

5. На переезд с Атилой до столицы со всеми переправами через реки положим только один день – 40 верст.

Итого: 655 верст.

Из этих 655 верст сбросим 155 на сокращение дневного пути до 30 верст³⁰⁶, – останется 500 верст; положим их от переправы через Дунай на север по Венгрии, – столица Атилы придется на самой вершине Карпатов.

Кажется, все это осязательно уже убеждает, что столица Аттилы, *Hunnorum regis*, *Kuenkuneg*, т.е. кыянского князя, была не в недрах, а вне Карпатов, именно там, где ее находят изложенные нами предания.

Слова Приска, что в той части Скифии, где была эта столица, нет ни камней, ни дерев, удобных для зданий, и что для построения бани камень привезен был из Пеонии, окончательно противоречат напрасному труду искать столицу на равнине Тейса, в соседстве каменоломен Мишколоча (*Miskolz*) и сплавки по реке Бордичу 30-саженного соснового леса и 15-саженных дубов, аршин пять в обхвате. Киев же, напротив, действительно нуждался в привозных строительных материалах, которые могли привозиться туда водой и из Пеонии, и из Паннонии столь же удобно, как из Херсона «четыре кони медяны», из Греции громады мрамора, употреблявшегося на гробницы князей³⁰⁷, и неизвестно откуда гранит на ограды и бани: «Сей бо Ефрем (епископ Переяславский) заложи бо (в 1089) церковь на воротех Св. Феодора и Св. Андрея у ворот и город камень и строение банное каменно»³⁰⁸.

Г. Венелин [по происхождению карпаторосс. – *Ред.*], смотревший на историю не чужими глазами, не поверхностно, сознает во всех обычаях так называемых гуннов исконные обычаи русов, и это так очевидно – в приеме послов, в предварительных переговорах их с боярами посольской избы, в допущении бить челом и подносить поминки царю и потом царице³⁰⁹, в приглашении их на обед в столовую избы, в обычае поднесения царской чаши кравчими, и вообще в обрядах угощения – что XVII век от V века разнится только подробностями в описаниях.

«Когда Аттила, возвращаясь из похода, подъезжал к столице, его встретил хор дев под длинными белыми покрывалами, и, сверх того, под пологам, которые несли женщины. Хор дев пел ему славу.

Под пологами шло навстречу Атилле, вероятно, царское семейство. Встреча хором дев и воспевание славы князьям были обычны на Руси. Вспомним песнь Игорю Святославичу. Певец его описывает, какую песню встречали русских князей старого времени:

Тяжко ти голове кроме плечю,
Зло ти телу кроме головы,
Русской земли без князя великого.
Солнце светится на небесе,
Князь великий в Русской земли.
Девы поют на Дунае,
Вьются голоси через море до Кыева,
Князь едет к Сборичеву³¹⁰.
Страны ради, гради весели,
Певше песнь старому князю
И потом молодым...

При проезде Атилы мимо дома первого своего вельможи Онигиса³¹¹ жена боярина, сопровождаемая многочисленной прислугой, вышла навстречу с чарой вина, хлебом и солью, которые поднесены были на серебряном блюде. Этот обычай, говорит Приск, считается у скифов знаком высокого уважения. Царь испил чашу, вкусил хлеба и соли и поехал во дворец. Посольство же, по приказанию его, осталось в доме Онигиса; сама хозяйка угощала его обедом, на котором присутствовало все семейство и родные вельможи. После стола посольство отправилось в шатры, раскинутые близ дворца.

На другой день Приск был послан Максимином к Онигису для вручения ему подарков и для осведомления, *где и когда назначены будут совещания*, но ворота были еще заперты. «Прожаживаясь около дома, – пишет Приск, – вдруг поразило меня эллинское приветствие: *χαῖρε* – здравствуй! – произнесенное проходившим мимо человеком, ко-

того, судя по одежде, я почел за варвара. Меня удивило, что скифский воин говорит по-эллински. Составляя дружину из разных варварских языков, они перенимают друг у друга гуннский, готский и, по частому сношению с римлянами, авзонский (итальянский) языки. Эллинский же язык слышится здесь только между пленными, взятыми во Фракии, или с приморья Иллирии; но их тотчас узнаешь между скифами по рубищу и печальной наружности. Поклонившийся же мне казался скифом, живущим в полном довольствии и роскоши. Он был в богатой, щегольской одежде, его волосы были острижены в кружок. Оказалось, однако же, что это был грек, взятый в плен в Мизии и потом водворившийся между скифами...»

На следующий день после совещаний с Онигисом посольство отправилось во дворец и было представлено царице (Сегса), от которой Аттила имел трех сыновей. Старший из них, Данчич (Dengisich, Denzices), *управлял козарами и прочими народами, населяющими земли Скифии при Черном море.*

«Внутри двора находилось много зданий; одни были изукрашены разной тесовой работой, другие изящно устроены из гладких брусьев, связанных между собой и образующих венцы³¹², которые воздымались на соразмерную высоту. Тут жила супруга Аттилы. Встреченный стоявшими в дверях варварами, я вошел и застал ее восседающей на мягком ложе. Пол был устлан коврами, множество женщин стояло вокруг царицы, *а девушки сидели против нее на полу*³¹³ и *вышивали разноцветными узорами покрывала*, которые употребляются у них как украшения сверх одежд. Поклонясь царице, я поднес дары и вышел».

Древний русский царский двор разделялся на дворцы, или малые *дворцы*, составлявшие отдельные помещения лиц семейства царского с полным составом принадлежащих им дворян и хозяйственных заведений. Приск описывает дворец царицы и вообще *двор Аттилы*, как дубовое великоле-

пие варваров, не стоящее внимания в сравнении с дворцами Византии. Но из его описания видно исконное русское зодчество киевских деревянных дворцов – с вышками, теремами, кровлями в виде глав и преузорочными украшениями резным кружевом. Это зодчество наследовала и Москва: дворец Коломенский был последним его образцом.

Приск намеревался осмотреть и все прочие здания двора Аттилы, но толпа народа, копившаяся около крыльца и ожидавшая выхода царского, обратила на себя его внимание. Аттила вышел в сопровождении Онигиса. Все, кто только имел до него просьбу, приближались и получали от него решение.

Возвратясь во дворец, Аттила принимал прибывших к нему послов из разных стран.

Разговор Приска с послами Рима дает понятие о могуществе Аттилы, которого страшился весь известный в то время мир.

«Ромул, посланник Рима, человек, бывший во многих посольствах и приобретший большую опытность, говорит, что счастье и могущество Аттилы до того велики, что, увлекаясь ими, он уже не терпит ни малейших противоречий, как бы они справедливы ни были. *Никто из царствовавших до сих пор в Скифии* и других государствах, – продолжает Ромул, – *не произвел столько великих дел и в такое короткое время, как Аттила.* Его владычество простирается на острова, находящиеся на Океане, и не только народы всей Скифии, но и римляне – данники его. Не довольствуясь и этим, он намерен распространить свою державу завоеванием Персии. Мидия недалеко от Скифии. Гуннам уже известна дорога туда: уже они ходили по ней, когда у них свирепствовал голод. Римляне заняты были другой войной и не могли воспрепятствовать им. В то время Васой и Красой³¹⁴, происходящие от рода царей скифских, предводительствуя многочисленным войском, проникли в Мидию. Это те самые, которые впоследствии приезжали послами в Рим для

заклучения союза. По рассказам их, миновав в этот поход степи и переправаясь через озеро (Меотиду), они перешли через горы (Кавказские) и в пятнадцать дней достигли до Мидии. Собравшееся многочисленное войско персов принудило их возвратиться в свою страну по другой дороге (мимо Баку на Каспийском море).

«Таким образом, – продолжал Ромул, – Аттиле нетрудно покорить мидов, парфов и персов. Военная сила его так велика, что никто против нее не устоит. Мы молим Бога, чтобы Аттила обратил оружие свое на персов».

«Но я боюсь, – заметил Константиол, – что, покорив мидов, парфов и персов, Аттила возвратится назад владыкой Рима, откажется от достоинства стратига, которым почтили его римляне, и велит величать себя кесарем. Он уже сказал один раз в гневе своем: “Полководцы вашего кесаря рабы его; а мои полководцы такие же цари, как и ваш кесарь. Во знамение побед Бог дал мне (в наследие) священный меч Аррея”»³¹⁵. «Этот меч уважается скифскими царями, как посвященный богу войны. В древние времена он исчез, но ныне обретен снова *туром*».

Обратимся теперь к угощению послов в столовой избе Аттилы.

«В назначенное время вместе с послами Западной Римской империи мы предстали Аттиле при входе в столовую. Здесь кравчие, по обычаю страны, поднесли нам кубки, чтобы и мы перед трапезой совершили молитву *во здравие*³¹⁶. Испив чашу, мы пошли на назначенные места к столу. Седалища были расположены у стен по обе стороны палаты. По средней (за особенным столом) сидел Аттила в креслах; позади его, на возвышении в несколько ступеней, было место царское под пологом из разноцветных тканей, подобно употребляющемуся над брачными ложами у римлян и эллинов.

Первостепенные места были за столом по правую сторону царя; мы же сидели с левой стороны. Выше нас

сидел Борич³¹⁷, знатнейший из скифов. Онигис сидел на седилице по правую сторону царского места; напротив него два сына Аттилы. Однако же старший сидел рядом с ним, в некотором расстоянии³¹⁸, но на возвышении, склонив почтительный взор пред отцом.

После описания заздравного пития Приск продолжает: «Отличные яства подавались всем на серебряных блюдах; но перед Аттилою поставлено было медное. Он был умерен во всем. Гостям подносились золотые и серебряные кубки, а его чаша была деревянная. Одежда его была также ненарядна и не отличалась ничем от прочих, кроме простоты. Ни висящий при боку меч, ни тесьмы варварской обуви, ни конная сбруя не были украшены золотом, камнями или какими-нибудь драгоценностями, как у всех прочих присутствовавших скифов.

С наступлением вечера, когда зажжены были свечники, явились два певца и начали прославлять подвиги Аттилы. Все гости обратили на них внимание. Одним нравилось пение, другие одушевлялись, припоминая воспеваемые битвы; старцы же, изнуренные бременем лет и смирившиеся уже духом, проливали слезы. После певцов выступил на поприще шут и разными выходками произвел всеобщий смех.

В заключение появился *Харя Мурин* (Ζέρκων ο Μουρούσιος)³¹⁹. Странный по наружности и одежде, по голосу и телодвижениям, он смешивал в речах своих романский, гуннский и готский языки и уморил всех со смеху».

Г. Гизо очень справедливо заметил, что этот Мурин был не что иное, как арлекин. Прииск не понял арлекинады и принял жалобы Мурина, разлученного со своей голубушкой (*Columbina*), за истинное событие.

«Во время этих представлений только Аттила не обращал на них внимания; с улыбкой довольствия смотрел он на стоявшего подле него младшего сына, называемого Ирном³²⁰, и ласково трепал его по щеке».

На следующий день послы отправились к Онигису просить об отпуске в возвратный путь.

«Онигис держал совет с прочими сановниками и сочинил письма от имени Аттилы к императору. При нем были писцы, и в числе их Рустиций, родом из Верхней Мизии. Он был взят в плен, но по отличным способностям употреблен Аттилою для сочинения писем».

Между тем царица поручила дворецкому своему Адамию (Ἀδάμεις) угостить послов обедом. «Мы пришли к нему вместе с некоторыми скифами, удостоены были благосклонного и радужного приема и угощены вкусными яствами. Все присутствовавшие на обеде, по обычаю скифского приветствия, привставая, подносили нам наполненные чаши, обнимая и целуя нас поочередно».

На другой же день после этого у Аттилы был отпусковой²²¹ обед для послов. В этот раз подле царя за столом сидел не старший сын его, а *Воибор* (ὨἸβάρσιος, Oebersius, Oebar), дядя его по отцу.

По прошествии трех дней посольство, одаренное Аттилою, отправилось обратно. С ним поехал *Борич*, знаменитый вельможа, обладавший большими имениями в Скифии и бывавший уже послом в Константинополе.

Изложив вкратце отрывки из отрывков Приска, поясняющих бытие Киевской Руси в V веке, обратим внимание на *Русь Испании и Мавритании*, или так называемое *Вандальское царство*, и заключим очерком победы, одержанной Аттилою над соединенными силами римлян и визиготов. Первым проницательным взглядом на Кatalаунскую битву история обязана г. Венелину.

VIII. Кatalаунская битва

Когда Римская империя обратилась в двуглавую, два близнеца не могли одинаково благоденствовать; близнец

фракийский был ближе к сердцу матери, близнецу Италии суждено было исчахнуть. Римское оружие не страшно было уже славянам: они прочно оградилась от Рима и Византии Рейном и Дунаем и только при нарушении договоров вели наступательную войну. В это время, как мы видели, развилась на севере Германии чуждая всему организму Европы сила, переносющаяся из места в место, как зараза. Эта сила была соблазнительный для условий гражданской жизни *деизм*.

«В IV веке, – говорит Венелин³²², – готы утвердили было над славянами свое владычество, и кто знает, куда они распространили бы свою власть, если бы им не воспрепятствовали гунны.

В исходе века почти вся Русь была уже освобождена; русы преследовали готов до самого Дуная и принудили их искать убежища в пределах Империи. Дакия, со времен Траяна отнятая у Руси, ей возвратилась³²³.

В Аттиле Древняя Русь дождалась человека необыкновенного ума, отличного политика, искусного игрока обстоятельствами, который привел внутренние ее силы в движение. Римляне предвидели опасность, которую не было средств отворотить иначе как коварным посягательством на жизнь Аттилы. Для этого средства нашлись при византийском дворе пресмыкающиеся души; но злодейство не удалось».

В 450 году Феодосий II скончался, оставив после себя одну дочь. Сестра его Пульхерия, приняв кормило правления, должна была избрать в соправление себе мужа, и выбор пал на Марциана, одного из воевод, который во время войны против вандал (русов) африканских взят был в плен Гейзериком, но освобожден на условии не воевать против вандал.

Аттила, получив известие о перемене, произошедшей в византийском правительстве, отправил в Константинополь посла с требованием возобновить договоры; но

в то же самое время Аттила объявил и разрыв с Западной империей в защиту вандал³²⁴ (русов Испании), которых Рим общими силами с готами аквитанскими намерен был истребить, пользуясь походом Гейзерика со всеми силами в Африку для покорения Мавритании.

Марциан также намерен был воспользоваться этим разъединением сил русских и медлил утверждать договоры Феодосия с Аттилой и даже обещал помощь западному императору Валентиниану III против Аттилы.

Рассмотрим предварительно, насколько возможно понять из смуты преданий, начало Вандальского (Славянского) царства в Испании и Африке.

Исконные племена (исключая древней колонизации иберов, или гебров), населявшие Галлию и Испанию, принадлежат к тем же племенам, которые составляли во всей Европе первый, коренной слой населения. Сначала они, может быть, были под некоторым влиянием финикийских и эллинских промышленных колонизаций по побережьям; но существенно независимость исторгнута у них оружием Рима. Под постоянной стражей легионов они не могли благоденствовать: в течение шестисот лет не сроднились с римлянами, и в 409 году по Р.Х. встретили славянскую русь (вандал, алан и свевов) с радостным, родственным чувством.

Из древней «Истории балтийской» Дации, или Дании, заключавшейся в острове Зеланде, мы знаем, что славянские земли при р. Эльбе и по побережью Балтийского моря, прозванные готами Вандалией, были покорены злодейским образом Фродо III. По Иорнанду, этот покоритель вандалов назывался Гебериг (Berig). Но окончательным покорением Вандалии и присоединением к Дании Фродо III³²⁵ обязан воеводе Эрику, и нет сомнения, что в предании, дошедшем до Иорнанда, имена Berig и Rerik заменены одно другим. По сказанию Иорнанда, вандалы и аланы удалились от насилия Геберика в Галлию, а потом

в Испанию: «Там, – говорит он, – припоминали они все зло, которое, по рассказам отцов их, причинил им готский король Геберик, изгнав из родной земли»³²⁶.

«Оставившие за Рейном родную землю свою, вандалы и свевы вступили в Галлию под предводительством Радогастя (Radagast); по сказанию истории, римляне при помощи готов разбили Радогастя и взяли его в плен. Это было в 406 году.

Но в 407 году бургунды и франки последовали за вандалами, свевами и аланами в Галлию и там водворились»³²⁷.

«Хотя, по одним сведениям, вандал и свевов немедленно же разбили наголову и истребили бы совершенно, если бы к ним не пришли на помощь аланы; но зато, по другим сведениям, они успели восстановить древнюю землю родичей, известных под именем венетов, и не прежде как через два или три года отправились освобождать и Испанию от ига римского»³²⁸.

«Ущелья Пиринеев не помогли римлянам воздержать славянскую Русь. Годеч³²⁹ со своими вандалами или вендами, какой-то Respendial, а по другим Атах с аланами, а Яромир³³⁰ со славянами (Suevi), перебрались через горы, прошли победоносно вдоль и поперек полуострова и «не только не встретили в жителях сопротивления и враждебных чувств к себе, но, напротив, варвары встречали повсюду с распростертыми объятиями, как избавителей от тяжкого ига римлян»³³¹.

Очистив Испанию от войск римских и загнав их в Таррагонию, покорители разделили ее на три области: *на Галицкую*, по реке Тур (Durius); *на Лужицкую* – между реками Тур и Тугой (Tagus), и, по названию римлян, *на Вандалию (Vandalicia)*, которой жители были *silingi* (словенцы), и которая составляла, без сомнения, собственно Русь, удельную великокняжескую область.

«Мир уже начинал приносить плоды свои, и жители, казалось, предпочитали новую судьбу свою постоянному

и холодно-обдуманному игу римлян, но новый поток варваров, выходцев с востока, нахлынул на них»³³².

Эти новые варвары, выходцы с востока, были визиготы, вызванные Римом на свою голову. Император Гонорий, в 411 году уступив им во владение Аквитанию, обещал пожаловать даже и Испанию, если только они умно помогут ему выжить оттуда вандал.

Здраво обдуманная цель Гонория состояла в том, чтобы враждебные между собой варвары, славяне и готы загрызли друг друга насмерть; заботу же похоронить их и торжественно отпраздновать победу над врагами Рима он брал на себя.

Это предназначение вполне бы удалось, если бы новые владетели Аквитании решились на дело без глубокой обдуманности и не употребив прежде оружия орудия более тонкие, острые и более верные. Прошло года четыре; Валлий, конунг готов, все еще был в затруднении, с кем выгоднее держать дружбу, с римлянами или с вандалами. Не зная, которая сторона была лучше, он решился с народом своим бежать от той и другой в Африку и основать там новую Готию. Это было уже предположением Аларика. Посадив всех визиготов на корабли, Валлий пустился по океану; но, к несчастью, буря прибила его корабли обратно к берегам Аквитании. По воле Одина надо было оставаться в Европе и снова обдумывать, с кем вести дружбу, с римлянами или с вандалами.

Прошло два года – последовало решение. Валлий произнес к своему войску следующую речь: «Непобедимые готы, куда бы ни пожелали вы направить свои стопы, от далекого севера до краин юга, повсюду вы пробивали себе дорогу оружием; ничто не останавливало вашего торжественного шествия: ни пространство, ни климат, ни горы, ни реки, ни дикие звери, ни даже многочисленные и храбрые народы. Но вот в каком положении мы теперь: вандалы, аланы и свевы осмеливаются нападать на нас с

тылу, тогда как римляне угрожают нам спереди. От вас, храбрые воины, зависит теперь решать, на кого из них подымать оружие. В победе вашей я уверен; но стоит ли терять время на сражение с трусами-римлянами, не лучше ли избрать врага, достойного вас?»

После этой речи можно было ожидать, что Валлий пошлет послов к странам вандалским, глаголя «хочу на вы ити», но, напротив, прошел год и даже два в употреблении вместо оружия более надежных средств. Эти средства, вероятно, удались, потому что между славянскими владетелями Испании завязались несогласия, и, как говорит история Испании, «Валлий, прежде чем вести явную войну против германов, поселившихся в Испании, употребил хитрость: тайно схватил одного из князей вандалских по имени Fredibal³³³ (?) и послал его к императору Гонорию, как пленного, взятого с бою на поле победы. Рим всплескал. Решено было Гонория почтить триумфом. Подобно победоносцу во времена славы Рима, он вступил в него при торжественных возгласениях побед над свевами, над синлингами, над аланами и вандалами. Имя полководца Валлия также озарилось славой героя.

Между тем визиготы, «утомясь быть римским орудием для покорения и истребления германских племен в Испании, заменили меч плугом и занялись мудрыми постановлениями и заботами о возделывании данной им земли».

В продолжение нескольких лет Испания, обладаемая вандалами, была спокойна. В руках Рима оставалась только Таррагонская область; границей были горы по правому берегу реки Эбро. Но отказаться от надежды изгнать варваров из Испании было постыдно, и римляне выжидали удобного времени.

По смерти Валлия в конунги визиготов избран был Теодорик³³⁴, который славился мужеством и силой.

Здесь следует заметить, что римляне и греки часто давали имена предводителям варваров наобум, преобра-

зовывая их по-своему, смешивая царей с полководцами и относя события и к живым, и к мертвым. По сказанию Прокония Кесарийского, Испанию покорил не Годорик³³⁵, а Годигисл³³⁶. Годорик и Гейзерик были его сыновья. Годорик мог и при отце начальствовать войском. Но, по Проконию, впад при дворе в немилость, Бонифаций, римский правитель африканских областей³³⁷, приглашает Годорика и Гейзерика завоевать Мавританию. Нет сомнения, что это призвание было не что иное, как клевета завистника и врага его Эция. Из всего же этого следует, что покорение Африки начал Годорик.

Во время этого-то отсутствия главных славянских сил римляне заключили условие с Теодориком Визиготским, чтобы он напал на северные области Испании, между тем как Comes Asturius, Maurocellus и Castinus будут действовать на юге. Отрезанная область славян, Галиция, должна была покориться и признать себя данницей Рима. Silingi дрались на смерть. Аланы держались, покуда Годорик, возвратясь из Африки, не разгромил сил римских. В Испале³³⁸, однако же, Годорик «*daemone correptus interiit*»*. Его подвиг докончил Гейзерик: загнал римлян за горы, в Таррагонию, изгнал визиготов из Галиции, и вслед за этим отправился с 80 000 войска в Мавританию, разбил Бонифация и основал там могущественное государство.

Иорнанд описывает Гейзерика³³⁹ следующим образом: «Он был среднего роста и хромал от падения с лошади. Глубокий в своих предначертаниях, говорил мало, ненавидел роскошь, грозный в гневе, страстный к приобретению, прозорливейший в сношениях с народами, он предусмотрительно умел бросать, где нужно, семена раздора и тушить ненависть. Таковым он вступил по просьбе Бонифация в Африку, где, как говорят, приняв по изволению божескому власть, долго царствовал и перед смертью собрал вокруг себя своих сыновей и положил совет

* Сокрушил поверженного демона (*лат.*).

между ними: жить в мире и любви, наследовать царство по ряду и череду старейшему»³⁴⁰.

Истощенный Рим продолжал пытаться время от времени, нельзя ли вырвать Испанию из рук славян, но все попытки были тщетны, тем более что надо было защищать Галлию от притязаний Теодорика Визиготского, который, имея шесть сыновей и две дочери, считал необходимым при таком огромном семействе распространить свои владения если не вправо, так влево.

Оружие не брало ни в ту, ни в другую сторону, а между тем на руках две дочери-невесты; надо было подумать о выгодных союзах. В дряхлом Риме нечего было и искать достойных женихов; и потому Теодорик обратил внимание на Испанию, где было столько русских князей и царевичей. Какими путями совершилось сватовство, неизвестно; но одна дочь Теодорика вышла замуж за князя Галиции, а другая за Онориха (Унериха, Гуперика), т.е. Яна, сына Гейзерика – великого князя, господаря или жупана Испанской и Африканской Руси. В подробности семейных отношений Гейзерика история не входила; известно только, что прекрасная невестка имела намерение его отравить и что он, по русскому обычаю, наложил печать преступления на лице ее, – вырвал ноздри, окорнал уши и отправил к отцу³⁴¹.

Оскорбленный Теодорик решил мстить. Первым его делом было изъявить преданность свою императору Валентиниану и снискать дружбу римского полководца Эция (Aetius), который два раза наказывал его за покушения распространить свои владения за счет римлян, пользуясь смутами Империи после смерти Гонория.

Должно упомянуть, что в то же самое время Хладой³⁴², воевода франков, живших по Неккеру между Рейном и Дунаем, внезапно умер. Эций успел посеять раздор между его сыновьями и, вопреки прав Хладивоя³⁴³ на наследство, способствовал взойти на престол младшему бра-

ту Мировою, приверженцу римлян, тем более что Хладивой держался родственной русской стороны.

Этот верный союз с воеводой франков давал Риму новые надежные силы, и Теодорику легко было склонить Валентиниана на новый опыт похитить Испанию из рук Гейзерика. К заключенному союзу присоединился двор византийский и смело отказал Аттиле возобновлять договора на постыдных условиях Феодосия II.

Гейдерик, предвидя трудную борьбу, уведомил Аттилу о поднимающейся грозе на Западную Русь. Аттила махнул рукой на отказ Византии и пошел навстречу грозе со своей Восточной Русью, но предварительно написал к императору Валентиниану, чтобы он не мешался в расправу его с визиготами, как беглецами из подданства русов; а к Теодорику – чтоб он не надеялся на союз с римлянами против славян Испании и Африки. Теодорик задумался и готов был, как увидим ниже, вложить меч в ножны вопреки Иорнанду, который дал иной толк посольствам Аттилы.

Сидоний, епископ Арнвернский в Галлии, современник Аттилы, пишет, что за ним последовали *gugii*, то есть русь, *geloni* – волынь, *geruli* – лужичи, и *turingi* – турича. У Рейна присоединились франки и бургунды³⁴⁴, соседи аллеманов, живших по озеру Леману³⁴⁵, в Савойи, где собирались в свою очередь римские войска.

7 апреля 451 года войска Аттилы в числе 500 000 переправились несколькими путями через Рейн, и все пограничные крепости римлян мгновенно были взяты³⁴⁶. Сопrotивления Мировоя (*Merovée*, *Merowig*) были тщетны; в Треве взяты в плен его жена и сын; но Аттила отпустил их. Направление всех сил его, без сомнения, было на Аквитанию, на соединение с шедшими из Испании войсками Гейзерика, который не мог же в общем деле с Аттилой оставаться в бездействии, хотя история о нем и молчит.

«Теодорик, повелитель готов, – говорит г. Венелин, – струсил, и в то самое время, когда ему надлежало двинуть-

ся вперед для приостановления дальнейших движений неприятеля и поддержания ослабевшего Мироя, отправил нарочного в главную квартиру Аттилы с просьбою о перемирии. Аттила согласился». Между тем Эций, действовавший решительно, дал уже повеление римским войскам, шедшим из Савойи, Пьемонта и Милана, ускорить ход в Южную Галлию и соединиться в оной с готами – а готов нет. Эта медленность поразила Эция. Посылают к Теодорику узнать причину этой медленности, торопят его. Теодорик представляет законную причину, что он вступал в союз с римлянами против Гейзерика, а в дела их с Аттилой вмешиваться не намерен. Посылают к Теодорику снова убеждать, доказывать необходимость взаимного восстания против общего врага. Теодорик стоит твердо, неуклонно от здраво обдуманного своего решения³⁴⁷. Наконец Эцию приходит счастливая мысль отправить к нему сенатора Мечилия, хитрого, искусного и счастливого политика, который пользовался приязнью и величайшей доверенностью Теодорика. Он жил уже на покое в роскошной своей вилле Avaticum, в горах Арвернии (monts Cantal), устроив на берегу одного озера великолепную теплицу³⁴⁸.

«Готы, – говорил ему Эций, – смотрят на все твоими глазами, слышат твоими ушами; в 439 году ты указал им мир, теперь укажи войну».

Мечилий, опасаясь и за свою роскошную виллу, которая лежала на пути Аттилы, тем охотнее принял поручение и успел. Теодорик не мог устоять против мудрых представлений своего друга.

Где поля *Maugiacii*, или *Catalaunici*, на которых Аттила сосредоточил свои силы, наверно неизвестно. Но до этого сосредоточения сил случилось еще следующее происшествие. По объявлении латинских легенд, Аттила был необыкновенно как прост в военном деле. Обложив Орлеан, называвшийся в то время *Genabum*, пятьюстами тысячами, с апреля месяца до половины июня он бил в

стену бараном, покуда осажденные не увидели с дозорной башни взвивавшуюся по дороге пыль, блеск римских орлов и развевающиеся знамена готов, которые, по Григорию Туровскому, *ad civitatem accurrunt**. Это внезапное появление, само собою разумеется, должно было поразить и Аттилу и все 500 тысяч его войска. Началась битва подле моста и в городе. Гонимые из улицы в улицу и поражаемые камнями из окон домов, гунны не знали, что делать – *ne suvait que devenir***; но Аттила, однако же, нашелся: затрубил к отступлению, и «таков был, – говорит Тьерри, – день 14 июня, спасший просвещение Запада от конечного рушения».

После этого счастливого дня, когда римляне и готы общими силами спасли и просвещение, и Орлеан от какого-нибудь передового отряда, Аттиле никто не мешал сосредоточивать свои силы или при *Mézi-sur-Seine*, которое Тьерри, следуя мнению *Valois*, утвердительно называет *Maugiacum*; или при Шалоне (*Châlons*), который столь же утвердительно все называют *Catalaunum*; или между тем и другим, при Фер-Шампенуа; или при каком-нибудь из многих *Châtillons*; или, наконец, как полагают некоторые, при *Mogiac*, в области Арвернской, у подошвы гор *Cantal*, близ виллы и теплицы Мечилия.

История не знает положительно, где и как было дело и кто его выиграл, но зато подробно знает, что происходило не только в шатре, но в душе Аттилы.

Во-первых, он провел всю ночь в страшном, невыразимом беспокойстве и волнении духа³⁴⁹; во-вторых, гадал у какого-то пустынника и, не удовольствуясь его предсказаниями, где-то добыл шамана, заставил его вызывать с того света души покойников и, сидя в глубине своего шатра, следил глазами за его безумным кружением и вслушивался в его взвизгивания³⁵⁰.

* Прибывали в государство (*лат.*).

** Не знали, что произойдет (*фр.*).

Не удовлетворившись и вызовом теней, исторический Атила начал раскладывать внутренности животных и рассматривать кости баранов. Кости предвещали ему не победу, а отступление. Наконец обратился к своим придворным жрецам. Жрецы порадовали его несколько, объявив, что по всем знамениям, хотя победа будет не на стороне гуннов, но зато неприятельский вождь погибнет в битве.

Словом, Атила исполнил все в угоду своему историку, чтобы походить на монгола, хотя наружность его, описанная Иорнандом по сказкам – средний стан, грудь широкая, голова большая, глаза малы, борода редка, седые волосы жестки, нос вздернут, лицо смугло, – столь же походила на монгольскую, сколько, по описанию Льва Диакона, дикая, мрачная наружность Святослава, который также был среднего роста, плечист, курнос, глаза голубые, следовательно, небольшие, борода бритая, и длинные висящие усы, которые можно было принять за бороду Конфуция.

По предсказаниям, Аттиле не следовало бы вступать в сражение из-за верной потери сражения, но, вероятно, ему хотелось, по крайней мере, убить Эция, которого он ненавидел. И вот, после томительной ночи, наутро, Атила «исполчи дружину свою, и встает с кыяниями впереди», именно для того, замечает Иорнанд, что в середине безопаснее.

В числе многочисленных полков подвластных ему народов, составлявших крылья рати, по сказаниям же острогота Иорнанда, особенно были замечательны остроготы Велимира, Тодомира и Видимира и бесчисленные дружины гепидов³⁵¹ под начальством Ардарика.

«Из всех подвластных князей (*reges*), – пишет беспристрастный, по собственному его уверению, Иорнанд³⁵², – Атила предпочитал Велемира и Ардарика. Велемира – за ненарушимую преданность³⁵³, а Ардарика – за верность и ум. Следуя за Атилой против визиготов, своих сродников, они оправдали его доверенность».

«Толпа иных князей (*turba regum*) и воевод различных народов следили, подобно спутникам светила, за малейшими его движениями, и по знаку, поданному взглядом, приближались к нему со страхом и трепетом; получив же приказание, торопились исполнять его».

Этих слов Иорнанда достаточно, чтобы понять, что в войске Атиллы соблюдалось благочиние, без сомнения, более надежное, нежели римская *disciplina*, водворяемая и поддерживаемая посредством *fascēs*, или связок розог, которые *fascigeri* несли за войском.

Построение войск Эния было следующее. Сам он начальствовал над левым флангом, состоявшим из римских легионов. На правом фланге стоял Теодорик с визиготами. Бургунды же, франки, венды Поморья (*Armoſica*) и аланы галльские помещены были под начальством Сангибана³⁵⁴ в центре, и именно с тою целью, чтобы верные фланги сторожили над неверным центром, потому что Санко, бан аланский, и все полки его были в сильном подозрении, тем более что северо-западные области Поморья (*Armoſica*) и луги Галлии (*Lugdunensis prim. sec. et tert.*), населенные покоренными Цесарем вендами, или славяно-русами, с трудом были усмирены в 445 году Эцием при общем движении славян к освобождению себя из-под ига римского.

О победоносных действиях сколоченного таким образом автомата, носившего название римско-визиготской армии, следовало бы беспристрастным историкам по всей справедливости умолчать; даже потому, что «все сведения о битве с Атилой передавались потомству людьми мирными, *de profession civile ou ecclesiastique**, далекими от знания военного искусства»³⁵⁵, а главный исток этих сведений был Кассиодор³⁵⁶, слышавший их из уст самих готов, участвовавших в Каталаунской битве.

Не ручаемся за достоверность длинной речи, которую Атила произнес к войску перед вступлением в бит-

* Гражданской или религиозной профессии (*фр.*).

ву и которой краткий смысл состоит в том, что римляне трусы и что главную их силу составляют визиготы, но замечательно то, что Аттила после речи по русскому обычаю первый бросил копьё в неприятеля; и на этот знак, без сомнения, дружина также отозвалась, как Святославу: «Князь уже почал, потягнем, дружино, по князи!»

И эта дружина бросилась вперед, пробила центр неприятельской армии, отрезала визиготов от римлян и надела на них. «Теодорик носился перед рядами своих войск, возбуждая их мужество, но конь его споткнулся, и, по одним рассказам готов, он упал и был раздавлен своими на смерть; а по другим рассказам, острогот Андакс пронзил его стрелой».

«Смертью Теодорика, – говорит Иорнанд, – совершилось первое предсказание жрецов гуннских»; для исполнения же второго предсказания, что победа будет не на стороне Аттилы, историк готов, кажется, сам принимает начальство над визиготами и ведет их к следующей победе.

«Тогда, – говорит он, – визиготы, отделясь от алан³⁵⁷, ринулись на толпы гуннов, и, без сомнения, Аттила погиб бы под их ударами, если бы, руководимый благоразумием, не бежал с поля в свой стан, защищенный возами. Торисмунд, сын Теодорика, предполагая, что возвращается к своим, обманутый темнотой ночи, наткнулся на обоз неприятельский; храбро защищаясь, он был ранен в голову и сбит с коня; но бывшие при нем воины успели спасти его. Эций, в свою очередь, блуждал посреди темноты и неприятелей, после долгих поисков добрался наконец до стана своих союзников – визиготов – и простоял все остальное время ночи настороже в ограде щитов».

Такова победа над Аттилой. Аттила с наступлением ночи становится преспокойно на костях неприятельских войск станом; предводитель визиготов, возвращаясь без всякого сомнения из окрестностей сражения, ищет бедные остатки своих; Эций, военачальник римских войск,

тщетно блуждает в поиске остатков римлян. Казалось бы, погибла слава союзных войск в Каталаунской битве, и следовало ее схоронить, – нимало: с помощью Иорнанда западные историки взвалили труп ее на триумфальную колесницу и в торжественном шествии четырнадцати веков провозгласили победу над Аттилой и спасение просвещения от варваров.

Но dokonчим реляцию Иорнанда:

«На другой день, видя, что все поле покрыто убитыми, а неприятель стоит спокойно станом и ничего не предпринимает, Эций и его союзники не сомневались более, что победа осталась за ними. Однако же Аттила и после своего поражения сохранял наружное достоинство победителя и звуком труб и стуком оружия грозил новым боем».

После красноречивого сравнения Аттилы с грозным рыкающим львом, наводящим ужас на окруживших его охотников, союзники составили совет, чтобы решить, что делать с побежденным Аттилой, и решили держать его в осаде.

Эта осада началась с того, что Торисмонд, следуя совету опытного римского полководца, немедленно же отправился со своими в Аквитанию; римский же полководец отправился неизвестно куда, а побежденный Аттила, решив дела в Галлии, обеспечив Гейзерика в отношении визиготов, которые в залог покорности выдали ему Валтария³⁵⁸, юного сына Эммерика, племянника короля Торисмонда, пошел кончать дела с Римом в недрах Италии.

Император Валентиниан обратился с требованием помощи к Византии, вследствие чего войскам, расположенным в Иллирии, Македонии и Фессалии, повелено было идти на соединение с римлянами. Но Аттила предупредил это соединение движением рати дунайской, а сам явился перед Миланом (Mediolanum), взял его приступом и расположился станом при реке Минчио, в преддверии Италии. Здесь с повинной головой и явилось к нему по-

сольство Валентиниана, и сам Папа Леон преклонился перед Аттилой о пощаде Рима.

IX. Предания о женитьбе Аттилы, о смерти и обряде погребения

Если Аттила был *flagellum Dei**, то вместе с этим должно признать, что подвигами его руководило Провидение, охранявшее развитие христианства от явного деизма готов³⁵⁹, притаившихся рассеянно на островах Балтийского и Северного морей, и тайного деизма ариан-готов Паннонии и Аквитании. Ему предоставлено было рушить их вещественную силу, которая в лице Эрманарика подавила уже собой весь север и недра Европы и в лице Аларика проникла в Италию. Пусть решат, что было бы без ниспосланного Аттиле меча Арея, который у царей скифских почитался священным?³⁶⁰

Могущество Аттилы было необъятно. Со дня Каталунской битвы вся Европа была в его руках. Его Русь ограничивалась Северным океаном, Волгой, Каспийским морем, Кавказом, Черным морем, Гимаем, или Балканами, Адриатическим морем, Альпами и Рейном. Вся Галлия была под его зависимостью, Испания под его покровом, Римская империя – Восточная и Западная – платила ему дань.

Но Аттила не посягает ни на веру, ни на совесть подвластных.

После Каталунской битвы и покорности Рима история молчит уже об Аттиле; следовательно, дарованный им мир был прочен и договора свято исполнялись до 468 года, когда сыновья Аттилы прислали послов к императору Леону для возобновления договоров³⁶¹.

По расчетам же хронологии, основанным на сообщенном Иорнандом сновидении императора Марциана,

* Бич Божий (*лат.*).

Аттила умер в 454 году от лопнувшей жилы, именно в ту самую ночь, когда Марциану снилось, будто лопнула жила (тетива) у лука Аттилы.

Единственным историческим источником всех сведений об Аттиле от начала до конца его царствования были записки Приска; но эти сведения дошли до нас в жалких отрывках или выписках, внесенных Иорнандом в свою историю готов. Иорнанд же часто только скреплял свои собственные сведения именами известных историков.

По Иорнанду, *ut Priscus historicus refert**, Аттила под конец своих дней вздумал жениться на прекрасной Ildico³⁶², «имея уже множество жен, по обычаю своего народа».

Но следует заметить, что слова Приска «πλείστας μὲν ἔχων γαμετὰς ἀγόμενος δὲ καὶ ταύτην κατὰ νόμον τὸν Σκυθικόν»** относятся к описанию свадьбы Аттилы на дочери Эска (θυγατέρα Ἐσκάμ) во время шествия посольства в 447 году; а не к Ildico, которую Иорнанд почерпнул из рассказов визиготских о заложнице Ильдегонде³⁶³, сохраняя славянскую форму ее имени.

Из вариантов тех же сказок Иорнанд почерпнул и сведение о смерти Аттилы, будто он, развеселясь на свадьбе своей, так упился, что во время ночи кровь хлынула из горла и задушила его.

Мы уже упомянули, что, по переводам древних гренландских и исландских квид с непонятного языка на понятный, Аттилу убила Гудруна, на которой он женился по смерти первой жены (Негка). Но ферейская (*faeroeske*) форма имени *Gugin*, более близкая к славянской (Гурина, Йерина, Юрина, Йерка), обличает, что первая жена Аттилы Нерка, *Nerche*, *Neriche* носит одно имя со второй; а Нерка признается также за изменение *Helka*; следовательно, все подобные различия произношения одного и того

* Как сообщает историк Приск (*лат.*).

** Хотя у него было много жен, но он вел под венец еще и эту по скифскому закону (*греч.*).

же имени дают полное право историкам считать Аттилу за многоженца; хотя, по народному сказанию, он женится на второй жене после смерти первой³⁶⁴.

В старинной поэме о Нибелунгах, которой содержание почерпнуто из сборника русских народных сказаний («Vilkina-saga»), имя Гудруны³⁶⁵ в том же событии о гибели Нибелунгов заменяет Гримильда³⁶⁶; и это последнее имя, должно полагать, более достоверно.

Мы уже упоминали, что древние русские витязные песни и предания вместе с речью народа перелились в преобладающий язык, усвоились им как благоприобретенное достояние и послужили основой множества квид и саг.

«Vilkina-saga» составляет неоспоримо обезображенный временем первообраз сказаний о событиях в древнем великокняжеском русском роде. Разумеется, что собственные имена приняли форму чуждую, названия лиц и мест изменились по применениям, опискам и поправкам; сжатый, игривый, с присловьями и припевами слог растянулся в сухую, бесцветную прозу; словом, русская *жар-птица* изменилась в кованую *goldvögel*, а все *белые лебеди* – в *Schneeganse*.

Как ни искажены уже народные сказания в «Vilkina-saga», но, во всяком случае, коренное содержание их сохранилось.

Предание о мщении Гримильды не выдумка: молва о коварстве этой женщины разнеслась повсюду.

Различие рассказов в отношении участия в этом событии Аттилы истекало из двух источников: русского и готского. По рассказу народному, Гримильда поразила Аттилу своим поступком; а по квидам – кинжалом.

Изложим вкратце рассказ народный «о мщении Гримильды и погибели Нибелунгов».

«Аттила, князь Руси³⁶⁷, узнав, что премудрая и прекрасная Гримильда, жена Сигурда, овдовела, и будучи сам вдовцом, послал за своим племянником Остоем (Osid), что-

бы он прибыл в Киев (Hunaland), и отправил его в Новый Луг (Niflungaland) просить у короля Гано (Gunnar)³⁶⁸ сестру его себе в супружество.

Гано, по совещании с братьями Огняном и Яровитом³⁶⁹ объявил предложение Гримильде, которая со своей стороны изъявила согласие.

Аттила поехал сам в Ворницу (Worms), где и было совершено бракосочетание его с Гримильдой, с торжеством великим, после которого он возвратился с ней в свою столицу.

По прошествии семи лет однажды Гримильда завела с Аттилой разговор о своих братьях.

– Вот уже семь лет, – сказала она, – как я не видалась с братьями своими. Если б ты пригласил их к нам в гости... Кстати, скажу тебе, а может быть, ты уже и сам знаешь, что после Сигурда остались несметные богатства. Братья всем завладели, не уделили мне ни одной пенязи; а по праву все эти сокровища должны были достаться тебе, как приданое, вместе со мною.

– Знаю, Гримильда, – отвечал Аттила, – что все сокровища Сигурда, которые он приобрел, убив летучего змея, хранившего их, а также все наследство после отца его, Сигмунда, должны были нам достаться, но брат твой, Гано, наш добрый друг. Что же касается до желания твоего пригласить в гости братьев своих, то пригласи, мне приятно будет устроить для них пир на славу.

Гримильда тотчас же призвала к себе двух своих гуляров, снабдила их на дорогу золотом, серебром, богатой одеждой и добрыми конями; потом вручила им письмо с печатями Аттилы и собственной своей³⁷⁰ и отправила в Новый Луг звать братьев к себе в гости.

Их мать, королева Ojda³⁷¹, видела недобрый сон и не советовала им ехать. Огнян сказал:

– Ты помнишь, Гано, куда мы отправили Сигурда? Если не помнишь, так есть одно лицо в Киевской земле, которое нам это напомним. Это лицо – наша сестра.

Несмотря на эти предостережения, король Гано не хотел отказаться от приглашения Аттилы, и братья поехали, но взяли с собой тысячу человек отборной дружины.

Долго ли, коротко ли ехали они, но наконец подъезжают к столице Аттилы. Гримильда стояла на башне и, увидя их поезд, возрадовалась.

– Вот едут они, – проговорила она, – едут по зеленым лугам, в новой светлой броне, а во мне еще глубокие раны Сигурда.

Она бросилась навстречу братьям, обняла их, повела в палату, уговаривает сбросить броню, сложить оружие; но Нибелунги не разоблачаются.

Аттила радушно угощает гостей; а между тем Гримильда уговаривает Тодорика Бернского мстить Огняну и прочим братьям за смерть Сигурда, сулит ему золота и серебра сколько его душе угодно, обещает дать средства отмстить Эрманарику, который отнял у него владения, но Тодорик отвечает ей, что на братьев ее, как на друзей своих, он не поднимет руки.

Гримильда в отчаянии обращается к Владо, брату Аттилы, с тем же предложением. Владо отвечает, что не поднимет руки на друзей Аттилы.

Гримильда обращается к самому Аттиле.

– Привезли ли тебе братья мои золото и серебро? – спрашивает она его.

– Ни золота, ни серебра не привезли они мне, – отвечает Аттила – но, как гости мои, они будут радушно угощены.

– Кто ж будет мстить им за мою обиду, если ты не хочешь мстить? Не иссякло во мне еще горе по убитом Сигурде, задуши его, отмсти за меня, возьми и сокровища Сигурда и область Нибелунгскую!

– Жена, – отвечал Аттила, – ни слова больше о том, чтобы я коварно преступил родство и права гостеприимства. Здесь братья твои на моем ответе, и ни ты, и никто да не посягнет на их безопасность!

После трех неудачных попыток Гримильда с новыми слезами обратилась к Яреню (**Irung, Hirung**), **сотнику дружины** Владо, и предложила ему в награду щит, кованный золотом, и свою дружбу.

Ярень соблазнился ее предложением, снарядился сам и снарядил свою сотню воинов к бою.

Чтобы завязать раздор, изобретательная Гримильда употребила следующее средство. Когда все гости сидели уже за столом, она подозвала своего маленького сына Альдриана, указала ему на дядю Огняна и шепнула: если ты молодец, так дай оплеуху этому буке.

Мальчик так усердно исполнил приказание матери, что у Огняна хлынула из носа кровь.

Суровый Огнян вышел из себя.

– Это не твоя, молодец, выдумка, и не отца твоего, – сказал он, схватив Альдриана за волосы, – это выдумка твоей матери! – И с этими словами извлек меч из ножен, снес мальчику голову, швырнул ее на колени матери и прибавил:

– Здесь вино дорого, платится кровью; за первую чашу уплачиваю долг сестре!

Потом Огнян обратился к кормильцу Альдриана:

– Родительница получила свое, теперь надо расплатиться с воспитателем ее сына.

Голова кормильца покатила по полу.

– Кияне! – вскрикнул Аттила, вскочив с места. – Вставайте, вооружайтесь, бейте злодеев Нибелунгов!

Начался страшный бой, сперва в ограде³⁷², где было угощение. Нибелунги вырвались было из ограды на улицу пригородка, но их снова стеснили, и они засели в гридницу.

Против братьев Гримильды сражались поодиночно: Владо, Ратибор Белградский, или Булгарский (**Behelar, Belehar, Bakalar**), и Тодорик Бернский.

В бою с Тодориком король Гано был ранен, и его взяли и заключили в темницу.

Яровит сражался с Владо, братом Аттилы, и убил его. Гейза, младший из Нибелунгов, с Ратибором. Ратибор пал от меча-кладенца, который назывался Gram и которым владел Гейза. Но Гейза убит Годобратом (Hadubrath, Hildebrand), Яровит – Тодориком. Остается храбрый Огнян. Он также вызывает на бой Тодорика, с которым был в дружбе, но вызывает не на смерть, а на кабалу по жизни; с тем только, чтобы во время боя не называть друг друга по отчеству³⁷³.

После долгой битвы Тодорик с досады первый проговорился. Огнян, в свою очередь, назвал его *чертовым сыном*. Тогда Тодорик осwirепел, и из уст его пыхнуло пламя, от которого раскалилась кольчужная броня Огняна и загорелись палаты³⁷⁴.

Между тем как Тодорик хочет спасти совершенно изжаренного Огняна, срывая с него броню, Гримильда берет головню, подходит к плавающему в крови Гано и злобно пытается, не жив ли еще он; но Гано уже бездушен. Потом она подходит к юному Гейзе. Жизнь еще таилась в нем, но Гримильда засмолила головней уста его, и он испустил дух.

– Аттила! – вскричал Тодорик, увидя злодейство Гримильды. – Смотри на жену свою, как она мучит братьев своих! Сколько доблестных витязей погибло от этого демона! Она изгубила бы и нас вместе с ними, если б только могла!

И с этими словами Тодорик бросился на Гримильду и разнес ее мечом на полы.

– Если б ты убил ее за семь дней прежде, живы и здоровы были бы все эти храбрые мужи! – проговорил Аттила.

Сказание о мщении Гримильды братьям за смерть Сигурда заключается следующими словами: «В Бремено³⁷⁵ и в Мастаре³⁷⁶ рассказывали нам это предание разные люди, и все они хоть и не знали друг друга, но говорили одно и то же; все их рассказы согласны с тем, что и древние народные песни говорят³⁷⁷ о случившемся великом происшествии в этой стране».

Таким образом, «Vilkina-saga», которая и по замечанию своих издателей состоит частью из *славянских сказаний*³⁷⁸, изобличает северных скальдов в извороте предания, чтобы очистить память о Gudruna Gottiesk kona*.

Последний рассказ в сборнике составляет предание о кладе Сигурда и о смерти Аттилы; но это уже позднейший примысел, основанный на *русской сказке*, в которую вставлен Аттила в духе северных квид.

«После гибели Нибелунгов король гуннский Аттила продолжал царствовать в своем государстве. У него воспитывался Альдриан, сын Огняна, родившийся после его смерти»³⁷⁹.

Альдриан воспитывался вместе с сыном Аттилы, который любил его так же, как и сына. Альдриану настало уже 10 или 12 зим, а это, по северному счислению, есть уже возраст великих подвигов. Наследовав от отца тайну, где скрыты сокровища Сигурда, а вместе с тем и необходимость мстить Аттиле за смерть отца, хотя Аттила ни душой, ни телом не виноват в этой смерти, и даже, как видно из «Nibelungenlied», горько плакал по Огняне (Hogni).

Однажды Аттила поехал на охоту; Альдриан, бывший с ним, завел следующий разговор:

– Как думаешь ты, король, велики ли сокровища Сигурда, которые называются Nibelungen Hort**?

– Сокровища, которые называются Nibelungen Hort, – отвечал Аттила, – заключают, как говорят, столько в себе золота, сколько ни одно государство никогда не имело.

– А кто хранит это сокровище?

– А почему же я знаю, кто его хранит, когда не известно, где оно и хранится?!

– А чем бы наградил ты того, кто укажет тебе где это сокровище хранится?

* Готской княгине Гудруне.

** Сокровища Нибелунгов.

– Я его так бы обогатил, что другого богача не нашлось бы во всем моем царстве.

– Так я же тебе покажу, где этот клад скрыт. Поедем; но только вдвоем, никто не должен следовать за нами.

Разумеется, что Аттила согласился. Поехали. Долго ли, коротко ли они ехали, но наконец приехали в некую дебрь; посреди дебри гора, в горе двери под замком. Альдриан отпер двери ключом; за этими дверями отпер вторую дверь, потом третью. Открылось сокровище. Тут *груды золота, там кучи серебра*; в одном углу навалены горой *драгоценные камни*, в другом *оружие, кованное золотом*. Аттила окаменел от изумления.

А между тем Альдриан вышел, захлопнул двери, запер на замок и крикнул к Аттиле, что он может удовлетворять теперь сколько угодно неутолимую свою жажду к золоту и серебру.

Завалив камнем вход, Альдриан отправился в *Nibelungenland*.

Кто взлелеян и взрос под говором русских сказок, и даже кто знает только те из них, которые напечатаны по рассказам плохих сказочников, тот поймет, в каких отрепьях ходят они с **VIII столетия по настоящее время** посреди чужих.

Обратимся к истории, к рассказам Приска, к несчастью, сокращенным Иорнандом и, без всякого сомнения, переименованным, как описание столицы и дворца Аттилы.

«Придворные (на другой день после свадьбы), тщетно ожидая выхода Аттилы, решились войти в опочивальню царя и застали его уже мертвым, задушенным приливом крови. Подле ложа сидела Ильдица, под покровом, склонив голову и обливаясь слезами. Тогда, по народному обычаю, они обрезают часть волос своих и терзали лицо свое, чтоб оплакать величайшего из героев не слезами и воздыханиями, подобно женам, но кровью, как следует мужам».

«Мы должны описать, хотя вкратце, каким образом по обычаю страны совершился обряд его погребения. Тело его перенесли торжественно в чистое поле и положили под шелковым шатром, чтобы все могли его видеть. Потом знаменитые из витязей гуннских совершали вокруг шатра скачку, как в играх посреди цирка, и воспевали славу и подвиги умершего»:

«Великий³⁸⁰ царь гуннов, Аттила Мечеславич³⁸¹ (*patre genitus Manzuchius*), великого народа господарь (*fortissimum gentium dominus*), с неслыханным до него могуществом, царств Скифии и Германии единодержец (*solus possedit*); поражая ужасом Западный и Восточный Рим, многочисленными покоренными градами не предавал на расхищение, но милостиво облагал ежегодной данью. Совершив благополучно царствование в мире внешнем и внутреннем посреди благоденствия народа, отошел с миром от сей жизни. Но умер ли тот, на ком никто не ищет возмездия?»

Настоящий смысл этого *santo funebro** надо искать в обычном слове при гробе древних русских царей, которое должно было заключаться приблизительно в следующем:

«Великий государь, царь и великий князь киевский, Аттила Мечеславич, всея Великия Руси самодержец, и многих восточных и западных земель отчич, дедич и наследник... Многая государства и земли мечом и милостью в подданство приведе... и вся окрестные государства имени его трепеташа, и всю землю Русскую немятежно устрои и от иноверных крепко соблюдение, и вся земля Русская при нем, великом Государе, всеми благами цветяше, и имя его славно бысть во всей вселенной. Свершив же лета жития своего, от земного царства отыде в жизнь вечную».

«Выразив, таким образом, свое отчаяние, – продолжает Иорнанд, они совершили на могиле его великий пир, называемый у них *страда*, предаваясь попеременно противоположным чувствам и вмешивая разгул в печаль-

* Похоронная песнь (лат.).

ный обряд. *Во время ночи прах Аттилы был тайно предан земле (?)*; его положили в три гроба: первый был *золотой*, второй *серебряный*, а третий *железный*. Вместе с ним положили оружие, ожерелья из *драгоценных камней* и разные царские украшения. Чтобы скрыть все эти сокровища от похищения, они убили всех прислужников, бывших при погребении».

Из свода преданий «*Vilkina-saga*» со сказанием Иорнанда становится понятно значение *трех дверей*, захлопнутых навеки, и значение клада (золота, серебра, оружия и драгоценных камней), оберегаемого Сивой Харинна (Храном)³⁸² в обители его, называемой махалайн.

С намерением или без намерения, Иорнанд забыл упомянуть об обычном у русов сожжении тел и вложении праха в *горн* или *урну*³⁸³.

Обычай сожжения у славян залабских, то есть живших между Рейном и Эльбой³⁸⁴, и которых летописцы называли и вендами и гуннами, продолжался еще в VIII столетии; в России же до принятия христианства Владимиром Великим.

Чтобы пополнить и пояснить сведения Иорнанда о погребении Аттилы, мы сведем несколько описаний обряда сожжения, существовавшего у древних русов.

Упоминая о *Белоруссии* (*Witland, Whiteland*) и славянах привисловских (*Weonothland, Winothland*), англосаксонский король Алфред в исходе IX столетия пишет в своих географических сведениях:

«У этих народов странный обычай. Когда кто-нибудь умрет, вся родня и знакомые хранят тело его до сожжения, в продолжение месяца, двух и даже до полгода, если умерший был князь или какой-нибудь знаменитый человек. Тело лежит в доме, распростертое на земле (?). Во все это время родня и приятели покойного пьют и веселятся до самого дня сожжения тела. В этот день несут его на костер; потом делят имущество его на пять или шесть ча-

стей, а иногда и больше, смотря по ценности. Все эти доли размещаются на кон за городом, на разных расстояниях; лучшая – далее, меньшей ценности – ближе. После этого приглашают из окрестных мест всех тех, у кого есть отличные лошади для участия в скачке. Кто первый перегонит прочих, получает дальнейшую и лучшую долю. Таким же образом приобретаются по очереди и прочие доли. Этот обычай составляет причину дороговизны в этой стране отличных скаковых лошадей. Когда все имение покойного разобрано с кону, тело его выносят из дому для сожжения вместе с его оружием и одеждой».

Ибн-Фадлан, описывая обычаи русов, которые становáли при разъездах по Волге на восточных берегах ее, между прочим упоминает и об обряде сожжения умерших князей и воевод их:

«Желая видеть сам этот обряд, я узнал наконец, что умер один из их знаменитых мужей. Тело его лежало в шатре в продолжение десяти дней, во время которых они предавались печалованию³⁸⁵ и покуда изготовлялась для покойника одежда. Если умерший был бедный человек, то они просто кладут его в колоду и потом сожигают по обряду. Если же покойник богат, то разделяют его имущество на три части. Одна часть поступает в наследие его семье, на другую шьют ему (новую) одежду, а на третью покупают горячих напитков, чтобы пить до дня погребения, когда любимица покойника, обрешая себя на сожжение, отдаст ему последний долг. В это время они предаются упоению через меру; пьют и день и ночь.

Когда умирает у них старейшина, тогда спрашивают его челядинцев: кто желает умереть вместе с господином?

По большей части вызываются на смерть девушки.

Вызвавшаяся на смерть с упомянутым мною покойником, сопровождаемая двумя подругами, во все время угощалась, пела и была радостна.

Когда настал день сожжения, я отправился на реку, где стояла ладья покойника; но она была вытащена уже на берег; тут сделан был на четырех столбах навес и сруб, а по сторонам стояли деревянные изображения богов. Когда ладью поставили на это возвышение, тогда начали подходить к ней, произнося какие-то речи. Но покойник лежал еще в отдалении, в своей колоде. Потом принесли одр и поставили на ладью; а также принесли покрывала из греческой золотой ткани и подушки из той же парчи. Тут пришла суровой наружности женщина, которую они называют джеваниц³⁸⁶, и разостлала все на подмостках. Она облачает покойника, и она же умерщвляет обреченную смерти деву...

Покойника облачили в сапоги, в парчовой кафтан с золотыми пуговицами и в парчовую же шапку, обложенную соболем. По облачении перенесли его на устроенный на ладье на подмостках одр под навесом; а принесенные напитки, плоды и душистые травы, а также хлеб, мясо и лук поставили перед покойником. Потом привели собаку, разрубили ее на полы и бросили в ладью. Броню и оружие умершего положили около него. Потом привели *двух коней*, которых так *упарили скачкой*, что пот катился с них градом. Этих коней также изрубили мечами и мясо сложили в ладью. В заключение таким же образом поступили с двумя волами, с петухом и курицей...

По наступлении пятницы, после обеда привели обреченную девушку и три раза поднимали ее на руках перед чем-то, устроенным в виде дверей; в это время она произносила, как мне сказали, следующие слова: “Вот, вижу я моего отца и мать мою. Вот, вижу я всех моих предков. Вот, вижу я моего господина (мужа): он восседает в светлом, цветущем вертограде, зовет меня! Пустите меня к нему!”

После этого повели ее к срубам. Она сняла поручни и ожерелья и отдала старухе. Ее подняли на ладью, но не ввели еще под шатер навеса. Тут пришли вооруженные щитами

и палицами люди и подали девице чашу. Она испила. – “Теперь она прощается со своими”, – сказал мне мой переводчик. Потом подали ей другую чашу. Она приняла и запела протяжную песню. Старуха ввела ее в шатер. В это время загремели в щиты, и голоса девушки не стало слышно.

Ближайший из родственников умершего взял пук лучины, зажег ее, и, приблизившись к сруб, запалил его; потом подходили и все прочие со свечками и бросали их на сруб. Быстро загорелся сруб, за ним вспыхнула ладья, и наконец обнялись пламенем навес, покойник и девица.

Когда все обратилось в золу, они насыпали на том месте, где стояла вытасченная из воды ладья, могилу, и по середине оной поставили большой столб³⁸⁷, написав на оном имя умершего и имя царя русов».

Мы уже упоминали о единстве знаменитого в Индии рода Арьяя, в Элладе – Арея, или Иракла, в Древней Руси – Арея Яро, или Юрия. Все обряды и обычаи его с незапамятных времен длились повсеместно и неизменно до времен христианства.

Еще во времена осады Трои, за 10 столетий до Р.Х., обряд сожжения и погребения праха Патрокла, описанный Гомером, видимо, один и тот же, какому следовали и русы.

Обратим XXIII песнь Илиады, 897 стихов, в краткий очерк.

«Тело Патрокла возложили посреди поля на одр. Когда Пелид назначил отдание ему последнего долга, вся дружина облачилась в доспехи, собралась и, по обряду, *трижды* обскакала вокруг тела со слезами и возглашением к умершему:

“Радуйся, Патрокл, радуйся и в обители *Аида!*”

Потом все сложили броню, и совершена была *вечерняя трапеза*. На поставленном у одра медном *треножнике* принесены были жертвы и совершено омовение от бранного праха и крови. Душа Патрокла явилась Ахиллу во время

ночи и воззвала о приобщении его к огню и чтобы кости его погребены были в *златом горне*, в той же гробнице, в которой ляжет и Ахилл.

“О Боги! – воскликнул Ахилл, – воистину, и в обитель Аида переходит душа в образе, но в образе бесплотном!”

На другой день, с зарею, ратники едут в лесные холмы Иды, рубят дубовый лес для костра и свозят его на назначение место. Потом, облачась в броню, все они воссели вокруг одра и, посидев мало, встали, *обрезали волосы свои*, обложили ими тело Патрокла и понесли его к месту погребения, где сооружен уже был из бревен *столбчатый сруб*. На этот костер внесли тело Патрокла, после чего закололи подле костра множество тучных овец и огромных круторогих туров, обложили обрезанным туком их тело Патрокла с ног до головы; а вокруг одра поставили сосуды с медом и елеем. Потом взвалили на сруб *четырёх коней Патрокла и двух любимых, обезглавленных псов его*. Сверх того, в отмщение за смерть Патрокла были убиты 12 пленных троянских юношей.

По изготовлении жертв зажгли костер, но он не возгорался. Тогда дивный Ахилл воззвал к ветрам и, обещая принести им жертвы, возливал кубком вино.

Ветер подул, и костер вспыхнул. В продолжение всей ночи горел он, а между тем Ахилл черпал кружкой вино из золотого сосуда и орошал вокруг костра.

К утру сруб под Патроком истлел. Остатки огня под пеплом оросили красным вином, белые кости Патрокла собрали, *вложили в золотой сосуд*, обложили туком, поставили на одр и покрыли тонкой пеленой; потом очертили окружность и насыпали могилу. Между тем Ахилл вынес награды на кон для игрищ.

Первой наградой были назначены: рукодельная юная дева, медная лохань, ручной мойник, 2 таланта золота и золотой кубок.

Игрища состояли из семи отделений.

1. Бег на колесницах, по жребиям, которые вынимались из шлема. На кону была быстроногая кобылица.

2. Кулачный бой. На кону медный треножник ценой в 12 волов и пленная дева ценой в 4 вола.

3. Борьба. При этом случае Одиссей употребил ловкость подшибать борющегося с ним ногой (подножку). На кону серебряный великолепный сосуд сидонского изделия, помрачивший своей красотой все известные в то время по искусству изделия чаши.

4. Бег взапуски.

5. Поединок.

6. Бросание железной самородной глыбы.

7. Стрельба из лука по выпущенной на привязи голубке».

В заключение приведем слова Нестора о древнем русском обычае сожигания:

«А радимичи, вятичи и севера (сербы), аще кто умирал, творяху *тризну*³⁸⁸ над ним, и по сем творяху *кладу* велику и возложат на кладу мертвеца и *сожигаху*; и по сем, *сбравше кости, влагаху в сосуд мал*, и поставляху на *столпе на путех. Се же творят вятичи ныне. Сии ж обычаи творят и кривичи и прочии погании*, не введуще закона Божия, но творяху сами себе закон».

«И посла Ольга к деревлянном, рекуще сице: “Се уже иду к вам³⁸⁹; да пристроите меды многи в граде, иде же убисте мужа моего; да плачу над гробом его, и сотворю *тризну мужу своему*”. Они же то слышавше, совезоша меды многи зело и взвариша. Ольга же поими мало дружины и легко идуще прииде к гробу его, и плакася по мужи своем. И повеле людем ссыпати могилу велику, и яко ссыпаша, и повеле *тризну* творити. По сем седоша пити деревляне, и повеле Ольга отроком своим служити пред ними» и т.д.

Вместе с этим легко уже объясняются и рассказы Геродота об обряде погребения, существовавшего у скифов (русов) в IV веке до Р.Х.

Кн. IV. LXXI. «Кладбища царей скифских находятся в Руси (Ὶν Γέρροισι)³⁹⁰, в том самом месте, где начинается судоходство по Борисфену (Днепру)...³⁹¹ Когда умрет у них царь, то (по совершении сорокадневной тризны) по очищении тела от внутренностей и намащении благовониями везут его на колеснице в Русь (Γέρρος). Все жители мест, через которые везут тело, также *обрезают волосы и терзают себя*. По прибытии в столицу ставят тело в гробу на одр, устланный зеленью; потом устраивают из копий крытый навес, под которым, задушив любимицу царя, кравчего, повара, конюшего, гонца и лошадей, предают все погребению³⁹² с разными вещами и золотыми кубками; а потом насыпают высокую могилу».

Из свода этих описаний обряда погребения можно уже составить приблизительно верное и полное понятие о древнем русском обряде, который совершился и по смерти Аттилы.

Х. Русь после Аттилы

По смерти Аттилы сыновья его отправили в 467 году посольство в Царьград с требованием возобновления торговых договоров, но император Леон, пользуясь войной русов с персами, как отводом главных сил их, смело отказал на все требования киевского посольства. Отказ вызвал войну. Младший и любимый сын Аттилы, Ярень (Irnah, Ignas), советовал брату не начинать войны с греками, когда не только что пограничное казачество – козары и сураги³⁹³ – но и большая часть сил русских в войне с персами, в Армении³⁹⁴. Но опрометчивый Дано³⁹⁵, княживший при

отце, а может быть и после отца, в войсковых областях Донских и Суражских, не принял советов брата. Он отправился с дружиной своей за Дунай и, надеясь на верность подвластных руси готов, образовал из них главные свои силы, проник в недра Фракии, вступил в бой; но руси было с ним мало, а готы изменили.

По Иорнанду, карпатские и задунайские области, которые были в объеме Древней Руси при Аттиле, именно: часть Реции (*Rhaetia*) **придунайской, вся Паннония и Мизия**, по смерти его отпали. Император Марциан озаботился немедленно же оградить империю от русов. *Гепиды*³⁹⁶, т.е. карпатские жупичи, союзники и прозелиты готов, а потом ариане, первые восстали на русские власти и отложились, заключив союз с Марцианом на условии ежегодного жалования. В то же время готы сосредоточились на данных им землях между Дунаем, Норикой и Верхней Мизией. Русские князья, обладавшие этими землями, должны были с дружинами своими и со всеми не покорявшимися чуждой власти оставлять свои области и переселяться.

Сербы Семендрии (*semandri*) перешли в Иллирию и поселились близ *Castrum Martena*, стуричи (*scyri*), сураги (по Иорн. *Salagarii*) и аланы (пограничная вошь) перешли в Нижнюю Мизию (?) и в Малую Скифию (Крым и прилегающие земли между Днепром и Доном). Русь альпийская со стороны Дуная выселена в *Biozimetas* (?) и *Scandionopolis* (?) и пр.

Все это, должно полагать, совершилось не при Марциане, а после уже несчастного похода в Грецию Дано, старшего сына Аттилы.

Между тем в Иверии и Армении дела русов-козар (*ουννοι κιδαριτοι*) шли также неудачно. Персы преследовали их за горы, проникли в Козарию и даже овладели Белградом (*βαλαπολις* – *Balapolis*).

После этого события судьба Руси Киевской оставалась в полной неизвестности до времен Олега, собирателя Руси и восстановителя *Матери русских градов*.

Но кто же владел Киевом в промежуток четырех с половиной столетий?

Нет сомнения, что Дано, как старший сын Атгилы, наследовал власть над Русью; но, по разделу предоставив Киев брату, перенес столицу в *Беловежу*, известную Приску под названием *Valarolis*. Вся витязная деятельность, вероятно, по влиянию готов-гебров³⁹⁷, обратилась на войну против персов, которых завоевания проникли в Иверию и Армению.

Несколько раз уже мы имели случай объяснить значение *козар*, или придонского и задонского пограничного казачества, лугарей, которых преобразовали греческие писатели в герулов или илуров.

По греческим же писателям, козары вышли первоначально из Герулии (*Βερυλιας*), страны сарматской, подчинили своей власти земли до Черного моря и поселились на северной стороне Кавказа и в Крымском полуострове.

По прологам в житии св. Кирилла³⁹⁸: «Козары бяше народ скифский, языка словенского или русского. Козаров имени память оста в Малороссийском ныне *копистве* крепком, подобие тому, зело мало пременно именуемом (т.е. в козачестве)».

По Ибн-Гаукалу: «*lingua Bulgarorum similis est linguae Chazarogum*»³⁹⁹; но язык и обычаи приволжских булгар не отличаются от русских, хотя они во время Аббасидов приняли магометанскую веру⁴⁰⁰.

Известно, что князья, обладавшие *девятью* козарскими воеводствами – «*ἑννεα κληματα της Καζαριας*», – назывались *каганами* (*χάγανος*), точно так же как и князья аварские (иверы, гебры, обры Нестора).

«*Gihan-Numa*», которой сведения составляют выписку из восточных писателей всех времен, сообщает также следующее о владетелях области *Hasasz* (Козачей, Козарской):

«Козарская область лежит на север от Баб-ель-абваб (Дербенд). Столица оной называется *Этель* (*Atel, Adel,*

* Болгарский язык похож на хазарский (*лат.*).

Nadil). По этой области и Каспийское море называется Козарским. Владетель области (princeps) – иудей, а равно и все его приближенные вельможи; что же касается до подданных, то они различных вер⁴⁰¹, которые не воспрещается там исповедовать.

Войско состоит из 12 000 человек. Но все управление в руках иудеев⁴⁰². 9 судей⁴⁰³ заведывают судопроизводством. Торговлю ведут с русами».

Из этого ясно, что если владетели козар были иудеи, то по значению своему «rex et pontifex»* они носили еврейское название *Сохене*⁴⁰⁴, из которого образовалось «каган».

По дошедшему до Нестора преданию, когда посланные от козарского князя *Когана* и *старцев* пришли в первый раз в Киев за данью, киевляне предложили в дань козарской сабле *обоюдоострый меч*. Но, несмотря на это, перед приходом Аскольда и Дира Киев платил уже дань в Козарию, точно так же как и области, зависевшие от Киева: древляне по черной куне, радимичи по шелягу⁴⁰⁵, а северяне (сербы) – неизвестно почему.

«Когда император Юстиниан II бежал, как пишет Проконий, в *готфские владения* (в Крыму), то *Каган* потребовал его к себе и выдал за него сестру свою с намерением восстановить его на престоле византийском»⁴⁰⁶.

Из этого сказания можно понять, что готы козарские, управляемые своими *когэнами* и известные истории под названием *готов-тетракситов*, или впоследствии *трапезистов*⁴⁰⁷, не остатки готов Эрманарика, а потомки коренных гебров-магов, от которых в VI еще столетии до Р.Х. отделились переселенцы во Фракию⁴⁰⁸ – без сомнения, по возникшему в то время сектанству в веровании гебров. Новое верование проявилось в учении Зердуста. Дарий Гюштасп, последователь новых магов, преследовал древних⁴⁰⁹.

* Царь и понтифик (*лат.*).

Около 290 года по Р.Х. Армения, следовавшая учению гебров, озарилась христианством и спаслась от потопа магометанства, которое в VI столетии разлилось по Персии и проникло за Кавказ до самого Дона. Оно, в свою очередь, образуя не что иное как отрицательную сторону двуликого деизма, подавило положительную сторону деизма гебров и этим рушило на Востоке возникавшую силу близнеца своего.

В IV уже веке Босфорская область озарилась христианством и имела своего епископа Феофила. В IX веке Константин Философ (св. Кирилл) обрел в Козарии *русские письма* и перевод Св. Евангелия и Псалтыря.

«Идеже книги обретошася, тоу и крещение обретесь»⁴¹⁰.

ПЕРВОБЫТНОЕ ВЕРОВАНИЕ И БУДДИЗМ

L'homme n'est pas injuste par le fait de sa nature, mais par l'infirmité d'une nature déchue.

*J. B. Vico**

Предисловие

1. На существующие предания о первобытном всемирном веровании до сих пор никто не обращал внимания.

2. Ученые – индологи и хинологи ограничили любознательность свою в отношении буддизма, или отступничества от первобытного верования, только изучением реформированного, монашеского буддизма, существующего поныне на Востоке; между тем как это только оспи-

* Человек не лишен справедливости по своей природе, но он неустойчив из-за своей немощи (*фр.*).

ны того эпидемического буддизма, который под различными именами колонизировал заразу по всем набережным Азии, Африки и Европы и, в сущности, был во все времена злым противником истины и естественного здравого быта и смысла человеческих обществ.

Вот два положения, которые излагаются в предлагаемом сочинении на основании исторических данных.

«C'est surtout un enseignement philosophique, qui doit ressortir de cette etude du Bouddhisme. Ce qui a manque au Bouddha, ce qui manque aux systemes de nos jours, c'est de connaitre exactement l'homme»*.

Если современные философские понятия о человеке сродни понятиям буддизма, то вопрос о значении буддизма современен и важен.

Но заметим, что упрек Сент-Илера как буддизму, так и современной философии, выражен неопределенно.

Нет сомнения, что под словами «connaitre exactement l'homme»** он подразумевает познание не собственно человека, а того высшего закона, перед которым каждый человек есть подсудимый и без применения к которому сам по себе непонятен.

Буддизм, отвергнув закон, данный Брамой, создал свой закон; но человеческий закон без опоры есть произвол, ибо самому на себя нельзя опираться.

Если образованные народы стремятся к преобразованиям общественных учреждений сообразно истинному духу христианства и желают сложить с себя путы язычества и в условиях гражданства, то нет сомнения, что и высшие науки – философия и история – должны подчиниться соответственным преобразованиям и, разложив амальгаму понятий, отделить мнимое от истинного.

* Это соображение, прежде всего, философское, вытекает из исследования буддизма. То, чего не хватало Будде и чего не хватает современным системам, – это точное знание человека» (фр.).

** Точное знание человека (фр.).

Обратим внимание на древнюю историю.

До сих пор только одной хронологии предоставлялось приводить в порядок весь архив преданий, в стройный организм истории древних народов.

Положив в основание всему семиустный Нил, где, по сказанию египтян, солнце, сочетавшись с болотными испарениями, произвело на свет первого египтянина, хронология распорядилась колонизацией младенчающего человечества, в заключение своего труда поставила «*pes plus ultra*»* и решила, что далее ничего нет, кроме пучины времен и существ, которых природа не успела доносить к эпохе создания известного древним мира.

Труды хронологии по части строя древних народов и труды мифологии по части минеральных веков и династии богов, полубогов и вообще мифов, которых существование подвергалось вычислениям, были постоянным предметом споров, и, наконец, надо же было сознать все неосновательное несостоятельным.

С новыми данными нельзя было уже смотреть на древний мир глазами каббалистов и посредством «*nombre et raisonnement*»** открывать только материальную сторону жизни народов. Необходимо было уже взглянуть и на духовное их состояние.

Этот взгляд и составляет цель моего опыта.

Полагая в основание дух вместо форм, верование вместо чисел, я изложу вкратце некоторые соображения, которые должны были невольно зародить вопросы, развиваемые в предлагаемом сочинении.

Мы знаем мифологию египтян, хананеян или финикиян, эллинов и римлян, но не знаем религии этих великих древних народов; следовательно, мы знаем только баснословие о штатах Олимпа, Геликона и Парнасса.

* Более некуда (*лат.*)

** Имени и смысла (*фр.*).

Но была ли у этих народов религия – просвещение духа, закон духовного союза с божеством и с подобными себе, на котором основан союз части с целым, а следовательно, и с прочими частями того же целого?

Ни один из этих народов не оставил по себе не только следа духовного закона, которому он следовал, но даже упоминания о нем. Разумеется, мы исключаем упоминания о законах Менеса, Менона или Миноса (Μήνο) и Нумы. Законы Менеса принадлежали фиваитам, а не египтянам: при самом водворении на Нил египтяне их уничтожили. Законы Нумы принадлежали савинам, а не римлянам. Покорив савин, они уничтожили и законы Нумы. В заменившей царство и гражданскую власть республике явился главой *Rex sacrificulus**, тот же буддический и египетский *Rex-pontifex***, со своим иерократическим глаголом, заменившим все законы: «*Ne quis in administratione reipublicae nisi augurate fieret*»***.

Что такое были *patres* или *patricii*? – жреческий род, санхедрин совета, суда и правления.

Что касается до юридических законов, то они неоспоримо существовали и имели свое действие даже за гробом: «Выпотрошив, просолив и начинив труп покойника ароматическими снадобьями, – пишет Диодор, – египтяне (а следовательно, и прозелиты их) не предоставляли рассмотрение жизни, пороков или добродетелей умершего судилищу невидимому, но совершали суд над ним сами, торжественно и всенародно. Честный человек, то есть исправно плативший свои долги, не терял цены и по смерти. Мумия его, смотря по оценкам достоинств, служила потомкам лучшим залогом в случае займа; по-

* Король-жрец (*лат.*).

** Царь-жрец (*лат.*).

*** Никто не может принимать участия в республике, если только он не будет посвящен (*лат.*).

койника же, оставшегося в должниках по предъявленным заимодавцами документам, лишали погребения до уплаты долга родными его».

У египтян и прозелитов их были, однако же, боги, жертвы и поклонения богам, были храмы с тайнами Изиды, с додонскими, елевзинскими и иными тайнами. Но эти мистии ведал только мистагог и особый род мистиров, посвященных в таинства лабиринтов, лабораторий и иероглифов.

Для ежедневно изрекаемой оракулами прихотливой воли богов законы и не могли быть писаны. Профанам же, в числе которых были даже и философы Эллады, внушалось, что «истина есть солнце; слабые глаза простого смертного не в состоянии выносить его блеска: для него тьма полезнее».

Тайны вели естественным путем к суеверию, а суеверие разрешилось неверием.

Суемудрие, сбросив с себя духовное обуздание веры, сбросило потом и вещественные путы суеверия и явилось в торжественном лике полной свободы на стогнах Вавилона. Здесь и эллины, прозелиты промышленной религии, обратились в прозелитов промышленной науки. Кошунство дошло наконец до того, что и громовержец Зевс, и «*furax Hermes*»* занялись также торговлей и продажей с публичного торгового всех философов начиная с Пифагора¹.

От Египта остался ливийский гранит, изузоренный иероглифами, от Вавилона не осталось праха; финикияне как будто не существовали; на развалинах Эллады возникла Византия. Римская империя испустила дух в Риме. Но кто бы думал, что после этого рушения языческого мира и свободная вера, и свободная наука (*science a vendre*), спасенные каким-то Ксизутром, завезенные на крайний север Европы и скрытые в таинственном Туле², явятся в первой европейской академии, где председателъ-

* Вороватый Гермес (*лат.*).

ствовал «pontifex in praedicatione, philosophus in liberalibus studiis»^{*3}.

Древние народы, образцы нашего сомнительного просвещения, оставили по себе только мифологию и борьбу различных философских систем, заменявших поочередно религию. Между тем как древние варвары, живущие по сие время, вынесли из глубины времен душу свою, верования и законы.

Значит ли это, что религия могла существовать только у непросвещенных народов, а просвещенный народ, как, например, эллины, в таком уже были возрасте, что могли ходить сами, без помочей? Но инды были не дети в науке; познание естества входило у них в религиозную обязанность; они были уже старцы и в науке любомудрия, когда эллины еще ползали и играли книгами, верили в оракулов, чародеев и шарлатанов египетских и халдейских.

При всем богатстве туземных материалов для истории, и особенно для верований Индии, the primitive religion of the brahmins** не получила еще определительного значения в понятиях индологов. Тут они видели то единобожие, то трехбожие, то пятибожие, то семибожие и, наконец, многобожие; потому именно, что не на догматы и символы верования обращено внимание, а на картину обрядов и на толкование значения тысячи наименований Сивы.

Не решено также, как понимать буддизм: за «прекрасную ли отрасль религии Индии», по Клапроту, или за «un systeme hideux, semi-philosophique et semi-religieux»***, по Сент-Илеру. Сам Будда является то благочестивым лицом ортодоксальным, то злым еретиком.

* Понтифик в предисловии, философ в свободных искусствах (лат.).

** Примитивная религия брахманов (англ.).

*** Отвратительная система, наполовину философская, наполовину религиозная (фр.).

В настоящее время более, нежели когда-нибудь, в науке, как и в жизни, владывают свои моды, и свои пристрастия, и свои партии с исключительными воззрениями.

О нашествии хинологов на Китай в прошедшем столетии миссионер Ко заметил следующее: «Jamais l'Europe n'a été si riche en mémoires sur la Chine, et jamais la Chine n'y a été calomniée si sottement»*.

Той же участи может подвергнуться в настоящее время Индия. Туран для нас сторона; изучение его удовлетворяет только любопытство. В изучении же арийского языка, ведических писем и верования просвечивает уже заря смысла на всю древнюю историю, над которой стоял египетский мрак.

Потушить эту зарю уже невозможно, но враждебные духу света магизм и каббала снова надвигают на Восток своего Luna-Lunus**, снова подводят под числа незапамятные времена и замышляют посредством хронологии и колониальной системы затмить тучей сомнения и древность, и самобытность просвещения Индии. Они уже трудятся над эскизами высших взглядов на первобытное брожение человечества и на осадку его; заботятся отыскать Меру, горная Браммы, в горах Тибета; смело утверждают, что до 1500 года до Р.Х. Индию населяли еще допотопные дикари и что если Индия что-нибудь знает, то этим обязана она колонии иафетидов, пришедших туда под именем арийцев. Откуда же? Судя по легкому намеку, вероятно, из Туле и Скандии, откуда, по сказаниям готфа Горнанда, вылетел первый рой пчел просвещения в Европу, а по Вестергарду – отделил от себя два отроя в Иран и Индию.

Если ловкая кисть изобразит вам хаос и если вы не имеете понятия о довременном состоянии вселенной, то игривый вымысел заменит в ваших понятиях истину.

* Никогда еще Европа была так богата воспоминаниями о Китае и никогда Китай не был представлен так глупо (фр.).

** Бога и богиню Луны (лат.).

По всем преданиям, на первой странице истории человечество является уже в цветущем возрасте и с книгою закона в руках.

В исконных преданиях Востока, признаваемых и христианством, сохранилась память о первобытной религии, бывшей достоянием всего человечества. По сказаниям же Египта, мудрецов Эллады, историков и поэтов Рима, человек, случайный по их понятиям, продукт сочетания стихий, прожил весь золотой век Сатурна закономерно без закона и впоследствии, уже для взаимных житейских расчетов, в различных странах, сочинил себе различные законы.

Но какой же смысл можно извлечь из теогонии и мифологии эллинов, где ничего нет, кроме обесмысления исконных преданий с явной целью кощунства над первобытным верованием и отрицания его?

Не следует ли давно обратиться к древним верованиям Востока и понять, в котором из них явно еще видны следы источника истины первобытной.

Но для этого прежде всего необходимо сознать основы истины и соответственные ей условия, и лик в догматах и обрядах; иначе историк не обличит лукавого духа отрицания под его лаврами и смешает начала веры с началами неверия и суеверия, материализма и мистицизма, двуличия и безличия.

Из трех начал возникают три различных духа верования. Один развивает здоровое, взаимно действующее состояние души и тела; другой развивает чувственные силы за счет психических; третий – психические силы за счет чувственных. Следовательно, здоровый дух бытия один, а болезненных увлечений или уклонений к небытию два, с их различными степенями напряжения и ослабления. Один из них питает гордую мысль самообожания: «Я иной, я не от Брамь»; как говорит Веда про не сознающих Бога и уподобляющихся животным, обречен-

ным на службу человеку. Другой в самоуничижении сознает Бога во всем и не сознает только в самом себе.

Из духа верования истекают и наши понимания о вещах, и наши действия.

Обратим внимание на это различие начал или основ при изучении истории и взгляде на нее при исследованиях. Здесь также только один путь истинный, в котором аналогия, синтезис и анализис составляют взаимных деятелей соображения.

Аналогия, как высший деятель соображения, требует объема обширных и глубоких сведений и созерцательных способностей. Синтезис требует знания условий, или теории механизма, анализис – практического разложения механизма для понимания его составных частей.

Если последовать верованию каббалистов, то на чем будут основаны соображения? По халдейским понятиям, божество **En-Soph раздробилось в бесчисленные формы материи и живет в них.** На этом основании, скажет изыскатель-аналитик, необходимо подробно исследовать каждую из этих форм, сложить все исследования вместе и по итогу решить, что такое En-Soph.

Но по этому способу исследований, чтобы понять на примере Сиву по тысяче его имен, составитя только каталог тысячи особенных богов, и вместо Сивы, третьего лица тримурти, и Сивы тройственного мы придем к халдейскому En-Софу, двуспастному Сиве материальной природы.

Опыты односторонних и не вникающих в сущность взглядов, созерцание в телескопы того, что простыми глазами видно, нарушило с первого приема смысл древней религии Индии.

Каждое верование имеет свое собственное название по значению его; правоверие Индии называется сива-самайам, т.е. поклонение Сиве, как лику Браммы. Европейские индологи прозвали сиваизм брахманизмом, в угоду ли первому впечатлению или в угоду своим понятиям – не-

известно. Казалось бы, что это все равно и не может вести ни к какой смуте понятий. Напротив, неправильное прозвище сбило самих индологов с толку. Не зная, куда отнести гласно существующий сиваизм, они устроили из него особенную религию, и явился неизбежный вопрос: предшествовал ли брахманизм сиваизму или сиваизм предшествовал брахманизму?

Этот спорный вопрос существует по сие время неразгаданным.

Едва только приступили к переводу священных писаний Индии – Веды, заключающей в себе книги богословия и богослужения, и Пуранны⁴, заключающей в себе книги священных преданий, нераздельные с первыми и образующие с ними единый организм религии, как уже явились ученые вопросы: которые из этих сочинений древней литературы индийской древнее прочих? Кто был сочинителем Веды и Пураны, а следовательно, и основателем ведической философии (the founder of the Vedanta philosophy)?

Подобные задачи были равносильны требованию решить: который из членов человеческого тела родился прежде других?

Несмотря на то что Вьяса⁵, олицетворение изливания истины, выразилось в Ведах и Пуранах как святое слово Браммы, оглашающееся и распространяющееся во времени, Колеброк угодно было утвердить за поэтом Вьяса, как автором всего священного писания Индии, неоспоримую личность, существовавшую и совершившую свой труд в несколько миллионов слоков (двустыший), по ведическому календарю, около 1400 лет до Р.Х. Девис же (Davis) определил время деятельности Вьяса под 1391 годом, а Джонс (Jones) – под 1180 годом до Р.Х.

Ведический календарь, следовательно, состоит в полной зависимости от толкователей, положивших за прочную точку отправления хронологических исследований нарожение еретика Буддга именно в 622 году до Р.Х.

Насколько определено название Буддга (учитель), насколько не определяющее его учения, настолько же определена и европейская хронология, вводящая определенность в неопределенные времена, но и в неопределимые.

Что такое учение Вед, по смыслу Вед? – Учение познанию срути – божественной премудрости, духа закона, и смрити – священных преданий этого закона.

Не вникая в дух закона и не постигая смысла его, нельзя понимать и его преданий.

Что такое учение Буддга Сакья? – Отступничество от срути, или духа закона, воспользовавшееся плотию его и мертвой буквой, как трупом, которого тенью можно было только пугать воображение прозелитов.

И, несмотря на это, для индологов-мистиков буддизм казался прекрасной, возникшей отраслью из устарелого ведического древа; а для материалистов – низложителем каст и освободителем человеческого рода от Бога и закона.

С подобными основами собственных понятий индологи не сойдутся с браминами чистого учения Вед. Одних брамины примут за последователей буддического понтифика, других – за последователей учения Капила, и ни тем, ни другим не поверят духа своего учения именно потому, что первые явятся к ним не учениками, а учителями и проповедниками, а вторые будут требовать от них не духа слова, а осязательных форм и значений его в уверенности, что дух они поймут сами лучше необразованных браминов.

С запасом форменного знания языка экскурсии в глубину смысла напрасны. Например, содержание каждого слока закона Ману, как духа Вед, в правилах и обрядах жизни, прообразовательностью каждого слова. Как древний, маститый старец, он говорит уже намеками. Для постороннего язык его непонятен; для европейца, допрашивающего, сколько ему лет от роду, и торопящегося снять фотографически черты его, он таинствен. Но надо

же как-нибудь объяснить, что он говорит. На это есть туземные ученые комментаторы, и очень естественно, что в комментаторах, последователях материального учения Санк'ия, западные индологи находят более и логики, и осязательного смысла. И вот знаменитый индийский схоласт Куллука-Бгатта толкует Ману «suivant des idées empruntées au système philosophique Sânkhia»*. Он «le plus précis, le plus lumineux, le moins fastueux, le plus savant, le plus profond et encore le plus agréable»**. Ему следуют и Колеброк, и Вильям Джонс, а за ними и прочие, хотя и с некоторыми оговорками. «Il faut convenir toutefois que Koullouka-Bhatta, pour ramener le texte de Manou à son interprétation, est forcé de le torturer singulièrement, et il serait sans doute possible d'expliquer la cosmogonie métaphysique de Manou d'une manière toute différente».

Но для чего же следовать мнимому толкователю, распространять ложные понятия, обманываться самому и уверять других, что в Ману нет слова о тримурти, что Ману знал только одного Браму, а о Вишну и Сиве не имел еще и понятия, что ему известны были только три Веды, а Пураны при нем еще не существовали?

Для чего все эти сведения дополнять предположением, когда редактировал Ману свои законы, в 1280, или 880 году до Р.Х. – раньше или позже? – и положением, что «**les dogmes religieux y présentent toute la simplicité antique: un Dieu unique, éternel, infini, principe et essence du monde, Brahme ou Paramâtmâ (la grande ame), sous le nom de Brahâmâ, régît l'univers, dont il est tour à tour le créateur et le destructeur**»?***

* Следующий идеям философской системы Санкхья (фр.).

** Самый точный и самый яркий, наиболее знающий, глубокий и приятный (фр.).

*** Религиозные догмы предстают в древней простоте: Единый Бог, вечный, бесконечный, принцип и сущность мира, Брахман или Параматма (великая душа), известный под именем Брахмы, управляет Космосом, отчего одновременно является создателем и разрушителем (фр.).

Таков вывод понимания Ману по руководствам индийских современных буддгов. В Ману, по этим толковникам, нет следа сиваического тримуртизма, а между тем Ману начинает свою книгу словами «Аум, нама Ганнесайя!» что значит: «Аум, имя господ сил», т.е. Сивы, или проще: «Во имя тройственного господ сил».

Но исчисление подобных ложных понятий мало принесет пользы. Необходимо исследовать, из какого Меридова озера они истекают и, впадая в поток истины, нарушают его чистоту и ясность.

Первобытное верование и буддизм

Прошедшее не стоило бы ни мысли, ни слова, если бы не из него истекали и настоящее, и будущее, если бы можно было создать и новый исток бытия, и старую истину заменить истиной новой. Но вещественный мир превратен, а свет один и тот же и для древнего мира, и для нового.

И вещественное солнце, и солнце духовное не в разное время созданы, не тьма же дана была человеку, чтобы он выработал из нее свет. Но как для вещественного зрения можно затмить солнце, так и для духовного зрения можно затмить истину. Можно ослепить человека и вещественно, и нравственно, и для сознания веры ему останется только чувство осязания.

Мы видим теперь истину в полном ее свете; не иная была она и при восходе своем, и в те времена, когда ее заволокла туча лжи. Истина была дана в достояние и наследие всему человечеству, а не исключительно какой-нибудь общине с заветом таить ее от людей, по апофегме: «τό ῥάστων καταγέλᾶσεται ὁ δῆμος, δεῖται γὰρ τερατείας»^{*6}. Какой же дух отрицания ослеплял взоры магическим блеском и мороком, а сущность заменял призраками?

* Народ высмеивает простые вещи, а следовало бы высмеивать обман (зреч.).

Если истории памятен потоп вещественного мира, то она должна помнить и переворот, который совершился в нравственном мире, когда истина замкнулась от простых смертных и вместе с наукой законов и явлений природы перешла из общего достояния в наследственную монополию, как тайны Изиды – в исключительный род египетских пеанов⁷. Обратимся же к едва ощутительным временам для памяти человеческой, с полной верой, что все, что сбылось, то неизгладимо отразилось светописью на ее скрижалях.

I. Предания о нарушении первобытного закона

В начале времен единство верования и языка. — Закон. — Нарушение и отступничество. — Первый религиозный переворот в Индии. — Изгнание отступничества в лицтворении Бали и сына его Ванна. — Хам и сын его Хаанан. — Египет и Финикия

Основа всех преданий заключается в коротких словах: «Вначале вся земля была устне едине и глас един всем».

Строгая обдуманность историка не может сознавать истину в красноречивом выражении поэта, что в продолжение золотого века человечество, не имея закона, соблюдало веру и правду: «sine lege fidem rectumque colebat»⁸. Если первобытное человечество соблюдало веру и правду, которые и составляют всю сущность закона, следовательно, оно имело закон. Иначе не могло и быть: предвечен Творец, предвечен и закон Его. Всесовершенен Творец, всесовершенно и творение Его. Отступая от предвечного закона природы своей, человек, высшее существо творения, мог только нарушать свое первобытное совершенство.

История и не знает человека в диком состоянии, в состоянии животного, которому нужно было постепенно до-

бываться до высшего значения своего призвания к бытию, но знает его падшим, нарушившим закон.

Всемирный потоп был следствием нарушения закона о браках, воспрещавшего «сынам Божиим сочетаться с дочерьми человеческими»; закон предвидел, что плодом этого сочетания будут титаны⁹, нарушители человеческой природы.

Предания Индии в своем смысле упоминают о распадении единства в мире от нарушения того же закона¹⁰, который воспрещал двиджам¹¹ сочетаться браком с дочерьми судов, или породю отверженных от закона за преступления.

Отступничество¹² от первобытного верования, как следствие нарушения закона, также сохранилось под различными образами в сказаниях народов.

Первый, в сущности, совершившийся в Индии религиозный переворот, в незапамятные времена, есть собственно отступничество науки от религиозного учения Вед, или, говоря просто, миропознания от богопознания. Новое учение и приняло название научного – *бауддга*¹³. В иносказании восстание дайтъян, или титанов, на девасбогов и относится к пропаганде и восстанию буддизма. То же событие олицетворяется также в Бали, главе титанов, которого Вишну низверг в преисподнюю – патала¹⁴.

Нет сомнения, что поэма Гезиода о происхождении богов и о восстании титанов имеет в основании своем эти иносказательные предания Индии и есть пародия в отношении их.

В Сирии Бали является под именем Бела и Нимруда¹⁵, основавшего Вавилон и поднявшего мятеж на бога. По преданиям Востока ему приписывается столпотворение и начало магизма. Иосиф Флавий, по сказаниям Эстия, пишет, что после рушения столпа Вавилонского, смешения языков и рассеяния по земле некоторые из спасшихся (?) жрецов похитили священные утвари у Зевса Эниалия¹⁶ и пришли в Сеннаар Вавилонский.

Сказание о святотатстве, нераздельное с катастрофой мира и смешением языков, принимает также различные формы и в мифах, и в истории.

У эллинов оно скрывается в мифе о Прометее, похитившем небесный огонь. Зевс повелевает приковать святотатца к кавказским скалам и истребляет преступный человеческий род потопом.

В иносказательных аватарах¹⁷, или подвигах Вишну, закон похищен главой духов тьмы, или титанов: «Глава титанов, Хайягрива – Семивыйный¹⁸, похитив священные Веды, скрыл их в глубине вод. Человечество, оставшееся без законов, впало в пороки и преступления и в наказание было истреблено потопом. Вишну, воплотясь в рыбу Майю, спас благочестивого Сатьяврата¹⁹ и, преследуя Хайягриву, скрывшегося от него на дне моря в виде рогатой рыбы, поразил его и возвратил священные книги Вед, исключая одной, которую Хайягрива успел пожрать. Это была книга Агни²⁰.

В историческом смысле эта первая аватара относится прямо к буддизму, отрицавшему догматы Вед (срути), но воспользовавшемуся обрядною частью учения (смрити).

Как еретический буддга (учитель, учение), Капила²¹, отрекшись от духа, принял формы Капила ортодоксального, буддга Джайна²² явился в лике Джайна истинного, так и Тот (Thauth), Гермес или буддга Египта, воспользовался познаниями первого Гермеса, который получил премудрость и книгу закона от самого Бога²³.

Как Тот в подражание Небу – «μῦθησάμενος τὸν Οὐρανὸν» – творит кумиры и присваивает им поклонение и обряды божественные, так и Гермес-Прометей²⁴, похититель небесного огня, замышляет при помощи науки (Минервы) добыть силы творчества и создать искусственного человека из стихий.

Таким образом, и в прямом, и в иносказательном смысле преданий мы видим в отступничестве от закона

не одно отрицание закона, но и посягательство на права божественные, на права природы, а следовательно, и на общее достояние людей – истину.

К каким же временам отнести первобытный закон, в каком веровании искать его и когда совершилось отрицание? Предмет ли это истории или только обширное попрание для предположений и гаданий?

На последний вопрос должна отвечать сама история: что же касается до хронологии, то мы принимаем ее в буквальном, общем смысле, а не в численном. Для исконных времен существует только последовательность эпох по неизбежному закону развития их. Здесь хронология в числах берется не за свое дело и только затмевает предания, перенося одно и то же событие в различных видах в различные эпохи. По собственным именам невозможно определять время. В письменных сказаниях, как в изустной исконной песне, имена древних героев заменяются часто новыми. Подвиги мифов легко смешиваются с подвигами соименных героев; например, имя божества войны, Сканды, занесенное на запад Азии, преобразуется там в Скандар, Ель-Скандер, Исскендер, и все подвиги его могут приписаться Александру Македонскому.

Для эллинических теософов и историков только и было света, что Египет – страна Хама, и Хананея – страна сына его. По сказаниям эллинов со слов египтян следовало бы здесь искать не только древнейший мир, но и начало мира. Но отсюда в едва памятные, одиссеевские времена шли в Элладу фармакевсы с ящиками чудес, возвращающих старцам юность, безобразию красоту, а бессилию – силы; шли учителя-каббалисты с правилом, что «истина есть солнце, яркий свет которого невыносим для слабых очей смертных; для них тьма полезнее».

Нельзя же считать первобытным верованием суеверие, чары, упоение чувств, омрачение разума, учение све-

тобоязни и наставление прозелитам «беречь истину про себя, а другим рассказывать басни».

В таинствах ли Изида искать первого закона? – Но родоначальники Египта и Вавилона прокляты отцом за обнаружение тайных его на рабство со всем потомством своим.

Обречение на рабство со всем потомством, без сомнения, совершено по закону. По закону же, на котором основаны и уставы Ману, наказание преступных состояло именно в обращении в судры, или в рабство со всем потомством (дасья).

Но по этому закону божественных сил три, и все три, выражаясь единым символическим словом, составляют единое божество – Отца творения²⁵; а символ хамонитов, или хаманеян, есть таммушь и двуполая, самотворящая природа – тот же лингам, как увидим ниже, отступников саманеян. Во главе хамонитов жрецы, «их же главы и брады обриты», как выражается Иеремия.

Какое же верование до зарождения отрицания, водворившегося в устьях Нила, Тигра и Евфрата, признавало началом всего духовный, а не вещественный свет, с сознанием, что «солнце в руках Бога подобно светильнику в руках человека»?

II. Арьяварта и первобытное верование

До позднейших времен Индия была вне истории. – Предания о сиваизме как первобытном веровании. – Сабезизм магометанских писателей есть сиваизм

Арьяварта, страна горняя, страна праотцов, страна рождения человека, словом, Индия – праматерь народов и языков, почти от начала времен до времен позднейших, существовала, можно сказать, вне всемирной истории.

Что же такое были инды в отношении египтян, хананеян или финикиян, эллинов и иных народов, которые

по сие время стоят во главе истории, как источники и образцы всякой премудрости и умственного продовольствия просвещенной Европы? – Грифоны, стерегущие сокровища, варвары за пределами известного древним мира, про которых рассказывали только басни. Но «насколько уже положительно решено, – говорит Пани²⁶, – инды есть древнейший из всех народов, когда-либо существовавших на земле. Их просвещение стояло если не выше современного нам просвещения, то наравне с ним в те еще времена, когда Европа, по всей вероятности, была болото и лес, населенный дикими зверями».

И несмотря на это, Индия для известных нам древних народов была как заповедный край для изгнанников. Геродот упоминает только об Индии Кавказской²⁷, подвластной Дарию; Ктезий осмеливается назвать индов обширнейшим и справедливейшим из всех народов и упоминает только о пигмеях, о чудесах магнита и железных громоотводах и градоотводах. Сопутники и историки Александра Великого заставляют его сражаться с мифами Индии. Только добросовестный Страбон, описывая Индию, сознается, что он не верит всем вообще сведениям об этой стране, а спутникам и историкам Александра Великого не верит в особенности.

Во всяком случае, инды, варвары в отношении просвещенных эллинов, имели искони свои предания и письмена, но не тайные, как иероглифы; имели свои законы, верования и гражданство; имели науки высших человеческих познаний и мудрецов, изучавших природу, время и времена. Чтоб промышленные хананеи не знали этой сокровищницы, это невероятно; а что они почерпали из нее свой ум и разум, таили источник своего обогащения и выставляли свое собственное имя на трудах производителя – это вероятно. Только около XVI столетия добились европейские промышленные фактории до волшебного мира Голконды, и только в настоящем столетии

подошли европейские ученые мужи со своими светочами к солнцу, затемненному прохождением луны. И теперь, когда уже есть достаточное количество сведений, чтобы познакомиться с историей и бытом древней Арьяварты, надо опасаться, чтобы не сбылось с изучением ее того же, что случилось с изучением Китая в прошедшем столетии: «Jamais L'Europe n'a été si riche en Mémoires sur la Chine, et jamais la Chine n'y a été calomniée si sottement»^{*,28}.

Духом и смыслом верования обуславливаются быт²⁹ или гражданство и язык народа. Это просто; это то же, что взаимность мысли, слова и дела. Слово есть выражение мысли, действие есть олицетворение, совершение мысли. Сверх того, слово есть посредник между мыслью и действием, его правдой сохраняется взаимность.

Если мысль, слово и действие составляют единое в трех видах, то по одному члену понятны другой и третий. Точно то же и в веровании, гражданстве и языке, зависящих друг от друга и определяющих друг друга. Признавая первоначалие верования, должно признать и первоначалие истекающих из него условий гражданства и языка.

Филология начинает уже сочувствовать значению арийского языка и соглашаться на исконное его первенство; но до сих пор изучались только формы языка; на дух же его, в котором, собственно, и заключается история жизни и верований народа, мало обращали еще внимания.

В исследованиях о богопознании индов то же отсутствие понимания духа религии и изучение только форм и тысячи проименований божества, с толкованиями по применению к эллинской и латинской бессмысленной мифологии.

«Наше несчастье состоит в том, – говорит Амиот, – что мы смотрим на древний мир глазами греков и римлян и видим в нем только пастухов и дикарей».

* Никогда еще Европа не была так богата воспоминаниями о Китае и никогда Китай не был представлен так глупо (фр.).

Отсюда мнимая бесчисленность божеств и мнимый пантеизм, которому обрекла ученая Европа религию (*la religion orthodoxe*) Индии. Отсюда те неопределенные понятия о каком-то брахманизме и подобные определения, как, например, извлеченные Гинье из толкований Крейцера: «Следовательно, эта древняя религия браминов есть некоторый род пантеизма (*une sorte de panthéisme*), по-видимому, привитого к господствовавшим и основным понятиям народной религии, которая, по всему вероятно, в начале своем была не что иное, как поклонение Сиве-Махадеве, великому Бахусу (*le grand Bacchus*), или Бахусу Индии»³⁰.

Как применить эти гадания к какому-нибудь смыслу и что можно из них вывести, когда ни один еще из трех членов этой пропорции не известен?

Один говорит, что брахманизм, или некоторый род пантеизма, привился к какой-то народной религии (*religion populaire*), которая, по всему вероятно, была сиваизм или вакхизм (?), а другой утверждает, что сиваизм есть древнейшая секта брахманизма³¹.

Таким образом, в готовых выводах нет ничего определительного не только в отношении первобытной религии, но даже в отношении сущности так называемого брахманизма. А потому невольно надо обратиться к преданиям и источникам.

По всем восточным преданиям, можно сказать без исключения, первобытной и повсеместной религией был сабеизм, т.е. поклонение Сиве. Эта повсеместность подтверждается и всеми преданиями Европы.

Первоначальное поклонение Эллады было Сиве, и имя его сохранилось в названиях: *Σεβο*, *Σεβος*, *Σάος*, *ζευς*, и значило, по Диодору, *живой*. «К нему относилось и главное жертвоприношение».

Название *savini* коренных жителей Италии происходило, по Катону, от имени божества *Sabus*, или *Savus*.

Плиний также упоминает, что «*Sabini a religione et deorum cultu Sevini appellati*»*.

По Иосифу Флавию, по-македонски бог-жизнедавец назывался Ζηῦα.

По Тациту, *suevones* прославляли бога *Tristonem*³² и сына его Мано как своих родоначальников.

Все божества древних славян относятся к сиваизму и тройственности. Сива вполне сохраняет свое имя, называясь Сива, Сева, *Ziwie*. Изображение триглавого Сивы, трикалавид (триобразный, тривременной), у славян – *триглав*; светавас – Индра световидный, белокопный, у славян – *Световид*; васула – Вишну, хранитель живота (дживату) – *Волос*, *Велес*; парьяния³³ – божество грозы, благодати (дождя) – *Перун*, и пр. и пр.

По всем верованиям арабов, пишет Гербелот,³⁴ инды, древние персы, хананеи или ассириане, египтяне и греки до принятия иудаизма, христианства и исламизма были сабеяне или сивиане (*sabi*, *sabioun*, *sabian*). По преданиям восточных христиан, Константин Великий до принятия христианства следовал религии савиан³⁵.

По Бен-Хазему: «Религия савиан была первейшим и древнейшим из всех верований, общею и единою религией всего мира до самого Авраама, со времени которого получили начало все прочие религии»³⁶.

Бен-Шохна, упоминая о савианах, говорит, что «они потомки древнейшего из всех народов и что в книгах своих употребляют язык, которым говорили первые люди».

«Ты знаешь, – пишет Маймонид, – как распространена была вера савиан до времен Моисея, и знаешь, что тогда почти все люди преданы были язычеству, т.е. верованию в духовные существа, в призывание их и в изображения»³⁷.

* Сабиняне по своей религии и почитанию богов называются севинами (лат.).

Магометанские писатели, повторяя предания, что все народы первоначально следовали вере Сивы, и смешивая это имя с Сифом, упоминают о современных им остатках савиан в Харране, об остатках савиан Мендаитов между устьями Тигра и Евфрата, о бывших савианах Аравии, вместе с тем упоминают о савианах Индии. Таким образом, савиизм магометанских писателей не какая-нибудь особенная религия Сирии, не секта, не халдейский раскол и не верование магов.

В своде всех ученых исследований г. Хвользона на вопрос, какая это религия, ответов много, а определенного решения нет. Неприязненное предубеждение, отстраняющее всякую возможность в существовании предвечной истины в каком бы то ни было древнем веровании, было причиной того, что все суждения основывались не на исследовании существенных догматов, а на одной наружной форме обрядов. Вследствие этого по одним савиане – халдеи, поклонники светил; по другим – маги, поклонники огня; они и иоанниты, по обряду сходственному с крещением, и псевдохристиане, по верованию в триединство, и псевдоиудеи, по происхождению от Авраама, и, наконец, последователи учения египетского Гермеса.

Неразрешимые по эллинским и магометанским сказаниям гадания о савианах и савиизме привели г. Хвользона к ошибочному положению, что «прозвище *савиане*, как название религиозной общины, и *савиизм*, как название какой-нибудь религии, должны быть навсегда изгнаны из науки»³⁸.

Этот приговор основан только на том, что мендаиты не называют сами себя савианами, а магометанские писатели называют савиан, между прочим, могтазилах, т.е. *baptisti*. По-сирийски же *ssabiin* значит *die sich waschenden, die Baptisten*^{*,39}.

Но достаточно ли этого для права отвергать савиизм как религию, которая так близко известна была магоме-

* Смывающиеся баптисты (нем.).

танству, возникшему в стране сабеян аравийских, и не могло ли сирийское слово образоваться из имени савиан в смысле главного обряда, которым они отличались от магизма, или от иудейства?

Но, оставляя этот приговор за мандаитами, которым исключительно придавалось название *chrétiens de S. Jean*⁴⁰, мы последуем мнению мусульманских писателей, не толкующих значение сабиун по приблизительному созвучию слов, а сообщающих, что верование савиан – маллет-ель-сабиин – значит религия сивы и поясняющих, что савиане Сирии следуют одной и той же религии, как и савиане Индии.

Шахристанани⁴¹ пишет: «Большая часть индвов следуют вере и обрядам савиизма: одни веруют в духовные силы, другие – в их обители (светила неба), третьи – в изображения».

Хальфа⁴² в библиографическом словаре своем говорит: «Между индами есть незначительная секта браминов, отвергающих пророков и принесение животных в жертву. Савиизм же составляет главное верование Индии; но в отношении поклонения планетам мнения различны».

Ховарезми⁴³ говорит: «В древние времена были саманеи⁴⁴ и кальзани⁴⁵. Саманеи были идолопоклонниками, а кальзани те, которые назывались также савианами и харнанами⁴⁶. Саманеи следовали учению пророка своего, называемого Будда, который жил во время Таймурата (Thahmurath) и изобрел персидские письмены»⁴⁷.

Эти слова Ховарезми прямо уже определяют значение савиизма, или сиваизма, как главной религии Индии.

«Остатки савиан находятся в Харране и Ираке, – продолжает Ховарезми, – истинные савиане христианской религии⁴⁸. Остатки саманеян – в Индии и в Китае».

Ибн-аби-Оссеибиах (text XL) пишет, что инды и савиане Харрана⁴⁹ сожигают тела мертвых.

По словам Ибн-Абдаллах-ель-Кесаджи, «савиане, верующие в Авраама (Ибрагим), называются брахманами».

Заметим, что здесь название Брама или Брахма с присоединением неизбежного члена *ель* (алеф), Иб-Брахм, обратилось в Ибрагима, или Авраама по восточному произношению. Это подтверждает замечание Ибн-Калесана (Ebn Khalecan), что «савиане приписывают себе происхождение от Ибрагима, смешиваемого с Авраамом». Точно так же смешивается имя Сивы, третьего лица Тримурти, с Сифом, третьим сыном Адама⁵⁰.

Шахристани говорит, что поклонение савиан относится к пяти творческим силам⁵¹. Вообще, по мнению магметанских писателей, вера савиан заключается в поклонении «семи светилам, в которых обитают их боги».

И то и другое сведение в отношении сиваизма индварийцев совершенно верно. Значение пятиглавия творческой силы – Брама-Вишну-Сива – мы объясним ниже; здесь же изложим семь сварга – семь небес, семь миров (лока) или, вернее, семь светов.

Заметим предварительно, что слово *лока* соответствует двойственному, духовному и вещественному, значению слова *свет*: свет, т.е. мир, как лик (лока) света духовного, и духовный, озаряющий свет (*lumiere*), лоча – луч.

Эти миры света следующие:

1. Брамалока – верховный свет Брама, свет истины – *abode of truth**.

2. Тапалока⁵² – свет Браммы – духа света (теплотвора) – *mansion of the blessed***.

3. Ианалока – свет Вишну – воздуха, водорода – воображения – три света духовных сил – *place of births****.

* Обитель истины (*англ.*).

** Дом блаженных (*англ.*).

*** Место рождений (*англ.*).

4. Махарлока – свет Сивы – лик – middle region* божество в символическом образе: Меру или Сураляя, Каиласа.

5. Сварлока – свет Индры, мир светил, видимого света – heaven** – три мира Сивы тройственного.

6. Бгуварлока – свет Варуна – мир пространства, свет воздуха, вод – sky*** – или стихийных сил природы.

7. Бгурлока – свет Агни, земной свет, возжженный, жертвенный огонь.

Вот семь миров света; но в них творческих сил Парабрама, или верховного Брама (махан-атма), собственно три – Брама, Вишну, Сива; Сива же образует три силы стихийные; и потому Брама, Вишну и Сива тройственный составляют пятиглавие верховного Брама.

В астрономическом значении семь миров света относятся к семи светилам (планетам), и управляющие ими божества: Сани, соответственный трехвенечному Сатурну, Врихаспати – Юпитеру, Мангала – Марсу, Сома – луне, Сурья – солнцу, Сукра – Венере, и Будга – Меркурию⁵³.

Нет сомнения, что магометанские писатели, не постигая наглядно религии савиан, пользовались изустными толкованиями греческих книжников, и на этом основании сравнивали Сиву с Агафодемоном, а законодателя Ману с Гермесом, или Идрисом. Этим последним прозвищем явно заменено имя Ману, происходящее от *мана* – мышление, познание, мудрость. Греческое *Ιδρις* вполне соответствуют этому смыслу⁵⁴.

По сказанию Ель-Асоюти, «религия Гермеса была савиизм, т.е. поклонение единому Богу»⁵⁵.

Ель-Кифти⁵⁶ пишет: «Когда Идрис покорил всю землю, то он разделил людей на три касты, или сословия, а именно: на священство, царей и народ».

* Средняя область (англ.).

** Небеса (англ.).

*** Небо (англ.).

По Омару Исфагани⁵⁷, савиане считают посредниками между ними и духовными силами Гермеса и Агафодемона, т.е. Идриса и Шива. Если савиане Ирака, как говорит г. Хвользон, называют себя не савианами, а мендаи (*mendaï*), то одно название заменяет другое, ибо сиваиты, по духу веры и закону Ману, суть манту, мануджа или манубгу, что значит сыны Ману, производители по духу (мана)⁵⁸. По природе же человек и верующий и неверующий называется *нара* – душа, и *пуруша* – плоть, прах.

Многие, не зная, куда приспособить верование савиан, относили его к магизму Персии, близнецу от плоти савиан и от духа Халдеи; но сам Магомет считал магизм наравне с идолопоклонством. Он почерпал свой ислам из трех учений – из христианства, из иудаизма и савиизма – по сознанию, что только эти три верования основаны на законе божественном. К какой же религии Востока отнести верование савиан, или религию Шива, как не к учению Вед, которое имеет священные письмена, называемые срути – *révélation*? Буддизм не признает откровения, и сами магометане явно отличают поклонников Буддга, или саманеян, от савиан. Магомет по преимуществу знал савиан (*σαβαίοι*) Счастливой Аравии, о которых упоминает Диодор в I веке до Р.Х., описывая их великолепную столицу, Саву (*Σάβα*). Волей или неволей Магомет обратил их в свое верование; но столица их Сава, град поклонения, сохранила за собой название *Medinat al-Schith*, т.е. град Сивы, следовательно, Сивапур.

Церковная история первых веков называет этих савиан ефиопами и также внутренними индами («*ἐνδοτάτω Ἰνδοίς*»⁵⁹), а Фрументия, проповедовавшего у них в IV веке христианство, именует индийским или ефиопским апостолом⁶⁰.

В преданиях о древнем веровании арабов есть еще следы религии индов⁶¹. Коран упоминает о трех божествах, которым они поклонялись: Лат, Озза и Мана⁶². Еще упоми-

нают Вад, Сава (Wadd, Sawâ) и пр.⁶³ Название планеты Венеры – Zoharah – соответствует Сукра Индии и пр.

Таким образом, везде и повсюду предания в один голос утверждают, что древнейшая религия была сиваизм и что верование персидских, сирийских и аравийских савиан относилось к ней, и маллет-шиф значит то же, что Сива самайам.

III. Сущность сиваизма – тримурти

Первобытная религия, сиваизм, есть религия Вед. – Ложное прозвание оной брахманизмом. – Триединство. – Значение ведического тримурти. – Три сословия народных

Существование первобытной религии неоспоримо. Она признана и христианством. «До времен Авраама, – упоминает преосв. Макарий⁶⁴, – существовала нарушенная язычеством богооткровенная религия, бывшая достоянием человечества».

То же повторяют, как мы видели, и все предания Востока, называя древнейшее из всех верований, бывшую общую религию всего мира до времен Авраама, религией Сивы.

«Учение Вед, – говорит Буканан, – без сомнения, есть остаток первоначальной религии человеческого рода; оно носит на себе явное знамение первого Божия откровения человеку, которого не могли изгладить ни власть человеческая, ни время».

На эту религию, следовательно, и должно обратить все внимание, как на первобытный закон, в отношении которого язычество есть нарушение и отрицание этого закона, а не бессмысленное начало, из которого человечество выработало наконец для себя закон. Не из плевел образовалась пшеница, а в посеянной пшенице зародились плевелы.

Вопрос о сиваизме как первобытном веровании, разветвлявшемся на весь мир, зависит прежде всего от решения вопроса: какое именно название имела религия Вед в отношении поклонения? Европейцы прозвали ее с первого знакомства брахманизмом. На каком же основании? На основании первого впечатления, между тем как этот давний эллинский и вообще колониальный обычай прозывать все чужое своим произвольным именем нарушил и нарушает по сие время смысл древней истории.

Материальный взгляд на предметы во всем устраняет дух. Не вникая в религиозные догматы и символы, принимая в соображение только обрядную часть, он или видит в различных исповеданиях различные веры, или смешивает положительное с отрицательным, учение ортодоксальное с учением еретическим.

Сколько нам известно, только La Croze⁶⁵ упоминает, хотя смутно и несознательно, о сущности и имени так называемой «the primitive religion of the Brahmans»*. Из его описаний, по крайней мере, видно, что главное поклонение Индии есть Tchiva Sâmejam, т.е. Сива-самайам⁶⁶ – закон, вера Сивы.

«Изображая Сиву пятиглавым, – говорит он, – инды подразумевают под этим Брамму, Вишну и тройственного Сиву⁶⁷ и не имеют иного поклонения и иных изображений, кроме его; поклоняясь этим пяти силам, говорят они, мы боготворим в них Единого, который есть и во всем».

Тройственность божества, составляющая основу ведического учения, объяснена в содержании Вед «Ниган̄ти» и толковника «Нирукта»: «Божественных сил три (тиера ева девата), пребывающих в пространстве, движении и воображении – света, влаги, солнца (ксити антарикча дью ст ана агнир, вайю, сурья)⁶⁸, преобразуемых единым словом (аум) и сочетающихся в Праджапати – Творце творения. Все прочие силы, различно называемые, суть свойства трех боже-

* Примитивная религия брахманов (англ.).

ственных сил и в сущности все они есть единое божество, дух могучий (маханатма)». «Премудрость называет уделы его Индрой, Митрой-Варуной и Агни».

В законе Ману, кн. XII, слоки 121, 122, 123-й:

«Понимай: в духе Всемогущего (Брама), в движении Вишну, в лике Хара (Сиву); в слове (молитве) Агни, в благодати Митру (Варуна), в произрождении – Творца творения (Праджапати).

Во всем же – Всевышнее существо, властителя Вселенной, постигаемого только духом мысленного созерцания.

Ему поклонение в молитве Агни, в благоуважении Ману произродителя (по духу), в воззвании к Индре и к духу жизни, Бrame всесвятому».

Таким образом, значение Ведического Тримурти образует тройственность духовную:

Брама, как проявление Парабрамы или верховного божества, в пространстве, во времени, в мысли.

Вишну, как проявление Парабрамы в движении, в звуке, в слове.

Сива, как проявление Парабрамы в лике видимого мира, в природе, бытие, жизни.

Собственно *Сива* и есть *аум* – образ верховного Брама посреди горних⁶⁹, в символе (линга) троелистного Падма.

К этому символу в трех стихийных силах и их свойствах и относится поклонение.

Эти стихийные силы (девас) и образуют три лика света:

Индру – исток, дух света, Сурья (солнце)⁷⁰. В слав. соответственно ютро, Ютробог, утро.

Варуна – дух вод, влага, лоно света⁷¹.

Агни – свет возжженный, огонь жертвы, жрец и жертва.

Сознание внутренними и внешними чувствами единства творческого духа в трех силах, деятелях природы, неизбежно образовало то же единство в трех деятелях народного

тела, которого жизнь, соответственная разумному созданию, требовала завета истины, закона правды и обрядного устава общественного быта. Отсюда: *Браманья* – промышленение духовной, умственной пищи; *Вайсья*⁷² – земледельничество, промышленение вещественной пищи; *Кшатрийя*⁷³, или *Раджанья*, – правление, охранительная и посредствующая сила, уравнивающая две крайних силы.

Таким образом, организм государства образует подобие организма человека, в котором ощущение, называемое самоохранением, заключается в сердце, сочетающем в себе проводники души и плоти и уравнивающим их побуждения.

Здесь должно упомянуть о первородстве сословия браминов и верховной светской власти, предназначенной кшатриям.

«Двойка была порода сынов господства Брамы (Праджapati): *Девас* (Сура, Сураджа – царствующая, светская власть) и *Асурас* (духовная власть). Девас были младшие по породе, Асурас – старшие. Они состязались между собой за преобладание миром». «Пранна (Брама) по решению чувств и разума (манас) утвердил преобладание за породой Девас»⁷⁴.

IV. Триединство божества – первобытное верование всех народов

Предания о первобытном веровании в триединство – эллинов, евреев и Китая до Фо-хи

Если сиваизм, как верование в триединство, есть первобытная религия, то эта истина должна отразиться в преданиях всех древних народов.

Излишне было бы упоминать здесь о славянах⁷⁵, которые до самого принятия христианства сохраняли неизменно и первобытное верование, и название свое по ве-

рованию, многие имена божеств и почти весь коренной житейский язык⁷⁶.

В смутных преданиях эллинов и римлян, преисполненных опрофанированной теогонии индов, и в языке видны еще следы верования в тройственность⁷⁷.

У Крона (Сатурна) три сына: Зевс (Jovis), Посейдон (Нептун) и Адис (Плутон). Но это подобие вещественной тройственности Сивы в ликах Свара, Бгува и Бгура потеряло смысл. Здесь Крон или Сатурн – глава титанов; он отрезает тайная у отца своего, Урана, как Тифон у Озириса, похищает власть его и напоминает родоначалие Куру, происшедшего от смещения солнечного рода (сура) кшатриев с лунным (асура) браминов⁷⁸ и восставшего на царственную власть (панду) за право господства.

Светила древней истории, египтяне и хананеи (финикийцы), и их прозелиты, эллины и римляне, не оставили по себе ни одного письменного памятника о сущности и духе религии, которой они следовали; потому что у них не было религии, а были непроницаемые тайны жрецов, наводящие ужас, как главное орудие их преобладания, и обряды, которым придавался смысл, по целям влияния на народ.

В гомеровские времена и эта эра олимпийских богов была уже нарушена различными философскими системами верования, в которые рядились материализм и мистицизм, мистифируя профанов. Илиада есть уже образец опошленных богов Эллады, которые мешаются в дела героев по образцу иносказательных поэм Индии.

Повторим, что о религии древних греков ничего нельзя сказать положительного, как о тайнах Изиды и елевзинских тайнах.

Праотцы евреев были савиане, говорит восточное предание; следовательно, они должны были некогда сознавать триединство божества. Богословие объясняет триединство и в законе Моисея, но главным подтверждением может служить самое слово и объяснение его: «Приидите и видите

тайну слова Елоим; в нем есть три чина, и каждый из них имеет свое отличие, но они суть едино и нераздельно»⁷⁹.

Отбросим семитический член *аль* или *эль* от слова, и слово (айм, аум, хум) объяснится, как таинственное слово. Ведь *аум*, которое так же, по толкованию, состоит из трех чинов раздельно-нераздельных (а-карам, у-карам и м-карам) и составляющих единый слог. В писании как евр. буква *и*, так и буква *у* почти безразличны, означаясь подобием запятой (*^*), и, следовательно, различие их только в произношении, и *айм* = *аум*.

В преданиях Китая о первобытном веровании, до преобразователя письмен Фо-хи, триединство божества определительно и ясно.

Первый, давший письмена Китаю (разумеется, письмена закона, а не буквы⁸⁰), был Soui-gin-chi. Около 3000 лет до Р.Х. Фо-хи изменил эти письмена.

«*И-Кинг*», «Книга *И*» древнейших преданий, заключает в себе описание сотворения мира. Из этого описания видно, что предание имеет один и тот же исток со всеми религиозными сказаниями о начале вещей. В главе «*Hi-Tse*» сказано: «Великое начало, великая невещественная единица, создала все вещественное. Предание гласит, что великая начальная единица тройственна: она есть три, и три суть она».

Шуэ-вен (Choue-ven) называет великую единицу «*Тао*» и говорит, что этому духу поклонялись древние императоры (до Фо-хи) и что треугольник есть символ этой тройственности в едином, точно так же как и знак (*trois unis en une seul figure**)⁸¹ или знак – Chin-San-Ye – триединый.

«*Тао-те кинг*» («Книга *Тао*») объясняет значение *Тао* следующим образом: «*Тао* есть существо неизобразимое; оно произвело первое, от первого произошло второе; два образовали третье, от которого все произошло».

«*Тао* есть бытие в тройственности *У*, *Ні*, *Оуеі*. *У* есть существо, видимое разумом, а не взором; *Ні* есть суще-

* Трое, объединенные в одной фигуре (фр.).

ство, слышимое сердцем, а не ухом; Ouei – есть существо, ощущаемое душой, а не осязанием. Не проникай в глубину этой троицы, которой непостижимость заключается в единстве. Выше ее нет света, ниже ее нет тьмы; она вечна, неисповедима»⁸².

Ла-пи, в толковании древнейшей книги «Тонг-шин», говорит, что «первые, начальные три силы (San-hoang) суть три силы духовные. Вторые три силы – срединные: небо, земля и мир животный (Tien-hoang, Ti-hoang, Gin-hoang); а третьи три силы – конечные, человеческие».

Таким образом, повсюду, где только сохранились предания, в основе их ответ один и тот же. Первобытная религия Китая, как мы видим, включает полные условия си-ваизма, тройственность духовную: Брама, Вишну, Сива⁸³; тройственность срединную, или стихийную: дух света Индра, дух вод – Варуна и лик света – Агни или Сурья – солнце; и тройственность жизни: разум, ощущение (сердце) и плоть, и в тройственности организма народного: силы ума, силы воли и силы плоти.

Их равенство только в единстве. «Кто сознал единство во всем и все в единстве, тот ни на что не бросит взор презрения», – говорит Иса-Упанишад.

V. Арийцы и тураны

Арийяс и Турийяс. Первобытная страна рода человеческого и ее местность. – Сознание себя и несознание. – Творение заключается дарованием закона. – Три коренных сословия – арияс, и происхождение четвертого сословия – турийяварна – из пород смешения и отлученных от закона. – Первобытные породы смешения. – Мнимая колонизация арийцев в Индии и мнимые первобытные дикари

Страна рождения человека – Нарабгу – носила исконное название Арьяварты, или страны блага. Ману (кн. 2, сл. 22) ограничивает эту страну солнечным хребтом Гима-

лаев (Гималайя) и лунным хребтом Виндгия, восточными водами, в которые впадают Ганг и Брамапутра, и западными водами, в которые впадает Инд. Здесь и Бгаратаварша – исток божественного слова – Сарасвати.

«В начале времен все было Брама – творец и творение – и все сознавало себя. Как существа духа (деवास), как существа света (риши), так и существа земные, люди, происходя от Брама, воссоединились с Брамой.

Впоследствии не сознавший Брамую сказал сам себе: “Я не от Брамы, я иной”. Этот не сознавший сам себя уподобился животному, как животное и должен был служить сознающему себя»⁸⁴.

Таким образом, в основе бытия было познание (Веда) – закон сознания Творца, из которого истекало и самосознание, а следовательно, и самосохранение. Но этот закон здоровья, нарушенный несознанием, предполагает уже *correcting, freeing from faults or errors*, то есть закон врачевания, исправления, очищения и осужденных – Судра.

Порода пададжа⁸⁵ или судра была в предвидении творения, и «Брама заключил творение воплощением дгарма⁸⁶ (закона), царя царей. Закон есть истина, и истина есть закон, и нет ничего превыше его, ибо посредством его бессилые преобладает над силой».

По этому закону народный организм составляют собственно три отрасли единого корня рода: брамины, как глагол закона, кшатрии, или раджаны, как рамена, сила закона, и вайсья⁸⁷ (землевозделыватели, населители страны, вообще люди, народ), вмещение закона. Эти три сословия и носят название арийяс, законных, благорожденных.

Четвертое же сословие, турийя-варна⁸⁸, происшедшее от изверженных законом личностей из трех первых сословий и подавленных его пятой, и носит название пададжа, или судра.

Ману⁸⁹ в 1-й книге о миротворении (слок 2) определенно говорит о законах, касающихся до первобытных

пород людей и пород, происшедших от смешения их. Судры, как отверженные законом, лишались всех прав. «Для судра нет обряда, он волен исполнять и не исполнять обязанности благочестия и веры. И если он исполняет обязанности двиджей⁹⁰, то избавляется от позора и возвысится и в этой жизни, и в будущей».

Понятно, что закон только на основании покаяния признал в общем организме общества турийя-варна, или четвертое сословие судров, как исключение из правила.

Никто из двиджей не мог быть употреблен в рабскую службу, ибо «на это, – говорит закон, – свайямбгува (самобытный) осудил судров, искупленных (раскаянием) и неискупленных»⁹¹.

Сословиям *арийяс* воспрещены были браки с судрами. Эти браки уподоблялись сочетанию добра и зла, и по степеням смешения крови доходили до крайнего нарушения человеческой природы в породе *чандала*, или презреннейших из людей.

Например, «от союза кшатрия с дочерью судра нарождался угра, соединяющий в себе и достоинства кшатрия, и низкие чувства судра. В нем сочетались мужество первого и жестокость второго».

Смешанные породы и языки носили название млечжа⁹² (смешения). Все лишённые права закона и гражданства, исключённые и изгнанные из Арьяварты прозывались дасьюс, что значит раб, тать, враг, нарушитель закона. Под этим именем в молебствиях подразумевалось и отступничество от закона (дасьюха)⁹³, и вообще нечистая и враждебная сила, дух тьмы (бали).

Отсюда в молитвах Ридже-Веды частое обращение к божеству об охране верующих от дасьюс.

«Индра! Вспомошествуй верным (арийяс), приносящим тебе моление, и накажи неверных (дасью).

Предай бесславию нечестивых (дасир)!

Индра! Порази совершающих зло (дасьяво), накажи безбожных и дай умоляющим тебя победу над ними»⁹⁴.

Кроме прозвища *дасьюс* отверженные племена смешения носили и знакомое европейцам название париев, собственно парийя, что значит нарушитель, противник закона, изгнанник, отверженный.

Названия трех коренных законных сословий – *арийя* – и отверженных племен четвертого – *турийя* – более известны нам из сказаний персидских под названием племен иранских (эрьенэ) и туранских.

Обратим внимание на исчисленные в Ману родоначальные породы, или племена судров-турийя, из которых одни говорили уже на языке млечжа, или смешения, а другие употребляли еще язык арийский⁹⁵.

Большая часть из этих пород дала имена целым народам, и все эти народы без исключения – буддисты или саманеи-идольники, и почти все говорят на наречиях и разветвлениях одного и того же языка, образовавшегося из первоначального млечжа, говора судров или турийя и имеющего полное право называться языком *туранским* (турушкас).

«За нарушение закона и обрядов веры из отлученных кшатриев образовались постепенно следующие породы судров⁹⁶, или дасьюс:

Удра – название Малабара.

Дравида – коромандельский берег от Мадраса до мысла Каморина, населенный тамулами-дравидами.

Камбоджа – местность на севере Индии.

Явана – яваны, *javanais*⁹⁷.

Сака – порода, из которой произошел Буддга-Сакья.

Пахлава – парфы.

Чина – Китай.

Кирата.

Дарада – племя млечжа и название горных пучин за Кашемиром⁹⁸.

К'аза – местность на севере Индии.

Кроме того, исключенные из кшатриев в судры племена: *джалла, малла*⁹⁹, *ничиви, ната, карана* и, повторенные в слоке 44 *каза и дравида* (вероятно, другой отрасли).

От сочетания вайсьев с дочерьми кшатриев нарождаются Магадга и Вайдеха»¹⁰⁰ и пр. и пр.

«Нарожденный от отверженных законом принимает свойство отца, или матери, или обоих вместе. Никогда не скроет он своего происхождения. Нося наружность честного человека, он не таков в душе».

Исключенные из двиджей и населяемые ими местности назывались также *варвара* или *барбара*, что по преимуществу относится, по смыслу слова, к совершенно одичавшим идиотам и к черным¹⁰¹.

Изложив существенное значение судров, или турийян, из различных пород которых в течение времени по влиянию буддизма образовались целые народы дикарей и полудикарей, нарушающих по сие время достоинство человеческой природы, должно сознаться, что европейская ученость не обращала и на этот предмет своего внимания, между тем как значение судров составляет положительный исторический довод моногении человеческого рода.

Казалось бы, невозможно, чтобы с лишком три тысячи существующих на земном шаре языков имели один исток, но это неоспоримо. И предания, и история человеческого рода, и филология, или изучение языков, сознают уже этот исток в языке первобытном, арийском. Он, видимо, возник из звуков самой природы, которые образуют корни его слов. Как «в начале времен существа духа, существа света и существа земные, происходя от Брама, воссоединялись с Брамой», так и в языке арийском язык проповеди, язык науки и язык быта, происходя от языка веры, воссоединялись в нем.

Каумарила¹⁰² говорит: «Правила языка исконны и живут в предании».

Но отступничество отвергло язык преданий (самскрита)¹⁰³, язык Буддга сказал: «Я иной язык, я Бали»¹⁰⁴. Между тем отверженные члены первобытного гражданства, судры, сосредоточиваясь из разных сословных и местных наречий, сродняясь по судьбе и образуя общины в местах изгнания, естественным образом сложили и свои говоры – млечжа – смешение, случайный набор слов, отторгнутых, подобно им самим, от корня и семьи. Для состава речи здесь возможно было только механическое устройство, потому что между частями речи уже не существовало родства, чуждые имена и наречия потеряли свой род и отношения друг к другу, глагол утратил свои времена.

Буддизм, создавая места прибежищ под свой кров всем преступникам и изнанникам, образуя из них свое тело, устраивал вместе с тем и письмена и правила для их языков.

Этнология, в свою очередь, судит по черепку разбитого сосуда о том, что в нем некогда заключалось; она разделяет человеческий род то по условиям природным (*caractère naturel*), то по условиям общественным (*caractère social*), **то по цвету кожи, то по языку. При**соединив к этому форму черепа, цвет глаз, три отличительных формы носа¹⁰⁵, также невольно подумаешь, что нет возможности привести эту видимую распородность к одному знаменателю; а между тем, по закону самой природы, каждый род подлежит бесчисленному изменению видов, как зерно пшеницы, достоинство которой зависит от почвы, климата и ухода.

Наследственное различие лика людей по цвету кожи и иным приметам может относиться к тому же нарушенному закону духа при влиянии местности и веков. Нет сомнения, что три родоначальных сословия в самой тройчатке зародыша имели уже яркое различие в свойствах, качествах и наружности, сообразно трем способностям, и,

следовательно, наклонностям к мышлению, слову и действию. От триединства их зависело всякое совершение и совершенство бытия, и нет также сомнения, что в предназначении этих раздельно нераздельных членов народа как смешение их, так и распадение составляли нарушение закона, необходимого для общего блага.

Но к этим трем естественным различиям нельзя отнести породы негритянской, которая, сравнительно, как будто составляет в человечестве такое же исключение, как в гражданстве Индии отверженное законом сословие судров-изгнанников. Одичавшие в тущобах пустынных лесов, в соседстве диких зверей, они сроднились с ними и по духу, и по наружности.

Merenhaut d'Anvers в своем сочинении о дикарях островов Великого океана доказывает по языкам их, нравам, верованию, обрядам и преданиям, что и все народы Океании происходят от какого-нибудь одного образованного народа. «Кто не сознает, – говорит он, – вникнув в их понятия о космогонии (создании мира), древнее поклонение светилам, или сабеизм¹⁰⁶, который был основой почти всех религий земного шара?»

Нельзя не сознать и того, что первобытная, повсеместная религия сивы (сива самайям) предшествовала и отступничеству и одичанию отверженных законом племен. Повсюду наблюдательный взгляд видит в них разметанные грозой и брошенные без призрения остатки единой, всемирной, единоверной и единогласной семьи людей.

Но, несмотря на все предания, что сиваизм, верование арийцев, было первобытною религией мира; несмотря на смысл преданий, что туранские племена в живых и разложившихся уже организмах, в человеческом еще образе и в одичавшем до безобразия составляют потомство отрицания первобытной веры;

несмотря на общее уже сознание происхождения человеческого рода от единого корня, а, следовательно, вме-

сте с тем и на сознание, что древо жизни и древо познания нераздельно разветвлялись на весь мир;

несмотря на истину, что отрицание, как червь, могло народиться только в корне нарушенного положения, а не вне его; что, следовательно, здоровое человечество, раздвигаясь от истока до пределов мира, не могло встретить на пути какое-то еще другое человечество – дикое, безобразное, незаконное, ожидавшее от самого создания мира какого-нибудь халдейского Оаннеса или колонию просветителей с моря;

несмотря на все это, европейские этнологи положительно решают, что исконные обитатели Индии были дикие судры, парии, дасью, мледжа, варвары, дравиды и пр.; а что просвещенные арийцы – иафетиды, пришли с Запада, победили их, очистили для себя недра Индии и разогнали непокорных в ущелья гор и в пустынные набережные.

Мы не знаем цели подобных выводов, не имеющих никакого основания, кроме смешения времен первобытных с временами внутренней борьбы сиваитов с отступниками дасью, или с буддистами различных ересей и расколов. Но из подобных выводов следует, что туранское человечество составляет особый род или что арийцы, иафетово племя, двигаясь «*aber langsam*»* на восток, сталкивается за Гималаем и за Индом с допотопными скифами.

«Sie waren (die Japhetiden) hier auf andere Stämme gestossen, die zu dem Skythischen Sprachstamme gehörten und welche später verschwanden oder überwältigt wurden»**,¹⁰⁷.

«Nun war aber Indien vor Ankunft der Arier von rohen, ungebildeten, aber kräftigen, Stämmen bewohnt»***,¹⁰⁸.

* Но медленно (*нем.*)

** Здесь они (иафетиды) столкнулись с другими племенами, принадлежащими к скифской языковой группе, которые в дальнейшем исчезли или были покорены (*нем.*).

*** Теперь же до прихода арийцев здесь обитали дикие, жестокие, но сильные индийские племена (*нем.*).

На чем же это пришествие арийцев в Индию основано? Не на мифе ли Индии, что «Брама, родоначальник индов, низводит браминов под предводительством Касьяпа с божественной горы Меру в долину Кашемирскую? – «Brahmâ, der Stammvater der Indier, von dem Götterberge Meru im Himalaya-gebirge herabsteigen und durch Kâsjapa, als die Gewässer von den Bergen herabgesunken waren, die Brahmanen in der Thal Kasmir führen lässt»^{*,109}.

Но ведь Меру не простая гора, а символическая горняя Брамь (die himmlischen Räume); касьяпа – духовный напиток¹¹⁰. И хотя страну Кашемира – касамари (св. гора)¹¹¹, откуда истекают священные реки, овеществлены духовные горнии, но, во всяком случае, миф преобразует исход человечества из горняя Брамь и первоначальное водворение его «в святой юдоли Кашемира, в обители блаженных», как выражается Магабгарата¹¹².

Как в первобытных преданиях Китая упоминается о горе света и о горе тьмы, на которой восседает дух тьмы, Фау-хи, так и в истоке преданий то же значение имеет в отношении горы света – Меру¹¹³ гора Виндгия, противница света, замышлявшая соперничать в высоте с горою Меру и заслонить путь солнцу¹¹⁴.

Как Меру есть Суралайя – обитель солнца, горняя света, и истекающий из нее поток слова носит название Сарасвати, или Сарсути (дщерь солнца), в воплощении Ганга; так Виндгия, гора луны, и истекающая из высот ее река Нармада, или Нарбуддга, носит название *Сомасута* – дщерь луны, или Индуджа – лунородная¹¹⁵. В вершине хребта *Виндгия*, при истоках Нармады, находятся священные обители отшельников и святые места, куда стекаются на поклонение¹¹⁶.

* Брама, родоначальник индов, спускается с божественной горы Меру в Гималаях и, когда горные воды спустились, с помощью Касьяна велит вести браминов в Кашмирскую долину (нем.).

В обители солнца родоначалие солнечного, царственного племени, светской власти; в обители луны – родоначалие лунного, браминского племени и духовной власти.

В Виндгии и возникает гордыня буддизма: гора Луны замышляет раздуться (aufzuschwellen) до высоты горы Света.

Титан Бали¹¹⁷ замышляет преобладать небом и землю.

Брамины-буддисты замышляют добиться до царственной светской власти.

Считается излишним распространяться о мнении гг. колонизаторов, которые ведут солнце от Запада и утверждают, что арийцы, или инды, не туземцы Индии и что колония белокожих браминов пришла от стран вечерних¹¹⁸, наподобие миссии и торговых компаний альбиносов европейских, водворяющихся на чужих землях с целью обделять дикарей.

Но по духу верования и обычаев арийцы никогда не были ни разъездчиками-колонистами, ни разносчикам веры и просвещения¹¹⁹. Религиозные пропаганды посредством меча и жала, как объяснится ниже, начались со времен Бали или Махабали, под которым подразумевается буддизм, а фактория промысла – со времен сына его *Ванна* (Виндгия бали путра)¹²⁰, в имени которого следует признать ханаанский или финикийский промышленный мир, ловца пред Господом¹²¹ и, по преданию, начальника войны¹²².

VI. Отступничество от триединства – буддизм

Учение законное и учение еретическое. — Значение названия Буддга. — Олицетворение учения и родословная учителя. — Бауддга, или известный буддизм, есть учение Джайна. — Родство с Египтом

В Сивапуре¹²³, граде учения веры, мышление обнимало все стороны понятия. Там изучалась и двуличная отрицательная сторона понятий – материализм и мисти-

цизм: ньяйя – логизм; йога – отшельничество мысли от видимого мира, *санкхья*¹²⁴ – природа в ее двойственности производительных сил и в ее наружной двойственности – красоты и безобразия. Эти познания были необходимы для понимания правого и лукавого. Дар доброй воли человеку предполагал уже в себе потребность познания, чтобы в неведении он не унижил значение дара, не расторг духовных уз закона, не нарушил духовных границ его и не обоготворил ни самого себя, ни всего созданного.

Несмотря на это, в незапамятные для истории времена наука – *боддга* или *буддга*¹²⁵ – переступила меру, положенную законом, и явилась в двойственном питании добыть божественные силы: холодным оружием ума и пламенником воображения. «Желание всеведения (*le desir immodéré de la Science*), – говорит китайское предание о падении, – погубило людей».

Восточная склонность к олицетворению и последователи нового учения придали отрицанию триединства имя Буддха, хотя оно, в сущности, значит учение, мудрость, и учитель, мудрец, философ¹²⁶. Учение Вед и признает только одного учителя веры – Вишну – в свойстве Буддга (учителя); всякое иное учение, приписываемое Буддга, брамины называют ложью, изобретенной не Буддгой, а неизвестно кем.

Прозелиты Буддхи отрицания составили, однако же, родословную своего учителя, и, разумеется, аллегорическую. Отец его Суддгодана из рода Сакья, происшедшего из великого рода Гаутама. Мать его Маја, дочь царя Супрабудга. Имя, данное Буддге отцом, – Сиддгарта или Сарвартасиддга.

Проявляя смысл учения, все эти прозвища двусмысленны по их значению в правоверии и в расколе. Майя-деви, в сущности, есть прозвание божественной Деви, или Бгавани, в свойстве любви и сочувствия – Лакшми; но в отрицании, или вне границ закона, Майя переходит

в страсть, обман, мечту воображения, *philosophical illusion, idealisme**. А потому правоверие и называет буддизм – сакья, игрой воображения. В этом значении Майя и есть дочь Супрабудга – чарующего просонья, бреда. Имена Сидгарта или Сарвартасиддга – преуспеянный, всесовершенный или всеславный, есть не что иное, как эпитеты, общие вдохновенным мудрецам.

Изученный ныне восточный буддизм есть только одна сторона буддизма, отвергшего учение Вед и светскую власть. Оно есть отщепенство ортодоксального учения Джайна, или победы над грехом, переобразовавшееся в монотеизм и возведенное в условие победы духа над плотью до самоуничтожения и достижения нирваны – неопределенного блага – посредством подавления всех влияний сердца, добрых и худых. Этот отрицательный, или мистический, буддизм, сколько можно полагать, не доверяя будущей жизни, питал себя уверенностью, что посредством силы духа можно улетучить плоть и достигнуть, не умирая, до бессмертия и вечного блаженства; тогда как положительный, или материальный, буддизм, с тем же неверием отвергая дух, был убежден в возможности обессмертить плоть. Один искал средства для достижения блага в себе самом, другой вне себя.

Но на зародыши этих близнецов исконных времен, смешиваемых как в преданиях¹²⁷, так и в изысканиях с различными млечжас их потомства, указывает Иса-Упанишад Яджур-Веды: «Невежество, не сознающее божества, ведет в мрак тьмы; наука же, не сознающая божества, ведет в тьму кромешную».

Предварительно обратимся к буддизму вообще:

«Бежав из дому отца в пустыню, – как говорят последователи буддизма об учителе своем, – он собственными руками обрил себе голову и явился пастырем овец под именем Гаутамы», т.е. потомка Готамы (Готаманвайя)¹²⁸.

* Философская иллюзия, идеализм (англ.).

Сначала мнимым смиренномудрием, отшельничеством, добровольным нищенством, убийством страстей и погружением в глубину умственного созерцания Буддга и последователи его приобрели общее уважение, но когда, сняв личину, они гласно стали проповедовать отвержение Вед, триединства, а главное – власти гражданской под предлогом уничтожения каст, тогда брамины, раджи и народ восстали на сектаторов (Сака)¹²⁹ и изгнали их из Арьяварты.

Как нельзя определить время восстания титанов на богов, или на силы божественные, так же точно невозможно определить и эпоху начала буддизма; но эпоха Сака и восстание Куру, или лунного (браминского) рода, на царственный, солнечный род Панду имеет родство с буддизмом и также не подлежит расчетам хронологии.

Вишну, как олицетворенный закон истины, не одновременно поражал духа отрицания, но в различных видах и в неопределенные периоды.

По сказаниям правоверия Индии, еретическое учение Буддга есть детище раскола джайна¹³⁰. В сущности, тут нет ни малейших сомнений, если понять, что истинная джайна, или отшельничество, есть монашеская часть учения Вед; учение же джайна, или буддизм джайна, со своим условием и целью обратить все человечество в орден, легионы и цехи монашествующих, есть уже не только раскол, но целая антирелигия, строящая вместо храма бога тюрьму для людей.

Ришабга-дева, признаваемый за основателя учения джайна, принадлежит к глубокой древности. После него являются 22 представителя этого учения. Последний из учителей, или буддгов джайна, был Махавира, который после двадцати семи воплощений явился в области Бехара (Магадга) в образе сына кшатрия Сиддгарта.

Сиддгарта, как мы видели, есть и прозвище Буддга. «Во всяком случае, – говорит Langlois, – сказания будди-

стов и джайна об учителях своих тождественны. Все они происходят из рода кшатриев, все одарены с самого рождения сверхъестественной силой, все предаются нищенству и отшельничеству покаяния и потом являются пророками. Духовные из джайна называются сраманас, или саманас, и также јатис, а светские – сравакас. Как последователи джайна, так и буддисты отвергают Веды; книги тех и других писаны на языке пали».

«Почетное название Татгагата (т.е. познавший сущность всего), которое присваивается буддге и которым, – говорит Saint-Hilaire¹³¹, – он наименовал сам себя, означает того, кто неизменно следовал своим предшественникам; того, кто прошел весь путь учения по стезе буддгов, ему предшествовавших (les Bouddhas antérieurs)».

«Другое имя Буддга, Бодгисатва, значит “celui qui a l'essence de la Bodhi, ou l'intelligence suprême d'un Bouddha” – “Il faut qu'un Bouddha parfaitement accompli, gagne la faveur d'un ou de plusieurs des anciens Bouddhas”^{**}».

Бодгисатва значит мудрец, одаренный мудростью, то есть постигший учение в теории; «но только мудрец, исполнивший учение на деле, получает право на имя буддга», т.е. учителя.

Таким образом, собственно учение есть джайна, а находящийся по сие время под следствием буддга есть не что иное, как учитель, имевший с незапамятных времен целый ряд учителей-предшественников того же неуклонного учения джайна, и все они были татгагаты, и все бодгисатвы, и все буддги.

Стало быть, учение Джайна, которое проповедовал неизвестный буддга неизвестно где, существовало с незапамятных времен, и все расчеты времени в отношении его существования ни к чему не ведут; потому что в каждой стране был свой учитель, буддга или бакши.

* Тот, кто имеет сущность Бодхи, или высший разум Будды (фр.).

** Нужно, чтобы совершенный Будда превзошел более из древних Буддх (фр.).

Впрочем, мы неосновательно сказали, что подобные расчеты ни к чему не ведут. Точное определение начала буддизма в Индии, именно в VI веке до Р.Х., повело к следующему риторическому выводу.

Saint-Hilaire, признавая эллинскую премудрость самородным цветом, восклицает: «В то время, когда Сократ торжественно венчал истинное познание души человеческой, философии индийской приходилось или оставаться в неподвижности браминизма (?), или с отчаяния следовать за буддизмом и прийти к атеизму, который не понимает сам себя, и к беспощадному нигилизму»¹³². Отвратительная вера (*une foi hideuse*)! – и несмотря на это, почти треть всего человечества верует в ничто, которое проповедует Буддга!»

Так ли все это? Положим, что брахманизм (то есть сиваизм) был, по понятиям Сент-Илера, неподвижность, застой и индийской философии приходилось куда-нибудь бежать с отчаяния; но, без сомнения, бежать на чистый воздух, в открытое поле, на свободу.

А что же предлагал индийской философии буддизм, превосходно изложенный С.-Илером? – Затворничество с постоянным устремлением взора на одну точку и с условием не моргать, монастырский устав для жизни, подавление ощущений сердца, нарушающих истинное благо человека – невозмутимый покой.

На чем основывалась премудрость всех буддистов Востока без исключения – буддистов Цейлона, Бирмана, Пегу, Сиам, Китая, Непала, Тибета и пр.? – На следующих отравленных понятиях о жизни:

1. Жизнь во всех видах и состояниях от рождения до смерти есть страдание.

2. Все эти страдания происходят от страстей, желаний и заблуждений.

3. От всех этих бед можно избавиться только достижением нирваны – блаженства – через бесстрастие, подавление желаний, через полную победу духа над телом.

Далее, Буддга исчисляет правила для достижения нирваны, этого мертвого рая на земле.

Далее десять наказов¹³³: не убивать, не порицать, не прелюбодействовать, не обманывать, не пьянствовать, не принимать пищи не вовремя¹³⁴, уклонять взор от забав и удовольствий, не употреблять нарядов и умашений, воздерживаться от неги и, наконец, не касаться золота и серебра.

Все это видимые условия отшельничества для личностей, живших в вихарас¹³⁵ или в скитах, преимущественно посреди лесов, правила исключительные, почерпнутые из сиваизма и существовавшие для исключительных условий жизни. Но во всем учении буддизма нет слова о боге; вера сосредоточена в апофеозе учения под именем буддга. В этой предполагаемой новой науке для индийской философии все уже было старо, и в VI столетии до Р.Х. ей следовало обратиться не к 23-му буддге и не к знакомому искони учению джайна, а к учению «мудрейшего из эллинов, который торжественно венчал познание души человеческой».

Но странно: явясь к нему, индийская философия узнала бы в нем нового буддга джайна. Отвергая учение софистов, которое известно было в Индии за тысячи лет под названием ньяйя; отвергая учение физиков, которое сам Пифагор почерпал из учения Капила, Сократ также учил – и словом и собственным примером – покорять плоть духу и поставлял главной целью жизни покой и мир души – ту же нирвану; также презирал все земные блага, любил полную независимость духа и испытывал силу воли его над плотью. Стоял по целым часам неподвижно, углубленный в самого себя, не сводя глаз с одного предмета и даже не моргая¹³⁶, также не советовал употреблять в пищу ранних плодов¹³⁷ и утверждал, что «чем меньше нужды и желаний, тем ближе к божеству».

За это умывание рук от всего, что только нарушает беспечность покоя, даже и индийская философия назвала бы Сократа учеником Сукра¹³⁸.

Риторическая вставка имени Сократа в отношения между верованием в тримуртизм и верованием в буддизм, а вместе с тем и отречение Сократа от учения физиков могут служить к делу, ибо напоминают нам, что различие трех существенных систем философии есть не что иное, как различие тех начал верований, или понятий о создании, на которых он неизбежно зиждется.

Различие верований следующее:

1. Бог цели и закона, в трех силах творения.
2. Самотворящая природа, в двух силах плодотворения.
3. Бог в своей единой силе произвола.

Философия в Элладе по преимуществу была всегда орудием и проводником верования. Какой же системы философии, а следовательно и верования, был представителем Сократ?

Учение мудрости текло в Элладу только из двух источников – из материального Вавилона и мистического Египта. Эти два близнеца были безгласны для потомства; за них говорили прозелиты-эллины, но как толмачи, не посвященные ни в премудрость алгебраического языка халдейского, ни в тайны знаков, которыми изъяснялся глухонемой Египет. Явно по видимости только то, что Вавилон, веруя в ἡλέκτωρ или φύσις, силу, возбуждающую оплодотворение природы, рассыпался повсюду палящими лучами наружного просвещения; а Египет, антагонист его, поклонник μάγνης или ψυχή, вдыхал все в себя и держал живую душу в прозябании. Один промышлял соблазном и упоением чувств, другой – соблазном и упоением духа. Один рассчитывал на тщеславие людей, другой на суеверие. Там мнимая наука, здесь мнимая религия.

Отвергая учение халдейских или финикийских софистов и физиков, потомственных сродников Гаутамы-Ньяйя и Капила-Санкхия, какому же учению мог последовать Сократ, торжественно увенчавший познание души

человеческой? – Ответ один: учению нирваны египетской, известной под названием нипентес – покой упоенного духа, невозмутимое равнодушие.

Странно покажется, что находится буддизм в Египте; но ведь он был изгнан из Индии на все четыре стороны, и все восточные писатели утверждают, что и египтяне были отступники от сиваизма или первобытного верования. Манетон говорит, что древнейших богов Египта было семь, и на смешении языков они назывались Вулкан, Солнце, Агатодемон, Сатурн, Озирис, Изис и Тифон¹³⁹. И это действительно силы духовные и силы вещественные сиваизма¹⁴⁰, но в искажении понятий об этом значении.

Египтяне отреклись от духовного мира, и за ними остались вещественные или стихийные боги природы: Индра в лике Озириса, Варуна в лике Изиды, а Агни, или **Иамо, в образе Тифона. Ибн-Вассиф-Шах** и говорит, что «идольство – бут (или, по-другому названию, шаман)¹⁴¹ – имело начало свое в Египте; что ель-Будширбен-Кафорим-бен-Кобтим первый учил магии».

Какая разница сиваизма и буддизма в гражданском значении?

«Брамины, – говорит Крейцер¹⁴², – составляли сословие духовное, как кшатрии – войсковое; но нигде не замыслили они самостоятельного господства, преобладания духовного рядом с преобладанием государственным или цели стать выше его. Не таковы были замыслы жрецов буддизма с самого его основания. Во-первых, они поставляли во главе своего верховного понтифика, как представителя или наместника основателя учения, передавая залог его из рода в род. Повсюду, где водворялся буддизм, являлся этот глава закона, духовный властитель, великий первосвященник, облаченный в грозные атрибуты иерократического преобладания».

Этих наведений довольно на первый случай, чтоб искать буддизм не в одной форме, обратившейся в указную,

не в одном времени и не в одних местностях, отмежеванных ему европейскими буддологами.

VII. Буддизм материальный и буддизм мистический

Существующие понятия о религиозном значении буддизма. — Учение санк`ия. — Учение джайна. — Изгнание буддизма из Индии. — Возвращение первобытного буддизма

Непонимание догматов сиваизма, или ортодоксальной религии Индии, и смешение ее с расколами дуализма и деизма доставило отвлеченному буддизму несродную ему честь называться «прекрасной ветвью религии Индии»¹⁴³.

Мнение Макса Мюллера¹⁴⁴ иное; он говорит, что буддизм в отношении к брахманизму (т.е. сиваизму) и в отделении от него составляет то же самое, что протестантизм в отношении Римской церкви.

Это сравнение было бы основательно, если б Макс Мюллер под именем брахманизма понимал не учение вед, а брахманизм, отпавший от него и основавший вместо науки религии, религию науки. В таком случае действительно мистический буддизм джайна составлял бы протестантизм в отношении материального буддизма Капила-Санк`ия. Впрочем, это могло случиться и обратно.

Различие трех древних верований яснее в неизбежном различии истекающего из них гражданства:

В сиваизме гражданство составляли духовенство, правление и народ.

В буддизме материальном — сословие ученых (халдеев и волхвов) и сословие промышленного и рабочего народа.

В буддизме мистическом — иерократия и монастизм народный.

Таким образом, в условии первобытной религии между силой духа и силой плоти есть весы вечного закона с указателем и живая охранная сила, содержащая равнове-

сие; а вне закона, с одной стороны, власть брошена, как кость на борьбу духа с плотью; с другой стороны, она передана обратно Богу и сообщается через толмача и наместника его на земле.

В пояснениях закона Вед (дгарма) и беззакония (адгарма) Харадатта говорит следующее о двух лжеучениях, согласных между собой в отрицании откровения, но враждебных друг другу по противоположности собственных понятий.

«Сугато ли познал закон или Капила постиг истину?»

Если они оба всеведущи, то отчего же противоположны их слова и верования?¹⁴⁵

Таким образом, в сущности, Капила-Санкия и Сакья-Муни-Джайна и есть те два близнеца, которых в незапамятные времена породила наука на стороне от религии, изменив ей.

Учитель, или буддга Капила, претворив духовную чашу амрита в чашу вещественного упоения, сравнивал душу с безногим, а плоть со слепцом: слепец несет безногого, а безногий указывает дорогу. Не сознавая творца, учение санк'ия видело во всем самотворение двойственной природы – стихийного духа, оплодотворяющего материю, и материю оплодотворяемую. Несмотря на то что стихийный свет не оплодотворяет, а только возбуждает оплодотворение зерна и семени, кем-нибудь созданных и кем-нибудь вложенных в недра материи.

Значение санк'ия, говорит Колеброк, «nombre et raisonnement»*. На этих двух данных ничего и не построишь, кроме вечного сложения и раздробления количеств; однако же и тут входят неизвестно почему какие-то математические условия и какая-то сила неисповедимой потребности.

По смыслу Вед, гора Меру есть символ правоверия, иносказательное изображение горного седалища Самобытного (свайямбгу), всевышнего Брама, или, в олицетворении Сивы, окруженного Ришами и Гандарвами¹⁴⁶.

* Имя и смысл (фр.).

Божество преобразуется в виде тройственного падма¹⁴⁷, который есть символ¹⁴⁸ триединого начала и источник всех вещей. В этом значении падма и исходит из вечного лона¹⁴⁹ – Сарасвати. Вот духовный символ невещественного начала начал.

Отступничество дало ему свой толк и смысл. Олицетворение учения санк'я, Капила, также родился на горе Меру. Но это была уже, как мы сказали, не духовная купа, а купа¹⁵⁰ двух стихийных начал – вещественного солнца, обитающего на горе Меру или Суралайя, и луны, покоящейся в ожидании его на ложе в водных чертогах вечернего океана.

В олицетворении учения джайна под именем учителя, буддга, он так же народился на горе Меру, в доме Капила (Капилавасту), а по другим – только воспитывался у него. Из этого можно понять, что учение санк'я предшествовало учению джайна; но основательнее понять, что легенда истекла из ортодоксального учения, в котором истинный смысл джайна – или победы над грехом – истекал из учения о бессмертия и символа его, изображаемого чашей амрита, или бессмертия.

Собственно Буддга – еретик, с малолетства возненавидел преходящую жизнь и искал в своем аскетизме не очищения и спасения, а упоения духа, не осязательного наслаждения Капила, а, говоря языком эллинов, сократического или платонического.

Буддизм Капила-Санк'я, материальный, учено-промышленный буддизм, не казался даже в Индии опасным; он разносился из средоточия науки сам собою, без всякой пропаганды, и считался только отступлением светского учения от понятий религиозных; но когда смиренные саманеи, как называли буддистов, образовали тайную религиозную общину, как смерч, который втянул в себя мертвые воды моря, вздумал ими орошать землю, тогда все, что уцелело в правоверии, восстало, поднялось горой и сбросило с себя этот потоп.

Фраза, что «буддизм, изгнанный из Индии, торжественно водворился на большей части известного древним материка», почти узаконилась; и несмотря на это, его нашли только на неизвестной древним части материка, а именно на севере, на востоке и юге Азии. На западе же Азии, единственно известном древним историкам и географам, буддизма нет и как будто не было. На западе Азии, в Африке и в Европе учредились свои собственные мифология, независимые от верований варваров, живших за пределами известного древним материка.

Сходство, однако же, так велико между темной мифологией великих древних народов и ясным верованием варваров, что или гора Меру ходила на поклонение Олимпу, или Афины отправлялись в Сивапур, или, наконец, отрицание триединства, т.е. буддизм, не миновал Сирии, Египта и Эллады.

Известно, что Пифагор почерпал свое учение в Каббале халдеев, а учение Пифагора представляет одни и те же начала с учением Капила¹⁵¹.

Вообще же в эллинских философах можно видеть только антагонистов, последователей учения Халдеи, где преобладала природа φύσις, и учения Египта, где преобладала душа ψυχή. Все различия систем были только видоизменения этих двух начал, которые служат основой и учениям Капила и Джайна.

Бахус, или Вакх, в свою очередь, напоминает и буддга – познание – учителя ортодоксального, первобытного, и κάλλιλος, корчемника и торговца Халдеи, и деваиони – таммуша (Lingam Yoni) Египта. Буддга родился на горе Меру от Майи, и Бахус родился в Индии, на той же горе Меру, и так же от Майи. В чем же затруднение признать Бахуса Египта и Греции именно за того буддга, которому посвящено было столько исследований знатоками индийского, китайского, монгольского и иных языков? – Затруднение в том, что это признание рушит все здание хронологии,

устроенное для древней истории, поведет просвещение не от запада к востоку, а обратно, и наконец наложит тень на премудрость эллинскую, в которую так все верилось и которой тексты, как что-то священное и неопровергаемое, были опорой диалектиков.

По сие время, находя в чем-нибудь яркое сходство между учениями египтян и эллинских теософов и учениями Индии, индолог в выражениях своих обращается с Востоком как с глупым учеником Запада¹⁵² и систематически не уступает браминам ни самобытности, ни первенства в просвещении. Причины этого могут быть основательны только для тех, которые верует в индийских *germanes* Страбона, в зародыш иафетидов Вестергарда и в арийскую колонизацию Вебера.

Сделаем для опыта постановку и вывод из следующих положений.

Страбон¹⁵³, по Мегастену, находит в Индии касту ученых, *germanes*; хотя в Мегастене эта каста называется *sarmanes*, согласно названию Сраманна, или Саманас, браминов учения джайна.

По «*Suaning-Chronolog. Danica*», правнук Иафета Gomer II в 193 году после потопа и за 2098 лет до Р.Х. жил уже в Готландии.

По северным сагам, закон, «чтоб все покойники с их имуществом были сожигаемы и прах их бросался в воду или погребался», издан скандинавским богом Одином.

По словам датского ученого Вестергарда: «Древо иафетических языков, обнимающее главнейшую часть населения Европы, пустило две отрасли свои в Азию чрез Иран и Индию. Но в какой части Европы или Азии корень иафетического древа возник из своего первобытного зародыша, это еще составляет до сих пор неразрешенную загадку»¹⁵⁴.

По подобным данным, не упоминая уже, что «*Danos a Danais venisse*»^{*155}, можно, пожалуй, заключать, что за-

* Даны произошли от данайцев (*лат.*).

родыш иафетического корня языков находился именно в *germanes* Европы, и что одна ветвь его направилась в Иран и образовала, положим, *Germanica* Птолемея в Азии до самого Кабула; из Кабула же дальнейший путь этих браминов-*germanes* указан определительно Вебером¹⁵⁶ под именем колонии арийцев. Эта колония, как мы уже выше упомянули, поднялась из Кабула на восток около 1500 года до Р.Х. и ровно 1000 лет двигалась вперед и брахманизировала дикарей, населявших Индостан.

Мы уже упоминали выше об этой колонизации, упоминали и о хронологических выводах, основанных на мнимых данных. Подобные положения таят или нет замысел и цель рушить возникающую веру в первенство Индии; но, во всяком случае, они ставят во главе истории Хама и сына его Ханаана.

Не обращая внимания на существенные догматы и символы религии, смешивая тримуртизм с ересями буддизма, не вникая в дух и значение верований и обрядов и считая собственное непонимание за невежественные понятия туземцев, один видит в учении Вед пантеизм – «*hi-er aus spricht klar der pantheismus*»^{*,157}, другой принимает за первобытную религию ересь санк'ия¹⁵⁸, третий – ересь джайна¹⁵⁹ и т.д.

Чем представляются нам все исследования о древних религиях? – Той же греческой мифологией, каталогом бесчисленных богов с их формулярами о должностях, которые они занимали на небе, на земле и под землей. Система идти от раздробленной материи к духу, от осколков сосуда к тому, что в нем заключалось, преобладает во всех изысканиях; преобладает потому, что в основах наших собственных понятий живет еще буддизм материальный, который воображает, что разум созрел только в нем и ступени к прошедшему ведут во тьму первобытной человеческой глупости.

* Отсюда ясно виден пантеизм (нем.).

VIII. Ефиопы и египтяне

Фиваида и Египет. — Фивяне-сиванты и туземцы страны. — Египтяне-пришельцы и по вере отступники от сиваизма. — Буддисты Саманей, или Хамониты. — Фиваида или Ефиопия простиралась некогда до Сирии и до бережных Средиземного моря

Если вообразить себе Египет личностью, то он представится лукавым, который таил себя и не произнес ни одного правого и откровенного слова. Как Египет сам по себе, так и история его — те же иероглифы, разгадываемые при помощи эллинского глаза или уха. При наглядном же способе своих созерцаний эллины безотчетно смешивали под словом *Египет* верования, обряды и обычаи двух чуждых друг другу и совершенно различных — туземцев и пришельцев, ефиопов и собственно египтян.

Просвещенный эллин смотрел на ефиопов в отношении египтян не так, как на особенный и иноверный коренной народ, ἔθνος, а как на ἔθνηχός — чернь египетскую, утопающую еще в бессмысленных и диких понятиях и верованиях.

Однако же Диодор, различая ефиопов от египтян более, нежели сам так называемый отец истории Геродот, говорит, что они не пришлецы, не колонисты, но коренные уроженцы страны и, по преданиям, потомки древнейшего из всех народов.

То же самое повторяет он и о фивянах, коренных жителях Фиваиды, или Нижней Ефиопии, покоренной египтянами.

Здесь предварительно мы должны вдаться несколько не в словопроизводство, а в различное произношение и писание одних и тех же слов и названий.

Фивы — Θῆβη — Thebae, был город столичный, или, в древнем смысле, град поклонения, град Божий Ефиопской области, по которому и народ носил название θηβαῖοι — фивяне, фиваиты.

Греческая *Θ* выражает шипящую букву *С* и *Ш*, и иногда обращается в *С* и *Z*, как в самом слове *Θεός* – *Zεύς* – *Zαός*; *Θεῖος* – *σεῖος*; следовательно *Θήβη* – *Σήβη*, и именно потому, что семитическое произношение имени Сава или Сива – Шит.

Эллины называли Фивы и Диосполем (*Δίοςπολις*); но *Δίος* есть род. пад. имени *Zεύς*, означающего, по Диодору, *Zῶός* – живой – и составляющего эллинское произношение имени Сивы. В смысле сиваитов *Δίοςπολις* однозначно с Сивапур – град Сивы, или Девапур – град Божий, название Бенареса (Вараннаси), посвященного Сиве, как божеству общенародного верования и жертвоприношений.

Град *Σάβα* Счастливой Аравии во время сиваизма носил то же название: мединат-ель-шив, то есть град Сивы.

То же название носили и древнейшие города Греции, относящиеся ко временам сиваизма. В Беотии, Фессалии, Троаде столицы назывались Фивами (*Thebes*), в других местах – Диосполисами, Теополисами. Во всех древних областях славян священные города назывались грады Девины.

В глубокой древности эфиопы жили по обе стороны Черного моря, а потому и предание о Македе¹⁶⁰, царице Савы или савеян (*Σαβαῖοι*), общее как абиссинам, потомкам эфиопов, так и савеянам Аравии, которых называли церковные писатели внутренними индами, а персы *сиах* – гинду – черными индами¹⁶¹, разумеется, смешивая с нубийцами¹⁶².

Таким образом, названия эфиопы, *θήβαοι* и инды относятся к одному и тому же народу. Но что же значит прозвище эфиопы?

Не грубая ли это египетская форма произношения коренного имени народа с неизбежным членом *e* – элиф?

Этот член существует в самом названии Египта – *Αι-γυπτῖοι*, ибо имя их без члена копты (*сophti*, *gophti*) по-арабски *El-khibth*, *Ek-khibth*.

Не на том ли же условии и название *Αιθίοποι* без члена должно быть *Θιόποι*¹⁶³. О явно заменяется на *С*; а *Π* заменя-

ет в произношении *О, Ф, Б* и *В*, и здесь являются от изменений произношения первобытного *Σαβοῖ* в *Θηβή* (*Φοῖβη*), *Θοῖβος* (*Φοῖβος*), *Σιός* (дорич.), *Θέος*, *Φάος*, *Φόπς*, *Φῶς*, *Φωψ* с членом *αἰ-θος*, *ἄι-θοψ*. На этом условии и *Αἰθιοψ* – Ефиоп – образовалось из *Αἰθιος*, без члена *Θιός*, *Σιός*, сократившееся из *Σοῖβος*.

Очень естественно, что эллины первоначально употребляли египетское название туземного народа, а потом уже приняли и собственное его название (*сайва*) по вере и по главному городу поклонения – *Θηβαῖοι*, соответствующее названию аравийских ефиопов – *σαβαῖοι*, которые до времен Магомета сохраняли сиваизм.

Предания как *фиваитов*, так и *ефиопов* о древности своей в отношении пришельцев египтян – *коптов* или *куфитов* – одни и те же: «Религия, обряды жертвоприношений, торжества богопочитания, философия и истинная астрология имели свое начало у них, а не у египтян». – «Египтяне составляют колонию, выведенную *Озирисом* из *Ефиопии*»¹⁶⁴. – «Египтяне почерпнули свои законы из книг предков ефиопов». – «Изобретение письмен принадлежит также ефиопам».

«У египтян, – продолжает *Диодор*, – было два рода письмен – священные и гражданские. Как те, так и другие не были тайной для народа. У египтян же священные письмена известны были только жрецам, и смысл их передавался за тайну из рода в род».

Этими последними словами *Диодор* дал полное понятие о противоположности верования и гражданства двух народов. Если туземцы *сиваиты*, или *савиане* (*ssabioun*), то египтяне – отступники от сиваизма и, следовательно, *буддисты-саманеи*, *chamanes*, что и подтверждают восточные писатели, упоминая, что *идольство бут*¹⁶⁵, или *саман*, водворилось первоначально в Египте. По *Вассиф-шаху*¹⁶⁶, ввел *идольство* и *магию* *ель-Будшир-бен-Кафторим-бен-Кобтим-бен-Мисраим-бен-Хам*.

Названия идольства бут, шаман, имя основателя Будшир и учение его ель-Будганиэ¹⁶⁷ напоминают уже имя учителя или учения. Подобное событие должно же уцелеть и в преданиях страны; мы и изложим их ниже; здесь же остается только подтвердить предания сиваитов, что они туземцы на берегах Нила, а египтяне – пришельцы, колонисты.

Геродот пишет (Евт. гл. 4), что «в царствование Мено (Μῆνα) все пространство Египты до Фиваиды было еще покрыто водою».

Плиний¹⁶⁸ повторяет тоже: «Море простиралось некогда за Мемфис, до гор Ефиопии, и покрывало также все равнины Аравии».

По преданиям самих ефиопов, «вся страна, занимаемая Египтом, некогда была под водой и образовалась из наносов Нила».

«Ефиопия разделялась в глубокой древности на множество царств, – пишет Плиний. – Еще до войны Троянской, во время Менона, при царе Сефе (Сερһее), она была могущественна, славна и простиралась до Сирии и до бережных нашего (Средиземного) моря, что видно из сказаний об Андромеде»¹⁶⁹.

Таким образом, Фиваида существовала уже в те времена, когда на Ниле было еще место свято от наваждения нечистой силы.

IX. Пришлецы-египтяне водворяются в Нижней Фиваиде противниками верования туземцев

Предания о первобытной Фиваиде до нашествия египтян. Внезапное нашествие египтян как противников туземного верования. – Уничтожение закона Ману в покоренных областях

По сказаниям египтян, Озирис покорил ефиопов, т.е. фиваитов, хотя эти последние и говорят эллинскими уста-

ми, что оружием их никто не покорил – не только Семирамида или Вакх, но даже и Геркулес, словом, ни один из мифов олицетворенных учений Халдеи, Египта и Греции. Собственно египтяне, по преданиям, действительно были плохие воины; но победам ложных учений всегда предшествовала пропаганда, растлевающая тело народное; за ней следовал подкуп, внезапный взрыв, панический страх, и потом уже оружие, которым добивали павшего духом.

Такова была и победа Вакха-Озириса. Нахлынув неожиданно на прибрежную Фиваиду и затопив ее своими прозелитами, первым его подвигом было разрушение храмов и искоренение веры туземцев.

Диодор, упоминая о первобытной славе и могуществе Фиваиды, прибавляет, что в долговременной борьбе с Египтом то победы, то снова иго истощили эту страну.

Очень естественно, что по покорении туземного народа первой заботой царей-пастырей, или понтифов, было уничтожение сиваизма, его закона и обрядов, от которых Вакх-Озирис отступился еще в Индии.

Об этом событии сохранилась память в предании истории, хотя смутно, в путанице собственных имен, в исчислениях династий богов, полубогов и смертных, с хронической страстью определять время, когда именно, в котором году по созданию мира они царствовали над Египтом.

Если верование фиваитов был сиваизм, то они должны были управляться религиозно-гражданским законом Ману, основанным на священных Ведах¹⁷⁰.

Предание Египта (т.е. Фиваиды) говорит: «Первою властью после богов был Ману (Μήνα, Μενάς, то есть закон); он учил людей богопочитанию и жертвоприношениям»¹⁷¹.

«После 52 царей, последователей Ману (т.е. его закона), явился Кнеф¹⁷² и предал проклятию закон и имя Ману, и повелел начертать это проклятие в храме Фив священными письменами».

Вот эпоха нашествия египтян со своим Озирисом, сыном Кнефа, совершившаяся за 13 478 лет до Р.Х., как определяет Ларше по Диодору.

Разумеется, что в почерпаемых Диодором сведениях Озирис – Ousirah – является то под именем Вокхориса, то под именем Вусириса¹⁷³.

По Евсевию, до 2007 года до Р.Х. страной обладали цари фивян, но с этого времени овладели правлением пришельцы-пастыри. Геродот, почти смешивая под общим именем египтян и собственно египтян и фиваитов, упоминает, однако же, о различии обрядов Фивейской области и городов, в которых храм посвящен был Зевсу Фивейскому, от обрядов египетского верования и прибавляет, что не все египтяне почитают одних и тех же богов¹⁷⁴.

Этих богов он разделяет на восемь старейших, двенадцать второстепенных и на богов Озириса. Исчисляя по записям жрецов поколения и незапамятные времена первых богов, Геродот заключает, что от рождения Диониса (Вакха-Озириса), сына Семелеи, дочери Кадма, до его времен прошло более тысячи шестисот лет.

На этом сказании, без сомнения, и основался Евсевий, прибавив к 1600 годам время существования Геродота за 400 лет до Р.Х. и определив, таким образом, начало царствования Озиридов, или нашествия царей-понтифов, Пиромов¹⁷⁵ египетских.

На этом основании восемь богов главных и двенадцать второстепенных относятся к верованию фиваитов, и в первых нетрудно узнать восемь сил, хранителей мира – локапалас, и двенадцать созвездий, сил (девас), управляющих месяцами и называемых также светилами – адитьяс.

С этим вместе как значение фиваитов, так и водворение Вакха-Озириса на Ниле становятся ясны.

В Фивах до нашествия царей-пастырей царствовало потомство ла-Хареса, или Хоруса¹⁷⁶. В нем мы имеем уже

право признать Хариса (Сива-Вишну), родоначальника царственного рода или раджей Индии.

По Манетону, царей рода ель-Хареса до нашествия царей-пастырей – *gois-pontifs* – считалось 42. По Диодору, до Кнефа, или преобладания Озиридов, – 52.

Тимай был последний раджа из династии Фив, или Диосполя.

«Во время царствования Тимая, – пишет Манетон, – неведомо какая разгневанная сила взмела на наши области с востока полчище неизвестных людей низкого происхождения, но отчаянно смелых. Эти чужеземцы ворвались внезапно и овладели всем без боя. Цари были пленены ими, грады преданы пламени, жители избиты, жены и дети взяты в неволю».

«Их Царь, Салат, оградив (войсками) границы, построил в области Саитской¹⁷⁷ город, обвел его высокими стенами и назвал Аварис (*Avariv*, *Avariv*). Это название имеет религиозное значение».

После Салата владычествовали Веон, Пахна, Афоф, Ианиас, Ассеф¹⁷⁸.

Эти шесть властителей покорили египтян (т. е. эти шесть властителей египетских покорили фиваитов) и замыслили извести весь род их. Они носили название *hycsos* (или *sessos*, *sethos*), что значит цари-пастыри. Говорят, что они аравы.

Они владычествовали 511 лет, до самой смерти мифа Египта¹⁷⁹, собственно же говоря, до Тетмосиса, который, как увидим, изгнал этих царей-пастырей в Сирию.

Здесь нужно некоторое объяснение, которое подтвердится ниже.

Жрец Манетон, считая право туземства за египтянами, разумеется, сопоставляет в противники им сиваитов, ибо *sessos*, *sethos*, *hycsos* есть явно искаженное название – шиф, т.е. Сивы¹⁸⁰; но в то же время, придерживаясь коренного

предания туземцев фиваитов, или сиваитов, называет нашельцев арабами, а их каганов – царями-понтифами.

К какой же эпохе отнести это внезапное нашествие из степей Аравии иерократического народа, враждебного вере фиваитов, или сиваитов? Иерократия есть не что иное, как буддизм браминов куру, изгнанных из Индии за замысел сочетать в себе, как в первенствующем сословии, и духовное и гражданское паствительство. Это явно в иносказании о Бали, или Махабали (буддга), который замышлял покорить властью своей небо и землю, но был низвержен Вишну, так же как и брамины Куравы, в *nátala* – преисподнюю.

Это явно в халдейском предании Санхониатона, что ӨоӨ (Thauth), египетский учитель (Гермес, Меркурий, Буддга) в подражание Урану (небу) создал лики богов, а Илос (Ιλος, Ηλιος – солнце), присвоив себе власть отца своего, Урана, и прибыв победителем в полуденные страны, построил Вавилон и потом дал Египет в царство Фофу.

Это видно и в египто-эллинском мифе Озириса, называемом Дионисом и Бахусом, который родился в Индии от Семелеи (Сома), дочери Кадма (Кадмон-Халдеи, Гоутамы Индии). Спасая от мщениия Геры (Юноны) и от громов Зевса, Кадм скрыл младенца в коробе, бросил в море, которое и принесло его к берегам Лаконии, по эллинскому смыслу, а по египетскому – к берегам Нила, называемого в священном языке Кеаном, или, с присоединением неизбежного члена, Океаном. Из ель-Кеан легко образовалась Лакония.

Таким образом, и мифические сказания, и история не утаивают ни происхождения египтян, ни водворения их на устьях Нила, ни значения их в религиозном смысле, как отступников от сиваизма; но доказательства еще не исчерпаны, как увидим ниже. Этот предмет стоит изысканий и изложения более ясного, отчетливого и строгого, нежели предлагаемое нами.

Х. Буддизм Халдеи и буддизм Египта

*Капила Санкия. — Саманизм. — Символ учения Вед
и символы отрицания, или буддизма*

Нам кажется, что ничто так не выражает высшей органической формы, личной и общественной, как эллипсис. В нем центр и два фокуса – триединство вещественной природы в законном объеме, на очертании которого взаимно отражаются лучи и звуки двух внутренних деятелей, питаемых внешней всемирной силой. Если эти два фокуса, или два внутренних деятеля, отпадут от общего центра равновесия и захотят сами быть центрами живых сфер, то один из них образует параболу, а другой гиперболу. Один тщетно будет тянуться, чтоб обнять весь мир, другой напрасно будет рассыпаться, чтобы достигнуть до пределов мира.

Эти отпавшие от взаимного центра два фокуса и есть буддизм материальный и буддизм мистический.

Верование египтян, а следовательно, и все понятия истекали из помраченной стороны разума. По их смыслу, переданному Диодором, «после Девкалионова потопа природа возродилась в устьях Нила потому именно, что и жар солнца, и испарение вод способствовали этому возрождению живых существ».

«Возрожденное человечество, – продолжают они, – созерцая природу, было поражено благоговением при виде Солнца и Луны, этих двух главных и вечных божеств, и прозвало их Озирисом и Изидой. Эти два божества порождают всех земных существ: Озирис сообщает для этого порождения воздух и огонь, а Изида – землю и воду».

Так же точно понимает создание и Буддга Капила¹⁸² в своем учении чисел – санк`ия, которое Колеброк признает за основание известного уже Европе восточного буддизма¹⁸³. В сущности, оно так и есть. Учение Капила, которому соответствует каббала халдейская и саманизм, или

буддизм, которому соответствует хаманизм египетский, разнятся не по верованию и даже не по символу двуснастной природы, а по догмату поклонения той или другой ее стихийной силе. Капила сознает вечность материи и духа (стихийного), не сознавая создателя, и каббала точно так же; египетский символ плодотворной четы богов есть тот же лингам¹⁸⁴ учения санкия.

Неотличия Буддги ортодоксального от Буддги еретического, изучающие так называемый брахманизм, по одним толкованиям тысячи различных имен и величаний сивы, сообразных образам и свойствам бытия, без сомнения, скажут, что тот же самый лингам прообразует и тримуртическое верование. Но мы уже упомянули о различии, и было бы злой клеветой или невежеством смешение лингама или знамени триединства творческих сил с лингамом дуализма учений капила и каббалы, саманеян и хаманеян, или хамонитов. Там Сарасвати, лик божественного слова, держащая трилиственный цвет Сома, прообразующий тройственный – аум¹⁸⁵; здесь двуснастный лик вещественной природы – фаммушь.

Ла Кроз, сознавая единство сектаторства саманеян с египетским верованием и находя Озириса в Исвара (Isouren), не пропустил заметить, что правоверные (*gnanigueuls*) Индии отвергают с отвращением лингам раскола¹⁸⁶.

Сива Исвара (в свойстве творящих сил природы – Иса) тройствен; он Сура – свет, царь, царь света – Индра; он Митра-Варуна, Сома (дуна, лоно), дух вод; в лике же земном – Агни, возжженный свет.

В дуализме же египетском он является под тем же именем света, солнца – Сура – Σηρίς¹⁸⁷ с членом Υσις, Ισις Οσις и божества земли, вод (ὕδως) – Изиды.

Орфей вынес из Египта и понятие о единстве: Εἷς Ζεὺς, εἷς, Αἰδης, εἷς, Ηλιος, εἷς, Διόνισος – и бог жизни, и бог смерти, и бог Солнце, и бог Луна, – все один и тот же бог; но этот его бог есть самотворящая природа, бог Добро-Зло.

В духовном смысле тримуртизма Сива – природа – есть третье лицо; он есть только живой сосуд духа вселенной (маханатма), деятельное вместилище его божественных свойств в соответственных качествах и проявлениях. Здесь и человек, как часть целого, есть также воплощенная способность, и личный дух его есть часть и участник целей вечного совершенства и совершенствования творческой природы по закону предвечному. Таким образом, по учению Вед, призвание человека к жизни не случайное, не бесцельное.

В материализме же, или отторжении Сивы от трйственности и возведении его в бога-природу, в причину, начало и сущность создания, – двойственная природа должна явиться или в двух противоположных друг другу силах – в Боге добра и в Боге зла или сочетать в себе эти две силы, как двуполое существо, безотчетно воспроизводящее подобных себе.

В первом случае человек становится постоянной жертвой и целью завоевания двух борющихся сил; во втором – он сам урожденная смесь добра и зла, урожденное отрицание законов истины, права и порядка и, следовательно, он ниже бессмысленного и пресмыкающегося животного, ибо и животное руководится инстинктом или побуждением – этим врожденным частным условием общего закона.

По всем иносказательным и прямым преданиям, отступничество от первобытной религии совершилось в Арьяварте, или Индии, и смысл изгнания буддизма заключается в преследовании всех еретических учений, отвергавших божественность Вед, а не исключительно буддизма джайна – Сакья-муни.

Сказать, что буддизм бежал из Индии на все четыре стороны, и потом застраховать от него Египет, Халдею, Персию и Элладу – нельзя. Понимать под именем Буддга только раскол Сакья и определить время начала буддизма – невозможно; потому что сам Буддга Сакья сознает

себя неуклонным продолжателем учения буддгов, ему предшествовавших.

Под какими бы видами и образами ни являлось во времени и в пространстве отречение от духовного света – это все равно: в таинствах ли Изиды, в таинствах ли елевзинских, в сатурналиях ли, или оргиях Бахуса, в гимнах ли Орфея, в мифах ли Ксизутра, Бела, Немрода, в победах ли Сезостриса или Нина, в символах ли Хаммона, Джемшида или Шамирам, в именах ли Кадма, Ермия, Фофа, Фо-хи, или в именах философов Эллады, – это одна и та же пропаганда, лучи одного и того же буддического мертвого светила Нилабга¹⁸⁸.

XI. Пропанганда вавилоно-египетского буддизма

Предания о столпотворении у различных народов. – Боги колонизаторы и рестораторы

Подобные события, как нравственный потоп двуликого буддизма, его идолство, построение Вавилонских столбов и насаждение искусственных эдемов вместо потерянного рая не могло не оставить по себе следов и в теогонии, и в истории народов-прозелитов нового верования, дающего свободу или духу, или плоти и в то же время сковывающего или дух, или плоть.

Очень естественно, что изустные предания на разных языках высказывались различно, по-своему, с заменением чуждых имен богов, полубогов и героев своими собственными апофеозами. Часто и место события переносилось намеренно и ненамеренно из края в край, с одного конца земли на другой.

Таким образом Озирис, или лучше сказать, таинства и символ Изиды, олицетворились в Греции в таинствах Вакха или Диониса, сочетав в себе те же две вещественные силы. Вакх, или Бахус, как и Буддга, воспользовавшийся симво-

лом горного нарождения познания истины (Будга), также народился на горе Меру недоноском.

Легенды Бахуса различны по местностям, куда проникло учение, как и легенды Буддга; но это касается до учителей, а не до учения, и потому существенный смысл их один и тот же. Главные же два исповедания буддизма отразятся, как увидим ниже, и в различии бахусов.

Семелея, дочь Кадма и внука Агенора, пожелала, чтобы Зевс явился на свидание с ней явно, торжественно и во всем своем величии, как перед Юноной или Ирией (Ἰριή)¹⁸⁹, что он и исполнил. Но чреватая уже Вакхом Семелея не вынесла блистательного его света, выкинула младенца и обратилась в прах от молниеносных лучей. Зевс повелел Гермесу (Меркурию) бросить новорожденного в подземелья Нисы между Нилом и Хананеей. Гермес исполнил волю Зевса и поручил Вакха нимфам. В подземельях Нисы нимфы взлелеяли Бахуса; он возмужал, избрел употребление вина и обошел почти всю землю, научая народы, как садить виноград или взамен его хмель¹⁹⁰.

Здесь Вакх, по существенному смыслу легенды, Луна, или, прямее, лунное учение, посягавшее на права света духовного солнца, является в настоящем своем виде, ресторатором-корчмарем, пропагандистом учения, основанного на упоении чувств, но в халдейском астрологическом апофеозе он уже лик солнца – Озирис, восходящий на горе Меру и разливающий обилие на пути своем в чертоги Ночи (Ниса).

Этот апофеоз Вакха в лике солнца и есть то похищение небесного огня, известное по легендам о Прометее.

Далее предание говорит обычным своим языком, что, проходя со своей ратью чрез пустыни Ливии и умирая от жажды, Бахус открыл на одном из островов *песчаного моря* источник, утоливший его. В память этого события он построил при источнике храм Хаммону¹⁹¹, что в переводе на

санскритский язык значит Девајонису, на ханаанский – Таммушу, на сирийский – Адонису, а на греческий – Дионису; следовательно, построил храм самому себе.

Легенды об Озирисе представляют тоже смешение преданий. Он бог-солнце, он первый царь под именем Египтуса, сына Бела Вавилонского, он герой-победитель народов под именем Сессосра или Сезостриса, он просветитель смертных, он сын Хаммона и сам Хаммон, сын Бела и сам Бел.

Овладев при помощи царей-пастырей болотистой дельтой между устьями Нила, Озирис принимается за хозяйство. Он строит мосты и плотины, обеспечивая новоселье от ежегодных наводнений на постоянное жительство, насаждает виноград и хмель, сооружает храмы Хаммону, отцу своему; потом, передав управление Египтом Изиде, назначает Вусириса, то есть самого себя, наместником, гиганта Антея (вероятно, Адонаи) охранителем границ Египта со стороны Хананеи, Фиваиды и Ливии и идет покорять народов своему учению. Победы свои он начинает с Ефиопии, т.е. Фиваиды, проходит Аравию вдоль Черного моря, проникает в Индию – черную и белую – неизвестно, потом следует к аримаспам, переправляется чрез Геллеспонт во Фракию и достигает Италии.

В восточные страны, *terra incognita*, в *Scythia extra Imaum** он не идет, предоставляя их иному учителю или буддге.

По всему своему пути, во всех странах западного буддизма Озирис воздымает столпы, такие же, как и Немрод, насаждает виноград, а где земля не принимает его – хмель для напитка, изготовляемого из ржи и не уступающего вину ни в крепости, ни в свойстве.

«Таким образом, – говорит Диодор, повторяя слова египтян, – Озирис на всем пути своих побед оставил памятники своей мудрости и благотворения».

* В Скифии за горой Имаус (лат.).

Совершив свой подвиг, он оставил и землю и явился в лике солнца на небе. Но Изида в честь и славу его устроила жертвоприношения, мистерии и обряды посвящения в эти тайны. «Отсюда, – замечает Диодор, – эллины, принявшие от египтян мистерии и оргии Вакха, почерпнули и фаллические бряды φαλλός».

Таким образом, Египет есть рассадник поклонения лингу, или лику двойственной природы¹⁹². Здесь трилиственный Сома, ведический аум, asclepidas acida ботаников превращается в faba Aegyptia*, в священный боб – πύαμος или χύαμος, подобие тава и омеги. Это природа в лингаме Таммуша или Хаммона¹⁹³.

Теперь обратимся к Озирису в мифе царя Египта, или Sethos rah, столь известного в истории под именем Сезостриса¹⁹⁴.

Прежде всего должно сказать, что название Сетосрах (царь Сива) должно быть не египетское, а фиваитское: Сива Исвара – Сива Господь, царь. Восстание титанов – дайтъян или асурас – против Сивы переносится и в сказание об Озирисе под именем Тифона, и в сказание о Сезострисе под именем Армаиса или Даная¹⁹⁵.

Диодор предупреждает, что сказания о Сезострисе греческих историков, мифы жрецов и воспевания поэтов совершенно различны. Сезострис, он же и Египт, сын Бела, а в то же время и сын Вулкана, или Ифеста, низвергнутого с неба, воспитывается в доме отца на победу всего земного шара. Первым поприщем служат ему пустыни Аравии, где он сражается с дикими зверями. Вступив на престол, он поручил Египет брату Армаису или Даная и двинулся по пути Озириса – сперва на Ефиопию, потом на бережные Черного моря, покорил Азию и заключил подвиги Фракией. Во всех этих странах он воздвигал, как и Озирис, столпы, и «in cippis illis pudendum viri, aut faeminae expressit». Воз-

* Египетский боб (лат.).

вратясь с добычей на родину, он начал руками пленных воздвигать храмы отцу своему, Вулкану, строить гати и каналы против наводнений Нила, укреплять границы и, словом, повторять историю Озириса, с тою только разницею, что Озирис строил храмы и гати и укреплял Египет до похода, а Сезострис – после похода.

Этими сказаниями не ограничивается, однако же, история того же самого события и той же пропаганды Таммуша или Хаммона, ясно выражаемого родственным готским словом *Skamm* или *Scham*, обратившимся, как эллинский *Δαίμων* (даймон, низшее божество), в epitheton *sacodaemonis**.¹⁹⁶ Предание должно повторяться повсюду, куда проникало столпотворение.

Арийцы, или инды, ни по верованию, ни по нравам «не имели обычая ни рассылать колоний, ни позволять водворяться им у себя». Они знали, что чужое тело в организме, как солитер, сосет сердце и питается жизненными соками.

«Напротив, египтяне гордились тем, говорит Диодор, что успели водворить колонизацию свою во всех странах земли. Их колония под руководством Бела¹⁹⁷ основала Вавилон». Заметим, что Бел – сын мятежника Нептуна, или Посейдона, который за восстание против царственного Зевса, брата своего, был изгнан им с неба.

«Уроженец Египта Данай (тот же Тифон, замышлявший похитить царство у брата своего, Озириса, и Армаис, замышлявший то же самое против Сезостриса) основал в Элладе колонию Аргос. Иные колонии Египта водворились в Колхиде, в Понтийской области и в Сирии. По этой причине, – прибавляет Диодор, – все эти народы и совершают египетский обряд обрезания».

Но сколько не сообразно было бы со смыслом искать в истории личность Адонай или Аллаха, настолько же ни с чем несообразно относить к историческим личностям миф Бела.

* Эпитет дьявола (*лат.*).

Этот дух тьмы и отрицания, Бали или Махабали, пораженный Индрой, является уже в стране Шам¹⁹⁸ в двойственном своем лике – Αγλιβωλω και Μαλαχβηλω¹⁹⁹, отцом Озириса и Хна²⁰⁰, отцом Египта или Сезостриса и наконец отцом Нина.

Бел, как и Немрод, первый принял на себя имя бога и ввел идолопоклонство²⁰¹. Он овладел страной, названной во имя его Баббелем, или Вавилоном, и изгнал коренных ее жителей. По Диодору, однако же, не Бел, а сын его, Нин, покорила эту страну²⁰², населенную, как увидим ниже, савианами.

Происхождение жены Нина, Шамирам, или Семирамиды, есть следующее: она дочь Деркетто, которая имела голову человеческую, а хвост змеи. Прижив это детище с жрецом, она бросила его в пустынные скалы. Пастырь царских стад, Симмо, нашел ребенка, воспитал и прозвал Шамирам – в значение того, что в пустыне голубь приносил ей пищу.

Это миф эллинский. По сказаниям восточным, Семрем, или Семирамида, носит имя таинственной птицы Хамайюн, *Homaï Khamani*.

Как Нин, так и Семирамида, изменившая мужу своему, Меннону (Μήνας), слишком мифические лица, чтоб не припомнить, что в иносказаниях Востока *жена* значит вера, символ и обряд верования. Так, например, в сиваизме Сарасвати – символ закона, воплощенное слово – есть жена Ману, или олицетворенного Брама.

В отступничестве буддизма – сраманна – тот же символ закона Брамы изменяется в **Nôm, Hêomô, Cham, Hamton, Thammouz**, со значением уже дуализма. В этом лике уже и является в предании победоносная Семирамида, или Семрем, как Сраманна, – представительницей учения саманеян – джайна, названного по слову джина – *victorious, triumphant**, в первоначальном аскетическом смысле победы над грехом.

* Победоносным (лат.).

«Следуя набережными морей, Нин проникает в глубину материка», как всякая колонизация и пропаганда. Прежде всего, подобно Вакху, Озирису и Сезострису, покоряет он Египет (т.е. Фиваиду), потом Сирию, Келесирию, Киликию, Памфилию, Ликию, Карию, Фригию, Мизию, Лидию, Троаду, Фригию Геллеспонта и все варварские страны до Танаиса; водворяет господство свое над каддами, тапирами, гирканами, даками, Дербиками, караманами, хоразмами, барканами и партами, проникает в Персию, Сузиану, Каспиану чрез ущелье Каспийское²⁰³. Но Бактра не дается ему: Бактриану защищает Зороастр, а по Диодору – Оксиарт, тот же самый, который лет 800 спустя защищал Бактриану и против Александра Велико-го. Нин строит Ниневию, а Бактру покоряет Семирамида, облеченная в одежду, по которой нельзя было узнать – мужчина она или женщина.

Символ учения Сраманна, олицетворяясь в Египте в сочетании Озириса и Изиды, в Сирии принимает название Нина и Семирамиды и строит те же храмы Белу, Хаммону или Ифесту, воздвигает столпы и насаждает вертоград.

Соорудив храм и лик Бела в Вавилоне, Семирамида разводит виноградные сады в Индии на горе Бахистане²⁰⁴, где, кроме того, вырубает из скалы собственный свой лик, окруженный его стражами. Потом учреждает вертоград на горе Хаоне и в Ектабане²⁰⁵ на горе Зарксе. Совершив то же и в Персии, она отправляется в Египет, в Ливию поклониться Хаммону и в заключение покоряет ефиопов. Без одержанной победы над ефиопами и без похода в Индию против царя Ставробата Семирамида не исполнила бы программы, или сущности мифа, заключающегося в низложении сиваизма и восстании на Брама, как отца исконного – Ст'авирапати.

Диодор, однако же, лишает ее славы построения в Вавилоне висячих садов и приписывает их Сириусу²⁰⁶; но это только замена одного имени другим: Сатурн и Рея, Озирис

и Изида, Аполлон и Венера, Адонис и Диана, Зевс и Гера, Юпитер и Юнона – те же солнце и луна, огонь и вода, небо и земля, душа и плоть, мистицизм и материализм, ἡλέχτωρ и μάγνης, бог-теория и бог-практика.

Изида, как божество, промышленявшее верой, также строила корабли, развозила свои мистерии по всем набережным морей и проникала через устья рек к вершинам, в глубину материка.

Нужно ли упоминать о тождестве парфийского мифа Джема, или Джемшида-каана, и татарского, или, правильное, – мугульского²⁰⁷ Дженгиз-хана, с Белом, Немродом, Бахусом-Озирисом, с Ифестом, или Вулканом, и пр.?

Джем значит чаша, *Джемшид* – чаша солнца. Существенный смысл имени заключается в магическом символе *Hêomò (Scham)*. **Джемшид – основатель новой эры – неврюз**²⁰⁸, что соответствует слову *Nimrouz*, которым персы величают полуденное солнце. От этого падишаха (*Padischah Nimrouz – Roi du Midi**)²⁰⁹, без сомнения, родился и падишах Нимрод, царствовавший в граде Вавилоне, в стране Сеннаар, которая по его имени и называлась *terra Nemrod*, т.е. страна юга. «*De terra illa egressus est Assur*²¹⁰ *et aedificavit Ninivem*»**. Отсюда спорная вещь: кто построил Ниневию – Нин, Ассур, или Немрод или, по сказаниям восточным, Тахмурат, сын, брат или отец Вивенхама²¹¹, первого человека, который изготовил в снедь гаума (*hêomò* – древо и источник жизни и бессмертия).

Джемшид, так же как и Шемрем, построил Истакар. «Поэты Персии, – замечает Гербелот, – часто упоминают о чаше Джема или Джемшида и придают ей смысл то природы, то чаши вина, называя также чашею врачевания, предсказаний (*de la divination et des augures*), чашей химии и магии».

* Падишах Нимруз – царь Мидии (*фр.*).

** Из земли той вышел Ассур и воздвиг Ниневию (*лат.*).

Из всего этого можно понять, до какой степени смешан в преданиях символ сиваизма, или первобытного верования, с еретическими искажениями его.

Джемшид, пораженный собственным своим умом и искусством, возмечтал и возвеличил себя богом, как Бел и Немрод, изваял лик свой из различных материалов²¹², разослал во все свои области и повелел поклоняться ему.

Но его значение понятнее в Фирдуси²¹³. Джемшид – сын Тахмураза, ему подвластны и дивы, и пери. Он говорит про себя: «Я преукрашен божественным блеском, я царь и мобед (первосвященник)».

За это самопоклонение бог изгоняет Джемшида из Эйрена. Он является уже падшим духом (Gian-ben-Gian), главою всех огненных пери, возмутившихся против бога и изгнанных им в самые отдаленные страны мира. Таким образом Джемшид является в одно и то же время и личностью и мифом. Он первопоклонник Хома (Ном, Нêомò, Гаума) и сам Хом, или Хаммон. Как буддга, он уже враг девоов (богов), и в его учении божества сиваизма принимают значение нечистой силы. Как изгнанный с неба Вулкан, он водворяет поклонение огню, он великий миф и первый кеан (каган) – царь-первосвященник, *goi-pontif*. Как **Озирис, или Сезострис**, он обходит с победой землю, строит посреди пустыни вертоград (Ver-Djem-guerd), населяет людьми и животными, строит мосты и гати и воздымает египетские пирамиды.

Как падший дух (*gian*, джин), Джемшид и носит название дулькарнейн – двурогий – в значении лунного поклонения.

На языке татар, также по древнему верованию магов – мугуль, мухли – Джемшид-каган²¹⁴, или хан, обращается в Дженгис-хана, который есть тот же Вулкан²¹⁵, кузнец (вещественное творчество).

В честь Дженгиса в известный день (в невруз) потомки его каганы, или ханы, со всем народом бьют молотом раска-

ленное железо на горниле Хома. Между тем как иудеи, антагонисты халдеев, выбивают молотом имя мага Хамона²¹⁶.

ХII. Касьяпа

Значение Касьяпа. — Три Касьяпа. — Истинный и два ложных. — Три буддга, три Бахуса. — Сиваизм в Атлантиде, или Западной Фиваиде

Как ключ истины на дне студенца²¹⁷, так и ключ древней истории на дне ее. И потому напрасно было бы искать смысла древней истории в нильских болотах Египта, в разливах Хананеи или Финикии и в скопищах наносной воды в Элладе. У этих титанов-колонистов, промышленников и факторов древнего мира, копивших блеск, а не свет, не найдешь ключа не только к истории человечества, но даже к истории собственного их верования.

Все системы эллинской премудрости происходили от двух коренных школ, Фалеса и Пифагора, или так называемых ионийской и италийской. В первой основа — материальная природа — иони, φύσις, φαλλός Озириса; учение Капила и каббалы халдейской; вторую, истекшую из таинств Изиды, следовало бы назвать вместо Итаλος²¹⁸ — ὕδαλέος — водяной.

Таким образом, верование Эллады, истекая из науки мышления, философии или буддизма, было в постоянном колебании: верить ли в Изиду как мать Озириса или верить как в жену его и сестру.

Никто, кроме жрецов Египта, не объяснил бы им тайну третьего и младшего лица Тримурти, Сива Иса, взятого отдельно или отторженного буддизмом от тримурти. Прежде всего он есть мир вещественный²¹⁹, природа, Иса тысячеименный. И Изида (Isis) в Египте имела значение природы и носила прозвище μυρίωνομα — тысячеименная.

Потом в главных ликах своих Сива или Иса был: исвара — господь, суресвара — господь солнце; сома — луна;

харис – блестящий светом, золотой, лик света, солнце, пламень и пр. Как божество бытия, он проявляет и жизнь, и смерть, как по материальной идее Эллады Крон или Сатурн, пожирающий своих детей.

Весь этот смысл триединства исчез в отдельности, и Изида говорит загадочный титул свой: «Я Изида, царица мира, я старшая дочь Сатурна, младшая из богов, я жена и сестра Озириса, я мать царя Хора» и пр.²²⁰

Если при подобных таинствах эллинские философы не могли положительно определить, кто начало всего – Озирис или Изида – то и новый коптский язык не поможет пояснить египетского смысла²²¹. Толкования же по догадкам и руководству эллинской мифологии, как ключу всех древних верований, ведут только к новым спорным объяснениям той же самой, никем еще не объясненной мифологии. Положим, что египетский Мендес есть эллинский Пан; но который же из панов, спросил бы Filip von Zesen: «Es scheint aus vielen Umständen, dass mehr als ein einiger Pan gewesen: zumahl weil ihm so viel unterschiedliche Eltern, als auch Aemter zugeschrieben worden»*.

«Египтяне называют Зевса (т.е. бога) Аммоном», – говорит Геродот, но эллинский Ζεύς, или Юпитер, ничего не определяет. Не говоря о тридцати двух тысячах богов, исчисленных Гезиодом, в числе которых, по Марку Варрону, было 300 Юпитеров, мы упомянем слова Туллия²²²: «Вначале считают трех Юпитеров, о которых упоминают теологи. Первый рожден Ефиром, второй Небом, третий Сатурном».

Очень понятно, что это предание относится до первобытного верования в Сиву (Ζεύς) тройственного²²³; эллинский же Зевс или Юпитер, сын Крона или Сатурна, есть уже вещественный, земной Сива.

* Из многих обстоятельств становится ясным, что Пан был единственным; тем более что ему приписываются разные священные саны, а также происхождение от различных родителей (нем.).

Этот Зевс – мятежник против отца, и втайне от Крона воспитывали его кориванты (κορίβας), как брамины Куравы Буддга или духи вод (нимфы) – Бахуса.

Дух и смысл религии можно искать только там, где религия сознавалась как высший, нерушимый закон, а не там, где в продолжение нескольких веков она служила только темой для прения, над которой изощрялись умы философов.

Бенарес (Вараннаси), кроме названия Сивапура, или града Сивы, носил название Каси – святой²²⁴. Здесь и исток святыни – Касьяпа – питающий, или напояющий светом (познания)²²⁵. Он есть учение (будга) о бессмертии духовном.

Касьяпа в сочетании с Адити, невещественным духом света, материи светил, и есть лик истинного учения – будга. Эта наука религии, или будга религии, изложена в Мимансе²²⁶, которая разделяется на пурва (первая) миманса, или карма миманса – познание действий, обрядов религии и жизни, и на утара (вторая) миманса, или брама-миманса – познание духа (теория), смысла верования.

Но под тем же именем и ликом учения Касьяпа явились два ложных учения, проповедовавших не науку религии, а религию науки, религию буддга.

Первый из них сочетался с Дити, вещественным духом тьмы. Плодом этого сочетания были дитьян – титаны, возставшие в духовном смысле на божественное учение триединства, а в вещественном смысле – на царство, как верховную власть гражданства, и собственно на светскую власть.

Это, в сущности, и был буддга материальный, капиласанк'ия, признававший за божество самотворящую природу в двух ее стихийных силах и на этом основании дуализм гражданства: силу и власть духовную самого божества и подвластную силу вещественную – народ.

Уничтожение посредствующей власти между духом и плотью, известное в европейских толковниках под смыслом благотворного уничтожения каст, проповедание безраз-

личного равенства вместо равенства с различием, быстро распространяло прозелитизм, особенно при новом символе, капила, заменявшем чашу духовного напитка (амрити) чашей вещественного, переносящего заживо в рай.

Бог и народ – чего же больше? Но бог-природа не говорит языком человек, а поклонники не понимают его языка; необходим, следовательно, толмач, оракул, апофеозированный волхв, наместник бога-природы со всеми атрибутами или обстановками произвола теократии. Ему закон уже не писан.

Второй мнимый Касьяпа и, можно сказать по выражению Макса Мюллера, протестант, но не учения истинного, а учения Капила, есть Касьяпа, сочетавшийся с Маја²²⁷ и родивший буддга мистического – Джайна или Сакья, который вместо покаянного подавления плоти и победы духа над грехом, вместо врачующей чаши предложил чашу полного упоения духа до бессознательного блаженства, или нирваны.

Собственно, этот последний буддга и изучен Европой с полным смешением в его мнимой личности учения истинного касьяпа и двух ложных.

Главный и явственный признак вообще буддизма, как мы уже изложили, есть воцарение браминов, рода Куру, или лунной породы – Сома. Повторим слова Крейцера: «Повсюду, где водворялся буддизм, являлся государственным преобладателем верховный понтиф, наместник основателя учения, глава закона, духовный властитель, великий первосвященник, облаченный в грозные атрибуты иерократии».

Это повсеместное условие буддизма прежде всего является в Египте. *Ииром*²²⁸ Египта, говорит Ла-Кроз, есть несомненный Бирума (Брама) Индии, точно так же, как в Озирисе (Ісіріс) нельзя не узнать Исвара²⁹.

Присоединим к этому символ поклонения, Сома, аум, переобразующийся в Сирии в Хом (Неѳмо), а в Египте

в Cham, Хаммон. В Индии поклонники буддического символа носят название саманеян, в Египте то же название преобразуется и в хаммонитов, т.е. хаманеян²³⁰.

Положим, что это случайное сближение, но если все части сходны, то нет сомнения, что и в целом нет разницы.

Упомянув о Касьяпа, лице истинного учения, или учителя (буддга), и о двух ложных, обратимся к эллинскому Вакху, или Бахусу, которого имя и личность мы уже сближали с буддга.

Орфей называет родительницу Бахуса то Изидой, матерью богов, то Прозерпиной, богиней ада, то Семелей, дочь Кадма.

Диодор яснее говорит:

«По преданиям, было три Бахуса. Древнейший был уроженец Индии, и его прозывали Катапог (Καταπόγων).

Второй был сын Юпитера и Прозерпины.

Третий также родился от Юпитера и от Семелеи».

Покуда не проникли еще в Элладу прославление богов немymi, бессмысленно-чарующими звуками, эллины следовали славословию²³¹. Следы первобытной их религии не могли совершенно иссякнуть, и символический учитель (буддга) Касьяпа вместе с именем Бахуса должен был оставаться долго в памяти. Индейского Бахуса – Καταπόγων – нельзя не признать за буддга Καθαλαύ(ον) Касуара²³². По страсти придавать всему свой собственный смысл эллины преобразовали имя в Καταλώγων – с бородой, хотя в этом значении древнему индейскому Бахусу следовало носить прозвище ποῦωνίτης, или ποῦωνίας. Однако же приданное значение было не без основания, потому что Буддга еретический, в отличие от ортодоксального, обрил сам себе голову.

Второй Бахус родился от Прозерпины, но и второй Буддга-Касьяпа родился от Дити, богини патала или ада, матери титанов. По сказанию Диодора, этот Бахус разорвал

первого на части. Церера (Κέρη) собрала разрозненные части и оживила Катапога. Это предание, касающееся до нарушения первобытного закона буддизмом и до первой войны на земле между пандавами и куравами за преобладание, является извращенным в Египте, где Озирис (подразумеваемая под этим названием Сиву Исвару) был убит братом своим, Тифоном, и Изиды собирает разбросанные части его тела и образует из них таинственный лингам дуализма – **phallus** – вместо лингама тримурти. Здесь Бахус в лике Диониса, луны, а не солнца, и владычество Κέρη, Изиды, лунного племени – Асура (Сома, Нôм) вместо солнечного – Сура – Κόριος.

Таким образом, во втором Бахусе мы видим первоначальный буддизм, религию всеосязующей науки, религию Гаутама (логики) и Капила – признание бога-природы в двух его силах – солнца и луны, света и воды.

Третий Бахус родился от Семелеи, Дионеи (Thyone), Дианы, Селины, или луны. Третий буддга родился от Маји. Но ведь **Маја есть Бгавани в свойстве матери** вещественной, превратной, изменчивой природы, и, следовательно, лик ее есть лик луны, моря млека. Как мать буддга, она есть *human intellect, philosophical illusion, idealism**, тогда как Сарасвати есть разум самого Браммы.

Если же принять Бахуса как изобретателя и учителя, как буддга, Гермеса, Меркурия, то «третий Меркурий родился от третьего Юпитера и Маји, тогда как первый Меркурий произошел от неба и света: “Mercurius primus Coelo patre, Die matre natus. Tertius Jove tertio natus et Maја”»²³³.

Кроме единозначения трех буддгов и трех Бахусов, не случайно же и созвучие родственных отношений Буддга к Гаутаме, а Бахуса к Кадму, в котором нельзя не сознать Кадмона каббалистов.

* Человеческий интеллект, философская иллюзия, идеализм (англ.).

** Первый Меркурий родился от отца Неба и Дня – матери. Третий родился от Юпитера и Майи (лат.).

Различие названия насадителя вещественного вертограда²³⁴ Βάχυος или *Vachus* с именем буддга есть только различие произношения. Если имя Буддга или Бодги, означающее учитель, изменилось у магов или мугулов в Бакши, то очень естественно было ему измениться у эллинов в Βάχυος.

Казалось бы, ясно, что главная и древнейшая отрасль буддического древа, исторгнутого с корнем в Индии, укоренилась в Египте и разветвилась в философские системы Эллады. Тут и Ньяйя Гаутама, и Санк'ия Капила, и Джайна Сакьямуни; но хитрый смысл частной, положим халдейской или египетской, логики не покоряется простому смыслу логики общей всем и не изменит привычную тему, что Египет отец, а Эллада – мать просвещения. Для чего же иначе заставляют арийцев идти с запада на восток и не раньше 1500 лет до Р.Х. начинать завоевание Индии, населенной дикими дравидами? Почему не раньше 1500 лет до Р.Х.? Потому, что XVI век до Р.Х. почитается европейскими хронологами веком побед Сезостриса и веком египетских колонизаций. Колония, предводимая Кекропсом, основала Афины в 1582 году. Колония Кадма основала Фивы в 1549 году. Колония Тевкра и Дардана основала Трою в 1506 году, и т.д.

Положим, что эти «*nombres et raisonnements*»^{*} основательны в отношении Египта; но какие имеют они отношения к Индии? Поход мифа Бахуса-Озириса? Основание довольно неудачное.

Удивительны ли после этого вопросы, подобные вопросы Абель-Ремюза: «*Les sectateurs du Niaya ont ils précédé Aristote dans la connoissance du syllogisme, ou en doivent ils l'usage, comme tous les autres peuples, qui le possèdent à des philosophes de l'école péripatécienne?*»^{**235}

* Имена и смыслы (фр.).

** Последователи системы Ньяя (закона, правила) предшествовали Аристотелю в познании силлогизма? Или они, как и все другие народы, опирались на философов школы перипатетической?» (фр.).

На этот вопрос можно отвечать словами Амиота²³⁶:

«Наше несчастье состоит в том, что мы знаем древний мир по словам греков и римлян; и я сожалею об ученых, которые, основываясь на них, смотрят на Ноахидов²³⁷, как на пастухов и дикарей. У этих народов, – продолжает Амиот, – в начальные времена существуют уже искусства, науки, письмена – ясное доказательство, что это было наследие их отцов, а не поздний плод изобретения и развития (progrès)».

При упоминании об отцах исторически древних народов следует уже обратиться к народу-мифу, существование которого, по их собственному сознанию, относится к началу времен. «Je sens, qu'il est dépouiller les Phéniciens, les Egyptiens et les Grecs, qui par la voie de l'enseignement, par une réputation usurpée, ont passé pour les plus anciens et les plus createurs des peuples de l'univers»²³⁸.

«Кушиты (ефиопы и сабеяне)²³⁹, хананеи и египтяне в глубокой древности имели общее происхождение от народа, называемого атлантами, по Евсевию – ариями (aïrien)»²⁴⁰.

Но «Ефиопия (Фиваида), – пишет Плиний, – первоначально называлась Aethèria, а впоследствии приняла название Атлантиды, по имени Атласа». Следовательно, атланты суть ефиопы, фиваиты или сиваиты. По Диодору, атланты первые воздали поклонение божеству, которого они называли Ζεύς, в значении живой, и признавали его вечным царем мира.

Но Атлас изображался держащим на плечах своих мир, следовательно, вседержащим. Атлас имел семь дочерей – светил²⁴¹.

Следовательно, Атлас есть олицетворение Браммы в творении, в бытии, в жизни (Сива, Ζεύς), и Сива в свойстве державца мира есть ведический конь – Атьяс: «заря есть глава его, солнце око, воздух дыхание, годовой круг – стан и пр. и пр.

Сива есть лик солнца: «из золотой чаши (дна) возникает он, в серебряную чашу (ночи) нисходит и пр.»²⁴².

Овидий говорит, что царство Атласа простиралось до пределов мира. По Вергилию, до пределов Ефиопии. «Здесь, на вечерних границах Ефиопии, были сады гесперидские²⁴³, приносящие золотые плоды, охраняемые тремя девами, имевшими один глаз. Две из них были бессмертны, а третья, Веста, или, по иносказаниям о Персее, Медуза, была смертная».

Кажется, нельзя яснее определить ведический символ верования атлантов или сиваитов. Единое око трех девас локапалас или сил, хранителей закона, указывает прямо на две силы бессмертных – Брама и Вишну – и на третью смертную силу Сивы (природы).

«Атлас царствовал мирно над вечерней страной, где кони солнца спускаются на отдых в чертоги моря, покуда не явился Персей, родной брат Вакха. Объявив себя сыном Юпитера, он требовал гостеприимства на ночь. Атлас не поверил ему, что он сын бога²⁴⁴, и отказал в гостеприимстве, помня завет, что если он примет к себе в дом иноземца, который назовет себя сыном Юпитера, то этот иноземец похитит золотые плоды садов его и лишит его престола. Зная, что против могучего Атласа силы его ничтожны, Персей поднялся на хитрость. Он похитил глаз у трех дев-хранительниц, потом отрубил голову Медузе и посредством ее обратил Атласа в каменную гору, ибо Медуза знала свойства трав и корней, употребляя их как противоядие для охранения народа от ядовитых змей».

Это драгоценное иносказание о временах, совершенно покрытых уже тьмою – иносказание о том, как Хаммон Египта овладел западной Арьявартой, – видимо, почерпнуто эллинами из преданий сиваитов Африки.

Здесь Персей²⁴⁵, как символ поклонения вещественному свету, Агни (Огню), похищает закон – *Акчара* – око Браммы, Вишну и Сивы²⁴⁶ и убивает Весту – жертвоприношение (Сиву в свойстве жертвы), по-санскритски *медгас*, переобработавшееся в Медузу.

Медгьяс значит также очищение, исцеление и сок (маду, мед) из трав и цветов, как средства врачевания – вришья, и как яд – мадгур.

Отношения Персея к колхидскому (халдейскому) магизму, к волхвованиям сестры его, Цирцеи, и к чаровнице Медее обличают значение его и напоминают похищение Вед семивыйным Хайягривой, проглотившим Агнипурану, заключавшую естествознание и медицину.

Мы упомянули уже, что в ведическом языке *атьяс* значит конь в значении солнца (атну). Анта – предел, атьянта – предел хода, пути солнца – запад, запутье его, вечер, васура – ёсплёра.

Таким образом и в Азии, и в Африке, и в Европе, по всем прямым преданиям и иносказаниям, первобытное верование, общее всем народам, нарушено было буддизмом под различными его проименованиями. На вопрос – когда, в какое время это совершилось? – могут справедливо или несправедливо отвечать только Мегасфен, бывший в походе с Александром Македонским, и Дионисий, бывший в Индии по поручению Птолемея Филадельфа. Они сообщают, что инды насчитывают имена 153 царей и 6042 года от появления Бахуса до Александра, или до современника его, раджи Сандракотты.

Этими сведениями подтверждается определительно только одно – что Мегасфен и Дионисий называют Буддга Бахусом.

ХIII. Гора жизни и гора смерти

Предания о горе Меру и горе Виндгия в Китае. – Древо жизни. – Первобытное верование в триединство и нарушение оною Фо-хи, или поклонением Минг – солнцу и луне. Буддга – (Фо-хи) – материальный и Буддга мистический – дуализм и деизм

Мы упоминали уже о символической Меру – горня Брámы²⁴⁷; а также о противоположной ей горе, Виндгия,

противнице света. В первобытной религии Китая гора Меру называлась Kouan-lun. На ней обитала великая тройственная единица – Hoang-ti или Chang-ti. На этой горе жизни, посреди сада, бил ключ бессмертия и делился на четыре реки, текущие на четыре стороны света. Этот сад блаженства был огражден и назывался висячим²⁴⁸. Тут было древо жизни бесконечной, и начала In и Jang были равновесны. Человек пользовался познаниями, но не употреблял их во зло. Но за пределами горы жизни была гора смерти, на которой восседал Фу-хи (Fou-hi)²⁴⁹. «Желание всеведения (le désir immodéré de la science), – говорит Hoai-nan-tséé, – погубило людей, пресыщение нарушило мир и открыло дверь преступлению. Это было по наущению жены».

Царствование Hoang-ti ознаменовано было благом народа. Ему обязан Китай обрядами веры, изобретением письмен²⁵⁰, искусством и наукой, счислением времени и зодчеством. Но Киэ, последний из рода Нiao, устроил море вина и был ненавистен народу. После него настала династия Tang, и при ней нарушен храм невещественному единственному свету и основан храм двум вещественным светилам – солнцу (ge´) и луне (yue´).

«Это поклонение вместо треугольника выразилось буквой минг (ming)²⁵¹, составленной из двух, означающих солнце и луну».

Отступничество от триединства, отрицательное учение или поклонение вещественной природе Fou-hi, Fo-hi или Paо-hi, по расчету de Mailla, настало в 2941 году до Р.Х. По преданиям Китая, учитель Fo-hi заменил письмена Суи (Soui) своими письменами. До него императоры веровали в триединство, что относилось к начальным верованиям государства, которое, по китайским счислениям, основалось за 4654 года до Р.Х.²⁵², хотя Аммиот сообразно с Вульгатой и подвергает сомнению эту древность Китая²⁵³.

Но мы обращаем здесь внимание не на годы, а на то, что и по преданиям Китая дуализм верования, или поклоне-

ние двум вещественным силам природы, есть не начальное верование человечества, а отступничество от первоначального верования в триединство. Фо-хи есть тот же Буддга Капила, каббала Халдеи. За ним же должен следовать близнец его, Буддга Сакья, или Джайна, порожденный Мајей, или призраком воображения.

Второй Фо-хи, или Фоз, и называется Fong – ветер; жена его Ва (niu-Va), по призванию Yun, – облако, туман. Choue-ven говорит, что эта дивная дева метаморфозирует все вещи²⁵⁴. Niu-Va имела голову быка с растрепанными волосами, а тело змеи. По другим сказаниям, сам Фо-хи изображался получудовищем Ki-lin, полужмеей.

Cheng-tze, Quogen²⁵⁵ Hoangti в книге нравоучений говорит, что Фо значит дух (esprit).

Притязание буддизма на божественность учения своего, выраженное также святостью рождения, перешло, разумеется, в том же проявлении и к народам-прозелитам. И Thauth, Фоф Египта, и Бахус Эллады, и Fo-hi, или Фое, Китая народились от луча солнца, проникнувшего божество вод.

Как Буддга Сакья был плодом пятицветного радужного луча, который проник чрез пламенные очи в недра Маха-Маји, дочери царя страны Магадга, так и Фо-хи родился от девы, проникнутой радужным светом, и Фоз произошел на свет по тому же способу и также от девы Маји.

Которого же из этих китайских буддгов-близнецов признавать за Буддгу-Сакья или Сакья-муни, который, по новым исследованиям, родился в 622 году до Р.Х., проповедовал учение, отрицательное брахманизму, в области Magadha и умер в 543 году до Р.Х.²⁵⁶

Но против идольства, бутизма или шаманства²⁵⁷ Сакья (Sakiah) проповедовал еще патриарх Houd, или Heber, за 2250 с лишком лет до Р.Х.

По Корану (глава Houd. 62), народ Аада, внука хамова, уклонившийся от своей веры, последовавший закону

мятежных и носящий на себе проклятие, поклонялся идолам Сакья (Sakiah)²⁵⁸.

В имени Ааада нетрудно узнать Ада или Аадона (Adohn, Thammuz) хананеев (финикиян). Адониты считали идола Сакья подателем всех благ. Во время трехлетнего голода от засухи, тщетно умоляя его о ниспослании дождя, они обратились, наконец, с мольбой к истинному Богу. Тогда на небе явились три разноцветных облака – белое, красное и черное, и раздался голос: «Выбирайте любое!» Адониты выбрали черное, полагая, что оно, как самое тучное, обильно дождем. Возвратясь в Могаду (Mogaith), все ждали дождя, но туча вместо дождя разразилась ветрами и громами и истребила поклонников Будга Сакья. В живых остался только Нонд или Небер, родоначальник арабов и евреев, обратившийся к истинному Богу.

Эпоха отступления абаритов или египтян от поклонения двойственной природе к теократизму мистическому объяснится ниже; здесь же повторим только, что буддизм, изученный ныне при помощи хинологов, казалось бы, до полноты, в сущности есть только одна сторона луны, обращенная теперь к пытательному взору; но нельзя же утверждать, что в уклончивом течении времен и темное ее полушарие никогда не обращалось к земле и не обратится постепенно снова.

XIV. Изгнание абаритов-египтян из Фиваиды

Египтяне. — Куфиты. — Отступничество от сиваизма и начало лунного и буддического верования. — Египтяне изгнаны из Фиваиды и снова овладевают. — Начало гебраизма

В продолжение 500 лет преобладания пришельцев египтян на дельте Нила и вообще в покоренной Нижней Фиваиде цари туземцев были окованы властью пиромов,

или царей понтифов. «Les rois d'Égypte n'ont été que les Doges soumis en tout à la volonté des prêtres», то есть «Цари Египта были только дожами, представленными воле священников»²⁵⁹.

Имя египтян так обобщилось на всех жителей Нила, так было высоко в понятиях потомства и прозелитов-эллинов, что называть их пришельцами не только казалось бы дерзостью, но даже ложью. В истории явился даже факт, что не египтяне – пришельцы, а ефиопы-кушиты, которые в эпоху Сезостриса, оставив берега Инда, пришли и водворились в соседстве Египта.

Но здесь скрывается вавилонское смешение языков и имен.

По Набатейской рукописи²⁶⁰, вавилонская область – Ирак-Бабели – называлась Kùṯsa-Rijja, то есть Раджия Куфа, или Куфейская. Коренные ее жители были сабеяне, или поклонники Сивы; по искаженному названию египтян – ефиопы. Их покорил, как мы уже упоминали, изгнанник Бали, или Бел, или Немрод. То же говорит и Набатейская рукопись. По ее сказаниям, Немрод (Nemrouda), родоначальник Ханаанской династии, основал свою столицу в Kùṯsa-Rijja²⁶¹.

Заметим здесь, что читается и *куф* и *куш*.

По Набатейской рукописи, ханаанский имам Ибрахим отвергнул верование в сиваизм (ischithsa)²⁶². Но еще прежде его явился Achnûcha el-Kanâani²⁶³ проповедником луны (он ведет себя как поборник Луны – *trat als Apostel des Mondes auf*), противником поклонения Сиве (ischithsa) и возвестителем нового верования²⁶⁴. И потому «die herrschende Religion in Babylonien, mit einer Art von Papstthum oder geistlichen Chalifat an der Spitze»* была уже не сиваизм, а халдеизм²⁶⁵, каббала или собственно буддизм,

* Господствующая религия в Вавилоне во главе с духовным Халифатом, неким подобием папства (*нем.*).

обличающий себя повсюду чем-то вроде папежа или духовного калифатства во главе.

Ибн-Калесан (*Ebn-Khalecan*) пишет, что сабеяне (савиане, сиваиты) не следуют учению Ибрахима, прозываемого Зердашт, или учению магов-идолопоклонников: «Сабеяне так же древни, как и маги, однако же те и другие приписывают происхождение свое от Ибрахима, смешивая его с Авраамом».

Прежде всего семитический член смешал Брахма с Ибрахимом; но Ибн-Калесан, по крайней мере, основательно наводит на то, что сиваиты не следовали верованию Ибрагима или Авраама, а поклонялись Бrame – *El-Brahma* или *Ib-Brahma*.

Обратим же внимание на то, что магометанским словом *имам*, что значит священнослужитель, явно заменено сабейское брамин²⁶⁶; нам будут понятнее слова Александра Полигистора, что халдейский брамин (Куфы) изобрел халдеику; а также сказание персидского историка Артапана, что брамины (пиромы) основали учение астрологии в Египте, потом в Вавилоне, у титанов, пораженных богами за их нечестие. Наконец, сказанием Гекатея, что «брамин, чужеземец, вышел из Халдеи во главе войска и переселился в Ханаан», объяснится нашествие куфитов, или египтян (ек-куфти) на Фиваиду.

По Манетону, этих нашельцев называли рабами, и «они составляли смешение сословий, в котором были даже жрецы».

Таким образом, все предания тяготеют к Индии, как исходному центру и первобытного верования и отрицания, воплотившегося в буддизме с понтификатом во главе.

Объясняя Набатейской рукописью, что название арабов, куфитов или кушитов относится, в сущности, не к первобытным населителям вавилонской области, а к египтянам, последователям нового верования, тем более что кушиты назывались также кабирами и титанами²⁶⁷, следует пони-

мать в обратном смысле и слова Евсевия, что «Aethiopes, ab Indo flumine consurgentes, juxta Aegyptum consederunt»*.

Названием пришельцев из Куфы–Куфти – куфиты – объясняется и название египтян – el-kuēti, изменившееся в ek-kibthi, или, без члена, kuēti, güphti – коптов²⁶⁸.

Обратимся к тому времени, когда «по прошествии 500 лет преобладания Египтус умер и уроженцы страны избавились от чуждого ига»²⁶⁹.

Мы уже упомянули слова Плиния, что война фиваитов с египтянами, сопровождаемая то победами, то освобождением от ига, истощила их. Но наконец Алисф-Радж-Мутозис собрал все свои силы и, соединясь с раджей области себенитской, восстал снова, победил египтян и стеснил их в области Abaris, где было гнездо первого водворения арабов (куфитов) на Ниле²⁷⁰.

«Сын его Thutmosis продолжал войну и с войском в 480 000 осадил г. Абарис и объявил условием пощады выход абаритов из страны. Абариты поднялись со всем своим имуществом и, пройдя степи, пришли в Сирию».

Естественным последствием изгнания арабов-куфитов, или египтян, как религиозных противников, должно было быть восстановление первобытного верования и обрядов, и прежде всего обряда воцарения, нарушенного понтификатом. Это обстоятельство не миновало истории, хотя и в темном предании.

«Аменофис (Менофис) пожелал принять посвящение в цари по обряду Хоруса (ла-Харес), родоначальника. “Aménophis désiroit acquérir ce degré d’initiation, dans le quel on voit les Dieux, c’etoit ce qu’avoit fait Horus l’um des anciens rois”»²⁷¹.

Он объявил об этом желании сыну Папия²⁷², по имени также Аменофису, который считался святым, и получил от него в ответ, что он не может удостоиться посвя-

* Эфиопы, выдвинувшись от реки Инд, вокруг Египта обосновались (*лат.*).

щения до тех пор, покуда совершенно не очистит страну от прокаженных и нечистых, под которыми подразумевалась часть иноземцев²⁷³.

«Следуя этому решению, Аменофис повелел, чтобы всех, на ком окажутся признаки прокажения, отправить с семьями на рудокопни, находящиеся на восточной стороне Нила. И набралось подобных нечистых, между которыми находились ученые и жрецы, восемь мириад.

В продолжение многих лет они были на рудокопнях, но наконец умиловителенный Аменофис дозволил им поселиться в опустевшем Абарисе. По преданиям древних теологов, этот город, построенный абаритами, был посвящен Тифону»²⁷⁴.

Сын Папия предвидел в распоряжениях Аменофиса беду и предсказал, что к поселенным в Абарисе прокаженным придут на помощь их сообщники, изгнанные в Сирию, и снова покорят страну.

Так и случилось. Поселенные на самой границе, близ степи, разделяющей Египет от Сирии и Аравии, прокаженные воспользовались соседством с изгнанными братьями.

«Видя, что местность способствует их замыслам, они избрали Озарсифа, жреца Илиополя, в свои предводители и поклялись ему во всем повиноваться.

Этот новый глава воспретил им поклоняться идолам, разрешил употребление в пищу жертвенных животных и воспретил также всякое сообщение с иноверцами. Потом, воздвигнув стены и укрепив Абарис, он изготовился к войне, послал к абаритам, изгнанным в Сирию, и вызвал их на помощь себе, обещая им все выгоды и обеспечения. Обрадованные этим предложением, абариты пришли в числе двухсот тысяч».

Узнав о восстании, Аменофис выступил против Озарсифа с тремястами тысячами, но, пораженный предвещанием сына Папия, не решился вступить в битву. Воз-

вратясь в Мемфис, он нагрузил суда святыней и поднялся с бесчисленным множеством народа в Ефиопию (Верхнюю Фиваиду).

Между тем абариты опустошали снова страну, разрушали храмы, истребляли святыню, принуждали самих жрецов участвовать в святотатстве и потом, разоблачая их, отпускали нагими.

«Что касается до Озарсифа, называемого так по имени божества, которому поклонялись в Илиополе, то говорят, что, приняв сторону абаритов, он изменил свое мнение и назвался Моисеем».

Нет сомнения, что имя Моисея употреблено здесь в превратном рассказе, но, во всяком случае, он есть представитель отпадения от суеверия к вере, от материализма к началу духовному, к триединству божества, выраженному словом *Елоим*, но еще не воплощенному в жизнь, а следовательно, и в условия гражданства.

XV. Три Зороастра

Предания о первобытном Зороастре и двух Зороастрах, носивших название Осанес. — Верование парсов — магия. — Переход в гебраизм. — Значение Бооху-Мано как законодателя и значение Зороастра как символа учения, в превратном смысле, в отношении первобытного верования

Говоря о буддизме вообще, нельзя не коснуться до так называемой *Religion de Zoroastre**, неожиданно открытой в прошедшем столетии Анкетилем дю Перрон.

Имя мага Зороастра давно уже славилось в числе законодателей древнего мира. По Диодору, Зафрауст дал законы аримаспам. Chardin первый упомянул в путешествии своем в Персию в XVII столетии, что у гебров-магов, поклонников огня, есть будто бы книга, заключающая их закон и на-

* Религии Зороастра (фр.).

зываемая «Zend pasend Vosta»; но не только он, но и сам великий Аббас, желавший видеть эту книгу, не добыл ее, несмотря на казни даже первосвященника магов.

Сведения свои об этой таинственной книге Шарден, без сомнения, почерпнул из рассказов персиян, по сказаниям их писателей, что у сабеян, которых они смешивают и с халдеями и с магами, есть книга закона, по одним преданиям, писанная Адамом, по другим – Сифом, по третьим – Енохом, а по иным – Ибрагимом, Зердустом, и что эта книга состоит из трех книг: **Зенд, Пазенд и Уста, или Абеста**. Первая значит книга жизни; вторая – правила жизни; а третья включает толкования двух первых и предания²⁷⁵.

Ибн-Калесан, однако же, пишет, что сабеяне не следуют учению Зердашта, или учению магов, но также производят род свой от Ибрагима, прозываемого Зердаштом и смешиваемого ими с Авраамом²⁷⁶.

На каком же основании Анкетиль назвал учение Зороастра Зендавестой, это неизвестно. Г. Коссович, издавший свой превосходный перевод четырех статей так названной Зендавесты, говорит, что «слова Зенд и Зендавеста нигде не встречаются в памятниках, названных зендскими, язык которых, так же как и язык туземных их переводов и комментариев, обязан в Европе своими названиями анкетиллю».

В дополнение языку зенд или собственно древнему письменному языку парси или парсов, изменявшемуся во времени, придали еще название па-зенд, «*mais on ignore la valeur de cette dernière dénomination*»^{*,277}.

Но дело не в словах и названиях учения, а в сущности его. Названия могли изменяться, переходя из одного языка в другой.

Сравнивая учение Зендавесты с учением Вед, г. Коссович, знаток и санскритского и парсийского языков, видит во втором необразованное наречие первого, а в ве-

* Однако значение этого последнего названия неизвестно (фр.).

ровании – явный сколок форм с полным противоречием духу тримуртизма.

Владычество кеанидов – царей-понтифов – и отвержение девас, не собственно богов, потому что божества остаются те же самые и в учении гебров, но солнечного царственного рода раджей, происходящих от Вишну, изобличают уже значение магизма.

Здесь есть Парабрама под названием Зерван, от *сарва* – все; но вместо тройственности Парабрамы, проявленной в Брама-Вишну-Сива, только двойственность: Брама (Ахура), т.е. дух, или Асурас (духовная власть) и народ; светская же власть – девас, сура, сила Вишну, обращена в силу противную, отвергнутую²⁷⁸.

Вот причина, по которой находят в служении Гауме (Сома), Митре, Агни и светилам небесным остатки старого служения Вед²⁷⁹, и вместе с тем находят часть ведических божеств обращенными в девов (даева). По той же самой причине обитель блаженных, по Зендавесте, не на севере, не на символической горе Меру, где обитель света, сурья, а на южной, где гора луны (Виндгия), обитель Махабали.

Все сообщенные Анкетилем памятники верования гебров состоят из четырех отделов:

1. *Вендидад* – отрывочный сборник учения веры, притчей и молитв.

Соответствует Веданте, или толковнику Вед.

2. *Иасна или Иашна* – литургическое служение и молебствия.

Соответствует Яджна.

3. *Иашт* – молитвословие или славословие.

Соответствует слову Яджат – славословию и собранию молитв Яджур-веды.

4. *Гатха* (*gatha*) – собрание религиозных пений.

В Санскритском гат`а – песнь, или гита – восхваление божества, как, например, Сива-гита, Рама-гита, Гита Говинда.

При множестве отрывчатых переводов из обширной санскритской литературы, при смешении ортодоксального смысла с еретическим, при знаниях более филологических, нежели теологических, при понятиях, истекающих из материализма или из мистицизма, мы еще не имеем никакого понятия о лике богослужения и составе литургических книг индейского правоверия, которое нельзя же смешивать с *parstthum* саманеян.

Так называемый буддизм, казалось бы, сполна уже изучен; но действительно ли он изучен, если для объяснения буддизма не обошлись без китайских толкований, и узнали ли бы его ученые в калмыцкой одежде без имени Бакши Шакчимуни, а просто под именем Бурхана?

Не понимая духовного значения символа тримуртизма и претворения в буддизме триединства духовного в единство вещественное, в буддга, в наместника, сочетавшего в себе все три силы божества, как бы поняли ученые молитвенное вступление в древнем монголо-калмыцком уложении: «Яко пучина великого моря, всеми добродетелями исполнившемуся, и теми украсившемуся, и самую верою бесплотным уподобившемуся, и три существа в себе вместившему, и обо всем ведение и самодержавную власть получившему – Шакчимуни – Ламе поклоняемся?»²⁸⁰

Нет сомнения, что эту формулу приняли бы не за доказательство того, что посредством ее буддизм извращал первобытное учение о триединстве, в монотеизме вещественный и поклонение самому себе, а за прямой тримуртизм, которого, по мнению **Loiseleur Deslongchamps**, в Ведах и законах Ману не существовало, а была «античная простота»: «Бог вечный в одно и то же время и творец и творение, создатель и рушитель, *qui régît l'univers**». Следовательно, бог, претворявший сам себя во все и сам собою управлявший. Этой античной простотой **Deslongchamps** превосходно высказал, однако же, не первобытное

* Который управляет вселенной (фр.).

верование, а отступничество от него, материализм учения Капила, или каббалы²⁸¹.

Учение Зороастра, замечает S. Munk, имеет большие отношения к иудаизму времен Даниила и Иезекииля, и особенно к учению каббала²⁸².

В учении Зороастра мы видим прежде всего отступление от учения тримурти; видим в нем Джема (Ном Неѳмо), Нипенте²⁸³ египетских кеанов или панацею вещественного бессмертия; потом знаем, что начало учения магов-гебров (kebr, kebir, chaver) относится, во-первых, к Achnôcha или Anûha, который первый восстал против сиваизма (i-shithsa), основал лунное поклонение²⁸⁴ и оставил по себе книгу учения магии; потом то же повторил I-Brâhim в Куфе (Kûthsa-Rijja), являсь противником учения Сивы.

Этот брамин (имам)²⁸⁵ Куфы, смешиваемый, как упоминают и магометанские писатели, с Авраамом, и назывался Зердашт. Ему и приписываются книги Зенд, Пазенд и Воста.

По Набатейской рукописи, он в своих писаниях прославлял два древа: древо жречества и древо сукьячжи, прозванное им собственным своим именем (I-Brahim).

Не отыскивая сближений с Ном или Неѳмо²⁸⁶, мы обратимся к имени и значению Зороастра, не связывая себя тщательно определенным зендологами временем его существования, в VI столетии до Р.Х. По словам самих гебров, Зердушт получил книгу учения от самого бога и жил, по счислению персов, в тысячатрехсотых годах после Потопа. По иным же преданиям, был не один Зороастр, а столько же, сколько было Бахусов и Гермесов, представителей учений веры, неверия и суеверия.

Плиний, натуралист, живший в I веке, когда Рим был проникнут материализмом, признавал только целебную чашу Иппократа, но не понимал чаши духовного врачевания, которое истекало из веры. Несмотря на это, он, однако же, сознает, что магизм, воспользовавшись религиозным

чувством человека и обратив в тайные орудия своих замыслов веру, медицину и астрологию, преобладал народами и царями царей²⁸⁷.

«Нет сомнения, – говорит он, – что магия изобретена на Востоке, в Персии, Зороастром. Все историки в этом согласны. Но один ли был Зороастр или два – это не решено.

Евдокс был убежден, что из всех сект философии магия есть лучшая и полезнейшая, и говорит, что Зороастр существовал за 6000 лет до смерти Платона. То же утверждает и Аристотель. Гермийн, писавший подробно обо всех отраслях магии, изложенных Зороастром в двух миллионах стихов, говорит, что он почерпнул свое учение из Азонаса (Azonaces), за пять тысяч лет до Троянской войны.

По моим соображениям, первый, который писал о магии и которого писания существуют, был Осфанес (Osthanes). Он сопровождал Ксеркса в его походе против греков и рассеял повсюду семена чудовищного искусства. Достоверные писатели упоминают, что незадолго до него был другой Зороастр острова Прокониссы, и нет сомнения, что этот Осфанес и внушил народам Греции иступленную страсть к магии. Во всяком случае, в древности приписывали этой науке высокое значение. По крайней мере, Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон отправлялись за море, чтобы изучать ее, хотя, говоря правду, отправлялись не по доброй воле, а изгнанниками.

Во время Александра Великого магия приобрела немало влияния через сопутствовавшего ему второго Осфанеса, который распространил ее, можно сказать, на весь мир.

В заключение Плиний видит и в мозаизме учение магии, основанное несколькими тысячами лет позднее Зороастра»²⁸⁸.

Не обращая внимания на пифагорейский, или каббалистический, взгляд Плиния, отвергающий и в то же время смешивающий сознание непостижимых сил духовного божества²⁸⁹ с проделками египетского магизма, пользуя-

щегося суеверием и выдающего стихийные силы и морок искусства за силы божественные, мы видим из описаний Плиния, что первый Зороастр изложил в двух миллионах стихов учение Азонаса, что Зороастры, второй и третий, носили название Осфанес, и что философы Греции для изучения их тайн и медикаментов, исцеляющих, оживляющих и вообще творящих чудеса, ездили к магам Персии, Аравии, Ефиопии и Египта²⁹⁰.

В имени и учении Azonaces, должно признать, какжется, Azones – бессмертных богов, в смысле греков и римлян *dei communes**, солнце, луну и пр., к которым относилось, по их мнению, всеобщее поклонение. Два миллиона стихов могут только напоминать пураны Индии²⁹¹ и, по преимуществу, похищенную асурами Агни-Пурану, заключающую правила грамматики, риторики, поэзии, познания географии, политики, юриспруденции, медицины, астрономии и астрологии²⁹².

В учении же философов Эллады, изучавших магию, мы видим то брожение смеси материализма с мистицизмом, то отстой, то буддическое постижение бессмертия души через метемпсихоз, или перерождение во все виды раздробленного божества на атомы и формы материи, то поиск таинственного Сомы (Недмо), растения, из которого составлялся эликсир нипенте (*νηπενθές*), возвращающий старости юность, бессилию силы, безобразию красоту и дарующий чувствам nirvanу, или бесчувствие ко всякому горю, страданию и печалям жизни.

Все это наводит на мысль, что прозвище Зороастра Осфанес включает в себе прямое значение панацеи бессмертия – *ἀθανασία*²⁹³ и, следовательно, Зороастр есть олицетворение символа учения, что само по себе подтвердится ниже. «По одним преданиям гебров, – говорит Шарден, – Зороастр есть уроженец Индии, а по другим – Халдеи», и, без сомнения, Халдеи Мидийской, на берегах

* Всемирные светила (*лат.*).

Куры (Сугус), Колхиды (Кгехти-к), где впервые возникли парси и парфы и их Кир, называемый солнцем.

По Юстину, парфы были изгнанные скифы²⁹⁴, т.е. савиане. По всем преданиям Востока, персы и веровали первоначально в Сиву (Шиф), или, по греческому писанию, Скиф.

По Шардену, парси есть индейское название гебров; следовательно, оно значит парьяс (парии) – противники, или отступники от учения веры.

Изгнанные парфы, или парси, жили в пустынях. История их начинается с Дийока (Διήοκης), но, вероятнее всего, с побед Диониса (Διόνυς). Он образовал из разных племен мидийский народ, в котором племя магов (μάγοι) и, следовательно, волхвов, жрецов, было главнейшее. Первые из покоренных Дийоком были парфы.

Если верить хронологии, то это было около 900 лет до Р.Х.

Затем следует Кир – солнце, победы его, владычество магов и властвование Амана (Хаммона?); потом новая царица Есфирь²⁹⁵, прозванная звездой; и μαυοφόνια, или избиение магов, в память которого и иудейское воинственное празднество Фурим, причем совершается избиение молотом имени Амана.

Таким образом, Персия до исламизма прошла чрез три учения: сиваизм, халдеизм и гебраизм, оставив в себе следы всех трех верований – сколок с обрядов Вед, верование в две силы вещественной природы и, наконец, по влиянию гебраизма, сознание Зеруана²⁹⁶ и изменение символа Хаммона (Hammon, Cham) в ηεθμο, чашу здравия от древа жизни²⁹⁷, отгоняющего смерть, дающего во всем изобилие, богатство – словом, имеющего все свойства египетского нипенте и даже воскрешающего мертвых.

Но если название символа учения о бессмертии – ηοη, ηεθμο²⁹⁸ – сохранилось от первобытного символа воплощенного закона, слова Браммы в изображении Сарасвати²⁹⁹, держащей в руках тройственный цвет Сома, прообразую-

щий аум, то в отношении олицетворения и апофеоза закона должно было сохраниться и имя Сарасвати, или Зарасвати, носящей название Зарасути – дочь света и Зарада – здравие, силы дающая, благодатная.

Как в отношении Брамы, царя света духовного, воплощенное его слово – царица, жена – Сарасвати; как в материальном учении в отношении царя, солнца (Озириса) – царица Изида в лике луны и вообще в значении учения; так же точно в отношении Хормузда (Ахура-мазда) Зороастр есть не что иное, как олицетворенное слово его, закон.

Следовательно, и имя Зороастр – Zeratescht, Zerdust, по греческим писаниям Zaratas, Zaradas, Zarasdes, по Диодору Ζαῤῥαυστῆς есть не что иное, как искаженное произношение имени Зарасвати.

«Сарасвати – водопад благодати, озарительница разума».

«Сарасвати – мать истины, наставница мудрости».

Одним словом, Сарасвати есть закон, вера и олицетворение его в обряде, в жречестве, в Ἐκκλησία*.

То же значение имеет и Зердушт:

«С рассветом дня Гаума (Неомо) предстал Заратустре, снаряжавшему огонь жертвы и воспевавшему святыя песни».

Но если Зороастр – олицетворение закона в обряде, то кто же, по Зендавесте, учитель этого закона, заменяющий Ману учения Вед?

«О благотворный Хормузд (Ахура-мазда)! Если смертный, наученный (закону) Бахманом, будет жить чисто и свято, ты будешь царь, царь всех исполняющих твои веления, или веления Бахмана, который мыслит, о Хормузд, твоим разумом и по твоему закону, который я (Зороастр) передаю».

«Что изрек Бахман, то изрек Хормузда, которого он (Бахман) восхваляет и к которому возносит святыя молитвы по завету, полученному им».

* Церковь (греч.).

Вот ответ так называемой Зендавесты. Бахман, или собственно Бооху-мано, передает завет Хормузда точно так же, как Ману передает завет Браммы.

Но что Бооху-мано имеет то же значение, что и Ману, то это яснее видно из следующего: Бооху-мано, как учитель, или передающий закон, возвеличен в число семи амшаспандов – светил, духов просветителей.

Семь амшаспандов (бессмертных светил) есть те же семь махарши ману – духов просветителей, истекающих из семи светов или миров (локас или сваргас)³⁰⁰.

Семь ману	Семь амшаспандов
1. Свайамбгува (самобытный, Брама)	1. Ахура-мазда (Хормузד)
2. Сварочиша	2. Бооху-мано
3. Оттама	3. Ардибехешт
4. Тамаса	4. Ша`ривер
5. Райвата	5. Сапандомад
6. Чакчуша	6. К`ордад
7. Вайвасвата, собственно Иамо, сын Вивасвата ³⁰¹	7. Амердад (дающий бессмертие)

На вопрос Зороастра³⁰², кто первый учредитель Гаума (Ном, Небто), то есть пищи и напитка бессмертия (амрита), Гаума отвечает:

«Первый, изготовивший меня в снеди на этой земле, есть *Виванхат*».

Но Виванхат есть парсийское произношение санскритского имени *Вивасват*.

В ведическом смысле это имя значит *бог-свет*, просвещающий, и Ману Иамо есть Вайвасват – происходящий, рожденный от Вивасвата.

По сказанию Гаума, сын Виванхата также был Иима, или Иамо многославный, в царствование которого не

было на земле смертности. Таким образом, он был Амердад, или дарующий бессмертие.

Но цель учения Вед, изложенных Ману (Иамо), есть дарование бессмертия.

Следовательно, Иамо Зендавесты, или седьмой амшаснанд Амердад, есть собственно Ману закона Вед, или олицетворенное познание закона³⁰³.

В учении Вед Зарасвати есть образ, лик слова Браммы; Ману – олицетворенное содержание; Будга Касьяпа – олицетворенное учение Амрита.

В Зендавесте, где символов уже не существует, все это смешано: как Ману передает заветы Браммы, или Свайамбугува, первого Ману, так Бооху-мано передает завет Хормузда, первого амшаспанда; но вместо 7-й степени Ману и Будга он помещается на 2-ю степень, Браммы Врихаспати, как законодатель и учитель.

7-й амшаспанд Амердад, содержащий древо Гогард (Gogard), древо жизни Ном, или Неото, отгоняющее смерть, является вместо символа Сарасвати, а вместе с тем и Зератешт, или Зороастр, образует из себя личность.

По Зендавесте³⁰⁴, он был жрец, не ведавший еще Гаума, или куста, из которого изготавливается снедь бессмертия. Однажды на рассвете он снаряжал огонь для жертвоприношения и воспевал священные песни. К нему явился Гаума. Пораженный красотой его, Заратустра спросил: «Кто ты, прекраснейший из существ, подобный существам бессмертным?» Гаума беспорочный и бессмертный отвечал: «Ты видишь во мне безгрешного и бессмертного. Ко мне обрати помышления свои, праведник: изготовь меня в снедь, славь меня песнопением, как славили меня и другие на пользу людей».

Тогда Заратустра спросил: «Хвала Гауме! Кто же первый из существ в этом мире изготовил тебя? Какой благодати достиг он этим и какую приобрел прибыль?»

Гаума отвечал: «Первое существо, которое изготовило меня для снеди, был Виванхат (Вивасват). В благодать и прибыль у него родился сын Иимо»³⁰⁵.

Следует описание райского при нем существования, подобного золотому веку Сатурна³⁰⁶, когда не было еще ни зависти, созданной Дайвами, ни смерти.

«Кто был второй, изготовивший тебя в снеть?» – спросил Заратустра. «Второй изготовивший меня, – отвечал Гаума, – был Атвия, и он достиг той благодати, что у него родился сын Трайтауна, который убил змея Дахаку, имевшего три головы, три пасти и тысячу сил, породы дайвов, в лике которого Айро-манью (Ариман) породил врага истины и непорочности».

«Кто третий изготовил тебя в снеть, Гаума, и какую получил чрез это благодать?»

«Трита, добродетельнейший из самов³⁰⁷, и получил за это ту благодать, что у него родились два сына: Урвакшая и Керешаспа, из которых первый был хранителем веры и правды, второй, могучий и вооруженный палицею, убил змея Срвару, глотавшего лошадей и людей».

«Кто четвертый изготовил тебя в снеть и что приобрел от этого?»

«Пурушаспа, и в благодать за это родился у него ты, правдивый Заратустра, враг дайвов, поклонник Ахуры».

Из этого символического сказания можно, однако же, понять, что Зороастр Зендавесты есть представитель Гаума, или символа Сома – Сарасвати, но не второго³⁰⁸, проявленного в трайтауна, т.е. в трайотаву³⁰⁹ – учении триединства, не третьего, проявленного в двух силах – стихийного духа, ψυχή, и плоти, которая убила духовную жертву³¹⁰, а четвертого, проявленного верованием только в одно слово Браммы, или Хормузды, и в лик его Сарасвати, обращенной в Заратустра.

Здесь этот единый Хормузд, или Ахура-мазда³¹¹, бог всякого добра, имеет, однако же, противника себе, Ари-

мана или Анро-манью³¹², бога зла. Они вместе творили и землю, и растения³¹³, и животных и, следовательно, имели равное право на преобладание.

Нигде так не явно буддическое отрицание учения Вед, как в так называемой *Зендавесте*.

В сиваизме сура – духовный свет, савитри (саватрайя), трисветлое солнце; асура, или по-парсийски ахура, – огонь, вещественное солнце, и поклонники его асуры – духи отрицания, не света, тьмы. В *Зендавесте*, напротив, в нечистого духа, анро-мано, и в его поборников, дайвов, обращены сурас или девас, а вместе с тем под названием девас подразумевается и гражданская власть, царственный род, замененный, так же как и в буддизме восточном в Египте, в Халдее, в Иудее и пр., верховными понтифами – каанами или каганами.

Почти излишне объяснять, что амшаспанд Воооу-маноо, передающий завет Хормузда, есть Буддга-Ману, а Зороастр *Зендавесты*, Осфанес, третий Зороастр Плиния, апофеозирован из Сарасвати, премудрости Браммы, носившей в древней Элладе имя бессмертной, Ἀθήνη (Афины).

Но сколько было Зороастров, столько было и Афин, или Минерв. Первая Минерва была мать древнего Аполлона, или Феба³¹⁴ (*Apollonum antiquissimum*); вторая – рожденная Нилом, которой поклонялись египтяне; а третья – рожденная Юпитером из своей собственной головы.

Но как Бооу-мано поставил себя на место второго Ману, а в светилах – на место Врихаспати, или Юпитера, то Зороастр *Зендавесты* есть премудрость, произведение его собственной головы.

Итак, памятных историй древних религиозных учений, противоположных одно другому, в сущности, было три – Вера, Неверие и Суеверие.

Эти три учения и проявляются в трех своих символах, или Гаумах, в трех олицетворениях закона – Зороа-

страх, в трех учителях, или Буддгах, в трех Бахусах, в трех Ману, или Гермесах.

Из каждого из этих учений истекало соответственное каждому понятие о жизни и смерти, а вместе с тем и о бессмертии, или вечной жизни. Каждое выражалось своими особенными условиями гражданства.

Истина вечно была одна, а ложь – в двух ликах с их различными видоизменениями.

МАГИ И МИДИЙСКИЕ КАГАНЫ XIII столетия

Вступление

Многие значительные вопросы истории, подобно жизненным вопросам, разрешаются только временем, случаем и полным сознанием потребности в истине. Но пока любознательность удовлетворяется неопределенными образами и частная история народов сооружается независимо от всеобщей, самые резкие несообразности пользуются почетом и недоступны для обличения.

Возьмем в пример из древней истории очень важные события и для России, и для Европы – нашествие гуннов в IV столетии и монголов в XIII.

Какие сведения сообщили нам современные гуннам историки? – Аммиан, предуведомляя, что «древние предания упоминают о гуннах, живших за Меотидой, на бережных Ледовитого океана», очень поверхностно¹ привлекает из Трога Помпея, почти слово в слово, описание парфян², живших действительно за Меотидой, но не по Ледовитому, а по Каспийскому морю, которое, однако же, древние почитали за залив Океана, облегающего север

и восток. Из этого следует, что в понятиях Аммиана гунны были тождественны парфянам.

По византийским историкам, гунны были киммерийцами, и вообще после IV века готфское название «гунны» вошло в употребление вместо древнего названия «сармат».

Иорнанд, почерпнув свою историю гетов и готов из неопределенных сведений византийских и римских историков о скифах, помещает гуннов в Задонской Сарматии; но, пополняя сведения враждебными готфскими устными сказаниями, называет их демонским племенем³; а между тем сообщает очень важную для своей истории готфов заметку, что «готфы еще во времена Телефа (сына Геркулесова) имели в обычай вместо своих собственных имен носить имена гуннов»⁴.

Вот, в сущности, все сведения современников о гуннах, исключая северные саги, по которым гунны и Восточная Русь тождественны.

Казалось бы, что этих сведений о гуннах и их первобытном месте жительства достаточно, чтобы продолжать дальнейшие изыскания и не утруждать, по крайней мере, китайцев требованием отчетов о неведомом им народе. Но хинологи не удовлетвоались этим. Дегий узнал из китайских летописей, что гунны жили до нашествия в Европу между рекой Иртыш и Китаем.

Русская история, признав эти глубокие изыскания, внесла на страницы свои положительное сведение, что гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая нахлынул через неизмеримые степи на Юго-Восточную Русь.

Этот первый успех хинологических открытий повел ко второму: выяснилось, что монголы XIII столетия – те же гунны от полунощных стран Китая.

Мы верили этому, не поверая; мы твердо изучили наизусть решение предупредивших нас в науке, и память не хочет расстаться с образами, внушенными с детства и по-

родившими столько красноречивых страниц об этой туче саранчи, которая нанеслась, гонимая ветрами, с крайних пределов Востока и пожрала весь смысл истории.

Какие же логические положения истекают из этого признанного решения? И неужели же, в самом деле, следует верить, что татарские ханы XIII столетия были не кто иные, как китайские императоры династии Юань из рода Мань-джу?

Что китайские летописи, в самом деле, говорят, будто Тхай-цзу (Tai-si) IV был именно тот Темучин, собственно Тимурджи (кузнец), который под названием Дженгис-хана является мифом в персидских сказаниях о таинственных моголах, покоривших всю Азию без исключения, Египет и Европу до Германии?

Что Русь, боровшаяся в продолжение более полутора века с пришельцами, могла не дознаться во все это время, что они именно китайские монголы, и ни разу не упомянуть в своих современных событиям летописях об этом победоносном имени своих покорителей?

Что католические миссионеры в надежде на духовную жатву отправлялись в Золотую Орду, известную только одному Плано-Карпини и находившуюся, по ученым сведениям, в теперешней Амурской области, тысяч за семь верст от Волги, и совершали этот путь с вьюками в 65 дней?

Что на пути от Волги за Байкал, по северную сторону Алтая, были не только прекрасно возделанные земли, но и виноградные сады, и превосходное вино; и наконец, по сведениям миссионеров, не только *juguges* (нынешнее географическое название «джунгары»), хой-хе (хой-хоры, следовательно, уйгуры!) или халхасцы, найманы, кара-китай, — были христиане-несториане, но, по Плано-Карпини, и китай (предполагаемые китайцы) были христианами, а по Бакону, кара-китай, прозванные Несторием найманами, подвластны были даже Римской церкви и пр. и пр.?

В математике посредством равенства нулей можно доказать, что и все числа равны одно другому. В истории, также посредством предположений, равных нулям, что Chatnau есть Китай, а Дженгис-хан – китайский император Тхай-цзу, можно предположительно доказать, что мугулы запада Азии суть китайские мон-гу, или мань-джу.

Но все возможно, кроме невозможного.

Отвергая, однако же, китайскую гипотезу, необходимо искать другой путь в так называемую Золотую Орду ханов, хотя русские летописи не знают и Золотой Орды, а знает ее только «Большой чертеж», составленный при царе Иване Васильевиче с европейских карт, на которых географы XVI столетия прокладывали, по сведениям миссионеров XIII столетия, путь за Байкал, к *mogols* и в *Chathai*, и по которым царь повелел в 1567 году сибирским атаманам и казакам проведать, где находятся мугальские земли и Китайское царство.

Заглавие предлагаемой нами статьи определяет достаточно те простые выводы, по которым объясняется, что под восточным названием *мугулы* следовало искать не народ, не мон-гу китайских, неизвестных Руси, но прозвище по верованию.

Монголы и Чингисхан

До сих пор русские историки не считали необходимым исследовать положительно, кто такие были те ханы, обладатели Азии, по которым и Россия принуждена была платить дань в продолжение более ста пятидесяти лет.

Казалось бы, что это лишний вопрос, что он давным-давно разрешен любознательным Западом и что современные эпохе путешествия миссионеров Плано-Карпини и Рюйсбрека (*Ruysbroek*, лат. *Rubriquis*) с братией служат

не только порукой в достоверности восточных сказаний о монголах, но, в свою очередь, и подтверждаются ими.

Но если вникнуть в вопрос о нашествии так называемых монголов с совестливым вниманием, то надо сознаться, что он не только не разрешен, но, напротив, запутан и затемнен холодной эрудицией историков-копиистов. Этот вопрос требует не односторонних соображений, и я решаюсь поверхностными своими сведениями обратить не это внимание историков по призванию.

Не оспаривая ни этнографические сведения миссионеров, ни генеалогические ханов, я позволяю себе только сомневаться в достоверности приложения их, сомневаться в сведениях географических и думать, что мон-гу или мань-джу⁵ – «особливый народ, существующий более 4000 лет в неизменном образе пастушеской жизни»⁶, – слишком далек от событий XIII века, взволновавших не только Западную Азию, но и Западную Европу.

Путешествия в Азию миссионеров послужили для историков и географов тем фундаментом, на котором при помощи материалов персидских и китайских сложено здание вроде египетской пирамиды, с одним и единственным пещерным входом и выходом, где над пустым саркофагом следовало бы надписать, по турецкому выражению: «Пришли-ушли», т.е. были. Это, в сокращении, называется историей нашествия монголов.

Не знаем, в чем состоял первообраз отчета собрата ордена св. Франциска, Плато-Карпини, папе Иннокентию IV об успехах путешествия в Азию с той целью, чтобы усювестить татар и убедить их принять христианство. Описание путешествия, по словам самого Плато-Карпини, было двойкою: по словам издателей, пополнено рассказами иных братьев; путь ничем не ориентированный, кроме искаженных названий неведомых народов, протянут на восток, в любопытные *terrae incognita* древней и средних времен географии, и в заключение определительно проложен на

карте в прошедшем столетии. При столь поздней прокладке нельзя было избежать новых соображений, новых поправок в названиях народов и местностей, и не сличить с появившейся на свете историей татар Абульгази-Баядур-хана. Надо было свести и путешествия по одному и тому же пути, и разницы рукописей: в одной «Civitatem Kimorum»*, в другой «Kutayorum»**; в одной: «inter occidentem et meridiem Nuuyorum»***, в другой: «inter orientem et meridiem terram Nuuyorum»****; в одной нет названия города, а в другой прибавлено «quae Cracirum appellatur»****, и этот Cracirum обращается и в Caracorum, и в Karakorum, и в Karakum; на одной странице родина Чингиса Mancherule, на другой – Onamacherule. У Плано-Карпини Buruthabeth, у Рюйсбрека Tebeth.

В древних рукописях подобные разницы – очень обыкновенная вещь, и смелый географ, заботящийся о наполнении пустот карты земного шара, может безответственно проложить путь победе Александра Великого в Индостан, минуя Кавказ и не заботясь о том, что вся гроза Азии остается у славнейшего из стратегов в тылу⁷.

Путешествие монаха Рюйсбрека, или Рубрувикса, посла французского короля Людовика IX в неведомые страны Азии, издано Бержероном на таком же основании: «l'edition a ete-considerablement augmentee pour donner l'ouvrage dans toute sa perfection»*****.

Местность и расстояния ничего не значили ни в отношении целей путешествия, ни для охотников слушать новости и рассказы про чудесное. Совершенствовать путе-

* Город кимров (лат.).

** Кутаян (лат.).

*** К юго-востоку земель гурьев (лат.).

**** К юго-востоку земель гуннов (лат.).

***** Называемых Кракорум (лат.).

***** Издание было значительно дополнено, чтобы сделать его более совершенным (фр.).

шествия в историческом значении предоставлялось историкам, а определять местность и расстояния – географам. Но часто это были ремесленники, которые находили свои выгоды расширять подвиги миссионеров.

Сам Плано-Карпини в дополнительной главе пишет, что первое его сочинение было не что иное, как *simple ebauche** в сравнении с последним, а потому и просит верить и не сомневаться во всех разницах.

Как Плано-Карпини в 1247 году, так и Рюйсбрек в 1253 ехали от Волги в таинственную Золотую Орду по одному пути. Этот путь проложен вдоль степей по направлению к Байкалу и берегами его в северные пределы нынешней Амурской области, где и помещена Ханская Орда.

Описание путешествия Рюйсбрека включает в себе более примет топографических для соображения местностей, через которые пролегал путь. Мы рассмотрим его ниже и поверим замечание переводчика родословной истории о татарах, который, вероятно, также не без оснований, сомневается в достоверности всего заволжского пути Рубрувика ко двору Мангу-Хана⁸.

Значение азиатских источников сведений о монголах может быть двояко: по свойству письмен и сказочной неопределенности в отношении географии они в полной зависимости от читателя. Если он предположит, что араб (магул, мугул) азиатских историков есть именно название монгу, т.е. монголов китайских, то дело решено, тем более что когда мусульманский закон и его письменности ввелись между персами и таджиками (татарами)⁹, название *мугул* естественным образом стало относиться в их понятии ко всем без исключения сопредельным с севера и востока гяурам.

Историк-мусульманин, потомок мугулов, хотел видеть в предках своих скорее иафетово племя, нежели Хамово, носящее на себе печать отвержения. Иафету суждена

* Простое описание.

была вся полуночная страна – *Туран*. И вот, по Хондемиру и по Абульгази, у Иафета было восемь сыновей: Турк, Хазар, Саклаб, т.е. Словен, Русс, Меник (по Абульгази – Манинакк), Чин (Чвин), Гомари (по Аб. – Камари) и Тареджа (по Аб. – Гарих).

Турк был старший Иафет-оглан. От Турка произошел Аланча-хан, а от Аланчи – Татар-хан и Мунг-хан, родоначальник мугулов. Так как исток этого родословия Иафетова племени известен, то под названием Чин и Чвин и не следует заходить в Симов удел, принимая его за Китай. Но где же отысканы дальнейшие источники сведений о татарах и мугулах, сынах аланских?¹⁰

Отец Иакинф говорит, что «монголы, прошедшие сорок веков в неизменном быту пастырей, оставались бы в неизвестности, если бы не жили в соседстве Китая. Сия держава кратко заметила в своей истории некоторые события их, имевшие связь с собственными ее происшествиями».

Следовательно, *монголы*, или собственно мон-гу, мань-джу, северно-китайские племена, никогда бы не знали о подвигах своих предков, если бы европейские хинологи не приняли на себя труда отыскивать в китайской истории логовище пришедших-ушедших чудовищ IV века – гуннов, и тринадцатого – монголов.

Как приложена европейская хронология к китайским летописям, как выражены шипящие двухсложные имена и названия и как приспособлены географические сведения, мы не можем судить: но первые, то есть гунны, отысканы в событиях богдыханской династии Хань, а вторые – в династии Юань.

Во всяком случае, это источники по преимуществу хинологов: любознательность же азиатская любит почерпать историю после вечерней молитвы в ханах или каравансараях из уст путешественников. Абульгази-Баядур-хан, историк татаро-магулов (*араб.* маауль, магуль), упомина-

ет, однако же, о своем главном источнике: «В 702 году от Эгиры (т.е. в 1303 году) Чаган-хан (по Хондемиру, Газан-хан) поручил визирю своему Ходже Рашиду¹¹ сочинить книгу родословия, закона и обрядов мугульских, дав ему в распоряжение свои мугульские книги и в помощь мугула Фулата Чабиксанга». Из составленной Рашидом книги Абульгази почерпнул свое родословие татар, приступив к труду спустя 372 года после Рашида, то есть в 1675 году. «Правда, – говорит он, – что в этот промежуток времени много писателей брались за этот труд, но, не зная различных языков, они учинили большие прегрешения и смешали почти все роды и племена».

С XVII столетия имя монголов распространено европейцами на всех буддистов или сакьямунистов Северной Азии, несмотря на то что, по восточным писателям, все мугулы со своим ханом, Махмуд-Гассаном, в начале XIV века приняли ислам; все же воспротивившиеся отступлению от своей веры удалились на восточные границы Персии, в Керман и Кабул, а не в китайскую Монголию.

Название *мугул* у мусульман хотя и приняло значение *язычник*, но нисколько не в смысле буддизма.

Абульгази, по обстоятельствам, прожил целый год в земле Калмак (Керман?). Здесь, по словам его, изучил он язык, почерпнув родословные предания и написав свою историю на мугульском или турецком языке, не вмешивая других языков (персидского и арабского), чтобы ее могли все читать, и потом уже намерен был перевести на персидский язык.

Таким образом, по смыслу Абульгази, мугульский язык собственно татарский (тюркский), на котором он писал родословие ханов, своих предков; ибо бухарский язык в основе своей есть персидский.

Осмеливаемся предварительно сказать, что персидские историки, писавшие историю мугулов, не имели ни малейшего понятия о китайском народе или народах мон-

гу и мань-джу, а тем более о языке их и событиях, совершившихся в Китае.

История татар-мугулов начинается не с династии Юань Небесной империи, но привязана к мифу той религии, к которой они принадлежали до ислама.

Вот как описывает это начало Хондемир:

«В месяце Раджеб 602 года от Эджиры, или Эгиры, когда блистательное солнце развернуло знамя величия и пышности в обители блеска и славы, и когда Темучин в *курултае*¹² воссел на престол, тогда некто из благочестивейших людей мугульских, знавший все сокровенные тайны и возносившийся иногда в небо (т.е. ходивший на поклонение богам), по имени Бют-Тенгри, сказал Темучину: “Великий Бог, существо красного цвета на белом коне, повелел мне отдать все лицо земли Темучину и потомству его, почему и нарицаю тебя Чингисханом”».

На этот случай персидский историк-поэт присовокупляет стихи:

Мы дали тебе имя Чингисхана,
И потому не именуйся впредь Темучином.
И все стали величать его Чингисханом,
Что значит на языке туранском Царь царей.

По Абульгази, предсказатель назывался Кукча (вер. Ходжа), по прозвищу (*араб.*) Бют-Тенгри, что по-татарски значит *лик Божий*¹³. Как ни искажен этот уже миф, но все же в нем проглядывает родоначальник Кеанидов, получивший все свои блага от вод (денгис)¹⁴.

В истории Грузии Вахтанга V вместо Темучин – Тимурджи (Themourtchi)¹⁵, что значит по-татарски кузнец. Это ближе к преданию, которое говорит именно, что родоначальник мугулов, Темучин, был кузнец, родственник, как объяснится, египетскому Тубал-Каану, которого Орфей называет (греч.) вечный огонь.

Мусульманские историки оговаривают, однако же, что Бют-Тенгри был обманщик и лицемер и что Чингис ему не верил; у Хондемира¹⁶ же Чингис, царь царей, вопреки всякого смысла является в роли защитника мусульманства, и стихи:

Им разрушено было основание мусульманства,
и исполнены все желания язычников

– отнесены к какому-то неверному Кушлуку, мучителю последователей ислама, которого Чингис преследовал, победил и предал смерти.

Абульгази не хотел, однако же, верить Хондемиру, что *чингис* на туранском языке значит царь царей, и объяснил, что по-мугульски *чин* значит *великий*, а *гиз* – еще больше.

Европейские монголоеды не хотели верить ни тому, ни другому. Сеанан-Сетсен в «Gesch. Der Ost-Mongolen» говорит, что *чингис* значит *крик птицы*. Ланглен утверждает, что *чингис* значит *Дженг-Энгис*. Пети-де-ла-Круа убежден, что *чингис* значит просто *хан, сын хана*. Д'Оссон, напротив, думает, что *чинг* значит могущественный, а *гиз* – множественное число. Только г. Шмидт, соглашаясь с г. Гобилем, говорит, что *чингис* по-монгольски ничего не значит.

Это последнее значение справедливее прочих.

Господин переводчик Хондемира, вероятно не находя ничего общего между мугулами персидских историков и монголами китайскими и веря, однако же, в этих последних, отвергает совершенно существование первых и говорит, что «все это басни, что ни Мугул, ни всего его потомки до последнего из Кеанов, поселившихся в Эргене-кун, никогда не существовали, но произведены мохаммеданскими историками из любви к генеалогии и из желания соединить предания монголов со своими собственными».

Убежденные вполне в последнем заключении г. Григорьева, мы, однако же, убедились также и в существовании мугулов, без которых невозможно было бы сочетать предания генеалогов мухаммеданских даже с китайскими сказаниями о династии Юань.

Отец Иакинф, в свою очередь, почтил Тхай-цзу именем Чингисхана и краткие сведения о следующих за ним императорах, Тхай-цзуне, Сян-цзуне, Шин-цзу и пр., приспособил хронологически к татарским ханам – Угедэю, Куюку, Мунке, Хубилаю и пр.

Но, проводя и свой собственный канал из Средиземного моря в Желтое и с той же уверенностью, как и все хинологи, объясняя нашествие монголов китайскими летописями, он уничтожает труды Дегиня о гуннах и труды всех своих предшественников по части гуннов и монголов следующими словами: «Ныне многие ученые в Европе занимаются исследованием происхождения народов, населивших, по их мнению, и населяющих Монголию; но они, не зная основательно ни народа, ни истории его, принимают при сем исследовании ошибочное положение, по которому необходимо должно судить обо всем по одним догадкам поверхностно и наконец остаться в недоумении. Почти каждое усилившиеся поколение почитают они за особый народ» и т.д.

После этого замечания, казалось бы, следовало ожидать от отца Иакинфа чисто китайских исторических сведений о так называемых монголах, а не простого, кратчайшего и поверхностного применения, или, лучше сказать, смешения татарских преданий о роде Чингисхана с китайскими сказаниями о маджурской династии Юань.

Взглянем для примера на страницу подвигов Тхай-цзуна, прозванного Чингисханом.

«В исходе XII столетия усилился из татаньских (?) князей монгольский владетель Тему-цзын, по прозванию

Кют, который после нескольких побед, одержанных им в разных местах Монголии (?), в 1206 году (?) в общем собрании князей при вершине Онони (?) объявлен императором с наименованием Чингисхана.

Откуда же внесено в китайские летописи сведение, что Чингисхан избран императором при вершине р. Онон, впадающей в Амур?

Из Клапрота. По Хондемиру, *улуг-урта* (т.е. большой двор) Чингисхана назывался Гелураном и Каракорумом, по Абульгази – Каракумом. Из разных чтений образовалось и название Хара-Хорин. Клапрот предположил, что Хара-Хорин находился на том самом месте, где означено на карте Холин на реке Орхон (а на иных картах¹⁷ на *Ongghine*); а так как Рюйсбрек родину Чингиса называет на одной странице *Man-cherule*, а на другой *Onam-cherule*, то отец Иакинф решил, в свою очередь, что это место было на реке Онон, и внес это название в свое извлечение из китайских летописей.

«В том же 1206 году Чингисхан покорил дом Найман».

Но дом Найман, или, вернее, колено, происходит, по почерпнутой из Абульгази родословной аральских узбеков, от Узбека¹⁸, и потому вряд ли абульгазивское известие о покорении дома Найман извлечено из китайских летописей.

«И потом начал войну с Тангутом».

Теперь решено, что название Тангут относится к Тибету¹⁹: но тот ли это Тангут, который относится к Чингисхану?

«В 1209 году покорил ханство Хойхор».

О следующем, по Абульгази, покорении меркатов²⁰ в извлечении из китайских летописей не упоминается. Но следует покорение уйгур.

«В 1210 году начал войну с Нючжинским домом Гинь (т.е. с Китайской империей)».

По Абульгази же – с Алтын-ханом Хатая, принимаемого, несомненно, за Китай, хотя ни татары, ни персы, ни турки не знают Китая под именем Китай и Хатай.

«В 1214 году взял Пекин; в 1218 году покорил Корею (?), в 1219 году поручил все остальные города Северного Китая покорять Махури, а сам пошел воевать Бухару».

За 4500 верст по прямой линии! Хондемир рассказывает эти несообразности, по крайней мере, поэтически, без притязания на верность хронологии. По Хондемиру, он прибыл к г. Бохаре в 617 году от Эджиры, т.е. в 1219 году, и поставил шатер свой столько высоко, что он касался солнца и луны.

После покорения Бухары, по Абульгази, неизвестно, что делал сам Чингисхан; земли продолжают покорять его дети и воеводы, и между прочим – разумеется, не по сведениям, извлеченным из китайских летописей, – Субут²¹ в 1223 году опустошил всю Россию и ушел. По Иакинфу, также не прежде как спустя пять лет, Чингисхан снова является на сцену.

«В следующем году (1224) и Чингисхан, предав Среднюю Азию огню и мечу, возвратился в Монголию. В 1227 году покорил Тангутское королевство и в том же году умер»²².

Подобные походы совершали только мифы древних верований. Чингисхан принадлежит к подобным же существам, проявляя собою распространение того древнего верования, которому до магометанства следовали мугулы, не смешивая, разумеется, их с монголами, т.е. мон-гу китайскими.

Как ни покажется странно, это противоречие всем сказаниям о грозном нашествии амурских мон-гу, но ведь

и язычество имело свои лживые убеждения, принимаемые за истину в продолжение длинного ряда веков.

Предложим вопрос: известно ли было имя монголов побежденной ими Руси? – Нет. В продолжение двух столетий преобладания так называемых монголов ни Русь, ни великие князья, ездившие в Орду, не произнесли этого имени, и только в 1567 году явилось это название в русских летописях, когда царь Иван Васильевич повелел атаманам и казакам сибирским разведать о мунгальских землях и Китайском царстве, находящихся за Сибирью²³.

Русские летописи, в которые внесены все события XIII века, касающиеся до Руси, и внесены современниками, или говорят под 1223 годом, что «пришла неслыханная рать, безбожнии моавитяне, рекоміи татарове», иные же называют их таурменами, другие печенегами, и что, по сказанию Мефодия, епископа Патарского, «они вышли из пустыни Евтривской, куда загнал их Гедеон».

Пленив многие страны, яссов (оссов, оссетов), обезов (абхазов) и косогов, они пришли в землю половецкую²⁴. Половцы же, которых летописцы называют и безбожными куманами, бежали от татар в Русь. И просили помощи и восстания общими силами на пришельцев татар. Басты, князь великий половецкий, даже крестился, чтобы найти защиту у христиан.

Татары, узнав, что русские князья идут против них за половцев, прислали послов.

«До нас дошли слухи, – сказали они, – что и вы за половцев против нас. Мы вашей земли не занимали, ни городов, ни сел ваших, и не на вас идем, но по веленью бога пришли на холопей и конюхов наших, на поганых половцев, которые, как мы слышали, и вам много зла сделали. Примите от нас мир; нам не за что вести войну с вами. Половцы бегут к вам, бейте их со своей стороны, а мы со своей.»

Князи же рустии того не послушаша, и послы татарскыя избиша, а сами поидоша противу им»²⁵.

Заметим в этом предании три важных указания:

1. Летопись определительно говорит, что татары по вере *моавитяне*, или *моавы*, сыны *моавли*.

2. Что половцы *холопы-конюхи* их, следовательно – пограничное казачество с азиатской стороны, которое обыкновенно обязывалось служить из половины добычи, почему и Русь называла их половцами, от слова *половац* – сообщник, собрат из половины, охотник. Половцы разделялись на корсунских (крымских) и задонских, занимая, таким образом, пространство, носившее название *Козарии*.

3. Война между Русью и моавами возгорелась за избиение послов.

Исследуем предания о религии татар до принятия ислама.

В некоторых летописях при описании нашествия половцев в 1096 году на Киев вставлено позднейшее объяснение, что они сыны Измаиловы, равно как и торкмены, печенеги и торки. Сыны же моавли – хвалисы (*chavilah*), а сынове аммони – болгаре. Те и другие произошли от дочерей Лотовых, «тем же нечисто племя их».

Этим замечанием позднейший летописец старается отделить племя, издавна жившее по северную сторону Кавказа, от пришельцев-татар. Но вообще летописи иногда и татар называют «окаянными измаилитянами». «Измайлов род – 12 колен, из них 8 погибли от руки Гедеона, а остальные бежали в пустыню».

По другому преданию, летопись говорит, что восемь колен измайловых заперты в горах Кавкасийских, то есть Угорских, Александром Великим и что они перед концом мира выйдут и пленят все народы, кроме эфиопов²⁶.

Победа Гедеона, полководца иудейского, относятся до мадиан, собственно мидов-халдеев-магов, постоянно враж-

довавших с родственниками своими, иудеями, за права первенства и различие религиозных понятий. Одни признавали верование в материю (природу), другие – только в идею.

Восточные писатели называют народы, загнанные Александром Великим за железные ворота, джюдж-маджюдж, или джюдж-маджусие, то есть иудеи-маги, известные гог-магог, с именем которых Плано-Карпини и связывает ханов татарских и предсказанное Иезекиилем пленение всех народов и потом погибель Гога²⁷.

Упомянутое исключение эфиопов из пленения всех народов наводит на родство и единство происхождения и верования моавов и аммонян, выходцев из Этривской пустыни, с эфиопами.

По Плинию (L. VI, 35, 8), Эфиопия в древности называлась Aetheria. Тут был и храм Аммона, по которому называлась и область (L. V, 3, 9).

«Итак, от Египта до озера Тритониды, – говорит Геродот (кн. IV, 186), – живут ливийские кочевники, питающиеся мясом и пьющие молоко. Но коровьего масла они не едят; по той же причине, что и египтяне не держат свиней».

Исчисленные имена этих кочевников следующие: махли (греч.), авси (греч.), аммоны, в странах которых и находится храм Аммона и соленый бугор; абсхизы (греч.), кабалы, насамоны, псиллы (заклинатели змей), маки и пр.

Эти кочевники делают жилища свои из жердей, переплетенных камышом, и эти жилища переносные.

Таким образом, слова летописи и сказания Мефодия Патарского поясняются, и искомые джюдж-маджюдж – сарацины измаильтяне, сыны Моавли и сыны Аммони (Hammon, Cham, Nom),²⁸ то есть сыны Аммона, сына Лотова, переселенцы из эфиопских или этривских солончаков²⁹ пустыни Сахары, находящейся между севером и востоком Африки, а не Азии, где ее искали.

«По мнению некоторых, – говорит Бержерон, – татары-мугулы происходят от 10 колен израильских, переселенных в Мидию и перешедших оттуда в Арзарет»; в этом убеждается он сведениями, что татары и до принятия ислама делали обрезание.

Все эти намеки истории наводят на то, что в персидском и татарском слове (*араб.*) (магуль, мугуль) должно искать не собственное имя какого-нибудь народа, но прозвище его по верованию.

Обратим же внимание на русские летописи и в отношении верования татар до принятия ислама, тем более что и русы-христиане обратили прежде всего внимание на веру пришельцев и объявили, что они моавы, резко отличив их этим от бохмитов (мусульман) болгар.

Верное очертание облика во всяком случае лучше написанного яркими красками лика наобум.

В 1250 году князь Даниил Галицкий поехал к Батью на Волгу через Киев, Переяславль и пограничное станованье Куремсы, воеводы татарского, которого Плано-Карпини называет Корренза. «И виде, – говорит летопись, – яко несть в них (в татарах) добра; оттуда же нача больше скорбети душею, виде бо обладаемы дьяволом: скверная их кудешская бляденыя и Чигизакановы мечтаныя, скверного его кровопития, многие его вольшбы: приходящие цари и князи и вельможи солнцу, и луне, и земле, дьяволу и умершим во аде отцем их, и дедом, и матерем, водяще около куста, поклонятися им».

При описании убиения в Орде князя Михаила Черниговского, в 1247 году:

«Обычаи имея Кан и Батый, аще кто придет поклонитися им, не повелевает пред ся вести, но приказано бяше волхвом вести я в сквозь огонь³⁰, и поклонитися кусту и огневи идолам их. А иже что приношахут с собою дары царевы, и от всего того взымающе волхвы и вметахут в огонь.

Мнози съездивше сотвориша волю поганого, прельстишася славою света сего, идоша сквозь огонь и поклонишася кусту и солнцу.

Вльсви же пришедше к князю Михаилу, глаголюще ему: Батый царь зовет тя. Он же, поим боярина своего, Феодора, идяше с ним, и дошедше места, идеже бяше огонь накладен по обе стороны и мнози поганый идяху сквозь огонь и поклоняхуся солнцу и огню и идолом. Вльсви же хотеша вести великого князя Михаила и боярина его, Феодора, сквозь огонь. Великий же князь Михаил гляголя им: “Не достоин христианом ходити сквозь огонь, ни кланятися, им же кланяются: тако есть вера христианская – не кланятися твари, ни идолом”».

Из этих сказаний русской летописи мы видим:

1. Поклонение солнцу, луне, огню, твари, кумирам предков и в то же время поклонение кусту.
2. Что это поклонение есть Дженгисовы мечтания, волхованья и кудеса.
3. Что прохождение через огонь составляло очистительную жертву.

Этих положений достаточно, чтобы обратиться к верованию *гебров-магов, парфов*, которых, говорит Ариан, скифы называли изгнанниками.

Коренные жители Парфии (Парси или Фарси) были некогда последователями верования савиан и поклонялись девам³¹, но Джемшид ввел между ними так называемое огнепоклонение, верование магов, которое и называлось религией Джемшида³².

«Происходя от Джемшида³³, – говорят гебры-парфы, – мы поклоняемся богу и всему, что он создал: мы поклоняемся солнцу, луне, огню».

По обрядам *Авесты* или законов Ормузда, неренг, обряд или жертва очищения посредством огня или воскурения, совершается при молитвах (*neaes*) и прославлении

(izeschne), напр.: «Взываю и прославляю гору жизни, великую Албордж, и все блестящие горы, свет Кеанов.

Взываю и прославляю сии места и грады, пастбища стад, поля хлеба, воды, древа, воздух, луну, солнце и весь народ.

Сею жертвой (zour)³⁴, сим барсомом (куст, связка хома), молю Мифру (воплощенное божество), вознесенного над светлым миром, молю звезды, луну, солнце, древо (хом)».

При обряде употребляются:

сосуд огня (атеш-дан);

barsom или pera hom, то есть связка ветвей *священного куста*, называемого *хом*³⁵;

аванд, или сосуд с очистительной водой, в который погружается хом, что и называется перахом, сок хома;

пиалехв – чаша для молока, и пр.

При совершении обряда возглашается: «Да будет сей неренг могуществен и да светлый закон Маздеиснана (Ормузда) распространится в семи Кешварах земли!»

После этого совершается призывание блаженных душ предков по родословию: «Призываю души предков, отцев, матерей, детей».

При приношении даров джути (жрец) возглашает: «Совершаю прославление за приступающего с дарами хому, нисходящему с горних, священному, чистому и великому»³⁶.

Кроме священного куста хом, воздымаемого при совершении жертв в Вендидад-заде, Хом является каким-то существом, к которому относятся прославления и молитвы. Нет сомнения, что это *Агни* индийцев³⁷.

У парфов или магов всякое действие совершалось с молитвами и обрядами очищения – и принятие даров, из которых частица отделялась на жертвенник Хома, и принятие дружбы: «Если кто преклонится пред тобою и воздаст тебе изешне и нечь, то будь его другом».

Кстати упомянем, что Страбон (кн. XV, 733) был свидетелем религиозных обрядов магов, при которых связка Хома составляет неминуемую принадлежность: но, вероятно, по пониманию значения слов он принял священный *Хом* (греч.) за идола.

Таким образом, упомянутое русской летописью поклонение кусту объяснило то верование, которому следовали татары в XIII столетии. Когда Рюйсбрек по дошедшим ложным слухам, что будто Сартак, сын Батыя, христианин, прибыв к двору его, спросил, правда ли это, ему отвечали, что он не христианин, а *moal*³⁸.

Исследуем это название *moal*, которое персы и татары пишут (*араб.*) – мугуль.

Иудеи называют магов *haveg* (*гебр.*), откуда мусульмане образовали *гяур*, *джнур* в смысле неверный, язычник. Религию магов арабы называют *маджусие*, татары – *муглык*. *Маджус* (магус) значит *маг*. В персидском от единственного муг (маг, *араб.*), множ. (*араб.*) мугуль, маги; точно так же, как в турецком и татарском от муг, магия, магизм; муг-лы, *следующий магизму*; как от Осман – Османлы; дин, вера, – дин-лы, верующий; сан, честь, – сан-лы, чествуемый, принимающий честь.

Следовательно, повторяем, что название *мугул* принималось собственно за верующих в магизм, и нисколько за какой-нибудь особенный народ, и тем более за китайских мон-гу, ламайских буддистов, которых верование основал Шяг-Муни, или Сакья-муни.

Если вникнуть в значение Джемшида, родоначальника и основателя веры магов-парфов, то нет сомнения, что родоначальник татар Дженгис есть не что иное, как изменение имени Джемшид, и составляет тот миф победы верования, который у парфов воплощен в Гюстаспа, покорителя Турана.

И в этом случае русская летопись не без смысла упоминает, что татарская вера есть Ченгисовы мечтания

и волошбы. Как Джемшид, первый кехан (каган), получил все от вод, так и имя Дженгиса, первого каана, означает воды, Дингис³⁹.

Спросим, в чем заключается таурат-дженгис-каниат, или закон Дженгис-хана? – Это есть не что иное, как изложение Десятословия Моисеева, кроме 4-й заповеди: «Помни день субботний» (вероятно, исключенной со времени магометанства)⁴⁰.

Разоблачим значение самого Огус-хана, на котором основано родословие *мугулов* до мифа Дженгис-хана.

В нелепом сказании Хондемира и иных этот коренной миф феогонии магов также обращен в историческое лицо.

В нем, однако же, нетрудно узнать Ормузда и шесть амшаспандов: *Ормузд* – видимый мир.

Шесть творений, или сынов его: солнце, луна, звезды, твердь неба, твердь земли, море.

Шесть сынов Огус-хана: *Гун* (араб.) по-тюрски или по-татарски *солнце*; *Ай* (араб.), луна; *Иульдюз* (араб.), звезда; *Гук* (араб.), *небо*; *Таг* (араб.) *гора*; *Дингиз* (араб.) *море*.

После этого в китайской ли Мон-гу или так называемой Монголии следует искать потомство этих мифов, поразившее ужасом Европу?

Определив верование мугулов и значение имен их, следует определить местопребывание каганов, куда ездили к ним русские князья, азиатские государи покоренных народов и послы папы и короля Франции.

В русских летописях до описания убийства Михаила Тверского в Орде нет ничего определенного в отношении расположения Орды. Князья отправлялись на Волгу к Батю, а от него за утверждением на княжение – к кановичам.

Это название, употребляемое летописью вместо КАНА, кагана или царя, очень замечательно.

В Троицкой летописи под 1313 годом отмечено: «*Седе на царство Озбък (Узбек) в Орде*».

Великий князь Михаил Ярославич Тверской, утвержденный на великое княжение Тохта-ханом, отцом Узбека, отправился в Орду на поклон к сыну.

Между тем Георгий Данилович Московский, отстаивавший права свои на великое княжение, также поехал в Орду, пробыл там три года, успел приобрести особенную милость хана, женился на его сестре Кончаке, названной в крещении Агафьей, и с грамотой на великое княжение, сопровождаемый посольством Узбека и его войсками, возвратился в Россию.

Оклеветанный Михаил не уступал престола без боя, разбил племянника своего, взял в плен жену его и татарского воеводу Кавгадия.

Узбек потребовал Михаила Ярославича к себе: «и бывшу ему в Володимер, и се прииде посол от царя из Орды, именем Ахмыл, глаголя: “Зовет тя царь, поиде в борзе, буди за месяц; аще ли не будеши, то уже воименова на тя рать и на твои города”».

Михаил поехал.

Прибыв на границу Орды, «на усть реки Дону, идеже течет в море Суражское»⁴¹, он встретил своего сына, Константина, и, получив для дальнейшего пути обычного пристава, отправился в местопребывание Узбека.

Прибыв туда и одарив князей ордынских, цариц и самого царя, он ждал решения его полтора месяца. Наконец Узбек приказал рассудить его с Георгием Даниловичем.

«В един убо день собрашась вси князи ордынские во едину вежу за царев двор»; начался суд, клевета брала верх. Однажды Михаил Ярославич должен был следовать за Узбеком на охоту. Тут преданные слуги сказали ему: “Князь, добра нечего ожидать; проводники и кони готовы, беги в горы!”»

Но Михаил не хотел бежать. Суд кончился, его заключили в оковы и потом убили.

Где же была вежа Михаила при дворе царя?

«За рекой Терекком, при реке Севенце, под городом Тетяковым⁴², миновав все горы высокие, Ясские и Черкасские, близ ворот железных».

Никоновская летопись прибавляет: *«у болвана медяного, у златые главы, у Темировы богатыревы могилы».*

Это название напоминает Темир-Хан-Щуру на Озен-су. Шура могло образоваться от персидского (*араб.*) *гур*, могила, по-татарски (*араб.*) – кур. Озен-су русские могли прозвать Севенцей.

Но Узбек есть хан *Кифчака*⁴³, а не хан Золотой орды, не канович, по выражению русских летописей; а потому только прокладкой пути Плато-Карпини и Рюйсбрека, может быть, мы достигнем до Алтын-Тахта каганов мугульских. Последуем же за ними.

У Плато-Карпини время и место не имеют никакого значения: он едет совершенно в сказочном роде. Проверим его проезд по Европе, который есть возможность поверять.

Первоначально неизвестно откуда⁴⁴ он приехал к королю чешскому; от него отправился к его племяннику, Болеславу, князю Шлозскому; потом к Конраду, князю *Lautisciae* (по русским летописям, это Кондрат Лядский), к которому в то время приехал и князь русский, Василько (т.е. князь владимирский, брат Даниила Галицкого).

Василько, по убедительной просьбе князя краковского, епископов и бояр (?), взял послов с собой в свою землю.

«По просьбе нашей, – говорит Плато-Карпини, – он собрал своих епископов, которым мы прочитали грамоту господина папы (Doini papae), убеждавшего их к соединению со святой матерью Церковью. Но так как тут не было князя Даниила, брата Василькова, который поехал к Батью (!), то и не могли они дать решительного ответа».

После сего князь Василько дал нам служителя и отправил нас в Киев (?), столицу русскую. Дорогою мы были беспрестанно в опасности от литовцев, которые делали набеги на земли русские».

Сравним эти сказания Плано-Карпини с Ипатьевской летописью, которая подробно, год в год, описывает все события в Червонной Руси при Данииле.

Во-первых, Даниил ездил к Батыю не в 1216 году, а в 1250-м⁴⁵. Начиная с 1245 года, весь 1246-й и в начале 1247 года он вел постоянную войну с литовцами.

Во-вторых, летопись упоминает и о послых от папы Иннокентия, приехавших сначала в Краков, а потом в Холм с предложением соединения с Католической церковью. Упоминает и об убеждениях Болеслава, Семовита и бояр польских о присоединении к католицизму; но не в 1246-м, а в 1254 году.

«В лето 6762 (1254)... тогда же в Кракове быша послы папины, носяще благословение от папы в венец и сан королевства, хотяше видети князя Даниила».

Но он отказался их видеть в чужой земле; послы приехали к нему в Холм, и, без сомнения, в Плано-Карпини вместо *Kiouiam* или *Kaoniam metropolin Russiae* следует читать *Chomiam*.

Когда Даниил отправился к Батыю в 1250 году «и приде к Киеву, обдержашу Киев Ярославу боярином своим ??? Дмитром».

Из Киева, помолясь Богу в монастыре архистратига Михаила, называемом Выдобич, Даниил поехал к Переяславлю, где уже встретил татар. Из Переяславля к Куремсе, от него к Батыю на Волгу.

Следовательно, и Плано-Карпини из Киева следовало ехать тем же путем к Корензе и к Батыю на Волгу.

Каким же образом Плано-Карпини из Киева мог попасть в Канову (*Сапоуае*) на правом берегу Днепра, каким образом он многие дни ехал Днепром по льду и столь же долго берегом Греческого, или Великого, моря (Черного)?

«Super Nepre autem multis diebus ivimus per glaciem. Super littore quoque maris Graeciae (quod dicitur Magnum

mare) satis periculose per glaciem ivimus in pluribus locis multis diebus».

Вообще поездка Плано-Карпини в Татарию если не сомнительна, то, по крайней мере, в отношении географическом не имеет ничего определенного, упоминая единственно только искаженные имена проезжаемых народов по направлению куда-то на восток. На всем пути от Днепра до монголов, т.е. по прокладке географов, до р. Амурса, на 7000 верстах по прямой линии он знает только имена команов, кангиттов, бесермен (бусурман, мусульман), кара-китаев и найман. Удовлетворяя общее внимание рассказами о жителях неведомых стран Востока и сведениями, льстившими слуху папы, что во всех этих заволжских странах, в Китае и за Китаем, много уже полухристиан-несториян, которых легко обратить в христианство, монаху Францисканского ордена лестно было и самому общее предположение, что он достиг предела обитаемого мира.

Но, приступая к путешествию в Татарию и Китай в 1253 году монаха Рюйсбрека⁴⁶, которого Людовик IX в бытность свою в Палестине, прослышав, что Сартак, сын Батгя, христианин, послал к нему с письмом, мы не откажемся при соображениях и от мутных сведений Плано-Карпини.

Большую часть сведений своих Рюйсбрек почерпал из уст своих проводников, которые в то же время служили и толмачами. О верности их толкований он упоминает сам: «Говоришь ему одно, а он передает, что ему взбредет в голову». Это замечание относится к собранию сведений по расспросам у проводников или жителей; но не менее того должно обратить внимание на другое замечание в отношении направления пути, переездов и расстояний: «*Татары*, – говорит Рюйсбрек, – чтобы дать понятие иностранцам о могуществе и обширности владений их ханов, имеют обычай кружить с ними, вместо того чтобы везти от места до места по прямой дороге». Подобную околосо-

цу случалось ему совершить, подъезжая к столице Мангу-Хава и вместо четырех дней пути по прямой дороге, в чем он удостоверился, ехать пятнадцать.

Рюйсбрек⁴⁷ отправился из Константинополя 7 мая 1253 года через Понт (Черное море), называемый булгарами Великим морем, а прибыл в Козарию (Крым).

«Козария окружена морем с трех сторон: на запад Корсунь, на юг Солдая, куда мы пристали 21 мая, на восток Матарта или Матрига и устье Дона (Tanais)»⁴⁸.

Путь от Солдая к хану Сартаку

Гл. I. В Солдае для поклажи предлагали путешественникам взять воловь подводы или вьючных лошадей. Но константинопольские купцы посоветовали купить русские повозки, потому, говорили они, что вьючных лошадей при перемене придется каждый раз развьючивать и ехать столь же медленно, как на волах. Этот совет, замечает Рюйсбрек, оказался не совсем удобен; ибо мы ехали до Сартака целых два месяца, тогда как этот путь совершается в один месяц.

Мы отправились в путь 1 июня, купив четыре повозки. Кроме того, нам дали две подводы (воловьих) под постели и матрасы для ночлега, а собственно для нас пять верховых лошадей. Дали нам также двух погонщиков (при двух подводах) и для ухода за волами и лошадьми⁴⁹.

Проехав на север горы, встречаешь прекрасный лес и долину с множеством фонтанов и ручьев. Потом следует степь на 5 дней езды до страны, суживающейся к северу между двумя морями.

Эта степь была до нашествия татар населена команами, которые брали дань с упомянутых городов и замков готских⁵⁰. Но татары разогнали их по морскому побережью.

На оконечности этой страны находятся великие соленые озера. Они доставляют Батыю и Сартаку большие доходы, ибо из всей России приезжают сюда за солью и за каждый воз платят по два куска золота.

Гл. XI. С тех пор как мы выехали из Солдая, до приезда к Сартаку, в продолжение двух месяцев мы не ночевали ни под кровлей дома, ни в палатке, но на открытом воздухе под повозками. Во всю дорогу не встретили ни одной деревни, кроме могил команских⁵¹.

Греки, русы и аланы, находящиеся между татарами, считают, что пить кумыс есть такой же грех, как и отступничество от христианства.

Гл. XIII. В день Пятидесятницы пришли к нам аланы, называемые ахас, асias (яссы). Они христиане, следующие греческим обрядам, говорят на греческом языке; попы у них греки; но, однако же, они не такие отщепенцы, как греки (?).

Гл. XIV. Следуя к северу, мы приехали к пределам области, ограничивающейся глубоким рвом (Перекоп), простирающимся от моря до моря.

За рвом, в избе, в которую мы вошли, находились сборщики податей за соль, люди истинно прокаженные и отвратительные.

Выехав из Казарии, мы следовали на восток; со стороны юга – море, а на север – обширная степь, простирающаяся на 40 дней пути, где нет ничего, кроме лесов, покрывающих скалистые горы (forests des montagnes, avec des pierres (?)).

Здесь-то жили команы со своими стадами. Они назывались Carchat⁵², а по словам немцев – волынь (valans), а их земля – Волынь (Valania).

Плано-Карпини пишет, что с южной стороны команов живут аланы, черкасы, хозары (gasarog), Греция и

Константиноноль⁵³, а также земли иберов, ках'ти (cathos, кахстов) и брутахов (парфов?)⁵⁴, которые, как говорит, суть жиды, бреющие всю голову; а также земли зихов (sí-thi), грузин, армян и турок.

Гл. XV. Мы продолжали путь на восток: перед нами были только земля и небо, а иногда вправо море, называемое ими Донским (mer de Tanais), да могилы команов, которые видны были с расстояния двух лье. У них одна могила составляет погребение семейное.

Мы ехали от станции (logement) до станции с большим трудом и медленностью, так что приехали к Дону на праздник св. Магдалины (22 июня).

Следовательно, в 53 дня сделав около 700 верст: кругом около 16 верст в день.

Здесь Батый и Сартак устроили Русскую избу (un logement de Russiens) на восточной стороне реки для перевоза послов и купцов на небольших бараках (de petites barques).

Во время пути мы проехали многие иные прекрасные и рыболовные воды... но татары не умеют ловить рыбы и не заботятся о ней.

Эта река (Танаис) составляет восточную границу России.

К западу великий лес, и татары не ездят за этот лес к северу, потому что в это время, около августа, они возвращаются к югу и стануют ниже, где есть зимний перевоз для послов.

Гл. XVI. Вся страна за Танаисом прекрасна и полна лесами и реками со стороны севера.

После этого Рюйсбрек пишет о народе мохел, а потом о merdas или merclas, которых латины называют merdues или mardes.

«За ними, – продолжает он, – река Etilia (Волга), величайшая, какую только я видал. Вытекая с севера из Булгарии, она впадает в озеро, или море, которое в окружности более четырех месяцев езды».

Потом, обращаясь к стране между Доном и Волгой, Рюйсбрек пишет:

Со стороны юга у нас были величайшие горы, где живут черкесы (kergis), или аланы, или acas (яссы) христиане, которые по сие время ведут войну с татарами. За ними к озеру или морю населяют сарацины, которых называют лезгами. Они подчинены татарам. За лезгами железные ворота, которые построил Александр Великий от набегов варваров на Персию.

И в этих странах, которые мы проезжали между двух рек (Tanais et Etilia) жили некогда команы. Татары изгнали их и заняли их землю.

Гл. XVII. Мы нашли Сартака в трех переездах от Волги, и двор его показался нам очень велик.

Как решить теперь этот путь на восток до местопребывания Сартака? По смутным описаниям, он мог лежать и через Перекоп, и через ров Босфорский (греч.), отделявший некогда Таврию от Босфорского царства. Ехали ли они по берегу Азовского моря или по берегу Черного? Переправлялись ли они на барках собственно через Дон или донской пролив (Босфор), который также назывался Танаисом? Да и сам Рюйсбрек (гл. I) называет Босфор устьем Танаиса: «На этом (Великом, Черном) море от Херсона до устья Танаиса есть большие мысы». Если бы они ехали по берегу Азовского моря, у них бы постоянно на юге было море, а не великие (Кавказские) горы. Первобытная страна Кумань между Доном и Этиль, как говорит

и сам Рюйсбрек, ограничивалась, без сомнения, Кубанью и Кумой; известные искони рыболовные места лежат на западном берегу Азовского моря; на северном берегу путешественники о них и не слышали бы. Упоминание о соляной таможене могло основываться на слухах. Но, во всяком случае, этот путь для вас еще ничего не определяет, кроме местности куман, которые под русским прозвищем половцев разделялись на корсунских и лукоморских.

Гаптон, почти современник Рюйсбрека, определенно описывает страну куман: «с запада у них Великое (Черное море); на севере Руссия (Rassia), на восток – р. Итиль (Волга). Часть команов живет и в горах Кавказа. С этой стороны граничит с ними *Corasme*».

Древнеперсидское название *Corasme*⁵⁵, принимаемое учеными за Хиву вместо Грузии или земель по Куре (Гебру), путало всегда все изыскания.

Но сам Гаптон определяет этот народ (гл. IV): «Они (*corasmiens*) говорят собственным языком, следуют греческому исповеданию веры и зависят от антиохийского патриарха».

*На запад от этой прекрасной равнины, – пишет Рюйсбрек, (гл. 50: «Moan, par ou passe le fleuve Cur», т.е. мугунской степи), – находится Грузия (Curgie)⁵⁶, где прежде (?) жили *crosmins* ou *corasmins*.*

Вся страна от Танауса до Этили, – пишет монах Бакон в своих географических примечаниях, – принадлежала куманам, которые звались канглами (57); но татары их изгнали. В древности же вся эта страна называлась Албанией».

Таким образом, поселение куманов пограничного с Русью азиатского казачества (козар) было определительно по Кубани и Куме. Здесь, по Гаитону, был и их главный

город Сара (Sara) – вероятно, известный хазарский город Сар-кале (крепость Сара) при Доне.

Гл. XX. Местопребывание Сартака находится в том месте, чрез которое проезжают русы, влахи, болгары, soldains, черкесы (kerkis), алане и другие христиане при поездке к отцу его, Батыю, с дарами.

Следовательно, «местопребывание Сартака в трех днях от Волги должно было быть на реке Сарпе, где у Олеария показан город Загга и где должны были сходиться дороги к переправе через Волгу из Руси, из Крыма, с Кавказа и из-за Дербента; ибо Рюйсбрек говорит, что здесь же проезжали и послы сарацинские.

«К везущим дары Сартак очень внимателен, особенно к сарацинам, которых дары гораздо значительнее.

Другой же начальник, Берта или Берка, имел свое местопребывание около железных врат, где был главный путь сарацин. Но Батый перевел его за Этиль и лишил доходов от проезжающих через его землю послов сарацинских.

Таким образом, при уничтожении таможи при Дербенде сосредоточились доходы в местопребывании сына Батыева.

Путь от Сартака до Батыя

Рюйсбрек с собратией пробыл при дворе Сартака 4 дня и, следовательно, 5 августа отправился к Батыю.

Наконец мы прибыли к великой реке Этили, которая в четыре раза шире Сены, очень глубока и, истекая из вели-

кой Булгарии, впадает в озеро, или море, называемое ими *Circan*, по имени одного города, находящегося на берегу со стороны Персии. Но Исидор называет его Каспийским, потому что горы Каспийские Персии находятся на южной стороне оною, а горы *Musibet* (или *Mulibet*; гл. 44), или горы Ассасинов, сопредельны Каспийским.

Местность Мулибета и Ассасинов нам необходима при последующих соображениях. Упомянутое Рюйсбреком сведение, порожденное смешением восточного берега Гирканского моря с восточным берегом Греческого, т.е. Средиземного, а равно сведения Марко Поло, было причиной, что географы перенесли местность ассасинов в Персию, в Казбин, но название *Mulibet* (а у Марко Поло – *Mulete*) есть не что иное, как Аль-Мут, столь известная крестоносцам крепость ассасинов. Им принадлежала страна Тартус (Тарс Киликии). *Hassan-Sabah*, *viellard de la montagne**, около 1090 года основал крепость Аль-Мут в ущельях Гюк-су, впадающей в Средиземное море около 30 верст ниже Карамана, города Малоазийской Туркмении, или Турции.

Марко Поло в своем сборнике разных слухов о странах и народах Азии после описания Карамании (Малоазийской, принимаемой за Персидскую), города Кобина (вместо Кониех, принимаемых за *Казбин*⁵⁸ и области *Tilnochaim* (?), где, по преданиям жителей, Александр Великий разбил персов, упоминает и о Мулете (вместо Аль-Мут), округе ассасинов, и об их властелине, *vieux des montagnes***, который давал своим воинам предвкушать рай Магометов).

На севере моря (Каспийского) находятся те обширные степи, где прежде жили канглы и которые занимают теперь татары.

* Хасан Сабах, владелец горы (фр.).

** Горном старце (фр.).

Мы упомянули выше сведения Бакона, что канглы суть те команы, которые жили на Кубане и Куме.

Канглы, следовательно, есть татарское прозвище команов.

Отец Иакинф в своем описании западного края Китая (известного европейцам под названием Джунгарии и Восточного Туркистана) упоминает, что «казаки времен Чингисхана названы в “Истории” Абульгази *канклы*, а у европейских путешественников – *кангытами*». Следовательно, по турецкому и татарскому языку *канг-ды* значит *народ канг*, а вообще по кавказскому наречию кангэ-ти (кангыты), как оссы–оссеты, сваны–сванети и, может быть, имры (кавказские гомер) – имерети.

Но команы по-венгерски называются кун, страна их – Кунчак: следовательно, древние *куманы* суть те же известные гунны-киммерийцы, обитавшие, по Прокопию, в Малой Скифии, или Азиатской Сарматии, между Танаисом, Волгой и Кавказом; те же гынд-сафет (белые инды) персидских писателей; те же *козары* во время иудейства и половцы во время бесерменства; ибо русские летописи прозывали половцев и бесерменами или бусурманами, т.е. мусульманами.

Заметим, что **changleae** на карте путешествия Рюйсбрека помещены между Кубанью, Кумой и Тереком.

Козар гебров, служивших до принятия магометанства каганам, татары имели право называть своими холопами в конюхах.

Гл. XXI. «Вся страна от западного берега моря, где железные врата, и от гор Аланских до Меотического озера, или Танаиса, называлась в древности Албанией.

На реке Этиль, куда мы приехали, находится новое здание (logement), построенное татарами. Здесь несколько человек русов перевозят послов, как приезжающих к Батыю, так и отъезжающих. Двор его расположен на

восточном берегу реки. Во время лета, когда он отправляется в гору, не проезжает этого места; но начинает спускаться (*Quand il monte l'Ete, il ne passé point ce lieu-la, mais il commence a descendre*), ибо с января по август он и все другие начинают подниматься в страны более холодные, а в августе спускаться к югу⁵⁹.

Смысл этих слов должен быть тот, что на лето Батый, поднимаясь в гору по правому берегу реки, не переправляется через Волгу, но переправляется, возвращаясь, к югу в зимнее свое местопребывание.

От новой станции мы переправились через Волгу в барке ко двору. Отсюда считают пять дней езды до городов и селений Великой Болгарии.

Я часто удивлялся, каким образом демон занес туда закон Магомета; ибо от Железных ворот, составляющих границу Персии, более 30 дней пути, поднимаясь вдоль Этили, до страны Великой Болгарии, степью, где нет ни одного города, исключая хижин и землянок при впадении Этили в море. Эти болгары самые ожесточенные мусульмане.

*Когда мы приехали ко двору Батья, я изумился, видя, что его дом (дворец?) был столь же просторен, как город, а вокруг его на 3 и 4 лье расселялось множество люду. Как некогда народ израильский знал места, где каждому ставить свою куцу, так они знали, где располагать свои шалаши и кибитки. И поэтому дом этот или двор (*cour, ou maison principale du Seigneur*) назывался *curia orda*, т.е. средний двор (араб.) – кура, двор, *cour*; (араб.) – урта, средний.*

Это то же, что у галлов *cour du milieu*, у нас – средняя палата, собственно судебное место при дворах господарских, находившихся в центре города.

У Плано-Карпини двор кагана Куине также назывался *Syra orda*: «*Haec autem statio sive Curia nominator ab eis*

Syga orda»*. «Но в трех лье, в прекрасной долине у речки, между гор, был изготовлен другой шатер, называемый ими orda augea, золотой двор. Здесь Куинэ долженствовал быть возведен на престол».

Новый след древних общих обычаев: *сoug d`or у галлов* и золотая палата, в которой совершалось вступление на престол.

Двор Батыя, следует полагать, был на месте древнего болгарского Царевска, а двор Сартака, как мы упомянули, в Саре Куман, или в известной *Sera*, некогда главном городе Серики, сираков, сиракин (сарацин), по Приску – *сарагуров, сурагов*, по русским летописям – *суражан, шелководцев*, по которым верховье Каспийского моря, *Chazaz-dengis (море Казачье), Bachr el Chazar (Козарское)*, называлось также *Oceanium Siricum*.

Путь от Батыя к Мангу-хану

После представления Батыю и решения ехать к Мангу-хану Рюйсбрек отправился вслед за двором Батыя, вниз по Волге.

Гл. XXII. Мы следовали за Батыем с нашими повозками вдоль Этили в продолжение пяти недель...

Наконец 14 сентября, в праздник Воздвижения Креста, явился к нам один из главных и богатых мугулов (moals), сын тысячника, и объявил нам, что ему поручено сопроводить нас к Мангу-хану и что предстоит 4 месяца пути, в такие морозы, от которых трескаются деревья и камни...

С этих мест начинается уже догадочная прокладка пути, ученое соображение географов по толкованиям Рюйсбрека, на восток, в страну китайских мон-гу на Аму-

* Этот шатер или курия называется ими Сираорда (*лат.*).

ре, за 8 тысяч верст. Просим внимательно заметить все вопиющие несообразности.

На другой день после Воздвижения (14 сентября) мы пустились в путь верхом, следуя постоянно на восток (?) до дня Всех Святых (1 ноября). По всем странам этого пути жили канглы (cangles), которые, как говорят, происходят от древних римлян.

Этот намек касается до сходства названий Албании Иллирийской и Албании Кавказской, страны казачества, или канглов.

Гл. XXIII. Проехав около 12 дней от р. Этили, мы встретили другую большую реку, Jagag (!), которая течет с севера и из страны pascatir. Язык паскатиров и венгров один и тот же; те и другие пастыри, не имеющие ни городов, ни сел, так что Малая Булгария (?) есть последняя страна, где находятся города. Из этой страны pascatir вышли гуны (huns), названные впоследствии венграми (hongrois), и это есть собственно Великая Булгария.

Все, что я сказал о стране pascatir, я слышал от братьев-проповедников, которые были в этой стране до татар. Тогда паскатиры были покорены булгарами и сарацинами, и многие из них обратились в магометанство.

Здесь дело идет, кажется о печенегах, т.е. о peng-dagui (пенч-даги), или пятигорцах⁶⁰, из которых некоторые племена, по византийским историкам, носили почетное название за их храбрость.

Мы ехали землями канглов со дня Воздвижения до Всех святых и ежедневно проезжали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана, а иногда и более.

Следовательно, 28 лье, т.е. около 112 верст в день, или в 45 дней (с 15 сентября по 1 ноября) 5040 верст, – и все это пространство занимали канглы, потомки римлян. Верхом на голодных клячах, которыми снабжали тучного путеше-

ственника, с вьюками, с перевьючиванием, с ездой двух братьев на одной лошади⁶¹ и в восьмичасовой день нельзя было проехать и пятой доли этого расстояния, особенно принимая во внимание, что подобным путешественникам в Азии часто приходится проезжать от ночлега до ночлега по 8 верст и очень редко по 30 и 40. Но, решившись уже, разумеется, по убеждению, прокладывая путь Рюйсбрека за Байкал, географам ничего не оставалось делать, кроме как вытягивать путь от Волги на восток, до поворота к югу, к великим горам (Алтайским) и к великому озеру (Байкалу), в 5000 верст, тем более что Рюйсбреку с 1 ноября по 26 декабря, вычтя 15 дней пребывания в Сайлас и 11 дней лишних, когда везли его вместо прямой по окольной дороге, оставалось всего 30 дней пути.

Сравним для любопытства столь же поспешную, если не более, поездку Плато-Карпини от Коррензы на Днепр до Батыя на Волге в феврале и марте:

Мы отправились во вторник, на 2-й неделе Великого поста, ехали каждый день с утра до ночи, а часто даже и ночью, так скоро, как только могли скакать лошади, которых мы меняли раза по три и по четыре в день, но, несмотря на это, не могли приехать к нему (Батыю) прежде Великого Четверга.

При всей этой безостановочной скорости Плато-Карпини в 38 дней сделал не более 1000 верст, кругом около 26 верст в день. Это похоже на истину. Но обратимся к Рюйсбреку.

Гл. XXIV. Нет возможности описать, – продолжает он, – сколько во время этого пути претерпели мы голода, холода, жажды и утомления; ибо нам давали есть только вечером, немного питья и проса поутру. Вечеру давали нам мяса, часть баранины, похлебку и соответственную меру напитка. Когда мы могли насытиться вдоволь мясной

похлебкой, то это было лучшим угощением, а их напиток казался нам сладким, приятным и питательным.

Сначала проводник (пристав) обходился с нами с пренебрежением, но когда познакомился короче, то водил нас по дворам и домам богатейших *toalles*, которые требовали, чтобы мы молились за них Богу (?!).

Накануне Всех Святых (31 октября) мы свернули от направления к востоку на юг. Этот путь длился 8 дней. На 7-й день мы увидели на юге какие-то высочайшие горы и вступили в равнину, орошаемую водами, как сад; земли были превосходно возделаны.

Какие же это высочайшие горы с цветущими, как сад, равнинами, превосходно возделанными землями и даже виноградниками, как увидим ниже, – Алтайские? Но каким же образом жители сказали Рюйсбреку, что это горы Кавказские (гл. XXV), а в XXVIII главе он повторяет, что «все эти земли (канглов, найманов, югуров, кара-катай и катая) находятся между Кавказскими горами?

Если во славу Александра Великого историки перенесли Кавказ со всеми его странами и народами на Гиндукуш и наплодили по всей Азии двойников, то нельзя же в угоду авторитетам, сборщикам неосмысленных фактов о монголах перенести Кавказ и магога на север Китая.

Миссионеры Рюйсбреку трудно было ориентироваться в осеннее время даже по солнцу, и потому на его восток несколько нельзя полагаться; записок он не вел, и на всем пути от Волги до местопребывания Мангу-хана нет ни одного географического названия, которое бы указало его направление. А Cathay? – может возразить ученый мир хинологов. Страна, лежащая на берегах Восточного моря, обитель древних шелководцев, *seres (siraci)*, как замечает и Рюйсбрек, не есть ли это явная China? Не знаем достаточно ли этого положения, чтоб искать Мангу-хана в китайском императоре Сян-Дзун. Восточным морем древние называли Каспийское; по всем сказаниям древ-

них географов и историков, *seres* жили при Каспийском море. Но, несмотря на это, *cathai* или *khatha* ищется в Чинмачине, или в Китае (China); следовательно, и «*Abrahamus fuit educatus in Cutha*»*. Здесь нельзя миновать вопроса: отчего, вопреки всем азиатским и европейским народам, только русские называют Небесную империю вместо Чина, China – *Китаем*, явно сходным с *Cathai*? – Оттого, что русское название произошло официально, по указу царя Ивана Васильевича, который, основываясь на современных ему географических открытиях об Азии, повелел в 1567 году казачьим атаманам и казакам Ивану Петрову да Бурнату Ялычеву с товарищами проведать за Сибирью китайское государство и монгольские земли. Как же им было назвать в донесении Срединное царство, или Небесную Империю, как не предписанным названием – Китай?⁶² До этого времени Русь не ведала ни о Китае, ни о китайских монголах.

По византийским известиям о татарах, владения их не простираются за Каспийское море: Хатай в Гиркании. И все скифы-татары – ирканцы, саки, массагеты, парфы, ассирийцы, каддусии (курды?), хатагии, хатайцы, цагатайцы и сахатеи (сом-хети?) также не удаляются от берегов Каспийского моря⁶³.

Могут заметить, что упоминаемая Рюйсбреком переправа через реку Jagag в 12 дней езды от двора Батыева – реку, принимаемую за Яик, – дает направление пути; но в этом направлении на прорез Яика, через пустынные, песчаные и солончаковые степи нет и не могло быть ни пути, ни дороги. Рюйсбрек неизбежно должен был ехать через Уральские горы, по тем же путям, которые существуют и ныне. Сверх того, продовольствие послов лежит на ответственности приставов, которые и берут продовольствие, лошадей или подводы и свой бакшыш от селения до селения. Таким образом, в названии Jagag, без сомнения дополнен-

* Авраам получил образование в Кутха (т.е. в Китае. – *Сост.*).

ном прокладчиками пути, нельзя видеть Яика, а тем более другой большой реки, подобной Волге.

По всем этим и многим другим соображениям мы решаемся воротить Рюйсбрека из-за Волги и прокладывать путь его к Кавказу и чрез Кавказ.

Повторим проеханное уже им пространство по стране канглов, а по Плано-Карпини – коман и кангыттов.

Отправляясь из Орды Батыя к Мангу-хану, Рюйсбрек после 12 дней езды встречает другую великую реку.

Чтобы ехать из Орды Батыя на Кавказ, необходимо было переправляться обратно через Волгу. Воображая, что путь лежит на восток, Рюйсбрек легко мог принять ее за другую реку. Посла везли побережьями Каспийского моря, что объяснится ниже. Здесь, на пространстве степей кумских, терских и кубанских, он не мог встречать иных селений, кроме татаро-казачьих – канглы или коман.

Путь, продолжавшийся до вступления в горы, составит около 800 или 900 верст. Это все, что Рюйсбрек мог сделать в 45 дней, проезжая в день около 20 верст, тем более что пристав часто водил его с собою в гости к зажиточным жителям проезжаемых селений, и, вероятно, христиан:

Сначала наш проводник обращался с нами презрительно и досадовал, что ему пришлось везти таких дрянных бедных людей; но, познакомясь с нами покороче, он нас водил по дворам и домам (cours et logements) богатеиших тоаллес (?), которые обращались к нам с просьбою молить о них Бога. Если бы при мне был хороший переводчик, то я имел бы случай совершить большую жатву между этими людьми.

Надо знать, что у Чингиса, хана или царя, было четыре сына, от которых произошли многие князья и начальники, имеющие свои большие дворы и владения в этой обширной, как море, пустыне.

Таким образом, проводник водил нас по дворам многих из этих владетелей, которые удивлялись, что мы не хотели брать от них ни золота, ни серебра, ни богатых одежд. Между прочим, они спрашивали нас о нашем великом папе (notre Grand Pape).

В этих владельцах нельзя не узнать кавказских беков.

Накануне Всех Святых мы повернули от востока, тем более что и все населения этих народов склонились к югу. На этом пути мы видели множество ослов, похожих на мулов и называемых colan (по тат. колун, (араб.), жеребчик). На седьмой день открылись перед нами какие-то высочайшие горы, и мы вступили в равнину, орошаемую водами, как сад, где земли были превосходно возделаны. На 8-й день после дня Всех Святых мы прибыли в сарацинское местечко Кенкат, начальник которого (captaine)⁶⁴, встретил, по обычаю, нашего проводника с брагой (cervoise) и чашами. Они шли по снегу (sur la glace): еще до Михайлова дня мы видели в степи уже заморозь. Я спрашивал у сопровождавших нас название этой страны, но они знали только название города. Тут большая река истекала из горы и орошала всю страну; они проводили из нее воду для орошения полей; эта река не впадала в море, но терялась в песках и болотах. Тут я видел виноградники и пил их вино.

Хотя некоторые толкователи в обеспечение пути Рюйсбрека в Монголию и подписали на картах вместо Алтая Caucasus mons*, но пределы растительности винограда явно уже обличают историческое заблуждение и безоговорочно вынуждают искать Кенкат с его виноградниками и вином не на равнине с северной стороны Алтая, а на равнине с северной стороны Кавказа, на Тереке.

Гл. XXV. В следующий день мы прибыли на другой ночлег, ближе к горам, и я узнал от них, что это горы

* Кавказские горы (фр.).

Кавказские (et sus d'eux que c'etoit celles du Caucase)⁶⁵. Тут я узнал также, что мы миновали уже то море, в которое впадает Этиль.

Кто же из проводников миссионера назвал бы Кавказом иные горы, кроме Кавказа? И потом, если бы Рюйсбрек не ехал во все время до поворота по Тереку около набережных Каспийского моря, то с какой бы стати у Алтайских гор, по крайней мере за две тысячи верст от этого моря, объявили ему, что наконец море, в которое впадает Волга, осталось уже в стороне? – «J'apris aussi qu'alors nous avions passé cette Mer, ou entre l'Etilia»*.

С упомянутого ночлега мы отправились к востоку (?) прямо в горы, и с этого уже времени мы вступали в земли, подвластные мангу-хану. Жители везде встречали нашего проводника с песнями и рукоплесканиями.

Терек в горах действительно склоняется временно на восток, и здесь предел Дешт-Кипчака, т. е., равнины кипчацкой, которая составляла отдельное владение под властью Батыея. Отсюда начинается уже область древней Гебриды.

Несколько дней спустя мы вступили в горы, населенные кара-катаями, и тут встретили большую реку. Переправившись в барке, спустились в долину, где я видел разрушенный замок (chateau), которого валы были земляные. Страна была возделана. Мы проехали также очень хороший город Equis, населенный сарацинами, употребляющими персидский язык, несмотря на отдаление от Персии.

Переправясь через главный хребет, путешественник вступает в *Карталинию*, которая составляла северную часть Кахетии (собственно Кге'ти или Гехти, т.е. Халдеи, Гебии, Навег, Иверии)⁶⁶, страны, известной в истории и под названием Cutha.

* Я также узнал, что мы прошли море, куда впадает река Итиль (фр.).

Мугулы или гебры, без сомнения, разделяли древнюю коренную Халдею Армении на, собственно, Кегти и на Кура-Кегти, т.е. Халдею на Куре.

Небесной же империи (Китая) под названием *Хатая* (Chathay) Восток не знает. Если Манджуры покорили эту империю, то Чингис со своими мугулами покорил не *Чин-Мачин*⁶⁷ (араб.), а Хатай и *Карахатай* (араб.). Абульгази упоминает о Чин-Мачине только при следующем, очень важном для решения нашего вопроса, случае: «Мангухан, узнав, что, как восточные, так и западные его соседи имеют злые против его царства замыслы, отправил брата своего, Куплая (Хубилая), с войском на восток, а брата Галагу на запад, сам же отправился воевать Чин-Мачин и осаждать главный город *Чин* (араб.)».

Это событие совершилось в то самое время, когда Рюйсбрек был при дворе Мангу-хана. Он также сообщает об отправлении братьев хана с войсками в разные стороны для усмирения возмущений и определительно называет страны, лежащие на запад и на восток от местопребывания Мангу-хана.

Гл. 44. Он (Мангу-хан) послал одного из единоутробных братьев своих в землю ассасинов, называемую Mulibet (Аль-Мут), и повелел истребить весь этот род. Другого послал в Персию, куда он и прибыл теперь, вероятно, для того, чтобы идти оттуда в Турцию и отправить войска на Багдад и на Вастация⁶⁸. Он отправил также войско в Катай, чтобы смирить некоторые возмущения.

Таким образом, одна часть войска под начальством Кублая идет к западу, в Аль-Мут⁶⁹ при Средиземном море: другая под начальством Галагу сосредоточивается на границах Персии, чтобы действовать против турок на Багдад и потом соединяться в Анатолии с Кублаем. Третья идет в Кахетию. Следовательно, местопребывание каганов должно искать где-нибудь в Армении⁷⁰.

Но обратимся к Кара-Катаю, который проезжает Рюй-сбрек. В XIX главе он упоминает, что *Кара-Катай* значит Черный-Катай и назван в отличие от Катая, находящегося с востока вдоль моря (?). «Этот Катай, – говорит он, – находится между некоторыми горами, которые я проезжал».

Бержерон (гл. XIII), излагая различные сказания о Катае, говорит в заключение: «Из всего этого видно, что Cathai принимается иногда за Хину (Chine), а иногда за особенную страну; и вот, как легко чужеземцам смешивать и перепутывать вещи, которые им неизвестны».

Иосафато Барбаро, проезжавший по Мингрелии в 1436 году, пишет, что «Мингрелия граничит с кайтаками (caitacchi), народом, занимающим все пространство между Мингрелией и Каспийским морем, частью же с Грузией (Zorzania), Черным морем, хребтом гор, простирающихся по Черкассии, и рекою Фазисом».

Caitacchi, следовательно, кахеты, или кгети, с армянским обычным окончанием *каг'ти-к*.

В Muller's «Samml. Russ. Gesch.»⁷¹ упоминается о кайтаках около Каспийского моря. К западу с ними граничат каракайтаки, следовательно, кара-кагти-к, т.е. карталины⁷².

На следующий день, окончив переезд через горы (населенные каракатаями), которые составляли одну из главных ветвей к югу, мы вступили в роскошную равнину, на правой стороне которой были высокие горы, а налево большое озеро, около 15 дней езды в окружности (?). Равнина орошалась горными потоками, впадающими в это озеро. На обратном пути, летом, мы ехали по северной (?) стороне этого моря, где также были горы. Некогда в этой равнине было множество городов и селений, но большей частью их разорили татары, имевшие здесь богатые и тучные пастбища.

Тут существовал еще обширный город, называемый Sailas, или Cealac, где был значительный торг и съезд купцов, навещающих оный.

Путь Рюйсбрека после переправы через Куру при Мцхете мог следовать через Тифлис, а может быть, и прямо на Цалку, потом мимо озера Тапараван, соединяющегося протоком с озером Туман-гель, и, наконец, в равнину Чалдырского или Халдейского озера, усеянную и поныне развалинами городов и селений. С одной стороны озера хребет Чалдырский, а на запад Кыр-даг (Кирова гора, а вернее – Кура-гора, ибо здесь верховье Куры). В этой обширной равнине, сходящейся с равниной по Араксу, вокруг горы Алагез, была исконная колонизация халдеев⁷³, или гебров-магов, известных под названиями *cuthaei*, *джюдж-маджюдж*, *mizgaei*, *mizaei*, *mazog*, *гофти*, *халивы*, *harakhaiti* (*Venidad. Zend-Avesta*) и пр. и пр., которых турки-мусульмане вообще называли *гяур* (гебр).

Мы пробыли в Cealac 15 дней в ожидании Батыева письмоводителя, который был товарищем нашего проводника по отправлению дел.

При дворе Мангу-хана эта страна на особенном языке и письме носила название Organit, но ее населяли контоمانы (?).

Здесьние несториане употребляют этот язык при отправлении священной службы. Название же Organit, как нас уверяли, было дано потому, что жители были органисты в музыканты.

Перед восстанием гебров-магов (мугулов) все эти страны были в зависимости уже от турок, но относились к Грузии. Аравитяне называли Грузию *Газран*, дагестанцы и горские народы – *Гуржем*, персы – *Гургистан*⁷⁴, греки – *Георгия*, армяне – *Ивирк* (Иверия-Гебрида); кроме того, по различным произношениям имени *Георгий*⁷⁵, – *Гюргени*, *Gorgan*, *Джоржан*; у *Барбаро* и *Марко Поло* – *Zorzania*, *Zorzani*; у *Рюйсбрека* – *Georgiens*, *Curgiens* или *Curges*, и в дополнение – восточное прозвище страны: *Corasme*⁷⁶. *Choresme*, *Chouagesm*, **водворенное географами со всем на-**

родом на вечно пустынный холодный берег Каспийского моря и приспособленное к Хиве.

Персидское название страны, лежащей по Куре (Hebrus, Iberus–Haver), без всякого сомнения, образовалось из арабского слова *кавар* и земля, страна. Это название близко также к *Гуржем*, как называют Грузию в Дагестане, и к араб. *Газран*.

Как неведомое название Organum Рюйсбрек мог образоваться из Джорджана, Giorgianiah, так и Contomani из Carthalini.

Страсть жителей области Organum к музыке объясняет еще более единство с Giorgianiah: Al-Bergendi пишет: «Столица Куарезма называется Корканг, или Джиоржаниех по-арабски. Жители этой страны имеют такую страсть и способность к музыке, что даже дети кричат и плачут на распеве»⁷⁷.

Тут встретил я в первый раз идолопоклонников, – продолжает Рюйсбрек, – разные секты которых рассеяны по востоку.

Гл: XXVI. Первые из этих язычников суть jugures, соседи страны Organum в горах к востоку.

Все их города населены несторианами и сарацинами.

В городе Sailas три рода язычников. Я был в двух их обществах. В одном я видел человека, у которого был на чертан крест на руке. По расспросам и ответам я убедился, что они (jugures) действительно христиане, но без какого-либо понятия о вере. У них я видел род алтаря, на котором они возжигали восковые свечи, а также изображение с крылами, наподобие св. Михаила Архистратига, и иные изображения с поднятыми благословляющими руками.

Коренная Грузия отделялась в древности от халдейских племен, овладевших южной стороной Кавказа по Куру, хребтом Массийским⁷⁸, часть которого ныне называется хребтом Ахалцихским, а другая – Имеретинским,

населенная грузинским племенем, по беззащитному положению с юга также была в преобладании парфов-гебров. Гурия, часть древней Грузии, соседствовала с юга с Туркоманией, а с востока – с коренной Халдеей (ныне Акалцихский уезд). Она была покорена мугулами.

Плано-Карпини и Рюйсбрек, проезжая через часть Восточной Грузии (Карталинии) под мугульским именем *Кара-Катая*, неизбежно должны были встречать несториан *грузин-гурийцев*, имя которых у Плано-Карпини выразилось через гуиры (huuug), а у Рюйсбрека – через jugoug. Но здесь, в отношении этих миссионеров, должно принять во внимание и слово (*араб.*) *джебр, гебр*, изменяющееся в сайг – гяур, gjaoug, джяур⁷⁹. Оно звучало часто в ушах их, смешивалось с Гурией и Георгией вообще, и породило особый небывалый народ югуров.

Приняв за неопровергаемую истину считать Cathay или Хатай за Китай, критикам всех сказаний о татарах приходилось сводить к одному итогу и все прочие названия мест и народов и, основываясь на своих соображениях, беспощадно и безотчетно исправлять рукописи при изданиях в свете. Так, о. Иакинф, к китайскому названию Халхи–Хой-хэ придав русское окончание, образовал Хой-Хор, что и сблизилось удобно с мнимым татарским узбекским поколением уйгур, которое, в свою очередь, у Абульгази есть не что иное, как одно из числа набора имен разных кавказских обществ и прикаспийских аймаков.

По Плано-Карпини, гуиры жили на юго-западе от земель мугульских, а на запад от этих последних была страна Найманская (provincia Naumanorum). По «Восточной истории» Гайтона, жителей царства Tarse называли jogoug: «Они идолопоклонники, – говорит он, – исключая десяти колен царей (магов), которые по указанию звезды приходили на поклонение в Вифлеем». По сказаниям же армян⁸⁰, маги приходили на поклонение Младенцу Христу от озера Вана.

Таким образом, jogour Гайтона есть гяур, то есть гебры Парфии (Tarse, по Мандевиллю – Tharsis)⁸¹.

У них (jugoures) есть колокола, подобные нашим и довольно большие. Татары приняли их письма и буквы.

Здесь снова под именем jugoures надо понимать gjaour, гебров и их халдейские, зендские письма, которые, разумеется, при принятии тюркскими племенами халдейского верования были введены и у них. Это было условием всех религий в отношении народов-прозелитов.

Абульгази упоминает о тюркском поколении уйгуров-мугулов и замечает, что те, кто из их племени знал тюркский язык, были у Чингиса писцами. Это сведение относится и до гебров (гяур, парси) вообще, письма которых употреблялись на Кавказе, и собственно до грузин-гурийцев⁸², или гуриян.

Кажется, основательно бы было к превращению геродотовских *геуров* и страбоновских *сарматов-геуров* в грузин, гуриян, гуиров, югуров, уйгуров и пр. присоединить и древнюю русскую форму названия – *угров* (*венгров*), переселившихся из Кавказских в Карпатские горы в то самое время, когда аравитяне (магометане) овладели Арменией, Грузией и Албанией. Убегая от магометанства, которому подпали яссы (*ouzes, ghazz*), козары и болгаре приволжские, угры принесли на новоселье свое верование гебров-магов, что доказывает их собственное наименование по верованию – *магуар*, а также название верховного божества Isten, парсийское (*араб.*) *Издан*⁸³, *Yezd* и огня, «тюш», по-парсийски «атеш».

Приняв Гоби (степь) за точку отправления монголов для покорения, во-первых, самих себя, а потом всей Азии, половины Европы и Египта, перенеся Кавказ на Алтай, невозможно уже было не дать почетного места и уйгурам. Их и поместили вдоль надписи «Pays des Dzoungar

ou Thian-chan-Pe-lou»* на протяжении 2000 верст, начиная от «Голодной степи» и песков Джыты-Конур, через степи киргизов большой орды, за хребет Алатау, до самой Халхи, а по о. Иакинфу – даже в Халхе.

В отношении собственно монгольских (мон-гу) писем и происхождении их от уйгурских о. Иакинф принимал труд доказывать, что киданский государь Амбагнем изобрел письмена еще в 920 году и что Кидань и Хой-хор⁸⁴, то есть Халха, – все едино. Неизвестно, однако же, почему эти письмена ни к чему не послужили, и китайский император Ши-цзун (1260–1294) выписал из страны Тибета⁸⁵, или, по названию самих жителей, Пода⁸⁶, Ламу Поксбу (Пагра), чтобы изобрести для монголов письмена; он и изобрел. «История присовокупляет к сему, – говорит о. Иакинф, – что число букв его простиралось до 1000». Доказывая, что уйгуры, письмо которых употреблял вначале дом Чингисов, были *тарбагтайские монголы* и что ныне потомки их турпаны, он между прочим замечает: «Думать с европейскими учеными, что уйгурское письмо изобретено коренными турпанцами, противно здравому разуму, потому что Турпаны составляют незначительное племя, около 3000 семей, которое и в древности было немногочисленнее».

По о. Иакинфу, письмена Поксбы – те же письмена, которые употребляются и сейчас; по новым же сведениям, нынешние буквы изобретены при Ву-Цзуне или Кулуне (1308–1311) ламой Чой-Цзы-Одзером.

Все эти разногласия, почерпаемые из китайских источников, видимо, не касаются до мугулов-гебров. До христианства армяне под влиянием верования гебров также употребляли их азбуку, состоявшую из 29 букв, между которыми, однако же, не было гласных. В 406 году от Р.Х. ученый Месроп, по поручению патриарха Исаака и царя Шапуга, изобрел и прибавил к 29 буквам гебров 7 букв гласных.

* Страны Джунгар или Тянь-шань (фр.).

В то же время, по Моисею Хоренскому, Месроп составил буквы для грузин и для албан⁸⁷, исповедовавших уже христианство.

Повторим, что почти все народы, принимавшие письменные законы, вместе с тем или принимали начертания его, или изменяли существовавшие уже свои собственные, чтобы существенно отделиться от прежнего верования, которого письма могли напоминать его предания и обряды.

С принятием исламизма как татары, или тюрки-маги, так и маги-персы приняли *арабские письма*; точно так же тюрки-маги во время халдейства без малейшего сомнения употребляли письма гебрские, или гяурские⁸⁸, что и поясняет слова Рюйсбрека: «Грамота, которую Мангу-хан посылает к вашему высочеству, писана на моальском (татарском) языке буквами гяурскими (caracteres jугures)».

О языке древних гебров-магов мы ничего не можем сказать. Анкетид считает коренным их языком зендский, который, как он говорит, в чистоте своей сохранялся в Грузии, в Иране, собственно так называемом, и в азербиджанской области. Анкетиль⁸⁹ по преимуществу находит существовавшее сходство грузинского языка с зендским.

В заключение о jугures повторим, что это название у Рюйсбрека относится то к грузинам, то вообще к гяурам (гебрам). Проезжая через Сомхетию и встречая в ней подвластных ханам гурийцев, соседивших с сарацинами (турками), неудивительно, что Рюйсбрек упоминает собственно о Грузии (Curgie) только на пути уже в Сирию через Дербент. Проезжая реку Куру, он узнает, что Curgie лежит на запад от Муганской степи, что ее населяли sogasmins, и что название свое получила она от реки Куры (Cur)⁹⁰.

Гл. XXVIII. Югуры, – продолжает Рюйсбрек, – составляют, как уже я сказал, смешение христиан и сарацин. Эти народы во все времена жили в городах и селениях,

которые впоследствии были подвластны Чингисхану, выдавшему дочь свою за их царя.

Город Каракарум (*Saracarum*) недалеко от этой страны, окруженный землями, подвластными пресвитеру Иоанну (*pretre Jean*) и брату его Вуту. Подданные Вута живут в стенах и на пастбищах, а югуры – в горах к югу. От них мугулы (*moal-татары*) научились письму; ибо они великие писцы, и почти все несториане заимствовали от них и буквы свои и язык (*et Presque tous les Nestoriens ont pris leurs lettres et leur langue*).

Этих слов уже достаточно, чтобы понять, что здесь название *juguges* относится вообще к гебрам. Римляне и греки под именем *несториан* понимали восточных христиан Армении, Грузии и Албании. Их же называли и халдеями – в отношении их первобытного верования и несогласия с догматами западной Католической церкви.

Армяне первоначально употребляли знаки, представляющие форму предмета⁹¹: это условие иероглифов. Потом, собственно, письмо гир⁹², известное под названием Даниловского, пополненного и усовершенствованного Месропом, говорит г. Эмин. «Были и другия письмена в Армении, и первоначально именно парсисские или зендские». Мы же, со своей стороны, осмеливаемся думать, что письмена гир и есть собственно *гебрские* (*gaur*).

Месроп, возвратясь из Самосата (в Месопотамии), пишет Моисей Хоренский, «учреждает во всех областях училища и начинает учить все страны Парсисского удела, кроме греческой половины, где подчиненные Кесарийскому престолу обязаны были употреблять греческие и сирийские⁹³ письмена». После сего отправляется Месроп в землю иверов⁹⁴ и также устраивает для них письмена, а потом в Ахоан`к, т.е. Албанию, и создает для албанцев письмена языка Гаргараци».

Иного предания о принятии письмен восточными христианами Рюйсбрек и не мог слышать.

Нет сомнения, что степные магалы по Куре и Муганская⁹⁵ степь, прилежащая к горам Адербиджана, соседние с Персией и населенные тюркскими племенами, сохраняли упорно верование магов, когда христианская религия водворилась в гражданском мире Иверии: но часто и этот гражданский мир во время религиозных преследований за разногласие с догматами первенствующей Церкви уклонялся под кров Персии, а народ, по старой памяти, – к верованию гебров, или иверов, не принимавших христианства и населявших степи Гикании (Higcania).

За ними (за югурами) к востоку – тангуты (tangouth), живущие в горах, люди великорослые, могучие и храбрые; они черноволосы и смуглы. За тангутами тебеты (tebeth), у которых было в обычае пожирать отцов и матерей после их смерти.

Эти сведения Рюйсбрек собирал в бытность в Сеалас и, следовательно, они относились до местностей, находившихся за Грузией к морю и к северу. Лишнее было бы объяснять, что названия изменены географами и издателями по соображению с Марко Поло и с Абульгази.

Изложим вкратце свод сведений о Тангуте и Тибете, потерявших смысл для географии. Марко Поло (L. 1, ch. 45) описывает по некоторым спискам Tagut, а по другим – Tanguth. По его сказаниям, страна Tagut, или Tanguth, населена *магометанами* и частью христианами-несторианами, и в то же время они идолопоклонники и сжигают своих покойников по индейскому обычаю. По его словам, этот *Tagut* находится за какой-то степью, населенной лешими, которые разными способами стараются сбивать с пути купцов и путешественников. При выезде из этой степи первый город тагутский Sachion.

Но в 63-й главе 1-й книги у Марко Поло является еще область Tanguoth: «В области Egrigaia (Егриси?) множество городов и замков. Она зависит от большой обла-

сти Tangouth, в которой главный город Calacia; жители-язычники, исключая нескольких христиан-несториан. Они подданные Хана».

В следующей, 64-й главе, отправляясь на восток из egrigaia, Марко Поло называет уже вместо Tangouth область Teoduch (или, по друг. списк., Tendouch). Эта область принадлежала пресвитеру Иоанну (pretre Jean), но подпала под власть Хана, и ею управлял племянник пресвитера Иоанна, Георгий. Тут же в области Tenduch два округа – *Гог и Магог*, называемые жителями Gug et Magug (Джюдж и Маджюдж).

Что касается до области *Tebeth*⁹⁶, то, по Марко Поло, она тянется на 20 дней езды; но так как великий хан осаждал и разорил в ней множество городов и замков, то она не представляет уже ничего более, как пространную пустыню.

Плано-Карпини не знает Тангута, но, вместо *Tebeth* у него Buruthabeth. Для решения этого приведем новейшие сведения. «Гористые земли в вершинах Инда, Ганга и Борампутера китайцы называют Thu-fan, что можно читать также Thu-ro или Thu-bo, или даже Tobbot. Сами же жители называют свою землю Под или Пуд, а монголы – Tanggut (?)⁹⁷». Следовательно, *Тибет* и *Тангут* – одно и то же. Г. Языков в переводе Плано-Карпини поясняет Бурутабет следующим образом: «Бурутабет, земля Тибет, которую природные жители называют *Пуе* или *Пуекоачим*, китайцы – *Туфан*, монголы – *Тангут*, лежит в Средней Азии. Но по сию пору известны нам только некоторые пограничные места оной, а во внутренности еще ни один из новейших путешественников не был». А из древних, следует прибавить, только Марко Поло, который, можно сказать, был везде и нигде. Таким образом, Рюйсбрек обличен, что из одной неведомой страны сделал две неизвестных.

Упомянутый им обычай у тебетов или бурутабетов пожирать умерших своих отцов и матерей сходен со сказанием Геродота. Описывая киммерийских скифов, Геродот

пишет: «Исседоны, как говорят, имеют свои обычаи: когда умрет у кого отец, то все сродники приводят к дому его домашний скот: потом, заколов оный и изрубив в куски, изрубуют и тело умершего, мешают все вместе и приносят на стол. Череп же, оголив и очистив, вызолачивают и употребляют как вещь священную при совершении годовых жертвоприношений».

Все эти страны, – повторяет Рюйсбрек, – находятся в горах Кавказских.

Этого определительного указания достаточно, чтобы не искать югуров среди искаженных названиями в недрах Китайской империи.

Гл. XXIX. Мы выехали из Sailac в день св. Андрея, 30 ноября. Проехав три лье, прибыли в замок (chateau) или селение несториан. Мы вошли в их церковь и возгласили радостно: «Salve, Regina» (канон Божией Матери) по той причине, что давно не видели храма».

Прибавим к этому слова Гаитона: «Те, которые живут в Халдее, называются несторианами, потому что следуют заблуждениям несториан».

Через три дня приехали мы на границы области, где начинается то большое море или озеро, которое нам показалось бурным, как великий океан; посредине оного мы видели большой остров. Мой товарищ подошел к берегу, чтобы испробовать воду. Она немного солоня, а все-таки годна для питья.

С противоположной стороны озера тянулась широкая долина между горами на юго-восток, а посреди гор другое большое озеро. Между этими озерами также река. При выезде из этой долины к северу открываются горы, покрытые снегом.

Проезжая мимо них, мы претерпели много муки. На дороге мы не встречали никого, кроме людей, называемых яни (jani)⁹⁸, которые принимают и провожают послов. 7 декабря около вечера мы проезжали между ужасными скалами.

Мы уже заметили, что Рюйсбрек, проезжая кучу озер, на пространнейшей равнине верховьев р. Куры и Аракса (ибо Арпачай и Карсчай с бесчисленными истоками должно также считать верховьями древнего Гихуна), принял без сомнения Чалдырское озеро за главу прочих озер, к которым прикасался путь его.

Гл. XXX. Потом мы вступили в равнину, на которой находился двор Кен-хана (Куине-хана); ибо он постоянно жил в стране найманов, подданных пресвитера Иоанна (les sujets du pretre Jean).

Приезд в столицу Мангу-хана

Гл. XXXI. Мы продолжали путь в горы, к северу (?), и наконец в день св. Стефана (26 декабря) открылась перед нами обширнейшая равнина. Она издали казалась морем; ибо не было видно ни одной горы, ни холма. На другой день был уже в виду и двор великого хана. Вместо четырех дней езды путь наш хотели протянуть на 15 дней под предлогом провезти через Онам-Керуль, где был никогда двор Чингисхана, но мы с трудом успели уговорить, чтобы нас везли прямой дорогой.

Наконец мы прибыли к этому двору (Мангухана). Нашему проводнику отвели огромный дом, а нам трем – небольшую комнатку, где мы с трудом могли разместить нашу поклажу и постели. К проводнику нашему многие приходили с поклоном и приносили в длинных бутылках на-

питок, сделанный из риса. И этот напиток был таков, что я не мог отличить его от лучшего оксерского вина (*vin d'Auxere*). Разница была только в цвете.

На следующий день мы отправились с провожатым ко двору. Здесь встретил нас *un garçon Hongrois*^{*,99} (вероятно, докладчик).

К нам вышел главный письмоводитель из христиан-несториан, советы которого имели большой вес при дворе. Он посмотрел на нас, сделал несколько вопросов венгру (?) и сказал, что мы можем отправляться на свою квартиру.

Гл. XXXII. Возвращаясь из дворца, мы заметили на одном доме небольшой крест. Я возрадовался, уверенный, что найду здесь что-нибудь христианское; вошел внутрь и увидел алтарь, довольно хорошо устроенный, и на завесе золотой тканью вышитые изображения Спасителя, Богоматери, св. Иоанна Крестителя и двух ангелов. И все это было изукрашено жемчугом. Тут был также серебряный крест с драгоценными камнями в середине и на оконечностях, многие другие утвари и канделябр с пятью возжженными лампадами. Тут, *devant l'autel*¹⁰⁰, сидел армянский монах, смуглый и тощий, в черной рясе и сверх оной в мантии, подбитой мехом, черным и белым, и опоясанный поясом, сделанным из железа (вероятно, обычный из блях черненого серебра) и т.д.

Кажется, по всему видно, что Рюйсбрек прибыл ко двору Мангу-хана в какой-то город, а не на кочевье; но почему же миссионер не называет этого города по имени? Потому что в путешествии наобум, и особенно в кочевую Китайскую Монголию, столица хана также должна была кочевать. По Плано-Карпини, это было очень легко: у монголов XIII столетия дома были на колесах, а в волах не было недостатка.

Если ханы ездили зимой на облавы, на ловлю, на охоту, в лесистые горы, как и русские князья¹⁰¹, то это значило,

* Угорский юноша (фр.).

что они кочевали, в монгольском смысле, и миссионеру, ничего не понимавшему, что вокруг него делается, следовало писать столь же непонятно:

С тех пор как мы прибыли ко двору Мангу-хана, он отправлялся только два раза в южные окрестности, а потом он начал возвращаться к северу, т.е. к Каракоруму.

*Каракорум*¹⁰² и есть искомая столица каганов.

По проложенному нами пути мы прибыли в Гумри. Открытая на далекое расстояние местность соответствует описанию Рюйсбрека.

По Плано-Карпини, здесь должна быть уже страна монголов. Действительно, здесь начинаются магалы, и нет сомнения, что разделение Кахетии, Сомхетии, Армянской области, Кубы, Баку, Ширвана, Карабаха и Мугани на магалы может определять весь объем главного населения гебров-магов, муг-ли или мугул.

По Рюйсбреку, страну du pretre Jean, или Grand Pretre Nestorien, населяли найманы.

И вот что пишет о найманах Бакон, собиравший географические сведения о востоке:

«Народ Кара-Китая по смерти Хана-Коира (Coir) избрал в цари некоего пастыря Нестория, который был очень могуществен, и с этого времени народ называется найманами (païtan), которые хотя и христиане, но очень мало просвещены. Однако же они называют сами себя подвластными церкви Римской. Пастырь Несторий стал царем и был назван Pretre et Roi Jean».

Нужно ли пояснять, что под родовым и существенным именем обширного армянского народа – гайканы – миссионеры и географы, исправители текстов и издатели, незнакомые с этим именем, искали под ним другого народа, и нашли его в поколении монголов-найманов. Если только эти *найманы* (араб.) не есть такая же форма произ-

ношения, как, по Гаоллингу, *нариман* (араб.) вместо *арман* (араб.) или *ирман* (араб.) в названии арамеян.

Прибыв в Шурагельские равнины у подножия Алагез, мы действительно находимся в стране древнего и нового местопребывания патриархов несторианских; но это страна *paumans*, не *terra Naumanorum*, но *terra Nausanorum*.

Мы знаем, что армяне до принятия христианства следовали учению гебров-магов и поклонялись богу огня – Мих'р, то есть Мифр (Mihr, Meher). С незапамятных город Ани, на Арпачае, в 40 верстах от Гумри к югу, был столицей царей Армении. В христианские времена Ани был и местопребыванием патриарха¹⁰³.

В древности Ани славился своими капищами (по-арм. Мехиан, храм Митры). Парфянин Арташез, первый царь Армении, вывез из Лидии вылитые из меди и позолоченные кумиры, и народ стекался в Ани на поклонение.

Можно ли сомневаться, чтобы кагены магов, властвуя снова над Арменией, не водворили главное местопребывание свое на тех же, по халдейским преданиям, священных местах, при горах *Kogkouga*¹⁰⁴, откуда развилось некогда их могущество на всю Азию, где была великолепная столица их царей-первосвященников (*Cohene*), поражающая путешественников даже в развалинах своих следами бывшего величия. «Дворец царей Армении, – говорит Кер-Портер, – по пространству своему может быть принят за целый город. Наружные и внутренние украшения, чудная скульптура, мозаические изображения в бесчисленных залах выше всякого описания. Следы всех прочих строений города изумительны по прочности и искусству работы».

Из молвы о великолепии дворца кеанов, когенов (*cohene*), или царей-первосвященников, образовалось общее народное предание. «Угедай жил в стране Каракум, – пишет Абульгази, – где он построил великолепные палаты для своего пребывания и вызвал искуснейших живописцев Ха-

тая для украшения дворца. Тут устроил он водомет в виде тигра из литого серебра, который бросал воду ртом. Устроил зверинец и повелел, чтобы все вельможи строили себе богатые здания вокруг его дворца».

Гл. XLI. Надо знать, что в Каракоруме, – пишет Рюйсбрек, – есть обширное пространство земли близ самых стен города, обнесенное каменной оградой, подобно нашим монастырям. Здесь огромный дворец Мангу, где он дает пиршества два раза в год – во время Пасхи, когда он находится тут проездом, а другое летом, по возвращении. И в это время бывает великое торжество, на которое собираются все окрестные вельможи, и хан раздает им дары одеждой и вещами, являясь во всем своем блеске славы и великолепия. Близ дворца находятся многие другие обширные здания-житницы, кормовые дворы и казна. Так как неудобно и неприлично носить во дворец сосуды с молоком и разными питьями, то упоминаемый Гильом¹⁰⁵ сделал огромное серебряное дерево, в подножии которого четыре льва, также серебряные, с чашами (muids ou сапах)¹⁰⁶; на каждой чаше по золоченому дельфину¹⁰⁷, обвивающему хвостом дерево. Посредством трубок они изливали – один вино, другой кара-кумыс (арак – кумыс)¹⁰⁸, третий – мед (Ball, араб. баль), четвертый teracine – питье, делаемое из сарацинского пишена. На вершине дерева стоял ангел с трубой. Посредством приведенных в движение мехов он трубил по приказу кравчего (maitre sommelier), и по этому знаку чаши черпали и разносили питье.

Ветви дерева, листья и плоды также были из серебра.

Дворец имеет подобие храма с алтарем посредине (nef), колоннадами по сторонам и тремя обширными входами на юг. Против среднего входа находилось упомянутое огромное дерево. Хан сидел с северной стороны, на возвышении со ступенями. С правой стороны, близ колонны, были

возвышенные места, как в театре, для сына и для брата хана, а с левой – для жен и дочерей¹⁰⁹.

Мы вошли во дворец, полный украшений и порядка. Летом для орошения и для прохлады учреждены в нем водопроводы. Тут было много мужчин и женщин, и мы представились хану. Позади нас было упомянутое дерево, которое со своими украшениями и сосудами занимало значительную часть залы.

Теперь сообщим еще несколько выписок о пресвитере или попе Иване (pretre Jean):

Гл. XIX. Этот Катай (Кара-Катай) находится в некоторых горах, через которые я ехал¹¹⁰. Там есть обширная страна, где некогда был великий несторианский первосвященник (Grand-Pretre Nestorien), владыка (seigneur) народа, называемого найманами (naumans), которые все христиане несторианского толку. Когда кенхан (куине) умер, этот пресвитер Иоанн восстал и стал царем. Все несториане называли его Царь-Пресвитер Иоанн – Roi Pretre Jean.

Викентий Бовезский¹¹¹ в своем сборнике мирских и церковных писателей говорит, что «в 1203 году татары, народ, сопредельный Индии, убив своего государя, вышли на разорение народов. Живя до этого времени в Татарии, они сделали заговор против сына царя Давида, своего государя, то есть пресвитера Иоанна, бывшего некогда государем и императором Индии, и умертвили его злодейским образом. Ибо Татария искони подвластна была царям индейским и платила дань мирно и покойно; но когда назначенный царь потребовал сверх обыкновенной дани припасов и вьючного скота, то, подстрекаемые одним из своих, по имени Чингисхан, они восстали»... и т.д.

Здесь есть своя доля истины, если только мы будем читать вместо India – Iudea. И это чтение следует принять к соображению во многих древних исторических сказаниях об Азии¹¹². Мидийские евреи халдейского толку на-

зывались также джуджь, т.е. иудеи, но с прозвищем маги. Церковные римские историки первых веков имели право их не смешивать собственно с иудеями, но в то же время, считая язычниками, находили более приличным называть их индейцами. Выход израильтян из Египта, переселение кочевых племен из Эфиопии, плавание Александра Великого по Инду вместо Нила, перенесение его историками Кавказа на Гиндукуш, Хабеш (Абхазия) и Хабеш (Абиссиния), обрезацы в Египте, обрезацы в Сирии и в Колхиде¹¹³ – все это, кроме других причин, могло способствовать называть эфиопов индами¹¹⁴ и полагать, что Нил, истекая из гор Индейских, впадает в Египетское море¹¹⁵ или что он есть не что иное, как рукав Евфрата¹¹⁶, и пр. и пр.

Для удобства понимания походов Александра к вершинам Инда найден же там другой Танаис, или Дон со всеми своими скифами; и считается же по наше время река Гихун, истекавшая из рая, не за Аракс, а за таинственный Охус древних, принимаемый, в свою очередь, за Амударью.

Европейский титул *sohene* – коген, каган, каан, кеан, хан, царь-первосвященник, как у Иорнанда (*Rex et pontifex Gothorum* или *Getarum*, то есть Царь и понтифик Готов и Гетов). Это значение европейцы выразили названием *le Roi-Pretre Jean*, относя его к первосвященникам несторианским¹¹⁷.

Разбор путешествия Рюйсбрека в Татарию и Китай в географическом отношении следует заключить кратким его упоминанием о возвратном пути. Возвратный путь из таинственных недр Монголии, из Каракорума, столицы Мангу-хана, до Батыя на Волге, около семи тысяч верст, тучный миссионер, как он выражается сам о себе, совершил в 65 дней, верхом с вьюками.

Вычислим, сколько верст Рюйсбрек мог сделать в 65 дней с вьючными лошадьми. Караваны из Бухары в Оренбург – около 1600 верст¹¹⁸ – приходят ровно через два месяца, в самое удобное осеннее время. Вообще с вьюка-

ми самый большой переход в сутки – 40 верст, но с непременным условием через два или три дни пути день роздыха. Круглым счетом, полагая на день 30 верст перехода без остановок, в 65дней Рюйсбрек мог проехать только 1950 верст. Это расстояние и соответствует пути от Батыея до местопребывания каганов в Армянской Халдее (Каг’ти-к, Катаи-к).

Обратим внимание на второй приезд Рюйсбрека ко двору Батыея (гл. 49) 14 сентября и на вторичное описание поезда с Батыеем и с двором его вниз по Волге в продолжение целого месяца в сентябре и октябре, несмотря на предуведомление (гл. 21), что Батый возвращается к югу в августе месяца.

Мы следовали за Батыеем и двором его в продолжении месяца; наконец дали нам проводника, Югура, чтобы ехать прямо в Армению. За 15 дней до праздника Всех Святых мы направились к Сараю (Saray), следуя на юг и спускаясь вдоль реки Итиль... Мы переправились через эту реку в семи местах, на судах. На среднем рукаве находится город Самарканд (Sumerkent). Татары осаждали его в продолжение восьми лет и наконец взяли. Он был населен аланами и сарацинами.

Вот настоящее направление пути Рюйсбрека от Батыея к Мангу-хану, за Кавказ, в Армению. Прокладка же неопределенного и ни с чем не несообразного пути в Китайскую Монголию составляет уже явный труд географов и историков, которые способствовали Рюйсбреку свести его устные сказания с современными темными географическими сведениями об Азии и составить «Voyage remarquable en diferentes parties de l’Orient principalement en Tartarie et a la Chine», considerblement augemente par S-r Bergeron*.

* Примечательное путешествие в разных частях Востока, в основном в Тарии и в Китае, значительно расширенное г-ном Бержероном (фр.).

Родина татар-магов и мидийские кеаны или каганы

Гайтон, армянский историк, пишет, что сведения свои о татарах он почерпал, до времени Мангу-хана, из татарских историй, а со времени Мангу-хана до Гулагу (Haolon) – из рассказов современника событий XIII века, своего дяди. Излагаем эти сведения в сокращении.

Гл. XVI. Страна, где первоначально жили татары, находится за горами Белджанскими (Belgian)¹¹⁹, о которых упоминается в истории Александра Великого.

Некогда было много племен татарских, которые носили общее название Moglos.

Они жили под зависимостью своих соседей. Но одному бедному старцу, кузнецу, явился во сне белый (светлый) воин на белом (светлом) коне и сказал: «Чингис (Changius)! Волею бессмертного Бога да будешь ты воеводой татар, и да властвуешь над семью коленами могулов (moglorsi), и да избавишь их от ига соседей, и те, которым они платили дань, да платят им!..

И таким образом Чингис стал ханом стран вокруг горы Бельджанской.

После этого Чингисхану явился снова воин в светлой одежде на светлом коне и повелел ему идти с народом своим, с женами и с детьми и завладеть странами иных царств. Чингис исполнил волю его; но к горе Бельджанской прилегалo море и заграждало путь. Тогда он, по повелению светлого воина, совершил девять коленопреклонений перед бессмертным богом, и море отступило на девять шагов и дало проход Чингису с народом.

Здесь, как мы упоминали уже, явно в основе предание ИЗРАИЛЬСКОЕ о переходе через Чермное море, явления Мифры, и миф Джемшида, по которому Ормузд пове-

лел нести закон людям и следовать в благодатную страну Эррене-ведж.

Гл. XVIII. Угедэйхан (Носсота, Октай) наследовал Чингису. Он был мужествен и разумен. Татары любили его и были ему покорны; с ними он мог покорить всю Азию. Но сначала он хотел изведать силы владетеля Судана (Султана) этой страны и отправил под предводительством храброго воеводы 10 000 всадников против турок; но турки разбили татар. Тогда Угедей избрал воеводу мужественного и благоразумного, по имени Байдо (Батый), дал ему 30 000 воинов и велел следовать по тому же пути против Султана, который считался могущественнейшим из царей Азии.

В три дня Батый прибыл с 30 000 татар в Турцию и узнал, что Султан, который разбил первый 10-тысячный отряд, уже умер и что ему наследовал сын его, Гюатетдин. Когда новый султан узнал о приближении татар, то собрал войско, какое мог, и нанял неверных. В числе прочих были у него 2000 латин под предводительством Яна Лимината, уроженца острова Кипра, и Бонифация де Кастро, уроженца генуэзского. Кроме того, он обратился за помощью к соседним государствам и, составив таким образом многочисленное войско, выступил на татар. Татары приняли сражение, разбили турок при Конседраке (Conced-rack) и овладели Турцией в 1244 году.

В этом событии и заключается существенное начало истории таджиков-магов Мидии, называемых татарами. Все, что не признавало ислама, бежало от огня, меча, насилия и грабежа фанатиков-мусульман на границы единоверных персов-магов. Степи Мидии и Ассирии ограждали Персию. Ислам двигался к северу. Религиозные и династические междоусобия ослабили в Азии могущество Греции; ислам проник в недра роскошной природы, к богатому населению Малой Азии, и водворился в ней. Здесь образо-

вался первый Туркестан, Туркмения, или Турция. Древняя Икония обратилась в столицу султанов под названием Кониех. Здесь покорены мечом и страхом новые прозелиты и данники до вершин и за вершины Кавказа.

В начале XII столетия грузинский царь Давид, прозванный восстановителем, сверг иго турок. Армения также искала помощи в победах его и соединила с ним свои силы. Давид освободил и ее. Димитрий, сын Давида, и потом Георгий III, сын Давида III, продолжали успешно борьбу с турками; но Армения была уже в полной зависимости от Грузии. Сатун, правитель Армении, живший в ее столице, городе Ани, замыслил освободить отечество свое от подданства.

В это время в Адербиджане¹²⁰, древней столице Мидии, родине Зердуста, где был главный рассадник гебромагов, владельцем был ата-бег Идь-Дегиз.

Сатун обратился к нему за помощью. Мидийские магалы под предводительством Иль-Дегиза поднялись на Грузию, но безуспешно. Грузинские князья, по единоверию, были в союзе с русскими: дочь Георгия III, Тамара, была выдана замуж за князя Георгия, сына великого князя Андрея Боголюбского¹²¹. Тамара наследовала престол. При ней Грузия овладела всеми землями до Аракса. Князь Георгий Андреевич и сын Тамары, Георгий Лашха, проникли в Мидию (Кизильбаши) и вывели из взятых городов Ардебиль и Маранда множество пленных.

Припомним вышеупомянутое сказание Викентия Бовезского о первом восстании татар: они были данники царствовавшего (без сомнения, в Грузии) сына пресвитера Иоанна (pretre Jean) и на него восстали под предводительством ата-бега Иль-Дегиза.

Известно, что Ардебиль, исконная столица Азербайджана¹²², и поныне считается всеми остатками гебров за священное место. Нет сомнения, что к нему же должны были привязаться и предания татар-мугулов или магов. Здесь

была родина Зороастра или Заратустры; здесь должна была быть и родина мифа Чингиса. По преданию, он родился в Орду-балык. Ардебиль лежит на реке Балык, и, следовательно, в Персидском названии можно видеть изменившееся тюркское или татарское.

Здесь степь зимнего кочевья могулов-муган, называемая персами *Таргин* или *Туран Ташт*.

Здесь *Пайтаракан* (впоследствии Байлакан), город и древняя область Бактра, обнимавшая и Богован, или Баг'к-гег (Баку), обитель бога огня.

На Муганской степи, сосредоточив свои силы под предводительством Чамархана, могулы перешли Джейхун (Аракс, а не Амударья), двинулись первоначально на Грузию, и потом на союзницу ее Русь, не затрагивая еще Турции. Но этот поход был только временным мщением. Сюда должно отнести и сказание, по Абульгази, о восстании Чингиса на Хорезм, т.е. Грузию, за избиение послов. Это самое сказание относится и к русам, союзникам Грузии в войне против магов-мидийцев. Половцы же, смешение христиан и мусульман, по найму ли, или по зависимости, также стояли за Грузию против магов.

При Тамаре как Грузия, так и зависевшая от нее Армения под управлением князей Орбелианов, живших в столице Ани, были спокойны и обеспечены. После нее наследовал престол сын Георгий Лашха и по смерти своей назначил преемником сына своего, Давида; но сестра его, Русудана, завладела престолом.

В это время, вероятно, турецкий султан Джелалатдин¹²³ (тот же Alladin) поднял мусульманское оружие на новые победы с тем, чтобы возвратить Армению и Грузию, которые до Давида Восстановителя были уже под властью турок. В этом предприятии, как мы видели из описания Гайтона, он столкнулся с посланными Угедеем войсками — должно полагать, на помощь уже Грузии, против ислама, общего врага и христианству и гебраизму.

По восточным сказаниям, начал войну с могулами, или татарами, султан Гайатэтдин, наследовавший Джелалатдину¹²⁴:

В 640 году от эгиры (1242) Гайатэддин предпринял войну против могул, которые в соседстве с границами его владений жили до сих пор в мире с ним. Он собрал значительное войско, в числе которого были греки, франки и грузины. Он двинулся в Армению и дошел уже до города Аршаджиана; но здесь встретил войска могулов. При первом столкновении все христиане, бывшие в его войске, отступили, и сам он принужден был бежать.

Таким образом, истина собирается по зерну.

Теперь выпишем из Гайтона круг преобладания собственно каганов гебров мидийских, иди магов-татар, и местность Катая.

Гл. XLVII. Столица Тимурхана, шестого кагана (empereur) татар, находится в Катае (Cathai), в величайшем городе Ионе (Jons), который построил его отец (Хубилайхан).

Великому Кагану (le grand empereur) подвластны три хана (roi ou princes), управляющие обширными областями:

Чанар (Charar) управляет Туркестаном, и он ближе всех к области кагана.

Гогтай (Hochtay) управляет Команией.

Карабанда (Carabanda) управляет в Великой Азии (Asie Majeure), и его столица в Тавризе.

Заметим, что Гайтон, сообразно древней греческой географии, разделяет Азию на две части:

Азия разделяется на две части: одна называется Asia basse (т.е. l'Asie mineure), Малая Азия, в которой живет каган (император) и два упомянутых хана (rois), Чанар и Гогтай; другая часть называется Великой Азией (Asie majeure), в которой живет Карабанда.

Это подразделение подвластных каганам стран соответствует вполне и различию народов, и различию их верований.

Сам каган в недрах владений, в Ани, древней столице коренной Халдеи (Гах'ти, Колхиды). Столичная область в армянских летописях носит название Котай¹²⁵.

Чапар управляет Туркестаном, но не Закаспийским, которому по это время никто не знает пределов¹²⁶, а областями магометанской Турции в Малой Азии.

Гогтай управляет Команией или Кипчаком, то есть покоренными странами на севере Кавказа.

Карабанда – Мидией, от Аракса до границ Персии, и Багдадской областью.

Нет сомнения, что единовенная Персия имела своих независимых шахов, Сирия – своих меликов, а Египет – своих суданов.

О Китайской ли области на Кавказе или о Небесной империи сообщает Плано-Карпини следующие сведения:

Катаи же суть язычники, которые имеют свои особенные письмена Нового и Ветхого Завета и жития св. отцов, а также пустынножителей, и здания наподобие церквей, где в свое время совершают молитву. Говорят, что у них есть свои святые, и они поклоняются единому Богу, чтут Господа нашего Иисуса Христа и веруют в жизнь вечную, но не принимают крещения святой водой (sed non bapntisantur). Чтят Священное наше Писание и веруют, любят христиан и делают большие церковные подаяния.

Венецианца Марко Поло нельзя признать за «Historien recommandable pour sa fidelite»^{*,127} в отношении сведений о Татарии, Китае, Японии, Восточной Индии и Африке. Географы Средних веков, переписчики и издатели трудились над ним в особенности. Но он был лично при дворе Кублая

* Историка, имеющего репутацию достоверного (фр.).

или Хубилая, le plus grand Roi des Tartares, autrement dit le Grand Cham, qui signifie Roi des Rois*.

В издании Бержерона, гл. XI, при кратком описании Малой Армении Марко-Поло пишет:

Итак, Малая Армения есть первая страна, в которую мы вступили¹²⁸. Есть две Армении: Великая и Малая. Малая Армения платит дань татарам. В ней мы нашли царя царей (le roi des rois), управляющего царством справедливостью.

Эти последние слова о местопребывании кагана Кублая в Малой Армении в тексте выпущены как дикая несообразность: мог ли китайский император династии Юань, Ши-цзу, признанный всеми кинологами за Кубилая, жить в Малой Армении?¹²⁹

К счастью, об этой явной несообразности, находящейся в рукописи, Бержерон упомянул в выноске.

Таким образом, местность так называемой Золотой Орды и по всем данным истории и географии определяется в Малой Армении в области Котай на р. Ахуреан (Западный Арпачай), где некогда был великолепный храм гебров магов (муг-ли, мугул), носивший название Багаран (обитель богов), и где присутствовал их царь-первосвященник (sohene), по выражению Рюйсбрека – «Gouverneur des peuples par le moyen des augures»**. В развалинах города Аии(?), где был престол Багратидов и патриархов армянских, которых миссионеры называли несторианскими, должно искать и Алтын-Тахт, т.е. золотой престол каганов, но не мнимую Золотую Орду, о которой ни одна летопись не упоминает.

Как у персидских шахов сохранился еще непрменный обычай переезжать в летнее местопребывание, так у каганов или у ханов выезд в известное время на становище вне постоянных столиц составлял обычай религиоз-

* Самый великий Король Татар, т.е. Великий Хан, что значит Король Королей» (фр.).

** Правитель народов, предназначенный свыше (фр.).

ный: это было то же, что и израильское становье в кущах в воспоминание странствия по пустыне.

Еще и поныне празднество кущей, под шатрами, совершается с пальмовыми ветвями и пучками лоз в руках, разводится огонь и народ израильский берет свои священные книги, обносит их вокруг пламенеющей купины три раза и потом в очищение грехов пляшет и ликует вокруг огня.

Все это напоминает поклонение огню и кусту, религию магов, истекшую из гебраизма, но не фоизм и не ламизм монголов.

Китайские ман-гу в их почиющем быте остаются столь же далеко от событий IV и XIII века, как и от современных. Россия боролась в продолжение полутора века не с этими монголами и не собственно с татарами, а с чудовищным мидийским миром гебров-магов. И должно сознаться, что без появления нового чудовища – ислама, – может быть, вся Европа также поклонялась бы кусту и совершала бы, по выражению летописи, «чингискановы волошбы».

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие составителя книги Тулаева Павла Владимировича, профессора Международного славянского института, основано на трудах самого А. Ф. Вельтмана, а также исследованиях его творчества другими специалистами, упомянутыми в ссылках. Построенное по хронологическому принципу, оно по сути представляет собой биографический очерк. Основное внимание сосредоточено на произведениях Вельтмана, посвященных истории, филологии и религии, забытых, непонятых и не оцененных по заслугам. В меньшей степени проанализировано литературное наследие автора. О нем на сегодняшний день уже опубликовано значительное количество научных и критических статей других авторов. Сборник А. Ф. Вельтмана «Древности и сокровища Российской империи», подготовленный П. В. Тулаевым, продолжает серию его трудов о России и Европе. Примечания составителя.

¹ Здесь и далее мы опирались на биографические данные, обобщенные в работах Ю. М. Акутина, в частности замечательной статье: Александр Вельтман и его роман «Странник», включенный в качестве приложения к изданию: Вельтман А. Ф. Странник. М.: Наука, 1978. С. 247–300.

² Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1. М., 1995; Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. М.: ГПИБР, 2005. С. 69–77.

³ Вельтман А. Ф. Отрывок из «Опыта о военной нравственности» // Вельтман А. Ф. Странник. С. 210.

⁴ Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное Генерально-го штаба штабс-капитаном Вельтманом. М., 1828. С. 32–36.

⁵ Молодой Н. В. Гоголь тогда завершал свою учебу в Нежинской гимназии, где состоял добровольным библиотекарем и читал многие журналы. См.: Вересаев В. Гоголь в жизни. М., 1990. С. 80–82.

⁶ Вельтман А. Ф. Странник. М.: Наука, 1978. С. 143–135.

⁷ Договоры России с Востоком политические и торговые. С. 89–102.

⁸ Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. СПб., 1998. С. 447–452.

⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950. С. 252.

¹⁰ Тулаев П. В. Юрий Венелин и начала болгароведения. Издание автора (на правах рукописи). М., 2013.

¹¹ Вельтман А. Ф. Странник. С. 122.

¹² Там же. С. 275–293.

¹³ Там же. С. 118.

¹⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 15 (Переписка 1832–1834). М., 1948; Сиповский. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу в первой половине XIX столетия. // ИпоРЯС. 1930. Т. 3. Кн. 1. С. 251–253.

¹⁵ Вельтман А. Ф. Русская словесность. 76 стр. (Без года и места издания, с экслибрисом «Чертковская библиотека»). С. 5.

¹⁶ Вельтман А. Ф. Древние славянские собственные имена // «Очерки России», изданные В. Пассеком. Кн. IV. СПб., 1840.

¹⁷ Вельтман А. Ф. О господине Новгороде Великом. Письмо с приложением вида Новгорода в XII столетии и плана окрестностей. М., 1834. С. 3–4.

¹⁸ Кусков В. Картограф Александр Фомич Вельтман // Московский журнал. 01.05.2000. Интернет. Режим доступа: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=1064>.

¹⁹ Картины Света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год с полнотипажными рисунками. М. 1836. С. I–II.

²⁰ Тулаев П. В. Юрий Венелин и начала болгароведения. С. 54.

²¹ Картины Света. Там же. С. 1.

²² Кони А. Ф. Александр Фомич Вельтман // *Sertum bibliologicum*. Пг., 1922.

²³ Живая старина. 1892. Вып. 1. С. 66–70.

²⁴ Достопамятности Московского кремля, составлено Ал. Вельтманом, помощником директора Оружейной палаты, действительным членом Императорского московского общества истории и древностей российских, Одесского общества любителей истории и древностей и Общества русской словесности. Печатано по Высочайшему повелению. М. 1843, С. 20–21.

²⁵ Кусков В. Картограф Александр Фомич Вельтман. Там же; Подробнее по этой теме см: Романюк С. К. Утраты. М., 1924; Александров Ю. Москва. Диалог путеводителей. М., 1985.

²⁶ Московская оружейная палата. Печатано по Высочайшему повелению. М., 1844. С. 3.

²⁷ Эта роскошная энциклопедия недавно факсимильно перепечатана издательством «Белый город». В продаже есть и ее электронная версия в формате CD-ROM. См. также: Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. 16.

²⁸ Описание нового Императорского дворца в Кремле Московском. Составлено А. Вельтманом. М., 1851. С. 19–21.

²⁹ См.: Ерохин В. Ключ к тайному храму. Историко-конспириологическое исследование. Подольск, 2008.

³⁰ См.: Ясюкович И. В. Музыкальные образы в русской романтической прозе 30–40-х годов XIX века. Коломна, 2001, а также: Интернет. Режим доступа: <http://russkay-literatura.ru/pesni-literatury/631-aleksandr-fomich-veltman-pesni.html>.

³¹ Личная переписка Елены Ивановны с Александром Фомичом хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки (бывшей Румянцевской). Цит. по: приложение к: Вельтман А. Ф. Странник. С. 274.

³² Индо-германе, или сайване. Опыт свода и проверки сказаний о первобытном поселении Германии. А. Вельтмана. М., 1856.

К подобным выводам пришел в конце XIX века польский историк Богуславский, составивший аналогичную, но менее полную карту. См.: *Dzieje Słowianszczyzny polnocno-zachodniej do połowy XIII W. Przez W. Bogusławskiego*. Tom. 1. Poznań, 1887.

³³ Буслаев Ф. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М., 2006. С. 546–559.

³⁴ Современник. 1858. Т. LXVIII. № 32; Отечественные записки. 1858. Т. CXVII.

³⁵ Роман украинского националиста Ивана Билыка был завершен в 1970 году, а когда через два года увидел свет, то вызвал политический скандал. Царя гуннов Аттилу автор отождествил с вымышленным киевским князем Богданом Гатилой, вульгарно украинизировав древнерусскую и мадьярскую историю. Осужденная в Союзе писателей СССР историческая фантастика Билыка тиражировалась в Канаде, США, Англии, а затем и в «незалежной» Украине.

³⁶ Вельтман Александр Фомич. Атила и Русија. IV и V века // Српско-српско пријатељство, библиотека «Аргументи». Кн. 95. Београд, 7509; Вельтман Адександр. Аттила – царь Русов / Серия «Подлинная история Руси». М.: Алгоритм, 2012.

³⁷ Картины Света. М., 1836. С. 1–2.

³⁸ Первоисточником сведений об этих сюжетах стали сочинения Приска, хрониста V века, где содержится подробное описание римского посольства к Аттиле. Свидетельство очевидца отдельно издано в «Журнале министерства народного просвещения» (1842, № 2) с предисловием и комментариями переводчика С. Дестуниса.

³⁹ Вельтман А. Ф. Аттила и Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий, М., 1858.

⁴⁰ Тулаев П. В. Русь Дунайская // СЛАВА! М., 2008. № 6. С. 8–15.

Статья, опубликованная также в электронной энциклопедии «Хронос», продолжает исследования о Рутении (Ругеланд) П. Н. Третьякова, А. В. Назаренко и А. Г. Кузьмина. О крещении скифской Руси см.: Венелин Ю. И.. Истоки Руси и славянства. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 397–416, а также работу Вельтмана «Митрополия Малой и Великой Руси» в первой части нашего сборника.

⁴¹ Исследование о свевах, гуннах и монголах. I. Индогермане (с литографической картой); II. Аттила и Русь. IV и V века. III. Маги и мидийские каганы XIII века (с картой Халдеи и мидии). М., 1860.

⁴² Вельтман А. Ф. Первобытное верование и буддизм. М., 1864.

⁴³ Оба очерка по истории Танаиса (Дона) опубликованы в одном томе под названием «Дон» в издании «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1866. Кн. 2).

⁴⁴ Старый Алексеевский монастырь располагался недалеко от Кремля, где сейчас находится Храм Христа Спасителя. В XIX веке его перенесли в район Красного села в пределах Москвы и стали называть Ново-Алексеевским. В монастыре, объединившем четыре храма, была женская обитель со златошвейной мастерской, куда принимали, в частности, девушек из южнославянских стран. На монастырском кладбище были захоронены многие знаменитые люди дореволюционной эпохи. В 1930 годах Ново-Алексеевский монастырь вместе с кладбищем был уничтожен. Через это место проложено Рижское шоссе. В постсоветское время здесь, рядом с метро «Красносельская», был восстановлен Храм всех Святых.

⁴⁵ Акутин Ю. М. Александр Вельтман в русской критике XIX века // Проблемы художественного метода в русской литературе. М., 1993.

⁴⁶ Московский наблюдатель. 1836. Ч. VII. С. 100–101.

⁴⁷ Белинский В. Г. Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский // Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 2. С. 114–119.

⁴⁸ Цит. по: Вельтман А. Ф. Странник. Приложение. С. 267–269, 273; см. также: Горький М. Лев Толстой // Литературные портреты. М., 1963. С. 162.

⁴⁹ Погодин М. П. Александр Фомич Вельтман // Русская старина. 1871. № 10. С. 405–407.

⁵⁰ Там же. С. 406.

⁵¹ Новый энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева. СПб., б.г. Кол. 4.

⁵² Всемирная иллюстрация. 1895. № 1355. С. 50.

⁵³ Переверзев В. Ф. У истоков русского реалистического романа. Изд. 2-е. М., 1965. С. 129–141.

⁵⁴ Вельтман А. Ф. Романы / Комментарии А. П. Богданова. М.: Современник, 1985.

⁵⁵ Вельтман А. Ф. Аттила и Русь IV и V века. Эпиграф к изданию 1858 года.

ЧАСТЬ 1. ИСТОРИЯ РОССИИ И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

О воспитании

Публикуется по: Вельтман А. Ф. Странник. М.: Наука, 1978.

Отрывок из «Опыта о военной нравственности» (1826) представляет собой размышление общего характера о значении истории для образования. Примечания Ю. М. Акутина.

¹ *Макарий* (1482–1563) – церковный и политический деятель, митрополит Московский и всея Руси с 1542 г.

² *Ликурге* – легендарный законодатель Спарты (IX–VIII вв. до н.э.). Ему приписывают ведущую роль в формировании спартанской государственности. *Сократ* (469–399 до н.э.) – древнегреческий философ, сформулировал законы общественной жизни и воспитания. *Платон* (428 или 427–348 или 347 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, автор «Диалогов». Выдвинул утопический идеал государственного и общественно-государственного устройства. *Ксенофонт* (ок. 430–355 или 354 до н.э.) – древнегреческий писатель и историк. В сочинении «Киропедия» изложил свои взгляды на воспитание, создал образ идеального правителя идеального государства. *Плутарх* (ок. 46 – ок. 127) – древнегреческий историк, писатель и философ-моралист, автор сочинения «Параллельные жизнеописания», в которое входит «Жизнь Перикла».

³ Но первоначальное образование детей в христианских государствах, бесспорно, принадлежит родителям. Решительные мнения языческих мудрецов о вреде домашнего воспитания могли быть справедливы в отношении к язычникам, их современникам. Впрочем, нельзя не согласиться с ними в том, что и ныне общественное воспитание имеет значительные преимущества перед домашним и что воспитатели детей, во всяком случае, должны готовить полезных для государства людей. – *Прим. автора.*

⁴ *Сципион Африканский*, Публий Корнелий (Старший) (ок. 235–183 до н.э.) – римский полководец, одержавший победу над Ганнибалом (см. прим. 5). Лукулл Луций Лициний (ок. 117 –

ок. 56 до н.э.) – римский полководец и политический деятель. Командовал в 74 – ок. 66 гг. до н.э. римскими войсками в Третьей Митридатовой войне. Тигран II Великий (95–56 до н.э.) – армянский царь. Был вовлечен в войну с римлянами. Лукулл разбил Тиграна II при Тиграноцентре и Артаксате в 69 г. до н.э.

⁵ *...скипетр Дария...* – Весной 333 г. до н.э. македонские войска под руководством Александра Великого разбили персидскую армию у р. Пинара. Персидский царь Дарий III бежал, бросив свою колесницу, мантию и семью.

⁶ *...за Аннибалом...* – Ганнибал (ок. 247–183 до н.э.), выдающийся карфагенский полководец.

⁷ *...на щит Олега на вратах Константинопольских...* – Древнерусский князь Олег Великий (ум. 912) в 907 г. осадил столицу Византии Константинополь, наложил на империю контрибуцию и прикрепил свой щит к городским воротам.

⁸ *...столицу Святослава...* – В 968–917 гг. в Болгарии развернулись действия русско-византийской войны. На территорию Болгарии вошли войска Святослава Игоревича, захватили столицу Преслав. Как пишет Вельтман, «Святослав сказал один раз навсегда: “Среда земли моей в Переяславце на Дунае”» (Вельтман А. Счастье – несчастье. Ч. II. М., 1863, ст. 179). Подробно город Преслав и захват его русскими описан в повести «Райна, королевна болгарская», переведенной на болгарский язык.

⁹ Река Непрядва – правый приток Дона, у которого 8 сентября 1380 года произошла Куликовская битва.

¹⁰ *...славный подвиг Великого...* – Имеется в виду Петр I.

¹¹ *...великодушного монарха...* – Имеется в виду Александр I и путь, проделанный русской армией от Москвы до Парижа во время изгнания армии Наполеона.

Митрополия Великой и Малой Руси на Дону с IV по IX века

Публикуется по: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. 2. Часть 2.

Подробное исследование о становлении христианской Церкви у скифов и готов на юге России еще до крещения киевских князей. Примечания автора.

¹ Подробное изложение о древних русах надеюсь представить впоследствии.

² Кроме скифов-аорсов фракийских Плиний упоминает об аорсах-аланах, рокс-аланах, сарматах и амаксониях (гуннах-амазонках) за Дунаем. Вместо греческого названия *рос* в Иллинии и иных в то время, когда в истории оказались аланы, явились и *rhox-alani*. В позднейших кодексах Страбона росы заменились на рокс-алани. Ученые корректоры кодексов приняли это писание за правильнейшее и как доказательство, что Русь не существовала до принятия князей из Руси Варяжской, недоразумевая, что это Русь была Русь Полабская, покоренная фрягами, т.е. франками.

³ Это событие западные историки внесли в летописи под названием *переселения народов* и нашествия *неведомых* до того времени *гуннов*. По соображению Дегиня и иных хинологов, эти гунны были именно монголы, несмотря на то, что Иорнанд выписал портрет гуннов слово в слово из Аммиана, а Аммиан выписал слово в слово из Трога Помпея об обычаях и нравах парфов, или скифских изгнанников (киммериян, гынду-сафет, или черноморских индов), переселившихся на Кавказ и в Малую Азию. Впрочем, соображая древние сказания с новейшими картами, можно было увлечься во мрак китайской истории и вести оттуда все нашествия и на гофов и на Русь. Иорнанд пишет, что «зверские гунны (булгары), по словам Приска, жили на восточном берегу Меотического озера»; а по новейшим картам древней истории, в степных местах Астраханской губернии кочуют уже калмыки, прикочевавшие в позднейшие времена.

⁴ «Veneti, Antes, Sclavi».

⁵ Зеландский князь Яромир (*Jarmerio*), **победоносный** прозелит гофов, который овладел всей Северной Скифией.

⁶ «Малые аорсы, – пишет Страбон (L. XI, p. 306), – происходили, по всему вероятно, от великих аорсов, живших к северу. Малые аорсы могли выставлять 200 000 конницы, великие же несравненно более, ибо занимали обширнейшую страну и овладели большей частью Каспийского берега. Они-то вывозили товары индийские и вавилонские, приобретая их от мидян и армян. Одежды их украшены были золотом».

⁷ «В ту и другую сторону», т.е. походы, совершаемые обычно на кораблях по восточному берегу и по западному. По Прокопию,

эти гунны в древности назывались киммерийскими, а также сабирами (срб, себар), и от них произошли поселившиеся в области Фемискир в Азии (L. IV). На этом основании Иорнанд и Аммиан и выписали обычаи гуннов из Трого Помпея о скифских изгнанниках, прозванных *parthi*, что значило по-скифски *изгнанные*.

⁸ Предводители собственно гофов назывались судьями (*judices*) народа, принадлежа, разумеется, к роду *Cohenim*.

⁹ «В 118 году царь роксанов, получив отказ в дани, прежде ему уплачиваемой, поднял оружие на римские области. Император Адриан отправился сам в Мисию и там вел переговоры о замирении», – разумеется, на тех же самых условиях об уплате дани и свободной торговле русов в Греции.

¹⁰ По Аммиану, на 2000 кораблях, как при Олеге. По Зосиму, число кораблей простиралось до 6000.

¹¹ Ed. J. Gottofredo. 1641.

¹² Это имя в древних кодексах и в новых применениях к смыслу гофскому пишется: *Ulphilas, Urfilus, Gulfilas, Hulfilas*.

¹³ *Hesychius*. Изменив во всех древних писателях, начиная с Геродота, издатели их с ученой уверенностью замечают, что, без сомнения, греки позднейших времен вздумали называть черноморскую Синдию Индией.

¹⁴ Гималай, Кавказ, Гимай Европы, Карпаты, Альпы, Пиренеи составляли некогда непрерывную цепь населения *savian*. Парсы, приняв верование гебров, разорвали в Азии эту цепь. Восточных индов они называли *siah-hend*, черными индами, а кавказских – *hend-safel*, белыми индами.

¹⁵ Филосторг упоминает о существовавшем там обрезании, поклонении солнцу и луне и *богам туземным*. Из этих слов понятно, что там были две различные веры – вера водворившихся гефов и сиваизм туземцев.

¹⁶ Т.е. Каспийского моря, при устье Волги, где был торговый яский.

¹⁷ Т.е. абхазами (древними гиниолами), переселенцами из Фиванды.

¹⁸ Евсевий, Сократ, Филосторг и пр.

¹⁹ *Isaaci Vossii notae in Scylacis Cariand. Periplus*, pag. 13. (Исаака Виссия заметки к «Окружному плаванью» Скилицы.)

²⁰ Различие между **Bosphoritanus** и **Bosphorensis** заключается в том, что Фефил был епископ всей Босфорании, которой

митрополия была в Томи; а Домиус – епископ г. Босфорана на европейской стороне пролива.

²¹ См. *Acta Consiliorum. T. I. Consilium Nicaenum. Actio 1* (Деяния Соборов, т. 1. Никейский Собор).

²² Греческого текста нет. В латинском исчислении подписей собора епископов азиатских внесена в конце и провинция Испания. После Иверийской епархии помещена провинция Мизийская с епископом Мартирием Марцианопольским, а к провинции Скифской приписан *Sebasitanus Anchialensis*, относящийся к Фракии.

²³ Мы уже объяснили, как поднимали древние правый и левый берег Понта. Смешивая же Дон с Дунаем, во всяком случае местность Томи надо было относить к левому берегу.

²⁴ По росписи епископств, при имп. Льве Премудром архиепископство Великой и Малой Руси числилось на 60 мест, ибо иноземные епископства следовали за исчислением находящихся в империи.

²⁵ На основании слов Плиния, что в приморской Фракии, между Балканов и Дунаем, жили *scythae arotetes*; но в той же 18-й главе IV книги всю Фракию населяли скифские племена; Плиний исчисляет их: *brysi, saraei, bessi, doloncae, aorsi, arraei, sarmatae, scythae* и, по берегу моря, *muriseni*.

²⁶ *Relatio Synodi Const, de ordinatione Epiphani Episcopi Anno 520. Acta Consiliorum. T. II. P. 1035. Ed. Parisiis, 1714.* (Отношение Синода Константинопольского о назначении Епифания Епископом в год 520. Деяния Соборов, т. 2., стр. 1035, издано в Париже, 1714 г.)

²⁷ Халдеи.

²⁸ Проницательный во всех своих изысканиях Венелин обратил особенное внимание на Томитанскую область, но не обратил внимания на приписываемое ей географическое положение во Фракии; а между тем вот его слова: «При первом взгляде на это известие бросится в глаза всякой логической голове, что здесь греческое слово *скифы* должно переводить словом *русь*, и потому только, что изыскатель напрасно стал бы искать в Томитанской епархии какой-либо другой церкви, кроме русской».

²⁹ Которых византийцы продолжали еще называть то скифами, то гуннами.

³⁰ У славян *марками* назывались пограничные торжища, где производились договоры и торг. (Гельмольд.) Стан Аттилы был расположен в Малой Валахии.

³¹ См. *Vilkinga Saga*. В *Nibel*. L. 5060.

³² *Сураги*, жившие по Каспийскому морю, известные также под названием гуннов-сарагуров, по греческим писателям – *siraces*. При Каспийском море и была *India Serica*, занесенная за Ганг: по сурагам, Каспийское море называлось *Oceanum Siricum*, а у русов – Суражским морем. Страбон пишет, что *сураги* и *малые аорсы* одного происхождения с великими аорсами. «Малые Аорсы жили при Танаисе, а Сураги по р. Ахарду, по другим географам – Аксарту», т.е., в сущности, Араксу в Ширванской области и по морю, где производилось искони шелковое производство.

³³ «*Kouchank*, или *Kouchantsik* – имя, которое давали армянские авторы гуннам эфталитам» (*Hist. de la Georgie*. I part. *Hist. ancienne*).

³⁴ *Hist. de la Georgie*. I part. Разумеется, что все эти народы препровождены историками к устьям Инда.

³⁵ По Птоломею (II века), скифы простирались до изгиба р. Аракса (Русская река), то есть до впадения Куры (L. V, с. 9). «Есть и другой изгиб реки Аракса (т.е. Рас), сходящийся с изгибом Дона (Танаиса)». Так как азиаты и реку Волгу называли Араксом, т.е. Русской рекой, то и Птоломей смешивает Рас или Аракс с Волгой и полагает, что это изгиб одной и той же реки.

³⁶ По сведению Константия Багр. (*De Adm. Imp. С. 42*), границей Захии с областью Таматархской, или Тьмутараканской, была р. Укрух. Нет сомнения, что это река Кубань, и Константин вместо названия реки слышал слово «Украй», т.е. граница. По морской карте de *Freduce d'Ancone*, *Maura Zichia* лежит на южной стороне Кубанского лимана (*Mauro lago*), за ней *Alba Zichia*, и потом *Avogassia* (Абхазия). В древности это была местность ахайи. Ныне живут джигети.

³⁷ Пролог.

³⁸ Крымский сборник. Соч. П. Кеппена, стр. 66.

³⁹ Френ. *De Chosaris*. Опис. музея кн. Кочубея. Б. Кене. Т. I, стр. 218.

⁴⁰ Это известие относится к IX стол., когда во время калифов Аббасидов магометанство проникло на Кавказ и в Задонье и часть болгар приняла исламизм.

⁴¹ По разделению Козарии на 9 округов.

⁴² Западная империя отклонилась от православного догмата Никейского собора и вместо «и в Духа Святого, Господа животворящего, иже от Отца исходящего» внесла в Символ веры «filioque», т.е. «от Отца и Сына исходящего».

⁴³ Фотий вступил на патриарший престол в 837 году, 25 декабря. Окружное послание к патриархам и епископам, в котором обличались властолюбие, заблуждения и новости в Западной церкви, было до созванного Фотием по сему предмету собора в 861 году (Начерт. церк. ист., отд. 2, стр. 27). См. также истор.-крит. изыскания Ю. Венелина в статье «Словенские письма».

⁴⁴ По Нестору, болгаре пришли из Скифии Задонской: «Словенску же языку живущим на Дунае приидоша от скиф, рекше от казар, рекоми болгари, и населенцы (а не насильницы) словеном быша». Т.е. поселились между словенями.

⁴⁵ См. «Первобытное верование и буддизм» – Herbelot. Dict. orient. – Die Ssabier und der Ssabismus v. D-r. D. Chwolsohn.

⁴⁶ «Извлеч. о русах по визан. истор.» И. Штриттера.

⁴⁷ При договоре Олега императоры Лев и Александр целовали крест, а Олег и мужи его совершали клятву по русскому закону и клялись Перуном, богом своим, и Велесом, богом живота, твари. По значению сиваизма славяно-русов: Перун, Парьянийя Индии, – божество грозы и благодати (дождя), Васуха – Вишну – хранитель живота (дживати). Но в договоре видно и общее поклонение единосущной Троице: «Межи вами хрестьяны и Русью бывший мир сотворихом, Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего своею рукою, предлежащим честным крестом и Святою единосущною Троицею единого истинного Бога нашего... Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суца, яко Божие здание по закону, и по закону языка нашего...» Заметим, что и христианская Русь по договору Игоря клянется церковью Св. Ильи, как покровителя киевских русов и громовержца.

⁴⁸ По дополнительному акту Никейского собора о епископствах обеих Скифий христианская вера начала распространяться на Руси при Константине Великом, без всякого сомнения, именно потому, что и сам Константин был славянин. Никифор Грегор, упоминая о прежнем величестве Римской империи, когда иноземные государи поставляли за честь принимать сан, даруемый императорами, приводит в пример русского князя, которого

Константин Великий почтил саном стольника. Нет сомнения, что здесь дело касается до стола (престола) великокняжеского, по обряду поставления на царство. Дюфрен считает это сказание басней – по той причине, что имя русов еще не было известно в это время (!) и об этом событии ни один древний историк не упоминает. Откуда же взял это известие Никифор, а в дополнение и Нестор, который говорит, что «киевский князь (Кий), княжаше в роду своем, ходил к Царьграду, и велику честь приял есть от царя». Самое название Царьграда дает понятие о верховном значении его по отношению религии к России.

⁴⁹ Булгары могли вынести ее из Дона.

⁵⁰ По сказанию, что Ульфил Гофии (т.е. Скифии) изобрел оную.

⁵¹ Дристру по созвучию считают Силистрией, но это ложно. Дристра была на ровных местах, как видно из описаний битвы греков со Святославом. Тут была близко и Константияна. Дристра служила опорой русов и, без сомнения, при устьях Дуная, в области Добрушской.

⁵² Следует упомянуть о мисийском городе Неа, по Штриттеру – *Novae*, где был разбит греками аварский хан в 586 году. Анастасий называет этот город *Mea*, а Феофилакт – *Томеа*. См. «Изв. виз. ист.» Штриттера, об аvaraх.

⁵³ Пелопонезские, лакедемонские и островские славяне до самого принятия дунайскими славянами христианской религии вели постоянную войну с греками за свою независимость.

⁵⁴ Херсон Тавриды носил название Скифского.

Господин Новгород Великий

Публикуется по: О господине Новгороде Великом. Письмо с приложением вида Новгорода в XII столетии и плана окрестностей. М: В типографии С. Селивановского, 1834.

Краткий очерк истории Новгорода и Северной Руси с описанием округа, местных традиций и верований, анализ терминов. Написано в форме письма-обращения к современникам. Примечания автора.

¹ В новгородской летописи при описании разорения царьградского храма Св. Софии фрягами сказано: «Иконы безценные

все одраша, а на полатях и в стенах и в сосудохранилище не веде, колико злата и сребра». Это описано по понятиям новгородцев о своем храме, следовательно, ризница находится не в главе, как выражаются, а на полатях.

² Прозвание *Детинец* произошло, кажется, от *дедина*, знач. на слов. *деревня, селение*.

³ Карамзин. История Р. Г. Том I. Прим. 438. Герберштейн, Аделунг, Муравьев, Де Санглен и пр.

⁴ *Баб* – на востоке слово, означающее целое государство; *дер* по-персидски – дверь и также двор.

⁵ Слово *капище* не означает ли медный, створчатый образ, который имеет подобие храма и в котором лики бывают чеканной работы. Может быть, маленькие медные складни есть подражание капищам – составляющие их образа имеют вид квадратов с изображениями, подобными Корсунским воротам.

⁶ На изображении древнего Новгорода.

⁷ Я слышал от господина С., что село Дедино, лежащее в Коломенском уезде на берегу реки Оби, составлялось из выселенных царем Иваном Васильевичем новгородцев. В память Новгорода в этом селе староста назывался посадником; пять каналов, проведенных для охранения земли, разделяют его на 5 частей.

⁸ Здесь *Vrimig* есть *Биармия*, *Иотунхейм*, или *Ризенландия*, земля русов.

⁹ Разносчик.

¹⁰ Защита.

¹¹ В слов. *Ihre* слово *scolt* – контрибуция, уплата. По-английски *scol-free* – свободный от уплаты.

¹² Ныне храм Св. Иоанна.

¹³ Любопытная книга о вратах Корсунских г. Аделунга уже переведена и скоро выйдет в свет.

¹⁴ Сей вид древнего Новгорода есть снимок с находящегося под образом Знамения Богоматери изображения древней греческой живописи.

«Древнее изображение Великого Новгорода во время осады оною, в 1169 или в 1170 году, суздальскими князьями, – по словам А. Ф. Вельтмана, – находится в иконостасе на доске деревянной, под чудотворною иконою Знамения Богородицы в новгородском Знаменском соборе, за решеткой и занавеской.

Сие изображение тщательной иконной живописи древнего греческого стиля, круглое, 19 дюймов в диаметре. На нем представлены приступ к Новгороду и битва; но я не мог издать сего изображения вполне, издал только любопытное: Новгород XII столетия. Эта редкость как будто не существовала до сих пор для русской археологии.

Я, можно сказать, не прошел только мимо сего памятника; желательно, чтоб кто-нибудь обратил на него строгое внимание и издал его вполне. И этого мы ожидаем от ученых, избранных самим правительством, которое никогда не заботилось столько как теперь о развитии самобытности русского духа».

Древние славянские собственные имена

Публикуется по: Очерки России, изданные В. Пассеком. Кн. IV. СПб: В типографии Н. Степанова, 1840.

Исследование по русской ономастике, содержащее множество примеров с толкованиями. Примечания автора.

¹ Окончание *вич* значит *род, племя* и, без сомнения, начало свое имеет в санскритском *виджа* – причина, происхождение, и состоит из частицы *ви* – из, от, и *джа* – род, племя; и следовательно, *Бого, Богуш* (Богуджа – род, племя богов), *Богушевич* значит *из рода богов*. Частица *ви* у нас сохранилась, напр. ход – выход (исход, отход), мысль – вымысел (происходящий от мысли); род – вырод, место – выместить и пр.

² Впрочем, слово *веселье*, кажется, произошло от греческого *Василий* – царский, господский праздник.

³ Без сомнения, что в первые века христианства черные клобуки отличали христиан от язычников; от сего в Кара-Влахии (Черновлахии), Кара-Богдании (Черно-Богдании или Молдавии), в Сербии и Булгарии народ носил шапки вроде черных клобуков.

⁴ *Сайвас* (Сайван) – поклонники Сивы (природы); но должно отделить первобытное поклонение Сиве – природе от последующего поклонения Сиве – жизни.

⁵ См. Приска.

⁶ Феофан.

⁷ Иорнанд.

⁸ В Шотландии, без сомнения, так же как и повсюду в патриархальности, места назывались по отчинам, и, следовательно, названия мест Tommor, Salmor происходят от собств. имен Томир, Селимир.

⁹ Образование *Гондо* из *Годо*, точно так же как Swento из Sweto, или как brand из braht.

¹⁰ «Потому что это то же самое имя», – пишет Морер.

¹¹ *Песнословка*, или повесть о народе славенском. – Анд. Качина.

¹² Мавроурбин (Мавро Орбини – *Прим. сост.*).

¹³ История разных словенских народов *Иоанна Раича*.

¹⁴ По санскритски лик – локо.

¹⁵ Ср. «Hist. des Gaulois» par J. Picot. Т. 1. Р. 50. и А. Д. Чертков. О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север. – *Сост.*

¹⁶ Сближение *саливанов* с *марсами* доказывает единство их, и различие только в кастах; одни были касты священной, другие – воинственной. Одни носили имя бога света (Белбога), другие – бога смерти (Чернобога).

¹⁷ У римлян Марс носит прозвание Silvanus, и это название значит, что Марс был божеством сельским, т.е. патриархального народа; ибо греки *Марса* называются *Арей*, от названия Сивы *Хара*, *Хари* в свойстве божества войны, истребителя. У скифов божество войны также назывался *Арей*; у славян – *Яро*, Юрий, Ярко – Herkel – Hercules – Иракл.

¹⁸ *Сур*, или *Шур*, или *Чшур* – Сива в свойстве героя. Отсюда у галлов sort – судьба, у готов surtur, или satur, – острый, мрачный, по-датски – sort, по-шведск. svart, schvartz – черный; англосаксонск. – sveart. Отсюда swert – печь. Satur значит суббота. Евр. и араб. *шебб* – ночь – sabba, savva, сива (греч. произн.). Суббота же – день, посвященный *Сиве* (Сатурну) в свойстве Сани (сна, смерти).

Русский свадебный обряд в XV столетии

Публикуется по: Картины Света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год с полнотипажными рисунками. М.: В типографии С. Селивановского, 1836.

Статья представляет собой один из многочисленных этнографических очерков автора в данной энциклопедии.

Начала русской словесности

Публикуется с небольшими сокращениями по изданию: Русская словесность. (Без года и места издания.) Из собрания Чертковской библиотеки. Очерк истории русской литературы с глубоким экскурсом в древнюю эпоху и эстетическими размышлениями. Примечания автора

¹ Первоначальное значение слова *литература* означало совершение жертвоприношения: от слова *lito* (лития – возливание) – жертвоприношение, и *etra* – слово, речь оракула. Латинское же слово *littera* произошло от *lito*, *litare* и впоследствии придалось священным знаком, обратившимся в буквы.

² Слово, близкое к санскр. *изита* – возвышенность превосходство, excellence, preeminence, – производящее от *иза* имя Сивы в значении творца, прародителя, природы; отсюда египетское название Isis – Изиды.

³ Египтяне называют *кушитов* афоф (эфиопы). Кушиты, эфиопы, хананеи и египтяне (копты) составляли в древности одно племя, называвшееся *aitheriens* (*airien* – по Евсевию); Плиний пишет, что эти народы назывались также *атлантами*. Dynast, du 2. liv de Manelhon. Comte. I. Potocki.

⁴ Просветителя своего индейцы называют также *Деваниса* – божество ноги, из чего греки образовали Дионисия.

⁵ Ch. Lassen Zeitsch. fur die Kunde des Morgenlandes 1. Heft. 70.

⁶ Chateaubriand. Ess. sur la litt. angl.

⁷ *Нама* по Санскр. – имя, *numen*, *name*, поклонение, склонность (свойство), *намас* – дар, покорность, склонность.

⁸ По-санскр. *сакала* значит чешуя (рыбья) кора, скоря (шкура), *schale*, *escale*, *coupe*, *bassin* (у диких по сие время чешуя рыбья и раковины заменяют чашу и инструмент, которого звуками, как тарелками, они сопровождают свои песни), – от *сакала* – *schale*, чешуя, чаша, *escaille*, *coquille*, *lasse* (таз) и *shale*; звук – по готич. *skald*, *shall* – образуется в *chant*, точно так же как *shalle* – в англ. *skin* или *chin*, *son*, *chant*. Кора и кожа у древних

заменяли щит, отчего *skald* сходно со *skild* – щит. Сакала значит также корабль (от кора), барка, ибо первообраз кораблей были сделанные из кожи или коры лады, отчего и ладья сходно со словами *лад* и *leder* – кожа.

⁹ Слово *диван* происходит от дева-с – боги, правители; диван – заседание богов, или правителей, собрание; слово соответственное вполне *думе*, которое также значит судилище, правит. заседание (по Гот. – *datu*), беседа и дума – размещение. Диван у сербов имеет также значение – беседа, разговор. В Азии близ Бассоры у так называемых *tende-jahia*, т.е. учеников Иоанна, главная священная книга называется Диван – вероятно, в значении: сборник, собрание.

¹⁰ Из названия *cael, caledon, culdees (solitaires)*, по различным наречиям, у римлян образовалось название *celtae*, которое придали жителям Шотландии, между тем как то же племя, жившее на твердой земле, получило преимущественно название галлов, которых, однако же, должно отличить от галлов, потопленных римлянами и норманнами; для отличия мы назовем галлов – келтов – галлийцами. Собственно название *gael* одно и то же что в готическом *hol, holig (sacer)* и *caledon*; одно и то же, что в гот. *helgedom, heiligthum* – священство; ибо *h* изменяется часто в *k, c*: так, *helsa (salulare) – kalsa*. *Heilagr, helgar, heiliger* – калугарь.

¹¹ Владетели, цари; по-камбр. *jarl* – значит comes, от *herus – dominus*. *Heriles* – герулы.

¹² Без сомнения, и вал в Булгарии, отделяющий по реке Карасу (Черноводы) Малую Скифию от Мизии, построен также Адрианом, когда в 133 году он, опасаясь набегов скифов на римские области, разрушил мост на Дунае, построенный Траяном и утвердил таким образом границу Дунай до Черновод; от Черновод, по левому берегу этой реки, до Кистенжи на Черном море, сухую границу укрепил земляным валом с окопами для стражи. Окопы вроде больших редутов видны по сие время на расстоянии версты один от другого.

¹³ Славянск. Мильана, Малина, Милева, Милена, Милийя.

¹⁴ Dict. Sansc. Wilson.

¹⁵ Hist de Fran. Michelet, по: Logan. The Scotisch gael. T. II. P. 215.

¹⁶ По-кельтически Кольно – Glin. Rech. Hist, sur l'orig de Sarm. Sostr. de Bahusz.

¹⁷ Штр. изв. о слав. Год 919–945. Стр. 120.

¹⁸ Тапробан, или Цейлон, назывался также Салице. Он посвящен был Солнцу.

¹⁹ *Кольхи* (кольхиды) также напоминают нам поселение кимвров или киммерян на Черном море (Амазонском, Киммерийском, Русском).

²⁰ Skald значит также child (щит), held, герой; helf – help – хлап, в древнем значении – вспомогательный воин; skal по-исландски значит дом, обители, село; skali, skalabu – живущий в лесах; также знач. gigas – гигант, великан, gisar.

²¹ Мы уже упомянули, что *бгарата* по-санскр. значит также божество слова.

²² В Малороссии по сие время ходячие певцы с лирами (по другому наречию – рыле) называются слепцами, хотя они по большей части зрячие.

²³ Отсюда слово харя – маска, vandeville от van – шут, шутка, и devil – дьявола.

²⁴ Minstrel – ministerial – в первом значении, совершающий службу священную, певец храма.

²⁵ Troubadour (по-фр. *trouvere*) происх. от слова *troubar, trevar, trevejar*, что значит скитаться, путешествовать; *trevaire* – скитающаяся душа, от *trep* – тропа, дорога, путь и т.д.

²⁶ Гражданства – *civilas*. Секта сиваитов составляет отпадение Сивы, или Шивы, от Тримурти. В Греции Сива – Зевс, у римлян – Шива, *Jovis pater* сокращенно – *Jupiter* – отец Сива.

²⁷ Челедь – сыны, семья, племя – одно слово с child – сын.

²⁸ Кмет-воин.

²⁹ Леси-люди, народ.

³⁰ Законы древних писались на досках. Так, например, *decem tabularum leges* – десять таблиц законов римских.

³¹ См.: Венеты и этруски у истоков европейской цивилизации. М., 2008. Радивой Пешич. Винчанское письмо. Краснодар, 2010. – *Прим. сост.*

³² Слово *писать* происходит от санскритского – *пиджа*, что значит рисовать, писать, красить; *пиджати* – писати (печатать). Оттого у нас слово *писать* и значит также рисовать – например, писать иконы.

³³ *Vicestuiem – Wilaziwi* – победа; нов. бог. *witezsiwi*.

³⁴ Pahrbu, pahrbek – могила, конец.

³⁵ Козьма Пражский, единственный достоверный историк Богемии: «*Borzivogii primus dux catholicus*» («**католический герцог Буривой**»). Он писал хронику на латинском языке в половине XI столетия; без сомнения, он же был первый собиратель легенд народных, на которых и основал первые предания истории богемской, начиная с Крока, суда Любуши и пр.

³⁶ Праздник Капалы.

³⁷ Без сомнения, то же значит, что и Лукоморье.

³⁸ Сыгрыш – аккорд, согласование.

³⁹ *Танцы* здесь значит *tenson* – драматического рода песнь.

⁴⁰ Еврейский стих – псалом.

⁴¹ А. Ф. Вельтману принадлежит авторский перевод «Слова о полку Игореве» с комментариями, который был предложен А. С. Пушкину для издания в его журнале «Современник». – *Прим. сост.*

⁴² На Русском Севере народные предания и былины пересказывались из уст в уста до начала XX века, о чем свидетельствуют многие фольклорные сборники. – *Сост.*

⁴³ Название, сходное с датским *Galdrar*.

Тредьяковский

Публикуется по: Картины Света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год с полнотипажными рисунками. М.: В типографии С. Селивановского, 1836.

Ломоносов: портфель служебной деятельности

Публикуется только текст самого А. Ф. Вельтмана в сокращении по: Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова из собственноручных бумаг // Очерки России, изданные В. Пассеком. Кн. II, V. СПб.: В типографии Н. Степанова, 1840–1842.

Подлинные документы гениального русского энциклопедиста, переданные А. Ф. Вельтману наследниками.

¹ *Примечание автора.* Единственная дочь Михаила Васильевича Ломоносова была замужем за бывшим библиотекарем при императрице Екатерине, статским советником Алексеем

Алексеевичем Константиновым, который имел двух дочерей, Екатерину Алексеевну и Софью Алексеевну – ныне вдову покойного генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского. Таким образом, бумаги Михаила Васильевича составляли родовое наследие по женской линии.

² *Комментарий первого издателя В. Пассека.* «Во второй книге “Очерков России” была помещена статья г. Вельтмана “Портфель служебной деятельности Ломоносова”. Большая часть портфеля состоит из собственноручных бумаг нашего великого соотечественника, который является для нас в новом свете, как ученый человек, наравне со своими современниками: Эйлером, Бернулием и Франклином. Из статьи г. Вельтмана мы видим, что Ломоносов прочувствовал самобытность духа и характера русского народа, требовал от иноземцев всеми средствами уважения ко всему русскому и терпел за то, как сам говорил, что старался защитить труд Петра Великого, “чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство...” И потом прибавляет: “Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют”.

Из этих слов мы видим, что Ломоносов вполне сочувствовал великому преобразователю России и как человек в полном смысле народный не находил в его преобразованиях ничего противоречащего своим понятиям и чувствам. Это великое доказательство народности самого Петра I. И вредные плоды от перенесенных с Запада успехов образованности должно искать не в насаждении Петра, но в ложном их направлении, в неправильном, чуждом народности возделывании этого сада: иначе мог ли бы архангельский крестьянин и потом образованный и глубоко ученый человек, страдавший и падший в борьбе за народность, – сочувствовать великому преобразователю и говорить: дайте возрасть свободно насаждению Петра Великого?

Он постигал, что при свободном возрастании все будет проникнуто характером и духом русского народа, что каждый чужеземный прививок, сохранивший свой плод, делается нашим, народным достоянием. Вот почему он восставал так сильно пропив кичливого влияния иностранцев, против неуважительных отзывов о нашем народе и недоверчивости к нашим дарованиям.

Но он пал в отчаянной борьбе. Он был один – бойцом на этом роковом поле, – все близкое ему, все, что могло принимать за него участие, все молодое поколение русских ученых было слабо и находилось под его же щитом; только иногда вопли его и отчаянный призыв доносились до престола, и высокое, хотя временное, участие ободряло его в народном деле.

Наконец Ломоносова не стало, рушилась последняя плоти-на от напора западных волн – и они хлынули на нас и разлились по нашему отечеству.

Но они не удержатся на нашей земле, они скатятся с нее и никогда не возвратятся. Нам надобно от Запада только общие человеческие успехи разума, только они привьются к самобытной жизни нашего отечества; все же остальное – характер западных народов, их опыт жизни, их особенности взгляда на мир – все это необходимо нам как знание, как роскошь нашего народного образования. У нас все свое, от слова до очертания лица, от построения избы до обычая, от быта до взгляда на мир, от опыта жизни до религиозного чувства, – все принадлежит исключительно нам и все разовьется своим путем, по своим законам.

Теперь мы понимаем это больше, нежели прежде; теперь самое правительство призывает нас к *народности*.

В этом отношении мы находим статью г. Вельтмана “Портфель служебной деятельности Ломоносова” – очень важной и современной.

Это лучший очерк нашей борьбы с иноземным, чуждым для нас влиянием; это грамота на отечественные и ученые заслуги Ломоносова.

На этом убеждении помещаем окончание бумаг, хранящихся в портфеле нашего великого соотечественника».

Сковорода

Публикуется по: Картины Света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год с полнотипажными рисунками. М.: В типографии С. Селивановского, 1836. Примечание автора.

¹ Камлотный кафтан, пара башмаков, гарусные чулки да рубашка на перемену.

Суворов

Публикуется по: Картины Света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год с политипажными рисунками. М.: В типографии С. Селивановского, 1836. Примечание автора.

¹ Только «История российско-австрийской кампании 1799 года», изданная Г. Е. Фуком, есть достойный памятник конечных дел Суворова.

² Так прозвали его турки, что значит *хромой паша*, ибо он хромал от раны.

Воспоминания о Пушкине в Бессарабии

Публикуется по: Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. 3-е изд. СПб.: Академический проект. 1998.

Документальные мемуары, которые получили художественное развитие в автобиографическом романе А. Ф. Вельтмана «Странник». Из писательского дневника наиболее известны страницы, связанные с личностью А. С. Пушкина, который был сослан в Бессарабию. Дополненная автором версия опубликована в книге: Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы. СПб., 1899. Примечания Ю. М. Акутина.

¹ Пушкин приехал в Кишинев 21 сентября 1820 года, за полгода до начала греческого восстания. Битва под Скулянами произошла 29 июня 1821 года. Стихотворение «Война» имеет авторскую датировку – 29 ноября 1821 года; оно вызвано упорными слухами, что Россия объявит войну Турции. Ранее, 21 августа, в письме к С. И. Тургеневу Пушкин, имея в виду возможные хлопоты об освобождении его от ссылки, добавлял: «Но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии» (XIII, 32).

² Ошибка мемуариста: К. Н. Батюшков в Кишиневе не жил.

³ Об эпиграммах Пушкина см.: Т. Г. Цявловская. Муза пламенной сатиры // Пушкин на юге. Т. II. С. 147–198.

⁴ *Талгар* – разбойник, *урсул* – медведь.

⁵ Об Алексееве см.: Прометей. 1974. № 10.

В очерке «Илья Ларин» (Моск. городской листок. 1847. № 8) Вельтман, упоминая о своей встрече с Лариным в 1840-е годы, пересказывает его воспоминания о Пушкине.

О происшествии, побудившем Пушкина написать «Братья-разбойники», пишет Мекленбурцев: «В Мандрыковке, близ реки Днепра, находилась тюрьма, из которой во время пребывания поэта бежали два брата-арестанта, побочные дети помещика Засорина, о которых Александр Сергеевич и написал известную поэму “Братья-разбойники”. Ныне усадьба принадлежит г. Кулабухову, у которого и имеются на все изложенное данные» (Приднепровский край. 1899. 6 февраля. № 392).

⁶ «Он важен, важен, очень важен...» – стихи Вельтмана из его повести «Странник».

⁷ Ср. с воспоминанием П. А. Вяземского: «Покойный М. А. Максимович передавал нам, как в его присутствии кто-то из знакомых сказывал Пушкину, что одна цыганка вместо: “Режь меня, жги меня” пела: “Режь меня, ешь меня”. Пушкин был чрезвычайно доволен и говорил, что в следующем издании поэмы непременно сделает эту перемену» (РА. 1874. Т. I. С. 424).

⁸ «Янко чабан» – молдавская сказка Вельтмана, осталась ненапечатанной; однако два отрывка из нее писатель включил в свою повесть «Странник» (Ч. I. С. 96 и 98).

⁹ Из трех частей повести «Странник» (1831–1832) в библиотеке Пушкина сохранились изданные вместе вторая и третья части с надписью: «Александр Сергеевичу Пушкину Вельтман». Без ведома Пушкина в «Литературной газете» (1834. № 30) была напечатана отрицательная рецензия на повести Вельтмана «Беглец» и «Странник», что раздосадовало Пушкина; 1 июня 1831 года он писал П. В. Нащокину: «Я сейчас увидел в “Литературной газете” разбор Вельтмана, очень неблагоприятный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора, но и некогда было» (XIV, 168).

РЕЛЯЦИИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ

Публикуется по: Особенно замечательные события во время войны с Турцией в 1828 и 1829 годах // А. Ф. Вельтман.

Странник. М.: Наука, 1978; Реляции о Русско-турецкой войне 1828 года // Там же.

Небольшие, но важные исторические документы в форме рапорта от активного участника и свидетеля событий, в ту пору старшего адъютанта Генерального штаба. Примечания Ю.М.Акутина.

Особенно замечательные события во время войны с Турцией в 1828 и 1829 годах

Краткая историческая справка, написанная Вельтманом в 1830 году. Состоит из двух разделов: «В Европе» и «В Азии», так как военные действия шли не только на Балканах, но и на Кавказе. Рукопись находится в архиве Вельтмана (ОР ГБЛ. Ф. 47. Р. I. К. 22. Ед. хр. 10).

¹ Имеется в виду рассказ Геродота о неудачном походе против скифов персидского царя Дария I.

² *Адрианополь* – город на Балканском полуострове. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов русская армия под командованием Дибича подступила к Адрианополю, намереваясь взять его штурмом. Город сдался 8/20 августа 1829 года.

³ *...мир, новая слава России, заключен...* – После сдачи Адрианополя русские войска подступили к Константинополю, в связи с чем турецкое правительство предложило заключить мир; с этим предложением согласилось русское правительство. По заключенному 2/14 сентября 1829 года Адрианопольскому мирному договору к России отошло Кавказское побережье Черного моря до района севернее Батуми, а также район Ахалциха. Получила независимость Греция, автономными стали Сербия, Молдова и Валахия.

Реляции о Русско-турецкой войне 1828 года

Реляции о кампании 1828 года составлялись по донесениям под руководством Вельтмана. На основании реляций он делал обзор для императора. В архиве Вельтмана (ОР ГБЛ. Ф. 47. Р. I. К. 27. Ед. хр. 8) хранятся копии реляций, причем две подпи-

саны им самим. Писатель использовал их при работе над романом «Странник».

¹...запорожцев, возвратившихся в подданство России... – Имеется в виду часть некрасовцев, перешедшая на сторону русской армии.

²...летучими сапами... – Сапа – способ, которым роют ходы сообщения (траншеи, рвы) под огнем противника, ведущие к его укреплениям. Сапы применялись в XVI–XIX веках. Рытье траншей летучей сапой велось с поверхности земли, для прикрытия от огня применялись защитные насыпи из мешков с землей, бочек. Тихая сапа (иначе – перекидная) велась со дна исходного рва, поэтому работающие не появлялись на поверхности.

³ *Контрэскарп* – откос рва долговременного укрепления, ближайший к противнику. Использовался как противостурмовая преграда.

⁴ ...единорожную батарею... – батарея из единорогов – тяжелых осадных орудий. Имели ядра массой до 40 кг, обладали дальностью до 4 км.

⁵ ...усиленный горн... – коническое отверстие в конце галерей, выкопанных для взрыва крепостной стены. Заряжался порохом.

⁶ *Аманат* – заложник.

⁷ *Каре* – боевой порядок войск, построенных в виде одного или нескольких квадратов или прямоугольников.

ЧАСТЬ 2. СОКРОВИЩА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Достопамятности Московского Кремля

Публикуется по: Достопамятности Московского Кремля, составлено Ал. Вельтманом, помощником директора Оружейной палаты, действительным членом Императорского Московского Общества истории и древностей российских, Одесского Общества любителей истории и древностей и Общества русской словесности. Печатано по Высочайшему повелению. М.: В типографии Н.Степанова, 1843. Экземпляр Чертковской библиотеки,

ныне Государственной Публичной Исторической библиотеки России (ГПИБР), имеет *Ex Libris* с надписью: «Из книг графа Сергея Дмитриевича Шереметева».

Один из первых путеводителей по святыням Кремля. Содержит общие исторические сведения и подробные описания соборных храмов, царского двора, Малого Николаевского дворца. Упомянуты уже не существующие строения Кремля:

1. Собор Сретения Господня, что во дворце.
2. Гербовые, или Большие золотые государевы ворота.
3. Средняя Золотая палата.
4. Набережная, или Посольская ответная палата.
5. Казна, или Казенный двор между Архангельскими и Благовещенским соборами (см. план).
6. Житный двор.
7. Ольгина палата.
8. Дворцы: сытный, кормовой и хлебный.
9. Потешный дворец (ныне Комендантский дом).
10. Ц. Никола Голетунский, на месте бывшего Татарского подворья.
11. Кириловское подворье.
12. Крутицкое подворье.
13. Симоновское подворье.
14. Новгородское.
15. Рождественского Владимирского монастыря.
16. Стрелецкий Ликов двор.
17. Черниговский собор.
18. Древние приказы.
19. Дом Бориса Годунова.
20. Дворы бояр: Шереметьева, Голицына, Морозова, Трубецкого.
21. Средняя лестница на красное крыльцо.
22. Запасный дворец с верхним садом на вершине его. – Нижний сад.

Первое издание содержит приложения:

1. Чертеж древнего Кремля с XIV по XVIII столетие, с видами Двора царского при Михаиле Феодоровиче и Кремля при Петре Великом.
2. Панорама Москвы при Петре Великом, 4 листа. С оригинала, гравированного, вероятно, в Голландии, судя по фронтиспису – во время восшествия Петра I на престол.
3. Общий вид собора.
4. Вид Кремля со старым дворцом.
5. Вид Кремля с новым Императорским дворцом.
6. Андреевская зала, тронная Его Величества.
7. Вид Николаевского дворца и Чудова монастыря.
8. Вид Грановитой палаты, Красного крыльца, Меньшей золотой палаты и над нею храма Спаса за Золотой Решеткой.
9. Внутренний вид Грановитой палаты.
10. Фасад терема со стороны кухонного двора.
11. Престольный покой в тереме.
12. Внутренний вид древнего храма Св. Лазаря.

Примечания автора.

¹ Многие производят слово *кремль* от татарского *кермень* – крепость; но Новгородский кремль в 1115 году существовал уже

под названием *город кромный*; Псковский кремль искони назывался *кромом*, *Московский* – *кремником*. Кремль собственно значит храмовый город, *храмовое место*, то же, что галлийское слово *сroma* или *сrom-leach* – храм, *lieu consacre au culte divin*, то есть священное место для божественного культа (*фр.*). В Псковском кромле были кладовые товаров и погреба. Новгородские храмы во время Ганзы служили также кладовыми товаров, откуда в немецком и вошло в употребление слово *крат* – кладовая, место склада товаров. Так как храмовые места искони составляли крепости, то и татарско-турецкое слово *кермень* вошло в употребление от русского *кром*, *кромный* во время торговых сношений русов с Востоком.

² «In magna hac civitate, quae istius regni capul esl, plusquam quadringenla habenlur ecclesiae, el mercatos VIII» (В этом крупном поселении, которое является столицей всего царства, имеется более сорока церквей и рынков). *Ditm. cliron.* (967–1028).

³ «Oslragard Rusziae, cujus Metropolis civites Chive, aemula scepfn **Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae**» (**Острагарт** Руссии, гражданами столицы которой являются хивы, венец скипетра Константинополя и прекраснейшее украшение Греции). *Hist. Eccles. I. II. c. 13.*

⁴ *De rebus-publicis Hansiaticis.* Ioh. Ang. Werdenhagen. 1641 part. VI. rap. XVIII.

Много веков Новгород был предметом удивления,
Богатством его едва равнялись богатства Рима.

Знаменит был славой и подвигами, обширен зданиями и стенами.

Цветущий в европейской торговле, могущий в бранях,
Он был ужасом народов, и поговорка его
Произносилась с трепетом:

«Кто против Бога? Кто против Новгорода?
Кто дерзнет противиться твоему могуществу?»

⁵ «Tanlum regi deferens el argenti, et vestium praetiosarum et nulla **retro memoria tantum regno Tentonico una tempore illatum referalur**» (Настолько он отличался от царя и обилием серебра, и роскошью одежд, и никогда, как говорят, на памяти живущих не приносилось в Тевтонское царство одновременно столько драгоценностей).

⁶ В нашей Архангелогородской летописи сказано: «В лето 6713 (1205) приидоша немцы венецицы фрязи на Царьград и в пору свою уставиша, и царя своего Мирчучфла, и держа Царьград 2 лета и 2 месяца 10 дней, и пограбя Царьград и церкви и прочь пошли».

⁷ «Престолом Мономаха» или «Мономаховым трон» называют царское место, устроенное в 1552 году для молодого самодержца Ивана Васильевича Грозного. При нем и позже оно было священным для русской монархии, вплоть до ее свержения в начале XX века. – *Сост.*

⁸ При рытье фундамента Нового дворца открыты в земле три слоя деревянных мостовых и многие признаки бывших на этом месте пожаров. По направлению от церкви Спаса на Бору к Москве-реке открыт деревянный частокол.

⁹ Этот дворец, которого модель хранится в Оружейной палате, был заложен 1 июля 1775 года. Основной камень с надписями на медных досках положен был на месте Тайницкой башни. Строение было начато, но оставлено, и материал употреблен на поправление кремлевских стен.

¹⁰ В древних разрядах называются они большими *Государевыми воротами*. Они были двухбашенные и с двумя проездами; на створах были огромные золотые орлы – герб государственный; почему они и назывались гербовыми, а по преданию – золотыми.

¹¹ Означенные латинскими буквами между лучами креста: D.S.F.R., т.е. Domine Salvum Fac Regem («Боже, царя храни»).

¹² В зимнем саде помещаются большие померанцовые деревья, предназначенные для украшения парадных зал во время торжественных празднеств.

¹³ Отсюда переход в новое здание, устроенное вдоль стены, для придворных чинов.

¹⁴ Смотри указ царя Михаила Феодоровича 1626 года окольникову князю Григорию Константиновичу Волконскому о росписании улиц в Кремле и Китай-городе. Хранится в Архиве иностранных дел.

¹⁵ Эта лестница, составлявшая выход из терема на задний двор, открыта при исправлении каменных стен части терема при церкви Словущего Воскресения в 1840 году, и по представлению Московской дворцовой конторы его светлости князю Петру Ми-

хайловичу Волконскому государь император соизволил повелеть возобновить этот древний выход из терема, служащий историческим доводом причины, по которой Самозванец принужден был выброситься из окна против задней лестницы, по которой он надеялся спасти себя от преследования.

¹⁶ Рисунки, сообразные древним образцам, составлены академиком Солнцевым. За архитектора был Архит, помощник Герасимов.

¹⁷ Еще памятен некоторым находившийся на террасе под красным окном терема челобитный столб.

¹⁸ «Тояж весны (1508) князь великий Василий Иванович велел вокруг града Москвы ров делати, камением и кирпичем, и пруды чинити вкруг града Алевизу Фрязину». Лет. по сп. Никон. Ч. 6. Стр. 182.

¹⁹ *Аргамак* – татарск. слово – *верховой, породистый* конь.

²⁰ *Сытный двор* – от слова *сыта* и *соты медовья*.

²¹ В селе Преображенском также был театр.

²² Первое воскресенье после Святой недели.

²³ Никольская башня также была взорвана, но чудным образом не только уцелел образ Николая Чудотворца, находящийся над проездом, но как будто не чувствовал потрясения – даже стекло осталось цело и невредимо.

²⁴ Надпись под главою: «Изволением Св. Троицы, повелением Великого Госуд. Царя и В. К. Бориса Феодоровича всея России Самодержца, и сына его Благов. Вел. Госуд. Царевича Князя Феодора Борисовича всея России, храм совершен (т.е. кончен) и позлащен во второе лето Государства их 108 (1600) году».

²⁵ «Видяж Царь Борис такое Божие прогневание и повелел делати каменное дело многое, чтобы людем питатися и сделаша *каменные палаты большия на взрубе*, где были Царя Ивана хоромы». Эти каменные палаты, без сомнения, составляли памятные еще многим каменные палаты Бориса Годунова, стоявшие до начала этого столетия против келейного здания Чудова монастыря.

МОСКОВСКАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

Во время подготовки данного сборника мы использовали тексты нескольких взаимодополняющих изданий: «Московская

Оружейная палата. По высочайшему соизволению. Первое издание 1844 года» и «Московская Оружейная палата. Второе вновь составленное издание» (М.: В типографии Бахметова, 1860). Это первое научное исследование главной сокровищницы Кремля, составленное А. Ф. Вельтманом после вступления на пост заместителя директора Оружейной палаты, содержащее подробный текст с описью всей утвари. Отдельные фрагменты даны по коллективному труду: «Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению» (М.: В типографии Александра Семена, 1845–1853). Это фундаментальное исследование и описание Оружейной палаты в шести томах, где большая часть текста написана А. Ф. Вельтманом, дослужившимся до почетного поста директора главной сокровищницы Кремля. Из сотен страниц с красочными иллюстрациями выбраны вводные части и наиболее ценные фрагменты, подтвержденные его авторством. Примечания по номерным ссылкам принадлежат автору.

Вступление

Публикуется по: Московская Оружейная палата. Второе вновь составленное издание. М.: В типографии Бахметова, 1860. Примечания автора.

¹ Когда Володарь Ростиславич, князь перемышльский, в 1122 году взят был в плен Болеславом, королем польским, брат его Васялько, князь требовльский, выкупил его, заплатив 12 000 гривен (литр) серебра, и сверх того на 8000 гривен серебра дал 500 сосудов серебряных – блюд, чаш и кубков греческой работы (Длугош. Ист. Г. Р. Т. 2. Прим. 227).

² «Admiranda fuit multis Novogardia saeculis: Cui vix Roma suas aequaravit opes». (Новгород был достоин удивления из-за множества богатств: сам Рим почти равнялся ему по силам). De Rebus-publicis Hanseaticis. Ioh Ang. Werdenhagen. («О Ганзейских республиках» Иоганн Анг. Верденхаген.)

³ «Ostragard Rusziae, cuius Metropolis civites Chive, aemula sceptri Consetantinopolitani, clarissimum decus Graeciae». (Острагарт России, гражданами столицы которой являются хивы, венец скипетра Константинополя и прекраснейшее украшение Греции.) Adam Brem. Hist Eccles.

⁴ Дневник Самуила Маскевича, 1594–1621.

⁵ Эти ковчеги с мощами находятся ныне в ризнице Благовещенского собора.

⁶ Арх. Ор. пал.

⁷ Например: «По Государеву указу сделано два покровца в полк к боярам, к князю Якову Кудеветовичу Черкасскому с товарищи... (следует описание покровцов). Взята камка и тафта из казны мастерская палаты, а атлас купля портнова мастера Ивана Исаева, а дьяк со казенного двора; приказал записать постельничей Федор Михайлович Ртищев». – «Августа 6-го по Государеву указу велено сделать князь Яну емурлук, а на тот емурлук даны ему дороги рудожолты.... и проч..» «Февраля 31-го (1646) по Государеву цареву и великаго князя Алексия Михайловича всея Руси указу и по приказу казначея Богдана Минича Дубровского и по памяти за приписью дьяка Петра Арбенева в царицыну мастерскую палату полтора вершка тафты червчатой, два алтына полторы деньги; по фунту шелков, багровой да гвоздичной, по тридцати по шти алтын по четыре деньги фунт... и проч. – взял портной мастер Евдоким Козмин».

В кроильных книгах записывалось ежедневно шитье платья. «Марта в 4-й день (1658) скроены великому Государю ферези тафта червчата, а спод черева бельи; на пух полтора бобра, да под пух полотна аршин; завязки шелк зелень, кисти с золотом; длина им и ширина против его ж великого Государя ферязей – атлас жаркой цвет, что скроены февраля в 6-й день; тафты в кроень вышло полшеста аршина; взята тафта и испод и бобры с казенного двора... а завязки из казны мастерские палаты».

⁸ Название восточное – *зира*, *зерх*, *зерхлу*.

⁹ См. «Продолж. древ. вивлиофики».

¹⁰ «Октября в 4-й день (1727) его императорское величество указал в Москве в Оружейной палате и на Конюшенном и на Казенном дворах и в Мастерской палате все, что есть ныне налицо, велел ныне описать г. князю Одоевскому да стольнику Афанасию Савелову и при них секретарям и дьякам...» и проч. «Кн. описная» (1727).

¹¹ Эта галерея строилась за Казенной палатой, находившейся на пространстве между Архангельским и Благовещенским соборами, где в то время и хранились вещи; но собственно Оружейная па-

лата после пожара помещалась на время близ Потешного дворца, вероятно в бывших мастерских, где ныне Кавалерский корпус.

¹² В 1768 году, как видно из указов мастерской Оружейной палаты от 8 и 13 декабря, заказаны были деревянные фигуры под уцелевшие от пожара в 1737 году и исправленные железные даты, а также деревянная лошадь под железные конские латы.

¹³ Древн. Росс. Гос-ва. Отд. 1. Введение, стр. XXIV.

¹⁴ Гипотипозис. Фев. 12.

¹⁵ Истор. рассказы о древн. Велик. Новгорода. Стр. 39.

Царская образная

Публикуется по: Московская Оружейная палата. Второе вновь составленное издание. М.: В типографии Бахметова, 1860. Примечания автора.

¹ Древности Росс. Государства. Отд. 1. Введен, стр. XXIV.

² Гипотипозис. Фев. 12.

³ Истор. рассказы о древн. Велик. Новгорода. Стр. 39.

Древний чин царский

Публикуется по: Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению. М.: В типографии Александра Семена, 1845–1853. Примечания автора.

¹ Les premiers empereurs romains ne portaient point le diademe; Constantin le Grand fut le premier qui s'en para; il l'enrichit meme de pierreries, de perles et d'autres ornemens. «Первые римские императоры не носили диадем. Константин Великий был первым, кто украсил себя этим; он одевал также украшения с драгоценными камнями, бусы и прочие ювелирные изделия» (*фр.*). Millin. Dict. des beaux-arts.

² «И взяв Садок Иерей рог с елеем от скинии и помазав Соломона и вострубил трубою рожаною и возгласили все люди: Да здравствует царь Соломон» (Кн. Царств).

³ «В Персии Александр Великий принял обычай царей персидских и начал носить диадему (дигим), которую до того време-

ни не украшались еще македонские цари, и длинные одежды из пурпура» (Юстин. Кн. XII. Гл. III).

⁴ Диадема – царская повязка, украшенная драгоценными камнями, иначе тиара. Царская шапка, называемая персами *ки-дар*, обвита была синим полотном с белыми полосами (увяслом).

⁵ Причину названия далматской одежды вместо македонской составляет то, что во времена Константина Великого Македония была под владычеством римлян, а Далмация, заключая в себе прибрежную часть Македонии, сохраняла исконные обычаи и управлялась своими королями.

⁶ Монета, крестовики.

⁷ После Иоанна III не было примера *венчания сыновей при жизни*.

⁸ Во Франции наследственные религии хранились сначала во дворце, но со времени св. Людовика – в аббатстве Св. Дионисия. Западные императоры венчались на царство золотой наследственной короной Карла Великого, дарованной ему Папой Львом III вместе с мечом св. Петра, но Карл II, император и король Франции, последовал восточному обычаю и вместо римской тоги облекся в далматику и диадему.

⁹ Это облачение собственно и составляет государственное всеоружие – меч и щит. Папы даровали, сверх того, десницу правды и шпоры.

¹⁰ Gesch. v. Serwien und Bossnien. Ioh Christ. von Engel.

¹¹ «*Кой* (папа) с Кириллом посла три верстна кардинала (т.е. мудрого Гонория) и два друга, да га утверди в закону Божьему, и да га по обычаю римскому *посвете и округе*».

¹² Ист. гос. росс. Т. VIII. Прим. 163. Грамота Иосафа хранится между греческими делами в Архиве иностранных дел под №1, лист 175.

¹³ Писатели XVI и XVII века, Стриковский, Антоний Герера и швед Петрей, упоминают об этом с несообразностями историческими и хронологическими. Стриковский пишет, что Владимир Мономах покорил Кафу и победил в единоборстве воеводу генуэзского, снял с него золотую цепь, которая и хранится в сокровищнице великих князей под названием барм. Антоний Герера (XVI ст.) также пишет, что Владимир приобрел митру, ожерелье и скипетр победой кафинского консула. Петрей, шведский писатель, бывший в России и издававший «Московскую хронику» в 1620 году,

также слышал от русских, что царская одежда Мономаха привезена этим великим князем из Кафы, где он воевал с татарами.

¹⁴ Ист. гос. росс. Т. 3. Прим. 364. По Пушк. лет.

¹⁵ Хранящихся в Арх. Оруж. палаты.

¹⁶ См. «Записки Маскевича (Сказание современников о Дмитрии Самозванце)» и статью г. Вельтмана «О сохранности утварей царского чина во время бытности польских и литовских войск в Москве, в 1610–1612 гг.» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. Год третий. № 5. 1848).

¹⁷ Но поставление на княжение, во всяком случае, было событием торжественным, даже при монголах, если к этому случаю приезжали послы от ханов с грамотами. «Се приехала послы от Менгутемера царя сожать Ярослава с грамотою, Ченгу и Банши» (надпись на обороте грамоты новгородской 1263 года к в. к. Ярославу Ярославовичу Тверскому).

¹⁸ По Никон. списку. Этот чин, однако же, кажется, внесен в позднейшую летопись сокращенно с чина поставления на великокняжение вследствие слов прочих летописей: «Тоя же зимы, февраля в 4-й день, в неделю о мыtare, князь великий Иван Васильевич всея Руси, по благословию преосвященного Симона митрополита всея Руси и всего священного собора, благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское и всея Руси внука своего князя Дмитрия Ивановича. Бысть же посажение его в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы, якож и ныне обычаи есть поставления на великое княжение».

¹⁹ Некоторые из русских историков недоумевали о значении этого вторичного венчания и полагали, что оно было совершено собственно для принятия звания царя, как будто особенного высшего чина.

Царские шапки и короны

Публикуется по: Московская Оружейная палата. Второе вновь составленное издание. М.: В типографии Бахметова, 1860. Примечания автора.

¹ На которой носился животворящий крест.

² Русские великие князья, сообразно древнему уставу, при вступлении на престол писали духовные грамоты о наследии;

в Греции в обряд венчания входило избрание мрамора для сооружения себе памятника. По этой, может быть, причине и сохранились у нас двойные грамоты.

³ Название болгар собственно *белград* или *белогор*, по названию древних же городов на Волге – *Цареву городу и Черногору*, или *Чернограду*, по которому известны в летописи «черни болгары».

⁴ Gihan-Numa. «Народ болгары, живущие между Каспийским морем и Русью, имеет один язык и нравы с русами. Магометанскую веру он принял во времена Аббасидов». Якут-бен-Абдуллах упоминает, что князь славян болгарских отправил посольство к калифу Мувтедиру (из Аббасидов в начале XI ст.) с изъявлением желанья принять исламизм. Это время соответствует принятию христианства Владимиром Великим. Когда Святослав рушил преобладание иудаизма, подавившего сабеизм по Приволжью, а Владимир, изведав истину религий, принял христианство, неудивительно, что восточные болгары, за Волгой, предались могучему уже в Азии и в соседстве их магометанству.

⁵ Архив. Оруж. палаты. № 681.

⁶ Арх. Оруж. палаты. № 140.

⁷ Описание Большой казны 1682 года. Д. 20.

⁸ Арх. Оруж. палаты. № 163.

⁹ Арх. Оруж. палаты. № 189. Лист 141.

¹⁰ Вероятно, в. м. Вилларету (Gr. M. Foulques de Villaret), со времени которого учрежден девиз ордена: F.C.R.T. – «Fortitudo ejus Rhodum tenuit», т.е. «Его храбростью пробретен Родос».

¹¹ На Руси издревле известна *муравленая посуда*, или покрытая стеклянной поливой. Рим узнал искусство золотой чеканки, украшенной жемчугом и драгоценными камнями, резьбы камней, мусии (misticum, mosaicum), и искусство муравления (murra, maurra, murrina picta) со времени побед Помпея в Азии и покорения понтийского царства. См. Плиния, кн. XXXVII. Все эти искусства с незапамятных времен были развиты на Кавказе, и все, что говорится в сказаниях о произведениях, преимущественно, кажется, относится до Эфиопии Кавказской.

¹² Арх. Оруж. палаты. №220.

¹³ Арх. Оруж. палаты. Описание отпускуемым вещам с 1725 по 1728 год. № 189, лист 141 и проч.

¹⁴ В Арх. Оруж. палаты. № 081.

¹⁵ Арх. Оруж. палаты. № 220. Лист 46.

¹⁶ Арх. Оруж. палаты. № 681. Лист 36.

¹⁷ Арх. Оруж. палаты. № 150. Лист 205.

Царские места и престолы

Публикуется по: Московская Оружейная палата. Второе вновь составленное издание. М.: В типографии Бахметова, 1860. Примечания автора.

¹ В современной литературе и справочниках об Оружейной палате сей престол великого князя Иоанна III работы XV века называют «троном Ивана Грозного», или тронем, принадлежавшим Ивану Грозному. В действительности для Ивана Васильевича, жившего на два поколения позже, вскоре после его воцарения было сделано в 1551 году специальное царское место в Успенском соборе Московского кремля. Разумеется, это не ограничивало права царя всея Руси на кремлевские сокровища. – *Прим. сост.*

² Арх. Оруж. палаты. На корешке переплета 7195 года.

³ Арх. Оруж. палаты. № 164. Лист 264; Арх. Оруж. палаты. № 168. Лист 364.

⁴ Поставл. на царство ц. и в. к. Алексея Михайловича. Др. Рус. Вифл.

⁵ Арх. иностр. дел.

⁶ Арх. Оруж. палаты. Выписка из Арх. иностр. дел д. ст. сов. Собакина, 1763 года, о дарах, присылавшихся царям и великим князьям иностранными державами.

⁷ Арх. Оруж. палаты. № 155, лист 233.

⁸ Избрание решилось 16 мая, а величие обоих царей совершено 25 июня 1682 года.

Броня, оружие, знамена, кареты

Публикуется по: Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению. М.: В типографии Александра Семена, 1845–1853. Примечания автора.

¹ В «Слове о полку Игореве».

² *Кмет* – старейшина; в чешском значит: senior, optimatus, советник, соответственно comes, comle. Также значит *наездник*.

³ Замечательно, что у персов, которых древние собственные имена по большей части сходны со славянскими, существовал обычай – первую пищу младенцу-сыну влагать в уста отцовским оружием, с молитвой, чтобы он жил и положил жизнь на поле славы.

⁴ Обряд пострига должен быть исполнен в первый или третий год, согласно уставу закона Ману (Кн. 2, гл. 35). При этих постригах обрезывались волосы на голове и оставляли на макушке только чуб, или хохол.

⁵ См.: Лев Дьякон. История.

⁶ *Грунь* – скорая ходьба.

⁷ Константин Перфирогенет пишет, что русы часто просили так называемого текучего огня и потребных к оному труб, но им отказывали в этом, уверяя, что искусство делать этот огонь показано Константину Великому свыше, с тем, чтоб его употребляли только христиане. Однако же один греческий подкупленный полководец открыл некогда эту тайну одному языческому народу и за то был поражен небесным огнем. Лев Диакон называет текучий огонь мидийским.

В «Слове о полку Игореве» упоминается, что Карны и Желя при набегах на Русскую землю «смагу мычючи в пламян рознь» – разметывали смрад из пламенного рога.

⁸ В старину для переговоров торговых преимущественно посылались гости или купцы; это сословие в первоначальной Руси было чисто готское, и потому неудивительно, что в договорах встречаются по большей части имена скандинавские.

⁹ «Володимир же той нощи повел ся облещи в оружие».

¹⁰ Подпись на оружиях была в употреблении у индейцев, например «стрела победоносного Айю, сына Урвази и Пуруравы».

¹¹ Это драгоценное собрание древней азиатской и европейской брони и оружия срисовано членом С.-Петербургской академии художеств Рокштулем и издано под заглавием «Musee des armes Rares, anciennes et orientaler de Sa Majeste e'Emperuve detoutes Russie».

¹² *Lorum* – по гот. *lledr, lader* – кожа.

¹³ *Θώραξ* – кожа.

¹⁴ По-чешски *lata, plata, zaplata* значит *lacinia* – лата, запла-та, латанье; *latal* – латать. Лата значит также *решетина*.

¹⁵ «И показывал (Шах-Аббас послу в. к. Феодора Иоановича, князю Андрею Звенигородскому) шеломы и шапки и зерцалы булатные, навожены золотом, панцири и говорив: “то делают в нашем государстве, а булат хороший выходит к нам из Индийского государства, а панцири добрые из черкас”, и пожаловал князю Андрею зерцало».

¹⁶ Мишенью, или круглой бляхой, заделывались прострелы кольчуг.

¹⁷ «Да прислал бы еси, что в рати самому мне вздевать панцирь доброй с наручи и с наколенники и с рукавицами, и с тегиляем, и с шеломом, и с саблею» (Грамота. 1564 г. наг. кн. Исмаила). «Саблю добру, да доспех добрый, да шелом золотом наведен, да седло золотом писано» (Грамота. 1530. г. Юнус-Мурзы и т.д.).

¹⁸ Шапки монгольские, или калмыцкие.

¹⁹ «Куюк на червчатом бархате гвозди серебряные, набиты в шахмате». «Три куюка дощатых железных, набиты на зеленом бархате, гвозди медные, репейчатые, деланы по кафтанному».

²⁰ Это подтверждается и значением слова *cotte de mailles*: *cotte* (по слав. *кос*, по-русски – *коц*, *кожух*); *maille* значит: кружечик, мелкая монета и вообще все выбитое молотом. Из готич. названия брони *halsberga* образовалось франкское *haubergeon*, *haubert*.

²¹ «20 кольчуг с сеченым кольцом, немецких» (Опись, 1589 года пожиткам Бориса Феодоровича Годунова).

²² *Еловец* или *елов*. В описи пожитков Бориса Годунова упоминается после перьев страусовых разных цветов «елов тафта червчатая, кругом бахрома шелка лазорева с золотом».

²³ В «Слове о полку Игореве»: «А храбрые русичи преградиша (поля) черлеными щиты – лисицы брешут на черленые щиты. С вечера до света летят стрелы каленые».

²⁴ По-чешски *raweza*, по-гальски *ravois*, по-итал. *ravese*.

²⁵ Войско Святослава в это время было разделено по покоренным городам Булгарии, и разумеется, что городские, т.е. крепостные стрельцы, или гарнизоны, состояли из пехоты, тем более что, как видно из сказаний, рать Святослава, привезенная в Булгарию на кораблях, состояла преимущественно из пеших воинов.

²⁶ Ману. Кн. VII. § 90.

²⁷ В описях царской Оружейной казны и описи Годунова луки московского дела, упоминаемые мастера – Савин и Шнагин.

²⁸ Луки действительно нарезывались или наводились золотом, и тетива была шелковая: «лук Савина дела Деревягина, кибит писана по красной земле золотом, резные травы, кости буйволового».

²⁹ В описях упоминаются *стрельные мастера*, стрелы индийского дерева, тростяные, камышовые, кипарисовые, кедровые, березовые; перья белохвостцевые (орлово белохвост), беркутовые, орловые, лебязьи, павлиньи. В ушках действительно вставлялись драгоценные камни: «Двадцать стрел чипрасовых, ушки рыбий зуб (у иных слоновые), в ушках по два камешка бирюзы».

³⁰ Описание Тамары. Свищи упомянуты только в заглавии описи 1687 года. В описи упоминаются также калмыцкие стрелы «с двойными копы» и с широкими.

³¹ На севере в древности производством мечей особенно славился славянский город Любек. Любекские мечи известны были и во Франции и назывались там *espadon*, приняв это название от гот. *spatha*.

³² В описи Бориса Годунова: «Клевец турской с обушком, топорище крашено; на концах топорища кости». Название *клевец* сблиз. с лат. *clava*.

³³ По описи Бор. Феод. Годунова *булава* с каменным обухом называется *брусом*: «Брус аспиден, топорище железно позолочено, береста желта».

³⁴ Поражал неприятелей железной *булавой* (Leo. Diac.).

³⁵ Святослав употреблял их в Болгарии. См. Льва Диакона.

³⁶ *Прац*, или *праца* (*fronde*) – орудие, бросающее камни; по-сербски праца; по-чешски прака, по-польски прага.

³⁷ Удариху рани бубны громны,
Выразику звуки трубы гласны.

(Крал. рук.)

Бубны назывались также *котлами*.

³⁸ *Zbog*, *збор* по-чешски и вообще славянски значит собрание (приходское, сеймовое), приходскую братскую общину.

³⁹ Ai ta Kniez wiez prapor w mocnu ruku;
Za mnu, za mnu chrabro na Potani»

А и взял князь знамя в мощну руку,
«На врага за мной», – он кличет храбро (*чешск.*)

⁴⁰ Опись 1687 г. Лист 181.

⁴¹ «А се знамя (шитое золотом и серебром по алой тафте с изобр. Архангела Михаила и царя Давида, победившего Голиафа) сделано косынею. Длина по верхней кайме 2 аршина без 1 верш.; по нижней 2 арш.; шириной 1 ар. $\frac{1}{2}$ вер., бахрома, золото с шелком зеленым ветхо». Опись 1687 г. Лист 554.

Повозки, трофеи и разные вещи

Публикуется по: Московская Оружейная палата. Второе вновь составленное издание. М.: В типографии Бахметова, 1860. Добавлен фрагмент о повозках из: Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению. М.: В типографии Александра Семена, 1845–1853. Примечания автора.

¹ «Из чех и из угр серебро и кони». – Название «угорский конь» сохранилось в выражении «ухорский конь».

² *Коло* собств. значит *колесо*; отсюда различные названия: колышка – телега на двух колесах; колымага, по-чешски *kolimaħa*, – крытый воз; коляска (в Ирк. губ. значит: вообще телега); по-чешски *kolesa* – коляска.

³ «Опыт повеств. о древн. русских» (Ч. 1. Стр. 44). Посольство отправлено уже при Иакове I. В «Ист. Госуд. Росс.» сказано, что карету прислал король Иаков I при посольстве, извещавшем о вступлении на престол. Эта карета, присланная с послом Ричардом Ли, должна была поступить в Конюшенную казну в 1603 году, но в описи ошибкой показан 1625.

⁴ Древн. Росс. Госуд. Отд. 3. Рисун. № 133, 134.

⁵ Трость и карманные часы пожертвованы оценщиком Оружейной палаты, купцом Я. И. Радионовым.

Древняя столовая и домашняя утварь

Публикуется по: Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению. М.: В типографии Александра Семена, 1845–1853. Примечания автора.

¹ От слова *сытить* напитки.

² «*Монастырек* черенье рыбье, ножны зеленой набивной сафьян, наконечники, в нем ножик, пилка, трубочки оправ. серебром позолочены». «*Монастырек* хоз черн, оправлен серебром резным, позолоч, а в нем ножичек, пилка, трубка черенье рыбье да ложка сереб. золочена». «*Монастырек* клен бархатом осиновым, в нем ложка да вилки с черенками сереб. золочены с разными финифты». В иных, кроме ложек, ножен и пр. были размеры железные (масштабы), книжка костяная, книжка каменная (грифельная для записи).

³ «И устави (Владимир Великий) на дворе в граднице пир творити, приходити боярам своим и людям, и сотникам и десятским, и прочитым людям, при князе и без князя».

⁴ По сказаниям польских историков, когда Болеслав Храбрый (вспомоществовавший Святополку) в 1018 году вступил в столицу великокняжества, Киев был уже огромный город, славившийся богатством, торговлею, бесчисленным множеством жителей, великолепными зданиями, и заключал в себе 400 храмов и восемь рынков.

⁵ «*Се ни во что есть, лежит мертво*».

⁶ Столб, около которого на суживающихся кверху полках ставилась золотая и серебряная посуда, составлявшая поминки иностранных держав, с которыми Русь была в сношении.

⁷ «Опыт повествования о древностях русских» Г. Успенского. Стр. 67.

⁸ Дóлжно, однако же, заметить в отношении вилок, что они, как видно из малочисленности их в описях, считались таким же излишеством, как и у римлян, как и по сие время на Востоке. У римлян после каждого блюда подавали воду для омовения рук, в России серебряники и лохани служили для подобного же употребления.

⁹ *Домострой* (XVI века), «Глава XLIX: Как ключнику приказати о столовом обиходе, о поварне и о хлебне».

¹⁰ Грамота Тверского епископа Нида; в начале XVI века.

¹¹ Новгородская летопись. Стр. 142–143.

¹² В следующем, 1477, году Ганзеатическая контора Новгорода перенесена в Ревель (Ригу).

¹³ Из посуды кубки преимущественно употреблялись при поздравлениях и встречах с хлебом и солью: «И встретюша его (Бориса) за деревянным градом гости Московского государства и всех

городов Московского царствия, всенародное множество крестьян с подобающею царскою честью, с хлебы и с сольми, и с позлащенными кубки и с золотыми (ткани), и с иными царскими дары» (Грамм. Иова Патр. к Гермогену, митр. Казанск // Ист. Г. Р. Том XI. Прим.1).

¹⁴ Из нескольких списков оной напечатан древнейший из найденных, XVI столетия, во «Временнике Императорского Москов. Общества истории древностей русских. 1850. Книга 6).

¹⁵ Суп росольный с кнелью из икры и разных приправ.

¹⁶ В «Слове о Полку Игореве» (XII столетия): «И полете (Игорь князь) соколом над мглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обеду и ужину».

¹⁷ В Костромской губернии по сие время *левашами* называется пастила из ягод, делаемая тонко, наподобие блинов; в старину эти блинчики свертывались в трубы.

¹⁸ Корзинщики, которым поручались разносы в корзинах.

Архив Оружейной палаты

Публикуется по: Московская ОРУЖЕЙНАЯ палата. Второе вновь составленное издание. М.: В типографии Бахметова, 1860. Примечания автора.

¹ В это время, 1775 года, были из мастерской оружейной палаты: драгоценные образа (без упом. числа) взяты по отметке на украшение Успенского собора. Драгоценные кресты, осыпанные драгоц. камн. и жемчугом, ризы (в числе их, вероятно, и царские платна в одежды), разная утварь в сосуды – розданы по отметке в церкви. Весь огромный запас различных сукон (890 арш.), шелк. златотк. и простых материй (более 100 куск.) – розданы по отметке в церкви. 50 лучших конских уборов – вытреб. в Петербург и пр. и пр.

² Во время 1812 года существовавшие в казне остатки царской библиотеки и большая часть описей и книг разрядных, столовых, выходных – расхищены.

Описание нового Императорского дворца

Публикуется по: Описание нового Императорского дворца в Кремле Московском. Составлено А. Вельтманом, печатано по

Высочайшему соизволению. М.: В типографии Александра Семена. 1851.

Этот дворец строился 12 лет под личным контролем царя Николая I и при деятельном участии автора «Описания», когда он работал в Оружейной палате. Описание архитектуры и интерьера дворца, построенного по проекту К. А. Тона, продолжает серию иллюстрированных путеводителей А. Ф. Вельмана по Кремлю и значительно расширяет его обзор 1843 года. Оно включает 50 разделов.

Примечания автора.

¹ Эта модель хранится в Оружейной палате.

² Вправо из сеней – двери в коридоры отделений должностей и кладовых; влево от парадной лестницы – переход в кухни.

Должности, состоящие из трех отделений столовых приборов и припасов, разделяются стеклянными перегородками. При каждом отделении антресоли для придворных служителей. Кухонный коридор сообщается с буфетом. Кухня, устроенная в нижнем этаже, под Боярской площадкой, разделяется на два отделения – хлебное и поваренное. Стены выложены изразцами; топка скрыта за печной стеной. Механизм поварни и водопроводы расположены и устроены превосходно.

В подвалах устроены амосовские печи, нагревающие душниками все здание дворца.

³ Древний храм Балбека или Илиополя имел подобный же свод над святилищем в 200 футов длины с лестницей и 100 футов ширины с наружными галереями.

⁴ Предложение А. Ф. Вельмана, удостоившееся Высочайшего одобрения.

⁵ «Того же лета (1493) велел Князь Великий сносить церкви и дворы за Москвою-рекою против града и на тех местах повелел сад строить» (Временник).

⁶ Мейерберг. План Москвы.

⁷ Находится в Успенском соборе. О времени построения его см. статью г. Забелина в № 2 «Москва» за 1850 год.

⁸ См.: Ист. Рос. Госуд. Том. 9. Прим. 26: «В продол. царст. кн. Л. 492–495: “Того же месяца августа Царь и Великий Князь детям своим повелел делать двор особой на взрубке позади Набереж-

ной Большие Палаты, а на дворе их храм большой Сретение учи- ни ту протопопствие и к соборам причте».

⁹ Означенные латинскими буквами между лучами креста: «D. S. F. R. Domine Salvum Fac Regem» («Боже, царя храни»).

¹⁰ Подробное описание Оружейной палаты составит 2-ю часть описания дворца.

¹¹ Указ окольному князю Григорию Константиновичу Волконскому о расписании улиц в Кремле и Китай-городе. Хранится в Архиве иностранных дел.

¹² La Legende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur.

¹³ Рисунки, сообразные древним образцам, составлены академиком Ф. Г. Солнцевым. За архитектора был архитекторский помощник Герасимов.

¹⁴ Еще памятен некоторым находившийся на террасе под красным окном терема челобитный столб.

¹⁵ Превосходный рисунок золотой Царицыной палаты, исполненный академиком Ф. Г. Солнцевым и также отпечатанный красками, находится в издании «Древностей Российского государства».

Обновление храма Знамения Пресвятыя Богородицы

Публикуется по: Обновление храма Знамения Пресвятыя Богородицы в селе Дубровицах, основанного в 1690 году и освященного в 1704 году, в присутствии храмоздателя государя царя и великого князя Петра Алексеевича. М.: В типографии Александра Семена, на Софийской улице, 1850.

Написано А. Ф. Вельтманом в том же году. Его издание содержит гравюру с изображением обновленного храма. – *Прим. сост.*

¹ Сложной истории и необычной архитектуре храма Знамения Пресвятыя Богородицы посвящена книга Вячеслава Ерохина «Ключ к тайному храму. Историко-конспирологическое исследование» (Подольск: Информация, 2008, 240 стр). Оно содержит любопытные факты, иллюстрации и гипотезы о масонском происхождении этой церкви. Однако современный иссле-

дователь при написании своей работы не был знаком с очерком А. Ф. Вельтмана.

ЧАСТЬ 3. АНТИЧНОСТЬ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Начертание древней истории Бессарабии

Публикуется по: Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное Генерального штаба штабс-капитаном Вельтманом. М.: В типографии Семена Селивановского, 1828.

Ранний, но весьма обстоятельный труд А. Ф. Вельтмана об античной эпохе Причерноморья, где он в молодости служил в качестве «конновожатого» и военного картографа. Содержит обзор исторических сведений, а также выписки из античных и средневековых авторов, представляющие собой авторские конспекты и библиографию.

Раздел «Исторические выписки», который мы не включаем в текст А. Ф. Вельтмана, содержит следующие фрагменты: «1. Иппократ. О земле и жизни скифов; 2. Гр. Ян Потоцкий. О гетах, населивших левый берег Дуная после победы, одержанной Филиппом над скифским царем Атеем; 3. Трог-Помпей. Поход Филиппа в Скифию; 4. Арриан. Поход Александра против гетов; 5. Скимнус-Хиус. О р. Истре, рукавах ея и остр. Певце; 6. Арриан. Расстояние между устьями Дуная и городами, бывшими на Черном море; 7. Тацит. О устьях Дуная; 8. Аммиан-Марцэллин. О Дунае и устьях его; 9. Аммиан-Марцэллин. О острове Певце; 10. Скимнус-Хиус. О р. Тирасе; 11. Помпоний Мела. О Тирасе; 12. «Геогр.» Плиния. О Тирасе; 13. «Геогр.» Птоломея. О Тирасе; 14. Неиз. морепл. по Понт. Эвкс. Расстояния городов при Черном море; 15. Страбон. О жительстве гетов, тирагетов, бастарнов; 16. Тацит. О происхождении бастарнов; 17. Вопискус. О поселении бастарнов во Фракии; 18. Зосима. Флот герулов на реке Тира; 19. «Геогр.» Птоломея. Границы Дакии. Даногетия; 20. Сестренцевич-Богуш. О границах Дакии; 21. Плиний. Даки, бастарны; 22. Чертеж Певтингера. Бастарны, певцы, даки, геты, вены; 23. Аммиан-Марцэллин. О нашествии гуннов; 24. Ге-

огр. Равенский. Города, бывшие при Дунае, Черном море и пр.; 25. Выписка из “Дорожника” имп. Антонина; 26. Иорнанд. О славянах, населявших Бессарабию; 27. Менандр называет гетов славянами; 28. Малт-Брен. О жительстве славян.

Примечания автора.

¹ *Трозьми* – город, бывший около нынешнего Матчина; Эгиссус – Тульча. Мост, построенный Дарием чрез Дунай, вероятно, был близ теперешней крепости Исанчи.

² *Тирис* – Днестр.

³ Между рукавами Дуная теперь места болотисты и неудобны для жительства. По древним историкам, прежнее русло Дуная было по направлению реки Кара-су, и потому остров Певце составлял, может быть, пространство между Дунаем, морем и сею рекою, что довольно вероятно, если судить по положению р. Кара-су, которая разделяет совершенно горы предполагаемого острова Певце от отраслей хребта Балканского, и, если верить описанию Скимнуса-Хиуса, – равняющего величину острова Певце с Родосом.

⁴ *Inter mare nigrum. Istrum et Tiram, est solitudo Getica* («Между Черным морем, Истром и Тирой находится община гетов»). Strabo. Lib. VII, p.304.

⁵ По преданию Птоломея, имена многих мест в земле лигов и гетов или даков ясно обнаруживают *славянское* наречие. Мифология и черты более европейские, нежели азиатские. Поляков, богемцев, славян Венгрии и части России заставляют полагать, что геты или даки, бостарны, лиги, венеды и, может быть, еще некоторые другие древние народы есть действительные и единственные корни новейших славянских племен. (Малт-брен. Кн. XII. 232.)

⁶ *Борисфен* – Днепр.

⁷ Древние под имени *фракиан* разумели все народы, которые жили в горах и отраслях Гемоса, как то собственно называвшихся *фракиане, мизяне, геты* или *даки*. Сначала Фракия заключалась только между Дунаем на север и Егейским морем на юг, Понт-Евксинским морем на восток, племенами пеонскими на запад; но когда геты перешли Дунай и поселились в нынешней Валахии, Молдавии и части Венгрии, тогда страна гетов также называлась Задунайскою Фракией. (Барбье де Бокаж.)

⁸ Прут в древности назывался *Гиеразус*.

⁹ Страбон говорит, что *геты*, называемые римлянами *даками*, имели один язык с *фракиянами*, жившими на другой стороне Дуная.

¹⁰ При нынешнем местечке *Чернец*, что ниже Орсова.

¹¹ *Via Trajani* изображена на Сульцеровой карте Валахии. *Кантемир* говорит, что она простиралась от берегов Дуная до Прута и далее на восток по Южной России. Странно, что время сохранило следы ее только от Прута до озера Сасик.

¹² Жители называют Троянов вал просто *Траяном*.

¹³ Г. сочинитель книги «*Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie et particulièrement de la campagne de 1769*», как очевидец, с восторгом говорит про дела рук римских; вот исторические слова его в описании Бессарабии: «Одна замечательность, которую представляет нам край сей, есть канал Траяна, достойный памятник величия Рима и обширных его предприятий. – Сей повелитель, желая обеспечить римские области от набегов варваров, приказал соорудить ограду, которая начинаясь от Петервардейна, проходит Венгрию, горы Муркапу, или Железные ворота, Трансильванию, Валахию, Молдавию, Прут близ с. Траяна, р. Бошну близ Каушан, пространные степи Татарии и кончится близ Дона. – Стена обведена рвом или каналом, который по сие время глубиною до 18 футов». Не знаю, каким бы образом протянуть, хотя примерно, чрез сказанные земли направление вала и потом сказать: эта стена, которую Траян оградил владения свои от набегов варваров!

¹⁴ Некоторые новейшие писатели непременно хотят гетов отделить от даков, но никак не решаются сказать, что геты и даки не есть один народ, что их наречия различны, что обычаи и нравы их неодинаковы.

¹⁵ Так говорит Аммиан Марцелин и последователь преданий его г. Вилькинзон в описании Молдавии и Валахии. Ложность слов нетрудно доказать: Прут, впадая в Дунай, составляет почти продолговатие его. Почти параллельно сим рекам, верстах в 120, хребет Карпатских гор расстилается крутыми отрогами своими верст на 30 и более к югу и востоку. Горы сии, вероятно, построил не Аталарик, предводитель визиготов. Где же поместил он между Прутом и Дунаем стену свою и где следы ее?

¹⁶ «Дулеби же живяху по Бугу (др. Богу, Бубу), где ныне живут волыняне; а улицы (др. лутичи) тиверци приседяху ко Дунаеву, и бе множество их, седяху по Бугу и по Днестру Олии до моря, и суть города их и до сего дне, да то ея зовяху от грек Великая Скуфь» (Нестор).

¹⁷ *Лутичи*, или вильзы, долго жили при берегах днестровских около моря, в городах своих, бывших при переправах через реку. Впоследствии они удалились к Одеру, где также разделялись на четыре племени. Fr. hist. par le c-te Jean Potocky.

¹⁸ *Печенеги* жили прежде между реками Атель (Волга) и Геех (Яик) (Кон. Багр.).

¹⁹ Константин Багрянородный называет занятое им пространство Ателькусом и определяет реками Варухом, Кубой, Труллою, Прутом и Серетом. – Первая, должно быть, сокращенное название Борисфен, вторая – Буг; Трулл есть Днестр, ибо по-турецки называется он Турла (Шлецер). «Название Этель-кузу до сих пор тревожило ученых, но, мне кажется, оно есть новое доказательство, что язык печенегов был наречием татарским и что сии народы, пришедшие от р. Этель (Волги) к Дунаю, называли его малой Волгой, ибо слово *малый* по-татарски – *кузук*, по-турецки – *кучук*» (Изыск, о Сарматии графа Яна Потоцкого).

²⁰ Константин Багрянородный в описании торговли россиян с греками говорит, что купцы российские, отправляясь в Константинополь на судах, при днепровских порогах всегда останавливаемы были хищными печенегами, которых и должны были отражать силою. Проехав пороги и спустившись в море, они не встречали никакой опасности до р. Сулины (гирло Сулинское, рукав Дуная), где, если корабли их прибывало ветром к берегу, должны были они снова иметь дело с печенегами.

²¹ Там (в Малой Скифии) есть замечательная равнина, называемая Сто Могил. Это холмы, под которыми находили четвероугольные покои. Полагают, что они служили гробницами скифов, которые обитали в сих местах во время Геродота; они называли землю свою Малой Скифией. Сии подземелья, называемые печенегами янчо-крак, а русскими – древние кладбища, или Сто Могил, были разрушены различными народами, которые впоследствии жили в сих местах. Печенеги скрывали в них свою добычу (Изыскания о происхождении славян и сарматов

Станислава Сестренцевича Богуша. Гл. XXI; Меер. Описание Очаковской земли).

²² Природные жители части Дакии между Карпатскими горами и Дунаем, смешавшись с римлянами-поселенцами, приняли также название *римлян* (румунис), отчего впоследствии славянские соседние народы называли их *валахами*, т.е. латынцами, ибо их до сих пор слово *влах* или *лах* на языках болгарском, сербском и кроатском имеет сие значение. С того времени земля сия стала носить имя царя румуныска (Римская область), населявшие же ее потом славяне сохранили то же значение в названии Влахия, а возвратившиеся природные жители не изменили привычного имени.

²³ Местечко Сорока называлось прежде Ольхионией (Olchionia). Прокопий говорит, что в Скифии была крепость Улчитон, которая славянам служила прибежищем и откуда они делали набеги на проходящих народов.

²⁴ Крепость Бендеры называлась Тигин до выдачи оной молдавским князем Геро туркам.

²⁵ Акерман.

²⁶ *Бан* по-молдовански значит *дань, подать*.

²⁷ Кантемир называет его самозванцем, принявшим фамилию Бассарабов; но это, вероятно, говорит он по давней фамильной ненависти к нему Бассарабов и Кантемиров.

²⁸ Жители ее и вообще молдаване называют оную *Бассараба*.

Место ссылки Овидия Назона

Публикуется по: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. Дон. Часть 1. М., 1866.

Описание античной Скифии, куда был сослан знаменитый римский поэт, один из кумиров А. С. Пушкина. Содержит много исторических фактов и философских размышлений.

Примечания автора.

¹ Nisard, professeur d'éloquence Latine («Низар, профессор латинского красноречия» (*фр.*) в предисловии к изданию Овидия

приводит различные мнения о местности Томи – в Томисваре, в Булгарии, в Киеве на Днепре и в Сабарии. За ним следует надпись, та же самая, которую мы представим ниже. Но дело в том, что упоминаемый Низаром Bruschius (Gaspar), писавший будто бы в 1508 году, родился 19 августа 1518 года.

² Пропилеи. Изд. г. проф. Леонтьева. Т. IV. Стр. 255–309.

³ Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. I.

⁴ Это Овидиево озеро **La Motray, более счастливый в поисках**, нашел гораздо ближе к предполагаемому месту изгнания Овидия. Г. Беккер почерпнул из путешествия его сведение, что озеро, лежащее между Бабою (Бабадагом) и Кюстенджи, называется не по-турецки и ныне еще Овидиевым озером. Но между Кюстенджи и Бабой по взморью много озер – однако же не Овидиевых; влево же от дороги – озеро Карасу, а не по-турецки – озеро Черноводы. В этом-то названии, вероятно, и нашел La Motray имя Овидия.

⁵ Кстати, независимо от моего посещения этого озера я нахожу его и на семитопографической карте театра войны 1828–1829 годов. Выше и правее Гура-Роша означено озеро Дувывово.

⁶ Азак есть татарское и турецкое название Азова; бахрель-Хазар и Хазак-деигис – Казарское море, Казачье море; так называли магометанские писатели безразлично то Азовское, то Каспийское море.

⁷ Крепость *Кюстенджи* составляет приморскую оконечность вала, или линии укреплений, со стороны Фракии, от озера Черноводы, и можно полагать, что здесь было укрепление, построенное вместе с валом в то время, когда римляне, покорив Македонию, овладели и Фракией.

⁸ Описание мисийских епископий.

⁹ Помпоний Мела не упоминает о Томи. Исаак Воссий в примечаниях к «Периплу Понта» исправляет Помпония и вставляет в текст его Томос для географического порядка и верного чтения.

¹⁰ Составленной с инструментальных и военных съемок при Воен. топогр. депо карте в 1853 году мерой 10 верст в дюйме. Мера 7 стадий в 1-й версте сходится и с расстояниями Страбона. От Кианей, т.е. от пролива Константинопольского, он считает 1500 стадий до Апполонин (на полуострове, следовательно, до нынешнего Сизополя). По мере от пролива до Сизополя 1400 ста-

дий (200 верст). От Апполонии до Каллатиса, по Страбону, 1300 стадий. По мере от Сизополя до Мангалии (предп. Каллатис, Калантра) – 190 верст, или 1330 стадий.

¹¹ По Помпонию, после portus Caria следует Tritonice (по Tabula Peutingeriana Stratonice), потом Calatis, соответствующий Кюстенджи, которого название образовалось собственно от Constantia. У Птоломея порядок иной: после Одиссы следует Триүтриа ѓхра, потом Дионисополис, Каллатиа, Томи (Тѳмос), Истрополь. По Плинию: Одессус, Дионисополь, Бизон, Гераклея, Калатис, Томос, Истрополь.

¹² Florus. L. IV, 12.

¹³ Константин говорит: «К северу река Днепр, откуда россы ходят через Черную Булгарию и Хазарию в Сирию». В договоре с Игорем императоры Роман, Стефан и Константин Багр. выговорили, чтоб великий князь русский не допускал черных болгар воевать на Корсунь. См. Imperium Orientale, Domni Ans. Banduri. Const. Porphirog. De Adm. Imp. Cap. 42, и приложенную карту Делилл.

¹⁴ *Донье* – низовье, низ, дно; по-сербски – *доньи*. Это слово, как и низовье, относилось по преимуществу к устьям, где и была и *тоня* – рыболовное место реки.

¹⁵ «Есть другой Танаис, который протекает из гор Кринских и впадает в Балтийское море». Иорнанд, еписк. Равенский. Выписка гр. Потоцкого. Кн. ХХХIII. Гл.V. Это *Донье*, или *Двина*, составляла торговый путь, имея общие истоки с Волгой. Северная Двина, сообщающаяся верховьями посредством волока с Камой, без сомнения, называлась также *Доньем*. **Guilliemo Stuckio** в примечаниях к Арриянову «Периплу» говорит, что реку Двину (Duna) называли также Дунаем (Danubius).

¹⁶ Скилакс говорит: «За Танаисом, в Азии, начинается область савроматов, и первый народ на Понте есть савроматы. Савроматы же есть народ, управляющийся женами». Мы уже изложили (см. «Аттила»), как родились в греческих сказаниях эти жены-правительницы и амазонки.

¹⁷ Явное доказательство, что жители называли низовье всех рек *доньем*. Название *донье* низовья при устьях рек независимо было от прозвища рек: так, например, река Днестр есть собственно Стрый, как она и называется в верховьях; устье же и лиман, или низовье, вероятно, называлось *Донье Стрия*, откуда

иноземцы прозвали *Danastris*, точно так же и *Danapris* мог получить название от Донья прагов, порогов.

¹⁸ Изидор, как и прочие историки гофов – Иорнанд, Прокопий Кесарийский, – писали без отчета вместо скифы – гофы.

¹⁹ Не лишним еще считаю повторения, что у эллинов общее название арийских племен по вере – *савии*, *савиане*, *савеи*, славяне – обратилось в *скифов*, по-гофскому произношению *skuafa*, *sklava*, по азиатскому – *сакалаб*, *склаб*. Сколько можно сообразить, название *sarmat* придонского древнего казачества имело в основании прибрежный народ меотиды, *sabiri*, *serbi* со столицей *Serberion*, по-греч. *Киммерион*. Народное название *Сербадия* (Сербия), как и в Полабской, Прибалтийской Сербии, *Sermende* (*Sarmaten land*), *Serbetium*, *Sermunti*, преобразовалось у гефов кавказских и у греков в Сарматия.

²⁰ Из древних названий образовались новые: *Кахетия*, *Иберия*. Во всяком случае, нельзя смешивать коренных кавказских туземцев с гербами, водворившимися в городах и овладевшими торговлей, промыслом, богатством страны, силами народа, а часто и верховной властью.

²¹ Опис. музея кн. Кочубея г. Кене. Т. II. Стр. 356.

²² Strab. L. VII. p. 304.

²³ Явная поправка – *litus* вместо *latus*, потому что не *Litus Ponti* носил название, а *Latus Ponti*, т.е. пространство моря.

²⁴ См. Низар и *Lenaire*.

²⁵ От *Σύμπλεξις* – сцепление, связь, соединение; *symplegma* – группа скульптурная.

²⁶ Plin. L. IV, 27.

²⁷ *Диоскурия*. Знаменитый в древности город *Колхиды* на границах синдийских племен Кавказа, посвященный Диоскурам – близнецам Тиндаридам – Кастору и Поллуксу, хранителям мореходцев. Почитание диоскуров на восточном берегу Понта очень древнее и имеет связь с мифом об аргонавтах. По Помпонию Меле, диоскуры, т.е. поклонение диоскурам (по замеч. А. Rossi, луне и солнцу) перенесено аргонавтами; по Арриану, Диоскурию основали милеты. Эмблемы созвездия близнецов (шлемы, или шапки, у которых вместо пловца звезды), кроме монет Диоскурии встречаются на монетах Оливии Савийской, Панतिकопеи и Томи. (Музей кн. Кочубея Б. Кене).

²⁸ «Это те Кианеи, – пишет составитель «Перипла» по Скимну, – которые, по сказанию поэтов, в древности были плавучими островами; через них первый прошел корабль Арго, на котором Язон прибыл в Колхиду. От Кианей до храма Διός Ούριου при устье Понта 40 стадий». Нет сомнения, что вместо Διός Ούριου следует читать Διόσχοιου. Геродот (кн. IV, 85) говорит, что при азиатских Кианеях был храм, близ коего сидел Дарий и обозревал Понт. Можно поручиться, что Miletida есть поправка корректора вместо Maetida. **Поселение ахеев было на Синдийском полуострове.** Некоторые называют его и островом. Упоминание Овидия об острове, на котором боготворят Тандаридов, затрудняло переводчиков. Но как мы упомянули, близ азийских Кианей был храм Διόσχοιου.

²⁹ Идти открытым морем, плыть в открытое море; но г. Lemaire изменяет – идти не в открытое море, а через теснины Симплегад, хотя, по Страбону, европейские Кианеи от азиатских в расстоянии 20 стадий (3 версты). Замечательно, что, по ученым переводам, от Кианей идут не два пути, а идут два корабля, и оба в Томи. Lemaire, исправив Овидия, отправляет один корабль через теснины Симплегад, а другой по водам Вистонии (берег Фракии между Салмодессой и Аполлонией); но ведь и корабль, следующий набережными Вистонии, не мог миновать теснин симплегадских? Для чего же надо было вносить теснины в текст?

³⁰ «По сие время, – пишет Страбон, – во Фракии существует народ виенны. Весь берег от Аполлонии до Кианей, на расстоянии 1500 стадий (214 верст), называется Финийским». Этот берег и называет Овидий Bistonias aquas.

³¹ Путь прямо через море, от одного Босфора к другому, был втрое ближе и, вероятно, безопаснее, нежели окружение по восточным набережным.

³² Не допуская и мысли, чтоб Овидий мог отправляться на восточный берег моря, элегия становится совершенно непонятна, и переводчикам, чтоб дать какой-нибудь смысл темноты, приходится заменять два пути двумя кораблями, а в заключение пересадить Овидия на третий, для поездки вследствие догадок.

Здесь не место объяснять странное предположение о пересадке Овидия с корабля на корабль, чего нет в оригинале; но объяснение необходимо. Вся элегия состоит из 50 стихов; 14 на-

чальных посвящены описанию достоинства, быстроты и крепости корабля «*Минерва*», на котором везли Овидия. Поэт называет его вожатым и верным спутником своего поспешного изгнания, покровительствуемым Палладой и проникающим невредимо сквозь волны, вздымаемые бурями (описание бури, элегия вторая). «О, молю, чтоб он столь же сохранно проник через огромные челюсти Понта и достиг берегов Гетского моря».

Видеть ли это горячее вступление к тому, чтоб в следующих восьми стихах менять равнодушно своего надежного и верного спутника? И где же эта мена? Спокойно проезжая мимо эфлийских берегов и города Гектора (Трои), корабль своротил с пути через Геллеспонт к острову Имбросу и прибыл к острову Самофракия.

Низар, так же как **Burmam, Heinsius, Lemaire и другие**, читает Темруга и полагает, что это город близ Троянополя (на реке Марице), известный по дорожнику Autouppa под названием Темругум (Timrogum). Ливий (кн. 38, гл. 41) также упоминает о непроходимых ущельях Темпиры близ храма Апполона Церпитского на реке Гебре (Марице). Но по fragmenta 48 (VII кн. Страбона, G. Kramer), Темруга есть замок Самофракии.

На этой набережной, без сомнения, были места ссылки на рукописи. На о. Фазе были золотые копи, а в соседстве по реке Нессе, в Бистонии, – золотые прииски. Но, во всяком случае, смысл стихов следующий: «Отсюда переезд недалек для следующих в Темпирю; корабль следовал туда со своим хозяином (корабельщиком). Но так как мне не суждено было влачить стопы по полям Бистонии, то он взял обратный путь через Геллеспонт».

³³ Trist. L. III, El. 4.

³⁴ Trist. L. III, El. 12.

³⁵ Pont. Ep. X.

³⁶ Иностр. текст.

³⁷ Trist. V, El. X.

³⁸ Trist. L. III, El. 12. Название Вóстторос – Воловий переезд и относится собственно к Донскому проливу в зимнее время.

³⁹ В продолжение нескольких лет мне редко случалось испытывать стужу в этих странах, где в марте все покрыто зеленью, с ноября же по март можно скорее назвать осенним, нежели зимним временем.

⁴⁰ L. IV. с. 4.

⁴¹ Воссий, однако же, не знает гетов и сигипяов кавказских. Остров Сигипявах упоминает и Геродот и Страбон.

⁴² Trist. L. II.

⁴³ Ptol. L. III. Cap. 5.

⁴⁴ Plin. IV. 25.

⁴⁵ Ptol. L. III. Cap. 5.

⁴⁶ Trist. L. III, El. X.

⁴⁷ Plin. L. VI. 18, Cl. Ptol. Geog. L. III. Cap. XI.

⁴⁸ Trist. L. II.

⁴⁹ После покорения Македонии, за 150 лет до Р.Х., Фракия была уже подвластна Риму. С лишком за 100 лет все непокоренные племена или вытеснены, или подавлены.

⁵⁰ Plin. L. VII. 27. Смотри также в Апияне Александрийском победы и трофеи Помпея.

⁵¹ Pont. L. I. Ep. 2. «Diana Orestea» от Ὀρέστης – горный. В Овидии она называется также Diana Trivia – Трехпутная.

⁵² Эта эллинская басня образовалась из преданий о людских и конских жертвах, приносимых Вишну-Светавасе – светоконному или белоконному, у славян Световиду.

⁵³ Pont. L. I. Ep. 4.

⁵⁴ Г. Беккер («ПроPILEИ» Г. Леонтьева) после этих стихов замечает: «Как мало, однако, удовлетворяет Овидия такое совершенно произвольное словопроизводство, видно уже из того, что он сам в другом месте основание упомянутой колонии приписывает Тому». В выноске это другое место означено в: Trist. L. 10. 41. Но ни в этой 10 элегии, ни в других Тома, основателя Томи, мы не нашли; это сведение, без сомнения, принадлежит какому-нибудь особенному, исключительному кодексу Овидия. Что касается до того, удовлетворился ли он словопроизводством от Τομή, то, напротив, он подтверждает его (Trist. L. III, El. 9) **легендой об Абсирте**, изрубленном на части Медеей.

⁵⁵ *Миния (Minyeus)*, впоследствии Архомена, в Фессалии.

⁵⁶ Во время похода Язона ахейне-феиоты, пришедшие с ним, поселились на этой набережной Понта (Strab. L. XI. p. 495).

⁵⁷ На этом основании тот же рассказ привязался и к островам Апсиртидам на Адриатическом море: «Вдоль этих берегов между прочими островами есть Апсиртиды, где, по рассказам,

Медея убила будто бы преследовавшего ее брата, Апсирта» (Страб. L. VII). Применение рассказа и здесь имеет в основе смешение Дона с Дунаем (Истром), а Истра – с Истрией. По географической поэме Скимна, два рукава Истра впадают в Адриатическое море, как два рукава Дона на Метиду. Для эллинических купцов-историков этого достаточно было, чтоб назвать острова против р. Тиманы (Plin. L. III. 30) Апсиртидами и перенести сюда любопытный колхидский рассказ. При реке Тимаве был и храм Диомеда – Тимавон. По Скилаксу Кариандрскому, «за знетами народ истры и реки Истр».

⁵⁸ По Плинию, *suani* (L. VI. 4). Через их землю течет с вершин Кавказа река Кобусь (Cobus). В той же главе *sanni-heniocchi* и рядом устье реки Апсары и замок. С появлением названия гуннов название *ἡνίοχοι* исчезает.

⁵⁹ У Плиния *melanshlaeni* (по Герод.), т.е. мингрелы.

⁶⁰ У Арриана заменяются уже ахеяне, существующие еще в географических сведениях Плиния. Соседи их санниги заменяют уже синдов. У Плиния – и те и другие.

⁶¹ Собственно *Sivas*, а по церковным историкам – *Σάβα* черноморских индов, или синдов.

⁶² «Перипл Понта Евксинского» считает расстояния от храма *Διός Ούριου*, находившегося близ Кианей Азийских, до устья Меотиды: «говорят, что переезд вдоль европейских берегов равен переезду вдоль азийских».

⁶³ У Арриана в 380 стадиях от устья Тамиракского лимана неопределенная местность *ήβνας*.

⁶⁴ Арриан называет их скифскими ахеянами.

⁶⁵ В переводе Низара *Les Coure – Teles*. Если бы было греческое прозвище, а не искаженное название, сам Плиний объяснил бы его. Это искажение такое же, как название мингрелов по Геродоту и Плинию *melanchlaeni* (черноризы), по Арриану – *μαχελόων*, по Страбону – длиннородые.

⁶⁶ Pont. L. II. Ep. 9.

⁶⁷ Kong (kuning), kahan.

⁶⁸ Mythibus.

⁶⁹ Ann. L. II, § 64.

⁷⁰ Фракия в это время разделена была по племенам на 50 воеводств и управлялась ими (Plin. L. IV, 18).

⁷¹ Ann. L. II, 65.

⁷² Как известно, все походы *скифов* (славяно-русов) на Римскую империю за нарушение договоров предпринимались всегда с наступлением весны, на кораблях. Здесь говорится о частных набегах сармат-граничар, которые более рассчитывали на оплошность римской пограничной стражи и на удальство, нежели на замерзание Дуная.

⁷³ Каганом Понтийского царства. По найденной монете в Эолии, он был верховным жрецом и в этой стране (Опис. музея кн. Кочубея г. Кене. Т. II. 174). По Страбону, Полемон преобладал до Танаиса и за восстание танаитов разорил их город и вскоре был убит в стране аспургов.

⁷⁴ Regia Soythia Sendica; по Геродоту, Индия Кавказская; по церковной истории – Индия внутренняя – ἐνδοτάτοι Ἰνδοί, или Σάβοι.

⁷⁵ L. XI. 499.

⁷⁶ Избранные места из географии Страбона или сокращение.

⁷⁷ В географии Страбона вместо *варвары* исчислены фракияне, иллирийцы, епироты, а вместо скифы-славяне – варвары.

⁷⁸ L. VI, 7.

⁷⁹ Частное название живших по реке Инду или Синду, перешедшее у персов в общее название арийцев-савиан – гинду.

⁸⁰ Г. Бек в «Corp. Inscript. Graec.» догадывался, что *меотические* сарматы есть те же σατταίοι и те же σίβοι, по которым названа и Ὀλβία Σάβια. Замечательно, что до сих пор насчет древних славян и русов допускаются только догадки, подлежащие еще сомнению, а замечательнее всего то, что по части истории мы не только не зазнаемся, но и не хотим знать себя.

⁸¹ «Двенадцатая фема – Херсон» («Δωδέκατην θέμα – Χερσῶνος»).

⁸² Т. II, стр. 196.

⁸³ Считаю не излишним изложить здесь предположение в отношении аспургов или аспургиан. Они известны были только Страбону, вероятно, по словам готов, как поселенцы между греческим городом Фанагорией и Горгиппой (название искаженное), столицей синдов. Они, следовательно, пришельцы со времени Полемона, покорившего г. Танаис, который, как увидим впоследствии, и был этой столицей. Промышленные готы и каганы их

не могли бы здесь держаться без населения каких-нибудь воинственных прозелитов. Эти прозелиты, должно полагать, были асы (яссы) и торки. Ясский торг или город был Астрахань. По Рубруквису, при устьях Волги. Готское название его, сообразное туземному, **Asgard**, а сообразное греческому – **Aspurg**. Припомним Asgard готских северных преданий, откуда Один (собств. *gudin* – жрец), *Gurге* Фридульфзон, каган (*kong*) азов и торков, перешел с частью народа на север во время повсеместного преследования иудеев и халдеев-магов имп. Траяном, около начала II века. «*Gurге* правительствовал тогда как верховный жрец и полагатель воли богов над асами, готским народом, по происхождению и языку обитавшим между Танаисом, Кавказом и Каспийским морем, к которому причислялись и торки» (Ист. Швец. Далина). Следуя через великую Словению, они пришли в Приморскую Русь, «когда торки и асы пришли в северные страны, по северным набережным жили русы». «Эти асы брали за сыновей своих дочерей туземцев, так что их род в короткое время распространился до Саксонии и по всему северу, и язык их стал общим в этих странах» (*Edda Island.*, cap.III).

⁸⁴ *Florus*.

⁸⁵ Страбон (L. VII, 321) упоминает Евмолпа в числе колонизаторов египетской и халдейской пропаганды – Нелопса, Даная, Кадма и пр.

⁸⁶ Иорнанд в «Истории готов» заменяет название *kong* или *soben* латинским толкованием.

⁸⁷ *Strab. L. XX. P. 557*.

⁸⁸ Иорнанд «История готов».

⁸⁹ Дион упоминает, что даки, или готы дунайские, – переселенцы из Родопии.

⁹⁰ **Dacia** есть римское название, а потому не Дакия, как писали греки; жители не даки, а *dauciones*, как называет их Птоломей.

⁹¹ См. перевод Тацита о германах по своду кодексов в соч. «Индо-германы, или сайване»: родоначальник свевов, т.е. савиан, **Viston** или **Viscon**. Прежде вместо этого имени, по позднейшим ошибочным спискам, читали *Tuiscon*, который и принял в толкованиях значение родоначальника дациан. При этих соображениях объясняется, что и в Таците вместо *Maniut* следует читать **Martem**. Это подтверждается в IX главе, что свены приносят жертвы Геркулесу и Марсу. Тацит понял превратно. Хари –

воплощение Вишну (Арей, Геркулес, Юрий); а Вишну – законодатель, божество победы.

⁹² Pontii Euxini Periplus. Положим, что это явная описка; но на подобных описках, при вере только в букву, строятся целые исторические положения, как, например, приурочение древних германов, славян к новым германам-дацианам, по опискам Tuiscon. Hertha etc.

⁹³ Pontii Euxini et Maeot. Periplus.

⁹⁴ См. исчисление славянских племен Германии в географе, прозв. Баварским (около VII века) и землеописание Альфреда.

⁹⁵ Кубань, называвшаяся также Ὑπανις.

⁹⁶ При Босфоре образуются два мыса полуостровами. Со стороны Тавриды – Керченский, называвшийся малым Херсонесом (полуостровом), а с азиатской стороны – Таманский.

⁹⁷ Scymni Chil Periplus.

⁹⁸ Отбрасывая частицу μέν, заменяя ἤν посредством ἐν и изменяя род, это переводят: «Томи – поселение милетян; окрест его обитают скифы». Мы полагаем, что, оставляя все в своем виде, следует переводить: «Таким образом, милетское томейское поселение было посреди населения скифов». Под этим населением, кажется, должно подразумевать ахеян, которые и назывались скифы-ахеяне, или эллино-скифы.

⁹⁹ Pontii Eux. Periplus.

¹⁰⁰ Al. Polyhistor.

¹⁰¹ Strab. L. VII. P. 307.

¹⁰² Ахиллеон с храмом Ахилла, по словам Бека, основан теми же милетами, как и Ахиллеон, упоминаемый Плинием, невдалеке от Сигеи. Но, кажется, вернее предполагать, что Ахиллеон построен ахилловыми феиотами-ахеянами, которые поселились тут после Троянской войны и приняли обычаи скифов, т.е. Черноморской Руси.

¹⁰³ «В 20 стадиях от Киммерион к северу г. Ахиллеон, где находится храм Ахилла. Здесь пролив сужается до 20 стадий» (Страбон. книга XI, стр. 494).

¹⁰⁴ «Фанагория и Киши (сады) находятся на острове, о котором упомянуто» (книга XI, стр. 495). «Все эти города – Киши, Ермонасса, Фанагория – на острове, образуемом морем, Меотидой и реками (Кубанью)» (Скимн. Хиосский).

¹⁰⁵ По Плинию, Carcine. Находимые монеты с надписями «KIRKI», «KERKINOC» г. Фридендер признает керкипитскими. По замечанию г. Кене, стиль их принадлежит Тавриде.

¹⁰⁶ Τάριοι – читают τάρριοι, полагая, что это жители Тάφρος – вала и рва, ограждающего полуостров (Таврический или Таманский); но отчего же не τάριοι, жители полуострова Тамираки?

¹⁰⁷ Plin. VI, 6.

¹⁰⁸ По чтению Io. Guilielmo Stuckio – Temeriada. Arriani Periplum. Scholia in Periplum Ponti Euxini.

¹⁰⁹ В народных песнях Дон безразличен с Дунаем.

¹¹⁰ Толкователи считали тут Индию не у места и определили печатать Σχιθιχής (разумеется, не принимая этого названия за синоним), но примирились на Σινδιχής. Is. Vossii notae in Seil. Cariand. Periplum, 1639.

¹¹¹ «Ὁ Ἴνδος ποταμός, τούτέστιν ὁ Φεισῶν» – река Инд, т.е. Фейсон (Cosmas).

¹¹² Азиатское название – Шиф – *Сива* было основой названию σχύθοι, которых как азиаты называли также *шаби*, sabioun, так и эллины – σάβιοι, σουήβοι, σουήβων.

¹¹³ Не поддаваясь проискам пропаганды гебров посредством брачных союзов с княжескими родами, скифы навлекли и гнев кагана Дара, который, по Трогу Помпею, поднял на них войну за отказ скифского царя отдать за него дочь свою.

¹¹⁴ Персидское название гынду-сафет – *белые инды*, в противоположность названию siah-hend – черные, или восточные инды, о которых Геродот говорит, что они не были подвластны Дарию, – переобразованы греками в белые гунны.

¹¹⁵ «Апостол Матфей проповедовал Евангелие в Эфиопии, апостол Варфоломей – в Индии внутренней» (Сократ).

¹¹⁶ В XII кн., 548. κερχίται; они же и атптаίται, называвшиеся в древности керкитами.

¹¹⁷ L. XI.

¹¹⁸ Писание двояко; по кодексу моск. патриарш. ризницы Γοργυπτίας. По Стефану Визант., который, без сомнения, почерпал сведения о Горгиипии из Страбона.

¹¹⁹ Положение Пантикапеи при самом входе в Босфор из Черного моря, на противоположной азиатской стороне Киммерийон, также при самом входе: «Значительнейший из городов при

самом входе в Босфор – Пантикапея, от Киммериона за проливом в 2500 стопах. Здесь ширину пролива намеряли нередко шагами по льду».

¹²⁰ Нет сомнения, что сторожевые укрепления по Босфору и по Меотиде, которые Страбон называет εχθραὶ κλαζομενίων, были не что иное, как вестовые замки мытной стражи. Греч. глагол *закрывать, подавать голос* соответствует словам *ключ* и *ключ*. Очень может быть, что мытные дворы и были основанием для прозвища Μαίωται, однозначительного с Τοῦραι.

¹²¹ Славянское название *торг* сохранилось в Молдавии и Валахии: *тырг* – город; *тырговешти* – *торговище*, торжище. Готы также усвоили это название: *torg* – *forum*, в татарском образовании – *тура*.

¹²² Г. Кене, в опис. музея. кн. Кочубея (Т. 1, стр. 238) говорит, что о Таматархе упоминается еще в 703 году, при Юстиниане II.

¹²³ Вероятный смысл: округ Таматарханский отделяется от Зихии рекой.

¹²⁴ *Мугульских*, а не монгольских; по-перс. махуль, по-тат. мугли, значит маги – гебры, как они и называли себя по вере.

¹²⁵ *Кусха* или *кушха* – прозвище племени адиге, как и *косог*, значит *козак* и однозначительно с *козар*.

¹²⁶ В городе яссов при устье Волги, упоминает Рубруквис.

¹²⁷ В описании Астраханской губернии Астрахань, по преданию, объясняется именем бывшего владельца *Ас* и *тархан* – вольный, то есть собственно получивший право на *торг*, или *тарханную* – выкупную грамоту. Заметим здесь, что некоторые филологи имеют обычаем русские слова, усвоенные иноземцами, принимать за иноземные. Так, например, бердыш, совершив круг по Европе, возвратился на Русь протазаном; усвоенный готами, он принял название *bardis*, *bardisan*; в Галлии *pertuisane*, что можно производить от *pertica* (*perche* – бердо); но савино-латинское слово родственнее со славянским, нежели прошедшее через готский язык.

¹²⁸ См. «Аттила, или Русь IV и V века».

¹²⁹ Юстин L. I. § 8. Иорнанд не изменяет себе и в сообщении сведения о причине восстания Дария на готов: по Трогу Помпею, Дарий Персидский ходил войною на скифов за то, что их царь Янцир (по Геродоту) отказал выдать за него свою дочь. По Иорнанду же, Дарий ходил войной не на скифов, а на переселенных им Иор-

нандом в Мизию готов за то, что готский царь Антрирегир отказал ему в руке своей дочери.

¹³⁰ Скилак вообще называет сармат народом, управляемым женой. Очень естественно, что это не следует понимать в слепом эллинском смысле, а в значении поклонения Царице-Матери, тройственной природе и ведическому тримирному, трисветлому солнцу. Следовательно, Томира есть божественная Тримурти, что понятно ниже из слов Иорнанда.

¹³¹ Разделявшихся на гебров, или евреев-иудеев, и евреев, обратившихся к идольскому верованию халдеев или магов.

¹³² Телеф, сын Геркулеса от Авги, на которой женился Тейкрос, владетель Мисии Малоазийской. Усыновленный Телеф наследовал царство отца. По Иорнанду, он царь амазонских мужей. Здесь дело касается уже до скифов, мужей амазонок. Гинскократумены (т.е. управляемые гуннами, которых готы называли *shuni* и *kwapa*, что значит жена) переселились в Каппадокийскую область Фемискиру. Как видно, *Thamugis* и здесь имеет свое значение.

¹³³ Словом, **Moesia Maior** и **Minor Фракии**, употребленные Иорнандом вместо малоазийских. Насчет гуннского имени Телеф Иорнанд говорит следующее: «Ложно было бы мнение того, кто сказал бы, что имя Телеф чуждо готскому языку: кто не знает обычая пользоваться чужим именем? Римляне пользовались македонскими, греки – римскими, сарматы – германскими, а готы по большей части носили гуннские имена». Вообще Иорнанд до того детски простодушен в своей «Истории готов», что нельзя и подозревать, чтоб он рассчитывал на детское простодушие своих читателей.

¹³⁴ Полемона величали каганом Ольвы Киликийской; на этом основании некоторые сделали его властителем Ольвии Савийской.

¹³⁵ Alex. Polyhistor.

¹³⁶ В прим. к «Периплу Черного моря», при упоминании, что Плутарх поместил Криу-метополь на Дону.

¹³⁷ Но можно понять и как город, относящийся не к Фанагории, а к Синдике: «Ехавши озером Коркордамой, представляются: славный город Фанагория, Кепи, Гермонасса и Анаторон. Из них Фанагория и Кени находятся на левой стороне острова (Тамань) от входа в озеро, прочие же (Гермонасса и Анатурон) – направо, за Гинанисом, в Синдике». Следовательно, озеро Коркордама у Страбона есть озеро Таманское, в которое, вероятно,

впадала Каракубань, или Чорна Кубань, рукав Кубани, впадающий в лиман Кубанский.

¹³⁸ Текст Плиния (L. VI, 6) сам по себе двусмыслен. По предвудущему исчислению городов следует понимать Апатурос.

¹³⁹ Я не был на Босфоре, но пишу по топографической карте Закавказского края в масштабе 10 верст. Камень Панагия при самом устье, между берегом моря, где гора Зеленая. На морской набережной, между этой горой и устьем Кубанского лимана, находятся три возвышения рядом: гора Молдаванская, Круглая и Пикельная. Если это название по преданию, то оно напоминает жертвенные горы.

¹⁴⁰ Arriani Periplus P.E.

¹⁴¹ L. XI. P. 493.

¹⁴² L. VII. P. 305. В отношении Танаиса и острова Алонения только Птоломей вторит Страбону. Описывая в 5-й главе III книги Дацию и окрестные страны, он говорит: «Под Бастарцами, подле Дации, Тагри; под ними Тирангеты; при изгибе же реки Танаиса жертвенники Александра и Кесаря». По последовательности описания этот Танаис есть Истр или Дунай с его изгибом против Галаца. Тут следует быть и жертвенникам Александра и Юлия Кесаря. Далее, после исчисления городов по Борисфену или Днепру, потом по Тирасу или Днестру, Птоломей говорит: «Остров же при устьях Танаиса Алонения, который называется также Танаиским островом». О каком же острове идет здесь дело? Разумеется, о знаменитом дунайском Певце.

¹⁴³ L. XI. P. 494.

¹⁴⁴ Должно полагать, что здесь был маяк, посредством света и посредством звона. Первое упоминание эллинов о колоколах и меднозвучной триглавой гидре – в мифах о Кавказе.

¹⁴⁵ Здесь место упомянуть предание, что памятник Овидия найден в Сабирии; но и здесь Сербия Донская смешана с Сербией Дунайской.

Индо-германы, или сайване

Публикуется по: Вельтман А. Индо-германы, или сайване. Опыт свода и проверки сказаний о первобытных населенцах Германии (с приложением карты). М.: В Университетской типографии,

1856. Экземпляр Чертковской библиотеки, ныне Государственной Публичной Исторической библиотеки России (ГПИБР), имеет автограф: «В библиотеку Александра Дмитриевича Черткова в знак благоуважения к памяти его. А. Вельтман». Одно из главных и до сих пор не востребованных исследований автора. Под германцами Вельтман понимает предков славян, которые заселяли территорию Центральной и Северной Европы с незапамятных времен.

Примечания автора.

¹ Их область в Египте называлась Avaris (Dynast. du second. liv. de Manethon. Par le comte J. Potocky).

² Это имя напоминает Ману, означающее *мыслитель, мудрец, вещей*: от *манна* – мысль, мнение, знание, ведение. Перестановка слов обычная, как напр. по-сербск. *мено* – имя, помен.

³ Васу – все, дха – питание.

⁴ По Иос. Флав., по-македонски *бог жизнедавец* назывался Ζηΰα (Кн. XII. P. 2).

⁵ В польск. *gzadca, gzadzca, gzadzicel* – *рядец, рядитель*, от корня *раса* – род, *gase, radix* (корень) – *родитель*.

⁶ Буква *джа* в зендск. произн. как «з», а в соответственных индейским славянских словах – как «ж» и «з», напр.: *джана* – жена; *джнана* по-зендск. *знана* – знание; *джала* – жало; *джи́ва* – живой; *джи́ватъа* – живот, жизнь.

⁷ По лат. форме *rus* – *ruris*.

⁸ За Араксом была страна магов – Magog. «Provincia Gog et Magog in qua fuerunt Iudei inclusi tempore Artaxercis regis Persarum» (Магог. «Провинция Гог и Магог, в которой были заключены иудеи во времена Артаксеркса, царя персидского»). Orb. Terrar. gravé et émaillé sur metal, au XV siècle. Geogr. du Moyen age, par Lelevel. T. II. P. 97.

Gog Magog, по вост. пис., джюдж-маджюдж – т.е. готы (juti) маги.

⁹ Может статься, что Гэм (Haemus) Фракии получил название *Балканы* от переселившихся готов.

¹⁰ Страбон называет их *ἄβιοι* (авва) (?)

¹¹ «Vie de Zoroastre. Zend-avesta par M. Anquetil du Perron. T. 1. Sec. partie. P. 10.

¹² Иерократическим.

¹³ Нет сомнения, что *p. Марош* разделяла *дациан* от гетов, собственно так называемых. *Zarmiza Getusa* близ *Porta Ferrea* (*Железных врат*), которых название, вероятно, и перенеслось вместе с готами из Дербента (*Demir capı – Железные врата*) на Каспийском море, где было первоначальное население народа, называемого *jadjoudge-madjudje* – яхудов-магов, или магов-иудеев. В аварском-торском языке должно, кажется, искать и истока магарского языка.

¹⁴ Местность вандал, соседящих с Дацией, определяет Иорнанд (гл. XXII): «Вандалы в это время граничили с готами со стороны востока – с маркоманами со стороны Запада; на север от них жили *hermundugi* (хорваты, как объяснится в Таците о германах); а к югу ограничивал их Дунай».

¹⁵ Земли Дации были розданы во владение ветеранам V и XIII легионов; а название *Zarmize Getusa* обращено в *Ulpia Trajana*.

¹⁶ Следовательно, *новая Дация*, образовавшаяся на Балтийском море по переходе Готов на север, была известна Иорнанду.

¹⁷ Вероятно, *talaminzi, dolmensi*, далматы, жившие над Моравией.

¹⁸ Первоначальное название – *dauciones, deutshen* – сохранилось в русском языке: королевство Дацкое, но не Данское.

¹⁹ Оден пришел сначала в *Kwenlandia* – землю жен. *Ситоны*, собственно *suitoni, suiti*, или, отбросив букву *s* по обычаю финнов (Далип. II ст. III в. Т. I. Глава IV. § 14.), – *виты*. Откуда и название Скандии – *Vitala*.

²⁰ Нет сомнения, что собственно финны принадлежат к первоначальным скитальческим жителям набережной Иверии и Галлии; оттесняемые оттуда, они постепенно двигались к востоку. Их древняя религия, по названию главных божеств – Юмала, Тор, – принадлежит к оденической.

²¹ По реке Хавеле – хаволяне.

²² В отвлеченном значении: *исток, дух всего* есть собственно Брама; *лик всего* – Вишну; *бытие всего* – Сива. Атрибуты одного часто относятся к другому.

²³ Изменяется по наречиям: в *Guro, Girj, Girik, Girka, Иорги, Иергиле, Jurgен, Jorgel, Gergel, Jurgel, Jerzy, Jerzyk*.

²⁴ По Вильсону, это слово также значит *несчастье, горе, брак* (союз), *выигрыш, приобретение*; но Вильсон, как и во мно-

гих объяснениях, не постигал коренного значения. Счастье, несчастье, выигрыш, брак народ вообще называет судьбой, счастливой или несчастной, предназначением. В этом смысле принято и значение слова.

²⁵ Сост. из предлога пра – *при, про* – и вада – *говор, говорение*.

²⁶ *Гунна* значит – завет, уряд вещей, образец, правило, и также *кон* – постановление; например, в веровании три правила: *Сатва, Раджа; Тама*; главных военных правил – шесть: правила во время мира, войны, похода, стана и правила стратегических движений и заключения оборонительных союзов.

²⁷ Самниты (*les samnites – фр.*) благородное сословие в Италии. *Hist. Rom. Niebuhr*.

²⁸ Отсюда *рой* (пчел); *роиться* – устраивать рой (раджию) нового выселенного поколения.

²⁹ По коренному смыслу – *совокупление*, собрание предметов, количество; в этом отношении сближается с *гунна, кунна* или *куна*. У нас в игре *кон* значит также постановку, *ряд*, рать.

³⁰ Сост. из *ганна* – сила, войско, рать, и *иса* – господин, начальник.

³¹ Ману. Кн. 7. § 90. агньястра – *огнестрелов*.

³² Стапана значит также ступень, ступанье. Санна, шанна, чанна и чана значит почеть, почет, воздаяние, служение.

³³ «Слово есть оружие брахмана, им поражает он своих противников».

³⁴ В готич. коренное *orlog*; потом *krieg* от *wag* с *придат. галльским g* – *gwar, guerre*.

³⁵ «*Woz woienny–currus falcatus*», то есть военная повозка.

³⁶ Чутха или чутхакаранна (обряд чупа); чутха или чуала – чело, верх, макушка, хохол, чуп; кеса – коса.

³⁷ *Saylus* издал изображения двух древних бюстов, у которых было по одной серьге в левом ухе (*Dict. des beaux arts par Millin*).

³⁸ Сближ. с бгарма – *залог*, золото, монета (изображение).

³⁹ Символ сайванской веры: Сива в свойстве вечности. В предании: змей, пожиравший человеческие жертвы, – змей *Горыныч*.

⁴⁰ Этому слову соотв. *кром*, храм. Самое слово *germen* несколько не происходит от *гело*, имеет коренное соотношение к грама и грамьян – родовой, народный – *germanus*.

⁴¹ Вероятно, доход с участка, засеваемого семьей, или *тяглом* (тагъ, тяг, тянуть). Отсюда может быть и название зерновой меры – *кило*.

⁴² Слово *бор* значило в древности храмовое место, место поклонения, торгова, *пагоды*, *рагус*, *погоста*.

⁴³ От *гау* – крава, земля, и *пана* или *бгану* – пан, бан, *господин*. В слав. пастырь, пастух – *чебан*. Одежда *жупан*, в Костр. губ. – *чепан*.

⁴⁴ Должно полагать, *вольница козарская* (*kosar*, *kosak* – от *коса*, *чуп*).

⁴⁵ Слово *куна* в «Русской Правде» в общем значении *денег* иногда имеет и что-то определенное, как *деньга*.

⁴⁶ Соотв. слову *люли!* – ай люли, люлька. *Лёла* – назв. богини любви – Лакшми – леля, Лалана – лелеянье.

⁴⁷ Или липа – *лип* (липнуть), *лепа* – *леп*, *лепление*, *прилепление* – передано: *to go, to approach, plastering, smearing, лупа, лупуати* – собственно *лупить, обдирать* – *to cut, to divide, –лупуате* – *лупить, облупить, обобрать*, передано приблизительно – *to rob* – красть, воровать.

⁴⁸ По Цесарю, жившие по Рейну *suevi* имели 100 погостов (*pagos*); по Тациту, это же число погостов имели *семноны* (*sempones*). Семноны же, как мы увидим ниже, составляли пограничные воеводства, власти *земщины* – *zemianini, zemani*. Нет сомнения, что и по Рейну, кроме жителей-сайван, стояла пограничная (*markowa, marganska*) *земщина*.

⁴⁹ В законах Ману сказано: «Я, Ману, творец мира. Я, желая дать исток роду человеческому, породил десять великих (махарши) родоначальников».

⁵⁰ От Вишну слова: *вече, wesciti, wescni* – *perennis*, **вечный, вышний, wisni, horni** – **горный, вещий, вешний**. Поклонники или происходящие от *Вишну* называются вайшнава.

⁵¹ По слав. каратель – *trest, trestec, trestitel* – собств. русск. *трясти, трещать*; почему славянский *тряс* по значению *trest* значит карающий, казнящий; тот же *Перун* в свойстве грозы.

⁵² Отсюда слова *вено* – дань, дар привенечный; *венный, винный, повинный*, и, наконец, *венчаный*, т.е. привенчаный к власти, подданный, податной. Как у нас племена разделялись на *горичей и полян*, так и в Индии – *горичи, гариджа, и лесичи*,

лузичи – ванаджа, от вана – лес, луг, обиталище, и кроме того служение, подданство.

⁵³ Название *Бургундии*, однако же, принадлежит времени Валентиниана (370 г.); здесь, по описаниям, было собственно *воеводство*; причем во всяком случае должно отделять жителей от военного поселения. Бургунды (по арабским писателям, herbelot), проникнувшие в Галлию, назывались *burgian*. Это название принадлежит, по восточ. пис., и *булгарам*, т.е. бельгам, влахам (как вытесненным из Бельгии, так и оставшимся под властью римлян и выселяемым ими в новые колонизации).

⁵⁴ *Γνήσεος* от *ἴσιος*, *ἴσιος* – равный, и *γένος* – род, племя – след. *одноплеменной*.

⁵⁵ Фракиян Аммиан вообще называет готами. Поселение в Мизии и во Фракии готов, более известных Риму, нежели коренные поселения, было причиною, что имя их при описании войн принято за общее.

⁵⁶ *Буйтур*, *богатырь* – прославленный воин, герой, слово индийск. *бгадур*, собственно бгасура – герой, витязь; слово в слово светлое, красное солнце: бга – свет, красота, и сура – божество, солнце, обоготворенная сила – обратно: сурабги – знаменитый, прославленный.

⁵⁷ Отсюда по-чешски *brana* – оградные ворота крепостей с башней; по-польски *brama*, *brat* – ограда, бронь. Из этого понятно образование слова *fratrea*.

⁵⁸ От слова *тесать*; *тесаком* называлась впоследствии широкая сабля; как, напр., булатный тесак царя Михаила Феодоровича, сделанный в 1617 году.

⁵⁹ Гора Blockberg по старинным картам называется Bructerus mons; она была в Браниборской области.

⁶⁰ В Индии при обрядах поминальных призывались на могилу кроме брамина, отправляющего поминки, свободные *брамины*, которые угощались, представляя на *страве* (то есть трапезе. – Прим. сост.) тени покойных предков. Число их зависело от числа поминаемых лиц. Отсюда происхождение *машкар*, или нарядов в образе теней.

⁶¹ Иса – исток, творец; исита – истый, истинный (у венг. isten).

⁶² Употребленное название Тацитом *templum* и значит – место, посвященное божеству, и вместе с тем *кладбище*.

⁶³ В законе и уставе Стефана Сербского эти сборы запрещаются; «Сбора Себрова да несть, тколи се обрящет у *сабору Себрову*, да му се уши обрежут и да му се осмудит образ».

⁶⁴ Жители этой *Буковины* называются у Аммиана *bucinobantes* – т.е. буковинцы.

⁶⁵ Дайван значит также *дивный*, *divine*, *celestical*, *beautiful*, *charming*, от дева – божество, деви – божественная, дивная, дева.

⁶⁶ *Virshi* от *вершит*, выражать – *wirazit*; отсюда *versus*, *vers* – *стих*, *строфа*.

⁶⁷ Явно, что *fratea* – не копья, не пики, как переводят. Обычное оружие, постоянно носимое боярами, а следовательно и на сеймах, как уже мы сказали, была *bran pri boku*.

⁶⁸ *Res publica*, *res privata*. Слово *res* есть то же, что *рада*, *gzeza*, *реч*, *ряд*. – Здесь Тацит вообще говорит об обычаях воеводских управлений на границах.

⁶⁹ Об этой обычной раздаче оружия и коней упоминает летопись Нестора: «И людие киевстии прибегоша к Киеву и сотвориша вече на торговище, и пославшеса ко князем глаголюще: *вдай княже оружья и кони*, еще бьемся с ними».

⁷⁰ *Torques* – ожерелья, венцы, собственно *диадимы* – венцы с бармицами или оплечьями. При подарке с посольствами верховых коней со всей сбруей присылался всегда *торчь* – щит оплечный, в который просовывалась рука, вооруженная мечом. В Оружейной палате хранится один подобный *торчь*.

⁷¹ Эти ямы – совершенное подобие огромных глиняных *крын*, обозженных в земле, с замазанными глиной отверстиями и засыпанными землей наравне с поверхностью; они недоступны ни для воздуха, ни для мышей, а вместе с тем затаены от хищения.

⁷² *Sagum* по-галльски *saie*; сербск. *саја*, *саян*; изменилось в *шугай*, *чуга*; названия одежд мужских с женскими были часто одни и те же, напр. *сарафаном* называлась и мужская верхняя одежда (см. царские кроильные книги).

⁷³ «*Lauti (Laute) cibum capiunt separatae singulis sedes et sua cuique mensa*» («Они принимают пищу, сидя на отдельных сидениях и каждый за своим столом»). **Круглые столики на трех низеньких ножках**, ставящиеся на диване или на коврах на полу перед хозяином или гостем, по сию пору в обычае у южных славян, в Греции и на Кавказе.

⁷⁴ Нет сомнения, что это название *исправлено* в полном убеждении, что Аттила – гунн, т.е. монгол; а его гунны-монголы пьют *кумыс*; но *кумыс* значит молоко (кислое, перебродившееся) по-кавказски, *сгозм* – а не напиток, приготавливаемый из ячменного солода, – квас.

⁷⁵ Вой, вытье, *взыванье* по сие время в обычае. При свадьбах невеста воет, т.е. *взывает* к отцу и матери.

⁷⁶ Прозвище влахов (volscae, volsi, volsici) *тектосагани* происходит, без сомнения, от *sagum* – свита, манта, и *tectum* – накрышка, т.е. мешок, пришитый сзади к вороту свиты и накидывающийся на голову.

⁷⁷ *Яз, язы* – значит собственно болотистые, изрытые водою степные места (язвипы). Отсюда и галльское *oasis*.

⁷⁸ Впрочем, место их первоначального жительства, по ее словам – между реками Атель и *Геух*, – могло в XI веке значить не Волгу и не Яик (Урал), где также были в это время казарские, команские и яские кошевые казачества, но, скорее, *Дунай* и *Тейс*, ибо Дунай, вероятно, мадьярами прозван был Ателькусу, т.е. Etelkiz (кучук), Малый Этель.

⁷⁹ *Samnites* Италии, *semnones* Галлии и *semnones* Германии суть названия одних и тех же *saunites* – *савичей*, племени, носившего имя верховного божества Савы, Славоя, и посвященного (см. Страбона о самнитах) божеству победы Харе (Арей, Марс). Они составляли земщину и земских (*zemianini, zemani*), *знаменованных* (*znamenati*), *знаменитых*.

⁸⁰ Город Девин (Divionum, Burgus Deorum), ныне *Дижон*, на правом берегу р. Саоны, на р. *Уше*. Там долго продолжался обычай выезда богини (Дзеваны) на белом иноходце или в колеснице, запряженной двумя конями, в сопровождении ее наперсниц и хвалебных песней.

⁸¹ В кодексе буква *n* смешивалась с *h*, или греч. *N* с лат. *N*: Neruli – Heruli, Nemetes – Hemetes; Nerthum – Herthum, nunc – hunc, нес – hes. См. Машмана.

⁸² Вставка букв *n* (наш) как в назв. угры – унгры, *ungares, hungares*, по-чешски *uher, uhog*. По обычному изменению буквы *u* в *v*: украине, вкране, угры, венгры, вагры.

⁸³ Слово *εγρτ* в малоросс. и молд. – *отара, heerde, horde*, орда.

⁸⁴ Во всяком случае, влахов дунайских должно разделить на влахов – пастырей римского поселения, слившихся с поселенными легионами, и на влахов (бельгов) – болгар, пришедших с севера во время голода в IV столетии, и других болгар-влахов, пришедших с Волги во время распространившихся там побед магометанизма.

⁸⁵ От Слав. marek. mares.

⁸⁶ Hist. Rom. Nirbuhr. Titelive. I. 38. II. 16.

⁸⁷ Cohors происх. от приставки «со-» (русск. со) и корня hortus – град, градина; следовательно, соградья, согражданства; ибо каждый полк у сайван, как упоминает Тацит, состоял из *соградных*, единоплеменцев.

⁸⁸ «Лекс. трязыч.» и «Слов. церк.» П. Алексеева.

⁸⁹ Разумеется, что это не Popiel, король лешский IX стол., который, однако же, мог происходить от этой же династии. Родоначание это, кажется, происходит от Попилия Лэна, консула из священствующего рода (за 350 лет до Р.Х., до выхода савин из Италии), происходящего, вероятно, от Помпилия (Popilius, Pompilius).

⁹⁰ Можно полагать, что в этот состав входила некоторая часть золота, большая часть серебра и часть соединяющего металла. А варна значит также *золото*, *славу*, *celebriti*. Лат. слово *celebris* – *знаменованный* – имеет отношение к *сарпа*, к *сребро* и, кажется, к знаменованному древнейшему военному сословию Србск. *Гарудха* – павлин, на котором едет Вишну в свойстве победы, как символ победоносной *рати*, имеющей подобие крылатой змеи, называется сарарати. *Гарудаха* и есть собственно *дракон* (по слав. drak, sarkap, шарка, serpens), которому уподобляется рать, имея голову, хвост и крылья, состоящие из конницы.

⁹¹ Цата (четы) в счете соответствует *гривне* (закл. 10 частей); разделение войсковых *четей* было десятичное: даса – десяток, дасати, т.е. дасадаса или сата – *сто* и дасата – *десять сот*.

⁹² В издании Н. Petro (1540) на карте *Tingeri* соответственно греческому *Τίγγροι*, но в тексте – *Tenceri*. В издании Меркатора «Á Petro Montano» (1605) в латинск. переводе *Τίγγροι* **заменено** посредством *Tenceri*, а в прокладке на карту – *Tencteri*.

⁹³ Мы полагаем, что *Гаурητα ύλη* (Strab.) надо читать *Таурητα ήλη* – т.е. *Черный*, и иначе Турической, Туринский лес.

⁹⁴ Оттуда же выселенные в Татры, в Карпатские горы, где область *Туроч*, по Птол., жители *teurisci*, по слав. – *turcal* – турчане, известные впоследствии торки. Тут в соседстве к северу г. *Тешин*, новый *Ticinum*, и *Tugium*, *Tugenium*.

⁹⁵ См. летоп. Тацита (XIII, 55 и далее).

⁹⁶ Тацит упоминается (Ann. LXIII, 55, 56), что эти земли просили у римлян на поселение *ansibarii*, **войсковая община под во**еводством Вукола – *Vojocalo*: «*Validior gens, non modo suá copiá, sed adjaeentium populorum miseratione*» («Этот род более силен, но не столько своими богатствами, сколько нищетой соседних народов»); но римские условия не понравились Вуколу; он отвечал: «Нет места где жить, есть место где умирать!»

⁹⁷ *Warden* – изменяется в *vort*, *port* (*fort*).

⁹⁸ Близ Роны, также *veillavi*.

⁹⁹ Как под чуждой властью *slave* обратилось в *esclave*, *serb* в *servus*, угорский *козар* в *cocher*, *kutscher* (кочь, коша, кошара – *soche*, *kutsche*), сохранив по сие время гусарскую свою одежду, – так же, вероятно, комоньство ангров давало Риму, Греции и Персии отличных *воителей*.

¹⁰⁰ По-чешски *kozar* измен. в *kozak*.

¹⁰¹ *Холм* – открытое возвышение; по-булг. и по-волошки *дял* значит также гора, возвышение не покрытое лесом, голое.

¹⁰² По летоп. Фульда, в 856 году король *Людовик*, собрав войско, прошел земли сербов, живших по Лабе и по Саве (Одере); потом пошел к далматам (*dalmatae*), покорил их и наложил дань; потом пошел к богемам (чехам) и покорил нескольких из их князей.

¹⁰³ Происхождение и названия *угров*, *мажар* требует еще исследования, глубже того, которое было до сих пор. В отношении языка должно припомнить, что в Дации он был под влиянием готов, а в Украине, около Дона, под влиянием исламизма.

¹⁰⁴ У нас слова *козырь*, *козыряться* и *козакаться* значат важничать. *Косуха* – тысяча. Что гусары составляли войсковое угорское казачье сословие собственно козаров, наездников, то это видно из закона царя сербского Стефана.

¹⁰⁵ В Украине *паланки*, слово сербское, значит *место*, местечко, городок. Кроме *жу*па, или *huba* (судебное место), *шу*па значит то же, что *појата* – *conclave*, *камтег* и след. *судейская* *камора*.

¹⁰⁶ *Войта* то же, что староста, жупань от выть, *вытье*, *повытье*, *повытчик*, *повыт*, по-польски *woytowac* – *voter*, позываться.

¹⁰⁷ См. Тацит «Германия».

¹⁰⁸ *Cod. Stodgardiensis* (Штутгартский кодекс).

¹⁰⁹ T. Pichon. *Germ.* 37, nota 2.

¹¹⁰ Гекатей и говорит, что на Рифейских горах лежат вечные снега. Нет никакого сомнения, что удобнейший торговый путь к Балтийскому морю, где добывался янтарь, лежал по Дунаю, Мораве, транзитному перевалу чрез *Судицкие*, Русские или Рифейские горы, где была *суда* (*zahl, zoli* – пошлинный сбор); а потом по р. Одровой. Здесь ехавшие из Греции могли удобно видеть *вечные снега гор*, из которых *дует Борей* и за которыми живут гипербореи. Этик пишет, что Танаис истекает из гор Гиперборейских, кои суть Рифеи, из горы *Surdo* (Судеты?).

Греческое название этих гор *Ρίψαα βρη* – лат. *Riphaei*; но *rh=Ф*; изменение настоящего названия и буквы *c* на *f* точно такое же, как в слове *русый* – *rufus*.

¹¹¹ Здесь необходимо пояснить значение *Харэ*, или *Хари*. Сближаясь с *гири*, *гайра* – гора, оно значит *вышний*, *горный*, *высокопочитаемый* и, относясь к божествам, принимает смысл их свойств. По свойствам Вишну значит: *светлый*, *белый*, *ярый*; *лев*, *конь* – в смысле *косатый* и *конный*; *бой*, *сражение*.

Разветвление названия *Хари* и изменение по языкам и наречиям следующее: *Ἄρης* – *Арей*, *Mars*, бой, брань, броня. *Ἄρωσ ηρος* – *Herus*, *Heros*, *Herr*; *ares aries* – тур, овен, *bélier* *Яро*, *Юро*, *Гуро*, *Ђуро*, *Иорги*, *Georges*, *Егор*, *Игорь*; *Haro*, *Hario*, *Ario* и пр.

Слова, знаменующие происхождение от *Харэ*.

Яро, *Юро*, *Юрьич*, *Юрьевич* (ч есть оконч. *джа*, означает происхождение), *Юрьевский*.

Ἄρης – *ἀρήϊός* или *ἀρηϊβοός* – *martial*, *belliqueux*, соотв. *Юрьич*, *Юрьевский*.

Herus – *heros*, *heroicus*, *heroique*, соотв. *Юрьич*, *Юрьевский*.

Ario – *Ariowit*, *Ariowist*; *Haro* – *Harowith*, *Hariowit*, **изм.** в *Harobut* (Хорват), *Hereboud*, *Guerimout*, *Heremond*, *Heremunt*, *Armand*, *Arminius*, в гот. *Herman*.

¹¹² Божество земледелия полей у римлян называлось *Rusina* и *Rugina* – соотв. *γεώργια*. Древнегреч. празднества, называемые *Ἀργία* или *Ἄεργία* – соотв. празднествам *Харэ*, равно как и лат. *Orgia*.

¹¹³ Область *Rouergue* в соседстве Лангедока населяли также во время Цесаря *rutheni*; их глав. гор. назывался *Rhodez*, *Rodena* (*Hrodez?*).

¹¹⁴ Нем. *Gau*, *Gov*, *Gow*, *Gew*, *Гоуи*, соотв. слав. жупа, губа – повет, посад на *корм* и управление (кормило) – *jubeo*, ***guberna***, ***gubernna***; *дача*, *поместье*, именье, *манье* – *gave*, *have*, *habe*.

Название города *Gergovia* на р. Луаре, принадлежавшего боям (*boji*), изменяется в *Gergobeum*, *Gergeau*, *Jargeau*, *Gergolium* (Юрги, Иоргуле.). Тут и гора *Gergoue*.

¹¹⁵ После выхода готов из Дации на север при Траяне часть их осталась и покорилась римлянам. Потом готы северные, подняв против римлян германские племена, отвоевали свой *Godheim* в Дации; но наконец их землями овладели *geridi*.

¹¹⁶ Еще общее в то время название войсковым пограничным сословиям.

¹¹⁷ Под этими галлами должно подразумевать влахов: древние называли галлами и вообще германов.

¹¹⁸ См. Шафарика «Слав. древн.».

¹¹⁹ *Гаруда*, изображаемая на знаменах, собственно *павлин*, на котором едет божество победы, называлась *сарпарати*, т.е. змеебой, и *паванасанаса* – змееед, т.е. уничтожитель пресмыкающейся породы *азуров*, противников света. Здесь должно припомнить *стоглазую* *Argo* (***Argus***), сына **Громовержца Юпитера**. **Стоглазый хвост павлина** был его символом.

¹²⁰ Кн. IV. § XL.

¹²¹ По Страбону, это сказание относится к кимврам и к отдаленным временам.

¹²² Путра – порода.

¹²³ *Хари*, ярый, Сива, в свойстве разящего, *Маро*, *Mars*, *Mamers*, *Mavors*. Он изображается едущим на *белом Туре*, вооруженный весами и всеми родами оружия.

¹²⁴ См. путеш. в Индию князя А. Д. Салтыкова – рисунки большого формата.

¹²⁵ Назв. по городу *Brigantia*, одноименному с *Brigantium*, *Brigantio*, *Byrigantium* (*Briancon*).

¹²⁶ Составляющих продолжение *Юрьевских гор* (Юрских) за Рейн и, может быть, называвшихся также Юрьевскими.

¹²⁷ *Mamert. in Genethliaco. Pichon.*

¹²⁸ «Cum omnes barbara nationes excidium universa Gallia minarentur, neque solum Burgundiones et Alamanni, sed etiam Chaibones Erulique, viribus primi barbarorum locis ultimi» («Когда все народности из всей варварской Галлии из-за исхода своего исчезали, и это касалось не только бургундов и алеманов, но также и хайбонов и эрулов, которые по своему могуществу были первыми среди варваров, а по занимаемым ими землям – последними»). I. Pichon.

¹²⁹ См. «Слав. древ.» Шафарика. Т. II. Кн. III – в статье «Бодричи».

¹³⁰ По мнению г. Шафарика, Вранове, Врановцы.

¹³¹ По древнеслав. *Брадов*.

¹³² Мы уже упоминали, что сайване разделялись на русь (гражданство) и вендов (селян). Почти до II века название вендов было известно римлянам только на полях Винделикии, или Вандалии между Альпами и Дунаем. Но Дион Кассий (II и III века) горы в вершинах Эльбы называет уже Вандальскими; те же горы Птоломей (во II веке) называет Вендскими (*Venedici montes*). По правую сторону Эльбы преимущественно уже населяют податные земледельческие племена, огражденные от неприятелей и рекой, и лесами (лугом). В средние времена Люнебургская область также называлась Вендским краем.

¹³³ Этот Луг тянулся, без сомнения, к востоку за Эльбу по Лауенбургской области и к западу до р. Везера, где около устья местность называется также *Lawenburg*; на р. *Luna* – *Lunenburg*; на р. *Geste* – *old Lunenberg*.

¹³⁴ *Gau* значит на *platt-deutsch* *округ*, *district*, *Gerichtszwang* – повет, по древнему – губа, жупа.

¹³⁵ См. Шафарика. Область Люнебургская в старину: *Linaa*, *Hlinaa*, *Glin*, *Linagga*, *Linegau*, *Lennigow*.

¹³⁶ «Савеллиане в неблагоприятные годы давали обет Маворсу, богу жизни и смерти, приносить в жертву десятую часть будущего годового урожая. И эта обетная весна называлась *Ver Sacrum*». (Michelet. *Hist. Rom.*)

¹³⁷ В инд. *Мара*, *Маранна*, *Марита*.

¹³⁸ *Марджа* – *cleaning the body* – *омовение*; название Вишну. Отсюда, без сомнения, и название месяца марта – *маржец*. *Марджана* также значит *омовение*; *маарджита* – *обмытый*, *об-*

новленный, наряженный, ornatus. В простонародии празднество это в инд. называлось *Mariammai*.

¹³⁹ В списках *m* и *n* часто заменяют друг друга: вместо *sinus* – *simus*, вместо *amnis* – *annis*, вместо *batani* – *batami*; **Senones** – **Se-mones**; *мох* – *пох*.

¹⁴⁰ *Ostrum* – пурпур. В некоторых переводах принято за *вос-ток* и передано: «на ложе, обращенном к востоку» (!).

¹⁴¹ «Мифы славянского язычества».

¹⁴² У Страбона горицкие или горичанские хорваты, соседи херусков, также названы *χαττοαρίων*, а в кодексе Моск. патр. ризницы – *χαττοουαρίων*.

¹⁴³ Мы уже говорили выше, что Иорнанд, описывая границы вендов Дации во время Геберика (в 360 году по Р.Х.), кагена готов, определяет их местность между маркоманами с запада, *гермундурами* с севера, готами с востока и Дунаем с юга.

¹⁴⁴ См. Шафарика «Слав. древн.»: *Жирмунт* – форма славяно-литовская – *Guerimout*, *Heremunt*; чисто слав. – *Harobut*, *Harawith*, *Яровид*, *Ярович*.

¹⁴⁵ *De rebus Hanseat. Werdenhagen*.

¹⁴⁶ *Clucas* (целовцы?), *lobelas* (любляне), *cosentzis* (козенцы, косовцы), *michla* (могиляне) и собств. *chrovatus* (хроваты).

¹⁴⁷ На санск. нара, нарас, в частн. и общ. знач. *человек* (люд, народ). *Нара* также – название Вишну и Арджуны, или Вишну в лике Арея, Негос, Юрия. *Нара*, следовательно, заменяет *Хари*, и *нараджа* единозначительно с *хариджа*, т.е. происходящий от *нара* или *хара*.

¹⁴⁸ «*Juxtaque Carnos* (жит. Горицкой области) *quondam Taurisci appetati, nunc Norici*» (Рядом с карнами, которые некогда назывались таурисками, а ныне – нориками). *Plin. L. III. XXIV*.

¹⁴⁹ Довольно звучен еще отголосок этих же имен и в *Noricia* Галлии.

¹⁵⁰ *Вышора* – обычное назв. рек у славян.

¹⁵¹ «*É regno etiám Marobodui, Suevae gentes Semnones ac Langobardi defecére ad eum*», (Из царства Марободуя свевские племена семнонов и лангобардов пришли к нему). *Tac. Ann. Lib. II. 45*.

¹⁵² Многие из владетельных горицких князей воспитывались в Риме; принимая обычаи, нравы, язык и имена латинские, они становились вернейшим орудием покорения родичей своих.

¹⁵³ Gaworina – яворовый или габровый лес.

¹⁵⁴ *Feudatarius* – соотв. слову *огнищанин*.

¹⁵⁵ Обычный *русский* возглас *ура* употреблялся долго еще и впоследствии у норичей или нормандов галльских. Норичи, или норманны, составляли военное сословие, а потому, как уже объяснено выше, понятен и возглас их к божеству войны, их родоначальнику.

¹⁵⁶ *Alamandi* – собственно назывались *Hali*.

¹⁵⁷ Не излишне заметить, что сербы словом *шокац*, *шоко* называют сербов, обратившихся в латинство.

¹⁵⁸ «*Borani, goths, carpes* (сербы), *burgonde* (болгары) суть варварские племена, обитающие по берегам Дуная. *Zozime Hist. Rom.* (жил в исходе III и начале IV столетия).

¹⁵⁹ Издан. Г. Скальковским.

¹⁶⁰ Ногаи, белые ногаи – *бевс*, или *беш-ногэ* (печенег) составляют, по нашему мнению, орды козарские, принявшие магометанизм.

¹⁶¹ Нет сомнения, что название *фигура* есть измененное слово; можно предполагать, что оно изменилось из *focher* (фохер) или *оафка*, что значит по-чешски *пламенник*. Сквозные бочки производили вихрь, быстро воспламенялись и выбрасывали огонь языками. Эти фигуры из смоляных бочек, опутанных хворостом, вероятно, служили и основанием басни о мнимом Тауте галлов.

¹⁶² *Куица* по-серб. знач. *дом* и также *кухня*.

¹⁶³ У дациан в обычае было татуировать знак на руке (PL VII, 10).

¹⁶⁴ Рудокопни по южнослав. *ваѣа* (*родник-рудник*); греч. *βαύνη* в лат. принимает смысл *bannio, bannum* – ссылка.

¹⁶⁵ G. Bruin. *Orbis Terrarum*.

¹⁶⁶ *West-gothi*, жившие на западной стороне Тейса и, без сомнения, владевшие золотыми рудниками под Татрами, вытеснены оттуда, вероятно, во время Маробуда квадами (чехами, т.е. становыми полками).

¹⁶⁷ *Caput 54: «Gepidas, quam ex gente Rugorum non parva solatia»,* то есть Готией в Дации владели уже *gepides*, а над ними, в горах и за горами, оставались те же русины (в верхней части Молдавии и Бессарабии и в Галиции).

¹⁶⁸ В средние времена писалось: *daci*, а не *dani*; *Noricum*, а не *Norvegia*; *suevi*, а не *svei*.

¹⁶⁹ Бертин. лет. См. «Слав. древ.» Шафарика. Т. 11, кн. 1.

¹⁷⁰ Так и *latini* по другому наречию назывались *lavini* (Нибур).

¹⁷¹ *Brenstein* – горючий камень.

¹⁷² Благовонный *янтарь*, по-литовски *gintaras*, находимый на берегах Восточной Индии арабы называли *хамбра*. Явно, что название *янтарь* и *гинтарас* суть санскр. *гандараса*, т.е. благовонное вещество, мврра. *Ганд`а* значит также *сера*.

¹⁷³ По селению *Одрово* в вершине прозывается и река *Одрова* (правильнее кажется *Ядрова*, *Ядра*), соотв. реке *Ядра*, *Янтра* в Бургарии. Река *Одер* (*Odera*, *Odora*) называется также *Suevus*, вероятно, по главному устью *Sevine*, *Swuene*, т.е. *Савину*.

¹⁷⁴ См. Шафарика «О литовцах».

¹⁷⁵ Название *финны* нисколько не народное; оно также есть изменение прозвища *vani*, *vendi*. Мы даже полагаем, что в Таците вместо *fennos* должно принять чтение *semios*, ибо в некоторых списках пишется *femiorum*, *fomnogum*, *femios*, что ближе к собственному названию чудских народов *саоме*. У Птолемея *φινвоσ* под Венетскими горами; *Venedicus sinus* есть собственно Финский залив. Явно, что название *финны* принадлежит поправкам.

¹⁷⁶ Савины-сайване, как мы видели, вытеснены были из родных земель Италии, Альпов и Галлии и за Рейн, и даже за Эльбу. Готы же вторым своим Годгеймом считали Дацию.

¹⁷⁷ *Vandland*, *Wänäland*, *Gwäneland*, *Kwenland*, *Chunuland*.

¹⁷⁸ Иоакинф в «Записках о монголах» говорит, что этот народ изменял свои названия по именам владетельного рода; но все первобытные роды отзываются династиями китайскими. При основателе Китайского царства Хуан-ди монголы назывались *хуньюй*, при династии Ся – *сяньюн*; при Цинь и Хань – *хунну*; потом назывались *сянби*, *жужу*, *тугла*, *кидань*, *татань*, *монгол*. Но отчего ж и сами китайцы – *хины* – не гунны, а хунны, или гунны, – не *хунуд*, как называют персияне индейцев или, вернее, народов, живущих от них на восток.

¹⁷⁹ Несмотря на то, что в частностях истории одно название заменяет другое – например, по Диону *Vandailici montes*, по Птолемею – *Venedici montes*; озеро *Thum* в Швейцарии еще

в VII веке носило название *lacus Vandaluueus*, а потом вместо латинской формы названия приняло немецкую – *Wudensee*.

¹⁸⁰ На этот филологический морок пора уже обратить внимание. Эти словари есть набор слов разных мест и разных говоров просторечия. Из этого выходит, что каждый слог какой угодно азбуки значит все что угодно. Возьмем в пример следующие слова, или, лучше сказать, звуки: *af, ap, ef, abh, alt, aman, amb, and, ind, arg, aud, aun, bil, boira, braig, bul, cochen, div, dub, duri, en, gel, gil, gol, imen, isc, lig, lo, lu, lua, loin, onno, osc, ova, senn, sinn, srut, srot, su, sufel, sur, ten, tiber, tur, umna, unda, unna, us, wis* и пр. и пр. Все эти звуки в *так называемом галльском языке* значат – река. *Aam, am, amba, an, ant, cern, dun, doin, duine, daone, tuin, toin, en, es, is, ois, uis, ver, fear, ian* и пр. и пр. знач. *муж, человек*. *Oes, os, aos, as, tum, tom, rus, rod, rud* – *лес*. Этим-то набором звуков в разных местах, разными лицами и в разные времена учат нас толковать все древние исторические имена и названия мест.

¹⁸¹ Tzschucke, ссылаясь на Моск. кодекс, говорит, что в нем *Ραξυλατους*; в «Geogr. De Strabon» (Paris. 1812) также упомянуто, что в Моск. кодексе *Ροξαλανος*, но та и другая ссылка ложны. В кодексе патр. библи. – *Ροξανοι*.

¹⁸² *Буджак*, собственно маджарское название Бессарабии, значит страна бойев, как *Ясджак* – земля ясичей, *Кунчак* – земля коман и т.д.

¹⁸³ По значению ремесла военного название *серб* имеет глаголы *сербити, сербитисе*, и сущ. *сербленье* – в смысле боевая служба, откуда произошел и смысл лат. слов *servus, servo* – охранять, и *servio* – служить.

¹⁸⁴ *Burgundi, burgusi, bourgignons*, родом венды (*vindili*), которых имя образовалось, вероятно, из *брежане* (Брдо, Борт, Бродницы), были собственно *войско*. Избираемый в воеводы у них назывался, по искаженному названию, *hendinos* (Амм.). Этот *hendinos* отвечал у них за все неудачи и беды, даже за неурожай. Та же самая ответственность лежала и на *атаманах* или *гетманах* у казаков. Из *гетман* латинскому писателю легко образовать *hendin*. Бургундский *sacerdos*, по Аммиану, назывался *sinistus*; но как бы иначе выразил римлянин название *xiadz*–ксендз, как не чрез *sinist*.

¹⁸⁵ Хребет, разделявший скордисков от древней Македонии и Фракии, от которого производят имя скордисков, называется по-сербски *Шара планина*, т.е. Серый хребет; отсюда по-тур. Чар-даг.

¹⁸⁶ Название *характерники* кажется изменено из *хуторяне*.

¹⁸⁷ Bedae. «Hist Eccles.» (Шафарик. «Слав. древ.» Т. II. Кн. III. Стр. 78).

¹⁸⁸ Происходит, как уже было упомянуто, от *венный* (привенчаный, коронный); от слова вено, венко (*wenko*) – *wenkowsky lid* значит *rustici, agrestes*. Отсюда *wipny* (винный, повинный).

¹⁸⁹ Gerberti Epist. (Слав. древ. Т. II. кн. III. 78.)

¹⁹⁰ Восточ. часть Финнии, *Bothnia*.

¹⁹¹ «Ист. Швец.» Далина (Т. I. Гл. III § 16). По Далину, *Kwenland* было название всей Финляндии. Венды, по готскому писанию, *vani, wänä, winidi, gwinidi, quinidi*, а след. *Kwenland=Wenland*.

¹⁹² *Jette, juti, juten, guden* – изменения по произношению, как *Jutland* и *Gotland*.

¹⁹³ Финский залив есть собственно *Sinus Venedicus*.

¹⁹⁴ «Воен. стат. обзор. Рос. имп.» Лифлянд. губ. 1853 г.

¹⁹⁵ Иорнанд (гл. LI и LII) упоминает о месте жительства этих оставшихся на Дунае готов: *малые готы* (*gothi minores*) жили в Мизии, в *Eucopolis* (?). Это были пастыри, «*gens pauper et imbellis*» («народ бедный и не воинственный»). У них был по принятии христианства епископом известный *Vulfila*.

Остроготы же жили в Паннонии – одни между *scarniunga* (чернецы?) и рекой «*Aqua nigra*» (р. Черна); другие при озере *Pelso* (Плесо Блатно). Судя по славянским именам владельцев и по тому, что сыны Атиллы называли их *белыми своими рабами*, это были не коренные готы, но славяне, отпавшие от сивизма к готскому верованию, а потом принявшие христианство от латинских проповедников.

¹⁹⁶ У Тацита: «*Est apud illos et opibus honos eoque unus imperitat, nullis jam exceptionibus non praecario jure parendi*» («Им свойственно почитание власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать, без всяких ограничений повелевает царь»).

¹⁹⁷ От – Туро, Юрий.

Атила и Русь IV–V веков

Публикуется по: Вельтман А. Атила и Русь IV и V веков. Свод исторических и народных преданий. М.: В Университетской типографии, 1858. В качестве «Введения» подан краткий очерк

А. Ф. Вельтмана «Аттила» по: Картины Света. Энциклопедический живописный альманах на 1836 год с политипажными рисунками. М.: В типографии С. Селивановского, 1836.

Фундаментальный труд опытного автора об одном из величайших полководцев мира, легендарном вожде гуннов с 434 по 453 год, объединившем под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья. В современной России переиздано несколько западных книг об Аттиле, но обстоятельных исследований отечественных ученых пока нет.

Примечания автора.

¹ Alani (Amm.); alauni, *βουλανες* (Pt.), ulinces, ullini, wholinées. На местности *галичан* и *волынцев* у Геродота *ἀλαζόνες*. Дионисий Периегист (см. «Славянские древности» Шафарика), писавший во II веке, называет алан «*Владеющее многими конями племя аланов*» «*Πολυίππων φύλον Ἀλανῶν*».

² «Бисовы дити».

³ По Далину («История Швеции»), напротив, Filmer hin mikle, сын Годорика, или Гетрцака. Филимер, или Вилимар – славянское Велемир.

⁴ «Ne fut connue par aucun autre nom, que par celui qui assignait l'image du discours humain» (С. J. Potocky), то есть «Были известны именно под этим именем, связанным с образом речи».

⁵ Он переселил ἀμαζόνες, μελάγχλαινοι и σκυμνεῖται к Волге, за Дон (Сар. IX. Tab. 2 Asiae).

⁶ См. Иорнанд.

⁷ В саре «Biterolf und Dietlieb» Аттила по мудрости своей сравнивается с Соломоном: «но Соломон при всем своем величии не имел при себе столько витязей, – говорит Битерольф, – сколько я видел при дворе могущественного Аттилы».

⁸ Кассиодор в начале VI столетия был секретарем при Теодорике Готском, овладевшем Италией. Сказания его и односторонни и пристрастны.

⁹ Giseric, Genseric, Geiserich.

¹⁰ То же самое повторяется в главе XXIII о славянах.

¹¹ У Прокопия, Агафия, Менандра и Феофана: *утургуры*, *ультигуры*, *савиры*, *уногундуры* и пр.

¹² In vita Frothonis. III. Hervarar Saga. Olai Vereli.

¹³ Напоминающего Tudri Тацита. (О Германии. Гл. 42.)

¹⁴ «Но величайший стыд и бесчестие на всю жизнь оставить на поле сражения князя и пережить его». (Тацит, О Германии. XIV.) Гельмольдъ пишет: «Если присоединить к Славонии и Угрии, которой жители не отличаются ни по обычаям, ни по языку от славян, то пространство, занимаемое славянским языком почти неизмеримо».

¹⁴ *Бут* – песчаник, *moellon*; *бут* – спуд могильный; по исландским квидам, *bauta-steina* – бутовой, могильный камень.

¹⁵ Так называемое Вандальское царство пало от меча Велизария. Русы мавританские обратились, в свою очередь, за помощью к арабам, впоследствии приняли ислам и составили из себя силу его в Испании под именем мавров.

¹⁶ Тщетно сопротивляясь маврам, ариане-визиготы, или готы Аквитании, овладев Испанией, около половины VIII столетия исчезают с лица истории: «La monarchie des Wisigoths est tombée. Sa chute même a été si complète, que son nom disparaît de l'histoire. Le phénomène est frappant et mérite d'être étudié» («Монархия вестготов пала. Это падение было настолько полным, что само имя племени исчезает из истории. Любопытнейший феномен, заслуживающий изучения» Hist. d'Esp. par Raquis et Dochez. L. III. Ch. 1).

Коренные жители Каледонии – пикты, албаны, *крутены*. Пришельцы же – *scoti*, *scuth*. Буханан и некоторые другие историки полагают их *выходцами из Испании*. Lloyd и Stillingfleet положительно доказали, что монархия в Шотландии началась спустя семь столетий по Р.Х. и, следовательно, соответствует времени пропажи готов в Испании и Аквитании. При Карле Великом, патроне *готов*, «вся нация *скотов со своими философами* прибыла на кораблях и заняла земли, с которых Карл выжил чехов, прозванных *саксами (saxi)*; новые же поселенцы, занявшие их землю, *прибыли*, по Витикинду, *на кораблях из страны, называемой Hadolaun, или Hathalaon*». В этом названии нетрудно узнать *Skotland* или *Shetland* и понять, что название *skotti* есть измененное произношением *gotti, juti, giudei*. Это изменение точно то же, как *galdrar* (гадляр) по наречию исландскому – *skaldrar*.

¹⁷ Hist. de France, par Michelet.

¹⁸ У славян, как и у индейцев, в некоторых случаях были искупительные человеческие жертвы; в деизме готов они уже не существовали. Постановление же Карла, объявленное чехам (*saxi*), грозило смертью не принимающим крещения, возвращающимся к язычеству и *приносящим человеческие жертвы*. Преследование падало преимущественно на владетельные роды и дружины их; бо́льшая же часть поселян осталась на месте; они известны были до позднейших времен под именем вендов; переселенцы же из Шотландии, *шоты* (*scotti*), или готы, образовали из себя поселение *гражданское*.

¹⁹ «*Presque toute la nation des Scots, meprisant les dangers de la mer vient s'établir dans notre pays, avec une suite nombreuse de philosophes*» (Hericus dans sa vie de St. Cesaire. Hist. de Fr. Michelet. T. II.) Т.е. «почти вся нация **готов** (**scoti**, **scuten**, **scuth**, **atta cotti**, **gatheli**) переселилась к нам со множеством своих философов».

²⁰ Настоящего Гомера, как грека, Карл, вероятно, изгнал бы из владений папы: «Dans le premier cas, Charlemagne chassoit les Grecs de l'Italie et de la Sicile, et c'était ce que desirait le Pape». «Le Pape, en donnant à Charlemagne le titre d'Empereur Romain, espérait le rendre irreconciliable ennemi de l'empire Grec» (Hist. de Charlem., par Gaillard.) «Первый случай, когда Карл Великий изгнал греков из Италии и из Сицилии, был связан с волей Папы». «Папа, давая Карлу Великому титул римского императора, надеялся сделать его непримиримым врагом греческой империи» (*фр.*)

²¹ По левую руку. – *Прим. сост.*

²² По правую руку. – *Прим. сост.*

²³ Войско Карла преимущественно составляли наемные – *solidati* (от «*solid*» – золотая римская монета. – *Прим. сост.*).

²⁴ «Pour animér ses soldats et pour les instruire, Charlemagne fit faire un recueil de chansons militaires, qut composoient alors toute notre histoire» (Hist. de France. Gaillard.), то есть «Для вдохновения солдат и их организации Карл Великий использовал военные песни, которые остались в нашей истории».

²⁵ Должно полагать, что Гомер Theodulf был первый творец сказаний о роде *Инглинггов*, чтобы привить к нему Ingelheim на Рейне, где родился Карл.

²⁶ «Le cri de guerre de ces prêtres militaires étoit: mort ou baptème!» («Боевой клич этих военных священников был: крещение или смерть!») (*фр.*) (Hist. de Fr. Gaillard.)

²⁷ «В 9-е лето царства Маврикиева (591 г.) царские телохранители встретили во Фракии трех человек, которые вместо оружия имели при себе инструменты вроде гуслей. Они называли себя *славянами* и послами от своего народа, живущего на самом краю западного Океана, к аварам».

²⁸ Санскр. *гатъя* значит гуд, гуденье, песнь. Гатъака – гудок, гудец, *гатник*, серб. *певец*, музыкант. *Кайдо* (чешск.), гайде, гатня, гадлье – гудок, гуденье, гузло, гусли. *Гада*, гуденье, гаданье; *гатнья*, по-сербски сказание, рассказ. В готских наречиях *kwīra* – песнь, ода, изменяется по произношению в *quad*, *gydd*, *gydda*.

²⁹ «Поэмы Оссиана» написаны самим Макферсоном и выдавались им за древний эпос. Были популярны и в России начала XIX века и послужили одним из источников при написании «Слова о полку Игореве». – *Прим. сост.*

³⁰ Amm. Marc. 1. XXVIII. V.

³¹ Hist. d'Ital. par Leo el Botta.

³² «Les anciens chants Gothiques n'ont qu'une dénomination nationale, qui signifie "le peuple des dieux"» «Старые готические песни имеют национальное имя, что означает "народ богов"» (Hist. de Suede par Geier.)

³³ «Индо-германы».

³⁴ Все грады *Деваны*, *Девы* приняли впоследствии названия Freystat, Freyburg, или Magdeburg.

³⁵ Так, по выражению Лукиана, римляне прозывали германцев.

³⁶ Имя Yngue соответственно славянскому Яно, Янко, Янул, Янкул. Окончание имен на *-ул* в готском обращается в *ulf*, *olf*, *old*, *leif*: Радо, Радул – Rodolf, сокращ. Rolf, Hrolf; Божо, Боин, Божан – Вео, Веowine, изм. в *Veowulf* из Божуле.

³⁷ Далин. История Швеции.

³⁸ В Индии от *Харо*, божества войны, господский род назывался *арья* – Ареевский, Юрьевский. В лат. от того же корня и слова Herus назывались Heriles, Eriles; отсюда образовалось название боярского рода у готов – *jarl*, *eorl*, и *aera* – **honor**; **aerlig** – honoratus. На севере прозвание *jarl* принадлежало сначала только владетельному роду и значило не более как *Юрьич*, или фамильное прозв. *Юрьевский*. От слова же *удельный* произошли: *aethele*, *adelig* и лат. *aedilis*.

³⁹ «Philosophia antiquissima, dicta Voluspa». По-новому толкованию: Völo-spa. Название «Edda» объясняется различно, но все эти объяснения странны. Можно полагать с большею достоверностью, что «Edda» значит то же что и *gydda*, *quiða* – **песнь в значении сборника песен.**

⁴⁰ Isl. Edda. von I. Schimmelmänn.

⁴¹ Дева-Кала-Сива, в свойстве бега конечного времени.

⁴² Овидий «Метаморфозы».

⁴³ Из беглого сравнения «Voluspa» с 1-й книгой «Метаморфоз» видно, что это есть не что иное, как отрывок перевода «Метаморфоз» с перепутанными строфами. Продолжение же «Метаморфоз» заключается частью в Новой Эдде Снорри Стурлусона, в которой есть, между прочим, и следы русских волшебных сказок.

⁴⁴ Овидий был сослан императором Августом на римские подунайские границы, в г. Томи (на границу Добруджской области, при море). Жителей вообще он называет скифами, подразделяя на сарматов (славян-сербов) и гетов (готов). Овидий явно отличает готский язык от сарматского, хотя и смешивает тот и другой: «Я живу, – говорит он, – посреди зверских сарматов, бессов и гетов» (Trist. L. III. El. X). – «Я живу между скифами и гетами» (Trist. L. III. El. XI). – «Какое несчастье жить между бессами и гетами» (Trist. L. IV. El. I). – «Сарматы и геты будут ли читать мои произведения» (L. IV. El. 2). – «Здесь даже сарматы и геты знают тебя» (Pont. L. III. El. 2). – **«Я разговаривал с ними о твоей привязанности ко мне; ибо я выучился говорить по-гетски и по-сарматски».** – «Фрако-скифская речь постоянно звучит мне в уши, и кажется, что я могу уже сочинять на лад гетский» (Trist. L. III. El. 14). – «О стыд, я написал по-гетски стихотворение, применяя наш размер к языку варваров, и, поздравь меня, оно прославило меня между ними и они приобщили меня к числу своих поэтов» (Pont L. IV. El. 15).

⁴⁵ «Non igitur mirum, quod recentiores Scandinavi diabolum pro Lokio illo ceperint. Hoc revera ita evenit ut in Islandia, ubi phrases multae perantiquis de Lokio fabulis, suam debent originem: sic: *Loka lygi* (лукавая ложь), *Loka daun* (лукавый дух) и проч.» («Поэтому неудивительно, что позднейшие скандинавы принимали дьявола за Локи. Однако же напротив получилось в Исландии, где такое тождество в сравнении со множеством крайне древних сказаний

о Локи было обявано их происхождению: так, *Loka lygi* (лукавая ложь), *Loka daun* (лукавыйдух) и проч.»).

«In Scandinavorum cantilenis, quae medio aevo originem debent, variis celebratur *Lokins* nominibus et cognominibus: *Lokke Leiemand* (чертова (лукавого) волынка); *Lokke-löue* (лукавый, юла, шут)» («В скандинавских песнях, которые берут свое начало в Средних веках, многообразны имена и эпитеты Локи: *Lokke Leiemand* (чертова (лукавого) волынка); *Lokke-löue* (лукавый, юла, шут)») (Edda Saem. Lex. Mith. P. III).

⁴⁶ Шиммельман переводит стих: «*Hapt sähun liggia under Hunnalaude: Sie hat liegen gesehen unter der Hunnen (Veneden) land*», то есть «Вас увидели зависимыми от гуннов и венедов». Вопреки первоначальному изданию Эдды, в новейших изданиях строфы для отыскания смысла переселяются с места на место, а *Hunnaland*, переводившаяся *Hunnorum luso*, заменена посредством *Hraevalundi – funesto luso*. Подобных замещений тьма.

⁴⁷ Чтобы отыскать эту *Völa*, некоторые обратились к упоминаемой Горацием Сивилле *araminensis Folia*.

⁴⁸ *Asa – Folck – Asathiod, Godthiod*.

⁴⁹ Смотри статью Рюккерта «*Der Weltentsagende Hindu*» в «*Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes*».

Сравнив апологии *Haramal* с Бхартрихара, мы увидим в них одну и ту же душу, один и тот же голос. *Haramal*: «День хвали вечером, жену – пройдя с ней путь жизни, меч – после битвы, невесту – после свадьбы, напиток – когда его выпьешь». – «Мудрый употребляет и силу обдуманно; ибо, нажив себе врагов, узнаешь поздно, что против сильного есть сильнейший». – «В пути жизни нет друга лучше благоразумия; оно есть и лучший запас повсюду».

Bhatrihari: «Чарует свет луны, чарует лужайка посреди леса, чарует дружная беседа, чарует слово певца, чарует гневная слезка, дрожащая во взоре милой, – все очаровательно; но стоит ли все мимолетное этого очарования».

⁵⁰ Слав. *бут, спуд*; в *Haramal* и *Inglinga Saga*: *bauta – steina*. *Бут* могильный – песчаник, *moellon*; *бутовые* камни, или *хронные*, на севере назывались *рунными*; соотв. лат. *ruina*, напр. *gripnam ducere* – совершать погребение.

⁵¹ Чешское произношение ближе к исландскому: вместо гайда – *кайда* – *quřa*. *кайдош* значит гадляр – *galdrar*; из *кайдош*

образовалось гайдук, гайдуче. То же значение имеет *пандур* – бандырь, бандурист; *трубач*, *трубиров* (*trubac*, *trubiroh*) – откуда в галльском наречии: *trouvaire*, *troubadour*.

⁵² *Новолунги* (*Nivelongi*, *Niflungi*, *Nevelingi*, *Nibelungi*, *Nibelunc*, *Nebulones*); по *Atla-quiṛa* называются они и гуннами, и бургундами (см. *Deutsch. Held. S. Raszmann. Einleitung*). Эта фамилия сближается с родами, носившими впоследствии звание *Rhingrave*, *Wildgrave* – «comes *Rheni et Sylvarum*» (графы Рейна и лесов). Эти леса вдоль по левой стороне Рейна, *Haute Forest* и *Hochwald*. Древняя фамилия *Neuville* также принадлежала к роду *comes Rheni et Sylvarum*. Бургундия, Альзация, *Hunsruck* составляли пограничные владения, воеводства, и, следовательно, область *Nivelung*, вероятно, называлась *Новый Луг* со времени прихода бургундов около 370 года из старого Луга. *Regio Hunsruck* – *Hunnorum statio, seu praesidium* (станция гуннов, или президиум), был главным станом. Там, между прочим, по народному преданию, был *Hoinstein* (*Geogr. Cl. Ptol. apud H. Petrum. 1542*). Родоначальник же фамилии Нибелунгов *Giuki* – слав. Гойо, Гойко; в лат. форме *Cajus*; в сред. врем. – *Gaien*, *Cajan*. *Giuko*, по *Nib. lied*. *Gibeche* был король, подвластный Аттиле. Город *Saub*, *Cub*, *Cubae* на Рейне против *Hunsruck* соответствует поселению *Schaubi*, и, может быть, здесь было родоначалие Киевского, Куявского или Кыянского рода, которого старейшая отрасль переселилась на Днепр. Видя в сагах родственные отношения гуннов рейнских с днепровскими, германские ученые поясняют это поэтической вольностью преданий: «*Omnes norunt, Hunnos fuisse nationem in Germania, et quipem eam speciatim, cui Attalus imperabat; hic autem, per licentiam poeticam, ponuntur pro Germanis in genere*», то есть «Все знают, что гунны были одной из народностей Германии, а именно той, которой правил Аттал; однако здесь в поэтических целях они в целом обозначают всех германцев» (*Edda Saem. Haunia. 1818. P. II. Atla-quiṛa. Nota 51*).

⁵³ См. Известия Импер. академии наук: «Памятники нареч. залабских древлян и галинян», статья А. Ф. Гильфердинга.

⁵⁴ Как в Индии, так искони и у славян рифмы, созвучия употреблялись только в обрядных хоровых песнях; так, например, *гайды говинде* (*gita govinda*), или *спасу*, по большей части с рифмами, созвучиями и припевами.

Литовское *гонигле* соответственно названию *говинда* – пастьрь, говядарь (от *говядо*), *говейный*.

⁵⁵ В издании Хагена древнее правописание обновлено; например, вместо *купес* (кънезь) – *kōnig*; вместо *Siurit* – *Siegfried*.

⁵⁶ В датских песнях собственное имя *Slurit* изменяется в *Sif-fuert*, в песнях Ферских островов – в *Sjurd* (George – Дзюрдзе – Юрий). *Sjurd*, по ферским песням, – гуннского рода: «Kein mann in Hunenlanden der kann sein ihm gleich», то есть «Никто из гуннов не может с ним равняться».

⁵⁷ Hagen, Hogen, Haugni, Hogni – имя, соответствующее *Egnius*, *Ignius*, славянскому Игньо, Огнян.

Хаген переводится – «Одноглазый». В старорусских источниках пишется «Якун». – *Прим. сост.*

⁵⁸ *Vilkina-saga*, как и все древние русские сказки на почве Германии, как будто подвергались строгой цензуре: *русский дух* в них не пропускается; напр., там, где Баба Яга или вообще *нечистая сила* почует русский дух и восклицает: «Фу, здесь пахнет русским духом!», в немецких сказках заменено: «Фу, здесь пахнет человечьим мясом!» См.: Народн. русск. сказки, изд. А. Афанасьевым.

⁵⁹ «На северной стороне гор, в стране славянской (*in Svava*) был город Заград (*Sagard*); им владела Брингильда, неописанная по красоте, мудрости и по геройским подвигам, которых слава не забудется вовеки» (*Vilk. S. cap. 17*).

⁶⁰ *Brot of Brunhildar. Quido 11*.

⁶¹ Слово *ронить* то же, что *резать*, *рубить*; *ронить* значит также *хоронити*: напр. *ронить паруса* – хоронить, спускать паруса. Слово *резы* (порезы, *раны*) однозначно с *рунами*. В *Atla-mal*: «Reþ ek þær runar er reist þin sister» – т.е. «речу (реку) я руны, что *режет* тебе сестра» (на стяге – *staff*, *sta(u)ge*, *stok*). Писание это, следовательно, походило на бирки (от *бир*, *вира*, *сбор*).

⁶² *Voyage des pays septentrionaux, par S. de la Martiniere. 1682*.

⁶³ Серб. Йела, Йелица, Йелька, Йелена – то же, что и Елена, Ольга (*Helga*).

⁶⁴ В *Nibelung. L.* кроме *Neunenland* упоминается и *Ungerland*, которой правил брат Аттилы Владо (*Blode*). Известно, что эта *Ungerland* составляла славянскую Крайну, или Украйну, с Римом. Эти

украинцы – укряне, укры, угры, по-польск. произн. węgrī – унгры, венгры, в сред. времена обратились в ungarī.

⁶⁵ По Иорн. Ernās, по квидам – Ern, в лонгоб. ист. – Erpon. Готское Ortlieb – соотв. от слав. *Ярлюб*.

⁶⁶ Посольство поэтов было в старину в великом употреблении. Они составляли при дворах класс ученых, писцов и возглагошателей *славы*. Певец был собственно и *законник* – *διακονος*, дьяк; по-свеоготски *diaekne* – **scholaris, rheteur, declamateur, avocat, lettre** (Ihre Lex. Swiogoth).

⁶⁷ По *Vilkina-saga*, Blödelin отказался, а вызвался Irung, Hirung.

⁶⁸ Da war gelegen aller da der Feigen Leib,
Zu Stücken war gehauen da das edele Weib
Dietrich unde Etzel weinen da begann;
Sie klagten innigliche, beide, mage unde mann.
Покоятся здесь те, кто был рожден однажды
И высечен был в мраморе.
Здесь благодатная Фон Дитрих и Этцель вознесли свой плач.
Он и она душой стонали оба (*нем.*).

⁶⁹ Сербск. Йелена, Йелица сближается с Илийца, Илинка; на севере оно изменилось в *Hille, Hilleke*: «*Hille, Hilleke – ein frauenname. Ich finde ihn in einer Rugischen Urkunde von 1354, und verschiedenen andern*», то есть «Хилле, Хилеке – женское имя. Она встречается в одной Рюгенской грамоте и в разных других» (Platt-Deutsches Wörterbuch. I. C. Dähnert. 1781).

⁷⁰ Pull, Appuliae.

⁷¹ Потому, разумеется, что Хаген был владетель города, лежащего на р. Сене, *Троицы* или *Трок* (*Troyei*, в древности *Trecae, Tricassum*; а по Нибелунгам – *Tronege*).

⁷² «*Quem ab virtutem vocitaverat ille Leonem*» («Которого за доблесть он именовал Львом») (Walt. Aquit.).

⁷³ Смотри: Русские *квиды*, собранные Киршей Даниловым.

⁷⁴ *Vormica*.

⁷⁵ Г. Тьерри упоминает о легенде монастыря Novalese, по которой Валтер, потеряв, вероятно, Ильдегонду, странствовал по свету богатырем-пилигримом и палицей своей побивал целые рати разбойников, грабивших монастыри. В Новгородской сказке о Василии Буслаевиче (Богуславиче) есть также подобный старец *Пилигримище*.

⁷⁶ Fafnir, или Svafnir.

⁷⁷ Sigidrifa или Sigurdrifa – прозвание Брингильды.

⁷⁸ В Gudrunar-qiþa Гримгильдой называется мать Гудруны; в Nibel. L. мать героини Гримгильды (Гудруны) – Ute; в Vilk. S. – Oda, Jutta, Ida.

⁷⁹ Gudruna, Godruna; по-датски Gurine; в ферейских песнях – Gurin. Славянское Турина, Иурина, Юрица.

⁸⁰ Латинский перевод:

Ad aedes Giuki ille venit
Et ad Gunnaris domum regiam,
Scamna ferro compacta,
Et ad potionem dulcem.

⁸¹ «Kaldri rauddo – *frigida voce*, id est malevola, intensa, quemadmodum istud nomen metaphorice adplicatur», то есть «хладным голосом», **то есть со злобою, с нажимом, чему это имя метафорически уподобляется»** (Edda Saem. Atla-q. n. 10).

⁸² В тексте:

Fengo deir Gunnar
Ok i fiðtor setto
Vinir Burgunda
Ok bundo fastla.

Поймали они Гуннара
И посадили в тюрьму,
Друга (?) бургундов (?)
И связали крепко.

⁸³ «Movit que volarum pedaliū ramis» – «mit der Zweigen der Füsse kennt er sie schlagen» («И понукал ее шпорами»).

По Vols. S., **сама Гудруна прислала ему арфу, чтобы он показал свое искусство.** Гуннар играл на арфе зубами.

Эта история об игре ногами, приписанная Гунтеру или Гуннару, без сомнения, относилась до гудочника или гадляра, который был послан послом к Гуннару и которому Хаген обрубил руки (Nibel. L. Ст. 7931–7936).

⁸⁴ Nun ist von Burgunden der edele König (Gunter) todt,
Giselher der junge und auch Herr Gernot.

Теперь почил Гютер благородный, король Бургундии,
Гизелер юный и властелин Гернот.

⁸⁵ Hamdir и Saurli.

⁸⁶ Дочь Гудруны от первого мужа, Сигфрида.

⁸⁷ Egr, сын Атилы, убитый Гудруной в Atla-qiþa и Atla-mal.

⁸⁸ «Litlo ok lengra, ok mun ek pess segja».

⁸⁹ По Vilk. S., когда Хаген был ранен и связан другом своим Теодориком, то просил у него из дружбы какой-нибудь жены, чтобы оставить после себя наследника. Теодорик исполнил его просьбу. По смерти Хагена и родился сын Альдриан, который, вероятно, рос не по годам и не по дням, а по часам, и по этой причине поспел к мщению Гудруны.

⁹⁰ Эти слова противоречат смыслу квиды.

⁹¹ «Rex verisimiliter Slavonicus» («Похожий на настоящего славянского царя») (Edda Saem. T. II. Ind. nom. propr).

⁹² Saurli по Иорн. – Sarus; Erp по Нибел. – Ortlieb; по Atla-quiða Erp – сын Атиллы, убитый, по Нибел., Хагеном, а по кводам – самой Гудруной, а по Hamdis-mal – братьями. Hamdir, по Иорн. – Ammius.

По Иорнанду Ildico, сестра двух русов, Саро и Аммия, размыкана по приказу Эрманарика за побег ее мужа, который, вероятно, был в числе заложников. По Саксону Грамматику, Swavilda (Всевилада; муж. соотв. имя Sivald – Всевилад), жена Эрманарика, размыкана по подозрению.

⁹³ Это также, вероятно, поэтическая фигура усиления: белый и черный – производят серого.

⁹⁴ Готы, как иудеи, составляя рассеянную общину, были всегда под влиянием языка того народа, между которым жили.

Должно полагать, что Карлу Великому готский язык был родной; при нем и со времени его этот язык сделался придворным и правительственным, предоставляя латинскому право языка религиозного. Вероятно, со времени же Карла учредились в славянских областях судилища под названием Naemf – Judicium ordinarium duodecim assessoribus constans, т.е. «Наемф – общий суд, состоящий из 12 судей» (Ihre). Это те же 12 диаров Одина. Название naemfeman – judex, судья, или palmning, без сомнения дало начало слову немец, немчин, nemes. Отсюда в Венгрии nemeses значит «пан», nemesseg – господство.

⁹⁵ Cap. X. Это он пишет, говоря о Телефе, сыне Геракла, присваивая его готам; следовательно, если верить Иорнанду, то Телеф был гот, воспевавший гуннское имя, а если не верить, то просто гунн, т.е. русс.

⁹⁶ Hist. d'Allemagne, par Luden. Edit par M. A. Savagner.

⁹⁷ «Индо-германы, или сайване».

⁹⁸ Изменение *s/* в *sv* было обычно; например, слобода – свобода; *slep, svaf, schlaf* – сон; точно так же и *slave* обращается в *suave*; *Slavaland*, по квидам, – *Suafaland*.

⁹⁹ О переселении на север готов шведский историк Далин говорит следующее: «Один вел счастливо войну с ванами (*vani, vindili* – венды Дакии), которая по дружелюбным отношениям к владельцам их и союзами между вельможами обоих народов прекратилась. Но он навлек на себя вражду сильнейшего неприятеля – римлян, которые под предводительством Траяна напали на него в собственной его земле (т.е. Дакии). Предводитель готов не мог уже быть безопасен в столичном своем Асгарде (?), а потому удалился в соседство Скандии, предоставив земли свои (по Дунаю) братьям Ве и Виле (остроготам)».

«Это переселение готов, однако же, не относится к эпохе глубокой древности, приписываемой Иорнандом: оно совершилось, вероятно, к началу христианской эры» (Geier. Hist. de Suede).

Выход жителей Дакии, изгнанных римлянами, на север изображен на колонне Траяна.

¹⁰⁰ Здесь должно подразумевать готскую религию.

¹⁰¹ Дидона, колонизация Тира на берегах Африки. Она, по народному иносказанию, попросила у туземцев земли для поселения не более как на объем воловьей кожи. Разрезанная на ремни и вытянутая в струну кожа дала довольно пространства для основания города.

¹⁰² Великорослое войсковое сословие русов дало между готами смысл слову *Rise* – великаны.

¹⁰³ «*Quod Graecis Gothi et Getae vocati, Romanis Dani et Daci dicuntur*», т.е. «Та народность, которая греками называлась готами или гетами, римлянами называлась данами или даками» (*Olai Veveli Hervarar saga. Cap. X*).

¹⁰⁴ «*Rex et pontifex*» («Царь и понтифик») *Jorn*.

¹⁰⁵ «*Des payens mépriserent Odin, et rendirent un culte a Thor*», т.е. «Жители не любили Одина, а почитали культ Тора» (Geier).

¹⁰⁶ По лет. Дании *Jarmar*; по Сакс. грам. *Jarmericus*; по Иорн. *Ermanaricus*; по квидам *Jormunrekr*.

¹⁰⁷ «*Dani, ut testatur veteres historiographi, tempore Saruch, proavi Abrahae, regnum, quod nunc Dania vel Dacia dicitur, intraverunt, venientes de Gothia*», т.е. «Даны, как свидетельствуют

древние историографы, во времена Саруха, прадеда Авраама, вторглись в царство, которое ныне называется Дания или Дакия, придя из Готии (Erici Dan. Reg. Wratislai VII. Ducis Pomeraniae filii, historica narratio de origin, gentes Danorum. Hist. Goth. Vand. et Langob. 11. Grotio. 1655).

¹⁰⁸ Hist. de Danemarq, par J. B. Des Roches. 1740. Apud Annal. Gothl. et Suaningius Chronol. Danica.

¹⁰⁹ Hist. de Dan. Des Roches.

По Саксону и Меурсию, *sclavi*, называемые и вандалами, были **соседи сербов (кимвров)**. Следовательно, племя собственно славен, или словаков по родоначалию от Славоя или Славко, жило по реке Слаю.

¹¹⁰ Ссылными: *witi* – *vicium*, *crimen*, *poena*; *vyt* – *sud*. *Slott* – *schloss*; *sluta* – **заключение**. В *Gragas*: *Vitilauss* значит «освобожденный от казни».

¹¹¹ «Erat autem Humblus iste è prosapiâ gigantea, et in Sialandia auctoritate, ac potentia eminebat», то есть «Хумблом звали его, и обладал он мудростью великой, и авторитетом в Сиаландии, и отличался мощью» (J. Meursi Hist. Danicae. L. I. 1638).

¹¹² Нет сомнения, что этот родоначальник Скъольдунгской династии есть *Himal* Иорнанда.

¹¹³ «Ses sujets laissèrent alors le nom de Gothi pour être appellés Dani» (Hist. de Dan. Des Roches).

По *Hervarar Saga*, *Humli* был **царь гуннов**: «*Eitt sumar er Heidrekr Kongr var i hernadi, kom han lidi sinn vid Hunaland: Humli hiet kongr er þar riedi fyrir: dotter hans hiet Suafa*», т.е. «**летом отправился** король Гейдрек на войну, и пришел с войском в землю гуннов, которою управлял король Гумли, и у которого была дочь Слава (Славица, Славка)».

¹¹⁴ *Saxonis Grammatici Hist. Daniae. Editio Steph. J. Stephanius. 1644.*

¹¹⁵ *Edda Islandorum. 1645.*

¹¹⁶ *Ioh. Meursii. Hist. Dan.*

¹¹⁷ Собственное имя *Beo*, *Beowa*, *Beowine* (Бого, Бойо, Боян) изменяется в немецком в *Beowulf* – **герой англ.-сакс. поэмы 8 ст.**, переведенной Л. Этмюллером. В северных именах окончание *-ulf* происходит от обычного по сие время у румынов окончания *-ул*. Например: *Радо*, *Радул* – отсюда *Radul(f)*; так и *Бойо*, *Бойул* – *Beowul(f)*.

¹¹⁸ «Cujus corpus magnifico funeris apparatu Rutenus tumulavit exercitus, nomine ejus insignem extruens collum» («И для его тела Рутен учредил роскошные похороны, воздвигнув в честь него великий курган»).

¹¹⁹ Сербское мужское имя Гано, Яно; женское – Ианья, Ганка; Янница же или Ганица, Гануца, Иоаница – значит дочь Гана или Яно. По Саксону, Hanunda (Гануца); по Меурсию, это имя изменяется в Hermunda: «Hermundam Hunnorum Regis filiam» («Гермунду, дочь царя гуннов»).

¹²⁰ «Ou'il se servait également de deux mains», т.е. «Где он также использует обе руки» (фр.).

¹²¹ Вероятно, Йеломир. В сербском есть собственное имя Олавер и женское Оливера.

¹²² См. Саксона и Меурсия. «Ex Hanunda, ut videtur, filium Fridlevum sustulit, mox in Russia relictum», т.е. «От Ганунды он, судя по всему, выводит род Фридлов, который едва ли остался в России» (Meurs).

¹²³ Сербское имя Ярень.

¹²⁴ Буква *f* у готов по большей части заменяет русское и греческое *л*; например: пре, pro, prae – for, fyr; Пур – Fyr; пост – fasta; первый, перший – first.

¹²⁵ Грубан – сербское имя.

¹²⁶ Сербское Игньо или Огнян.

¹²⁷ Славянское слово «враже, враг», нечистый дух, сосредотачивает в себе смысл слова *fraus* (*f* заменяет здесь *v*, как в слове ворт – fur).

¹²⁸ Сказочные аллегорические лица, Водыня и Горыня, попали также в число датских королей. Следующие короли: Haldan – Хладень (Frost), Harald (Halr, Hallr, Hald olim gigantes, vel monticolae significavit («эти имена означали гигантов или горных жителей», т.е. Горыню); Unguin – Огнян.

¹²⁹ Имя Harald изменяется в Aril, Aris; например: Haralds-tid = Avils-tid = Aris-tid. Следовательно, оно есть Наго, Яро, Яриле = Йорги, Йоргиле – Jurgel, из которого образовалось Harald.

¹³⁰ «Ismarus Sclavorum Rex» («Измар, царь славян»). Saxo, Meurs.

¹³¹ Series Dynastiarum et Regum Daniae, per Thorm. Torfaeum. 1702.

¹³² Beowulf Heldengedicht des 8 Jahrh, т.е. «Героическая поэма Беовульф 8-го года» (нем.).

¹³³ Γοῦται καὶ Δαυκιωνες. Ptol. I.

¹³⁴ Die Geaten (Gothi) und Dänen erscheinen befreundet, die andern stehn ihnen feindlich gegenüber» т.е. «Явились готы и даны в союзе, враждебные другим, кто против них стоял» (нем.)

«Die Dänen oder Scildinge (Skioldungar) können nach dem Beowulfliede nur auf den Inseln sitzen. Ihr König Hrödgar wohnt auf Seeland», т.е. «Даны или Сцильдипти после битвы у Беовульфого ручья могли засесть только на острове Зееланд. Там пребывал их король Грёдгар» (нем.).

Даны, как и готы, не разделяются на племена; но на east-dene, sudh-dene, nordh-dene, west-dene.

¹³⁵ «Sunt autem (in Germania nationes): Fresones, Rugini, Dani, Huni – antiqui Saxones», т.е. «Кроме того, в Германии существуют следующие народности: фрезоны, ругины, даны, гунны, саксоны». Bedae Eccl. H. «Славянские древности» Шафарика.

¹³⁶ Не древнее верование соединило их, а христианство, если говорить вообще; в частности же, не спорим, что между саванами и во Фракии, и в Дакии, и на острове Зеландии были последователи теократизма готов.

¹³⁷ Inge, Yngue, Ynguar, Ingemar соответствует славянскому Яно, Янко, Инко, Янимир, Янислав. Яно изменяется в Iouo (Иво), Йован. В санскр. Яни, юван – юный; в готском – Inge, Ynge, Unge, Junge.

¹³⁸ «Царственный род Швеции Иварский (Ivar) некоторые прозывают Сигурдским (Sigurdskatta atten)» (Hist. de Suede, Geier).

¹³⁹ Skilia, skilfing – удел.

¹⁴⁰ По Vilkina-saga, приморские земли и острова, известные по готским уже названиям – Swithiod, Gautland, Sviaveldi, Skaney, Sialand, Iutland, Vinland – носили общее название Vilkingaland (Большая земля).

«Fylkis konungar erant reges tributari, vel qui parti exercitus sub auspiciis Regis Upsaliensis praeerant», т.е. «Фюлкис конунгар были народные цари, или те, которое правили ушедшей частью под присмотром царя в Упсале» (Lex. Swio – Goth. Ihre).

Ясно, что название «великий князь», «кънежь», готы преобразовали в fylki cuneg.

Нестор пишет: «По тем же городом, седеху велиции князи под Олегом суще». Эти слова Нестора объясняют, почему и в древней Швеции подвластные великие князья назывались геройскими, т.е. городскими. Слово «город», означавшее вообще и область, обратилось в *gerad*, *gerd*. Эти герады выставляли по 1000 воинов; припомним при этом слова Цесаря и Тацита о свевах, или славянах.

Таким образом, и *Vilkinaland* значило Великая Русь, собственно Сербская (Великая, Белая Сербия), ибо готы слово *Русь*, означающее область, царство, заменяли словом *Land*.

По этрусским надписям слово «великий», «велий» пишется *velikei*, *vele*, *velche*. Народ Этрурии *volci* первоначально прозывались *velicii*: «*Volci populo di Etruria in origine Velicii*», то есть «Вольки были народом из Этрурии, который первоначально назывался Великий» (см.: Чертков А. Д. О языке пеласгов. Стр. 29. *Lanzi*. II. 709).

Должно заметить (см. карту) что название *volci* повсюду нераздельно с *rasena*, *rutheni*, *rugii*.

¹⁴¹ По Далину – Фиолмер, Фильмеря или Волдемар, сын Инге, который по родовому имени называется также *Yngae*, *Yngue*, *Ynguar*.

¹⁴² Готия в Карпатах; Татры, часть хребта Карпатского, значит по-волошки камень; в Татранской области, ныне Турочьской, жили, по Птолемею, *teurgisci* (туричи); она, вероятно, и была *Tirklaud* готов; но, вероятнее, должно вместо *Tirkland* читать *Tydskland* (Дакиа).

¹⁴³ *Holragard*, *Culmigeria*, *Ulmerugia*, *Colmisland* – Холмская Русь; главный город – Холм (*Ulm*) на Висле (см. карту при описании индо-германов).

¹⁴⁴ Жителей Кону-гарда, или Гуну-гарда.

¹⁴⁵ «Славянские древности».

¹⁴⁶ «*Nostro quoque tempore Ragusanae matronae, cum ancillis Sclavenae nationis subcessent, eas Gothas appellant*», т.е. «и в наше время, – говорит Фома Аквитанский, – когда рагузские госпожи сердятся на своих служанок славянского племени, то называют их готфянками» (Статья о распространении христианства в Паннонии. Журн. Мин. нар. просв. 1841. Ч. XXXII).

¹⁴⁷ *Vilkinaland*, Великая Русь, или Великая Сербия, Русь Северская; по так называемому Баварскому Географу – *Zerivar*;

по другому списку – Zerivani, «великое царство (Русь), откуда, как уверяют, происходят и пришли народы славянские».

В имени сербов, по-греч. кимвров, по-лат. циморов, по-галльск. самбров (по Нестору – севера), савиров, северян, должно искать переводный смысл нордманов и Северной Руси; по переводу готов Дакии – **nord-rige, nordmänner, откуда лат. Noricum** – название Сербии Альпийской; **Noricia** – назв. Сербии Галльской, и **Noricia** – Сербии Скандинавской.

¹⁴⁸ Варианты имени: Τυρρηνοϲ, Τυρρηνοϲ.

¹⁴⁹ Ἦρωκοϲ или Ἀρηιοϲ – Ἦρωϲ = Ἀρηϲ – Арей в символе *Тур* (Туро) – Θουροϲ (Θ = серб. Ђ).

¹⁵⁰ У сербов *сбор, сабор*.

¹⁵¹ Ситунская область как пограничная с чудью, должна была составлять удел воеводский, где русь (войско) располагалась по городам или станицам, выставлявшим на службу по 1000 человек. Живой еще образец этих украинских древних воеводств – бывшая Украина Малороссии. Станичные главари под великим князем назывались по различным наречиям: хэтьманами, хатманами, атаманами, ватаманами. Это название сблизается с греческим ἡγεμόν и однозначно с позднейшими: капитан и *hauptmann*. В Молдавии хатманом называется начальник войск, а капитанами – начальники разных частей управления, заменяя слово смотритель.

Бургунды (*burgundi, burgusi*), происходившие от *vinditi* (вендов), имели также атаманов (*hendini*), которые избирались, как и в казачестве украинском, и власть их продолжалась до тех пор, покуда везло им счастье. Они отвечали за все неудачи, за поварные болезни, за неурожай и вообще за все беды. На Украине атаманы подвержены были той же самой ответственности.

¹⁵² См. «Индо-германы»

¹⁵³ *Луговский округ* (в Ганноверском королевстве), где есть еще остатки коренных жителей *древан и глинян* (птолемеевских *angli*), носит по сие время название **Lucie** и **Wendlanda**. См. «Памятники наречий залабских древлян и глинян» А. Ф. Гильфердинга.

Тут же *Luneburger wald* – Лигоборский лес.

¹⁵⁴ К ним относится и *Launeburg, т.е. Löneburg, древний Lemberg* – Львов на Эльбе.

¹⁵⁵ В сред. врем. *Bardengak*. В *Gudrunar qvifa: Langbarz liþar* – луго – бардское войско, всадники.

¹⁵⁶ Без сомнения, по значению *венных*, *винных*, повинных к уплате подати и *севичных* (воронных). Птолемей и Дион Кассий называют уже *Горицу* (Erz Gebirge) и *Русские* (в древности Рифейские) горы – *Вендскими* и *Вандальскими*.

¹⁵⁷ Land, Lana, Läna – значит земля податная, Laensherrar = Landsherrar. (см. Ihre).

¹⁵⁸ Vani, vendi, veneti, vinuli, wānā, vindili и пр. суть только различное произношение имени вендов.

¹⁵⁹ Desiderius – имя христианское, латинское, ибо *франки лонгобардские*, войско, которому Юстиниан за победы готов дал в 548 году земли в Паннонии, принадлежавшие в то время остроготам, были уже христиане. Впоследствии они поборствовали постоянно за Византию против отделившегося Рима.

Иорнанд, писавший «Историю готов» во второй половине VI столетия, должен бы был знать лонгобардов, которые под предводительством Велизария победили готов и получили в дар земли в Паннонии, на которых поселены были в IV столетии бежавшие от гуннов из Дакии остроготы; но он не называет имени победителей, а говорит только, что готы принуждены были наконец покориться могуществу Юстиниана (гл. 40; «Славяне за грехи наши повсюду свирепствуют» (глава 23-я).

¹⁶⁰ Вероятно, Sambara – Semberia, Subria, Сербия.

¹⁶¹ Agilmoud есть **галльская форма, соответственная именам** Aguila, Aguilan, Agilmar, Igilmar; сербское Ягло, Яглица, Ягель, Ягелло, Иглиомир, Игньомир, Огнемир.

¹⁶² Если знаменитейший, то Гурьевский, Тьурѳевский. По кодексу Бамбергскому читают вместо Gungine – **Turgine** и предполагают, что это значит *Туринский* (Paul Warnefried's Gesch. der Langobarden. v. Spruner). Но в этом чтении букву *n* заменяет *r*; следовательно, правильнее читать Gurgine: «Agelmundus filius Ayonis, ex prosapia ducens originem *Gurgingorum*, quae apud eos generosior habebatur» (Hist. Gothl. Vand. et Langob. ab Hagone Grotio. 1755).

¹⁶³ Женск. сербск. *Ламена*.

¹⁶⁴ «Ad tabulam luderet», то есть «играл в шашки» (Warnefrid).

¹⁶⁵ Принадлежащей к древней владетельной Херускиде, стране Хорватской, (Горицкой). Имя Godeos, должно быть, одно и то же с Odoas, известным *Одоакром*, князем Лужицкой (Herulia) и Турицкой области (Turingia, Turcilingia), который овладел Италией, по Иорнанду Hesperia, и по Иорнанду же был царем русов и тури-

чей (Rex Rugorum et Turcilingorum). В сербском и валахском языках к собственным именам придается окончание *-ле*: Ладо – Ладоле; Радо, Радул – Радуде; так и гуричи, турчи – турчиле, откуда *turcilingi*. В имени *Odoas* буква *r* обычная придаточная: вместо *Thiodrek* – *Thiodrek*; *Ermanarik* – *Jormunrek*; Янко – *Jonak* – *Jonak*; Ер – *Erp*. Так и имя *Odoas* должно читать *Odoas*, с придыханием – *Nodoas*, *Godeos* – Годеч.

¹⁶⁶ См. «Индо-германы».

¹⁶⁷ «Иорнанд называет *agazires* тот народ, который мы называем теперь *chazares*» (Географ Равенский).

¹⁶⁸ *Ἀραξέις* – *frachtfurman* – перевозчик, чумак. *Ἄραξα, ἀραξία* – *fahrstrasse*.

¹⁶⁹ Можно, а без сомнения и должно, читать: *κοῦνοι*, потому что буквы *к* и *х* в греческих рукописях часто тянут ляжку одна за другую.

¹⁷⁰ Он перечисляет их: «*ulzingures, angiscires, bittugores et bardores*». Откинув придаточное готское окончание на *-г*, эти названия должно читать: *ulzingi* (вместо *ulcingar*), *angisci, bittugi, bardi*. *Ulcingi*, следовательно, то же, что и *ulinzes* (волынцы), *a(n)gisci* (ясичи?), *bittugi* – битюги, *bardi* – брдовцы, бродницы.

¹⁷¹ Это уже касается не до торгоутов-калмыков, а до тунгусов, называемых в старинных картах *tingoeti*.

¹⁷² Таковы были слухи, сообщенные Аппиану о лицах, изрытых оспой, или калмыцким цветом [цецик].

¹⁷³ *Nervii*, норичи, н0аровяне, по Геродоту, жили на Буге.

¹⁷⁴ Бужане.

¹⁷⁵ Галичи, галинды.

¹⁷⁶ По Иорн. *Agazzires* – козары.

¹⁷⁷ Могиляне днепровские – *μελάχλαινοι* – по Геродоту, жили выше царских скифов, т.е. руси (*ροξάνοι*), ибо Геродот слово *Русь* – государство, великокняжескую область – заменяет словом *Βασιλεία*.

¹⁷⁸ См. «Славянские древности» Шафарика (Т. II. Кн. III. § 44. Прим. 79).

Упоминание, что в песнях их величают *gelanos*, напоминает обычную войсковую песню: «Уланы, уланы, малеваны хлопци».

¹⁷⁹ *Kosar, kosak* (косоносный), откуда *гусаре*.

¹⁸⁰ «*Hundingialand* преимущественно называлась местность Саксонии, где были сечи (*saxi*) Великого Луга Германии. См. *Hel-*

ga-kwiþa Hundinsbana (11, nota 4): «Slavos olim et interdura Saxones postea Vindos, Venedos dictos, ataries nostris Hunos audiisse», т.е. «под именем гуннов предки наши понимали славян, иногда саксов, впоследствии называемых виндами, или венедами» (Edda Saem. Index, nom. progr.).

¹⁸¹ «In den Nordischen Sagas auch Kiaenuborg in Kaenugard, dem Ostlichen unterschieden, von den Kvänen in Finn-und-Lappland (Cajanien)», т.е. «в скандинавских сагах также **Kiaenuborg**, в отличие от восточного» (Anmerk. zu der Nibel. L. F. v. d. Hagen).

¹⁸² Hervarar-Saga. Olai Verelii. Upsalae. 1671.

¹⁸³ «Die Varaeger (Nordmannen) nannten Kiew (Kiewen, Chue (Helm)) die Hauptstadt von Chunigard. d. i. Russland; in den Nordischen Saga's Kiaenuborg in Kaenuland; auch Sambatas, d. i. Sammelplatz der Boote, am Dnieper», т.е. «**Норманы называли Киев местом сбора кораблей на Днепре**, а также столицей России».

Но это подходящее к смыслу толкование более объяснится, если в слове Σαμβάτας заменить μβ посредством θ – будет заводь, т.е. залив реки, куда заводятся суда. Эта заводь, вероятно, была при Зборичеве. По *Vilkina-saga*, столица **Аттилы** называется Susat.

¹⁸⁴ В Пафлагонии. Тут же, по Птолею, за Вифинией к востоку *Γαλατα*; тут же город и залив Ἀμύζων (если не Ἀλύζων), где также обретались амазонки. Тут и река Halis.

¹⁸⁵ У Птолея, без сомнения по ошибке переписчиков, ἀλαζώνες заменяют ἀμαζώνοι.

¹⁸⁶ *Србадия*. В казачестве сохранилось сербское слово *сирома* (*сироматак*, *сироматство*) в значении воинов, юнаков, бесженных по обету, бездомных, бессемейных. В этом смысле слова *сироба*, *сирома*, сирота – однозначны.

¹⁸⁷ Ὁρειπάτες, Ὁρειβάτες.

¹⁸⁸ По Нестору, это прозвание дал Киеву Олег, возвращая его Юрьевскому роду русских князей: «Се буди мати градом руским».

¹⁸⁹ Из Скандинавии вообще, и с островов Готланда и других водный путь лежал по Двине, до верховья близ Смоленска, а от Смоленска по Днепру в Грецию в Иерусалим: «Foru upp at watniþi, sum heitir Dijna, oc upp ginum Rizaland; so fieri foru þair at þair quamu ti Griclanzs», т.е. поехали вверх по Двине через Русь и продолжали путь до Греции – «**Dan time war wegr oystro um Ri-**

saland ok Grikland fara til Ierusalem», т.е. «в те времена был путь через Россию в Грецию и Иерусалим» (Guta Lag. K. Schildener. Alte Erzaelunge etc. P. 107).

¹⁹⁰ Название киевской усадьбы Щековица повторяется в местностях *Щековица* и *Чеховица* в верховьях Вислы и на впадающей в оную реке Дунаевце.

¹⁹¹ Между рекой Lohn (Logaon F.) и Vetter. Здесь жили chaubi.

¹⁹² По городам, брать виру.

¹⁹³ На упомянутом нами пути из Германии к Херсону и в Азию.

¹⁹⁴ Г. Шлецер считает все эти предания о Киеве и Кие сказкой; но все саги, на которых основалась история Германии, так же сказки.

¹⁹⁵ «Кто не знает, – говорит Иорнанд (IX век), – обычай народов заимствовать друг у друга собственные имена: римляне употребляли македонские, греки – римские, сарматы – германские, а готы по большей части заимствовали имена от гуннов». Этим замечанием Иорнанд хочет оправдать бесчисленность славянских собственных имен между готами; но эти-то имена и обличают прозелитов из коренных славян. То же было при принятии русами христианской религии: кроме христианских имен князя носили свои родовые. Вообще без религиозных отношений народы не заимствовали имен друг у друга. Нет сомнения, что и готы, поселившиеся в Паннонии, были по происхождению славяне. Отсюда пояснение Фомы Архидиакона, что многие ложно называют далматских славян готами, тогда как собственное их имя «славяне».

¹⁹⁶ От слова вара – стража, варош – стражница, замок, град; откуда и мадьярское var, varos.

¹⁹⁷ Старая Килия была напротив, на острове.

¹⁹⁸ Кроме Белграда, ныне Аккермана.

¹⁹⁹ Имя херусского, хорватского или горицкого князя Арминия образовано римлянами или из Ярменя (от Яро, Яромир), или просто из Яромира, ибо это имя в обычае было у херуссков. По Диону Кассию, при Домициане также был херусский князь Хариомирос, т.е. Яромир. Нам кажется, что должно читать вместо 'Αρμενίου (Harmenius, Arminius) – 'Αρμερίου.

²⁰⁰ Geberich известен только Иорнанду. Кажется, что должно читать вместо Geberich – **Seberich**, т.е. **Sivard**, имя, изменяющееся в Siegbert, Siege-brecht. Это будет согласно со сказа-

ниями Саксона, ибо Jarmerio, или Ermanarik, наследовал Зеландию после отца своего Сиварда = Sivard, Siurut, по дакианскому наречию – Siegfrid.

²⁰¹ Все эти названия искажены в рукописях; например, в одних gothes, в других golthes; в одних citha, в других (у Муратория) – Etta.

²⁰² Т.е. 'ελος, 'ιλυσ – болото, ил; но иорнандовское писание eguli не подходит к производству от ele. Писание же Дексиппа вместо обычного 'ερουλοι – 'ερουλοι – подходит. Вероятно, Илея, название северного берега Азовского моря, дано греками в этом смысле и в значении луг. Здесь был луг искони. Слово же луг – luh – значит и лес, и болотистое, поросшее лесом место – Iosa palustria, lucus. В греческом также 'ιλυσ – болотистое место – сходится с 'υλισ – лес, луг; следовательно, Аблабий мог передать слово луг тем и другим значением; но это объясняет, что название 'ερουλοι, 'ελουροι, есть не что иное, как лугари. В описании своем Иорнанд смешивает полабских лугарей с заднепровскими, подонскими, хотя происхождение их было одно и то же.

²⁰³ Следовательно, ясно, что это были лугари – сословие казачества, служившего по найму.

²⁰⁴ Goraг. Конечная буква г, по наречию исландскому, есть придаточная к именам.

²⁰⁵ «Ubi Sclavorum vulgus pugnam sine principe ausum acie superavit» («там, где народ склавов, выйдя на битву без предводителя, оружием одержал победу»).

²⁰⁶ По Саксону и Меурсию, Rex Sclavorum (Царь славян); по Des Roches – «Roi des Vandales» (Король вандалов).

²⁰⁷ Сербское имя Будо, Будой, Будул, Будомир, Будислав.

²⁰⁸ Птолемей называет древних жителей Швеции chedini; Тацит – sitoni, sithoni; «Math. Westmonasteriensis in Hist. anni 808» – swathedi (см. Hugo Grotius); Venantius Fortimatus, живший в 580 году (H. Grotius), – suithi; по Саксону, страна Suetia, жители suetici; по другим – suethi sueones. Все эти различия произошли от буквы th – готское Þ, греческое Θ – обращающейся в d, t, f. Suetia = Suenia = Svevia = Swafa (в квидах), Svavonia; Sithoni = Siθoni = Sueoni = савини, славяне.

²⁰⁹ Название великие (князья), велиции, вильни, сближаясь в некоторых наречиях с влк, волк, объясняет значение этого рассказа, касающегося до 40 удельных великих князей. Волки

повешены в насмешку над званием; но кажется, что в предании 40 князей великих приняты за 40 князей волков. Если дело касалось до князей пограничных (фризских, фряжских, варяжских), то и здесь warg (вартош, сġanec, страж) породило у готов warg – iatro и warg – волк.

²¹⁰ «В то время скифы как бы почерпнули новые силы пришествием древних их единоплеменников с севера», – говорит Далин, относя движение Велемира, или Болемира (Balamir), ко II столетию.

²¹¹ По Иорн. goholani – ошибочное написание вместо роѡanoi.

²¹² Des Roches, по Монтану, называет также Swavilda. В сербском мужское: Свавлад, женское – Свавлада.

²¹³ Brodo – Брато, Братѡй; по квидам сын его называется Randver.

²¹⁴ В древней Бургундии, на Рейне, была область Niflunga с главным городом Вормсом (Vormiza). В германских преданиях владетельный род этой области назывался Niflung, Nivelung, Nibelung; в галльских – Nebulones, Nievalong, Nivelung. «Nibelungus – homo quipam nomine Nib», то есть «Нибелунг – некий человек по имени Ниб» (Brudist. des Nibel. L. E. J. Leichtlen; un Cod. Laur).

Лейхтлен полагает, что Nibelung то же самое владение, которое впоследствии называлось Nibelgau, а также Wormsgau. Из всего этого объясняется, что коренное население области было «ново» (англ.-сакс. Neove; по Ульфиле – Nivi; готское – Ny, Neu). По-сербски новлянин – житель Новы или Нова-града, новчан – значит богатый деньгами. Этот смысл мог иметь отношение к сокровищам нибелунгов, нивлунгов, или новлян. Noviomagus (Neustadt) соответствует местности этой Новлянской области или Новагорода, Нового Луга на Рейне.

²¹⁵ Fafuir, Fofnir или, правильнее, Swafnir, Svofnir, Suafa – имя некоего Rex Suevorum (Короля свевов, славов) и значит также змею (Edda. Saem. T. II. Ind. nom. propr.). Символ поклонения Сиве был обруч в виде троякого змея. Легенда о Юрье, побеждающем язычество в виде змея, в северных квадах передалась под званием Сигурда (Sigurd, Sjurd), побеждающего Свафнира (Suafa, Suava, Svavaland, Suavia). **Здесь имя «славяне» заменяет «язычество»**, но Sjurd есть сербское Дзюрдз – Юрий. От этого смысла Si-gar, Sige значит victorious – победоносный. В переносном смысле

имя Sige – в лонгоб. sico, в слав. – секо, секира; в готском: sigger – victrix (победитель).

²¹⁶ «A mars baki» переводят: играл на спине коня; но здесь bak значит «палка, дубинка, батох, baguette». Vakworde – значит «употреблять вместо слов палку». Ваке – вежа, трость. Слово fotr здесь двусмысленно. Его переводят, как поняли братья Эрпо, ногой – fuss, pes; а Эрпо говорил в значении fut – stock, дубинка, клюка с коренчатым наконечником.

²¹⁷ Войска Эрманарика вероятно были расположены по границе, вдоль Днестра и Литовской Руси.

²¹⁸ Greuthungi Tanaites – дунайские хорваты (белосербы) (?); по Птолемию – крофуζοι.

²¹⁹ Над г. Галацом, между Дунаем и Прутом, существуют следы вала. Этот вал, означенный на карте Бауера, идет от с. Долошешти к вершине озера, до Сербанешти, при р. Серете, в протяжении 35 верст, отрезывая таким образом угол при впадении р. Прута в Дунай.

²²⁰ Доло-влахов, жителей долиной, Нижней Влахии. Victo – vales – жители Вышней, горной Влахии (Молдавии).

²²¹ Hervarar- Saga. Cap. I: «По старым книгам, Jotnaheim (Jaettehem, Gateheim, Godheim) к северу назывался Gandwik, или Gramvik (горная страна?), а к югу – Lundzland (луговая?). Перед приходом Tirkiar **ос Asiae menn (т.е. готов) на север, жили в северных странах русы (risar, berg-risar, bergbuar – хорваты, горичане); а в южных – польные, войсковые русы (half-risar, но должно читать: hals-risar, helf-risar, help-risar или haeld-risar). И было тогда большое смешение народов; русы начали брать жен в Mannaheimum и выдавать туда своих дочерей.**

Edda: «Paer Aesirnir toko saer quenfaung þar innan lanz, oc urpo Paer aettir fiolmennar» – т.е. «эти Асы (Asathiod, Godthiod) брали себе жен у туземцев и таким образом постепенно расплодились».

Название русс – rise, rese, hrese, risar, risur, reus, risius, ross – конь, конник; hross (gross – великий); rus, rittare, reusser, reuter и, наконец, ritter – **всадник, рыцарь (!) – по своему коренному значению «великий, знаменитый (знаменованный), знатный, богатырь, витязь»** принято в области квид и саг за сказочное чудовище: gigas, athleta; и несмотря на то, что «terra, quam incolabant hi Gigantes,

veteres historiae Risaland (Rizland, Risialand, Russialand, nuncupant», то есть «земля, которую населяли эти гиганты, древние герои истории Ризаланда» (Ihre), история довольствуется только рюриковской Русью. По Саксону Грамматику, эти атлеты назывались также вильцами (wilze).

²²² Vilkingaland – то же, что Vilzenland – Вельк Русь. Слово land обычно заменяет rige, reich – русь. Vilkinga kong значит великий князь, точно так же как fylkis cuneg. Vilkingamenn – великорусы.

NB: В древнем языке «велиции» берется иногда за существительное вместо цари. Матф. 20, 25: «велиции обладают ими». «См. «Церковный словарь» П. Алексеева. В том же значении и название вильцы, т.е. велиции, вместо великорусы.

²²³ Но Vilkinga-saga: Vilkingaland, т.е. древняя Великая Русь, обнимала Sweathiod (Швецию), Готландию, Sviaveldi, Skaney, Sialand, Jutland и Vinland.

²²⁴ Ulmegard, Holmgard – Холмоград, или Ulme-Rugia – Холмская Русь.

²²⁵ См. «Историю Дании» Саксона, Меурсия и пр. во время Frotho III.

²²⁶ Ныне в общем названии «славяне» племенное название словак, словаки. В общем названии русь, русы, россияне, русичи, рошане, русины было и родовое имя племенное от родоначалия Рашо, Раса.

²²⁷ «Non se ita institutum a Russis esse», то есть «Не так было установлено русами» (Meursius).

²²⁸ Чехия разделялась на *краины* (слово, обратившееся в казачестве в *курень*), чети, или сечи.

²²⁹ По истории Скандинавии соответствует Домару.

²³⁰ Niord был из рода Ванов, т.е. вендов, и женат на Skadi, дочери гета, называемого Thiass. Это мифическое лицо поясняет, что норичские владетели в Скандии были уже прозелитами готов.

²³¹ Как женское имя Йела, Йелица, Йелька (Ольга) сближается с Илька, Илийца – так и Йело, Йелаш, Йелко (Олег) сближается с Илија, Elias.

²³² Ерка, славянское Ерка, Йерина, Гериди соответствует Юрица; в прочих сказаниях это имя жены Атиллы изменяется в Herke, Herche, Heriche и Nelke, по сближению с именем Йелиа, Йела, Йелена, Йелица (Елена, Ольга).

²³³ Сербское Осто, Остога – женское, от него Оста, Остица; в *Vilkina-saga* жена Яровита называлась *Ostoica*.

²³⁴ *Viticinaborg*, по Периншильду; в других списках изменяется в *Vilteborg*, *Vilkinaborg*, *Villeraborg*, *Valterburg*, *Walzburg* – разумеется, по разным догадкам издателей.

Susa, *Susat*, *Susam* – название, разумеется, переименованное.

²³⁵ *Lynghaidur*, Рашман переводит *Langenwald*: «Ein König herschle über den Langenwald, der hiess der frohe Budli», т.е. «Король владыка Лангенвальда, прозванный веселым здоровяком» (нем.).

²³⁶ Полагаем, что Фракия, Греция есть только разные произношения буквы Θ. Русы звук *φ* обращали в *х*; у пеласгов Θ = латинскому *h* или русскому *г*. См. «О языке Пеласгов» А. Д. Черткова».

²³⁷ «И он говорил, что, наследуя своему отцу Мундиуху, он сохранил благородное имя» («Και τὸν πατέρα Μουνδιουχον διαδεξάμενον διαφυλάξει τὴν εὐγενειαν»). По *Volsunga-saga*, которая сродни *Vilkina-saga* даже по имени и которая заключает сказания о влошском, вельшском или Вилькинском роде, т.е. роде великих русских князей, этот род ведет начало от Сигмунда Гуннского; следовательно, родоначальник рода киевских князей вообще, и Аттилы, был Сигмунд, которого потомство, по *Vols. S.*, прозывалось и влохами (*welschen*, *völsunge*), и вильцами (*ulfinge*, *wölfinge*).

²³⁸ *Sigi* к лонгобардскому *Sico*, в готском *Siear*, *Sigar*, *Sjurd*, *Sigurd*, *Sigfrid* соответствует славянскому *Секо* (от *секу*, *рассекаю*), отсюда *секира*, в готском *Siggeir* – *hasta*, *machaera victrix* (*Edda Saem. Index nom. propr. T. II*). *Sigar* – *victorious* – собственно, витьязь: отсюда, по сокращению, *sieg* – победа, в немецком *zug* – подвиг, подвизание – *ductio* – *dux*. Из всего этого ясно, что *Sigi* заменяет собственное имя Юрий.

²³⁹ Следует припомнить русские *Девины грады* (*Dzevanna*) и поклонение тавро-скифов *Артемиде*, или Диане, пристанищ покровительнице Трипутной (*Diana Trivia*, *Триодитис*), которой лики ставились на росстанях. В сущности, это то же божество, что и Изида, Нейта (ночь) и Паллада градоблюстительница – «Мать градов», а по древнему выражению Червонной Руси – «*Великая Русская мати*». Тацит упоминает о славянском обычае омовения богини; причем омывающие ее погружаются в озеро. Это тоже омовение Паллады (см. гимны Каллимаха): «кто узрит

градоблюстительницу Палладу (при омовении ее), тот узрит в последний раз Аргос». «Омывальницы Палладины, белокуроя дщери пеласгов, собирайтесь! Богиня шествует в благолепии...» Следы этого обряда омовения сохранились у нас в народе. Существует также поверье об омовении луны после дождей, говорят: «месяц омылся».

²⁴⁰ Готское название полуострова Сербского (Кимврийского) – Ридготландия – береговая Готландия, в противоположность Эй-Готландии, т.е. острова Готландии.

²⁴¹ Короля франков (варягов) – Frackland; по Nibel, L. – Niderland: собственно, древняя Frisland. Эта же страна называлась и Hundingia, Hundland, Hunland, и смешивалась с днепровской Hunaland.

²⁴² Welschen, falahi, falai, walaha, walahiscon (влошичи), folgen; они же назывались и liudi, разделяясь на west-liudi, или west-falahi, и ost-liudi, или ost-falahi.

²⁴³ См. «Индо-германы» о единстве собственных имен херусских или горицких князей с литовскими.

²⁴⁴ См. Раича «История славянского народа».

²⁴⁵ Как впоследствии дружины варягов, или наемной варты (стражи).

²⁴⁶ Имя Мило изменяется в **Мијо, Мијан, Мијат, Мильен, Милат, Милош**; но Мальо (малый) изменяется в Маньо; точно так же и Милой, Малой могло изменяться в Манной.

²⁴⁷ Припомним повесть о Валтарии и Ильдегонде. По Viik. S., Валтарий (Володар) – племянник Эрменрика, князя римского (Kön. von Rom), а Ильдегонда – дочь Илии, воеводы Grikaland. Но в критике своей Бугуфал рассказывает то же событие, и у него Вальгерж удалой (wdaly Walgersz), владетель замка Тынца (Тунiec) близ Кракова; а Helgunda – дочь короля франков (Regis Francorum). Ясно, что Grikaland значит область Краковская, а не Греческая земля; точно так же и Rom должно принять за известный древний Ромнове (Rzym nowy. Kron. M. Strikowskiego), где был языческий храм.

²⁴⁸ Соответственное славянское: властник, властель, царь, cсар, в римском мире – Cesar, имело у славян значение освящения или обоготворения; в санскрите: амарабхарта – бессмертный, divinus.

²⁴⁹ Империя Византийская в то время называлась еще Римской; народ по империи назывался вообще римлянами; но по странам – фраками, греками. По существовавшему произношению буквы Θ как *h* или *z* (см. «О языке пеласгов, населявших Италию» А. Д. Черткова. Стр. 17 и 48), особенно между славянами, не употреблявшимися, как и индейцы, буквы Θ или φ, название *фрак* произносилось *грк, грек*.

²⁵⁰ *Севевы*, т.е. *славяне*, искони населяли Галицкую и Лужицкую (Lusitania) области Испании (Iorn. XLIV).

²⁵¹ Начальный смысл этого слова от божества предела – Маро, ибо мена и торг производились при погостах, посвященных Маржанне, на Юрья, весной и осенью, и в день Ивана Купалы, летом. Границы обозначались также ликами богов предельных; например, у римлян: *Terminus*, греч. Ἑρμης, тот же *Mercurius* (*mercans, мерх*), означал истукана на могилах, на путях; в слав. Маро, Марко. Смысл слова раздвоился на граничный *marque* и *marche*, *marge* – поле, площадь, торговое место. В лат. *margo* приняло значение границы.

²⁵² Приск употребляет название скифы вместо «гунны»; как и впоследствии то и другое название употреблялось без различия вместо «Русь».

²⁵³ Константин Багрянородный.

²⁵⁴ «Contigit ergo, ut Attilae filii contra Gothos, quasi desertores dominationis **suae, velut fugatia mancipia requirentes venirent**» («Таким образом произошло так, что племена Аттилы двинулись против готов как разрушители своего владения или требуя уходящей от них собственности»). Здесь дело касается до трех братьев-князей с родами: Веломира, Тодомира и Видимира, которые переселились в Паннонию.

²⁵⁵ Переселив царство Аттилы с Днепра в Венгрию, историки должны были и бывшую войну в Херсонисе Таврическом перенести на Ираклию к городу Херсонису, будто бы существовавшему на берегу Черного моря, где ныне Зейтун-бурну. Но отрывок β в Приске относится до войны, начатой при царе Рао, когда был взят г. Ратария на Дунае и заключен мир в Марго; отрывок же γ относится до войны в Херсонисе (ἐν Χέρρονησῶ), потому что взятие *Ratiaria* на Дунае возможно, но вслед за этим сражение при Херсонисе невозможно, хотя бы этот город и су-

ществовал когда-нибудь на месте нынешнего мыса Зейтуне. Как в этот приморский угол Фракии под южным скатом Балканов, так и во фракийский Херсонес на Геллеспонте Аттила не мог заходить без помощи своих историков. Следовательно, Аттила грозил грекам лишать их Херсониса Таврического, точно так же как впоследствии Владимир I.

²⁵⁶ Слово «гость» значило вообще чужого, чужестранца. «Hostis, apud majores nostros is dicebatur, quem nunc peregrinum dicimus» («Гостями называли наши предки тех, кого мы сейчас называем пегринуми»). – «Gestes в копенгагенском городском положении означало чужестранных купцов». – «Купцы, торгующие оптом, очень уважались в древние времена и употреблялись по-слами» (Шлецер о русской летописи).

²⁵⁷ Летопись Нестора, писанная мнихом Лаврентием для князя Димитрия Константиновича (1359–1352).

²⁵⁸ Редакция этих договоров производилась в Византии и на греческом языке, что видно как по смыслу текста, так и по употреблению -үү- вместо -ng-; например, «Стеггетонов, Иггивлад».

²⁵⁹ По Нестору, поход Игоря в Грецию – в 944; но византийская летопись – в 941; договор, по Нестору, совершен в 945; по византийской же летописи следует в 942. Это ничтожное различие времени между летописями Руси и Греции не может наводить того сомнения на достоверность договоров, которое высказывает Шлецер, анатомически истязавший Нестора.

²⁶⁰ В тексте ошибочно *слуды*, но в Радзивилловской рукописи – *слуги*.

²⁶¹ Племенники, родичи княжеские, нялись (брались) обыкновенно в заложники; отсюда *нетий* (*нятые*) принималось и в смысле племенник, племянник. В договоре же это слово значит «понятой».

²⁶² В тексте читали: «сфандр жены»; но должно читать «сфан дружины».

²⁶³ Редакция греческая.

²⁶⁴ Подразумевает «существующую».

²⁶⁵ Болярин – произношение сербское и болгарское.

²⁶⁶ Славянское *Коста*, *Костан*; откуда с вставкой *-n-* римское и потом греческое Constantius, Constantinus. В латинском наречии после *co-* и *co-* вставлялся всегда *n* или *m*, например: союз – coitio, conjicio; *сословие* – consilium; *заключенье*, *соключе-*

ние – conclusio; соиманье – communiō; сомутить (смутить) – commuto; спарить, сопарить – compar, comparatio; сопасты – compasso; совертеть, свертеть – converto и т.д.

²⁶⁷ Т.е. ежедневный обычный отпуск с хлебного великокняжеского двора пищи.

²⁶⁸ Подворье русов в Греции.

²⁶⁹ Русские христиане.

²⁷⁰ Текст следующий, по искажению не имеющий смысла: «а о Корсунской стране, елико же есть городов на той части, да не имать волости князь русский да воюет на тех странах, и та страна не покоряется вам, тогда аще просит вои у нас князь русский, да воюет, да дам ему елико ему будет тебе».

Во-первых, князь русский без титула великий в договорах не пишется; во-вторых, Корсунская страна составляла общие выгоды для Руси и для Греции. Русы владели страной, имели города (крепости) для содержания в зависимости козар и черных булгар, населявших страну; а греки имели по южной стороне торговые города. Следовательно, в отношении русов в договоре идет речь о дани, обыкновенно собираемой войной (см. поход Игоря в дrevляны, в дань), и о помощи со стороны греков.

Таким образом, вместо «да не имать волости князь русский» должно читать: «дани имать великий князь русский».

Что великий князь по договору ограждал греческие города от набегов вольницы, то это видно из условия ниже, где в тексте также слово великий изменено в велим.

²⁷¹ Белобережье, в устье р. Белобережи, впадающей в лиман Днепровский. Здесь был греческий город Одесса, которого название, кажется, изменилось в Очаков, по р. Аксиак.

²⁷² В некоторых списках вместо «великому князю русскому» – «велим князю русскому»; но это грубая явная описка.

²⁷³ В договоре Олега то же самое.

²⁷⁴ Лев Диакон. Кн. IV, гл. 10.

²⁷⁵ Suypiod есть сокращение suata piuda, om Slavathiuda. Piod значат gens, populus, universitas; по Cod. Arg. Piuda – regio, царство; следовательно: Suavathiuda – Славянское царство. Suavi, slavi, sclavi = sklavi; по произношению буквы s как sc, sch, sk – schuavi, skuavi, skuafi (как Suavalund = Svafaland, переходит в греческое Σκιθοι).

²⁷⁶ Amm. Marc. XXXI.

²⁷⁷ Через Булгарию шли сухопутные войска.

²⁷⁸ Вольное казачество, комоньство, сироматство, или *Сербадия (Сарматия)* Задонская с VII столетия была уже под влиянием иудейства и магометанства. Готское преобладание рушено Святославом; но с этого времени водворилось могущество магометан. Название «печенеги», кажется, образовалось из беяз-ногэ – белых или великих ногаев. Это древняя казачья орда (уряд), азиатские сарматы.

²⁷⁹ Semberia, Sumbria, Subria – Сербия.

²⁸⁰ Латинская форма *Hedecon, Hedeco. Годо, Годеч, Годи-чан*, но *Годеч (Годович)* составляло родовое или фамильное прозвание. Известный истории *Odoacr*, по Мальхию (Ехс. Е. Malchi Historia) Ὀδοαχος, есть собственно (без готского окончания на -r) *Godeos*, т.е. *Годеч*. В произношении романском придых. буква *g* часто исчезает; на сравнение: *Odofred* вместо *Godofrede*. *Годеч* (Ἐδέκων), отец *Годеча (Odoacr)*, был князь (гех) лужицкий (*heruli*), турицкий (*turcilingi*) и стурицкий (*steuer scugi*); вообще же владетель русов (*rugii*) Реции или *Расции между Альпами и Дунаем (Vindelicia)*.

²⁸¹ Мы полагаем, что вместо «Νοβῶν τῶν Θρακιῶν» надо читать «Νομῶν τῶν Θρακιῶν». Это пространство и заключает в себе всю нынешнюю Сербию и Булгарию по хребет Гима (Балкана).

²⁸² Почести, оказываемые послам Олега, могут пояснить и почет послам Атиллы: «Царь же Леон почти послы русские дарами, златом и паволоками и фофудьями (φοφουδωτος – кафтан; при Атилле σηρικοῖς ἑσθήμους) и приставили к ним мужи свои показати им церковную красоту и палаты златые, а в них сущее богатство, злата много и паволоки и камень, и страсти Господни, и венец, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учащея к вере своей и показующе им истинную веру, и тако отпусти я в свою землю с честью великою».

²⁸³ Послы Олега и Игоря также совершали договоры в Константинополе и возвращались в Киев с посольством греческим для окончательного утверждения: «Послы ж Игоревы приидоша к Игорю с послы грецкими и поведаша вся речи царя Романа. Игорь же призва послы грецкия... И рекоша послы; “се посла ны царь, рад есть миру, и хочет мир имети ко князю русскому и любовь, и ко прочим князем. И твои послы водили суть царя нашего роте, и нас послаша водити тебе роте и муж твоих”».

²⁸⁴ Доставляющий послание.

²⁸⁵ Час заключает в себе 5 верст.

²⁸⁶ Переезд в 40 верст в сутки был всегда средней мерой пути посольств. Например, Олеарий из Нарвы в Новгород (в то время 40 немецких миль или 280 верст) приехал в 5-й день, что составит 56 верст в сутки. Выехав из Нарвы 7 марта, прибыл в Москву 28 марта; т.е. в 26 дней он проехал 120 немецких миль, или 840 верст, – круглым числом по 40 верст в сутки. «От Шамахи до Дербента, – пишет он, – обыкновенно считают 40 немецких миль, или 6 суток езды». Следовательно переезд в сутки – 16 верст.

²⁸⁷ По старинным картам – *Predel mons*, составлявший действительно предел между Мизией и Илирией, а ныне между Бугарией и Сербией.

²⁸⁸ «Из пределов Наисса мы, проделав путь по Истру, пришли в тенистое место, где было множество поворотов и излучин» («Ἀπὸ τῶν ὀρίων τῆς Ναῖσοῦ τὴν πορείαν ποιησάμενοι ἐπὶ τὸν Ἰστρον ποταμὸν, ἐς τι χωρίον ἐσβάλλομεν συνηρεφες, καμπὰς δὲ καὶ ἰλιγμοὺς καὶ περιαγωγὰς πολλὰς ἔχον»).
 «Из пределов Наисса мы, проделав путь по Истру, пришли в тенистое место, где было множество поворотов и излучин» («Ἀπὸ τῶν ὀρίων τῆς Ναῖσοῦ τὴν πορείαν ποιησάμενοι ἐπὶ τὸν Ἰστρον ποταμὸν, ἐς τι χωρίον ἐσβάλλομεν συνηρεφες, καμπὰς δὲ καὶ ἰλιγμοὺς καὶ περιαγωγὰς πολλὰς ἔχον»).

²⁸⁹ Сказочное название, данное столице Аттилы в *Nibelungenlied* – граде Аттилы.

²⁹⁰ Один раз Приск употребил слово *δίθροο* – *кресло*, а в другой: *θρόνο* – *трон*.

²⁹¹ «*Haud longum viae spatium cum barbaris progressi, alio iter vertimus*» («Небольшой промежуток нашей жизни, прошедший с варварами, на другой путь встаем мы сейчас»).

²⁹² Вообще, по сказаниям, Аттила имел двух жен – *Эрку*, т.е. *Йерку*, или *Юрицу*, дочь русского князя Острога (*Osantrix*), и по смерти ее дочь князя Гойко Нивелунгского (*Nivelung*). Имя первой супруги в различных сказаниях различно только по произношению: *Ерка*, *Нерка*, *Нерkia*, *Нелка*, *Керка*. Нет сомнения, что имя, упоминаемое Приском, *Ἐσκα*, есть описка вместо *Ἐрка*.

²⁹³ *Ἐν πεδίῳ κειμένην*; степь – о *κάμπτος*, *πεδίον*.

²⁹⁴ В другом месте реку *Δρήκων* Приск называет *Δρέγκων*, и эта река была в Скифии: «Ὅτι οἱ ἀμφὶ τὸν Ἀνατόλιον καὶ Νόμον τὸν Ἰστρον περαιωθέντες ἀχρὶς τοῦ Δρέγκωνος λεγομένου ποταμοῦ ἐς τὴν Σκυθικὴν διέβησαν», т.е. «Анатолий и Ном, переправясь через Дунай, проникли уже в Скифию до так называемой реки Дренконы». Скифия в понятиях греков ограничивалась Карпатскими горами.

²⁹⁵ В Иорнанде слова Приска о посольстве изменены следующим образом: «Вот что пишет Приск, посланный к Аттиле Феодосием: «переправясь через большие реки *Tysiam, Tibisiamque et Driccam*, мы прибыли к тому месту, *где некогда Видикула (Vidicula), храбрейший из готов, поражен был сарматской палицей (sarmatum dolo occubuit)*. Отсюда недалеко уже было до *веси (vicus)* – столицы Аттилы; я говорю *веси*, но эта *весь* уподоблялась обширнейшему городу».

Имя Видикулы явно вставлено Иорнандом. Он упоминает еще о Видикуле при описании, что благородные скифы (по Иорнанду, приписано готам) назывались **Zarabos Tereos** (Сорабск. Русь)* и *pileatos* – косоносными, носатыми, козарами). Они жили сперва при Азовском море (т.е. там, где жили древние кимвры (сербы); *а потом при реке Борисфене, которую жители называют Danubius* (вероятно, Дон). У них были песни о богатырях, в числе которых был и Видикула.

*По Геродоту, *скифы царские*.

²⁹⁶ Точно так же, как *Нястру* – Днестр.

²⁹⁷ Упомянув, что они текут в Дунай из горы *Аїμος*.

²⁹⁸ Многие принимали это слово за «кумыс», не зная того, что кумыс делается не из ячменя, а из кобыльего молока и составляет перебродивший пьянящий напиток. Слово «кумыс» у черкесов – «гымза» – значит также квашенье, брожение, и по значению слов *гамизати* (серб.), *гамзить* (русс.) – бродить – сближаются со словом «квас».

²⁹⁹ *Μακρὰν δὲ ἀνύσαντες ἕβδὸν μακρὸς* - великий путь – *long, grand, loin, qui dure longiems*.

³⁰⁰ «Опыт повествования о древностях русских» г. Успенского. Ч. 2. стр. 140.

³⁰¹ *Καλαρός* значит солома, камыш, тростник. В Херсонской и Подольской губернии камыш по преимуществу заменяет дрова.

³⁰² «От грек паволоки и злато и вина и овощи разноличны» (Нестор. Слова Святослава).

³⁰³ *Κώμη*–*bourg, vicus* – *весь*. Польское слово *miasto* в этом случае более соответствует, сходствуя с румынским *тырг* (торговое место). Греки названию *πόλις* придавали значение места, обнесенного каменными стенами.

³⁰⁴ Иорнанд, почерпая из Приска же описание столицы Аттилы и дворца его, сообщает об оных следующее: «Я на-

звал столицу Аттилы весью (*vicus*), но эта весь уподоблялась величайшему городу. Дворец был деревянный, построенный из брусьев столь гладко прилаженных и лоснящихся, что с трудом можно было рассмотреть соединение их между собою. Тут были обширные столовые палаты, портики (крыльца), великолепно расположенные; дворцовая же площадь (*area curtis*), **обнесенная** оградой, столь была пространна, что одна ее обширность обличала царскую обитель».

³⁰⁵ Первый из вельмож приближенных, следовательно, царский конюший. Обыкновенно это звание заменяет собственное имя, и потому очень легко может быть, что Ὀυνήγιος, с придыханием на о, образовалось если не из *Ианишич*, то из этого звания.

³⁰⁶ Приведем еще пример посольских переездов в сутки: в 1474 году переезды венецианского посла Амброджо Кантарини были следующие: Из Ленчиц выехал 14 апреля в Люблин, прибыл 19-го, совершив в 6 дней 250 верст, с лишком по 41 версты в сутки; из Люблина выехал 20 апреля, прибыл в Луцк 23 апреля, совершив 200 верст в 4 дня, т.е. по 50 верст в сутки; 23 апреля – из Луцка, 1 мая прибыл в Киев, проехав 350 верст в 7 дней, что составит 50 верст в сутки.

³⁰⁷ Тело великого князя Ярослава в 1054 году положено было в церкви Св. Софии, «в раце мраморяне».

³⁰⁸ Не забудем при этом громадных гранитных баб.

³⁰⁹ У Приска, название жены Аттилы *церка*, без сомнения, не собственное имя, а црца.

³¹⁰ Сборичев, где была заводь кораблей.

³¹¹ Йанишич (?).

³¹² Ряды бревен или балок, образующих здания, называются венцами; в этом смысле, вероятно, по объяснению скифов, употребляет Приск «οι κύκλοι»; деревянные башни, шестиугольные, восьмиугольные, сплавивались из брусьев пазами в гладь.

³¹³ Этот обычай долго длился на Руси; следы его по сию пору не совсем исчезли.

³¹⁴ Βασίχ καὶ Κοурсίχ – **Bazic(um) et Cursic(um)**. Соответственные сербские имена в – Басоје, Красоје; по произношению же латинскому имени **Bazic** или **Bazich** соответствует **Божо, Богой, Богич, Божич, Боица**.

³¹⁵ Меч Ароя, в северных мифах – меч Сигурда Гуннского, которым он поразил змея, жившего в скале (по русским предани-

ям, Змея Горыныча). Мы уже объясняли, что Sigurd, Sjurd – то, же что кимврский (сербский) Дзюрдзе.

³¹⁶ По древнему русскому обычаю – пить чашу великого государя.

³¹⁷ Берих, Веріс – Борич, Борис, Борой.

³¹⁸ «На том столе, за которым сидел государь, по обе его стороны было порожнего места настолько, насколько он мог достать руками. Ежели братья его не в отлучке, то старший из них сидит по правую, а меньший – по левую руку» (Герберштейн).

³¹⁹ Zérkov – без сомнения, сербское *шара, шарац, шарак* – пестрый, серый; следовательно: пестрый шут – Арлекин.

³²⁰ 'Hpvāc, в другом месте – 'Hpvāx. В квидях соотв. Epr, Eprg. в серб. Йерко, Йеро – Яро, Ярень, Юрий.

³²¹ Послы обыкновенно обедали у царя в столовой избе два раза: в первый раз по представлении своих грамот, а во второй раз на отпуске, после чего выдавались им ответные грамоты.

³²² Древние и нынешние болгары в отношении к россиянам. М., 1829. Стр. 186.

³²³ Стр. 214.

³²⁴ Там были из известных истории областей Галицкая, Словенская (suevi, silingi) и Лужицкая.

³²⁵ Известный переход свевов Винделикии, или Вандалии Римской, между Альпами и Рейном в Галлию и потом в Испанию, без сомнения есть поход князей Винделикии на освобождение родичей в Галлии и Испании. Отсюда, по правительственной области Vindelicia, прозвались русы-славяне Испании вандалами.

³²⁶ По Торфею, все Фродо составляют одно и то же лицо.

³²⁷ Iorn. XXXI.

³²⁸ Etudes Hist. Chateaubriand.

³²⁹ «Dans les Gaules les provinces Armoricaines (области поморянские) se torment en republicues federatives. Les Alains, les Vandales et les Sueves entrent en Espagne (409. 28 Sept)» «В Галлии провинции Арморики (области поморянские) образуют федеративные республики. Аланы, вандалы и свевы входят в Испанию» (фр.)

³³⁰ Gouderic, Gunderich; по Прокопию Цесарийскому, Испанию покорил Годигискл; Gonderic же (Gontharis) и Гизерик – сыновья Годигискла.

³³¹ Hermeric, Hermiar.

³³² Hist. d'Esp. par Paquis et Dochez.

³³³ Hist. d'Esp.

³³⁴ Предивой, Превлад.

³³⁵ Tlieodoricus, Theodores, Theodoredus.

³³⁶ У славян старшие сыновья носили по преимуществу родовые имена. Так, например, происходящие от родоначальника Годо прозывались Годовичи. В готском языке придавалась обыкновенно в конце собственных имен буква *r*: Годо – Godar; отсюда изменение вместо Годович – Годорич; со вставкой же буквы *n* – Gontharius, Gondoric.

Окончания *-giscl, gisl, gaise*, должно полагать, заменяют славянское «гость».

³³⁷ Отсюда у историков является договор между Бонифацем, Годориком и Гейзериком разделить между собою африканские владения на три части.

³³⁸ Hispalis – Севилья.

³³⁹ По византийской истории: Διυζιρίχος и Δίνυζιλ.

³⁴⁰ Подобное завещание сынам было в обычае у русских князей: «Ярослав наряди сыны своя рек им: “Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте к собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; да аще будете в любви межи собою, Бог будет в вас, и покорит противные под вы, и будете мирно живуще. Аще будете ненавистно живуще, в прях которающесь, то погниете сами и погубите землю отец своих и дед своих. Иже налезосоша трудом своим великим; но пребывайте мирно, брат брата послушайте. Се же поручаю в себе место стол сыну своему и брату вашему Изяславу Киев; сего послушайте, ако послушаете мене, да и той вы будет в мене место» (Завещание Владимира Мономаха. – *Прим. сост.*).

³⁴¹ «Navibus abscissis, truncatisque auribus patri suo ad Gallias remiserať», т.е. «Лишив их кораблей и отрезав им уши, он отправил их к своему отцу в Галлию» (Iorn.).

³⁴² Chlodio, Chlogio, Cloio. Славянское: Хладо.

³⁴³ Chodebaud: он принужден был искать убежища при дворе Аттилы.

³⁴⁴ Водворившиеся в 373 году на пространстве Бургундии венды (вернее: бардовские же, *bardungi*) с побережья Балтийского моря.

³⁴⁵ По Сервию, писавшему в V веке, *allemani* жили при озере Лемане.

³⁴⁶ *Vindonissa*, бывшая, вероятно, там, где ныне *Kayserslautern*; *Augusta* (Βασιλις) *Rauracorum* (**Basel**); **Colonia Argentoraria** (Сребреница или Среберна), по-чешски – Стреберно – преобраз. в *Strasbourg*, потом в *Strassburg*. По преданию, латинское название *Argentoraria* заменено Атиллой; следовательно, на славянском – Стреберна баня, Стреберно или Стребреница, как Злата баня, Златино, Златиница; *Vormatia* (*Vormitza*, *Worms*); *Mogontiacum* (*Mainz*) и *Col. Agrippina* (*Köln*).

³⁴⁷ «Никакие доводы, никакие протесты, никакие молитвы не могли сломить твердый дух Теодориха», – говорит и Тьерри.

³⁴⁸ *Sid. Apoll. Epist. Thierry. Attila. T. I.*

³⁴⁹ «Всю ночь Атила провел в необычном возбуждении» (Тьерри).

³⁵⁰ *Hist. d'Attila. Thierry. T. I. P. 184.*

³⁵¹ Под именем гепидов, мы полагаем, должно понимать господу, или господарства и жупанства, образовавшиеся в Даккии по изгнании готов.

³⁵² «Да не подумают, что я, гот по происхождению, прибавлял что-нибудь в пользу готов к тому, что извлек из книг или из устных рассказов» (глава LX).

³⁵³ Которую он и доказал, отложившись от сыновей Атилы. Иорн. Гл. LII.

³⁵⁴ «Et plaça dans le centre les Burgondes, les Francs, les Armoriques et les Alains de Sangiban, que les troupes fidèles avaient pour mission de surveiller» (Thierry). Т.е. «Сангибан, воевода алан, подозреваемый в готовности к измене, был помещен в центре, чтобы иметь возможность надзирать за всеми его движениями и наказывать в случае измены» (*фр.*). Имя Сангибан, по-видимому, значит Санко, бан аланский.

³⁵⁵ *Gibbon.*

³⁵⁶ Кассиодор служил в начале VI столетия при Теодорике Готском. Сведения его о готах сохранились только в Иорнанде.

³⁵⁷ Вероятно, для того, чтобы ни с кем не делиться лаврами, потому что римлян как будто не существовало в бою.

³⁵⁸ По народным сказаниям, из похода в Галлию он привез с собою визиготского заложника, Валтария Аквитанского, племян-

ника Торисмонда, наследовавшего Теодорику; а от франков Галлии (бургундов) – Хагена, князя Трощкого или Тронцкого (Тресае, Troyes, Tronege).

³⁵⁹ Что коренные готы – gothi, juthi (**asathiod, Asa-Folck** – Божий народ) – были деисты, это, кажется, не требует доказательства. Вся так называемая северная мифология не имеет смысла в отношении готов, ибо относится к коренному народу, в недрах которого поселились готы.

³⁶⁰ «Явившийся меч Арея» («Ἄρεος αναφάναντα ξίφος»).

³⁶¹ Еще при жизни Аттилы *Данчич* владел уделом козарским. Ярень (Ignach, по Иорн. – Enac, Ellac – Иерко, Иелко), любимый сын Аттилы, вероятно, получил в удел Русь по правую сторону Днепра.

³⁶² По некоторым сказаниям, эта Илийца (Ildico, Idlico, без сомнения, Illico) была дочь царя Бактрианского. Известно, что область Бактрия была долгое время во власти скифов и гуннов.

³⁶³ В народных преданиях (*Vilkina-saga*) **Валтарий и Ильдегонда** составляют особенный рассказ, из которого образовалась латинская поэма «Wallharius Aquitanus». Ильдегонда – дочь князя Ильи Грецкого (Grikialand), следовательно, имя ее *Илийца*, т.е. *дочь Илии*.

³⁶⁴ Нам кажется, что многоженство, не существовавшее в древней Индии, не существовало и у славян. Оно истекло из условий колониальных народов, разносчиков кривой науки и слепого просвещения. Прививаясь повсюду к коренному народу, они плодились, множились и тучнели на счет его.

³⁶⁵ **Gudruna, собственно Gurina, принадлежит к числу славянских имен, преобразованных учеными скальдами для истолкования готского их значения: Gudruna значит по их смыслу *божья руна*; столь же основательно, как *Vutich* – Witixa – значит Wit-iza, т.е. sapiens in moto (мудрый в изречениях).**

³⁶⁶ Grimild, немецкая форма Grimhild. Славянская – Громо, Гремислав – женская Громила, Громилица.

³⁶⁷ König von Susa. Но по сходству в древнем письме буквы *r* с *s*, без всякого сомнения, Rusa обратилась в Susa.

³⁶⁸ По северной форме в именах буква *r* придаточная, почему Gunnar – то же, что и Gunno.

³⁶⁹ Hagen, Hogni, латинское Ignius, в сербском Игньо или Огнян – Hernot, Gernoz, Gernis, Hernit; по Далину (Т. I. Гл. X. 9),

Harvit – Яровит. – Hagen был незаконный сын, порожденный от Эльфа. Третий брат Гримильды, юный Gilse(r), Gisle(r) – Гейза.

³⁷⁰ Кожа в то время заменяла бумагу; при посланиях прилагались или привязывались печати. Скальды, перелагатели преданий в квиды, не поняли этого. Приложенным печатям к свиткам дан смысл, что Гримильда в предостережение братьев от замысла Аттилы убить их посылает кольцо свое, завернутое в волчью кожу; это значило, что Аттила волк и съест их (!).

³⁷¹ Ода; в Nib. L. Uta. Слав. Ojda.

³⁷² По care: в саду, который назывался Holmgardh, Homgard, Hognagardh, Homgard, а по 85 главе – **Krutgard, где водились и хороводы (ringellanz).** «Этот сад и до сего дня так называется, – говорит рассказчик, – и до сего дня обнесен каменной стеной». Ясно, что Киев-град обратился в огород и сад. Битва происходила сперва в ограде, в кроме, а потом за стенами града, на улице: «Eine breite Strasse und Häuser auf beiden Seiten», т.е. «широкая улица с домами по обеим сторонам» (нем.).

³⁷³ См. 150 гл. **Vilk.-saga. Он родился от Эльфа и имел мертвенную наружность.** Эльф завещал матери, что она может открыть сыну тайну его происхождения для того, чтобы в случае опасности жизни он мог призвать отца своего на помощь; но никто другой не должен знать этой тайны: иначе приключится ему смерть. Эти слова подслушала одна женщина и сообщила Тодорику.

³⁷⁴ На чужом языке замысловатость русской сказки потеряна. Огнян (Hogni) родился от духа, когда его мать *veintrunken und in einem Blumengarten entschlafen war*, т.е. **«напилась вина и уснула в саду»** (нем.), и заклят условием тайны его происхождения. Когда Тодорик произнес имя отца его, тогда он вспыхнул. Мать Огняна была за Альдрианом; это имя, без сомнения, происходя от Eld, Aeld, Eldur – огонь – есть уже готское; Eld же изменилось в Elf, Alf. Тодо, или Тодорику, по сходству с rauf, придано значение сына чертова – Teufelssohn.

³⁷⁵ Бремен (Brema, Brima; брама или брана по-славянски значит «врата» (варта, стражница)). Герой Vilkina-saga – Тодорик Бернский, собственно, из Брно.

³⁷⁶ Mestrborg, ныне Münster.

³⁷⁷ «Und obwohl auch eigenthümlich Nordische, und selbst Slavische Sagen einen Bestandtheil dieses Werkes ausmachen, so ist die Hauptmasse doch gewiss ursprünglich Deutsch (?)», то есть «И хотя

своеобразные скандинавские и даже славянские былины являются составной частью этого сочинения. Это относится также и к основной массе старонемецких сказаний» (*нем.*). F. v. Hagen.

³⁷⁸ Thiodise. Thidverskr tunga.

³⁷⁹ В главе 367 поясняется сказочное рождение этого сына.

³⁸⁰ Praecipuus Hunnorum rex Attila («Предводительствующий гуннами царь Аттила»).

³⁸¹ Отечество Аттилы, по Приску, Мундиух; по Иорнанду (Cod. Paris. 1809) – Manzuchius. Имя Mundo, Mundio, по Иорнанду, было в числе гуннских имен и в роду Аттилы: «Nam hic Mundo, Attilanis quondam origine descendens» («Ведь этот Мундо был одним из потомков Аттилы»). Это имя есть или Мичо, Мечан, Мечо (Мечеслав, Мечемир, изм. в Межемир, по-гречески писалось Μεζζμῆρος), если только не перевод имени Миро, по галльской форме Mundus.

По *Vilkina-saga*, Аттила наследовал Кыянское княжение от князя Melias, т.е. Мило, Милко, Млко, обращающееся легко в Мичо.

Предание о мече (*gladius Martis, sacer*), которым владел Аттила, могло родиться из его родового прозвища Мечеславский (меч славы).

³⁸² От санскритского Харинна, славянское Храня, Хранитель. Греческое Хирон.

³⁸³ *Горн, горнец* – горшок, откуда латинское *igna*. *Руно* по-русски значит, кроме шерсти овец, рухло, рухлядь – *развалина* – *guina*. *Рунные* камни – то же, что *руинные, хронные, похоронные, могильные*. *Хронные* надписи, называемые на севере *рунами*, приняли, неизвестно почему, значение собственно древних письмен готских. *Ронить* по-русски значит *косить* траву, *рубить* лес.

³⁸⁴ Св. Бонифаций (языческое имя Винфрид) в 745 году в письме к англо-саксонскому королю Этибальду пишет: «Венды служат образцом любви супружеской; у них жена по смерти мужа отказывается от жизни; и та считается истинно достойной женой, которая собственной своей рукой предает себя смерти, чтобы сгореть на одном костре со своим мужем» («Славянские древности» Шафарика. Т. II, кн. III).

³⁸⁵ См. перевод Френа и его примечание 96.

³⁸⁶ Это название в списках неразборчиво; мы приняли написание, сближающееся с *Дзевана*, соответствующее санскр. Деванича – божество града ночи.

³⁸⁷ «Возложат на кладу мертвеца и сожигаху, и по сем со-
бравше кости влагаху в сосуд мал и *поставляху на столпе на
путех*» (Нестор).

³⁸⁸ Тризна – подвиг, страданье. По Чет.-Мин., «Церк. слов.»
Алексеева. Сближается с сербск. «трзанье».

³⁸⁹ Изъявляя притворное согласие на предложение древлян
выйти замуж за их князя Мала (Мило, Милко, Милослав).

³⁹⁰ Гл. LVI. «Седьмая река Рось, впадающая в Борисфен
(Днепр) там, где он становится широк, и получившая название свое
от страны, именуемой Рось (Γέρος), от торского названия *الروس* –
эр – рус – венг. *orosz* – аорсы – русы». Рось впадает в Днепр ниже
Киева. До Герроса, то есть до столицы Руси, по Геродоту, 40 дней
плавания по Днепру от устья Лимана. Полагая около 25 верст в день
плавания против воды, в 40 дней приедешь к Киеву.

Гл. XX. За рекою Росью находится царская столица и жи-
вут многочисленные знаменитые скифы (русы), почитающие про-
чих скифов своими подданными. С юга они граничат с Таврикой
(горами Тавриды); на восток же простираются до рва между Срут,
ныне Старый Крым, и Ираклеей, ныне Арабат, и торжища, назы-
ваемого Кримнами [Κρημοί]; и до реки Дон [Ταναϊν].

³⁹¹ Мы не переводим следующих слов: Ὀρουμα γης μέγα ὄ-
ρουσοισι τετράγωνον ἑτοῖμον δὲ τοῦτο ποιήσαντες ἀναλαμβάνουσι τὸν
νεκρὸν... в них нет смысла; здесь дело должно идти не о вырытии
четвероугольной ямы, но о сорокадневной тризне, плаче, терза-
нии (ὄ ρουμαδός – плач, вопль: от «ὄ ρиα» – пир в честь Диони-
са – *Деваниса*, бога смерти) и славлении умершего. Этот смысл
понятен из описания погребения прочих скифов (гл. LXXIII): по-
гребение следует после пира при гробе и после сорочинец
(τεσσαράκοντα ἡμέρας).

³⁹² Под словом θάπτω или тафо подразумевается и преда-
ние тела огню.

³⁹³ *Козары* – казачество придонское; Сурат – казачество,
или козары суражские, прикаспийские. По готскому наречию – с
окончанием на –r – *suagar*; отсюда греческое *σαράγουροι*. Имя
козар у Приска: ἀκαττίροι, и кроме того, κίβαριτοι – козаричи или
малые козары.

³⁹⁴ Это время соответствует восстанию Вагана Армянского
и Вагтана Иверского на персов, поработивших Армению. Они вы-
звали и русов (гуннов, скифов) в помощь себе против персов.

³⁹⁵ Δεγγιζιχ, Dinzigichus, Densicus, Dinzio – соответствует славянскому Дано, Даноје – Данчич – Дејан – Дико – Дојко – Дојчин.

³⁹⁶ Иорнанд производит название гепидов от слова *geranda*, что значит «ленивый». Нет сомнения, что это толкование произошло от слова *жупан*, по-молдавски *жупыне* – бояр, барин. И от народного прозвания лентящихся – барствующими, баричами; в том же смысле могло употребляться *жупич*, *жупаныч*.

Учреждение *жуп*, *губ* (санскр. гупа) или судилищ принадлежит к формам правления готов. Это их *нэмды* (naemþ) в переводе на славянский язык. *Жупан* есть *naemdemann* – судья округа, жупы, повета; отсюда в Венгрии, или бывшей Готии, Дакии, слово *nemes*, *nemet*, *nemzö* – *немец*, значит то же что и пан, жупан. *Nemesseg* – немчизна, панство, *gespanschaft*. *Жупники* (*gepides*) Дакии были прозелитами готов, вместе с ними последовали и арианству.

³⁹⁷ С этого времени, должно полагать, водворилась в этих местах религия древних магов (джюдзь-маджюдзь). По восточным писателям, под названием *madschusija magier religion* подразумевается иудейство. Fraehn. Ibn-Fosslan.

³⁹⁸ См.: «О времени происхождения славянских письмен» О. М. Бодянского.

³⁹⁹ Fraehn.

⁴⁰⁰ В «Gihan-Numa» на турецком языке вместо *русы* употреблено *московиты*: «populus Bulgar, Moscovitico lingua moribusque baud dissimilis» (болгарский народ, весьма отличный от московского языком и нравами). – «Eaque, regnantibus Abassidis, religionem Muhameddanicam amplexa est» («И он (этот народ) в правление аббасидов принял религию Магомета»).

«При Владимире приидоша болгаре (приволжские), веры бохмичи (магометане)».

⁴⁰¹ «Plerique Muslemii, et Christiani, pauci idolatrae» («Большинство – мусульмане и христиане, и крайне мало язычников»).

⁴⁰² «Neque ad republicam accedere, his permissum est. Judei eam ipsi capessunt» («И им не позволено учреждать республику. Иудеи ее сами взяли бы в свои руки»)

⁴⁰³ Девяти округов Хазарии, или девяти нэмдов (naemþ).

⁴⁰⁴ См. La Bible, trad. par S. Cahen.

⁴⁰⁵ Злотый, золотой – *solidus*; откуда образовалось на готском языке *skilligg* – шиллинг, шелех, шеляг, и *skuld* – подать (долг, обязанность), *zoll*.

⁴⁰⁶ Это восстановление, разумеется, имело целью влияние на империю.

⁴⁰⁷ *Готия* Крыма называлась Трапезитской, по *Трапезос* (Чатырдаг). Города готов были: Мангуп и Джуфут-кале (*Castella Judearum*). Названия *Gothaland*, *Gothlandske Volck* доставили случай Барбаро (в 1436 году) сообщить истории сведение о существовании народа *gotalaní*, что, по объяснению его, означало готов-аланов.

⁴⁰⁸ См.: *De Getarum sive Gothorum orig. Iorn.*

⁴⁰⁹ Известных ныне под названием караимов.

⁴¹⁰ Псковский хронограф. См.: «О времени происхождения славянских письмен» О. М. Бодянского.

Первобытное верование и буддизм

Публикуется по: Вельтман А. Первобытное верование и буддизм. М.: В Университетской типографии, 1864.

Одно их первых в России исследований по истории индуизма и буддизма. Православный автор, изучавший санскрит, проникает в глубокие тайны восточных религий, неизвестные европейцам того времени.

Примечания автора.

¹ *Lucianus*.

² «*Presque toute la nation des Scots, meprisant les dangers de la mer, vient s'établir dans notre pays avec une suite nombreuses de philosophes*» (*Hericus, dans sa vie de S. Cesaire, dediee a Charlemagne*). «Почти весь народ шотландцев, презирая опасность на море, приходят, чтобы поселиться в нашей стране в сопровождении философов» (*фр.*)

³ *Alcouin*.

⁴ Богослужбные книги: *Риг-веда* соответствует святам; *Иаджур-веда* – служебнику или требнику; *Сама-веда* – гласнику или певческой части служения.

⁵ *Вьяса* знач. собственно изливание, *diffusion*; он сын *Сатьяваты* – Истины, и, следовательно, сущное его значение – изливание духа словом истины.

⁶ «*Le peuple se moquera toujours des choses faciles à comprendre, il a besoin d'imposture*» (*Sinesius*), т.е. «Люди склонны смеяться над вещами, легкими для понимания, нуждаясь в обмане» (*фр.*)

⁷ Παῖων, Παίῳων, название теба-твое или θωонт, Hermes, родоначальника жреческого рода – Кеанов (Cohenim).

⁸ Ovidius. Metamorph

⁹ Cohen в переводе Библии замечает, что еврейское слово, означающее גִּיּוּנְטֵס, имеет в корне своем значение людей падших (hommes déçus).

¹⁰ Дгарна санатана – вечный закон.

¹¹ Двиджами назывались три законные сословия: брамины, кшатрии и вайсья. Двиджа знач. двурожденный – плотски и духом веры.

¹² Деваннида – богоотрицание; веданнида – отступничество от закона Вед.

¹³ Бодга или будга – наука, познание, учение, учитель, мудрец. В коренном значении слова будга значит будь – будить, буждение. Прабодга, прабодгана – пробуждение, восстание от сна; познание, наука.

¹⁴ Патала – испод, преисподняя, пустыня, подол, низменные места.

¹⁵ «Ловец пред Господом». – По толкованию арабов, Немрод, во множ. Немарад, значит мятежник, отступник, и это прозвище носил Ханаан (Kenâan), сын Хама. Владыки Вавилона также прозывались немарад (мятежники); а также и вторая династия владык Персии – Каианидов или Кеанов, Каганов. Herbelot. По ибн-Патрику, Немрод был первоначально сабеянин (поклонник Сивы), но отступил от сабеизма и основал поклонение огню, или верование магов.

¹⁶ Собственно Quirinus – Κοίρανος – царь, господь, название божества сабин или сабеян Италии.

¹⁷ Слово аватара приняло значение нисшествия, но оно преимущественно значит подвиг. У эллинов в подражание аватарам Вишну – подвиги Иракла. Вишну в свойстве победы или витаяжства – виджайас – витязь. Он также носит имя хари – яркий, яркий, лучезарный. Отсюда в греч. Ηρως-Ηeros; в слав. – Яро, Юрий.

¹⁸ Хайягрива, по толк. Вильсона, состоит из слов хайя – конь, и грина – шея, выяз; но это не имеет смысла; здесь хайя – знач. семь, the number seven, и след. семивыйный, глава змеиной породы – сеша, или глава ада. Семь вый – семь грехов, семь пучин – патала, семь устий – Гехеннем, Геенны, Гихуна (Нила).

¹⁹ *Сатьяврата* – верность обрядам закона, благочестие.

²⁰ *Агни-пурана*, заключающая в себе познания языка, счисления, землеписания, гражданства, прав, врачевания, астрономии и пр.

²¹ Материализм – основывавший все на творчестве двух стихийных сил природы, принявших в Египте название Озириса и Изиды; первый: воздух – огонь, вторая: вода – земля.

²² Мистицизм.

²³ «Mercurius primus Coeio patre, die matre natus», то есть «Меркурий первый был сыном неба, а матерью его был день» (Cicero. De Natura Deorum). Кроме этого Гермеса или Меркурия эллинистические мифологи насчитывают еще четырех Меркуриев, которые, однако же, сходятся на двух: на Меркурии, сыне Нила, и Меркурии, сыне Майи. Промысл этих Гермесов: торговля, обман, воровство, чародейство, колдовство и пр. «Mercurius fraudis, furumque magister» («Лживый Меркурий и учитель воров») – «furax Hermes» («вор Гермес»).

²⁴ *Прометей*, которого название, вероятно, происходит от *праматга* – возмущение (в действительности от греческого *men-dh-*, «размышлять», «познавать», что вместе с приставкой «про» указывает на умение предвидеть, промысливать. – *Прим. сост.*), приписывается так же, как и Гермесу, изобретение художеств, искусств, письма, волхвования и пр.

²⁵ *Махан-атна* – Всевышний дух; в проявлении – *праджанати*.

²⁶ Papi bei Ehrmann, S. 60. Indiens alte Geschichte, von Th. Kruse.

²⁷ Кн. III. В исчислении народов, подвластных Дарию.

²⁸ Antiquité des Chinois, par Ko. Mémoires concérn. les Chinois. T. I.

²⁹ Быть – бытие, жизнь, организм народа, обряды и обычаи (общение).

³⁰ Relig. de l'ant. par Creuzer. Trad. par Guigniaut. T. I, pag. 154. Note.

³¹ «Der Sivaismus, die alteste secte des Brachmanismus...», то есть «Сиваизм – старейшая секта брахманизма» (Ind. alte Gesch. Th. Kruse).

³² Перевод Тацита о германах см. в «Индо-германы». Из различных вариантов имени бога германские ученые избрали

самое ошибочное – *Tuisco* – и постановили его в родоначальники тевтонов (Ihre. Gross. Sviogoth). Но по древнейшим опискам Понтана и Cod. Romanus vaticanus, читается *Tristonem*. Вера савинов (σοουβων, *suevones*) относилась к догмату тройственности. Слова Тацита: «Celebrant carminibus antiquis Tristonem deum, terra editum et filium Mannum, originem gentis conditoresque» («Они почитают древними песнями Тристоном, родившегося от земли и Мана, от которого пошло начало рода») понятны из значения Ману: «**Manu, the legislator and saint, the son of Brama, or a personification of Brama himself, the creator of the world, «progenitor of mankind»** (Dict. Sansc. Wilson). То есть «Ману, законодатель и святой, сын Браммы, или персонификация его самого, создателя мира, прародителя человечества». Следовательно, вместо «terra editum» должно читать «terra editor». При переводе Тацита я также ошибочно читал *Visconem*.

³³ Мольбы к Перуну – Parjanya. перев. г. Бюлером (G. Buhler. Zur Myrh. des Rig-Veda).

³⁴ Bibl. orientale.

³⁵ «Константин Великий и его предки были савиане» Абульфедда. Известно, что Константин Великий и его предки были славяне.

³⁶ Это сказание объяснится ниже.

³⁷ «Die Ssabier und der Ssabismus» v. Dr. D. Chwolsohn (Text. V). – Превосходный свод всех сказаний восточных писателей о савианах и савиизме г. Хвользона включает в себе и свод всех европейских исследований по этому предмету. Исполняя этот огромный труд, автор предупреждает, чтоб не принимали его за изыскания происхождения, распространения и сущности савиизма, понимаемого учеными за поклонение светилам (sterndienst) исключительно.

³⁸ «Dir Ssabier und der Ssabismus» (Vorrede. S. XIX). «Es wäre aber in der That im Höchsten Grade zu wünschen, dass der Ausdruck “Ssabier” als Benennung einer Religiösen Genossenschaft, und “Ssabismus” als Bezeichnung für irgend eine Religion, für immer aus der Wissenschaft verbannt würden». «Однако было бы в высшей степени желательно, чтобы слово *Ssabier* как обозначение религиозно-союза и *сабизм* как название религий были навсегда» (нем.).

³⁹ «In dem vorchristlichen Sinne dieses Wortes», т.е. «исключены из научного обихода» (нем.)

⁴⁰ Празднество летнего равноденствия в июне у славян известно под именем Купалы. В Индии те же обряды: возжжение огней, проводы Джаянната (Господа мира) и омовение его в наступающую ночь богов (*la nuit des dieux et le solstice d'été*). Вишну Нараяна возлегает на успокоение. *Нарайяна* значит движение духа вод.

⁴¹ Т. 2. Text IV.

⁴² Text XXI.

⁴³ Т. 2. S. 506. Т. 1. S. 798, 799.

⁴⁴ Саманеи Индии собственно буддисты, отступники от закона Вед.

⁴⁵ Кальзани образов. у магом. писателей из названия ученых браминов *каладжна*, т.е. знающие времена, мудрецы.

⁴⁶ Харнавы, инды города Харрана; но здесь, вероятнее, Харнаниин заменило название *арьяйян*, которое носят двиджи или сословия верующих в закон Вед.

⁴⁷ Эти письма должны быть пеглевийские, или так называемые зендские.

⁴⁸ Здесь смешение сиваизма с христианством, по сходству догматов первобытной религии или правоверия с православием.

⁴⁹ Город Харан (в Месопотамии), населенный некогда остатками сиваитов, вероятно, прозывался по имени Сивы – *Харан* или *Харанна*.

⁵⁰ Точно так же смешивают Адама с санскр. словом *адима*, означающим первенствующий, начальный – **first, prior, pre-eminent**. По Абульфеду (Text № VIII) «савиане называют Шива *Adimûth*». Нет сомнения, что это слово образовалось из проименования *адибгута* – первобытный.

⁵¹ «Die Ssabier ind der Ssabismus» (Т. I. С. VI. Die Schüpfung).

⁵² *Тапа* – тепло, теплота, *тапат* – топить; *тапака* – топленье.

⁵³ Соответствующие им металлы: Сатурну – свинец, Юпитеру – олово, Марсу – железо, Солнцу – золото, Луне – серебро, Венере – медь, Меркурию – ртуть.

⁵⁴ «*Idris ou Idris vient du mot Ders qui signifie en Arabe étude et méditation*» (Herbelot), то есть «Идрис или Идрис происходит от слова “дерс”, что означает по-арабски исследование и медитация» (*фр.*).

⁵⁵ El – Asojùthi. Text № XLII.

⁵⁶ El-Qiftchi. Text № XXVI.

⁵⁷ Text № XVIII.

⁵⁸ Mendaï créatures du Vivant. Dict. Hist. de Moreri.

⁵⁹ «Это племя называется индийцами, а то издревле – Сава по названию своего главного города Сава» («Τόδε τῶν Ἰνδῶν ἔθνος τοῦτο Σάβα μὲν πάλαι, ἀπὸ τῆς Σάβα μητροπόλεως») Philos. Hist Eccles.

⁶⁰ «Начерт. ЦЕРК. ист.».

⁶¹ «Les anciens Arabes et les Indies, entre lesquels il y a une grande conformité de religion» (Observ. hist. et crit. sur le Mahomé-tisme par G. Sale). «Древние арабы и индусы, между которыми существует большой религиозный конформизм» (фр.).

⁶² Может быть, *лота* – то же, что *линга* – знак, символ верования. *Исса*, *Ману* (вопл. Брама).

⁶³ Напоминающие Веду (свящ. книги и имя Вишну в знач. познания) и Сиву.

⁶⁴ «Православно-догматическое богословие» Д. Б. Макария. Т. I. § 29.

⁶⁵ Hist. du Christ. des Indes.

⁶⁶ *Самайя* – обет, завет, вера,

⁶⁷ «Звук *аум* есть имя Сивы (*Иама Сивайя*)». Таким образом, это троесловие в поклонении значит: Брама, Вишну и Аум, символ поклонения в смысле тройственного лика природы – *Бгур*, *Бгува*, *Свар*».

⁶⁸ *Дью* – движение (духа, воздуха, света); *стана* – водворение, приведение в вид, обличие. Невидимое образует видимый свет (агни), влагу или воздух, и наконец, определенный лик солнца, водворенный свет.

⁶⁹ Эти горния назыв. *Маха-Меру* (великая *Меру*, *Сумеру*, *Капласа*, *Калайя* (обитель Брама), *Суралайя* (обитель света). Этот символ горного пребывания Брамы-Сивы ученый мир, воплотив в гору, ищет в Гималаях.

⁷⁰ *Сурья* – солнце, царь, носит в гимнах название савитри в значении: савитрайя, трисветлое. *Сана* – природа, жертвоприношение, солнце, луна (вообще свет). *Савитра* – тройственная природа, тройственный свет.

⁷¹ Должно предполагать, что *Варуна* (от *Вара*) соотв. вере, верованию. Собственно к Варуна относится, кажется, название

митра (от митир?) – союзная, сочетающая, венчанная; а также названия Бгавана, Майя, Лакшми, *Деваки*, *Сарасвати*, и пр. – в смысле благодатная, питающая, любящая, божественная и пр.

⁷² От *веса* – вьсь, весь, обитель, селение, называется также грама. Отсюда *грамаджа* – громада, мир сельский, приход храмовой.

⁷³ Название *кшатрийя* по родоначалию от Вишну в свойстве грозы – *кша*. *Раджанья* от *Радж* (соотв. древ. Рядче) – царь (*сара* – могущество, власть), и след., значит царственный, царский, дружина царская, почему и название *раджалуптра* – царская порода.

⁷⁴ Drittes Bráhmaṇam. H. Th. Colebrooké s Abhand. uber die Heil. Schr. der Inder.

⁷⁵ В названии *сайна*, множ. имен. *Сайнани*, буква *л* внесена точно так же, как в слове *сьюнас* или *сьонас* – солнце, слонце, где произношение *ь* обратилось в *л*. *Сьюнас* знач. также сияние. В сербском языке имя Слава без буквы *л* – Саво; отсюда назв. древ. Паннонии *Savia, Slavina*.

⁷⁶ Славянский язык, и по преимуществу русский, есть единственный представитель прямого родства с санскритом.

⁷⁷ Напр. *Σαβάσιος, Σαβοί* – название первого вакха. *Σέβω* – богочитание; *Σάφα* – истина и пр. Видимо, что обряды древней религии долго хранились в народе, но уже как парадокс, в презрении и осмеянии у философов и поэтов.

⁷⁸ *Сура* или *Сураджа* – солнечная, господствующая; *Асура* – не солнечная, не светская, духовная порода.

⁷⁹ Извлекая этот текст из Таргум, Буканан (в «Христ. изыск. в Азии») говорит: «Новейшие евреи отвергают Троицу для того только, чтобы не подтвердить христианства; но если они прочтут сказания отцов своих, **Targum, то согласятся с этой истиной**». Равви Симеон бен-Зохар; ad sext. Levit. sectionem. Санхопиатон пишет: «Сочлены Илиоса (Бога-солнца) прозывались *елоим*».

⁸⁰ В отношении букв предание говорит (Конфуций), что они имели подобие нанизываемых на нить узлов.

⁸¹ Mém. concern. les Chinois. T. 1; Caracteres Chinois par Amiot.

⁸² Mém. concern. les Chinois. T. 1.

⁸³ Здесь Сива есть умственный лик, форма в воображении.

⁸⁴ Из Śatapatha Brahmaṇ a. 4. Brahmaṇam, v. L. Poley.

⁸⁵ В названии судров *пададжа* могут быть три смысла: *пад* – пята, след, ступня, подножие; *пад* – пятно, запятнание, запрет, приговор, и *пат* – паде, падение, преступление.

⁸⁶ *Дгарма* – собственно значит: правда, истина, долг, обязанность, обряд.

⁸⁷ *Вайсья* от *виса* – весь, селение, обитель; имеет соотнош. к *висва* – все, all, entire, universal. В русск. значении: мир сельский.

⁸⁸ *Турийя* сокр. вместо *чатурта* – четвертый; этому сокращению соответствует fourth, vier. Общее название четырех сословий выражается словом *пуба-бахуурунаджанан* – усто-рамено-стано-подножие-родных. Нам кажется, что удвоенное *о* происходит от слияния *баху* (рамо, рука) и *уру* – объем, полнота (народная), или *урас* – грудь; а не *уру* – ляшка.

⁸⁹ *Ману* есть олицетворение божественного познания и собственно значит дух познания. Закон Ману или собственно «позна-ние правил закона» составлено и изложено праотцем Бригу.

⁹⁰ Двиджами называются три законных сословия. Двиджа знач. двуроденный – по плоти и по духу познания.

⁹¹ Ману, кн. 8, сл. 412, 413.

⁹² *Млечжа*, от *мела* – смешение, сборище; *млакша* – смесь, и млечжа, по Вильсону.

⁹³ *Дасьюха*, имя Бали, главы титанов, или Махабали – Буд-дга отступника.

⁹⁴ Подобные обычные воззвания о победе над врагами и над вражьей силой принимаются г-ми колонизаторами за доказа-тельства, что колония арийцев пришла с запада и молила богов о даровании победы над дикими племенами, будто бы населявши-ми Индию сыскони.

⁹⁵ Ману. Кн. 10. Ст. 45.

⁹⁶ Ману. Кн. 10. Ст. 43, 44.

⁹⁷ Может быть, *Ава* и *Камбоджа* Бирманской области. Не-известно, на каком основании Вильсон и многие полагают, что *Явана* – страна и означает ионийцев? Может быть потому, что у Афета был сын Иован, также предполагаемый родоначаль-ник ионийцев.

⁹⁸ *Дарада*, название от *дара* – пропасть, пучина, ущелье гор, ужас. Преступники изгонялись в патала, пустыни, ущелья гор – *дардара*; отсюда, вероятно, и слово *тартар*.

⁹⁹ *Малла* – может быть, малайское племя.

¹⁰⁰ *Вайдеха* – одичавшее горное племя Цейлона – vaddah.

¹⁰¹ Карлик выродившегося племени, с кудрявыми волосами африканского происхождения.

¹⁰² Глава учения *мимансы*, или законного мышления (ортодокс. философии).

¹⁰³ *Санскрита* – язык письменный, образованный, гражданский. *Пракрита* – язык природный, язык житейский.

¹⁰⁴ Бали или Пали.

¹⁰⁵ Часто наружные признаки одичавших народов не принадлежат к условиям природным. Некоторые из них имеют обычай вытягивать младенцам нос и искривлять наподобие орлиного; напротив, меднокожие малайцы острова Цейлона находят красоту в приплюснутом носе (Voyage a l'île de Ceylan, par Rob. Percival). Кроме того, малайцы выщипывают образующийся пушок бороды и прекращают тем рост ее. На подобные обычаи даже и в отношении форм черепа этнографии следует обратить внимание.

¹⁰⁶ В приведенном примере преданий о создании мира: «Бог создал первоначально семь небес, или семь светов». Слово *rai* значит небо и свет (lumière).

¹⁰⁷ Westergaard. Ueber den ältesten Zeitraum der Indischen Geschichte. «Der Japhetische Sprachstamm, welcher die wichtigsten Völkerschaften Europas umfasst hat zwei seiner Zweige nach Asien hinein, über Iran und Indien, gestreckt». «О древнейшем периоде истории Индии. Языковая семья яфетидов, включающая в себя важнейшие народности Европы, распростерла свои две ветви в Азию через Иран и Индию» (нем.) По этим словам Вестергарда можно подумать, что **Stammland иафетидов надо искать где-нибудь в Европе**. Не в Саксонии ли? Тем более что А. Kuhn (в статье «Zur ältesten Gesch. der indogermanischen Völker») приводит древнюю сагу, в которой упоминается, что «прекрасный род саксов прежде жил на деревьях» (Indische Studien).

¹⁰⁸ Die neuen Forsch. über die alte Indien. Albr. Weber.

¹⁰⁹ Indische alte Geschichte. Th. Kruse.

¹¹⁰ А не spirituous liquor (духовный нектар – англ.). Св. вода, чаша света: от *каса* (ка, кас – Брама, свет).

¹¹¹ *Каса* – свет, и *мару* – гора.

¹¹² «Der Kreis Kasmira's, der ganz heilige, und von den alten Richi bewohnte», то есть «**Округ Южный Кашмир – это святое ме-**

сто, обиталище древних» (Mahabh. III, 10505. C. Lassen's Ind. Alterthum kunde).

¹¹³ *Гималайя* не следует, кажется, понимать – обитель зимы, ибо в этом названии *гима* значит не зима, а символ, тройственный лотос, и след. *Гималайя* знач. обитель тройственного аум.

¹¹⁴ Wils. dict. По легендам Магабгараты.

¹¹⁵ Нет сомнения, что название *Виндгия* происходит не от «vjadh-durh-brechen», но соответственно Индгия. Придаточная частица *В* имеет значение божества воды, Варуна, обители его и подобия (См. «Wils. dict.»).

¹¹⁶ «Die Quelle der Narmada und die Nahe des Cona, machen diese Gegend zum Sitze grosser Heiligkeit, eifriger Pilgerschaft und vieler Sagen», т.е. «Местом величайшей святости, ярого паломничества и родиной многих легенд» (Ind. Alterth. C. Lassen).

¹¹⁷ Виндгия-Бали, или Махабали, столица его Махабалипур.

¹¹⁸ По сказаниям и расчетам Алб. Вебера («Ind. Skizzen»), арийцы до 1500 года до Р.Х. сидели еще в Кабуле (?). Около этого времени отправились они в Индию, страну, занятую дикими, но могучими племенами. По мнению Вебера, на победу и на обраханизацию страны от Кабула до восточных пределов Индии на протяжении 20 градусов или 300 нем. миль арийцы могли употребить как минимум 1000 лет. Расчет основан на Чандрагупте (затмение луны), современнике походов Александра Великого, на времени (?) реформатора Буддга и на имени инд. царя Ставробата (Staurobates), с которым воевала Семирамида, несмотря на то, что все эти лица не более как мифы. Ставробат, например, найден в Ставиropати, хотя это есть лично сам Брама в значении: отец старейший, отец предвечный.

¹¹⁹ Диодор.

¹²⁰ От *Ванна* – *Ванниджья*, или *Банна* – *Банниджья* – торговец, торговый промысел; также *Панна* – торговля. *Панна* знач. также стрела, соотв. греч. βέλος.

¹²¹ Venor, venator – Nemroud.

¹²² Есть предание, что финикийцы, также пелазги (баладжа – порода Бали, знач. также титаны и война), первые породили войну, bellum.

¹²³ Сивапур – град Сивы, Бенарес (*параннаси* – исток веры), называемый также *Раси* – святой, священный.

¹²⁴ *Санкгия* – наука чисел, математика.

¹²⁵ Значению слова *Буд̣га* вполне соответствует значение *Будь* – буждение (побуждение); из него образуются *прабодга* или *прабудга* – пробуждение, так что слово *учить* скрывает в себе смысл *очить*, открывать глаза. Наука, научение – наочение, указание. Отсюда толкование, что будто Буддга сам себя назвал Буддгой в значении *пробужденный*. «Mitten in dieser Zeit trat ein Mann auf, der sich selbst den namen Buddha, der Erwachte gab», то есть «В середине этой эпохи появляется человек, который сам себя именует Буддой, т.е. пробудившимся» (Ind. Skizz. A. Weber).

¹²⁶ Relig. de l'antiquité, par F. Creuzer

¹²⁷ «Le grand nombre des sectes subalternes, rend les fables de ces païens remplies d'une infinité de contradiction» (Hist. du Christ. des Indes. La Croze). «Большое количество сект приводит к тому, что басни этих язычников наполнены бесконечными противоречиями» (фр.)

¹²⁸ Готама – имя святого и основателя философии Ньяи. Собственно – олицетворение учения правил мышления, правды, правы.

¹²⁹ *Сака* – секта, раскол; *сака* – племя отверженных кшатриев (Ману. Кн. 10. Сл. 44). *Сакья* – название рода, от которого произошел Буддга; но *Сакья* знач. *происходящий от Сака*.

¹³⁰ *Веданинда* – отрицание Вед; *састранинда* – отрицание св. писания; *Деванинда* – отрицание божества.

¹³¹ «Le Bouddha et sa religion», т.е. «Будда и его религия» (фр.).

¹³² «Ce qui a manqué au Bouddha, – говорит в то же время Saint-Hilaire, – ce qui manque aux (philosophiques) de nos jours, c'est de connaitre exactement l'homme», то есть «То, чего не хватало Будде и чего не хватает современным системам, – это точное знание человека» (фр.). Но ведь то же самое относится и ко всем эллинским философам, источникам европейской мудрости.

¹³³ В Ману исчислены десять греховных действий – *дасалакшанна*: «Мысли, слова и действия дают добрые и злые плоды; замысел на чужое, замысел на действие преступное и неверие – суть грехи мысли; поношение, ложь, клевета и непригодные речи – суть грехи слова. Овладеть чужим, совершить убийство и прелюбодеяние – суть грехи телесные».

¹³⁴ Saint-Hilaire переводит: «s'abstenir de repas pris hors de saison», т.е. «воздерживаться в еде вне сезона» (фр.).

¹³⁵ «A Boudd`ha or Djaina convent» (Wils. dict.), т.е. буддист или джайнист (фр.)

¹³⁶ «Il avoit coutume de se tenir debout un joir entier dans l`attitude d`un homme reveur, immobile, sans fermer les paupieres et sans detourner les yeux du meme endroit» (фр.)

¹³⁷ «C`est troubler l`ordre des saisons, et a exiger de la Nature des productions involontaires, qu`elle n`accorde qu`a regret, et qui n`ayant ni qualite, ni saveur, ne peuvent ni contenter l`estomae, ni flatter le gout» (фр.)

¹³⁸ Сукра – учитель дайтьян или титанов.

¹³⁹ Darstellung der Aegyptischen Mythologie, von J. C. Prichard, uebersetzt von L. Haymann. S. 135.

¹⁴⁰ См. глав. II, стр. 16.

¹⁴¹ Бут (Будда?), шаман (саманизм, шаманство).

¹⁴² Relig. de l`ant. «Главное отличие буддизма от брахманизма (т.е. от сиваизма) составляет не догмат, а иерархия», – замечает Крейцер; но это замечание родилось из смешения понятий о том и другом. До сих пор на сиваизм смотрят как на бессмысленную мифологию Египта, Греции, Рима и пр., не вникая ни в догматы, ни в символ верования.

¹⁴³ Klapproth`s «Asia polyglotta». По убеждению Клапрота, буддизм основан на глубочайшем философском начале, что «вселенная проникнута единым духом, раздробленным на бесчисленные образы материи, которая есть не что иное, как призрак». Но если дух и плоть – все едино, то для чего же дух буддизма восстает на плоть и борется сам с собою, бежит от самого себя?

¹⁴⁴ History of ancient Sanscrit literature.

¹⁴⁵ Сугато (Буддга в знач. премудрый). Макс Мюллер перевел первый стих: «If Buddha know the law, and Kapila does not, what is truth?» – «Буддга знает закон или Капила не знает его – что истинно?» Мы полагаем, что вместо *нети* надо читать *нити* – приобретение, получение.

¹⁴⁶ Риши – святой, мудрец, Гандарвас – певцы, канторы.

¹⁴⁷ Растение, называемое *лотос*, по названию *ланча* – лик, вид, знак, знамение.

¹⁴⁸ Линга знач. собств. знак, признак, знамение, символ.

¹⁴⁹ Изображение в виде чаши, купели вод – нарождающейся луны – *нараджани*, или *нарайяни*; от *нара* – дух воплощающий, и *яни*, или *жани* – произрастающая, жена, мать, лоно.

¹⁵⁰ *Капила* – происходит от *капи* – купа; *капала* – чаша, купель. Капала знач. также скопление, совокупление, скопище. Заметим, что бóльшую часть санскритских слов можно понять только по сущности значения их в славянском и русском языках, а не по переводам.

¹⁵¹ «On prétend que les partisans du Sâmkhyâ représentent la secte Italique, et on compare Capila á Pythagore pour les principes» Langlois, т.е. «Считается, что сторонники Санкхьи были подобны италийской секте, поскольку Капила использовал принципы Пифагора (фр.)»

¹⁵² Ind. alte Gesch. v. Th. Kruse. S. 117, 121.

¹⁵³ Кн. XV.

¹⁵⁴ Ueber den ältesten Zeitraum der Ind. Geschichte. N. L. Westergaard. 1862. «Der Japhetische Sprachstamm, welcher die wichtigsten Völkerschaften Europa's umfasst, hat zwei seiner Zweige nach Asien hinein, über Iran und Indien, gestreckt...» «An welcher Stätte, in Europa oder Asien, der Japhetische Stamm sich aus seinen ersten Keimen entwickelt hat, ist noch ein unlösbares Räthsel...» «О древнейшем периоде истории Индии. Языковая семья Яфетидов, включающая в себя важнейшие народности Европы, распростерла свои две ветви в Азию, через Иран и Индию. В каком месте Европы или Азии зародилось племя Яфетидов, является неразрешимой загадкой» (нем.)

¹⁵⁵ Даны, или дациане, пришли из Готейи; даны происходят от Даная, сына Бела, брата и близнеца Египта или el-Khibth, подначальника египтян и коптов (gophti) – с этим преданием нельзя не согласиться, как увидим ниже. Готты действительно колония, но пришедшая на север Европы при Траяне.

¹⁵⁶ Indische Skizzen. von Alb. Weber. 1857.

¹⁵⁷ Ind. Alte Gesch. T. Kruse. S. 117.

¹⁵⁸ «Вода и огонь, солнце и луна; мужчина и женщина, органы воспроизводства обоего пола, Лотос, священное дерево, – вот основные элементы и символы древнего культа природы, что по-прежнему доминирует в Индии» (Relig. de l'antiquite par Creuzer, trad. par Guigniaut). Санкхья — философия индийского дуализма, считающая, что в мире действуют два начала: пракрити (материя) и пуруша (дух). Цель философии санкхьи — отвлечение духа от материи. – Прим. сост.

¹⁵⁹ «Религиозные догматы (Мава-дхарма-шастра) предстают в древней простоте: один Бог, вечный, бесконечный, принцип и сущность мира, Брахман или Параматма (великая душа) под именем Брахмы, космосом управляет» (Loiseleur Deslongchamps). Джайнизм — это суровый и самоотреченный путь, чистый путь глубоко осознанного и ответственного решения обретения истинной свободы. — *Прим. сост.*

¹⁶⁰ Махат, Махадева — прозв. Сивы.

¹⁶¹ «Habasch signifie en arabe l'Ethiopie, les Ethiopiens, que les Persans appellent Siah-Hindou — les Indiens noirs» (Herbelot). «Habasch по-арабски означает Эфиопия. Этих эфиопов персы называют Siah-индусами — черными индейцами» (*фр.*)

¹⁶² Абиссины, по свидетельству Poncet («Voy. d'Ethiopie»), только смуглы, но прекрасного обличия и стана.

¹⁶³ Как Гуш — коршун с членом ἀΐυτιός (ἀΐ-υτιός) — Ἀΐτης (Плутон, Сива в свойстве Ямо) = Διός. Ἀΐτηός = Ζηός, Ζωός, Ζεός — Сива в свойстве *жива*, жизни.

¹⁶⁴ Египтяне, или куфиты, как увидим ниже, перешли в Фиваиду из Ефиопии Аравийской. Название Аравии (Haver) принадлежит также уже им.

¹⁶⁵ По-перс. *бут*; по тур. — *пут* и *саман*; по-араб. — *санам*.

¹⁶⁶ Die Ssabier und der Ssabismus, von Chwolsohn. В. II. S. 614.

¹⁶⁷ Г. Хвользон полагает, что надо читать Berdanieh, вместо Budhanieh, вероятно, в предположении, что буддизм не мог быть верованием египтян, но что же будет значить Берданиэ?

¹⁶⁸ Кн. II, 87.

¹⁶⁹ Андромеда была дочь Сефея, рожденная от Кассиопеи, которая хотела уподобиться во всем Юноне. Это аллегорическое сказание разрешится само собою, когда объяснится значение имен, соответственных именам Сивы и Касьяпа.

¹⁷⁰ *Ману* есть олицетворенное познание закона. «Веда есть вечное око для отцев духовных, для властей и народа. Не созданная человеком, она не подлежит человеческому суду». — «Кто постигает закон, основанный на священном писании, тот знает смысл религиозных и гражданских обязанностей (или: обязанностей в отношении к Богу и подобным себе)» (Ману. Кн. 12. Слоки 94, 106).

¹⁷¹ Диодор. L. I. Sec. II. § IV. — Очень естественно, что эллинский смысл говорит по-своему, что после царствующих богов

первый царь из смертных был Менес. «Закон есть царь царей» (Яджур-Веда). По смыслу древнего верования, мало заботившегося о династиях, надо понимать под исчисленными именами не собственно царей или раджей, но лики поклонения богам, их божественным свойствам (полубогам), а потом поклонение Риши, или святым мужам. Каждая область, каждое население посвящались покрову какой-нибудь из божественных сил, свойств и бывших представителей их на земле.

¹⁷² Таинственное божество египтян; следовательно, Κνεφαῖος. Вопреки понятиям, что исток всего есть свет, они полагали производительницей всего воду, и, следовательно, тьму – Κνεφος, Γνοφος, Γνύθος. Должно полагать, что Сапорус, содержащий в себе исток произрождения (Γενεύς и изображавшийся в лике матери природы есть символ поклонения. В Диодоре – Γνηφакτος, у Плутарха – Κνηφαγενήτον).

¹⁷³ В кн. I, отд. 1, § 8, покоряет Фиваиду и строит град Фивы во имя матери своей, Геры, Озирис. В кн. I, отд. 2, § IV, Фивы строит Вусирис, осьмой из рода Вусиридов.

¹⁷⁴ Евтерпа. 42.

¹⁷⁵ По Геродоту, Пиромис (фараонов), т.е. отступников браминов, по народному произношению Бирума.

¹⁷⁶ Имя Лахарес есть Харес с обычным членом. Это подтверждается и сказанием Манетона: «Аменофис из рода Лахаресов после изгнания царей-пастырей пожелал принять посвящение по обряду древнего царя, т.е. родоначальника Хоруса». У всех сиваитов род царский происходил от Хара, т.е. Сивы в свойстве Вишну и в лике божества победы (Виджайя – витязь). У славян от Яро, Юрия; у скифов от Арея; у эллинов от Αρης – Арея, Иракла. Царская шапка ефиопских царей (Диод. Кн. III. Г. 2), которую по околышу обвивает змея, а вершина украшена пером, – точно такая, в какой изображается Сива, восседающий в горня (Меру) в лике Ганнеса – царя сил.

¹⁷⁷ По Евсевию: «В области Саитской» («ἐν νομῶ τῷ Σερροῖτη»).

¹⁷⁸ Чтение всех этих имен по Иосифу Флавию, Евсевию и Синкеллу различно: **Salates–Saites–Solites; Baeon–Anon; Pachnan–Apachnas; Apophis–Aphobis; Janias–Tanias–Staan–Samnas; Asseth–Ases–Assith–Assis–Harcles–Arcles.**

¹⁷⁹ Dynast. de Manethon, par le C. J. Potocky.

¹⁸⁰ В обратном смысле египетское название кушитов, т.е. арабов-куфитов, приписывают ефиопам.

¹⁸¹ «L' école de Kapila, qui comme les Djainas, n' admettent pas le Créateur, ni la providence régissante de l' univers». (Sur les Philos. des Hindou, par Abel-Rémusat), т.е. «Школа Капилы, как и джайнисты, не принимала идею Творца, ни промысла Божьего (фр.)»

¹⁸² «La Théologie de Boudha semble avoir été emprunté au système de Kapila» (Colebrooke), т.е. «Теология Будды испытала влияние системы Капилы» (фр.)

¹⁸³ «The penis, the phallus. Nature, according to the Sank'hya philosophie, which consideres thes as the active power in creation», то есть «Фаллос, пенис, согласно философии Санкхья, есть символ оси животворящей силы природы» (Wilson).

¹⁸⁴ Лингам правоверия изображается также треугольником в круге и ореоле.

¹⁸⁵ Hist. du Christ. des Indes. L. IV. P. 451,455

¹⁸⁶ Диодор.

¹⁸⁷ Различные писания Плутарха, Евсевия и Геродота.

¹⁸⁸ *Нилабга* – прозвище Буддга, значит черный свет, свет ночи, луны.

¹⁸⁹ Обратим внимание на имена и на символический смысл: Ира есть название Сарасвати (божеств. слово), которая есть жена Брахмы, богиня речи, как утверждает Вильсон. Семелея (Semele) соответствует Сомала – поклонение луне, от *Сома* и *ала*. Кадм, халдейский Кадмон, сиамский Sommona-Codom, т.е. Срамана Гоутама, имя Буддга. Агепор – Агипдгра – жрец. Требование Сомала или Семеле объясняется в первом песнопении третьей брахманы (Colebrock's Abhand. uber die Heil. Schriften der Indier) о печальном значении девас или сурас (духов света, или рода солнечного) и асурас (духов ночи, или лунного рода), которые первенствуют по происхождению от уст или разума Браммы. Асурас требовали от Браммы (Пранна) того же света луне, каким пользуется и солнце, тех же прав духовной власти, как и светской. Брама, соображаясь с духом закона (аум), с сердцем и с чувствами внешними, решил право за девас (царями). Тогда асурас бросились на него и хотели пронзить его грехом, но, как глыба земли, ударившаяся о камень, рассыпались и пали в преисподнюю.

¹⁹⁰ По Никандру, Кадм, дед Вакха, спас его от громов Зевса, заключив в короб и бросив в море на произвол волнам. Здесь Гермес, или Меркурий, есть Буддга ведический. Подземелья Нисы, т.е. тьмы (*Husa*) – есть также *Патала* – преисподняя, а несколько не предполагаемый город Ниса. Волны моря, которым Кадм поручил Вакха, те же нимфы Гермеса.

¹⁹¹ **Hammon, Armon, Cham – символ вещественной природы – Hòm, Hèomo.**

¹⁹² По понятиям Лам, те же две силы: одна сила все сотворила, а другая всем управляет.

¹⁹³ См. Иезекииля, гл. 8, об отступничестве иудеев от закона Моисеева к прежнему их идольскому египетскому верованию: «Беззакония велика дом Израилев творит zde, еже удалятися от святынь моих... и веде мя во Ерусалим в видении Божию, на преддверие врат внутреннейших, зрящих на север, иде же бе столп и образ ревности притяжавающего (Таммуш), и рече ко мне: видел ли еси, сыне человек, яже старцы дому Израилева творят zde, кийждо их на ложи тайнем своим, зане реша: не видит Господь, оставил Господь землю. И рече ко мне: еще обратися, и узриши беззакония болшая... и се тамо жены сидящая, плачущая о Таммузе... и еще узриши мерзости их болшыя... и сии поклоняются на восток солнцу...» Празднество Таммуша, или Адониса, происходило в июне (по иуд. таммуш), когда после равноденствия наступала убыль дня. У египтян это значило, что Тифон убил Озириса и Изида оплакивала его.

¹⁹⁴ «Sethosis (Sessostris) revint alors à Peluse et y regna en personne. Cette province fut a cause de lui appelée **Egypte, car Sethosis s'appelloit aussi Egyptus, et Armais s'appelloit aussi Danaus**» (Manethon). «Сетос (Сесострис) затем возвращается в Пелус и царствует там лично. Эта провинция была из-за него названа Египет, потому что Сетом также называл себя Egyptus, а Армаис также назвал себя Данай» (фр). Армаис, или Данай, брат Сетоса, намеревался овладеть царственным венцом Сетоса и поднял знамя восстания против него.

¹⁹⁵ *Данай* напоминает Дану – мать породы асуров, или породы лунной.

¹⁹⁶ Готский календарь напоминает свое происхождение. Дни равноденствия в июне и декабре, празднуемые в честь Адо-

на (Adonis) и Таммуша, носят те же названия. Месяц июнь – solmanadr, или месяц Одина, а декабрь – skammdegismanudr, или месяц Freya (Венеры).

¹⁹⁷ Бала по санскр. значит сила, мощь вещественная. «Bal lingua Punica Deus dicitur: apud Assyros autem Bel, quodam sacro-rum ratione et Saturnus, et sol» («На пуническом языке бог именуется Балом, у ассирийцев он прозывается Бел, в священном смысле и Сатурн, и Солнце»). Servius Бел в то же время и Уран (Санхониатон), и Аполлон (Herodianus).

¹⁹⁸ Название Сирии (араб.).

¹⁹⁹ Изображения и надписи на мраморе, вывезенном в Рим из Сирии, как предполагают, имп. Аврелианом, по соображению с упоминанием Геродиана, который говорит, что Аврелиан, построив храм Солнцу, украсил его привезенными из Пальмиры изображениями Солнца и Бела. Но Малахвилло изображен со знаком луны. См.: L'ant. expliquée, par Monfaucon, где и изображение (Т. II. Part II. P. 389).

²⁰⁰ Сhna, родоначальник хананеян (финикиян), по Санхониатону, был брат Озириса, который изобрел троесловие (τὼν τριῶν ὑραμμάτων ἐνρετής).

²⁰¹ St. Cyrille. L. 3. Contre l'apostat.

²⁰² Usseius.

²⁰³ Разумеется, что все это подробное исчисление азийских стран, куда проникала пропаганда нового учения, составлено по современным Диодору эллинским географическим сведениям. Почитая Нина за сирийского царя, а не за миф того же Вакха, Диодор исключает из его побед Грецию и Италию.

²⁰⁴ Бахистан – бахишт – знач. виноградный сад.

²⁰⁵ Екбатан, по Диодору, она предпочла всем прочим городам и учредила здесь дворец, как Хомаи в Истакаре. По Лебтарику же, Хомаи построила город Семрем или Семирамиду. По другим, Истакар построен Джемом или Джемшидом (чашей солнца). Здесь был первый храм огня (Pугаеа, Persepolis) парфов и в скалах – гробницы каганов. Плиний называет Екбатану городом магов.

²⁰⁶ По эллинским сказаниям, Озирис назывался и Sirius, т.е. то же название без члена, соответственное коренному сура – солнце, хотя в отношении сиваизма Хаммон-Озирис был асура – тьма.

²⁰⁷ *Мугуль, мухли* – маги, от *маг* – луна. Санскр. *mâh* знач. мать, луна, вода и прозвище *Јамо*.

²⁰⁸ Этот *невруз*-хамаль, соответствует весеннему равноденствию – *Таммушу*.

²⁰⁹ Gerbelot. Bibl. orient.

²¹⁰ *As-Sur* – солнце, от арийского *Сура*.

²¹¹ *Виванхат*, искажение санскр. *Вивасват* – солнце, свет; но в значении *Вайвасват* – свет духовный, закон (*Ману*). *Джемшид* также сын *Вивенхама*, брат или сын *Тахмурата*.

²¹² Как вообще лик Буддга изваялся из различных минералов и камней из различного дерева.

²¹³ Zoroastrische Studien. Fr. Windischmann. § 32.

²¹⁴ *Каган*, қаен, кхан, *khan*. Некоторые довольно ошибочно полагают, что каган иное слово, нежели хан или *khan*.

²¹⁵ Baal-Khan.

²¹⁶ Этот обычай относится к эпохе *магофонии*, или избиевания магов, то есть к тому времени, когда в Персии преобладал магизм, поставив вместо *кира* (*кироо*), т.е. царства, великого мага, *каана*, или царя-первосвященника.

²¹⁷ Или колодца, то есть холодца. Ключ – исток. На этом основывается выражение: «Истина на дне колодца». В ведах это имеет значение *Сарасвати* – исток божественного слова.

²¹⁸ Смешение произошло от названия Италии – *Idalis*. *Idalia* знач. также Венера.

²¹⁹ Но мир, свет, тройственный – *савитрайя*, откуда и название солнца *савитри* – трисветлое.

²²⁰ Надпись на столбе в Мемфисе. Диодор, Озирис и Изиды – дети Сатурна и Реи.

²²¹ Вот, например, толкование, что значит Озирис: *Osh-iri* – *viel wirkander*, очень влиятельный.

²²² «Principio Joves tres numerant ii, qui theologi nominantur; primum patre Aethere natus, alterum patre Coelo, tertium Saturni filium dicitur» («Во-первых, трех Юпитеров насчитывают те, кто именуются богословами, первый из которых родился от Эфира, второй – от Неба, а третий – от Сатурна»).

²²³ Нелишне заметить слова *Каллимаха* *Киринейского* в гимне *Зевсу*: «Древние песнопевцы несправедливо передали нам, что жребий разделил владычество между тремя сынами *Крона*».

²²⁴ Светлый, лучезарный; от *каса* или *кеса* – коса, волосы и, сравнительно, лучи света, солнца. В этом значении Вишну носил название *кесара* или *кесата* – косатый, лучезарный, а также и *касиса* или *касиуат`а* – господин светлый, собственно свет, светило.

²²⁵ *Касьяпа*, от *каси* – святая, и *апа* – вода, собств. святое питье.

²²⁶ Разум, смысл истинного учения.

²²⁷ Манией, мечтой, воображением, упоением духа.

²²⁸ Так назывались, по Геродоту, цари-пontiфы Египта, откуда, без сомнения, и название *Фараон*.

²²⁹ Владыка, господин, общее название божества, но по преимуществу Сивы в свойстве Сома.

²³⁰ Ammonites, ammoniens, hammoniens.

²³¹ В сиваизме прославление божества совершали *ганд`арбас* – хористы; но не музыканты – *веммае*.

²³² «Quelle est l`action dont ces metamorphoses sont la consequence?» – demande Samgha-Rakshita. Bhagavat lui repond: “Les etres que tu as vus sous la forme d`un mur ont ete auditeurs de Kâcyара” (Le Bouddha et sa religion, par Barth. Saint-Hilaire). «Что такое действие, когда эти метаморфозы являются следствием?» – спрашивает Самгха-Ракшита. Бхагават отвечает ему: “Существа, которые вы видели, как стены были слушателями Каьсяпы (древний Буддха)».

²³³ M. Tullius Cicero.

²³⁴ По перс. баху – сад, вертоград, рай; то же значит бустан и Бахистан (Будгистан), как в Тибете гора Будада (Буддга лайя), называемая также Путь. Богды-хан – хан-учитель. От имени Буддга в тур. бахче – сад.

²³⁵ Abel-Rémusat. Sur la philos. des Hindous.

²³⁶ «Lettre sur les caract. Chinois. Mémoires concern. les Chinois».

²³⁷ Под именем *ноахидов* Амиот понимает первобытных народов хананеян, египтян, китайцев. В его время об Индии европейцы имели такие же понятия, как греки во время Александра Великого.

²³⁸ Lettres sur l`Atlantide, par Bailly.

²³⁹ Кушиты – название, ошибочно приписываемое эфиопам – сабеянам Аравии.

²⁴⁰ Dynasties de Manethon, par le C. J. Potocky.

²⁴¹ См. II главу. Семь миров, семь свойств Браммы.

²⁴² Catapatha Brahmana des weissen Yagur-Veda. II. Th. Colebrooke's Abhand. über die Heil. Schrif. der Indier.

«Dies enthält wahrscheinlich eine Anspielung auf den Aufgang und Untergang der Sonne (Lehen und Tod des Rosses) in Meere, welches durch die beiden grossen Gefässe bezeichnet wird», т.е. «Вероятно, в этом содержится намек на восход и закат солнца в океане. (Жизнь и смерть Росса) которые изображаются в виде двух больших сосудов» (нем.). (Nota 1.)

²⁴³ *Гесперида* – вечерняя страна. Вечер по-санскр. *васура*.

²⁴⁴ Точно так же как и Акрис, царь Аргоса, не признал ни Вакха, ни Персея за сынов Юпитера и не принял ни учения их, ни таинств (Овидий).

²⁴⁵ Персей, рожденный от Солнца и нимфы Персеи, как второй (ложный) Касиопа сочетался с Гекатой (Луна, Диана, Прозерпина), которая, по Тимосфену, называлась *Dete* (*Дити*); по Бахилиду, она дочь ночи; по Орфею – дочь Тартара.

²⁴⁶ *Акчара* от Акша – око, есть общее название Браммы-Вишну-Сивы; означает символ триединства АУМ и закон – око всех трех божеств хранителей мира.

²⁴⁷ Глава V.

²⁴⁸ В пространстве неба – die himmlischen Raum.

²⁴⁹ Соотв. *Виндгия-бали* или *Махабали*.

²⁵⁰ Первоначальные письма (подразумевая письма закона) относятся к Soui-gin-chi, который управлял народом до Фо-хи, за 3000 лет до Р. X. (Resch. sur les caract. Chinois, par le père de Mailla).

²⁵¹ Ant. des Chinois, T. 2. P. 41.

²⁵² Annales chinoises, raportées par le P. Martinus.

²⁵³ Essai sur les caract. des Chinois. Note 5. Mém. concern. les Chinois.

²⁵⁴ Rech. Sur les tems antérieurs a ceux, dont parle le Chou-king, et sur la Mith. des Chinois, par le P. de Prémare.

²⁵⁵ Quogen (по-татарски соген, каган, хан), например Khakham Египта, Халдеи или Иудеи. Назв. *Кхун* или *Кунг* – мудрец, учитель – соотносится с quogen.

²⁵⁶ «Le Bouddhisme a été une tentative de reforme de la religion brahmanique, au milieu de laquelle il s'est produit, et qui finit par

l'expulser de l'Inde apres de longs siecles de tolerance et de mepris». Le Bouddha et sa religion par Saint-Hilaire. «Буддизм был попыткой реформировать брахманскую традицию, которой он сам был продуктом. После долгих веков толерантности и презрения он был изгнан из Индии» (фр.).

²⁵⁷ По-араб. идольство – санам; по-перс. – бут или шаман; по-тур. – гут.

²⁵⁸ Herbelot.

²⁵⁹ Dinast de Manethon. C. J. Potocky.

²⁶⁰ Die Nabatäische Landwirthschaft. Alf. von Gutschmid. Zeitsch. der Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft. 15 Band, 1 Heft.

²⁶¹ «Nemruda erscheint in der Nabatäischen Landwirthschaft als Eroberer von Babylon und Stifter einer Kanaanaischen Dynastie, welche den Reichssitz nach Kûthsa-Rijjâ verlegte». «Появляются у набатейских земледельцев как Эроберер в Вавилоне и Штифтер в Канаане, который сделал престольным город Kûthsa-Rijja» (нем.)

²⁶² El-Schith – III.

²⁶³ Achnûcha el Kana`ani сближается с Енохом, сыном Каина.

²⁶⁴ «Verkündete edlere Religionsbegriffe» (опубликованное устаревшее религиозное понятие).

²⁶⁵ «Царствовавшая религия в Вавилоне, с некоторым родом папежа или духовного калифатства во главе».

²⁶⁶ «A`Brûham war ein Kanaanäischer Imam, in Kûthsa-Rijja geboren», то есть «Был канаанским имамом. Он родился в Kûthsa-Rijja» (нем.).

²⁶⁷ Dynast. de Manethon. C. J. Potocky. Kabyres – kebr или ghebr, маг. Это название по родоначалию от heber, haver, от которого произошло и название арабов.

²⁶⁸ Буква произн. как к и г. J. Hallenberg в сочинении своем «Ex ocassione nummi Cufici de nominis Dei Gud» доказывает, что халдейское название Cûfa, Kûphah, Khuthah, Cutha однозначно с Chudda, Chudaï, Gudaï, Good, Gud, арабск. Gahd. По «Tromler's abbild. der Jacobitischen oder Coptischen Kirche», Copti значит обрезанные; но, без сомнения, это значение только в отнесенительном смысле.

²⁶⁹ «Les prédécesseurs d'Aménophis (roi de Thebes) avaient régné sous le bon plaisir d'Egyptus, ou Sethosis, dont la mort rend

la liberté au naturels de l'Egypte» (Dun. de Manethon. С. J. Potocky). «Предшественники Аменофиса, царствовали в удовольствии в Египте, где смерть Сетоса приносит свободу жителям страны» (фр.).

²⁷⁰ «Dautres écrivains disent, que les roi-pasteurs étoient Arabes» (Manethon). «Другие авторы говорят, что цари-священники были арабами» (фр.).

²⁷¹ То есть совершить посвящение в присутствии божественных сил (*девас*). В Индии при посвящении на царство общались восемь частиц девов мирохранителей (*локапалас*), и царь (*Раджарх*) воспринимал их силы и свойства. Родоначальник царей, Вишну – Хари, Харанна собственно значит освященный, посвященный.

²⁷² Скалигер упоминает, что у ефиопов священный сан назывался *rapasath*. Нет сомнения, что это искажение названия *ласупати* – отец паствы.

²⁷³ Знаки прокажения знач. знаки обрезания.

²⁷⁴ *Тифон*, сын Тартара, Титан, противник богов света.

²⁷⁵ Herbelot.

²⁷⁶ Herbelot.

²⁷⁷ Dict. linguistique. par Jehan.

²⁷⁸ См. наше объяснение значения старейшего по происхождению лунного рода, браминов – Асурас, и солнечного рода, Девас или Сурас – господствующего, царственного.

²⁷⁹ Предисловие к четырем статьям из Зендавесты проф. К. Коссовича.

²⁸⁰ «Подроб. свед. о волжских калмыках», собранные на месте г. Нефедьевым.

²⁸¹ S. Munk. Traduct. nouvelle de la Bible, par S. Cahen.

²⁸² Даниил был в Вавилоне пленным при дворе Набуходоносора, который, возмечтав о величии своем, повелел поклоняться себе как Богу, в лике золотого кумира. Даниил отрекся от этого поклонения.

²⁸³ Таинственный эликсир (гашиш, или опиум), посредством которого Пээпы давали вкушать земной рай (Одиссея. IV, ст. 218–234).

²⁸⁴ См. главу XIV. Непоч, по восточ. писателям, назыв. Идрис, или Меркурий Трисмегист. По сказ. арабов, он положил начало идолству (Refi. sur l'origine des anc. peuples. Fourmont).

²⁸⁵ Набатейская рукопись.

²⁸⁶ В Тримуртизме *падма* – аум духовный, *линга* – аум вещественный.

²⁸⁷ Lib. XXX.

²⁸⁸ Зороастр (Заратуштра) жил, по преданию, в VII-VI веках до н.э.

²⁸⁹ Сознание, для которого нет иного выражения, кроме символического, знаменательного.

²⁹⁰ С. Plinii Sec. Naturalis Historiae. L. XXV, 5; Lib. XXX, 1, 2, 3. Плиний приводит чудеса, производимые действием трав. Растение *balis* даже воскрешало мертвых.

²⁹¹ В Пуранах легенды о создании, рушении и возрождении миров; генеалогия богов и пр.

²⁹² *Indiens alte Gesch.* Т. Kruse.

²⁹³ Египетское *нипенте* (в надп. встречается NHNIINΘЭ) и греческое *ἀθάνατος*, кажется, имеют один источник: *Pāv*, *Φονός*, *Faup*, *Funus* с отрицательными в Егип. *NH*, а в греч. – *ᾶ*.

²⁹⁴ В греческом, как и в готфском языке, *sk* заменяло букву *c* и *ш*. Мы уже объяснили выше, что *скифы*, *сколоты*, *skuafa* есть измененное название сайва или сайпан – сиваитов, поклонников Сивы.

²⁹⁵ Жена *Οξυαρίς* (*Assuerus*) или Ардшира, восстановителя закона, изрекшего мудрое слово: «Не употребляй меча, где достаточно палки».

²⁹⁶ *Зрван* – Время (Брама?).

²⁹⁷ Или, вернее, – священного куста, напоминающего явление божества, дарующего закон, в пламени купины.

²⁹⁸ Греки знали Нот под именем *ἄνωμος*.

²⁹⁹ *Сарасвати* или *Зарасвати* можно передать словом *царственная*, от *sara* – власть, сила, могущество.

³⁰⁰ В астрономическом значении эти миры (планеты) посвящены: 1. *Сани* (трехвенечный Сатурн), обитель Браммы (маханатма); 2. *Врихаспати* (Юпитер) – Браммы (атма, духа); 3. *Мангала* (Марс), обит. Вишну; 4. *Сома* (луна), обит. Сивы; 5. *Сурья* (солнце), обит. Индры; 6. *Сукра* (Венера), обит. Варуна (Митры – матери божеств); 7. *Будга Касьяпа* (Меркурий), обит. Агни – познания обрядов веры. Касьяпа есть собственно учитель и учение амрита, чаши бессмертия.

³⁰¹ Знач. освещение, просвещение. Иамо есть олицетворение суда божественного, царь суда, познание доброго и лукавого.

³⁰² Смотри первую статью из Зендавесты, перев. г. Коссовича: Гаума и Заратустра.

³⁰³ *Мана* – значит мысль, дух познания. Ману – олицетворение, а потому «Манава – дгарма – састра» значит дух, познание правил закона, а при олицетворении – правила закона, Ману.

³⁰⁴ Пользуемся переводом г. Коссовича в сокращении.

³⁰⁵ «Позднейшее его название джем, джемшид. Джем приняло значение чаши, джемшид – чаша света».

³⁰⁶ **Јато вед и сравнивается с Сатурном; он есть олицетворение суда, сам Сива в этом свойстве.**

³⁰⁷ *Сама* – название рода; без сомнения, Гаума называет саманеян, т.е. буддистов.

³⁰⁸ Первый Гаума Вивасвата – духовный, непроявленный.

³⁰⁹ Ведическое солнце – триликое, тримирное, трисветлое. *Трайо* – название трех вед; тану, лик, тело.

³¹⁰ *Асвамедга* – жертва ведическому коню (божеству видимой вселенной; см. 1-ю брахманнам Белой Яджур-Веды). *Пурушамедга* – жертва духу и душам умерших.

³¹¹ *Ахура-мазда* – великий огонь; *Ахура* – азер, от санскр. *асара, асира, асура* – огонь, солнце вещественное, и *мазда* (маха, мазе) от санскр. *махат* – magnus.

³¹² *Анро-mano* – нечистый дух; от ан-арья – нечистый, и mano – дух. В санскр. арьяя – чистый, благий, анарьяя – нечистый; мана – дух, мысль, познание.

³¹³ Часть растительная принадлежала Амердаду, который произвел тысячи различных растений против тысячи болезней, произведенных Ариманом.

Бун-дехеш (Космогония парсов). Анкетиль. Т. 3, стр. 362.

³¹⁴ По Туллию (в 3-й кн. «Теогонии») было пять Минерв: три упомянутые, четвертая рожд. от Юпитера же и Корифеи, дочери Океана; пятая рожд. от гиганта Палла. Но Туллий замечает, что пятая, Паллада, есть та же самая, что и третья; а так как Корифея есть мать Паллады, и значит $\chi\omicron\rho\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega$ – вооружать, то и четвертая Минерва есть та же третья.

Маги и мидийские каганы XIII столетия

Публикуется по: Вельтман А. Маги и мидийские каганы XIII столетия. М.: В Университетской типографии, 1860.

Третья часть из авторского сборника «Исследования о свевах, гуннах и монголах». Она посвящена древней религии в Мидии и Парфии. Совершенно новаторская для своей эпохи.

Примечания автора.

¹ Amm. Marc. L. XXXI, 2.

² Just. L. XLI, 1, 2, 3.

³ Iorn. De Getarum sive Gothorum origine. Cap. 24.

⁴ Iorn. Cap. IX.

⁵ «Und endlich darf nicht unbermekt bleiben, dass der Name Mongol oder Mungchu vielleicht auch nichts anders ist, als der Name Mandschu, in welchem letztern, der Kehllaut in der Zischlaut ubergegangen ist», т.е. «И наконец, нельзя не заметить, что слово *монгол*, пожалуй, не что иное как манчжу, в котором гортанный звук переходит в шипящий» (*нем.*). (Das Sprachgeschlecht der Titanen, von J. Ritter von Xilander.)

⁶ Записки о Монголии, монаха Иакинфа. Ч. III. Стр. 2.

⁷ Так, например, проложены походы Александра: Carte des marches et de l'Empire d'Alexandre le grand, dressee pour l'ouvrage de M. de S-te Croix, intitule: «Examen des Historiens d'Alexandre», par J.D. Barbie du Bocage.

⁸ Hist. Geneal. de Tatars, 1726, par D... page 451, not. (a). В рус. акад. переводе – т. 2, стр. 83.

⁹ Армяне называли таджиками – *dadjig* – все южные кочевые племена туркменов и курдов. Dulaurier в «Bibl. Hist armeninne» приводит толкование этого слова д'Оссоном и Нейманом («Transl. from the chinese and armenian»). **Первый говорит, что сирийцы называли некогда арабов тауоуе, а второй слово таджик производит от китайского та-уе. Исторические и филологические толкования хинологов вообще сомнительны.** В «*Boundehesch*», или «Космогонии парфов», значение названия таджиков объяснено: «Джемшид, имея уже жену Джаме, взял себе в жены и дочь Дива (демона), а сестру свою, Джамек, отдал за Дива (демона). От этих сочетаний произошли племена проклятые, нечистые, черные. Когда явился Феридун, он изгнал этих таджиков (по родоначальнику их Tadj) из стран Ирана».

¹⁰ К Иафетову племени принадлежала и *Албания*. По Страбону, местность *Албан* была по левую сторону Куры. «Когда нужно было вести войну, албаны соединялись со степными соседями и

с иберами. Они поклонялись Солнцу (Митре), Юпитеру (Ормузду), и в особенности Луне (Маг), которой храм был в соседстве с Иверией. Главный жрец в достоинстве первый по царю управлял не только священной областью, но и всеми жрецами прочих мест».

¹¹ По Хондемиру, придворному врачу и визирю Ходже Рашиду поручил *собрание летописей султан Махмуд-Газан*; но название султана и имя Гассана, вероятно, получил он, приняв со всеми мугулами ислам: «Газан-хан звездой своего восшествия (1266 г.) осветил мир, и в тот же день издан был ярлык, которым повелевалось мугулам ниспровергнуть основания неверия, принять высочайшую мусульманскую веру». Сочинение Рашида Джамии-ут-Таварих (собрание летописей) заимствовано частью и из сочинения Ала-уд-дина, описывавшего историю завоевателя мира (т.е. Гулагу-хана) («Ист. монг.» В. Григорьева).

¹² Что значит, говорит Хондемир по-турецки, собрание князей, нойонов и всех вельмож мугульских. Нет сомнения, что персиянин искажил название народных сеймов, которые и в Азии были в Юрьев день.

¹³ Здесь прозвище *лик Божий* ясно относилось к божеству на белом коне.

¹⁴ Смотри Зендавесту.

¹⁵ Hist. de Georgie, par M. Brossel.

¹⁶ История монголов, перевод с персидского В. Григорьева.

¹⁷ Asie, par J. Andriveau Gonjon.

¹⁸ См. «Путеш. в Хиву» Н. Н. Муравьева.

По сношению кайсаков с узбеками, узбекские колена, кипчак и найман, считаются и в числе киргизских. По родословной Абульгази, киргизы также ведут свои происхождение от Чингисхана.

¹⁹ По Ксиландеру (*Das Sprachgeschlecht der Titanen*), «китайцы называют Тибет Thu-fan, что можно читать также Thu-ro или Thu-bo, т.е. Tobbot. Монголы же эту страну называют Tanggut; bei Tanggut kann aber auch an Tung-chu, Donki und die verwandten Tungusen gedacht werden. Под словом *тангут* можно также Тунгчу, дрики и другие родственные тунгузам племенам подразумевать» (нем.). (S. 382).

²⁰ «Die Nogai nennen sich selbst Mankat», т.е. «Нагайцы сами называют себя манкат» (*Das Sprach geschl. der Titanen*, S. 358).

²¹ По Абульгази – Судай-Багутур и Чен. По Хондем. – Субедай и Джебе; по русским летописям – Субедай.

²² По Хондемиру, Чингисхан оставил сей тленный мир в 654 году Эгиры, и след. – в 1256 году.

²³ Нет сомнения, что это разведование потребовал Иван IV по европейским сведениям. В доставленной сказке и росписи они упоминают, разумеется, по слухам, о находящихся на юге царствах – Турском, Тунгуцком и о царстве *«Город-шар, а царь в нем Темир железный»*.

Карамзин объясняет, что *Город-шар* есть Кашгар; но должно скорее принять *Город-шар Темира Железного* за *Темир-Хан-Шура*, столицу могучих аварских ханов (Ист. гос. росс. Т. IX. Прим. 648).

²⁴ Под названием *половцев* и *куман* должно понимать древних козар, которые населяли Крым и степи по Кубани и Куме. С VIII столетия они были под влиянием иудейства, исламизма и шагмунизма и в XIII столетии составляли смесь различных языков. Анна Комнина пишет, что куманы и печенеги были народы одного языка.

²⁵ Троицкая летопись.

²⁶ Ипатьевская летопись под 1266 годом. Там же: *«во всех землях русских и угорских»*, *«волхвы угорские»*. При этом случае летописец, по рассказам новгородца Гуря Тогоровича, смешивает Угру Северную (Ингрию) с Угрией Кавказской. *«Суть горы идучи к Лукоморью, им же высота до небеси, и в горах тех ключ велик... се суть людие заклепаны Александром Македонским Царем, яко же сказа о них Мефодий Паторийский...»* и т.д. Упомянутое Лукоморье относится к набережным Крыма в соседстве Кавказа, по которым и половцы назывались лукоморскими или лукоморцами. См. Ипатьевскую лет. под 1193 годом и Киевскую летопись в «Ист. гос. росс.» (Т. III, прим. 74).

²⁷ *«Гог и Магог»*, – пишет монах Бакон, – о которых упоминают Иезекииль и Апокалипсис, заперты в этих странах, как говорит св. Иероним. Гог, народ скифский, живущий между Кавказом, Меотидой (Азовским морем) и Каспийским морем, простирается до самой Индии. *Все, зависящие от князя Гога, носят название магог*. Орозий и некоторые другие предсказали, что жиды этой страны будут истреблены». Бержерон, по Joinville, Nangis и другим, говорит, что Гог и Магог Священного Писания собственно то же, что goths и magoths.

²⁸ Различные писания имени Амона.

²⁹ Солончак по-арабс. млух.

³⁰ Плано-Карпини также упоминает об этом очищении посредством прохождения через огонь: «Когда надлежало нам идти ко двору Батыя, то нам сказали, что мы должны пройти через два огня. На это мы никак не соглашались; но они сказали: “Ступай без опасения! Это мы делаем для того, что ежели вы имеете злой умысел против нашего Государя или носите при себе яд, то огонь истребляет все злое”. – “Если так, то мы готовы”, – отвечали мы».

³¹ *Дева-с* – название божества в тримуртизме Индии.

³² Это, собственно, религия *зендов*. «По всем соображениям исследований, – говорит Анкетиль, – я убедился, что *зендский язык* был в употреблении еще до Р.Х. по преимуществу в странах по западную сторону Каспийского моря: в Мидии Северной или Азербиджане, в Грузии и Иране».

³³ *Zend-avesta*. T. I. Part. 1. P. CCCXIX.

³⁴ По-арм. *хур*, по-зендск. – *хуро*.

³⁵ Этот священный куст *Хом* родится в горах Ширвана, Гиляна, Мазандерана и в окрестностях *Иезда*.

³⁶ *Jesch-Sades*. XXXIX. В Индии *Хом* значил *жертва Агни* или *стихии огня*.

³⁷ И тот же *Митра* гебров, или *Мегер*; у армян то же божество огня называлось *Мигир*, и храм его был в Багариндже или Багаяриче, в Держинском округе Верхней Армении. По-арм. *Хур-Ормездакан* – *огонь Ормузда*. *Хур*, по-зендски *Хуро*, называется сыном Ормузда (Моис. Хорен., перев. Н. Эмина. Прим. 344).

³⁸ Рюйсбрек не понял, что это название относилось к верованию, и упрекнул татар собственным невежеством (Сар. XVIII).

³⁹ В предании о *Дженгисе* (Haiton. Hist. orientale) есть намек на коренное сказание об исходе из египетской земли. *Дженгису* явился во сне воин в красной одежде на белом коне (Мифра парфов) и повелел ему покорять страны. Но море мешало. Тогда воин повелел морю отступить на 9 шагов и дать проход *Дженгису* с народом.

⁴⁰ D'Herbelot.

⁴¹ Название от *siraci*, которые жили и по Каспию и при Азовском море.

⁴² Этот город алан-яссов был покорен татарами при помощи русских князей в 1277 году. «Того же лета Дмитрий Александрович Тетяков взял» (Новгор. лет. – Ист. гос. росс. Т. IV. Прим. 159).

В путешествии Плано-Карпини, совершенном в 1246–1247 годах, упоминается о взятии Ясского города (в 1277 г.): «Но на-

роды, противящиеся по сие время татарам: великие инды, манги (mangie), часть азии и из катаев яссы (et de Cathays les Sayes)». – Карамзин полагает, что ныне этот город – Дедух или Дивень (?).

⁴³ Страна по северную сторону Кавказа.

⁴⁴ Вероятно, из Лиона, куда папа Иннокентий IV удалился в 1244 году от преследований императора Фредерика II под покровительство Людовика, прозванного Святым, и где оставался до 1250 года.

⁴⁵ Здесь необходимо, однако же, привести и слова *Густинской-Прилуцкой хроники* XVII века, составляющей исторический сборник о Западной Руси из русских, польских и иных источников. В этой хронике поездка Даниила Романовича к Батыю отнесена к 1244 году: «Даниил поиде к Батыю чрез Киев, в Киеве бо тогда бе Дмитро Ейконович (в Ипат. летоп., откуда почерпнуто это сведение, – Ейкович), воевода Ярослава Всеволодович Московского (вместо Владимирского).

Под 1246 годом (вероятно, по запад. изв. о путешествии Плано-Карпини): «В сие же лето посла Иннокентий Папа послы своя, намолвляя Батыя с татарами креститься. Он же отвеща: “Не полезно есть храброму народу креститься, иже любят кровь проливати, а христиане понеже всего возбраняют, сего ради не храбры во брани”».

Под 1247 годом: «Данило Романович, по славной победе в чехах, начат славен быти, яко и папа Римский величаше его и присла ему свое благословение и знамена королевские... и коронова его на королевство русское легат папежа Иннокентия Четвертаго, во граде Дорогочине (вместо Холма)».

«В сие же лето убиен бысть Батый, царь татарский, во угрех, от Владыслава Святаго, царя угорскаго, иже быть царем по Беле, научен веры Савою Сербским; по Батыю (не разобрал слова) царем в татарех сын его Сартак или Азбек».

⁴⁶ *Wilh. Van Ruysbroek*, монах ордена меньших братьев, родом из Брабанта. Имя по селению на Самбре *Rusbroc*, или *Ruisbroesch*, откуда он был родом.

⁴⁷ Мы навлекаем из Рюйсбрека только описания пути, перемешанные рассказами о нравах и обычаях татар, в свою очередь перемешанных с нравами и обычаями другим народов.

⁴⁸ Т.е. *Босфор*, который по большей части слыл устьем Танаиса.

⁴⁹ С воловьими подводами при конных путь естественным образом продлился; за что же упрекает Рюйсбрек купцов, советовавших ему ехать на переменных лошадях в своих повозках, для избежания медленности перевьючивания, разумеется, не предполагая, что при посольстве будут следовать две воловьы подводы.

⁵⁰ Константин Багрянородный упоминает о крепостях между Херсоном и городом Босфором, между Херсонской областью, отделявшеюся рвом от округов босфорских. Это были пограничные города (крепостцы, стражницы), называвшиеся *castellae judaeorum* или *gothorum*, ибо восточный принадлежал Босфорскому царству Азии, впоследствии Козарскому, состоявшему из 9 округов, управлявшихся каганами иудейскими.

⁵¹ В предыдущей X главе Рюйсбрек упоминает, что команы имеют обычай ставить на могилу статую, обращенную лицом к востоку и держащую около пупа в руках чашу. «Они воздвигают также пирамиды».

⁵² Название *Каф-чак* (страны на севере от Грузии) упоминается и в армянских летописях. *khaph`tchig* означает вообще египтян, эфиопов, мавров (Chron. De Matthien d'Edesse, par E. Dulaurier).

⁵³ Смешивая Хазарию Черноморскую с Карпатской, Плано-Карпини упоминает и о Греции.

⁵⁴ У азиатских писателей – бертасы, вероятно парфасы (*араб.*). По Массуди русы (при Святославе) явились на кораблях на Каспийском море; изгнанные жители Аррана, Азербиджана и Байлакана бежали в степи *Bardaas*, в Гилан, в Горган (Грузию) и Тебристан.

⁵⁵ Арабск. Хавар-земи могло значить земли по Гебру, или земли Гебров (евр. *Хавер*). Это название Грузии было известно уже при Александре Великом.

⁵⁶ Рюйсбрек называет Грузию и *Curgie* и *Geogie*.

⁵⁷ Название *куманы*, кажется, неизвестно восточным писателям.

⁵⁸ Персидский город *Казбин* основан, по преданию, калифом Муктеди-билла-Муса около 867 года (1489) и был местом казни и ссылки. Шах Тахмас в 1577 году, не имея возможности защитить Таврис против Солимана Великого, перенес столицу в Казбан, близ горы *Alouvent* (*Voyage en Perse, par Chardin*).

⁵⁹ Обычай выезжать из столицы в стан в летнее время был некогда обычаем религиозным, что объясняется ниже; этот не-

замеченный обычай становать в некоторое время лета сохраняют шахи Персии.

⁶⁰ «Les Turcs appellent ces peuples Cherkes, et quelques geographies orientales donnent a ce peuple la denomination de Pengdagui» (Chardin. T.1, P. 118). «Турки называя этих людей Черкесы, и некоторые восточные географии давали этим пародам наименование Пен-Даги» (фр.).

⁶¹ По обычаю, искони лошади и подводы для послов брались от селения до селения, дня через два, три был отдых; обычный дневной переезд от 10, 15, 20, 30 верст, редко случается до 40 верст, смотря по удобству ночлегов.

⁶² По обычаю называть страну по главному городу казаки столицу богдыхана прозвали городом *Большим Китаем*, в середине которого стоит Магнитовый город: «а город Китай и Магнитовый стоит на ровном месте, а кругом его река, а имя ей Юхо, а впала в Черное море (Желтое?). От большого Китая до Чермного моря ходу 7 дней».

«Царство *Город-шар*, а царь в нем Темир Железный: а то царство недалече от Бухар». Без сомнения, Темир-хан-Шура. Этот *Город-шар* соседствует и с *Тунгусским царством*.

⁶³ Штриттер.

⁶⁴ По-волошки: начальник города – *капитан де тырк*, начальник почты – *капитан де почт*.

⁶⁵ Для обеспечения прокладки Кавказа на границах Китайской империи следует ученое географическое сведение, что Кавказ в протяжении своем от запада на восток царствует по обе стороны Каспийского моря – «Qui regne de part et d'autre de la mer, depuis l'Occident jusqu'en Orient». Таким образом, Кавказ кочует с места на место. Во время походов Александра Великого по Азии Кавказ при верховьях Инда; во время поездки миссионеров в *Золотую орду* – Кавказ при верховьях Оби и Енисея.

⁶⁶ *Каг'тигские горы* или Халдейские. Иосиф Барбаро в путешествии своем 1436 года в Тану пишет, что позади острова Кафы (Крыма) по берегу Великого моря находится Gothia, а за ней Алания. *Карталинию* он превращает в Gothalani и производит от gothi и alani, упоминая, что эти земли принадлежали аланам, но готы завладели ими.

⁶⁷ Так называется *Китай* по-татарски.

⁶⁸ Иоанн Дука, царствовавший в Никее.

⁶⁹ По Хондемиру и сказаниям Ала-уд-Дина-Ата-Мелик-Джувейни (в его «Истории завоевания мира»), о командировании Кублая не упоминается. Мангу-Кзан отправляет для победы брата, Гулагу, в Иран. Первым подвигом его было ниспровержение могущества молахедитов или измаилитов (ассасинов) аламутских. Все победы Гулагу происходят в Сирии и Малой Азии (Рум). «Ист. монг.» В. Григорьева.

⁷⁰ Очень естественно, что по китайским летописям император Сян-Цзун, признанный отцом Иакинфом за хана *Мынке* (т.е. Мангу), распорядился иначе: в 1252 году он отправил Хубилая для завоевания Бирманского царства Дали (?), князя *Тологай-Сакила* – для завоевания Индии, а иных князей и генералов – для завоевания Маласи, Хивинского царства, Индостана и Кашемира (?) и т.д. «В 1253 году (по китайским летописям?) послал Бицик-Берке сделать исчисление народа в России». По русским же летописям, численицы прибыли в Русь в 1257 году, и именно в тот самый год, когда «наста в татарех новый царь *Улавич* (Улавчей?) или *Занабек* (Джанибек?)», и когда «все князи поехала в татары (в Орду) и, чтивши Улавчая, приехала в свою отчину». «Той же зимы приехала численицы», или: «от него же, Занабека, посланы быши численицы на всю Русскую землю».

Из всего этого видно, что Сян-Цзун соображался, однако же, с татарскими и русскими летописями: Абульгази пишет, что Мангу послал Капляя с войском на восток; Сян-Дзун послал Хубилая по невозможности покорять Китайское море и бирманов. По Абульгази, Гулагу отправлен на Запад, Сян-Цзун отправляет князя Тологая также к Западу покорять Индию, и в дополнение генералов Детортая и Салиху-Торху – покорять Индостан и Кашемир.

Грузинская летопись также знает Хубилая и Гулагу, но под именами Кубул и Уло, и не как братьев, а как сыновей Мангу-Каена, который старшего сына Кубула посылает на Запад – воевать Вавилон, Багдад, Египет и все, что есть на западе; а меньшего сына Уло – на восток, воевать Индию (?). Но Кубулу не хотелось идти на восток, а потому он и поменялся с братом назначением с согласия отца. Мангу дал Кабулу и Уло 6 мириад всадников с их семьями, имуществом и стадами. С этим войском, снабженным всем необходимым, Уло прошел Иран, Туран, Джихун, Корасан, Ирак, и достиг наконец крепости Аламут, которую немедленно начал осаждать. Между тем Мангу умер в Катае (Khatai), Кубул

вступил на престол каенов, и несмотря на это, Уло также был провозглашен каеном областей, управляемых номнами (наибами), а именно: Ромгуаро (Romgouaro) или Корсана, Ирака, Адербиджана, Мовакана, Барда, Ширвана, всей Грузии, Кахетии (Khlath?) и Великой Греции до Азии (область Азии?) и т.д.

Таким образом, китайские летописи не согласны и с грузинскими насчет подвигов Галагу, Талогая или Уло.

⁷¹ Прим. 52 к переводу Барбаро В. Семенова.

⁷² Шарден в своем путешествии в Персию называет карталинов *caracioles*, или *carac-cherkes*.

⁷³ Здесь можно прибавить сведение Геродота, что колхидяне, подобно египтянам, эфиопам, финикиянам и сирийцам Палестины, совершали обрезание.

⁷⁴ «Le Royaume de Caket et le Carthuel sont dans l'empire de Perse. C'est ce que les Persans appellant les Gurgistan» (Voyages en Persem, par Chardin). «Княжества Кахетия и Картвели входили в персидскую империю. Это то, что персы называли Гурджистан» (фр.)

⁷⁵ Mar-Gergis. Chardin.

⁷⁶ «Столица Грузии (Georgia) Тифлис (Tephelis); к востоку земля Согасмениенс; но они были истреблены татарами. В их земле, по Плинию, жили амазонки. – Грузия и Коразмия граничат к югу с Турцией и Каппадокией» (Observ. du Moine Bacon).

«A l'Occident de cette belle plaine (Moane – Муганская степь) est la Curgie (Грузия), ou ont habite autrefois les Crosmine ou Corasmine» (Rubr., chap 50). «На Западе от этой красивой равнины, то есть Муганской степи, находится Грузия, где прежде жили хоразмины» (фр.).

⁷⁷ Название *Георгия*, *Георгияна*, следуя грузинскому наречию (Курки – Георгия) – Коркание – смешивается с названием реки Кура (Kora, Gour, Curgus). Согсан, по персидской форме названий мест, может быть Кур-Кенд, то есть город Кура (Гори?).

Грузия (Гуржем, Газран) под названием *Коразма*, то есть страны, лежащей по Куре, известна была уже во время Кира и походов Александра Великого.

По К. Курцию, шестнадцатую область, платившую Дарию 300 талантов золота, составляли *Парфия* (Адербиджан), *Хоразмия* (Гуржем, Грузия), *Sogdiana* (Гогден) и Ария (Араратская область). *Фратаферн*, правитель Хоразма, страны, смежной с массагетами и дагами, присылал к Александру послы.

По Арриану, Фаразман, царь хоразмов, приехал к Александру с 500 всадников и, объявив, что земля его соседствует с Колхидой и амазонами (гуннами), предлагал ему свои услуги в войне против народов, живших по морю Понт Эвксинский (Черному).

⁷⁸ Масса-Кгети (*зреч.*).

⁷⁹ Voyages de Chardin. Т. IX. Р. 133.

⁸⁰ Voyages de Chardin. Т. IX. Р. 146.

⁸¹ «Область Cathay граничит с востока с царством Tharsis (Парфия, Адербиджан), с запада – с Туркестаном (Малой Азии)».

⁸² Назв. *Гурия* только по форме произношения отличается от *Гургия*, *Георгия*.

⁸³ По-угорски писец – *igo*, ученый писец – *igo deac* (писец-дьяк).

⁸⁴ «Хойхорцы и киданьцы был один и тот же монгольский народ» («Зап. о монголах» отца Иакинфа. Т. 1. Стр. 205).

⁸⁵ См. «Записки о Монголии».

⁸⁶ По-кит. *Thu-fan*.

⁸⁷ «Создал письменна языка *Гаргараци*, языка, обильного горловыми звуками, бессвязного, варварского» (Моисей Хоренский. Пер. Н. Эмина).

⁸⁸ По-индостански гебров называют древним их именем – парси; в Персии – *guebran*; по-араб. *gaug*, по-турецки – *giaour*, по-евр. – *haber*.

⁸⁹ **«Qui se conserve d'abord pure dans la Georgie, l'Iran proprement dit et l'Aderbidjan», т.е. что сохраняется, прежде всего, в Грузии, бывшей части Ирана, а также в Азербайджане»** (*фр.*).

⁹⁰ Ясно, что название *хоразмы*, *коразмины* соответствует древнейшему *коракситы*, т.е. *живущие по Куре*.

⁹¹ Смотрите приложение «Об армянском алфавите» к переводу Моисея Хоренского Н. О. Эмина.

⁹² По-венгерски *igas* – письменна.

⁹³ Заметим, что о сирийских племенах несториан Катая (*Sa-thay*) упоминает и Рюйсбрек (ch. XXVIII): «Les Nestoriens qui sont la, ont les livre Sacrez en langue Syriaque, mais ils n'y entendent chose quelconque», т.е. «Несториане, что находятся там, имеют Священное писание на сирийском языке, которого они не понимают» (*фр.*).

⁹⁴ По-арм. *И-Вирк*; *Веркан* – *Ирканя*, греческая форма названия древней восточной части Грузии.

⁹⁵ По-перс. (*араб.*) *муган* значит принадлежащий магам.

⁹⁶ Но в Марко Поло она где-то далеко от Тангута, по крайней мере, судя по расстоянию 45-й главы первой книги от 35-й главы второй книги путешествия; находится же в соседстве с областью Sindinfu на реке Quianfu, а по другому чтению – Quiansu. Вообще в путешествии Марко Поло все необычные окончания су в значении река обращены в *фу*, что дает вполне китайский тон названия.

⁹⁷ Xilander.

⁹⁸ Марко Поло в гл. XXIII о гонцах и посланцах хана, а также о ямах или почтовых станциях на пути пишет, что «эти дома называются Janli». На каждом яму содержится от 300 до 400 лошадей.

О почтовых станциях упоминает уже Геродот. По Ксенофону Кир, шах Персии (за 500 лет до Р.Х.), устроил на дорогах для станции роскошные и обширные дома. Упоминаемые Марко Поло и Рюйсбреком *janli* есть ханы или, караван-сарай Персии.

⁹⁹ Здесь в манускриптах, с которых переводил Бержерон, слово *hungar(us)* употреблено, вероятно, самим Рюйсбреком, по созвучию вместо джукдар, паж, придворный юноша (в готском *ungar, junker*). Ире (Gloss, Suiogoth), изыскивая происхождение слова *ungar, junkare (ung, junge, juvenis)* в смысле **domicellus, juvenis illustrioris loci** (в древнерусск. – детеск, отрок, в сербск. – юнак), приводит из Страленберга (Desc. Russ. Bog. P. 65), что у татар крымских *чупскер* значит породу княжескую, но не от Чингисхана.

В древности юноши-заложники, дети подвластных князей, назывались внуками, племянниками. Они и были, собственно, пажами при дворах.

¹⁰⁰ Без сомнения, это была часовня.

¹⁰¹ «В начале ноября российские князья выезжали со своей дружиной из Киева в другие города, которые у них *горами* называются», и пр. (Штритер о славянах).

¹⁰² По Рюйсбреку – *Saracatum*, по Абульгази – *Sarakum*, где Угедай-хан построил великолепный дворец, по Плано-Карпини – *Sracatum*. По Марко Поло – столица *Cambalu*, а долина, куда Кублаи выезжал становать *Caciamordin*.

¹⁰³ В вершине равнины, простирающейся от Арпачая по Араксу до самого подножия Арарата.

¹⁰⁴ Близ развалин Ани развалины монастырей Кармир-кенд и Кармир-Килиси. Может быть, здесь и был Кармир-ванк, где жил патриарх Григорий II. Григорий III основал свою обитель в Гром-

глае. В северо-западных крутизнах гор Алагез, на р. Каранга, г. Хорум, а подле в горе развалины замка Хорум.

¹⁰⁵ В столице хана Рюйсбрек встретил молодого русского зодчего, который был превосходным знатоком строительного искусства, столь уважаемого и требуемого татарами, а в Каракоруме – золотых дел мастера, парижанина *Гильома Буше*.

Плано-Карпини упоминает также о состоявшем при дворе хана в Каракоруме русском золотых дел мастере Козьме, который в бытность его делал к посаду хана Куине престол, дивно вырезанный из слоновой кости и украшенный золотом и драгоценными камнями. А также он резал для хана печать.

¹⁰⁶ *Muid* вообще – сосуд и мера напитков, от лат. *modium*.

¹⁰⁷ У Рюйсбрека *serpens doree*.

¹⁰⁸ У кавказских народов *кумыс* значит вообще все квашеное, бродящее, квас; *арак* по-волошки – раку (водка), по-русски – ракия, все перегонное после затора, квашенья и переброженья. *Арак* есть то же слово с членом: аль-раки, ар-раки.

¹⁰⁹ Зала эриванского дворца, называемая зеркальной, кажется, может служить образцом описываемой архитектуры, если обыкновенный мраморный фонтан заменить в ней серебряным, в виде дерева.

¹¹⁰ В следующих главах, как мы видели, Рюйсбрек называет эти горы Кавказом, со слов жителей.

¹¹¹ Собр. путеш. к татарам *Д. Языкова*. Плано-Карпини, стр. 123.

¹¹² Название *иудеев* принадлежит только двум коленам израильским. Несмотря на это, прочие 10 колен евреев, выселенных из Палестины в Мидию, обычно прозывались на Востоке также иудеями, по различному произношению: (см. *Gesch. d. Skythen, Halling*) *джюдзь*, *джуди*, *джаф*, *jits*, *zeht*, *getes*, *chaty*. Европейские формы названия сообразны были этим.

¹¹³ См. Геродота.

¹¹⁴ По Виргилию, кроме него, Нил, истекая из гор Индии, протекает в соседстве Персии.

¹¹⁵ *Trogus Pompejus*.

¹¹⁶ *Procopius*.

¹¹⁷ Название *хан*, *кахан*, соединенное со значением этого сана – царь, первосвященник, – по сходству с собственным именем *Nano*, *Jehan*, *Gehan* могло породить название *Pretre Jean*.

¹¹⁸ Бухара от Оренбурга прямою дорогою около 1500 верст; но путь караванов увеличивается от 500 до 1000 верст, потому что они должны для отыскания кормовых мест и питья идти стороною (Опис. обит. российских народов. Изд. проф. *Георги* со сведений Миллера, Гмелина, Рычкова и пр. 1799 г.).

¹¹⁹ Адер-Бейджан?

¹²⁰ Дóлжно заметить, что собственно Грузию составляли: Карталиния, Гурия, Имеретия и Мингрелия. Абхазия и Албания (между Кавказом и Кубанью), по единоверию и, вероятно, по родству владетельных родов, относились также к Грузии. Нынешняя же Кахетия (по преимуществу степи между Алазанью и Курой), Сомхетия и Карабахская область относились к магалам гебров или иверов. При Тамаре с помощью русов Грузия овладела этими странами по Аракс.

¹²¹ В истории Грузии упоминается, что он был сын царя и великого государя Руси, Андрея, которому повиновались 300 царей. По смерти отца, гонимый дядей Всеволодом (Sawalth), он жил в Кипчацком царстве, в городе Свиндже (Swindji).

¹²² Ныне ханства Адербиджанского.

¹²³ Абульгази называет султана Джалаль-эд-дина шахом Хорезма. Мы уже упомянули, что *Choresme* есть древнее название Грузии.

¹²⁴ D'Herbelot. Bibl Orientale.

¹²⁵ Эта область была всегда целью борьбы между династиями. «История Арменской области» *Шопена*. Стр. 258.

¹²⁶ Который, во всяком случае, и существовать не мог до распространения ислама за пределы Персии.

¹²⁷ Bergeron.

¹²⁸ Марко-Поло приехал в Азию на корабле с обратным посольством нескольких венециан от хана к папе и вышел на берег Малой Армении.

¹²⁹ Мы уже упомянули, что в старинных кодексах буквы *f* и *s* очень сходны; это дало возможность издателям китаизировать азиатские названия мест по рекам с придаточным *Su* (вода, река). Все *Su* обращены Марко Поло в *Fu*: Pian-Fu, Sindin-Fu, Quian-Fu, Quelin-Fu и пр. и пр.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

ЧАСТЬ 1 ИСТОРИЯ РОССИИ И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

О воспитании.....	52
Митрополия Великой и Малой Руси на Дону с IV до IX века.....	58
Господин Новгород Великий.....	83
Древние славянские собственные имена.....	102
Русский свадебный обряд в XV столетии.....	115
Начала русской словесности.....	119
Тредьяковский.....	168
Портфель служебной деятельности Ломоносова.....	170
Григорий Савич Сковорода.....	182
Суворов.....	188
Воспоминания о Пушкине в Бессарабии.....	191
Реляции о Русско-турецкой войне.....	208
Особенно замечательные события в Европе во время войны с Турцией в 1828 и 1829 годах.....	208
Реляции о Русско-турецкой войне 1828 года.....	209

ЧАСТЬ 2 СОКРОВИЩА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Достопамятности Московского Кремля.....	223
Вступление.....	223
I. Соборные храмы Кремля.....	232
Собор Успения Божией Матери.....	232

Собор Архангела Михаила	234
Собор Благовещения	235
Патриаршая ризница	236
II. Двор царский	237
Новый Кремлевский дворец	238
III. Малый Николаевский дворец	256
Сенат	257
Арсенал	257
Монастыри	258
Московская Оружейная палата	261
Вступление	261
Царская образная	272
Древний чин царский, царская утварь и одежды	278
Царские шапки и короны	290
Царские места и престолы	303
Броня, оружие, знамена	319
Повозки, трофеи и разные вещи	338
Древняя столовая и домашняя утварь	343
Архив Оружейной палаты	355
Описание нового императорского дворца	
в Кремле московском	357
Введение	357
Местность дворца	362
Внешний вид дворца	364
Внутреннее расположение дворца	366
Древняя, или теремная, часть дворца	392
Обновление Храма Знамени Пресвятыя Богородицы	
в селе Дубровицах, основанного в 1690 и освященно-	
го в 1704 году, в присутствии храмоздателя Государя	
Царя и Великого Князя Петра Алексеевича	400

ЧАСТЬ 3

АНТИЧНОСТЬ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Начертание древней истории Бессарабии	410
Место ссылки Овидия Назона	434

Индо-германы, или сайване. Опыт свода и поверки сказаний о первобытных населенцах Германии.....	479
I. Предварительный очерк исторических соображений о коренном населении Европы.....	479
II. Сайванизм – тримуртическое верование, обряды и обычаи индов в языке славяно-русов	499
III. Корнелий Тацит о германах.....	526
IV. Перечень главных выводов	643
Аттила и Русь IV и V веков. Свод исторических и народных преданий	646
Вступление	646
Обзор исторических и народных сказаний об Аттиле....	649
I. Война прибалтийских и забалтийских славян с водворившимися в конце I века по Р.Х. на острове Зеландии готами-дакиянами.....	688
II. Неурожаи и голод на всем севере Германии в IV столетии, выход из Великой (Северской) Руси части народа на поиск новых поселений.....	702
III. Кыяне (quenaе, sbueni, kunaе, guni, hunni, ’ouvvoi)....	708
IV. Победы Эрманарика Зеландского и восстание великого князя Болемира Киевского на готов.....	717
V. Великокняжеский род владетелей кыянских, или киевских	726
VI. Аттила, великий князь Киевский и всея Русии самодержец.....	735
VII. Посольство императора Феодосия II к царю в 447 году.....	746
VIII. Каталаунская битва.....	764
IX. Предания о женитьбе Аттилы, о смерти и обряде погребения.....	779
X. Русь после Аттилы.....	795
Первобытное верование и буддизм	799
Предисловие.....	799
I. Предания о нарушении первобытного закона	812
II. Арьяварта и первобытное верование	816

III. Сущность сиваизма – тримурти	826
IV. Триединство божества – первобытное верование всех народов	829
V. Арийцы и тураны	832
VI. Отступничество от триединства – буддизм	841
VII. Буддизм материальный и буддизм мистический.....	850
VIII. Ефиопы и египтяне	856
IX. Пришлецы-египтяне водворяются в Нижней Фиваиде противниками верования туземцев	859
X. Буддизм Халдеи и буддизм Египта	864
XI. Пропаганда вавилоно-египетского буддизма.....	867
XII. Касьяпа	876
XIII. Гора жизни и гора смерти	885
XIV. Изгнание абаритов-египтян из Фиваиды	888
XV. Три Зороастра	893
Маги и мидийские каганы XIII столетия	906
Вступление	906
Монголы и Чингисхан	909
Путь от Солдая к хану Сартаку	932
Путь от Сартака до Батыя	937
Путь от Батыя к Мангу-хану.....	941
Приезд в столицу Мангу-хана	961
Родина татар-магов и мидийские кеаны или каганы.....	969
ПРИМЕЧАНИЯ	977

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национально-мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 31.07.2015 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 48,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах (*вышли*)
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.

Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.

Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.

Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.

Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.

Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.

Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.

Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.

Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.

Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.

Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.

Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.

Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.

Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.

Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.

Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.

Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.

Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.

Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.

Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.

Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.

Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.

Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.

Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.

Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.

Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.

Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.

Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.

Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

- Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
- Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
- Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
- Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
- Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
- Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
- Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
- Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
- Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
- Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
- Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
- Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
- Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
- Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
- Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
- Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
- Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
- Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
- Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
- Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
- Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
- Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
- Тимофей Буткевич, протоиерей. Верю разумеваем, 704 с.
- Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
- Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.
- Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
- Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
- Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
- Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
- Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
- Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
- Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.

- Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
- Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
- Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
- Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
- Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
- Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
- Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
- Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
- Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
- Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
- Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
- Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
- Русские люди XVIII века, 784 с.
- Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
- Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
- Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
- Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
- Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, 160 с.
- Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
- Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
- Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
- Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
- Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
- Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
- Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
- Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
- Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
- Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
- Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
- Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
- Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
- Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
- Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
- Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
- Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
- Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
- Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
- Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.

Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)